

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

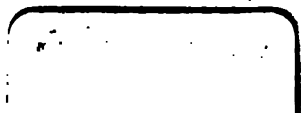
Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

~~NT. 7
B 1673~~

A K N 16753

STANFORD UNIVERSITY LIBRARY

РУССКАЯ СТАРИЦА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1872 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА БОЛОТОВА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЧАСТИ XV—XXI.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимірская, д. № 15.

1872.

Bolotov, A. T.

UNIVERSITY MICROFILMS
SERIALS ACQUISITION
300 NORTH ZEEB RD
ANN ARBOR MI 48106-1500

DK169
B6A33
v. 3

343621

STANFORD LIBRARY

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ
АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ

ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

1738—1793.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САМХІЛЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головина, Владимирская, д. № 15, кв. № 3.

1872.

H:

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОНИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМСТВЪ.

ЧАСТЬ XV.

Сочинена въ 1807 году, а переписана 1809.

ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особености о бывшихъ произшествіяхъ въ несчастное время морового повѣтрія.

1771.

(1807)

Письмо 151-е.

Любезный пріятель! Ну, мой другъ! теперь дошелъ я до того несчастнаго времени, въ которое не только мы, но все почти отечество наше поражено было неизреченнымъ смущеніемъ, горестію и печалію. Мы же всё, жившіе въ мѣстахъ здѣшнихъ, мучились и страдали такимъ расположеніемъ духа, которое изобразить никакое перо не можетъ; и расскажу вамъ не токмо все случившееся съ нами нами, но и то, что могли мы тогда слышать и узнать о происходившемъ и въ несчастной нашей старушкѣ-Москвѣ и въ мѣстахъ прочихъ.

Я упоминалъ вамъ въ моихъ прежнихъ письмахъ, что пагубной подарокъ Оттоманской Порты, которой до того извѣстенъ намъ былъ подъ именемъ моровой язвы, а тогда въ первые чумою началъ называться, выдѣрился болѣе нежели за годъ въ южные предѣлы нашего отечества, и свирѣпствовалъ уже давно и довольно сильно въ Кіевѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ къ Молдавіи, изъ которой зло сіе преселилось къ намъ, и гдѣ подтвержена была оному и вся вою-

ющая тогда еще противъ турковъ наша армія и претерпѣвала отъ него очень много.

По неизбѣжному сообщенію оной съ Россією и по всегдашней ѣздѣ оттуда и туда людей, не можно было никакъ не допустить того, чтобъ не вкралась она и въ наши предѣлы. Какія ни употребляемы были къ тому предосторожности и сколько ни надѣяно было вездѣ карантинновъ, но всёми ими ничего не сдѣлано, и, можетъ быть, болѣе оттого, что какъ бѣдствіе сіе было для насъ совсѣмъ ново и очень давно въ Россіи небывалое, то и не знали еще какъ съ нимъ лучше обходиться и какъ предпринимать противъ его надежнѣйшія мѣры. А самое сіе распространило зло сіе далѣе и допустило достигнуть ему до Москвы самой.

О сей упоминалъ уже я вамъ, что зло сіе оказалось въ ней еще въ ноябрѣ минувшаго 1770 года, и какъ нигдѣ не могло оно быть такъ бѣдственно и опасно, какъ въ семъ столичномъ великомъ городѣ, простирающимъ коммуникацію свою всюду и всюду и имѣющимъ непосредственное сообщеніе со всѣми краями государства, то удивительно-ли, что изъ ней распространилось зло сіе чрезъ нѣскольکو времени и по разнымъ другимъ не-

только городамъ, но и селеніямъ самымъ.

Послѣствовало весьма много къ тому и то, что, на новости сего бѣдствія и по неопытности еще совершенной, сначала менѣе оное уважали, сколько-бъ надобно, и по неблаговременной политикѣ долѣе оное утаиваемо было, нежели сколько-бъ принадлежало; а потому, хотя и принимали нѣкоторыя мѣры къ утушенію сего зла и къ недопущенію его распространиться, но мѣры сіи были слишкомъ еще слабы и далеко къ тому недостаточны; а оттого и произошло, что зло сіе, вѣдрившись однажды, не только не утихло, но часъ отъ часу въ Москвѣ увеличивалось болѣе, какъ о томъ и упоминалъ я, говоря о фабрикѣ суконной, о которой носилась молва, что она еще зимою вся вымерла.

Но какъ, несмотря на то, долгое время еще не былъ возбраненъ ни въѣздъ въ Москву, ни въѣздъ изъ оной, а всѣ, имѣющіе надобности въ оной, во всю весну и лѣто невозбранно въ нее ѣзжали, а изъ ней не только они, но и всѣ, коимъ только ни хотѣлось быть въ Москвѣ, безъ всякой остановки изъ оной въѣзжали и всюду, и всюду разъѣзжались; то натурально многіе изъ сихъ разъѣзжавшихся, когда не сами въѣзжали уже заразившимися, такъ вывозили съ собою многія вещи, зараженныя симъ ядомъ, и такія, отъ которыхъ могли заражаться въ уѣздахъ и въ другихъ мѣстахъ и самые люди. И Москву не прежде вздумали запретить, какъ тогда, когда было уже слишкомъ поздно и когда зло сіе сдѣлалось въ Москвѣ повсемѣстнымъ и начало свирѣпствовать уже въ полной мѣрѣ; а когда лѣдъ сей разрезенъ уже былъ всюду и всюду, тогда начали употреблять хотя уже и строгость и подѣлали множество вездѣ заставъ и карантинныхъ, но все то помогало уже мало.

Сія важная и непростительная прописка тогдашняго правительства нашего и произвела то, что всѣ, живущіе въ деревняхъ и уѣздахъ, во всю сію весну и лѣто жили спустя рукава, и до самаго сентября мѣсяца всего меньше о благо-

временномъ предприниманіи всѣхъ нужныхъ предосторожностей помышляли, а чрезъ самое то допустили вѣдриться сему злу отъ приходящихъ и приѣзжающихъ съ Москвы и въ селеніяхъ многихъ.

Все сіе рассказываю я вамъ изъ собственной опытности, ибо и о самихъ себѣ могу сказать то же самое, что говорилъ теперь о другихъ. До насъ хотя и доходили отъ времени до времени слухи о увеличивающейся въ Москвѣ заразѣ, но какъ, по пословицѣ говоря, рубили тогда еще не нашу тысячу, то и не было намъ дальнаго горя, и болѣе потому, что почитали себя отъ Москвы слишкомъ отдаленными, и увидѣвъ, что зло сіе не такъ-то скоро распространяется, какъ мы сначала себѣ воображали, думали, что къ намъ оно и вовсе не дойдетъ.

Далѣе полагали и не одинъ разъ говорили мы, что ежели-бъ зло сіе и начало къ намъ приближаться, такъ успѣть можно куда-нибудь и уѣхать далѣе; на примѣръ: если нельзя будетъ въ которую-нибудь изъ ближнихъ деревень, такъ хотя-бъ и въ самую степную козловскую или шадскую.

Таковыми-то помышленіями занимались и симъ-то образомъ старались мы сами себя ободрять и утѣшать во всю послѣднюю половину августа мѣсяца, въ которую слухи о Москвѣ стали становиться часъ отъ часу страшнѣе и ужаснѣе. Но, какъ у насъ не только вблизи, но и въ самомъ Серпуховѣ зла сего еще не было, то все-таки жили мы себѣ въ прежнемъ спокойствіи духа и продолжали прежніе свои разъѣзды и свиданія другъ съ другомъ.

Но не успѣлъ наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ вдругъ однимъ утромъ пораженъ и въ неописанной страхъ и ужасъ приведенъ я былъ извѣстіемъ, что моръ едва-ли не вѣдрился въ самое наше Туленно. Мнѣ сказывали, что въ сей деревнѣ, отстоящей отъ насъ только версты за четыре, одинъ мужикъ, принадлежащій князю Горчакову, скоропостижно умеръ, а другой, пришедшій изъ Москвы, при смерти боленъ.

Господи! какъ вострепело тогда во мнѣ сердце, какъ я сіе услышала, и какъ поразительно было намъ всѣмъ извѣстіе о столь близкой уже къ намъ опасности, а особливо, что чума завелась уже въ такой деревнѣ, съ которою имѣли мы необходимое всякой день сообщеніе и откуда къ намъ, и отъ насъ туда всякій день, и денно и ночью ходили и ѣзжали люди. Мы не иначе тогда думали и полагали, что Туленно наше въ немногіе дни вымретъ все, до единого человѣка, а между тѣмъ, того и смотри, что дѣло дойдетъ до насъ и мы такому-жъ бѣдствію подвергнемся.

Все сіе споняло насъ то и дѣло въ кучки и побуждало къ совѣщаніямъ о томъ, что намъ при такихъ опасныхъ обстоятельствахъ дѣлать, какъ себя спасать, и какія брать предосторожности? И тогда не одинъ разъ приходила мысль, чтобъ не совершилось и вправду того, о чемъ мы шута говорили, и чтобъ не заставила неволя насъ и дѣйствительно оставить домъ и все милое и немилое, и бѣжать куда зря, для спасенія своей жизни!

Словомъ, мысли о семъ не выходили у насъ у всѣхъ ни на минуту изъ головы, и мы погрузились въ такое уныніе и смущеніе, какого изобразить не можно, и надобно признаться, что дружной переходъ изъ прежняго спокойнаго въ такое неизреченно смутное расположеніе духа было для насъ очень трудно. Всѣ наши дѣла и обыкновенныя занятія сдѣлались намъ вдругъ немилы, ничего не хотѣлось дѣлать и ни о чемъ даже и мыслить.

Самые сады мои лишились въ глазахъ моихъ всѣхъ своихъ прелестей и меня по прежнему утѣшать не хотѣли. У меня начали-было заниматься въ нихъ опять осенними работами и продолжать обрабатывать нижній мой садъ уступами и складами. И я и понинѣ забыть того не могу, какъ, вышедши тогда для смотрѣнія сихъ работъ и сѣвши на краю одного уступа, подлѣ прекрасной моей березы на горѣ, стоящей предъ самыми окнами, и пригорюнившись, самъ себѣ, вадыхая, говорилъ:

«Ахъ! ужъ продолжать ли мнѣ сіи дѣла? и есть-ли для кого и для чего предпринимать всѣ оныя и такъ много хлопотать и трудиться? Черезъ нѣсколько недѣль, но что я говорю, можетъ быть черезъ немногіе только дни опустѣетъ все наше селеніе, и проклятая чума, вѣдрившись и къ намъ, перегубитъ и здѣсь всѣхъ жителей отъ мала до велика и не останется никого изъ всѣхъ нынѣ живущихъ здѣсь. И тогда что будетъ не только съ садомъ, но и со всѣмъ селеніемъ и домоу симъ? Не должны ли будутъ всѣ сіи мѣста на нѣсколько лѣтъ запустѣть и всѣ мои заведенія и труды уничтожиться и погибнуть?»

«Можетъ быть и послѣ многіе годы не захочетъ никто на сихъ несчастныхъ и опасныхъ мѣстахъ жить, и они впадутъ въ самое запустѣніе и останутся одни только сіи бугорки и уступы признаками бывшихъ тутъ нѣкогда украшеній; да и кому достанется все сіе, и кто мѣстами сими владѣть будетъ, о томъ единому Богу только извѣстно!

«Кто знаетъ, что съ самими нами произойдетъ? Мы такіе-же люди, какъ и прочіе, и такимъ-же образомъ заразиться и помереть всѣ безъ остатка можемъ, какъ бывало то я, можетъ быть, не одинъ разъ въ старину при случаѣ моровыхъ бывшихъ у насъ повѣтрій.

«Ахъ! не будутъ ли нѣкогда потомки наши и на сіи мѣста и всѣ здѣшнія земляныя мои работы и подлѣнные уступы съ такими-жъ чувствіями смотрѣть, съ какими смотримъ мы въ пустошахъ нашихъ на видимые еще и по нынѣ остатки плотинъ отъ бывшихъ въ селеніяхъ прудовъ и самыя даже гряды, бывшія на огородахъ и овинныхъ и погребныхъ ямы жителей, нѣкогда тутъ жившихъ и войнами и повѣтріями истребленныхъ. Не легко ли то же и съ симъ мѣстомъ и селеніемъ случиться можетъ? И почему знать, можетъ быть время сіе гораздо ближе къ намъ, нежели мы думаемъ и воображаемъ? Заразиться и умереть очень недолго, и тогда прости все и все. Не

взмилитя и самое лучшее и драгоценнѣйшее».

Сими и подобными сему горестными и почти отчаянными размышленіями занимался я дѣйствительно не только въ тотъ день, но не одинъ разъ и въ послѣдующій за симъ.

О чумѣ всѣ мы имѣли тогда еще очень темное и несовсѣмъ правильное понятіе, и воображали ее себѣ несравненно опаснѣйшею, нежели какова была она въ самомъ дѣлѣ. Мы не иначе думали, что вездѣ, гдѣ она ни заведется, не оставитъ она въ живыхъ ни одного уже человѣка, ибо такое мнѣніе имѣли всѣ о повѣтріяхъ морскихъ, бывшихъ въ древнія времена въ Россіи; а сіе болѣе всего насъ изумляло, устрашало и приводило въ отчаяніе.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ни перепуганы были помянутымъ извѣстіемъ, но въ тотъ день мы ничего еще особливаго не предпринимали, и я имѣлъ еще столько духа, чтобъ въ ободреніе другихъ сказать: что, Богъ знаетъ, правда-ли еще то, и такъ-ли подлинно все намъ говорятъ; а надобно напередъ хорошенько распрովѣдать о томъ.

И, дѣйствительно, наутріе послали въ деревню сію нарочнаго и велѣли обо всемъ порядочно распросить и развѣдать въ подробности; и какое неописанное удовольствіе возчувствовали и какъ обрадованы были всѣ мы, какъ посланной, возвратившись, засвято увѣрялъ насъ, что изъ всего того, что мы слышали, и половина неправда, и что чумы тамъ вовсе еще нѣтъ, а случившееся далеко не таково страшно и опасно.

Онъ рассказывалъ намъ, что мужикъ хотя и умеръ дѣйствительно скорострѣжно, но онъ былъ больной и дряхлой и давно уже не работалъ; а другой больной мужикъ вовсе и въ Москвѣ не бывалъ, а былъ только въ подмосковной, и боленъ ногами, и неопасною болѣзнію.

— Вотъ, сударыни! воскликнулъ я, прибѣжавши къ своимъ домашнимъ и сказывая имъ сіе радостное извѣстіе: не правда-ли моя, что можетъ быть все дѣло и не такъ, какъ теперъ и оказалось. На-

родъ намъ любить во всему прилыгать и прибавлять.

Но не успѣли мы, такъ сказать, перевести духъ и успокоиться опять нѣсколько, какъ въ тотъ же еще самый день поражаетъ меня другое, и того еще страшнѣйшее извѣстіе. Сказываютъ мнѣ, что морь есть уже и въ Нижней-Городиѣ и что мужикъ, да двѣ бабы, ни горя, ни боля, въ ней померли.

Какъ ни страшно и ни поразительно было для насъ сіе новое извѣстіе, но мы испужались уже гораздо меньше и тотчасъ сказали: «но, Богъ знаетъ, правда-ли и точно-ли такъ? не прибавляютъ ли и тутъ что-нибудь, какъ по туленскому дѣлу?—Надобно и о семъ узнать короче и распрովѣдать».

А по самому сему слухъ сей и не въ состояніи былъ насъ остановить въ предпринимаемой въ сей день ѣздѣ, ибо господа наши расположились въ сей день ѣхать въ село Савинское, гдѣ поднимали тогда на церковь крестъ, и имъ сію церемонію видѣть хотѣлось; а я, съ Михаиломъ Матвѣевичемъ, расположился съѣздить къ другу моему, господину Полонскому, у котораго мы тогда и были. А по возвращеніи оттуда, имѣлъ я удовольствіе узнать, что и послѣднее извѣстіе о Городиѣ не совсѣмъ было справедливо; но происшествіи, случившіяся тамъ, были такого рода, что опасности никакой отъ того не предвидѣлось. Все сіе случилось 3-го и 4-го числа сентября мѣсяца.

Успокоившись отъ сего испуга и напраснаго еще страха, принялись мы за прежнія дѣла и упражненія; и какъ около сего времени поспѣли и всѣ яблоки въ садахъ, и сямъ былъ отиѣнно хороший родъ въ сіе лѣто, то приступилъ я съ спокойнымъ духомъ къ сниманію оныхъ съ деревъ и убиранію къ мѣсту. А кончивъ сіе дѣло, съѣздилъ я съ родными своими въ Калединку для празднованія тамъ праздника ихъ, Рождества Богородицы, въ которомъ празднованіи и развѣздахъ тамъ по разнымъ гостямъ и провели мы нѣсколько дней

и не прежде домой возвратились, какъ 11-го числа; да и къ сему принудило меня то, что я, будучи въ Каледникѣ, нѣсколько позанемогъ, а прїѣхавши въ домъ, совсѣмъ-было разнемогся; но, по счастью, жаръ и все прочее прошло очень скоро.

Съ сего времени по самый почти конецъ сего мѣсяца не произошло собственно у насъ ничего почти особеннаго; и хотя слухи о распространяющемся чумѣ отъ часу болѣе моровомъ повѣтрїи продолжались, но мы, будучи помянутыми двумя происшествїями нѣсколько подкрѣплены, не такъ много ихъ уважали и не слишкомъ давали имъ себя смущать, но продолжали развѣзжать, какъ и въ спокойныя времена, почти ежедневно по гостямъ, или угощать у себя къ намъ прїѣзжающихъ.

Но, при случаѣ одного такого выѣзда, перетрошены мы были однажды чрезвычайно, а именно, въ одинъ день прїѣзжаетъ къ намъ гость, нѣкто г. Карповъ, и пробывши у насъ сутки, расположился съѣздить отъ меня къ господину Полонскому и подговорилъ съѣздить туда же вмѣстѣ съ нимъ и мою тещу.

Но, что-жъ! случись въ самое то время, какъ они были у господина Полонскаго, прїѣзжаетъ къ нему прямо изъ Москвы и уже изъ зараженнаго чумою дома его теща, ускакавшая безъ памяти изъ сего города. Наши крайне были тѣмъ перепуганы, ибо въ тогдашнее время всѣ прїѣзжіе съ Москвы были для всѣхъ крайне опасны, и будучи не радъ, что туда заѣхали, спѣшили, какъ возможно скорѣе, оттуда уѣхать.

Признаюсь, что неприятно было и мнѣ, что имъ и людямъ нашимъ случилось вмѣстѣ быть съ прїѣзжими изъ Москвы. Но какъ испужался я, когда на другой день послѣ того, проводивъ отъ себя господина Карпова, услышалъ я, что теща моя стала жаловаться, что у ней вдругъ заболѣла очень нога, покрасѣла, горѣла и сдѣлалась на ней страшная инфламация.

— «Ахъ, батюшки! возопилъ я самъ въ себя, будучи въ душѣ своей крайне симъ встревоженъ. Уже не моровая - ли это

язва и не смертоносной-ли нармъ хочеть это дѣлаться? Уже не захватила-ль она подарка сего въ Зибинкѣ отъ ускакавшей изъ Москвы тещи г. Полонскаго? Уже не сидѣла-ли она подлѣ сей прїѣзжей и, можетъ быть, уже заразившейся чумою, и не пристала ли она къ ней уже отъ сей гостьи? — О, Господи! что тогда съ нами бѣдными будемъ, вѣдь и мы всѣ заразимся отъ ней и погибнуть будемъ должны.»

Словомъ, я перетревоженъ былъ тѣмъ неизобразимымъ образомъ, и хотя принявъ наружной спокойной видъ, я и ободрилъ ее, говоря, что это ничего не значить и что, конечно, она ногу свою какъ-нибудь простудила и хочеть быть это рожа; но на умѣ у меня было совсѣмъ не то, а трепетали во мнѣ даже всѣ члены.

Къ явшему-жъ сматенію моему прїшли къ намъ въ самый тотъ-же день съ повѣсткой изъ города и съ строгимъ приказаніемъ, чтобъ вездѣ въ деревняхъ, на всѣхъ выѣздахъ и въѣздахъ становили заставы и брали возможнѣйшія предосторожности отъ разможжающей повсюду моровой язвы.

Посланные сіи сказывали намъ, что всѣ уѣзды раздѣлены на многіе участки, и что въ участки сіи опредѣлены нѣз живущихъ въ нихъ дворянъ, такъ-называемые, частные смотрители, и имъ накрѣпко приказано за всѣми селеніями, въ ихъ частяхъ находящимися, имѣть наиприлежнѣйшее смотрѣніе и всегда ихъ осматривать; а въ случаѣ несчастія употреблять всѣ предосторожности и принимать нужныя мѣрм, и что поводъ къ сдѣланію всѣхъ таковыхъ распоряженій подало то, что въ Москвѣ, за выѣздомъ изъ ней всѣхъ знатныхъ и самого главнаго начальнива, господствуетъ почти совершенное безначаліе, и что народъ разбѣгается въ разныя стороны и разноситъ съ собою уже страшнымъ образомъ увеличившуюся язву, отъ которой всякой день помираеть многое множество народа. И такъ-де нужно, чтобъ сихъ разбѣгающихся всюду и всюду людей нкуда

не пускали или, хватая, запирали въ особыя мѣста и держали ихъ, какъ въ карантинахъ.

Теперь представьте себѣ, любезный пріятель, каково было мнѣ, встревоженному и безъ того болѣзнію моей тещи, слышать все вышеупомянутое. Признаюсь, что минуты сіи были для меня тяжелы очень и день сей преисполненъ множествомъ трудовъ, заботъ, смущеній и безпокойствъ; ибо какъ опасность сдѣлалась тогда уже достовѣрною, то нечего было долго думать, а надобно было и для собственной своей безопасности поспѣшить исполненіемъ повелѣваемаго.

Итакъ я, созвавши своихъ деревенскихъ сосѣдей, ну-ка вмѣстѣ съ ними самъ ходить по всѣмъ въѣздамъ и выѣздамъ въ нашемъ селеніи, и одни, при себѣ, заставляли наглухо, загораживать и заглушать, а на необходимѣйшихъ становить изъ людей и крестьянъ нашихъ заставы и учреждать строгіе караулы съ неугасимыми огнями, и приказывать нарѣдко никакихъ постороннихъ и незнакомыхъ людей въ селеніе не впускать, а изъ знакомыхъ проѣзжихъ окуривать и не давать имъ воли останавливаться, а провожать ихъ поскорѣе изъ селенія вонъ.

Не успѣли мы все сіе кончить, какъ вдругъ, 21 числа сего мѣсяца, поражены неописаннымъ образомъ всѣ мы были страшнымъ извѣстіемъ о случившемся въ Москвѣ великомъ несчастіи, и бывшемъ въ оной страшномъ ятежѣ, возмущеніи и убивствѣ архіерея московскаго.

Господи! какъ перетревожилъ и смутилъ всѣхъ насъ тогда слухъ о семъ печальномъ проишествіи! Намъ случилось тогда быть всѣмъ вмѣстѣ, какъ мы сіе извѣстіе услышали и насъ оно такъ всѣхъ поразило, что мы остолебенѣли и не могли долго ни одного слова промолвить, а только другъ на друга взглядывали, и насилу-насилу собрались съ духомъ и начали разсуждать и говорить о семъ предметѣ. И чего, и чего не придумали мы тогда о могущихъ произойти оттого печальныхъ и бѣдственныхыхъ слѣдствіяхъ!

Поводомъ къ несчастному проише-

ствію сему и обстоятельства онаго были, сколько намъ тогда по разноскавшимся слухамъ и по письму одного самовидца, имѣвшаго въ семъ бѣдствіи личное соучастіе, было извѣстно — слѣдующія:

Какъ скоро язва въ Москвѣ такъ сильно начала усиливаться, что не можно уже было удержать ее въ предѣлахъ, какія предосторожности и старанія къ тому употребляемы ни были, и чума взяла верхъ надъ всѣми полагаемыми ей препонами; то сіе такъ всѣхъ живущихъ въ ней устрашило, что всякій, кто только могъ, сталъ помышлять о спасеніи себя бѣгствомъ и дѣйствительно уѣзжалъ и уходилъ изъ сего несчастнаго города, а особливо, узнавъ, что не было къ тому и дальнаго препятствія. Ибо, сначала хотя и учреждены были при всѣхъ въѣздахъ и выѣздахъ строгія заставы, невыпускавшія никого изъ Москвы; но сіе продолжалось только до того времени, покуда имѣлъ самъ главнокомандующій тогда Москвою, старичокъ фельдмаршалъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ въ ней свое пребываніе, и находились также и всѣ военныя команды въ городѣ.

Но, какъ для увеличивающейся съ каждымъ днемъ опасности принуждены были и всѣ почти послѣднія вывести изъ города въ лагерь, да и самъ главнокомандующій уѣхалъ въ свою подмосковную деревню; — то ослабѣла сама по себѣ какъ полиція, такъ и прочія власти, и Москва поверглась въ такое состояніе, которое походило почти на безначаліе, и очумленная общимъ и повсемѣстнымъ несчастіемъ, глупая чернь дѣлала что хотѣла, ибо ни смотрѣть за нею, ни дѣйствія ея наблюдать было некому, а всякому нужно было только о самомъ себѣ помышлять.

При такомъ критическомъ положеніи, когда изъ господъ и дворянъ никого почти въ Москвѣ не было и въ домахъ ихъ находились оставшіе только холопы, и тѣ голодные; раскольники же и чернь негодовали на учрежденіе карантинныхъ, запечатаніе торговыхъ банъ,

непогребеніе мертвыхъ при церквахъ и на прочія комиссією учрежденныя распоряженія, которыя были не по ихъ глупому вкусу.

Не оставили и попы съ своей стороны дѣлать злу сему возможнѣйшее споспѣшествованіе, будучи движимы корыстолюбіемъ и желая отъ народа обогатиться. Нимало не изъ благочестія и истиннаго усердія, а единственно изъ корысти учреждали они по приходамъ своимъ ежедневныя крестныя ходы, и сдѣлали сіе безъ всякаго отъ начальства своего дозволенія. Но какъ народъ отъ сихъ скопищъ при ходахъ еще пуще заражался, ибо мѣшались тутъ больные, и зараженные и здоровые, то попы, увидѣвъ, наконецъ, что они отъ доходовъ при сихъ богомоліяхъ, заражались отъ другихъ, и сами стали помирать, какъ то имъ отъ архіерея было предсказано, сіи хожденія со крестами бросили.

Но праздность, корыстолюбіе и проклятое суевѣріе прибѣгло къ другому вымыслу. Надобно было бездѣльникамъ, выдумать чудо и распустить по всей Москвѣ слухъ, что не вся надежда еще потеряна, а есть еще способъ избавиться отъ чумы чрезъ поклоненіе одной иконѣ.

Орудіемъ къ тому были двое: одинъ гвардейскаго Семеновскаго полку солдатъ, Савелій Бяковъ, а другой фабричной Илья Аванасьевъ.

Бездѣльники сіи, при вспоможеніи одного попа отъ церкви Исѣхъ Святыхъ что на Кулишкѣ, выдумали чудо, которое, хотя ни съ величествомъ божіимъ, ни съ вѣрою здоровою, ниже съ разумомъ было согласно, но которому однако, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, глупая, безразсудная и легковѣрная чернь въ состояніи была повѣрить. А именно, на Варварскихъ воротахъ, въ Китаѣ-городѣ, стоялъ издревле большой образъ Богоматери, называемой «Боголюбской»; и помянутой попъ разгласилъ вездѣ, будто бы оной фабричной пересказывалъ ему, что онъ видѣлъ во снѣ сію Богоматерь, вѣщающую ему такъ:

«Тридцать лѣтъ прошло, какъ у ея

образа, на Варварскихъ воротахъ, не только никто и никогда не пѣлъ молебна, но ниже предъ образомъ поставлена была свѣча; то за сіе хотѣлъ Христосъ послать на городъ Москву каменный дождь, но она упростила, чтобъ вмѣсто онаго быть только трехмѣсячному мору».

Какъ ни груба и ни глупа была сія баснь, и какъ ни легко можно было всякому усмотрѣть, что выдумана она самымъ невѣждою и глупцомъ; однако не только чернь, но и вунцы тому повѣрили, а особливо женщины, по извѣстному и отиѣнному ихъ усердію къ Богоматери и приверженности ко всѣмъ суевѣріямъ, слушали съ отиѣннымъ благоговѣніемъ рассказы фабричнаго, сидящаго у Варварскихъ воротъ и обирающаго деньги съ провозглашеніемъ: «Порадѣйте, православныя, Богоматери на всемірную свѣчу!» и взапуски другъ предъ другомъ старались изъяснить свою набожность служеніемъ сему образу молебновъ и всеночныхъ; и сіе дѣлала не только чернь, но и самое купечество.

А жадные къ корысти попы, оставивъ свои приходы и церковныя требы, собирались туда съ налогами и производили сущее торжище, а не богомоліе; ибо всякой, для спасенія живота своего, не жалѣлъ ничего, а давалъ все, что могъ, добиваясь только службы, или подавалъ подалніе. Отсего, натурально, должно было произойти то слѣдствіе, что во всѣ часы дня и ночи подлѣ воротъ сихъ находилась превеликая толпа народа; а денежныхъ приношеній накидано было отъ него цѣлый сундукъ, тутъ же подлѣ образа стоявшій.

А какъ ничто тогда не было такъ вредно и опасно, какъ таковыя скопища народныя, поелику чрезъ самое то и отъ прикосновенія людей другъ къ другу чума наиболѣе и размножалась; то полиція московская, какъ ни слаба была уже тогда въ своемъ дѣйствіи, и какъ много ни занималась единымъ только вывалакиваніемъ крочьями изъ домовъ зачумѣлыхъ и погибшихъ отъ заразы, вываживаніемъ ихъ за городъ и зарываніемъ въ большія ямы

но не упустила и помянутаго стеченія народнаго у Варварскихъ воротъ изъ вида, но сначала всячески старалась разговать народъ. Но какъ мало въ томъ успѣвала по чрезмѣрной и даже слѣпой приверженности народа къ образу и возлаганія имъ на него всей надежды, то рассудила дать о томъ знать бывшему тогда въ Москвѣ архіерею и предложить ему, чтобъ онъ поспѣшествовалъ къ тому съ своей стороны снятіемъ съ воротъ и удаленіемъ куда-нибудь помянутаго образа.

Первенствующимъ архіереемъ былъ тогда въ Москвѣ Амвросій, мужъ отличныхъ достоинствъ, обширныхъ знаній и житія добродѣтельнаго. Сей, по причинѣ оказавшейся въ Чудовъ монастырѣ (гдѣ онъ имѣлъ обыкновенное свое пребываніе) заразы, выслыая больныхъ вонъ, сидѣлъ самъ тогда изъ предосторожности въ заперти; но, узнавъ о помянутомъ вредномъ стеченіи народа у Варварскихъ воротъ, долгомъ своимъ почелъ пресѣчь сіе позорище.

Намѣреніе его было удалить оттуда служащихъ молебны и всеночныя поповъ, а образъ Богоматери перенести во вновь построенную тутъ же у воротъ императрицею церковь Кира Іоанна, потому что по причинѣ приставленной къ образу гѣстницы и множества превеликаго молящихся, не было въ Варварскія ворота ни прохода, ни проѣзда; а собранныя тутъ деньги употребить на богоугодныя дѣла, а всего ближе отдать въ воспитательной домъ, въ коемъ былъ онъ опекуномъ.

Вслѣдствіе чего и посланы были люди для призыва тѣхъ поповъ въ консисторію; но они, разлакомившись прибытками и узнавъ, зачѣмъ ихъ призываютъ, не только отреклись туда итти, но еще угрожали присланнымъ побить ихъ камнями. Сіе хотя и раздражило архіерея, но онъ, какъ благоразумный мужъ, укротивъ свой гнѣвъ, за лучшее призналъ посоветовать о томъ, какъ бы поступить лучше въ такомъ щекотливомъ случаѣ, съ нѣкоторымъ начальникомъ военныхъ командъ и испросить у него для

вспоможенія себѣ небольшую воинскую команду.

Опасеніе, чтобъ не обратитъ на себя простолюдиновъ и глупую чернь, пронавело у нихъ такое по сему дѣлу рѣшеніе, чтобъ оставить до времени снятіе и перенесеніе иконы, а къ собраннымъ у Варварскихъ воротъ деньгамъ, дабы онѣ фабричными не были расхищены, приложить только консисторскую печать; а дабы учинить сіе безопаснѣе, то и дано было обѣщаніе прислать на вспоможеніе небольшую воинскую команду изъ Великолукскаго полку.

Итакъ, 15 сентября, въ 5 часовъ пополудни, пришла въ Чудовъ монастырѣ помянутая команда, состоящая въ шести солдатахъ и одномъ унтеръ-офицерѣ. И какъ наступилъ вечеръ, то, въ надѣяніи, что народъ разошелся уже по домамъ, — и отправилась она команда съ двумя консисторскими подъячими и консисторскою печатью, взявъ съ собою и того самого попа, разглашателя о чудѣ и которой въ тотъ день допрашиванъ былъ по сему предмету въ консисторіи.

Но прежде, нежели команда сія пришла къ воротамъ Варварскимъ, городской плацъ-маіоръ былъ о томъ уже, и какъ видно отъ самаго сего попа, съ которымъ онъ дѣлился сборами денежными, предувѣдомленъ. И сей бездѣльникъ, зараженный корыстолюбіемъ, жалѣя собранныя деньги, поспѣшилъ, до прихода еще ихъ, приложить самъ печать свою къ сундуку съ деньгами, а народу разгласилъ, что ввечеру самъ архіерей будетъ къ воротамъ брать икону и захватить себѣ всѣ собранныя деньги.

Симъ произвелъ онъ во всѣхъ тутъ бывшихъ для богомолия многихъ людяхъ великій ропотъ и негодованіе, и, видя ихъ наклонность къ недопущенію до того, вооружилъ всѣхъ кузнецовъ у Варварскихъ воротъ, въ ихъ кузняхъ находившихся, и ожидалъ съ ними и другими людьми уже въ готовности вступить съ посылными въ самый бой.

Итакъ, когда пришла команда консисторская, то нашла она тутъ уже пре-

великую толпу вооруженнаго всякою всячиною народа, и консисторскій подъѣхъ едва только хотѣлъ приложить печать къ сундукамъ, какъ вдругъ нѣкто закричалъ: «бейте ихъ!» и вмѣстѣ съ нимъ словомъ бросилось на команду множество людей и начали бить и содвѣть, и подъячичь. И какъ сіи, натурально, стали обороняться, то и произошла отъ сего въ одинъ мигъ страшная драка, соединенная съ воплемъ и крикомъ превеличій: что «грабятъ икону Богоматери и бьютъ защищающихъ ее»; а сіе и воспламенило въ одинъ мигъ все пламя мятежа и народнаго возмущенія.

Вопль и крикъ разливался по всѣмъ улицамъ, какъ вода; во всѣхъ ближнихъ приходскихъ церквахъ ударили въ колоколъ въ набатъ, а потомъ на Спасскихъ воротахъ, и, наконецъ, и по всѣмъ приходскимъ церквамъ и во всемъ городѣ; а сіе и пронзавело всеобщую тревогу и возмущеніе всего народа, которой со всѣхъ сторонъ бѣжалъ къ Варварскимъ воротамъ съ дубинами, кольями, топорами и другими орудіями.

Таковое смятеніе, натурально, нагнало на всѣхъ людей, составляющихъ лучшую и умнѣйшую часть народа, страхъ и ужасъ; но никто такъ тѣмъ перетревоженъ не былъ, какъ помянутой архіерей. Сей, какъ предчувствуя приближающуюся къ нему его страдальческую кончину, только пораженъ былъ извѣстіемъ, полученнымъ о семъ мятежѣ, что отъ смущенія не зналъ что дѣлать.

Нѣкто изъ консисторскихъ чиновниковъ, бывшій тогда съ нимъ вмѣстѣ и все несчастное происшествіе съ нимъ видѣвшій, и самъ въ ономъ нѣкоторое участіе имѣвшій, описываетъ оное въ письмѣ къ другу своему слѣдующими словами:

«О таковомъ смятеніи и бунтѣ услышавъ, владыко немедленно поѣхалъ изъ Чудова со мною и въ моей каретѣ, къ Михайлу Григорьевичу Собакину, въ надеждѣ тамъ переночевать, яко у холостого человѣка. Мы застали его больного въ постелѣ и отъ набатовъ въ великой страхъ врешеднаго.

«Мы принуждены были его оставить. Совѣтъ положили оттуда ѣхать къ господину Еропкину; но какъ только выѣхали мы со двора отъ господина Собакина, то приказалъ онъ мнѣ вести себя въ Донской монастырь. Ни просьбы, ни представленія мои не могли усилить, чтобъ туда, то-есть въ Донской монастырь, не ѣхать.

«Ѣхавъ по улицамъ ночью, какое мы видѣли зрѣлище! Народъ бѣжалъ повсюду толпами и кричалъ только: «грабятъ Боголюбскую Богоматерь!» — всѣ, даже до ребенка, были вооружены! Всѣ, какъ сумасшедшіе, въ чемъ стояли, въ томъ и бѣжали, куда стремленіе къ убійству и грабительству влекло ихъ.

«Въ 10 часовъ пріѣхали мы въ Донской монастырь. Въ ожиданіи конца начавшемуся въ городѣ смятенію, я и не воображалъ, чтобъ на Чудовъ было нападеніе. Но владыкинъ духъ все сіе предвѣщалъ; нравъ народа былъ ему извѣстенъ.

«Въ тотъ же вечеръ, обратившася отъ Варварскихъ воротъ, чернь устремилась ночью на Чудовъ монастырь и, разломавъ ворота, искала вездѣ архіерея, грозя убить его.

«Все, что ни встрѣчалось ихъ глазамъ, было похищаемо, разоряемо и до основанія истребляемо. Верхнія и нижнія архіерейскія кельи, тѣ, гдѣ я съ братомъ имѣлъ квартиру, экономскія и консисторскія, и всѣ монашескія кельи и казенная палата, со всѣмъ, что въ оной ни было, были разграблены.

«Окны, двери, печи и всѣ мебели разбиты и разломаны; картины, иконы, портреты, и даже въ самой домовою архіерейской церкви съ престола одѣяніе, сосуды, утварь и самой антикинсь въ лоскутки изорваны и ногами потоптаны были отъ такого народа, которой по усердію будто за икону вооружался. Тому же жребію подвержены были наши бібліотеки и бумаги».

«Въ то время жилъ въ Чудовѣ, для излеченія болѣзни, пріѣхавшій архимандритъ Воскресенскаго монастыря, Никонъ, меньшой братъ архіерей. Чернь,

нашедь его и почтала архіереемъ, не только совсѣмъ ограбила, и хотя до смерти не убила, но такъ настрашала, что онъ отъ страха въ умѣ помѣшался и вскорѣ умеръ.

«Наконецъ, какое было зрѣлище, когда разбиты были чудовскіе погреба, въ немъ Птицыну и другимъ отдаваемая, съ французской водкой, разными винами и англискимъ пивомъ. Не только мужчины, но и женщины приходили тутъ пить и грабить.

«Однимъ словомъ, цѣлыя сутки грабленъ и расхищаемъ былъ Чудовъ монастырь и никто никакой помощи дать не могъ. Гдѣ тогда были полицейскіе офицеры съ командами ихъ? Гдѣ полкъ Великолудской для защищенія оставленной города? Гдѣ, на послѣдокъ, градодержатели?

«Изъ чего заключить можно, что городъ оставленъ и брошенъ былъ безъ всякаго призрѣнія. Изъ знатныхъ бояръ находился одинъ только Еропкинъ въ городѣ, и того убійцы искали, чтобъ умертвить. Прочіе же разѣхались всѣ по деревнямъ.

«Федоръ Ивановичъ Мамоновъ, прибѣжавъ на гауптвахту, просилъ хотя десяти солдатъ, съ коими могъ бы всѣхъ выгнать изъ Чудова, но капитанъ отозвался немѣнѣемъ на то уваса. Итакъ, до тѣхъ поръ дрался въ Чудовѣ, пока и самъ почти до смерти прибѣить былъ каменьемъ.

«О семъ происшествіи свѣдали мы на другой день, то-есть 16-го числа, чрезъ посланнаго въ Чудовъ одного служителя изъ Донского монастыря.

«Въ такомъ случаѣ не оставалось намъ иного дѣлать, какъ поскорѣй удалиться изъ города. Мы бы тотчасъ уѣхали, но безъ билета никто изъ города выпускаемъ не былъ.

«Владыко приказалъ мнѣ немедленно дать знать о сихъ горестныхъ обстоятельствахъ, письменно, господину Еропкину съ такимъ представленіемъ: что, посланная, съ общаго ихъ согласія, къ Варварскимъ воротамъ, для известнаго дѣла, команда отъ приставленныхъ у Варварскихъ воротъ баталіонныхъ солдатъ разбита; что, устремившаяся ночью на Чу-

довъ, чернь все разбила и одни только остались стѣны; что она же чернь, хотя вездѣ искала его убить, но особливимъ Божиимъ Провидѣніемъ онъ въ чемъ стоялъ спасся, и что угрозы разсирѣптившей черни принуждаютъ его исхать убѣжища внѣ города.

«Окончаніе письма состояло въ просьбѣ, чтобъ данъ былъ ему билетъ для свободного изъ города выпуска; чтобъ Чудовъ монастырь съ чудотворцемъ и оставшею братією принялъ онъ въ свое призрѣніе, и чтобъ о такомъ плачевномъ состояніи благовоилъ въ Санктпетербургъ представить.

«Вмѣсто билета присланъ былъ отъ господина Еропкина конной гвардіи офицеръ съ приказаніемъ, чтобъ владыко поскорѣй выѣхалъ изъ Донского монастыря и чтобъ переодѣлся, дабы его не узнали.

«Сказавъ сіе, офицеръ побѣжалъ отъ насъ давъ знать, что онъ ожидать будетъ въ концѣ сада князя Трубецкого и оттуда велитъ проводить на Хорошево въ Воскресенскій монастырь, куда имѣлъ намѣреніе владыко уѣхать.

«Между тѣмъ, какъ владыко переодѣвался и покуда сыскали платье, заложили кибитку и дѣлали къ пути приготовленія, услышали мы шумъ, крикъ и пальбу около Донского монастыря. Чернь, отбѣвъ карантинныя и Даниловъ монастырь и другіе карантинныя дома, спѣшила къ Донскому монастырю.

«Какимъ образомъ свѣдала она о нашемъ здѣсь убѣжищѣ, о томъ неизвѣстно и по сіе время. Ни то посланный поутру въ Чудовъ монастырь, для развѣдыванія, служитель разгласилъ неосторожно; ни то монастырскіе слуги донскіе рассказали; послѣднее вѣроятнѣе.

«Уже была подвезена кибитка, въ которую лишь только владыко, переодѣвшись въ простое поповское платье, сѣсть и побѣхать съ монастыря (успѣлъ), какъ вдругъ начали убійцы ломать монастырскія, со всѣхъ сторонъ, ворота. Страхъ и отчаяніе всѣхъ насъ тутъ постигло.

«Всѣ, кто ни былъ въ монастырѣ, иска

ли себя спасенія. Владыко съ нѣсколькимъ архимандритомъ Елифаніемъ пошелъ прямо въ большую церковь, гдѣ пѣли обѣдню; разсѣившаяся по монастырю чернь, состоявшая изъ дворовыхъ людей, фабричныхъ и разночинцевъ, ииѣя въ рукахъ рогатины и топоры и всякія убивственныя орудія, искали архіерея и всѣхъ, кто имъ ни попадался, били, домогаясь узнать, гдѣ скрылся архіерей.

«Что владыко со мною и въ моей каретѣ изъ Чудова уѣхалъ, сіе видѣли многіе, а тутъ увидѣли ее на дворѣ Донского монастыря и узнали. Одинъ изъ водъичихъ архіерейской канцеляріи, тутъ же бывшій, объявилъ о моей каретѣ. Кучеръ и лакеи никакъ не сказали, хотя ихъ смертно били, чтобъ они объ архіерей и обо мнѣ объявили.

«Наконецъ сѣдали они, что архіерей въ церкви, а я скрылся въ банѣ, ибо мой малый, посадивъ меня тутъ, самъ ушелъ и попался ворами въ руки; а при мнѣ въ то время сѣдали въ банѣ двое монастырскихъ слугъ, кои и топили баню.

«Злодѣи, ворвавшись въ церковь, ожидали конца обѣдни. Страдалецъ изъ алтаря увидѣлъ, что народъ съ оружіемъ и дрекольми вошелъ въ церковь, и узнавъ, что его ищутъ, исповѣдался у служившаго священника и приобрѣлся св. тайнъ, а потомъ пошелъ на хоры, позади иконостаса.

«Между тѣмъ, какъ злодѣи, не ожидая конца обѣдни, ворвались въ алтарь и искали тамъ владыку, одна изъ нихъ партія нашла меня въ банѣ. Боже мой! въ какомъ тогда находился я отчаяніи жизни моей! Поднятые на меня смертные удары отражены были часами и табакерками, при мнѣ тогда находившимися.

«Просилъ я ихъ о нечиненіи мнѣ зла. Вдвое того просили, не знаю еще какіе сторонніе, называя меня по имени и приписывая мнѣ имя добраго и честнаго человека, въ числѣ коихъ былъ и помянутой подъячій нашъ, Красной.

«Меня потащили изъ бани, и встрѣтившася другая злодѣйская партія лишила бы меня жизни, хотя двѣ и получили отъ

нихъ контузіи, еслибъ первыя мои злодѣи не приняли меня подъ свое покровительство и защищеніе. Такого-то дѣйствіе золота и серебра.

«Едва взмогъ я съ ними на церковную паперть, какъ вдругъ воспогодившая съ нами, провожаемая изъ церкви съ крикомъ и шумомъ радостнымъ, покойнаго страдальца роковая встрѣча.

«Злодѣи мои, закричавъ: «вотъ онъ! вотъ онъ!» бросили меня полумертваго. Представъ себя, т. е., что со мною въ такомъ горестномъ приключеніи происходитъ!

«Сидя еще въ банѣ, приутоговлялъ я себя къ смерти и спокойно ожидалъ убійцовъ, радуясь, что достигну мученическаго вѣнца; а тутъ уповалъ, что неминуемо потащатъ меня вмѣстѣ со владыкою изъ монастыря. Но божеское Провидѣніе сохранило меня цѣла и невредима.

«Въ древнія времена церковь служила убѣжищемъ и для самыхъ виновныхъ и порочнѣйшихъ людей. Вѣннѣйшее же время архіерей и пастырь вытасненъ былъ отъ своихъ овецъ на убіеніе! Вотъ плоды просвѣщеннаго вѣка.

«Но что я медлю и не приступаю къ повѣствованію той жесточайшей для меня въ жизни минуты, въ которую я услышалъ, что владыко убить до смерти.

«Злодѣи, вмѣняя за грѣхъ осквернить монастырь, а паче церковь кровію, вывели страдальца въ заднія монастырскія ворота, гдѣ колокольня, и у самой рогатки сначала дѣлали ему нѣсколько вопросовъ, а потомъ мученическимъ образомъ до тѣхъ поръ били и терзали его, пока уже увидѣли умирающа.

«Сиустя четверть часа и скончался новой московской мученикъ, и тѣло, избитое и обогрѣнное кровію, лежало на распутии день и ночь цѣлую, пока синодальной конторы члены, чрезъ полицейскую команду, заблагоразсудили поднять.

«Вотъ точная трагедія, коей былъ я самъ зрителемъ.

«Проливъ неповинную кровь, убійцы, изъ коихъ, какъ наглавнѣйшій, былъ

дворовой человекъ полковника Александра Раевского, по имени Василій Андреевъ, и цѣловальникъ, московской купецъ Иванъ Дмитріевъ (кон оба по томъ, на томъ же мѣстѣ, казнены всѣмъ лицомъ), со многими другими побѣжали въ городъ производить дальнѣйшія нештоты; а я, чрезъ часъ послѣ убивства владыки, уѣхалъ въ Черную Грязь къ князю Матвѣю Дмитріевичу Вантемиру, гдѣ и братъ мой находился.

Сн были точныя слова сего свидѣтеля и очевидца сей трагедіи. Кавой, собственно, былъ онъ человекъ и къ кому сіе писалъ, до свѣдѣнія моего не дошло. Почему, оставя сіе, буду продолжать исторію московскаго мятежа далѣе такъ какъ происшавшая тогда молва о томъ повѣствовала.

Помннутымъ тиранническимъ убивствомъ совсѣмъ невиннаго святителя, все богомерзкое скопище злодѣевъ сихъ нимало не удвоилось, а не усмирилось; но, остервенившись однажды уже, разсѣялось оно толпами по всѣмъ улицамъ городскимъ и начали грабить и производить всякаго рода наглости и буянствы.

Они провели весь тотъ день въ сихъ безчеловѣчнѣйшихъ мерзкихъ и безчеловѣчныхъ. Самая наступившая потомъ ночь не могла укротить ихъ бѣшенства и звѣрства; но злодѣйскія скопища ихъ умыслили звѣрство свое и буянство простираеть на утро далѣе: вербеть всѣхъ докторовъ и лекарей и всѣхъ, какіе были еще, начальниковъ, а потомъ разграбить Кремль и все въ немъ находящееся; а особливо расхитить сокровища, которыя они въ Успенскомъ и другихъ соборахъ найтеть надѣялись.

Соблазнало и поджигало къ тому ихъ наиболѣе то извѣстное имъ обстоятельство, что Москва находилась тогда въ совершенномъ почти безначаліи. Главныя командиры всѣ разѣхались по подмосковнымъ своимъ деревнямъ; а и самыхъ воинскихъ командъ было очень мало, ибо всѣ прочія выведены были за городъ, въ лагерь, для безопасности.

Что-жъ касается до полицейской коман-

ды, то они ее, для малочисленности оной, не уважали и думали, что ей со всѣмъ ихъ великимъ множествомъ никакъ сладить не можно. А по всему сему и возмечтали звѣрскіе злодѣи сн, что имъ ничто не въ состояніи будетъ воспрепятствовать произвести злодѣйское свое намѣреніе въ дѣйство.

Въ семь расположеніи злодѣйскихъ своихъ сердець и умовъ, смолвились они на утро сбѣжаться со всѣхъ сторонъ на большую торговую площадь, между Кремлемъ и рядами находящуюся. И не успѣло наступить утро послѣдующаго бѣдственнаго и кровопролитнаго дня, какъ и повалили со всѣхъ сторонъ превеликія толпы бѣснующаго народа въ Китай-городъ.

Уже наполнилась вся площадь и всѣ улицы между рядами безчисленнымъ множествомъ оного; уже многія сотни или наче тысячи бездѣльниковъ сихъ бѣгали и бродили по Кремлю самому и допивали остаточныя вины, отыскиваемыя въ погребкахъ, тамъ находящихся; уже всѣ храмы и ряды, съ безчисленными сокровищами и товаровъ несмѣтнымъ множествомъ, подвержены были явной и ежеминутной опасности отъ расхищенія, и наибольшаго бѣдствія всѣло уже власно, какъ на волось, надъ всею Москвою; какъ невидимая десница Всемогущаго удержала еще бѣдственной и роковой ударъ сей и, по безконечной благодати своей, пощадила еще сію древнюю столицу обладателей нашихъ, употребивъ къ отвращенію того совсѣмъ неожиданное и, повидимому, ничего почти незначущее, но такое средство, которое возымѣло тогда успѣхъ, превзошедшій всякое чаяніе и ожиданіе.

Сыскался въ гвѣдрахъ Москвы одинъ усердный россиянинъ и истинный сынъ отечества своего, восхотѣвшій жертвовать всѣми силами и самою даже жизнію своею для спасенія великаго города сего отъ бѣдствія величайшаго.

Былъ то отставной и никакой уже должности на себѣ неимѣвшій, престарѣлый и мало до того народу извѣстный, а того менѣе славный генералъ, по фамиліи

Еропкинъ, а по имени, достойному вѣчному незабвенію, Петръ Дмитріевичъ.

Благодѣтельствующей еще Москвѣ Промыслъ Господень удержалъ его, стеченіемъ разныхъ обстоятельствъ, на сіе время, и власно какъ нарочно для прославленія его, въ Москвѣ и не допустилъ его нѣхъ изъ ней вмѣстѣ съ прочими.

Сей не успѣлъ услышать о происшедшемъ митей модѣ Варварскихъ воротъ и потомъ о убіеніи архіерея, какъ, вѣдалъ, что нѣтъ никого изъ начальниковъ московскихъ, кому-бы о усмиреніи матажа стараніе приложить было можно, и предусматривалъ, что остервеннившійся народъ при одномъ томъ не останется, а простреть наглости свои далѣе, рѣшился вступить самопроизвольно, хотя совсѣмъ не въ свое, но крайне нужное тогда дѣло, и принять главное начальство надъ всѣми находившимися въ Москвѣ немногими военными командами, и неумышленно трудился во всю ночь не только собраніемъ всѣхъ ихъ, колико ему то учинить было возможно, въ Кремль, но желалъ хотя сей спасти отъ наглости и расхищенія народнаго, успѣлъ сдѣлать и всѣ нужныя распоряженія къ недопущенію народа ворваться въ оныя.

Четыре входа было тогда въ сію древнюю цитадель и извѣстны подъ четырьмя воротами: Спаскими, Никольскими, Вознесенскими и Боровицкими; но изъ всѣхъ одни только Вознесенскія оказались способными къ загражденію оныхъ затворами и желѣзными опускаемыми рѣшетками; прочія-же долговременная безопасность, въ коей сія столица находилась, сдѣлала къ тому неспособными.

Итакъ, по сдѣланному господиномъ Еропкинымъ распоряженію, помянутыя Вознесенскія ворота тотчасъ были наглухо заперты и заграждены; а во всѣхъ прочихъ, кон запереть не было возможности, поставлены были пушки со многочисленными командами людей военныхъ, собранныхъ имъ кое-какъ и призванныхъ изъ-за города.

Симъ не только возбраненъ былъ входъ въ Кремль находящимся матажникамъ,

но и всѣ случившіеся внутри Кремля злодѣи захвачены и переловлены.

По учиненіи сего, престарѣлый генералъ, увидѣвъ страшное множество скопившагося на торговой площади народа, и слыша крикъ и вопль ихъ, чтобъ итти на проломъ въ Кремль для расхищенія оного, отважился выѣхать верхомъ къ нимъ, и разѣзжая между ними, усовѣщивать и всячески уговаривать народъ, чтобъ онъ успокоился и не простиралъ безчинія своего далѣе.

«Полно, полно, друзья мои! говорилъ онъ имъ: что это вы затѣяли? Омонитесь, пожалуйста, и подумайте, такое ли время теперь, чтобъ поминать о такихъ наглостяхъ и безчиніяхъ. Смерть и безъ того у насъ у всѣхъ передъ глазами, и гнѣвъ Господень и безъ того насъ поражаетъ, и надобно-ли гнѣвить его еще болѣе злодѣянными таками».

Но всѣ сіи и множество другихъ убѣжденій, которыми онъ бунтующую чернь уговорить и укротить старался, не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Множайшіе не хотѣли нимало внимать убѣжденіямъ и словамъ его, и злѣйшіе изъ матажниковъ кричали только ему:

«Убирайся-ка, убирайся, старикъ, самъ скорѣе прочь отсюда, а то и самого тебя сташимъ съ лошади. Слышишь! не твое дѣло, и ты ступай прочь отсюда».

Нечего было тогда дѣлать самому престарѣлому мужу, какъ дѣйствительно удалиться опять въ Кремль къ своимъ командамъ; но, по достиженіи до оныхъ, не оставилъ онъ еще кричать и убѣждать ихъ всячески, говоря, чтобъ они отходили прочь и не отваживались никакъ лопиться къ воротамъ, сказывая имъ прямо, что буде не послушаются, то онъ по дуракамъ велитъ стрѣлять.

Но они не хотѣли тому никакъ вѣрять. И какъ по приближавшимся къ Спаскимъ воротамъ велѣлъ онъ выстрѣлить, для единаго устрашенія, одними пыжами и направивъ выше головъ и они увидѣли, что никто изъ нихъ не былъ ни убитъ, ни раненъ, то возмечтавъ себѣ, что не беретъ ихъ никакая пуля и пушка и

что сама Богоматерь защищаетъ и охраняетъ ихъ, съ великимъ воплемъ бросились и повалили прямо къ воротамъ.

Но, несчастные того не знали, что тутъ готовы были уже нныя пушки, заряженныя ядрами и картечами; и какъ изъ нихъ посыпались на нихъ сіи послѣднія, а первыя цѣпляя улицы между ними дѣлать начали, перехватывая кого вадвое, кого поперегъ, и у кого руку, у кого ногу или голову отрывая, то увидѣли, но уже поздно, что съ ними никакъ шутить были ненамѣрены.

И какъ таковая неожиданная встрѣча была имъ весьма неприятна и всѣ злѣйшіе заводчики, бѣжавшіе впереди, почти наповалъ были побиты и ядра, попадая въ стремившуюся народную толпу и достигая до самой улицы Ильинки, однимъ выстрѣломъ по нѣскольку десятковъ умерщвляли; то сіе бывшихъ назадъ такъ утрашило, что всѣ бросились назадъ и разбѣжались въ разныя стороны, кто куда скорѣй успѣть могъ.

А сіе самое по особливому счастью и положило конецъ всей этой трагической сценѣ; ибо, не успѣли всѣ находившіеся предъ прочими воротами толпы услышать пальбу и вопли раненыхъ и увидѣть бѣгущій прочь народъ, какъ и сами начали разбѣгаться врознь, и въ короткое время не видно было нигдѣ во всей Москвѣ ни малѣйшей кучки и скопища народнаго, и полиціи оставалось только ловить и вытаскивать изъ винныхъ погребовъ тѣхъ, кои въ нихъ пьюшіе были заперты.

О семъ-то странномъ происшествіи достигъ до насъ помянутой, 21-го числа сентября, первой слухъ, поразившій всѣхъ насъ неизреченнымъ образомъ.

Но какъ письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозволюте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и кончить оное увѣреніемъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 23 дня 1807 года).

Письмо 152-е.

Любезный пріятель! Описать вамъ въ послѣднемъ предъ симъ письмѣ московской бунты и возмущеніе, въ дополне-

ніе къ тому скажу теперь, что хотя собственно маетъ помянутымъ насильственнымъ средствомъ и совершенно былъ разрушенъ и прекращенъ, но язва тѣмъ нимаго не прекратилась, но продолжала по прежнему или еще болѣе свирѣпствовать надъ несчастною Москвою и повергла оную въ положеніе, достойное величайшаго сожалѣнія. Превеликое множество жителей похищено было ею ежедневно и доходило до того, что не доставало силъ къ вытаскиванію изъ домовъ и вывалакиванію оныхъ за городъ и зарыванію.

Люди употребляемы были къ тому изъ колодниковъ и назначенныхъ къ отсылкѣ на каторгу; и всѣ они обшиты были кругомъ въ черное смоляное и особое одѣяніе, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, рта и ноздрей и отъ самаго того, несмотря, хотя имѣли они ежедневно дѣло съ умирающими чумою, многіе дѣйствительно спаслись отъ оной и остались живы.

Что-жъ касается до прочихъ, заражающихся язвою людей, то немногимъ только удавалось спастись отъ смерти; но множайшіе въ самое короткое время погибали и превеликое множество домовъ опустѣло совершенно, потому что всѣ, бывшіе въ нихъ люди, вымерли до единаго.

И особливая еще милость Господня была та, что чума сія не составляла собственнаго и такого мороваго повѣтрія, которымъ зараженъ бы былъ самый воздухъ и былъ губителенъ для всѣхъ, но размножалась наиболѣе отъ прикосновенія до тѣлъ, до платья и до другихъ вещей, бывшихъ на зараженныхъ и умершихъ чумою; а потому и заражались наиболѣе отъ небреженія и упущенія нужныхъ предосторожностей и излишней неблаговременной отваги. Изъ тѣхъ же, которые употребляли всѣ нужныя предосторожности и береглись отъ всякаго къ сумнительнымъ вещамъ прикосновенія, очень немногіе заражались, а множайшіе оставались цѣлыми и невредимыми.

Но жалъ, что въ истинѣ сей и возможности спастись тѣмъ отъ чумы, простой народъ не скоро могъ удостовѣриться и до тѣхъ поръ наиболѣе и заражался, покуда не пересталъ имѣть небреженіе и сталъ болѣе употреблать предосторожностей.

Совсѣмъ тѣмъ, чума продолжалась и послѣ поминутаго несчастнаго происшествія нарочито еще долго, и народу въ Москвѣ погибло очень много.

Господинъ Еропкинъ награжденъ былъ тотчасъ за ревность и усердіе свое отъ монархини. Она, какъ скоро услышала о дѣяніяхъ его, какъ изъ признательности почтила его первѣйшимъ російскимъ орденомъ.

Впрочемъ, пригвѣръ его побудилъ и другихъ изъ нашихъ первѣйшихъ вельможъ къ послѣдованію оному. Отобразось ихъ нѣсколько человекъ и въ числѣ ихъ самъ ближайшій фаворитъ и тогдашній любимецъ ея графъ Орловъ, и предложили монархинѣ, что они хотятъ ѣхать въ Москву и, подвергая жизнь свою опасности, употреблать тамъ стараніе и все, что только могутъ, къ прерванію чумы, къ остановленію дѣйствій ея и къ сохраненію оставшаго народа.

Императрица охотно и дозволила имъ сіе и довольна была очень, что изъ самыхъ близкихъ къ ней людей снискались такіе патриоты.

Они и дѣйствительно приѣхали въ Москву, жили въ ней нѣсколько времени, употребляли все, что только было имъ возможно. Жили въ императорскомъ, огромномъ Головинскомъ дворцѣ, бывшемъ за Нѣмецкою слободою, и имѣли несчастіе видѣть оной при себѣ, отъ толченія камня, загорѣвшійся и весь оной въ многие часы превратившійся въ пепелъ.

Но, помогли-ль они тѣмъ-нибудь несчастной Москвѣ и послѣдствовали-ль съ своей стороны тѣмъ къ прерванію чумы, о томъ какъ-то ничего не было слышно; а начала она уже сама собою, при наступленіи зимы, смерва мало-по-малу утихать, а потомъ вдругъ, къ неописанному обрадованію всѣхъ, пресѣклась.

Примечаніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

Между тѣмъ, какъ все сіе въ столицѣ нашей происходило, мы, въ деревняхъ своихъ, жили по прежнему въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, и во весь поминутый сентябрь мѣсяцъ не преставали разѣзжаться другъ къ другу по гостямъ и заниматься обыкновенными своими упражненіями. Ибо, доходящіе до насъ о Москвѣ слухи, хотя и часто нагоняли на насъ страхъ и ужасъ и немало насъ озабочивали; но великая разность была между слухами о происходящемъ вдали и происшествіями близкими. Сіи не прежде начали насъ прямо тревожить, какъ сначала мѣсяца октября.

Первѣйшее, весьма насъ поразившее извѣстіе услышали мы еще 27 сентября отъ нашего молодого приходскаго тогда нова Евграфъ, приходившаго къ намъ дѣлать извѣтъ на товарища своего, престарѣлаго нова Ивана, и сказывалъ, что въ Зюбигѣ, убѣжавшая отъ чумы и съѣхавшая съ Москвы, племянница князя Горчакова, занемогши очень скоро и сомнительно, умерла; и что поминутый товарищъ его не только ходилъ причащать ее, но и похоронилъ при церкви тайно и такъ, что никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ и что, по всему видному, умерла она чумою.

Господи! какъ поразилась имъ всѣмъ печальнымъ и страшнымъ извѣстіемъ. Деревня сія была кодъ бокомъ у насъ и тульскимъ мостомъ всякой день мимо ей на работу ко имъ ходить надлежало. И такъ, не долженствовало-ли страшиться, что зло сіе тамъ распространится и дойдетъ скоро до насъ. А не менѣе нагонялъ на насъ страхъ уже и могость самой.

Не могу изобразить, какъ досадовалъ я тогда на старика нова нашего и проклиналъ несчастную алчность къ користи сего негоднаго человека. Естественно должно было заключать, что похоронилъ онъ чумою умершую княжю племянницу немнаго, какъ за великую плату. И такъ, корыстолюбію своему жертвовалъ не только собственною своею жизнью, но и благомъ всего своего прихода; ибо чрезъ самое то зло могла всего

скорѣе и удобнѣе распространиться по всѣмъ окружнымъ селеніямъ.

Я послалъ къ нему тотчасъ сказать, чтобъ онъ пересталъ бездѣльничать и умирающихъ чумою таскать къ церкви и хоронить на погостѣ, какъ то и запрещено уже было и отъ начальства; и что, въ случаѣ, ежели не уймется, я доведу о томъ архіерею и онъ за то постраждетъ.

По попъ и не подумавъ уважать сіи угрозы, но продолжалъ и далѣе свое нагубное ремесло и, къ превеликому удивленію, спасся отъ чумы, несмотря, что со многими чумными имѣлъ дѣло и не только внося въ церковь, ихъ отпѣвалъ, но и погребалъ лично.

Сіе насъ такъ настрашало, что мы на праздникъ Покрова не осмѣлились ѣхать къ обѣдни къ своей церкви, боясь и близко быть къ тому мѣсту, гдѣ погребены были чумные; а не велѣли и людямъ своимъ никому ходить туда, а ѣздили къ обѣднѣ уже въ Ченцово. А на заставахъ своихъ велѣли настрожайшимъ образомъ, чтобъ куреніе было непрерывное и чтобъ всѣ, входящіе въ деревню, были наитщательнѣйшимъ образомъ окуриваны. А чрезъ день послѣ того, съ общаго согласія, рѣшились, поднявъ образа, обойти съ ними и со всѣми жителями всю нашу деревню и помолиться хорошенько Богу о томъ, чтобъ онъ насъ помидовалъ и деревню нашу сохранилъ отъ заразы; что и учинили мы октября 3-го числа.

Прозшествіе сіе было трогательное и чувствительное. За образами послано было нѣсколько людей. По приближеніи же къ селенію, встрѣчены они были нами со всѣми обоего пола жителями, отъ мала до велика, и всѣ мы провожали ихъ при обходѣ съ ними вокругъ всего нашего селенія.

При концѣ-же обхода сего остановились мы на току гумна брата моего Михаила Матвѣевича, на томъ почти мѣстѣ, гдѣ оной и понынь у сына его, подлѣ пруда. Тутъ молебствовали мы и по водосвятіи приносили съ колѣнопреклоненіемъ на-

теплѣйшія моленія наши ко Всевышнему, и я не думаю, чтобъ когда-нибудь маливались мы съ такимъ искреннымъ усердіемъ, какъ въ тогдашнее время.

По окончаніи сего, и поставивъ образа въ домѣ у брата, зазвалъ я всѣхъ къ себѣ и угостилъ обѣдомъ, а потомъ проводили мы святые образа такимъ же образомъ изъ деревни.

Не успѣли мы сего священнодѣйствія кончить, какъ на другой день, при случаѣ поминокъ братнина тестя, г. Стахѣева, перетревожены мы были въ прахъ извѣстіемъ, что чума окружила насъ уже со всѣхъ почти сторонъ и въ самой близости, а именно, что была она уже въ Липцахъ, во Дворникахъ, въ Якшинѣ, въ Городнѣ, въ Злобинѣ и на заводѣ Ведминскомъ. Все сіе услышали мы вдругъ и однимъ разомъ, и я не въ силахъ изобразить, какъ много устрашило насъ сіе извѣстіе.

Ужась проникъ всѣ наши кости и устрашеніе было такъ велико, что не взманился намъ ни домъ, ни все прочее, и мы, поговоря съ семействомъ своимъ, положили, не долго думая, оставя все, укакать въ Алексинскую свою деревню, въ село Коростино, въ которой сторонѣ не было еще ничего и о чумѣ было еще не слышно.

Намѣреніе сіе было такъ твердо, что мы, въ послѣдующій за симъ день, начали къ отъѣзду своему туда дѣйствительно собираться и укладывать на воза провизію и прочее, что намъ взять съ собою необходимо было нужно.

Но что-жъ воспослѣдовало?— Уже уложены были всѣ повозки и уже положили мы на утріе, съ свѣтомъ, вдругъ въ сіе путешествіе и бѣгство пуститься и разстаться съ своимъ домомъ; какъ вдругъ, въ тотъ же день ввечеру приѣзжаетъ къ намъ изъ Коростина человекъ и сказываетъ, что тамъ, у самихъ насъ, умеръ одинъ старикъ скоропостижно, и что чума и въ тамошнихъ окрестностяхъ и неподалеку отъ насъ оказывается, въ особенности же, что оказалась она въ Малаховѣ, откуда къ сосѣду моему, госпо-

дину Колюбакину, ежедневно ходять люди на работу.

Извѣстіе сіе поразило насъ какъ громовымъ ударомъ. Мы всѣ онѣмъли оно услышавъ, стали въ пень и не знали что дѣлать, и ѣхать-ли туда уже, или не ѣздить; ибо боялись, чтобъ бѣжавши отъ волка не попасть на медвѣдя.

Въ сей нерѣшимости и недоумѣніи собрались мы поутру въ слѣдующій день и, учинивъ общій совѣтъ, рѣшились, возложивъ всю свою надежду и упованіе на Господа, остаться въ своемъ домѣ и нигде не воспринимать бѣгства; ибо заключали, что отъ руки его не можемъ нигдѣ скрыться и убѣжать, если ему угодно будетъ валить на насъ гнѣвъ свой.

Не успѣли мы сего намѣренія воспріять и приказать выбирать опять все изъ повозокъ, какъ увидѣли идущаго къ намъ неожиданнаго гостя.

Быль то неподалеку отъ насъ живущій дворянинъ, господинъ Постельниковъ, ѣхавшій тогда изъ Коширы. Онъ привезъ ко мнѣ отъ воеводы нашего бывшаго у него книжку и еще паветъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества.

Я думалъ, что была то книжка; но, вмѣсто того, распечатавши, нашегъ, что былъ то личекъ съ медалью, съ писемомъ ко мнѣ отъ Общества, которымъ благодарило оно меня за сообщенное имъ сочиненіе мое о раздѣленіи полей; увѣдомило, что комитетомъ удостоено оно печати и что, по силѣ устава, посылаетъ ко мнѣ въ награжденіе за то медаль.

Сія была точно такая-жъ, какъ и прежняя, но только серебряная и дѣломъ очень небольшой и неважной, а потому и былъ я ономъ не весьма обрадованъ; а признаюсь, что дожидался-было за труды мои какого-нибудь лучшаго и существеннѣйшаго награжденія.

Но сего было еще недовольно; но Общество возлагало еще на меня въ томъ же письмѣ комиссію, которую не такъ-то легко можно было выполнить, а именно: чтобъ я сочинилъ одно сочиненіе для отсылки въ Академію, а отъ ней въ иностранное государство къ сочинителямъ и

издателямъ энциклопедіи, въ которомъ содержалось бы всеобщее описаніе російскаго хлѣбопашества и всего хозяйства, о чемъ помянутые издатели нашу Академію, а сія наше Общество просила; и какъ сіе не нашло никого кромѣ меня къ тому способнѣйшаго, то и возлагало оно на меня сей трудъ и предписывало еще и самыя предѣлы и величину сему сочиненію.

Признаюсь, что препорученіе сіе, при такомъ маломъ и ничего незначущемъ награжденіи за прежнее мое сочиненіе, было мнѣ весьма непріятно. Для препоручаемаго сочиненія потребно было не только множество труда, но нужно было и гораздо обширнѣйшее обо всемъ свѣдѣніе, нежели какое имѣлъ я о домоводствѣ и хлѣбопашествѣ во всемъ государствѣ. Дальней-же побудительной причины къ принятію на себя такъ великаго и важнаго труда никакой не было и оно, кромѣ ничего незначущей благодарности, ничего не обѣщавало.

Итакъ, вмѣсто удовольствія о присылкѣ медали, чувствовалъ я только досаду, и находился въ нерѣшимости что дѣлать.

Сперва, въ досадѣ, надумалъ-было я, подъ предлогомъ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, да и незнанія своего обо всемъ государствѣ, отъ сего дѣла отказать; но подумавъ побольше и поразсудивъ, находилъ я, что будетъ сіе для меня дурно и непохвально; а потому и положилъ еще разъ пожертвовать Обществу своими трудами и посмотрѣть что будетъ, исходствіе того на досугъ приняться за сіе дѣло.

А въ послѣдующій за симъ день рожденія моего и приступилъ дѣйствительно къ сей работѣ, которую, какъ ни была она для меня трудна и велика, и какъ духъ мой въ тогдашнее время ни былъ то и дѣло смущаемъ и обезпокоивае слухами о размножающемся чумѣ отъ часу болѣе вездѣ и вездѣ моровомъ повѣтріи, но въ теченіи двухъ недѣль совершенно кончилъ, и переписавъ набѣло, отправилъ по почтѣ въ Петербургъ въ Общество.

Но трудъ сей былъ совсѣмъ тщетный и я не получилъ за него не только никакого награжденія, но ниже благодарности, и не имѣлъ даже удовольствія видѣть его напечатаннымъ; да и не знаю совершенно и по нынѣ, что съ сочиненіемъ моимъ воспослѣдовало.

Съ сего времени по самый день моихъ именинъ просидѣли мы, отъ страха окружающей насъ со всѣхъ сторонъ чумы, дома и нигуда не ѣздили. И вся достопамятность, случившаяся въ теченіи сего времени была та, что меньшей мой двоюродной братъ Гаврила Матвѣевичъ, настолько служившій, какъ болѣе только слонявшійся въ гвардейской службѣ, получивъ прапорщичій чинъ, приѣхалъ въ отставку и съ сего времени сталъ уже жить всегда въ деревнѣ.

Ѣдучи изъ Петербурга, объѣхалъ онъ Москву въ дальнемъ разстояніи, а безъ того настрашалъ бы и онъ насъ своимъ приѣздомъ.

Всѣ наши разъѣзды сдѣлались около сего времени уже очень опасными, ибо вездѣ легко можно было повстрѣчаться съ какими-нибудь зачумѣвшими людьми, или наѣхать на дорогѣ что-нибудь съ умыслу брошенное и лежащее отъ людей зачумленныхъ и опасныхъ; ибо въ черной народѣ ввѣдрилось тогда самое адское суевѣріе и предрасудокъ пагубной: что, если хотять, чтобъ чума гдѣ пресѣклась, то надобно что-нибудь зачумѣлое кинуть на дорогѣ и тогда, если кто подниметъ и принесетъ домой, то тамъ и сдѣлается вновь чума, а въ прежнемъ мѣстѣ пресѣчется.

А сіе дѣйствительно многіе и дѣлали и намъ самимъ неоднократно случалось наѣзжать лежащую на дорогѣ либо шапку, либо шляпу, либо инныя какія вещи изъ одежды, но отъ которыхъ мы, какъ отъ огня, уже бѣгали и всегда объѣзжать подалѣе ихъ старались.

Но сколь ни опасно было въ сіе время разъѣзжать, но я столько любимъ и уважаемъ былъ моими родными, друзьями и сосѣдями, что ко дню моихъ именинъ, несмотря на всю опасность, сѣхалось

ко мнѣ таки-довольно гостей, и я день сей, противъ чаянія, провелъ съ милыми и любезными людьми въ удовольствіи совершенномъ.

Былъ у меня почтенной старичокъ, дѣдъ жены моей, была тетка ея съ дѣтьми своими, былъ другъ мой г. Полонскій съ женою, былъ родственникъ мой Дмитрій Максимовичъ Бакъевъ, былъ г. Ладыженскій съ женою, былъ г. Рудневъ и, наконецъ, наши деревенскіе сосѣди.

Угощеніе сіе было тѣмъ для меня пріятнѣйшимъ, что я не зналъ и въявь всѣмъ говорилъ, что не въ послѣдній-ли разъ ихъ угощаю, и велить-ли Богъ кому дожить до сего дня въ будущій годъ.

Гости мои не только пробыли у меня до самаго вечера, но всѣ и ночевали, а нѣкоторые не прежде, какъ на третій день, послѣ обѣда, отъ насъ разъѣхались.

Такимъ образомъ пошелъ мнѣ 34-й годъ отъ моего рожденія, о которомъ я всего меньше тогда зналъ, проживу-ли весь оный и не похитить-ли меня чума на раду съ прочими.

Мы остались тогда по разъѣздѣ гостей въ совершенномъ страхѣ и отчаяніи, ибо услышали, что и кромѣ вышеупомянутыхъ селеній, оказалась чума и въ другихъ мѣстахъ. Намъ сказали, что зачумѣло уже и Тешилово, Шенилово, Коптево, другая Городня, Карцово, Шебачево и нѣкоторыя другія, также очень близкія къ намъ селенія.

О Злобинѣ же сдѣлалось извѣстно, что и кромѣ умершей княжой племянницы, померли и всѣ женщины, ходившія за нею и многіе другіе люди, и что жители сего селенія всѣхъ зачумѣвшихъ согнали въ избу, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ деревни, подлѣ мельницы находившуюся, и тамъ всѣхъ ихъ для умирания заперли и что старичишка, негодяй поплъ нашъ, хоронилъ при церкви и тамъ умиравшихъ.

Все сіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока всѣ они перемерли, и какъ здоровые жители были такъ благоразумны, что

ую избу потомъ сожгли со всѣмъ къ послѣ умершихъ платьемъ, самымъ и избавились отъ смерти селеніи ихъ не распространилась

гальной половиной сего мѣсяца (только то, что мы всю ее провеличайшемъ отъ чумы страхѣ ни и никуда почти не ѣздили, ого, что съѣздили однажды въ лу и тамъ, у тетки, въ первый тѣи въ ея новыхъ хоромахъ, ихъ уже къ сему времени и по ихъ по моему плану; и что 28 сосѣда моего, Матвѣя Никитича, мнѣ его Степанъ, мальчикъ же по третьему году, которой фамилии нашей важнѣе, нежели воображали; да и можно-ли было ображать, что онъ былъ послѣдодѣ сего дома, и что съ нимъ все мужское поколѣніе онаго, съ сѣ перейдетъ въ чужую и ранилю.

Въ ноябрь мѣсяцъ провели мы тапочти образомъ, сидючи набо, и находясь въ такомъ же почти опасеніи отъ чумы, а хотя кое-какъ, но очень рѣдко.

Покупками своими, которыхъ, какъ извѣстно, родилось въ сей годъ много, я что дѣлать. О посылкѣ ихъ явилъ въ Москву и помыслить было о. Еслибъ покупали тамъ и по мѣсто, такъ не можно-бъ было на шиться.

Въ деньги, а особливо мѣдныя всѣхъ вещей были тогда опаснѣе, то го того не отвѣчивались мы ни шить ихъ и по деревнямъ для

Дома же у насъ никто не покупалъ, принуждены мы были себѣ кое-какъ уже дома, а изъ сла- шитьвали дѣлать сидръ, но ус- томъ имѣли невеликой.

Въ мѣсяцъ сей былъ осен- мой, въ которомъ не было уже садовыхъ надворныхъ работъ, кденъ я былъ болѣе сидѣть въ нскать домашнихъ упражненій:

издавна-же наилучшимъ упражненіемъ въ сѣ скучное время было у меня писа- ніе и сочиненіе чего-нибудь;—то и въ сей годъ въ особенности занимался я въ сѣ время онимъ и успѣлъ написать много кой-чего въ теченіи сего мѣсяца. А имен- но, разохотившись писать въ Общество Экономическое, заготовилъ я для отсылки туда цѣлымъ три пьесы.

Первая была вообще «О садахъ и за- веденіи оныхъ», а особливо о посадкѣ де- ревь. Другое было небольшое, «О истреб- леніи костера изъ пшеницы», а третье и знаменитѣйшее изъ всѣхъ,—о новомъ сво- емъ «хлѣководствѣ», съ рисунками, кото- рое вышло такъ велико, что я принуж- денъ былъ разорвать его на-трое. Кро- мѣ того, занимался я продолженіемъ со- чиненія давно уже начатой второй части «Дѣтской философіи», и успѣлъ сию часть кончить и начать переписывать.

Всѣми этими сочиненіями занимался я обыкновенно только въ утреннее время, вставая задолго до свѣта и продолжая дѣло сѣ до обѣда и покуда еще голоденъ, а послѣ обѣда занимался я болѣе чтені- емъ историческихъ, экономическихъ и духовныхъ книгъ; а по вечерамъ опять либо писалъ, либо что-нибудь читывалъ, а особливо въ тѣ дни, когда случалось у насъ бывать старичку, дѣду жены моей, для котораго наилучшая была у насъ за- бава, когда читывалъ я ему что-нибудь хорошенькое и полезное.

Кромѣ сего достопамятно, что и въ те- ченіи сего мѣсяца, но неотступной и нѣ- сколько разъ повторяемой просьбѣ гос- подина Щербинина, принужденъ я былъ принять деревню его Якишино въ свое смотрѣніе и въ оную, несмотря на всю опасность, ѣздить выбирать тамъ прика- щика и старосту и дѣлать разныя распо- ряженія.

Наконецъ, памятенъ мнѣ сей мѣсяцъ однимъ смѣшнымъ и вкупѣ крайне до- саднымъ произшествіемъ, случившимся въ нашей фамиліи.

Случилось сѣ въ самую средину сего мѣсяца, какъ, сидючи однажды подъ ок- номъ своимъ, увидѣлъ я бѣгущую къ себѣ

дворомъ тещу брата моего Михаила Матвѣевича, и по приближаніи ко мнѣ въ кабинетъ, упавшую къ моимъ ногамъ и на полу растянувшуюся.

Поразился я таковымъ явленіемъ и, не зная чтобъ это значило, поднимая, спрашивалъ ее о причинѣ; но она только вопіяла:

— «Помилуй, батюшка, защити бѣдную меня отъ зата. Бестія, прибилъ моего слугу и меня самую со двора гонить!»....

Удивился я сему случаю и тогдашнѣе догадавшись, что всему тому была причиною излишняя рюмка, выпитая моимъ братцемъ, а можетъ быть и самою сею его малорослою тещею, до чего была она также, по подъяческой своей природѣ, охотница, побѣждалъ тотчасъ къ нему, и нашедъ тамъ превеличайшую сумятицу и ссору совершенную, не только брата своего началъ всячески тазать и бранить, но и развелъ ихъ, уведя боярину къ себѣ въ домъ и оставивъ его одного пьянаго колобродить.

Наутрѣ, придя опять къ нему, до того довелъ я его своими уговариваніями и даже просьбами, со слезами, о томъ, чтобъ онъ употреблялъ менѣе горячихъ напитковъ, что онъ далъ мнѣ въ томъ клятвенное обѣщаніе и пришелъ ко мнѣ просить у тещи и жены своей прощенія; что и преподало мнѣ способъ къ прекращенію между ними ссоры и къ восстановленію въ семействѣ ихъ опять спокойствія.

Между тѣмъ, въ концѣ сего мѣсяца обрадованы мы были до безконечности извѣстіемъ, что въ Москвѣ повѣтріе началось мало-по малу ослабѣвать и утихло уже примѣтнымъ образомъ.

Нашлись также тогда вездѣ списки о умершихъ въ ней, во всѣ лѣтніе мѣсяцы, чумою, и по онимъ—погубила она въ мѣсяцѣ апрѣлѣ 744, въ маѣ—867, въ іюнѣ—1,099, въ іюлѣ—1,708, въ августѣ—7,268, въ сентябрѣ—21,401, въ октябрѣ—17,561. Всего по ноябрь мѣсяцъ 50,632 человекъ. А деревень, въ одной московскомъ уѣздѣ, заразилось 216, умалчивая о прочихъ уѣздахъ и провинціяхъ. А сколько

народу померло въ Москвѣ въ ноябрѣ и всего всѣхъ вездѣ, было намъ неизвѣстно, а думать надобно, что чума въ сей разъ похитила у насъ около ста тысячъ челоуѣкъ, когда не болѣе.

Начало декабря ознаменовалось двумя особенными, относящимися до меня происшествіями: во-первыхъ, тѣмъ, что я крайне обрадованъ былъ извѣстіемъ, что въ частные смотрители избранъ не я, а сосѣдъ мой г. Ладыженскій и г. Пущинъ; ибо, признаться надобно, что я очень боялся, чтобъ въ хлопотливую и, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, крайне опасную должность, не выбрали меня. Во-вторыхъ, что я въ одинъ день былъ до чрезвычайности испуганъ однимъ происшествіемъ. Случилось сіе въ 4-й день мѣсяца декабря.

У сосѣда моего, господина Ладыженскаго, была въ сей день дочь его Варвара иманиницею и онъ звалъ насъ къ себѣ обѣдать. Какъ за чумою мы давно уже никуда не ѣздили и засидѣлись дома, то, хотя и опасно еще нѣсколько было ѣхать мимо зачумленной деревни Злобиной, но мы, предпріявъ оную кругомъ объѣхать полями, рѣшились въ Сенино съѣздить.

Въ Злобинѣ хотя и несильно было ничего съ того времени, какъ они сожгли избы со всѣми зачумленными вещами у мельницы однако, какъ извѣстно было намъ, что тогда было обыкновеніе тамъ, гдѣ была чума, стараться ее скрывать и утаивать, а тамъ, гдѣ ея не было, на себя ее смѣливать и прыгать, дабы тѣмъ отогнать постороннихъ, которые всѣ тогда были опасны и сумнительны, отъ проѣзжанія чрезъ деревни, то и не знали мы, и въ Злобинѣ завѣрное пресѣклась-ли въ немя чума или еще продолжалась; а потому и не преминули употребить всѣхъ нужныхъ предосторожностей и какъ сами у себя и у людей, ѣхавшихъ съ нами, всѣ паружные и обнаженные наши члены вытерли уксусомъ, такъ и на дорогу взяли съ собою уксуса для нюханія. При подѣзжаніи же къ Злобину, велѣли взять гораздо далѣе вправо и объѣзжать вдали вокругъ сію деревню. По счастью было поле сіе

тогда подь озими и, по положенію мѣста объѣздъ сей учинить было можно. Но не успѣли мы при семъ объѣздѣ поровняться съ деревнею сею, какъ глѣдимъ бѣгутъ изъ деревни два мужика и прямо къ намъ.

Господи! какъ мы перетревожились всѣ тогда при приближеніи оныхъ. Я велѣлъ людямъ кричать и махать руками, чтобъ они къ намъ не приближались, а кучера то и дѣло понукалъ ѣхать скорѣе, чтобъ удалиться отъ бѣгущихъ; но сею учинить мы никакъ не могли.

Они бѣжали къ намъ на перехватъ и мы неннако заключили, что они хотятъ насъ ругать и браниться, для чего мы по зеленамъ ихъ ѣздамъ, и принялись за нюханье своего укуса и, стараясь выѣхать изъ-подъ вѣтра, готовились слушать ихъ брани; но вмѣсто того, какъ стали мы самихъ ругать и бранить, услышавъ отъ нихъ, что они были опредѣленные караульщики и для самаго того къ намъ бѣжали, дабы сказать, чтобъ мы и близко къ ихъ деревнѣ не подѣзжали, а объѣзжали-бы оную далѣе.

«Да развѣ вы слѣпи? кричали мы, что мы то и дѣлаемъ, и зачѣмъ васъ несли нелегкая къ намъ? Ступайте-ка и уберите прочь отъ насъ и оставьте насъ съ повоемъ!»

Между тѣмъ, какъ люди наши симъ образомъ съ ними, не далѣе какъ только шаговъ на десять отъ насъ стоявшими, говорили, сердце у насъ у всѣхъ было совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, а такъ отъ страха трепетало, что хотѣло выскочить. И не могу безъ смѣха теперь вспомнить о томъ, какъ мы, сидячи тогда въ каретѣ, обтирали у себя и лицо и руки укусомъ и укрывались всячески въ каретѣ, чтобъ чума не могла навесена быть отъ нихъ на насъ вѣтромъ.

Но какъ бы то ни было, но мы проѣхали, прогостили весь тотъ день въ Сенинѣ и возвратились тѣмъ же путемъ и домой благополучно.

Но не успѣли мы пріѣхать, какъ вдругъ сдѣлалось мнѣ дурно, и такъ дурно и не во себѣ, какъ никогда почти со мною не

бывало. Послѣ чего, вскорѣ почувствовалъ я въ себѣ ознобъ, а потомъ ужасный жаръ.

Неожиданность сія въ пракъ меня напугала, ибо, какъ извѣстно было намъ что и съ заражающимися чумою сначала такіа же происшествія бывають, то что иное оставалось тогда заключать, какъ не то, что конечно и ко мнѣ чума отъ поминутыхъ мужиковъ, какинъ-нибудь образомъ, прильнула; и какъ я въ томъ почти уже и не сомнѣвался, то посудите, каково мнѣ тогда было.

Одна мысль о томъ поражала меня неописаннымъ образомъ! Словомъ, я впадалъ въ такое смущеніе духа и дружное изнеможеніе тѣлесное, что не въ силахъ былъ итти за столъ ужинать; а какъ спать стали ложиться, то безъ дальнихъ околичностей женѣ своей сказала, чтобъ она въ сей день со мною не ложилась, но оставила меня одного, ибо еще неизвѣстно, чѣмъ болѣзнь моя откроется и не чумали еще самая. Итакъ, въ семъ случаѣ мнѣ не хочется, чтобъ и они отъ меня заразились.

Что было тогда ей дѣлать? Она хотя говорила, что тому статья не можно, чтобъ я зачумѣлъ, и что я напрасно сіе думаю; однако я настоялъ, чтобъ она для всякаго случая и изъ одной предосторожности оставила меня одного.

И она принуждена была сіе сдѣлать. А я ну-ка приниматься за свое обыкновенное въ такихъ случаяхъ лекарство, ну-ка принуждать себя, то и дѣло, къ чиханію и смѣху, въ немногіа минуты, такъ жаръ въ себѣ уменьшилъ, что могъ уже спокойно заснуть; а наутріе, кромѣ оставшейся слабости въ членахъ и сдѣлавшагося, можетъ быть, отъ поврежденія желудка, превеликаго поноса, совсѣмъ опять по прежнему здоровъ сдѣлался, что усвоило духъ во мнѣ и во всѣхъ моихъ родныхъ, не менѣ моего симъ случаемъ перестращенныхъ.

Такимъ образомъ удостоверившись, что то была не чума, и слыша притомъ со всѣхъ сторонъ увѣренія, что въ Злобинѣ давно уже нѣтъ никакихъ больныхъ, да

и во всѣхъ окрестностяхъ нашихъ чума утихла и пресѣлась, могли мы отважиться наступающій въ самое сіе время нашъ годовоіи праздникъ праздновать по прежнему обыкновению.

Мы осмѣлились быть у обѣдни уже въ своей церкви и, какъ во всѣхъ нашихъ трехъ домахъ много было приѣзжихъ родныхъ и пріятелей и мы изъ дома въ домъ со всѣми гостями переѣзжали и взаимно всѣхъ угощать старались, то и пропраздновали мы нѣсколько дней сряду и провели оные, а особливо вечера, въ разныхъ играхъ очень весело.

При чемъ нѣкотораго замѣчанія достойно, что я въ самое сіе время изобрѣлъ простое и самое удобное средство, никому еще до того неизвѣстное, къ составленію такъ-называемаго картезіанскаго чертѣнка изъ воска, которымъ физическимъ экспериментомъ въ послѣдующее время я такъ много веселился, а иногда употреблялъ его и въ пользу, и что самая фигурка сія подала намъ тогда поводъ къ особливому смѣху.

Случилось сіе утромъ одного изъ тогдашнихъ праздничныхъ дней, при случаѣ пришедшихъ ко мнѣ на поклонъ нѣсколькихъ человекъ изъ духовенства отъ нашей церкви и другихъ сосѣдственныхъ. Были въ числѣ ихъ и попы, и дьяконы, и дьячки, были люди умные, были и со всякою всячинкою. Какъ всѣ они, дожидаясь угощенія водкою, у меня сидѣли, то приди мнѣ охота порѣзвиться и удивить ихъ своею нововыдуманною фигуркою. Итакъ, важнымъ и нешуточнымъ тономъ говорю я имъ:

— «А со мною, отцы святыя, какая случись диковинка. На сихъ дняхъ ловили у меня въ прудахъ подо льдомъ рыбъ къ празднику, и какъ вытаскивали неводъ, то увидѣли между рыбою нѣчто чернѣющее и ворочующееся. Они почли сперва водянымъ тараканомъ, но скоро, увидя, что былъ то совсѣмъ не тараканъ, а нѣкая чудная, необыкновенная и удивительная вещца, имѣющая точное подобіе маленькаго чернаго человѣчка, илѣ паче чертѣнка съ страшными глазами и превели-

кими горбами спереди и сзади, всѣ мы удивились и не знали, что это такое и что съ нимъ дѣлать. Наконецъ, рѣшился я посадить его скорѣй опять въ воду въ ведро, а изъ него въ стеклянную банку, наполненную водою и, чтобъ не ушелъ, завязалъ сверху на крѣпко пузыремъ. Онъ и теперь у меня цѣлъ и живъ, и поглядите какой!»

Сказавъ сіе, пошелъ я въ свой кабинетъ, вынесъ банку мою съ фигуркою и, показывая ее всѣмъ имъ, съ крайнимъ любопытствомъ на нее смотрящимъ, спросилъ: «Ну, видите?»

— «Видимъ! видимъ! отвѣтствовали,— живою, истинно, съ ногами, и движется!»

Тогда, восхотѣвъ ихъ еще болѣе удивить, сказалъ я: «Да, посмотрите-ка, какой еще послушливой, что прикажешь, то и дѣлаетъ!» Послѣ сего началъ я будто фигуркѣ говорить и приказывать: «Ну, чертенокъ, ступай книзу... ниже... ниже... на самое дно... стань на колѣни... ну, стой такъ;... ну, пошелъ опять къверху;... ну, остановись въ срединѣ;... ну, дагѣ къверху;... ну, опять внизъ!»

Какъ фигурка все то и дѣлала, что я говорилъ, то зрители мои смотрѣли на все сіе разинувши ротъ и не знали, что имъ обо всемъ томъ думать, а только твердили «Господи помилуй!» А были изъ нихъ нѣкоторые такіе, которые, какъ мнѣ послѣ сами признавались, сочли его дѣйствительно чертѣнкомъ и читали «Да воскреснетъ Богъ» и прочія молитвы, кои почитали они удобными къ прогнанію бѣсовъ и дивились, что онъ нимало ихъ заклинаній не боялся. А то, что происходило все сіе отъ одинаго только непримѣтнаго давленія моею ладонью пузыря, которымъ горло банки было завязано, никому изъ нихъ и въ мысль не приходило. Я не могъ довольно нахотататься тогдашнему ихъ изумленію; но не менѣе удивлялъ и увеселялъ фигуркою сѣю и другихъ многихъ.

Вскорѣ за симъ надобно мнѣ было съѣздить самому въ городъ Алексинъ, гдѣ въ сей годъ производился наборъ рекрутской, ибо въ Москвѣ и въ Тулѣ, за чумою, дѣла сего производить было не можно. Итакъ

всѣ мы отдавали рекрутовъ своихъ въ Алексинѣ, которой городокъ отъ самаго того и началъ поправляться.

Въ сію ѣзду имѣлъ я случай многихъ изъ алексинскихъ дворянъ видѣть, а съ нѣкоторыми изъ нихъ и познакомиться. Въ особенности же доволенъ я былъ спознакомившись съ однимъ алексинскимъ старичкомъ дворяниномъ, съ которымъ мнѣ уже давно спознакомиться хотѣлось. Былъ то г. Зиѣвъ, Александръ Аврамовичъ, принадлежавшій въ числу, хотя оригинальныхъ, но такихъ людей, которые славятся умомъ и ученостью. Словомъ, онъ почитался тогда умнѣйшимъ, любпытнѣйшимъ и ученѣйшимъ человекомъ, хотя все сіе было и весьма въ тѣсныхъ предѣлахъ.

Но какъ бы то ни было, но онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, когда я нарочно къ нему заѣхалъ, и какъ онъ, имѣвъ случай читать нѣкоторыя мои сочиненія, самъ возжелалъ давно со мною познакомиться, то, сдружась съ нимъ въ одинъ мигъ, и не могли мы съ нимъ довольно наговориться, и тѣ сутки, которыя пробылъ я у него, были для меня очень веселы.

Онъ былъ также охотникъ писать и велъ всему, происходившему съ нимъ, домашній историческій журналъ, хотя далеко не такой обстоятельной, каковой былъ у меня въ тогдѣшнее время; но онъ и гдѣ-тамъ былъ меня гораздо старѣе и притомъ и здоровьемъ уже слабъ.

Къ празднику Рождеству Христову хотя и хотѣлось мнѣ возвратиться домой, но никакъ было не можно, а принужденъ былъ провести его и первые дни святокъ въ Каледникѣ и въ разѣздахъ по гостямъ въ мѣстахъ тамошнихъ, а въ Дворяново свое не прежде возвратился, какъ предъ наступленіемъ новаго года.

Тутъ, приѣхавши, нашелъ я опять присланный ко мнѣ изъ Петербурга пакетъ съ книгою изъ Экономическаго Общества. Это была уже XVII часть «Трудовъ» онаго, въ которой напечатана была мнѣ похвала и первое отдѣленіе сочиненія моего о раздѣленіи полей.

Сіе меня опять сколько-нибудь пора-

довало, хотя къ таковымъ, ничего назначеннымъ благоволеніямъ я уже и попривыкъ и онѣ много уже потеряли цѣны своей. Однако, все мнѣ было не противно, что меня Общество не забываетъ и я прихожу у него часть отъ часу въ множайшее уваженіе.

Послѣдніе дни сего года провели мы весело, въ непрерывныхъ почти сообщеніяхъ съ своими ближними сосѣдами и занимаясь съ ними въ обыкновенныхъ нашихъ сельскихъ увеселеніяхъ.

Симъ образомъ провели мы, по многимъ отношеніямъ, достопамятнѣйшій на свѣтѣ и незабвенный 1771 годъ и благодарилъ Бога, что, по благодати его, остались живы и здоровы и не претерпѣли даже никакого вреда и убытка.

Симъ окончу я мое письмо и въ заключеніе скажу, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 30, 1807).

1772.

Письмо 153-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать проишествія, случившіяся со мною въ теченіе 1772 года, начну сообщеніемъ вамъ тѣхъ чувствованій, съ какими началъ я проводить сей новой годъ, и расскажу объ нихъ самими тѣми словами, какими записалъ я ихъ тогда въ журналъ сего года. Онѣ были слѣдующія:

«Чтобъ записать, въ какомъ состояніи были мы при началѣ сего года, то скажу, что, по благодати всемогущаго Творца, былъ я со всею своею семьєю совершенно здоровъ и всѣмъ доволенъ. Въ благополучіи, которымъ я, живучи въ деревнѣ, столь многіе годы наслаждаюсь, не претерпѣлъ я въ минувшемъ году никакой перемѣны. Отъ самой намузасной опасности, въ которой находились мы по случаю бывшаго мороваго новѣтрія, всемогущая Десница сохранила насъ со всѣми нашими людьми цѣлыми и невредимыми, а впрочемъ не знаю, чего-бы мнѣ не доставало.

«Здоровъ я былъ во весь годъ, плеть

имѣлъ съ ношу, а хлѣба съ душу, люди добрые знали; а что всего лучше, то не имѣлъ я ни съ кѣмъ ссоры и вражды, не нажилъ ни одного себѣ непріятеля. Пріятелей же и знакомыхъ число приумножилось. Всѣ, знающіе меня, любили я, по милости Создателя моего ко мнѣ, носилъ я повсюду имя добраго человѣка. Итакъ, чего хотѣтъ мнѣ было богѣе? Умалчивая о томъ, что, по сочиненіямъ моимъ, имя мое и во всемъ государствѣ дѣлалось часть отъ часу знакомѣе и, ежели осмѣлюсь сказать, славнѣе.

«Въ сихъ утѣшительныхъ помысленіяхъ начиная и сей годъ, предаю себя совершенно во власть моего Господа и не забочусь о томъ, что со мною въ наступающій годъ воспослѣдуетъ. Онъ пускай управляетъ всѣмъ и будетъ распорядителемъ моихъ дѣлъ, обстоятельствъ и пріключеній.

«Дѣти мои часть отъ часу поднимались. Дочь Елисавета у меня уже все порядочно говорила и былъ такой ребенокъ, которымъ были мы очень довольны, потому что былъ ребенокъ смирной, послушной и понятливостію своею подающій о себѣ хорошую надежду.

«Сынъ Степанъ научился также говорить, хотя еще несовершенно; сей росъ какъ-то тихъ, упрямъ и невеселъ. Напротівъ того маленькой Павелъ съ самаго младенчества былъ веселъ и рѣзвъ, и хотя ему нѣтъ еще года, но имъ мы веселимся. Но всѣ они состоятъ въ рукѣ Господней, Онъ и твори съ ними, что Ему угодно».

Вотъ съ какими мыслями и въ какомъ расположеніи духа началъ я проводить сей годъ, и въ самой первой день онаго имѣлъ удовольствіе, чрезъ присланныхъ отъ племянницъ моихъ, изъ Кашина людей, что и они тамъ всѣ отъ чумы спаслись благополучно.

Впрочемъ, достопамятно было намъ начало сего года и гнѣвъ, что въ намъ въ первой еще разъ пришелъ превеликой обозъ съ наилучшимъ хлѣбомъ изъ нашей шадской деревни. Но мы находились въ превеликомъ педоумѣніи, не зная что съ нимъ

дѣлать; ибо чума въ Москвѣ, гдѣ надлежало его продавать, хотя и утихла, но все посмѣять туда обозъ было опасно.

Но, какъ бы то ни было, но мы наконецъ рѣшились пуститься на божею волю и отважились послать оной въ Москву; но какъ обозные возвратились и привезли къ намъ кучу мѣдныхъ денегъ, то какихъ и какихъ предосторожностей ни употребили мы съ оними!

Истинно, съ цѣлой возъ сожгли мы можжевелиника, окуривая и перекуривая всѣхъ мужиковъ и людей, ѣздившихъ съ онимъ, а деньги, ну-ка ихъ мыть сперва въ водѣ, а потомъ въ уксуѣ; но по счастью не произошло уже отъ нихъ никакого бѣдствія.

Впрочемъ, во весь первый мѣсяцъ сего года не произошло ничего особеннаго. Мы провели его по прежнему отчасти въ разныхъ разъѣздахъ по гостямъ и угашиваніи оныхъ у себя, а отчасти въ домашнихъ упражненіяхъ.

Я занимался во весь оной рисованіемъ особаго рода. Мнѣ восхотѣлось обить всю столовую или паче жилую свою комнату холстинными рисованными обоями и раскрасить оныя новымъ манеромъ, по самому тонкому левкасу, жидкими и наибольшую часть прозрачными красками, и имѣлъ въ томъ успѣхъ довольной. Обои сіи и понынѣ еще цѣлы и самыя тѣ, кои обита внутренность храма нагорнаго въ саду.

Занимаясь симъ веселымъ и для меня и въ особенности пріятнымъ упражненіемъ въ дневные часы, не давалъ я и ночнымъ пролетать праздно; но какъ были тогда самыя длинныя вечера, то во всѣ оныя, равно какъ и въ ранніе утренніе часы занимался я продолженіемъ сочиняемой мною «Дѣтской философіи» и писалъ въ сіе время третью часть оной, а вторую переписывалъ.

Кромѣ сего написалъ еще и экономическое сочиненіе «О навозѣ», для отсылки въ Общество. Далѣе произошло около сего времени изъ небытія въ бытіе начало того моего сочиненія, которое изъ всѣхъ моихъ можно почесть наиблаженнѣйшимъ и

полезнѣйшимъ, а именно той книги, которая послѣ напечатана подъ заглавіемъ «Путеводителя къ истинному счастью».

Въ разсужденіи сей книги особливаго замѣчанія достойно то, что произошла она на свѣтъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ: не дѣлано было мною къ тому никакихъ предварительныхъ приуготовленій и плановъ; не сочиняемо никакихъ эскизовъ; не помышляемо собственно нисколько о томъ, какою ей и сколь великою быть. Но мнѣ такъ въ одинъ день и ненарочно вздумалось написать что-нибудь о счастьи, — я сѣлъ и намахалъ первое и начальное разсужденіе.

Оно мнѣ понравилось; а какъ на ту пору случилось приѣхать къ намъ и у насъ нѣсколько дней пробить дѣду жены моей, Аврааму Семеновичу, то, какъ теперь помню, однимъ утромъ сядучи съ нимъ въ своемъ кабинетѣ, читалъ я ему сіе сочиненіице, желая видѣть, каково оно ему покажется. И какъ оное и ему полюбилось, то сіе и побудило меня продолжать сіе дѣло и изображать на бумагѣ дальнѣйшія мои мысли о семъ предметѣ. Однако и тогда еще никакъ я себя не воображалъ, чтобъ отъ сего малаго и ничего незначущаго начала произошла такая большая книга, и чтобъ отъ сего съмячка, посвяннаго безъ дальняго замысла и почти ненарочно, произросло со временемъ большое и прекрасное дерево, приносящее весьма многіе и полезныя плоды.

А таковыя, ненарочныя и безъ всякаго предварительнаго обдумыванія и приуготовленія предпринимаемыя дѣла, сколько мнѣ замѣтить случилось, и всегда удавались мнѣ несравненно лучше и были успѣшнѣе тѣхъ, которыя предпринималъ я по сдѣланному напередъ плану и по обдуманному прожектатъ, изъ коихъ большая часть оставались безъ всякаго выполненія; и сіе было нѣчто особенное и необыкновенное въ разсужденіи мени и дѣлѣ мною производимыхъ.

Мѣсяць февраль достопамятенъ былъ только тѣмъ, что мы проводили любезнаго нашего старичка Авраама Семено-

вича, дѣда жены моей, отъѣзжающаго опять воссоясы.

Всѣ мы какъ ни уговаривали его остаться и кончить дни свои въ нашихъ предѣлахъ, посреди ближнихъ, прямо любящихъ и почитающихъ его родныхъ, и какъ ни представляли ему, что здѣсь и спокойнѣе, и беззаботнѣе, и пріятнѣе будетъ ему проживать позднія сумерки дней своихъ, но онъ никакъ на то не согласился; но, привыкнувъ къ житію въ своихъ низовыхъ мѣстахъ, восхотѣлъ неотмѣнно опять туда ѣхать и тамъ кончить свои дни, преисполненные безчисленными горестями и печальми.

Итакъ, 29 числа сего мѣсяца распрощались мы съ симъ любезнымъ, добрымъ и почтеннымъ старичкомъ. И какъ всѣ мы ни мало въ томъ не сомнѣвались, что мы его болѣе никогда уже не увидимъ и тогда въ послѣдній разъ съ нимъ говорили, то сцена, бывшая при нашемъ съ нимъ прощаніи, была прямо жалкая и такая, которую я описать никакъ не могу. Никого изъ всѣхъ насъ, его родныхъ, не было, кто не обливался бы слезами. Я самъ, какъ ни крѣпокъ въ такихъ случаяхъ, но не могъ никакъ унять слезъ, текущихъ изъ глазъ моихъ.

А мартъ мѣсяць содѣлался только тѣмъ нѣсколько достопамятенъ, что въ началѣ онаго, а именно 4-го числа, родилась у брата моего, Михаила Матвѣевича, та дочь его Александра, которая осталась въ живыхъ для игранія роли своей на театрѣ свѣта, но которая игра не принесла ни ей, ни роднымъ ея ни малѣйшей чести и не одинъ разъ подавала поводъ сожалѣть о томъ, что она и существуетъ въ свѣтѣ; но по счастью помрачилась ею фамилія не наша, а Бѣгичевыхъ.

Что касается до меня, то я въ послѣдніе зимніе дни кончилъ третью часть экономическихъ моихъ записокъ, собранныхъ и переплетенныхъ подъ заглавіемъ «Плоды празднаго времени», но которыя сею частію тогда и кончились.

Начало наступившей въ концѣ марта мѣсяца у насъ весны ознаменовали мы раздѣломъ между собою нашего Удере-

ва. Ближній сей и подлѣ самой деревни нашей находившіяся лѣсокъ, по разнымъ обстоятельствамъ, не совсѣмъ еще раздѣленъ и нужно было еще раздѣлить въ немъ нѣкоторыя мѣста.

И какъ мнѣ за свою часть хотѣлось приняться и всю ее почистить и оправить, то и убѣждалъ я сосѣдей своихъ въ окончательному его раздѣленію; что и произвели ны 30 числа сего мѣсяца, и я, кончивъ оной и сочинивъ планъ, и принялся за свою часть такъ прилежно, что препроводилъ тамъ нѣсколько дней безвыходно, со всеми своими деревенными людьми, и надѣялся произвестъ тѣмъ себѣ невѣдомо сколько пользы; но послѣдствіе времени доказало, что не все то совершается, что мы себѣ иногда навѣрное воображаемъ и нерѣдко происходить противное ожиданіямъ нашимъ.

Пасха была у насъ въ сей годъ въ половинѣ апрѣля, и она достопамятна сдѣлалась досадою и неудовольствіемъ, которое я имѣлъ въ первой самой день сихъ праздниковъ на меньшого своего двоюроднаго брата Гаврилу Матвѣевича, разсердившаго меня на себя чувствительнымъ образомъ.

Въ семъ молодомъ челоуѣкѣ, на котораго сначала я всѣхъ болѣе надѣялся, ибо онъ казался сколько-нибудь поумнѣе прочихъ, къ особливому сожалѣнію моему, характеръ отерывался часъ отъ часу худшій, и тѣмъ болѣе онъ возрасталъ, тѣмъ становился дурнѣйшимъ.

Будучи съ самаго малолѣтства воспитанъ съ великимъ небреженіемъ и очень худо, и привыкнувъ смаленьку допивать остатки изъ рюмочекъ, наслѣдовалъ онъ отъ отца своего все дурное въ немъ бывшее, а изъ хорошихъ его свойствъ ничего. А какъ и гвардія, въ которой онъ служилъ, нимало его не поправила, а испортила еще болѣе, то не уснѣлъ онъ начать приходить въ дѣла, какъ и оказался въ немъ свойства завистливаго, своенравнаго, вздорнаго, вспылчиваго, упрямаго, лукаваго, ненавистнаго, корыстолюбиваго, враждебнаго и такого челоуѣка, съ которымъ трудно было ладить.

Покуда онъ былъ молодъ, до тѣхъ поръ имѣлъ онъ ко мнѣ должное почтеніе и уваженіе, и я имъ былъ доволенъ, и онъ слѣдовалъ во всемъ моимъ совѣтамъ. Но какъ сіе людямъ его, находящимъ въ томъ свои интересы, когда господа между собою спорятся, было неприятно, а они охотнѣе хотѣли видѣть его самовластнымъ и ни отъ кого ни въ чемъ независимымъ, дабы самимъ имъ управлять имъ было можно; то не успѣлъ онъ подняться на ноги, какъ и начали они мало по малу его къ тому готовить и всякими бездѣльническими выдумками и клеветами вливать въ него на меня злобу; и вскорѣ дѣйствительно до того довели, что онъ со мною разсорился.

Я, не зная всего, а примѣчая только за нѣсколько времени нѣкоторую отиѣву въ поведеніи сего молодого челоуѣка противъ меня, дивился только тому и, вѣдая, что я не подалъ и не подавалъ къ досадѣ на себя ни малѣйшей причины, не понималъ, за что-бы онъ повидимому на меня дулся; но въ помянутой празникъ доказалъ онъ всѣмъ себя прямо.

Случилось сіе при разговорѣ о пастухахъ и дѣло стало за нихъ. Ему, по введенной давно уже очереди, слѣдовало въ сей годъ становить опять своихъ пастуховъ; но онъ вдругъ и несправедливѣйшимъ образомъ заперывалъ, и не только не хотѣлъ ставить оныхъ, но будучи всѣхъ насъ моложе и прямо еще молокососомъ, вздумалъ всѣми нами играть, надъ нами насмѣхаться, насъ нимало не уважать, а становить самого себя изъ всѣхъ первымъ и все сіе сопрягать съ невѣжливостью и такою грубостью, какой всѣ мы отъ него нимало не ожидали.

Не могу изобразить, какъ мнѣ все сіе было досадно, а особливо, когда изъ нѣсколькихъ словъ, проговоренныхъ имъ въ неистовствѣ, я могъ заключить, что я кѣмъ-то ему былъ оклеветованъ и ему то обо мнѣ внушено, чего у меня никогда и на умѣ не было.

Словомъ, я такъ былъ имъ въ сей день раздраженъ, что не хотѣлъ впредь съ нимъ, какъ съ негоднымъ и неблагодар-

нѣйшимъ человѣкомъ, имѣть никакого дѣла, а презрѣвши, оставить его собственному произволу, хотя то было мнѣ очень больно.

Но, по счастью, ссорилка сія продолжалась не долго, но на той же недѣлѣ кончилась. Не успѣла сойтись съ него дурь, какъ увидѣлъ онъ, что поступилъ противъ меня и противъ всѣхъ крайне дурно и глупо, и началъ самъ уже къ намъ забѣгать и стараться опять съ нами поладить; на что мы хотя тотчасъ и согласились, но худое мнѣніе, вперенное (въ) насъ о себѣ, не могъ уже онъ истребить изъ насъ до самаго конца своей жизни.

Не успѣла вскрыться весна и настать май мѣсяцъ, какъ принялся я за сниманіе на планъ нашего Шаховскаго лѣса, которымъ положили мы учинить начало нашему раздѣленію лѣсовъ. И какъ нужно было съ согласія всѣхъ назначить лѣсу сему границы, то сотовариществовалъ мнѣ въ семь дѣлъ и сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ, какъ имѣющій величайшее въ немъ соучастіе; а въ послѣдующій за нимъ іюнь мѣсяцъ, мы лѣсъ сей и раздѣлили.

О которомъ раздѣлѣ замѣчу я только то, что хотя бы мнѣ за труды и хлопоты мои можно-бы было требовать того премуущества, чтобъ взять на свою часть гдѣ мнѣ лучше расудится; но я того никакъ не сдѣлалъ, но, снявъ лѣсъ на планъ и разбивъ его съ одного назначеннаго въ срединѣ пункта въ треугольникъ, и вычисливъ всѣ оныя аккуратнѣйшимъ образомъ и назначивъ одно мѣсто, съ котораго бы начать дѣлить, предложить, чтобъ всѣмъ намъ кинуть жеребій и чтобъ назначилъ намъ оной, кому изъ насъ намѣривать первую, слѣдующую ему по пропорціи четвертной его дачи часть, кому подѣлъ его другому, кому третьему и такъ далѣе, дабы дѣло сіе было самое безгрѣшное и никто не могъ имѣть на другого ни малѣйшаго неудовольствія.

А сіе мы и учинили дѣйствительно. И какъ первый жеребій выскочилъ мой, то я первой самъ себя, несмотря, что было то въ самомъ худшемъ мѣстѣ, и намѣ-

рилъ, а послѣ отрѣзалъ при всѣхъ и въ натурѣ, которой раздѣлъ между нами существуетъ и доннѣ.

Кромѣ сего услужилъ я въ сію весну брату Михаилу Матвѣевичу разбитіемъ ему его нижняго нагорнаго сада предъ хоромами, которой онъ въ ту же весну по назначеннымъ мною чертамъ и засадилъ.

Впрочемъ въ концѣ мая удивлены мы были полученнымъ изъ шадской нашей деревни, чрезъ нарочнаго ходома, извѣстіемъ, что г. Пашковъ хочетъ межеваться и отхватить себѣ всю тамошнюю степь, называя ее своею. Сіе впервые мы тогда еще услышали и не понимали, по какому праву онъ присвоивалъ себѣ такое великое пространство дикой казенной земли.

Мѣсяцъ іюнь ознаменовался, кромѣ того, новымъ знакомствомъ, сведеннымъ съ господиномъ Темешовымъ, Алексѣемъ Іоновичемъ. Онъ былъ тогда еще малой молодой и холостой, и ему съ братомъ досталось по родству, какимъ-то образомъ, сосѣдственная и самая близкая ко мнѣ деревня Котово во владѣніе. И какъ онъ тутъ въ сію весну жилъ, то сей случай и познакомилъ насъ съ нимъ и я его ласкою и пріязнію къ себѣ былъ очень доволенъ.

Въ концѣ же сего мѣсяца ѣздилъ я въ одни дальнія гости. Теща моя имѣла одного недалежнаго родственника, живущаго въ Коломенскомъ уѣздѣ и далеко за Серпуховымъ. И какъ ей хотѣлось его видѣть, а я мнѣ съ нимъ познакомиться, то и согласились мы туда вмѣстѣ съ нею и Иваномъ Асанасевичемъ Арцибшевскимъ съѣздить.

Итакъ, побывавъ въ Серпуховѣ и у сего послѣдняго въ Воскресенкахъ, и ѣздили мы въ деревню къ упомянутому знаменитому нашему родственнику, по имени Николаю Леонтьевичу Воронину и были ласкою и угощеніемъ его очень довольны. Мы взяли у него и самой праздникъ Петровъ день, и онъ такъ мнѣ всѣмъ своимъ поведеніемъ и качествами полюбился, что я сожалѣлъ, что жилъ онъ отъ

такъ далеко и что невозможно было съ нимъ видѣться часто.

Въ половинѣ іюля, по долговременномъ ожиданіи, встревожены мы были, наконецъ, повѣсткою отъ межевщика, чтобы приѣзжать къ нему для миротворенія съ волостными.

Онъ стоялъ въ сіе время въ селѣ Яковлевѣ, которое было отъ насъ хотя недалеко, но мы не преминули къ нему съ содѣлками ѣхать. Однако въ сей разъ ѣзда наша была еще тщетная. Дѣла никакого не было и мы возвратились съ тѣмъ же съ чѣмъ поѣхали.

Кромѣ сего, ничего въ теченіи сего мѣсяца не происходило. Я провелъ его въ разныхъ домашнихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, изъ коихъ достопамятнѣйшимъ было нарисованіе портрета Петра Великаго, съ Минервою, корпусными красками, украшающаго и понынѣ мои стѣны, и сдѣланіе на горѣ, пониже плотины сажелочной, колокольной водяной игры, собственнаго своего и довольно замысловатаго изобрѣтенія, которая насъ нѣсколько лѣтъ веселила. А, наконецъ, занимался я нѣсколько дней сниманіемъ на планъ луговъ нашихъ для предпринимаемаго раздѣла оныхъ.

Напротивъ того мѣсяцъ августъ ознаменовался уже кой-какими особенными происшествіями, изъ которыхъ первое было то, что сосѣдъ мой Матвѣй Никитичъ обрадованъ былъ полученіемъ прапорщичьяго чина.

Извѣстіе о томъ получалъ онъ, будучи у меня, и въ самое то время, когда увеселялъ я его новою своею колокольною игрою и пальбою изъ маленькихъ, придѣланныхъ къ ней, пушечекъ. А на другой день происходила въ домѣ у меня помолвка сосѣда и новаго знакома моего, господина Темешова.

Сей молодой человекъ сватался тогда на одной дворянской, живущей въ Кошарскомъ уѣздѣ, дѣвушкѣ, госпожѣ Срезневой; и съ обѣихъ сторонъ условилось было, чтобы съѣхаться имъ ко мнѣ въ домъ и посмотрѣть другъ друга, и потомъ помолвить.

Итакъ, 3-го числа августа госпожа Срезнева и приѣхала къ намъ съ своею дочерью, сыномъ и двоюроднымъ своимъ братомъ, Андреемъ Ивановичемъ Щепотевымъ.

Мнѣ они хотя и не были до того времени знакомы, но я съ удовольствіемъ ихъ принялъ и далъ тотчасъ знать о томъ г. Темешову, которой и не преминулъ тотчасъ приѣхать ко мнѣ съ дядею своимъ, князь Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ.

Они, посидѣвъ, посмотрѣвъ и поговоривъ нѣсколько между собою, поручили мнѣ комиссію, спросить въ другой комнатѣ невѣстину мать о ея мнѣніи.

Я нашелъ госпожу Срезневу въ прелекомомъ замѣшательствѣ, недоумѣніи и нерѣшимости. Женухъ какъ-то ей не вѣсімъ имъ несовѣсімъ нравились, и она долго не знала что дѣлать. Наконецъ, по увѣщанію г. Щепотева, положила она на власть Божию и велѣла мнѣ сказать, чтобы они начинали, по обыкновенію, говорить о своемъ желаніи.

Но чтожь произошло! Между тѣмъ, какъ я пошелъ къ нимъ и всѣ мы начали между собою втайнѣ, и также въ другой комнатѣ, говорить о томъ какъ быть сей церемоніи, взбунтовался сынъ госпожи Срезневой и сталъ дѣлать матери противорѣчія. Меня вызвали тогда въ лакейскую съ извѣщеніемъ о томъ, и я, побѣжавъ къ нимъ, нашелъ всѣхъ, бывшихъ съ невѣстной стороны, въ прелекомомъ безпорядкѣ, разстройкѣ и несогласіи. Досаду на сіе, принужденъ я былъ вмѣшаться въ ихъ разговоръ, и часа черезъ два насилу уговорилъ ихъ, чтобы приступить къ дѣлу.

Итакъ, поѣвъ вечеръ уже началось у насъ дѣло. Князь Горчаковъ началъ говорить г. Щепотеву, а тотъ г-жѣ Срезневой, и началось дѣло и воспоелѣдовала такъ-называемая помолвка и обыкновенныя поздравленія, а потомъ переговоры о томъ, когда быть формальному стовору и свадьбѣ.

Все сіе продолжалось очень долго, но было какъ-то все не очень ладно и согласно.

Наконецъ, по назначеніи, чтобъ свовору быть чрезъ три недѣли, послѣ того разѣхались мои гости: женихъ поѣхалъ въ Котово, а г-жа Срезнева съ своими также домой, ибо, какъ я ни унималъ остаться у себя почевать, но она не согласилась.

Но не успѣлъ я ихъ проводить и вытти прогуляться въ садъ, какъ гляжу, бѣжитъ ко мнѣ человекъ Настасья Григорьевна Срезневова, вернувшійся съ дороги, съ просьбою отъ ней ко мнѣ, чтобъ я попросилъ г. Темешова приѣхать къ ней чрезъ день послѣ того, со мною, и не отъѣзжалъ бы по намѣренію своему въ путь.

— «Хорошо, мой другъ!» сказалъ я, — «я пошлю сей же часъ къ Алексію Ивановичу съ письмецомъ о томъ».

Но какъ сей на мою цидулку отписалъ, что ему никакъ учинить того не можно, а онъ согласенъ не въ воскресенье, а наутри со мною къ ней съѣздить; то за необходимое я пошелъ по утру, на другой день, ранехонько, съ предварительнымъ извѣстіемъ о томъ отправить нарочнаго. Но чтожь воспослѣдовало?

Не успѣлъ послѣдующій день настать и сосѣдъ мой ко мнѣ приѣхать, какъ и полетѣли мы съ нимъ въ деревню г-жи Срезневова, которая была отъ насъ таки - неблизко; и какъ удивились мы, какъ подъѣзжая къ ея дому, увидѣли карету г-жи Срезневова, ѣдущую къ намъ навстрѣчу.

«Что за диковинка! и что это значить?» говорили мы между собою. «Уже не хотѣла ли она куда-нибудь дать тягу?» Но какъ нельзя было ей, увидѣвъ насъ, не остановиться и вмѣстѣ съ нами не возвратиться въ домъ, то приняла она насъ какъ надобно. Но какъ мы, посидѣвъ, начали говорить, то услышали неожиданное и такое, чему мы еще болѣе удивились, а именно: что она срокъ свовора переиъняетъ и дѣлаетъ его неопредѣленнымъ, предлагая что ей необходимо надобно еще съѣздить повидаться и посовѣтовать съ какими-то родственниками, и что тогда уже она дастъ знать.

Услышавъ сіе, я тотчасъ догадался, что это былъ формальной отказъ, а г. Темешовъ, какъ былъ ни притокъ, но того не понялъ; но задумалъ самъ политическимъ образомъ отказывать, а чрезъ то, противъ всякаго чаянія, и расплылось все наше дѣло.

Возвращаясь къ себѣ въ домъ, проговорили мы съ нимъ во всю дорогу о семъ дѣлѣ и я довелъ товарища своего до того, что онъ мнѣ во всемъ открылся и наговорилъ о себѣ столько, что я ажно содрогался.

Узнавъ, что былъ онъ человекъ совсѣмъ особаго и такого рода, съ которыми связываться ни одному человеку не можно, а потому и почиталъ г-жу Срезневу счастливою, что она не попала за сего человека, ибо дѣвушка сія была очень хорошая, и онъ по характеру своему казался совсѣмъ нестойкій такой невѣсты.

Вскорѣ послѣ сего получилъ я изъ чернской своей деревни съ нарочнымъ извѣщеніемъ, что туда приѣхалъ межевщикъ, на сосѣдственную къ намъ дикую казенную землю, и что мнѣ неотмѣнно туда приѣхать надобно. И обстоятельство были таковы, что я принужденъ былъ, бросивъ все, скакать туда вмѣстѣ съ сосѣдами моими, гг. Молчановыми, имѣвшими въ тамошней деревнѣ равное со мною во владѣніи соучастіе.

Итакъ, согласившись ѣхать вмѣстѣ 12-го августа, отправились мы въ сей путь, и не успѣли нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъѣхать, какъ въ тотъ же еще день случилось съ нами одно смѣшное, особое и такое происшествіе, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно было слѣдующее:

Подъѣзжая къ Тулицѣ, встрѣтилось съ нами нѣсколько телѣгъ, набитыхъ пыльными мужиками, похожими на бурлаковъ. Они орали пѣсни во все горло, кричали и скакали, сколько было у лошадей силы, и мимо насъ проѣхали.

Мы, сидячи съ г. Молчановымъ въ одной коляскѣ, подивились еще и не понимали, какіе бы это люди были: не то

купцы, не то—мужики, не то—разбойники. Всѣ были величьи и толстяки, всѣ въ кожаныхъ, въ красныхъ рубахахъ и всѣ съ виду, какъ бурлаки.

И, смотря на нихъ, и подумалъ еще: «ахти! уже не воры-ли это какіе?» Однако, какъ не до насъ было дѣло, то повстрѣчавшись съ ними, и проѣхали мы мимо и продолжали путь свой.

Но не успѣли мы, проѣхавъ Тулицу, миновать стоявшую тутъ тогда заставу, какъ увидѣли бѣгущаго за нами съ заставы солдата и кричащаго, чтобъ мы остановились.

Удивились мы сему и хотя не знали, чтобъ это значило, но нехотѣли остановиться и его подождать. Солдаты, добѣжавъ, просилъ насъ именемъ поручика, чтобъ мы немного погодили, говоря, что какой-то купецъ ѣхалъ и обронилъ деньги, а другой какой-то человѣкъ ѣхалъ верхомъ и онъя деньги поднималъ и отдалъ нашимъ людямъ.

Странно намъ сіе показалось и тѣмъ паче, что мы, ѣдучи впереди, ничего того не видали и, не понимая, что-бъ это значило, спрашивали у людей; но они говорили, что ничего этого не знаютъ. Однако, согласились мы обождать и солдаты побѣжали назадъ.

Между тѣмъ, приставалъ я къ своимъ людямъ и принуждалъ сказать, не было ли въ самомъ дѣлѣ какого происшествія? И, къ удивленію своему, скоро открылось, что въ самомъ дѣлѣ было, а именно: что за нами случилось ѣхать человѣку, знакомому нашимъ людямъ и неподалеку отъ того мѣста живущаго дворянина, г. Хвощинскаго, человѣку, которой, поднявъ оброченныя купцомъ деньги, кинулъ нашимъ людямъ по знакомству, и они ихъ приняли и спрятали, и у одного изъ нихъ были они въ карманѣ. Я велѣлъ ихъ себѣ показать и увидѣлъ кожаной кошелекъ, набитой серебряными деньгами, которыхъ повидимому было рублей до пятидесяти.

Тогда начали мы совѣтовать, что съ ними дѣлать?—Людцы наши всѣ единогласно говорили, что намъ не для чего

ждать, а должно ѣхать. Г. Молчановъ былъ того же мнѣнія и принуждалъ деньги скоронить подъ хомутъ, завернувъ во что-нибудь. Но мнѣ одному казалось это дѣло безчестнымъ и подлымъ, и что долгъ христіанскій повелѣваетъ возвратить сіи деньги хозяину; почему и сталъ я въ томъ такъ твердо, что всѣ, сколько ни говорили, но не могли меня въ томъ переспорить.

Между тѣмъ увидѣли мы идущую къ намъ цѣлую толпу народа. Былъ то поручикъ и превеликое множество народа, окружающаго того верхового человѣка, которой, по отдачи нашимъ денегъ, нарочно отъ насъ отсталъ.

Вопль, крикъ и превеликой шумъ слышанъ былъ уже издалека, и вся эта шайка шла на насъ; а человѣкъ г. Хвощинскаго, притворясь, будто совсѣмъ насъ не знаетъ, кричалъ уже издалека:

— «Милостивые господа! Вотъ пристають ко мнѣ, не знаю, не вѣдаю изъ чего. Говорятъ, будто-бы я поднималъ сколько-то денегъ и отдалъ вашимъ людямъ, а я не знаю ничего, не вѣдаю, ни васъ, ни людей вашихъ не знаю и никакихъ денегъ не поднималъ и не отдавалъ».

На сіе, понимая что это значить, отвѣтствовалъ я молчаніемъ, покуда пришелъ поручикъ. Сей, приставивъ тотчасъ къ намъ и рассказавъ все слышанное, сталъ учтивымъ образомъ просить насъ, чтобы мы это дѣло изслѣдовали.

И тогда обступило насъ множество народа, ибо обронили деньги самые тѣ бурлаки и люди, о которыхъ упоминалъ я выше, и которые, побросавъ свои телѣги, вернулись верхами и, валяясь въ ногахъ, то Молчанова, то меня просили оказать имъ милость.

Я, опасаясь, чтобъ не произошло какого худого слѣдствія, не открывая имъ, что мнѣ все дѣло уже извѣстно, говорилъ человѣку Хвощинскаго, чтобъ онъ признался, буде поднималъ и сказать бы, которому изъ людей нашихъ онъ ихъ отдалъ. Но какъ онъ твердо въ томъ стоялъ, что не поднималъ, а тѣ бѣдняки не могли именно показать, которому изъ

людей нашихъ онъ отдалъ, а обыскивать насъ было не можно, то легко могли-бъ деньги сіи пропасть, если-бъ я захотѣлъ; но то-то было и дѣло, что мнѣ того и чужой грѣхъ на душу взять не хотѣлось.

Долго это продлилось и нельзя было никакъ не умилосердиться и не скалнить-ся на ихъ просьбы. Съ нихъ соскочилъ тогда и хмѣль весь. Однако, чтобъ отвѣсти отъ себя подозрѣніе, уговаривалъ я человѣка, чтобъ сказалъ правду и доволенъ бы былъ пятью рублями, которые дають они ему охотно сами. И насилу, насилу могъ его уговорить! Итакъ, взялъ онъ тайкомъ отъ моего человѣка деньги и, спросивъ сколько ихъ было и, условившись о переймѣ, отдалъ ихъ.

Денегъ по счету оказалось 38 рублей, и они сами ему дали 5 рублей, чѣмъ дѣло сіе и кончилось. Люди мои получили отъ человѣка одинъ рубль, а и онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему 4 рубля Богъ далъ.

Кромѣ сего во все путешествіе сіе ничего съ нами не случилось особеннаго. Мы доѣхали до деревни своей благополучно, и какъ межешника еще не было, то принялся я тотчасъ за снятіе на планъ всей нашей тамошней дачи и по исчисленію узнавъ, что въ ней было около 125 десятинъ недостатка, нетерпѣливо хотѣлъ видѣть межешника, которой, наконецъ, къ намъ и приѣзжалъ.

Но какъ онъ присланъ былъ только для измѣренія одной, недалеко отъ насъ находящейся казенной земли, а до насъ ему дѣла не было, то, поговоривъ съ нимъ, другого намъ не оставалось, какъ ѣхать обратно домой, куда, чрезъ нѣсколько дней, и возвратились мы благополучно.

Вскорѣ послѣ сего происшествія имѣли мы нѣкоторую непріятность въ домѣ, по случаю тяжкихъ, удивительныхъ и почти ненатуральныхъ болѣзней многихъ людей, и какъ тому же злу подверглась кормилица меньшого моего сына, то принуждены мы были его отъ ней отнять. А вскорѣ за симъ имѣли мы неожиданное удовольствіе видѣть у себя обѣихъ племянницъ моихъ, Надежду и Анну

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1873 г.

Андреевнъ, приѣхавшихъ къ намъ изъ Кашина для свиданія.

Въ первыхъ числахъ сентября, по случаю великаго урожая въ сей годъ орѣховъ, пришла мнѣ мысль завести у себя, за вершиною, на клину регулярной садъ, составленной изъ одного орѣшника, на тотъ конецъ, чтобъ тутъ можно было орѣхамъ до тѣхъ поръ давать вырѣвѣть, покуда они сами начали бы вываливаться.

И какъ я во всѣхъ такихъ случаяхъ бывалъ очень нетерпѣливъ, то не успѣлъ сего вздумать, какъ захотѣлось мнѣ затѣю сію и выполнить. Я тотчасъ началъ все сіе мѣсто, измѣривъ, разбивать, по тогдашней склонности и охотѣ къ регулярнымъ садамъ, на разныя косы и прямыя куртины и назначать, гдѣ быть алейкамъ и дорожкамъ, коихъ назначилъ я превеликое множество. А по учиненіи сего тотчасъ и велѣлъ все сіе мѣсто окапывать рвомъ, чрезъ что и получилъ тогда заовраженію мой садъ первое свое основаніе.

Но все мое тогдашнее предпріятіе было неудачно и вышло, наконецъ, изъ сего мѣста совсѣмъ иное, нежели я тогда себѣ воображалъ.

Я хотя и засадилъ его въ ту же осень сплошнымъ почти орѣшникомъ, употребивъ къ тому нѣсколько тысячъ кустовъ, но какъ кустарникъ сей очень непринимчивъ, а я пожалѣлъ его весь по корень срѣзать, то онъ весь почти у меня на другой же годъ засохъ и не уцѣлѣло изъ нихъ и ста кустовъ; почему мѣсто сіе было опять предано на многіе годы запустѣнію и заросло березами и всякою дрянью, покуда, наконецъ, многіе годы спустя, принявшись опять за оное, мало по малу основалъ я тутъ плодovitой садъ, оставивъ нѣкоторыя части въ натуральной дикости, въ какомъ состояніи находитса онъ и понинѣ; и изъ посаженныхъ тогда орѣховыхъ кустовъ не осталось и нѣсколькихъ десятковъ, а мѣсто ихъ заступили яблони и вишни, полюбившія отменно сіе мѣсто. Совсѣмъ тѣмъ

кунии, не то—нужники, не то—разбойники. Всѣ были велички и толстяки, всѣ въ кожаныхъ въ красныхъ рубахахъ и всѣ съ виду, какъ бурлаки.

Я, смотря на нихъ, и подумалъ еще: «ахти! уже не воры-ли это какіе?» Однако, какъ не до насъ было дѣло, то повстрѣчавшись съ ними, и проѣхали мы мимо и продолжали путь свой.

Но не успѣли мы, проѣхавъ Тулицу, миновать стоявшую тутъ тогда заставу, какъ увидѣли бѣгущаго за нами съ заставы солдата и кричащаго, чтобъ мы остановились.

Удивились мы сему и хотя не знали, чтобъ это значило, но велѣли остановиться и его подождать. Солдатъ, добѣжавъ, просилъ насъ именемъ поручика, чтобъ мы немного погодили, говоря, что какой-то купецъ ѣхалъ и обронилъ деньги, а другой какой-то человѣкъ ѣхалъ верхомъ и оныя деньги поднялъ в отдалъ нашимъ людямъ.

Странно намъ сіе показалось и тѣмъ паче, что мы, ѣдучи впередъ, ничего того не видали и, не понимая, что-бъ это значило, спрашивали у людей; но они говорили, что ничего этого не знаютъ. Однако, согласился мы обождать и солдатъ побѣжалъ назадъ.

Между тѣмъ, приставалъ я къ своимъ людямъ и принуждалъ сказать, не было-ли въ самомъ дѣлѣ какого происшествія? И, къ удивленію своему, скоро открылось, что въ самомъ дѣлѣ было, а именно: что за нами случилось ѣхать человѣку, знакомому нашимъ людямъ и неподалеку отъ того мѣста живущаго дворянина, г. Хвощинскаго, человѣку, которой, поднявъ оброненныя купцомъ деньги, кинулъ нашимъ людямъ по знакомству, и они ихъ приняли и спрятали, и у одного изъ нихъ были они въ карманѣ. Я велѣлъ ихъ себѣ показать и увидѣлъ кожаной кошелекъ, набитой серебряными деньгами, которыхъ повидимому было рублей до пятидесяти.

Тогда начали мы совѣтовать, что съ ними дѣлать?—Людямъ нашимъ всѣ единогласно говорили, что намъ не для чего

ждать, а должно ѣхать. Г. Молчановъ былъ того же мнѣнія и принуждалъ деньги скоронить подъ хомутъ, завернувъ во что-нибудь. Но мнѣ одному казалось это дѣло безчестнымъ и подлымъ, и что долгъ христіанскій новолѣваетъ возвратить сіи деньги хозяину, почему и сталъ я въ томъ такъ твердо, что всѣ, сколько ни говорили, но не могли меня въ томъ перескорить.

Между тѣмъ увидѣли мы идущую къ намъ дѣлую толпу народа. Былъ то поручикъ и превеликое множество народа, окружающаго того верхового человѣка, которой, по отдачи нашимъ денегъ, нарочно отъ насъ отсталъ.

Воилъ, крикъ и превеликой шумъ слышанъ былъ уже издалика, и вся эта шайка шла на насъ; а человѣкъ г. Хвощинскаго, притворясь, будто совсѣмъ насъ не знаетъ, кричалъ уже издалика:

— «Милостивые госиода! Вотъ пристають ко мнѣ, не знаю, не вѣдаю изъ чего. Говорятъ, будто-бы я поднялъ сколько-то денегъ и отдалъ нашимъ людямъ, а я не знаю ничего, не вѣдаю, ни васъ, ни людей вашихъ не знаю и никакихъ денегъ не поднималъ и не отдавалъ».

На сіе, понимая что это значить, отбѣтствовала я молчаніемъ, откуда пришелъ поручикъ. Сей, приступивъ тотчасъ къ намъ и рассказавъ все слышанное, сталъ учтивымъ образомъ просить насъ, чтобъ мы это дѣло расслѣдовали.

И тогда обступило насъ множество народа, ибо обронили деньги самые тѣ бурлаки и люди, о которыхъ упоминалъ я выше, и которые, побросавъ свои телѣги, вернулись верхами и, валяясь въ ногахъ, то Молчанова, то меня просили оказать имъ милость.

Я, опасаясь, чтобъ не произошло какого худого слѣдствія, не открывалъ имъ, что мнѣ все дѣло уже извѣстно, говорилъ человѣку Хвощинскаго, чтобъ онъ признался, буде подялъ и скавалъ бы, которому изъ людей нашихъ онъ ихъ отдалъ. Но какъ онъ твердо въ томъ стоялъ, что не поднималъ, а тѣ бѣдняки не могли именно показать, которому изъ

людей нашихъ онъ отдалъ, а обыскивать насъ было не можно, то легко могли-бы деньги сіи пропасть, если-бы я захотѣлъ; но то-то было и дѣло, что мнѣ того и чужой грѣхъ на душу взять не хотѣлось.

Долго это продлилось и нельзя было никакъ не умилосердиться и не сжалиться на ихъ просьбѣ. Съ нихъ соскочилъ тогда и хитѣль весь. Однако, чтобъ отвести отъ себя подозрѣніе, уговаривалъ я человѣка, чтобъ сказалъ правду и доволенъ бы былъ пятью рублями, которые дають они ему охотно сами. И насилу, насилу могъ его уговорить! Итакъ, взялъ онъ тайкомъ отъ моего человѣка деньги и, спросивъ сколько ихъ было и, условившись о переймѣ, отдалъ ихъ.

Денегъ по счету оказалось 38 рублей, и они сами ему дали 5 рублей, чѣмъ дѣло сіе и кончилось. Люди мои получили отъ человѣка одинъ рубль, а и онъ былъ доволенъ тѣмъ, что ему 4 рубля Богъ далъ.

Кромѣ сего во все путешествіе сіе ничего съ нами не случилось особеннаго. Мы доѣхали до деревни своей благополучно, и какъ межовщика еще не было, то принялся я тотчасъ за снятіе на планъ всей нашей тамошней дачи и по исчисленію узнать, что въ ней было около 125 десятинъ недостатка, нетерпѣливо хотѣлъ видѣть межовщика, которой, наконецъ, къ намъ и приѣзжалъ.

Но какъ онъ присыланъ былъ только для измѣренія одной, недалеко отъ насъ находящейся казенной земли, а до насъ ему дѣла не было, то, поговоривъ съ нимъ, другого намъ не оставалось, какъ ѣхать обратно домой, куда, чрезъ нѣсколько дней, и возвратились мы благополучно.

Вскорѣ послѣ сего происшествія имѣли мы нѣкоторую непріятность въ домѣ, по случаю тяжкихъ, удивительныхъ и почти ненатуральныхъ болѣзней многихъ людей, и какъ тому же злу подверглась кормилица меньшого моего сына, то принуждены мы были его отъ ней отнять. А вскорѣ за симъ имѣли мы неожиданное удовольствіе видѣть у себя обѣихъ племянницъ моихъ, Надежду и Анну

приложениіе къ «русской старинѣ» 1873 г.

Андреевнѣ, приѣхавшихъ къ намъ изъ Кашина для свиданія.

Въ первыхъ числахъ сентября, по случаю великаго урожая въ сей годъ орѣховъ, пришла мнѣ мысль завести у себя, за вершиною, на клину регулярной садъ, составленной изъ одного орѣшника, на тотъ конецъ, чтобъ тутъ можно было орѣхамъ до тѣхъ поръ давать вырѣвѣть, покуда они сами начали бы вываливаться.

И какъ я во всѣхъ такихъ случаяхъ бывалъ очень нетерпѣливъ, то не успѣлъ сего вздумать, какъ захотѣлось мнѣ затѣю сію и выполнить. Я тотчасъ началъ все сіе мѣсто, измѣривъ, разбивать, по тогдашней склонности и охотѣ къ регулярнымъ садамъ, на разныя косы и прямыя куртины и назначать, гдѣ быть алейкамъ и дорожкамъ, коихъ назначилъ я превеликое множество. А по учиненіи сего тотчасъ и велѣлъ все сіе мѣсто окапывать рвомъ, чрезъ что и получилъ тогда заовраженію мой садъ первое свое основаніе.

Но все мое тогдашнее предпріятіе было неудачно и вышло, наконецъ, изъ сего мѣста совсѣмъ иное, нежели я тогда себѣ воображалъ.

Я хотя и засадилъ его въ ту же осень сплошнымъ почти орѣшникомъ, употребивъ къ тому нѣсколько тысячъ кустовъ, но какъ кустарникъ сей очень непріимчивъ, а я пожалѣлъ его весь по корень срѣзать, то онъ весь почти у меня на другой же годъ засохъ и не уцѣлѣло изъ нихъ и ста кустовъ; почему мѣсто сіе было опять предано на многіе годы запустѣнію и заросло березами и всякою дрянью, покуда, наконецъ, многіе годы спустя, принявшись опять за оное, мало по малу основалъ я тутъ плодovitой садъ, оставивъ нѣкоторыя части въ натуральной дивости, въ какомъ состояніи находится онъ и понинѣ; и изъ посаженныхъ тогда орѣховыхъ кустовъ не осталось и нѣсколькихъ десятковъ, а мѣсто ихъ заступили яблони и вишни, полюбившія отменно сіе мѣсто. Совсѣмъ тѣмъ

все оно и понынѣ еще не доведено до желаемого совершенства

Племянницы мои прогостили тогда у насъ только двѣ недѣли, и въ половинѣ сентября опять отъ насъ поѣхали и оставили меня въ превеликихъ хлопотахъ и разстройкѣ мыслей; ибо въ самое сіе время получилъ я изъ шадской своей деревни досаднѣйшее извѣстіе, что межовщикъ въ тамошнія мѣста дѣйствительно пріѣхалъ и межевать собирается.

Я хотя не зналъ, какой бы это былъ межовщикъ—казенной-ли, или своекоштной, но какъ всякой былъ мнѣ важенъ, вразсужденія покупной моей тамъ земли и мнѣ необходимо при семъ случаѣ быть тамъ было надобно, то поелику и здѣсь межовья дѣла были еще не окончены, а сверхъ того и другія многія были нужды и обстоятельства, удерживающія меня дома, то горевалъ я о томъ, какъ быть и не зналъ, что дѣлать.

Но какъ безъ ѣзды туда никакъ обойтись было неможно и надлежало еще всячески спѣшить, то желалъ я, что хотя-бъ поѣхали со мною туда братья мои и мнѣ бы не такъ было скучно. Но я долженъ былъ и съ сей стороны имѣть досаду. При предложеніи о томъ, одинъ изъ нихъ напрямки сказалъ, что у него строеніе и ему ѣхать нельзя, а другой хотя было и согласился и далъ слово, но умницѣ женѣ его не захотѣлось съ нимъ разстаться. Итакъ, послушавшись ея, прислалъ и тотъ съ отказомъ, несмотря, что обонимъ имъ была такая-жъ нужда, какъ и мнѣ, ибо у нихъ была также покупная земля.

Итакъ, и съ сей стороны была только одна досада; но какъ перемѣнить было печѣмъ, то, снявъ скорѣе съ садовъ своихъ послѣдніе яблоки и давъ лежебокамъ сосѣдямъ моиѣ нужныя наставленія, что имъ, въ случаѣ размежевки пустошей нашихъ дѣлать и какія брать предосторожности, и проводивъ племянницъ своихъ, отѣзжавшихъ въ самое сіе время, въ сей вторичной путь въ тамбовскіе предѣлы 13 сентября и отправился.

Но какъ письмо мое уже увеличилось,

то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ теперь остановиться и описаніе сего вторичнаго путешествія моего предоставить письму будущему, а между тѣмъ сказать вамъ, что я есмь и прочая.

(Генваря 22 дня 1808 года).

ВТОРИЧНАЯ ѢЗДА МОЯ ВЪ ШАДСКЪ.

Письмо 154-е.

Любезный пріятель! Обѣщавъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ описать теперь вторичное мое путешествіе въ шадскую мою деревню, скажу, что сія ѣзда моя далеко не была такъ достопамятна, какъ прочія, въ разные времена туда предпринимаемая; но не только длилась не долго, но и не сопряжена была ни съ какими особливими и важными обстоятельствами и происшествіями.

Совсѣмъ тѣмъ найдется и въ ней что-нибудь занимательное. Я опишу вамъ ее такъ, какъ описывалъ я ее тогда въ письмахъ къ моей тещѣ, сокративъ только нѣкоторыя мѣста изъ оныхъ.

«Вы знаете, писалъ я къ ней по пріѣздѣ своемъ въ Тулу 14 сентября, что я для дурной дороги и грязи отиѣнилъ ѣхать прямою дорогою на Корники, а рѣшился ѣхать черезъ Тулу. Итакъ, въ семь городѣ и пишу я и вамъ сіе, гдѣ насилу могъ отбиться и отдѣлаться отъ извѣстныхъ тульскихъ кузнецовъ, шлесарей и ружейныхъ мастеровъ.

«Не успѣлъ; истинно, пріѣхавъ сего дня поутру, вытти изъ коляски и стать на постояломъ дворѣ, какъ цѣлая толпа ихъ, равно какъ дождавшаяся, окружила меня и всю избу наполнила. У иного набита была пазуха полна всякими бездѣлками; у другого былъ цѣлый кулѣкъ съ ними подъ мышкою; иной спрашивалъ, не изволю-ли я того, другой не изволю-ли купить другого, и такъ далѣе. И я не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать.

Въ одинъ мигъ превратилась квартира моя въ настоящую лавку. Весь столъ и часть лавокъ уложена уже была разными желѣзными товарами и блестящими бездѣлками. Индѣ раскладены были

пистолеты, видѣ кортики, видѣ разно-манерные замки, чернильницы, выдвинные баяны, ружейныя мѣрки, пины, поторѣан, ножички и прочій такой вздоръ. Словомъ, никогда я такого множества разныхъ мелочей вдругъ не видывалъ, какъ въ сей разъ, и повѣрите-ли? хотя не намѣренъ былъ ничего купить, но не могъ никакъ отъ нихъ отдѣлаться. Многія вещи прельстили меня и я принужденъ былъ купить маленькой пистолетъ, перникъ, чернильницу и замочекъ и за все заплатилъ 2 рубля; но насилу, насилу ожилъ ихъ съ своихъ рукъ.

«Теперь, слава Богу, всё они ушли; но не думаю, чтобъ они оставили меня съ покоемъ. Вѣрно знаю, что побывають еще нѣсколько человекъ; однако болѣе меня не обмануть: несмотря ничего, буду отказывать.

«Теперь расскажу вамъ о своемъ вчерашнемъ путешествіи. Распрощавшись съ вами и отправившись въ путь, имѣлъ я первую встрѣчу, не доѣхавъ до Ченцова. Нѣмка Яковлевна, идущая къ намъ, завидѣвъ меня и узнавъ, по усердію своему къ нашему дому, не могла утерпѣть, чтобъ со мною не проститься и перешла даже по водѣ, чрезъ рѣку, къ намъ, чтобъ распрощаться.

«Ѣзда наша въ сей день была благополучна, коляска моя оказалась спокойнѣйшею, нежели я думалъ. Таково ажко хорошо и покойно въ ней ѣхать! Одинъ тотъ только недостатокъ, что коротенька, а то лучше желать не можно. Но и этотъ недостатокъ былъ сносной, хотя правда не однажды я желалъ, чтобъ ноги мои были на вершокъ короче, — но такъ уже и быть!

«Другое безпокойство имѣли мы отъ преужасной пыли, несомой прямо къ намъ навстрѣчу. Закрывшись сидѣть было душно, а раскрывшись — пыль набивалась въ ротъ и въ глаза, и скоро дошло до того, что у меня даже глаза заболѣли, а о людяхъ нашихъ и говорить уже нечего.

«О! желалъ-бы я, чтобъ вы видѣли вчера, какойъ былъ валъ Тимошей! Истинно не лучше арапа. Таки-такъ че-

реть отъ пыли, что одни зубы только бѣлѣлись. Уже онъ бѣднякъ совался, совался, но нигдѣ не находилъ лучшаго мѣста. Садился напереди, садился назади, но вездѣ было равно и вездѣ худо.

«Впрочемъ дорога была намъ очень не скучна... Ѣхала насъ изрядная ватага; было четыре повозки и семь человекъ, кромѣ насъ. Ежеминутно встрѣчалось съ нами превеликое множество жнецовъ и бабъ, идущихъ обратно изъ степей большими ватагами и поющихъ пѣсни, а по счастью уgomонились нѣсколько и больные мои зубы.

«Александръ Андрентъ, мой дорожной товарищъ, помогалъ мнѣ прогонять скуку и я радъ, что его взялъ съ собою, все-таки не таково скучно! Что-нибудь молвишь, и то давай сюда!

«Въ разсужденіе его не позабылъ я употребить предосторожность, чтобъ ему не быть безъ дѣла. Для него взялъ я съ собою «Жылблза» и заставилъ его дорогою читать вслухъ. Хотѣлось мнѣ, чтобъ онъ, прочитавъ всю сію книгу, научился читать проворнѣе и лучше и помнитъ, что читаетъ. Для сего и заставлялъ я его, прочитавъ каждый періодъ, мнѣ матерію на короткихъ словахъ пересказывать.

«Но тутъ-то не могъ довольно надивиться тупости его разума: такъ тупъ, такъ тупъ, что больше быть не можно. Повѣрите-ли, что не успѣвалъ трехъ строкъ прочесть, какъ уже и забывалъ, что въ нихъ содержалось. Я сердечно сожалѣлъ о семъ невровствѣ его разума и помогалъ ему, сколько можно въ томъ, и, можетъ быть, дальнѣйшее упражненіе поможетъ нѣсколько и онъ будетъ попроворнѣе.

«Симъ образомъ провождая время, приѣхали мы уже въ сумерки ночевать въ Сулему. Но думали-ль бы вы, чтобъ я въ сей деревнишкѣ могъ препроводить сей вечеръ въ пріятной компаніи съ однимъ гостемъ, знакомымъ мнѣ человѣкомъ?

«Въѣзжая въ деревню, увидѣли мы стоящую на выѣздѣ коляску, и я удивился, что Тимошей мой, подошедши къ

ней, кланялся, какъ знакомымъ людямъ. «Кто-бы такой это былъ?» думалъ я; но скоро узналъ, что былъ то г. Казариновъ.

«Обрадовался я сей встрѣчѣ и тотчасъ пошелъ къ нему, а онъ ко мнѣ. Итакъ, мы съ нимъ очень долго и весь вечеръ просидѣли и проговорили.

«Онъ наставлялъ мнѣ множество новыхъ вѣстей и на большую часть неприятныхъ. Всѣ носившіеся слухи о разрывѣ мирнаго конгресса и о новой войнѣ съ шведами были основательны, и онъ спрашивалъ меня, есть ли у меня готовые рекруты? Но всего болѣе смутило и перетревожило меня то, что въ Воронежѣ едва-ли нѣтъ еще морового повѣтрія, а мнѣ въ самую ту сторону надобно ѣхать. Но воля Господня да будетъ съ нами!

«Распрощавшись съ г. Казариновымъ, расположился я спать для опыта въ своей коляскѣ и къ удовольствію своему проспалъ безъ дальней нужды и безпокойства. Сегодня встали мы ранехонько и приѣхали въ Тулу вмѣстѣ почти съ солнцемъ. Теперь завтракаемъ мы здѣсь и всѣмъ нужнымъ запасаемся».

15-го числа писалъ я къ ней: «Слава Богу, теперь пишу я къ вамъ уже изъ епифанской своей деревни, въ которую мы сей только часъ приѣхали и гдѣ мы кормимъ лошадей, отдыхаемъ и запасаемся провизіею и фуражемъ.

«Но прежде описанія ѣзды своей до сего мѣста, скажу вамъ, что прежде отъѣзда изъ Тулы случилось съ нами два происшествія, одно пріятное и веселое, а другое крайне досадное. Пріятное состояло въ томъ, что противъ всякаго моего чаянія, посланной на рынокъ челявѣкъ притащилъ съ собою пойманнаго имъ бѣглеца нашего, Степана Лахмыта.

«Удивился я, его увидѣвъ, и закричалъ: «Что это братъ? отчего ты насъ ушелъ? и какая тебѣ была изгона?»—Что сударь! Котовскіе сказали мнѣ, что вы хотите отдать меня на поселеніе, а я, испужавшись того, и ушелъ и ждалъ, по-

куда ушлютъ поселенныхъ, тогда хотѣлъ самъ приттить.

«Что мнѣ съ нимъ бездѣльникомъ было дѣлать! драться не хотѣлось; другого не оставалось, какъ обстригти для безонасности, чтобъ опять не ушелъ, взять его съ собою.

«Какъ задумано, такъ и сдѣлано. Я, доставъ ножницы, ну его стричь, и голову, и бороду, крестъ на крестъ. Но сей бездѣльникъ задумалъ еще со мною договариваться, чтобъ я не бралъ его съ собою въ Шадсѣ, что онъ туда отицди не хочетъ, а радъ умереть въ Дворянновѣ; однако было-бы смѣшно, если бы я его послушалъ.

«Что касается до другого и досаднаго происшествія, то состояло оно въ неумѣренномъ, безстыдномъ и безсовѣстномъ требованіи хозяйки нашей за пребываніе въ домѣ ея нѣсколькихъ часовъ.

«Требованіе ея было такъ велико, что она вздурила даже меня, каковъ я ни терпѣливъ, и я неинако, какъ съ презрительною досадою разстался съ нею, заглавшись впередъ не становиться на квартиру не договорившись напередъ о заплатѣ за постой.

«Но досада сія была не одна въ этотъ день. Ввечеру имѣлъ я омять новуу: застигла насъ ночь на степи и въ безводномъ совѣтѣмѣстѣ. Сдѣлалось вдругъ такъ темно, что ни зги было не видно и мы принуждены были почти оцунью тащиться и спѣшить доѣхать до какой-нибудь деревни, гдѣ бы намъ ночевать было можно; но никакая не попадалась намъ на глаза.

«Мы спрашивали у всѣхъ, съ кѣмъ ни встрѣчались, далеко-ли село; но сіи ровно какъ сговорились увеличивать мою досаду и сказывали все разное. Одинъ сказалъ: верстѣ съ 8, а другой, съ котормъ повстрѣчались мы отѣхавъ еще нѣсколько, сказалъ, что съ 15 верстѣ.

«Гѣфу, какая пропасть!» въ досадѣ говорилъ я, «чѣмъ бы уменьшаться, а вопреки тому все прибавляется», и повѣрите-ли, челявѣкъ двадцать мы спрашивали и ни одинъ не сказалъ правды.

«Наконецъ, вѣхали мы въ такую-то рѣчку и стали въ пень, ибо за темнотою не видно было нигдѣ вѣзда,—и насили, насили, наконецъ доѣхали мы до села Каменки и тутъ ночевали, давъ въ сей день лошадямъ своимъ добрый трезвонъ, и бѣдныя принуждены были цѣлыхъ 50 верстъ бѣжать безъ отдыха. А сегодня, продолжая свой путь, имѣли опять приключеніе непріятное.

«Надобно намъ было переѣзжать одну нарочитой величины рѣчку по мосту, но мостъ такъ былъ узокъ, что одно колесо коляски моей хорошохонько съ него сползло и коляска, повиснувъ на бокъ, чуть-было чуть не полетѣла совсѣмъ въ рѣчку.

«Не могу изобразить, какъ настрадалъ меня сей случай. До сего боялся я мостовъ, а теперь еще болѣе бояться ихъ буду. И, не вспомнивъ самъ себя и высочивъ безъ памяти, кричалъ, чтобъ выпрягли сворѣ лошадей и перетаскивали коляску на себѣ черезъ сей проклятой мостъ, и насили, насили мы перебрались черезъ оной».

16-го числа писалъ я слѣдующее: «Выкормивши лошадей въ епифанской своей деревни и запасшись курицами, овсомъ и всѣмъ нужнымъ, сѣхали мы ѣхать далѣе. Въ тотъ же еще день добрались до города Епифани, но и въ сей разъ не обошлось безъ досаднаго пронашествія.

«Зашаталась у насъ вдругъ одна изъ коренныхъ лошадей въ коляскѣ и чуть-было не ушла совсѣмъ. Мы впрахъ перепугались и не знали, что дѣлать и рады невѣдомо какъ были, что она, отдохнувъ нѣсколько минутъ, поправилась и насъ кое-какъ довезла до Епифани.

«Въ семъ степномъ городкѣ хотѣлось-было мнѣ кое-что купить, но ничего не нашли, а съ нуждою отыскали купить нѣсколько меду и чесноку, которой нуженъ намъ былъ для леченія ящера у лошадей нашихъ.

«Переночевавши въ семъ городѣ, поѣхали мы изъ него до свѣта и очень рано. Но не успѣли выѣхать, какъ въ темнотѣ ошиблись дорогою и поскакали по Скопинской, и не прежде схватились и ошиб-

ку свою узнали, какъ отѣхавъ уже верстъ съ восемь.

«По счастью, повстрѣчался съ нами одинъ мужикъ и сей вразумилъ уже насъ, что мы ѣдемъ не туда и далеко сблизилъ влѣво. Что было тогда дѣлать?.. Принуждены были его нанимать, чтобъ онъ провель уже насъ кой-какими дорожками до села Богучалокъ, чрезъ которое намъ ѣхать надежало.

«Большое село сіе сидитъ на рѣкѣ Таболѣ, и я, приѣхавъ въ него, не могъ довольно налюбоваться красотой положенія онаго и всего мѣста. Оно принадлежитъ князьямъ Прозоровскимъ, имѣетъ въ себѣ господской домъ, церковь, множество прудовъ и хорошіе мосты.

«Однако, мы тутъ не остановились, а доѣхали до села Молоденокъ, принадлежащаго графамъ Разумовскимъ, и тутъ, переправившись съ трудомъ черезъ рѣчку по северному мосту, кормили лошадей.

«Тутъ видѣлъ я одну, достойную замѣчанія, вещь: на хозяинѣ были лапти, какихъ я никогда еще не видывалъ, сдѣланныя не изъ лыкъ, а изъ дерева. Видумка сія мнѣ полюбилась и тѣмъ паче, что онъ носилъ ихъ болѣе года. Онѣ сдѣланы были осиновыя и головашка выдолблена съ бока и дыра послѣ задѣлана.

«Выѣхавши изъ села сего, нашелъ я на дорогѣ двѣ, примѣчанія достойныя, вещи: прекрасную и превеликой обширности дубовую рощу, молодую, подчищенную, частую, прямую и столь прелестную, что я не могъ ею довольно налюбоваться и ѣхалъ чрезъ нее съ особымъ удовольствіемъ. Она могла почестъся сущемъ рѣдкостью въ степныхъ тамошнихъ мѣстахъ и казалась быть сѣянною. Во-вторыхъ, наѣхали мы цѣлое поле, засѣянное коноплею, что было для насъ также зрѣлищемъ необыкновеннымъ.

«Ночевать приѣхали мы въ село Змѣво и уже въ сумерки. Село сіе было нарочито велико, принадлежитъ разнымъ господамъ и имѣетъ въ себѣ хотя обширной, но наполненной столь северною водою прудъ, что людямъ нашимъ, напившимся оной, служила она сущимъ втор-

шам. Крученъ свой прохвощивъ бѣше
вспомъ, что прудъ оный изуровненъ бѣше
чуждымъ племенимъ.

«Ахъ, что, похвощъ оный бѣше златъ,
дровенъ чаша, мочалыи вощи. Не успѣ-
ли мы отстанитися. Какъ вощался на
мѣ спороиъ, на пруду, вощенный хвощъ
проставоши. Крученъ мой изуровнъ изъ-
вощилъ на ушкѣ протворной пружинѣ
кочевнѣ.

«Шамъ мой, прохвощивъ дровища оны-
я туринскыи, казѣлъши и при гонѣ воще-
вощившии вощалкъ гѣснѣи. Вощѣи за
мощи вощилъ и ошѣи еи и вощалкъ
мощи сѣи и вощилъ на вощилкъ про-
хвощалкъ до самой глубокой вощи.

«Изъ другой сторожи вощаллъ вощъ
кочевнѣи, сѣдѣи въ протворной
вощивнѣи, дровища вощи вощалкъ. Сей
сѣдѣи въ вощи хвощѣи сѣи, во вощи
мощи вощи вощалкъ фабричныи гѣснѣи
и, вощилкъ. до того дошло, что я уже и
не разѣи бѣше еи усердѣи. Шо за гѣснѣи
ни еи не вощи ни и заслупи скоро.

«Изъ сѣи вощи вощалъ на мѣи воще-
ное шѣи. У товарища моего вощилъ от-
чего-то голова и вощилъ, что вощи у мѣи
не вощилъ; но, во сѣи, вощилъ, вощилъ
сѣи вощилъ скоро. Вощилъ, сообще-
ствилъ еи бѣше я часъ отъ часу доволь-
нѣи и оиъ «Жилблва» мѣи такъ во-
дѣилъ, что читалъ еи съ охотѣи, и не
усѣилъ гдѣ остановитися, какъ вощилъ
они самъ за книгу и говоритъ: «что-то
намъ Жилблва дѣлаеи, вощи нѣи съ
нии вощилъ».

17-го числа вощилъ я: «На утрѣи, вощилъ
рано и вощилъ еще ночью Равоми-Вер-
хи и славное и любное мною село Му-
равово, приѣхали ни коринти лошадей
и вощилъ въ село Никольское, находящее-
ся уже недалеко отъ Равобурга, или, по
тамошнему нарѣчѣи, Анбура.

«Тутъ монарочно остановились ни под-
лѣи двора священника сѣи села, человекъ
ма добраго и на нашу руку. Я тотчасъ
съ нии спознакомился и рѣишка водки
смаи у насъ съ нии въ однѣи нѣи
дружбу. Понъ мой сѣи сѣи раз-
смишилъ, вощилъ по нѣи и хлѣбъ, и вощилъ

и вощилъ вощилъ, а вощилъ гдѣи, вощилъ
нѣи къ нии вощилъ.

«Я вощилъ еи вощилъ гдѣи и
вощилъ нѣи бѣше гдѣи вощилъ вощилъ;
вощилъ мѣи вощилъ въ сѣи сѣи, вощилъ
вощилъ бѣше у мѣи вощилъ, и вощилъ на
вощи вощилъ бѣше оиъ вощилъ вощилъ
вощилъ вощилъ, то вощилъ гдѣи на мѣи
вощилъ. Сѣи, во вощи, а прудъ
вощилъ; а нѣи гдѣи прудъ на до-
рѣи бѣше и вощилъ. Теперь вощилъ
нѣи еи вощилъ вощилъ, а бѣше того
не вощилъ бѣи вощилъ сѣи вощилъ.
Не вощи, вощилъ-ли ни съ нии, ни
нѣи».

18-го сентября вощилъ я сѣи вощилъ:
«Вощилъ ли отъ мѣи а сѣи вощилъ? За 30 вощилъ
уже отъ Вощилъ, сѣи вощилъ вощилъ до-
вольи вощилъ и вощилъ Хоботъ.
Тутъ вощилъ ни вощилъ и я теперь
только съ товарищѣи вощилъ вощилъ.

«Обѣи у насъ бѣше въ сѣи разѣи вощилъ
не вощилъ на вощилъ: вощилъ вощилъ
вощилъ, или въ сѣи, вощилъ, ни
бѣше съ вощилъ и вощилъ и тѣи,
кѣи, вощилъ вощилъ вощилъ не вощилъ,
а вощилъ, вощилъ вощилъ вощилъ на вощилъ
сѣи вощилъ. Не вощилъ-ли вощилъ
вощилъ? Право, вощилъ бѣи и вощилъ вощилъ
вощилъ! а вощилъ въ такомъ вощилъ, гдѣ,
вощилъ одной вощилъ, вощилъ нѣи. Но во
сѣи такъ вощилъ, что вощилъ сѣи
все вощилъ. Ми вощилъ достать и въ часъ
мощи и все вощилъ, а для вощилъ бѣше
у насъ сѣи брусника, вощилъ и хо-
рѣи арбузъ. Вотъ, какъ ни вощилъ
вощилъ».

«Но и въ самомъ дѣлѣ можно сказать,
что по сѣи время дорога намъ бѣше очень
вощилъ; не вощилъ, какова вощилъ будетъ.
Я опишу вамъ всѣ вощилъ».

«Вощилъ ни очень рано, и я, не вощилъ
сѣи и не вощилъ, такъ и вощилъ, во-
куда вощилъ; разѣи когда вощилъ
сѣи, такъ вощилъ вощилъ вощилъ
надъ вощилъ намъ вощилъ вощилъ.
То-то сѣи вощилъ и вощилъ-ли во
вощилъ въ вощилъ и вощилъ».

«Какъ вощилъ, беру я книгу и чи-
талъ сѣи дорогою, вощилъ въ вощилъ. По

счастію читать безъ нужды можно; остановившись кормить, одѣваемся, и Тимоою найтъ проворить тотчасъ чаемъ. Не было еще дня, чтобъ я онаго до сита съ сливками не напивался и табакъ не накурился. Комаренокъ принимается тотчасъ за таганъ, варить похлебку изъ курицы, которыми не позабыли зацѣпиться мы изъ Елифани, также яйца и прочее.

«Между тѣмъ, какъ варятъ и приуготовляютъ намъ обѣдъ, принимаюсь я за свою дорожную канцелярію. Чернильница у меня при боцѣ и весь приборъ письменной. Чернильницу повѣшу за рукоятку въ коляскѣ, самъ сяду, опустя ноги въ дверцы, подушки на колѣни и на нихъ «Китайскую исторію», и начинаю тотчасъ записывать въ журналъ свое путешествіе, и записавъ, продолжаю переводить «Китайскую исторію».

«Какъ поспѣетъ обѣдъ, садимся мы съ товарищемъ своимъ на цыновкѣ и наѣдаемся до сита; послѣ того напиваемся квасу и, полакомившись чѣмъ-нибудь, продолжаю я писать, а товарищъ мой читать своего «Жилблаза», до тѣхъ поръ, покуда запрягутъ лошадей. Тогда канцелярія моя опять причется, я сажусь въ коляску и беру въ руки читать книгу.

«Дорогою провожаемъ мы время въ чтеніи, въ разговорахъ и въ лакомствѣ арбузами, орѣхами и кренделями, а когда устанемъ сидѣть, то поспроимся. Приѣхавши на ночлегъ, становимся опять подлѣ двора и Комаренокъ принимается за прежнее свое дѣло, — варить намъ похлебку и прочее, а я, ежели свѣтло, опять за канцелярію.

«Отужинавъ, ложимся мы спать, и какъ рано я засыпать не привыкъ, то подають мнѣ въ коляску свѣчку и я разговариваю часа полтора съ книгою, покуда поужинають люди и стануть спать ложиться. Тогда возьмутъ отъ меня свѣчку и мы засыпаемъ и спимъ, покуда часовой намъ не закричитъ и не предвозвѣститъ, что приближается утро.

«Знаете-ли, о какомъ часовомъ я говорю? Изъ взятыхъ въ Елифани живыхъ пѣтуховъ, одинъ понадеялся кричать. Мы

тѣмъ очень довольны и парочно его не бьемъ. Какъ скоро онъ закричитъ, то встають люди и мы запрягаемъ лошадей и продолжаемъ путь свой.

«Вотъ краткое описаніе нашего путешествія. Не довольно-ли оно пріятно? А прекраснѣйшая погода и гладчайшая дорога придавала ему еще болѣе пріятности.

«О самой же ѣздѣ нашей отъ Никольскаго до сего мѣста скажу только, что мы вчера въ Ранибургъ приѣхали еще довольно рано и искупивъ все пужное, хотѣли-было ѣхать далѣе, по раздумали; а переѣхавъ тутъ рѣку Ряску, остановились ночевать, а сегодня ранехонько уже встали и продолжали до сего мѣста свой путь напрекраснѣйшею дорогою, обсаженною по обѣимъ сторонамъ молодыми деревцами, оплетенными плетешками. Сіе случилось мнѣ еще впервые видѣть и я не могъ тѣмъ довольно налюбоваться и желать, чтобъ деревцы сіи всѣ принялись и уцѣлѣли, но къ чему была худая надежда».

19-го сентября писалъ я изъ Лысыхъ-горъ: «Вотъ мы уже и въ славномъ однодворческомъ селѣ Лысыхъ-горахъ, и переѣхали уже половину той большой и окомъ необозрѣваемой степи, которая находится между Козловомъ и Тамбовомъ».

«Отправившись вчера изъ Хобота, приѣхали мы въ Козловъ такъ рано, что мнѣ не хотѣлось тутъ ночевать; а полюбавшись вновь строящимися тутъ каменными церквами и домами, пустились мы далѣе и успѣли еще приѣхать ночевать на польный Воронежъ, гдѣ, вмѣсто прежней пустоты, нашли уже седеніе нарочито увеличившееся, а сегодня поспѣли сюда кормить лошадей еще довольно рано и не было на семь пути съ нами ничего особливаго».

20-го числа писалъ я уже изъ своей шадской деревни слѣдующее: «Слава Богу! Вотъ пишу сіе къ вамъ сидячи за столомъ и въ своей шадской деревнѣ. По благости Господней, часа за два до сего приѣхали мы уже сюда благопо-

лучно. Но прежде повѣствованія о здѣшнемъ пребываніи, расскажу напередъ достаточное о путешествіи нашемъ.

«Вчера выкормивши лошадей въ селѣ Лысыхъ-горахъ, выѣхали мы изъ него довольно рано. Какъ подлѣ самаго его надлежало вѣзжать на превысокую гору, то взомель я на нее пѣшкомъ и, окинувъ съ ней окомъ все сіе огромное село, сидящее внизу вдоль рѣки, сквозь его текущей, не могъ я смотрѣть безъ досады на глупое строеніе живущихъ въ немъ однодворцевъ.

«Представьте себѣ селеніе, состоящее изъ 4 тысячъ душъ и имѣющее въ себѣ 4 церкви. Всѣ дома въ нихъ крыты дранью, жители всѣ вольные, никакой работы господской неотправляющіе, владѣющіе многими тысячами десятинъ земли и живущіе въ совершенной свободѣ. Не остается-ли по сему всему заключить, что селу сему надобно быть прекраснѣйшему и походить болѣе на городокъ, нежели на деревню; но вмѣсто того оно ни къ чему годное, и нѣтъ въ немъ ни улицы порядочной, ни одного двора хорошенкаго.

«Правда, мѣсто занимаетъ оно собою весьма обширное и дворовъ бездна; но какъ бы вы думали сидѣли дворы сіи, и каковы бы они были? Тамъ дворъ, здѣсь другой, индѣ дворовъ пять въ кучкѣ, индѣ десятокъ. Тѣ туда глядятъ, сіи сюда, иной назадъ, другой напередъ, иной бокомъ, иной исковерканной стоятъ и ни одного изъ нихъ живого нѣтъ. Избушка стоитъ, какъ бадырь, правда, покрыта дранью, но только и всего.

«Дворы ихъ истинно грѣхъ и назвать дворами. Обнесены кой-какимъ плетнишкомъ и нѣтъ ни одного почти сарайчика, ни одной клѣтки, да и плетни—иной исковерканной, иной на боку, иной избоченія стоитъ, и такъ далѣе.

«Взирая на все сіе и крайне негодуя, самъ себѣ я говорилъ: «О талалаи! талалаи негодные! Некому васъ переиороть, чтобъ вы были умнѣе, и строились и жили бы порядочнѣе. Хлѣба стоятъ у васъ скирдовъ цѣлыя тысячи, а живете

вы такъ худо, такъ бѣдно, такъ безпорядочно! Вотъ слѣдствія и плоды безначалія, мнимаго блаженства и драгоценной свободы. Одни только кабаки и карманы откупщиковъ наполняются вашими избытками, вашими деньгами, а отечеству одинъ только стыдъ вы собою причиняете».

«Въ Тамбовѣ приѣхали мы еще довольно рано и искупивъ нужное, пустились далѣе и поѣхали уже не чрезъ Пески и Расказы, а большою дорогою, вдоль рѣки Цны, на Коптево, и въ сумерки приѣхали ночевать въ большое однодворческое село Кузменки.

«Тутъ опять имѣли мы съ сими талалаями досаду. Ничего у нихъ недостаешь; живутъ не люди, а Богъ знаетъ что,—только занимаютъ лучшія мѣста въ государствѣ.

«Сегодня встали мы хотя до свѣту, но переѣздъ утренній былъ невеликъ; надлежало перебираться чрезъ множество мостовъ и переправъ, и въ одномъ мѣстѣ сидѣть бы намъ въ грязи, еслибъ одинъ мужикъ насъ не избавилъ.

«Мы наѣхали сего бѣдняка, сидящаго въ грязи совсѣмъ съ телѣгою и ожидающаго свѣта. Онъ говорилъ намъ: «Пожалуйте, не ѣздите, будете и вы также сидѣть, а обязжайте; вонъ тамъ есть мость». Итакъ, мы благополучно топъ сію и объѣхали.

«Кормить и обѣдать остановились мы въ однодворческомъ селѣ Коптевѣ, послѣднемъ уже селеніи къ нашей деревнѣ, и насилу-насилу выпросились къ одному однодворцу въ избу погрѣться, ибо утро было очень холодно. Одинъ не пустилъ на дворъ сказавъ, что онъ со двора идетъ, другой также закарячился—было, но какъ-то, наконецъ, согласился; но за то и получили мы квартиру добрую.

«Однодворецъ сей жилъ какъ маленькой дворянчикъ. Свѣтличка была у него бѣленькая и самъ въ синемъ суконномъ тулупѣ. Я тотчасъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, и какой нечаянной и благополучной случай привелъ меня на сей дворъ. Однодворецъ былъ человѣкъ надоб-

ной, грамотникъ и дѣлецъ по тамошнему селу. Я ему тотчасъ рюмку водки, поить его своимъ пуншемъ, сажать съ собою за столъ. Однодворецъ мой растаялъ, другъ сердечной. Я заводилъ рѣчь стороной о здѣшнихъ обстоятельствахъ. Онъ все знаетъ, всѣ здѣшнія мѣста ему извѣстны; рассказываетъ мнѣ то, болтаетъ другое; я, вывѣдывая, не открываюсь: онъ съ дуру, что съ дубу говорить, что отъ роду помнить, и наставлялъ мнѣ много такого, чего-бъ мнѣ искомъ не доискаться; не только о многихъ здѣшнихъ обстоятельствахъ, но и о самыхъ пустыхъ и порожныхъ земляхъ и межеваньяхъ.

«Разставшись съ нимъ въ превеликомъ удовольствіи поѣхали мы далѣе, и переправившись чрезъ нашу огромную и окомъ необозрѣваемую степь, приѣхали мы въ свою деревню часа еще за три до вечера и не нашли никого дома. Всѣ были на полѣ—и прикащикъ и староста; ибо въ самое сіе время молотили горохъ на пашняхъ».

Вотъ описаніе моего путешествія въ шадскую мою деревню; а теперь извлеку изъ ежедневнаго журнала моего все, относящееся до моего тамошняго пребыванія. Я писалъ оной также образомъ писемъ къ моей тещи, — и вотъ первое, написанное въ тотъ же еще вечеръ:

«Покуда прикащикъ и староста придетъ, вечеромъ теперь не имѣя никакого дѣла, начну по крайней мѣрѣ что-нибудь врать.

«Вѣхавши давеча въ деревню и прежде всего въ новую мою слободу, населенную переваленцами изъ другихъ деревень: Бурцовой, епифанской и козловской, которую я еще не видалъ, повеселился я, увидѣвъ ее въ нарочитомъ уже порядкѣ. Деревня моя стала какъ иная и получила гораздо лучшей видъ передъ прежнимъ. Самая избушка, въ которой мнѣ надлежало жить, была уже иная и съ красненькимъ окошечкомъ, но правду сказать, немногимъ чѣмъ прежней лучше. По несчастью, встрѣтила она насъ дымомъ. Прикащца надымилъ ее, грѣвъ на что-то воду; но мы ради были, добравшись до покоя.

«Хороша, хороша дорога, но одна пылъ

намъ надоѣла. Надобно-жъ было случиться такъ, что во всю дорогу вѣтеръ былъ одинъ и несъ ее прямо въ глаза наши. Всѣ перечернились и всѣ перепачкались, и сколь ни малый я охотникъ ходить въ баню, но теперь сходилъ-бы, еслибъ была хорошенькая.

«Какъ въ избу за дымомъ войтить было не можно, а дѣлать другого было нечего, то пошелъ я на гумно и порадовался, нашедъ его набитое все хлѣбомъ. Богъ пожаловалъ урожай хорошей и хлѣба всякаго было много; и можно было сказать, что дворъ мой господской не красенъ былъ углами, а красенъ пирогами.

«Оттуда пошли мы съ товарищемъ моимъ по дворамъ крестьянскимъ и всѣ ихъ осмотрѣли. Переваленцы поставили домки себѣ изрядные и дворы ихъ были несравненно лучше старинныхъ степныхъ нашихъ олуховъ. Но вотъ пришелъ прикащикъ и надобно заняться съ нимъ разговорами».

21 сентября поутру.

«Вчера съ прикащикомъ проговорилъ я до полуночи, слѣдственно писать было некогда; а теперь, какъ опять свободной промежутокъ времени случился, то опять принимаюсь за перо.

«Ну, матушка! поѣзда моя сюда чуть-ли не выливается по пустому, и чуть-ли не струсилъ мой трусъ прикащикъ и не проволочилъ меня понапрасну. Межевщика нѣтъ здѣсь еще и въ поляхъ, да такъ хорошо, что никто точно и не знаетъ, гдѣ онъ находится. Говорятъ только, что не очень далеко и верстъ за 30 стоитъ отсюда. Но какой онъ? зачѣмъ? и по какому случаю, и будетъ ли къ намъ? обо всемъ томъ никто и ничего не знаетъ.

«Рахмановъ межеваньемъ грозилъ напрасно; ничего не бывало! Гдѣ ему межеваться?—хоть въ своровать и утаить степь,—такъ до межеванья ли? Вмѣсто того говорить, что вчера хотѣлъ ѣхать обратно къ Москвѣ и въ свои деревни. Для меня извѣстіе сіе было очень досадно. Съ нимъ-то и хотѣлось поведать-

ся, а теперь безъ него что можно сдѣлать?»

«О Пашковъ также пѣтъ ни слуху, ни духу, ни послушанія, а здѣшніе дворянчики не знаютъ, что и дѣлать. Всѣ только условились и говорятъ, что дикой степи здѣсь и небывало.

«Вотъ всѣ обстоятельства. Я не знаю, что дѣлать и предпринимать; однако послалъ провѣдать, не здѣсь-ли еще Рахмановъ; а еще хочу послать искать межевщика и повидаться по крайней мѣрѣ съ нимъ и узнать обстоятельства, а потому стану помышлять какія брать мѣры. Также хочется мнѣ повидаться и съ тамбовскимъ межевщикомъ и узнать подробнѣе о дикой степи.»

Въ тотъ же день ввечеру.

«Сегодняшній день провелъ я тамъ, гдѣ не думалъ и съ тѣмъ, съ кѣмъ нимало не помышлялъ. Давеча не успѣлъ я перестать писать, какъ посланной къ Рахманову въ двери и сказываетъ, что Рахмановъ еще не уѣхалъ, а здѣсь, и велѣлъ мнѣ кланяться, а что ѣдетъ сегодня и ему готовить уже лошадей.

«Обрадовался я сіе услышавъ. «Скорѣй, скорѣй вели готовить ѣсть и приготавливать коляску и лошадей, а мнѣ убирайте-ка скорѣй волосы и давайте одѣваться, надобно спѣшить и заставать какъ можно.»

«Какъ вздумано такъ и сдѣлано. Тотчасъ вскипѣлъ обѣдъ, тотчасъ подвиты волосы и напудрена голова. Скакать я къ Рахманову, скакать и на дорогѣ думать, что мнѣ съ нимъ говорить.

«Взялъ съ собою про запасъ инструкцію межевую, въ которой давеча поутру нашелъ неизвѣстное мнѣ до того и нѣ-которымъ образомъ полезное для здѣшняго мѣста узаконеніе и обстоятельство, которое я тотчасъ поймалъ и оно показало мнѣ слѣдъ, какъ съ здѣшнею землею мнѣ сдѣлаться.

«Подъѣзжаякъ Рахманову, вижу, что коляска у дверей; но, по счастью, еще не запряжена. Гости, заѣхавшіе, его остановили: Рахмановъ вышелъ меня встрѣчать, обходитъ великою лисою, ласково, снисходительно, дружески; но въ самомъ дѣлѣ

съ скрываемымъ, но мною проникаемымъ лукавствомъ. Но какъ я удивился, вошедъ въ горницу и увидѣвъ, что они хотѣли было только садиться за столъ обѣдать и что кушанье уже поставлено.

«Рахмановъ изъявляетъ свою радость, что я приѣхалъ къ обѣду. Добро! думаю я, есть у меня и свой кусокъ. — Обѣдай-де, государь, обѣдай! — «Эхъ, братецъ, какъ ты такой, для чего не ко мнѣ приѣхалъ обѣдать?» — Такъ тому и бытъ! — отвѣтствую; но принужденъ былъ сѣсть съ ними за столъ.

«Во время стола вижу, что Рахмановъ былъ уже нѣсколько подгулёхомъ. Гости у него были друзья его душевные: сказовской монастырской управитель съ подъячникомъ, его единомышленниками, съ которыми вмѣстѣ воруетъ или обижаетъ онъ людей добрыхъ.

«Такимъ образомъ сѣли мы за столъ и они начали ѣсть, а я смотрѣть, сидя молча; но не думайте, что мнѣ это молчаніе было скучно. Не за столомъ я сидѣлъ, а въ комедіи и смотрѣлъ на театръ дурачества. То-то бы хотѣлъ, еслибъ можно было описать, или изобразить на картинѣ все то, что я видѣлъ.

«За столомъ сидѣло насъ 9 человекъ: въ большомъ мѣстѣ самъ хозяинъ, въ пышномъ калмыцкомъ бѣломъ и големомъ тулупѣ, разворота толстое брюхо, съ растрепанными волосами и съ раздущшеюся немного, какъ видно, отъ излишнихъ рюмокъ рожею.

«Подлѣ его по лѣвую руку — я, а по правую монастырской управитель въ аломъ китайскомъ тулупѣ и въ черномъ бархатномъ камзолѣ, на которомъ были стеклянные пуговочки, столько-жъ блистающія, сколь блистательны были славныя его дѣла при управленіи огромными монастырскими селами и деревнями.

— «Хорошъ ты гусь, думалъ я, но какого-то мнѣнія мужички о тебѣ? а съ виду кажешься дѣтина израдной.

«Подлѣ его сидѣлъ человекъ, которой, по наружному виду и платью походилъ на него и также на дворянина въ байковомъ камзолѣ и въ сто холода (?) въ

спией еначѣ. Волоски были также у него растрепаны, какъ у перваго, и оба они съ Рахмановымъ обходились очень фамильярно и дружески; почему, не зная сперва, кто они, подумалъ я, что были это какіе-нибудь сосѣди, его пріятели. Но какъ удивился узнать послѣ, что другой-то человекъ былъ управительской подъячій.

— Ну! — сказалъ я тогда, — видно по всему, что эти собачки одну сметану лижутъ, — не даромъ такъ за панибрата обходятся!

«Но я заговорился, описывая сего; надобно описать еще прочихъ, честную нашу компанію составлявшихъ.

«Подлѣ его сидѣлъ какой-то старичишка съ превеликими взлизами на головѣ, въ набойчетомъ замаранномъ холдишкѣ и подпоясанной подпояскою. Сказывали мнѣ, что это какой-то тутешній житель, надъ которымъ г. Рахмановъ подучивается. Однако тутъ онъ не шутилъ и во весь обѣдъ промолчалъ.

«Подлѣ сего старичишка сидѣлъ какой-то еще рыжій мужичина, ни дворянинъ, ни однодворецъ, но Богъ знаетъ что, прѣѣхавшій съ управителемъ и похожій на сторожа его. Эта также была безгласная особа.

«Вотъ три бока стола я описалъ, теперь остался четвертой. За нимъ сидѣло трое: два однодворца матарыги, сквернавца, шуты и Богъ знаетъ что, фавориты и наперсники г. Рахманова. Оба они мнѣ были извѣстны особы и я упоминалъ объ нихъ при описаніи моей первой повѣдки. Одинъ назывался Кутуковъ, а другой какой-то Юдушка матарыга; одинъ въ овчинной замаранной и скверной шубейкѣ, въ маркитантской рубахѣ, и самой сквернавецъ, а другой въ красененькомъ балаховчикѣ. Наконецъ, третій и послѣдній человекъ былъ поплъ его села и дѣтника молоденькой. Вотъ всѣ особы, сидѣвшія за столомъ.

«Господинъ хозяинъ взялъ на себя трудъ раздавать кушанье и я имѣлъ счастье видѣть тутъ новую моду раздавать

рыбу руками, вмѣсто вилокъ. Только-что пыхтѣлъ, засучивалъ рукава тулупа и каждой кусокъ благословлялъ такимъ благословеніемъ, которое пересказать благопристойность запрещаетъ; ибо надобно знать, что хозяинъ мой великой охотникъ до сквернословія и видно, что онъ сей риторикѣ гораздо поучень. Уже и управитель говорилъ ему: — «знать, вы очень поучены этой грамотѣ». Такъ со всякимъ словомъ тожъ, да тожъ опять; ажно съ стороны дурно.

«Между тѣмъ, какъ онъ раздавалъ, между тѣмъ какъ то и дѣло подчивалъ управителя и выхвалялъ свою рыбу, которую я однако не отвѣдывалъ; между тѣмъ, покуда самъ всякаго кушанья съ чеснокомъ до поту лица объѣдался, были любимцы его не безъ дѣла.

«Они изволили говорить и шутить другъ съ другомъ, но какъ же? Только что ввали самую наименгодѣйшую скверность и такую несли блажь, что достойны были выгнаты быть изъ-за стола. Совсѣмъ тѣмъ г. Рахманову было то пріятно и они его тѣмъ веселили.

«Насилу, насилу дождался я, покуда всѣ они наѣлись и встали. Послѣ обѣда ищу я случая зачать съ Рахмановымъ говорить о землѣ, но по несчастію зашли бабы просить о невѣстахъ своимъ дѣтамъ. Онъ принялся разбирать письма и стряпчему своему велѣлъ записывать кого за кого отдавать. Въ этомъ прошло много времени.

«Потомъ началъ онъ драть черныя письма. Истинно передралъ онъ болѣе двухъ дестей и весь полъ бумагами усыпалъ. Это было опять для меня новое зрѣлище. Наконецъ окончилось сіе и уѣхалъ управитель, и я остался одинъ. Понемногу, понемногу доводить я разговоръ о землѣ, отбирать отъ него изподтиха и высматривать его мысли, и вотъ что узналъ:

«Пашковъ межевщина дѣйствительно поднялъ, то-есть взялъ на свой коштъ; но межевать ему нынѣшнею осенью не можно. Другой также сосѣдъ, г. Кочовницкій, взялъ того же межевщина

Заборовскаго, и что сей скоро межваться будетъ. Что самъ онъ, Рахмановъ, степь хотеть утаивать и утверждать, что ей нѣтъ, и сказывалъ, что онъ, по незнаю, и самъ подагъ доношеніе и объ ней объявивъ, хотѣлъ купить; но послѣ, какъ стали требовать деньги, то ему не захотѣлось заплатить и онъ одумался и подагъ доношеніе, будто прежде показалъ ошибкою и что эта земля не казенная пустая, а дачная; слѣдовательно ему теперь никакъ уже не можно называть ее казенною, а онъ долженъ ее неинако называть, какъ дачною.

«Дагѣ говорилъ онъ мнѣ, что я пропаду, ежели назову дикою степью, — а я самъ себя на умѣ: «Добро! Эти грозы слышали мы давно», а ему говорю: «не лучше-ль бы было и всѣмъ назвать дикою землею», и доказываю ему сіе резонами.

«Такъ случилось, что сіи резоны были ему неизвѣстны. Хватъ онъ себя за бороду и говорить: — «Ну, жаль-же мнѣ, что я это сдѣлалъ, а впрямь-бы лучше было показать ее дикою степью; но теперь переменить нечѣмъ». Такимъ образомъ, какъ онъ сперва ни пыгѣлъ, но послѣ смириѣ сталъ говорить. Наконецъ, надобно было ему уже ѣхать. Я, видя, что у насъ съ нимъ будетъ большое дѣло, и что намъ съ нимъ добромъ не развестись, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

«На дорогѣ заѣхалъ я къ г. Соймонову, чтобъ господамъ симъ вложить въ голову мои резоны, по которымъ для всѣхъ ихъ лучше было объявить дикою степь. Соймоновъ мнѣ радъ и я нашелъ въ немъ все, что хотѣлъ. Онъ сказалъ мнѣ радостную вѣсть, что не только онъ, но и многіе другіе въ томъ согласны, чтобъ показать дикою степь, а мнѣ сіе всего лучше и надобнѣе.

«Между тѣмъ, какъ я туда ѣздилъ, приѣзжалъ ко мнѣ сосѣдъ мой, но не засталъ дома. Какъ ѣхалъ я въ сумерки домой, гляжу, — выслалъ онъ челоуѣка звать меня къ себѣ; но я, досаду на сего бездѣльнаго и негоднаго сосѣда за его

обиды, отказалъ и не поѣхалъ за позднимъ временемъ».

22-го сентября ввечеру.

«Въ сегодняшній день думалъ я пробыть дома, но не такъ сдѣлалось. Напившись чаю, отправлялъ я обыкновенную свою аудіенцію, то-есть, говорилъ съ приходящими ко мнѣ на поклонъ съ яйцами, своими и чужими мужиками. Не успѣлъ я ихъ отправить, какъ шлетъ г. Тараковскій звать меня къ себѣ обѣдать. Не хотѣлось-было мнѣ очень къ нему ѣхать, а лучше-бъ гораздо я отобѣдалъ дома, но не могъ отговориться. Однако велѣлъ подать жареную мясную кашку и кусокъ ветчины и перехватилъ нѣсколько, вѣдая, что тамъ не скоро дождешься обѣда.

«Позавтракавши, пошли мы съ моимъ товарищемъ туда. Г. Тараковскій радъ. Я на него досаду, но притворяюсь. Хотѣлось мнѣ распрովѣдать о его мысляхъ и посмотрѣть у него выписъ, съ которой кошю позабылъ я дома. Ну ему точить пѣшки! ну говорить о межеванъѣ, ну, сказывать примѣры! Сбилъ совсѣмъ съ путя, привелъ въ нестроеніе и довелъ до того, что и сей талалай едва-ли уже и самъ не переменялъ мыслей и не хотеть назвать степь дикою землею. Все сіе происходило до обѣда. Обѣдъ былъ по обыкновенію поздной, и чѣмъ позднеѣ, тѣмъ хуже. Правда, наѣлся я до сыта, но не гораздо съ аппетитомъ, ибо не было ничего хорошаго, а все изготовлено дурно.

«Послѣ обѣда продолжали говорить о землѣ и дѣлали примѣрное исчисленіе, сколько-бъ, на примѣръ, у всей нашей Палдинской округи было примѣрной земли, и нашли бездѣлицу—51 тысячу десятинъ, и все сіе ужасное множество распашной земли хотятъ сіи молодцы украсть и утаить у государя.

«Вотъ каковы здѣшніе жители; но вѣдь всего этого мало, а надобно еще столько-жъ дѣйствительно дикой степи и пустой земли прихватить и назвать своею! Не знаю истинно, чѣмъ все это дѣло кончится!

«Просидѣвъ у него почти до вечера,

пришли мы домой. Я ждалъ, ждалъ, чтобы наполнилъ отъ насъ чашемъ, но какъ не дождался, то сказалъ своему товарищу, пришедши: «Самъ-ко, братъ, Александръ Андреевичъ, сами своего напьемся; а напередъ съѣздимъ на поле и посмотримъ землю», откуда мы сей только часъ возвратились.

«Я ажно ахнулъ увидѣвъ, сколько земли было здѣшними жителями, послѣ перваго моего сюда прѣзда, распахано. Куда дѣвалась вся ближняя наша степь и каменная земля? Изъ всего, очерченнаго мною, весьма обширнаго, кавыломъ поросшаго мѣста, не осталось уже ни клочка; а все для насъ алчныхъ и ненасытныхъ людей земли было мало!»

Сентября 23-го ввечеру.

«Вчера ввечеру, послѣ написанія вышеписаннаго, такъ-было я занемаяю, что и самъ испужался и всѣхъ перестрашалъ. Вдругъ заболѣлъ у меня, не знаю, не вѣдаю отчего, животъ, и заболѣлъ такъ, какъ никогда не болѣлъ. Такой рѣзъ и такое сдѣлалось ворчанье, что изобразить не можно. Всѣ наши перетрусилась до крайности и не знали, что дѣлать.

«Умница прикащикъ мой говорилъ, что это чемеръ и училъ меня ломать спину на налкѣ. Я слѣдую его совѣту, но не помогаетъ. Настылають на столъ ужинать; но мнѣ не ѣда на умъ идетъ, а оханье. Наконецъ, какииъ-то образомъ вспомнилъ я объ укусу и ну-ка его пить, смѣшавши кополамъ съ водою, и насилу, насилу животъ мой уговорился и я заснулъ.

«Сегодня, какъ въ воскресной день, расположился я ѣхать къ обѣдни въ здѣшнюю церковь, гдѣ надѣялся увидѣть здѣшнихъ господъ дворянъ и съ нѣкоторыми изъ нихъ познакомиться, въ чемъ и не обманулся. Я увидѣлъ гг. Дурова, Колемина, Левашева и съ ними ознакомился и сдружился.

«Какъ главная моя дѣла была растолковать имъ о землѣ, то старался я довести рѣчь до оной. Спасибо, они сами скоро довели до ней рѣчь. Итакъ, мы говорить о томъ еще въ церкви. Господа сія, бывшіе зараженными противными мнѣ-

ніями, и имѣя головы свои набитыя дачною землею, разинули ротъ, какъ я началъ говорить и имъ толковать. Всѣ они ко мнѣ пристали. Я дѣлаю нарочно видъ, будто спѣшу домой. Они унимають меня еще, чтобы поговорить.

«Г. Колеминъ, тутошній житель, зоветъ меня и прочихъ къ себѣ. Я будто нехотя соглашаюсь, заѣзжаю, продолжаю говорить, растверживаю глупцамъ, что они на свою голову хотять врать негѣплицу. Изображаю имъ, какъ это всѣмъ полезно будетъ, если они станутъ согласно со мною говорить и всю нашу округу обведутъ дикою землею.

«Олухи мои растаяли; признавался, говорить: «такъ! истинно такъ! нельзя быть того лучше» и перемѣняютъ свое мнѣніе, и, вида опасность, въ какую бы они себя ввергли, соглашаются на мое предложение и стоять уже въ томъ твердо. Радъ я былъ, что заставилъ всѣхъ ихъ плясать по своей дудкѣ. Разстаюсь съ ними. Всѣ зовутъ меня къ себѣ; но я ѣду домой, надѣясь сытнѣй наѣсться. И подлинно, обѣдаю дома спокойнѣе и лучше.

«Послѣ обѣда приходитъ ко мнѣ одинъ изъ нашихъ приходскихъ поповъ. Я, вѣдая, какое влияние имѣють здѣшніе попы на жителей тутошнихъ, постарался вперить и въ него такія же мысли. Попъ мой понимаетъ еще лучше ихъ все дѣло, хотеть растолковать и раствердить имъ оное и сожалѣлъ, что уѣхалъ Сабуровъ и со мною не видался.

«Вечеръ проводилъ я въ разговорахъ со своими мужиками о томъ, какъ бы отводить лучше намъ землю и показывать границы дикою землей. Итакъ, хотя я прѣзидилъ сюда и тщетно, но по крайней мѣрѣ удалось мнѣ сдѣлать то, что я перемѣнилъ у всѣхъ мысли и дѣло свое поставилъ на лучшей ногѣ.

«Завтра хочется мнѣ пригласить къ себѣ нѣсколькихъ изъ наилучшихъ однодворцевъ и, растолковавъ имъ то же, преклонить на свою сторону, а особливо обиженныхъ отъ Рахманова.

«Впрочемъ мнѣ захотѣлось уже и домой; и думаю дней черезъ пять, ежели

исправлюсь, отсюда выѣхать. ибо дѣлать нечего и жить попустому не хочется».

Сентября 26 дня, вечеромъ.

«Разныя обстоятельства не допустили меня во всё сіи три дни приняться за перо; но теперь расскажу я вдругъ о всѣхъ происшествіяхъ, случившихся въ оныя».

«Въ понедѣльникъ съ утра разослалъ я людей искать и звать къ себѣ однодворцовъ и между тѣмъ поджидалъ посланнаго искать межевщика, которой, возвратясь, привезъ мнѣ неожиданное извѣстіе, что онъ межевщика нашелъ и что оной велѣлъ меня звать къ себѣ во вторникъ поутру и обѣщалъ меня дожидаться. Обрадовавшись сему случаю, пересталъ я помышлять о домашней поѣздкѣ. Не знаю, что-то скажетъ межевщикъ и не принуждено-ли будетъ остаться тутъ на всю осень».

«Однодворцовъ своихъ сколько я ни ждалъ, но не могъ никакъ къ обѣду дожидаться; а послѣ обѣда притащили ко мнѣ двухъ. Я принялся за ту-же пѣсню и равномерно и ихъ убавилъ и согласилъ на свою сторону».

«Немного погода, смотрю, ѣдетъ ко мнѣ Иванъ Силичъ, г. Тараковской, и засталъ у меня однодворцовъ. Мы съ нимъ сидѣть, пить чай, говорить о землѣ, о другомъ, — и Силичъ мой на все согласенъ. Между тѣмъ, присылаетъ Соймоновъ человека звать меня къ себѣ. Я отказываю, но вдругъ перемѣняю мысли. Восхотѣлось мнѣ помирить съ нимъ Силича и прекратить ихъ самую пустую ссору. Съ согласія Тараковского, ѣду къ нему верхомъ; говорю съ нимъ обо всемъ; заѣзжаю отъ него къ Силичу, нахожу его болѣе виноватымъ, нежели Соймонова, но сего-жъ упружнѣйшимъ и несклоннѣйшимъ къ миру. Итакъ, не сдѣлавъ ничего и плюнувъ, возвращаюсь домой».

«Наутріе, позавтракавъ, отправляюсь я къ межевщику, отысканному за рѣкою Вороною. Ыхали, ѣхали и ошиблись дорогою, заѣхали въ такой гѣсъ, что ни вадѣ, ни впередъ. Насилу, насилу вы-

дрались, насилу переѣхали кое-какъ Ворону, но узкой плотинѣ одной преогромной мельницы. Наконецъ, приѣхавъ къ межевщику — его нѣтъ дома. Сказываютъ намъ, что уѣхалъ съ Сатинимъ на охоту».

«Господи! какъ мнѣ было сіе досадно! Нечего дѣлать! Говорю: «становись на дворъ къ мужику; станемъ стоять и дожидаться возвращенія, а того не знаемъ, что межевщикъ совсѣмъ на охоту не ѣздилъ, а меня дожидается у Сатина въ домѣ. И то-то, что я послалъ туда провѣдать. Гляжу, притащили ко мнѣ межевщика. Межевщикъ мнѣ радъ; — человекъ очень изрядной, по фамиліи г. Нестеровъ. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разговоръ. Сказываетъ мнѣ, что ему прежде половины будущаго гѣта не можно никоимъ образомъ къ намъ быть межевать, и что я приѣхалъ попустому. Впрочемъ узналъ я, что наше дѣло не таково опасно, какъ я думалъ».

«Будучи симъ доволенъ, думаю: «теперь нечего мнѣ жить — ступай домой!» Ыду въ свою деревню уже ночью, заѣзжаю въ гости къ господину Дурову въ Лопатинѣ. Дуровъ человекъ изрядной, радъ мнѣ былъ чрезвычайно. Мы условились съ нимъ обо всемъ и разстались дружески; и я возвращаюсь домой».

Сентября 28 дня.

«Знаете-ли? Я нишу сіе, собиравъ уже совсѣмъ ѣхать домой, къ вамъ, моимъ роднымъ! Нѣтъ! полно здѣсь жить; скучно стало! и сегодня выѣду непременно. Оба послѣдніе предъ симъ дни провелъ я въ хозяйственныхъ хлопотахъ, разбирательствахъ, распоряженіяхъ, счетахъ, и пр. пр. Я иду заниматься тѣмъ же и теперь, между тѣмъ какъ уже укладываютъ всѣ повозки и хотятъ запрягать лошадей».

Симъ образомъ кончилось мое въ сей разъ въ шадской моей деревнѣ пребываніе. Я дѣйствительно въ тотъ же день выѣхалъ; но о семъ обратномъ путешествіи я не буду занимать васъ подробнымъ повѣствованіемъ, а скажу только

что поѣхали мы уже черезъ Рагмбовъ, а изъ Козлова заѣз- свою козловскую деревню, гдѣ ѣ, и безъ всякихъ дальнихъ при- и безпокойствъ 5-го числа ок- вратились благополучно въ лю- юе Дворяниново. А снмъ окон- , слишкомъ увеличившееся пись- съ, сказать вамъ, что я есмь вашъ

(октября 4 дня 1808 года).

Письмо 155-е.

днй пріятель! Такимъ обра- ироводивъ болѣе трехъ недѣль ѣ путешествіи и отлучивъ отъ вратился я опять въ любезное ище октября 5-го дня ввечеру. гъ домашнихъ своихъ всѣхъ и, и какъ они столь скоро воз- моего никакъ не ожидали, то й приѣздъ мой обрадовалъ ихъ йно и тѣмъ паче, что безъ меня самаго сего времени присланъ намъ новой межевщикъ для по- шнихъ дачъ и окончанія недокон-

къ его перетревожилъ на смерть сѣдей и они, по малознанію сво- ежевыхъ дѣлахъ, не знали что и перетрусились до безконеч- о счастью, нѣкоторые домашніа ительствы воспрепятствовали ему, къ нарочно, до приѣзда моего и они только въ первой разъ въ тотъ день, какъ я приѣхалъ. [ихайло Матвѣевичъ былъ жатымъ, у котораго онъ сталъ ртиру. Я не преминулъ съ нимъ ечера видѣться и обо всемъ пере- или, по крайней мѣрѣ, съ нимъ яться.

лъ господинъ Чаплинъ и че- овсѣмъ мнѣ незнакомый; однако ся, что буду имѣть его на своей причинѣ, что былъ онъ зять и пріятелю моему и родствен- твѣя Пикитича, Василія Пап- Хвоцинскаго. Совсѣмъ тѣмъ

въ сей первой разъ показался онъ мнѣ что-то угрюмымъ и мѣшкватымъ.

Не могу изобразить, какъ обрадовались оба сосѣда мой столь благовременному и всего меньше ими ожидаемому возвра- щенію моему. Они прыгали почти отъ радости и тотчасъ свалили на меня всѣ хлопоты, такъ что я не имѣлъ времени и отдохнуть съ дороги; но принужденъ былъ на другой же день ѣхать съ межевщикомъ на межу.

Планъ нашимъ дачамъ что-то не ско- дился и ему велѣно было повѣрить всѣ линіи, и онъ шелъ по всѣмъ межицамъ противными румбами и повѣрялъ въ сей день безспорной рубежъ между Домнин- скою дачею и Матюшинскою.

Межевщикъ и во весь сей день казался мнѣ угрюмымъ и пахмуреннымъ; но какъ онъ работалъ только сіе утро, а послѣ объѣда поѣхалъ къ роднѣ своему г. Хво- цинскому, то я, разставшись съ нимъ, принялся тотчасъ за скопировку своего плана, чтобъ на немъ разрѣзать самому всѣ наши пустоши и просить потомъ ме- жевщика о размежеваніи оныхъ.

Въ послѣдующій день вдругъ занемогла у насъ мать жены моей и перетревожила насъ ужаснымъ образомъ. Сдѣлался ужас- ный жаръ и мы боялись, чтобъ не сдѣлалась горячка. Къ вѣщему смущенію приѣзжали къ намъ въ сей день разные гости и на- сказали множество новыхъ вѣстей и на- большую часть неприятныхъ.

Болѣе всего перетревожилъ меня слухъ, что спрашиваютъ будто-бы всѣхъ отстав- ныхъ опять въ службу и что будетъ съ 50 душъ рекрутъ. «Сохрани Господи!» думалъ я самъ себѣ, «ежели дойдетъ до того, чтобъ мнѣ опять служить въ воен- ной службѣ!» Я такъ уже отъ ней отвыкъ и такъ привыкъ къ мирной, спокойной и блаженной деревенской жизни, что ни для чего не хотѣлъ-бы съ нею опять разстать- ся. Случилось сіе въ самый день моего рожденія.

На другой день послѣ сего возвратился нашъ межевщикъ и тотчасъ насъ выту- рилъ на межу. Мы повѣрили въ сей день прикосновенность нашу къ Домнинскимъ

дачамъ и прошли отъ Матюшина до Болотова.

На утрѣ, что было 9-го октября, были мы опять на межѣ и дошли до самаго того мѣста, гдѣ прикоснулась къ намъ волостная земля и гдѣ началось прежнее межеванье. Тутъ межевщикъ мой какъ-то переимѣнился и сдѣлался изряднымъ человѣкомъ и совсѣмъ на нашу руку. Я тому обрадовался невѣдомо какъ, и онъ былъ ко мнѣ такъ благосклоненъ, что далъ мнѣ, на весь послѣдующій день, время для предварительнаго и приватнаго назначенія всѣхъ межъ между нашими пустошами и такъ, какъ мнѣ заблагоразсудится, обѣщавъ пройтись потомъ по всѣмъ мѣстамъ формальною межею.

Одолженіе сіе было для меня весьма чувствительно. Я соотвѣтствовалъ тому достоюлжному благодарностію и употребилъ весь послѣдующій день на сіе важное и нужное дѣло, не жалѣя своихъ трудовъ и беспокойствъ, съ тѣмъ сопряженныхъ. Я пробродилъ съ повѣренными и отводчиками нашими весь тотъ день по лѣсамъ и по буеракамъ, и на смерть перемучился и перезябъ, и принужденъ былъ обѣдать въ Болотовѣ у мужика своего, Евтея и насилу-насилу все сдѣлалъ, что было надобно; а ввечеру не успѣлъ прійхать домой, какъ прислали за мной, чтобъ я шелъ къ Михайлѣ Матвѣевичу, ибо туда прійхалъ новой волостной межевщикъ, г. Золотухинъ.

Итакъ, вмѣсто отдохновенія, ходилъ я еще туда и успѣлъ съ симъ повымъ и незнакомымъ мнѣ человѣкомъ познакомиться. Онъ показался мнѣ очень добрымъ и я имѣлъ счастье ему полюбиться и приобрѣсть къ себѣ его нелицемѣрную дружбу. Съ нимъ былъ тутъ и волостной повѣренный, Никаноръ Пестовъ, половины Льва Александровича Нарышкина и самой тотъ, съ которымъ поданы были отъ насъ прежнему межевщику Лыкову любовныя мировыя сказки.

Навонецъ насталъ тотъ достопамятный и съ толкими вожделѣніемъ, столь давно уже ожидаемый день, въ которой надлежало рѣшиться судьбѣ пустошей на-

шихъ и быть имъ другъ отъ друга отрѣзаннымъ. Было сіе въ 11-й день октября 1772 года.

Межевщикъ, по любви и дружбѣ своей ко мнѣ, сдѣлалъ намъ все, что хотѣлось и отмежевалъ нашу Шаховскую и соединенную съ нею Воронцовскую пустошь, по собственному моему назначенію, безспорно, кругомъ формальною межею. Во мнѣ трепетала душа, чтобъ во время сей отмежевки не помѣшали намъ волостные, а особливо Ченцовской половины своимъ споромъ и объявленіемъ, что мы въ оныя излишнюю землю перепускаемъ, какъ то и дѣйствительно было. Но по особливому нашему счастью, повѣренныхъ ихъ въ сей день на межѣ не было и мы безъ нихъ, что хотѣли, то и дѣлали, и мнѣ удалось десятинъ со стъ спрятать въ карманъ изъ нашего примѣра, или перепустить ихъ въ сію пустошь.

Не могу изобразить, какъ обрадовалъ я былъ симъ неожиданнымъ хорошимъ успѣхомъ и какъ много всѣ мы дивились тому, что волостныхъ повѣренныхъ, при томъ не было. Но скоро узнали, что причиною тому было то, что до Пестова, какъ помирившася съ нами, дѣло сіе уже не касалось, а у Ченцовскихъ въ самое въ сіе время былъ праздникъ и они всѣ пьянствовали и пили.

Узнавъ сіе и видя благосклонность къ себѣ нашего межевщика, просили мы его, чтобъ поспѣшилъ онъ разрѣзаніемъ и достальныхъ нашихъ пустошей и постарался ковать желѣзо покуда оно вепростыло, или воспользовался пьянствомъ и бражничествомъ волостныхъ повѣренныхъ.

Онъ учинилъ и въ семъ случаѣ возможпѣйшее намъ удовольствіе, а дабы одолженіе его было намъ прочтѣе и мы могли обезопасены быть впередъ отъ оглядокъ и претензій волостныхъ, для чего безъ ихъ повѣренныхъ межевали, поступилъ онъ далѣе, и въ наступившій другой день сдѣлалъ и для собственного своего оправданія и для пользы нашей, въ силу закона, волостнымъ повѣреннымъ формальную о явкѣ на межу не только одну, но

трократную повѣстку. Но повѣстки сіи сдѣланы были такъ поздно и такъ скоро одна послѣ другой, что нѣльзящимъ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ никакъ не можно было успѣть явиться въ надлежащее время на межу.

А какъ въ силу законовъ, въ случаѣ неявки ихъ по трократной повѣсткѣ можно было межевать и безъ нихъ, то мы не упустили воспользоваться сими случаемъ; и не только въ бесомыслии надеждѣ, что они не будутъ, выѣхали на межу очень рано, но началъ межевать, не межевали, а свойственнѣе сказать летали всѣ на лошадахъ по межамъ.

Я не преминулъ сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія, и всѣ они произведены были съ такою точностію и съ такимъ отъ всѣхъ проворствомъ и исправностію, что мы въ одинъ сей день сработали съ межевицкомъ столько, сколько при обыкновенномъ межеваньи не могли-бы исполнить въ дѣлѣ три дни.

Словомъ, мы обмежевать успѣли не только пустошь Щиголеву и Голенину и всю Болотовскую дачу формальною вокругъ межою, но отрѣзать и самую Гвоздевскую, споромъ съ волостною землею связанную пустошь отъ Болотовской и Дворяниновской, и я смастерилъ такъ хорошо, что въ общіе смежныхъ съ волостною землею нашихъ дачахъ осталось только поле и слѣдующее въ нихъ по писцовымъ книгамъ число земли, а вся наша примѣрная земля благополучно и невозвратно улетѣла въ заднія наши пустоши.

Таковою неожиданною и удачною успѣхъ преисполнилъ всѣхъ насъ неизобразимою радостію. Со всѣхъ насъ свалила ровно какъ гора съ плечъ превеликая, и для насъ не были уже тогда страшны споры волостныя, а особливо ченцовской половины. Пьяные повѣренныя ихъ хотѣли явились на межу, но тогда, когда мы уже совершенно все кончили и дѣлать имъ и говорить было нечего, ибо они и не видали гдѣ мы клали межи, да и не могли проникнуть самого дѣла.

Итакъ, въ разсужденіи ихъ не могли ни уже опасаться ничего и уже смѣлились

приложивъ къ «русской старинѣ» 1873 г.

ихъ спору и тому, что они не умѣли брать когда давали имъ тридцать десятинъ. Что касается до общанныхъ другихъ 30-ти десятинъ на половину Льва Александровича, то хотя тогда намъ уже и оныхъ очень жаль было; но какъ подана была объ нихъ уже полюбовная сказка, то казалось, что пособить тому не было возможности; но когда пойдетъ все на удачу, такъ удастся и совсѣмъ почти неожиданное.

Какимъ-то нечаяннымъ случаемъ чрезъ подьячаго межевщинова узнали мы, что сказка сія находится между бумагами, сданными имъ отъ Лыкова; и какъ даны были имъ всѣ дѣла и бумаги безъ описи, то была еще возможность и выручить намъ ее для уничтоженія, ежели мы попроворимъ.

Сіе мы и учинить не преминули, и мало въ томъ не совѣстясь и не поставляя то себѣ въ грѣхъ въ разсужденіи, что тѣмъ мы не иное что сдѣлали, какъ уничтожили дѣло, произведенное волостными нахитрѣйшимъ и бездѣльническимъ обманомъ, и мы ничего иного не сдѣлали, какъ спасли свою землю, неправильно и плутовски-было отъ насъ похищенную. Ибо по неосторожности межевщика Лыкова, проболтавшася при отъѣздѣ своемъ въ одномъ постороннемъ, къ намъ дружескомъ домѣ, узнали мы, что въ возданіи всѣхъ нашихъ ласкъ и услугъ, оказываемыхъ сему человѣку, онъ поступилъ съ нами наибезсовѣстнѣйшимъ образомъ и сокрылъ отъ насъ тайну, известную одному только ему, да волостнымъ повѣреннымъ. А именно: что въ писцовыхъ ихъ книгахъ, въ валовомъ перечнѣ всѣхъ ихъ дачъ сдѣлана ужасная ошибка, и что ежели всѣ ихъ разныя пустоши и дачи считать по одиночѣ, то вышло бы совсѣмъ не то число, сколько въ валовомъ перечнѣ или итогѣ показано, но гораздо меньше, и такъ, что у нихъ въ волости, вмѣсто объявляемаго великаго недостатка, былъ еще страшный и до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ простирающійся примѣръ; а по сему всѣ ихъ споры были не дѣльныя и

А

для самихъ ихъ еще бѣдственныя и опасныя.

Не могу изобразить, какъ чувствительно мнѣ было криводушіе Лыкова, когда узналъ я сіе обстоятельство и какъ досадовалъ я на сего лицемерца. Но какъ получилъ я вышеупомянутой успѣхъ въ размежеваніи пустошей и уничтоженіи самой сказки, которую мы, доставъ въ свои руки, въ тысячу клочковъ разорвали, то отлегло у меня на сердцѣ и я радовался, что могъ отсмѣять имъ сію насмѣшку надо мною; ибо Лыковъ, пересказывая о томъ, издѣвался, что онъ провель меня со всею моею мнимою мудростію.

Но я возвращусь къ своему повѣствованію. Удачное окончаніе нашего размежеванія и оказанное мною при томъ проворство и расторопность удивило всѣхъ моихъ сосѣдей, участвовавшихъ въ семъ дѣлѣ, и произвела то, что приносили они мнѣ за то тысячу благодареній, а всѣ мы изъявляли такія же господину Чаплину, оказавшему намъ въ семъ случаѣ такое одолженіе, какого только отъ родного ожидать можно было.

Во весь послѣдующій за обокми поманутыми, крайне для насъ достопамятными днями, провель я время свое, вмѣсто отдохновенія, въ переписываніи набѣло сочиненія моего «о хмѣлеводствѣ», для отсылки въ Экономическое Общество; а на другой день послѣ сего пригласилъ къ себѣ обоихъ межевщиковъ, и Золотухина и Чаплина обѣдать, и угостилъ ихъ какъ можно лучше. Отъ меня пошли мы всѣ къ Михаилу Матвѣвичу и у него проведя весь вечеръ, ужинали. Сей день познакомилъ и сдружилъ меня еще болѣе съ обоими межевщиками. Оба они полюбили меня искренно и обѣщали служить намъ всѣми образами и помирить насъ съ волостными.

Вскорѣ за симъ насталъ день моихъ именинъ. Я праздновалъ его по обыкновенію и спокойнѣйшимъ духомъ, и одолженъ былъ пріѣздомъ къ себѣ многихъ изъ своихъ родныхъ, друзей и сосѣдей.

Мнѣ пошелъ съ сего времени 35-й годъ моей жизни.

Черезъ три дни послѣ сего пріѣхалъ въ Котово другъ нашъ г. Темешовъ и тотчасъ прислалъ звать меня къ себѣ. У него продолжалось все еще сватовство за госпожу Срезневу и доходило дѣло уже и до сговору. Онъ, ласкаясь по обыкновенію своему ко мнѣ, убѣждалъ меня просьбою, чтобъ ѣхать съ нимъ на сговоръ сей, на что принужденъ я былъ почти противъ хотѣнія и согласиться.

Вѣтренность, непостоянство и чудной характеръ сего человѣка не подавалъ охоты ввязываться въ его дѣла и сплетни; но, по счастію и противъ всякаго чаянія, избавился я отъ сей поѣздки; — дѣло обошлось и безъ меня.

Къ нему пріѣхали родные, князя Мосальскіе и другіе, и я сдѣлался галанимъ, и онъ такъ былъ безсовѣстенъ, что несмотря на всѣ свои просьбы и убѣжденія, уѣхалъ на сговоръ, совѣтъ мнѣ не сказавшись, чѣмъ меня онъ удивилъ до чрезвычайности; но я, вмѣсто досады за то, только смѣлся, и радъ еще былъ, что отъ того избавился; а послѣдствіе и доказало, что для меня было сіе еще и хорошо. Ибо не успѣло пройти нѣсколько дней послѣ сговора, какъ молодецъ нашъ, заставлявшій насъ всѣми поступками и дѣяніями своими всегда хохотать и сму, какъ нѣкакому шутику, смѣяться, опять надѣлавши какихъ-то проказъ, съ невѣстою своею разладилъ и дѣло у нихъ скоро послѣ того и разошлось навсегда и онъ женился черезъ нѣсколько времени совѣтъ на другой дѣвухѣ за Тулою, а потому и радъ я былъ, что тогда на сговорѣ не былъ.

Вскорѣ за симъ болѣзнь жены моей, страдавшей уже давно отъ истерики и матки, побудила насъ, по совѣту тетки ея, г-жи Ардыбышевой, съѣздить въ Тулу полечиться у лекаря, ей знакомаго. Итакъ, мы туда вмѣстѣ съ нею ѣздили, спознакомились съ г. Ульманомъ, — такъ сей лекарь прозывался, и онъ снабдилъ жену мою нѣсколькими лекарствами, отъ которыхъ и было ей нѣсколько легче.

Было сіе въ концѣ уже октября мѣсяца.

Мѣсяцъ ноябрь ознаменовался нѣсколькими достопамятными происшествіями. Первые дни онаго провели мы въ безпрерывныхъ разъѣздахъ по гостямъ, роднымъ и друзьямъ нашимъ, а не успѣли возвратиться домой, какъ прислажь ко мнѣ межевщикъ съ извѣстіемъ, что онъ отъѣзжаетъ уже совсѣмъ въ Серпуховъ, въ межевную контору.

Мы распрощались съ симъ добродушнымъ человѣкомъ и въ благодарность за всѣ его одолженія подарилъ его изрядною лошадею, а подъячихъ его деньгами. За нимъ присланъ былъ изъ конторы поручикъ Степанъ Степановичъ Волковъ, съ которымъ я при семъ случаѣ познакомился, и котораго былъ послѣ мнѣ хорошимъ пріятелемъ.

8-е число сего мѣсяца праздновали мы на именинахъ у Михаила Матвѣевича, у котораго было множество гостей, изъ коихъ многіе, и въ числѣ ихъ другъ мой, г. Полонской, ночевалъ у меня. А 10-е число сего мѣсяца въ особенности достопамятно было тѣмъ, что во мнѣ родилась вдругъ охота продолжать давно начатое мною философическое и правоучительное сочиненіе «О благополучіи человѣческой жизни и о средствахъ къ приобрѣтенію онаго»; и я такъ къ сочиненію саму прилѣпился, что провелъ въ ономъ все пражное время сего мѣсяца, какое только оставалось отъ разъѣздовъ по гостямъ, и трудился въ томъ столь прилежно, что въ 20 дней, препровожденныхъ прямо въ философическихъ занятіяхъ, несмотря на всю величину сей книги, я ее къ декабрю всю кончилъ.

Она была впоследствии времени напечатана подъ именемъ «Путеводителя къ счастью», я какъ сдѣлалась она чрезъ то многимъ людямъ существенно полезнаю, то и можно почестъ сей мѣсяцъ, въ отношеніи ко мнѣ, прямо философическимъ и надостопамятнѣйшимъ въ моей жизни.

Напротивъ того, въ декабрѣ не произошло почти ничего въ особенности замѣча-

тельнаго, кромѣ того, что я въ первыхъ числахъ онаго по особливому случаю принужденъ былъ съ племянникомъ своимъ Травиннымъ ѣздить въ Копиру.

По нѣкоторому вексальному дѣлу отпа его, вознадобилось правительству взять съ него, какъ съ малолѣтнаго, скажу, о чемъ писано было изъ Кашина въ Копиру, а въ сію и требованъ онъ былъ отъ меня. Итакъ, мы съ нимъ туда ѣздили и дѣло сіе сдѣлали, а я имѣлъ случай при томъ быть нѣсколько разъ у благопріятствующаго мнѣ воеводы г. Посевьева и дружескимъ его со мною обхожденіемъ воспользоваться.

Впрочемъ не преминулъ я и въ сей мѣсяцъ, какъ въ зимній и для студирования удобнѣйшій, заниматься по привычкѣ своей литературой или чтеніемъ книгъ, также и сочиненіемъ новой книжки, въ пользу молодыхъ дѣтей назначенной.

Объ дѣвушки, дочери тетки нашей, госпожи Арцыбышевой, гостили въ сіе время у насъ, и я, пользуясь симъ случаемъ, училъ обѣихъ ихъ арихметику. Въ пражное же время занимался переписываніемъ набѣло вновь сочиненную мною книгу «О благополучіи человѣческой».

Симъ окончу я сіе письмо и скажавъ, что желаю вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ и проч.

(Декабря 4 дня 1808 года).

1773.

Письмо 156-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ дожидъ я до 1773 года, который былъ для меня по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнымъ.

Но прежде описанія происшествій, вт теченіи онаго бывшихъ, надобно мнѣ упомянуть вамъ въ короткихъ словахъ о томъ, въ какихъ обстоятельствахъ находился я при началѣ сего года, что и учиню почти тѣми самыми словами, какими записано было то въ тогдашнихъ моихъ запискахъ.

Находился я въ сіе время въ своей деревнѣ, въ любезномъ своемъ Дворянскомъ,

гдѣ во милости Господней продолжалъ я препровождать благополучнѣйшую жизнь въ свѣтѣ. По крайней мѣрѣ таковою почитать ее имѣлъ я причину.

Правда, благополучіе мое далеко не въ томъ состояло, въ чемъ большая часть людей его полагаютъ; но не я уже тому имѣю, что люди въ томъ обманываются и въ томъ его видятъ и полагаютъ, въ чемъ оно никогда состоять не можетъ. Что касается до моего благополучія, то я потому себя благополучнымъ почиталъ, что, во-первыхъ, по милости Создателя своего, находился я въ совершенномъ здоровьѣ, не имѣлъ ни въ чемъ недостатка, былъ сытъ, одѣтъ, тепелъ, веселъ и любимъ многими. Чего мнѣ хотѣть было больше?

Правда, достатокъ мой былъ не такъ великъ, чтобъ могъ я почитать себя богатымъ, и воля Господа моего угодно было надѣлать меня весьма-весьма умереннымъ; но по счастью, я желаніемъ множайшаго достатка никогда не мучился, а былъ жребіемъ своимъ совершенно доволенъ, а потому и былъ довольно и предовольно богатъ уже для себя.

По крайней мѣрѣ зналъ и всегда помнилъ я, что есть многіе милліоны людей, во всемъ подобныхъ мнѣ созданій, несравненно меня убожѣе и недостаточнѣе и предъ которыми, еслибъ хотѣлъ, могъ бы я почитать себя великимъ богачемъ. Безъ мала 600 человекъ обоего пола равныхъ мнѣ тварей состояло въ моихъ повелѣніяхъ: всѣ они на меня работали, и трудами своими и потомъ меня кормить, помть, одѣвать, обогрѣвать, успокоивать и тысячу увеселеній мнѣ приносить старались. Не великая ли то была для меня выгода и не долженъ ли я былъ благодарить за то Бога?

Денегъ хотя и не лежало у меня нѣсколько сотъ или тысячъ, но по крайней мѣрѣ не имѣлъ я въ нихъ и недостатка, и никогда еще не тужилъ, что ихъ у меня мало: съ нужду мою всегда становилось ихъ еще слишкомъ. По крайней мѣрѣ имѣлъ я то утѣшеніе, что никому не былъ

долженъ и не мучился совѣстью, что онѣ списаны неправдою.

Жилъ я хотя и не въ великолѣпномъ замкѣ и не въ каменныхъ палатахъ, но по крайней мѣрѣ не мучился и не беспокоился мыслени о томъ, для чего у меня такого нѣтъ, и радовался, и увеселился еще тѣмъ, что по благодати Господней имѣлъ хотя простой, но порядной деревенской и всѣми нужными способами снабденной домикъ, въ которомъ стужа никогда еще насъ не обеспокоивала, а изъ комнатъ стояло всегда нѣсколько и излишнихъ и вороженихъ.

Кабинета моего, въ которомъ наиболѣе я жилъ, не можно было покоитье быть и въ наилучшемъ замкѣ. Печка у меня была такая тепленькая и хотя кирпичная, но собственными трудами прекрасна и со вкусомъ росписанная; свѣта довольно, сидѣть было на чемъ и по крайней мѣрѣ не мучился я угаромъ и освобожденъ былъ отъ досады, для чего термометру. Сверхъ того имѣлъ я въ немъ множество вещей, приносящихъ мнѣ увеселеніе.

Садъ былъ у меня порядной и для меня наиприятнѣйшій. Положеніе мѣстъ, жилище мое окружающихъ, наипрекраснѣйшее, и прочее, и прочее.

Слугъ, лакеевъ, камердинеровъ, офицантовъ, управителей и дворецкихъ хотя у меня не было многочисленныхъ, но по крайней мѣрѣ въ нужныхъ услуживкахъ не было недостатка: было кому подать, было кому принять, было кого послать, было кому спать, сковать, ѣсть сварить и сдѣлать что надобно, и въ люди носить не доходило почти никогда нужды. Чего хотѣть болѣе?

Цуковъ и экипажей драгоцѣнныхъ, также гайдуковъ, гусаровъ и скороходовъ хотя у меня не было, но по крайней мѣрѣ, никогда не хаживалъ я отъ нужды пѣшкомъ, а было на чемъ и въ чемъ всюду выѣхать; и хотя выѣзды мои и экипажи и не такъ были великолѣпны, какъ у прочихъ, но я въ тѣ же ворота всюду ѣздивалъ и меня не хуже людей принимали.

Знатнымъ достоинствомъ, чинами и титулами хотя и не могъ я величаться, но, спасибо, тѣмъ никогда и не прельщался, да и не искалъ того. По крайней мѣрѣ, по милости Господней имѣлъ также чинъ, съ которымъ не стыдно было мнѣ никуда показаться: что нужды было въ томъ, что я не генералъ и не превосходительной! По крайней мѣрѣ былъ я хотя маленькимъ человѣкомъ, капитаномъ, но то зналъ, что меня почитали честнымъ, добрымъ и хорошимъ человѣкомъ, а сего званія для меня не было пріятнѣе. Сверхъ того пользовался я еще тѣмъ особливимъ счастіемъ, что меня всѣ знакомые любилъ, и хвалили и знакомили, и незнакомые. По милости Бога моего имя мое и безъ моего исканія сдѣлалось многимъ извѣстно и были люди, желавшіе усердно меня видѣть и узнать.

Платье носилъ я хотя не драгоценное, не блистало хотя золотомъ и серебромъ и не ослѣпляло людей алмазами, но они мнѣ были и ненадобны. По крайней мѣрѣ не выѣзжалъ никуда въ заплатахъ, а каково мое платье ни было, но вездѣ принимали меня ласково и пріятно и никто еще меня за платье не презиралъ, а и дома никогда еще я босымъ и нагимъ не ходилъ. Чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Всегдашнихъ компаній я хотя и не имѣлъ, на балы, оперы, комедіи и маскарады ѣздить и ими забавляться хотя и не имѣлъ случая, но по счастью могъ я спокойно и весело и безъ нихъ проводить свое время. По милости Господней имѣлъ я дома семейство такое, которымъ я доволенъ былъ: жена, милыя дѣти, теща, которую я за мать себѣ почиталъ, племянникъ, у меня живущій, могли уже всегда помогать мнѣ проводить время.

Сосѣдей, хотя не много, но по крайней мѣрѣ они были и всѣ насъ любившіе. Друзей и пріятелей также было нѣсколько, съ которыми могъ я сѣзжаться и веселиться; а сверхъ того, любезная библиотека могла во всякое время избавлять меня отъ скуки, а бумага и перо быть во всякое время наилучшими моими собе-

сѣдниками; а когда не зналъ я совсѣмъ скуки, то чего мнѣ было хотѣть болѣе?

Наконецъ, и что всего дороже, наслаждался я надрагоцннѣйшею свободою, вставалъ когда хотѣлъ, дѣлалъ что угодно и ложился спать, когда хотѣлось. Кромѣ того, не имѣлъ я нужды ни къ кому ѣздить или ходить на поклонъ, ни работать, ни лукавить и не лицемерить. Однимъ словомъ, жилъ на волѣ былъ господиномъ собственныхъ своихъ поступковъ и боялся только Бога да моего государя.

А что всего для меня было пріятнѣе, то не имѣлъ никакихъ себѣ извѣстныхъ недруговъ и злодѣевъ. Ни съ кѣмъ не находился я въ ссорѣ и враждѣ, но со всѣми жилъ мирно и согласно, а потому не имѣлъ причинъ бояться тайныхъ своихъ злодѣевъ и непріятелей, тѣмъ напротивъ, что всегда полагался на власть моего Бога и на его обо мнѣ попеченіе искренно, а не одними словами.

Вотъ краткое изображеніе того благополучія, которымъ я при наступленіи сего достопамятнаго года наслаждался. Что-жъ касается до ближайшихъ и подробнѣйшихъ обстоятельствъ, то онѣ состояли въ слѣдующемъ:

Семейство мое въ сіе время состояло въ слѣдующихъ, милыхъ мнѣ особахъ: во-первыхъ, матери жены моей, которую почиталъ я вкупѣ и своею и имѣлъ къ тому причину; во-вторыхъ, жены моей, — дадѣе дочери Елизаветы, которой шель уже шестой годъ и которую начинали мы уже учить грамотѣ. Она была рабенокъ, такой которой не только намъ, но и всѣмъ знакомымъ. былъ любезенъ. Она находилась еще въ самой начинающейся только развѣртываться и разцвѣтать юности и подавала о себѣ великую надежду.

Въ-четвертыхъ, — сынъ большомъ, Степанъ, которому пошелъ пятой годъ, мальчикъ, хотя нравомъ и свойствами своими весьма отиѣнномъ отъ сестры и нѣсколько угрюмымъ и нелюднымъ, но подававшимъ о себѣ также не худую надежду.

Въ пятыхъ, — въ синѣ моемъ меньшомъ

Павлѣ. Сему шелъ только другой годъ и потому еще онъ ваялся въ колыбели и не умѣлъ еще говорить. Совсѣмъ тѣмъ рабенокъ былъ милой и любезной.

Шестымъ сотоварищемъ нашимъ былъ племянникъ мой Травинъ, сынъ покойной сестры моей. Онъ жилъ у меня по сиротству и малолѣтству, и кой-чему учился.

Что касается до прочихъ и не столь близкихъ моихъ родственниковъ, то были они слѣдующіе: во-первыхъ, два брата моихъ двоюродныхъ, Михаилъ и Гавриилъ Матвѣевичъ Болотовыхъ. Оба они жили со мною въ одной деревнѣ и оба меня любили. Послѣдній хотя въ минувшемъ году мнѣ и досаждалъ, но я отпустилъ ему то въ разсужденіи молодости и возстановилъ опять пресѣвшееся-было дружество. Сей былъ еще холостъ, а первой женатъ. Сообществомъ съ ними не могъ я много пользоваться: оба они были люди простые, оба неучи, и болѣе объ нихъ сказать мнѣ нечего.

Во-вторыхъ, родная тетка жены моей, Матрена Васильевна Арцыбшева, живущая отъ насъ верстъ за 30. Сей домъ считали мы себѣ ближнимъ и всѣхъ прочихъ дружественнѣйшимъ, и ласки и дружество ея было намъ и выгодно и полезно. У ней росли двѣ дочери, бывшія уже дѣвочками изрядными, и которыя нерѣдко гашивали у насъ по нѣскольکو недѣль сряду; сынъ же ея былъ еще не великъ.

Во-четвертыхъ, родственникъ мой Матвѣй Никитичъ Болотовъ, жившій въ одной со мною деревнѣ. Сего по ласкѣ и дружествѣ его ко мнѣ считалъ я ближайшимъ своимъ родственникомъ; но жалѣлъ, что былъ онъ нѣсколько особливаго и нелюдимаго нрава и характера, не любилъ выѣзжать, но въ сосѣдствѣ былъ я имъ очень доволенъ.

Вотъ вся почти моя ближняя родня; а впрочемъ, хотя я и имѣлъ родственниковъ, но живущихъ далеко, какъ-то племянника во Псковѣ, трехъ племянницъ въ Кашинѣ, тетку подъ Коширою, другую на Пратвѣ, или паче въ Москвѣ, дѣда жены моей съ дѣтми его въ Ци-

вилскѣ, дядю ея въ Козловѣ и нѣкоторыя другіе.

Что касается до прочихъ обстоятельствъ, то приказникъ дѣлъ никакихъ я не имѣлъ. Кромѣ межевого дѣла съ волостными, которое все еще меня нѣсколько беспокоило. Кромѣ сего слушаю меня то, что жена моя съ нѣкоторымъ времени сдѣлалась больна маткою и съ очень страдала.

Что касается до моихъ упражненій, то привыкнувъ издавна къ трудолюбію, непрерывно занимался я литературою и науками, но не столько упражнялся въ чтеніи книгъ, какъ въ письмѣ и сочиненіяхъ. Новой годъ засталъ меня въ слѣдующихъ работахъ: 1-е, старался я окончить переводъ «Китайской исторіи» или Нейгофова путешествіе въ сіе государство. Книгу сію началъ я давно переводить и въ сіе время трудъ сей приходилъ къ окончанію, хотя къ сожалѣнію остался онъ совсѣмъ тщетнымъ.

Во-вторыхъ, продолжалъ я сочинять начатую недавно полезную книжку, во-имѣнную еще титула и долженствованію содержать въ себѣ краткое руководство во всѣмъ нужнѣйшимъ знаніямъ. Книга такая, которую давно собирался я сочинить; но предъ окончаніемъ минувшаго года печальной случай подалъ мнѣ поводъ къ началію оной.

Тетка жены моей, г-жа Арцыбшева, отъѣзжая въ степную свою деревню и оставивъ обѣихъ своихъ дочерей у насъ, просила меня, чтобъ я подалъ имъ хотя малое понятіе о законѣ. Я, согласясь съ охотою на то, хотѣлъ-было сперва растолковывать имъ Платоновъ катихизисъ, какъ единственную, имѣющуюся у насъ богословическую книгу о законѣ; но не успѣлъ начать, какъ нашелъ въ томъ великія неудобства.

Я находилъ тутъ многія пропущенныя вещи, о которыхъ человеку молодому необходимо знать нужно, а сіе и побудило меня приступить къ другому роду истолкованія. Я положилъ пересказать имъ на словахъ всѣ нужнѣйшія вещи,

что имъ о Богѣ, о свѣтѣ и о человѣкѣ знать надобно, и пошелъ своимъ порядкомъ. Сдѣланной опытъ и мнѣ и имъ понравился. Я продолжалъ всякой день ввечеру имъ все-что сказывать и сдѣлалъ, такъ сказать, у себя маленькую аудиторію и слушателями мои были поманутыя обѣ дѣвушки и мой племянникъ.

Но какъ матерія накопилось уже нарочито много, то, опасаясь, чтобъ они не позабыли, вздумалъ я сдѣлать для нихъ небольшую книжку, расположенную вопросами и отвѣтами, въ которой бы все то означено и вкратцѣ изъяснено было, что я имъ рассказывалъ.

Но не успѣлъ я сей трудъ начать, какъ по примѣру нечаянныхъ предрирій, началъ онъ удаваться гораздо лучше, нежели я думалъ, и побудилъ меня приложить къ сочиненію сей книжки прилежнѣйшее стараніе и сдѣлать изъ ней что-нибудь нужное и совершенное. Сію-то книжку, начатую около 15-го декабря 1772-го года, которую назвалъ я послѣ «Кунстеамороу душевною», продолжалъ я сочинять по утрамъ до свѣта, какъ въ праздное и тихое время и при началѣ сего года, и писалъ уже о устройствѣ животныя.

Въ-третьихъ, занимался я обученіемъ поманутыхъ дѣвушекъ арихметикѣ, которой долгъ и услугу хотѣлъ я имъ также оказать. Что касается до моего племянника, то онъ вмѣстѣ съ сыномъ г. Ладженскаго, проживавшемъ также у меня, чертилъ геометрію.

Сіи были главныя мои занятія. Что касается до прочихъ начатыхъ дѣлъ, то было ихъ много. Во-первыхъ, начато переписываніе набѣло сочиненной недавно мною книги «О благополучіи человѣческомъ», о которой не за излишнее нахожу, какъ нѣчто въ особенности достопамятное замѣтить, что при сочиненіи оной часто рождались сами собою въ головѣ моей такія мысли, какихъ до того никакъ я не имѣлъ, и что нерѣдко приводило самого меня въ превеликое удивленіе. Впрочемъ книгу сію можно почесть плодомъ кѣнигсбергскаго ученія моего фи-

лософіи крузіанской, которую я полагалъ я ей въ основаніе; многое-же писалъ изъ собственной своей опытности.

Во-вторыхъ, начата была перепискою набѣло вторая часть моей «Дѣтской философіи». Въ-третьихъ учинено начало переводу, или паче сочиненію второй части «Исторіи святой войны»; въ-четвертыхъ, еще нѣкоторыя другія мелочи.

Что касается до экономическихъ моихъ трудовъ и сочиненій по долгу званія моего, яко члена Экономическаго Общества, которыя сочиненія сдѣлали имя мое во всемъ государствѣ извѣстнымъ и отчасти славнымъ, то отправлено было въ Петербургъ четыре сочиненія, а именно: одно, содержащее въ себѣ описаніе нашего хлѣбопашества; второе о истребленіи востера изъ пшеницы; третье о хлѣводствѣ, а четвертое, и недавно посланное, о употребленіи навоза въ степныхъ мѣстахъ. Но на всѣ сіи сочиненія не было еще получено отвѣта.

Сіи-то были обстоятельства нагляднѣйшія, въ которыхъ застигъ меня 1773 годъ. Теперь приступлю къ описанію произшествій, случившихся въ теченіи оного.

Первымъ, прихѣчанія достойнымъ произшествіемъ почесть можно новое знакомство, начатое съ домоу генераль-маіора Ивана Ивановича Раевскаго, живущаго въ Любижѣ. Съ симъ человѣкомъ давно уже хотѣлось мнѣ спознаться, по причинѣ что былъ онъ мнѣ по деревнямъ сосѣдъ; но мнѣ какъ-то на поклонъ къ нему ѣхать не хотѣлось, а ему и подавно не можно было, и дѣло зависѣло оттого, что мы нигдѣ не имѣли случая съ нимъ свидѣться, а при началѣ сего года оказался къ тому нанудобнѣйшій.

У господина Руднева родилась дочь Елизавета. Я крестилъ обыкновенно у него дѣтей съ госпожею Полонскою; но какъ ея не было, то звалъ онъ въ кумы жену поманутаго генерала, Прасковью Михайловну.

Итакъ, 3-го числа января крестилъ я у него съ нею и познакомился. Видѣлъ

также и ея мать, госпожу Кропотову, мужъ-же ея находился въ Петербургѣ. Они обошлись со мною довольно хорошо и такъ, что я ласкался надеждою, что у насъ съ ними возстановится знакомство. Однако сего не воспослѣдовало: разныя обстоятельства и отлучка отъ дома причиною тому была, что намъ не удалось послѣ и видѣться, а мужъ ея и умеръ, со мною не видавшисъ.

Въ самое то-жъ время и поутру самаго того-жъ числа случилось еще одно происшествіе. Вдругъ сказано было мнѣ, что у меня въ домѣ появились опять горячки, повидимому прилипчивыя, и что человѣкъ пять вдругъ заболѣли и лежали оними. Сіе меня невѣдомо какъ перетревожило и тѣмъ напротивъ, что всѣ больные лежали въ задней людской горницѣ и что занемогли нѣкоторые и дѣвки, живущія у насъ въ хоромахъ. Такое близкое сосѣдство натурально привело меня въ безпокойство превеликое.

Года за два передъ симъ терпѣли мы уже сіе наказаніе, а несчастнымъ моровымъ годомъ были и того болѣе напуганы, почему необходимость заставляла стараться какъ можно скорѣе употребить всѣ предосторожности.

Итакъ, велѣлъ я того часа всѣхъ больныхъ оттуда вывезти, очистить для нихъ особую избу на скотномъ дворѣ и приставить къ нимъ въ надзиратели особаго человѣка. Заднюю же горницу, гдѣ они лежали, велѣлъ я тотчасъ перестать топить и выморозить, чтобъ перемѣнился воздухъ и вышли всѣ прилипчивыя пары, а здоровыхъ людей перевести въ другую избу, приказавъ притомъ накрѣпко всѣмъ, чтобъ съ больными не имѣть сообщенія и какъ можно ихъ убѣгать. Въ хоромахъ же тотчасъ началось куреніе укусомъ.

Въ наступившій послѣ того день, равно какъ нарочно для умноженія опасности моей отъ прилипчивыхъ болѣзней, былъ и со мною особливой случай:

Ни то ѣздивши въ г. Рудневу въ открытыхъ савахъ, я простудился, ни то отъ другого чего, однако заболѣла у меня голова, сталъ показываться жаръ и силь-

ное и частое бѣшеніе пульса. При опасеніи давничнемъ горячки трогало меня сіе очень, а особливо въ разсужденіи появившихся въ домѣ болѣзней.

Однако я недолго медлилъ, а тотчасъ приступилъ къ новому моему предохранительному въ такихъ случаяхъ средству, которымъ я уже много разъ себѣ помогалъ, а именно, свернулъ бумажку и щекота ею въ носу, принудилъ себя чихнуть, и повторилъ сіе раза два. И мнѣ удалось и въ сей разъ тѣмъ себѣ помочь: удары, произведенныя чханіемъ во всей крови, въ состояніи были остановить скорость ея движенія и уменьшить чрезъ то начинающійся жаръ, а чрезъ то и боль головная уничтожилась.

Такимъ образомъ имѣлъ я вновь случай удостовѣриться въ полезности сего, мною нечаянно примѣченнаго, весьма важнаго врачебнаго способа и сожалѣлъ вновь, что многіе не хотятъ и не стараются приучить себя къ такому принужденному чханію.

Теперь надобно мнѣ замѣтить одну учиненную мною около сего времени выдумку. Печь въ моемъ кабинетѣ была кирпичная и складенная фигурно и довольно хорошо. Я сначала бѣдиль ея все мѣломъ на молокѣ и по немъ расписывалъ сперва краснымъ сандаломъ раковинами и картушами; но какъ она замаралась, то выбѣлили ея около сего времени вновь и мнѣ вздумалось расписать ея разными красками и разбросанными по всей печи цвѣточками. Чрезъ сіе получила она еще лучшей видъ; а въ сіе время нечаянно вздумалось мнѣ положить ея зубомъ, и я увидѣлъ, что симъ средствомъ можно и на всю ея навѣсть лоскъ и придать ей тѣмъ красы еще больше. Она стала какъ фарфоровая и такъ хороша, что не уступала почти кафленвой. Краски распускалъ я на обыкновенной камедной водѣ.

Впрочемъ, какъ около сего времени святки начали проходить, то принялись мы за прежнія упражненія и начали возобновлять мале свои философическіе разговоры, и болѣе потому, что въ сіе

время гостила у насъ дочь госпожи Іевской, Елизавета Семеновна.

Сія, наслушавшись отъ моихъ ученицъ о нашихъ разговорахъ, желала охотно и сама оныхъ послушать. Для меня было сіе очень пріятно и матерія въ сей вечеръ случилась по порядку очень важная. Я изъяснилъ дѣтямъ причину и нагѣренія, для котораго свѣтъ созданъ и начальныя и важнѣйшія понятія о воплощеніи и искупленіи христовомъ; однако гостя нашла что-то не весьма охотно слушала.

Не ходя далѣе, надобно мнѣ упомянуть слова два и о свѣточныхъ нашихъ въ сей годъ упражненіяхъ. Святки препроводили ми не гораздо весело. Съ деревенскими сосѣдями какъ-то рѣдко видались, а постороннихъ никого дома не было, а въ иные дни для осин ѣздить было не можно. Итакъ, сидѣли мы почти всѣ святки дома и играли одни только дѣти.

Что касается до меня, то посѣщая привезъ къ окончанію переводъ «Китайской исторіи», но вечерамъ и въ праздное время упражнялся въ ономъ. Однако и кромѣ того сдѣлалъ нѣчто на память сими свѣткамъ, а именно: въ праздное время выдумалъ вновь нѣсколько загадокъ, свойственныхъ обыкновеннымъ свѣточнымъ занятіямъ. Для памяти, и что оны въ сіе время и въ Дворяншиновѣ родились, рассудилъ я ихъ и здѣсь помѣстить. Оны были слѣдующія:

1. Живу я на свѣтѣ очень давно, все хожу, все брожу, никогда не устаю, и тон-дѣло, что старѣю, да молодѣю.

2. Плоска я, нестра, собою пригожа, нныхъ увеселяю, другихъ обогащаю, а третьихъ разоряю.

3. Днемъ я дурна, ни къ чему негожусь, ночью прекрасна, алмаза яснѣй.

4. Плоска я, вонюча, въ темнотѣ люблю жить.

5. Сидѣть не умѣю, ходить не могу, а бѣгать и соваться слишкомъ остеръ.

6. Слѣту себѣ кружокъ, слѣу въ уголокъ, сажу носажу, гостей подожду, пожалуетъ кто, а цапъ его царапъ.

7. Къ чему я живая, и мертвая на то-жъ.

8. Чоренъ, проворенъ и очень хитеръ;

лазаетъ и прыгаетъ я слишкомъ гораздъ; за сто шаговъ бездѣльца мнѣ, а и за тысячу своихъ разомъ сгину.

9. Состарѣться, какъ я, всякій-бы хотѣлъ, а жить сколько я, не желаетъ никто.

10. Копьями утыканъ я смѣло хожу; злодѣй нападеть я съ мѣста нейдю; тронь меня, пожалуй, самъ берегись.

11. Въ каменной одеждѣ безъ ногъ я хожу.

12. Смерть передъ нимъ—не труситъ ее; чѣмъ бы бѣжать, онъ съ мѣста нейдеть и только что ногами потоптываетъ.

13. Во все время въ году слушаюсь всѣхъ, въ одно время буяню, не глажу на крикъ; но хвостъ поднимя, слома голову бѣгу и дѣлаю досаду и вредъ иногда.

14. Въ лѣсу живучи, на звѣра похожъ, лазать умѣю, а бѣгать не скоръ; живыми питаюсь, а живу не на землѣ; люди не любятъ, да я ихъ люблю.

15. На войнѣ не бывалъ, а лучше татаръ, увидѣвъ злодѣя, врознь не бѣжимъ. Хоть нечѣмъ намъ драться, такъ вдругъ закричимъ, и вмѣстѣ сбѣжавшись составимъ кружокъ. Всякъ у насъ за брата готовъ умереть и тѣмъ иногда отбиваемся.

Вотъ загадки, выдуманныя въ сіи святки. Я скасаюсь, что оны имѣютъ на себѣ печать натуральности, ибо первая значить луку, 2—карту, 3—гнилушку, 4—клопа, 5—рмбу, 6—паука, 7 овчину, 8—блоху, 9—грибъ, 10—ежа, 11—раковину, 12—овець, 13—ворову, 14—вошь, а 15, наконецъ, стадо свиней.

Къ Крещенью собрались мы опять всѣ, ибо наканунѣ сего дня возвратилась изъ Москвы жена моя, ѣздившая на самое короткое время въ оную для покупокъ въ сотовариществѣ Марьи Семеновны, сестры госпожи Іевской.

Ввечеру сего дня видѣлся я съ сосѣдомъ своимъ Матвѣемъ Никитичемъ и поразился, увидѣвъ его въ прежалкомъ положеніи и въ великой перемятѣ состояніи его здоровья. Уже за нѣсколько времени до сего началъ онъ что-то хрипѣть и все жаловаться на нездоровье. Болѣзнь, состоящая, какъ казалось, въ из-

мождающей лихорадкѣ, такъ его и до-вольно скоро изурна, что остались только кости да кожа, и жизнь его висѣла какъ на ниточкѣ.

Безпутная въ молодости жизнь, а особливо во время гвардейской его въ Петербургѣ службы, а потомъ проклятые нужднкіе долги, въ которые онъ по неумѣренности расходовъ запутался, и наконецъ самое непреодолимое упрямство ввергнуло его въ сію болѣзнь; а говорили, что много поспѣшествовало къ тому и то, что онъ, просясь въ отставку и жала показавъ на себѣ видъ большого человѣка, вынулъ по совѣту какого-то бездѣльника великое количество масла конопнаго, ибо съ самаго того времени онъ и началъ уже хриѣть и чувствовать себя нездоровымъ. Я взиралъ на него съ чувствительнымъ сожалѣніемъ и чудился, что онъ, при всей своей немощи, затѣвалъ еще ѣхать въ Москву для продажи двора своего. Я не зналъ, какъ онъ въ состояніи будетъ ѣхать и ему того не совѣтовалъ.

На другой день послѣ Крещенья встревожены мы были опять новымъ подтвержденіемъ, чтобъ имѣть опасность и повсюду возжечь огни и поставить караулы. Оказавшаяся гдѣ-то въ Воронежской губерніи и въ низовыхъ городахъ язва была тому причиною. А къ вѣщему утрашенію услышали мы, что въ лежащей верстѣ за 30 отсюда деревнѣ Селюмѣ, на большой дорогѣ въ Тулѣ, трое изъ проходящихъ лопатниковъ скоропостижно умерли, и что для самаго сего деревня сія тотчасъ была замѣтана, да и мы принуждены были поставить вновь караулы.

Въ тотъ же день случилось у насъ въ домѣ одно странное происшествіе. Водка, которую обыкновенно предъ обѣдомъ пивала теща моя, будучи чистотою, вдругъ сдѣлалась мутна и солонна, а отчего—того найти и открыть было не можно. Какъ въ такихъ случаяхъ человѣкъ склоненъ ко всякимъ подозрѣніямъ, то не освободились и мы отъ того: легко можно было заключить, что водкѣ самой собою соленою сдѣлаться никакъ было не можно,

и надобно кому-нибудь быть, кто-бъ въ нее сію соль положилъ.

Также заключали мы, что соли сей нельзя быть простой, а какой-нибудь наговорной, или того хуже, отравленной какими-нибудь ядомъ. Извѣстность, что подлость наша склонна къ такимъ бездѣльничествамъ и такими наговорными вещами имѣть обыкновеніе людей портить, или къ милости преклонять, приводило насъ въ пуще сумнѣніе. Я самъ, каковъ ни твердъ въ такихъ случаяхъ, и какъ мало ни вѣрилъ такимъ водорамъ, однако встревожился и тѣмъ паче, что сія соленая водка попала, мимо тещи моей, бывшей у насъ въ гостяхъ, Марьѣ Семеновнѣ Шелимовой. Она первая сіе примѣтила и приведена была тѣмъ въ превеликую трусость, даже до того, что принуждена была съѣсть ложку меду.

Я не могъ оставить сего дѣла безъ изслѣдованія и принужденъ былъ употребить при томъ даже строгость противъ тѣхъ, на которыхъ было нѣкоторое подозрѣніе; однако отыскать того никакъ не могъ, да и льститься тѣмъ было не можно, ибо кто рѣшится самъ на себя сказать и признаться въ такомъ проклятомъ дѣлѣ.

Совсѣмъ тѣмъ думали мы, что произошло это отъ проклятой въ челядинцахъ нашихъ другъ къ другу ненависти, и радовались по меньшей мѣрѣ тому, что открылось сіе зло благовременно, и что теща моя сей водки не пила. Итакъ, если по-долго скрывалось въ томъ какое зло, то благодарили Бога, отвлечшаго отъ насъ сію опасность.

Въ послѣдующій день имѣлъ я, наводнець, давно желаемое удовольствіе видѣть переводъ «Китайской исторіи» приведенный къ окончанію. Признаюсь, что работа сія была долговременная и немалыхъ трудовъ мнѣ стоившая.

Я началъ книгу сію переводить года за три до сего времени и насилу въ сіе время ее кончилъ. Правда, хотя я и не всегда за нею сидѣлъ, и раза три, четыре работа сія на долго перерывалась, однако-жъ нельзя сказать, чтобъ и скоро

ее перевести было можно. Книга въ самомъ дѣлѣ великовата и я думался, что имѣлъ столько терпѣнія и могъ сіе великое предпріятіе привести къ омончанію. Послѣ сего потребно было еще много времени къ перепискѣ ея набѣло, чтобъ можно было отдать въ печать, какъ то мнѣ сдѣлать хотѣлось; но какъ для самого себя было сіе уже слишкомъ трудно, то поминялъ я комиссію сію возложить на одного изъ моихъ мальчиковъ, писцовъ, хотя писали они не очень еще хорошо и исаравно.

Въ сей день, продолжая обыкновенные мои съ дѣтми вечерніе философическіе разговоры, началъ я имъ преподавать понятіе о душѣ человѣческой и о внутреннихъ въ ней произшествіяхъ, или учить налегка телематологін, и сія матерія къ удовольствію моему казалась имъ пріятна и они ее зряднѣхонько понимали.

Нимало почти неуменьшавшаяся болѣзнь жены моей принудила насъ около сего времени послать нарочнаго къ лекарю опять за лекарствами; но лекарь сей, которой сначала показался намъ весьма добрымъ и честнымъ человѣкомъ, оказался наконецъ самымъ негодяемъ и безсовѣстѣйшею тварью. Онъ старался только вытеблить отъ насъ koliko можно болѣе денегъ, а женѣ моей не только лекарствами своими не произвелъ ни малѣйшей пользы, но болѣзнь ея, и едвали не умышленно, увеличилъ еще болѣе изъ единой алчности къ корысти, и доставилъ намъ бездѣльническими поступками своими столько досадъ, что мы раскаявались въ томъ, что съ нимъ связались.

Сей случай увеличилъ во мнѣ прежде невыгодное о лекаряхъ нашихъ мнѣніе и подалъ вновь поводъ къ жалѣнію, что въ отечествѣ нашемъ врачебная часть была въ великомъ еще несовершенствѣ и сопряжена съ великими недостатками. Въ тогдашнее время была сія часть несравненно еще въ худшемъ состояніи. Монархи наши не прилагали еще столь многого старанія о усовершенствованіи сей части. Тогда не было и десятой доли

сихъ необходимо нужныхъ людей противъ нынѣшняго.

Но, ахъ! произошла-ли какая существенная польза народу отъ того, что количество сихъ людей умножилось вдесятеро передъ прежнимъ?

Что пользы оттого, что не только столицы набиты докторами и лекарями, но нѣтъ ни одного губернскаго города, гдѣ-бъ не было и докторовъ, и лекарей, и операторовъ, и акушеровъ, и повивальныхъ бабокъ и управъ врачебныхъ; и нѣтъ ни одного уѣзднаго города, въ которомъ бы не было лекаря, и которыхъ бы всѣхъ не содержали мы на своемъ коштѣ и жалованьѣ, — когда и нынѣ множество больныхъ помираетъ также, какъ и прежде, безъ всякаго призора и подаванія имъ помощи отъ сихъ докторовъ и лекарей; Когда и нынѣ всѣ они, несмотря, что мы ихъ поимъ, кормимъ и содержимъ на нашихъ трудовыхъ денежкахъ, помышляютъ только о томъ, какъ бы насъ грабить и карманы свои набивать нашими деньгами, а о истинномъ помоганіи намъ всего меньше радѣютъ и помышляютъ!

Что пользы отъ всего того, когда и нынѣ, въ случаѣ постигшей какой болѣзни и самой дворянинъ не дозвется къ себѣ лекаря, не имѣя столько достатка, чтобъ ему за приѣздъ и за самое иногда ничто заплатить ему рублей 10 или 25, или еще болѣе! А о подломъ народѣ и говорить уже нечего.

Когда самимъ намъ такъ отяготительны и дороги становятся ихъ приѣзды, когда мы за каждое мановеніе рукъ ихъ должны платить рублями, а при всемъ томъ получать отъ нихъ очень-очень мало пользы, то чего можно надѣяться отъ нихъ нашей подлости и какого вспоможенія ожидать себѣ отъ сихъ ворыстолюбовъ, неимѣющихъ ни совѣсти, ни сожалѣнія, а помышляющихъ только о набиваніи достатками нашими своихъ кармановъ?

Истинно! та польза еще не велика для государства, что всѣ сіи господа уѣздные врачи рыскаютъ непрерывно по уѣздамъ для взрѣзыванія тѣлъ убитыхъ, или опиивъ

шихся, или скоропостижно умершихъ несчастливцевъ.

Но съ другой стороны нельзя намъ и обвинять правительство нерадѣніемъ объ насъ. Оно съ своей стороны учинило все, что нужно, и о пользѣ нашей прилагаетъ невозможнѣйшее стараніе; а вольно самимъ намъ перепортить сей, только нужный намъ народъ, и изъ добрыхъ людей передѣлать всѣхъ бездѣльниками и негодяями.

Естьли-бъ сами мы были-бъ осторожнѣе, не платили-бъ имъ за сущее иногда ничто бумажками цѣлыми, не насыпали-бъ кармановъ ихъ за самой малой и ничего незначущій трудъ полными горстями денегъ, а платили-бъ умѣреннѣе и оцѣнивая дѣла, труды и старанія ихъ лучше, то не были-бъ и они такъ избалованы и не сдѣлались такими алчными кормостолубами, каковыми они нынѣ, а получше бы исправляли свою должность. И тогда вѣрно-бы не перешло такое множество нашихъ дворянскихъ вотчинъ и деревень въ руки господъ докторовъ и медиковъ!!

Но я удалялся уже отъ порядка своего дѣла и время возвратиться къ оному.

Желаніе мое издать переводъ моей «Китайской исторіи» въ печать и боязнь, чтобъ кто иной не перевелъ оную и не напечатать, было столь велико, что я, подумавъ-погадавъ и, не надѣясь на своихъ писцовъ, рѣшился пуститься самъ на весь трудъ, съ переписываніемъ набѣло столь огромной книги сопряженной; и желая поспѣшить симъ предпріятіемъ оставилъ даже начатое переписываніе книги своей «О благополучіи», а принялся около половины генваря за сіе многотрудное дѣло, несмотря что не имѣлъ еще тогда ни малѣйшаго понятія о всѣхъ обстоятельствахъ, сопряженныхъ съ печатаніемъ книгъ и о всѣхъ бываемыхъ при томъ разныхъ и многочисленныхъ затрудненіяхъ и забывъ совершенно, что я не имѣлъ еще къ тому ни малѣйшаго слѣда.

Но какъ бы то ни было, но я пустился на сію работу. Но увы! сколь мало знаемъ мы о распорядженіяхъ, дѣлаемыхъ со всѣми нашими дѣлами и предпріятіями

Промисломъ Господнимъ, и сколь часто обманываемся мы въ предполагаемыхъ надеждахъ и заключеніяхъ нашихъ! Примѣръ сей книги доказалъ мнѣ то послѣдствіе времени довольно ясно.

Всего того не совершилось нисколько, что я объ ней тогда думалъ и мечталъ. Всю ее хотя я въ разныя времена и переписалъ, хотя употребилъ къ тому трудовъ и множество, но всѣмъ имъ назначено было остаться тщетными и переводу моему не быть напечатанному, а оной, переплетенной въ трехъ частяхъ, стоять и теперь въ моей библиотекѣ въ манускриптѣ и истлѣваетъ покрытой пылью. Меня захватили другія дѣла и управленія, а между тѣмъ надано въ печать другое, и гораздо новѣйшее и совершеннѣйшее описаніе Китайскаго государства, кѣмъ-то инымъ переведенное; и я, узнавъ о томъ, съ прискорбіемъ принужденъ былъ поставить свой переводъ для вѣчнаго отдохновенія въ библиотекѣ.

Около самаго сего-жъ времени перетревожены мы были двумя обстоятельствами. Во-первыхъ, что ходилъ солдатъ съ повѣсткою, чтобъ всѣ повѣренные являлись въ Серпуховъ для прикладыванія рукъ, къ межевщику Лыкову. Сей повѣстки хотя мы и дожидались, но не отъ него, и дивились зачѣмъ сиранивалъ насъ Лыковъ, и опасались, чтобъ не отданъ мы были опять въ руки сему нечестивцу.

Во-вторыхъ, встревожилъ насъ слухъ, что не только въ окрестностяхъ была, но и въ самое наше селеніе вкрасась уже оспа, болѣзнь, которой мы тѣмъ болѣе опасались, что всѣ дѣти мои не лежали еще оною. Кромѣ сего и преждеупомянутыя горячки въ домѣ моемъ все еще продолжались и не хотѣли никакъ пресѣчься, какъ мы о томъ ни старались. Но, по крайней мѣрѣ, радъ я тому былъ, что никто отъ нихъ не умиралъ, а всѣ опять выздоравливали.

Между тѣмъ, какъ гости и ученицы мои столько уже ариометрики отъ меня научились, сколько нужно знать изъ ней женщинамъ, то, продолжая по прежнему наши философическіе разговоры, вос-

хотѣлось мнѣ старшей изъ нихъ преподавать нѣкоторое понятіе и о географіи, а нуки только для всѣхъ нужной и необходимой.

Не удовольствуясь показываніемъ всего въ атласахъ, задумалъ я, для лучшаго и удобнѣйшаго впечатлѣнія въ памяти ея фигуръ и положенія всѣхъ земель и водъ, употребить особое средство, а именно: наставить самое ее иллюминировать всѣ четыре части свѣта на ландкартахъ русскихъ и случившихся у меня неразрисованными, а чрезъ самое то познакомиться ее нѣсколько съ употребленіемъ красокъ и кистей.

И какъ успѣхъ имѣлъ я въ томъ вожделѣнной, то хотѣлось-было мнѣ и далѣе и далѣе продолжать старанія о впечатлѣніи въ младой умъ ея множайшихъ понятій и знаній, нужныхъ молодымъ людямъ; но вдругъ все наше съ толкинымъ успѣхомъ начатое и продолжаемое ученіе разрушилось и пресѣлось. Получено извѣстіе, что мать ихъ возвратилась изъ степной деревни, и имъ принуждены были отпустить ихъ къ ней въ присланномъ за ними возкѣ; а взгляды за ними и сами въ Каледнику койхали.

А какъ и письмо мое достигло до обывовенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на самъ мѣстѣ оное, перерывъ, кончить, сказать вамъ, что я есмь и прочая.

(Декабря 6 дня 1808 года).

Письмо 157-е.

Любимый пріятель! По возвращеніи моемъ изъ Каледники, гдѣ я три дни пробылъ, обрадованъ я былъ полученіемъ давно уже ожидаемаго письма и книги изъ Экономическаго Общества, и какъ пакеть былъ толстъ, то думалъ я, что съ книжкою прислана ко мнѣ медаль; однако въ томъ обнавудся: была то 18-я часть «Трудовъ Общества», которая у меня пропала и о чемъ я писалъ въ общество и имѣетъ съ нею новая, 20-я часть.

При обнѣхъ ихъ приложено было письмо отъ секретаря общества, г. Нартова,

которое заставило меня нѣсколько думать. Въ ономъ увѣдомлялъ онъ меня, что сочиненіе мое «о хлѣбодствѣ» отдано въ комитетъ на разсмотрѣніе, и что всѣ мои(?) похвальны принимаются всегда Обществомъ съ удовольствіемъ, и присовокупилъ къ тому, что какъ онъ по должности своей имѣетъ переписку со всѣми отсутственными членами о дѣлахъ экономическихъ, то проситъ, чтобъ я впредь съ нимъ началъ переписку.

Сіе самое заставило меня думать, ибо я не зналъ, о какой онъ перепискѣ упоминаетъ: о приватной ли и пространной, или чтобъ только адресовать письма мои на его имя, а не къ собранію вообще, какъ я до того времени писалъ. Итакъ, чтобъ соответствовать его желанію, то спѣшилъ я написать хотя коротенькое какое сочиненіе и отправить оное въ Общество при письмѣ, къ нему уже адресованномъ.

Къ сему употребилъ я описаніе о выдуманной мною и той рабочей телѣжкѣ, которую я уже за нѣсколько времени до того съ отнѣнною выгодой пользовался при моихъ земляныхъ и садовыхъ работахъ, и которая оказалась такъ способна, и хороша и нужна въ домѣ, что мы съ того времени и до нынѣ все такими телѣжками пользуемся и на разныя домашнія нужды употребляемъ. Сію-то телѣжку, описавъ и приобщивъ къ описанію рисунокъ, послалъ я въ сей разъ при письмѣ къ Нартову. И съ сего времени началась у насъ съ нимъ первая переписка.

А самое сіе вскорѣ побудило меня изъ всей переписки моей съ Обществомъ составить особую книжку и вносить въ нее всѣ пересылаемыя отъ меня въ Общество и къ Нартову и отъ него ко мнѣ письма; которымъ трудомъ и занимался я въ концѣ генваря мѣсяца, которой сдѣлался нѣсколько достопамятнымъ тѣмъ, что въ самой послѣдній день сего мѣсяца родилась у брата, Михаила Матвѣевича, сынъ Василій, которой остановился-было въ живыхъ и былъ уже лѣтъ 12-ти и мальчишкѣ добренькой, подававшій о себѣ хоршуну

надежду. Но Провидѣнію не угодно было оставить его въ числѣ живущихъ: онъ умеръ, находясь у насъ въ домѣ, въ начавшихся только раздѣлать отроческихъ лѣтахъ. Мы окропили гробъ его своими слезами и, любя его искренно и о воспитаніи и ученіи его стараясь, сожалѣли чувствительно, что злая чехотка его у насъ похитила.

Начало мѣсяца февраля было для насъ не очень весело. Множество больныхъ и часъ отъ часу умножающееся количество оныхъ нагоняло на насъ великой страхъ. Было у насъ ихъ около сего времени человекъ болѣе пятнадцати и двѣ избы набиты ими полны.

Я самъ того и смотрѣлъ, чтобъ не занемочь, и какъ мы не знали, чѣмъ сіе зло перервать, то воспріали прибѣжище свое къ богомолю, поднимали образъ къ себѣ изъ Савинскаго и едва-ли когда-нибудь съ такимъ усердіемъ молились Господу всѣмъ дворомъ, какъ въ сіе время.

По отпращиваніи послѣдней моей пьесы въ Экономическое Общество, напала на меня охота продолжать еще далѣе свои экономическія сочиненія и я, зачавъ тотчасъ новое, занимался онымъ при началѣ февраля и было оно «О искусственномъ удобраніи земель», которое послѣ, вмѣстѣ съ прежними моими сочиненіями, и удостоено было печати.

Во второй день сего мѣсяца проводилъ я родственника и сосѣда своего Матвѣя Никитича въ Москву, изнуреннаго до того болѣзненнымъ своимъ состояніемъ, что я отчаявался уже самъ въ жизни. Будучи многимъ людямъ, хотя небольшими суммами, долженъ, хотѣлось ему со всѣми ими расплатиться и продать для сего свой московской домъ. Съ превеликимъ трудомъ отправился онъ въ путь сей и я, прощаясь съ нимъ, боялся, чтобъ не въ послѣдніе то было.

Въ послѣдующій день увеличился страхъ мой еще болѣе оттого, что въ сей день у самого меня болѣла голова чрезвычайно и я весь день немоществовалъ.

Скрывая то отъ домашнихъ, старался я всячески перемогаться, и какъ въ са-

мый сей день была повѣстка изъ Серпухова по межевымъ дѣламъ, то сіе перетревожило меня еще болѣе.

Я, за вѣрное почти полагая, что слагу, боялся, чтобъ сіе не помѣшало мнѣ почтить межевое дѣло и чтобъ болѣзнь не случилась въ самую нужную пору, и для того положилъ ѣхать хоть чрезъ силу въ Серпуховъ и узнать тамошнія обстоятельства; но частое чиханіе помогло мнѣ и въ сей разъ, и къ вечеру сдѣлалось мнѣ гораздо лучше и свободнѣе.

Итакъ, въ послѣдующій день поѣхалъ я въ Серпуховъ къ межевщику. Онъ принялъ меня очень ласково и такъ пріятно, какъ могъ я отъ него только требовать. Я препроводилъ съ нимъ весь день въ сотовариществѣ полковника Полуектова и славнаго межевщика Ланга; а въ вечеру ѣздили мы вмѣстѣ къ сему Лангу, а потомъ были у межевщика Караулова. Однимъ словомъ, весь вечеръ до полуночи провели мы въ питьѣ и гуляніи, во ихъ общеніи.

Я хотя мерилъ таковыми бесѣдами, но принужденъ былъ противъ хотѣнія дѣлать имъ сколько могъ сотоварищество и получилъ чрезъ то ту пользу, что съзнакомился со многими межевщиками, а особливо съ конторскимъ межевшимъ секретаремъ Селижаровымъ, которой меня какъ-то отменно полюбилъ.

Я имѣлъ тутъ случай говорить кое-что изъ наукъ, а самое сіе и подало всѣмъ имъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и послужило мнѣ потомъ въ пользу, и нѣкоторые изъ нихъ, а особливо секретарь Селижаровъ и весьма мнѣ пригодился послѣ.

Межевщикъ такъ былъ мною доволенъ, что не отпустилъ меня на квартиру и я принужденъ былъ почевать у него; а по утру говорили мы съ нимъ о межеваніи и я нашегъ, что дѣла наши были на хорошей ногѣ и казалось, что по дружескому обхожденію со мною межевщика, не имѣлъ я причинъ ни малѣйшаго зла опасаться.

Весь оставшійся еще небольшой эпизодъ и примѣръ въ нашихъ дѣлахъ хотѣлъ онъ пустить въ неудобную землю

такъ, чтобъ волостнымъ съ моею совсѣмъ нечѣмъ было поживитъ-ритою общалъ уговорить ихъ, они помирились со мною на старѣвшіи. Но на все сіе не могъ я дожидаться, а положилъ ожидать къ времени.

Серпухова проѣхалъ я тогда прямо въ Тарусу, къ родственнику и приятелю г. Гурьеву, у котораго находились мои домашніе; и какъ жила около сего времени масляно, возвратясь оттуда, проѣздили сію недѣлю съ ними по гостямъ, и нѣмъ, друзьямъ и приятелямъ нами маслу удалось намъ въ послѣдній сей недѣли провести дома.

За сіе время не произошло ничего важнаго, кромѣ того, что меньшому двоюродному брату, Гаврилу Бовичу, вздумалось посмотрѣть во шкуру одного сосѣда нашего, Иванова, дѣвуху Онучину; но на сну не полюбилась, то и не шилъ къ святоству, и Промисль нѣтъ, располагающій нашими жре-сталею его отъ сей затѣваемой шитьи.

было для меня то радость, что и въ домъ моемъ, по благодати Гос-дѣ, такъ вдругъ уменьшились, что и ни одного уже болѣе больного, шисвали то дѣйствію усердному моленію Господа.

роводивъ первую недѣлю великаго въ обыкновенномъ говѣнѣ и мо-на второй имѣлъ я одно особое

числа февраля приѣзжали ко мнѣ тамне гости, дочь г. Змѣева, идра Аврамовича, съ мужемъ сво-Лабинцовымъ.

человѣка имѣлъ я тогда впервые видѣть и онъ мнѣ полюбился, а го была родная племянница сосѣд-ей, г-жи Ладыженской, и имѣла о раздѣлѣ деревень приказное

о время, какъ была она наездитъ-обидѣлъ какъ-то при раздѣлѣ

сосѣдъ мой г. Ладыженскій, а мужъ ея тетки, и захвативъ нѣсколько людей лишнихъ, владѣлъ ими болѣе десяти лѣтъ несправедливо.

Итакъ приѣхали они просить его, чтобъ онъ съ ними развелся, а ко мнѣ заѣхали съ просьбою, чтобъ я постарался ихъ помирить, о чемъ привезли отъ старика отца ея просительное ко мнѣ письмо.

Я хотя и не надѣялся, чтобъ могъ успѣть въ своей просьбѣ и стараніи, но по долгу христіанскому охотно принялъ на себя сію комиссію и, признавъ Господа въ помощь, поѣхалъ съ ними на другой день къ г. Ладыженскому.

Достопамятенъ и приятенъ былъ для меня день сей; ибо, противъ всякаго чаянія, помогъ мнѣ Богъ разными представленіями преклонить моего, много меня любящаго сосѣда въ произведенію добродѣтели.

Не могу забыть, сколь радостна была для меня минута ихъ примиренія. Словами радости обмочилось все лицо мое и я невѣдомо какъ доволенъ былъ г. Ладыженскимъ, и могъ сказать, что въ этотъ день имѣлъ я паки случай видѣть, какое неоцѣненное, пріятное и неописанное увеселеніе приносить производство всякой добродѣтели.

Я благодарилъ Бога, что удостоилъ онъ меня быть маленькимъ при томъ орудіи и веселился духомъ, что произвелъ при помощи божеской хорошее дѣло. Но, ахъ! какъ легко можно въ людяхъ обмануться и сколь скоро могутъ произойти совсѣмъ неожиданныя нами слѣдствія.

Нечаянной случай не допустилъ меня дожидаться окончанія сего важнаго дѣла. Въ самую нужнѣйшую пору прислали ко мнѣ вдругъ гонца съ просьбою, чтобъ я ѣхалъ скорѣе къ возвратившемуся изъ Москвы и болѣе еще ослабѣвшему родственнику моему, Матвѣю Никитичу, и спѣшилъ какъ можно, чтобъ застать его живымъ, ибо его такъ схватило, что послали уже за попомъ.

Легко можно заключить, что сіе поку-снѣнныя спѣшить начатымъ дѣломъ; но

самое сіе и помогло мнѣ скорѣ ихъ приирить: Александръ Ивановичъ согласился на все; итакъ, ударили по рукамъ, послѣ чего не сталъ я долѣе медлить, а поскакалъ въ Дворяниново.

Сосѣда моего засталъ я едва уже въ живыхъ и при самыхъ почти дверяхъ гроба. Во все сіе время онъ такъ истончалъ, что остались въ немъ однѣ кости да кожа, и немилосердая чажотка гнала его очевидно во гробъ. Однако, предъ прибавонъ моилъ ему нѣсколько полегчело. Онъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ милость и далъ ему совѣтъ, какъ ему поступить съ малыми и ненадежными еще дѣтьми своими и съ остающею послѣ его молодою женою?

Люби сію, хотѣлось ему сдѣлать ей что-нибудь въ пользу, на случай, ежели не останутся дѣвчонки еще дочери его въ живыхъ, и чтобъ имѣніе его не досталось въ семь случаѣ законнымъ наследникамъ его, господамъ Темирязевымъ. Я не зналъ, что ему на сіе отвѣчать, ибо встрѣчались тутъ дѣвчонки другъ другу должности и мнѣ хотѣлось, чтобъ дѣло сіе меня миновало.

Не успѣлъ я возвратиться въ свой домъ, какъ по утру на другой день пріѣхали ко мнѣ опять вчерашніе гости съ неожиданнымъ увѣдомленіемъ, что миротвореніе мое опять рушилось, и что причиною тому была уже самая родная тетка гостя моей и жена г. Ладыженскаго. Она, по отвѣдѣ моемъ, расплакалась и начала такъ тазать мужа своего за то, что онъ отдалъ мужиковъ, неправильно отнятыхъ, что онъ рушилъ данное свое слово — и дѣло не состоялось.

Прискорбень былъ для меня сей случай, хотя къ тому не подалъ я ни малѣйшей причинъ. Но что мнѣ было дѣлать? Я съ моей стороны исполнилъ долгъ и болѣе сего не можно было отъ меня ничего требовать.

Въ послѣдующій за семь день былъ Матвѣй Никитичъ такъ слабъ, что соборовали его масломъ. Печальная сія процессія производилась при всѣхъ насъ, его родныхъ и сосѣдахъ, и мы не могли

безъ чувствительнаго сожалѣнія смотрѣть на сего, жизнь свою окончивающаго молодого человѣка.

Онъ былъ хотя очень слабъ, но имѣлъ еще столько силы, что могъ сидѣть; но съ сего времени началъ онъ уже часъ отъ часу худѣть и къ концу своему приближаться. Я посѣщалъ его всякой день и дѣлалъ ему послѣдній долгъ въ жизни своимъ сотовариществомъ.

Между тѣмъ въ праздные часы продолжалъ я заниматься экономическими сочиненіями, и видѣвшись съ сосѣдомъ своимъ, г. Ладыженскимъ и его женою, старался-было всячески преклонить ихъ на лучшія мысли; но всѣ труды мои были тщетны. Они заупрямились, принялись тгаться и защищать свое неправое пріобрѣтеніе.

Что касается до болѣзни Матвѣя Никитича, то она часъ отъ часу усиливалась и довела его до того, что онъ такъ истончалъ, что я отъ роду моего такъ исхудѣвшаго человѣка не видывалъ. Это былъ сушій скелетъ и можно было все устройство костей человѣческихъ въ немъ видѣть, ибо онъ обланутъ былъ одною только кожей.

Наконецъ, 28 числа февраля, случившійся тогда въ четвергъ третьей недѣли великаго поста, ввечеру, часу въ девятомъ, пресалился онъ нѣзъ сей кратковременной жизни въ вѣчную и отошелъ къ своимъ предкамъ.

Можно сказать, что сей день былъ достопамятенъ во всемъ нашемъ родѣ и фамиліи Болотовыхъ; ибо кончиною его прервалось вдругъ цѣлое поколѣніе, продолжавшееся около 200 лѣтъ, и чрезъ самое то цѣлая половина всѣхъ здѣшнихъ дачъ вышла въ другой родъ.

Прискорбень былъ для меня сей случай. Я видѣлся съ нимъ въ самой послѣдній день его жизни и разставался съ нимъ часа за три до кончины, прощался съ нимъ въ тѣхъ мысляхъ, что его болѣе не увижу, ибо насъ звали тогда по нежовымъ дѣламъ въ Серпуховъ. Онъ былъ въ совершенной памяти и говорилъ по самую послѣднюю минуту.

послѣдующій день, бывшимъ пер-
въ мартѣ, поѣхали мы съ братомъ
и ложь Матвѣвичемъ въ Сер-
въ межовнику. Сей, поймавъ насъ
мѣ, ваташилъ къ себѣ на квартиру.
Стоили мы опять у него.

Вѣда наша была опять по-пустому.
Олостныхъ повѣренныхъ не было
и ширяться было не съ кѣмъ. Од-
значивалъ онъ мнѣ, что видѣлся съ
къ Москвѣ и уговорилъ почти, чтобъ
къ намъ помирлись. Выходствіе чего
онъ намъ податъ сказки, что
и прежнихъ границахъ своего вла-
остается; каковыя сказки въ не-
мости о будущемъ мы тогда и по-

числа марта происходила у насъ
ная процессія погребенія Матвѣя
тича. Его погребли при нашей цер-
квушки, противъ олтаря, въ правую
ку сажени 3 или 4 отъ гроба Петра
овича Стахѣва.

онъ образомъ лишлись и скорони-
одного изъ нашихъ товарищей, на-
дидовременника, сосѣда, родствен-
и пріятеля; и какъ онъ былъ по-
и Кирилловскаго поколѣнія, то
лишнимъ я почелъ описать здѣсь
съ его кратковременную жизнь, да-
томки нашей фамиліи, да и его
енной, прешедшей въ нной родъ, о
зѣдали.

родился въ 1745 году, въ то время,
отецъ его, Никита Матвѣвичъ
говъ, былъ подполковникомъ въ Ки-
съ иѣхотномъ полку и находился у
и на Бѣлеозерѣ.

молоду былъ онъ рабенокъ, подаю-
себѣ великую надежду. Отецъ его,
лѣтъ труда и убытковъ, обучилъ его
мѣтки и по-французски, и будучи
въ полковникомъ въ Троицкомъ пол-
сѣлъ къ тому вождѣлѣнной случай.
у сказать, что онъ около 13-ти-
го возраста былъ завидной рабе-
и я самъ, видѣвъ его около сего вре-
завидовалъ, что онъ обѣими силами
ли лучше говорилъ, нежели я. Со-
приложеніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

всѣмъ тѣмъ прочее воспитаніе его было
не очень хорошо.

Отецъ его былъ нрава премудренаго,
слишкомъ своенравенъ и характера стран-
наго, почему и его воспитывалъ слишкомъ
строго и какъ-то не на людяхъ, отчего
и сдѣлался онъ уже съ самаго младен-
чества дикъ. А какъ онъ удалился въ
отставку и женился на другой женѣ, то
и подавно воспитаніе сыну его было дур-
ное.

Къ вѣщему несчастію отдалъ онъ его
доучиваться въ московской университетъ
и безъ всякаго за нимъ присмотра. Тутъ
живучи, имѣлъ онъ случай научиться
многому худому, а доброму ничего; и какъ
сіе было въ самое опасное время его лѣтъ
и возраста, то нравственность его полу-
чила великое себѣ поврежденіе.

Послѣ того взялъ его отецъ къ себѣ, и
тутъ подержавъ нѣсколько времени въ
безлюдьи и въ загнаньи, записалъ его по-
томъ въ гвардію, сію тогда развратницу
молодыхъ людей и отправилъ его въ
Петербургъ, не препоручивъ, также изъ
своенравія, никому изъ своихъ пріате-
лей.

Мы не могли тогда довольно надивить-
ся поступкамъ сего старика и совершен-
ному нерадѣнію его о своемъ сынѣ, ко-
торой у него одинъ только и былъ. Онъ
такъ мало объ немъ старался, какъ-бы во-
все ему отецъ не былъ.

Сіе было причиною, что онъ и въ гвар-
дейской службѣ не имѣлъ никакого ус-
пѣха, и какъ будучи воспитанъ на без-
людьи, и тамъ отъ всѣхъ бѣгалъ и уда-
лялся, то и былъ отъ всѣхъ презираемъ
и забвенъ.

Наконецъ умеръ отецъ, и онъ сдѣлался
послѣ его наследникомъ. Тогда, вырав-
вшись, какъ птичка изъ клѣтки и полу-
чивъ достатокъ въ руки, пустился онъ во
всѣ шалости. Къ вѣщему несчастію от-
просился онъ на годъ домой.

Я старался сколько могъ тогда поста-
вить его на путь истинной, но не имѣлъ
въ томъ успѣха, и все мое благоприят-
ство, ласки и дружество къ нему не по-
могло нимаю. Къ несчастію, попался онъ

въ когти двумъ своимъ двоюроднымъ братьямъ, гг. Елагиннымъ.

Сии, будучи люди молодые и неслыхкомъ усердные послѣдователи добродѣтелямъ, наставили его на все доброе. Первое ихъ дѣло было отвлечь его совсѣмъ отъ меня, и какъ сіе имъ удалось, то ввели они его во всѣ пороки, молодымъ людямъ свойственные. Онъ впалъ въ пьянство, мотовство и распутство и производилъ въ домѣ такія дѣла, о которыхъ я, нехотя посрамить его памяти, умолчать долженъ.

Симъ образомъ развратившись, поѣхалъ онъ опять въ Петербургъ продолжать свою прежнюю безпорядочную жизнь. Легко можно заключить, что тамъ все сіе производило худыя слѣдствія.

Онъ познакомился и сдружился съ такими-жъ негодяями, которые довели его наконецъ до совершенной пагубы. Онъ впалъ въ превеликіе долги и шалости и за все то бѣтъ былъ не на животь, а на смерть.

Я старался, сколько могъ, увѣщевать его письмами и, наконецъ, имѣлъ удовольствіе привести его въ чувство; но, ахъ! сіе было уже поздно. Съ братьями своими хотя и пересталъ онъ знаться, узнавъ ихъ ложное дружество, но потерянаго здоровья и нажитыхъ долговъ возвратить было уже не можно.

Обремененъ будучи долгами и имѣя въ тѣлѣ много поврежденія и основанія болѣзней, приѣхалъ онъ опять домой, отпросясь опять въ отпускъ. Тутъ вздумалъ онъ жениться и начать порядочную жизнь. Женитьба его была скоростипжная. Онъ выбралъ самъ себѣ невѣсту и, недолго думая, женился, равно какъ предвидя, что долгое сватовство ему не принесетъ пользы и хорошія невѣсты за него не пойдутъ. Но мы и тому были уже рады, желая только, чтобъ онъ женился.

Со времени женитьбы сдѣлался онъ ко мнѣ уже нѣсколько болѣе пригнѣннымъ и началъ жить уже порядочно. Но какъ онъ слишкомъ уже одолжалъ, а жену вдалъ ни съ чѣмъ, то не можно было ему изъ долговъ выкарабкаться и онъ зачу-

тался въ нихъ еще болѣе. Сіе привело его въ величайшую задумчивость и побудило его, наконецъ, итти въ отставку.

Онъ отбился всякими неправдами отъ службы и, не знаю доподлинно, а слывали, будто сдѣлалъ онъ при томъ ту великую и преждемную упомянутую уже глупость, что, желая показаться на смотръ больнымъ, подражая глупому мужицкому обыкновенію, выпилъ цѣлой стаканъ конопнаго масла, и отъ того такъ помертвѣлъ, что можно было считать его въ тотъ часъ полумертвымъ. И отъ сего самаго дня и отъ сей-ли причины или отъ побоевъ, началъ онъ чахнуть и чахъ во все время своего въ деревнѣ, послѣ отставки, жительства; даже до того, покуда, наконецъ, прошедшею осенью подхватила его злая чахотка и довела до гроба.

Вотъ, какіе были плоды развратной и безпорядочной жизни! Примѣръ, могущій послужить въ пользу молодымъ людямъ.

Теперь опишу, каковъ онъ былъ собою. Росту былъ онъ средняго, собою худощавъ, лицо имѣлъ продолговатое, волосы русые и лобъ взлизистой, и отиѣненъ былъ отъ всѣхъ тѣмъ, что носъ имѣлъ отиѣнно великъ; говорилъ немного картаво, въ обхожденіи не очень ласковъ, но съ друзьями пріятель; молчаливъ, шутивъ и притомъ лукавъ. Съ чужими очень застѣнчивъ и бѣгалъ всѣхъ.

Что касается до его нравственности, то былъ онъ человекъ доброй души. Неправды никакой мы отъ него не видали; впрочемъ въ домѣ своеобразивъ и самонаравенъ слишкомъ. Охоту имѣлъ только до лошадей, и то пустую и убыточную, а не полезную.

Книги не бралъ никогда въ руки, и всѣ употребленные къ обученію его лавкамъ и прочему труды и кошты пропали тщетно, такъ какъ пропадаютъ они и въ разсужденіи многихъ другихъ, обучавшихся въ молодости.

Экономію велъ онъ мудреную и страшную. Казалось, что онъ ко всему прилежалъ, но все какъ-то не шло въ туль: всю свою жизнь провелъ онъ въ нуждѣ

никитѣ. Все ему какъ-то было тѣснѣе въ уголѣ и ни въ кому изъ ѣздить.

прѣзжалъ къ нему, принималъ, а самъ развѣ съ превеликою некуда дѣлжалъ. Однимъ словомъ, дѣл бирюкъ, и этотъ былъ главный порокъ, ибо отъ прочихъ, на дѣл отыкъ и въ послѣдніе годы трагичную жизнь. Прегнія свои и покинулъ, не пилъ уже ничего и дѣлствовалъ; но все сіе было уже

онъ жилъ онъ въ послѣдніе годы дружно и могу сказать, что почина себя истиннымъ другомъ и во всемъ слушался и повиновался. Почестъ долженъ я ему отдать, что сямъ былъ очень и очень добръ и нѣмъ въ немъ такого, какого жевать не могъ. То только было то онъ рѣдко ко мнѣ хаживалъ, прочемъ во всемъ, а особливо при ихъ земли былъ я имъ совершенномъ.

молагался во всемъ на меня и въ чистосердечіи и праводушіи какъ увѣренъ, что, за нѣсколько рѣдъ концемъ жизни своей, по мнѣ жену свою и двухъ малюкъ своихъ дочерей въ опеку и проить ихъ отцомъ.

къ обезпечить и жену и дѣтей въ разсужденіи остающагося по мнѣнія, то жалая сдѣлать женѣ добро, написалъ онъ вексель въ мнѣхъ тысячахъ на имя серпухо купца Плотникова и, вругъ его, просилъ, чтобъ я упросилъ того купца адресовать его на имя сейса жены его, съ полученною отъ ней уплатою и потомъ прогъ бы его по формѣ, но хранить я бы оной какъ священннй залогъ, дѣти его будутъ живы, и чтобъ ко выдалъ его въ руки жены его, въ случаѣ смерти обѣихъ дочерей оторое обѣщаніе я и выполнялъ я.

къ вносгдствіи времени ви ста-

ралась жена его у меня сей вексель вытеблить, и какъ невиннымъ совѣмъ образомъ ни претерпѣвалъ я отъ ней за то заочно ругательство и повсемѣстныя на меня жалобы и самыя даже проклятія и нехотѣніе даже иттить на гробъ мой, когда умру, и какъ ни угрожала она меня, что будетъ на меня просить правленіе и намѣстника; но я въ совѣсти своей былъ совершенно чистъ и правъ, поелику вексель сей нимаю ко мнѣ самому не шелъ и мнѣ никогда не могъ послужить въ пользу и я не инако какъ съ симъ условіемъ согласился вмѣшаться въ сіе дѣло, и потому самому не хотѣлъ никакъ принять отъ него даримой имъ мнѣ пустоши Голенинки; но не хотя обидѣть сиротъ его, совершенно отъ того отказался.

Почему и не смотрѣлъ я нимаю на всѣ помянутыя ея дурачества и женское легкомысліе, а смѣяся только ея глупостямъ, самъ дѣлалъ то, что повелѣвалъ мнѣ долгъ и, сохраняя у себя вексель, какъ нѣвакой священной залогъ, не допустилъ мать сію, вышедшую за другого потомъ мужа, разорить и по міру пустить родную дочь свою, а сохранилъ для сей отцовское ея имѣніе, которымъ пользуется она и владѣеть и понынѣ. Другой своей сестры лишилась она еще въ младенчествѣ, а ругавшей меня умницѣ, матушкѣ ея, не удалось наругаться надъ моимъ гробомъ, ибо я и понынѣ еще по милости Господней живъ, а она давно уже сотлѣваетъ въ нѣдрахъ земли холодной; но да почитъ прахъ ея съ миромъ въ оной.

Вотъ краткое описаніе жизни моего родственника и сосѣда и я могу сказать, что мнѣ было его очень жалъ и что не могъ я съ нимъ безъ пролитія слезъ разстаться. Въ самое теперешнее время, когда сіе пишу, возобновляющееся во мнѣ напоминаніе о томъ, какъ мы съ нимъ жили и какъ онъ ко мнѣ ласкался, меня любилъ и почиталъ, производить въ душѣ моей нѣкое нѣжное и присворбное объ немъ сожалѣніе и пожеланіе, чтобъ

прахъ его почилъ съ миромъ, а духъ его былъ блаженъ въ селеніяхъ небесныхъ.

Теперь, окончивъ сіе печальное повѣствованіе, обращаюсь я къ другимъ предметамъ.

Не успѣли мы скоронить сего любезнаго моего сосѣда, какъ на третій день послѣ того, а именно 5-го числа марта встревоженъ былъ весь духъ мой полученнымъ нечаянно изъ Петербурга письмомъ отъ г. Нартова, секретаря Экономическаго Общества.

Сей незнакомой мнѣ совсѣмъ, но заочно меня полюбившій человекъ, уведомялъ меня, что онъ имѣлъ случай рекомендовать меня князю Сергію Васильевичу Гагарину, сенатору и кавалеру и нашего Общества члену, которой также полюбивъ меня заочно, по однимъ моимъ сочиненіямъ, хотѣлъ со мною познакомиться и просилъ его, чтобъ онъ меня съ нимъ познакомилъ, общая, что если со мною познакомится и я соглашусь помогать ему смотрѣніемъ моимъ надъ порученными ему отъ государыни ея волостями, то онъ выходитъ мнѣ отъ монархини чинъ и достаточное жалованье.

Г. Нартовъ, изъ любви своей ко мнѣ, убѣждалъ меня при томъ въ письмѣ своемъ всѣми образами и просилъ, чтобъ я уведомялъ его какія имѣю я о томъ мысли?

Признаюсь, что письмо сіе произвело во всей душѣ моей наивеличайшую тревогу и день сей былъ весьма достопамятной въ моей жизни.

Предлагался мнѣ чинъ и жалованье, а при томъ еще рекомендація тогдашней императрицѣ нашей, слѣдовательно честь, знаменитость и богатство, до того нимаю меня не прельщавшія; но требовалось, чтобъ я перемѣнилъ свое состояніе, покинулъ свой домъ и спокойную, свободную, драгоценную деревенскую жизнь, какою тогда, по благости Господней, наслаждался и, лишась вольности, отдалъ себя въ неволю, запуталъ себя въ труды и должности и пошелъ опять въ иностранное житейское море, оставивъ свое

любезное уединеніе. Цѣна по истинѣ великая и требующая по всей справедливости великаго разсмотрѣнія!

Я не зналъ тогда, что дѣлать и наиделся въ великомъ замѣшательствѣ и разстройкѣ мыслей. Съ одной стороны льстилъ меня чинъ, знанъ и жалованье, но съ другой устрашали хлопоты, неволе и жалвіе о тогдашнемъ драгоценномъ для меня состояніи.

Я колебался мыслями и не зналъ что дѣлать, что предпріять и къ чему приступить; наконецъ, родилась во мнѣ мысль, что приходитъ сіе не случайно и не само собою, поелику я о семъ не имѣлъ даже никогда и малѣйшаго мышленія, а не только сего искалъ и не могался; а потому догадывался и не смѣивался въ томъ, что тутъ есть дѣйствіе Промысла и содѣйствіе Того, кому дано поручена жизнь моя въ полное владѣніе и распоряженіе, т. е. милостиваго и щедратаго моего Бога, небеснаго Отца и покровителя, оказавшаго мнѣ въ жизни моею безчисленные опыты своего обо мнѣ попеченія и старанія.

Вспомнивъ сіе, успокоивался я душою и сердце мое наполнялось чувствіями живѣйшей благодарности къ нему, а всему и предавалъ я дѣло сіе на его святую волю и просилъ только, чтобъ онъ мнѣ сказалъ, куда мнѣ итти и что дѣлать.

Но не однимъ симъ былъ день сей для меня достопамятенъ. Произошло въ оный и другое, также примѣчанія достойное происшествіе. Въ самую почти ту же минуту получилъ я извѣстіе, что приѣхалъ въ Яхшню г. Щербининъ и хотѣлъ со мною видѣться.

Такимъ образомъ ѣздилъ я въ сей день къ нему и имѣлъ случай спознакомиться съ симъ знатнымъ человекомъ, бывшимъ тогда губернаторомъ въ Харьковѣ и имѣлъ счастье ему очень полюбиться. До сего времени онъ зналъ меня по одному только слуху и имени, а теперь узналъ лично и могу сказать, что я обращеніемъ его со мною и ласкою былъ чрезвычайно

нѣ и льстился надежою, что онъ когда-нибудь при случаѣ сойдется. Я и не зналъ въ точности обстоятельствъ того, надъ какими волостями Гагарину поручено смотрѣть и вѣдѣвать волости, а надлежало въ должительномъ времени что-нибудь въ Петербургъ къ г. Нартову, но никакъ я въ послѣдующій день не съѣхалъ къ другу моему г. Половину съ нимъ о томъ посоветовать меня о томъ его мнѣніе.

Срочникъ мой не успѣлъ прочесть письма, пришедъ въ восторгъ съ тѣмъ, что со мною сіе совершается. Первое слово было то, что онъ никакъ не отпоеетъ, если сіе сдѣлаетъ, обернулъ мнѣ, чтобъ я отнюдь сего гдѣ выпускалъ изъ рукъ; что счастье меня ищетъ; что у князя Гагарина нѣтъ никакихъ иныхъ вѣдомствъ промѣ Богородицкой и Бобринскаго, а также и неподалеку за Тулою; должительное въ сей волости мѣсто вѣдѣваго воеводства и чрезвычайно во.

Слѣдъ словомъ онъ наставлялъ мнѣ о выгоду, что еслибъ я не флиртъ имѣлъ мысли, такъ бы имѣлъ бы почитать себя чрезвычайно счастливымъ. Но я только усматривалъ изъ словъ отъ часу болѣе начинаю, но мнѣ особливую божескую мнѣ благодарилъ сего великаго моего вѣдѣва.

Сіе побуждало меня часъ отъ часу въ приступить къ предлагаемому, въ самое то время и равно какъ бы случилось у меня и человекъ мнѣ, отправляющійся въ Москву, не сталъ я долѣе медлить и написалъ къ Нартову въ отвѣтъ. Какъ удалось мнѣ написать, не имѣлъ сказать, ни то хорошо, ни то и писалъ его почти не своею головою, какъ люди не пишутъ.

Какъ благодарилъ я Нартова за его мнѣ одолженіе, потомъ сдѣлалъ приѣхавъ князю, которые оба пункта удачно какъ лучше желать не можно.

Послѣдующія за сими строки были особливо, весьма важнаго и такого содержанія, которыя, какъ думалъ я, будутъ Нартовымъ неожиданными. Въ нихъ, открывая ему свои мысли, писалъ я прямо, какъ практическому философу надобно. Я изображалъ ему въ короткихъ словахъ всю драгоценность тогдашняго своего образа жизни, изъяснилъ сколь трудно мнѣ разстаться съ оною и, наконецъ, заключилъ тѣмъ, что я предлагаемую должность не иначе согласусь принять, какъ только въ такомъ случаѣ, если сія волость недалеко лежитъ отъ моей деревни, если я не принужденъ буду всемімъ бросить свой домъ и если мнѣ дастся хорошее жалованье, и сіе для того, чтобъ я тѣмъ меньше могъ помышлять о неправедныхъ прибыткахъ; ибо сей пунктъ былъ для меня страшенъ. Въ противномъ случаѣ, что охотнѣе хочу я остаться въ прежнемъ своемъ незнакомомъ углѣ, чинѣ и достаткѣ.

Къ сему письму приложилъ я случившіяся тогда и равно какъ нарочно къ тому переписанныя сочиненія: одно о садахъ, а другое о нѣкоторыхъ деревенскихъ лекарствахъ; также одну бездѣлушку, относящуюся до натуральныхъ рѣдкостей, которую случилось мнѣ нечаянно найти въ минувшемъ гѣтомъ въ вершинѣ подлѣ своего дома; ибо сего хотѣлось г. Нартову, какъ охотнику до такихъ вещей и собирающему у себя кабинетъ натуральный.

Сіе письмо отправивъ я въ Москву съ кашинскимъ человекомъ, сталъ дожидаться, что оно произведетъ и что воспослѣдуетъ дагдѣ. Потомъ ѣздилъ я вторично къ г. Щербинину и свелъ съ нимъ болѣе дружбу. Онъ меня такъ полюбилъ, что наслу отпустилъ, продержавъ меня у себя до самаго вечера.

При такихъ многихъ и сряду другъ за другомъ въ самое короткое время случившихся происшествій, не могъ я тогдашнему періоду времени довольно надвинуться и почиталъ оной въ особливости примѣчанія достойнымъ.

Сперва случилось иротиворечіе г. Ла-

дмженскаго, тамъ кончина и погребеніе родственника и сосѣда моего, потомъ межовня дѣла, тамъ помянутое письмо и важное предложеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ г. Щербининымъ.

Но того было еще не довольно, но въ тому присовокупилось еще, что въ послѣдующій за тѣмъ день, т.-е. 9 марта получилъ я, противъ всякаго ожиданія, отъ племянника моего родного изъ Пскова вѣвѣстіе, что было для меня очень радостно; а 10 числа ѣздилъ въ Серпуховъ для адресованія помянутаго важнаго вѣстеля и при семъ случаѣ свелъ дружбу съ купцомъ Плотниковымъ, которая для меня была также интересна.

Потомъ приѣхала въ г. Щербинину его жена и мы приглашены были къ нимъ. Она не менѣе благопріятствовала моимъ домашнимъ, и какъ вскорѣ послѣ того случилось женѣ моей быть имянинницею, то одолжила насъ генеральша сія въ сей день своимъ посѣщеніемъ съ сыномъ и прочими дѣтьми своими, съ которыми мы также при семъ случаѣ спознакомились. А вслѣдъ за симъ получилъ братъ мой Гаврила Матвѣевичъ отставку и прапорщичій чинъ, и я радовался и благодарилъ Бога, что всѣ члены нашей фамиліи были уже офицерами. Итакъ, происходили одно произшествіе за другимъ и были всѣ довольно важныя.

Доставшее время сего мѣсяца препроводилъ я въ переписываніи набѣдо и переправливаніи книги моей «О благополучіи человѣческомъ» и въ продолженіи сочиненія другой, названной «Душевною Кунсткамерою».

День пасхи случился въ сей годъ очень рано и въ самый послѣдній день мѣсяца марта, и вкупѣ въ самую половину и распутицу. Сіе принудило насъ во всю святую недѣлю сидѣть дома и, вмѣсто разѣвдовъ, заниматься домашними упражненіями. Мое состояло въ передѣлываніи одного разсужденія въ моей книгѣ «О благополучіи» и я въ самое сіе время писалъ матерію весьма важную, а именно о способахъ и руководствѣ къ побѣжденію страстей и исправленію нашему, и могу

сказать, что мнѣ случилось въ сіе время выдумать много важнаго и полезнаго, а особливо въ разсужденіи правоученія практическаго и сдѣлать открытія преполезныя для рода человѣческаго, почтаю и считаю я періодъ сего времени или первую половину апрѣля мѣсяца весьма достопамятною въ моей жизни.

Открытіе мое состояло наиболѣе въ сравненіи порядка исправленія и побѣжденія страстей съ дѣйствительною войною, и я къ великому удовольствію и удаленію нашель, что всѣ обстоятельства вѣдственной войны могутъ весьма изрядно сравнены быть къ такимъ же обстоятельствамъ войны духовной. Словомъ, я симъ разсужденіемъ, занимающимъ почти дѣлу половину второй части сей книги, былъ самъ очень доволенъ и почиталъ ее полезнѣйшею изъ всей книги.

Какъ со вскрытіемъ весны начались и всѣ садовыя и другія домашнія необходимо нужныя работы, то перемѣнились чрезъ то во многомъ и весь порядокъ моихъ упражненій. Мнѣ не можно было уже никакъ сидѣть запершись по прежнему въ хоромахъ и заниматься одними моими книгами, перомъ и чернилами; но я большую часть времени сталъ препровождать въ моихъ любезныхъ садахъ и заниматься въ нихъ сотнями разныхъ дѣлъ вѣшнихъ, а особливо садовою разными плодовитыхъ деревъ.

Въ сію весну въ особенности занимался я усадкою всей моей прекрасной горы разными плодовитыми деревьями и кустарниками, и придалъ ей чрезъ то гораздо лучшій видъ передъ прежнимъ. Всѣ сіи деревья украшаютъ ее и по нынѣ и утѣшаютъ меня ежегодно множествомъ разныхъ плодовъ своихъ.

Въ сихъ упражненіяхъ, обращающихся для меня не столько въ трудъ, какъ въ увеселеніе, и не видалъ я какъ прошли двѣ первыя трети мѣсяца апрѣля; а между тѣмъ не выходили у меня изъ головы мысли о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и моемъ отзывѣ, и я со дня на день поджидалъ на письмо мое отъ г. Нартова отвѣта.

Сей и не увоспѣлъ ко мнѣ прйтти; но о семъ и содержаніи его перескажу мнѣ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее смѣю кончу, сказавъ вамъ, что я сѣмъ и прочалъ.

(Декабря 8 дня 1808 года).

Письмо 158-е.

Любезный пріятель! Двадцать первое число апрѣля былъ тотъ день, въ которой исполнилось мое нетерпѣливое желаніе и я получилъ на посланной мной въ Петербургъ отъ васъ отвѣтное письмо г. Нартова. Всевода нашъ прислалъ его ко мнѣ съ нарочнымъ изъ Коширы.

Легко можно заключить, что каковъ я не былъ, но распечатывалъ его не безъ сильныхъ душевныхъ движеній. Отъ частаго вниманія о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и о всѣхъ выгодахъ, какія я имѣю буду, если то совершится, и которыя натурально воображеніемъ были увеличаваны, произошло то, что я началъ уже некоторымъ образомъ и желать, чтобъ оно исполнилось и желалъ довольно сильно; а напротивъ того не хотѣлъ, чтобъ произошло что-либо противное моему ожиданію. Итакъ, начиналъ его читать почти со страхомъ и трепетомъ, или по крайней мѣрѣ, съ сильнымъ потрясеніемъ душевнымъ. Но скоро всѣ сумнительства мои рухнули. Содержаніе письма сего было для тайныхъ моихъ возжеланій удовлетворительно и произвело во всей внутренности души моей удовольствіе неизобразимое.

Г. Нартовъ отвѣтствовалъ мнѣ такъ, какъ мое философическое письмо требовало и какъ надлежало. Онъ наполнилъ письмо свое ласками и изъявленіями хорошаго своего характера и принудилъ меня еще болѣе себя полюбить. О дѣлѣ же моемъ уведомлялъ онъ меня, что онъ съ княземъ Гагаринымъ видѣлся и обѣщалъ съ нимъ говорить, и что князь былъ всѣмъ доволенъ и на все согласенъ, и что осталось мнѣ только съ нимъ видѣться и познакомиться лично. А поелику въ самое то время князь отправился въ Москву и повезъ съ собою письмо отъ

него, Нартова, ко мнѣ, то ѣхалъ бы я въ Москву и съ нимъ тамъ повидѣлся. О волости же, куда я назначюсь, хотя и не упоминалъ онъ именно, а писалъ только, что она лежитъ недалеко отъ меня и что переимѣна моего состоянія меня не перетревожитъ.

Далѣе уведомлялъ онъ меня о посланныхъ моихъ вновь сочиненьицахъ, что онъ предложилъ ихъ публично Обществу, и буде пьесу мою о нѣкоторыхъ домашнихъ лекаряхъ общество опредѣлитъ напечатать, то онъ меня уведомитъ.

Что-жъ касается до посланной отъ меня къ нему бездѣлки, состоящей въ маленькомъ камушкѣ, то, недуманно-негаданно, пошелъ онъ въ честь. Г. Нартовъ былъ имъ очень доволенъ и просилъ меня, чтобъ я прислалъ ихъ болѣе и что это былъ трохитъ или колесный камень, составляющій самую рѣдкость въ натурѣ; также чтобъ я прислалъ и кремневыхъ прорастей съ хрусталами, о которыхъ упоминалъ я въ письмѣ своемъ, что у меня ихъ есть нѣсколько.

Но при семъ одномъ онъ не остался, а прислалъ еще ко мнѣ въ подарокъ перевода своего нужную мнѣ книжку, а именно «Минералогію» г. Лемана, и тѣмъ побудилъ меня еще болѣе къ собранію рѣдкостей.

Признаюсь, что письмо сіе доставило мнѣ много удовольствія, а не менѣе радовались тому и обѣ мои семьянинки, ибо оное явно доказывало, что дѣло мое начинало кленться понемногу.

Я не преминулъ сообщить его и другу моему г. Полонскому, и сей обрадовался тому равномѣрно и почиталъ уже опредѣленіе меня къ мѣсту несомнѣннымъ. А что назначалось мнѣ не иное какое мѣсто, чего я опасался, какъ управительское въ Богородицкѣ, то догадывались и заключали мы потому, что перешадали намъ слухи, что и тамъ какимъ-то образомъ носилась уже молва, что мнѣ быть управителемъ.

И какъ, по всему тому ѣзда въ Москву сдѣлалась уже необходимостью, то г. Полонской и всѣ друзья мои, род-

ные и пріатели, желавшіе мнѣ благополучія, и протуривали меня туда неукоснительно. Но мнѣ какъ-то не хотѣлось слишкомъ поспѣвать сею ѣздой, дабы тѣмъ не подать вида, что я самъ на то навязываюсь; а почиталъ за лучшее подождать, не будетъ ли князь Гагаринъ самъ ко мнѣ писать и не пришлетъ ли ко мнѣ письма Нартова, съ нимъ отпраздноваго, или, по крайней мѣрѣ, отправится въ Москву, отпраздновать свой деревенской вешней годовой праздникъ.

Въ семъ расположеніи мыслей и началъ я спокойнымъ образомъ продолжать прежнія свои упражненія. Сады и кабинеты раздѣляли все мое время и я работалъ руками и духомъ. Къ тому присовокупилося еще и третье упражненіе, а именно собраніе натуралій или рѣдкостей природы; ибо какъ г. Нартовъ просилъ меня, чтобъ переслать къ нему болѣе полезныхъ камней, то хотѣлось мнѣ самому поискать въ нашихъ мѣстахъ, какъ ихъ, такъ и другихъ рѣдкостей природы, и тѣмъ услужить сему моему незнакому пріателю и благодѣтелю.

Счастіе и поблагопріятствовало мнѣ въ семъ случаѣ и болѣе, нежели я желать могъ. Люди мои не успѣли узнать о моемъ хотѣніи, какъ наперерывъ другъ предъ другомъ старались искать всего того, что было примѣчана достойнымъ, и приносить ко мнѣ напоказъ, желая мнѣ доставить удовольствіе; и могу сказать, что я былъ ими въ семъ случаѣ очень доволенъ. Не успѣлъ я имъ сказать, что мнѣ всякіе хорошенькіе камушки надобны, какъ отовсюду они ко мнѣ и полетѣли, и приносили ихъ ко мнѣ не только большіе, но и самыя малые ребятинки, и я не однажды имѣлъ наисладчайшее и невинное удовольствіе, находя между ими вещицы, особенное примѣчаніе заслуживающія.

Но ни которой день не доставилъ мнѣ такого удовольствія, какъ 30-е апрѣля. Въ сей день нашелъ я то истинное сокровище, которое послѣ сдѣлалось только славно и обратилось въ пользу безчисленному множеству людей всякаго рода.

Но тогда не имѣлъ еще я о томъ ни малѣйшаго понятія и никакъ не могъ вообразить себѣ, чтобъ вышла изъ того такая важная и надобная вещь.

Были то камни или плоскія плитки особливаго сложенія и сросшіяся, равно какъ изъ бисера или множества мельчайшихъ кругленькихъ бѣленькихъ камушковъ съ дырочками посреди; почему и прозвалъ я ихъ тогда камнями бисерными. Такихъ же камушковъ, какой послалъ я къ Нартову, не могъ я никакъ болѣе отыскать. Онъ былъ прямо удивительной: кругленькой, продолговатой и составленной равно какъ изъ сложенныхъ другъ съ другомъ наизорадочнѣйшимъ образомъ столбикомъ колесецъ и притомъ такъ регулярно, что казалось, что штука сія походила болѣе на выточенную руками человѣческими, нежели на произведенную природою.

Всѣ старанія наши къ отысканію таковыхъ-же были тщетны, а сей камень мнѣ въ минувшемъ году нечаянно въ верхній садъ моего ребятинки и, вѣдая мое любопытство, ко мнѣ принесла.

Итакъ, мнѣ очень было жаль, (что) не отыскивались множайшіе; но помянутые бисерные камни поутѣшили меня въ томъ нѣсколько. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находилъ я точно такіе же кругленькіе колесцы и камушки, какъ былъ и тотъ, но выросшіе только внутрь оныхъ, либо прямо, либо вкось и такъ, что ихъ отъ плитокъ сихъ никакъ отдѣлать было не можно.

Сіе заставило меня заключать, что плиткамъ симъ, безъ всякаго сомнѣнія, надобно быть одинакаго существа и происхождения съ помянутыми трохитами. И къ сему заключенію еще болѣе побудило меня то, что я по прилежнѣйшему оныхъ разсматриваніи находилъ, что и всѣ помянутыя бисерники были не иное что, какъ начатки таковыхъ же колесецъ, но только очень маленькіе и сросшіяся въ общее тѣло, плитку составляющее.

Сіе возбудило любопытство во мнѣ къ узнанію, нѣтъ-ли чего писаннаго въ минералогическихъ книгахъ и въ натураль-

исключенъ и о сихъ, равно какъ и
и такъ; и какое же удовольствіе
ва, когда я въ натуральномъ тек-
нашелъ особую статью о трюхи-
въ которой упоминалось, что это
кость раковинныхъ морскихъ жи-
въ, и что найдены они однажды въ
въ узнаю, что они имѣютъ спо-
въ монотать отъ камня въ почкахъ.
съ томъ упомянуто было хотя
и немногими словами, но для
и сего уже довольно.

вспыкнулъ тогда въ превеликомъ
стѣи душевномъ: «Ба! ба! ба! за-
ва вотъ что есть, и они не толь-
ишнѣмъ своимъ удивительны, но
ишарственны отъ важной болѣз-

ишольствіе мое еще увеличилось,
иштая минералогію, нашелъ и удо-
ишлся въ томъ, что и найденныя
иштиня точно такого же существа-
ишеть такіа-же окаменѣлости и
иш въ минералогіи подѣ именовъ
иштовъ.

ишавіи всего того, вспыкнуло во
ишавіе узнать изъ опытности, дѣй-
ишсно-ли то правда, что объ нихъ
иш въ упомянуто было въ натураль-
ишисключенъ; но какъ къ тому потре-
ишеть человекъ, страдавшій камен-
ишнѣнію, надъ которымъ бы тотъ
ишчинить было можно, то озабоча-
иштѣмъ, гдѣ бы въ деревняхъ отыс-
ишть такого больного.

иш прямо-ли удивительное случи-
ишгда со мною происшествіе и не
ишеть-ли оно, что если Промыслу
ишпо угодно когда открыть что-ни-
ишособливости полезное человѣче-
ишюду, такъ оной покажетъ къ тому
ишраспорядить все къ тому потреб-
ишо, какъ-бы вы, любезный пріятель,
иш Не успѣлъ я помянутымъ обра-
иш каменя найти, узнать о ихъ
иш и врачевныхъ качествахъ и воз-
ишснискать больного, надъ которымъ
ишмой мною опытъ учинить было
ишкакъ въ тотъ же самой день и
ишся таковой точно.

ишПриѣзжаетъ къ намъ сосѣдка, жена
иш умершаго недавно моего родственника. Я
иш рассказываю ей между прочимъ о своей
иш находкѣ, показываю ей камень и изъ-
иш являю помянутое желаніе о найденіи
иш больного, страдающаго каменною болѣз-
ишнѣю; а она не успѣла о семъ услышать,
иш какъ вспыкнула:

иш — «Ахъ, батюшка мой, да у меня въ дому
иш лежитъ теперь малой молодой и при са-
иш мой уже смерти и точно отъ сей болѣз-
иш ни; давеча уже исповѣдали его и при-
иш частили. Не попробоватъ-ли намъ надъ
иш нимъ и не одолжите-ли вы меня кусоч-
иш комъ сего камушка?»

иш Обрадовался я, сіе услышавъ, и ска-
иш залъ ей: «Хорошо, матушка, о камушкѣ
иш ни слова, но вотъ вопросъ: какимъ обра-
иш зомъ лечитъ намъ имъ вашего больного?
иш Въ книгѣ той, гдѣ нашелъ я объ немъ
иш упоминаніе, не сказано о томъ ни слова,
иш и Богъ знаетъ, какъ намъ съ нимъ по-
иш ступать?»

иш Сіе остановило на минуту и ее и меня;
иш однако мы стали думать о томъ и совѣ-
иш товать, и я другого не находилъ, какъ
иш испытать не растолчется-ли онъ въ иготъ
иш и не можно-ли составить изъ него
иш порошокъ, удобной къ приниманію внутрь.
иш Сіе мы въ тотъ-же часъ испытали. Тотъ-
иш часъ отволотъ былъ кусокъ отъ плитки
иш и положенъ въ иготъ, и я удивился, уви-
иш дѣвъ, что толочся онъ очень хорошо, и
иш что въ короткое время можно было чрезъ
иш толченіе, просѣваніе и треніе въ ступкѣ,
иш превратить его въ мельчайшій поро-
иш шокъ.

иш Но тутъ сдѣлался опять вопросъ, сколь-
иш ко-бы его и въ чемъ дать больному? По-
иш думавши о семъ, положили мы дать ему
иш размѣшанной въ водѣ и съ добрую чай-
иш ную ложечку вверхъ, или съ драхму въ-
иш сомъ. И такъ, снабдивъ сосѣдку мою симъ
иш порошокомъ, просилъ я увѣдомить меня о
иш успѣхѣ нашего опыта. И какое-же удо-
иш вольствіе имѣлъ я, когда въ послѣдующее
иш утро прислала она ко мнѣ человекъ,
иш просящаго съ восхищеніемъ, чтобъ далъ
иш я еще того-же количества и сказывающаго,
иш что порошокъ, гдѣ дѣйствіе

чрезвычайное, что больному полегчало, что не успѣлъ онъ его принять, какъ чрезъ самое короткое время выгналъ онъ съ кровью два камушка, съ горошину величиною.

Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю и благодарилъ судьбу, что она доставляетъ мнѣ во всякое время случаи ко многимъ полезнымъ опытамъ.

Повтореніе употребленія сего лекарства такъ хорошо дѣйствовало, что больной получилъ совершенное облегченіе и на третій день въ состояніи былъ притти ко мнѣ для изъясненія своей благодарности, что я избавилъ его отъ неминуемой почти смерти.

Вотъ первой случай, познакомившій меня съ чрезвычайною полезностію сего цѣлебнаго камня.

Теперь было-бы слишкомъ пространно, еслибъ хотѣлъ мнѣ рассказывать вамъ дальнѣйшую исторію о семъ камнѣ; о всѣхъ безчисленныхъ опытахъ, имъ въ разные времена предпринимаемыхъ; о воздежнѣннѣйшемъ успѣхѣ оныхъ; о удивительныхъ и совершенно нечаянныхъ открытій многихъ и другихъ цѣлебныхъ его способностей и силахъ, а коротко скажу, что многія, не сотни, а тысячи людей получили и получаютъ и понынѣ отъ него пользу и не отъ одной каменной болѣзни, но и отъ другихъ многихъ; ибо впоследствии времени открылось, что онъ также великое облегченіе производитъ отъ грыжи, отъ животныхъ болей, отъ стѣсненія въ груди, при случаѣ поднимающейся діафрагмы, отъ чувствуемой боли въ окрестностяхъ сердца, отъ простого и кроваваго поноса, отъ колики, изгаги, разныхъ кровотеченій и проче; и что, наконецъ, оказалось, что онъ и къ заживленію свѣжихъ ранъ имѣетъ чрезвычайную способность.

Словомъ, изъ безчисленныхъ опытовъ сдѣлалось намъ извѣстно, что полезность его такъ велика, что судя по оной можно почитать его наравнѣ съ золотомъ. Наконецъ, что доставилъ онъ въ жизнь мою мнѣ безчисленное множество минутъ пріятныхъ, и я имѣлъ поводъ въ особли-

вому благодаренію Промысла Господня за то, что одарилъ онъ здѣшнюю новую усадьбу и прекрасную гору, на которой имѣю я жителство, великимъ и такимъ множествомъ сихъ цѣлебныхъ камней, что и понынѣ не имѣемъ мы въ нихъ недостатка, хотя ежегодно расходится его у насъ порошокомъ по нѣскольку фунтовъ, раздаваемого больнымъ отъ разныхъ болѣзней, и что святой вогъ его угодно было употребить меня орудіемъ къ открытію сего полезнаго лекарства и преподать мнѣ послѣ случая спознакомить съ симъ камнемъ и полезностію его и все любезное мое отечество, и быть тому причиною, что многіе и другіе въ разныхъ мѣстахъ государства нашли таковыя же камни и производить ими пользу.

Но я заговорился уже о побочныхъ и теперь возвращусь къ прежнему моему предмету.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ препроводилъ я всѣ достальныя дни мѣсяца апрѣля и успѣлъ разныхъ окаменѣлостей набрать столько, что я въ состояніи былъ отправить ихъ послѣ цѣлмй коробокъ къ г. Нартову.

Отъ наступленіемъ мѣсяца мая началъ я уже пристальнѣе помышлять о московской поѣздкѣ, и хотя отъ князя Гавриила не было еще никакого слуха, но я почиталъ ѣзду свою тѣмъ необходимѣйшею, что въ Москвѣ бывають мнѣ и для другихъ нуждъ было надобно.

Итакъ, предполагая отправиться въ сей путь непосредственно послѣ нашего праздника, за нужное находилъ я побывать до того времени въ Серпуховѣ и повидаться еще разъ съ межешникомъ, узнать объ обстоятельствахъ нашего дѣла и можно ли мнѣ будетъ отлучиться въ Москву. Къ сему побуждало меня наиболѣе то, что по слухамъ, повѣренные и управители Нарышкинской волости приѣзжали изъ Москвы и со многими помирлись, а мнѣ не давано было о томъ ничего знать, что меня не только удивляло, но нѣсколько и тревожило. Обо всемъ томъ хотѣлось мнѣ распросить и распространить. Братъ Гавриила Матвѣевичъ со-

намѣсли съѣздить со мною въ сей разъ мѣстѣ. Итакъ, назначили мы къ тому мая 1-е число, и туда ѣздили.

Вѣзда наша имѣла успѣхъ возжелѣнной. Мы застали межевщика нашего Болотухина дома, съ нимъ видѣлись и обо всемъ переговорили. Удовольствіе наше было великое, когда услышалъ я, что дѣла наши находятся въ хорошемъ положеніи, и что мнѣ отъ волостныхъ нѣтъ никакой опасности.

Они открылись уже сами межевщику, тѣмъ у нихъ писцовой дачи очень мало и въ писцовыхъ книгахъ есть ошибка, и потому не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, чтобъ они не помирились. Впрочемъ межевщикъ давалъ мнѣ волю отлучиться куда хочу и просилъ сдѣлать его своимъ прикащикомъ, или поручить ему свое дѣло.

Пріятно было мнѣ его къ себѣ благопріятство и я желалъ, чтобъ было оно вѣдѣно. Я открылъ ему причину, для которой хочу ѣхать въ Москву и онъ соглашался не упускать сего случая. Итакъ, въ полномъ удовольствіи разстались мы съ нимъ и поѣхали домой.

Но сей день назначенъ былъ къ доставленію мнѣ и другого еще удовольствія. На успѣхъ мы выѣхать изъ Серпухова, какъ повстрѣчались съ волостнымъ ченцовскимъ повѣреннымъ; былъ онъ уже не прежній беззубой Лобановъ, а другой нѣтъ волостныхъ подьячихъ, именемъ Иванъ Александровъ.

Я остановилъ его, чтобъ поговорить съ нимъ о нашемъ мирѣ, и какъ обрадовался увидѣвъ, что онъ къ миру былъ очень склоненъ и хотѣлъ помириться съ нами на прежнихъ границахъ, а просилъ только прудовой берегъ и столько на немъ мѣста, сколько надобно было для положенія на немъ рубежа, на что и намъ склониться очень было можно. Коротко, мы условились уже съ нимъ, чтобъ въ послѣдующій день прислать повѣренныхъ и подать мировую сказку, и поѣхали домой съ полнымъ удовольствіемъ, осталась скорнякъ уже и возжелѣн-

нымъ окончаніемъ сего толь долговременнаго, скучнаго и хлопотливаго дѣла.

По приѣздѣ своемъ, на другой день опечаленъ я былъ нѣсколько болѣзнію моего большого сына Степана, занемогшаго горячкою, и какъ думать надобно, отъ простуды.

Между тѣмъ продолжалъ я упражняться въ прежнихъ своихъ дѣлахъ, а особливо въ перепискѣ набѣло книги моей «О благополучіи» и спѣшилъ тѣмъ всячески, чтобъ успѣть переписать первую часть до отъѣзда моего въ Москву. Однако, не такъ сдѣлалось, какъ я думалъ. Промыслу Господню угодно было призвать меня въ столицу сію гораздо прежде, нежели я думалъ, а именно:

Еще въ самую ночь подъ 3-е число мая видѣлъ я нѣкакой странной, но такой сонъ, изъ котораго могъ заключить, что въ тотъ день едвали не получу я письма какого-нибудь важнаго.

Снамъ хотя я всего меньше склоненъ былъ вѣрять, но примѣчанія достойно, что уже нѣсколько разъ сряду, въ тотъ самый день, въ которой получать мнѣ изъ Экономическаго Общества какое письмо или книгу, видѣлъ я особливый и странныя сновидѣнія, по которымъ равно какъ предугадывалъ, что въ тотъ день, или вскорѣ, я что-нибудь, а вѣрно, получу. Такимъ точно образомъ видѣлъ я и въ сію ночь, не помню, что-то особливое, и проснувшись тогда же подумалъ: не получу ли я то письмо отъ Нартова, которое вручалъ онъ князю Гагарину.

Совсѣмъ тѣмъ, день прошелъ, а присылки никакой не было, почему пересталъ я о томъ почти и думать, а передъ вечеромъ только пришло мнѣ опять все сіе на мысль, и произойди какое чудное и удивительное происшествіе!

Во мнѣ родилась вдругъ мысль о томъ, чрезъ кого-бы можно было князю переслать ко мнѣ письмо свое и Нартова. Не знакомъ-ли развѣ ему, говорилъ я себѣ, по какому-нибудь случаю Хитровъ. Не увидать-ли его онъ и не отдастъ-ли ему письма? И что-жъ? Не успѣлъ я получить сію мысль, какъ въ самую ту ми-

нута связываютъ мнѣ, что отъ Хитрова человекъ прїѣхалъ и привезъ ко мнѣ письмо, адресованное на мое имя.

Поразился я чрезвычайнымъ удивленіемъ таковою нечаянностію и не зналъ, отъ кого-бы сіе письмо было. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда увидѣлъ я, что было оно отъ самого князя Гагарина, съ приложеніемъ письма Нартова. Легко можно заключить, что оба письма читалъ я съ великимъ любопытствомъ.

Князь писалъ ко мнѣ въ короткихъ терминахъ, что посылаетъ ко мнѣ письмо Нартова, что имѣетъ нужду со мною видѣться и просить, чтобъ я прїѣхалъ къ нему въ Москву, прежде половины мѣсяца мая, или-бы въ исходѣ сего мѣсяца прїѣхалъ прямо въ Бобринки, гдѣ онъ со мною о чемъ надобно переговорить. Напротивъ того, г. Нартовъ объяснялся уже болѣе и писалъ ко мнѣ, что князь отзывается ему, что если я соглашусь быть управителемъ, то опредѣлено будетъ мнѣ по 600 рублей жалованья, да содержаніе все государево, а сверхъ того выписать онъ мнѣ и чинъ.

Легко можно заключить, что все сіе въ состояніи было меня встревожить и побудить спѣшить московскою своею ѣздою. Естественно, восхотѣлось мнѣ видѣться съ нимъ охотнѣе въ Москвѣ, нежели въ Бобринкахъ, почему все сіе убѣждало меня оставлять и праздникъ неспразднованной и все, а ѣхать въ Москву.

Другъ мой г. Полонской не успѣлъ услышать о семъ, какъ убѣждалъ меня, или лучше сказать, гвалъ въ Москву, и всѣ знакомые предлагали мнѣ и дома свои и кареты для услугъ, а были и такіе, которые и подольщались ко мнѣ и просили о неоставленіи ихъ, если я получу управительское мѣсто въ Бобринкахъ.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ согласиться оставить всѣ свои дѣла и упражненія и ѣхать въ Москву. Братъ Гаврила Матвѣевичъ, имѣя также нужду быть въ оной, согласился ѣхать

вмѣстѣ со мною и быть моимъ товарищемъ, что для меня было и прїятно.

Мы выѣхали съ нимъ изъ дома 5-го числа послѣ обѣда и спѣшили, чтобъ намъ ночевать за Серпуховымъ.

Въ семь городѣ зашелъ я къ купцу и новому знакомому своему Плотникову, чтобъ промѣнять мѣдныя деньги на ассигнаціи.

Избавившись отъ сего груза и выкормивъ лошадей, поѣхали мы предъ вечеромъ изъ города и успѣли прїѣхать ночевать въ Московку, гдѣ противъ всякаго чаянія встрѣтился я съ г-жею Щербининою, ѣдущею изъ Москвы въ деревню. Сія встрѣча принудила меня одѣваться, къ ней идти и съ нею видѣться. Разспросивъ о московскихъ обстоятельствахъ и переночевавъ тутъ, пустились мы далѣе, и продолжая путь во весь послѣдующій день, прїѣхали въ Москву 7-го числа, около обѣда.

Какъ съ самаго несчастнаго времени не бывалъ я еще въ семь столичномъ городѣ, претерпѣвшемъ толь много зла, то въѣзжая въ оной не могъ я, чтобъ не чувствовать нѣкотораго еще страха и опасенія. Многіе дома стояли еще пустыи съ разломанными между оконъ простѣвками, и зрѣлище сіе приводило еще всю душу мою въ содроганіе, несмотря, хотя уже не было никакой опасности отъ язвы.

Для стоянія предлагаемы мнѣ были многіе дома, но я рѣшился наконецъ для лучшей свободности стать на дворѣ брата Михайла Матвѣевича, доставшемся ему послѣ тещи, и послѣ былъ тѣмъ очень доволенъ, узнавъ, что сіе мѣсто было всѣхъ прочихъ ближе ко двору князя Гагарина.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ снабдить себя новымъ платьемъ, дабы недурно было показаться къ князю. Сосѣдъ и другъ мой г. Рудневъ, случившійся тогда въ Москвѣ, прїѣхавъ того момента къ намъ и сотовариществовалъ намъ, какъ мы собрались идти въ ряды.

Мы искупили въ сей день все нужнѣе къ мундиру и экипажу и прѣехали

въ каретной рядъ и купили двѣ : одну я для себя, четверомѣстную, для насъ въ деревнѣ была надобно другую купилъ братъ Гаврила ничѣ для себя, двумѣстную. Портчѣе былъ снисканъ и вѣрно было, все носило къ четвергу.

тра, т. е. 8-го числа, что было я и въ самой день отданія паски, ше, поѣхали ми съ братомъ къ фову. Съ симъ сосѣдомъ и лю-в. меня пріятелемъ хотѣлось мнѣ : всего видѣться и спросить, ка-бравомъ дошло ко мнѣ чрезъ него княжое и не знаетъ-ли онъ чего в-дѣлѣ?

рядъ былъ моему приѣзду и пе-ни чего я не у него присталъ; о-ше первое его было слово. Онъ валъ, получилъ-ли я его, а я спра-ч, какииъ образомъ оно къ нему въ руки?

в рассказалъ онъ мнѣ все произ-и я, услышавъ, дивился вновь ю Промисла Господня и напо-праведливости пословицы, что ког-ъ пристанеть, такъ и пастыря нтъ.

ю Гагарину, не знаю почему, зна-нглъ бригадиръ Николай Григорье-Наумовъ, пріятель и родствен- . Хитрова, и какими-то образомъ , у нихъ разговоръ обо мнѣ. Г. На-меня однажды только видѣлъ, но довольно по Хитровѣ и по моимъ нѣямъ. Онъ не преминулъ сказать обо мнѣ хорошее словцо и князь злъ на него комисію, чтобъ онъ злъ къ нему меня и вручилъ ему и письмо, а Наумовъ передалъ его ну и просилъ о доставленіи его ко млико можно скорѣе; а у Хитрова, какъ нарочно, случилась въ дерев-и носилка, и онъ тотчасъ съ ними ми и послалъ его ко мнѣ.

акимиъ образомъ говорилъ г. Хн-— надобно г. Наумову предста-ени къ князю, а самъ онъ хотѣлъ итветъ въ Наумову.

и я былъ ему случаю и благода-

рилъ пріятеля моего за его ко мнѣ дружбу, а Бога за снисканіе мнѣ и слу-чая къ появленію въ столь знатному че-ловѣку.

Хитровъ не отпустилъ меня въ тотъ день безъ того, чтобъ я у него не ото-бѣдалъ и брался на утро ѣхать со мною къ г. Наумову.

Итакъ, въ послѣдующій за симъ день, что случилось на самой нашъ деревен-ской праздниъ, Николинъ день, ѣздилъ я и къ Наумову и къ князю, и видѣлся впервые съ симъ нашимъ вельможею. Происшествіе сего достопамятнаго дня было слѣдующее.

По утру, собравшись, поѣхалъ я пре-де всего къ Хитрову. Онъ только-что всталъ какъ я приѣхалъ; однако, тот-часъ одѣвшись, поѣхалъ со мною къ г. На-умову. Сей принялъ меня очень ласково и того момента одѣвшись, повезъ меня къ князю.

На дорогѣ сказывалъ онъ мнѣ, что князь хочетъ просить меня сѣздить съ нимъ въ Бобрйки. Онъ выхвалялъ, не-вѣдомо какъ, предлагаемое мнѣ мѣсто и совѣтовалъ отнюдь не отбиваться, если стануть опредѣлять меня туда въ упра-вители. Я слушалъ его со вниманіемъ и досадовалъ крайне, что стукъ отъ кареты, ѣдущей по мостовой, мѣшалъ мнѣ раз-слушивать всѣ слова г. Наумова, раз-говаривающаго со мною очень тихо.

Приѣхавъ въ домъ князя, нашли мы его въ саду, въ пышной и огромной гал-лерей, занимающагося отпращиваніемъ въ Бобрйки архитектора.

Князь принялъ меня довольно пріятно и, посадивъ, спрашивалъ, получилъ-ли я письмо отъ него и отъ Нартова? По-томъ сдѣлалъ мнѣ такое предложеніе, какого я всего меньше отъ него ожидалъ, а именно: не соглашусь-ли я сѣздить съ нимъ въ Бобрйки и не возьму-ли на себя трудъ сочинить всей тамошней во-лости камеральное описаніе?

Симъ неожиданнымъ запросомъ онъ такъ меня смутилъ, что я не зналъ, что ему на оной отвѣтствовать; но скоро одумавшись и собравшись съ мыслями,

сказалъ, что для меня трудъ сей невеликъ и я готовъ услужить тѣмъ его сиятельству: хотя въ самомъ дѣлѣ у меня и такъ и сякъ на умѣ становиться стало.

Г. Наумовъ, посидѣвъ немного, поѣхалъ и оставилъ меня съ княземъ; а вскорѣ за симъ отправилъ князь и архитектора, сказывая ему, чтобъ онъ ѣхалъ и дожидался насъ тамъ, вскорѣ за нимъ вслѣдъ туда быть имѣющихъ. Послѣ того повелъ меня онъ въ свой прекрасной и по правиламъ Ленотра расположенной регулярной садъ, и тутъ-то начались у насъ съ нимъ разговоры.

Онъ испытывая разспрашивалъ меня о разныхъ экономических матеріяхъ и, наконецъ, изъясняясь, что хочетъ онъ опредѣлить меня въ управители въ Богородицкую волость, если мнѣ тамошнее мѣсто полюбитъ и онъ узнаетъ меня короче. Сказывалъ притомъ, что тамошній управитель г. Опухтинъ просился въ отставку, и что у него человекъ со сто просится на его мѣсто; но ему хочется опредѣлить надежнаго и такого человека, которой бы ко всѣмъ экономическимъ упражненіямъ былъ охотникъ и что онъ не нашелъ уже иного средства имъ отказывать, какъ объявленіемъ, что Опухтинъ въ отставку итти отдумалъ. А теперь подлинно и самъ онъ объ немъ въ точности не знаетъ.

Симъ хотя и успокоилъ онъ мои мысли, однако послѣднія слова оставили меня въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

Симъ образомъ проходили и проговорили мы съ нимъ тутъ цѣлое утро, и по счастью никто намъ не помѣшалъ и, сколько можно было примѣтить и по его обращенію со мною заключать, былъ онъ мною доволенъ, ибо обходился со мною очень фамильярно и совсѣмъ не гордо, а просто.

Наконецъ, примѣтивъ, что ему надобно было ѣхать со двора, сталъ я откланиваться. Тогда спросилъ онъ меня: долголи я въ Москвѣ пробуду? и услышавъ, что не долге какъ до воскресенья, просилъ онъ меня, чтобъ я приѣхалъ къ

нему въ субботу послѣ обѣда, въ которое время онъ будетъ дома.

Симъ кончилось наше первое свиданіе съ княземъ, и я хотя узналъ, что назначусь я не въ другое какое мѣсто, а въ Богородицкѣ, однако остался все въ несовершенной еще достовѣрности, или лучше сказать, въ неизвѣстности самой. Требовалось только, чтобъ я ѣхалъ туда и сдѣлалъ описаніе, а впрочемъ зависѣть будетъ все оттого, пойдетъ ли или не пойдетъ тамошній управитель въ отставку, что все можно было толковать двоякимъ образомъ и почестъ придворною политикою.

Какъ тогда былъ уже часъ двѣнадцатой, то вздумалось мнѣ заѣхать къ старику г. Офросимову и поздравить его съ полученіемъ генеральскаго чина и повидѣться съ сими любезными и намъ очень дружественными стариками. Я засталъ ихъ съѣзжающихъ почти со двора. Они, не зная о моемъ приѣздѣ въ Москву, удивились меня увидѣвъ, были мнѣ очень рады, а услышавъ, что предлагается мнѣ богородицкое управительство, сдѣлались еще того пріятнѣе и ласковѣе. Они просили и молили Бога, чтобъ сіе совершилось и желали мнѣ тысячу благополучій.

Причиною тому было, что нѣкоторые деревни ихъ лежали въ самомъ сосѣдствѣ съ Бобриковскою волостью, и что я могу быть имъ полезенъ по деревнямъ онимъ. Впрочемъ сожалѣли они, что необходимость заставляла ихъ ѣхать со двора и что они не могутъ угостить меня обѣдомъ. Такимъ образомъ, проводивъ ихъ со двора, поѣхалъ я домой обѣдать, и какъ послѣ обѣда нечего было дѣлать, то согласились мы съ братомъ ѣхать гулять въ Головинской дворцовой садъ, въ которомъ въ тотъ день было публичное гулянье. Въ семь садъ давно уже мнѣ хотѣлось быть, а сверхъ того не бывалъ я никогда на гуляньѣ московскомъ и мнѣ хотѣлось и оное видѣть.

Мы отправились туда и не зная времени, въ которое съѣзжаются, приѣхали еще очень рано и такъ, что карета наша

ла еще перья. Итакъ, имѣли мы довольно свободнаго времени выходить весь день и осмотрѣть всѣ мѣста въ ономъ ходящися. Мы исходили его вдоль и поперекъ и не оставили, такъ сказать, одного закоулочка. Многія вещи въ нихъ мнѣ весьма полюбились, а особливо высокія шпалеры и стриженныя большія и малыя пирамидки.

Наилучшимъ изъ всѣхъ мѣстъ была рѣдкая дорога въ саду, а не менѣе рѣдкими меня и стриженныя липы, руды и сажелки, которыхъ находилось въ мѣстѣ множество.

Я не могъ всѣми сими новыми для меня предметами довольно налюбоваться по охотѣ своей къ садамъ, не скучалъ два и три раза побывать въ одномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ настало время сѣзда, тогда въ одинъ почти мигъ наполнился оный множествомъ народа. И какое видѣніе было тутъ великолѣпіе, какое убранство, какое щегольство и какое множество дамъ и господъ благородныхъ! Всѣ земи сдѣлались ими наполнены и можно было тутъ всю Москву разомъ видѣть.

Любовался, дивился и смѣялся на этихъ обыкновеніямъ, и все сіе было для меня новымъ и утѣшнымъ зрѣлищемъ.

Наконецъ сталъ приближаться вечеръ и принужденъ былъ спѣшить возвратиться на квартиру, которая отъ сего мѣста удалена была верстъ на семь, ибо къ братниинъ былъ на Козьемъ-болотѣ. Мы поѣхали; но сколько я дивился тому въ саду, но выѣхавъ, долженъ былъ удивляться еще больше; ибо хотя безъ того было уже въ саду превеликое множество народа, но во всю дорогу встрѣчалось еще съ нами безчисленное множество каретъ, туда ѣдущихъ. Видѣлось, что вся Москва поднялась сюда въ Головинской садъ и я всего нѣмного надѣялся найти тутъ такое личное множество благородныхъ, какое въ сей день въ семъ столичномъ городѣ видѣлъ и какого я до того никогда не имѣлъ еще случая въ одномъ мѣстѣ видѣть.

Послѣдующій за симъ день опредѣлили мы весь препроводить въ рядахъ и искупать себя что было надобно, или лучше сказать платить Москвѣ пошлину. Мы поѣхали съ самаго утра въ оныя и занялись покупками, такъ что и обѣдали въ трактирѣ.

Между тѣмъ искали уже меня отъ г. Офросимова звать къ нему обѣдать; но мы тогда уже отобѣдали какъ насъ нашли. Совсѣмъ тѣмъ за долгъ я себя почелъ у него побывать и потому, возвратившись ранѣе, нежели думалъ, на квартиру, поѣхалъ я къ нимъ и нашелъ старика въ саду въ бесѣдкѣ.

Въ сіе вѣшнее и наилучшее въ году время у всѣхъ московскихъ жителей наилучшее было пребываніе въ садахъ. Итакъ, все оставшее время проводилъ я у сего любезнаго и почтеннаго старика въ непрерывныхъ разныхъ и важныхъ съ нимъ разговорахъ и спознакомился тогда съ большимъ его сыномъ, Михаиломъ Афанасьевичемъ.

Въ семь домъ видѣлъ я три новыя и до того мною невиданныя вещи, а именно: новомодную карету съ круглыми стеклами, американской хлѣбъ, подобной ячменю и горизонтальныя часы новаго изобрѣтенія, стоящія 270 рублей.

Въ субботу, т.-е. 11-го числа былъ тотъ день, которой назначенъ мнѣ отъ князя быть у него послѣ обѣда; почему, сѣздивъ поутру въ ряды и купивъ еще что было надобно и между прочимъ еще себя маленькую карету для легкой ѣзды, поѣхалъ я послѣ обѣда къ сему знатному вельможѣ. Но мнѣ сказали, что онъ не возвратился еще изъ своей подмосковной, а будетъ развѣ къ вечеру.

Тогда не зналъ я куда мнѣ ѣхать и, подумавъ, расположился побывать у стараго моего знакомаго и кѣнисбергскаго товарища Якова Демидовича Дьяконова, о которомъ зналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ.

Сей человѣкъ, коего дворъ наслу я могъ отыскать, былъ мнѣ чрезвычайно радъ. Я увидѣлся съ нимъ, какъ съ роднымъ и узналъ отъ него о судьбѣ всѣхъ

прочихъ моихъ кѣнигсбергскихъ знакомцевъ, друзьяхъ и товарищахъ, и порадовался услышавъ, что всѣ, находящіяся изъ нихъ въ Москвѣ, меня еще не позабыли и заочно все еще любил.

Онъ сказалъ мнѣ, гдѣ ихъ можно было и найти, и я, просидѣвъ у него цѣлый день и переговоривъ обо всемъ, распрощался и поѣхалъ опять къ князю; но какъ и тогда еще его не было дома, то рѣшился я ѣхать искать доктора Вельаминова, одного изъ помянутыхъ знакомцевъ; но по несчастію и того не засталъ дома. Итакъ, провѣдиль я весь день по пустому.

На утрѣ, т. е. 12-го мая положилъ я ѣхать къ князю Гагарину уже поутру, не сомнѣваясь, что найду его непременно дома. Онъ и подлинно былъ, но въ то время еще спалъ, какъ я приѣхалъ. Почему рѣшился я тѣмъ праздными минутами покуда онъ встанетъ, воспользоваться и заѣхать къ помянутому доктору, недалеко отъ него жившему.

Петръ Дмитріевичъ, такъ назывался сей мой старинный знакомецъ, былъ мнѣ очень радъ. Я оставилъ его въ Кѣнигсбергѣ еще студентомъ, учившимся въ тамошнемъ университетѣ медицинѣ, и дивился, какъ много онъ съ того времени разродордничалъ и какъ разбогатѣлъ. Онъ имѣлъ уже порядочной домъ, жилъ какъ надобно и сдѣлался уже ученымъ человекомъ.

Я нашелъ у него то, чего никакъ не ожидалъ, а именно: драгоцѣнное собраніе раковинъ или кокилій. Зрѣлище сіе было для меня новое и наипріятнѣйшее въ свѣтѣ. Я, взирая на толь великую многообразность и чудное устройство оныхъ, не могъ утерпѣть, чтобъ не воскликнуть: «Великій Боже! коль чудны дѣла твои и коль премудро твореніе рукъ твоихъ!»

Также видѣлъ я тутъ окаменелой грибъ, представляющій настоящую большую сирожку. Но досадно было мнѣ, что минуты были коротки и я не могъ долго любоваться симъ плѣняющимъ зрѣлищемъ, также взглянуть на его боль-

шой гербаріумъ или травникъ, который мнѣ показать онъ собирался.

Человѣкъ, посланной къ князю, уже возвратился съ извѣстіемъ, что онъ всталъ. Почему надлежало мнѣ къ нему поспѣшать, дабы кто-нибудь не помѣшалъ намъ съ нимъ говорить о нашемъ дѣлѣ.

Итакъ, я, распрощавшись съ моимъ знакомцомъ и поѣхалъ, не воображая себѣ нимало, что я тогда разстался съ нимъ на вѣки; ибо вскорѣ послѣ того узналъ я, что онъ кончилъ жизнь свою.

Князь приналъ меня какъ уже знакомаго человека и довольно ласково. Я нашелъ его въ саду, гдѣ, несмотря на всю случившуюся тогда стужу, онъ гулялъ. Онъ повелъ меня опять по саду, показывалъ все, что ни имѣлъ въ ономъ такъ, какъ знающему во всемъ силу эконому. Но стужа насъ скоро прогнала въ палаты.

Тогда впервые еще я былъ у него въ оныхъ. Онѣ были княжескіе и непостыжные и все соотвѣтствовало въ нихъ знатному его достоинству и богатству. Мы продолжали тутъ прежніе свои разговоры и по счастію находились опять двое и никто намъ не мѣшалъ.

Онъ показывалъ иностранныя сѣмена травъ и дарилъ меня нѣсколькими изъ оныхъ. А мнѣ удалось прельстить его разсказываніемъ о новой моей экономіи съ хмѣлемъ и довести до того, что онъ просилъ меня сильно о запискѣ и рисункѣ, какъ дѣлать изъ него бесѣдки. Однимъ словомъ, мы ознакомились съ нимъ уже гораздо и обходились просто, такъ что я имъ былъ очень доволенъ.

Въ разсужденіе моего опредѣленія го ворено было мало, а только твержено, чтобъ мнѣ туда ѣхать и поспѣть къ 20-му числу тогдашняго-жъ мѣсяца. Наконецъ хотѣлось мнѣ еще сколько-нибудь выигрывать и для того вздумалъ я, прощаясь съ нимъ, спросить его, долго-ли онъ меня тамъ продержитъ?

Тогда видно было, что онъ сего вопроса не ожидалъ и потому смутясь отвѣтствовалъ мнѣ, что это состоять будетъ въ моей волѣ: дней пять или шесть, гово-

онъ; но тотчасъ заннувшись повто-
«Да что о томъ говорить!— то-то
узнаемъ пойдеть ли Олуктинъ въ
шу, и тогда я вамъ уже и скажу».
онимъ разстался я тогда съ княземъ,
нимъ опять въ неизвѣстности; но
у сказать, дальнѣйшаго изъясненія
боятъ отъ него было не можно. Я
онъ былъ и тѣмъ и положилъ къ
челуу поспѣшить въ Бобрини.

иратилъ на квартиру и пообѣдавъ,
или я за письмо. Не было еще отъ
отвѣствовано г. Нартову на оба
послѣднія письма. Я медлилъ для
чтобъ увѣдомить его вкупѣ и о
дѣлѣхъ и успѣхъ его рекоменда-
отому привезъ съ собою и всѣ ока-
зали, чтобъ отправить къ нему изъ
ни по почтѣ.

написалъ къ нему длинное письмо,
спрашивъ его за письмы и книжку,
о посланныхъ каменьяхъ, опи-
савъ подробно силу бисернаго камня,
и сколько штукъ также къ нему
къ и наконецъ увѣдомилъ о произ-
вѣхъ, бывшихъ у меня съ княземъ
члнмъ препорученіемъ себя въ даль-
ю его благопріятство.

къ касается до каменьевъ, то по-
я къ нему всѣ лучшенькіе, какіе
и были, какъ кремневые проросли,
и прочіе, и накупилъ ими ящичекъ въ
уду въсомъ.

въ время мнѣ еще осталось, то взду-
и другое дѣло сдѣлать, а именно,
ать краткую записку о хмѣлевод-
жаемой княземъ и доказать ему
мое усердіе и готовность къ услу-
и успѣлъ начертать вечернѣ въ
е еще вечеръ.

утру на другой день прежде всего
дѣла я за переписку набѣло моей
и; я присовокупилъ къ ней на осо-
иствѣ рисунки столь хорошіе, сколь-
къ безъ циркуля и линейки, а однимъ
къ начертить ихъ вскорости.

записку разсудилъ я послать съ
шомъ, а самъ пошелъ въ ряды ис-
въ послѣдніи покупилъ, потомъ ото-
писью на почту, а послѣ обѣда
приложеніи къ «русской старинѣ» 1872 г.

ѣздилъ къ Хитрову благодарить, но не
засталъ дома.

Между тѣмъ дожидались мы изъ де-
ревни лошадей для своей кареты, но какъ
ихъ еще не было, а намъ надлежало по-
спѣшать, то въ прибавокъ къ своимъ на-
няли мы еще пару лошадей и успѣли еще
въ тотъ же день изъ Москвы передъ ве-
черомъ выѣхать.

Симъ окончу я мое письмо, превзо-
шедшее уже свои предѣлы и пожелавъ
вамъ всего добраго, скажу, что я есмь
и прочая.

(Декабря 9 дня 1808 года).

Письмо 159-е.

Любезный пріятель. Такимъ обра-
зомъ, кончивъ свои дѣла, отправились
мы изъ Москвы и поѣхали опять въ свое
жилище съ превеликимъ обозомъ; ибо
вмѣсто прежнихъ трехъ повозокъ было
съ нами три кареты, коляска и двѣ кн-
битки, такъ что весь нашъ бортажъ по-
ходилъ съ наружнаго вида на княжеской,
а въ самомъ дѣлѣ былъ очень смѣшной.
Всѣ наши кареты и коляски запряжены
были попарно и на всѣхъ ихъ сидѣли
только кучера, а лакеевъ позади ихъ былъ
только одинъ одинѣхонекъ. По счастью
стояла тогда сухая погода и ѣхать было
намъ хорошо.

Подробнымъ описаніемъ сего нашего
кратковременнаго путешествія не хочу
васъ никакъ обременять, а скажу только,
что никогда въ дорогѣ не чувствовалъ я
столько удовольствія, какъ въ сей разъ;
однако не думайте, чтобъ производило
оное свиданіе и переговоры съ княземъ
и дѣстныя какія-либо надежды. О, нѣтъ!
Радоваться слишкомъ мнѣ не было еще
причины, а удовольствіе доставляла мнѣ
купленная мною въ сей разъ въ Москвѣ
новая бѣлка, славная поэма господина
Битобе «Іосифъ».

Сію-то книгу читалъ я лежучи спокойно
на перинахъ въ большой новокупленной
своей каретѣ; и какъ вся она наполнена
трогательными сценами, то по чувстви-
тельности своей не могъ я читать ее не

утирал множество разъ текущихъ изъ глазъ моихъ слезъ, душевнымъ удовольствіемъ производимыхъ.

Мы провели въ семь пути не болѣе полутора сутокъ и пріѣхали 15-го числа мая около полдень благополучно въ свое любезное Дворяниново. Тутъ, какъ легко можно заключить, всѣ домашнія мои ожидали меня съ великимъ нетерпѣніемъ и встрѣчая насъ, думали услышать отъ насъ цѣлыя горы вѣстей радостныхъ. Но узнавъ все, принуждены были и онѣ также умѣрить свои лестныя надежды и вооружиться терпѣніемъ, въ ожиданіи что произойдетъ отъ моей дальнѣйшей ѣзды въ Бобрини.

Я засталъ у себя дѣтей не очень здоровыхъ. Сынъ мой Степанъ, котораго я оставилъ больнымъ въ горячкѣ, выздоровѣлъ; напротивъ того дочь лежала въ сильной спящ, а маленькой сынъ мой Павелъ былъ при смерти почти болѣе жестокомъ кашлемъ. Самый племянникъ мой былъ также недуровъ и лежалъ сыпью болѣе.

Но меня все сіе не весьма перетревожило. Предавъ однажды всю жизнь свою и всѣ обстоятельства до ней относящіяся въ полную волю, покровительство и распоряженіе моему Богу, могъ я очень способно сохранять душевное спокойствіе, въ надеждѣ и упованіи на его покровительство и въ удостовѣреніи, что онъ ничему безъ святыхъ своихъ причинъ произойти не попуститъ.

Послику мнѣ, въ разсужденіи приближающагося уже срока, назначеннаго къ пріѣзду въ Бобрини, никакъ не можно было пробыть долго дома, ибо оставалось всего только пять дней; то, судя, что доведется мнѣ пробыть въ домѣ не болѣе дней двухъ или трехъ, спѣшилъ я дѣлать въ домѣ всѣ нужныя и распоряженія и приказанія на случай моей вторичной отлучки отъ дома, и думалъ воспользоваться къ тому тѣми остающимися немногими днями; но не то вышло, что я думалъ, а мнѣ предназначено было сдѣлать еще одно дѣло, отъ котораго могли произтечь небезважныя слѣдствія.

Еще въ самой тотъ же день прислалъ былъ человекъ отъ г-жи Щербининой съ просьбою, чтобъ пріѣхать намъ къ ней на утро обѣдать, и мнѣ какъ ни было недосузно, но не можно было ей въ томъ никакъ отказать. Итакъ, ѣздили мы къ ней и употребили цѣлый день на ѣзду сію и нашли у ней опять немалое собрание.

У г-жи Щербининой былъ тогда зять ея, г. Наумовъ, съ дочерью и братомъ, и еще вѣтомолодой человекъ Коробьинъ. Былъ также тутъ и сынъ ея, Андрей Евдокимовичъ, бывший мнѣ отчасти знакомымъ. А изъ госпожъ была наша родственница, г-жа Арцыбишева изъ Лушковыхъ и г-жа Ладыхенская.

Съ помянутыми мужчинами скоро у насъ рѣчь зашла о наукахъ. Всѣ они случились быть люди ученые или полуученные, или такіе, которые въ состояніи были говорить о наукахъ. Они окружили меня и невѣдомо какъ любопытствовали узнать обо всемъ мои мнѣнія.

Всѣ они заражены были волтеризмомъ и Вольфіанскою философіею, которой глубныя слѣдствія видѣлъ я пакъ въ пріѣздѣ сына г-жи Щербининой, внашаго въ глубочайшую ниохондрию, и произошло сіе по милости французскихъ учителей и воспитателей.

Сей достойной молодой человекъ былъ мнѣ крайне жалокъ. Я сожалѣлъ объ немъ какъ объ родномъ братѣ и увидѣвъ причину его несчастія, вздумалъ испытать, не могу ли я вывести его изъ прежнихъ мыслей.

По случаю упомянулъ я о новой Крузіанской философіи и приписывалъ ей похвалы, какой она была достойна. Они всѣ и не слыхивали объ ней и были чрезвычайно любопытны узнать оную. Г. Коробьинъ только презиралъ ее, будучи слишкомъ прилѣпленъ къ волтеріанизму. Напротивъ того, г. Наумовъ былъ сходительнѣе и всѣхъ лучше.

Мы много и долго съ ними говорили; наконецъ, несмотря на все, удалось мнѣ г. Щербинина такъ заохотить, что при отъѣздѣ просилъ онъ меня неотступно

къ къ нему философію сію на по-
мяти.

Вѣнѣ удалось мнѣ прельстять и
г-жу Щербининой видумкою своею
дѣломъ земли на семь полей. Сей
дѣлъ мѣня обѣщать прислать къ нему
нѣсколько книги, въ которыхъ сочи-
леніе о томъ было напечатано. Итакъ,
писавъ мнѣ, сдѣлавшись довольно зна-
комъ.

Утромъ на другой день почелъ я за-
держать свое обѣщаніе и послать
Щербинину на показъ весь фило-
софій курсъ г. Крузія.

Тѣмъ однимъ я не удовольствовался;
къ примѣтилъ въ немъ великое же-
лѣніе, каковымъ образомъ можно
продолжать свои страсти, что было
нѣкимъ пунктомъ новой философіи,
самое убѣдило его просить меня о
дѣлѣ философіи, то пришло мнѣ въ
мысль, что философія поможетъ ему мало
знанія, что была слишкомъ высока
для него, не учась оной и не ра-
зумѣя тонкость нѣмецкаго ученаго,
понять ее никакъ будетъ не можно;
умалъ я, ровно какъ чѣмъ побуж-
дуючи, послать къ нему вновь со-
вою мною книгу «О благополучіи
человѣкомъ», сколько ее тогда было
исано.

Вѣ я, что она тѣмъ господамъ, а
къ бытъ и ему не покажется по при-
противныхъ ихъ системѣ мыслей,
отказали сіе сдѣлать въ надеждѣ,
имѣть бытъ Всевышній тронетъ серд-
це погибающаго человѣка и книга
риведетъ его на лучшія мысли.

Видя, я могъ опасаться, чтобъ не
ли они меня и философію мою на
; однако разсуждалъ, что воля Бога
и ему удобное дѣло важнѣе ихъ
шекъ, не раздумавъ сего сдѣлать.
же г-жа Щербининой удоволь-
вилъ я также посланіемъ экономиче-
ской книги. И желаніе ихъ полу-
чить книги было такъ велико, что въ
мнѣ какъ я писалъ уже къ Щер-
бину письмо, явился отъ нихъ чело-

вѣкъ съ просьбою о выполненіи моего
обѣщанія.

Не успѣлъ я помянутымъ образомъ кни-
ги мои отправить въ Яшкино и, побѣ-
жавши въ садъ, посѣять сѣмена, полу-
ченныя отъ князя, какъ приѣхалъ къ намъ
родной дядя жены моей, г. Каверинъ,
случившійся тогда бытъ въ своей здѣш-
ней деревнѣ.

Приѣздъ его произвелъ мнѣ новое по-
жѣлѣніе въ дѣлахъ и распоряже-
ніяхъ домашнихъ; однако я ему былъ радъ
и угостивъ его обѣдомъ, водилъ его по
садамъ своимъ и по всей усадьбѣ, и утѣ-
шилъ всѣми новыми своими видумками,
а особливо хитрыми затѣями и игруш-
ками, которыми былъ онъ чрезвычайно
доволенъ и расхвалилъ оныя върхъ. Ка-
мушекъ мой и открывшійся отъ него дру-
гія полезности также его прельстилъ и по-
будилъ выпросить себѣ значокъ онаго для
присканія ему подобныхъ.

Онъ пробылъ у насъ весь почти сей день,
а какъ на утро надлежало уже мнѣ от-
правляться въ свой путь, то я и сего дня
почти вовсе не видалъ.

Итакъ, 18-е число мая былъ тотъ день,
въ которой отправился я изъ дома своего
въ Бобринковскую волость узнавать, такъ
сказать, свою судьбину, или искать счастья.

Какъ въ самой тотъ же день надлежало
домашнимъ моимъ ѣхать въ Калединку,
то согласился я имъ сотовариществовать
и заѣхать къ теткѣ.

Мы приѣхали къ ней къ обѣду, а послѣ
онаго я хотя и хотѣлъ продолжать свой
путь, но меня уговорили остаться у нихъ
ночевать.

Но на другой день поутру, отслушавши
завтреню и распрощавшись со всѣми род-
ными своими, желавшими мнѣ всякаго
блага, отправился я въ путь.

На дорогѣ повстрѣчался я съ сестрою
теткиною, г-жею Крюковою, а потомъ
съ пріятелемъ моимъ, г. Товаровымъ.
Они, узнавъ обовсемъ, благословляли пу-
тешествіе мое и желали мнѣ возможнѣй-
шаго успѣха.

Вѣхалъ я изъ Калединки такъ рано,
что успѣлъ еще приѣхать кормить лоша-

дей въ Тулу, а ночевать въ село Куракино. Въ Тулѣ случилось мнѣ въ сей разъ видѣть мѣщанское гульбище и довольно изрядное, ибо какъ былъ тогда самой Троицынъ день, то превеликое множество людей обоего пола въ лучшихъ нарядахъ собралось на берегъ обширнаго пруда въ Чудковой слободѣ и разгуливали въ рощицѣ. Тамъ поставлено было множество палатокъ и мнѣ сказывали, что гульбище бываетъ въ сей день весьма многонародное; только я не могъ безъ досады смотреть на вымазанныя уже слишкомъ много и размазеванныя румянами лица и испачканныя тѣмъ изрядныя рожицы.

Переночевавъ въ селѣ Куракинѣ и вставъ до свѣта, приѣхали мы въ послѣдующій день кормить лошадей въ большое и регулярно построенное село Каменку, принадлежащее уже къ Бобринковской волости. Не могу изобразить, съ какими чувствами въѣзжалъ я въ предѣлы сей волости. Незвѣстность, буду-ли я или не буду въ сихъ славныхъ волостяхъ управителемъ и увеличу-ли въ нихъ свое благополучіе или потерю то, которымъ до того наслаждался, было причиною тому. Однако я предавалъ все на власть моего Творца и Бога, пекущагося обо мнѣ во всѣ дни живота моего и надѣлся несомнѣнно, что онъ меня не оставитъ и сдѣлаетъ то, что для меня лучше и ему будетъ угодноѣ.

Остановившись въ Каменкѣ, употребилъ я небольшую политику и не велѣлъ сказывать людямъ о себѣ кто я таковъ и куда ѣду, а самъ старался кое-чемъ мужиковъ повыспросить. Однако важнаго ничего узнать не могъ.

О князѣ сказали мнѣ, что онъ еще не приѣзжалъ въ Бобринку. Итакъ, отдохнувъ тутъ немного, проѣхалъ я прямо въ свою епифанскую деревнишку, верстъ за 12 оттуда отстоящую, въ намѣреніи дожидаться тамъ прибытія княжова.

Не успѣлъ я въ помянутую деревню приѣхать, какъ слухъ о причинѣ приѣзда моего разнесся тотчасъ по всему тамошнему сосѣдству и многіе изъ крестьянъ, принадлежащихъ брату моему и тетѣ,

г-жѣ Арсеньевой, также и изъ сосѣдственной деревни Арсеньевой начали приходить ко мнѣ и изъявлять радость свою и желаніе, чтобъ былъ я управителемъ, и ничего еще не видѣвъ, приносили ко мнѣ приносы, иной блюдо меду, иной курицу, иной блюдо яицъ.

—«Государи мои! говорилъ я имъ, удивившись:—что это вы затѣвали, я еще не управитель и не знаю еще буду-ли я имъ, или нѣтъ, и что могу я вамъ сдѣлать?»

— Нѣтъ, ничего, государь! говорили они; а только просимъ насъ не оставить, когда ты будешь онимъ.

Всему тому я смѣялся и былъ доволенъ ихъ усердіемъ, думая, что сія встрѣча была недурна для меня.

Ночевавъ въ деревнѣ своей, поутру на другой день отправилъ я человека въ Бобринку провѣдать о приѣздѣ князя и чтобъ наказать о присылкѣ ко мнѣ, когда онъ приѣдетъ. А самъ, принявшись за перо, сталъ между тѣмъ дѣлать проектъ описанію волостей и препроводилъ въ томъ все утро.

Посланной возвратясь привезъ извѣстіе, что князь еще не бывалъ, но что его ждутъ съ часу на часъ. Итакъ, принужденъ я былъ расположиться жить и дожидаться его въ своей деревнѣ.

Весь день прошелъ, а присылки не было. Наконецъ насталъ и другой день; однако не присылали.

«Что за диковинка, что князь не ѣдетъ такъ долго?» думалъ я, и послѣ обѣда рѣшился послать опять туда нарочнаго; ибо хотя и общали прислать ко мнѣ съ извѣстіемъ, но какъ не присылали, то бѣлся я, чтобъ не вышли тутъ какія-нибудь плутни и бездѣльничества отъ тамошнихъ начальниковъ.

Между тѣмъ продолжалъ я жить въ черной, дымной и жаркой избѣ, наполненной миллионами мухъ. Таковая жизнь хотя бы и могла мнѣ скоро наскучить, но привычка къ упражненіямъ не допустила меня чувствовать и малѣйшей скуки. Я запасся книгами, бумагою и чернилами и было въ чемъ хотя бы дѣловъ нѣмало упражняться. Итакъ, занимаясь

литературою, и то читаюсь книгу, пишу, отвѣдывая, не можно-ли ибуди напередъ заготовить, или по ей мѣрѣ расположиться, какимъ мнѣ и чѣмъ начать описаніе воло- и какой сдѣлать къ тому при-

не успѣлъ я сего начать, какъ ско- нчалась судая къ тому еще невоз- мость, ибо я не имѣлъ о волостяхъ ни малѣйшаго еще понятія и ни-) еще свѣдѣнія, и мнѣ нужно еще получить оное и выправиться обо принадлежностяхъ.

Вѣ, оставивъ сіе и находя пріят- ное упражненіе въ письмѣ, принялъ другое и началъ писать четвертую эволюционныхъ своихъ записокъ титуломъ «Плоды празднаго вре- », которыхъ первыя три части пере- шлъ въ послѣднюю мою въ Мо- бытность прекрасно и такъ, что въ самого сего переплета возбужда- ннѣ желаніе продолжать сію кни- жнѣ наче, что первыя три части къ полюблились. И какъ взяты бы- мною всѣ нужныя къ тому запн- о въ немногіе часы и написалъ я шера.

ду тѣмъ возвратился и послан- въ Бобрнкъ, съ извѣстіемъ, что еще не бывалъ, но что ждуть при- ко съ часу на часъ, потому что мѣ онъ уже солдата сказать о се- о онъ въ тотъ день будетъ, и что ѣ поѣхалъ уже за Опухтинимъ. ввался я, сіе услышавъ и за вѣр- магалъ, что въ послѣдующій день шѣ въ Бобрникахъ.

потра на то, вздумалъ я нарядить ера человека и приказалъ въ по- щій день со свѣтомъ вдругъ ѣхать гдѣтъ о князѣ. Самъ же, вставъ /, началъ совсѣмъ собираться и мся только посланнаго. Но послан- овертавшись сказалъ, что князь не не бывалъ и что Опухтинъ, какашій туда ночью, омятъ поѣхалъ въ Богородицнъ.

ишлся я этому ~~чрезвычайно~~; но не-

чего было дѣлать, принужденъ былъ опять осѣсться, вооружиться терпѣніемъ и до- жидаться присылки, которую вѣрно обѣ- щали.

Итакъ, принялся я опять за прежнія упражненія и написалъ еще нѣсколько статей въ свою книгу. Наконецъ насталъ обѣдъ, но присылки все еще не было. Что дѣлать? уже мнѣ и скучновато ста- ло становиться. «Будеть-ли, не будетъ дѣло, — думаю и говорю я самъ себѣ, — а я проживаю здѣсь по пустому время». Что касается до людей моихъ, то имъ, привыкнувшимъ также ко всегдашнему упражненію, было уже и очень скучно. Они помогали уже навозъ возить и на- кладывать мужикамъ и я дивился, какъ привычка можетъ сдѣлаться ко всему: привыкнувъ работать, они уже и скуча- ли, бывъ безъ всякаго дѣла.

По счастью день и погода случилась очень хорошая и такая, что въ избѣ си- дѣтъ очень скучно. Но куда итти и что дѣлать?

Пошелъ ходить на рѣку, пошелъ въ садъ моего мужика — тамъ полежалъ, индѣ поспидѣлъ... нѣтъ, скучно безъ дѣла. Пошелъ учить хозяина какъ хмѣль раз- водить; а потомъ на поле смотрѣть хлѣ- бовъ и дѣлать опыты унавоживанія зем- ли пепломъ изъ овиновъ. Ведегъ два во- за при себѣ вывезть и разметать по зем- лѣ подъ рожь и подъ гречиху.

Оттуда пошелъ смотрѣть каменьевъ, о которыхъ мнѣ сказывали, что есть въ вершинѣ превеликіе и мнѣ хотѣлось ви- дѣтъ, не годны-ли они будутъ къ Бобрн- ковскому строенію дворца на крыльцѣ. Въ сихъ разгудиваньяхъ проводилъ я все послѣполуденное время, и возвра- таясь на квартиру, испытывалъ натуру тѣхъ каменьевъ спиртами, кои со мною были и которыми дѣлалъ я тутошнимъ землямъ и глинамъ неоднократные опы- ты; и тѣмъ кончилъ сей день, но о кня- зѣ не было еще никакого слуха.

Наконецъ поутру въ слѣдующій день, что было уже 24 мая, еще до вставанія моего приѣзжалъ изъ Бобрнковъ мужикъ съ извѣстіемъ, что князь приѣхалъ и

уже ночью. Итакъ, убравшись, поѣхалъ я наконецъ въ славное село Бобринки, оставивъ багажъ у себя въ деревнѣ.

Приѣхавъ въ Бобринки, засталъ я князя, слушающаго молебень при закладываніи тамошняго огромнаго дворца. Онъ принялъ меня довольно ласково и просилъ, чтобъ присутствовалъ я съ нимъ при закладкѣ дворца. Господинъ Опухтинъ находился уже тутъ и такъ, какъ управитель, дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

По совершеніи водосвятія пошли мы закладывать дворецъ. Для князя высѣченъ былъ особой камень, съ надписью года, и онъ положилъ его, обмазавъ принесенною ему на блюдѣ известью. Мы всѣ архитекторомъ прошены были послѣдовать его примѣру и каждой изъ насъ принужденъ былъ положить камень и, взявъ лопаточкою известь, бросить на оной и потомъ три раза ударить молоткомъ о камень.

Какъ вышли мы изъ ровъ, то приносимы были князю поздравленія, и каменщики и народъ прокричали три раза «ура». Послѣ того пригласилъ насъ князь въ поставленной предъ квартирою его шатерь, гдѣ подчивалъ водкою, вишневою и масломъ отъ голландскихъ, содержимыхъ тутъ коровъ.

Въ сіе время приѣхалъ къ намъ нѣкто изъ тутошнихъ сосѣдственныхъ дворянъ г. Кирѣевскій, отставной майоръ и ему незнакомой человѣкъ.

Во все время до обѣда упражнялись мы въ разныхъ разговорахъ и ходили около тѣхъ мѣстъ, гдѣ быть строенію. Потомъ угощалъ насъ всѣхъ князь обѣдомъ въ томъ небольшомъ деревянномъ домикѣ, которой построенъ былъ тутъ на горѣ для жительства тутошнему управителю и архитектору, и гдѣ тогда расположились и самъ князь квартировать, а послѣ обѣда пошли мы опять прохаживаться.

Между тѣмъ примѣчалъ я всѣ поступки г-на Опухтина, дабы усмотрѣть изъ нихъ что-нибудь, могущее объяснить мнѣ, что со мною воспослѣдуетъ, и находилъ,

что ни мало еще не пахло его переменою.

Онъ былъ человѣкъ расторопной и должность свою прямо отправляющій, такъ что князь былъ имъ не иначе какъ доволенъ, а притомъ казался онъ въ наиспокойнѣйшемъ состояніи духа. Со мною, какъ съ незнакомымъ себѣ человѣкомъ, обходился онъ очень холодно и не удостоивалъ меня ни единымъ почти словомъ. Изъ всего сего не предвѣщалъ я себѣ ничего хорошаго и смотря на все сіе не весьма съ спокойнымъ духомъ, навѣрное почти заключалъ, что изъ дѣла моего ничего не выйдетъ. Однако хотѣлось мнѣ слышать, что князь говорить станетъ.

Между тѣмъ однако досадно было мнѣ, что лошади мои весь день стояли безъ корма. Князь съ десять разъ мимо ихъ прошелъ, но и не помислилъ о томъ, чтобъ велѣть мнѣ отвезти квартиру и приказать дать лошадямъ монѣе корму, и сіе не зналъ я чему приписывать.

Князь обходился впрочемъ со мною очень ласково и благопріятно, совѣтовался обо всемъ со мною, обращался и говорилъ фамиллярно, но о дѣлѣ нашемъ не упоминаемо было ни единымъ словомъ.

Послѣ обѣда звалъ онъ меня ѣхать съ нимъ прогуливаться, и кое-что осматривать, а между тѣмъ, найдя удобной случай, шепнулъ мнѣ, что онъ съ Опухтинымъ еще не говорилъ, а говорить будетъ и мнѣ скажетъ. «Хорошо!—думалъ я самъ въ себѣ; но по всему вижу, что ничему не бывать и что я проѣздить попустому».

Какъ жаръ понемногу посвалилъ, то поѣхали мы всѣ прогуливаться на ливнейкъ Опухтина. Сперва ѣдили мы осматривать гдѣ лежали камни, а потомъ проѣхали на славное Иванъ-озеро.

Тутъ не могъ я довольно надивиться, что сіе толь во всемъ свѣтѣ славное Иванъ-озеро составляло не иное что, какъ маленькую лужу или прудокъ съ десятину пространствомъ; но дѣланное во времена Петра Великаго изъ онаго въ обѣ стороны каналы и каменные плю-

ми его уже примѣчанія достой-
[не могъ зрѣніемъ на сію древ-
свольно налюбоваться и для ме-
удка сія была очень весела.
вѣтвисты въ Вобрика, отстоящіе
изъ озера версты съ десять, соби-
иттить опять гулять и ловить
, ирудѣ, выкопанномъ на горѣ, а
нок все-таки стояли невыпращен-
ювъ корма.

живело меня въ недоумѣніе. Я не
гѣ-ли мнѣ ночевать, или ѣхать
въ свою деревню и ходить уже
въ мысляхъ, оставляя князя раз-
зѣть съ Опухтинимъ о буду-
чрежденіяхъ, съ которыми онъ
юрить, какъ съ имѣющимъ быть
гое время управителемъ.

, а уже болѣе удалая и разго-
ь съ Кирѣевскимъ, которой
овѣкъ неглупой; но зачѣмъ онъ
рѣшалъ, не знаю.

ѣ вечеромъ, наконецъ, спросилъ
зѣвъ, долго-ли я пробуду въ своей
и далеко-ли она? Я ему сказала,
твенно самъ я не имѣю никакой
в приѣхалъ къ нему по его ве-

ень хорошо, судырь! сказалъ онъ,
калуйте-жъ ко мнѣ въ понедѣль-
Богородицкѣ. Тамъ мы разсмо-
ланы, чтобъ намъ можно было
описаніе».

ядложене смутило меня еще бо-
рядное это и право изрядное бу-
ю, думалъ я; поѣзжай я въ деревню
жвыи опять два дни въ скукѣ и
угѣ, а лучше а здѣсь останусь»,
у сказалъ князю, что мнѣ въ де-
воей дѣлать нечего и я лучше
ѣ-нибудъ къ мужику пристану и
это время.

ень хорошо! сказалъ онъ, такъ
те здѣсь почувите». Совсѣмъ тѣмъ
къ и о квартирѣ мнѣ опять по-

это за поступокъ?» думалъ я и
лугѣ пристать гдѣ-нибудь къ му-
купить лошадямъ корма, а дру-

гого послать за оставшимъ въ деревнѣ
моей экипажемъ.

По наступленіи вечера сталъ я откла-
ниваться, но князь удержалъ меня вмѣ-
стѣ ужинать. «Это хорошо-таки, думалъ
я, но не ночевать бы мнѣ на голой лав-
кѣ у мужика, это-то будетъ не слишкомъ
хорошо».

Совсѣмъ тѣмъ я отужиналъ и хотѣлъ
иттить, но тогда сказали мнѣ, что тутъ
для меня комната сыскана и постеля при-
готовлена. Сіе меня нѣсколько порадова-
ло, и такимъ образомъ расположился я
тутъ ночевать. Но, о! далась мнѣ эта ноч-
ка, долго была она мнѣ памятна.

Комнатка случилась какая-то малень-
кая, задняя и походившая болѣе на ка-
нуру; каравать короткая, жаръ ужасной,
духота несносная, мухъ съ три пропаста,
а сверхъ всего того безпокойныя мысли!
Но какъ бы ни было, но я ночевалъ и пре-
проводилъ сей день въ надеждѣ и сумнѣ-
ніи. Съ одной стороны по всему сомнѣвал-
ся я въ томъ, чтобъ могло воспослѣдо-
вать мнѣ опредѣленіе, а съ другой князь
не сказывалъ еще мнѣ ничего еще рѣши-
тельного и достовѣрнаго, а только передъ
вечеромъ, во время прогуливанія, отвѣдя
меня къ сторонѣ и примѣтя, можетъ быть,
мое неудовольствіе сказалъ:

— «Вы пожалуйста будьте увѣрены, что
кромѣ васъ на семь мѣстѣ никто не бу-
детъ, если г. Опухтинъ пойдетъ въ от-
ставку», что можно было толковать и такъ
и сякъ. Однако я уже заѣхалъ и хотя
тужилъ, что по пустому поѣхалъ, но дѣ-
лать было уже нечего.

По утру на другой день пошли мы опять
ходить и весь день проходили, погово-
рили и проѣздили опять по мѣстамъ раз-
нымъ. Я во все сіе время примѣчалъ и
разсматривалъ князя, и находилъ въ немъ
чудной и странной характеръ.

Казалось мнѣ, что былъ онъ меловѣкъ
очень добродушной, неслѣсивой, однако
не слишкомъ далекаго и остраго разума, а
притомъ въ мысляхъ и предпріятіяхъ не
слишкомъ основательнымъ. Сіи замѣчанія
объясняли мнѣ уже очень многое и я не
сталъ уже его поступкамъ удивляться.

Я обѣдалъ и ночевалъ опять у него; но и въ сей день не говорилъ онъ объ опредѣленіи меня ни слова, хотя я часть отъ часу болѣе примѣчалъ, что у Опухтина и на умѣ не было итти въ отставку, а неволею его столкнуть князю никакъ образомъ было не можно, да и не было и повода и причины къ тому; ибо, во-первыхъ, оказалъ онъ ему очень многія услуги и князь былъ бы неблагодарнымъ, еслибъ восхотѣлъ ему сдѣлать нѣкое неудовольствіе; во-вторыхъ, у князя, по добротѣ его души, не было столько и отваги, чтобъ сіе сдѣлать.

Однимъ словомъ, я самъ въ мысляхъ отъ князя того не требовалъ и мнѣ досадно было-бы, еслибъ онъ для меня сдѣлалъ сему достойному человѣку какое неудовольствіе, которой несъ свою должность прямо исправно и рачительно и ничего дурного не сдѣлалъ.

Совсѣмъ тѣмъ не прошелъ и сей день безъ особливаго происшествія. Князь удивилъ меня опять невѣдомо какъ однимъ страннымъ предложеніемъ, а именно: не согласишься ли я съ нимъ ѣхать въ деревню его Шавскую Сергѣевское для компаніи?

Смѣшно мнѣ это очень показалось! «И куда-то, государь мой, думалъ я тогда самъ въ себя—я попустому поѣхалъ, а туда зачѣмъ такимъ ѣхать, истинно уже не вѣдаю. И такъ я недѣли двѣ прогулялъ, а то еще недѣли три проѣздить по пустякамъ не знаю изъ какой благодати!»

Въ таковыхъ помысленіяхъ вздумалъ я отъ него от молчаться, и спросивъ долго-ли онъ проѣздить, не сказалъ ни слова, и чрезъ то принудилъ догадываться, что я туда ѣхать не намѣренъ. По счастью онъ не сталъ болѣе меня къ тому принуждать, а то бы была-бы для меня новая и великая коммисія.

Въ воскресенье, т.-е. въ самые заговоры поѣхали мы наконецъ въ Богородицъ, и заѣзжая обѣдать къ Полуинну, Федору Ивановичу, особъ особливаго примѣчанія достойной.

Онъ жилъ, какъ небогатой дворянинъ, въ своей изрядной деревушкѣ, почитался великимъ экономомъ; но въ самомъ дѣлѣ

былъ хитрой, пронырливой, лукавой, лицемерной льстецъ и користолобецъ, и происходя изъ низкаго рода, умѣлъ правдами и неправдами нажить себѣ нѣмало и подбилъ разсказами своими князю въ любовь и благоволеніе.

Тогда приѣзжалъ онъ нарочно въ Бобринки звать князя къ себѣ на перекуте и угощать его и всѣхъ насъ всащески, водилъ по своему саду и заговорилъ всѣхъ насъ своими баснями.

По приѣздѣ въ Богородицъ, которой мнѣ впервые тогда видѣть и узнать случилось, обходили и осмотрѣли мы тамъ все мѣста. Князю надлежало тогда и тутъ закладывать маленькой дворецъ и церковь, и онъ показывалъ мнѣ всѣ сдѣланныя въ тому приготовленія.

Симъ занялись мы почти до самаго ужина и я даже усталъ ходючи съ княземъ, и какъ уже не предусматривалъ въ замѣчаніи всего дальней надобности, то мнѣ все сіе начало уже и прискучивать, и я сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы скорѣй убираться домой, видя что толку нивакого нѣтъ и не будетъ.

Планъ волости Богородицкой, для смотрѣнія котораго я болѣе въ Богородицѣ ѣхалъ, былъ огромной и такъ великъ, что мнѣ не было и способа и мѣста его разсматривать; къ тому-жъ никто меня къ сему и не побуждалъ.

Мы видѣли его лежащимъ въ превеликомъ выдолбленномъ бревнѣ, въ магазинѣ, и князь не сказалъ мнѣ ни слова, а мнѣ и подавно не было нужды самому набиваться на трудъ, великую мнѣ задержку учинить могущій. Между тѣмъ, ждалъ я, что мнѣ князь скажетъ и готовился уже проситься домой, но по счастью князь и самъ не замедлилъ.

Въ вечеру, выждавъ свободное время, сказалъ онъ мнѣ: «Пойдемъ-ка судирь, походимъ!»

Я тотчасъ догадался зачѣмъ онъ меня зоветъ и не сомнѣвался, что хотѣлось ему со мною поговорить наединѣ, въ чемъ и не обманулъ.

Онъ, отвелъ меня отъ дома опухтинскаго, гдѣ онъ остановился, на нѣсколько

ишь саженъ на лужокъ подлѣ главной березками главной отъ колодезя, и видя что мы были одни, съ мною объясняться.

Говорилъ я, сказалъ онъ мнѣ, съ гнилимъ и спрашивалъ его; но онъ не хотѣлъ въ отставку и намѣренъ въ еще года два при своей должности платить долги свои; а вы видите что мнѣ по неволѣ отставить не съ онъ такъ много трудился въ приходе и волостей сихъ въ порядокъ, и мнѣ не сдѣлать ему какое-либо неудобство.

Но во мнѣ взволновалась вся пришедшии сими словъ. Я хотя и предвидѣлъ сие и къ отказу сему готовился, но духъ мой не могъ никакъ, чтобы не согласился нѣсколько въ сію рѣшительную и критическую минуту.

Итакъ тѣмъ я имѣлъ столько еще любви къ власти, что, не подавъ ему никакого знака неудовольствія и не сказавъ ему ничего, далъ ему волю сказать дагдѣ свою рѣчь.

Совсѣмъ тѣмъ, продолжалъ онъ, я изумленъ и новѣрять мнѣ какъ кому человѣку, что какъ скоро онъ выйдетъ въ отставку, то никого иного не опредѣлю кромѣ васъ».

Итакъ сие, поклонился я ему и началъ объясняться, говоря, что я сего не хотѣлъ и не просилъ и ни мало не желаю того, чтобы для меня сдѣлано г. Опухтину какое неудобство и онъ противъ хотѣнія былъ бы отъ своего мѣста.

Итакъ, ваше сіятельство! продолжалъ, въ таковомъ бы случаѣ я и самъ не желалъ бы идти на сие мѣсто, могли бы то же и со мною сдѣлать; а съ охотою возвращусь въ прежнее уединеніе, гдѣ до того времени доволенъ своимъ жребіемъ, да и надѣюсь былъ довольнымъ».

Итакъ было весьма князю сие услышавъ и сколько смущался онъ до того, протѣ души своей не зная какъ сказать отказъ, о которомъ заключено будетъ мнѣ натурально не-

приятель, столько обрадовался, вдругъ услышавъ таковой мой отзывъ.

Онъ похвалилъ образъ и расположеніе моихъ мыслей и совѣстился невѣдомо какъ, что навлекъ на меня труды и хлопоты по пустому, и не находилъ довольно словъ къ изъясненію мнѣ о томъ своего сожалѣнія. Но я тотчасъ пресѣкъ сие, сказавъ:

— «Что касается до сего, то пожалуйста, ваше сіятельство, тѣмъ не безпокойтесь; трудъ сей былъ не великъ и для меня ничего незначущій; къ тому-же ѣзда сія доставила мнѣ случай взглянуть на свою елифанскую деревнишку; слѣдовательно была не совсѣмъ пустая и для меня неотлагательна».

Князь былъ и симъ отзывомъ моимъ, какъ казалось, очень доволенъ, но вдругъ потомъ предложилъ мнѣ еще вопросъ, меня крайне удивившій. Онъ сказалъ, что ищетъ онъ еще купить для государни въ степныхъ мѣстахъ деревню душъ въ тысячу. Итакъ, ежели найдетъ, то не согласусь ли я туда ѣхать осматривать и надъ тою бы я могъ получить дирекцію.

Смутился я вновь, сие услышавъ, и воскликнулъ въ духѣ самъ въ себя: «вотъ то-то право хорошо, и не горьчица-ли сушая послѣ ужина?» и недолго думая, сказалъ ему на то отказъ совершенной, говоря прямо, что я нимало не намѣренъ не только по пустякамъ ѣхать осматривать, но и быть тамъ управителемъ.

Онъ удивился, услышавъ мой отказъ и спрашивалъ тому о причинѣ; и тутъ-то я имѣлъ случай объяснить ему то, какого сорта я человѣкъ и сколь мало помыслилъ о такихъ дѣлахъ и вещахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, правленіе тысячу душами было бы для меня уже слишкомъ низко и постыдно и нимало не встало. Всѣ его убѣдительныя причины, которыми началъ-было онъ меня стараться убавлять и къ тому склонять, опровергъ я очень скоро и не хотѣлъ о томъ и слышать. Наконецъ началъ онъ говорить о описаніи волости. Тогда предложилъ я ему, какимъ образомъ намѣренъ было я былъ оное учинить, но какъ тогда

дѣлать мнѣ уже нечего, такъ уволилъ бы онъ меня домой.

Совѣстно было уже ему, да и не можно меня удерживать и онъ принужденъ былъ на отъѣздъ мой согласиться. Совсѣмъ тѣмъ описаніе волостямъ, сочиненное мною, имѣть ему весьма хотѣлось и какъ я показалъ ему прожектъ оному, то онъ такъ имъ прельстился, что сталъ просить меня, не могу ли я оное сочинить дома и не дамъ ли ему записки о томъ, что мнѣ для объясненія всего къ тому знать потребно.

— «Хорошо! сказала я; ежели мнѣ когда дозволить время, такъ испытаю ему сдѣлать сію услугу и не премину доставить къ нему записку о томъ, что мнѣ знать для того нужно», чѣмъ онъ весьма былъ и доволенъ, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совсѣмъ не то; но я всего меньше намѣренъ былъ предпринимать сей трудъ въ пользу другихъ и по пустому. Сими тогдашній разговоръ нашъ и кончился.

Теперь расскажу вамъ смѣшной поступокъ г. Опухтина. Сей не успѣлъ узнать, что у насъ съ княземъ было кончено, какъ тотчасъ перевернулся ѡбсомъ и изъ прежняго хладнокровнаго человѣка сдѣлался ко мнѣ ласковымъ и благопріятнымъ.

До того не имѣлъ онъ объ лошадахъ моихъ никакого попеченія, а тогда вздумалъ мнѣ выговаривать, для чего я сталъ на особую квартиру и убѣждалъ просьбою какъ гостя, чтобъ я къ нему переѣхалъ, но я не хотѣлъ ни подъ какимъ видомъ на то согласиться и довелъ до того, что онъ сказалъ о томъ даже князю; а тогда и князь сталъ говорить и, упусти время, вздумалъ спрашивать, не покупаю ли уже я овесъ и сѣно?

Усмѣхнулся я тогда и не сказалъ на сіе ни слова, и видно было, что князю было тогда очень совѣстно. Итакъ, принужденъ я былъ въ удовольствіе князя экипажу своему велѣть переѣхать и вмѣстѣ съ нимъ ужиналъ и ночевалъ.

Какъ Опухтинъ жилъ тогда въ тѣсномъ флигелѣ, то для ночлега отвели мнѣ

особый маленькой покои въ новопостроенномъ только и не совсѣмъ еще отдѣланномъ домѣ.

Тутъ, лежучи въ уединеніи, имѣлъ я довольно досуга и времени размышлять обо всемъ случившемся со мною, и размышленія сіи, соединенныя съ духомъ не весьма спокойнымъ, не допустили меня долго заснуть; а поутру, проснувшись, не сталъ я уже долго медлать, но распрощавшись съ княземъ, поѣхалъ домой.

Сими образомъ кончилось мое дѣло и я ѣздилъ, по пословицѣ говоря, прямо «за семь верстъ кисея ѣсть» и потерялъ время множество понапрасну и не сдѣлалъ ничего. Но какъ я по философическимъ своимъ тогдашнимъ мыслямъ не дѣлалъ изъ всего дѣла сего дальней важности, да и не имѣлъ слишкомъ сильнаго желанія къ сему чину и мѣсту, то снесъ я сію неудачу очень съ спокойнымъ духомъ.

У меня свалилась равно какъ превеликая гора со плечъ и я поѣхалъ назадъ еще съ спокойнѣйшимъ духомъ, нежели съ каковымъ туда ѣхалъ.

А много помогло къ тому и то, что я, будучи и въ Бобрिकाхъ и въ Богородицѣ, имѣлъ случай насмотрѣться, что должность управительская тутъ была не такъ спокойна, каковою я ее себѣ сначала воображалъ; но по случаю производимыхъ тутъ великихъ и многихъ строеній и другихъ обстоятельствъ, сопряжена была съ безчисленными трудами, заботами и хлопотами, кои показались мнѣ такъ велики, что я ясно видѣлъ, что въ случаѣ опредѣленія меня тогда къ сему мѣсту, вышло-бы жалованье мнѣ прямо сокомъ и я, лишившись не только свободы, но и всѣхъ любимыхъ моихъ упражненій, скоро бы всѣмъ тѣмъ наскучилъ и легко могъ бы раскаяться, что промѣнялъ драгоценную свою свободу на неволю, съ безчисленными хлопотами сопряженную. Совсѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сколь я ни великодушествовалъ, но не могъ избавиться отъ нѣкоторыхъ смущающихъ временно меня мыслей.

Обстоятельство, что слухъ о поѣздѣ моей во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ

рогранился; что всё полагали за то, что я возвращусь не иначе как управителемъ, и что приѣхавъ ни съ и равно какъ осмѣяннымъ, подамъ къ разнымъ сужденіямъ и перемѣнамъ, а завистникамъ къ самымъ напѣвамъ и прочее, смущали и тревожили мои еще чувствительнѣе и тяжелѣе самая неудача. И мнѣ по-прежнему было прямо философическое расхожденіе духа къ вооруженію себя спосредствомъ переносить всё такіе пересуды и

случившимся описаніемъ моего обихода путешествія обременять васъ по-прежнему совсѣмъ за излишнее, а только какъ скажу, что, выѣхавъ изъ Богородицка, поѣхалъ я уже прямо большою дорогою чрезъ Дедюховъ въ Тулу и далѣе, а во время сего двухдневнаго путешествія не случилось со мною ничего особеннаго, кромѣ того, что я во время ѣзды и сидючи одинъ въ своей маленькаго паролѣ, имѣлъ еще болѣе времени и ту размышлять обо всемъ происшедшемъ въ послѣдніе дни и вообще обо всемъ этомъ дѣлѣ, и что чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ чуднѣе, удивительнѣе и непостижимѣе мнѣ все протекшее сіе казалось.

Видя, какъ уже издавна вѣрить и не сомнѣваться въ томъ, что все дѣлается по воле Господней, и что все происходитъ съ нами по смотрѣнію, распоряженію Промысла Господня, хотя и не сомнѣвался я, что и въ все сіе происходило по волѣ моего Господа, но не могъ никакъ понять, для чего же сіе такъ тогда случилось со мною, и могъ всему тому довольно надивиться. Не иначе относилъ то, какъ къ нежданному и неисповѣдимому объ насъ благу Господнему и утѣшалъ себя главнѣйше тѣмъ, что неизвѣстно еще, не къ пользѣ ли еще моей все такъ, и иначе дѣлалось, и что сего всего гдѣ отъ благодати Господней ожидать нечего.

Послѣдствія и оказали, что я въ зачтеніяхъ таковыхъ нимаю тогда не боялся, ибо, ахъ! сколь мало зналъ я

тогда все то, что должно было произойти послѣ и чему надлежало еще предсказывать прежде, нежели совершится то, что Провидѣнію угодно было учинить наконецъ со мною.

Но письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ и мнѣ пора его кончить и сказать, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 10 дня 1808 года).

Письмо 160-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ обрушились вдругъ всё воздушныя замки, строимыя до того въ мысляхъ мною и всѣми родными и пріятелями моими, и исчезли какъ тѣнь всё наши лестныя надежды.

Я не зналъ какъ мнѣ показаться будетъ къ своимъ домашнимъ, и какъ сообщить имъ такое извѣстіе, о которомъ былъ я совершенно удостовѣренъ, что будетъ оно имъ не весьма пріятно и радостно.

Подумавши о семъ, другого не находилъ, какъ при возвращеніи принять на себя веселый видъ и обратить все дѣло въ смѣхъ и шутку. Какъ вздумалось, такъ и сдѣлалъ.

Я возвратился домой на другой день по выѣздѣ изъ Богородицка. Было сіе въ исходѣ уже мая и 28-го числа онаго. Я засталъ противъ всякаго чаянія въ домѣ у себя множество гостей и все были однѣ боярыни и между ними многія такия, которыя никогда еще у насъ до того не бывали. Сіе было для меня не весьма пріятно и тѣмъ болѣе побуждало принять на себя веселую личину.

Всѣ родныя мои, услышавъ о приѣздѣ моемъ, выбѣжали меня встрѣчать и радость у нихъ написана была на глазахъ, когда увидѣли они, что я возвратился съ веселымъ, а не унылымъ духомъ. Но радость сія продолжалась недолго.

Не успѣли они, обступивъ меня, начать наперывъ другъ предъ другомъ спрашивать и говорить: «ну? что? что? и смѣялись поздравить съ...».

— Конечно, конечно! — засмѣявшись го-

ворилъ я имъ въ отвѣтъ—съ благополучнымъ возвращеніемъ въ Дворяниново!

Сіе слово составило для нихъ новую загадку. Всѣ онѣ опять воскликнули:

— «Это мы знаемъ и поздравляемъ; но тамъ-то что? Ель, или сосна?»

— Этого я уже ничего не знаю—отвѣчалъ я имъ,—но у васъ только спрошу: видали-ли вы, какъ маленькія дѣти пускаютъ на воздухъ мыльные пузыри, такіе прекрасные, разноцвѣтные и какъ на нихъ галатся и ими веселятся?

— «Какъ не видать, подхватили онѣ; но это къ чему и что за вопросъ?»

— А къ тому—сказалъ я,—что и со мною случилось нѣчто тому подобное, и я также галился и веселился, смотря на пузырьки воздушной, а можетъ быть и вы также, и пузырьки этого наконецъ треснули и всѣ наши прекрасные призраки исчезли... и не осталось ничего.

Сіе слово осадило ихъ всѣхъ. Онѣ вдругъ замолкли, задумались и не знали, что говорить далѣе. Но видя, что я смѣюсь и хохочу, опять нѣсколько ободрились и спросили:

— «Ну что, право, полно шутить, а скажи-ка намъ безъ издѣвки и сущую правду и успокой наши мысли.»

— Желалъ бы душевно,—сказалъ я,—но, ну, если это не можно! Ну, если я нимало не лгу и не шучу, и мнѣ много сказать вамъ нечего, кромѣ того, что ѣздилъ ни почто, привезъ ничего.

— «Какъ? какъ? воскликнули онѣ всѣ, неужели вправду ничего?»

— Конечно!—сказалъ я,—но чему тому и дивиться? Не съ тѣми ли мыслями я и поѣхалъ туда, что врядъ ли чему бывать, а это и совершилось дѣйствительно. Опухтинъ въ отставку не пошелъ и дѣло тѣмъ кончилось. Я принужденъ былъ, не солоно похлѣбавъ, ѣхать домой и питаться пустою надеждою, что вѣрно опредѣленъ буду тогда, когда ему захочется итти въ отставку; а его, я думаю, и самъ сатана оттуда не вытуритъ никогда и чортъ ли велитъ ему разстаться добровольно съ такимъ прекраснымъ, знаменитымъ и приточнымъ мѣстомъ.

Услышавъ сіе всѣ ближія мои родни повѣсили голову, а тетка наша, г-жа Арцыбшева съ чувствительною досадою сказала:

— «Да князь-то что-жъ? зачѣмъ же онъ призываетъ-то тебя и волочитъ ни за что ни прочто въ такую даль?»

— «Лихая знать его болѣсть тамъ дѣвила! подхватила огорченная жена моя, а убитковъ-та, убитковъ сколько намъ доставилъ? Видно, самъ онъ негодной человѣкъ!»

— Нѣтъ, матушка! не брани ты князя. Объ немъ я прямо скажу, что онъ наилучшій человѣкъ и я истинно даже полюбилъ его за его добродушіе и оказанную его ко мнѣ ласку и благопріятство.

— «Но умилосердись! подхватила тетка,—хорошъ, хорошъ, а сотворилъ такую глупость! Какъ же бы ему напередъ не узнать, пойдеть ли Опухтинъ, или не пойдеть въ отставку? И зачѣмъ, ни дай ни вынеси, отрывать человѣка отъ дома, волочить и въ Москву и въ такую даль, и оставить наконецъ безо всего и почти въ стыдѣ и обидѣ, и есть въ немъ только умъ и хоть на волосъ разсудка?»

— Объ этомъ я вамъ не могу ничего сказать, отвѣчалъ я:—а только знаю, что дѣло не состоялось и что вынелъ изъ всего одинъ только пустякъ совершенной. А какъ все это и по какимъ обстоятельствамъ и отчего произошло, всего того не знаю и не понимаю и всему только самъ удивляюсь; а все это знаетъ только тотъ, кто нашими жребіями и дѣлами распоряжаетъ. Но что о томъ болѣе говорить; видно, что святой его воля для какихъ-нибудь его святыхъ и неизвѣстныхъ намъ причинъ было не угодно, чтобъ дѣлу самому такъ кончиться, какъ намъ хотѣлось и намъ не остается въ семъ случаѣ ничего говорить. Его святая воля да буди во всемъ съ нами! А славу Богу, что вы видите меня опять здѣсь. Я истинно нимало о томъ не сокрушаюсь, а радъ еще, что избавился отъ безчисленныхъ хлопотъ и не потерялъ еще своей драгоценной свободы и возвратился опять въ милое и любезное свое уединеніе. Богъ

ни тамъ и совсѣмъ!— А скажите-ка лучше, что у васъ, здѣсь, все ли здорово, и что наши маленькія дѣти? Ахъ!— подхватила на сіе жена моя, вотъ-то, батюшка, не слышомъ хо- Стенанъ нашъ лежитъ боленъ въ Сенниѣ, куда увезла его къ Авдотья Александровна; ты же, какъ она его любитъ. А любезной Маѣ (такъ обыкновенно называли нашего сына) едва живъ и ни ему не отправляться на тотъ же къ своему старшему брату; а что еще хуже, то проклятая воспа вошла къ намъ во дворъ».

Ну, вотъ, это-то нехорошо, и прямо ошело!— сказалъ я, поразившись симъ важнымъ извѣстіемъ. Но что-жь!— сказалъ я опять ободрившись, — и въ да будетъ воля Господня; мы всѣ же, вѣсти и что ему угодно, то пусть совершается! А пойдемъ-ка мы и къ гостямъ нашимъ;— ибо все сіе шла ми въ нашей столовой, куда я шелъ, чтобъ съ дороги сколько-нибудь отдохнуть.

Видя сіе и протуривъ ихъ къ гостямъ, я оправляясь и обтираться отъ лица, чтобъ не показаться чучелою и въ тотомъ вслѣдъ за ними. Но съ ни сили едва успѣлъ я раскланяться, ми въ самое то время собирились ѣхать, чему я и весьма былъ радъ, и въ нужно было съ дороги отдох-

но долго удалось мнѣ попользоваться отдохновеніемъ и мѣсяцъ сей ровно назначенъ былъ къ тому, чтобъ мнѣ кой сначала и до конца находиться непрерывныхъ волокитахъ; ибо (не съ) настать послѣдующій день, какъ шла къ намъ г-жа Щербинина ть, что она отъѣзжаетъ въ свои ская деревни и желаетъ, чтобъ мы шли къ ней проститься.

Видя, принужденъ мы были къ ней ѣхать, и я тѣмъ охотнѣе туда ѣхалъ, что юсь мнѣ узнать, что произвела моя книга къ нимъ книга.

ѣхали въ Сеннино и взявъ съ собою

г-жу Ладыженскую и приѣхавъ въ Якиннино, нашли тамъ многихъ и другихъ нашихъ родныхъ и знакомыхъ, живущихъ при берегахъ Ока-рѣки. Но къ сожалѣнію, самого сына г-жи Щербининой я уже не засталъ при ней.

Но какъ обрадованъ я былъ, когда она, возвращая мнѣ всѣ мои книги, вручила мнѣ отъ него письмо, въ которомъ онъ, приписывая книгѣ моей невѣдомо сколько похвалъ, увѣрялъ, что она ему такъ полюбилась, что желалъ бы даже списать для себя оную.

Легко можно заключить, что сіе было для меня очень приятно. Это было еще въ первой разъ, что отдавалъ я книгу сію читать въ люди, и когда-бъ имѣла она и всегда такое счастье, какъ при семъ случаѣ!

Человѣкъ, обожавшій даже Вольтера и зараженный его мыслями, ее читалъ и несмотря, что въ ней были прямо противныя вольтерскимъ мысли, такъ ее полюбилъ, что въ письмѣ своемъ признавался мнѣ, что она очень хороша, возбуждаетъ чрезвычайно любопытство и всѣ наставленія весьма полезны, и что для самаго того онъ и проситъ, чтобъ дать ему ее списать, когда кончу.

Сего было уже довольно и предовольно для меня и вѣчто такое, чего я нисколько не ожидалъ, а думалъ, что гг. вольтеристы ее не инако какъ поднимутъ на смѣхъ.

Такимъ образомъ распрощались мы съ г-жею Щербининою, не воображая себя ни мало, что то было въ послѣдній разъ и что мы ее болѣе не увидимъ. Она поручила мнѣ многія комисіи, которыя обѣщала я ей выполнить. Она поѣхала тогда въ псковскія свои деревни, а мы возвратились домой.

Симъ кончился тогда нашъ май, котораго, приятнѣйшаго мѣсяца, я въ сей годъ почти и не видалъ. Князь проводилъ меня во весь оной и я былъ все въ ѣздѣ и въ отлучкахъ; а тогда остепенившись, опять къ удовольствію моему, въ домѣ принялся я за прежнія свои упражненія. Сады давно уже ожидали моего къ себѣ возвращенія. Тысячи дѣлъ встрѣчались

въ нихъ со мною и мнѣ оставалось только успѣвать ихъ производить и исправлять все упущенное.

Въ праздные же часы и минуты принялся я продолжать переписывать набѣло книгу мою «О благополучіи» и спѣшилъ окончить первую часть, которой оставалось уже немного.

Между тѣмъ не позабылъ я и объ обѣщаніи, данномъ князю Гагарину. Я упоминалъ уже, что ему хотя и совѣстно было навязывать на меня трудъ, къ описанію волостей потребной, однако просилъ меня убѣдительно, чтобъ я взялъ на себя сей трудъ хотя дома и прислалъ бы къ нему записку о справкахъ, какія къ тому надобны.

Сіе я ему тогда обѣщалъ, хотя не зная самъ исполню ли то, или нѣтъ; ибо у меня прошла уже охота влетаться въ сіе дѣло и добиваться сего мѣста, которое вышло у меня совсѣмъ уже изъ головы, и нимало меня не беспокоило. Однако, думая, что князь можетъ годиться мнѣ когда-нибудь впредь и что обмануть мнѣ его дурно, рѣшился пожертвовать ему немногимъ трудомъ.

Итакъ, сѣвъ, намахалъ цѣлыхъ 96 вопросовъ или пунктовъ, на которые мнѣ нужны были объясненія и отправилъ въ Тулу, для пересылки къ нему при письмѣ, предавая впрочемъ на произволь ихъ, станутъ-ли они объяснять мнѣ помянутые вопросы, или нѣтъ.

Теперь признаюсь, что при сочиненіи сихъ вопросовъ употребилъ я небольшую политку и расположилъ ихъ такъ, чтобъ они доставили г. Опухтину доброй купою работы и навели ему столько хлопотъ и затрудненій, что потерялъ бы онъ охоту загребать жаръ чужими руками. Ибо по всей справедливости описаніе волостямъ сочинять надлежало-бы ему, какъ обо всѣхъ обстоятельствахъ и о состояніи волостей свѣдущему человѣку. Словомъ, я употребилъ хитрость противъ хитрости и она мнѣ и удалась.

Опухтинъ, какъ я послѣ узналъ, прочитавъ вопросы мои, такъ труда сопряженнаго съ объясненіемъ ихъ испужалъ-

ся, что и не подумалъ приступить къ нему и положить ихъ, несмотря на все великое желаніе князя, въ долгой ящикъ, въ которомъ они благополучно и истгли; а я чрезъ то избавился отъ труда превеликаго и совсѣмъ для меня безвлезнаго. Не сомнѣваясь, что при чтаніи оныхъ, благословлялъ онъ меня изрядными клятвами, но я съ моей стороны довольно былъ тѣмъ, что данное свое обѣщаніе исполнилъ, а отъ дальнѣйшаго труда удачно отдѣлался.

Теперь кстати расскажу вамъ и о истинныхъ причинахъ какъ пріема моего, такъ и тщетной волокиты и неудачи, которая сдѣлалась мнѣ послѣ и не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ извѣстными. Всему тому былъ главною и единственною причиною сей г. Опухтинъ, и вотъ какимъ образомъ все происходило.

Сей хитрой и съ одной стороны сколько умной и проворной, столько съ другой крайне любочестивой и корыстолюбивой человѣкъ, имѣлъ тогда еще очень маленькой чинъ и достатокъ небольшой, когда сдѣлался князю знакомымъ и опредѣленъ былъ къ управленію сими обширными и въ большомъ безпорядкѣ бывшими волостями, по соединеніи оныхъ вмѣстѣ и по врученіи ихъ отъ покойной императрицы въ особенное вѣдомство и дирекцію князю Гагарину.

Будучи бойкимъ, умнымъ и проворнымъ человекомъ умѣлъ онъ скоро подбитъ князю въ милость и воспользовавшись откровенною добротою его сердца и слабостью прочаго его душевнаго характера, довести до того, что князь ввѣрился ему во всемъ и былъ всѣмъ поведеніемъ его доволенъ.

И какъ объ волости хотѣлось князю привести въ лучшій порядокъ и всѣмъ имъ чрезъ порядочное расселеніе придать иной лучшій и блестящій видъ, то и дѣйствительно трудился г. Опухтинъ при семъ расселеніи оныхъ и приведеніи въ лучшій порядокъ и состояніе очень много, и тѣмъ доказалъ князю и трудолюбіе свое и усердность.

Однако онъ не позабылъ при томъ и себя, и за всѣ труды и старанія свои ставилъ князя платить себѣ очень дорого. Не удовольствуясь тѣмъ, что по хитрости своей не разоряя нисколько мужиковъ и не навязывая собственно ничѣмъ отъ нихъ, а другими и сокровенными средствами и путями,—какъ-то плутовскою отдѣлкою въ налимъ многихъ тысячъ десятинъ налимней земли, введеніемъ множества разорительныхъ кабаковъ и прочимъ такими тайными уловками набилъ себѣ туго карманы,—доволь онъ слабого и добродушнаго князя до того, что онъ, шипрашкая ему отъ императрицы чинъ за чинкомъ, доставилъ ему наконецъ даже чинъ полковничій, а сверхъ того убѣдилъ его выпросить ему отъ государыни десять тысячъ рублей денегъ на десять гѣтъ займы безъ процентовъ, что все равно было какъ подарить оными.

Но всего того было еще для сего аличнаго честолюбца недостаточно. Но какъ узналъ онъ, что императрица угодно было приказать воздвигнуть въ обѣихъ волостяхъ снѣкъ, по собственнымъ ея планамъ, многія и важныя каменные зданія и всѣ нужныя приуготовленія были къ тому сдѣланы; то вѣдая, сколь много князю онъ при семъ случаѣ будетъ необходимо нуженъ и надобенъ, вздумалъ воспользоваться симъ случаемъ и чрезъ князя хитрить себѣ еще какую-нибудь знаменитую выгоду.

И какъ по причинѣ недавно полученнаго чина прямо о томъ князя просить было бы ему уже совѣстно, да и слишкомъ нагло, то рѣшился онъ итти другимъ путемъ и достигнуть до того коварствомъ, чего не можно было получить прямыми средствами.

И какъ князь находился тогда въ Петербургѣ и получалъ отъ государыни планы для помянутыхъ строеній, то въ самой сей критической пунктъ времени и отписавъ онъ къ князю, что онъ болѣе служить не намѣренъ и просить о увольненіи себя отъ должности, хотя въ самомъ дѣлѣ въ отставку итти у него и на умѣ не было, а сдѣлалъ онъ сіе един-

ственно для того, чтобъ добродушнаго князя пугнуть и побудить тѣмъ выхлопотать для себя еще либо чинъ, либо иную какую важную выгоду, ибо не сомнѣвался въ томъ, что князь будетъ его убѣждать просьбою, чтобъ онъ остался и въ подкрѣпленіе просьбы своей то неотмѣнно сдѣлаетъ.

Но не то воспослѣдовало, что онъ думалъ и чего ожидать. Князя сіе дѣйствительно впряхъ перетревожило и онъ не зналъ какъ быть и что дѣлать и можетъ быть и учинилъ-бы что-нибудь ему въ новую пользу, еслибы, по несчастію Опухтина, сама судьба не привела его, въ самую сію разстройку мыслей, въ собраніе нашего Экономическаго Общества и не побудила изъявить г. Нартову и всѣмъ членамъ своего нестроенія въ разсужденіи просьбы г. Опухтина о его увольненіи. Нартовъ и всѣ члены не успѣли услышать, что онъ горюетъ и не знаетъ гдѣ бы отыскать достойнаго и способнаго на его мѣсто человѣка, какъ всѣ начали ему предлагать и наперерывъ другъ предъ другомъ расхваливать меня. И какъ и самому князю я по сочиненіямъ моимъ былъ извѣстенъ, то и пригласился онъ ко мнѣ и, успокоившись мыслями, по самому тому и велѣлъ ко мнѣ писать, а Опухтину далъ знать, что онъ оставляетъ дѣло его до его приѣзда въ Бобринки.

Вотъ причина, для которой я выписанъ былъ въ Москву. Князю хотѣлось меня видѣть и лично узнать гожесть-ли я къ сему мѣсту; и какъ онъ нашелъ во мнѣ всѣ нужныя къ тому способности, но не хотѣлось ему и съ Опухтинимъ, какъ съ опытнымъ и извѣстнымъ ему уже человѣкомъ, въ такой критической пунктъ времени разгаться, а по добротѣ сердца своего не хотѣлось Опухтина и неволею отставить и сдѣлать ему неудовольствіе; то самое сіе и побудило его велѣть мнѣ приѣхать въ Бобринки, гдѣ не успѣлъ г. Опухтинъ увидѣть, что на его мѣсто готовъ уже и другой, ничѣмъ его не худшій, а можетъ быть еще и способнѣйшій и честнѣйшій человѣкъ, какъ

вдругъ перевернулся бѣсомъ и вмѣсто просьбы о увольненіи, сталъ убѣдительно-нѣжнымъ образомъ князя упрашивать, чтобъ онъ оставилъ его еще года на два, будто-бы для того, чтобъ успѣть ему расплатиться съ своими долгами, которыхъ на немъ и не было, или и были, но прошедшіе отъ покупки себѣ многихъ деревень. А симъ-то образомъ князь, по добротѣ души своей, его и принужденъ былъ оставить и отпустить меня ни съ чѣмъ и что исполнилъ онъ неинако, какъ съ истиннымъ сожалѣніемъ и угрызеніемъ совѣсти. И вотъ истинная всему произшествію со мною причина! Но я удалился уже отъ нити своей исторіи. Теперь возвращусь къ оной.

Такимъ образомъ осѣлся я дома и могу безпристрастно сказать, что съ удовольствіемъ; ибо какъ та святая истина была мнѣ довольно свѣдома, что никогда намъ неизвѣстно, гдѣ можно найти и гдѣ потерять, то и немного помышлялъ я о минувшемъ дѣлѣ и очень скоро все прошедшее позабылъ и сожалѣнія не имѣлъ ни на волосъ; да и можно-ли сожалѣть о томъ, къ чему не гораздо велико было и желаніе.

Остепенившись дома, не сталъ я терять времени, но приступилъ къ столь давно уже предпринимаемому раздѣлу обмежеванной тогда уже совѣмъ пустоши нашей Шаховой. Она была у насъ общая у всѣхъ и мы давно уже располагались раздѣлить ее по дачамъ. И какъ наступало тогда время паханія паровой земли, то и спѣшилъ я раздѣлить оную.

Работы и трудовъ имѣлъ я и при семъ случаѣ довольно, и нѣсколько дней сразу принужденъ былъ препроводить въ полѣ и всякой день работать до усталости, а сверхъ того еще по межевымъ дѣламъ и въ Серпуховѣ раза два по пустому съѣздить. Наконецъ дошло дѣло до раздѣла. Сперва раздѣляли мы по особымъ спеціальнымъ и акуратнѣйшимъ образомъ сочиненнымъ мною планамъ, и дабы не было никому предъ другимъ обидно, то положили во всемъ кидать жеребій, которой мы 12-го числа іюня и кидали, а

13-го числа разрѣшали все въ натурѣ наисправедливѣйшимъ образомъ.

Между тѣмъ и дома было у меня дѣла. Я принялся за свою сажелку на горѣ передъ домою и началъ ее отдѣлывать. Тутъ вздумалось мнѣ посправить старинной колодезь и окласть его камнемъ, а сіе подало поводъ и къ обдѣланію всего этого мѣста. И могу сказать, что я веселился всякой день сею работою и находилъ въ томъ новое средство къ умноженію своего благополучія.

По раздѣленіи Шаховской пустоши убѣжденъ я былъ сосѣдями своими къ раздѣленію такимъ же образомъ и пустоши Щоголевоу, которое дѣло и начали 18-го числа раздѣленіемъ напередъ земли паровой, а потомъ начали и прочее снимать на планъ; но та бѣда, что не одно было дѣло, а надобно было хлопотать по межевымъ дѣламъ въ Серпуховѣ.

Итакъ, 15-го числа ѣздивъ я опять въ Серпуховъ къ межевщику и опять по пустому: волостныхъ повѣренныхъ не было и мы проволочились понапрасну. Другое помѣшательство было то, что мнѣ необходимо надобно было побывать въ Алексинѣ, гдѣ нужно мнѣ было исправить два дѣла, и въ-первыхъ—отдать на поселеніе челоуѣка, а во-вторыхъ протестовать вексель покойнаго Матвѣя Никитича, хранимой мною въ залогѣ. Итакъ, проѣздивъ я и туда три дни, но 21-го числа взялъ я уже отдохновеніе. Безпрестанныя ѣзды такъ меня обезпокоили, что нужда была и въ покойѣ.

Отдохновеніе мое состояло не въ праздности, а въ письменныхъ упражненіяхъ. Это уже издавна составляло мое отдохновеніе и могу сказать, что я всегда отдыхаю, когда пишу. Работа моя тогда состояла въ началѣ переписыванія второй части сочиненія моего «О благополучіи», котораго первую половину имѣлъ я уже удовольствіе видѣть въ прекрасномъ переплетѣ, а сіе самое и побудило меня спѣшить переписываніемъ второй части.

Вечеру сего дня получилъ я опять зазывную грамоту изъ Серпухова, т.-е. письмо отъ межевщика, чтобъ я пріѣхалъ

мириться съ волостными. Итакъ, 22-го числа полетѣлъ я опять туда и захватилъ другу моему г. Полонскому и перешелъ у него, прѣхалъ на утро въ Серпуховъ.

Но жѣда моя и въ сей разъ была по престому. Межевщика не засталъ я дома за отъѣдомъ въ уѣздъ для межеванья, а видѣлся только съ повѣреннымъ Наринкина, Пестовымъ.

Сей требовалъ отъ меня отдачи, въ силу вѣданныхъ полюбовныхъ нашихъ сказокъ, 30 десятинъ земли; но я притворился будто забылъ какъ тамъ написано было, да и не зналъ гдѣ она, и говорилъ, чтобъ онъ отыскалъ ее; а сверхъ того намекалъ ему, что не дойдетъ-ли дѣло подать ему свидѣнїе о земляхъ волостныхъ подробное по всѣмъ пустошамъ такъ, какъ по закону межевымъ слѣдуетъ. Сими словами смутилъ я его до чрезвычайности и оставилъ въ великомъ недоумѣнїи.

Возвратившись домой, ополчился я на среднїя липовы шпалеры, въ верхнемъ саду моемъ находящїяся. Какъ онъ разрослись и не пользу, а тотъ вредъ производили, что всѣ кущи отъ сада моего по вѣтрамъ ихъ бѣгали, то задумалось мнѣ вособить сему злу подчисткою оныхъ сажу и вырубленїемъ изъ нихъ всѣхъ веточекъ. Черезъ самое то сдѣлалъ я ихъ вращаемыми и провѣл въ впервыя тотъ мѣдъ, какой дорога сія имѣетъ нынѣ.

26-го числа принялся я опять за домашнюю свою межевую работу и снималъ планъ съ нашей пустоши — Щиголовой, для предприняемаго раздѣла и прилужденъ былъ также и за нею провести цѣлой день въ работѣ.

Въ послѣдующїй за сїмъ день, а именно 26-го іюня имѣли мы наконецъ столь далеко возжелѣнное удовольствїе кончить наше межевое спорное дѣло съ волостными и все уже какъ съ ними помириться. Провскодило сіе въ Серпуховѣ, куда мы опять для сего ѣздили. Мы нашимъ тамъ повѣреннаго саламыковскаго, г. Пестова, въ превеликихъ хлопотахъ и весьма озабоченнымъ по случаю пропажи вѣчебной нашей связи. Они съ ме-

жевичкомъ съ ногъ сбились ея донски-

ваясь и перерыли всѣ бумаги, переходившія изъ рукъ въ руки и отъ одного межевщика къ другому и сказывали мнѣ свое о томъ удивленїе.

Я притворился, будто ничего объ ней не знаю и удивляюсь съ ними тому равномѣрно, но говорилъ, что безъ ней никакъ мириться не хочу, а по открывшимся вновь обстоятельствамъ и оказавшемся въ волостяхъ уже примѣрѣ, а не недостаткѣ, не намѣренъ уже давать ни одного шага земли своей г. Пестову.

Оперва считалъ онъ сіе надѣвкою и думалъ, что я шучу, но увидѣвъ, что я говорю то не шутя, смутился до безконечности и не зналъ наконецъ что дѣлать; а особливо когда при сдѣлавшейся у насъ съ нимъ о томъ небольшой размовкѣ, сталъ я настоятельно требовать, чтобъ онъ подалъ свидѣнїе о земляхъ своихъ справедливое, а не такое плутовское, какое подано отъ него прежде, и пользовалъ которымъ успѣлъ онъ обидѣть толь многихъ добрыхъ людей и отнять несправедливѣйшимъ образомъ у нихъ земли, и грозилъ если онъ не помирится со мною ни на чемъ, а на старомъ владѣнїи, подать о томъ извѣтъ въ межевую контору. Сіе его такъ утратило, что сколько онъ ни прыгалъ и ни гнѣвался на то, что не является сказка и сколько ни твердилъ, что прошажа сія не можетъ остаться безъ слѣдствїя, однако принужденъ былъ наконецъ остаться и при помощи межевщика меня уже нанубѣдительнѣйшимъ образомъ просить, чтобъ я когда не всѣ 30 десятинъ, на которыхъ мы было-помирились, такъ хотя-бъ сколько-нибудь ему земли далъ, дабы не было имени, что онъ помирится съ нами на старомъ владѣнїи.

Убѣждалъ онъ меня къ тому наиболѣе тѣмъ, что онъ успѣлъ уже донести Льву Александровичу о примиренїи съ нами съ нѣкоторымъ прїобрѣтенїемъ, слѣдовательно ему, какъ его подкомандующему, будетъ явная бѣда, если сдѣлается сіе инако, и чтобъ я сдѣлалъ сіе изъ единого великодушїя къ нему.

Я долго не хотѣлъ-было и на сіе согласиться, но какъ началъ онъ просить меня почти кланяясь мнѣ въ ноги, да и межвѣщивъ сталъ убѣждать насъ своею просьбою, то мы, смолвившись съ братьями, для скорѣйшаго окончанія всего дѣла и избѣжанія дальнѣйшихъ хлопотъ, и рѣшились пожертвовать десятью десятинами самой негоднѣйшей земли на нашихъ Воробьевыхъ-горахъ и сямъ бездѣльникамъ ее бросить, чѣмъ наконецъ онъ былъ уже и доволенъ и съ превеликою радостью подписалъ вновь написанную о томъ полюбовную сказку; чѣмъ тогда все наше межевое съ нимъ дѣло и окончилось и мы всѣ съ торжествомъ возвратились во-своаки.

Не успѣли мы сего кончить, какъ по приѣздѣ своемъ домой приступили къ раздѣлу и пустоши нашей Щиголовой, и кинувъ жеребій, 28-го числа разрѣзали и оную по числу нашихъ дачъ на разныя руки и тѣмъ совершили и сіе великое дѣло.

Послѣдующій за симъ день былъ достопамятенъ тѣмъ, что противъ всякаго чаянія лишились мы въ оной одного своего и всѣми нами любимаго сосѣда, Алексѣя Ивановича Руднева, жившаго въ деревнѣ Полозовѣ. Никто не ожидалъ толь равновременной смерти сего молодого человѣка. Умеръ онъ отъ самой бездѣлицы. Издивъ моляться Богу въ Троицкой Сергіевъ монастырь и будучи на-веселѣ, сталъ выходить изъ коляски и зашибъ какъ-то немного ногу, къ чему прикинулся антоновъ огонь, а отъ него и умеръ онъ, страдая боги трехъ недѣль мучительнѣйшимъ образомъ, оставивъ по себѣ жену и малыхъ дѣтей съ долгомъ 300 рублей и прямо въ жалостнѣйшемъ положеніи. Мы узнали обо всемъ томъ вмѣстѣ съ его кончиною и сожалѣли крайне, что не знали того прежде, а то можно-бы было чѣмъ-нибудь и помочь.

На Петровъ день положили-было мы ѣхать въ гости въ Тарусскую уѣздъ къ другу нашему, Осипу Васильевичу Гурьеву, подзывавшему уже насъ давно къ себѣ къ сему времени, дабы вкушъ по-

бывать и на ярманкѣ, въ Тарусѣ въ это время бываемой; но остановило насъ то, что надобно было побывать у приѣхавшаго въ Котово сосѣда и пріятеля нашего, Алексѣя Іоновича Темешова съ молодою его женою; ибо онъ наконецъ женился не на Срезневой, а на г-жѣ Лопатиной, доводившейся намъ къ-сколькѣ въ сватовствѣ, потому что родная ея сестра была за роднымъ дядею жены моей.

Итакъ, мы ѣздили послѣ обѣда къ нему, а въ Тарусу отправились мы уже въ слѣдующее послѣднее число іюня рано и успѣли приѣхать къ г-ну Гурьеву къ обѣду. Мы взяли туда съ собою и обоихъ старшихъ дѣтей нашихъ, ибо къ сему времени выдоровѣлъ и сынъ нашъ Степанъ отъ своей сыни и мы въ первой еще разъ повезли его съ собою въ люди; но увъ! сколь мало знали мы тогда, что сіе было и впервые и впослѣдніе.

По особливому дружеству къ нашему дому, были намъ хозяева чрезвычайно рады и старались угостить насъ всевозможнѣйшимъ образомъ, и я могу сказать, что всегда ѣзжалъ и бывалъ я у нихъ съ особливимъ удовольствіемъ.

Въ сей разъ нашли мы у нихъ бригадира Рославлева и познакомились съ нимъ. Послѣ обѣда ѣздили всѣ боярнини и дѣвочки на ярманку въ Тарусу и г. Гурьевъ не отпустилъ насъ не только въ тотъ, но и во весь послѣдующій день, и мы возвратились уже домой уже не прежде, какъ 2-го числа іюля.

Совсѣмъ тѣмъ повѣдка сія была намъ не совсѣмъ счастлива и было съ нами цѣлыхъ три бѣды впродолженіи оной. Во-первыхъ, во время ѣзды барынь на ярманку въ Тарусу по одному бездѣльному случаю перестрашались онѣ тамъ на смерть, и какъ жена моя была въ то время беременна, то боялся я, чтобъ не было оттого какихъ-нибудь худихъ слѣдствій. Самъ я, будучи тамъ, завемогъ-было пружестокимъ и такимъ поносомъ, какового я никогда еще не имѣлъ и насилу освободился отъ него помощію мушкетнаго орѣха. А въ-третьихъ, и всего паче, разнемогся

съ нами сынъ нашъ Степанъ и такъ сильно, что прихавши слегъ въ постель и не вставалъ оной.

продолжающемуся и часть отъ увеличивающемуся жару скоро увидиши, что и онъ заразился оспою, и проклятая болѣзнь уже съ нѣсколькихъ времени свирѣпствовала въ домѣ и двухъ ребятшекъ уже погубила.

Но какъ мы не выздоравливали, ала мы и не весьма тѣмъ переписались; но какъ въ третій день наметались и оказалась чрезвычайно, то сіе перетревожило всѣхъ крайности, а особливо какъ вскорѣ того оказались и всѣ обыкновенныя признаки дурной и опасной оспы. Ужасно изобразить, какъ всѣмъ намъ въ сего жаль было и съ какимъ чувствомъ состраданіемъ смотрѣли мы во всѣ немногіе дни наипоужаснѣйшаго его страданія. Оспа сдѣлалась немъ слитная и онъ не могъ перенести сей мучительной болѣзнь похитила у насъ и его при самомъ развѣтаніи его отроческихъ лѣтъ шагъ тогда уже пятой годъ. Мы любили его очень и оросили его горячими слезами.

Нѣтъ тѣмъ я перенесъ сей несчастный случай мужественнѣе всѣхъ прочихъ родныхъ и гораздо съ меньшимъ горченіемъ, нежели всѣ прочіе. Училисъ въ самые дни его болѣзнь писать набѣло вторую половину моей «О благополучіи» и писать какъ нарочно самое то мѣсто, раковалъ о утѣшеніяхъ въ несчастныхъ и средствахъ, которыми своей печали и прискорбіи уменьшишь; и могу сказать, что имѣя лучшій и производить ихъ въ самой нѣтъ, воспользовался я ими очень и они дѣйствительно помогли мнѣ нѣтъ сію печаль съ довольнымъ уніемъ.

Помню сего милого и любезнаго и подлѣ его старшаго брата, таже малютки, не успѣли мы еще отъ

сей печали нѣсколько отдохнуть, какъ готовилась для насъ уже и другая.

На Ильинъ день восхотѣлось намъ съѣздить всѣмъ на деревенскую арманку въ село Миротино за заводомъ. Никогда мы на сихъ арманкахъ не бывали и боярнякъ моимъ восхотѣлось ее видѣть. И такъ, мы поѣхали туда, взявъ съ собою и старшую дочь нашу.

Во время пребыванія нашего тамъ, застигшая престолая гроза съ пресильнымъ дождемъ перестрадала и обезпонила насъ чрезвычайно. Но какъ поѣхали мы домой, то воспослѣдовало еще худшее.

На дорогѣ сей занемогъ такимъ же образомъ, какъ братъ, и дочь наша, такъ что мы насилу ее, бѣдняжку, принесли домой.

Сдѣлался и въ ней жаръ превеликой и какъ мы не сомнѣвались, что и она по всему видимому начинала разгораться къ оспѣ, то будучи уже настрашены, вострепетали объ ней всѣ духомъ.

Сей намъ и того болѣе было жаль. Она была уже двумя годами старѣ брата и утѣшала насъ много своимъ милымъ и любезнымъ характеромъ.

Жаръ, часть отъ часу увеличивался, сдѣлался такъ великъ, что бѣдняжка страдала престосокими конвульзіями.

Мы обезпамятали сіе увидѣвъ, но по счастью вздумалось мнѣ броситься въ лечебныя книги и я нашелъ въ нихъ, что конвульзіи сіи неопасны и болѣе добро, нежели зло предвозвѣщаютъ. Сіе ободрило всѣхъ насъ нѣсколько.

Намъ присовѣтовали положить ее на медвѣжину, увѣряя, что сіе будто помогаетъ къ лучшему высыпанію оспы. Со всѣмъ тѣмъ во все то время, покуда не начала высыпать оспа, находились мы въ страхѣ и недоумѣніи неизобразимомъ, и не прежде нѣсколько успокоились духомъ и ободрились, какъ увидѣли, что оспа оканчивалась рѣдкая и имѣющая всѣ признаки доброй. Тогда вдругъ перешли мы изъ печали въ неизреченную радость и удовольствіе. Ми !

Богу !

то: «Слава, слава

тебѣ у насъ у

всѣхъ, и у меня и перваго изъ глазъ. Я не могъ довольно возблагодарить за то Господа. Она дѣйствительно была противъ всякаго чаянiя рѣдка и хороша. Однако, покуда не начала она подсыхать, находились мы еще все въ нѣкоторомъ опасенiи.

А не успѣла сія бѣда миновать и она благополучно начала съ нею сходять, какъ та же болѣзнь постигла и меньшого сына моего Павла.

Сіе ввергло опять всѣхъ насъ, а болѣе всѣхъ меня въ великое озабоченіе и безпокойство.

Малютку сего любилъ я какъ, то отменно съ самаго его младенчества и онъ былъ мнѣ милъ до чрезвычайности; и потому сколько я ни философствовалъ и какъ ни старался поддерживать себя надеждою на Бога и предавать ему во власть сего рабенка, но мысль, что могу лишиться и сего милаго рабенка и послѣдняго сына, тревожила мой духъ и безпокоила очень. Но по счастью продлилось сіе недолго и въ первые дни его горѣнiя не предвидѣли уже мы дальней опасности. А какъ стала высматывать и она оказалась не только очень рѣдкою, но и со всѣми признаками оспы хорошей и безопасной, то мы не вспомнили себя отъ радости и не знали какое благодареніе воздать Всемогущему за то, что онъ утѣшилъ всѣхъ насъ таковою легкою болѣзнию сего птенца любезнаго.

Она и подлинно была такъ легка, что онъ перенесъ ее почти играючи, катаясь по своей колыбели и твердилъ только, что это дадины гамъ (т.-е. собаки) его такъ искусили.

Все сіе продлилось долго и мы за симъ и не видали, какъ прошелъ весь iюль и августъ и почти вся первая половина августа. За болѣзнями сими дѣтей нашихъ принужденъ мы были все время сіе сидѣть дома и какъ по сему случаю имѣлъ я много свободнаго времени, то успѣлъ въ оное не только кончить перепискою всю книгу мою «О благополучiи», но разохотѣвшись въ томъ, переписать набѣло и всю третью часть моей «Дѣтской фило-

софiи», которую имѣлъ я у себя въ разные времена сочиненную и начать самую четвертую; и занимался трудомъ сиѣ иногда въ хоромахъ, а иногда, отъ духоты въ нихъ, на свободномъ воздухѣ въ саду, сидючи въ тѣни и въ прохладѣ въ прекрасныхъ своихъ полубесѣдкахъ, посреди сада находившихся и изъ стриженыхъ липокъ составленныхъ; а между тѣмъ продолжались у меня кой-какія и дѣлшнши въ садахъ, но немногія, по причинѣ, что время было рабочее и люди нужны были на покосѣ.

Но не успѣлъ я въ разсужденiи болѣе ни дѣтей своихъ обезпечить и, видя ихъ выздоравливающихъ, успокоиться духомъ, какъ вдругъ опять весь духъ мой встревоженъ и приведенъ былъ въ великое смущеніе и безпокойство.

Прискакали ко мнѣ нарочно посланные изъ шадской моей деревни съ письмами и отъ прикащика и отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ тамошнихъ сосѣдей и знакомыхъ. Всѣ они писали ко мнѣ, что г. Пашковъ дѣйствительно уже меженика своекоштнаго привезъ и хочетъ всю нашу обширную степь зажевать за собою, и всѣ просили Христомъ и Богомъ, чтобъ я поспѣшилъ скорѣе къ нимъ прѣѣхать и помочь имъ въ семъ критическомъ дѣлѣ, за которое они по необыкновенію своему не знаютъ какъ и приняться.

Все сіе меня не только перетревожило, но и чрезвычайно удивило.

Не понималъ я, почему такому вознагривается Пашковъ зажевать за собою всю необъятно большую и обширную степь нашу. И какъ навѣрное заключалъ, что надобно быть тутъ какому-нибудь особому плутовству и вѣдая изъ опытности всѣ мытарства и хитрости межениковъ, и что и что могутъ они сдѣлать, также и совершенную неопытность и самое даже невѣжество всѣхъ своихъ тамошнихъ сосѣдей, имѣлъ причину опасаться, чтобъ они дѣйствительно чего-нибудь тамъ не напроказили, и потому за необходимое и самъ призналъ стараться поспѣшать туда какъ можно скорѣе своимъ прѣѣдомъ.

Итакъ, не долго думалъ, и бросивъ и оди свои и люди въ нихъ и всѣ литературныя свои упражненія, ну-ка я скорѣе уладиваться и опять въ дальній путь свой убраться.

Я приглашалъ-было и обонхъ братьевъ своихъ ѣхать съ собою, какъ соучастника во владѣніяхъ тамошнихъ; но какъ они заѣхались и стали то тѣмъ, то другимъ отговариваться, то, не долго думалъ, рѣшился я ѣхать туда одинъ и взялъ только въ со товарищество свое опять моего племянника, Александра Андреевича Травина и, распрощавшись со

своими домашними, 13-го числа августа въ сей путь и отправился.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то о сей третичной и въ особливости достопамятной своей ѣздѣ предоставляю повѣствованіе будущимъ и послѣдующимъ за снѣмъ письмамъ; а между тѣмъ, окончивъ снѣмъ сіе 15-е собраніе оныхъ, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XV части.

(Декабря 11, 1808 году).

Окончена перепискою декабря 15 дня 1809 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVI.

(Сочинена въ декабрѣ 1808, перепискою начата въ концѣ 1809, а кончена февраля 8-го 1810, въ Дворянковѣ).

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особливости о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеваньѣ.

1773.

(Сочиненіемъ начата декабря 18-го 1808, перепискою декабря 15-го 1809).

Письмо 161-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію моей третей ѣзды въ шадскую мою деревню, что нынѣ тамбовская, и достопамятнаго моего тамъ въ сей разъ пребыванія, скажу, что въ путь сей отправился я изъ дома своего 13 августа 1773 года и въ со товариществѣ опять одного только моего племянника, Александра Андреевича Травина.

Обстоятельнымъ описаніемъ сего путешествія моего туда не нахожу за нужное насъ обременять, ибо во все продолженіе онаго не случилось съ нами ничего

особливаго и такого, о чемъ стоило бы труда рассказывать, а коротко только скажу, что ѣхали мы опять чрезъ Тулу, Епифань, Ранибургъ, Козловъ и Тамбовъ. А отъ сего города повѣхалъ я уже не на Кузменки и Колтево, а прямо чрезъ Боръ и Пески на село Разказово, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ тамошнимъ управителемъ и поговорить съ нимъ объ общемъ нашемъ тогдашнемъ дѣлѣ и предприняемомъ господиномъ Пашковымъ своекоштнымъ межеваньѣ. Ибо къ степи нашей, которую сей ненасмтной наляпъ всю себѣ присвоить и замезевать хотѣлъ, прилежали и земли помянутаго огромнаго дворцоваго села, и я надѣялся получить отъ него какое-нибудь объясненіе тому, почему такому г. Пашковъ

всю одну огромную стену себѣ присвоивалъ, поелику я еще о томъ ничего не вѣдалъ.

Но, по несчастію, господина управителя сего не нашелъ я дома. Онъ былъ гдѣ-то въ отлучкѣ, и потому заѣздъ мой въ сіе мѣсто былъ по-пустому.

Отужинавъ тутъ у знакомаго мнѣ подъячаго и узнавъ отъ него, хотя не что иное, какъ только то, что межеванье еще не начиналось, а скоро начнется, и переночевавъ въ семь мѣстѣ, поспѣшалъ я въ свою деревню, куда въ слѣдующій день, случившійся въ 20-е число августа, и прибылъ.

Тутъ я нашелъ не только своихъ, но и всѣхъ сосѣдей въ превеличайшей тревогѣ, недоумѣніи и безпокойствѣ; межевщикъ дѣйствительно уже въ тамошнія мѣста приѣхалъ и по обменованію собиралъ уже отъ всѣхъ сказки и повѣренныя письма. И какъ для всѣхъ тамошнихъ жителей дѣло сіе было совѣмъ новое и они о межевыхъ дѣлахъ не имѣли ни малѣйшаго понятія, то всѣ они впрахъ перетрусались и, нечаянносію сею будучи впрахъ и крайне перетревожены, не знали что и дѣлать.

При таковыхъ обстоятельствахъ съ неописаннымъ вождѣлѣніемъ и нетерпѣливостію ожидали они меня, какъ города, ибо, будучи о свѣдѣніяхъ моихъ по межевымъ дѣламъ извѣстны, надѣялись, что я одинъ въ состояніи буду всѣхъ ихъ защитить, или, по крайней мѣрѣ, наставить ихъ во всемъ нужномъ. А потому легко можно заключить, что всѣ они, услышавъ о приѣздѣ моемъ въ самую нужнѣйшую пору, крайне обрадовались.

Наилучшимъ, разумнѣйшимъ, добрѣйшимъ и зажиточнѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ и въ сіе время въ домахъ бывшихъ сосѣдей, былъ нѣкто господинъ Сабуровъ, по имени Иванъ Яковлевичъ,—человѣкъ, котораго мнѣ еще не случилось видѣть, которой жилъ въ сосѣдственной къ намъ деревнѣ Калиновѣ, и о которомъ насазано мнѣ было столько добра, что я съ вождѣлѣніемъ хотѣлъ его видѣть и съ нимъ познакомиться. И какъ

сказано мнѣ было, что и онъ съ нетерпѣливостію меня и съ часу на часъ ждалъ и всякой день присылалъ обо мнѣ провѣдывать, то мое первое дѣло было послать къ нему съ увѣдомленіемъ о моемъ приѣздѣ.

Господинъ Сабуровъ не успѣлъ услышать, какъ, обрадовавшись до чрезвычайности, въ тотъ-же часъ ко мнѣ прискакалъ. Я нашелъ въ немъ нарочито уже пожилого и дѣйствительно, хотя простодушнаго, но столь добраго человѣка, что мы въ одинъ мигъ другъ друга полюбили и сдѣлались добрыми пріятелями или назъ друзьями.

Вскорѣ послѣ его прилетѣлъ ко мнѣ и господинъ Тараковской, а вслѣдъ за нимъ изъ Трескина господинъ Казначеевъ, а тамъ господинъ Бѣляевъ изъ Бѣляевки. Итакъ, въ одинъ почти часъ собралось насъ пять человѣкъ.

Всѣ они не успѣли со мною поздороваться, какъ и начали другъ предъ другомъ непрерывъ изъяснять мнѣ всю опасность тогдашняго положенія всей нашей округи и боязнь, чтобъ Пашковъ, ввѣстимъ имъ на свой коштъ землетромъ, не отхватилъ и не зажевалъ за собою дѣйствительно всей тамошней степи, прилегающей бокомъ ко всей нашей округѣ, и которою всѣ селы и деревни нашей округи довольствовались, какъ распахивавъ одну, такъ кося на ней ковыль для сѣна.

Я удивлялся всему тому и, ободряя ихъ, говорилъ, что сему быть не можно, ежели мы всѣ между собою будемъ согласны и употребимъ всѣ нужные къ отвращенію того способы и возьмемъ предварительно благоразумныя мѣры.

Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда, при вопросѣ, что-бъ такое помышляли всѣ наши господа сосѣди при семъ дѣлать, услышалъ я, что у всѣхъ тамошнихъ жителей то только одно на умѣ, чтобъ не допускать до того насиліемъ и чтобъ, собравшись всѣмъ опять такимъ-же скопомъ и заговоромъ, какой они уже однажды противъ Пашкова съ успѣхомъ употребляли, не допускать его и въ сей разъ до наглости и своевольтва.

иняйте! воскликнулъ я: — развѣ они тѣмъ не только все дѣло ис-
; но и самихъ себя влести въ
чина хлопоты и самыя бѣды и на-
-Но о какомъ вы упоминаете скопѣ
орѣ, бывшемъ уже однажды?

ты! — сказали они: — такъ вы поэто-
о самъ не знаете, и вотъ мы вамъ
къ о семъ славномъ дѣлѣ».

интенъ я былъ очень сіе слышать
къ ихъ о томъ; и тогда господинъ
орѣ рассказалъ мнѣ слѣдующую

вы знаете, сказалъ онъ, что вся сія
издревле почиталась дн-
шному непринадлежащую; и какъ
никто не вступался, то потому
и распахивали мы и всѣ наши
зрискосновенные сосѣди изъ ней
земли, сколько кто могъ; а дос-
кавыкъ кашивали также не толь-
ко и приѣзжающіе изъ другихъ
отдаленныхъ верстъ за двадцать
идать нѣсть обыватели, и всякой
тамъ, гдѣ кому хотѣлось, и гдѣ
кому обкосить себѣ округу для
сѣна».

ю я знаю, сказалъ я, — и давно
; но что далѣе?

лнмъ образомъ, продолжалъ госпо-
абуровъ, пользовались всѣ близ-
е селы и деревни этою степью из-
безданно-безпошлинно и до тѣхъ
скуда не принесла нелегкая Па ш-
ка его маленькой и ничего незна-
курорекъ, посреди сей степи на
Ржавскѣ для скотоводства заведен-
того времени никто объ немъ по-
не слыхивалъ, а жилъ онъ себѣ въ
Гараршинѣ верстъ за сто отсюда,
уторишкѣ его здѣшнемъ не было
ни и ничего, а только нѣсколько
а тогда, побывавши самъ на ономъ
о предъстившись степью, вздумалъ
всю ее назвать своею».

го смѣшно! сказалъ я.

Но какъ-бы вамъ ни казалось это
мнѣ, — подхватилъ господинъ Са-

буровъ, — но онъ не только ее называлъ
своею, но и дѣйствительно сталъ ее съ
сего времени себѣ присвоивать; и не ус-
пѣло въ послѣдующій годъ настать по-
восное время, какъ нарядивъ множе-
ство людей казаками и снабдивъ ихъ ору-
жіемъ, высмалъ ихъ на сію степь и ве-
лѣлъ всѣхъ косящихъ ее разныхъ селъ
и деревень косцовъ гнать съ ней долой,
говоря, что вся эта степь его, и что буде
кто захочетъ косить на ней траву, то пла-
тили бы ему съ каждой косы по четверти
рубля».

— Прекрасно! удивившись, сказалъ я.
Но пожалуйста, когда это было: прежде
или послѣ изданія о размежеваніи земель
манифеста?

— «Гдѣ твой манифестъ! подхватилъ
г. Сабуровъ; а гораздо послѣ и нѣ-
сколько гдѣ спустя послѣ изданія онаго».

— И того еще лучше! сказалъ я: — но
что далѣе?

— «Далѣе то, что какъ изъ всѣхъ ко-
сящихъ никто не имѣлъ на степь сію
права, а особливо изъ жителей, приѣхав-
шихъ издалека, то они, не долго думая,
и согласились дать ему съ косы по чет-
верти рубля, и онъ имъ сколько хотѣли
косить и далѣ; а смотря на нихъ, дураки
и наши сосѣди то же сдѣлали и онъ со
всѣхъ содралъ изрядную кожуринку».

— Это дурно! сказалъ я, и весьма жаль,
что они это сдѣлали. А имъ бы совсѣмъ
не то сдѣлать надлежало, а собравшись
всѣмъ, заявить формально въ городѣ на
него, что онъ въ противность манифеста
захватываетъ то во владѣніе, чѣмъ онъ
не владѣлъ до манифеста. А сего, я ду-
маю, никто и не подумалъ сдѣлать!

— «Кому это было дѣлать и затѣвать!
Всѣ разсѣялись по своимъ норамъ и до-
вольны были, что остались съ сѣномъ.
Да и никому не пришло сего и въ голову,
по незнанію совсѣмъ межевыхъ законовъ».

— То-то и дѣло, сказалъ я; — но что
далѣе?

— «А то, что такъ тогда этотъ годъ
и прошелъ; а не успѣло наступить опять

покосное время, и вся степь по прежнему наполнилась множествомъ народа, какъ появились опять его вооруженные казаки и опять начали сгонять всѣхъ и требовать съ косы уже по полтнѣ.

— Такъ!... И вотъ послѣдствія отъ первой неосторожности. Ему нужно было разлакомиться, какъ и пошло далѣе. И диковинка еще, что онъ не болѣе требовалъ.

— «Ахъ! это и вышло дѣйствительно; ибо какъ и въ этотъ годъ всѣ косившіе сѣно ему требуемое число заплатили, поелику всѣмъ цѣна сія казалась еще сночною и всѣ хотѣли только съ нимъ развязаться и не остаться безъ сѣна, то онъ, содравъ и въ сей разъ кожурилку, еще лучше первой, и разлакомившись тѣмъ еще болѣе, на третій годъ, поступивъ такимъ же образомъ, сталъ требовать уже по рублю съ косы каждой».

— Такъ!.. онъ не дуракъ и самъ о себѣ, а на дураковъ только напалъ. Ну что-жь, и заплатили по рублю?

— «Нечего было дѣлать, помялись, помялись, но какъ сталъ онъ дѣйствительно гнать, угрожая даже оружіемъ, ибо въ сей разъ вывезены были у него даже и пушки, то рѣшились, наконецъ, заплатить ему и по рублю, дабы только отъ него отвязаться и косить спокойно сѣно».

— Это уже совсѣмъ плохо было сдѣлано; ибо тѣмъ самимъ и дали ему поводъ къ присвоенію себѣ на вѣки этой степи и получить на нее нѣкоторое право.

— «Что дѣлать! кому было спорить и кому стоять! Весь народъ состоялъ изъ сущаго сброда и людей безъ всякаго начальства и безъ права. Совсѣмъ тѣмъ содраніе сей третьей кожурины со всѣхъ насъ и постороннихъ сдѣлалось уже всѣмъ чувствительно. Всѣ начали уже о томъ говорить и толковать и всѣ бояться, чтобъ онъ, увеличивая симъ образомъ съ года на годъ цѣну, не довелъ ее и до пяти рублей и больше».

— Они и не погрѣшали въ томъ, и это могло бы скорѣе всего случиться; но мнѣ удивительно, что я отъ своихъ о томъ ни

слова не слыхалъ, и они мнѣ на сіе не жаловались.

— «Да какъ имъ и жаловаться, когда съ нихъ никогда ничего не было и требовано, и они по прежнему косили себѣ, гдѣ хотѣли, безданно-безпошлинно».

— Это удивительно! но почему же такъ?

— «Какъ почему? потому что онъ зналъ, что у васъ земля купленная, и что вы имѣете законное право ея пользоваться, а потому вашихъ онъ и не трогалъ. Онъ не дуракъ! Но самое сіе нѣкоторымъ изъ нашихъ и открыло глаза, ибо какъ они, завидуя вашимъ, о томъ имъ говорили, а ваши сказали: «Вольно-де вамъ, дуракамъ, платить. Степь казенная и вольно Пашкову ее называть своею. Никто еще не знаетъ почему онъ ее своею называетъ, а теперь сами вы подали ему на себя осель, и поглядите какъ онъ съ васъ драгъ станетъ». А сіе и наставило на умъ и взбудоражило всѣхъ нашихъ. — Въ самомъ дѣлѣ, начали они говорить: — вѣдь степь казенная, и мы еще не знаемъ почему Пашковъ ее называетъ своею, за что же намъ ему платить? съ Болотовыхъ не беретъ онъ ни копѣйки, и не требуетъ, а это и доказываетъ, что она ему не крѣпка и присвоеніе сумнительно». — А неуспѣли распространиться въ народѣ такіа судаченья, какъ мало по малу смолвились и согласились всѣ въ послѣдующій годъ сдѣлать скопъ и заговоръ и не только ему не давать ничего, но ежели станетъ сгонять, то всѣмъ стать за одно грудью и гнать съ степи и самихъ требователей; что они дѣйствительно и сдѣлали. И, смолвившись, всѣ стали грудью и, угрожая обиральщиковъ самихъ перерѣзать косами, такой на нихъ самихъ страхъ нагнали, что они принуждены были, не солово хлѣбавъ, уѣхать, и болѣе не показывались; а весь народъ въ это лѣто и косилъ степь безданно-безпошлинно».

— Bravo! и давно бы, а того лучше съ самаго начала такъ-то бы поступить надлежало. Но что-жь послѣ?

— «А то, что и въ прочіе послѣ того немногіе годы не смѣли они уже выѣзжать,

онъ началъ всё владѣть по
и называть ее всё уже ка-

стому-жъ онъ теперь, спросилъ
вдумалъ ее за собою отмеже-

на его знаетъ! твердитъ только,
на. Насъ всёхъ называетъ гра-
нницами и, насмѣхаясь, гово-
ривъ, какъ они будутъ
намъ не допустить отмежевать
Степаномъ, онъ всёхъ насъ по-
е-за что и говоритъ навѣрное,
не ее отмежевать за собою».

ице Богъ знаетъ! и каково слу-
шанье, не зазвенѣло-бы и у са-
мо въ ухахъ. Это еще посмо-

и Богъ, чтобъ хотя вы намъ по-
ишь надѣяться не можно. Мы
иши рука не знаемъ, и теперь
и надежда на васъ однихъ.
ишья изъ опытности уже зна-

ишь, государи мои! я готовъ
ишь, что могу и непременно
сдѣлать. Совсѣмъ тѣмъ не мо-
и надиваться поступкамъ го-
ишкова. Нельзя, кажется,
ишь онъ только съ дура, по-
ишь наглости и не имѣя ни-
ишь и слѣда, вздумалъ степь
ишь присвоить себѣ, но и взять
ишь на свой коштъ для отмеже-
ишь. Это-то меня удивляетъ и ка-
ишь ненатуральнымъ дѣломъ;
ишь вѣрно чему-нибудь быть, и уже
ишь онъ въ самомъ дѣлѣ какого
ишь именованію ее своею? Попро-
ишь ему никакъ этого дѣлать.

ишь отецъ мой! сказалъ г. Сабу-
ишь чуть ли не отгадали. Скажу
ишь о скоромъ приѣздѣ земле-
ишь дѣла мена кое-кого распраши-
ишь да и полазывать по канцеля-
ишь другимъ мѣстамъ, съ тѣмъ, не
ишь ни гдѣ какая-нибудь бума-
ишь ли отъ кого чего-нибудь, от-
ишь до сего дѣла; и Богъ помо-
ишь ико узнать всю исторію о сей

степи, но и достать нѣкоторыя бумаги,
которые могутъ служить къ объясненію».

— Ахъ, батюшка мой! — подхватилъ
я, такъ покажите-жъ мнѣ, ради Бога, ихъ,
чтобъ я судить по онимъ могъ, какъ мнѣ
поступить при предстоящемъ межеваніи
и какія принять лучшія мѣры.

— «Что, отецъ мой! я руки себѣ ажно
вѣмъ, что не взялъ ихъ съ собою; но какъ
пожалуете ко мнѣ, то всё намъ ихъ по-
кажу».

— Завтре-же, батюшка, явлюсь я у
васъ. Я очень любопытенъ и горю ве-
терпѣливостью ихъ видѣть. А между тѣмъ,
какъ время для насъ очень дорого и дра-
гоцѣнна каждая минута, то для скорѣй-
шаго преподанія мнѣ нѣкотораго поня-
тія, нельзя-ли вамъ и теперь, хоть по па-
мяти, рассказать мнѣ что вы узнали?

— «Съ удовольствіемъ готовъ, отецъ
мой, и вотъ что: степь сія была дѣйстви-
тельно казенная и дикая, а Пашковъ
присвоить ее себѣ подлинно не совсѣмъ
безъ причины. Отецъ его покойной—са-
мой тотъ, которой доносилъ государю
Петру I на князя Гагарина и отъ
котораго сей и погибъ, получивъ въ на-
граду за то тѣ знатныя вотчины, кото-
рыя называются и по нынѣ «Гагарши-
ною», и гдѣ Пашковъ нынѣ живеть,—
былъ въ Воронежѣ губернаторомъ. Въ
это время жилъ въ сосѣдственной со мною
деревнѣ Лукинѣ однодворецъ, по имени
Лука Черной. Былъ онъ изъ воровъ
воръ и ковокрадъ славной. Какимъ-то
образомъ попался онъ по воровскимъ дѣ-
ламъ своимъ въ воронежскую тюрьму.
Сидючи въ ней долгое время, и не зная
какъ отъ заслуженнаго наказанія изба-
виться, нашель онъ какъ-то слѣдъ къ гу-
бернатору и прельстилъ его обѣщаніемъ,
что онъ, въ случаѣ если освободить его
изъ тюрьмы, то продастъ онъ ему за без-
дѣлку нѣсколько земли въ своей отчиз-
нѣ, а сверхъ того доставить ему слѣдъ
къ полученію земли и гораздо болѣе. Гу-
бернаторъ далъ себя соблазнить сему без-
дѣльнику. Онъ выпустилъ его дѣйстви-
тельно безъ наказанія, а сей и продалъ
ему нѣсколько четвертей изъ своей дачи,

а сверхъ того расхвалилъ ему всю сію степь, съ которою земля его была смежна, и поджегъ его чтобы онъ выпросилъ изъ сей казенной земли себѣ нѣсколько. А Пашковъ и выпросилъ себѣ какъ-то дѣйствительно тысячу четвертей изъ оной. И какъ надобно было ее себѣ отказывать, то пошелъ онъ для сего отказа какого-то вахмистра, своего подкомандующаго, а сей, приѣхавъ, и описалъ въ отканныхъ книгахъ безсовѣстѣйшимъ образомъ всю сію огромную и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ содержащую степь,—я что-жъ еще, отецъ мой!—приурочъ ее даже кругомъ живыми урочищами и между прочимъ по нашей побочинѣ такими, которыя и теперь отчасти въ нашихъ дачахъ. А сіе-то насъ всего болѣе и тревожить, и мы боимся, чтобы онъ не только не отхватилъ по симъ урочищамъ всю степь себѣ, но и множество пахатныхъ земель нашихъ».

Нельзя изобразить съ какими любопытствомъ и съ какими душевными движениями слушалъ я сію повѣсть, и какъ изумила она меня своимъ окончаніемъ. Я принужденъ былъ воскликнуть:

— Вотъ, судирь, ажно какъ это! всего этого я не зналъ и мнѣ и въ голову всего этого не приходило, а теперь вижу, что всё это не составляетъ бездѣлки, и дѣло наше не такъ-то маловажно, каковыми я его почиталъ, а подвержено дѣйствительно великому сумнительству; самому мнѣ наведетъ оно множество хлопотъ, и при всемъ томъ боюсь, чтобы и мои всѣ старанія не были тщетны. Однако, посмотримъ! дайте-ка мнѣ все самому увидѣть и рассмотреть, и тогда судить можемъ уже основательнѣе и лучше. А между тѣмъ, какъ мнѣ довольно извѣстны всѣ плутни и уловки межевщиковъ и я боюсь, чтобы межевщикъ этотъ чего бы не схитрилъ безъ насъ и прежде, нежели мы къ отпору приготовимся, то скажите мнѣ, гдѣ находится онъ и когда, и съ котораго мѣста, и гдѣ думаетъ начинать межевать?

На сей вопросъ всѣ гости мои не могли ничего иного сказать, что межевщикъ на

хуторѣ Пашкова, а самъ онъ еще не приѣзжалъ изъ Галаршны; но когда и гдѣ онъ начнетъ межевать, о томъ они ничего навѣрное не знаютъ, и думаютъ, что очень скоро.

— Хорошо-же, государи мои, сказалъ я, что я успѣлъ подоспѣть сюда заблаговременно; но какъ намъ ни одной минуты терять не надобно, то начнемъ теперь же тѣмъ, что какъ насъ всѣхъ соучастниковъ въ этой степи и датѣ очень много, всѣмъ же намъ нельзя никакъ быть безъ предводителя одного, которому-бы всѣ уже повиновались, то не изволите-ли съ общаго согласія кого-нибудь къ тому назначить?

Неожиданное сіе предложеніе заставило всѣхъ думать. Они хотя и одобрили оное, но не знали кого бы лучше въ начальники назначить. И какъ мнѣ быть они не хотѣлось, то, не допуская ихъ до дальнихъ размышленій, сказалъ имъ:

— Не знаю, государи мои, какъ вы, а мнѣ кажется не для чего долго думать; а вотъ Иванъ Яковлевичъ и лѣтамъ, и чиномъ всѣхъ насъ старѣе и достоинствами заслуживаетъ предпочтенъ быть всѣмъ прочимъ. Не согласитесь ли ему сдѣлать эту честь?

Всѣ, одобривъ сіи мысли, закричали:

— «Очень, очень хорошо! и мы всѣ на то согласны и просимъ Ивана Яковлевича принять на себя сіе начальство, а васъ, чтобы вы были ему помощникомъ и по знанію вашему всему дѣлу производителемъ».

— Очень хорошо! сказалъ я, — ежели вамъ угодно, то я беру на себя сію комисію, и радъ во всемъ помогать Ивану Яковлевичу, и не сомнѣваюсь, что и онъ не откажется отъ предлагаемаго начальства, которое ему, какъ почтенному человеку, приличнѣе всѣхъ прочихъ.

— «Что дѣлать, сказалъ на сіе господинъ Сабуровъ:—хоть не радъ, а готовъ. Но вы, батюшка, Андрей Тимоѣевичъ, помогайте ужъ мнѣ. Я прямо о себѣ скажу, что ничего не знаю и не слышалъ».

Итакъ, симъ выборомъ и назначеніемъ начальника, или наче диктатора, во всеѣ

нашей республикѣ и кончился у насъ сей первой день моего приѣзда. Мы условились на утро съѣхаться опять, какъ для совѣта, такъ и для ѣзды, буде успѣемъ, въ степь для осмотра всѣхъ оной мѣстъ.

Восходивше чего съ самаго утра и поѣхалъ я на другой день къ г. Сабурову, и ѣдучи мимо г. Тараковского, заѣхалъ за нимъ. Тутъ засталъ я господъ Колемнича, Левашова и Ржавитинова, а вскорѣ приѣхалъ къ намъ туда-же князь диктаторъ, г. Сабуровъ. Мы приступили тотчасъ къ совѣщанію, и на семь часовъ совѣтъ положили, чтобъ для предосторожности и недопущенія межевника что-нибудь безъ насъ сдѣлать, имѣть бы намъ въ степи всегда наблюдателемъ одного изъ нашихъ сосѣдей офицерскаго ранга и чтобъ смѣнять его всякій день другимъ; я, не долго думая, назначилъ быть первымъ дежурнымъ г. Колемника. И такъ онъ охотно на себя сію колесію принялъ, то въ тотъ же часъ его въ степь и отправили, поручивъ наблюдать и прииѣмать, что происходитъ будеть и тотчасъ насъ увѣдомить, если какое движенье у нашихъ непріятелей окажется.

Сдѣлавъ сіе и отложивъ собственную ѣзду свою въ степь въ сей день за холодомъ, поѣхали мы съ г. Сабуровымъ къ г. Саймонову, гдѣ нашли и его брата. Тутъ воссѣвъ и поговоривъ обо всемъ, поѣхалъ я обѣдать къ г. Сабурову и нашелъ у него зарядной домикъ и семейство, хотя небольшое, состоящее въ его жонѣ и племянницѣ, но ласковое и пріятное. Всѣ они были мнѣ очень рады и старались угостить всячески. Послѣ обѣда предложилъ онъ мнѣ всѣ свои писемки и документы, и я, прочитавъ оные, нашелъ ихъ столь важными, что вынулъ ихъ съ собою домой, дабы на свободѣ получше обо всемъ подумать и собраться съ мыслями. Между тѣмъ былъ у насъ у обѣда, какъ главныхъ начальниковъ, опять тайной совѣтъ обо всемъ, что намъ дѣлать надлежало, и какъ положили мы ждать повѣстей отъ нашего

форпостнаго офицера, то, просидѣвъ у него до самаго вечера, возвратился я домой.

Тутъ принялся я тотчасъ за прилежнѣйшее разсматриваніе всѣхъ документовъ, и признаться долженъ, что они меня весьма смутили. Чѣмъ болѣе я вникалъ въ содержаніе оныхъ, тѣмъ сумнительнѣйшимъ казалось положеніе нашего дѣла. Оказывалось, что Пашковъ дѣйствительно имѣлъ право къ присвоенію себѣ всей нашей степи, и хотя откащикомъ употреблено явное плутовство и вмѣсто 1000, данныхъ Пашкову четвертей, объѣхана, описана и живыми урочниками приурочена имъ округа, содержащая въ себѣ до 50 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, въ 25 разъ болѣе противъ даннаго ему количества; и хотя бездѣльникъ сей въ отказныхъ своихъ книгахъ и написалъ, что онъ помянутыя 1000 четвертей измѣрилъ и въ десятины положилъ, но опровергнуть его отказъ было ничѣмъ не можно и дѣлать было нечего.

Извѣстная мнѣ важность живыхъ урочницъ, почитаемыхъ во всемъ межеваніи ненарушимою святостью, устрашала меня всего болѣе и лишила всей надежды. Холодной потъ прошибъ даже меня, когда усмотрѣлъ я всѣ сіи трудности и невозможности, и долго былъ я въ превеликомъ сумнѣніи и нерѣшимости; но наконецъ, схвативъ межевую инструкцію, ну-ка я ее читать и прискивать всѣ мѣста, гдѣ упоминаемо было о земляхъ, данныхъ въ прежнія времена изъ дикихъ полъ, и приснособливать оныя къ нашему дѣлу. И какъ неописанно и даже до восторга обрадованъ я былъ, когда вдругъ въ ней нашелъ одинъ пунктъ, не только для меня утѣшительной, но подававшій мнѣ, такъ сказать, въ руки къ разрѣшенію нашего гордіева узла или вѣрное средство къ разрушенію вышепомянутаго плутовства и къ уничтоженію всего мнимаго законнаго на всю степь права г. Пашкова.

Важный и достопамятный пунктъ сей, которой назначалъ я фундаментальнымъ основаніемъ всему предпринимаемому нами спору, и долженствовавшій помо-

гать намъ къ преоборонію Пашкова, былъ слѣдующаго содержанія:

«Всѣ произведенныя изъ дикихъ поль дачи безденежно не далѣе утверждать, какъ только тѣ, которыя даны до 1714 года, а если которыя по спорамъ окажутся произведенными послѣ онаго года по 1736 годъ, таковыя хотя и намѣривать то число, сколько именно произведено въ дачу, а если числа не написано, то по живымъ урочищамъ; а ежели ни числа, ни живыхъ урочищъ не назначено, то по препорціи ревизскихъ душъ, однако о всѣхъ таковыхъ земляхъ безъ утвержденія еще оныхъ собирая вѣдомости, представлять въ межевую экспедицію на разсмотрѣніе».

Признаюсь, что пунктъ сей былъ мнѣ до того совсѣмъ неизвѣстенъ, или мною при чтаніи инструкціи не замѣченъ по достоинству, ибо не доходило до того надобности, но тогда кинулся онъ мнѣ въ глаза; и какъ изъ него усматривалъ я, что былъ нѣкогда 22-лѣтній періодъ времени, въ которой запрещено было давать изъ дикихъ поль земли, но, несмотря на то, многіе ихъ какимъ-то неправильнымъ и незаконнымъ образомъ себѣ доставали, и самое сіе плутовство сямъ пунктомъ было разрушаемо, то кинулся я въ помянутыя Пашковы документы для отысканія года, въ которой даны были ему помянутыя 1000 четвертей; и какое же удовольствіе мое было, когда увидѣлъ я 1732 годъ и что земля сія принадлежала точно къ числу таковыхъ, о какихъ упоминалось въ помянутомъ пунктѣ; я вспрыгнувъ почти отъ радости и самъ себѣ воскликнуть:

«Слава, слава Богу! теперь не страшень ты мнѣ, господинъ Пашковъ, и вся дачка-то твоя сумнительна еще и тебѣ не надежна; а живыя твои урочища, на которыя ты, какъ думать надобно, опираешься и всю свою наглавиѣйшую надежду возлагаешь, ничего не значуть. Сказано ясно, что они въ такомъ только случаѣ дѣйствительными быть могутъ, когда число дачи не написано, а у тебя, молодца, число сіе именно означено. Итакъ, если

и дадутъ тебѣ, такъ не болѣе 2000 десятинъ, а не всю степь, и сей тебѣ, какъ своихъ ушей, не выдать. Нужно только, чтобъ чрезъ споры вывести все плутовство наружу и не допустить тебя схитрить и вновь сплутовать что-нибудь».

Словомъ, съ меня какъ превеликая гора съ плечъ тогда свалила, и обрадованіе мое было столь велико, что я почти не уснулъ во всю достальную часть ночи, или спалъ, но очень мало; и, проснувшись раннимъ-ранехонько, сталъ размысливать о томъ, какъ бы лучше расположить мнѣ это дѣло и основать сей важной споръ, отъ котораго долженствовала зависѣть судьба всей этой степи.

По всему заключалъ я, что, имѣя предъ собою противника весьма хитраго и могущественнаго по своему великому богатству, надлежало поступить не только умѣючи, но употребить и всѣ нужныя осторожности къ тому, чтобъ при произведеніи спора не связать съ нимъ и всю нашу округу, о которой по выпискамъ извѣстно было, что и въ ней былъ пригнѣрецъ, десятинъ до нѣсколькихъ тысячъ простирающійся, и что дачной земли и во всей нашей округѣ было только 7000, а владѣніе простиралось на нѣсколько десятковъ верстъ и, по всему вѣроятію, тысячъ до 30 или болѣе десятинъ. Итакъ, весьма нужно было, чтобъ не подвергнуть и ее никакъ измѣренію, что необходимо воспослѣдовать должно, если свяжется она споромъ съ землею казенною, или съ Пашковою. Словомъ, пунктъ сей былъ весьма щекотливой, и надобно было поступить весьма умѣючи, чтобъ степь сдѣлать казенною, а самимъ отыгаться безъ всякой опасности.

Нѣсколько часовъ занимался я о семъ размышленіемъ, а потомъ, схвата бумагу, сталъ предварительно сочинять споръ, какой бы мнѣ записать при межеваньѣ, и занялся тѣмъ все утро 22 августа. И какъ удалось мнѣ написать объявленіе наше довольно изрядное и такое, которое, какъ казалось, для Пашкова не весьма будетъ вкусно и его гораздо и гораздо поспутаетъ, то хотѣлось мнѣ по-

идти съ г. Сабуровымъ, сообщить ему свою радость, ободрить надеждою и показать ему написанное и посоветовать обо всемъ нужномъ, а всего паче о томъ, какъ бы намъ всѣмъ стать заодно, быть единодушными и единогласными и до времени молчать и никому о томъ ничего не сказывать, дабы Пашковъ намѣренія моего не узналъ и не употребилъ бы какой хитрости.

Но не успѣлъ я отобѣдать, какъ прислали ко мнѣ человекъ отъ г. Сабурова съ уведомленіемъ, что дежурной есаула офицеръ, капитанъ Ржавитиненъ, далъ ему съ учрежденнаго нами фермоста знать, что Пашковъ въ тотъ день имѣетъ прибыть съ великою свитою на свой хуторъ, и чтобъ мы высылали повѣренныхъ съ запасными на всякой случай людьми.

Сей случай произвелъ тогда первую тревогу во моемъ приѣздѣ, а до того было ихъ уже нѣсколько, которыми всѣми тамошніе жители по необыкновенности своей настращены были чрезвычайно; но и въ сей разъ разосланы были отъ насъ обокъ, какъ отъ главнокомандующихъ, гонцы по всѣмъ селамъ и деревнямъ, и тотчасъ началась по всюду скачка и гонба. А какъ мнѣ кстатѣ и безъ того ѣхать надлежало къ г. Сабурову, то я и самъ, сѣвши на лошадей и заѣхавъ за Тараковскимъ, вмѣстѣ съ нимъ въ Калиновку и приѣхалъ.

Тутъ у всѣхъ у насъ тронхъ, какъ у нѣкаго триумфрата, держанъ былъ тотчасъ опять совѣтъ съ затворенными дверями. Я сообщилъ имъ свое открытіе, рассказалъ все дѣло и прочелъ имъ написанной прожектъ тому, какъ бы намъ удобнѣе было Пашкова отболрить и себя защитить. Они возрадовались тому также и, одобряя въ полной мѣрѣ все мною написанное, только и твердили, что самъ ангелъ принесъ меня къ намъ на крылунахъ.

Послѣ того совѣтовали мы о томъ, какъ бы намъ лучше расположить свой отводъ, и послѣкъ намъ всѣмъ точное положеніе мѣсть вдоль всей на нѣсколько верстъ

простирающейся побочныи и упоминаема въ выписяхъ и отказныхъ книгахъ живыми урочищи не коротко, а мнѣ и совершенно были неизвѣстны, и мнѣ непременно нужно было видѣть ихъ самолично, дабы сообразно съ ними расположить свои мѣры; то условились мы на утро ѣхать вмѣстѣ оныя осматривать, буде на межу не поѣдемъ. Снѣгъ кончился сей день, и мы разстались съ тѣмъ, чтобъ дожидаться вторичной присылки отъ форпостнаго офицера; однако оной не было, и господинъ Пашковъ въ тотъ день еще не приѣзжалъ.

На утро, не имѣя никакого съ форпоста извѣстія, готовился я ѣхать въ степь, хотя съ досадою, что погода была холодная и очень дурная, но какъ перемѣнить было нечѣмъ, а требовала необходимость, то, осѣдлавъ лошадей, поѣхалъ я къ г. Сабурову; но едва отѣхалъ съ версту, какъ увидѣлъ предъ собою толпу народа, и нашелъ цѣлое сонмище тамошняго дворянства, на дорогѣ съѣхавшагося. Иной ѣхалъ на межу, не зная не вѣдая гдѣ она, другой съ поля, иной ко мнѣ, иной къ г. Сабурову, и всѣ, съѣхавшись въ одно мѣсто, шумѣли, гомѣли и кричали.

Были тутъ гг. Дуровъ, Колеминъ, Смирновъ, Бѣляевъ, Сабуровъ и многіе другіе, мною еще впервые тогда видѣнные. Всѣ они невѣдомо какъ ради были, что я къ нимъ, какъ больше всѣхъ смыслившій, подѣхалъ и могъ разрѣшить ихъ споры, пустяка трусости и сомнительство, а особливо преклонить на другія мысли бунтующаго нѣсколько г. Дурова. Поговоривъ тутъ съ полчаса и прозабнувъ, отложили мы ѣзду свою въ степь, а стали думать о томъ, куда бы намъ въ тепло убраться. Я звалъ всѣхъ къ себѣ, а г. Сабуровъ также, и къ сему согласились ѣхать всѣ гурьбою.

Тутъ держанъ былъ у насъ полной и большой совѣтъ, и было много говорено и толковано. Наглавнѣйшая нужда состояла въ томъ, чтобъ быть между всѣми нами единодушію и совершенному согласію и порядку, и мнѣ удалось наконецъ

убѣдить всѣхъ къ возобновленію онаго своими представленіями.

Между тѣмъ получено было съ форпоста извѣстіе, что Пашковъ еще не приѣхалъ и что намъ ѣхать туда еще не зачѣмъ. Сіе побудило всѣхъ разѣхаться опять по домамъ, но меня не отпустилъ никакъ г. Сабуровъ. Я принужденъ былъ остаться у него обѣдать, а какъ послѣ обѣда обѣщали быть къ нему и гг. Соймоновы, то дождался я и ихъ, и въ разговорахъ съ ними и съ Казначеевымъ, приѣхавшимъ туда-жъ съ женою, препроводилъ я весь день въ приятной компаніи и возвратился домой при захожденіи уже солнца.

Какъ и въ послѣдующій за симъ день не было никакого и ниоткуда слуха, и за случившимся ненастьемъ никуда ѣхать было не можно, то пробылъ я весь день дома безъ дѣла и занимаясь кое-чѣмъ отъ скуки. А то-же самое проливное ненастье, продолжавшееся и на другой день, удержало меня отъ ѣзды къ церкви по случаю бывшаго тогда воскреснаго дня, но о чемъ послѣ жалѣлъ, поелику тамъ было великое собраніе дворянъ, желавшихъ меня видѣть. А какъ послѣ обѣда нѣсколько попроведрилось, то ѣздилъ я къ Сомойновымъ и проводилъ тамъ съ ними и бывшими у нихъ гг. Сабуровыми и остатокъ сего дня.

На другой день послѣ сего, по утру, прислалъ ко мнѣ г. Сабуровъ звать меня къ себѣ обѣдать и для слушанія новыхъ вѣстей. Я любопытенъ былъ очень оныя слышать и тотчасъ къ нему съ племянникомъ своимъ и поѣхалъ. Но вѣсти были самыя пустыя и состояли въ слухѣ, якобы г. Пашковъ уже раскаявается въ томъ, что взялъ на свой коштъ землемѣра. Но какъ онъ на хуторъ свой еще не приѣхалъ и не было даже и слуха, когда его пришествіе воспослѣдуетъ, то вздумали мы послѣ обѣда съѣздить на ближнюю степь посмотрѣть нѣкоторыя живыя урочища, гдѣ затѣвали мы завести споръ.

Поздноато уже было, какъ мы собрались, однако поѣхали. Но можно ли было

въ такое короткое время такую безду и такое пространство ужасное объѣхать? Мы не успѣли и десятой доли того объѣздить, что хотѣли. и обмеркли на степи. Ёдучи мимо нашего форпоста, вздумали мы, какъ главные предводители, заѣхать оной посмотрѣть. Онъ походилъ на дѣйствительной форпостъ издали. Стояли тутъ офицерская палатка и множество народа, съ телѣгами и лошадьми, находилось подлѣ оной. Иные стояли пѣше, иные на лошадяхъ, иные на курганѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ находимся. Не успѣли они насъ завидѣть, какъ и сдѣлалась у нихъ тревога, ибо имъ не видно было, кто-бъ такой это былъ, а видны только были верховыя лошади и наши дрожки съ народомъ.

Всѣ они перетруснулись въ прахъ, считая насъ неприятелями, каковыми почитали тогда всѣхъ пашковскихъ. Иные послѣлись уже на лошадей, чтобъ искать спасенія, если что не по ихъ будетъ, или скакать къ намъ давать знать. Мила намъ была осторожность; но самого форпостнаго офицера тутъ не было. Въ сей день очередной и нараженной изволилъ обѣднаться, и мы положили сдѣлать ему за то выговоръ и протурить въ послѣдующій день.

Съ форпоста проѣхали мы ко мнѣ въ деревню и приѣхали уже въ глухую ночь. Г. Сабуровъ заѣхалъ ко мнѣ и просидѣлъ съ часъ времени. Послѣ его настрапалъ-было меня товарищ мой, занемогши лихорадкою и пролежавъ всю ночь въ жару. Произшло сіе оттого, что онъ поохотясь ѣхать съ нами, простудился.

27-го числа пошелъ-было слухъ, что г. Пашковъ уѣхалъ въ Воронежъ; но слухъ сей былъ пустой, ибо подъ вечеръ получили мы другое и давно уже ожидаемое извѣстіе съ форпоста, что г. Пашковъ дѣйствительно уже наконецъ на свой хуторъ прибыть изволилъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ пунктѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь, и прочая.

(Декабря 19 дня 1808 года).

Письмо 162-е.

миной пріятель! Достоверное извѣщеніе о приѣздѣ г. Пашкова его хуторъ, должноствовало опять опять тревогу во всѣхъ селѣ нашихъ. Мы разослали опять къ мѣстамъ гонцовъ, и повсюду въ насъ свачка и гоньба. Вечеру къ мнѣ г. Тараковской съ шеніемъ, что былъ у него солдатъ жевщика, посланной за понятыми, ему велѣно было захватить къ намъ о приѣздѣ Пашкова. И такъ, мы съ часу на часъ ожидать по объ межеваньѣ и удвоили караулъ на форпостѣ для лучшей предосторожности.

Въ то утро, когда я еще спалъ, къ мнѣ г. Сабуровъ человѣка именитъ, въ которомъ изображалъ вѣдомствіе и незнаніе, что дѣла. «Уже не захватить ли намъ самимъ жевку» — говорилъ онъ въ письмѣ, и вѣвалъ къ себѣ для совѣта. — Охъ же, трусы! мозолилъ я, и тотчасъ же къ нему поѣхалъ. На дорогѣ я повсюду свачку и ристаніе щика на форпостѣ разныхъ людолюбовъ. Одинъ изъ нихъ, а именитъ Соймоновъ, завидѣвъ мою кочку тотчасъ остановился и прислалъ къ мнѣ человѣка спрашивать, куда я поѣхалъ, и г. Соймоновъ вслѣдъ за мною.

Къ г. Сабурову, наши присланнаго отъ жевщика солдата новѣсткою, что межеванье было того-жъ числа, или 30 августа, вѣла съ рѣчки Лѣсного-Тамбова съ ровскими дачами. Тогда отлегло немного на сердцѣ, потому что уже не съ того мѣста начнется, и опасались, а верстъ за 30 отъ А. какъ при томъ сказано было, тотъ день межеванья не будетъ, или не захватить на межу, а учинило совѣтъ, предпріяли учинить по требованію тогдашнія обстоя-

Между прочимъ изъ совѣта сего произошло изрядная шутка, а именно: досадно было намъ, что владѣльцы и дворяне, живущіе въ отдаленнѣйшемъ въ нашей округѣ селѣ Курдюкахъ, не имѣли съ нами сообщенія и до того времени глазъ своихъ не показывали. А какъ къ землямъ ихъ должноствовало дойти прежде всѣхъ межеванья, то восхотѣлось намъ ихъ пугнуть, и мы согласились послать къ нимъ призывную грамоту. Комисія сочинить ее поручена была мнѣ. Я и подлинно намахалъ отъ всѣхъ насъ къ всѣмъ имъ письмо, могущее привести ихъ въ превеликую трусость. Сіе письмо отправили мы со случившимся изъ сосѣдственной къ Курдюкамъ деревни приващикомъ. Послѣ чего г. Соймоновъ, распродавшись съ нами и пригласивъ насъ на утро къ себѣ обѣдать для иманья его сына, поѣхалъ домой, а я остался обѣдать у г. Сабурова.

Мы едва встали изъ-за стола, какъ прискакала къ намъ цѣлая толпа тутешнихъ дворянъ, проѣздившая по пустошу на форпостъ, и, между прочими, незнакомой мнѣ еще человѣкъ, господинъ подполковникъ Свитинъ. Съ ними проговорили мы долго и провели въ томъ весь тотъ день почти до вечера и условившись видѣться опять на утро въ церквѣ, разѣхались по домамъ, подтвердивъ на форпостѣ имѣть крѣпчайшее смотрѣніе.

29-го числа, какъ въ праздничной и табельной день, не можно было быть межеванью, то ѣздилъ я въ село Трескино къ обѣднѣ. Тамъ нашелъ я великое собраніе господъ и госпожъ, съ которыми былъ у насъ опять совѣтъ, что дѣлать и выѣзжать-ли въ сей день на ночь на межу, или нѣтъ? и положили что захватить, хотя и перепали слухи, что межеванья и въ послѣдующій день для праздника Александра Невскаго не будетъ. Я и многіе другіе поѣхали между тѣмъ обѣдать на иманья къ г. Соймонову.

У него было изрядное собраніе и обѣдъ сборной; а послѣ обѣда началось гулянье и, по тамошнему обыкновению, по

собраніи дворовыхъ и крестьянскихъ бабъ въ нарядномъ убранствѣ, скачка и пляска. Сіе продлилось до самой ночи, и г. Соймоновъ такъ разгулялся, что сдѣлался неотвязчивымъ человѣкомъ.

Между тѣмъ увидѣли мы послѣ обѣда скачущихъ мимо себя многихъ дворянъ. Мы тотчасъ догадались, что были то господа курдюковскіе, ѣдущіе къ намъ по нашей призывной грамотѣ, и кликали ихъ къ себѣ. Тутъ, къ удивленію моему, увидѣлъ я, что господа сіи были люди очень изрядные, особливо майоръ Стахановъ и поручикъ Паульскій.

Сколько примѣтить было можно, то зазывная наша грамота была имъ вѣскольکو чувствительна; однако я умѣлъ скоро уничтожить ихъ неудовольствіе, представивъ имъ великую необходимость ихъ приѣзда и ту опасность, каковои они себя подвергали, не приобщаясь къ нашему обществу и совѣту.

Оба помянутые господа были люди такіе, которые могли въ одинъ мигъ понять все дѣло. Итакъ, содѣлался мы тотчасъ добрыми друзьями, и они пробыли у насъ до самаго разѣзда; а я возвратился домой уже около полуночи.

30 августа былъ, наконецъ, тотъ день, въ которой надлежало намъ собраться всѣмъ на межу. Нѣкоторые не хотѣли было ѣхать въ такую даль и на чужую землю; но я убѣдилъ всѣхъ представленіями, что какъ они межеванья никогда еще не видывали, то хотя начнутъ и не у насъ межевать, но не худо имъ посмотрѣть и познакомиться предварительно съ обрядами межеванья.

Итакъ, опредѣлили мы всѣмъ ѣхать и назначили для генеральнаго рандеву, или сборнымъ мѣстомъ одинъ, находящійся посреди степи, превеликой курганъ, называемой Краснымъ, куда послѣ полудня всѣ и со всѣхъ сторонъ и собрались. Г. Сабуровъ заѣхалъ ко мнѣ и мы поѣхали вмѣстѣ.

Приѣхавши къ кургану, нашли мы тутъ уже великое множество народа. Большая часть дворянъ и повѣренные всѣ находились уже тутъ. Кибитокъ и повозокъ

было превеликое множество. Одинъ изъ офицеровъ отправленъ былъ еще до насъ для провѣдыванія о межевщикѣ въ наиковской хуторъ; итакъ, стали мы его возвращенія дожидаться.

Какъ между тѣмъ прошло часа два времени, то провели мы ихъ въ разныхъ разговорахъ, взошли на курганъ, подчивали другъ друга водкою и ѣли арбузы, чрезъ самое сіе и сдѣлали мы сей курганъ на вѣкъ достопамятнымъ, назвавъ его «арбузнымъ».

Какъ все сіе происходило, то повстрѣчалось со мною тутъ одно досадное обстоятельство. Всѣ бывшіе тутъ въ собраніи многіе дворяне, а того множайше повѣренные другихъ отсутственныхъ господъ были съ мнѣніями и намѣреніями многи согласны, а колобродилъ только одинъ, а именно умной человѣкъ, или наче бессмысленный глупецъ, прикащикъ господина Рахманова, котораго самого по особливому для насъ счастью въ то время въ сѣхъ деревняхъ не случилось. Этотъ глупецъ, наливши себѣ лобъ, только и твердилъ, что оны не пустятъ межевщика иттить по землѣ государя его боярина и не отступится отъ ней.

Сколько ни старался я приводить его въ разсудокъ лучшей, но все не успѣвало. Къ вѣщему несчастію опредѣленъ былъ на подмогу къ нему человѣкъ господина Сатина, бывавшій при межеваньяхъ. Сей вздумалъ также предо мною умничать и доводить до того, чтобъ всѣ ему въ глаза смотрѣли. Оба сіи господа смущали невѣдомо какъ народъ и развращали мысли, а особливо у незнающихъ и непимѣющихъ здраваго разсудка людей. Отчего къ превеликой досадѣ моеи и начинались раздоры и разныи мнѣнія и толки.

Я видѣлъ необходимость, что мнѣ вадобно было ихъ усмирить и опять успокоить; но мнѣ стоило сіе толь многихъ трудовъ, что я отъ крика даже осипъ и нажилъ себѣ кашель. Но доволенъ по крайней мѣрѣ былъ тѣмъ, что нѣскольکو опять ихъ разными представленіями и уговариваніями поуспокоилъ.

Между тѣмъ возвратился посланной на хуторъ и привезъ извѣстіе, что межевщикъ совсѣмъ готовъ и ѣдетъ на межу; чего ради послали мы еще подзорники смотрѣть, какъ выѣдетъ и куда поѣдетъ. Между тѣмъ балагурия между собою, выбрали мы еще нѣсколько начальниковъ: много пожаловали въ маіоры, много въ адъютанты, много въ обозные, много въ квартирмейстры, много въ сержанты и поручили каждому свойственныя должности. Обозной долженъ былъ имѣть начальство надъ обозомъ и становить его на станціяхъ вагенбургомъ. Квартирмейстеръ долженъ былъ ассигновать и отводить подъ станъ мѣсто и стараться о снабженіи всего нашего войска провизією и фуражемъ и всѣми нужными потребностями, и такъ далѣе.

Но успѣли мы окончить сего распоряженія, какъ прискакалъ къ намъ посланной съ извѣстіемъ, что межевщикъ уже выѣхалъ. Тутъ тотчасъ закричали мы: лошадей! и началась великая суета. Одни ловили лошадей, другіе ихъ сѣдлали, третьи запрятали повозки и такъ далѣе. Приятно было смотрѣть на сей безпорядокъ! все происходило такъ, какъ бы при полученіи извѣстія о приближеніи непріятеля. Всякъ суетился, бѣгалъ безъ души и спѣшилъ скорѣе исправиться.

Наконецъ, тронулись и поѣхали мы съ мѣста. Человѣкъ тридцать повѣренныхъ, верхами, по четыре человѣка въ рядъ, ѣхали передъ нами впереди. За ними мы съ господиномъ Сабуровымъ, какъ главные начальники, за нами прочіе дворяне, а за ними слуги. И какой это былъ длинной рядъ колясокъ, кибитокъ и телегъ! Мы уже съ версту отъѣхали, а послѣдній конецъ еще подлѣ кургана находился, и казалось, что ѣдетъ народа нѣсколько сотъ человѣкъ.

Приѣхавъ къ такъ-называемымъ Ближнимъ-озеркамъ, куда, какъ сказали намъ, поѣхалъ межевщикъ, не нашли мы онаго въ самъ мѣстъ и услышали, что онъ поѣхалъ далѣе и будетъ дѣло свое начинать въ другомъ мѣстѣ. Тогда по-

примечаніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

скакали и мы вслѣдъ за онымъ и спѣшили тѣмъ паче, что наступалъ уже вечеръ, а ѣхать надобно было верстъ съ пятнадцать. Но какъ мы ни спѣшили, однако обмеркли на дорогѣ и принуждены были ѣхать въ темнотѣ.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ расположились межевщикъ ночевать, увидѣли мы всюду горящіе огни и шумъ отъ ночующаго разнаго народа; межевать хотѣли начинать съ рѣки Лѣсного-Тамбова и внутри самихъ дачъ и владѣній села Разказова, дворцоваго и села Спаскаго, монастырскаго или экономическаго вѣдомства крестьянъ. Сіи, услышавши о приѣздѣ сихъ незваныхъ гостей въ средину владѣнія своего, собрались великими ватагами и готовились поднимать гвалтъ и битъ, какъ скоро межевать станутъ, и для того ночевали въ близости съ дубьемъ и дреколіемъ и ожидались только дня.

Услышавши сіе, многіе изъ нашихъ начинали тревожиться и опасаться, чтобы при такомъ случаѣ и намъ со стороны не досталось. Но какъ мы были люди посторонніе, а притомъ и самихъ насъ была изрядная кучка и человѣкъ около двухъ-сотъ, то скоро я всѣхъ успокоилъ и уговорилъ, представляя, что хотя-бы и драка сдѣлалась, такъ намъ слѣдовало-бы не допускать до того.

Совсѣмъ тѣмъ остановились мы немного одалъ и отъ межевщика, и отъ волостныхъ мужиковъ, и сдѣлавъ порядочной вагенбургъ, разбили посреди онаго палатку, привезенную съ собою, и множество расклали огней, чѣмъ всему нашему табору придали такой величественной видъ, что всѣ приѣзжавшіе послѣ станъ нашъ почитали межевщиновымъ.

Расположившись симъ образомъ, согласились мы итти къ межевщику. Мы застали его уже раздѣвавшагося и хотѣвшагося ложиться спать. Итакъ, поговоривъ немного, раскланялись мы съ нимъ и оставили его съ покоемъ.

Межевщикъ показался намъ изряднымъ и такимъ старичкомъ, какимъ мнѣ его описывали уже прежде. Чинъ имѣлъ онъ капитанской и звали его Ивановъ Пе-

тровичемъ Петровымъ. Экипажъ его былъ очень незнатенъ и состоялъ въ простенькой кибитчонкѣ, да и весь обозъ его былъ слишкомъ не великъ и состоялъ только въ нѣсколькихъ телегахъ съ межевыми столбами.

Возвратившись, нашли мы уже палатку разбитою и столъ на землѣ, покрытой и установленной множествомъ кушаньевъ. Всякой тащилъ что съ собою привезъ и становилъ на столъ или паче на расprostergу по землѣ скатерть. Итакъ, хотя была тогда пятница, и день постный, но наставили рыбы и всего прочаго такое множество, что и ѣсть было некому, хотя насъ была и изрядная компанія.

Послѣ ужина напомнили мы свою военную службу и, приравнивая ее къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, сдѣлали кругомъ огонька кружокъ, какъ прежде сего на войнахъ бывало и дѣлывали, и начали разговаривать и разоврались такъ хорошо, что истинно часа два проговорили и проохотали и никому сонъ и на умъ не шелъ. Наконецъ разошлись мы по своимъ экипажамъ, а иные въ палатку, спать. И сія была первая ночь, которую проводили мы въ полѣ.

Проснувшись по утру очень рано и подосадуя, что позабыли всѣ взять съ собою приборъ съ чаемъ, одѣлись мы и пошли всѣ къ господину землемѣру. Онъ окруженъ уже былъ множествомъ народа и рассматривалъ крѣпости расказовскихъ и спаскихъ мужиковъ. Мы вѣшались тотчасъ въ разговоръ, и я скоро могъ примѣтить, что межевщикъ былъ человекъ очень мягенькой и что слишкомъ уже явно держалъ сторону Пашкова. Но какъ не до меня было дѣло, то ничего еще не говорилъ. Послѣ чего повелъ его повѣренной господина Пашкова на начинной пунктъ и самое то мѣсто, гдѣ разграничивались владѣнія расказовскихъ съ спаскими.

Какъ крестьяне обѣихъ казенныхъ сихъ волостей были люди межеванья никогда еще въ глаза не видавшіе и притомъ всѣ ничего незнающіе, то начался съ самаго начала превеликой уже вздоръ. Они на-

чали спорить, но безъ толку и безъ порядка, и, по обмѣновенію нашихъ крестьянъ, съ мужицкою своею надменностію, крикомъ, воплемъ и угрозами.

Мы всѣ были тогда только зрителями и толпа превеликая народа окружала землемѣра. Долго сіе продолжалось и продоллось бы еще и долѣе, еслибы не началъ и я мало по малу вмѣшиваться въ разговоры и толковать мужикамъ дѣло. Любо было сіе межевщику и тѣмъ паче, что онъ и самъ не слишкомъ былъ далекъ и знающъ въ своей должности, а не противно также и Рыбиню—такъ назывался повѣренной г. Пашкова—ибо самъ онъ не изволил на межу удивнуться, а поручилъ все дѣло сему своему служителю, которой былъ малой хотя не глупой, но не изъ самыхъ же притяжъ и бойкихъ. А какъ и самой межевщицой подъячій былъ также не изъ далекихъ, то и не трудно было мнѣ не только вкраснѣ имъ въ кредитъ, но въ одинъ мигъ почти довести до того, что и межевщикъ, и Рыбинъ, и подъячій стали меня уважать и даже слушаться, и я сдѣлался первѣйшею особою, обратившею вниманіе всего народа на себя.

А неуспѣло сего воспослѣдовать, и всѣмъ присутствующимъ знаніе мое въ межевыхъ дѣлахъ сдѣлалось видимо, какъ повѣренные обѣихъ оныхъ волостей и привязались уже ко мнѣ и просили, чтобъ я ихъ, бѣдныхъ, не оставилъ и далъ наставленіе, что имъ дѣлать.

Тогда отчасти изъ сожалѣнія, отчасти съ досады на начальниковъ и управителей ихъ, оставившихъ бѣдняковъ сихъ безъ всякой защиты и предавшихъ въ руки непріятелей, а къ тому-жъ нѣоторымъ образомъ и для собственной своей пользы, задумалъ и рѣшился я разрушить тѣ злыя ковы, которые на нихъ были кованы.

Я легко могъ видѣть, что дѣло тутъ пахло плутовствомъ и мошенничествомъ. Расказовской управитель вмѣсто того, чтобъ быть ему самому на межѣ, и какъ заключать было можно, по согласію съ Пашковымъ, ухалъ нарочно въ сіе

куда-то прочь и выбралъ въ мезембу двухъ совсѣмъ незнающихъ, и былъ даже такъ безсовѣстенъ и не снабдилъ ихъ полнымъ и по закону узаконенной формѣ напечатанной доверенностию, а только представилъ при сообщеніи изъ своей канцеляріи и давъ имъ приказы, нисколько не разсудкомъ не согласные; знающаго грамотнаго человѣка или подьячій одного къ нимъ не приставилъ, а какъ думать надобно, на тотъ день было сдѣлано, чтобъ межовщичку было ихъ, какъ неизвѣстныхъ указавъ доверенностей, сослать съ межи, а безъ нихъ отмежевать землю государю Пашкову и утвердить беспорочно.

Не дѣйствительно-бы и впоследствии-если-бы при томъ не случилось межевано-бы было отъ меня помѣщикъ Рыбинъ сколько ни старался въ томъ межовщичка и сколько являлся ни работавшій, однако жъ ему такое противное законамъ сдѣлать при томъ многихъ дворянъ штабъ-и-оберъ-офицерахъ, а особенно мнѣ, какъ знающему межовныя законы и говорившему вслухъ, и дурно, нехорошо и никакъ не го-

лѣ, принужденъ онъ былъ почти противна своего принять отъ разсказъ споръ и начать писать обменную полевую записку со вношеніемъ въ обѣихъ спорящихъ сторонахъ объявлено. Тутъ, къ превеликому удовольствію и примѣтилъ я, что не только подьячій и самъ господинъ землемѣръ въ мнѣ не слишкомъ расторопны: мнѣ, мнѣ, а толку не было. Самъ же не слишкомъ бистеръ былъ въ мнѣ, что писать. И такъ, не писали, ли только бумагу и принуждено объясняться опять все набѣло. И такъ-бы то ни было, однако дѣло было свое начало и пошло своимъ ходомъ; но вдругъ гдѣ ни возмись толпа разсказовскихъ бородачей, и ихъ за тѣмъ, чтобъ взять горломъ.

Въ одинъ мигъ сдѣлался тогда превеликой шумъ, всѣ ударили въ голоса, и неизвѣстно было кого слушать.

Межевщичку и Рыбину то было и надобно. Онъ разсердился на нихъ и сталъ ихъ всѣхъ прогонять; велѣлъ чернить полевую записку, сердился, кричалъ и говорилъ, что онъ ихъ не принимаетъ безъ вѣрющихъ писемъ и требовалъ сказки. Но тутъ догадай нелегкая старосту разсказовскаго сказать, что у нихъ сказка есть, но онъ ему ее не подастъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ встанъ бѣда и не лажъ—«давай, давай скорѣй столбы! вотъ я ихъ проучу», закричалъ межовщичъ и самъ явился и бѣсился. Всѣ тогда принужденны были отъ него разбѣжаться; а разсказовскіе мужики, закусивъ губы, и прочь совсѣмъ пошли дѣйствительно въ намѣреніи приударить въ колья, какъ скоро они межевать начнутъ.

Увидѣлъ я тогда, что дѣло доходило подлинно до дурного, и какъ мнѣ не хотѣлось, чтобъ дошло до гвалта и побойща, и чтобъ не сдѣлалась тѣмъ межеванью остановка, то пошелъ я ворочать, уговаривать и увѣщевать сихъ глупцовъ безумныхъ. Но не успѣлъ шага два-три отойти, какъ поймалъ меня Рыбинъ за полу и умоленнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я ихъ не замалъ и не училъ. «Что вамъ, судирь, дѣла!» говорилъ онъ—«не замайте, судирь, ихъ, пускай себѣ, что хотять, то дѣлаютъ».

Разсмѣлся я сему прошенію и тотчасъ, перевернувшись, самого его увѣрилъ, что я для его же пользы въ это дѣло мѣшаюсь, и что если не уговорить мужиковъ, то они и его, и межовщичка согнать съ поля и чтобъ еще не побили.

—«Мужики, говорилъ я ему—глупы; ихъ нужно разсердить, а послѣ и не уймешь. И такъ, добраго изъ того ничего не выйдетъ. Развѣ тебѣ хочется, чтобъ межеванье ваше рушилось?... А когда вѣтъ, такъ надобно дураковъ какъ-нибудь убавить, и пускай они врутъ, что хотять, чего тебѣ ихъ спора бояться. Они хоть сто разъ называй эту землю своею, но рѣчъ»

ки-то и этого живого урочища не снесутъ, а оно-то и важно: по оному вы всю ее получить можете и на споры ихъ немало не посмотреть».

Симъ я Рыбина не только успокоилъ, но и побудилъ еще просить меня съ поклонами, чтобъ я постарался уговорить мужиковъ. А я, догнавъ ихъ, и употребилъ дѣйствительно все, что могъ къ усмиренію его (?) и приведенію на оныя мысли.

— Дураки! говорилъ я имъ: что это вы дѣлаете и даровое ли затѣваете? Я знаю, что у васъ на умѣ и куда вы, и зачѣмъ идете; но изъ драки и битья ничего добраго не выдетъ и вы тѣмъ себѣ ничего не пособите, а все дѣло только испортите. Васъ, дураковъ, пересѣкутъ за то плетями и вкнутьями, а межевщику дадутъ изъ города команду, и тогда не посмотреть на васъ и отмежуютъ и вы землю потеряете.

Сии и подобныя тому слова поостановили сихъ дураковъ.

— «Но что-жъ намъ дѣлать?» сказали они, «видишь онъ какой! ни словъ нашихъ, ни рѣчей не принимаетъ, а гонять только прочь и хочетъ нартомъ взять, да и не говори еще—бѣсится».

— Ну, это вы его разсердили—сказалъ я,—вамъ бы не надлежало такъ вопить и кричать. Этого при межеваньяхъ не водится, а говорить тихо, порядочно и учтиво, а стараться бы только о томъ, чтобъ приняли и записали вашъ споръ и чтобъ не бѣлые клейменные, а черные столбы становили, которые ничего еще не значутъ.

Сими словами поуспокоилъ я ихъ нѣсколько и довелъ до того, что сами они стали меня просить, чтобъ я уговорилъ межевщика принять отъ нихъ споръ и буде бы можно сдѣлать имъ милость, и помогъ имъ, незнающимъ въ этомъ случаѣ, и вмѣсто ихъ сказывалъ бы, что писать и какъ бы это сдѣлать.

— Ну, этого мнѣ вельзя сдѣлать, друзья мои! Межевщика уговорить я готовъ, но вмѣсто васъ споръ записывать и говорить, какъ можно мнѣ, постороннему чело-
вѣку?

— «Да какъ же намъ быть? а сами мы не умѣемъ и не знаемъ, какъ и приняты за это дѣло».

— Развѣ попросите, — сказалъ я, — вы сами межевщика о томъ, и онъ мнѣ, вмѣсто васъ, говорить позволить.

— «Хорошо, хорошо, батюшка, подхватили они: постарайтесь же объ насъ».

Итакъ, по успокоеніи сихъ, остался мнѣ преклонить гнѣвъ одного только межевщика на милость, все еще ярацгаго и вопіющаго, чтобъ давали скорѣе бѣлый столбъ и лопатки. Но и сего мнѣ не великаго труда стоило убѣдить во всему, чего мнѣ хотѣлось. Я подбѣжалъ къ нему и самымъ дружескимъ образомъ сказалъ ему въ полголоса:

— Помилуйте, Иванъ Петровичъ! что это вы хотите дѣлать и какой себя опасности подвергаете?

— «А что такое?» спросилъ онъ.

— Какъ что? У дураковъ-та непутное на умѣ: у нихъ чело-вѣкъ съ полтора-ста пригото-влено съ дубьемъ и дреколѣемъ, лежать вонъ тамъ, въ яругѣ, и они пошли за нами, чтобъ бить васъ не на животъ, а на смерть, и мнѣ истинно васъ жаль, вижу что вы очень доброй чело-вѣкъ.

— «Что вы говорите? не въ правду ли?» воскликнулъ испужавшійся и затрепетавшій отъ страха межевщикъ.

— Ей-ей! сказалъ я: и мы сей только часъ это узнали, и я для того и поспѣшилъ вамъ это сказать.

— «Помилуетъ васъ за то! подхватилъ онъ: вы меня очень обязали. Но, охъ, какъ же быть и что мнѣ дѣлать?... какъ-нибудь надобно бы уговорить и успокоить глупцовъ этихъ. Они съ дуру, что съ глупу, готовы на все отважиться... Ужъ не можете ли вы, продолжалъ онъ, какъ-нибудь ихъ усовѣстить и усмирить? Вы бы меня тѣмъ очень одолжили».

— Я уже имъ и говорилъ—сказалъ я,—но они несутъ чертовщину и кричатъ только: «Какъ! не хочеть отъ насъ принять спора! да мы вѣдь сами государевы!» Да и въ самомъ дѣлѣ, батюшка Иванъ Петровичъ, какъ можно вамъ не допу-

къ до спора? вѣдь они не владѣе, а казенные, и присланы къ мнѣ сообщенію.

Сортъ ихъ побери! подхватилъ меня: пускай себѣ спорять. Скажите, баринъ, что я согласенъ уже приѣхать отъ нихъ».

Имѣ и пошелъ я опять къ мужикамъ говорить съ ними еще нѣсколько минутъ опять къ межевщику, со мной сказали:

«Вотъ почти сдѣлано, а стало за безденежье у нихъ ни одного грамотея, сами не умѣютъ, и не смѣшно бѣдитъ меня, чтобы я имъ сколько-нибудь помогъ, а мнѣ встать изъ дому дѣло мѣшаться?»

«Жалуй, пожалуй! подхватилъ меня какая нужда!... скажите, баринъ, что я и на то согласенъ. Баринъ совсѣмъ».

Имѣ сего только и хотѣлось, то, поѣхавъ къ мужикамъ и поговоривши, привелъ я съ собою поѣхавъ и лучшихъ изъ нихъ, и помня съ межевщикомъ, возстановилъ гучно опять тишину, и начатое дело продолжаться, но съ тѣмъ лицемъ, что и я, какъ миротворилъ въ томъ соучастіе и взялъ обязанность указывать подьячему и мнѣ, что писать.

Но подьяческому своему высококо хотѣлъ-было меня слушаться, слишкомъ и не встать умничать отъ сущій вздоръ; но я скоро дошелъ, что самъ Рыбинъ сталъ его щика просить, чтобы онъ дозволилъ сказывать, что ему писать въ нихъ рассказовскихъ. Да не только тамъ и свои слова инако и какъ шло въ переморачивать дозволилъ. И пріятно всѣмъ нашимъ чрезвычайно было, а того милѣе, какъ они, что я самому межевщику сталъ давать совѣты, какъ лучше, какіе лучше дѣлать признаки; съ астролябією, какъ знающій, и что межевщикъ во всемъ гласалъ. Всѣ хвалили меня и вся

толпа народа обо мнѣ одномъ говорить начала и твердить, что не межевщику, а мнѣ бы межевать надлежало. Однимъ словомъ, сей одинъ часъ ввелъ меня въ преемственной кредитъ всей нашей округи и не только дворянамъ, но и крестьянамъ, и не только своимъ, но и постороннимъ. Всѣ возложили на меня надежду, всѣ твердили, что если-бъ не я, то быть бы тутъ чухъ, и всѣ увѣрились и перестали обо мнѣ имѣть сомнительство, какое многие, сами не зная почему, все-таки еще имѣли.

Признаюсь, что для меня сей день былъ очень пріятенъ, и ему нельзя было и не быть такимъ, потому что онъ очень много льстилъ моему самолюбію. И я надѣюсь, что мнѣ простибельно будетъ, когда признаюсь въ томъ, что слуху моему было очень пріятно слышать, что самые незнающіе совсѣмъ меня посторонніе люди твердили:

«О, сѣренъкій-то баринъ вострѣръ!» (такъ называли они меня потому, что былъ тогда на мнѣ сверхъ мундира сѣренъкой сюртукъ) «ничего говорить, вострѣръ, всѣхъ-ста онъ ихъ вострѣе, да и самого-то межевщика умнѣй. Ну, кабы не онъ, быть бы тутъ чему-нибудь и такой каши, что и не расклебали бы, а рассказовскимъ не видать бы, какъ ушей, своей землячки. Помниуетъ его Богъ! и самъ Христосъ его сюда принесетъ!» и такъ дагѣе.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, солнце продолжало свое теченіе и подвигалось уже къ полудню. Всѣмъ намъ уже и вѣсть захотѣлось. Итакъ, записавъ, какъ водится, самой простой и обыкновенной споръ, и дождавшись, какъ межевщикъ началъ уже черные столбы становить и ливніи двѣ-три отошелъ, возвратились мы къ своему стану съ радостью, что помогли рассказовскимъ и заставили пашковскихъ выпрягать лошадей своихъ изъ сохъ, которыя-было они для прорывиванія межи совсѣмъ-было приготовили. Въ стану своемъ нашли уже мы разостланную скатерти и множество и печенного, и вареного, и жареного, и питейнаго, словомъ, столъ всѣмъ изобиліемъ преис-

поиненной. Насъ обѣдала превеликая тогда компанія, а именно: я, г. Сабуровъ, г. Соймоновъ, г. Стахановъ, г. Паульской, г. Колемины, г. Ржавитиновъ, г. Тараховской, г. Смирной, г. Свитневъ, г. Бѣляевъ, г. Бордюковъ, г. Дуровъ, г. Левашовъ и многіе другіе, изъ коихъ нѣкоторые подѣхали къ намъ уже того утра. Миръ, согласіе, единодушіе, дружба, ласковость и взаимное другъ друга подчиваніе и угощеніе господствовало тогда между нами и дѣляли намъ ѣствы еще вкуснѣйшими, и могу сказать, что было намъ тогда очень весело и нескучно.

Послѣ обѣда учинили мы общій совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать? И какъ можно было навѣрное полагать, что межа до нашихъ границъ все будетъ спорная и въ тотъ день далеко не дойдетъ, а послѣдующій день былъ воскресной, то положили мы ѣхать домой и, захавъ опять къ межевщику посмотрѣть, какъ онъ межуетъ, собираться опять всѣмъ въ воскресенье къ вечеру на своей границѣ.

Опредѣливъ сіе, велѣли мы того же часа запрягать лошадей, и поѣхали въ путь. Межевщика нашли мнуженъсколькo линий отомедшаго и услышали отъ него, что онъ и въ послѣдующій день послѣ обѣда межевать станеть.

Сіе озаботило-было насъ нѣсколько, и обстоятельство сіе было тѣмъ для насъ досаднѣе, что намъ хотѣлось въ этотъ день поприздравать на именинахъ у господина Сабурова; ибо какъ въ самое сіе воскресенье была именинницею жена его, то звалъ онъ насъ къ себѣ. Однако, подумавъ-погадавъ и вида медлительность и нерасторопность межевщика, понадѣялся, что въ послѣдующій день межевщикъ, по непроворству своему, до нашихъ границъ, отстоящихъ оттуда болѣе нежели на десять верстъ, никакъ еще не дойдетъ, положили ѣхать домой и болѣе для того, что мнѣ хотѣлось вечеромъ посидѣть и заготовить для будущаго спора хорошую еписколу.

У меня была уже, и заготовлена изрядная пьеса для внесенія въ полевою за-

писку, но она не годилась по той причинѣ, что я, ходючи съ межевщикомъ и обходясь съ повѣренными Рыбиничъ ласково и дружелюбно, по счастью довелъ его стороною до того, что онъ проболтался и сказалъ намъ напередъ, куда онъ подѣвъ нашихъ дачъ вѣсти былъ намѣренъ, и я въ одинъ мигъ догадался, что онъ изъ слѣдующаго ему по отъѣзду книгамъ отвода намѣренъ былъ великую часть степи выпустить. И какъ обстоятельство сіе было мною совсѣмъ неожиданно, то сіе и заставило меня думать и помышлять о томъ, чтобъ дать спору моему совсѣмъ другой оборотъ и сообразить его съ намѣреніемъ г. Памкова.

Такимъ образомъ поѣхали мы съ Ивановъ Яковлевичемъ и нѣкоторыми другими домой, а прочіе остались ночевать опять въ степи отчасти при межевщикѣ, отчасти на границахъ нашихъ дачъ въ новоназначенномъ отъ насъ новомъ сборномъ мѣстѣ, чему мы были и рады, ибо могли имъ поручить имѣть всѣ нужныя предосторожности и на случай какихъ-либо неожиданностей дать имъ представленіе, что имъ дѣлать.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отѣхать, какъ я и раскаялся уже, что поѣхалъ, ибо застигла насъ на дорогѣ темная ночь, а ѣхать было еще очень далеко. Но какъ бы то ни было, но мы хотя почти ошупью, но до дома часа черезъ два ночи доѣхали. Совсѣмъ тѣмъ непреминулъ я приняться тотчасъ за перо, и того-жъ момента началъ писать свою еписколу и прежде не легъ спать, покуда ее не окончилъ.

Но какъ письмо мое достигло уже до своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ оное на семь мѣстъ перерывавъ, сказать вамъ что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 20-го дня 1808 года).

Письмо 163-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать нашъ славной споръ, имѣвшій столь многочисленныя и важныя

стѣи, за нужное нахожу сказать впередъ нѣсколько словъ о положеніи обстоятельствъ той обширной степи, въ которой начиналось тогда спорное дѣло, дабы чрезъ то могли быть понятнѣе быть тѣ мѣры, каковыя были тогда мною къ нещю г. Пашкова незаконнымъ и съ легкимъ трудомъ всѣмъ обширнымъ мѣстомъ къ предосужденію и всѣхъ моихъ сосѣдей, имѣвшихъ такъ-называемой Пандинской окрестность и во владѣніи землями бѣе соучастіе.

дѣи и болѣе продолговатая, неровная степь сія лежала тогда между Тамбовскимъ и Тамбовскимъ уѣздами, различивала собою оба сіи уѣзда. Она простиралась она отъ юга къ северу, нежели на 40 верстѣ, а въ длину восточна къ западу верстѣ на 100.

Въ южной внутренней своей была безводная, ибо въ срединѣ только текла небольшая рѣчка Ржавая, на которой у Пашкова завелъ маленькую хуторокъ для скота. Но что касается до краевъ степи, онѣ не совсѣмъ были безводны, и только онѣхъ довольно отчасти въ степи, протекающихъ вдоль ея предѣловъ въ буеракахъ или, такъ тамъ именованныхъ, яругахъ, имѣющихъ источникъ въ внутренней оной и впадающихъ въ рѣчки, въ сосѣдственныхъ находящіяся.

Къ северу до сихъ сосѣдственныхъ степей съ сѣверной стороны прилегали распашныя земли огромнаго дворянина Разказова, и тутъ протекала рѣчка ея помянутая рѣчка Лѣсной; но владѣніе крестьянъ сего села началось гораздо далѣе за сію рѣчку южной степи. А какъ Пашковъ въ эту сію рѣчку хотѣлъ отмежевать степь сію, поелику она упомянута речена была, то сіе и подало по описанному мною уже спору между Разказовскими и Пашковыми.

Съ восточной стороны прилегала къ

сей степи длиною побочною своею вся наша Пандинская округа, которое имя носила она потому, что большая часть селъ и деревень, въ ней находящихя, имѣли поселеніе свое при берегахъ нарочито величины рѣки Панды, протекающей вдоль сей округи по самой срединѣ оной.

Тутъ, во-первыхъ, прилегали къ ней распашныя земли большой деревни Караваеной; подлѣ сихъ прилегали земли деревни Мельничнаго - Поселка, принадлежащей одному Рахманову. За сими прилегали къ ней земли нашей деревни Болотовки, совокупно съ деревнею Бѣлаевою и отчасти села Трескина, принадлежащихъ многимъ и разнымъ владѣльцамъ, а особливо Тараконскому, Молчанову, Бѣлаеву, Казначеевымъ и другимъ нѣсколькимъ. А за сими прилегали къ ней земли деревни Калиновки, гдѣ жилъ помянутой г. Сабуровъ съ нѣсколькими другими владѣльцами.

Во всю сію длинную побочную не было ни одной рѣчки, текущей вдоль оной, кромѣ находящейся въ нижнемъ концѣ и называвшейся Паникою; напротивъ того, поперегъ пересѣкалась она многими буераками или яругами съ ихъ отростками, изъ которыхъ наиглавнѣйшею была рѣчка Караваенка, на устьѣ которой поселена была деревня Караваино. А напротивъ селенія нашей деревни Болотовки простиралась далеко въ степь яруга или буеракъ Дожечный съ разными его отростками или боковыми вершинами.

Съ южной стороны прилегали къ ней владѣнія разныхъ селъ и деревень того-жъ Шадскаго, а болѣе уже и Тамбовскаго уѣзда, поселившіяся на рѣчкѣ Ржавѣ и другихъ нѣкоторыхъ. А съ западной стороны прилегала во всю ея побочную къ ней другая и такая же обширная дикая степь, Тамбовскаго уѣзда, лежащая за рѣчку Осиновкою, и, наконецъ, владѣнія помянутаго экономическаго села Спасскаго.

Какъ точныхъ границъ ни которыя изъ смежныхъ съ сею степью владѣльческихъ дачъ не имѣли, потому что въ сихъ мѣстахъ не было въ древности никогда ни-

какихъ ни писцовъ и писповыхъ книгъ, а земля раздавана были разнымъ людямъ съ означеніемъ только числа четвертей и съ приурочиваніями весьма темными, необстоятельными и крайне недостаточными, то и произошло отъ того, что при размножившемся современномъ количествѣ жителей, всѣ они, не имѣя земель своимъ формальныхъ ограничивающихъ ихъ межей, владѣнія свои распространяли съ каждымъ годомъ отъ часу дагѣ со всѣхъ сторонъ во внутренности сей степи, почитаемой тогда всѣми казенною, дико-порозжею и никому не принадлежащею землею, и ближнія мѣста въ ней распахи- вая и заселяя хуторами и деревнями, а дальнія захватывая подъ свои покосы.

Но ни съ которой стороны такъ много сія владѣнія распространены въ нее не были, какъ съ стороны сѣверной рассказовскими и спасскими жителями, и съ стороны восточной жителями нашей Пандипской округи. Изъ сихъ нѣкъ такъ много земли во владѣніе подъ пашню и покосы не было захвачено, какъ господиномъ Рахмановымъ противъ деревни его Мельничнаго-поселка, лежавшей между нашею Болотовкою и деревнею Караванною, такъ что число однихъ сихъ захваченныхъ усильствомъ снмъ алчнымъ и наглымъ обидчикомъ простиралось до нѣсколька тысячъ десятинъ.

Въ таковомъ положеніи находилась сія степь до самаго того времени, въ которое началось у насъ государственное межеваніе; и какъ за годъ до того публикованъ былъ строгій указъ, чтобъ всѣ прикосновенные къ государственнымъ землямъ и захватившіе изъ нихъ какое-либо количество во владѣніе неотмѣнно объявляли, съ показаніемъ сколько ими завлажено и сколько они сверхъ того изъ ней себѣ купишь отъ казны пожелаютъ, то множайшіе изъ владѣльцевъ нашей округи, въ томъ числѣ и я, и объявили, какъ о завладѣніи изъ степи сей нѣсколькихъ сотъ десятинъ, такъ предъявили желанія свои и къ покупке еще множайшаго числа, считая всю степь сію не

инако, какъ казенною, ибо тогда о датѣ, произведенной изъ ней Пашкову и плутовскомъ его отказѣ всей оной за собою никому и ничего не было извѣстно.

Но какъ изданнымъ о межеваніи манифестомъ дѣла всѣмъ завладѣвшимъ и продажнымъ землямъ объявлена была противъ чаянія всѣхъ высокая, то и купши изъ ней землю только очень немногіе, множайшіе же, за неимѣніемъ денегъ, или не хотѣя жертвовать на то многими суммами, ослѣсь и, вздумавъ называть всѣ завлаженныя ими земли своими и говорить, что тутъ никакихъ пустыхъ и дико-порозжихъ земель не имѣется, продолжали не только въ противность манифеста по прежнему владѣть ими, но, несмотря на всѣ строгія запрещенія, и послѣ уже изданнаго манифеста продолжать часть отъ часу больше оныя распахи- вать ежегодно; что и продолжалось до самаго того времени, какъ явился Пашковъ со взятымъ на свой коштъ землемѣромъ для отмежеванія всей оной по плутовскимъ своимъ отказнымъ книгамъ за собою.

Но какъ черта, описанная въ сихъ его отказныхъ книгахъ, обнимала не только чрезвычайную обширность и пространство мѣста, но будучи приурочена живыми урочищами, а именно: съ рассказовской стороны помянутою рѣчкою Лѣвнымъ-Тамбовомъ, а съ нашей стороны самымъ верховьемъ рѣки Панды и отъ онаго на устьѣ Вершинки, впадающей въ рѣчку Караванку, и отъ сего мѣста прямо на верховье рѣчки Паники и оною внизъ, и по всему сему долженствовала пресѣчь и отхватить многія тысячи десятинъ, дѣйствительно распаханыхъ владѣльцами нашей округи, во владѣніе Пашкова, тогда всѣ наши владѣльцы увидѣли ясно свою ошибку и всю неправильность присвоенія себѣ земель, ими завлаженныхъ, и по справедливости стали опасаться, чтобъ не лишиться всѣхъ оныхъ при семъ межеваніи.

При таковыхъ обстоятельствахъ, по мнѣнію моему, много средства къ спасенію оныхъ не оставалось, какъ въ разрушеніи помянутаго плутовскаго Паш-

ловскаго отказа объявленіемъ всей этой степи казенною землею и доведеніи чрезъ введенной споръ сей до того, чтобъ Пашкову вѣдно было въ силу поминутаго пункта намѣрить не болѣе, какъ олько 1200 четвертей, а вся степь осталась бы казенною и всѣмъ можно-бы было ирѣдъ пользоваться оною, а желающимъ и купить изъ ней изъ казны сколько кому угодно.

Самое сіе и старался я всѣмъ нашимъ осѣдлымъ внушить и хотя мнѣ стоило о многога труда, но по крайней мѣрѣ достигъ я наконецъ до желаемаго и довелъ до того, что всѣ они признали сами укою необходимость къ названію и утвержденію всей этой степи казенною, и сходствіе того и положили всѣ стоять въ томъ и называть ее казенною всѣмъ единодушно и единогласно.

Но сего было еще не довольно, а предлагали мнѣ и кромѣ того еще два пункта, крайне меня озабочивающіе, или паче два дѣла, къ произведенію которыхъ въ дѣйство предусматривалъ я великія и ютти непреоборимыя затрудненія.

Первое состояло въ томъ, что какъ къ зобличенію неправильности и плутовства гласа Пашковскаго помогло бы много и о, еслибъ повѣренной его при отводѣ дѣлалъ болтуновъ и перепутался въ пивыхъ, упоминаемыхъ въ отказныхъ лигахъ, урочищахъ, то нужно бы было какимъ-нибудь образомъ завести его въ явовую лавиринтъ и ошибки; но чего я не смѣлъ и надѣяться, ибо воображалъ, то повѣренной его неотмѣнно будетъ ри отводѣ соображаться съ отказными воими книгами, и трудно будетъ его шутать.

Второе-же было и того еще важнѣе и удивительнѣе и состояло въ томъ, что какъ всеобщая всей нашей округи польза требовала, чтобъ при семъ межеваніи не связать намъ никакъ и нашихъ земель юрами съ сею казенною землею, ибо въ какъ случаѣ подпала-бы и вся наша округа измѣренію и могла-бы всей своей примѣрной земли, простирающейся до нѣсколькихъ тысячъ десятинъ, лишиться;

то для избавленія себя отъ того и спасенія всей нашей примѣрной земли другого средства я не находилъ, кромѣ того, чтобъ пожертвовать всѣмъ тѣмъ и можетъ быть небольшимъ количествомъ владѣемой нами земли, которой Пашковъ захватить отводомъ своимъ въ свою округу, и не только всю ее называть казенною землею, но даже и свою, вплоть подлѣ его черты находящуюся, и всходствіе того говорить вездѣ, гдѣ бы онъ ни повелъ, что направъ и налѣвъ не наша и не его, а государева земля.

Симъ однимъ можно было намъ отбить отъ измѣренія нашей дачи. А еслибъ послѣ и дошло до того, чтобъ вѣдно было намъ показать покуда же простирается казенная земля и гдѣ границы нашей, то думалъ я, что можно тогда будетъ тутъ же и отступя хоть нѣскольکو сажень отъ черты его отвода, показать границы наши. Но какъ можно было мнѣ ласкаться надеждою уговорить всѣхъ толь многихъ соучастниковъ въ нашемъ владѣніи къ тому, чтобъ они говорили со мною за одно, отклепывались отъ своей земли и называли ее казенною, а особливо самихъ хозяевъ тѣхъ пашень, чрезъ которыхъ Пашкову повѣренному отводъ свой вести случится?

Сіе-то меня смущало и обезоруживало всего болѣе. Я никакъ не смѣлъ тѣмъ ласкаться, а паче имѣлъ причину бояться, чтобъ самые тѣ владѣльцы не вадѣлали пакостей отъ неблагоприятнаго жалѣнія своей земли и объявленіемъ, что она ихъ, не испортили-бы всего дѣла.

Но противъ всякаго моего чаянія въ обонхъ сихъ важныхъ, смущавшихъ меня пунктахъ помогла мнѣ самая случайность или паче невидимое дѣйствіе Промысла Господня, опредѣлявшаго жребій симъ землямъ не по нашимъ ожиданіямъ и мыслямъ, а по судьбамъ своимъ, неисповѣдимымъ.

Въ разсужденіи перваго пункта помогло мнѣ то, что нечаяннымъ образомъ, какъ я въ предсѣдующемъ писемѣ упоминалъ, проболтался мнѣ самъ Рыбинъ и сказалъ такое слово, котораго бы мнѣ ни за какія деньги не купить и которымъ

преподавъ онъ мнѣ самъ, такъ сказать, петлю для возложенія ея на него. Дѣло состояло въ слѣдующемъ.

Какъ я, обходясь съ нимъ умниленно очень ласково и дружелюбно и принимая видъ будто я желаю самъ имъ отмежеваться со всѣмъ успѣхомъ, спросилъ его: куда же онъ, дошедъ до верховья рѣчки Лѣсного-Тамбова, поведетъ далѣе? то сообразно съ своими отказными книгами и сказалъ онъ, что на вершины или верховья рѣки Панды. Этого я и ожидалъ. Но какимъ поразился я удивленіемъ, когда онъ вслѣдъ за симъ примолвилъ, что она-де очень отъ того мѣста близка и не болѣе-де версты или двухъ.

— «Ба, ба, ба!» воскликнулъ я самъ въ себѣ, сіе услышавъ:—«это что-то особенное и не похожее на дѣло! Верховья рѣки Панды мнѣ извѣстны, и онъ не такъ близки, какъ онъ говоритъ, а очень далеко и не ближе версты двадцати отъ того мѣста. Ахъ, батюшки мои!»—продолжалъ я самъ въ себѣ помышлять: «ужъ не думаетъ-ли онъ все то ужасное количество земли, которое лежитъ между верховьями рѣчки Лѣсного-Тамбова и рѣки Панды изъ своего обвода выпустить и верховьями Панды назвать верховья рѣчки Караванки, которая точно, по словамъ его, недалеко отдалена отъ того мѣста, какъ версты на двѣ или на три и лежитъ прямо противъ онаго? То-то бы право хорошо! ужъ бы сѣлъ я ему тогда на шею и всего-бы удобнѣе могъ его спутать и завести въ лавиринтъ».

Все сіе кинулось мнѣ въ ту же минуту въ мысли; почему, не сказавъ ему на то ни слова, замолчалъ и скоро послѣ того, разставшись съ нимъ, для самаго того болѣе и спѣшилъ ѣхать домой, чтобъ заготовить заблаговременно на бумагѣ то, чтò тогда говорить, если онъ дѣйствительно сдѣлаетъ такую важную и столь для насъ полезную ошибку.

Что касается до второго несравненно важнѣйшаго, смущавшаго меня пункта, то недумано негадано помогло мнѣ много все случившееся при спорѣ съ разсказовскими; ибо какъ всѣ наши повѣ-

ренныя и дворяне увидѣли мое знамя и искусство, то, возмнѣвъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣніе, удостовѣрились въ томъ, что все, что ни буду я дѣлать, будетъ основано не на пустякахъ, а сущимъ дѣлѣ. А сіе, какъ изъ послѣдствія окажется, и помогло мнѣ убѣдить и уговорить ихъ ко всему, что мнѣ хотѣлось, и произвестъ то, чего никто не могъ ожидать и что удивило самого меня до чрезвычайности.

Вотъ все, что хотѣлось мнѣ рассказать предварительно для лучшаго вамъ разумѣнія всего послѣдующаго, а теперь возвращусь къ порядку моего повѣствованія.

Возвратившись помянутымъ образомъ домой и написавъ все нужное на случай Рыбиной ошибки, поѣхалъ я на другой день, что случилось быть 12 сентября, къ г. Сабурову къ женѣ его на иманни. Онъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ, ибо могъ сказать, что онъ меня очень полюбилъ и обходился со мною какъ-бы съ близкимъ своимъ родственникомъ или лучшимъ другомъ. Вскорѣ послѣ меня прѣѣхали къ нему и господа Соймоновы съ женами, также и господинъ Дуровъ съ женою.

Всѣ они были уже мои пріятелями, а особливо доволенъ я былъ старшимъ братомъ господина Соймонова, Юрьемъ Федоровичемъ, человѣкомъ почтеннымъ и разумнымъ. Онъ обходился со мною не какъ полковникъ, но какъ высшій меня чиномъ, чѣмъ заставлялъ меня еще болѣе себя любить и почитать.

Сему человѣку восхотѣлъ я сдѣлать учтивость и показать заготовленной мною споръ и требовалъ объ немъ его мнѣнія. Онъ расхвалилъ его впрахъ и двинулся особливому туру или пути, какой я спору выбралъ, признаваясь, что онъ особаго рода и притомъ не только надежной и безсомнѣнной, но и такой, о которомъ Пашкову и въ мысль не придетъ, и что я иду противъ его такимъ путемъ, съ котораго ему сбить меня будетъ очень трудно.

Послѣ обѣда не сталъ я долго медлить, но, напившись кофея, спѣшилъ ѣхать въ

лагерь въ намѣреніи мимоходомъ осмотрѣть все теченіе рѣчки Караваенки и всѣ издающія къ нее вершины, дабы тѣмъ лучше можно было расположить свой споръ и отводъ.

Для самаго того, прѣхавши домой, оставилъ я свою колыску, велѣлъ ей ѣхать за собою, а самъ, сѣвъ на лошадь верхомъ, воскачалъ съ однимъ повѣреннымъ къ Каравану. Но на ту бѣду случилъ подо мною лошадевка ни къ чему годная и какъ день склонился къ вечеру, то, не доскакавъ еще до Каравана, поставилъ ее въ янь. Но тутъ по приказанію моему дожидались уже меня караваенскіе однодворцы съ перемежными лошадьми. Я пересѣлъ на другую и велѣлъ себѣ вести спину до самаго верховья рѣчки Караваенки и показать мнѣ всѣ ея отвертки и положеніе ихъ.

Осмотрѣвъ и замѣтивъ въ мысляхъ все, что мнѣ было надобно, спѣшилъ я добираться до лагеря нашего, куда прискакавъ, нашелъ уже я превеликое собраніе господъ дворянъ. Всѣ они насъ дожидались и у нихъ были разныя мнѣнія и толки. Иные надѣялись на меня, какъ на камешную стѣну, другіе сомнѣвались, а повѣренной господина Рахманова все насъ околеснуд и по глупости своей понималъ только о дракѣ и, какъ я поспѣшнѣ провѣдалъ, заготовилъ уже множество людей и возмунтилъ къ тому же и многіхъ однодворцевъ деревни Караваилой, до которой тогда до первой доходило дѣло.

Прѣздъ мой оживотворилъ все общество и прогналъ всѣ ихъ недоувѣрки, трусости и сомнительства. По счастью подошлѣ къ намъ и г. Сабуровъ. Сему, богѣе всѣхъ прочихъ усердствующему пользѣ общей, человѣку не взглянулись гости и компанія: онъ оставилъ и жену, и гостей у ней, а самъ поспѣшилъ вслѣдъ за мною, вѣдая, что присутствіе наше очень нужно, ибо мы боялись, чтобъ межовщикъ не дошелъ уже до прѣзда нашего до того мѣста, гдѣ находился нашъ лагерь. Однако ми прѣехали благовременно и межовщикъ, по полученнымъ вѣ-

вѣстіямъ, находился отъ насъ еще въ нѣсколькихъ верстахъ.

Совѣтъ тѣмъ, какъ ми въ томъ сомнѣваться уже не могли, что онъ въ послѣдующій день къ обѣду къ тому мѣсту прибудетъ, гдѣ мы расположились станомъ, какъ на границахъ нашего владѣнія, и что ми должны будемъ имѣть съ нимъ первую стычку или словесное сраженіе; то заблагоразсудилъ я созвать генеральной военной совѣтъ и рѣшить наконецъ всѣ сомнительствы, объявивъ имъ весь планъ и порядокъ моего намѣренія, о которомъ я до того времени никому, кромѣ вѣрнѣйшихъ особъ, не сказывалъ, изъ опасенія, чтобъ бездѣльниками не перенесены были непріятелю слухи. Адъютантъ вашъ долженствовалъ собрать того момента всѣхъ повѣренныхъ и самыхъ владѣльцевъ въ кружокъ для выслушанія моего намѣренія и приказовъ. Смѣшно и пріятно было видѣть, какъ я стоялъ тогда, какъ главной предводитель, посреди, окруженной людьми двадцатью дворянъ и превеликимъ множествомъ повѣренныхъ прикащиковъ, однодворцевъ и мужиковъ. Всѣ хотѣли охотно слышать о чемъ говорено будетъ; всѣ обращали свои взоры на меня и всѣ протягивали уши, чтобъ не пропустить ни одного слова. Ми смѣялись неоднократно послѣ и сравнивали весь свой походъ, которой прозвали ми Рыбинскимъ, съ войною Троянскою, а себя съ греческими царями, а повѣренныхъ съ ихъ наперсниками и лучшими—вельможами и воинами.

Господинъ Сабуровъ, представлялъ тогда особу царя Агамемнона, а я Улисса, а другіе другіхъ греческихъ царей, смотря по свойству, качествамъ, лѣтамъ и достоинствамъ, ибо всѣ ми были между собою равныя владѣльцы, но качествами имѣли не одинакія. Были тутъ люди острые и скоро все понять и разобрать могущіе; находились иныя, которые были не столь остроумительны и понятливы, а третьи и тѣхъ простѣе. А не было и въ такихъ недостатка, которые простою своею иногда въ досаду, а иногда въ смѣхъ насъ приводили. Къ сему роду при-

надлежали нѣсколько человекъ изъ стариковъ.

Но никто намъ такъ не былъ смѣшонъ, а иногда досадонъ, какъ одинъ старый мужъ, и дѣлами и чиноу своимъ всѣхъ прочихъ превосходящій, а поступками всѣхъ смѣхотворнѣй. Былъ то господинъ надворной совѣтникъ Свитинъ, въ разсужденіи котораго никто не могъ надвинуться, какъ онъ могъ, будучи нѣсколько лѣтъ воеводоу, править цѣлымъ городомъ и уѣдомъ. Не могу истинно довольно насмѣяться, какъ въспомню его поступки.

Онъ былъ изъ самыхъ старинныхъ людей, не очень богатой и не тутошній житель, а живущій неподалеку отъ Пашкова и ему знакомой, туда же для межеванья приѣхавшій, потому что онъ имѣлъ участіе въ деревнѣ Караванной. Но характера былъ столь смѣшного, что не можно было не надсѣдаться со смѣха, слышавъ его разсужденія.

По несчастію случился, что онъ и въ самомъ жителствѣ своемъ невѣдомо сколько разъ обиженъ былъ г. Пашковымъ. А какъ онъ и тутъ отъ него же и, къ несчастію, еще первой претерпѣвать былъ долженъ зло, то не было истинно часа, чтобъ онъ его не ругалъ и не проклиналъ всѣми клятвами, какими только клясть можно, однако такъ, что самъ бы господинъ Пашковъ на то не осердился, какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ его въ глаза ругалъ, а онъ его считалъ шутикомъ и игралъ имъ, какъ дурачкомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ нельзя было и сердиться, ибо онъ былъ очень смѣшонъ, и въ одинъ мигъ у него и дружба съ нимъ, и брань, и лады, и сердце, и гнѣвъ, и опять смѣхъ. Вотъ какого разбора человекъ случился тогда быть въ нашемъ обществѣ; по было нѣсколько человекъ и другихъ, которые не многимъ чѣмъ лучше его были. Но мнѣ время возвратиться къ своему повѣствованію.

Собравъ вокругъ себя всѣхъ въ кружокъ, сдѣлалъ я всѣмъ военачальникамъ и рядовымъ напередъ изрядное предисловіе, чтобъ возбудить ихъ тѣмъ къ единодушной и мужественной противъ

непріятеля оборонѣ, а особливо уговаривалъ ихъ къ тому, чтобъ они всѣ на меня положились, поручили-бъ мнѣ все дѣло, слушались-бы моихъ повелѣній и безсонины-бъ были, что я ихъ не обману, а сдѣлаю всему обществу услугу. Предуготовивъ ихъ симъ образомъ, сталъ я всѣмъ имъ вслухъ читать, что я говорить и предпринимать намѣренъ, толкуя имъ каждое слово и сказывая именно для чего что говорить и дѣлать хочу.

Всѣ выслушали намѣреніе мое и написанной споръ съ величайшимъ вниманіемъ, и по окончаніи чтенія, поминашціе начали выхвалять и благодарить меня за мое стараніе, будучи мною очень довольными. Прочіе же также хвалили и благодарили меня, хотя и половини дѣла не могли понять, а только заключали, что я, по мнѣнію ихъ, хитрое и далеко всѣ ихъ мысли превосходящее дѣло (?)..

Однимъ словомъ, предпріятіе сіе возмѣло желаемое дѣйствіе и мнѣ столь много помогло, что перемѣнило въ одинъ мигъ мнѣніе самыхъ злѣйшихъ и объ одной только дракѣ помышляющихъ противниковъ. Всѣ стали уже на меня полагаться и ввѣрять мнѣ судьбу своей округи и всѣхъ своихъ жителствъ, и оставалось мало такихъ, которые имѣли-бъ еще недовѣрку, и я радовался и благодарилъ Бога, что мнѣ вздумалось сіе сдѣлать, ибо безъ сего вылились бы великія бѣды и куралесица преужасная.

По распущеніи сего послѣдняго нашего военнаго совѣта, начались у военачальниковъ, поставившихъ станы свои по разнымъ мѣстамъ, подчиванья и угощенья другъ друга. Всякой звалъ другихъ къ своей коляскѣ и подчивалъ водкою и другими напитками, какіе у кого случились. Между тѣмъ приутовлены были у всѣхъ ужинны, и на множествѣ раскладенныхъ огняхъ варены были каши и другія ѣствы. Мы разсудили за благо собрать ихъ всѣ вмѣстѣ и составить общій ужинъ или пикникъ.

И какое это пріятное собраніе сдѣло тогда кругомъ разостланныхъ на травѣ скатертей, и какой веселой, вкусной и

поблизости преисполненной ужинъ
гда у насъ! какое множество бѣствъ
мощество надѣтковъ! Всею у насъ
мощью, и мы наѣлись такъ, какъ
борномъ какомъ и праздничномъ
Звѣздами испещренный сводъ неба
илъ тогда наши палаты, а нѣ-
ожженныхъ свѣчь освѣщали нашъ
Звѣзда, шутки и невнимны издѣвки
ми нашу пищу, а согласіе между
и новая дружба дѣлали ее еще
шею. Однимъ словомъ, мы сбори-
жомъ такъ были довольны, что
не хотѣлось раскодиться и брать
и хотя была тогда глухая уже
ю мы согласились проводить еще
до времени въ продолженіи на-
аговоровъ, и полегшись кругомъ
днанаго и самими нами возжигас-
правляемаго огонька, и провели
къ разговорамъ и смѣхамъ истинно
дочи.

частію случился одинъ изъ нашихъ
цей, а именно господинъ Пауль-
валякой шутникъ и издѣвочникъ
человѣкъ, которой рожденъ былъ
р, чтобъ увеселять компанію раз-
нѣшными разсказами и прибау-
которыя къ нему чрезвычайно и
ли, хотя онъ былъ и прямо ра-
человѣкъ. И какое множество не-
ль онъ намъ тогда такого, чему
со смѣху надсѣдались.

вадь, тѣмъ не удовольствуясь, стали
бой поочереды говорить, и всякой
ь былъ разсказать что-нибудь
е и увеселить собраніе, что не
намъ, но и самымъ людямъ нашимъ
дѣтно, которые поужинавъ вмѣстѣ
ествомъ мужиковъ и повѣренныхъ,
или наше сборище и до тѣхъ поръ
обо снѣ не помышлялъ, покуда не
исъ мы по своимъ походнымъ квар-
кончился сей день, а вмѣстѣ съ
ончу я и письмо мое, сказавъ, что
и прочее.

Декабря 20-го дня 1808 года).

СПОРЪ.

1773.

Письмо 164-е.

Любезный пріятель! Понаступленіи
последующаго дня, начались у насъ под-
чиванія другъ друга чаемъ и взаимными
поздравленіями съ добрымъ утромъ. Но
у меня, какъ у главнаго предводителя,
не то было на умѣ, а я спѣшилъ восполь-
зоваться достальнымъ еще свободнымъ
временемъ до сраженія и употребить оное
на рекогносцированіе или осматриваніе
еще одной вершины и нѣкоторыхъ мѣствъ,
по которымъ, какъ думалъ я, поведетъ
межевщика нашъ непріятель. И для того,
сѣвъ на лучшую лошадь, какая могла
найтись во всемъ станѣ, и взявъ съ
собою человѣкъ пять наилучшихъ повѣ-
ренныхъ, пустился въ степь для обзоръ-
ванія мѣствъ.

Неуспѣли мы нѣсколько отъѣхать, какъ
наѣхали на одного верхового мужика.
Мы тотчасъ стали подозрѣвать не изъ
лазутчиковъ ли онъ Пашковыхъ, како-
выхъ тогда вездѣ нѣсколько человѣкъ ша-
галось подъ видомъ исканія пронавшихъ
лошадей, и для того поскакали тотчасъ
къ нему и приказывали остановиться.

— «Что за мужикъ? закричали мы: и за-
чѣмъ здѣсь?» Вѣдной мужикъ такъ испу-
жался, что не зналъ, что говорить и дѣ-
лать.

— Я, родимой, Спаской, ищу лошадей!
Пропали, кормилецъ, двѣ лошади!

— «Нѣтъ, плуты!» закричали мы, «не
Спаской ты, а Пашкова! хочешь-ли, какъ
мы въ плети?»

Мужикъ, думая, что мы его вправду
бить хотимъ, задрожалъ отъ страха и
клялся и божился намъ, что онъ не Паш-
кова, а Спаской и намъ союзникъ и про-
силъ помиловать.

— «Постой-же, мой другъ!» сказали мы:
«когда ты Спаской, то сказанной намъ,
въ какомъ мѣствѣ ты въ Спаскомъ жи-
вешь, какъ тебя и твоихъ сосѣдей зовутъ,
и такъ далѣе, и сказывай скорѣе, не за-

пинался?» И какъ со мною были однодворцы, знающіе спаскихъ мужиковъ, то по отвѣтамъ его увѣрились мы наконецъ, что онъ дѣйствительно былъ спаской, и оставили его съ покоемъ.

Осмотрѣвши такъ-называемую Дѣминскую вершину, о которой думали, что ее соперникъ нашъ станетъ называть рѣчкою Караванкою, возвратился я въ нашъ лагерь и началъ дѣлать реестръ и списокъ всѣмъ повѣреннымъ въ ожиданіи межевщика и покуда у насъ было свободное время.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ томъ, что до обѣда намъ не будетъ никакого дѣла, потому что межевщикъ почевалъ отъ насъ еще за нѣсколько верстъ. Также всѣ мы полагали за вѣрное, что спору нашему надобно быть въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы стояли тогда своимъ лагерьмъ подлѣ озерокъ, изъ которыхъ вытекала рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, и которыя озераки раздѣляли наше владѣніе съ разсказовскими. Однако всѣ мы въ своемъ мнѣніи сильно обманулись, и я не успѣлъ возвратиться и начать дѣлать помянутой реестръ, какъ показалося намъ межевщикъ уже въ виду, и мы въ самое то время увидѣли скачущаго къ намъ на подводѣхъ солдата съ понатыми.

Смутился я тогда и не зналъ, что это значить, и какъ его тотчасъ ко мнѣ, какъ къ главному начальнику, представили, то удивился я еще болѣе услышавъ, что присланъ онъ къ намъ съ понатыми для повѣстки, чтобъ мы и повѣренной господина Рахманова тотчасъ явились, потому что пришла его владѣнія земля, а при томъ угрожаемо было, что если не явится, то безъ него межевать будутъ.

«Кой чортъ?» сказалъ я тогда самъ въ себя: «что это значить? тамъ владѣнія Рахманова еще и въ завѣтъ не роживалось и откуда они его тамъ взяли? Да къ чему такая непомѣрная уже строгость и угрозы? вѣдь онъ не слѣпъ и насъ видить, къ чему посылать съ понатыми!»

Признаюсь, что досадна была мнѣ сія межевщикова поступка. Однако некогда было тогда долго раздѣлывать. Я, схва-

тивъ лошадей, какаѣ первая попалась, и поскакалъ во всю прыть къ межевщику, боясь, чтобъ они чего не напроказничали. Прочіе господа послѣдовали за мною, и мы всѣ въ одинъ мигъ очутились у него.

Мы нашли господина землемѣра и уже ожидающагося и я первой, подошедъ къ нему, подалъ ему свою сказку. Онъ удивился, что я подаю сказку, хотя моя деревня отстояла еще верстъ за двадцать отъ того мѣста, и моего владѣнія тутъ и въ завѣтъ еще не роживалось, и началъ было барабошить. Но не тутъ было, чтобъ выторговать тѣмъ что-нибудь. Дѣло было напередъ смѣчено и тѣмъ убѣждать приготовлено.

Ему и повѣренному господина Панькова и на умъ того не приходило, что мы хотимъ спорить цѣлою округою, а не поодиначкѣ, и они не инако думали, что каждой изъ насъ только за свое владѣніе отвѣтствовать будетъ, и потому и дѣлялись насъ събить съ пути, думая: дураки дескать они, перепутаются и переплетутся между собой, а мы-де что хотимъ изъ нихъ и сдѣлаемъ.

Однако сей счетъ дѣлали они безъ хозяина, и смѣшно было смотрѣть, какъ межевщикъ и повѣренной остолбенѣли, увидѣвъ цѣлую толпу дворянъ и повѣренныхъ, подающихъ однимъ разомъ всѣ свои сказки, изъ которыхъ въ каждой написано было то же, что въ другой, и услышавъ отъ всѣхъ согласной крикъ, что у насъ у всѣхъ дача одна и чрезполосное владѣніе, и потому мы не поодиначкѣ, а всѣ вмѣстѣ отвѣтствовать будемъ. Такъ все отъ меня было настроено!

Въ пень сталъ тогда межевщикъ и не зналъ, что дѣлать и кому отвѣчать напередъ и у кого принимать сказки. Онъ озирался только на всѣ стороны и болтался, чтобъ его не прибили. Долго онъ сперва барабошилъ. Но статочное-ли дѣло! сколько людей, столько голосовъ и всѣ одно и то же говорили, а я всѣхъ пуще. Нечего было дѣлать, принужденъ былъ перестать умничать и принимать сказки. Сперва сталъ-было онъ ихъ читать и смотрѣть по формѣ ли онѣ написаны? Но я

онъ тотчасъ сказалъ, что развѣ онъ не знаетъ ибѣтъ дивать хочеть, такъ бы читалъ и рассматривалъ, а въ противномъ случаѣ оставилъ бы лучше сей бесполезный трудъ и повѣрилъ бы, что форма живо наблюдаена и всѣ сказки писаны, такъ надобно (ибо надобно знать, что я предварительно о томъ постарался и всѣ они были у меня пересмотрѣны, и которые не такъ были написаны—переправлены). Нечего было тогда дѣлать межевщнику, принужденъ былъ принимать, не читая, и брать въ кучу. И смѣхъ истинно! дѣла ину связали изъ оныхъ и подъячій знали куда съ ними и дѣваться. Долго се продолжило, однако наконецъ кончилось, и надобно было начинать дѣло.

— «Ну, что такое?» началъ я тогда говорить: «и зачѣмъ вы насъ сюда призвали?»

— Да вотъ, судырь, отвѣчалъ межевщникъ: — повѣренной господина Пашкова объявляеть, что влѣвъ начинается земля мѣст, надѣскихъ помѣщиковъ, и именно господина Рахманова, и что это писцомъ вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова.

— «Вранье, батюшка!» отвѣтствовала я, удивившись: «владѣнія нашего тутъ еще не роживалось, да и вершины рѣчки Лѣсного-Тамбова далеко еще впереди, а не тутъ».

Совсѣмъ тѣмъ былъ для меня сей случай неожиданнымъ, ибо я не иначе думалъ, что онъ пойдетъ до самаго верховья, а онъ, бездѣльникъ, далеко не дошедши до самаго, а пришедъ до одного отвершка, назвалъ его вершинами. Однако, не долго думая, тотчасъ я расположилъ въ мысляхъ, что дѣлать и какъ въ семъ случаѣ поступить.

Какъ владѣнія нашего тутъ въ самомъ дѣлѣ не было и продолжалось все еще рассказовское, то распустилъ я поступить при семъ политическимъ и нейтральнымъ почти образомъ. По счастью было мнѣ время выдумать порядочное объявление, потому что для вписыванія въ полевую журналъ однихъ именъ нашихъ и повѣршиныхъ потребно было съ полчася времени.

Приготовившись симъ образомъ, началъ

я тихо, порядочно, степенно и слово за словомъ диктовать подъячему и съ такимъ порядкомъ, что самъ повѣренной Пашкова былъ тѣмъ доволенъ и хвалилъ меня, что я умно пишу и порядочно, и что ни на ту, ни на другую сторону не преклоняюсь. Но бѣднейкой незналъ, что я его тогда только по губамъ мазалъ, и что нарочно только для того не оскорбительно для его говорилъ, чтобъ тѣмъ лучше скрыть будущее мое и прямое намѣреніе.

Объявленіе мое состояло въ немногихъ только словахъ, а именно, что верховье рѣчки Лѣсного-Тамбова еще впереди и земля налѣвъ не наша, а владѣютъ ею рассказовскіе, а какая она и какого уѣзда и казенная ли или дачная, того будто бы не знаемъ. Сіе самое и понравилось господину Рыбину; но онъ скоро сталъ мысли свои переиживать, какъ я, кончивши записку, поздравилъ его, смѣючись, что онъ первой и изрядной болтунъ и ошибку сдѣлалъ. Онъ не понималъ, правда, что я подъ симъ словомъ разумѣлъ, однако начиналъ меня побаиваться. Но мы еще съ нимъ были ладны.

Какъ все сіе продолжило долго и время настало уже обѣдать, то стали мы звать межевщника къ себѣ въ гости обѣдать и тѣмъ наче, что видѣли мы, что господинъ Пашковъ морилъ его и всѣхъ голодомъ. Долго онъ отпѣкивался, боясь прогнѣвать г. Пашкова; но я скоро нашелъ средство его убѣдить, говоря ему при повѣренномъ, чтобъ онъ взялъ его съ собою, такъ не будетъ ему и сомнѣнія въ томъ, что онъ съ нами говорить будетъ. Стыдно и дурно было тогда межевщнику и Рыбину; итакъ, принужденъ онъ былъ ѣхать съ нами въ нашъ лагерь.

Приѣхавши туда, начали мы къ нему подлещаться и старались угостить его наилучшимъ образомъ; по счастью было чѣмъ поподчивать, покормить и попоить: всего было наварено и настряпано. Старичокъ нашъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ и обращался съ нами очень ласково, а особливо со мною. Мы разговорились съ нимъ о Богородицкѣ, которому

волость онъ межевалъ, и о князѣ Гагаринѣ и объ управителѣ г. Опухтинѣ, и свели дружбу. Однимъ словомъ, удовольствовались его, какъ надобно.

Послѣ обѣда отозвалъ онъ меня къ сторуонѣ и сталъ уговаривать, чтобы я поступилъ съ г. Пашковымъ миролюбиво и развелся порядочно. Комисія была тогда для меня отъ него отдѣлаться. Будучи съ одной стороны къ миролюбію склоненъ, а съ другой предвидя сущую невозможность полюбовнаго развода, не находилъ я почти словъ къ соответствованію ему. Однако мнѣ удалось оставить его въ хорошемъ о себѣ мнѣніи и въ надеждѣ, тѣмъ наиболѣе, что я, не обѣщая ничего, твердилъ только, что посмотрю, какъ-то поведетъ Рыбинъ, и если будетъ скодно, то для чего не развестись, дѣло не уйдетъ еще, хотя и споръ будетъ.

Симъ и сему подобнымъ убаялъ я его такъ, что онъ самъ взялся и общалъ склонять и уговаривать Рыбина, чтобы онъ не таково далеко заходилъ въ наши земли; а мнѣ то-то было и надобно.

Такимъ образомъ начало дѣло понемногу клентся. Межевщикъ, возвратившись съ нами къ астролябин, непременно отозвалъ Рыбина къ сторуонѣ и переговарить съ нимъ шедивъ. «Хорошо!» думалъ я: «пускай переговарять, авось-либо на нашей улицѣ будетъ праздникъ». Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ повеселѣе сдѣлался. Однако сія радость его недолго продлилась. Туча висѣла уже надъ его головою, и не то бы онъ заговорилъ, если-бъ зналъ, что у меня лежитъ въ карманѣ на его шею заготовленное.

Но какъ-бы то ни было, но надсжало начинать дѣло и Рыбину начинать вести отводъ свой далѣе. Я очень любознѣтель былъ видѣть, куда онъ съ того мѣста поведетъ. И какъ мнѣ положеніе тамошнихъ мѣстъ было нѣсколько знакомо, то удивился я, что онъ поставилъ вѣху и сталъ вѣшнить ливню прямо степью, такъ что окою лиціемъ ему ни на вершину Панды, и ни на рѣчку Караваенку притить было не можно.

Видѣлъ я, что онъ путался и самъ не

зналъ, куда вѣтъ, но молчу и смотрю что будетъ и куда пойдетъ далѣе. Уже идемъ мы версту, идемъ другую, а онъ все ведетъ и все молчитъ. Но, наконецъ сталъ онъ приближаться уже и къ нашимъ дачамъ и дѣло становится не очень для насъ ладно. Время было начинать и намъ свой споръ, но я жду, чтобы разсказовскіе окончили свое владѣніе. На сіи глупцы всего меньше о томъ помышляли. Съ дуру, что въ дубу, ради бни тому, что ихъ владѣніе вывѣ еще простиралось и готовы были-бъ и все назвать своимъ, если-бъ только никто изъ чего не говорилъ.

Увидѣвъ, что они готовы были зайтить симъ образомъ и въ наши дачи, сталъ я помышлять, какъ-бы ихъ уже и остановить. И какъ опасность стала становиться часъ отъ часу болѣе, то сталъ я имъ уже тихонько говорить, что пора имъ окончить свое владѣніе. Но обѣды мои были съ ними: не слушались, окаянные! Я такъ и сякъ, но не туда ѣдутъ. Попалась дуракамъ какая-то дорожка и твердили только съ дуру: вотъ немного еще, вотъ до дорожки.

— «Дураки такіе-сякіе», говорю имъ: «что намъ попалась за дорожка? Перестаньте, я вамъ сказываю, а то бѣды себѣ надѣлаете и все дѣло испортите такъ, что и поправить будетъ не можно, но тогда и у меня уже не спрашивайтесь».

И какъ они и сего не уважали, а все шли да шли далѣе, то, подошедъ опять къ повѣренному ихъ, сказалъ: «Слышите-ли, пошолъ останавливай межевщика и скажи, что земля ваша кончилась, а впереди отнюдь не называй нашею, а скажи не знаю какая. Слышите-ли, пошелъ!»

— Добро, добро! инъ пора, отвѣтствуетъ мнѣ.

Но пора, пора, а самъ ни по ногу, боится и приступить къ межевщику; а цѣпь волокли да волокли, и межевщикъ подвигался да подвигался. Горе меня тогда взяло. Я моргаю, а сую разсказовскихъ повѣренныхъ, но они, по несчастью моему, случились сущіе мѣшани

противъ, такъ ни маленькаго провора къ не было.

Знать, не проваляся я и вздумалъ отъѣхать на удачу самъ остановить межу, и подошедши вдругъ, началъ гнуть, что въ томъ мѣстѣ разсказовенныя кончилась и вливалъ разсказки, крича на нихъ, что они молчи и зѣваютъ, а самъ трисся и боялся, они съ дуру, окаянныне, не заспоно. Но по счастью былъ я у нихъ бо кредитъ, нежели самъ думалъ. Поплисъ и подтвердили, что такъ, хотя юмъ дѣлѣ владѣніе ихъ еще далѣе имъ простиралось, но они не поуже и стали въ томъ, что земля юнчилась, и что начинается уже да государева.

Дно, думалъ я:—дѣло идетъ стройначивайте-ка, Иванъ Петровичъ, ячу и отпускайте ихъ, сказалъ я щнику, а тамъ посмотримъ, что бу-

жду тѣмъ, какъ сіе происходило, въ находилса впереди и металса, угорѣлая кошка, устанавливая вѣхи. Примѣтилъ уже самъ, что не туда такую степь забрелъ, гдѣ кромѣ и воньла ничего было не видно, и въ какъ-бы уже пособить себѣ и ѣса вправо. Почему и радъ былъ, и остановились и начали записы-объявленіе разсказовскихъ, и польскимъ случаемъ, перенесъ вѣхи и къ великой поворотъ вправо, подахъ рѣчь Караванкѣ.

отчасъ сіе усмотрѣлъ и былъ тѣмъ жъ, ибо то-то было мнѣ и надобно; о молчу и не говорю ничего, но даю опять записать новой румбъ, чтобъ меня отъ сей новой линіи не откъса и услышавъ мой споръ, не полъ вѣво.

Разсказовское дѣло было уже кон-надежало намъ говорить, то спрокъ только Рыбина, куда онъ теповернулъ? Онъ тотчасъ сказалъ, ну слѣдуетъ теперь иттить на вер-Пандинскую и онъ идетъ туда.

«Очень хорошо!» сказалъ я:—«я про-приложени къ «русской старинѣ» 1872 г.

шу милости записать, что онъ идетъ на вершину Пандинскую». Межевщикъ, хотя-бы и не имѣлъ права сего сдѣлать, но тотчасъ велѣлъ записать.

— «Прикажите ему подписаться», говорю я далѣе. Рыбинъ тотчасъ и подписалса, не предвидя нимало, что у меня на умѣ тогда было. Но не успѣлъ онъ поди-саться, какъ, обратясь къ межевщнику, я сказалъ:

— «Ну, дозвольте-жъ теперь и мнѣ слова два вымолвить!»— Очень хорошо, ска-залъ межевщикъ.

Тогда, обратясь ко всѣмъ своимъ то-варищамъ и повѣреннымъ, закричалъ я: «Господа! Пожалуйте поприступите!»

Всѣ наши уже знали, что будетъ и ждали того, какъ невѣдомо чего, улыбалса другъ съ другомъ, видя мои ухватки, и въ одинъ мигъ сдѣлали вокругъ межевщника и всѣхъ насъ превеликой кругъ. Тогда вытащилъ я изъ кармана свою епис-столію и, сказавъ подъячему:

«Изволь-ка, батюшка, въ журналъ свой записывать все, что я ни буду тебѣ ска-зывать», началъ изъ ней внятно, громко и не спѣша, а слово за словомъ, чнтать или такъ хлестать, что въ одинъ мигъ и межевщикъ съ лица сступилса, подъячій взбѣсилса, а Рыбинъ помертвѣлъ почти. Да инако и нельзя было, потому что всякое слово было тутъ молоткомъ при-бито и притомъ всего меньше было ими ожидаемо, ибо имъ и въ мысль того не приходило, что я стану самъ утверждать ихъ дачу, о которой по сіе время ничего еще не говорилъ, а хотя и слышали, что мы хотимъ назвать степь государевою, но думали, что мы назовемъ попросту и безъ затѣй, и потому надѣялись безъ всякаго труда побѣдить насъ своею ок-ружною и отказами. Но сіе было у меня давно смѣчено, и дѣло расположено со-всѣмъ инако и такъ, какъ имъ и въ го-лову не приходило, скрыто же подъ та-кою непроницаемою завѣсою, что они не могли ни малѣйшаго проникнуть и что у меня на умѣ догадаться, и прежде не уз-навали, покуда уже было въ полевою за-писку вписано.

Могу сказать, что сія уловка и проворство мнѣ всего болѣе и помогло. Выходствіе чего и при тогдашнемъ случаѣ я всего далѣе былъ отъ того удаленъ, чтобъ опровергать ихъ дачу и говорить, чтобъ у нихъ тутъ дачи не было, но самъ утверждалъ, что имъ дача дана и отъезды были; но утверженіе мое такъ расположило, что оно въ состояніи было опровергнуть всю дачу.

А именно я на первомъ семъ пунктѣ сказалъ, что земля эта дѣйствительно та, которая Пашкову отведена, но что отводъ сей былъ незаконной и несправедливой; что дача произведена ему въ запрещенное время и въ такой годъ, когда никому государственныхъ земель въ дачу производить было не велѣно; что Пашковъ былъ тогда самъ губернаторомъ; что отведена земля сія ему его подкомандующимъ, и отведено ее вдесятеро больше, нежели сколько ему дано и слѣдовало, и такъ, какъ ему, Пашкову, хотѣлось. Однимъ словомъ, что учинена была при томъ явная несправедливость въ предосужденіе казеннаго интереса.

Далѣе, что повѣренной Рыбинъ ведетъ теперь не туда, но этой земли великое еще множество упускаетъ невѣдомо чего и наваливаетъ на насъ, а мы ея никогда не владѣли и не владѣемъ, а пользуется ею Богъ знаетъ кто; что приѣзжаютъ на нее изъ дальнихъ мѣстъ разные люди и косятъ траву, гдѣ ни попало, и въ одинъ годъ здѣсь, а въ другой индѣ. Что г. Пашковъ этою землею до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не владѣлъ, а послѣ манифеста насильственнымъ образомъ себѣ много присвоилъ; а мынѣ упуская множество оной земли, конечно хочеть прихватить вмѣсто ее казенную, которая находится впереди и нами завлажена и о покупке которой мы желанія свои предъявили, а нѣкоторые изъ насъ и купили изъ казны, да и прочіе купить желаютъ; и что мы, опасаясь того, о семъ объявляемъ, а послѣ покажемъ, гдѣ онъ и покуда до манифеста владѣлъ и сколько захватилъ послѣ изданія онаго въ против-

ность самаго манифеста и не уважая высочайшаго повелѣнія, и такъ далѣе.

Какъ все сіе было ими не предвѣдѣно, то каждое слово приводило меземъ и Рыбина въ нестроеніе и замѣшательство. Они такъ смѣлись, что не знали что дѣлать. Рыбинъ то мертвымъ снѣгъ и стоялъ повѣся голову, а жевщикъ сколько ни барабошилъ и сколько ни усиливался не принимать спора, но нечего было ему дѣлать—такіе зубы напалъ!

Истинно, разъ съ десять онъ остилавался и не хотѣлъ болѣе писать, вора, что это не слѣдуетъ писать, это дѣло судное, и прочее. Но я на дое его одно слово три свокъ, и ставлю ему такіе резони, что ему не было не принять. А паче всего убѣждаю его тѣмъ, что мы споръ и все сіе являемъ для сохраненія казеннаго интереса и какъ вѣрнопоходанные, и что какъ казенному чиновнику, самому долгу о томъ пещися, и что по сему какъ можно ему объявленія не не принимать.

Симъ и подобнымъ сему образомъ валь я его, а когда слишкомъ онъ забарабошивалъ, то я и самъ на ополчался иногда съ самими угрозами, когда, ровно какъ на смѣхъ поди восклицалъ: «Какъ это возможно, вы у меня сего спора не приняли! вы иностранецъ какой и не такой подданной государю, какъ мы, и на законѣ не знаете?» А симъ образомъ употребляя когда лисій хвостъ, и волчій ротъ, и преодолевалъ я все нехотѣніе.

Наконецъ, вздумали-было они съ Іимъ сказать, для чего все это столько я говорю, а прочіе всѣ молчатъ и ничего не говорятъ.—«А развѣ это надобно, чтобъ они говорили?» сказавъ и тотчасъ всѣмъ нашимъ закричалъ, они говорили. Не успѣлъ я сего молвить, какъ всѣ въ одинъ мигъ ударили въ голоса, всѣ завоптали и кричали, что они всѣ то же самое.

ратъ и утверждаютъ я согласіемъ своимъ все и каждое мое слово подтверждаютъ.

Нечего было тогда межевщику дѣлать. Вѣбсьлся онъ и сердился и не понималъ, какъ это такъ у насъ согласно, и что я ни скажу, такъ всё за то умереть готовъ и не только свои, но и посторонніе въ голоса и то же подтверждали и кричали только, чтобъ господинъ межевщикъ изволилъ приказатъ писать все, что я ни буду говорить.

— «Боже мой! закричалъ онъ:— что это за диковника? можно-ль было сіе думать и сего ожидать? Да долго ли, скажите пожалуйста, этого будетъ? это цѣлая біблія!»
— Какъ быть! отвѣчалъ я:— біблія ли не біблія, да надобна.

Что касается до пьяницы подъячаго, такъ этотъ своимъ мурчаньемъ и ворчаньемъ мнѣ, какъ горькая рѣдка, надобно. Однако я сносилъ уже сіе съ терпѣніемъ и давалъ ему волю мурчать, а только бы писалъ.

Рыбинъ же, стоя и головою только покачивая, говорилъ: «ой, ой, ой, ой, ой!» Но я себѣ на умѣ: что ты ни думаешь, во твое до тебя доходить, а мы дѣлаемъ, что надобно. Да и подлинно онъ въ такое замѣшательство и нестроеніе привелъ былъ, что на всё мои объявленія и слова не могъ наитить, ни одного слова, во приступалъ только къ землемѣру съ просьбою, чтобъ онъ отъ меня ничего не принималъ; но я его такъ загонялъ, что онъ на него опрокидывался, говоря, что ему того не принять никакъ не можно.

Но какъ бы то ни было, однако, дѣло во желанію моему кончилось и записано было въ полевой журналъ все, что душѣ моей было угодно, хотя, правду сказать, я самъ уже усталъ сказывая, что писать. Но за то я узелъ былъ завязанъ такой, что господинъ Пашковъ не въ силахъ былъ развязать оной. А на г. Рыбина надѣта была такая уздечка, что онъ съ того времени принужденъ былъ плясать во моей дудкѣ и прыгать, какъ я велю и прикажу.

Богѣе всего смяло и пужало ихъ то, что я въ предосторожность, чтобъ не

могли они сшибничать и въ полевой запискѣ чего переменить, согласилъ всѣхъ своихъ товарищей приложить въ запискѣ сей лично свои руки, а потомъ заставилъ уже прикладывать повѣренныхъ, а потомъ всѣ листы мы переменяли и я своею рукою по листамъ скрѣпилъ.

Итакъ, кромѣ великаго числа повѣренныхъ, однихъ благородныхъ людей богѣ двадцати человекъ оной своими подписками утвердили. А все сіе до того землемѣра довело, что онъ тогда публично сказалъ, что нечего теперь господину Пашкову дѣлать, и что онъ счастливъ будетъ, если у него и всего не отымутъ.

Однимъ словомъ, споръ сей былъ мастерской и столь важной, что во всѣхъ нашихъ увеличилъ вдесатеро больше то хорошее мнѣніе, которое всё они до того времени обо мнѣ возымѣли. Уши мои не успѣвали тогда выслушивать похвалы и благодаренія, отъ всѣхъ мнѣ приносимыя. «Батюшка ты нашъ! твердили только всё— и самъ Богъ тебя къ намъ принесъ!» Но ни что мнѣ такъ не было чувствительно и приятно, какъ то, что многіе, въ томъ числѣ и самыя противники до того доведены были, что отъ радости плакали и твердили только: «Помилуетъ его Богъ! кабы не онъ, ну, пропали бы мы и нечего-бъ дѣлать!»

Но мнѣ время возвратиться къ продолженію повѣствованія.

Послѣ сего происшествія немного уже мы въ тотъ день межевали, ибо споръ мой и прикладываніе рукъ продолжилось такъ долго, что не успѣли мы сажень трехъ сотъ отойти, какъ стало смеркаться, и притомъ всходитъ такая туча, что всякой долженъ былъ искать себѣ убѣжища. Итакъ, слѣшили мы скорѣе окончить. И тогда въ одинъ мигъ пролился такой дождь, что не осталось на насъ сухой почти нитки и болѣе оттого, что лагерь нашъ для воды остался на томъ же мѣстѣ, гдѣ мы прежде почевали, и въ него не могли мы скоро дойти.

Къ вящему несчастію не привезена была тогда еще и палатка. Итакъ, покуда привезли ее, покуда поставили, до тѣхъ

(поръ) благополучно мы всё обмокли. Но какъ говорится въ пословицѣ, что на людяхъ и смерть красна, то и мы невзгоду сію перенесли съ терпѣніемъ и шутили только другъ надъ другомъ, а особливо будучи всё отъ хорошаго успѣха въ удовольствіи. Но за претерпѣніе отъ дождя отдохнули мы уже ввечеру, осушились и обогрѣлись при раскладенныхъ огняхъ и, поужинавъ опять съ удовольствіемъ, провели ночь съ покоемъ.

Что касается до межвщика, то сей бѣднякъ въ досадѣ, горести и замѣшательствѣ, вмѣстѣ съ повѣренными Рыбинимъ, принуждены были отъ дождя спасенія себѣ искать у стога и провели ночь въ великомъ безпокойствѣ и сомнѣніи.

Симъ кончился сей достопамятный день, и случившаяся при началѣ сего межеванья съ нами помянутая буря съ пресильнымъ дождемъ была равно какъ предвозвѣстникомъ, что начатое наше дѣло съ Пашковымъ въ послѣдствіи своемъ будетъ бурное и со многими безпокойствами и съ безчисленными хлопотами сопряженное. Но тогда и на умъ не приходило намъ сіе замѣтить, а мы считали сіе случайнымъ натуральнымъ происшествіемъ.

Съ симъ окончу я и сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 21 дня 1808 года).

Письмо 165-е.

Любезный пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ первой достопамятной день нашего межеванья, пойду теперь далѣе и расскажу, что происходило во второй.

Не сомнѣвался я ни мало, что въ ночь подъ сіе число у межвщика съ Рыбинимъ происходитъ будутъ многія совѣщанія и разныя выдумки, и въ томъ не обманулся. Но какъ имъ будущія мои намѣренія были неизвѣстны, и оба они по счастью были люди не очень хитрые, то и не имѣлъ я причины опасаться отъ нихъ многого. Однако, вида уже отъ нихъ злоковарной поискъ, взялъ предосторожность и взбудоражилъ всѣхъ на-

шихъ еще до сѣта, чтобъ поспѣть на межу, какъ можно равнѣе и не дать времени межвщнику что-нибудь схитрить и предосудительное сдѣлать.

Итакъ, притѣхали мы къ тому мѣсту, гдѣ кончили, очень рано и прежде еще межвщника, и увидѣли Рыбина развѣзжающаго по стени и прискивающаго вновь мѣста, куда ему вести отводъ свой. Я безсомнѣнно думалъ, что онъ держаться будетъ вчерашняго своего намѣренія и поведетъ насъ на верховье рѣчки Караваенки и назоветъ ее верхинною Пандинскою; и догадка моя подтвердилась, когда увидѣлъ я, что онъ съ того мѣста, гдѣ мы остановились, сдѣлалъ поворотъ еще вправо, нацѣливъ на верховье рѣчки Караваенки. Почему и начали мы въ сей день межевать спокойнѣйшимъ образомъ, и я помышлялъ только о томъ, какъ бы оспорить оную рѣчку и выбрать приличное мѣсто для приурочиванія стариннаго Сухотинскаго отвода. Въ сихъ помышленіяхъ ѣдемъ мы да ѣдемъ съ межвщникомъ и смотримъ, куда выведетъ насъ Рыбинъ. Но сколь мало я тогда зналъ, что готовился и дѣлался тогда новой злоковарной поискъ и такое новое помѣшательство, которое я всего меньше могъ предвидѣть, ибо послѣ узналъ я, что Рыбинъ съ господиномъ межвщникомъ провели мнувшую ночь далеко не столь спокойно, какъ мы, и я въ прошедшій день ихъ такъ загонялъ и въ такой завелъ лабиринтъ замѣшательствъ, что они во всю ночь почти не спали, а все думали, совѣтовали и помышляли о томъ, какъ быть, что дѣлать и чѣмъ исправить и полечить испорченное мною ихъ дѣло?—Но по счастью нашему, не было изъ всѣхъ ихъ ни одного такого остряка, которой могъ бы въ семъ случаѣ сдѣлать разумной переверотъ и поправить какъ-нибудь дѣло. Результатомъ или слѣдствіемъ всѣхъ ихъ размышленій и совѣтовъ было новое, но такое предпріятіе, которое вмѣсто того, чтобъ дѣло, по ихъ мнѣнію, исправить, оное еще болѣе испортило, а именно:

Не знаю кто-то изъ нихъ присовѣто-

гь лучше уже признаться въ томъ, много своей дачи выпустили и не на Панду, а иттить уже на Караваенку и назвать ее Караво, а не Пандою, какъ они хотѣли. Ибо они могли уже предусматривать, что я не премину ихъ въ томъ, и потому, боясь, чтобъ имъ неспустилось болѣе, Рыбинъ, вставъ еще вѣдаль, осматривать рѣчку Караву и прискивалъ отвершекъ при шой, при которомъ бы перевести изъ сію рѣчку всходствіе выписи.

было бы еще нѣсколько ладно, не сдѣлалъ онъ и тутъ еще нобки и погрѣшности. На объѣздѣ адисъ ему на глаза тутъ нѣскольчановъ, и нелегкая догадала его тѣмъ воспользоваться и привести отводъ свой на нихъ и назвать шовыми и упомянутыми въ отказо-книгахъ, а отъ нихъ уже по въ помянутое устье.

того я не зналъ и не вѣдалъ и нѣше подозрѣвалъ, что у него нею уже намѣреніе. Почему не образить сколь въ великую размыслией пришелъ я, какъ вдругъ пончилась на курганахъ и Рысталъ записывать, что сіи четыре писцовые и что онъ съ сего мѣта на рѣчку Караваенку. — «Ба! шуль я тогда: — что это такое? — то новое и неожиданное!» — Всѣди мои онѣмѣли и пришли въ вематеніе и трусость. Они присту- мнѣ, какъ въ единой своей на- и опорѣ, и шептали, спрашивая, ить и что дѣлать? Но мнѣ не до цю, чтобъ имъ отвѣчать; а я залъ множествомъ мыслей, и поравъ такимъ неожиданнымъ случаемъ, о мѣшкалъ и давно уже помыштомъ, какъ бы изъ сего сумнио обстоятельства выдраться и обособственное оружіе Рыбина промого его и его не только болѣе еще, новакинуть на него новой осель.

я въ такихъ случаяхъ скоръ, то гь мигъ было у меня все придумано и расположено какъ быть и что дѣлать, и я спѣшилъ уже иттить записывать противъ Рыбина, что надобно. Чего ради, не внимая спрашивающихъ меня непрерывъ другъ предъ другомъ нашихъ союзниковъ, продирался сквозь толпу, говоря только: «Пожалуйте не безпокойтесь! все это ничего и для насъ же еще лучше!» И продравшись къ астролябид, выслушалъ, что Рыбинъ написалъ, и потомъ далъ знакъ, чтобъ всѣ замолчали, не шумѣли и не мѣшали мнѣ говорить, что надобно. Въ мигъ тогда сдѣлалось безмолвіе и тишина совершенная. И я думаю, что ратники военачальнику своему не бываютъ такъ послушны, какъ были тогда всѣ мои союзники. Не успѣлъ я вымолвить слова какъ всѣ онѣмѣли и въ одинъ мигъ обступили кругомъ, и, сдѣлавши опять кругъ, протянули уши слушать, что я говорить стану.

Я опровергъ тогда его показаніе и сказалъ, что курганы сіи отнюдь не писцовые, а простыя, каковыми вся тамошняя степь наполнена; что отвода Сухотина никогда на сіе мѣсто не было; что Рыбинъ, вида изобличенную мною его несправедливость и упущеніе земли, теперь самъ въ томъ признается и тѣмъ справедливость нашего объявленія доказываетъ; что вчера велъ онъ сюда и называлъ находящуюся впереди рѣчку не Караваенкою, а Пандою, а теперь по нашему уже показанію называетъ ее Караваенкою, дабы тѣмъ прикрыть свою несправедливость; но что сіе уже поздно, и такъ дагѣе.

Все сіе смутило вновь Рыбина и привело въ такую разстройку, что онъ не зналъ, что дѣлать и не могъ вымолвить ни слова. Онъ охалъ только и качалъ головою, вида, что ему со мною не сладить и что все имъ затѣваемое я въ одинъ (мигъ) разрушаю и обращаю въ вящее зло, привожу самого его въ пушее замѣшательство. И какъ сматеніе его было слишкомъ очевидно, то нельзя довольно изобразить, какъ радовались тогда всѣ наши, и съ какимъ восхищеніемъ поднимали его на смѣхъ и приступали

къ нему и расположено какъ быть и что дѣлать, и я спѣшилъ уже иттить записывать противъ Рыбина, что надобно. Чего ради, не внимая спрашивающихъ меня непрерывъ другъ предъ другомъ нашихъ союзниковъ, продирался сквозь толпу, говоря только: «Пожалуйте не безпокойтесь! все это ничего и для насъ же еще лучше!» И продравшись къ астролябид, выслушалъ, что Рыбинъ написалъ, и потомъ далъ знакъ, чтобъ всѣ замолчали, не шумѣли и не мѣшали мнѣ говорить, что надобно. Въ мигъ тогда сдѣлалось безмолвіе и тишина совершенная. И я думаю, что ратники военачальнику своему не бываютъ такъ послушны, какъ были тогда всѣ мои союзники. Не успѣлъ я вымолвить слова какъ всѣ онѣмѣли и въ одинъ мигъ обступили кругомъ, и, сдѣлавши опять кругъ, протянули уши слушать, что я говорить стану.

къ нему, говоря: «ну-ка, ну-ка! господинъ Рыбинъ, ступай-ка, куда теперь поведешь, куда поплывешь?» и такъ далѣе... Горе тогда было бѣдному Рыбину. Онъ мялся, вертѣлся и, прикрывая стыдъ свой смѣхомъ, твердилъ только: «Что съ вами, господами, дѣлать? не дадутъ-таки на снѣ порохъ опереться. Куда ни поиди, такъ все не такъ!»!

Между тѣмъ приступалъ къ нему межешникъ и говорилъ, чтобы онъ продолжалъ отводъ свой и велъ далѣе. Я хотя уже предвидѣлъ, что онъ поведетъ не на верховое рѣчки Караваенки, а хватитъ влѣво, въ наши земли, и приведетъ на которой-нибудь изъ выпающихъ въ Караваенку съ лѣвой стороны отвершковъ; но какъ ихъ было много, то не зналъ на которой онъ поведетъ и боялся, чтобы онъ, окаянной, не выбралъ къ тому самой дальній, и не прихватилъ бы чрезъ то въ отводъ свой множество караваенскихъ пашень. Страхъ мой былъ и не безъ основанія. Рыбинъ въ самомъ дѣлѣ сталъ вѣшпть линію очень далеко влѣво и такъ, что я не могъ уже никакъ сомнѣваться, что онъ пойдетъ на отвершекъ дальній и захватитъ множество пашень, къ великому иреду и предосудженію караваенскихъ жителей. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было и новое смущеніе на меня напало. Хотѣлось мнѣ какъ-нибудь его отъ пашень отвести, дабы чрезъ то не связать споромъ нашей дачи съ его отводомъ и чрезъ то не подвергнуть всей оной опасности, что составляло наибавжнѣйшій для меня пунктъ; но я не находилъ почти способа.

Не въ меньшее смятеніе пришли и товарищи мои, а всѣхъ болѣе караваенскіе жители. Сіи трепетали уже отъ страха, чтобы не потерять всѣхъ своихъ пашень, и приступали ко мнѣ безъ умолку, говоря: «Куда-же онъ, батюшка, идетъ? вѣдь вотъ тутъ уже близехонько наши пашни—погубитъ онъ насъ!»!

— Молчите, ради Бога, говорилъ я имъ:—дайте время, я его тотчасъ спутаю, а теперь мнѣ его унять не можно. Разберите сами, вѣдь мнѣ не сказать же ему:

не ходи туда, это наши пашни! Онъ вѣдь тому и радъ будетъ и нарочно еще въ нихъ пойдетъ.—Что касается до прочихъ господъ, то сіи приступали ко мнѣ, говоря: «Пора, пора называть государевою землею!»—Досадно мнѣ тогда было, что они трусили, говорили сами не зная что, и смотрѣли только на настоящее, а предбудущее забывали.—«Пожалуйте, говорилъ я имъ:—дайте мнѣ волю, я уже знаю, когда называть, а то не устать сказать, да послѣ будетъ хуже. Надобно всякое дѣло дѣлать съ разсмотрѣніемъ».

Симъ отборилъ я ихъ и заставилъ молчать до тѣхъ поръ, покуда мы, идучи за Рыбинымъ, миновали первой и самой крайній отвершекъ, которой миновать мнѣ для того хотѣлось, чтобы могъ онъ для самихъ насъ послѣ служить въ пользу, и намъ можно-бъ было на него отводъ свой вывести, чего господа наши не предусматривали, для которой причины и далъ я ему, Рыбину, волю вести какъ онъ хочетъ. Но, чтобы лучше приготовить для себя что надобно, и чтобы удобнѣе принудить Рыбина повернуть отъ пашень прочь, употребилъ я хитрость, а именно притворился будто я крайне досадою, что Рыбинъ далеко ведетъ, и въ пыхахъ подошедъ къ межешнику, сказалъ ему: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, вы говорите и просите, чтобы намъ развестись полюбовно, но смотрите, можно-ли съ такимъ человѣкомъ разводиться? Ну куда его дьяволъ ведетъ? и можно-ли будетъ потомъ сладить, когда онъ самъ дѣло чась отъ часу портитъ и такъ дѣлаетъ, что нельзя будетъ послѣ и мириться».—Симъ убавилъ я межешника и довелъ до того, что онъ самъ сталъ на Рыбина сердиться и досадовать, что онъ забираетъ далеко въ лѣвую сторону. А сіе было мнѣ и надобно, ибо я нарочно и старался клентъ все дѣло такъ, чтобы межешникъ безпрестанно надѣялся и не сомнѣвался въ томъ, что мы помирились, и для того самъ помогать-бы намъ, не знаячи, въ нашемъ дѣлѣ.—«Такъ, такъ, отвѣчалъ онъ мнѣ:—вижу я самъ, что онъ дурно дѣлаетъ, но что мнѣ съ нимъ

— Не слушаетъ. Вотъ и теперь ъ чортъ его носить!»!

Надобно знать, что Рыбинъ въ ии находился верхомъ впереди и шивалъ вѣхъ.

Уготовивъ симъ образомъ межев- и моравнаас противъ помянутаго ио мнѣ отвершка, судилъ я, что ами начинать играть давно при- ишную нами, и межевщикомъ и итъ всего меньше предвидѣнную и мую, комедию.—«Стой!» закричалъ дѣжавъ къ межевщику, сурьез- идомъ началъ говорить: «Госпо- иземѣръ! я прошу васъ на семь астановиться и принять отъ насъ ише».

Клился тогда землемѣръ и не зналъ, о значить, однако, принужденъ итновиться и спрашивалъ насъ, объявить хотимъ? Но я просилъ, итъ напередъ записалъ на семь ио линиѣ мѣру и означилъ бы сіе иъ натурѣ пунктомъ и признакомъ, итъ мы уже и скажемъ, что надоб- и сіе было для него неразрѣши- иадкою, но нечего было ему дѣ- ипринужденъ былъ исполнить по иребованію.

гда, собравъ опять кругъ, началъ иить и вписывать иъ полевую за- ичто на семь мѣстѣ старинной

Сухотина съ лѣвой стороны и ииѣннѣй Рыбина неспранед- итводъ пресѣкаетъ, и что слѣдова- иа семь мѣстѣ упускаемая ииъ иъ лѣвой сторонѣ кончилась, а и направѣ и палѣвѣ начинается итвенная дикопорозжал и за от-

Сухотина оставшаяся земля, ио ииѣй Рыбинъ отводомъ сво- иихватываетъ; и потому основа- иль вчерашняго нашего сомнѣніа иказалась сама собою».

иѣхъ немногихъ словахъ состояло ие объявленіе; но сколь ихъ было ие, столь напротивъ того состав- иѣ великую важность и такой за- иувалъ, которой Рыбинъ со всею

своею хитростью развязать далеко былъ не въ состояніи, и которой для г. Паш- кова былъ всего предосудительнѣе и вреднѣе. Межевщикъ онѣмѣлъ, сіе ус- илышавъ; но помочь ему было не можно. Онѣ кликалъ и кричалъ, чтобы ѣхалъ скорѣй Рыбинъ, а сей, приѣхавъ, померт- вѣлъ, узнавъ о нашемъ объявленіи. Онѣ такъ спутался и въ такое пришелъ смя- теніе, что не зналъ, что говоритъ; а ме- ижевщикъ, отозвавъ его къ сторонѣ, вслухъ началъ его тазать.—«Дурно, дурно! гово- ирилъ онѣ ему:—что ты теперь надѣлалъ? куда ты забрелъ? куда занесла тебя не- илегкая? чѣмъ теперь пособишь? вѣдь я тебѣ говорилъ: не захватывай много! и вотъ до чего ты теперь довелъ!» и такъ далѣе.

Сіе Рыб и а еще пуще смутило, и какъ онѣ въ такихъ случаяхъ былъ очень трус- иливъ и нерасторопенъ, а притомъ уви- идѣлъ надъ собою великую бѣду и всею дѣлу своему навеличайшій и опаснѣй- ишій подрывъ, то безъ памяти схватя вѣху, жалостнымъ образомъ мнѣ сказалъ: «Ну, судырь, такъ я поверну и поведу туда, куда сами вы приѣдете»,—и хотѣлъ сдѣлать на самомъ томъ мѣстѣ поворотъ. «Нѣтъ, нѣтъ! закричали мы тогда всѣ:— веди, куда ты везъ и не снимай вѣхъ. Теперь тебѣ уже можно поворачивать, когда мы тебѣ сказали. Линія-то твоя записана, и ты отойди, хотя сажень, и тогда поворачивай, а теперь мы тебѣ не дадимъ». Онѣ сталъ-было спорить, но я увидѣвъ, что онѣ со страху хочетъ по- иворачивать вкрутѣ вправо и привести на самой тотъ отвершекъ, которой я для себя назначилъ, сталъ усиливаться и до- ивелъ до того, что онѣ, отошедъ еще са- ижень со сто, и тогда повернулъ уже на первой отвершекъ, какой ему тутъ вблизи первой повстрѣчался.

Симъ образомъ удалось мнѣ не до- ипустить его до нашихъ на сей сторонѣ Караваенки находившихся, и достигъ до желаемаго мною намѣренія. Онѣ пришелъ къ рѣчкѣ Караваенкѣ подлѣ отвершка, но версты съ три или болѣе выше того мѣста, гдѣ я сначала думалъ и боялся,

что онъ выйдетъ. Однако я и тутъ оспори́лъ и записалъ, что это не писцовое устье вершинки, впадающей въ рѣчку Караванку, а писцовое находится еще выше и осталось у насъ позади.

Заведя его въ сіе мѣсто, не имѣлъ я уже причины опасаться, что онъ прихватитъ много нашихъ пашень за рѣчку, потому что съ сего мѣста, идучи впередъ до самой рѣчки Паники, не должноствовало ему захватывать ни единой вершинки; а когда бы онъ захотѣлъ итти прямо чрезъ поля, то принужденъ бы уже былъ переходить множество находящихя впереди вершинъ и буераковъ, что совсѣмъ не согласно было бы съ его отказными книгами. Итакъ, отлегнуло тогда у меня на сердцѣ, и я, смѣючись, говорилъ уже ему, чтобъ онъ велъ куда хочетъ, и хотя бы всѣ поля прихватывалъ. Но онъ самъ признавался, что ему для буераковъ и овраговъ прямо итти нельзя, но долженъ поворачивать вкрутъ направо и всѣ ихъ обходить.

Однако сколь много онъ ни повернуть, но нельзя было ему миновать, чтобъ не захватить нѣсколькихъ пашень караванскихъ и большую часть ихъ стоговъ и сѣнокосовъ. И тутъ-то смѣшно было и мило слышать, какъ самые хозяева отпирались отъ своихъ стоговъ и пашень съ хлѣбомъ. Не успѣлъ онъ перейти рѣчку, какъ и пошли уже по пашнѣ караванскаго одводворца, которой самъ тутъ былъ повѣреннымъ. Такъ случилось, что межвщикъ у самого его сталъ спрашивать: чье это просо? но онъ говорилъ, что не знаетъ, что земля эта казенная, а кто ее пахалъ и сѣялъ—не знаетъ, не вѣдаетъ. У другого насѣяна была рѣпа. Всѣ пошли по ней и начали дергать. Хозяинъ былъ тутъ же, вздыхалъ только и намъ шепталъ, что рѣпа его, а межвщнику вслухъ и отъ пашни, и отъ рѣки отпирался. Третьяго горохъ подверженъ былъ такому-жъ жребію, но онъ ни слова не сказалъ, но самъ еще толочилъ и рвалъ, какъ бы не свой. Вотъ какое удивительное было согласіе и сколь великое мнѣ совѣтамъ послѣдованіе!

Признаюсь, что я былъ тѣмъ невѣдомо какъ доволенъ и не могъ довольно налюбоваться тому, какъ всѣ усердствовали и какъ единодушно за одно стояли и межвщнику только и говорили, чтобъ онъ изволилъ у самихъ стоговъ и пашень спрашивать чьи они. Бѣсился тогда межвщникъ, а Рыбинъ, идучи верхомъ, только пожималъ плечами и, охая, говорилъ: «Боже мой! кто этова чаялъ и кто могъ предвидѣть? отъ своей-ста земли отпираются! слышанная ли бѣда!»—«Но добро, друг мой! думалъ я самъ въ себѣ тогда:—и по неволѣ волосы вянуть, когда за нихъ тянуть. Нужда велитъ и свое называть чужимъ, когда, малое потерявъ, большое сохранить можно».

Такимъ образомъ велъ Рыбинъ насъ не малое разстояніе, и мы твердили только одно да одно, а именно: что направъ и налѣвъ государева земля. Наконецъ случилось г. Рыбину, или показалось, что прихватываетъ нашихъ земель мало, и для того догадало его повернуть вгѣво. Я молчалъ и далъ ему волю, а внутренно только радовался, видя что сдѣлавъ сей поворотъ зайдетъ онъ непременно въ находящийся впереди буеракъ и чрезъ то попадетъся мнѣ въ новую петлю. Какъ я думалъ, такъ и сдѣлалось. Онъ забрелъ благополучно въ верховье одного буерака, и я, будучи тому радъ, опять закричалъ: «Стойте! извольте господинъ землемѣръ записать сію вершинку, которая служить достовѣрнымъ и новымъ доказательствомъ, что Рыбинъ не по тому мѣсту ведетъ, гдѣ былъ отводъ Сухотина, которой никакой вершины не переходилъ». Досадно тогда невѣдомо какъ было межвщнику, но нечего было дѣлать, принужденъ былъ записать и самъ признаться, что эта вершина, хотя помертвѣвшій и великую свою погрѣшность усмотрѣвшій Рыбинъ и старался всеми образами утвердить, что это такъ, только лошняка. Но можно-ль было насъ ему переспорить? Мы вѣявъ уже ему хотали и тѣмъ въ такое смятеніе и замѣшательство привели, что онъ не зналъ

что дѣлать и принужденъ былъ признаться, что ошибся.

Мы нашли на семь мѣстѣ станъ свой уже расположенной, и для того уговорили межевщика, чтобъ на семь мѣстѣ обѣдать. Покуда варили ѣсть, покуда готовили и стряпали, началась въ обществѣ нашемъ изрядная уже комедія. Старичокъ нашъ, господинъ подполковникъ Свитный, мало-по-малу начиналъ сердиться, для чего дозволили мы и пустили межевщика иттить чрезъ его пашни и сѣнокосы? Смѣшно было и утѣшно смотрѣть на сего милаго старика. Тогда, когда шли ничего онъ не говорилъ, а когда миновало все, то началъ твердить и сердиться, но сердиться такъ, что вслѣдъ ему только что смѣялся. Нашлись тотчасъ скалозубы, которые начали его подтрунивать и пуще задорить. Другіе же напротивъ того увѣряли, что такъ необходимо было надобно. Сперва довольно было самому мнѣ, что онъ сердится, и для того, отозвавъ его къ сторонѣ, привелъ тотчасъ его въ разсудокъ и до того довелъ, что онъ самъ признавался, что не пустить было не можно, и благодарилъ еще меня, что такъ сдѣлалъ. Но не успѣлъ я отъ него отстать, какъ въ одинъ мигъ начиналъ онъ опять тужить и досадовать и врать такую чепуху, что со смѣху каждому надсѣдаться надлежало. — «Ну, зачѣмъ, зачѣмъ—говорилъ онъ—нелегкая его слѣда занесла этого проклятаго Рыбина? Изволь себѣ смотрѣть!... Дали мошеннику волю, а онъ и чортъ знаетъ куда готовъ былъ завестись!» — «Да умилосердись, Василій Бузьмичъ! говорили мы ему:—какимъ же бы образомъ не пустить его можно было?»—«Да, да!» отвѣтствовалъ онъ отъ часу разгорячаясь болѣе:—«какимъ образомъ!... Я-бы-таки не пустилъ, не пустилъ-таки-бы! Пошелъ прочь сказалъ бы ему:—пошелъ къ чорту! пошелъ къ сатанѣ! пошелъ къ дьяволу! пошелъ къ нелегкой богѣсти и съ бояриномъ-то своимъ, жидомъ, окаяномъ такимъ же плутомъ, каковъ ты самъ! Важъ мало, сказалъ бы я, съ плѣшивымъ-то бояриномъ

твоимъ всего свѣта будетъ! Возьмите себѣ весь свѣтъ, возьмите солнце, возьмите мѣсяцъ, звѣзды и небеса-та себѣ во владѣніе!... А то вотъ, вотъ куда занесла ихъ сатана, куда занесла нелегкая!...» и такъ далѣе. И когда онъ симъ образомъ разгорячится, то никто уже съ нимъ не говори и не представлялъ никакихъ резоновъ.—«Да умилосердись, однѣ ли твои пашни?» говорили мы:—«твоихъ и двухъ десятинъ не отошло, но для чего же другіе всё молчатъ?»—«Да, да!» опрокидываясь онъ на насъ, подхватывалъ:—«хорошо тому молчать и хи, хи, хи, хи, хи! у кого ничего не отошло, а у меня, бѣднаго, всё сѣнокосы отбѣхали» (хотя въ самомъ дѣлѣ ничего не бывало, а и у него стожка два только отошло, но ему въ сердцахъ уже такъ казалось). Однимъ словомъ, нечего было намъ съ нимъ болѣе говорить. Мы со смѣху только надсѣдались его сердцу и удивительнымъ размахкамъ. Да не только мы, но и всѣ мужики смѣялись уже его глупости и безразсудку. Но что же! иногда сердится, сердится, да и самъ захоочетъ съ нами, и тогда у насъ миръ и лады. Коротко, онъ сдѣлался у насъ шутникомъ и комедіантомъ, и увеселялъ чрезвычайнымъ образомъ всю нашу компанію.

По изготовленіи кушавья, непреминули мы пригласить межевщика и убѣдить опять просьбою, чтобъ онъ съ нами обѣдалъ, вѣдая, что у него кромѣ ржавой ветчины ничего иного не было. Послѣ обѣда, какъ надлежало начинать межевать, то нашли мы Рыбина въ такомъ зашѣтательствѣ, что я, пользуясь симъ случаемъ, могъ изъ него то дѣлать, что мнѣ было угодно, и онъ былъ у меня какъ рыба на удочкѣ, куда потяну туда и шель. Довольно-ли, что я его до того довелъ, что онъ отводъ свой располагалъ по моему хотѣнію. Скажу ему: «Слушай, Рыбинъ, вѣху ты эту не такъ поставилъ, отнеси ее вправо». Онъ, бѣднякъ, и велитъ ее перенести. «Нѣтъ, мало!»—скажу ему—«бери еще вправо, относи далѣе!» Онъ то и дѣлаетъ, а какъ скоро начнетъ говорить, что «довольно,

сударь, довольно!» такъ тотчасъ скажу: «вѣтъ, мало! и если еще не перенесешь, такъ тебѣ же хуже будетъ, вѣдь ты вѣдаешь, что на тебѣ оселъ, такъ берегись. Я тебѣ сказываю: чѣмъ далѣе возьмешь ты вѣво, тѣмъ хуже послѣ для тебя будетъ». Симъ и подобнымъ сему приведу его въ такой страхъ, что опять послушается и перенесетъ вѣху и потомъ честно проситъ говоря, что «полно», и я послушаюсь и скажу: «Ну! ну!» Слыхано ли когда такое межеванье? Онъ спорной отводъ дѣлалъ, а я ему указывалъ.

Симъ образомъ продолжали мы итти безъ дальнихъ остановокъ. И наше счастье было, что никакихъ остановокъ не было и что успѣли мы симъ образомъ въ одинъ день пройти множество верстъ и миновать почти всю нашу землю, и что Рыбинъ не имѣлъ времени видѣться со своимъ господиномъ и рассказать ему обо всемъ происходившемъ, а то бы вѣрно что-нибудь другое вышло. Всѣ небольшие остановки дѣлались только тогда, какъ случалось ливнѣ переходить какую-нибудь дорогу и межевщику по долгу его надлежало ихъ записывать. Но тутъ опять выходило смѣшное. У кого онъ изъ нашихъ жителей ни начиналъ объ нихъ спрашивать, но никто не хотѣлъ ему сказывать: осторожность всѣхъ нашихъ такъ была велика, что они безъ меня не хотѣли ничего ему сказывать и лучше хотѣли отзывать незнаніемъ, нежели проболтаться. Межевщика сіе невѣдомо какъ бѣсило: «Боже мой!» восклицалъ только онъ: «что это за народъ, о чемъ ни спросишь, ничего не знаютъ! Ну, просите сюда Андрея Тимоѣевича!» Но ко мнѣ и безъ его призыва во всѣхъ такихъ случаяхъ прибѣгали тотчасъ многіе и сказывали, что межевщикъ остановился и спрашиваетъ, какая дорога и что прикажу я ему сказать? Мила мнѣ была таковая всѣхъ ихъ на меня надежда, и я смѣялся, что они доводили ее уже до чрезвычайности, и, смѣючись, приказывалъ имъ сказывать какая, или самъ, подѣхавъ и у нихъ же спросивъ, удовлетворялъ межевщика. Нѣсколько разъ случилось сіе про-

изшествіе, и усердіе всѣхъ нашихъ было такъ велико, что во всякое время чловѣкъ пять и безъ приказанія моего шли, или ѣхали подлѣ межевщика и прикичали всѣ его движенія. И не успѣвалъ онъ гдѣ на минуту остановиться, какъ въ мигъ прибѣгали ко мнѣ, ѣдущему стороною, и сказывали: «Андрей Тимоѣевичъ! Андрей Тимоѣевичъ! межевщикъ остановился, извольте, сударь, посмотреть».

Подъ вечеръ, наконецъ, дошло дѣло и до пашень, принадлежащихъ деревнѣ нашей Болотовѣй. Рыбинъ хотѣлъ бы и усердно хотѣлъ ихъ обойти, но ему нельзя было, чтобъ не перейти нѣсколько оныхъ, ибо безъ того не можно-бы было ему напасть на верховья рѣчки Павики. Сосѣди мои послѣдонали примѣру прочихъ и отрезались отъ своихъ; но какъ скоро дошло до моихъ собственныхъ, то я не находилъ причины отъ нихъ отрекаться, но, остановивъ межевщика, необинужася связать, что эти пашни мои, распаханныя въ прошломъ году изъ государственной проданной мнѣ земли, которая земля до того времени лежала впустѣ и не была ни у кого во владѣніи и мнѣ въ 1766 году продана, и для владѣнія оной давъ мнѣ владѣнію указъ.

Рыбинъ обрадовался-было сперва, что я назвалъ своею, но услышавъ мое объявленіе и увидя, что я самое сіе доказательство приводилъ, что это земля государственная и не была никогда у Пашкова во владѣніи, и что все мое объявленіе подтвердили и засвидѣтельствовали письменно всѣ наши сосѣди, и господа и повѣренные, пришелъ въ неволе замѣшательство и нестроеніе, а я чрезъ то получилъ то, чего желалъ, а именно: что моя покупная земля не могла уже послѣ сего пропасть и пропадана уничтожиться, и что мнѣ ею и впредь, несмотря на сіе межеванье, владѣть продолжать можно.

Послѣ сего начали мы мало по-малу приближаться къ рѣкѣ Паннѣ, о которой я невѣдомо какъ безповололся мислами, ибо сколь удобно было мнѣ прочія живыя урочища перенутать, столь не-

апротивъ того спутагъ сію рѣчку. неоднократно объ ней размышлялъ и замѣнительства и не рас-) сѣлать. Я совѣтовалъ о томъ съ , но никто не зналъ, что дѣлать; юрилъ то, иной другое, но всѣ ги къ чему не годились и приво- лько меня въ вѣщее замѣнитель- льза наша требовала, чтобъ ее ить и сказать, что не эта рѣчка

Но необходимость требовала, лза гдѣ-нибудь другая рѣчка Па- которую бы намъ своей отводъ , можно было, и чтобъ пововы- и нами рѣчка согласовалась съ шесцовыми живыми урочищами; бной къ тому вершины нигдѣ я дль. Правда, рѣчка сія раздво- , своемъ верховьѣ и была въ пра- онѣ великая вершина, выпадаю- ію рѣчку, которую по нуждѣ и я назвать ея верховьемъ; но по ю сіе верховье было несравненно встоящаго и потому отводъ нашъ подверженъ быть нѣкоторому со- тву; а посему и не зналъ я что і къ чему приступить лучше.

къ обстоятельствахъ взошли мы на курганъ, неподалеку отъ обѣ- ь верховьевъ находящейся. Тутъ мнѣ въ мыслъ исмытати, не могу- мб и на соблазнить и добромъ къ тому, чтобъ онъ шелъ на ко- і вершины, которую я вздумалъ рѣчкою Паникою; и для того, то онъ съ кургана повернулъ на- на настоящую Панику, сталъ ему : «Слушай Рыбинъ! хочется- наконецъ бѣлые столбы ставить я пересталъ спорить и далъ тебѣ ежевать, какъ ты хочешь фор- межкою?»—«Какъ, судирь, не хо- вѣчалъ онъ: я бы молебень от- , еслибъ только дозволили».—«Ко- , сказалъ я далѣе:—такъ поди не вонъ на ту вершину, такъ я тебѣ дозволю поставить бѣлой столбъ, и будетъ безспорно. А здѣсь,

сказываю тебѣ напередъ, что опять бу- деть споръ». Обрадовался Рыбинъ сіе услышавъ, и какъ черные столбы и без- престанной споръ ему наскучилъ, и ему чрезвычайно хотѣлось бѣлѣхъ, то задумался онъ и едва-было едва не согласился. Но какъ-то не посмѣлъ учинить сего безъ воли своего господина, и для того упро- силъ межешника, чтобъ на семь мѣстѣ между въ тотъ день кончить, а между тѣмъ хотѣлъ сѣздить на хуторъ къ Паш- кову и спросить, и надѣялся, что онъ прикажетъ. «Очень хорошо!» сказалъ я: «такъ поѣзжай же. Не пожалуешь-ли сю- да и самъ Петръ Егоровичъ? дѣло- бы можетъ-бы лучше было».

Такимъ образомъ кончился сей досто- памятной день и мы почевали въ распо- ложенномъ неподалеку отъ межешника ставѣ, подлѣ верховья рѣчки Паники. Тутъ между тѣмъ, покуда готовили намъ- ужинъ, была у насъ опять превеликая комедія съ господиномъ Свитнымъ. Онъ во весь день не преставаъ сердиться и ворчать; и гнѣвъ, и веселье находило на него голоменами. Но ввечеру скало- зубы его такъ раззадорили, что гнѣвъ его былъ уже преужасный и простирался до того, что доставалось и самому мнѣ отъ него на лапу. Онъ, ругая всѣхъ, не щадиъ и меня. Да, спасибо, никто не сердился, да и сердиться на такого че- ловѣка было не можно. Долго мы надѣ- ннмъ хохотали; но наконецъ вздумалось мнѣ съ нимъ сыграть комедію. Я при- творился будто мнѣ ворчанье его досад- но и будто я разсердился. Ну-ка я да- вать на него окрики, а потомъ, разсер- дясь будто, пошелъ прочь и не хотѣлъ богѣе имѣть никакого дѣла, а говорилъ, чтобъ онъ съ сего времени самъ что зналъ, то дѣлалъ и защищалъ всѣхъ. Не успѣлъ я сего сдѣлать и отойти, какъ присту- пили къ нему скалозубы: «Ну, что ты те- перь, Василій Кузминчъ, надѣлалъ?» говорили они ему:—«и какихъ бѣдъ на- кутилъ? Ну, что намъ дѣлать, когда Ан- дрей Тимофеевичъ отступится и отъ насъ уйдетъ? пропадешь ты, а съ тобою вмѣ- стѣ и всѣ мы», такъ далѣе. Сперва всѣ

сіе его не трогало, но ночью раскаялся нашъ старикъ и вздумалъ меня просить о прощеніи и уговаривать, чтобъ я ему вину отпустилъ и пересталъ сердиться, хотя я никогда и не начиналъ того. И то-то было смѣшно смотрѣть, какъ была у насъ мировая и какъ обрадовался онъ, услышавъ, что я его будто прощаю. Онъ обнималъ меня, цѣловалъ въ голову и въ глаза и называлъ невѣдомо чѣмъ, и давалъ клятвы и обѣщанія быть съ того времени спокойнымъ. Однако, общаніе сіе не болѣе получаса продолжалось, но тотчасъ взошла на него опять ипохондрія и онъ пылалъ уже гнѣвомъ и досадою и на меня, и на всё въ свѣтѣ.

Но теперь дозвольте съ окончаніемъ повѣствованія о семъ кончить и письмо сіе, а дальнѣйшее предоставить письму послѣдующему, и сказать вамъ, что я есмь и прочее.

(Декабря 22 дня 1808 года).

Письмо 166-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описыванію происшествій третьяго дня нашего межеванья, случившагося въ 4-е число сентября, начну тѣмъ, что мы не сомнѣвались въ томъ, что Рыбинъ уговорить Пашкова выѣхать къ намъ самому, или по крайней мѣрѣ велѣть вести на помянутую мною вершинку. Однако, мы въ обоихъ сихъ ожиданіяхъ обманулись. Рыбинъ, возвратившись поутру съ хутора, сказалъ намъ, что, вмѣсто всего нами ожидаемаго, бояринъ его только прибилъ за то, для чего онъ, увидѣвъ, что мы свою землю называемъ государевою, не велъ онъ своего отвода по самымъ дворамъ нашимъ, говоря: пускай-же бы они всю свою землю называли государевою. Сего, какъ выше упомянуто, боялся я и самъ невѣдомо какъ и въ отвращеніе всего того и принужденъ былъ употреблять тогда и волчій рогъ, и лисій хвостъ, и не только дивился, но и благодарилъ Бога, что не пришло сего ни Рыбину, ни межевщику въ голову, и что бы имъ легко можно было сдѣлать. Однако дѣло сіе и вся опасность благополучно и, къ

крайнему моему удовольствію, миновалась и весь гнѣвъ Пашкова былъ уже поздвой и тщетной: отрѣзанной отъ хлѣба ломоть приставить было уже не можно и случай былъ упущенъ. Мы смѣялись уже тому тогда и радовались, что такъ сдѣлалось и что Рыбинъ далъ себя мнѣ поводить, какъ рыбу на удочкѣ. А то въ самомъ дѣлѣ было-бъ намъ тошно лихо, если-бы догадался онъ и повесть далѣе влѣво къ нашимъ деревнямъ. Мы принуждены-бъ были называть и родниа наши земли государевою землею. Или по крайней мѣрѣ связать свою дачу съ его споромъ, и претерпѣли-бъ отъ того ужасное зло и убытокъ. А тогда удалосъ намъ откататься, какъ лисицѣ отъ охотниковъ и собакъ, не потерявъ болѣе 50 или 60 десятинъ нашихъ, но о которыхъ никто и не охнулъ. Сей случай доказалъ тогда всѣмъ нашимъ, сколь великое, хитрое и прешлезное для всѣхъ дѣло а сдѣлалъ. Боже мой! сколь многія приносили мнѣ были тогда благодаренія, и сколь многими осыпали меня всѣ похвалами! Куда и къ кому я ни обращался, всякой благословлялъ только меня и желалъ, чтобъ далъ мнѣ Богъ здоровье и прочее.

Признаюсь, что пріятно было мнѣ все сіе слышать, и что чувствовалъ я отъ того то неоцѣненное удовольствіе, которое можетъ имѣть человекъ, дѣлая добро людямъ.

Но я пойду далѣе. Господинъ Пашковъ, услышавъ, что всему неудачному его межеванью былъ никто иной, какъ только одинъ я причиною, досадовалъ на меня чрезвычайно и не смога въ рога, вздумалъ мнѣ мстить такою мещью, которой я только смѣлся, а именно: онъ велѣлъ повѣренному своему внести въ полевою записку возраженіе на меня, что я вышеупомянутую землю распакалъ будто бы въ его дачахъ и безъ всякаго канцелярскаго отвода. Межевщикъ по простотѣ своей за сіе и удѣвился; но я въ одинъ мигъ всё ихъ замысли въ ничто обратилъ, записавъ, что мнѣ канцелярскаго отвода было и не надобно; но что мнѣ по силѣ указа велѣно самому

и владѣніе и владѣть до прибытія ровъ. Итакъ, возраженіе Пашковъ было однимъ только пустословіемъ или тому только смѣялись.

Пашковъ сими образомъ немного, или жежевать. Рыбинъ повелъ на рышину и извинился, что ему такъ приказалъ господинъ его. И что онъ не велѣлъ идти, куда вѣдь. Послѣ увидѣлъ я, что для меня бы хуже, еслибъ онъ туда пошелъ тогда, не предвидѣвъ будущаго, такъ я нѣкоторую досаду и положилъ ни будетъ, а рѣчку на удачу и помышлялъ уже о томъ, что когда придемъ къ рѣчкѣ.

Разстояніе отъ кургана до верѣвки Паники было не велико, то и скоро до онаго. Пришедши туда, по обыкновенію моему, волю Рыборитъ и называть все, какъ хочешь не говорилъ до времени ни слова. Сіе мѣсто было пограничье дачамъ, то-есть, нашей, Пашкова и тамбовца Луки Чернаго, и извѣдалъ, что Рыбинъ, назвавъ къ Паникѣю, скажетъ, что съ чего начинается направъ и нагнѣтъ Чернаго, и что онъ повернетъ назадъ вправо на Козьи-рожки, такъ извѣдало въ отказныхъ книгахъ. Но удивился услышавъ отъ него соротивное, а именно: онъ, назвавъ о верховьемъ рѣчки Паники, объявилъ о правой сторонѣ, что тутъ земля Родивона Чернаго, которую продалъ онъ его помѣщику, изъ сего мѣста поведетъ внизъ къ Паникѣ по любовному съ Рыбинъ, разводу и по силѣ владѣнія-де за рѣчкою земля шадомѣщниковъ. Оба сіи обстоятельства мною непредвидимы, и я чрезъ обрадовался, увидѣвъ, что онъ такъ новыи великой и для насъ железной болтунъ и погрѣшность; ибо чрезъ то подалъ мнѣ самъ оружіе и легчайшій способъ связать и у Чернаго землю мнѣ споромъ, а потомъ испортить

отводъ и Черновской дачи, которой меня всего болѣе беспокоилъ, ибо онъ назвалъ лѣвую сторону неправильно и, вмѣсто того, чтобъ назвать землею Чернаго, назвалъ нашею.

Послѣ Рыбина надлежало говорить самому помѣщику той земли, а именно Родивону Черному, но сего фаладея и глупца вовсе тутъ и въ завѣтъ не важивалось. Господинъ Пашковъ, облахтавъ сего бѣдняка и дурака безсовѣстѣйшимъ на свѣтъ образомъ, и имѣя намѣреніе вмѣсто купленныхъ пяти только четвертей, отрѣзать изъ его дачи нѣсколько тысячъ десятинъ, и, принудивъ его пьянаго подписать купчую, въ которой самъ онъ не зналъ, что написано, держалъ его у себя на хуторѣ подъ крылушкомъ, и боясь, чтобъ онъ чего на межѣ не наболталъ на свою шею и не врагъ, поилъ его безъ просыпу, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему не можно было быть на межѣ, и чтобъ ему, Пашкову, можно было отрѣзать сколько хочеть и тѣмъ, такъ сказать, плутовскимъ образомъ похитить множество впускъ лежащей земли. Все сіе онъ вѣрно бы и учинилъ, еслибъ по его несчастію не было тутъ меня, какъ такого человѣка, которой могъ и на то пошелъ, чтобъ все его плутовскіе замыслы разрушить.

Я въ одинъ мигъ могъ все сіе предусмотрѣть и что на умѣ было у Пашкова—догадаться. Но какъ болтунъ, учиненный Рыбиннымъ, вспомоществовалъ мнѣ много къ разрушенію ихъ замысла, то хотя бы и имѣлъ я право требовать, чтобъ призванъ былъ самъ Черной, но, боясь, чтобъ онъ не опровергъ Рыбина объявленія, съ умысла ничего не говорилъ, но далъ волю межевщику дѣлать, что хочеть. Сей же, вѣдая замыслы и намѣренія господина Пашкова, сдѣлалъ видъ будто послалъ солдата за Чернымъ, а въ полевой запискѣ велѣлъ для объявленія его оставить мѣсто и требовалъ, чтобъ мы свое объявляли.

Объявленіе наше привело межевщика и Рыбина въ новое бѣшенство. Оно состояло въ короткихъ словахъ, а именно, что это не рѣчка Паника и что земля

направѣ не Чернаго, а на дѣвѣ не шадскихъ помѣщиковъ, а по обѣимъ сторонамъ казенная дикопорозжая. Рѣчка же Паника находится въ отдаленіи, а сія вершина безымянная, и какъ называется, не знаемъ.

Сіе незнаніе всего досадило было межевщику. Онъ досадовалъ, сердился, ярился, но нечего было дѣлать. Онъ созвалъ понятыхъ, спрашивалъ у нихъ, какъ сія рѣчка называется, но, по счастью нашему, и понятые сказали, что не знаютъ, и отговорились отдаленностью своихъ жительствова. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сказывали намъ, что они дѣйствительно знали, что сія вершина Паникою называется, но съ досады на Пашкова, что онъ ихъ всѣхъ поморилъ съ голоду, и не давалъ имъ ни куска хлѣба, не хотѣли въ нѣе угодности ему сказывать, а держали лучше нашу сторону.

Все сіе еще больше межевщика раздражило; но сколько онъ ни гнѣвался, но гнѣвъ его былъ въ руцѣ Божіей и ничего онъ имъ не сдѣлалъ, но принужденъ былъ все сіе записавъ итти опять черными спорными столбами. Мы дали ему волю бѣситься, какъ онъ хочетъ, и дивиться сему непостижимому незнанію, и слѣдовали за нимъ, не говоря ни слова.

Но скоро сдѣлалась-было у насъ опять тревога. Отошедъ съ версту, попадись Рыбину на глаза за рѣчкою изъ нашихъ селеній какой-то мужикъ, накладывающій хлѣбъ на телегу: нелегкая его принесла въ самое то время туда. Мы хотя накрѣпко приказывали, чтобъ никто на полѣ не шатался, и посылали нарочныхъ слонять работающихъ земледѣльцевъ; но сей мужикъ знать того не вѣдалъ и по незнанію приѣхалъ. Но какъ то ни было, но Рыбинъ, усмотрѣвъ сего мужика, подступилъ къ межевщику и сталъ говорить: «Вотъ, Иванъ Петровичъ, теперь никто и ни одинъ человекъ не знаетъ, какъ зовутъ сію рѣчку, а ежели-бъ запросто спросить, такъ всякой скажетъ, что это Паника. Напримѣръ, вонъ изволите видѣть мужика на той сторонѣ, ежели-бъ и его приказали спросить, такъ и онъ вѣрно бы

сказалъ, что это Паника». Флатирующій въявь Пашкову, межевщикъ тотчасъ сіе слово поймалъ и сержанту закричалъ: «Слушай, сержантъ! садись скорѣй на лошадь и поѣзжай къ этому мужику и спроси его, какъ зовутъ сію рѣчку, и скажи истину. Не позабудь же спросить чей онъ, изъ какой деревни и его имя, и подай мнѣ репортъ». По счастью случилось сіе подлѣ одного пункта и мы всѣ лежали тутъ на травѣ и слышали сіе приказаніе. Меня тотчасъ сіе тронуло. Я боялся, чтобъ мужикъ въ самомъ дѣлѣ не проболтался, и досадовалъ невѣдомо какъ на межевщика, что онъ слишкомъ уже и въявь похлебствовалъ Пашкову и, работая его повѣренному, хотѣлъ дѣлать то, что дѣлать и законы не велютъ. Однако далъ ему волю окончить свое приказаніе. Но какъ скоро сержантъ въ самомъ дѣлѣ сталъ садиться на лошадь, какъ лежучи, началъ я говорить дружескимъ образомъ межевщику: «Не лучше ли это оставить, Иванъ Петровичъ! Вѣдь это пустое будетъ, и только принудитъ меня сдѣлать такое объявленіе, которое самимъ вамъ будетъ дурно и не вкусно. Я сожалѣя васъ говорю». Товарищи мои подхватили мои слова и заревѣли всѣ, что это противно законамъ... Бѣдной межевщикъ такъ тогда встремился, что того момента отмяшилъ свое намѣреніе и не велѣлъ ѣздить. Онъ хорошо сдѣлалъ, что и не послалъ, а то бы я того момента на самого бы его протестовалъ и ему было бы дурно.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло, и господину Рыбину не удалось надъ нами подхихистять. Но я не думаю, чтобъ онъ много и успѣлъ, ибо повѣренныя наши не успѣли услышать начала сего дѣла, какъ и безъ приказанія нашего спорили дѣломъ и далеко еще прежде сержанта услали двухъ верховыхъ кругомъ къ мужику, чтобъ его остережеть. Сія, приѣхавши и спросивъ у мужика какъ рѣчку зовутъ, ну-ка бѣдняка плетями за то, на что онъ ее Паникою называетъ и зачѣмъ принесло его теперь за хлѣбомъ. Бѣдному мужику ни за что, ни про что попалось

ль шину, и онъ стремглавъ поскочилъ въ доли. Мы всего сего происшествія не знали не вдали, и послѣ уже узнавъ, не могли довольно всему усердію и проницательности своихъ надивиться и ихъ за то досаждать.

Отоследи двѣ версты съ половиною внизъ по рѣчкѣ и поровнявъ противъ дѣлающейся съ противной стороны въ сію рѣчку вершинъ, остановилъ Рыбинъ межевщика и объявилъ, что съ того мѣста въ двѣ стороны начинается земля Чернаго. Меня тотчасъ тогда остановили, бѣжавшаго впередъ, наши лазутчики, и я, предвѣщая и услышавъ сіе новое и мною много меньше ожидаемое объявленіе, придать въ превеликое замѣшательство и не зная, какъ поступить при семъ случаѣ. Но чтобъ выиграть нѣсколько времени на размышленіе, вздумалъ теперь воспользоваться отсутствіемъ Чернаго. Я сказалъ межевщику, что я прежде о сей землѣ ничего не скажу, покуда не придетъ самъ Черной, какъ объявленной помѣщикъ той земли, и не объявитъ самъ объ ней. Я удивился, увидя, что сіе межевщику было досадно. Онъ, несмотря на сіе, принуждалъ насъ ѣздить и съѣздить иттить далѣе. Но чѣмъ дальше онъ усиливался, тѣмъ болѣе сталъ и я противоборствовать, возмѣня подорожніе, что у нихъ кроется подъ тѣмъ какое-нибудь злое намѣреніе. Итакъ, дошло у насъ скоро дѣло до превеликаго спора. Онъ хотѣлъ иттить и иттить безъ Чернаго, а мы не хотѣли и принуждали, чтобъ онъ послалъ за нимъ. «Я уже послалъ, говорилъ онъ:—но что мнѣ дѣлать, когда онъ не ѣдетъ? Мнѣ не ждать до его здѣсь».—Конечно ждать не говорю:—вамъ безъ него иттить не можно, если по одной повѣсткѣ не будетъ, пошлите другую съ понятными, пошлите третью, и онъ долженъ быть.—«Но, ну, какъ болень! ну, какъ его дома иттъ!» говорилъ онъ.

— Это еще неизвѣстно, отвѣчалъ я:—можетъ быть не болень, можетъ быть и дома. Да хотя-бъ и болень, такъ повѣреннаго прислалъ; что онъ за бояринъ?—Видитъ межевщикъ, что дурно и что мы стоимъ

крѣпко, и не зная уже чѣмъ насъ преодолѣть, сталъ говорить, что ему на между и явиться не можно.—Да для чего-жъ такого? спросилъ я.—«Онъ подалъ мнѣ объявленіе, сказалъ межевщикъ, что на между онъ выѣхать опасается».—Очень хорошо! сказала я:—это новое нѣчто и неслыханное! Да кого онъ опасается? развѣ насъ, такъ мы его не съѣдимъ. Да пожалуйста-ка покажите, что это за объявленіе?—Межевщикъ тотчасъ велѣлъ подать. Вздурился я, оно увидѣвъ и нашедъ въ немъ новое и неожиданное шельничество, а именно, чтобъ не допустить Родивона Чернаго на между выдумали они съ Пашковымъ вотъ какое плутовское дѣло: написали сами объявленіе, будто какой-то дьяволъ-однодворецъ сказывалъ Черному, что грозятся застрѣлить его люди Ивана Яковлевича Сабурова и господина Масалова, а потому, чтобъ не поставили ему въ вину, если онъ не скоро на между явится, и напоивъ пьянымъ, велѣли Черному подписаться и берегли его до сего времени.—«Очень хорошо! съ превеликимъ сердцемъ началъ я говорить:—да есть-ли законъ принимать такіа неосновательныя объявленія и притомъ писать ихъ самому вашему подъячому? Мнѣ кажется и закона на это нѣтъ и это уже явное митарство! Не прогнѣвайтесь, господинъ землеѣръ! Это не годится и дурно! И теперь вижу я, что нарочно его сокрыть хотятъ!.. Такъ сказываю, что готовъ здѣсь недѣлю жить, а съ мѣста безъ Чернаго не пойду! Да къ тому-жъ и онъ въ объявленіи пишетъ, что онъ явится, но только не скоро; такъ извольте-ка послать, а мы уже возьмемъ трудъ его подождать и не поскучимъ». Нечего тогда было межевщику дѣлать, хоть не хотѣлось, но принужденъ былъ посылать солдата и остановиться на томъ мѣстѣ обѣдать. И досада его на насъ такъ была велика, что онъ не пошелъ къ намъ и обѣдать, какъ ни старался мы его уговаривать.

Какъ станъ нашъ находился отъ того мѣста съ полверсты и мы боялись, чтобъ межевщикъ безъ насъ чего не надѣлалъ,

то обѣдъ нашъ въ сей день былъ скоропостижной; однако мы пообѣдали, какъ надобно, ибо хотя случился тогда и поспѣшной день, но у насъ всего было намарено и всего настряпано довольно и рыбы великое множество. Во время обѣда имѣли мы свой послѣдній совѣтъ о томъ, что намъ дѣлать. И какъ мнѣ самое то мѣсто показалось очень кстати, гдѣ Рыбинъ остановился, чтобъ назвать сіе мѣсто Долгою Яругою, то и разсудилъ я за благо въ семь мѣстѣ споръ свой кончить и дать ему итти далѣе бѣлыми столбами. Я представилъ причины моимъ товарищамъ, и всѣ были согласны, тѣмъ паче, что многимъ, а особливо отдаленнымъ господамъ полевая наша жизнь уже наскучила и они давно уже желали, чтобъ я развязалъ и распустилъ всѣхъ по домамъ, а особливо ихъ, не имѣющихъ дѣла.

Такимъ образомъ, съ общаго согласія положили мы на семь мѣстѣ споръ нашъ кончить; однако, какъ мнѣ необходимо надобенъ былъ Черной, дабы онъ подтвердилъ объявленіе Рыбина, то разсудилъ я за благо скрыть сіе намѣреніе до тѣхъ поръ, пока не будетъ Черной. И какъ я очень боялся, что они усилятся и шильническимъ образомъ доведутъ до того, что онъ не явится и что можно будетъ и по закону итти и безъ него, а особливо примѣтивъ, что, при посылкѣ за Чернымъ солдата, приготовляемъ былъ уже подъячимъ репортъ отъ него для подачи по приѣздѣ, и написано было, что онъ не засталъ его дома, то, не надѣясь силою взять, вздумалъ воспользоваться сокрытіемъ своего намѣренія и употребить вмѣсто прежняго волчьаго рта лисій хвостъ, и достигъ по крайней мѣрѣ чрезъ то до своего намѣренія.

Всходствіе чего, возвратившись къ межвицику и къ астролябіи, не даю я ни мало знать, что у меня на умѣ, но вмѣсто того, подошедъ къ Рыбину, говорю: «Что-жь Рыбинъ, Чернаго-то?»—«Да послали, судырь, да не бывалъ еще солдатъ; да гдѣ ему быть! Я слышалъ, что онъ куда-то далеко уѣхалъ».—«Что ты ни го-

вори, сказалъ я, но я прежде съ мѣста не пойду, покуда не придетъ Черной, и готовъ хоть цѣлую недѣлю здѣсь жить».—Между тѣмъ пиръ посланной солдатъ и, по счастью нашему, такъ, что наши прежде его увидѣли и о Черномъ спросили; и онъ не вѣдая ничего, проболтался и сказалъ, что онъ засталъ его дома, и что онъ поѣхалъ на хуторъ къ Пашкову. Мы тотчасъ сіе подхватили и разрушили коварные ихъ замыслы, ибо съ репортомъ къ солдату хоть и бѣжали уже на встрѣчу, но всунуть ему его въ руки при нашихъ было не можно. Досадно сіе было очень межвицику; однако онъ сталъ вновь усиливаться, чтобъ не дождавшисъ Чернаго итти далѣе. Вижу я, что дѣло дурно и потому тотчасъ, перемѣня голосъ, Рыбину говорю:

«Слушай Рыбинъ! хочешь-ли на этомъ мѣстѣ бѣлой столбъ поставить и чтобъ мы отъ тебя отвязались?»—«Какъ, батюшка, не хотѣтъ, отвѣчалъ онъ:—а-бы Ивану-великому молебень отслужилъ, соли-бъ это сдѣлалось».—И началъ мнѣ кляняться: «Пожалуйте, судырь, поѣзжайте. Право пора домой вамъ; оставьте насъ однихъ».—«Ну, когда хочешь, сказалъ я, такъ сейчасъ родился бы у меня здѣсь Черной, а безъ того я не сдѣлаю».—Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ обрадовался нашъ Рыбинъ.—«Да сдержите-ли вы свое слово, судырь?»—«Конечно сдержу ужъ, и даю тебѣ вѣрное въ томъ слово!»—«Да какъ же, судырь, вы это сдѣлаете?»—«Ужъ я знаю какъ, говорю ему, не твое уже то дѣло. Я сдѣлаю и отъ моей воли зависить, хочъ-ли я, или не хочу, чтобъ ты бѣлыми столбами отсюда пошелъ. Ежели велю, такъ будетъ, а не захочу—такъ не бываетъ».

Сталъ тогда въ пень Рыбинъ и не только Рыбинъ, но и самъ межвицикъ, ибо оба они намѣренія моего не могли проникнуть, которое состояло въ томъ, чтобъ ихъ похлестать только, давъ поставить столба два-три бѣлыхъ, а потомъ опять испортить и довести до того, чтобъ сіи столбы не возмѣли никакого дѣйствія. Но какъ-бы то ни было, но мнѣ удалось

ей маневръ достигъ до своего на-
 Мезевщикъ и Рыбинъ и вѣри-
 и не вѣрили; однако принужде-
 и повѣрить. И тогда смѣшно бы-
 рѣды, какъ мезевщикъ засуетилъ-
 ся какъ можно скорѣй достать
 его. «Посылай, посылай скорѣе не
 фандата, но самого сержанта». И
 но сержанта, но и самого подъ-
 звали уже посылай и приказыва-
 ющихъ образами его искать и при-
 влечь какъ умѣлъ я довести ихъ
 , что они плясали по моей дудкѣ!
 в; расположились мы его дожи-
 вать полеглись на горкѣ на травѣ.
 и подѣхалъ тутъ сынъ господи-
 валова, и всѣ мы начали другъ
 щипать арбузами, которые за-
 радовали и возили. Истинно, арбу-
 зятнадцать имъ тогда поѣли. Вся-
 кимъ подчивая своимъ и купить
 вонючь для общества, и мы весь
 мѣ успяли сѣменами и корками.
 что или богѣ прождали мы тутъ
 загурли. Наконецъ сказали намъ,
 водилъ Черной шестуесть. И очень
 хотѣлъ видѣть сего звѣря, ви-
 сть толь многихъ золь.—«И подлинно
 » воскликнулъ я, его увидѣвъ. И
 бивъ тѣ, которые мнѣ его опи-
 Мужичина превеликой, пьяной,
 мой и черной, и не только не
 го на дворянина, но ниже на од-
 ца. И досадовалъ я, и смѣялся, и
 го, смотря на сего чучелу и видя
 юбою простѣйшаго и глупѣйшаго
 го, прямо достойнаго нотомка вора
 Луки Чернаго.
 встрѣчали его разными насмѣш-
 скалозубничествомъ, и толпа на-
 одинъ мигъ его окружила. Но я
 и говорилъ только въ мысляхъ
 себя: «Боже мой! и такому глупо-
 годию хочется такимъ же обра-
 зомъ и Пашкову, обхватить и обо-
 нѣсколькими тысячами десятинъ
 гучшемъ самомъ мѣстѣ изъ всей
 ени, вмѣсто даннаго конокраду
 предку его, самаго малаго воин-
 вользуясь мошенническимъ отво-
 рожденіемъ въ «русской старинѣ» 1872 г.

домъ родни его, Сухотина! и съ эта-
 кимъ мерзавцемъ имѣеть Пашковъ дѣло
 и его всячески облахтать и всю его
 землею завладѣть старается!» Симъ об-
 разомъ помышляя, спѣшилъ я приступить
 и начинать свое дѣло.

Мезевщикъ тотчасъ началъ спраши-
 вать: его-ли на лѣвой сторонѣ начинает-
 ся земля и такъ-ли объявилъ Рыбинъ?
 Черной, не зная ни уха ни рыла, ухалъ
 только, мычалъ: «Што? што?» и началъ
 врать нелѣпую и совсѣмъ не то сказа-
 вать о чемъ его спрашивали. У него за-
 твержена была только наизусть данная
 предку его отъ Сухотина такая-жъ мо-
 шенническая окружная, и онъ твердилъ
 только: «моя земля съ такого-то урочища
 по такое-то, и съ такого по такое». Ры-
 бинъ стоялъ уже у него подъ бочкомъ
 и подхватывалъ каждое слово. Я вижу
 сіе, и какъ мнѣ хотѣлось, чтобы Черной
 сказалъ точно то же, что Рыбинъ объя-
 вилъ, слѣдовательно, попались бы оба они
 въ петлю, то далъ я ему волю убавять
 Чернаго, и самъ еще нарочно подтаки-
 валь. Однимъ словомъ, долго сіе продол-
 жалось, но кончилось тѣмъ, что Черной
 подписался подъ такимъ же точно объ-
 явленіемъ, какое было и Рыбина; а рав-
 номѣрно вписано было и оставленное
 прежде въ полевой запискѣ мѣсто.

Какъ все по желанію моему кончилось,
 то поглядилъ я старика по головкѣ и, по-
 трепавъ по плечу, сказалъ: «Жаль мнѣ
 тебя, Родивонъ Лукичъ, но нечего
 дѣлать! не я уже тому виноватъ, а ты
 самъ, что далъ себя обмануть и облах-
 тать такимъ людямъ, которые Бога не
 боятся, и облахтали тебя такъ, что про-
 падешь ты, какъ червь капустной. На
 нихъ, мой другъ, жалуйся, а не на насъ.
 А я уже по необходимости дѣлаю». —Ка-
 ковъ ни пьянъ былъ старикъ, однако сле-
 зы покатались у него изъ глазъ при семъ
 моемъ словѣ, и онъ, рыдая, сказалъ: «Чуть-
 ли не до того доходить, батюшка!»

Я хотѣлъ-было болѣе поговорить, но
 Рыбинъ, подступя ко мнѣ, умоляющѣй-
 шимъ образомъ говорилъ: «Чтожь, ба-
 тюшка, сдержите-ли свое слово?» —

«Изволь! сказалъ я:—я тебѣ докажу что я честной человѣкъ и какъ умѣю дѣло испортить, такъ опять и починить!» и пошелъ къ межвщнику. — Весь народъ усердно хотѣлъ слышать, что я буду говорить, и въ одинъ мигъ составилъ превеликой кругъ окрестъ меня. Тогда я по обыкновенію моему, установившись, какъ на катедрѣ, посреди, началъ степеннѣйшимъ образомъ подъячему диктовать мое объявленіе, и какъ мнѣ нужна была лежащая на противномъ берегу вершина, то просилъ я межвщника, чтобъ онъ снялъ напередъ румбъ, на какой простирается она. Межвщникъ съ охотою меня послушалъ. И тогда, записавъ румбъ, сказалъ я: «что направѣ и нагѣвѣ по оную вершину казенная земля кончилась и начинается обведенная въ 1722 году тѣмъ же вахмистромъ Сухотиннымъ бывшему тамбовцу Лукѣ Черному земля, которая никогда и до изданія высочайшаго о размежеваніи земель манифеста не состояла ни у его, ни у сына его Родивона Чернаго во владѣніи и понинѣ поросла ковыломъ и лежитъ впускѣ».

Легко можно всякому усмотрѣть, что все сіе короткое, но весьма важное объявленіе свинчено было на шурупахъ и составлено такъ, что хотя я и не называлъ ее казенною, но въ одинъ мигъ можно было ее обратить и сдѣлать казенною или, лучше, что само она сама собою сдѣлается казенною по тому же пункту межевой инструкціи. Однако всего того ни межвщникъ, ни повѣренной Пашкова усмотрѣть и скрытой въ объявленіи моемъ хитрости проникнуть не могли, но были объявленіемъ моимъ чрезвычайно довольны, веселились пустяками и хваля меня, что я сдержалъ свое слово, какъ честной человѣкъ, и что имъ можно теперь тутъ бѣлой столбъ поставить.

— Становите себѣ, говорилъ я, а намъ, шадскимъ помѣщикамъ, теперь болѣе дѣлать нечего. Мы дѣло свое кончили, ибо теперь пришелъ Тамбовской уѣздъ и какъ хотятъ тамбовскіе, а намъ болѣе дѣла нѣтъ.

Симъ образомъ кончился нашъ споръ, и мы, подписавшись, всѣ распрощались съ межвщникомъ, и я распустилъ всѣхъ своихъ до поры до времени по домамъ, приказавъ только, чтобъ были они готовыми, когда востребуются и понадобятся опять. Тутъ началось у насъ прощанье и цѣлованье: всякой приносилъ мнѣ тысячу благодареній и спѣшилъ домой. Что касается до Рыбина, то былъ онъ чрезвычайно доволенъ и прыгалъ съ радости, становя бѣлой столбъ заклеяемой и выкапывая яму. А я самъ въ себѣ только думалъ: долго-ли то твоя продлится радость? и уцѣлѣютъ-ли твои столбики?

Какъ были тогда почти сумерки, я хотѣлъ-было и я ѣхать домой, но г. Масаловъ и другъ мой Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, имѣвшій самъ подѣ господина Масалова въ Тамбовскомъ уѣздѣ, не подалеку оттуда деревню, убѣждали меня просьбою, чтобъ я сдѣлалъ одолженіе и поѣхалъ-бы почевать съ ними въ оную деревню къ г. Масалову и посоветовалъ бы со старикомъ и далъ наставленіе, какъ имъ быть и что дѣлать, когда межвщникъ дойдетъ въ послѣдующій день до ихъ земли. Какъ мнѣ и самому хотѣлось видѣться и познакомиться съ старымъ Масаловымъ и услужить и пріятелю моему господину Сабурову, а сверхъ того въ свою деревню ѣхать было далеко, то охотно я согласился на ихъ просьбу и поѣхалъ съ ними въ Лукьяно (такъ называлась ихъ деревня).

У насъ начались и дорогою уже совѣты, и какъ я увидѣлъ, что г. Сабурову очень жаль было, что Пашковъ на пять четвертей отрѣзывалъ болѣе двухъ тысячъ десятинъ и онъ все еще сомнѣвался въ томъ, что они ему, по увѣренію моему, не достанутся и что бѣлыне его столбы дѣйствовать будутъ мало, потому что всѣ сіи двѣ тысячи десятинъ связаны еще съ нашимъ споромъ; то хотѣлъ я его утѣшить, и сказалъ, что ежели онъ захочетъ, то можно завтра же все дѣло испортить и заставить ихъ итти опять черными столбами. Нужно только имъ, тамбовскимъ обывателямъ, поступить бла-

ю и какъ надобно. Уцѣнился г. Сабуровъ, и Масаловъ за меня: какъ, какъ бы имъ сіе дѣло сдѣлать поступить? Почему и началъ дорогою вымышлять планъ сему предумывать все нужное.

Съ тѣмъ и уже ночью приѣхали Масалову. Сей почтенной и мнѣ незнакомой человекъ, бывшаго тамбовскимъ воеводою, на насъ уже довольно обо мнѣ и жетерпѣливо меня видѣть, радъ въ невѣдомо какъ и старался угощившимъ образомъ. Весь вечеръ шли мы и просовѣтовали, и пошла томъ, чтобъ имъ по примѣру взобрать какъ можно скорѣй нѣкоторые тамбовскихъ сосѣдствъ дворянъ и, по утру выѣхавъ къ шу на межу и не допуская еще до нихъ, остановить и назвать то мѣшрвою землю, слѣдовательно то, что я въ своемъ объявленіи и для того не дополнилъ, и привязать себя и шадскихъ похъ къ тому дѣлу. Расположивъ надобно, и разославъ всюду и мѣй для созыванія дворянъ, ужина у г. Масалова и ночевали съ его въ палаткѣ, потому что и они гдѣ домъ не настоящій, а хутор-

слѣдующій день, что было пятабря, написалъ я имъ по утру, что на межѣ и давъ полное обо иставленіе, проводилъ ихъ до сачти межевщика и, подѣзжая, однихъ воевать, а самъ круоколо поѣхалъ степью домой, и подать вида, что и сей споръ ить отъ меня. Я не сомнѣвался, сдѣлано будетъ, какъ надобно и сповойно возвратился домой, и вмо двора господина Тараковъзѣхалъ къ нему. На дорогѣ иась со мною жена г. Сабурова, къ нему въ Лукино и любопытно я знать, что у насъ происходило . происходить. Я рассказалъ ей икакъ словахъ, что мы по Шад-

скому уѣзду окончили дѣло свое очень удачно и благополучно, а теперь поѣхали спорить тамбовскіе, и что мужъ ея г. Сабуровъ, какъ уже насмотрѣвшійся на межеванье, ими тамъ предводительствуетъ и теперь спорить, и что я надѣюсь на него, что онъ дѣла не испортитъ, поелику я далъ ему всѣ нужныя о томъ, какъ поступить, наставленія. Съ тѣмъ мы съ нею и разстались.

Не успѣлъ я, приѣхавши домой, отобѣдать, какъ приѣхали ко мнѣ разсказовскіе повѣренные съ просьбою о наставленіи ихъ, что имъ дѣлать. Слово за слово, и вдругъ сказываютъ они мнѣ, что они были въ сей день на межѣ. Тогда, любопытствуя очень, спрашивалъ я у нихъ, что они тамъ видѣли и не знаютъ-ли, что сдѣлалось? И какъ удивился, что спора межевщикъ не принялъ, и что они не останавливаясь пошли далѣе бѣлыми столбами. Я не понималъ, что это значило, и обезпокоившись мыслями, съ нетерпѣливостью дожидался оттуда извѣстія. Оди ако въ тотъ день не было оттуда ни слова, ни духа, ни послушанія. И такъ, пробылъ я сей день и ночевалъ дома. Въ послѣдующій день не успѣлъ я проснуться, какъ сказали мнѣ, что дожидается меня староста Ивана Яковлевича Сабурова. Я велѣлъ тотчасъ его кликнуть. И какимъ удивленіемъ поразился, когда онъ вошедъ съ превеликимъ униженіемъ сталъ говорить мнѣ слѣдующее: «Что, батюшка! безъ васъ все худо! не успѣли вы отгѣхать, какъ у насъ и пошла бириберда!» — «Что такое?» спросилъ я его съ поспѣшностью. — «Что, батюшка! сказалъ онъ: — Пашковъ-то выѣзжалъ вѣдь самъ и съ боярникомъ и Богъ знаетъ, имѣлъ какую ссору; чуть было не закололъ его кортикомъ, и баринъ насилу ускакалъ. Теперь не знаетъ онъ, что и дѣлать. Послалъ къ вамъ, батюшка, просить милости, чтобъ вы къ нему пожаловали и помогли бы ему въ его нуждѣ. Они перетрусились всѣ и Богъ знаетъ какъ, и не знаютъ теперь, что и дѣлать. Но нечего говорить и сами худо надѣлали». — «Что такое? спросилъ я съ торопостью: — Расскажи мнѣ для Бога,

какъ происходило все дѣло и что они тамъ надѣлали? Тогда сей весьма неглупой и самъ при томъ бывший мужикъ разсказалъ мнѣ все происходившее.

Но какъ любопытное повѣствованіе о томъ не такъ коротко, чтобъ могло въ предѣлы сего письма умѣститься, то дозвольте мнѣ оное предоставить письму будущему, а сіе на семь мѣстѣ пресѣчь и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 23-го дня 1808 года).

Письмо 167-е.

Любезный пріятель! Въ предсѣдующемъ письмѣ общалъ я вамъ разсказать о происшествіяхъ, случившихся на-межѣ съ г. Сабуровымъ, и какъ не сомнѣваюсь, что вы столько же любопытны о томъ слышать, какъ былъ тогда и я, а сверхъ того исторія о томъ довольно занимательна и любопытна, а притомъ произвела по себѣ слѣдствія весьма важныя и всего меньше мною ожидаемыя и касающіяся до всего тогдашняго нашего межеванья, то и разскажу я вамъ ее во всей подробности.

Господинъ Сабуровъ, разставшись со мною, какъ я упомянулъ въ моемъ предсѣдующемъ письмѣ, поѣхалъ къ межевщику въ сотовариществѣ только двухъ членовъ тамбовскихъ дворянъ, а именно: подпоручика Давыдова и поручика Масалова, сына старикова, ибо множайшихъ въ скорости собрать было некогда. Самому же неглупому старику, отцу послѣдняго, по нѣкоторому смѣшному обстоятельству выѣхать было не можно. Будучи въ Тамбовѣ воеводою, попался онъ не знаю въ какую-то большую бѣду, отъ которой, находясь потомъ въ отставкѣ, не могъ инымъ отдѣлаться, какъ объявивъ себя умершимъ, которое обстоятельство причиною тому было, что ему нельзя было никуда показать глазъ, а особливо тогда къ межевщику, поелику дѣло сіе Пашкову было извѣстно. Такимъ образомъ, свита г. Сабурова была очень мала и, къ вящему несчастію, далеко не столь согласная и единодушная, какъ было наше об-

щество. Правда, хотя послѣ и подѣхали къ нему чловѣка еще два, но и тѣ не лучше были первыхъ, а всѣ люди ничего незнающіе, неопытные и нужной къ спорамъ смѣлости и отваги неимѣющіе. Не какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ засталъ межевщика еще очень благовременно и, по наставленію моему, его оставилъ и сталъ объявлять, что онъ межуеъ государеву землю, а не Чернаго, и предлагать, чтобъ онъ не утверждалъ ее Пашкову бѣлыми столбами, а принялъ бы отъ него споръ. Все сіе учинено порядочно; но чтожъ воспослѣдовало далѣ!

Межевщикъ, услышавъ такое неосждаемое объявленіе и новое себѣ преклествіе, невѣдомо какъ взбѣсился и, во обыкновенію своему, сталъ усиливаться и спора не принимать, а объявлять то, что онъ межуеъ по купчей и спора принять не хочетъ. Но можно-ль бы ему было не принять, естлибъ поступлено было благоразумно и естлибъ тутъ я, а не г. Сабуровъ, бытъ случился. Онъ бы у меня самъ напрыгался, оттого что онъ межевалъ тогда безъ самого владѣльца, Чернаго, котораго, по примѣру вчерашнему, держали на хуторѣ и поили, какъ свинью, а безъ него какъ хотѣли межевали. Во-вторыхъ, сѣлъ бы я ему на шею тѣмъ, для чего онъ тутъ межевалъ безъ призыва сосѣдственныхъ дачъ обывателей и, такъ сказать, воровски. Однимъ словомъ, я бы его, государя нашего, проучилъ, естлибъ мнѣ при томъ бытъ случилось, и они бы меня не провели; но г. Сабуровъ былъ не такого характера: онъ былъ чловѣкъ простой и имѣлъ самое доброе сердце и хорошую душу, но нужной остроты разума и осторожности онъ не имѣлъ и потому далъ себя симъ бездѣльникамъ въ глазахъ обмануть и на бобы провестъ а именно:

Какъ межевщикъ увидѣлъ, что онъ сталъ усиливаться и продолжать спорить, то перетрусился они съ Рыбинимъ и увидя, что дѣло дурно, стакнулись и подпустили къ нему лестъ. Они начали умиленнѣйшимъ образомъ просить г. Сабурова, чтобъ онъ имъ не мѣшалъ и не спорилъ; а особливо лукавой Рыбинъ,

шувшись лицемо и самою сата-
алахтывалъ его, говоря: «Поми-
батюшка Иванъ Яковлевичъ,
сте здѣсь! что вамъ, судырь? вѣдь
аша земля. Допустите только меня
и Ржаксы, а тамъ зачнется ваша,
ами разведусь, какъ вамъ угодно,
мно отъ Станового-Липяга сажень
ли въ правую сторону, и возьмите
и въ вашу дачу.»

ь надобно знать, что такое Ста-
Липягъ? Это была, находящаяся
и лежащая за рѣчкою Ржаксою,
и вершина, порослая лѣсомъ, и мѣ-
нь удобное. До сего Липяга приу-
была дача протопоповская, въ ко-
мѣстѣ съ прочими владѣльцами
иленіе и г. Сабуровъ. И какъ
іе было очень удобное и лежало
подлѣ поселка Сабурова, то хотѣ-
жному ему оной къ себѣ попри-

іе обстоятельство и причиною
шо, что помянутое обѣщаніе Ры-
гчась поколебало твердость духа
юва. Онъ польстился на сіе лест-
кшренное обѣщаніе и, по добро-
шесому, всего меньше могъ опа-
предусмотрѣть, что это былъ одинъ
зманъ и сплетенная сѣтъ на са-
Словомъ, онъ по несчастію по-
Рыбину и межевщику, и тѣмъ
о сей послѣдній обѣщаль самъ
о полюбившемъ разводѣ старать-
лся въ вѣрности даннаго Рыби-
ова и обѣщанія. Коротко, г. Сабу-
кутился и не зналъ, что дѣлать.
жвѣтоваться съ своими товари-
ю они первые ему сказали, что
споръ не хотятъ мѣшаться и не
тса, а когда, хочеть спорить,
оритъ бы одинъ. Итакъ, сталъ г.
въ, какъ ракъ на мели, что бо-
рнудило его дать себя убѣдить
къ Рыбина и межевщика и самого
го. Онъ сказалъ: «Ну, добро, Ры-
ке для тебя и жалѣя твою ста-
е буду говорить, сдержи только
ѣщаніе». — «Изволь, батюшка, из-

воли! только допусти насъ до рѣчки
Ржаксы».

Какъ скоро дѣло сіе кончилось, то Ры-
бинъ, получивъ свободу и опасаясь, чтобы
чего еще не произошло, сталъ всѣми об-
разами спѣшить дойти до рѣчки Ржаксы
бѣлыми столбами и тѣмъ перерѣзать попе-
регъ весь пространной промежутокъ меж-
ду рѣчками Паникою и Ржаксою без-
спорною линією. Но не успѣлъ онъ дой-
ти до рѣчки Ржаксы и перейти на
тотъ берегъ, какъ снялъ съ себя личину
и другимъ голосомъ заговорилъ. Въмѣсто
того, чтобы ему Становой-Липягъ оставить
влѣвъ, то-есть въ дачахъ г. Сабурова,
и отступить отъ него по обѣщанію са-
жонъ съ двѣсти въправо, онъ поставилъ
вѣху сажонъ съ двѣсти отъ Липяга влѣво
и не только весь Липягъ, но десятиль-
со сто и Сабуровской земли къ себѣ при-
хватывать началъ.

Тогда открылись очи у г. Сабурова. Но
разсудите сами, каково было тогда ему,
когда увидѣлъ онъ себя такимъ злодѣй-
скимъ образомъ обманутымъ и въ глазахъ
проведеннымъ!... Смутился онъ неописан-
нымъ образомъ и спрашивалъ Рыбина:
«Чтожь это такое, господинъ Рыбинъ!
такъ ли было твое обѣщаніе? и такъ ли
ты вести хотѣлъ?» — «Мнѣ инако, сударь,
не можно, — смѣючись уже и ругатель-
скимъ образомъ отвѣтствовалъ ему Ры-
бинъ; — мнѣ Петръ Егоровичъ такъ
приказалъ и по купчей такъ итти слѣ-
дуетъ, и я на волосъ нарушить ее не могу,
воля ваша».

Вздурился тогда г. Сабуровъ и не
зналъ, что дѣлать. Онъ къ межевщику.
Межевщикъ молчитъ и говоритъ: «Я не
знаю... не мое дѣло... какъ хотятъ ве-
дуть». Сіе еще пуще привело въ досаду
г. Сабурова. И тогда увидѣлъ онъ ясно,
что всѣ они были бездѣльники, а онъ
обманутъ, и принужденъ былъ стыдиться
всѣхъ, кто съ нимъ тогда ни былъ. Онъ
встрянулся, но уже поздно, что лутче бы
ему было моему совѣту слѣдовать и либо
уже вовсе не спорить, либо спорить, но
уже не отставать и ничего не слушать.
Тогда раскаялся уже онъ, но пособить

было нечѣмъ: дѣло сдѣлано, межа сохами проѣхана и погрѣшность была уже невозвратная... Онъ досадовалъ самъ на себя, но все уже тщетно. Рыбинъ только смѣялся и радовался удачному своему бездѣльничеству и отомщалъ за поклонны свои изряднымъ образомъ.

Но какъ бы то ни было, но г. Сабуровъ принужденъ былъ проглотить сію горькую пилюлю и, позабывъ то, помышлять о предбудущемъ и думать о томъ— какъ быть, что далѣе дѣлать? Чѣмъ отгонять его отъ себя и отъ своихъ дачъ, и какъ бы не связать дачи своей споромъ съ Пашковою и тѣмъ не подвергнуть ее великой опасности, потому что онъ самъ имѣлъ дачку маленькую, а владѣлъ также земли великимъ множествомъ, которой могъ всей лишиться, какъ скоро свѣдалась бы его дача споромъ съ Пашковою. Все сіе приводило его въ превеликое замѣшательство. Ему оставалось только два средства: либо согласиться на отводъ Рыбина и потерять Липягъ и захватываемыя десятины сто за Липягомъ, либо спорить. Но оба сіи средства были неудобны: Липяга потерять не хотѣлось, а и спорить для вышеупомянутыхъ причинъ было невозможно.

Находясь въ превеликомъ недоумѣніи о томъ, вспомнилъ онъ мой совѣтъ и то, что я ему, равно какъ предугадывая сей случай, приказывалъ и именно: что если Рыбинъ станетъ прихватывать Липягъ и его землю, то вѣрнѣйшимъ бы и надежнѣйшимъ средствомъ было назвать какъ Липягъ, такъ и часть земли государственною землею, и тѣмъ точно такимъ же образомъ отбоарить Пашкова отъ своей дачи, какъ мы по Шадскому уѣзду его столь благополучно отбоарили. Вспомнивъ сей совѣтъ, положилъ онъ слѣдовать (ему) и, тѣмъ ободрясь, сказалъ Рыбину: «Когда такъ, то не дамъ же тебѣ надъ собою насмѣяться. Господинъ землемѣръ! онъ идетъ неправильно. Здѣсь направъ и налѣвъ государева земля! Не извольте межевать!»

Сіе вновь встревожило и межевщика и Рыбина. Увидя они, что дурно и что

смѣялись рановато, принуждены были говорить опять инымъ голосомъ. Тутъ проявился и у межевщика голосъ, и сталъ и онъ преклонять къ полюбовному разводу. Но увидя, что не соглашались, стаскинувшись съ Рыбинымъ, остановился на томъ мѣстѣ обѣдать и подѣ видомъ, якобы Рыбинъ самъ собою не отваживается развестись полюбовно, хотѣлъ о томъ доложить боярину и отъ него истребовать повелѣніе, отправилъ его къ Пашкову на хуторъ.

Сіе подало г. Сабурову опять нѣкоторой лучъ надежды къ полученію Липяга. Проклятой этотъ Липягъ не шель, но несчастію, у него изъ ума и онъ жалалъ его, какъ нѣкоего непривиданнаго сокровища, хотя въ самомъ дѣлѣ онъ ничего почти не стоилъ. Между тѣмъ, покуда ѣздилъ Рыбинъ, обѣдали они, и онъ, по добросердечію своему, не помня оказаннаго ему отъ межевщика зла, угощалъ еще его наилучшимъ образомъ, и обходился какъ съ честнымъ и добродушнымъ человѣкомъ. Но сколь худо заплатилъ онъ ему за сію хлѣбъ-соль и добросердечіе! Сколь много обманулся г. Сабуровъ въ своей надеждѣ и сколь бездѣльническимъ образомъ обманутъ былъ вновь сей честной и любезной человѣкъ.

Часа три принуждены они были ожидать возвращенія Рыбина. Наконецъ, приѣхалъ сей бездѣльникъ и всѣ, любопытствуя, спрашивали его, какія онъ привезъ съ собою вѣсти? Онъ не сказывалъ ничего, а объявилъ только, что Петръ Егоровичъ самъ изволить прибыть тотчасъ на межу. Сіе извѣстіе перетревожило тогда всѣхъ, ибо это было еще въ первой разъ, что господинъ Пашковъ выѣхалъ на межу.

Тотчасъ послѣ того показался онъ дѣйствительно, съѣзжающій съ горы на великолѣпной одноколѣ въ препровожденіи многихъ людей и случившихся также у него гостей: полковника Сухотина съ сыномъ и г. Лихарева. Пришествіе его было очень пышно и надменное. Онъ не хотѣлъ почти ни на кого смотрѣть, и межевщикъ, какъ рабъ, предъ нимъ

ис্তоваль. Слово за слово, дошло
воро до разговора съ г. Сабуро-
землѣ. Г. Сабуровъ стоялъ въ
это государева земля, и гово-
Пашкову, чтобы онъ шелъ вправо,
ручки Ржаксы, до другой верши-
сказывалъ онъ, лежить Чернаго
болго они проговорили и о пустомъ
ржи, и дѣло не хотѣло клеиться.
приводило Пашкова въ великое
Онъ пылалъ на г. Сабурова гнѣ-
кинулъ злобою, однако принуж-
шелъ скрывать свой гнѣвъ. И какъ
г. Сабурова былъ ему очень опа-
онъ боялся, какъ огня, государе-
лен, то и нехотя принужденъ былъ
изнизкимъ и увидя, что горломъ
тъ, употреблѣть ласку. Однако и
хотѣло ему помогать. И когда бы,
ь продлилось сіе долѣе и не по-
палъ твердость г. Сабурова! Но сей
вно какъ назначенъ былъ къ тому,
ему честному человѣку быть без-
нами обманутымъ и попадаться въ
женныя ему сѣти.— Сіе произошло
образомъ:

вовъ, увидя, что дѣло не клеилось,
къ что дѣлать и для того, отозвавъ
ь къ сторонѣ, началъ съ нимъ,
ь вѣрнымъ и всегдашнимъ своимъ
время и наперсникомъ совѣтовать-
и бездѣльникъ тотчасъ шепнулъ
и сдѣлать, и онъ, послушавши его,
ь перемѣнилъ голосъ, началъ съ
внѣ дружелюбно говорить и дѣ-
идъ, будто хочетъ съ нимъ разве-
полюбовно и скорѣе рѣшить дѣло.
туналъ ему уже всю землю по Ли-
онъ уступалъ ему уже и половину
Лвнига; но какъ Сабуровъ на
соглашался, то подольстись онъ и
его изъ ума, говоря слѣдующимъ
тъ: «Ну, Иванъ Яковлевичъ!
уже иначе не можно, то быть мнѣ
ттить на другую вершинку. Но
жъ мнѣ, пожалуй, когда я туда
такъ какъ же ты назовешь тамъ
на правую сторону»? Господинъ
овъ тотчасъ сказалъ: «Я назову
Луки Чернаго». — «А поле-

вую какъ же?» спросилъ Пашковъ далѣе
Тогда бы надлежало г. Сабурову остере-
речься и не вдругъ вѣрнуть миролюби-
вымъ словамъ Пашкова и не все болтать,
что на умъ было. Но сей простодушной
и добросердечной человѣкъ всего меньше
ожидать отъ него коварства и бездѣль-
ничества, и, по простодушію своему, ду-
малъ, что Пашковъ въ самомъ дѣлѣ хо-
четъ съ нимъ разводиться и потому безъ
всякаго опасенія сказалъ, что налѣвъ
назову-де я уже своею землею. Сего са-
мага слова и добивался отъ него Паш-
ковъ, и не успѣлъ онъ его выговорить, какъ
кипящій злобою Пашковъ вспыхнулъ и
сдѣлалъ то, чего ни одинъ честной че-
ловѣкъ не сдѣлаетъ, а именно: онъ заре-
нѣлъ тогда и началъ межевщину на г.
Сабурова являть, что онъ не честной
человѣкъ, а мошенникъ, и сперва назы-
валъ сіе мѣсто государевою землею, а
теперь хочетъ называть своею, когда онъ
туда пойдетъ; слѣдовательно, онъ тор-
гуетъ государевою землею, и просилъ
межевщика, чтобы онъ записалъ сіе въ
полевую записку.

Теперь посудите, каково было слы-
шать сіе господину Сабурову, и сколь
въ великое смятеніе не долженствовало
ему приттить, увидѣвши, что онъ сдѣлалъ
новой и всего уже худшій поступокъ.
Оное было и подлинно такъ велико, что
я его описать не въ состояніи. Онъ сталъ
тогда въ пень и такъ Пашковымъ смятъ
былъ, что не могъ промолвить ни одинаго
слова себѣ въ оправданіе; но думая, что
онъ попался тогда въ превеликую бѣду
и напасть, не зная что дѣлать и гово-
рить. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался предъ
нимъ безсловесенъ, а сей, примѣтивъ его
трусость, сѣлъ на немъ, такъ сказать,
верхомъ и побѣжалъ. Онъ разгорячился
уже невѣдомо какъ, и, думая, что тогда
одержалъ уже онъ совершенную побѣду
и г. Сабурову съ нимъ нечего дѣлать,
до того дошелъ, что началъ его ругать
всѣми негоднѣйшими бранями и оскор-
бительнѣйшими ругательствами и, такъ
сказать, мѣшалъ какъ его, такъ и бив-

шихъ съ нимъ съ грязью и дѣлалъ негоднѣйшими людьми на свѣтѣ.

При такихъ обстоятельствахъ еще счастье было, что не случилось тогда на господинѣ Сабуровѣ ни шпаги, ни кортика, а то бы онъ, будучи самъ вспыльчивой и горячій человекъ, вѣрно бы не снесъ такихъ несносныхъ ругательствъ, какими онъ тогда его, а говоря на общее лицо, и всѣхъ насъ жаловалъ, и г. Пашковъ дорого заплатилъ бы за сію свою дерзость. Но какъ онъ былъ совсѣмъ безоруженъ, а притомъ не имѣлъ никакой поддержки и подкрѣпленія и свиту очень малую и ненадежную, то нечего было ему дѣлать. Кровь хотя и въ немъ кипѣла огнемъ и пламенемъ, но онъ принужденъ былъ, закуся губы, стоять безмолвно и дать Пашкову, какъ индѣйскому пѣтуху, ерошиться и храбриться. Сей же, видя такое безмолвіе, еще болѣе пыхтѣть и храбровать началъ и даже до того дошелъ, что, называя вновь наобиднѣйшими именованиями, сталъ звать его за кусты на поединокъ и, хватаясь за свой кортикъ, до половины обнажалъ оной.

Вотъ какія дѣла происходили у нихъ на межѣ и вотъ какое было межеванье! Но чтожь бы думали вы дѣлалъ тогда межешникъ? Не думаете ли, чтобъ онъ (сталъ), по долгу своему, уговаривать ихъ и отводить отъ начинающейся ссоры?— всего меньше! Но онъ, напротивъ того, поджигалъ еще болѣе Пашкова, говоря и жалуюсь на г. Сабурова, что онъ и прежде уже и давеча мѣшалъ ему межевать и спорилъ. Сіе приводило Пашкова еще въ пуще бѣшенство и ярость. Онъ привазывалъ тогда записывать все сіе въ журналъ; но подъячій-мошенникъ съ межешникомъ давно уже сплетали на Сабурова петлю и писали невѣдомо какую негѣлицу и прибавляли то, чего Сабуровъ и не договаривалъ. Когда же увидѣли они, что дѣло доходило до худого, то, вмѣсто того, чтобы унимать, они старались только схватить съ мѣста астролябію и тѣмъ дать лучшей поводъ и свободу къ ссорѣ.

Но едва хотѣли они сіе сдѣлать, какъ образумился г. Сабуровъ изъ своего

замѣшательства и смущенія, и не имѣя болѣе надежды, какъ на одну астролябію, которая, по мнѣнію его, представляла тогда зеркало и дѣлала то мѣсто присутственнымъ, въ которомъ Пашковъ не могъ съ нимъ сдѣлать ничего худого, остановилъ межешника.—«Нѣтъ, господи землемѣръ», говорилъ онъ:—«не снимайте астролябію! это негодится! вы видите, что начинается ссора!» Межешникъ его и послушался. Но сіе не въ состояніи было остановить Пашкова: онъ продолжалъ ругать его болѣе и вышелъ самъ почти изъ себя. И какъ г. Сабуровъ на вызовъ его ему отвѣтствовалъ, что они тогда не въ Польшѣ, чтобъ имъ рубиться, то глупость ли не глупость Пашкова, до того въ бѣшенствѣ дойди, что закричалъ: «Когда такъ, такъ ихъ въ колья!»

Сіе слово тотчасъ всю сцену переменяло. Г. Сабуровъ, услышавъ сіе, испугался и сталъ опасаться, чтобъ ихъ въ самомъ дѣлѣ не прибили. Что касается до его товарищей, то они давно уже пуще зайцевъ перетрусилась и не знали, что дѣлать; но вмѣсто того, чтобъ вступить за г. Сабурова, всѣ отъ него отщетились. Ни одинъ изъ нихъ не сказалъ ни слова, но всѣ метались безъ памяти: велѣли запрягать скорѣй лошадей и подавать дрожки. Иной бѣжалъ въ кусты, иной передавался къ свитѣ Пашковой къ своимъ знакомымъ, думая тамъ найти лучшее спасеніе, и такъ дагѣ.

Вотъ какой страхъ нагналъ на нихъ забѣсившійся тогда и прямо самъ себя непомнящій Пашковъ. Коротко, г. Сабуровъ остался одинъ и какъ ракъ на мели, и увидѣвъ, что всѣ хотятъ бѣжать, принужденъ былъ и самъ помышлять о томъ же: одному ему нечего было дѣлать. Межешникъ сталъ было говорить: «Постойте, стойте, подпишитесь!»—«Нечего намъ стоять», отвѣчалъ г. Сабуровъ: «не до стоянья дѣло и не до подписокъ! насъ хотятъ бить и намъ жизнь наша дороже! Дѣлайте себѣ что хотите, и межуйте, какъ вамъ угодно: вольно вамъ писать, что хотѣли. И когда вы нашего спора не принимаете, такъ слушайте

олько вы, господа понятые! Мы называемъ это государевою землею и было бы намъ сіе извѣстно; а мы отсюда бѣжимъ».

Тогда захохоталъ Пашковъ—«Ха! ха! ха! ха! Господа понятые! ужъ прямо господа!» Но г-ну Сабурову съ товарищами это не до того было, чтобъ сіе слушать. Онъ бѣжалъ уже къ отъѣзжающимъ его товарищамъ и спѣшилъ обратиться съ ними. Дай-ка Богъ ноги! скачи, скачи, покуда ноги и пока бока не переломаны!.. И нѣтъ подиалась отъ нихъ только столбомъ.

Не успѣли они всѣ посказать, какъ уменьшались позади себя на межевомъ станѣ превеликой вопль и крикъ: «Лови! лови!» кричалъ безъ памяти Пашковъ: «бей, лови, лови его, кривого, сюда. Арканъ ему на шею, тащи его, сюда!» Всѣ люди его бросились тогда по кустамъ; но не только они, но и самъ Пашковъ, какъ безумной, бѣжалъ въ кусты съ вооруженными своими лакеями. Наши бѣдняки неинако думали, что это за ними погоня и потому безъ памяти скакали и убирались до двора, боясь и назадъ оглянуться. Однако, страхъ ихъ былъ пустой: это была не погоня за ними, а еще того хуже. Какой-то окальной скажи Пашкову, будто бы самъ старикъ Масаловъ, которой отъ природы былъ кривъ, находился въ кустахъ и не смѣлъ показываться, хотя ничего того не бывало, и онъ его-то велѣлъ и приказывалъ тащить къ себѣ на арканѣ. Сіе одно довольно доказываетъ, до какого безпутства доходилъ въ сердцахъ Пашковъ.

Смыслъ кончилось тогдашнее извѣстіе, ибо они, уѣхавши, не знали что послѣ къ тамъ происходило, почему и пришедшій мужикъ ничего о томъ не вѣдалъ, и сказывалъ только при окончаніи, что Сабуровъ на смерть перестрадался и находится въ превеликомъ теперь заключительствѣ и робости, и что онъ, приславъ къ Масалову, того момента послалъ его старосту за мною и велѣлъ какъ можно просить меня, чтобъ я къ нимъ пріѣхалъ и, буде можно, чѣмъ-нибудь пособилъ бы.

Теперь не могу изобразить, въ какое замѣшательство привело меня сіе извѣстіе. Я нѣсколько разъ перерывалъ его повѣствованіе и сердился, и досадовалъ, и смѣялся, и дивился я всему сему произшествію: сердился на Пашкова, на Рыбина и межевщика; досадовалъ на Сабурова, что онъ былъ такъ плохъ и нерасторопенъ и не послушался моихъ совѣтовъ, и далъ себя провестъ и обмануть; смѣялся всему сему произшествію и ихъ трусости непомѣрной и дивился работѣпству межевщику. Но какъ бы то ни было, но мнѣ некогда было долго раздabarивать. Естественно, хотѣлось мнѣ какъ можно скорѣе подать помощь угнетенному моему пріятелю и поддержать ихъ въ такой бѣдѣ и опасности. Я кричалъ, чтобъ скорѣй запрягали мнѣ лошадей въ дрожки и меня одѣвали, и того момента сталъ вымышлять средство, чѣмъ бы помочь моему другу, и какъ бы, хотя нѣсколько, полечить испорченное его дѣло. Другого я не находилъ, какъ приступить къ самой крайности и подать ему на межевщика и Пашкова челобитную съ прописаніемъ, что они межутъ себѣ государеву землю, и тѣмъ остановить межеванье. Итакъ, покуда запрягали лошадей, покуда меня одѣвали, до тѣхъ поръ успѣлъ я намахать половину челобитной, а другую половину положилъ тамъ дописать, ибо туда надлежало мнѣ поспѣшать, и тѣмъ паче, что было уже не рано, а ѣхать было верстъ пятнадцать или болѣе.

Подъѣзжая къ окрестностямъ того мѣста, гдѣ наканунѣ того дня происходили описанныя выше сего чуда, и которое мнѣ съ дороги было видно, съ любопытствомъ смотрѣлъ я нѣтъ ли кого тамъ и не тутъ ли межевщикъ. Однако, на томъ мѣстѣ не видно было никого, а, напротивъ того, увидѣли мы на горѣ по коонецъ уже Лицьяга кучу народа и потому заключили, что межевщикъ уже тамъ. Сіе побудило меня поспѣшать еще болѣе.

По пріѣздѣ нашемъ въ Лукино, къ Сабурову поселку, прежде всѣхъ увидѣли мы двухъ повѣренныхъ, и именно г. Са-

бурова и Масалова, собирающихся иттить на межу. «Что вы это? куда идете? спросилъ я.—«Да на межу, батюшка!»—отвѣчали они: «была за нами посылка, мы ходили, насъ согнали опять, сказали, что не надобны; а теперь прислали другую. Солдатъ только теперь проѣхалъ къ Масалову».—«Да что вы тамъ позабыли? сказалъ я:—вчера вы были ненадобны, а сегодня понадобились».—«Да, сударь! отвѣчали они; вчера безъ насъ шли подлѣ нашей и по нашей землѣ, и мы были ненадобны, и называли ее землею Чернаго; а теперь, какъ насъ миновали, такъ стали спрашивать. Зачѣмъ намъ туда иттить: теперь пришла земля казенная, а они ее намъ жалуютъ и нашею называютъ.»—«Постойте, сказалъ я: и не ходите, а дайте мнѣ напередъ съѣздить и съ вашими господами повидаться».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю прыть къ Масалову, котораго селеніе было версты двѣ отъ Сабурова поселка. Не успѣлъ я изъ поселка выѣхать, какъ увидѣлъ ѣдущаго солдата. Поровнясь съ нимъ, спрашиваю: «Куда?»—«Да вотъ, сударь, къ господину Масалову съ повѣсткою!»—«Съ какою?» спрашиваю его далѣе, совсѣмъ будто ничего не зная. Солдатъ тотчасъ мнѣ приказъ свой подалъ. Въ немъ написано было, чтобъ г. Сабуровъ самъ выѣзжалъ бы на межу, или, по крайней мѣрѣ, высылалъ бы повѣреннаго. Прочитавъ его и покачавъ головою, отдалъ я его солдату, сказавъ: «Поѣзжай, мой другъ! Не мое дѣло, какъ хотятъ».—«Да куда это вы, ваше благородіе, изволите ѣхать?»—«Далеко, братецъ! на Ворону звали меня въ гости, такъ ѣду туда обѣдать».

Сказавъ сіе, поскакалъ я во всю пору, стараясь уѣхать изъ виду у солдата и приѣхать прежде его къ Масалову. Подъѣзжая, соскочилъ я съ дрожезъ и велѣлъ лошадамъ и людямъ, какъ можно скорѣе, уѣзжать за дворъ, чтобъ солдатъ не примѣтилъ, что я тутъ, а самъ вбѣжавъ въ горницу, говорю: «Здравствуйте! здравствуйте! Однако, спрячьте меня, чтобъ солдатъ не видалъ», и самъ, говоря сіе,

хохочу. Какъ ихъ тутъ было цѣлое сборище, а именно: г. Масаловъ съ женою и сыномъ, г. Сабуровъ съ женою, г. Давидовъ и Мордвиновъ, то удивились они моему поступку и не знали, что это значитъ. Однако мнѣ некогда было раздобаривать съ ними, а я уприсялъ ихъ, чтобъ дозволили они мнѣ войти въ ихъ спальню и туда бы всѣ перешли и двери затворили, говоря, что къ нимъ ѣдетъ теперь солдатъ съ повѣсткою и понятыми, и что я уже скажу имъ, что теперь сдѣлать, только не хочу, чтобъ это солдатъ видѣлъ.

Ради они мнѣ тогда Богъ знаетъ какъ были, и тѣмъ паче, что всѣ они находились въ превеликой трусости и сомнѣтельствахъ, не вѣдая, что дѣлать. Они стали было мнѣ рассказывать вчерашнюю исторію, но я имъ сказалъ: «Пожалуйте не теряйте времени на пересказываніе; я все уже и безъ того знаю, а посоветуемъ лучше о томъ, ѣхать ли намъ на межу, или нѣтъ. Скажите мнѣ, какія имѣете вы теперь намѣренія?»—«Что, батюшка», отвѣчали они: «мы сами не знаемъ, ни то намъ ѣхать, ни то не ѣхать на межу, а послать повѣренныхъ».—«Зачѣмъ ѣхать! сказалъ я: ни того, ни другого».—«Да какъ же, батюшка, быть?»—«Такъ и быть, отвѣтствую имъ, что надобно испорченное дѣло какъ можно лечить, а полечить инымъ нечѣмъ, какъ этотъ узелъ завязать болѣе и спутать все межеванье. Однимъ словомъ, надобно господина межевщика пугнуть и пугнуть такъ, чтобъ онъ позабылъ такія смелги дѣлать, а посидѣлъ бы въ углу; а мы между тѣмъ имѣли бы время одуматься и что лучше предпріять получили свободу».—«Да какъ это сдѣлать, батюшка?»—«А вотъ какъ: на межу вы не ѣздите, да и повѣренныхъ не посылайте, а пошлите къ межевщику, вотъ я вамъ напишу объявленіе, такъ онъ и задумается и не будетъ знать самъ, что ему дѣлать». Не успѣлъ я сего вымолвить, какъ солдатъ и приѣхалъ. Тогда просилъ я скорѣе бумаги и чернилъ и велѣлъ солдату поудержать въ передней, покуда я напишу объяв-

не, и подтвердить всёми, чтобъ никто обо мнѣ не сказывалъ.

Ради были невѣдомо какъ господа, что и прѣхали къ нимъ благовременно. Они оживотворились моимъ присутствіемъ и начали съ солдатомъ инымъ уже голо-сошь говорить. Они сказали ему, что они на межу не ѣдутъ и повѣренныхъ не по-скажутъ, а для чего—о томъ пошлютъ съ нимъ теперь репортъ, потому что онъ словами пересказать не можетъ и для то-го ожидалъ бы онъ немного.

Между тѣмъ какъ они съ нимъ въ пе-редней раздбарывали, производилъ я, завершись въ спальнѣ, странное, совсѣмъ необыкновенное и смѣшное, затѣянное лицомъ еще дорогою, дѣло. И именно, я натеркалъ на межевщика протестъ или, лучше сказать, сплеталъ на него дсе-ль, ибо инымъ пугнуть его было нечѣмъ. Я написалъ отъ имени г. С а б у р о в а не къ межевщику, а къ межевнымъ дѣламъ объ-явленіе. И какъ сія бумажка была вели-кой важности и тамъ послѣ произвела великой громъ, имѣла великое дѣйствіе и прославилась, то сообщу вамъ содер-жаніе оной отъ слова до слова.

«Бъ межевнымъ дѣламъ господина капи-тана и землемѣра Петрова отъ маіора Ива-на Яковлева сына Сабурова.

Объявленіе.

«Примываюся я сего числа чрезъ при-слиннаго солдата на межу; а какъ я вче-рашняго числа, будучи на межѣ, чинилъ господину землемѣру вмѣстѣ съ прочими бывшими со мною господами дворянами некоторыя, касающіяся до пользы высочайшаго Ея Императорскаго Величе-ства интереса, объявленія, но госпо-динъ землемѣръ оныя, дружа и нароча господину Пашкову, отъ меня не при-нялъ, но, напротивъ того, по призыву его, землемѣра, прѣхавшій на межу гос-подинъ Пашковъ самъ не только меня при немъ разругалъ всякими бранными и непотребными словами, но въ противность законамъ вымывалъ на поединокъ и хва-тался за кортикъ, и хотѣлъ бить колыями. А господинъ землемѣръ не только его отъ

того не унималъ, но самъ еще поощрялъ къ запальчивости болѣе; что видя и опа-саясь, чтобы насъ не приблия, прину-дены мы были спастись бѣгствомъ. Для которой причины я и сего дня выѣхать на межу опасуюсь, а повѣреннаго на сей часъ не имѣю, и для того не поставлено-бъ мнѣ было въ вину, что я не явлюсь на межу».

Вотъ какого содержанія была сія бу-мажка. Легко можно разсудить, что это былъ формальной протестъ, или сущій дсе-ль на господина землемѣра, которой могъ бы его погубить, естлибъ онъ его принялъ. Но я зналъ, что онъ его не приметъ и не для того и дѣлалъ сіе, чтобъ погубить сего бѣдняка; а мнѣ хотѣлось его только постращать немножко и имъ поиграть. Короче, мнѣ хотѣлось отыграть имъ вчерашнюю шутку.

Объявленіе мое тотчасъ было перепи-сано другою рукою и тотчасъ подписано господиномъ Сабуровымъ и втерто въ руки солдату. «Побѣжай, голубчикъ! ска-зали ему всѣ:—и отдай сію бумажку гос-подину землемѣру». Отпустя его, послали мы тотчасъ шпиона смотрѣть и примѣ-чать, что будетъ и что произведетъ сія бумажка, и стали сами дожидаться по-слѣдствія.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, межевщикъ, стоя на межѣ, нетерпѣливо дожидался г. С а б у р о в а, ибо безъ него ему идти далѣе было не можно. При-чиною тому было то, что Черноѣ, испу-жавшись сдѣлавшейся ссоры и раска-явшись, что онъ, послушавъ Пашкова, впелся въ споръ и назвалъ Сабурову землю своею, не хотѣлъ вести далѣе, но вышелъ на находящуюся по конецъ Ста-новаго-Липяга дорожку, отказался и ска-залъ, что теперь земля его кончилась, и каваля пришла—онъ не знаетъ, и уѣхалъ, а остался одинъ Рыбинъ; Р ы б и н ъ же говорилъ, что начинается вгѣвѣ земля г. Сабурова. Итакъ, надобенъ былъ Са-буровъ; почему и ждалъ онъ съ не-терпѣливостью солдата и твердилъ, что г. Сабуровъ, конечно, на него разсердился, что не ѣдетъ.

Но въ какой ужасъ и смятеніе приве-

день онъ былъ, какъ солдатъ, приѣхавши, подалъ ему объявленіе. Онъ, прочитавъ оное и вида бѣду, надъ собою висящую, взбѣлился, вспрыгался и, опрокинувшись на солдата, завопилъ: «Проклятой человѣкъ! на что ты это принимаешь?.. на что бралъ?.. что ты теперь сдѣлалъ?.. какъ ихъ бѣды начудилъ?» — «Какъ мнѣ, сударь, не принять?» отвѣтствовалъ солдатъ: «Мнѣ дали и сказали, что это репортъ, и что я того словами пересказать не могу». — «Дьяволъ тебя побери, закричалъ опять межевщикъ: — и съ бумагою-то сею! Вѣдалъ бы ты какая бѣда тутъ написана! Съ больной-ста головы взворачиваютъ на здоровую! Я хотѣлъ имъ всѣмъ и Пашкову-то съ ними кланяться! и воленъ Богъ, да они, а мнѣ животь мой дороже. Подавай, подавай скорѣй подводу! Поѣзжай, поѣзжай, проклятой человѣкъ, опять! Брось имъ эту окалянную бумагу! пропади она, проклятая! Возьми съ собою понятыхъ и какъ можно отдавай и назадъ не привози, прахъ ее побери!.. Экая бѣда! Экая бѣда! Вотъ какова шутка-ка!»

Прогнавъ солдата обратно, опрокинулся онъ на Рыбина. «Ну, Василій Еремичъ, сказалъ онъ ему: — хороши вы съ бояриномъ-та! Сами попали въ петлю, да и меня туда же тащатъ!.. Что вы теперь надѣлали? Куда ты меня теперь поведешь?.. Не знаешь ли, что я теперь въ пень совсѣмъ сталъ. И мнѣ съ мѣста иттить не можно?.. Кланяюсь я вамъ! Спасибо, спасибо!» и такъ далѣе.

Между тѣмъ дожидались мы, что будетъ и нетерпѣливо хотѣли слышать, что скажетъ и съ чѣмъ приѣхалъ опять солдатъ. Однако, я опять не разсудилъ за благо показываться, но слушалъ изъ другого покоя. Онъ, приѣхавши, сталъ назадъ отдавать объявленіе; но какъ тѣ, по наученію моему, не хотѣли принимать, то, не говоря ни слова, положилъ онъ бумагу на стуло. Тѣ хотѣли-было втереть ее опять ему въ руки, но онъ пятался отъ ней, какъ отъ огня и твердилъ только: «Нѣтъ, нѣтъ, милостивые государи, на мнѣ голова-то одна! Не беру, не беру, воля ваша, какъ хотите! Самъ господи

землемѣръ ее, какъ огня, боится, воля ваша!» — Тогда велѣлъ я имъ присланнымъ понятымъ заявить, что они посылали такое-то и такое-то объявленіе и оно не принято, а они на межу сами ѣхать боются.

Съ симъ отпустили мы солдата, довольствуясь тѣмъ, что напугали землемѣра. Сей бѣднякъ, недождавшись никого, не звалъ, что дѣлать. Пошелъ-бы онъ далѣе, но нельзя было: никто не сказывалъ, какая земля впереди, всѣ отпирались, а другіе прямо говорили: «Вить намъ, сударь, сказано, что государева, чего вамъ больше?» А какъ самое сіе связало межевщика такъ, что онъ не могъ ни назадъ, ни впередъ иттить, то принужденъ онъ былъ стоять тутъ отъ утра до вечера и галанить, и все сіе время проводилъ въ ругательствахъ и напущкахъ на Рыбина — за то, что онъ завелъ его въ сущій лабиринтъ, изъ котораго не зналъ онъ какъ и выдраться.

Между тѣмъ, находился я въ Лукинѣ и праздновалъ у господина Масалова, а потомъ поѣхали въ гости къ господину Давыдову и тамъ сидѣли и дожидались почти до сумерокъ въ ожиданіи съ межи новыхъ вѣстей. Наконецъ, приѣхали къ намъ понятые съ извѣстіемъ, что межевщикъ, не добывшись ни отъ кого о землѣ толку, и дождавшись до вечера, не зная что дѣлать, принужденъ былъ распустить понятыхъ до понедѣльника и велѣлъ имъ привозить съ собою старожилость, вознамѣриваясь межевать уже съ посторонними; но я смѣялся тому, вѣдая, что это вздоръ и пустое.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, и тогда всѣ наши узнали сколь важна была моя бумажка, стали ее беречь, какъ невѣдомо какую хартію, и дивились тому, какое произвела она великое дѣйствіе и какъ въ состояніи была остановить въ одинъ мигъ межевщика. Тогда начались вновь мнѣ благодаренія и похвалы, а потомъ стали всѣ развѣзжаться по домамъ. Я не зналъ гдѣ мнѣ ночевать, ибо домой ѣхать было уже поздно: г. Сабуровъ въ тащилъ меня къ себѣ, а г. Да-

видовъ просилъ, чтобъ я ему сдѣлалъ одолженіе и ночевалъ у него. Долго о семъ продолжался споръ, но я, судя, что мнѣ покойнѣе будетъ у Давыдова, оставался у него ночевать.

Въ послѣдующій день, чтѣ было въ субботу, вставши рано, заѣхалъ я къ Сабурову и спѣшилъ ѣхать домой, ибо дѣлать мнѣ было болѣе нечего. Но г. Сабуровъ не отпустилъ меня необѣдавшего и тѣмъ паче, что послѣ обѣда хотѣлъ имѣть со мною и самъ ѣхать въ наши края и въ настоящій свой домъ, въ Калитовку. Итакъ, пообѣдавши, возвратились мы въ свои деревни и я въ свою курью, гдѣ достальное время проводилъ въ своихъ домашнихъ дѣлахъ и вкупѣ въ удовольствіи, что удалось мнѣ услужить своему другу и успокоить его духъ, разстроенный было такъ сильно господномъ Пашковымъ.

Какъ въ наставшій за симъ воскресной день случился вкупѣ и праздникъ Рождства Богородицы, то поѣхалъ я къ обѣдни въ приходскую свою церковь село Трескино. Тутъ нашелъ я превеликое собраніе господъ и между прочимъ незнакомаго мнѣ человека, Федора Васильевича Соймонова. Г. Сабуровъ былъ тутъ же и звалъ меня къ себѣ обѣдать, куда и господинъ Соймоновъ поѣхалъ. Легко можно заключить, что какъ въ церкви, такъ и тутъ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о Лукинскомъ происшествіи, ибо слухъ о томъ и о славномъ отмѣяннѣ Пашкову за его озорничество и наглость чрезъ произведенную въ межеваньѣ разстройку и остановку разнесся уже повсюду.

Послѣ обѣда былъ у насъ съ г. Сабуровымъ совѣтъ о его межеваньѣ. Намъ хотѣлось очень знать, что происходитъ на хуторѣ у Пашкова. Но какъ, кого, и зачѣмъ туда послать? Это была для насъ комиссія, и мы долго о томъ думали и размышляли. Наконецъ, вздумалъ я отправить туда своего прикащика, подъ тѣмъ видомъ, будто я, ничего о происшедшемъ не зная, послалъ освѣдомиться, гдѣ межа кончилась и когда начнутъ опять межевать, и

сіе тотчасъ было и сдѣлано. Но сего посланнаго принуждены мы были дожидаться назадъ до самой полуночи, и я опасался уже, чтобы его тамъ не прибили. Наконецъ, онъ приѣхалъ и привезъ извѣстіе, что онъ и межевщика, и самого Пашкова видѣлъ, но что ему ни того, ни сего не сказали; что оба они находятся въ превеликомъ сумракѣ и крайне невеселы; что Пашковъ спрашивалъ его многоли захвачено моихъ собственныхъ папешъ и далеко ли онѣ? что велѣлъ тотчасъ подать себѣ дрожжи и куда-то поѣхалъ; а межевщикъ только сказалъ, что межа тамъ остановилась, гдѣ остановилась, и что онъ завтра межевать станетъ.

Сіе извѣстіе побудило г. Сабурова въ тотъ же еще день ѣхать опять въ свое Лукино и просить и меня, чтобъ и я поутру приѣхалъ опять туда же къ нему, и выѣхалъ на межу, чтобъ помочь повѣренному его записать порядочнѣе споръ; ибо я разсудилъ за благо присовѣтовать ему повѣренныхъ выслать и велѣть только о государевой землѣ заспорить такимъ образомъ, какъ мы заспорили, и я принужденъ былъ дать просьбѣ моего друга себя убѣдить и на то согласиться.

Такимъ образомъ, переночевавъ дома, отправился я въ послѣдующій день, поутру какъ свѣтъ, въ Лукино, чтобъ присутствовать при спорѣ или паче, чтобъ быть оному инструментомъ. Г. Сабуровъ меня уже дожидался, и у него было уже собраніе. Господа Давыдовъ, Масаловъ и Мордвиновъ были уже тутъ и хотѣли со мною ѣхать. Мы тотчасъ отправились на межу, покинувъ г. Сабурова, какъ оглашеннаго, дома. Однако на межѣ еще никого не было, кромѣ одного солдата и сбравшихся полатыхъ. Всѣ ждали съ часу на часъ межевщика, однако пришествія его еще не было. Мы прождали по пустому до половины дня и прозябли. Я склонилъ тогда товарищей моихъ ѣхать обѣдать и обогрѣваться къ г. Сабурову; а чтобъ намъ не прозвѣвать межевщика, то разставили мы верховую почту въ виду другъ у друга, дабы въ одинъ мигъ могло до насъ долетѣть

извѣстіе. Г. Сабуровъ насъ уже дожидался съ приготовленнымъ обѣдомъ. Тутъ услышалъ я, что ко мнѣ въ деревню послалъ г. Пашковъ людей звать меня къ себѣ. «О, о! думалъ я тогда, дошла и до меня надобности! Но пускай, говорю, поѣзжать, благо меня теперь дома нѣтъ; что я у него позабылъ, чтобы мнѣ къ нему ѣхать?»

Пообѣдавши у г. Сабурова, выѣхали мы опять въ поле; но межовщика все еще не было. Мы ждать часъ, ждать другой, но межовщика нѣтъ и не показывается. А бѣднякъ, узнавъ, что я тутъ, и вѣдая уже, каковъ я, такъ смутился, что не смѣлъ уже и глазъ показать, и совсѣмъ ѣхать раздумалъ, а мы между тѣмъ, дрогги да дрогги. День случился быть тогда вѣтреной и холодной; впрахъ всѣ перезябли и наконецъ дошло до того, что мы принуждены были велѣть раскласть огонь и около его грѣться. Это была первая нужда да и послѣдняя! Долго не могли мы никого дожидаться. Наконецъ, увидѣли мы ѣдущаго къ себѣ верхомъ Пашкова лакея. Онъ присланъ былъ ко мнѣ звать меня къ нему на хуторъ. «О, о! думалъ я:—экъ ихъ тамъ пронимаетъ, и вотъ какъ вознадобился имъ и Андрей Тимоѣевичъ! и теперь батюшка, такой-сякой, пожалуйте». Совсѣмъ тѣмъ смутился я тогда и не зналъ, что дѣлать: ѣхать мнѣ къ нему и хотѣлось, и не хотѣлось. Однако положилъ поупрямиться и отсмѣять ему шутку, а потому и сказаламъ слугѣ: «Кланяйся, мой другъ, Петру Егоровичу и скажи, что я къ нему ѣхать опасуюсь. Я слышалъ, что онъ будучи и на межѣ людей было-переколотъ и перебитъ хотѣлъ, а сверхъ того всѣхъ насъ ругалъ всѣми ругательствами, такъ къ нему ѣхать и подавно мнѣ опасно. Тамъ вѣрно онъ прибить можетъ, да и суда не найдешь, и тѣмъ паче, что я ему можетъ быть болѣе всѣхъ надосадила. Нечего мнѣ у него дѣлать». Съ симъ отвѣтомъ поскакалъ слуга, какъ не солоно хлѣбавъ, и повезъ къ нему носъ въ четверти въ три за то, что онъ надъ нами изволилъ тѣшиться.

По отъѣздѣ его и услышавъ, что въ тотъ день межованья не будетъ, не стали мы долѣе медлить, но поѣхали ночевать къ г. Сабурову. Я остался у него, а товарищъ мой г. Тараковскоѣй, приѣзжавшій въ Лукъино вмѣстѣ со мною для компаніи, поѣхалъ къ г. Давыдову.

Не успѣли мы обогрѣться, какъ сказываютъ намъ, что приѣхалъ Рыбинъ отъ Пашкова ко мнѣ. «Во, во! воскликнулъ я.—Экъ ихъ тамъ и уже не путнымъ мастерствомъ пронимаетъ. Видно, что и очень-очень оказалась нуждаца въ Андрей Тимоѣевичѣ! Посылай-ка его! Зачѣмъ такимъ». Рыбинъ вошелъ и съ великою уничиженностью сталъ мнѣ кланяться отъ Пашкова и просить, чтобы я къ нему завтра приѣхалъ и пожаловалъ помирить его съ г. Сабуровымъ, сказывая притомъ, что господинъ его отдастъ все на мою волю, и какъ я велю, такъ и сдѣлаетъ, только-бы сдѣлалъ одолженіе и къ нему приѣхалъ; и увѣрялъ при томъ именемъ его, что онъ никогда меня не бранивалъ и никакъ не помышлялъ оскорбить имени моего, и такъ далѣе.

Мило мнѣ и приятно было, что довелъ я Пашкова до такого уничиженія. И какъ мнѣ самому хотѣлось Сабурова съ нимъ, буде можно, помирить, да и г. Сабуровъ былъ къ тому согласенъ, у котораго все еще его Становой-Липагъ не выходилъ изъ головы, и онъ все еще лѣстился поприбрать его къ себѣ въ руки; то переговоривъ и посоветовавъ съ нимъ, и далъ я слово, что въ послѣдующій день къ нему буду, не преминувъ однако погонять и потазать Рыбина гораздо за бездѣльнической поступокъ его съ господиномъ Сабуровымъ и сказать, что такъ добрые люди не дѣлаютъ, и задалъ ему изрядную потовую.

Теперь извините меня, что я перерву повѣствованіе мое опять въ любопытномъ для васъ мѣстѣ. Причиною тому то, что письмо мое превзошло уже и такъ свои предѣлы, а исторія свиданія моего съ Пашковымъ не такъ коротка, чтобы ее на двухъ словахъ переска-

вать было можно. Итакъ, пресѣкая сіе письмо, скажу вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабрь 24 дня 1808 года).

Письмо 168-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ въ послѣдующій день надлежало мнѣ ѣхать въ гости къ нашему общему сопернику и непріятелю, г. Пашкову, и представлять собою нѣкоторымъ образомъ видъ посла, отправляющагося на мирный конгрессъ или переговоры. Какъ послы въ такихъ случаяхъ ѣздятъ обыкновенно съ возможнымъ великолѣпіемъ, то всходствіе того помыслилъ и я о подобномъ тому, и чтобъ мнѣ было не стыдно показаться къ высокопородному Пашкову, и для того стараясь г. Сабуровъ собрать меня въ сей путь какъ можно лучше. Онъ снарядилъ свою карету дубомъ и съ двумя верховыми, а рантомѣрно убрался и я, какъ можно лучше. Трое людей стояло у меня на запяткахъ; однимъ словомъ не упущено было ничего, чѣмъ только можно было придать болѣе осанки и важнаго вида.

Неусиѣлъ я выѣхать и доѣхать до Станового-Липяга, какъ повстрѣчалась со мною нажевая команда съ инструментомъ, подъячимъ и ученикомъ. «Куда это?» спросилъ я «Внутреннюю-де ситуацію снимать», отглаголи мнѣ. «Съ Богомъ, съ Богомъ!» сказалъ я, и поѣхалъ далѣе. Подъѣзжая къ хутору, увидѣлъ я превеликой железной шатеръ, окруженной сдѣланнымъ изъ сѣна высокимъ валомъ, и стоящій какъ-бы посреди сѣнного редута и крѣпостцы. Въ семъ шатрѣ имѣлъ г. Пашковъ свое пребываніе. Однако тогда я его тутъ не засталъ, а сказали мнѣ, что онъ находится въ избѣ, куда, не долго думая, и вошелъ я своей каретѣ ѣхать.

Было тогда хотя очень уже не рано, но я нашелъ тамъ господина Пашкова еще умывающагося изъ серебра и на серебрянѣ. «Изядная политика, думалъ я самъ въ себѣ,—это для того, чтобъ оказывать свою пышность и высокопородіе, и

меня не встрѣтить. Но хорошо, мой другъ, думалъ я далѣе:—что-то далѣе будетъ, а это мы тебѣ простимъ.» Посадивъ меня, продолжалъ онъ при мнѣ хотиться и умываться. Гдѣ-то умылся, гдѣ-то вытерся, гдѣ-то плѣшь свою пудрою насыпалъ. Между тѣмъ временемъ прошло болѣе часа, въ продолженіе котораго были у насъ съ нимъ прямо министерскіе разговоры, все о постороннемъ. Онъ выражалъ все, какъ ему тутъ жить безпокойно, какъ нигдѣ; какъ женѣ его нельзя войти въ избу для множества обитающихъ въ ней лягушекъ, которыхъ она боится; какъ надоѣла ему стужа, и такъ далѣе. А я подтаивалъ ему только и, смѣючись, дивился для чего онъ тутъ дома не строитъ, и соответствовалъ всѣмъ его словамъ, какъ надлежало. Видитъ онъ, что я не олухъ, а самъ о себѣ, и началъ мало-по-малу обходиться со мною вѣжливѣе и учтивѣе и извиняться, что онъ меня никогда не бранивалъ и ни однимъ словомъ не оскорблялъ заочно, и такъ далѣе. «Вотъ такъ-то, думалъ я:—поскладывай-ка спѣсь свою Пашковскую и говори по-лучше». И тогда отвѣтствовалъ я ему на извиненія его героическимъ духомъ и какъ надлежало, и учтивымъ образомъ вставлялъ ему изрядныя очки за его пышность, высокопородіе и презираніе всѣхъ насъ, и довелъ до того, что онъ мало-по-малу уже передо мною и пашевать началъ.

Въ сіе время подошелъ къ намъ межевщикъ и еще родственникъ его, г. Лихаревъ, Александръ Венедиктовичъ, нашъ каширской помѣщикъ. Сей, какъ мой землякъ, тотчасъ свелъ со мною знакомство и обошелся изрядно, а наконецъ приумножилъ наше сборище и г. Рыбинъ, какъ главная и весьма важная тутъ особа, ибо я примѣчалъ уже, что онъ былъ всѣхъ ихъ умнѣе, и болѣе всѣхъ дѣло смыслилъ. И тогда дошелъ у насъ скоро разговоръ до нашего дѣла.

Но сколь удивленіе мое было велико, когда я услышалъ, что г. Пашковъ

старался богѣ преклонить меня къ тому, чтобъ помирился съ нимъ я по нашему дѣлу, а о Сабуровѣ почти ни слова, которое однако мнѣ нужнѣй было своего. Долго у насъ съ нимъ продолжался разговоръ, и было бы слишкомъ пространно, еслибъ весь его описывать. Мы говорили, кричали, спорили, ладили, разлаживали, упрекали другъ друга, толковали инструкцію, старались одинъ другого вывести изъ ума и тому подобное, но наконецъ вылилось не на чемъ; ибо я, примѣтивъ, что у него и на умѣ не было съ Сабуровымъ мириться и, по предположенію моему, выкидывать бѣлые безъ согласія его поставленные столбы, сталъ всѣми образами стараться городить ему пѣшки объ опасностяхъ, въ какія зашелъ онъ своимъ межеваньемъ, и довелъ его до того, что онъ впалъ въ великое сомнѣніе и того болѣе сталъ усиливаться и убѣждать меня просьбою, чтобы я съ нимъ развелся. «Для чего не развестись, я всѣмъ сердцемъ готовъ, говорю ему:—но одинъ ли я? Много владѣльцевъ».—«Нѣтъ, нѣтъ, отъ одного тебя зависать», говорилъ онъ. А я говорю: «Никакъ, а мнѣ надобно со всѣми согласиться и имѣть къ тому время». Однимъ словомъ, какъ этотъ пунктъ былъ очень нѣжной и по существу своему крайне важной, то и отдѣлялся я отъ него тѣмъ, что увѣрялъ его, что я усердно хочу помириться и буду склонять своихъ сосѣдей. «Мы напередъ, говорилъ я ему:—повѣдимъ и посмотримъ, куда намъ взять, а между тѣмъ положилъ бы межевщикъ на планъ обойденное уже мѣсто».

Симъ образомъ отвалилъ я отъ себя сіе щекотливое дѣло и сократилъ разговоръ объ немъ колико можно, желая выиграть время для миротворенія его съ Сабуровымъ. Мнѣ неотмѣнно хотѣлось, чтобъ напередъ онъ съ нимъ либо помирился, либо пошелъ далѣе межевать; а ему хотѣлось, не окончивъ тутъ, помириться напередъ съ нами, слѣдовательно насъ обмануть бы и провестъ за носъ. Однако не на такого соперника онъ попалъ, а

имѣлъ дѣло съ нимъ такой, которой могъ проникнуть въ дальновидность его коварныхъ замисловъ и отъ нихъ остеречься; но паче самъ его до того довелъ, что онъ дѣйствительно повѣрилъ, что я хочу съ нимъ помириться, хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и на умѣ того не приходило; да и какъ можно было поминать о томъ по объявленіи столь торжественнымъ образомъ всей степени государевою; и лезъ ли было имѣть дѣло съ такою алчною, ненасытною, користолобивою и бездѣльническою душою нищею особою, каковъ былъ г. Пашковъ и какимъ себя оказалъ въявь при послѣднемъ случаѣ съ Сабуровымъ. Итакъ, условились мы съ нимъ, чтобъ дать мнѣ дни на четыре, то-есть до понедѣльника, время согласиться со своими сосѣдами, а межевщикъ до тѣхъ поръ не межевалъ бы, а тогда бы дать ему о нашемъ намѣреніи знать, хотя въ самомъ дѣлѣ на умѣ у меня было совсѣмъ не то; а мнѣ хотѣлось выиграть сіе время, чтобы успѣть намъ съ сосѣдами объѣздить и осмотрѣть мѣста и согласиться между собою, гдѣ отводить намъ свой отводъ, или показать предѣлы казенной земли, ибо я навѣрное полагаю, что скоро до того дойдетъ дѣло.

Но какъ бы то ни было, но г. Пашковъ, лѣстясь сею лестною для алчности своей надеждою, сталъ съ сего времени обходиться со мною очень ласково. Я хотѣлъ-было ѣхать, видя, что приѣздъ мой былъ тщетной, но онъ меня не отпустилъ, а зазвалъ къ себѣ въ шатеръ. Тутъ увидѣлъ я его жену, которая показалась мнѣ боярыней изрядною. Тамъ посидѣвъ, сталъ-было я опять домой ѣхать подниматься, но онъ не отпустилъ, а просилъ, чтобъ я у него отобѣдалъ. Обѣдъ былъ для меня нарядной, сервизъ серебряной и музыка. «Добро! думалъ я:—всѣмъ симъ ты меня не убаишь, и какъ ты ни ласкайся, какъ ни говори, что со мною горы брилліантовы дѣлать готовъ, однако всему тому не повѣрю и въ обманъ тебѣ истинно не дамъ». За обѣдомъ говорено было и смѣшное, и шу-

и мы обошлись съ нимъ не шутками, а какъ бы давно знакомые; чѣмъ бы мы могли динъ и былъ, еслибъ не сваясь споръ и межеванье, ибо я вся бы скоро къ его характеру. прочимъ, достопамятенъ былъ случай: какъ вѣли мы жаркое и я усолье баранины, то извинялся баранъ нехороши, и шуткою являлъ, что я и тѣхъ его лишить ютъ знаетъ! подхватилъ я того, сквати въ руки ломоть чернаго ни то я васъ барановъ, ни то насущнаго хлѣба насъ лишить. Объ этомъ надобно судить кому-нибудь, а не намъ съ вами». Слѣшно, каково отъ него кликнулось, тѣ меня и отозвалось. Въ дру-подлетѣлъ-было онъ ко мнѣ по- съ такою же шуткою, и какъ мы встали изъ-за стола, тѣ онъ: «Вотъ такъ-то мы те-крея Тимошеевича накормили и наша хлѣбъ-соль его не по- — «Милости прошу пожаловать — подхватилъ я въ ту-жъ минуту: тѣ хотя заѣзжай, но право васъ накормить и напоить бу-стояннн, и тѣмъ взаимнымъ об-уплатить сію хлѣбъ-соль».

ещъ, надобно было намъ разста- При окончанн сего свиданія на-мѣлъ я опять рѣчь о Сабуровѣ, шить то же, и какъ я сталъ далѣе, то онъ вспыхнулъ. Досадно мнѣ о какъ было, что онъ, будучи кру-новать, да еще и ныкаетъ. Но не затѣмъ приѣхалъ, чтобъ бра-го не хотѣлъ его дразнить, и по-цкой разъ, какъ онъ вспыхнетъ, тѣ съ водою и опять сіе полома а немного погода опять подо-тъ опять вспыхнетъ, но я опять Итакъ, поигравъ-поигравъ имъ, я и съ нимъ, сдѣлавъ видъ буд-тадсь съ великимъ неудоволь-и поѣхалъ къ Сабурову.

ожидались меня всѣ, какъ го-) я привезъ имъ худое извѣстіе, ижежны къ «русской старинѣ» 1872 г.

а именно: что на миръ съ Пашковымъ имъ надѣяться нечего; что онаго у него и на умъ нѣтъ; что старается онъ толь-ко провестъ и обмануть; что удвоили бы они теперь свою осторожность и готви-лись бы дѣлать новой и порядочной споръ о государевой землѣ, подлѣ которой ме-жа остановилась, и такъ далѣе. Снмъ встревожилъ я ихъ всѣхъ. Тотчасъ учи-ненъ былъ у нихъ совѣтъ, наняты повѣ-ренныя, учреждены форпосты и постав-лены караулы. А я, распрощавшись съ г. Сабуровымъ, поѣхалъ домой въ свою Болотовку, и тѣмъ кончился сей день.

Въ послѣдующій день дописалъ я че-лобитную, какую бы подать г. Сабурову въ городѣ, а потомъ хотѣлось мнѣ по-видаться съ господами Соймоновыми и рассказать имъ всѣ бывшія происше-ствія и о ѣздѣ своей къ Пашкову. Они прислали за мною дрожки, и я поѣхалъ къ нимъ обѣдать. Будучи мнѣ очень ра-ди, продержали они меня у себя весь день, и посмѣялись вмѣстѣ со мною на-шему старику г. Свитину, которой въ сей день насадилъ насъ со смѣху, при-славъ ко мнѣ такое письмо, которое я не могъ читать, не хохотавъ до слезъ. Впрочемъ, при свиданн семъ съ госпо-дами Соймоновыми согласились мы, чтобъ на сихъ дняхъ, пользуясь свободнымъ временемъ, ѣхать намъ вмѣстѣ для осмот-ра мѣстъ, гдѣ намъ свой отводъ вѣсти. Также говорили, что не худо бы намъ повидаться съ своимъ межевщикомъ Не-стеровымъ и освѣдомиться, когда онъ насъ и какимъ образомъ межевать ста-нетъ. Мы хотѣли-было въ степь на дру-гой же день ѣхать, но отложили потому, что г. Дуровъ случился быть иманин-никомъ и всѣхъ насъ звалъ къ себѣ въ гости.

Такимъ образомъ, отправивъ 12-го чи-сла приващика въ степь для измѣренія шагами нѣкоторыхъ нужныхъ для меня мѣстъ, поѣхалъ я праздновать къ г. Ду-рову. Между тѣмъ присылалъ ко мнѣ Сабуровъ съ извѣстіемъ, что у нихъ ме-жеванья нѣтъ, что межевщикъ уѣхалъ съ Пашковымъ въ гости къ Сухотину,

и что самъ онъ вздумалъ, пользуясь симъ случаемъ, съѣздить въ Новохоперскую крѣпость къ опекунскимъ межевщикамъ, и стараться взять находящуюся подлѣ Лукинѣ государеву землю себѣ въ оброкъ, и спрашивалъ у меня совѣта и дозволенія. Я дозволилъ ему туда отлучиться; но не успѣлъ къ г. Дурову приѣхать, какъ гляжу и г. Сабуровъ за нами на дворъ, приѣхавшій съ нами лично поговорить и посовѣтовать.хлопоты и суеты сего попечительнаго челоѣка такъ изнурили, что онъ даже похуздѣлъ, и его почти узнать не было возможности. Мы совѣтовали, что не худо ему съѣздить, и проводили съ Богомъ, а сами положили также непременно въ слѣдующій день ѣхать въ степь, чего ради, возвратившись домой, послали кой-куда за повѣренными и велѣли какъ свѣтъ съѣзжаться ко мнѣ.

Такимъ образомъ, 18-го сентября имѣли мы сіе путешествіе. Господа: Соймоновъ, Дуровъ, Бѣляевъ, Свитинъ, и Тараковскій приѣхали ко мнѣ и отъ меня поѣхали въ степь. Проѣздили весь день и натыкали по стогамъ тычки, по которымъ бы намъ вести свой отводъ, когда велѣть намъ отводить казенную землю. Около обѣда наѣхали мы Пашковыхъ людей съ межевымъ, подьячимъ и командою, снимающихъ внутреннюю ситуацію съ вершинки. Они, увидѣвъ насъ цѣлую толпу, испужались, чтобъ мы не отбили у нихъ астролябіи, чего у насъ не было и на умѣ, и ударились въ бѣгство. Проѣздивъ за сямъ до самой ночи, возвратился мы домой. Между тѣмъ возвратился посланной отъ меня къ межевщику Нестерову, обмежевывающему въ тамошнихъ окрестностяхъ всѣ государственныя земли, и привезъ извѣстіе, что онъ находится не слишкомъ далеко и велѣлъ мнѣ приѣзжать къ нему на тѣхъ дняхъ. Итакъ, положилъ я на утрѣ къ нему и ѣхать.

Отправившись въ сей путь, разсудилось мнѣ заѣхать къ г. Масалову въ его настоящій домъ, мимо котораго почти мнѣ ѣхать надлежало. Онъ былъ мнѣ

очень радъ, не отпустилъ безъ обѣда и далъ въ проводники своего сына, чѣмъ я былъ весьма доволенъ. Съ симъ сотоварищемъ приѣхали мы уже подъ вечеръ къ Якову Николаевичу Нестерову. Сей челоѣкъ, будучи мнѣ уже знакомымъ, принялъ меня и угостилъ дружески, и мы проговорили съ нимъ до полуночи. Я разсказалъ ему обо всемъ нашемъ межеваньи и проишествіяхъ; и онъ всѣ мои поступки не только одобрилъ, но и расхвалилъ въ прѣхъ, говоря, что теперь пропалъ Пашковъ, и что ему нѣтъ никакого уже спасенія. Впрочемъ, на вопросъ о нашихъ земляхъ сказалъ, что онъ къ намъ межевать не скоро еще будетъ, да безъ особаго указа и не пойдетъ. А когда и придетъ, такъ межевать будетъ по нашему отводу казенную землю, а не по душамъ; во внутренность же нашу входить не будетъ ему никакой надобности и онъ не можетъ; итакъ, были-бъ мы только сами умны и отводили-бъ такъ, чтобъ въ нашей дачѣ не болѣе было, какъ по 15-ти десятинъ на душу.

Переговоры обо всемъ, что было надобно, и ночевавъ у него, поутру на другой день отправилась мы домой. Я принужденъ былъ заѣхать опять къ Масалову, и поспѣлъ къ нему къ обѣду, которой не менѣе былъ мнѣ радъ, какъ и накануне. Отобѣдавъ, поѣхалъ я домой и находился въ размышленіи, не зная, что съ нашимъ межеваньемъ воспослѣдуетъ далѣе, чѣмъ оно кончится и гдѣ начнетъ межевщикъ тогда межевать.

По приближеніи къ нашимъ поселкамъ, и поровняясъ противъ двора г. Сабурова, нашелъ я челоѣка меня уже ожидающагося. Онъ звалъ меня къ госпожѣ Сабуровой въ гости, и я, заѣхавъ, услышалъ странное, а именно: что г. Пашковъ безъ меня на хуторъ возвратился и прислалъ ко мнѣ своего Рыбина, которой двое сутокъ меня повсюду ищетъ и не находя мечется по всѣмъ селеніямъ, какъ угорѣлая кошка. «Что я имъ такъ вознадобился? спросилъ я. — Не знаю, отвѣчала г-жа Сабурова: — только мы всѣ сказали объ васъ, что не знаемъ»

гдѣ вы находитесь; иной сказывалъ ему, что вы поѣхали къ обѣднѣ, другой увѣрялъ, что вы въ ту, а третій въ иную деревню поѣхали; итакъ, онъ оба сѣ дни васъ искалъ и не находилъ. Былъ у меня и спрашивалъ о Иванѣ Яковлевичѣ. Я сказала, что онъ поѣхалъ въ гости». — «О, о! удивляясь всему тому, воскликнулъ я: вотъ какъ ихъ тамъ принимаютъ! прислали и сюда уже! Такого-то ми ихъ проучили!»

Услышавъ все сіе, спѣшилъ я скорѣе домой, чтобъ болѣе о семъ разпросить моего принащика. Но не успѣлъ поровнятися противъ двора г. Тараковскаго, какъ сей мой сосѣдъ бѣжить ко мнѣ къ коляскѣ. — «Что, батюшка! кричитъ онъ мнѣ: — у меня сей только часъ межевщикъ былъ, ищетъ вездѣ васъ и не найдеть, поѣхалъ теперь къ Соймонову». Сіе мнѣ еще болѣе удивило, и я, захохотавъ, сказалъ: «Не путемъ видно уже ихъ принимаютъ, что, не удовольствуясь присильною повѣреннаго, уже и самого межевщика ко мнѣ протурли. Звать, что прямо луждица до меня; но какъ же быть мнѣ? Не покажешь-ли ты, братецъ, мнѣ верховой лошади, такъ бы я коляску отпустилъ домой, а самъ въ сію же минуту заѣхалъ къ Соймонову и тамъ послушалъ, что за причина и зачѣмъ такъ ихъ прислали межевщикъ къ намъ». — «Изволь, изволь, батюшка!» сказалъ г. Тараковской и людямъ своимъ закричалъ: «подавайте скорѣй и сѣдлайте лошадь!» Вмигъ одинъ все это поспѣло, и я, отпустивъ коляску домой, поскакалъ самъ къ Соймонову, несмотря, что были тогда уже сумерки.

Прискакавъ туда, и не заставъ межевщика, спрашиваю, гдѣ онъ? «Къ вамъ-де поѣхалъ, а здѣсь только повернулся и ничего почти не говорилъ; сердитъ что-то и сумраченъ и спросилъ только объ васъ. Мы сказали, что вы ѣдите все уговариваете дворянъ къ миру и поѣхали въ Курдюки. Что дѣлать, солгали на васъ». — «Экая бѣда! сказалъ я: — я сюда, а онъ ко мнѣ; да какъ же я не повстрѣчался съ нимъ?» Нечего было долѣе мнѣ

тутъ медлить, ну-ка я опять назадъ и спѣшить домой. Но на дорогѣ услышалъ, что онъ поѣхалъ къ г. Сабурову, и удивился, что онъ туда поѣхалъ, вѣдая, что дома одна только жена. Однако, не рассудилъ вслѣдъ за нимъ ѣхать, потому что была уже ночь, а поѣхалъ домой.

По приѣздѣ моемъ, сказывалъ мнѣ прикащикъ, что Рыбинъ приѣзжалъ неоднократно безъ меня и ему не давалъ покоя. Все уговаривалъ, чтобъ мы помирились и именемъ господина своего сулилъ одному мнѣ 2000 десятинъ земли, если я отстану отъ прочихъ и съ нимъ помирюсь. Странное предложеніе! Не думали онъ и во мнѣ найти такого же легковѣрнаго, такъ сказать, олуха, каковымъ по простодушію своему сдѣлался г. Сабуровъ на межѣ, повѣривъ словамъ сего бездѣльника, или не сочелъ-ли и меня такимъ же бездѣльникомъ, каковъ былъ самъ онъ, г. Пашковъ? Но я доволенъ былъ прикащикомъ моимъ, что онъ ему сказалъ, что я никогда мошенникомъ не бывалъ и бездѣльникомъ не захочу ни для чего на свѣтѣ сдѣлаться.

Не успѣлъ я раздѣться, какъ гляжу склчетъ ко мнѣ человекъ отъ г-жи Сабуровой. — «Батюшка, не оставь въ нуждѣ, и приѣзжай защищать отъ межевщика! Приѣхалъ межевщикъ и боярыня не знаетъ, что съ нимъ дѣлать и говорить». Нечего было дѣлать, принужденъ былъ одѣваться и ѣхать въ Калиновку, хотя была тогда уже глухая ночь. Прискакавши туда на присланныхъ лошадяхъ, нашелъ я г-жу Сабурову въ разговорахъ съ межевщикомъ. Была она боярыня разумная и не уступала межевщику ни на волосъ, и сама, какъ надобно, защищала честь мужа своего и упрекала межевщика учивенною мужу ея обидою. Нельзя довольно изобразить, какъ рада она и межевщикъ моему приѣзду. Тогда начали мы съ нимъ говорить полюбившую рѣчь и какъ сей случай былъ къ тому удобенъ, то на первой встрѣчѣ тотчасъ я его, друга, подцѣплялъ, и сталъ, какъ душѣ угодно, его гонять и журить за всѣ

его несправедливыя и съ дѣлами его ни мало не сообразныя дѣла. Онъ отдувался уже, отдувался, но какъ былъ кругомъ виновать, то не зналъ, что дѣлать и говорить, — такъ загонялъ я сего старика. Наконецъ, началъ я его спрашивать, зачѣмъ онъ приѣхалъ и какая ему до меня нужда?—«Нужда моя та, отвѣчалъ межевщикъ:— что третьяго дня получилъ я изъ межевой канцеляріи указъ, что если у меня здѣсь дѣла нѣтъ, то ѣхалъ бы я межевать къ князю Гагарину, въ другое мѣсто. Итакъ, прислалъ меня Петръ Егоровичъ отобрать отъ васъ послѣднее мѣстѣ: помирите ли вы съ нимъ, или нѣтъ?»—Говоря далѣе, сказывалъ онъ мнѣ, что г. Пашковъ уступаетъ намъ сколько мы хотимъ и требуетъ только того, чтобъ мы съ нимъ помирились.

Усмѣхнулся я, все сіе услышавъ, и, недолго думая, заключивъ, что все сіе явная выдумка и сущій обманъ и коварство, отвѣчалъ тотчасъ ему: «Очень хорошо! для чего не помириться и если дасть сколько мы похотимъ и сколько отведемъ, и назоветъ это не нашею, а государевою землею, каковою она въ самомъ дѣлѣ есть, такъ мы готовы помириться».—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:— а Петръ Егоровичъ требуетъ, чтобъ вы назвали своею».—«Кланяюсь! отвѣчалъ я ему:— мы не маленькіе ребята, чтобъ дали сами на себя петлю на шею наложить, снявъ напередъ ее съ него. Скажите Петру Егоровичу, что познуде, батюшка, сіе вздумалъ, а надлежало бы вамъ поранѣе о томъ подумать и прежде начинанія всего дѣла съ нами повидаваться и не съ высококомѣриемъ, а дружески обо всемъ поговорить и посовѣтовать; и тогда, можетъ быть, могло-бы что-нибудь и иное и ему угоднѣйшее вытти. А теперь, когда дѣло зашло уже такъ далеко, когда земля сія нами торжественно при понятыхъ и столь многочисленныхъ свидѣтеляхъ объявлена казенною и засвидѣтельствована нашими подписками, то можно ли съ здравымъ разсудкомъ требовать отъ насъ того, чтобъ мы всѣ

стѣма сошли и сдѣлали то, что ни съ какимъ благоразуміемъ несходно и несогласно. Сами вы то сказать можете, ежели похотите быть безпристрастными. Итакъ, извольте сказать, сударь, Петру Егоровичу, что этому быть не можно, что мошенниками мы никогда не бывали и не будемъ и казенную землю свою никакъ не назовемъ».—«А когда такъ, сказалъ мнѣ на сіе откровенно межевщикъ:— такъ сказываю вамъ, что Петръ Егоровичъ не намѣренъ болѣе межеваться, а бросаетъ все самъ, и ѣдетъ завтраве отсюда и хочетъ дожидаться уже генеральнаго межеванья, ибо теперъ будетъ ему дурной выигрышъ. Онъ тужитъ и жизнь свою проклинаетъ, что и взялъ теперъ меня межевать, да и я могу и о себѣ прямо сказать, что весьма тому не радъ, и если-бы зналъ, что здѣсь то-то будетъ, что было, то бы десяти тысячъ не взялъ, чтобъ сюда итти межевать. Кланяюсь я вамъ. Оставайтесь, государи мои, съ Богомъ, нечего съ нами, такими тузами, дѣлать! Нашъ братъ хоть сюда и не ѣзди! видишь вы какіе».

Любо было мнѣ и пріятно сіе слышать, и я, засмѣявшись, въ превеликомъ удовольствіи сказалъ: «Когда такъ, такъ-такъ! Мы и отъ всего не прочь. Покидать, такъ покидать, зачѣмъ же стало? но скажите мнѣ, на что-жъ бы это?»—«Какъ на что? смѣючись, отвѣчалъ межевщикъ, полно вамъ насъ проводить. Вѣдь вы сами знаете межевую инструкцію и то, что не можно и опасно ему сдѣлать себя прикосновеннымъ къ государственной землѣ, въ которомъ случаѣ, хотя бы и со всѣми полюбовно развелся, такъ прибыли будетъ мало: всю у него лишнюю отрѣжутъ и дадутъ только писцовую дачу».—«Да, сказалъ я, это такъ, но это я давно зналъ, и дивился, что г. Пашковъ давно сего не провидѣлъ. Теперь, въ самомъ дѣлѣ, полезнѣе будетъ для него, когда онъ покинетъ межеваться и перестанетъ домогаться овладѣть неправильно такою великою громадою, какова степь наша».

Симъ кончилось у насъ тогда съ ме-

женщинокъ дѣло. Онъ, отужинавъ тутъ, съ превеликимъ неудовольствіемъ поѣхалъ, распрощавшись съ нами и объявивъ, что онъ въ послѣдующій день и самъ поѣдетъ прочь, бросявъ все межеванье неоконченнымъ.

Проводивъ его, сказала я госпожѣ Сабуровой: «Вотъ, матушка, что произвела написанная мною въ Дукинѣ булавка и ѣзда моя и свиданіе съ Пашковичемъ! Это мои слова его на умъ и на разумъ наставили; а теперь поздравляю и съ, сударыня, съ столь неожиданнымъ сворымъ и благополучнымъ окончаніемъ дѣла и съ полученною надъ Пашковымъ совершенною побѣдою. Теперь останемся мы опять отъ него въ покоѣ и будемъ по прежнему владѣть нашими землями до вори до времени съ покоемъ». У госпожи Сабуровой ушки, такъ сказать, свѣжались и при всемъ моемъ съ межеваньемъ разговорѣ; а тогда не находила она словъ къ изъясненію своей радости и удовольствія, и проводила меня отъ себя, поѣхавшаго уже около полуночи домой, оснивая меня за все и все своими благодареніями.

На утріе проиухивалъ я, что на хуторѣ воспоглядуетъ, и вчерашній мой съ межеваньемъ разговоръ какое произведетъ слѣдствіе. Оно было такое, какого я ожидалъ отъ онаго. Пашковъ, услышавъ, что имъ мириться и вмѣстѣ съ нимъ извѣстную землю воровать не хотимъ, бросилъ межеванье и самъ уѣхалъ; а межеванчикъ нослѣдовалъ за нимъ, распустя напередъ всѣхъ понятыхъ и сказавъ, что межеванья до весны не будетъ.

Не успѣло сего воспоглядовать, какъ слухъ о томъ возгремѣлъ въ одинъ мигъ во всѣхъ нашихъ селеніяхъ и округахъ, и начались вездѣ восклицанія радости и торжество о полученіи надъ непріятелемъ нашимъ столь славной побѣды. Всякой, радуясь и смѣючись, о Пашковѣ говорилъ: «Экъ, братъ, взялъ! экъ много межевалъ! Уплетайся-ка со стыдомъ въ Галаринну свою, а здѣсь нечего выторговать!» А я едва успѣвалъ слышать отъ всѣхъ похвалы и благодаренія: всякъ пре-

возносилъ меня похвалами и не зналъ какими словами меня благодарить. Господа Соймоновы прислали тотчасъ за мною, и мы, вмѣстѣ повеселившись съ ними, положили ждать г. Сабурова и тогда общій совѣтъ сдѣлать, что намъ теперь предпринимать и какія предосторожности брать отъ г. Пашкова.

Вотъ какимъ образомъ кончилось наше тогдашнее межеванье. Признаюсь, что я всего меньше ожидалъ столь хорошаго и удачнаго успѣха и всего меньше думалъ, чтобъ сіе межеванье такъ скоро кончилось, но несомнѣнно думалъ, что онъ станетъ-таки продолжать межевать и обойдетъ и достальную часть южнаго и весь западной длинной бокъ степи, хотя со спорными кругомъ столбами, и велитъ намъ потомъ, по обыкновенію, свой отводъ дѣлать, а тамъ либо все бросить, либо дѣло потянетъ въ проволочку, и потому готовился уже прожить тутъ всю осень. Но тогда удовольствіе мое было неизобразимо, и тѣмъ паче, что я сдѣлался уже развязаннымъ и могъ ѣхать опять въ свое любезное Дворяниново. Оставалось только обождать возвращенія г. Сабурова и сдѣланія послѣдняго и общаго со всѣми жителями совѣта.

Какъ г. Сабуровъ не могъ еще дни чрезъ три возвратиться, то, чтобъ не потерять въ праздности напрасно времени, вздумалъ я въ сіи дни снять на планъ всю усадьбу и всѣ выгоны нашей деревни, дабы можно было послѣ, съ согласія нашихъ сосѣдей, намъ между собою поразверстаться, и трудился надъ тѣмъ дни три и къ удивленію, по исчисленію сдѣланнаго плана, нашель, что въ одномъ выгонѣ нашей деревни было 330 десятинъ, а она была еще самая маленькая.

Между тѣмъ, какъ я въ сей работѣ упражнялся, приѣзжалъ ко мнѣ старичокъ нашъ, г. Свигиня, и опять подалъ поводъ къ смѣху надъ нимъ и хохотанью. Привозилъ къ нему такой же глупецъ, Рахманова прикащикъ, свои отказныя книги и ввелъ старика ями въ новыя и без-

численныя сумнительствы, для изясненія которыхъ онъ ко мнѣ и прилетѣлъ. Но какъ обрадовался онъ, услышавъ отъ меня, что Пашковъ уѣхалъ, и что мы побѣдили.—Ни съ другого слова, перекрестясь обѣими руками, старикъ въ землю, и потомъ ну прыгать и веселиться, а меня обнимать и цѣловать, и въ глаза, и въ лобъ, и въ щеки. «Помилуетъ тебя Богъ! только и твердилъ:— ты насъ защитишь и помиловашъ». И не зная, какъ изобразить свою радость. Я уже хохоталъ, хохоталъ, да и сталъ.

Наконецъ 19-го сентября, ввечеру, возвратился и г. Сабуровъ и тотчасъ прислалъ за мною. О радости и удовольствіи сего добродушнаго человѣка, и о приносимыхъ мнѣ похвалахъ и благодаренійхъ я говорить уже оставляю: они были чрезвычайны, и тѣмъ паче, что ѣзда его въ Новохоперскую крѣпость была безуспѣшна, и онъ проѣздивъ попустому. Будучи опять въ послѣдующій день у него для угощенія меня обѣдомъ, назначили мы 22-е число сего мѣсяца для генеральнаго собранія всѣмъ дворянамъ, повѣренными, старостамъ и прикащикамъ для держанія послѣдняго общаго совѣта и назначили къ тому сборнымъ мѣстомъ нашу приходскую церковь, почему отъ насъ, какъ отъ главныхъ начальниковъ, и разосланы были повсюду гонцы съ повѣстками.

Итакъ, по наступленіи назначеннаго дня, поѣхалъ я къ церкви, гдѣ и нашелъ уже превеликое собраніе дворянъ, старость, прикащиковъ и повѣренныхъ и народа превеликое стеченіе. Меня прежде всего встрѣтили тѣмъ, что находятся между прочимъ народомъ двое Пашковскихъ шпіоновъ, и что наши окружили ихъ кругомъ и держутъ подъ честнымъ арестомъ, чтобъ они не могли ничего слышать. Отслушавъ обѣдню и отслуживъ благодарной молебень, пошли мы въ находящуюся тутъ просторную богадѣльню въ тепло, и какъ сіе мѣсто подобно было канцеляріи и для такихъ сборищъ очень удобно, то, завершись въ оной и отлу-

чивъ всѣхъ ненадобныхъ людей, и учинили мы главной и большой совѣтъ.

Оной начался принесеніемъ мнѣ отъ всѣхъ (благодареній) и просьбъ, чтобъ я, начавши сіе дѣло и произвожда оное съ толкимъ успѣхомъ, взявъ на себя трудъ оное и впредь продолжать и употреблять что надобно, и тѣмъ паче, что я живу въ недалнемъ отъ Москвы разстояніи. А я съ моей стороны благодарилъ всѣхъ за послушаніе и за славное единодушіе; потомъ, говоря, что на Пашковское увѣреніе, что онъ все сіе дѣло бросаетъ, совершенно положиться еще никакъ не можно, а по коварству его и бездѣльничеству опасаться должно, что онъ не преминетъ употреблять и еще какія-нибудь хитрости и пронырствы, то слѣдуетъ намъ и впредь быть отъ него осторожными, и, продолжая и впредь свое единодушіе, съ общаго согласія положить теперъ на мѣрѣ, какія предосторожности предпріять намъ на всѣ непредвидимые случаи и будущее время.

Итакъ, съ общаго согласія условились всѣ мы и положили: <1) чтобъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ велъ Пашковъ свой отводъ мимо нашихъ земель, означить и заштитить для предбудущаго неизвѣстнаго времени, и поставленные имъ черные столбы отнюдь не выкидывать; 2) чтобъ за сию чертою никому болѣе не распахивать земли, какъ названной нами казенною; 3) чтобъ покинуть нѣсколько, и хоть самое малое количество, непоханной земли и по сию сторону его отвода подъ именемъ также казенной; 4) чтобъ разводиться всѣмъ селеніямъ и деревнямъ между собою полюбовно, дабы всякое селеніе предѣлы своей земли вѣдало; 5) чтобъ мнѣ приѣхать къ нимъ, если можно будетъ, будущю весною или гѣтомъ, и всѣ ихъ владѣнія вымѣрить и раздѣлить по препорціи душъ, ежели согласятся; 6) чтобъ на всѣ будущіе межевые, непредвидимые расходы собрать сумму денегъ, и на первой случай по 3 копѣйки съ души, и выбрать всѣмъ миромъ казначея, которой-бы деньги сіи собиралъ, записывалъ, хранилъ и потомъ въ расходъ употреблялъ; 7) чтобъ всѣмъ

хотѣлъ дать мнѣ вѣрющее письмо, можно было мнѣ въ случаѣ надобности ѣхать въ межевую канцелярію въ всѣхъ челобитную, и прочее; 8) отправить въ тотъ же день повѣсть дворянъ для списанія съ ихъ записокъ копій, и снабдить ихъ нѣкими деньгами; 9) чтобъ главнымъ пискомъ и попочителемъ обо всѣхъ впрядь господину С а б у р о в у, и бы его повѣсткамъ и повелѣніямъ мая; 10) чтобъ и впрядь быть всѣмъ пискамъ и въ случаѣ какихъ съ ними споровъ, стоять всѣмъ за друга за друга крѣпко».

Подобное сему положено и определено было на семъ совѣтѣ и тотчасъ же кому куда ѣхать и что дѣлать. Яковской выбранъ былъ казакъ для сбора и расхода денегъ, а Пашовъ командированъ къ Пашинъ списывавія копій съ полевыхъ книгъ, и всѣ они получили отъ меня кція наставленія.

Въ кончаніи сего важнаго и полезнаго поѣзда, поѣхалъ я въ свою деревню; С а б у р о в ъ зазвалъ меня къ себѣ, и уговорилъ, чтобъ я и въ поспѣшій день не отправлялся бы еще въ предпринимаемой обратной путь шире, а подарилъ-бы симъ днемъ отъ себя въ оной ямнинникомъ, и всѣхъ своихъ друзей къ себѣ, и чтобъ и я сдѣлалъ имъ кому у него сей день отпраздновать. Что было дѣлать? я какъ ни поспѣшала мнѣ отъѣздомъ, но принужденъ въ неотступныя просьбы сего людина согласился.

Въ образъ препроводилъ я весь день у г. С а б у р о в а на ямнинникъ [нашелъ у него превеликое собраніе дворянъ, и мы всѣ были

Тутъ распрощался я со всѣми получивъ всѣми ими подписанное мое письмо, возвратился уже ночью въ жилище.

Въ послѣднее свиданіе мое со всѣми нашими господами, ибо черезъ день

послѣ того я отправился уже въ свой обратной путь, что случилось уже въ 25 день сентября мѣсяца.

Какъ во время сего обратнаго путешествія не произошло со мною ничего примѣчана достойнаго, то и не хочу обременять васъ подробнымъ описаніемъ онаго, а въ короткихъ только словахъ скажу, что я ѣхалъ опять чрезъ Тамбовъ и Козловъ, заѣзжалъ въ свою козловскую деревню, видѣлся тамъ съ дядею жены моей, господиномъ К а в е р и н ы м ѣ, и потомъ продолжая путь чрезъ Ранибургъ, Елифанъ и Тулу, 2-го числа октября благополучно въ свое милое и любезное Дворяниново къ роднымъ своимъ и приѣхалъ.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 25 дня 1808 года).

Письмо 169-е.

Любезный пріятель! Начиная сіе письмо, долженъ я предварительно васъ увѣдомить, что съ сего времени все содержащееся какъ въ семъ, такъ и послѣдующихъ письмахъ моихъ, продолженіе повѣствованія моего о всѣхъ бывшихъ со мною въ жизнь мою происшествіяхъ, не будетъ сопряжено съ такою точностью и подробностью, съ какою описывалъ я ихъ до сего въ предсѣдующихъ письмахъ. Причиною тому то, что случившійся въ 1782 году несчастной пожарной случай, лишившій меня многого, между прочимъ, въ особливому прискорбію моему, похитилъ у меня и всѣ мои журналы и записки, относящіяся до сего промежутка времени, каковыми я до сего при описаніи моей жизни пользовался. Итакъ, при послѣдующемъ повѣствованіи по необходимости принужденъ я воспринимать прибѣжище свое къ единой своей памяти и къ малому числу оставшихся кое-какихъ бумагъ, и спасшихся отъ огня и пламени. Но какъ и первая по многопрошедшему и тридцатипятилѣтнему времени весьма уже ослабла и не въ состояніи мнѣ всего бывшаго во всей

подробности напомнить, то натурально и долженъ я буду довольствоваться тѣмъ, что могу только вспомнить, и что могъ только я отыскать въ помянутыхъ немногихъ, оставшихся отъ пожара, бумагахъ и другихъ письменныхъ документахъ, и говорить уже обо всемъ короче и безъ наблюденія иногда порядка времени въ самой точности.

Приступая теперь къ продолженію повѣствованія моего, скажу, что по приѣздѣ моемъ домой нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ здоровыми и крайне обрадовавшихся нечаянному, и никакъ ими неожиданному такъ скоро, возвращенію моему въ деревню. Онѣ не внако полагали, что я проживу тамъ всю осень и озабочивались тѣмъ не мало по причинѣ, что беременность жены моей приближалась уже къ окончанію, и она была уже на сносяхъ. Кромѣ сего озабочены онѣ были вновь отсутствіемъ моимъ, полученіемъ изъ Петербурга ко мнѣ нѣсколькихъ пакетовъ съ письмами, и еще однимъ весьма важнымъ письмомъ отъ бригадира Наумова, которое такъ ихъ смутило, что онѣ за нужное почли отправить оное вмѣстѣ съ прочими письмами съ нарочнымъ ко мнѣ, и сей посланной чуть было со мною не развѣхался дорогою. По счастью узнали его какъ-то мои люди, встрѣтившагося съ нами не доѣзжая Рапибурга, и его остановили.

Помянутые пакеты изъ Петербурга содержали въ себѣ дружескія письма отъ секретаря Экономическаго Общества, господина Нартова. Первое отправлено было ко мнѣ 22 іюля, но какимъ-то образомъ шло до меня очень долго и не застало меня дома. Въ ономъ письмѣ писалъ г. Нартовъ, что какъ онъ на послѣднее мое къ нему письмо не получилъ еще отвѣта, то сомнѣвается онъ въ томъ дошло-ли оное ко мнѣ, и какъ онъ не знаетъ видѣлся ли я съ княземъ Гагаринымъ и учинилъ ли онъ что въ мою пользу, то просилъ его о томъ увѣдомить; дагѣ увѣряя меня, что переписка со мною будетъ для него всегда пріятна, повторилъ при семъ случаѣ просьбу о

продолженіи оной, говоря, что онъ письма мои всегда встрѣчать будетъ съ откровеннымъ желаніемъ. Дагѣ упоминая, что письма мои Экономическимъ Обществомъ разсмотрѣны и нѣкоторыя опредѣлено напечатать, говорилъ, что труды мои, на экономическія изслѣдованія употребляемыя, дѣлаютъ мнѣ честь и не самой справедливости заслуживаютъ похвалу отъ ученыхъ людей. А о себѣ говорилъ, чтобъ я былъ увѣренъ, что онъ умѣетъ достоинствы, упражняющихся въ наукахъ людей различать и почитать оныя, и не преминетъ рекомендовать меня кому надлежитъ.

Все сіе сколько съ одной стороны льстило моему честолюбію, столько съ другой огорчало тѣмъ, что я изъ оного видѣлъ ясно, что письма мои, отправленныя къ нему, и самая посылка съ камнями, конечно какими-нибудь образомъ не дошли, что по тогдашнимъ несправностямъ нашихъ почтъ было и не удивительно, и сожалѣлъ о томъ очень много.

Второе письмо было отъ него же и писанное въ половинѣ августа, подтверждавшее мнѣ тоже, что не имѣетъ онъ отъ меня давно никакихъ писемъ и увѣдомленій, и не знаетъ, что тому причиною. Онъ прислалъ ко мнѣ при семъ письмѣ маленькую книжку, сочиненную трудолюбивымъ сочленомъ нашимъ, генераломъ и сенаторомъ Степаномъ Федоровичемъ Ушаковымъ, и, присылавъ сему сѣдинами украшенному мужу великія похвалы, желалъ, чтобъ я сообщилъ Обществу о томъ же предметѣ мои примѣчанія. Наконецъ увѣрялъ меня опять въ своемъ дружествѣ и просилъ о себѣ увѣдомленія, говоря, что быть знакомымъ съ людьми, упражняющимися въ наукахъ, и въ отсутствіи съ ними разговаривать чрезъ письма о полезныхъ вещахъ, есть для него не малое утѣшеніе, и потому желаетъ, чтобъ я переписывался съ нимъ чаще.

Сіе письмо увеличило сожалѣніе мое о пропавшихъ и не дошедшихъ до Нартова моихъ письмахъ и послылъ. И-

сія письма положилъ, до приѣздѣ ему отвѣтствовать и извиниться стоить писанин своею отлучкою; также описать ему вратцѣ и имущество, бывшее со мною въ кѣ и въ Богородицкѣ вторично. Исается до третьяго письма, то ю важнѣе обонхъ предсѣдую- (всего меньше мною ожидаемнхъ. ко отъ самого того почтеннаго и шнаго мужа, г. бригадира Нау- оторой въ послѣднюю мою въ бтность возилъ меня къ князю му и меня съ нимъ познакомиль. мнѣ письма его меня и удивило, ло въ смущеніе. Онъ писалъ ко 14 сентября, что, при отѣздѣ Москвы, просилъ его князь Сер- всилъевичъ Гагаринъ сообщ- гь, что если согласусь я взять должность управительскую въ брикахъ, то общаетъ дать мнѣ км 300 р. въ годъ, да 50 четвер- ба, да чтобъ шесть моихъ соб- жь лошадей содержать на казен- рнѣ, и съ тѣмъ увѣреніемъ, что Онухтинъ черезъ два года пой- отставку, то я, и никто иной, за- сіе мѣсто, и въ чемъ даетъ князь рное слово. Пересказавъ сіе, про- ня г. Наумовъ, что если я сог- на то, то уведомилъ-бы его поско- мнику отъ него на будущей не- дуть въ Москву ѣздки, чтобъ гь князя увѣдомить. У него-де я на то мѣсто другіе, и онъ до іа моего отвѣта имъ отказы-

шусь, что письмо сіе сначала ме- на возмутило и привело всѣ мы- : въ разстройку и недоумѣніе, втѣ. Однако сіе не долго продол- но я скоро, сказавъ пословицу, уже послѣ ужина горчица, рѣ- отъ предложенія сего начисто ся. Малочисленность жалованья енаго не стоило того, чтобъ, зъ на оное, промѣнять драгоцен- боду на таковую бездѣлку; сверхъ юбственной покой мой былъ до-

рогъ. Въ Бобрिकाхъ, какъ я видѣлъ, не было и дома такого для жительства, гдѣ-бъ мнѣ можно было помѣститься и жить съ моимъ семействомъ. Но сіе все еще ничего бы не значило, но главнѣй- шее обстоятельство, не допускающее ме- ня и помышлять о томъ, было то, что надлежало мнѣ быть тутъ подѣ началь- ствомъ г. Опухтина и во всемъ зави- сѣть отъ его повелѣній. Это было мнѣ всего несноснѣе. Естественно, все тяго- сти и безчисленныя хлопоты и заботы, сопряженныя съ строеніемъ тамошняго огромнаго дворца, лежало бы на моихъ плечахъ, а Опухтинъ бы сталъ моими руками жаръ загребать, и все на все на мнѣ взыскивать. Сверхъ того, думалъ я, ка- ково же мнѣ быть подѣ командою тако- го человѣка, которой зналъ, что я на- значенъ къ занятію его мѣста. «Не ста- нетъ ли, говорилъ я самъ себѣ, сей че- ловѣкъ не только смотрѣть на меня все- гда косо, но и всякимъ образомъ ста- раться мнѣ злодѣйствовать и искать всѣмъ и всѣмъ чернить меня предъ кня- земъ, хотя бы я и совсѣмъ невиненъ былъ, и не подвергнусь ли я естественно чрезъ то безчисленнымъ досадамъ и не- удовольствіямъ? Къ тому-жъ Богъ еще знаетъ, какъ онъ управляетъ волостями, и точно ли такъ честно и хорошо, какъ мы думаемъ, и нѣтъ ли за нимъ и вся- кой еще всячины? А въ такомъ случаѣ захочу-ли я быть такимъ же бездѣльни- комъ? въ состояніи ли буду то терпѣть и смотрѣть на то сквозь пальцы, и не всего ли скорѣй подастъ самое сіе по- водъ къ неудовольствіямъ и самымъ не- пріятностямъ и ссорѣ?»

Симъ и подобнымъ сему образомъ по- размысливъ, тотчасъ я воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ! благодарю покорно!... Оста- вайтесь-ка вы со своими Бобриками съ Богомъ! занимай управительское въ нихъ мѣсто кто себѣ хочетъ и кому есть охо- та навалить на шею себѣ такіа хлопоты! А ты, мой другъ», говорилъ я самъ себѣ: — «ступай-ка себѣ скорѣй въ свое любезное Дворяниново, и тамъ по прежнему не живи, а царствуй въ мирѣ, тѣ-

шинѣ, независимости ни отъ кого и свободѣ драгоцѣнной!>

Въ сихъ помышленіяхъ продолжалъ я тогда свое путешествіе. И какъ надлежало мнѣ ѣхать чрезъ Бобриковскую волость и случилось такъ, что мнѣ пришлось ночевать въ принадлежащемъ къ сей волости селѣ Каменѣ, то похотѣлось мнѣ полюбопытствовать и разговарившись съ хозяиномъ, распросить его короче и стороною о правленіи Опухтина и обо всемъ его поведеніи. Хозяинъ, не зная совѣтъ меня, и насквозь мнѣ столько разныхъ вещей и дѣлъ, ни мало мною не одобряемыхъ, объ Опухтинѣ, что сіе еще болѣе отвратило помышленія мои отъ Бобриковскаго управительства и подарѣнныя мнѣ имѣніе мое начисто отъ него отказаться.

Совѣтъ тѣмъ любу и пріятно было мнѣ, что я все еще у князя Гагарина въ памяти, и что онъ ни только меня не позабылъ, но всячески старается привязать меня къ себѣ. Я не иначе заключалъ, что я ему вѣрно очень понравился, и что предложеніе его ни отчего иного протекло, какъ отъ доброты его душевной; а что предлагалъ онъ мнѣ столь умѣренное жалованье, въ томъ извинялъ его охотно, ибо самъ вѣдалъ довольно, что Бобриковское управительство и не заслуживало множайшаго, и какъ прежніе управители, тутъ бывшіе, не получали и трети противъ сего жалованья, то легко можно было заключить, что князь собственно только для меня оное увеличивалъ.

Итакъ, по приѣздѣ домой, первое мое дѣло было послѣдить отвѣтомъ моимъ къ г. Наумову, и какъ при вопросѣ домашнихъ родныхъ моихъ о томъ, что они о семъ предложеніи думаютъ, услышалъ я, что и онѣ во всемъ согласны съ моимъ мнѣніемъ и мѣсто сіе почитаютъ не только для меня безвыгоднымъ, но даже и постыднымъ, то, не долго думая, сѣлъ я и начеркалъ отвѣтъ господину Наумову.

Какъ я легко могъ заключить, что онъ въ оригиналѣ пошлетъ оной къ князю

Гагарину, то расположилъ я его такъ, чтобъ отказъ мой былъ koliko можно менѣе оскорбителенъ для князя. Я, изъяснивъ въ немъ наживѣйшимъ образомъ всѣ чувствія моей благодарности за то, что князь удостоиваетъ меня не только своимъ незабвеніемъ, но и поначеніемъ о моей пользѣ, говорилъ, что домашнія мои обстоятельства никакъ не дозволяютъ мнѣ на сей разъ согласиться на предложеніе и къ удовлетворенію желанія его сятельства, и просилъ его, чтобъ онъ извинилъ меня въ томъ передъ княземъ; однако не преминулъ стороною и мелькомъ дать будто ему только, г. Наумову, знать, что между прочимъ и для того у меня нѣтъ даннаго желанія опредѣлиться въ сіе мѣсто, чтобъ не могло произойти у меня съ г. Опухтиннымъ какихъ-нибудь неприятностей, могущихъ подать самому князю поводъ къ нѣкоторымъ неудовольствіямъ и досадамъ, и что я, привыкнувъ жить въ деревнѣ между друзей и со всеми мирно и согласно, и вести спокойную честную, независимую ни отъ кого и счастливую жизнь, охотнѣе хочу остаться въ своей малой деревнишкѣ, продолжая жить по прежнему и довольствоваться тѣмъ, чѣмъ судьбѣ угодно было меня одарить.

По отправленіи сего письма къ г. Наумову, и чувствуя себя равно какъ отъ нѣкоего бремени освобожденнымъ, пересталъ я о томъ и мыслить, а приступилъ къ соотвѣтствованію на письма г. Нартова. Но какъ ниѣлъ я то предубѣжденіе, что почиталъ единичныя письма, то-есть, безъ приобщенія къ нимъ какихъ-нибудь сочиненій, неловкими, что самое, а сверхъ того и неудобность къ пересылкѣ оныхъ писемъ въ Петербургъ, поелику тогда въ ближнихъ и малыхъ городахъ почтовыхъ конторъ еще не было и писемъ не принимали, а надлежало ихъ всегда пересылать при окаяхъ въ Москву и тамъ отдавать уже на почту, а впрочемъ и самая дороговизна въ пересылкѣ оныхъ, и удерживало меня отъ частаго писанія писемъ, и принуждало

ида не только ихъ, но и самыя сочиненія переписывать мелко, на почтовой бумагѣ, и искать и дожидаться всегда какихъ-нибудь оказій въ Москву, — то и ключалъ я, что и въ сей разъ будетъ ясно, если не пошлю я при письмѣ какому-нибудь сочиненія; почему, выбравъ изъ моихъ заготовленныхъ уже вчернѣ до моего отъѣзда въ шадскую деревню, и отправивъ и переписавъ вскорости къ кривошлѣ къ письму, написанному къ господину Нартову.

Что касается до сего, то, изъявивъ въ немъ чувствованія истинной благодарности за всѣ лестныя его обо мнѣ отзывы и въ себѣ благорасположеніе, увѣдомляя я его о всѣхъ письмахъ и посылкахъ, отправленныхъ отъ меня къ нему, удивляясь неполученію имъ оныхъ, предлагалъ ему вновь обо всемъ, случившемся у меня съ княземъ Гагариничемъ, и потомъ о нечаянной и долгожданной моей отлучкѣ въ шадскую деревню, и заключилъ просьбою о прощаніи его къ себѣ дружества.

Отправивъ сіе письмо при случившейся въ Москву оказіи, принялся я за мнѣнія свои деревенскія многоразличныя занятія, и какъ тогда наступала уже поздняя осень, то спѣшилъ я воспользоваться способнымъ еще сколько-нибудь временемъ къ произведенію въ садахъ моихъ работъ и дѣлъ, нужныхъ и упущенныхъ нѣсколько чрезъ мою отлучку.

Между тѣмъ нечувствительно приближилось и 7-е число октября мѣсяца, или тотъ день, въ которой совершилось мнѣ бѣгъ отъ моего рожденія. При наступленіи онаго не преминулъ я, по обыквенію своему, и въ сей разъ обозрѣть вкратчѣ всѣ происшествія, случившіяся въ теченіи минувшаго года; и какъ надидя, что онаю ознаменовался въ особености многими и разными бывшими и мною происшествіями, и опять множи и явными знаками особеннаго помяненія обо мнѣ Божескаго Промысла, благодарилъ я Всемогущаго всею душою моею и сердцемъ за его ко мнѣ милосердіе и всѣ его ко мнѣ благодѣя-

нія и милости. Паче же всего дивился я дѣйствію Промысла Господня въ разсужденіи неудачной моей вѣды, по приглашенію князя Гагарина, въ Богородицкую волость. Тогда казалась она мнѣ непостижимою и удивительною, а въ сей разъ усматривалъ уже я, что неудача сія случилась по устроенію судьбы для моей же истинной пользы; ибо чего и чего не упустилъ бы я, естлибъ тогда опредѣленъ былъ къ должности. Какъ бы можно было мнѣ отлучиться и для домашняго окончанія своего межеванья, и въ шадскую деревню для разрушенія коварнаго замысла и предпріятія Пашкова съ тамошнею степью, назначенною Провидѣніемъ къ доставленію мнѣ въ послѣдующія времена весьма важныхъ и существенныхъ выгодъ, какъ узнаете вы впредь въ свое время.

Чрезъ десять дней послѣ того наступилъ и день моихъ именинъ. Я праздновалъ его по обыквенію. Всѣ родные, друзья и пріятели мои, случившіеся тогда въ домахъ своихъ, посѣтили меня въ онаю, и мы старались угостить ихъ наилучшимъ образомъ, и провели день сей съ удовольствіемъ, которое увеличилось тѣмъ, что я въ самой онаю получилъ еще протолстой пакетъ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества, съ XXI-ю частью Трудовъ онаго, присланною ко мнѣ при письмѣ отъ друга моего, г. Нартова, отправленномъ ко мнѣ еще 5-го сентября, но въ которомъ ничего особливаго не содержалось.

Какъ вскорѣ послѣ сего настала весьма студеная погода, соединенная съ обыкновенными осенними ненастьями, то прогнала она меня изъ садовъ моихъ въ комнаты и привудила большую часть времени своего посвящать наукамъ, литературѣ и досужеству. Люди, непривыкшшіе ни къ какимъ занятіямъ и упражненіямъ, скучаютъ обыкновенно осенью и жалуются на длинныя скучныя вечера. Но я сдѣлалъ уже издавна привычку встрѣчать осень почти съ такимъ же удовольствіемъ, какъ весну, и она для меня почти столько же пріятна какъ оная; ибо

въ сіе время, не будучи такъ много развлекаемъ наружными предметами, имѣлъ я болѣе и времени и досуга заниматься своими книгами, перомъ, кистями и разными другими любопытными и занимательными упражненіями, доставлявшими мнѣ всегда тысячи минутъ пріятныхъ. Итакъ, принялся я опять за свои книги и занятіе себя, когда чтеніемъ оныхъ, когда писаніемъ, когда переводами чего-нибудь, когда переписываніемъ набѣло, или рисованіемъ чего-нибудь, а когда то прискуचितъ, то разными руководвіями, а особливо переплетаніемъ книгъ и оклеиваніемъ ихъ разными, самымъ мною расщепляемыми бумагами, и другимъ тому подобнымъ.

Въ таковыхъ упражненіяхъ и не выдалъ я, какъ проша остальная половина октября былъ тотъ день, въ которой даровалъ мнѣ Богъ еще дочь. Я обрадованъ былъ тѣмъ не меньше, какъ бы рожденіемъ и сына, ибо, будучи всегда тѣхъ мыслей, что мы нимало не знаемъ, какими изъ дѣтей нашихъ назначитъ Провидѣніе Господне намъ болѣе или менѣе веселиться, не дерзалъ никогда роптать въ такихъ случаяхъ на Промыслъ и волю Господню, и вѣдая, что рожденіе людей зависитъ не отъ насъ, а отъ таинственнаго его распоряженія всего и всего въ мірѣ, всегда бывалъ доволенъ тѣмъ, чѣмъ ни благословлялъ насъ Всемогущій.

Мы назвали новорожденную Настасью, по имени святой, случившейся въ послѣдующій день, и чрезъ нѣсколько потомъ дней ее окрестили. И какъ въ сей разъ друга моего и прежняго кума, г. Полонскаго, не случилось дома, а онъ былъ въ Москвѣ и занимался тамъ отдѣлкою своего каменнаго дома, то

восприемникомъ отъ купели былъ ей уже родственникъ нашъ Иванъ Аванасевичъ Арцыбышевъ, а восприемницею прежняя наша кума, тетка Матрѣя Васильевна Арцыбышева.

Такимъ образомъ, сдѣлался я опять отцемъ трехъ дѣтей: двухъ дочерей и сына. И какъ вскорѣ послѣ того наступила у насъ въ сей годъ и настоящая зима, то и подавно нельзя было нигуда выходить, а за слабостью жены моей ѣздить, и потому вдался я уже совсѣмъ въ свои ученые упражненія, и препроводилъ наиболѣе въ нихъ не только весь скучной ноябрь, но и самой декабрь мѣсяцъ во самой праздникъ Рождества Христова, и не помню, чтобъ во все сіе время случилось со мною что-нибудь особенное. Все оно протекло нечувствительно. Мы ѣзжали хотя по наступленіи зимы кокуда въ гости, а посѣщали и насъ наши друзья и сосѣди, но это не составляетъ важности, а болѣе сидѣли дома, и я занимался писаніемъ.

Въ сіе время переписалъ я самъ набѣло третью и четвертую часть своей „Дѣтской философіи“ и сочинилъ пятую часть сей книги. А сверхъ того положилъ основаніе и той книжкѣ, которая въ послѣдующее время напечатана подъ именемъ «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣлю», сочинивъ нѣкоторыя изъ первыхъ размышленій. Кромѣ сего занимался я переводомъ, или паче сочиненіемъ «Исторіи о святой войнѣ» и смотрѣніемъ за обоими мальчиками, переписывавшими набѣло сей трудъ мой.

Наконецъ, прошелъ почти и весь Филипповъ постъ и приближался день Рождества Христова, какъ вдругъ и противъ всякаго чаянія, обрадованы мы были пріѣздомъ къ намъ совсѣмъ неожиданнымъ, но милыхъ и любезныхъ гостей, пріѣхавшихъ къ намъ очень издалека, а именно изъ Псковскихъ предѣловъ. Былъ то родной мой племянникъ, сынъ покойной сестры моей Прасковьи Тимофеевны, Михайло Васильевичъ Неклюдовъ. Сего близкаго родственника моего

не видавъ я съ самаго того времени, какъ получилъ отставку былъ я въ послѣдній разъ у нихъ въ домѣ въ Островскомъ уѣздѣ, и оставилъ его тогда еще мальчикомъ. Но въ сіе время былъ онъ достигшимъ до совершеннаго уже возраста и женатымъ уже мужемъ. Онъ, оставшись почти въ малолѣтствѣ отъ обонхъ своихъ родителей наследникомъ довольно знаменитаго ихъ имѣнія, и препроводивъ нѣсколько лѣтъ въ службѣ, при помощи вступившихся въ его сиротство добрыхъ людей, пріятелей отца его, женился, хотя на небогатой, но прекрасной, разумной и достойной дѣвицѣ изъ фамиліи Елагиныхъ. И какъ получилъ онъ въ приданое за нею небольшую арсланскую деревню, то, имѣя надобность обивать въ ней, восхотѣлъ онъ повидаться и со всѣми нами, живущими въ здѣшнихъ мѣстахъ единственными его и близкими родными, и показать намъ и себя и молодую свою жену, и для того рѣшился проѣхать напередъ прямо изъ Пскова въ Москву, а изъ оной проѣхать напередъ ко мнѣ, какъ къ старѣйшему своему родственнику и дядѣ.

Не могу изобразить, какъ доволенъ я былъ его привѣдомъ и какъ много обрадованъ былъ онымъ. Я нашелъ его уже сошедшимъ другимъ и такъ перемѣнившимся, что его и узнать бы я не могъ, если-бъ не сказалося, а молодую жену его такою, что я не иначе какъ хвалить могъ его выборъ. Оба они въ состояніи были ласками и обращеніемъ своимъ съ нами оставить насъ въ одинъ день себя полюбить искренно.

Съ нами-то любезными нашими родными разговѣлись и послѣдніе дни сего года провели мы очень пріятно, и праздники Рождства Христова, противъ чаянія, былъ для насъ отменно веселъ.

Но какъ теперь слѣдуетъ мнѣ начать писать исторію 1774 года, то дозволяете мнѣ начать оную уже письмомъ будущимъ, а сіе симъ окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Декабря 26 дня. 1808 года).

Дворяниново.

1774.

Письмо 170-е.

Любезный пріятель! Итакъ, наступилъ у насъ новой и 1774 также весьма важной и достопамятнѣй годъ какъ для меня въ моей жизни, такъ и по многимъ другимъ важнымъ происшествіямъ случившимся въ оной. Мы начали провождать его отменно весело въ сообществѣ не только новопріѣзжихъ къ намъ дорогихъ, милыхъ и любезныхъ гостей, которыхъ мы какъ возможно лучше угостить у себя старались, но и всѣхъ нашихъ здѣшнихъ ближнихъ родныхъ и лучшихъ друзей и пріятелей. Всѣ они къ намъ къ сему времени съѣхались и вмѣстѣ съ нами начали сей годъ провождать въ увеселеніяхъ всякаго рода. Не было ни одного дня во всѣ тогдашнія святки, въ которой бы домъ нашъ не наполненъ былъ множествомъ гостей, несмотря какъ ни дурна случилась бы тогда погода, и мы изобрѣтали и выдумывали все, чѣмъ бы могли сдѣлать пребываніе здѣсь дальнимъ гостямъ нашимъ пріятнѣйшимъ. Итакъ, господствовали у насъ въ сіе время однѣ только разныя игры, смѣхи, издѣвки и забавы, и какъ случилось, что и племянникъ мой былъ весьма веселаго, шутиваго и забавнаго характера, то помогалъ очень много и онъ своими шуточками и издѣвками къ увеселенію нашего общества. Словомъ, мы давно не имѣли у себя такихъ пріятныхъ и веселыхъ святокъ, и за ежедневными увеселеніями и не видали, какъ протекли тѣ десять дней, которые пробыли у насъ наши дальніе гости.

Какъ они расположились проѣхать отъ насъ въ Капшинъ къ нашимъ тамошнимъ роднымъ, то старались они преклонить и насъ къ ѣздѣ туда-же вмѣстѣ съ ними, и чтобъ проводить ихъ до жительства племянницъ моихъ Травинныхъ. А поелку и намъ давно уже хотѣлось ихъ навѣстить, то и не имѣли они въ томъ дальнаго труда, и мы согласились на то охотно.

Итакъ, распорядивъ свои домашнія дѣла, и оставивъ меньшихъ своихъ дѣтей

у тети Матрены Васильевны Арцыбышевой, и отправилась мы съ ними въ Кашинъ. По приѣздѣ нашемъ въ Москву, пристали мы въ домѣ у пріятеля моего, господина Полонскаго, на Поварской. Мы нашли его уже живущаго въ новыхъ своихъ великолѣпныхъ и со вкусомъ построенныхъ и меблированныхъ палатахъ. Онъ былъ приѣзду нашему очень радъ, и тотчасъ для пребыванія нашего отвелъ намъ особой приворотнѣй флигель, чѣмъ мы были въ особенностяхи и довольны, потому что могли имѣть тамъ болѣе свободы и быть менѣе связанными.

Пребываніе наше въ сей разъ въ семъ столичномъ городѣ было не долговременное и продлилось только немногіе дни, употребляемые племянникомъ моимъ на исправленіе нѣкоторыхъ покупокъ. Что касается до меня, то я воспользовался сими случаями для отдаванія въ переплетъ всѣхъ моихъ послѣднихъ сочиненій, а особливо своей «Дѣтской философіи». Наилучшимъ переплетчикомъ въ Москвѣ почитался тогда г. Ридигеръ, отправлявшій тогда только ремесло сіе. Они были тотчасъ ему вручены, и самой сей случай впервые тогда познакомили меня съ сими человекомъ, съ которымъ имѣлъ я потомъ столь много дѣла и связь дружескую.

Кромѣ сего непрeminуль и повидаться съ нѣкоторыми изъ моихъ родныхъ и знакомцевъ, находившихся тогда въ Москвѣ. Помышлялъ-было я и къ старому князю Гагарину для изъясненія ему своего почтенія, но, подумавъ, и раздумавъ опять. Показалось мнѣ, что будетъ неловко показаться мнѣ къ нему послѣ сдѣланнаго отказа, и подумалось, чтобъ не возмечталъ онъ еще, что я въ томъ расканваюсь и къ нему подбиваюсь въ милость; итакъ, рассудилъ лучше оставить его съ покоемъ. Не удалось мнѣ также побывать и въ межевой канцеляріи и распровѣдать о намѣреніяхъ и предпріятіяхъ г. Пашкова съ его брошеннымъ и неоконченнымъ межеваньемъ. Краткость времени и случившіеся праздничные дни не допустили меня до того въ

тогдашній разъ. Мнѣ случилось только, и то нечаяннымъ образомъ, свидѣться съ другомъ моимъ, г. Сабуровимъ, приѣхавшимъ также тогда въ Москву для нуждъ своихъ, и крайне обрадовавшимся меня увидѣвъ, и убѣдившимъ меня неотступными просьбами побывать у него, хотя на часокъ, стоявшаго у своихъ братьевъ въ домѣ. И действительно къ нему ѣздилъ, и былъ всячески угощенъ братьями его, людьми весьма умными и почтенными, и былъ приемомъ и угощеніемъ ихъ весьма доволенъ. Но о дѣлѣ нашемъ съ Пашковымъ и о его намѣреніяхъ ни онъ, ни они ничего не знали и не могли ничего провѣдать, что было, и не удивительно, потому что Пашковъ, какъ мы послѣ уже о томъ узнали, вслѣдствіе старался скрыть свою неудачу отъ всего свѣта; и не о продолженіи своего предпріятія, а о томъ наглавнѣйше помышлялъ, какъ бы утаить и скрыть подъ спудъ всѣ бумаги и дѣла, писанныя во время тогдашняго его межеванья, что ему и не трудно было, по той причинѣ, что главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи былъ тогда родственникъ его, господинъ Зинбулатовъ, которой собственно и давалъ ему тогдашняго межевщика. Но какъ онъ ни съ тѣмъ въ Москву возвратился, и ему все происшедшее у насъ тамъ пересказалъ, то сей, будучи ему хотя родственникомъ и пріятелемъ, но сказалъ ему прямо, что когда такая бѣда сотворилась и вся степь наша названа государевою землею, то нечего ужъ дѣлать, и что и ему не можно уже никакъ помочь; а присовѣтовалъ ему продолжать владѣть только тѣми мѣстами, которыми онъ владѣлъ и дожидаться генеральнаго въ тѣхъ мѣстахъ межеванья; почему и взять былъ отъ него межевщикъ и откомандированъ въ другое мѣсто; а всѣ письменныя его дѣла положены подъ спудъ до поры до времени, ибо по желанію Пашкова совершенно ихъ уничтожить никакъ было не можно.

Впрочемъ, въ самую сію въ Москвѣ бытность узнали мы о загремѣвшемъ вездѣ слухѣ о появившемся на Янгѣ бездѣль-

утовщій Емелькѣ Пугачовѣ, ишесть назвать себя умершимъ бывшіймъ императоромъ Петромъ Третьимъ въ порядкахъ и смятеніяхъ, произшедшихъ въ тамошнихъ низовыхъ мѣстахъ. Всѣ смѣялись только тогда дерзавъ сего злодѣя и надѣялись, что отныня для усмиренія его команды все сіе уничтожатъ и злодѣйствамъ оро конецъ сдѣлаютъ. Но какъ нади всѣ мы тогда что воспослѣдствіемъ, и какой великій пожаръ едетъ сія искра!

юдивъ нѣсколько дней въ Москвѣ, нашими гостями, и побывавъ съ нами во всѣхъ соборахъ, также и въ монастыряхъ, отправились мы, наконецъ, въ свой родной путь, о которомъ скажу только то былъ онъ намъ очень веселъ. Мы превеликимъ обозомъ и доброй компаніею; становились на квартиры, и не было ни одного ночлега бы мы, по веселому праву помещика, не провели время своего отдыха, шуткахъ и въ пріятныхъ и къ разговорахъ.

Во все путешествіе не случилось ни никакихъ остановокъ и ничего замечательнаго, то въ немногіе дни доѣхали къ селу Веденскому и обрадовали племянницъ своимъ приходомъ. Какъ оной былъ ими совсѣмъ радостно, то не могу изобразить сколько было ихъ удовольствіе, когда онѣ и псковскихъ нашихъ родныхъ увидѣли. Онѣ не хотѣли почти въ глаза своимъ, а особливо старшей изъ нихъ, Надежда Андреевна, племянникъ мой былъ болѣе всѣхъ радостенъ, потому что она жила не малое время въ домѣ и вмѣстѣ съ нимъ воспитывалась. Слезы радости и радости текли у нихъ у всѣхъ изъ глазъ и онѣ не находили довольно словъ благодаренію всѣмъ намъ за приездъ и не знали чѣмъ и какъ лучшій способъ всѣхъ насъ у себя.

Вмѣстѣ съ собою привезли мы къ братьямъ ихъ Александра Анисима, то были онѣ и тѣмъ чрез-

вычайно довольными. Онѣ увидѣли его уже нѣсколько поднатышимся въ ростѣ и перемѣнившимся во многомъ съ того времени, какъ онѣ съ нимъ въ послѣдній разъ разстались, и благодарили меня за всѣ старанія, употребленныя при воспитаніи и обученіи его.

Онѣ затѣвали-было дѣлать для насъ тотчасъ праздники и пиры и сзывать къ себѣ всѣхъ своихъ сосѣдей и друзей; но мы ихъ тотчасъ въ томъ остановили, сказавъ, чтобъ онѣ отложили сіе до другого времени впередъ, и что въ сей разъ пробудеть у нихъ Михайла Васильевича не долго, а поѣдетъ отъ нихъ на короткое время въ свою ярославскую деревню, съ намѣреніемъ возвратиться оттуда опять къ нимъ, и что тогда да будетъ уже ихъ въ томъ воля. Итакъ, провели мы у нихъ немногіе дни пребывания въ сей разъ у нихъ племянника моего въ семейственномъ только сообществѣ между собою, но, несмотря на то, въ удовольствіи превеликомъ.

Проводивъ Михаила Васильевича въ Ярославль, по неотступной просьбѣ и убѣжденію хозяекъ, остались мы у нихъ на все то время, покуда проѣзжать наши общіе гости въ Ярославль. Они общались возвратиться къ намъ непремѣнно къ масляницѣ и сдержали свое слово.

Между тѣмъ провели мы все сіе время болѣе въ разѣздахъ и свиданіяхъ со всѣми ихъ сосѣдами и прежними нашими знакомцами и друзьями. Дома госпожи Калычовой, г. Багановскаго, г. Коржавина и нѣкоторые другіе были тогда нами посѣщены съ нашими племянницами, и вездѣ были мы съ удовольствіемъ принимаемы и угашиваемы. Вездѣ были намъ рады, и всѣ старались къ намъ всячески ласкаться; а приѣзжали и къ намъ многіе изъ нихъ и прочіихъ ихъ сосѣдей; а за всѣмъ тѣмъ и не видали мы, какъ прошелъ весь тогдашній короткой маслѣдъ и приближилась и самая масляница, случившаяся тогда въ исходѣ февраля мѣсяца.

При свиданіи съ знакомцемъ и пріателемъ моимъ, господиномъ Баганов-

скимъ, непреминули мы опять завидаться любопытными разговорами о наукахъ, книгахъ и садахъ, и не одну, а многія минуты провели съ отминымъ удовольствіемъ, и не было свиданія, при которомъ бы мы не занимались съ нимъ тѣмъ по нѣсколькx часовъ сряду.

Наконецъ, возвратились изъ путешествія своего и наши псковитяне, и пріѣхали дѣйствительно къ намъ при началѣ масленицы. А тогда и начались у насъ прамое ежедневные почти пиры и празднества, и вымышляемы были всѣ роды забавъ и увеселеній, свойственныхъ днямъ симъ. На дворѣ у нихъ сдѣлана была для катанья прекрасная гора. Сосѣди ихъ пріѣзжали къ намъ почти ежедневно, и не было дня, которой не провели бы мы въ смѣхъ, играхъ и всякаго рода забавахъ и увеселеніяхъ, причемъ натурально не забываемо было и самое катанье.

Наконецъ, насталъ нашъ и великой постъ и положили предѣлъ всѣмъ нашимъ забавамъ и увеселеніямъ, а вкупѣ и пребыванію въ кашинскихъ предѣлахъ. Съ наступленіемъ онаго надлежало и Михайлѣ Васильевичу и намъ ѣхать во-свои, и 3-е число марта былъ тотъ день, въ которой проидто много слезъ при общемъ нашемъ другъ съ другомъ разставаніи. Мы такъ уже всѣ свыклись между собою, что для насъ всѣхъ разставанье сіе было очень печально и горестно. Но никто съ такою чувствительностью не разставался съ нашими псковскими родными, какъ мои племянницы. Онѣ, ровно какъ предчувствуя, что расстаются съ ними на весь свой вѣкъ, и что имъ не удасться болѣе уже никогда ихъ видѣть, проливали цѣлые ручьи слезъ при разставаніи и провожаніи оныхъ. Что касается до насъ, то мы имѣли къ тому еще нѣкоторую надежду, ибо дали имъ обѣщаніе побывать и у нихъ во Псковѣ, когда не въ слѣдующій годъ, такъ въ будущій за онымъ. Но, ахъ! какъ сильно обманулись и мы въ своихъ заключеніяхъ о будущемъ времени и сколь мало знали тогда, что судьба и самому (мнѣ) не прежде дозволить видѣть сихъ ближнихъ род-

ныхъ моихъ, какъ по прошествіи почти цѣлыхъ тридцати лѣтъ съ того времени, а семьянинокъ моихъ лишитъ удовольствія сего даже и до теперешняго времени; и могли-ль мы тогда воображать себѣ, что онѣ видѣли ихъ тогда и въ первой и въ послѣдній разъ? Вотъ что дѣлаетъ отдаленность родныхъ другъ отъ друга!

Мы поѣхали въ самое то же время отъ нихъ и поспѣшали возвратиться въ домъ свой. По пріѣздѣ въ Москву, не стали мы долго медлить въ оной, и остановившись опять у г. Полонскаго, пробыви не болѣе однѣхъ сутокъ въ сей столицѣ. И я успѣлъ только взять отъ Ридигера переплетенныя мои книги и забѣжать на часокъ въ нѣмецкую книжную лавку, у Воскресенскихъ воротъ, въ которой Ридигеръ сидѣлъ уже тогда сидѣльцемъ, и купить себѣ нѣсколько новыхъ нѣмецкихъ книгъ для деревни.

Впрочемъ узнали мы, что слухъ о Пугачевѣ не только не уничтожился, но увеличивался отъ часу больше. Намъ рассказали уже столько о худыхъ успѣхахъ посланныхъ для усмиренія его командъ и о всѣхъ его злодѣйскихъ дѣланіяхъ, что мы ясно видѣли, что дѣло сіе не походило уже нисколько на шутку, а становилось часъ отъ часу важнѣйшимъ и сумнительнѣйшимъ, и потому поѣхали мы изъ Москвы весьма съ неприятыми о семъ предметѣ мыслями.

Въ деревню свою пріѣхали мы около 11-го марта, что случилось уже быть на второй недѣли великаго поста, и, къ удовольствію своему, нашли всѣхъ дѣтей своихъ и здоровыми и благополучными. Тутъ, къ удивленію своему, нашелъ я опять два пакета, полученныхъ безъ меня ко мнѣ изъ Петербурга, изъ Экономическаго Общества.

Я, развернувъ первой, удивился, найдя въ немъ письмо отъ г. Нартова, писанное еще 9-го декабря минувшаго года, слѣдовательно, шедшее ко мнѣ ровно три мѣсяца. Въ ономъ бомбандировалъ онъ меня опять просьбами о скорѣйшемъ увѣдомленіи его о себѣ и о сво-

беспокойствахъ, и опять наполнилъ весьма свое дружескими изъясненіями жалнія своего о пресѣченіи нашей пшени и удивленіемъ, что онъ не въ тому причины. Наконецъ говорилъ, Экономическое Общество препоручило сообщить мнѣ пѣсню о истребленіи червей на пашняхъ и желаетъ, чтобы я по оной сдѣлалъ опыты, и прочее. Это же письмо было официальное, и отъ имени всего Общества и во всей формальной предписательной мнѣ, или предписаніи, и чтобы я непременно сдѣлалъ ужьные опыты по приложенной книжечкѣ и рисунку сохи, относящіяся къ истребленію сихъ червей на пашняхъ, подписаніемъ того-жъ г. Нартова, но уже 9-го января 1774 года; и было уже два мѣсяца.

Всѣ сіи письма меня удивили и нѣкоторымъ образомъ сконфузили. Я не могъ въ довольно надивитись неполученію отъ нихъ моихъ писемъ и сожалѣлъ о томъ искренно. Съ другой же стороны порученіе мнѣ Обществомъ комиссіи, сдѣланнаго до предприниманія опытовъ истребленію червей, было мнѣ нѣкоторымъ образомъ не только неприятно, но и гонительно. «Чтожь такое? думалъ я, и самъ себѣ: — господа сіи, вторыхъ я, какъ отъ козловъ, ни что, ни молока, или никакого добра еще не видали, кромѣ пустыхъ и ванистыхъ похвалъ, недовольны были еще тѣмъ, что тружусь, пишу, хлопочу и убытчусь при отсыланіи къ нимъ моихъ писемъ и сочиненій, платя за то въ дорожку, безъ всякаго за то возмездія. Мало еще, такъ сказать, и верхомъ на вѣдѣть и дѣлать мнѣ предписанія... Дѣла я въ угожденіе имъ разные опыты рисункамъ сохи, и лихія болѣсти, и вѣдомый ихъ объ оныхъ. Хотѣлъ бы, и потише разъ!... и что право за вника?» и такъ далѣе. И какъ по тѣмъ въ здѣшнихъ мѣстахъ тѣхъ червей хлѣбахъ, о какихъ они упоминали, никогда не бывало и намъ они не известны, то позволилъ я отвѣтствовать коротко, что въ здѣшнихъ мѣстахъ

приложеніи къ «русской старинѣ» 1872 г.

червей такихъ нѣтъ и никогда по сіе время не бывало, и что опыты по ихъ предписанію дѣлать мнѣ не надѣтъ чѣмъ, и тѣмъ отъ сей комиссіи отдѣляться.

Все теченіе великаго поста препроводилъ я въ обыкновенныхъ своихъ кабинетныхъ упражненіяхъ и во все, остающееся мнѣ отъ разъѣздовъ по гостямъ и приниманія ихъ у себя, время употреблялъ отчасти на чтеніе прежнихъ и вновь купленныхъ и съ собою изъ Москвы привезенныхъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ; а какъ начали дни уже гораздо увеличиваться, и комнатною своею ранжереею, или горшками, и вѣнчаны всѣ окна въ домѣ моемъ были установлены. Неприятно у себя ни ранжерей, ни теплицы, ни самыхъ парниковъ, къ чему ко всему не имѣлъ я никогда дальней охоты, награждалъ я недостаткомъ оныхъ ящичками и горшками, содержимыми въ комнатахъ, и при приближеніи каждой весны все нужное въ нихъ самъ садилъ, сѣялъ и возвращалъ, что и доставляло мнѣ еще больше удовольствія, нежели инымъ самия ранжерей и теплицы.

Кромѣ сего, по обменованію своему, занимался я при увеличившихся дняхъ и въ сей годъ опять разными родами рисованья, какъ водяными, корпусными и сухими, такъ и самыми масляными красками, и дѣлалъ сіе какъ для собственнаго своего удовольствія, такъ и для наставленія и приучиванія къ тому же обоимъ моимъ сотоварищамъ и ученикамъ. Ибо я не только привезъ съ собою опять образцы племянника своего Травина, но по возвращеніи въ домъ свой, ввѣлъ опять къ себѣ и старшаго сына сосѣда моего г. Ладженскаго, Никиту Александровича. Сихъ-то обоимъ, такъ сказать, воспитанниковъ своихъ старался спознакомливать я, сколько могъ, не только съ нужнѣйшими для нихъ науками, но и съ рисованьемъ всякаго рода, а сверхъ того, какъ нерѣдко гашивали у меня и обѣ дочери тетки Матрены Васильевны Арцыбишевой, то дѣлалъ сіе нѣкоторымъ образомъ и для нихъ, дабы преподавать и имъ нѣкоторое о томъ

понятіе. А все сіе и доставляло мнѣ множество минутъ пріятныхъ и помогало время сіе проводить съ удовольствіемъ.

Какъ въ числѣ купленныхъ въ Москвѣ мною нѣмецкихъ книгъ были нѣкоторыя, относящіяся и до натуральной исторіи, которыя мнѣ нужны были для почерпнута изъ нихъ нужнаго при продолжаемомъ по временамъ сочиненіи моему «Дѣтской философіи», и между ими находилась и одна ботаническая книга, а именно Рейгерова описаніе двюростающихъ въ окрестностяхъ Данцига произрастений, расположенное по ихъ разнымъ родамъ, отродіямъ и видамъ; то особеннаго замѣчана было достойно, что при чтеніи оной не только получилъ я общее и довольно достаточное понятіе о сей части натуральной и доселѣ мнѣ незнакомой еще части натуральной исторіи, но получилъ даже и самую охоту къ ботаникѣ, и потому съ неописанною нетерпѣливостію дожидался сошествія снѣга и наступленія весны, дабы мнѣ, по руководству сей книги, тотчасъ начать спознакомливаться совѣми растущими у насъ дикими травами и другими произрастениями, и чрезъ разсматриваніе состава ихъ цвѣтковь узнавать ихъ роды, отродія и имена, приданныя имъ отъ ботаниковъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ и другихъ экономическихъ любительныхъ занятіяхъ и не видалъ почти я, какъ прошелъ и весь нашъ великой постъ; а начавшіяся тали и обнаженіе земли отъ снѣга и послѣдовавшая затѣмъ прекрасная всегда въ нашемъ селеніи половодъ, подали мнѣ новые поводы къ увеселеніямъ и забавамъ душевнымъ. Признаюсь, что мнѣ всегда сіе время бывало въ особеннѣе любезно и пріятно, и возобновляло въ душѣ моей новыя и наипрѣятнѣйшія чувствованія. Съ отгнаннымъ и превеликимъ удовольствіемъ сматривалъ я всегда на яркую близину, въ мартѣ, начинающихся уже талы снѣговъ; на отгннную ясность солнца и свода небеснаго, на обнажающіеся кой-гдѣ первые бугорки земли; на пер-

выя кашели съ кровли и ручейки стѣнной воды и на всѣ особыя движенія всѣхъ животныхъ, и потомъ на самую половодъ, меня всякой разъ отгннно увеселяющую; а книги, содержащія въ себѣ описанія красоты природы, которыя обыкновенно я въ сіи времена читывалъ, дѣлали мнѣ въ томъ великое вспомоствованіе и производили то, что всѣ, и такіе предметы, на которые смотрятъ множайшіе люди безъ всякихъ чувствій и удовольствій, производили собою въ душѣ моей наисладчайшія и пріятнѣйшія движенія оной и доставляли мнѣ тысячу минутъ пріятныхъ.

Наконецъ сошелъ у насъ снѣгъ, прошла половодъ, стала наступать уже весна и началось время, удобное и способное уже къ копанію земли и первѣйшимъ садовымъ работамъ. Сего времени я уже давно съ нетерпѣливостію дожидался, ибо хотѣлось мнѣ произвести въ сію весну одно, давно уже затѣянное и нѣкоторымъ образомъ еще въ 1772 году начатое, весьма большое и важное дѣло, а именно: до сего нигдѣ я у себя хотя два или паче три нарочитой величины сада, но всѣ они далеко не въ состояніи были удовлетворить собою моей охоты къ садамъ; мнѣ казалось, что все еще ихъ было мало, и хотѣлось завести еще одинъ, гораздо всѣхъ ихъ обширнѣйшій и уже не регулярной, а единственно людовитой и назначенной быть всегда продажнымъ и къ доставленію мнѣ собою знаменитаго прибытка. Желаніе къ сему уже давно во мнѣ возродилось, но долго я самъ съ собою не соглашался, гдѣ назначить подъ него мѣсто, ибо въ прежней усадьбѣ своей, по великой тѣснотѣ и ограниченности оной, не было нигдѣ пруднаго и способнаго къ тому мѣста; а изъ полевой земли назначить къ тому оное, какъ единое остающееся мнѣ средство, мѣшало то, что ближнія пашни не всѣ были мои, но перемѣшаны чрезволосно съ сосѣдскими, и оставалось только развѣ поразмѣняться съ ними и имѣннть хотя нѣсколько десятинъ къ одному мѣсту.

тъ сіе наконецъ мнѣ и удалось, и цѣль цѣля три десятины, сряду и самой моею усадьбы за прудами сія, въ моемъ собственномъ владѣніи, не долго думая и назначилъ я всѣмъ къ новозатѣваемой большой садъ. Въ все сіе великое пространство вдругъ обнести какою-нибудь оградой быль я не въ состояніи, то положивъ первой случай окончатъ все оное широкимъ и оградить землянымъ валомъ, что и начали мы производить въ то еще въ 1772 году и въ послѣдствіи за онымъ; и какъ работа сія была кончена, а между тѣмъ подготовлено у меня уже нарочитое число прирѣзныхъ и отводковыхъ яблонекъ, то выдался я сей весны для перваго выкаса всѣхъ ихъ уже въ оной и къ зимѣ чрезъ то ему формальнаго уже мѣста.

Мнѣ, не успѣвъ сойти съ снѣгомъ и мѣсто отъ него опростаться и сколько оубо обчухнуть, какъ и приступилъ я къ назначенію мѣстъ въ немъ деревья и къ посадкѣ оныхъ. И особливо замѣчана достойно, что случилось въ самую великую пятницу, бывъ въ сей годъ 18 апрѣля, и я работая такъ занялся, что провелъ весь съ утра до вечера въ оной не ѣвши нишаго и не чувствовалъ даже къ тому и охоты. Совсѣмъ всѣхъ заготовленныхъ и поспѣвшихъ пересадкѣ яблонекъ далеко не мало на занятіе ими всего пространства всего стало только съ небольшою на половину онаго; а поелику закъ оны на пашенной полевой землѣ, мое сіе и подало мнѣ поводъ назавтра полевнымъ садомъ, которой гдѣствіемъ времени и быль хотя поелику многими несчастіямъ, но, сузя и по нимъ, приносятъ мнѣ уже къ довольно изрядной.

ставшую послѣ сего Святую недѣлю ми ми по прежнему обыкновенію было весело, въ разныхъ свиданіяхъ идными своими и сосѣдями и въ закъ, саму времени свойственныхъ. А

какъ между тѣмъ начала уже оживать и трава и показываться кой-гдѣ разныя цвѣточки, то по намѣренію моему и непреминулъ я за первое въ жизни моей ботанизираваніе, или при помощи книги моей разсматривать всѣ оныя уже ботаническими глазами и узнавать къ какому классу, породѣ и отродію принадлежитъ то произрастеніе, и какъ которое изъ нихъ собственно называется. И Боже мой! какое неописанное удовольствіе я имѣлъ, когда первые опыты стали удаваться мнѣ вавожделѣннѣйшимъ образомъ, и когда, по ботаническимъ примѣтамъ узнавъ породу, узнавалъ вкупѣ и официальныя, и ботаническія названія онымъ, и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ они мнѣ доставляли! Не успѣвалъ я узнать собственное латинское и нѣмецкое названіе какой-нибудь разсматриваемой травки, какъ благимъ матомъ хватался я за Цмиковъ Экономическій и Гибнеровъ натуральной лексиконны пріискивалъ уже въ нихъ статьи подъ сими названіями, и какъ радовался, когда находилъ описанія онымъ сходныя съ описаніемъ Рейгера, находилъ вкупѣ и упоминанія о томъ, какія которая изъ нихъ имѣла свойства и силы, и которыя изъ нихъ принадлежали къ врачевнымъ и способны были помогать отъ какихъ болѣзней. И Боже мой! какъ много увеличивалось тогда чувствуемое мною удовольствіе, когда узнавалъ я, что иная довольно намъ извѣстная и нами нимало неуважаемая травка достойна была иногда навеличайшаго нашего, по цѣлебнымъ ея силамъ, примѣчанія и уваженія. Я пригалъ почти иногда при такихъ случаяхъ отъ радости, и съ узнаваніемъ вновь какой-нибудь травы получалъ вновь, равно какъ нѣкоего новаго себѣ друга и знакома, и удовольствіе мое было неизреченно.

Вотъ въ которое время стали начинаться всѣ мои ботаническія знанія, доставившія мнѣ впоследствии времени случай и возможность сдѣлаться съ сей стороню полезнымъ своему отечеству и доставить безчисленному множеству соотечественниковъ моихъ не только ннѣш-

нимъ, но и самымъ потомкамъ ихъ существенную пользу, и заслужить чрезъ то несчетныя благодаренія отъ оныхъ.

Въ таковыхъ-то приятныхъ и полезныхъ занятіяхъ, вмѣстѣ съ прочими всенными садовыми упражненіями, проводилъ я все достальное время мѣсяца апрѣля, а тѣмъ же самымъ продолжалъ я заниматься и въ наступившій потомъ май мѣсяць.

Въ теченіе онаго имѣлъ я удовольствіе получить опять изъ Петербурга превеликой пакеты изъ Экономическаго Общества; но какому удивленію поразили я, нашедъ въ ономъ одну только книгу, содержащую въ себѣ XXII-ю часть Трудовъ Общества, а письма приложеннаго къ ней ни отъ кого и никакого не было. Я не зналъ и не понималъ, чтобъ такое сіе значило и подумалъ, что не разсердился-ли на меня г. Нартонъ, что не захотѣлъ удостоить меня въ сей разъ письмомъ своимъ. Но какъ увеличилось удивленіе мое, когда началъ разсматривать сію книгу, въ которой безсомнѣнно надѣялся я найти послѣднія свои сочиненія напечатанными, увидѣлъ, что ни одного изъ всѣхъ ихъ не было, хотя онѣ давнымъ-давно были уже отъ меня отправлены; а вся она, несмотря на всю свою толстоту и на печатаніе на прекрасной александрійской бумагѣ, содержала одно только пространное сочиненіе г. Шретера и сочиненіе самое вздорное, глупое и ни малѣйшей никому пользы принести не могущее. «Боже мой! что-жъ такое будетъ! воскликнулъ я съ нарочито огорченнымъ духомъ:—вздоръ такой печатаютъ и занимаютъ имъ цѣлыя книги, а такіа хорошіа и прямо полезныя для многихъ замѣчанія и сочиненія, каковы мои, лежатъ у нихъ и прѣютъ, или, что того еще хуже, можетъ быть и совсѣмъ не напечатаны. Въ состояніи ли такая медленность побуждать и нанусерднѣйшаго человѣка къ продолженію трудовъ своихъ и захотѣть къ дальнѣйшей и многопоштной пересылкѣ къ нимъ трудовъ своихъ? Какъ давно отправилъ я уже къ нимъ всѣ послѣднія свои пре-

красныя и важныя пьесы, и сколько времени жду и не могу дожидаться видѣть ихъ напечатанными? И что-жъ это будетъ, и при такой удивительной медленности сколько лѣтъ къ тому будетъ потребно, чтобы усилъ имъ напечатать все то, что на умѣ и въ намѣреніи моему было сообщить имъ изъ всѣхъ безчисленныхъ и прямо полезныхъ вещей, имѣ сдѣлавшихся извѣстными и достойными преданными быть тисненію. Теперь же удивляюсь я тому, говорилъ я дагдѣ, что все наше Экономическое Общество немало ни кѣмъ не уважается, и что лишлось оно и отъ тѣхъ уваженія, которые онымъ его еще удостоивали. При такомъ порядкѣ лучшаго и ожидать не можно».

Ониъ и подобнымъ сему образомъ изъяслялъ я свое неудовольствіе на оное и въ чувствуемой досадѣ полагаю не посылать къ нимъ впрдѣ ничего и не трудиться для нихъ попустому, покуда не увижу послѣднихъ моихъ пьесъ въ трудахъ ихъ напечатанными.

Между тѣмъ, какъ настала уже совершенная весна, то вспомнилъ я о обѣщаніи моемъ, данномъ шадскимъ монахъ сосѣдямъ, чтобъ пріѣхать къ нимъ овою весною для измѣренія всѣхъ ихъ дачъ и для разровненія ихъ по думамъ между деревнями, но не зналъ, что тогда дѣлать и предпринимать-ли мнѣ сіе кутешствіе, или нѣтъ? Сколь ни горячо я тогда въ сіе дѣло вступился, и какъ ни ревностно хотѣлъ предпріять для пользы всѣхъ ихъ сей необятно великій трудъ, но жаръ сей имѣлъ время гораздо попростыть, а здравѣйшіа размышленія обо всѣхъ тамошнихъ и своихъ обстоятельствахъ и гораздо оной простудили, или паче совсѣмъ уничтожили; ибо, во-первыхъ, за бездѣйствіемъ Пашкова не находилъ я никакой дальней надобности къ успѣшенію снмъ дѣломъ; во-вторыхъ, сомнѣвался я, и не безъ основанія, что едва-ли будетъ на то и единодушное согласіе всѣхъ жителей тамошнихъ деревень, и не произойдетъ-ли тысячи препонъ и помѣшательствъ имѣ въ

тогъ дѣлѣ? Мысли объ одномъ Рахмановѣ и о наглости и скверности его характера утрашали меня невѣдомо сколько. «И что-жъ будетъ, говорилъ я самъ себѣ—если я пробѣжу туда попустому и не только изубитчусь и трудамъ подвергну себя самопроизвольно безчисленнымъ, но и въ домѣ чрезъ отлучку на все глѣто, или по меньшей мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, во всемъ сдѣлаю унущеніе, а всѣмъ тѣмъ ничего добраго не сдѣлаю и можетъ быть, что всего и вѣроятнѣе, съ одною только досадою и стыдомъ отъ тѣсной и наирасвой ѣзды возвратиться принужденъ буду домой».

Тако размышляя и нѣсколько разъ самъ съ собою разговаривая, я, признаться, не имѣя охоты разстаться съ своими садами и съ спокойною своею деревенскою жизнью, сказалъ я наконецъ самъ себѣ: «Нѣтъ, нѣтъ! Оставайся-ка они тамъ съ Богомъ и живи, какъ жили прежде, до поры до времени; а ты, мой другъ, Андрей Тимошевичъ, на невѣрное не пускайся и безъ дальней надобности не подвертай себя безчисленнымъ трудамъ и безволеюствамъ, а оставайся-ка себѣ благополучно въ своемъ Дворяниновѣ и занимайся по прежнему своими садами и другими для тебя любезными и счастье твоихъ дней составляющими упражненіями».

Симъ образомъ рѣшившись не ѣхать, а оставшись дома проживать по прежнему свое время въ своей деревнѣ, началъ я помышлять о томъ, въ чемъ бы и въ чемъ

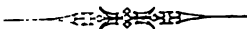
препроводить мнѣ тогдашнее глѣто, какія предпріять новыя въ садахъ работы, и въ чемъ, и въ чемъ заниматься мнѣ лучше и располагать въ мысляхъ все то, что предварительно къ тому было нужно.

Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, что воспослѣдуетъ чрезъ немногіе послѣ того дни и часмъ! И могъ-ли я подумать, что тогда доживалъ я не только послѣдній годъ, но и послѣдніе дни и часмъ въ моей деревнѣ, и что уже давно начался тотъ мѣсяць, въ которой Промыслу Господню угодно было перемѣнить все мое положеніе и назначить тогдашніе дни быть послѣдними пребыванія и жительства моего въ деревнѣ, и что уже готово было совсѣмъ назначенное для меня имъ иное и новое поприще къ прохожденію въ моей жизни. Словомъ, весь помянутой счетъ мой дѣланъ былъ совсѣмъ безъ хозяина, и явившаяся вдругъ предъ крыльцомъ моимъ кибитка и вышедшій изъ ней совсѣмъ незнакомой для меня человекъ разрушилъ вдругъ и въ одинъ почти мигъ всѣ поминутые мои замыслы и затѣи, и заставилъ думать о иныхъ и несравненно важнѣйшихъ предметахъ.

Но о семъ начну рассказывать вамъ уже въ послѣдующемъ за снмъ собраніи моихъ писемъ, а теперешнее снмъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

Конецъ XVI-й части.

(Кончена сочиненіемъ декабря 26-го дня 1808, а перепискою февраля 8-го дня 1810 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVII.

Въ Дворянниковѣ: сочинена въ началѣ 1809 года, переписана 1810 года.

Исторія моего пребыванія въ Кіасовѣ.

1774 годъ.

Письмо 171-е.

Любезный пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ прервалъ я повѣствованіе мое тѣмъ, что вдругъ и противъ всякаго чаянія и ожиданія явилась предъ крыльцомъ дома моего кибитка, и вышедшій изъ ней совсѣмъ мнѣ незнакомой человѣкъ разрушилъ въ одинъ почти мигъ всѣ мои дальновидные замыслы и помысленія о томъ, въ чемъ и въ какихъ занятіяхъ и дѣлахъ препроводить мнѣ тогдашнее глѣто, и какъ бы расположить жизнь мою такъ, чтобъ была она для меня пріятнѣе и веселѣе, и обратилъ всѣ мысли и помысленія мои на иные предѣметы.

Не сомнѣваюсь, что слова сіи были тогда для васъ загадкою, и что вы съ любопытствомъ и теперь ожидаете отъ меня разрѣшенія оной. Сіе и долженъ я учинить, и вотъ слушайте что такое сіе было:

Помянутой кибиткѣ, запряженной тремя ямскими лошадьми, случилось прискакать на мой дворъ въ самое то время, когда я сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ любимомъ своемъ и спокойномъ уголкѣ и не помню что такое писалъ. Какъ она вмигъ прилетѣвъ къ крыльцу моему, находившимся подъ самымъ тѣмъ окошкомъ гдѣ я сидѣлъ, остановилась, то поразившись сею неожиданностью смотрю я на выходящаго изъ ней и подлѣ самаго окна на крыльцо всходящаго человѣка съ любопытствомъ, и удивляюсь. Казался

онъ мнѣ совсѣмъ незнакомый, небольшого роста, плотенъ собою и одѣтъ такъ, что я не зналъ: ни то онъ какой благородной, ни то изъ приказныхъ, ни то офицерскаго ранга, ни то иного какого.— «Господи! думалъ я тогда и въ мысляхъ говорилъ самъ съ собою: ктобы такой это былъ? не понимаю!.. и пошелъ встрѣчать его и принимать въ свою залу. Гость мой входитъ, кланяется мнѣ учтивымъ и пріятнымъ образомъ и не съ другого слова спрашиваетъ меня, я-ли Андрей Тимоѣевичъ? — Точно я, говорю; но объ васъ смѣю спросить, съ кѣмъ имѣю я честь говорить? — «Я, судирь, Шебашевъ». — Имя ваше? — «Левъ Петровъ сынъ!» — А достоинство и чинъ вашъ? — «Секретарь, сударь», отвѣчаетъ онъ мнѣ. — Сіе меня еще болѣе удивило. «Господи! говорю я опять самъ себѣ, откуда бы такой и зачѣмъ ко мнѣ пожаловалъ». Однако не спрашивая еще о томъ говорю ему: «Милости прошу батюшка, пожалуйте сюда»; и зову его съ вѣжливостью и ввожу въ мою гостинную. Тутъ стараюсь я его посадить въ креслы, но онъ вмѣсто того достаетъ изъ кармана и подаетъ мнѣ письмо, запечатанное большою печатью съ изображенными на ней орденами. «Отъ кого бы это было?» думалъ я, и вдругъ развернувъ письмо спѣшу смотрѣть на подпись.— «Ба! воскликнулъ я поразившись удивленіемъ это конечно отъ князя Сергія Васильевича Гагарина?» — «Точно отъ него, сказалъ г. Шебашевъ, и я имѣю честь быть его секретаремъ. Его сіятельство приказалъ

вамъ вѣнаться и убѣдительноше васъ о томъ просить, о чемъ онъ къ вамъ въ этомъ письмѣ писать изволилъ».

Сіе, натурально, увеличило еще мое удивленіе. Я усугубилъ мою просьбу о томъ, чтобъ онъ сѣлъ, и сѣвши самъ подлѣ его сѣвшииъ читать сію бумагу. Но какою пріятною неожиданностью поразился вдругъ я, когда читая увидѣлъ, что князь убѣждалъ меня, что онъ торгуетъ и хочетъ купить для государыни, не далеко отъ меня лежащую и тысячахъ въ четырехъ душъ состоящую Кіасовскую волость, и ласковѣйшимъ образомъ просилъ меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и со вручителемъ сего письма, его секретаремъ, котораго онъ нарочно ко мнѣ для сего отправилъ, сѣзидилъ, осмотрѣлъ и описавъ сію волость къ нему бы въ Москву приѣхалъ, и что естли волость сія мнѣ понравится и онъ ее купитъ, то желалъ бы онъ, чтобъ я согласился принять на себя управленіе оною, въ которомъ случаѣ предлагалъ мнѣ 400 рублей жалованья, казенныхъ лошадей для ѣзды, и приличное количество хлѣба для моего содержанія. — И пересказавъ сіе оканчивалъ тѣмъ, что какъ волость сія лежитъ отъ жительства моего недалеко, и я записѣть буду единственно отъ него, а не отъ кого другого, то и льстится онъ надеждою, что я не отрекусь желаніе и просьбу его вынолнить.

Признаюсь, что вся кровь взволновалась во мнѣ при читаніи сей бумажки; краска выступила въ лицо, руки трепетали и сердце хотѣло выпрыгнуть, и я долго не могъ собраться съ мыслями и сыскать словъ въ отвѣтъ на его поклонны и повторяемны именовъ князя о соглашеніи моемъ просьбѣ. — «Батюшка ты мой! сказалъ я ему наконецъ: дѣло сіе не составляетъ бездѣлки и такого рода, что мнѣ объ немъ немнако какъ попередъ хорошенько подумать и погадать надобно, и вы извините меня что я не могу еще сказать вамъ ничего рѣшительнаго о томъ».

— «Очень хорошо! подхватилъ онъ, и это самая правда! но всѣ обстоятельства кажутся таковы, что можно бы истинно

вамъ на предложеніе сіе согласиться! Волюсть, какъ говорятъ, такая хорошая, мѣсто и должность будетъ никому непостыдная; жить будетъ гдѣ, есть, говорить, въ ней домъ господской каменной со всѣми принадлежностями, а командиръ-то, командиръ такой доброй, честной и любезной человекъ».

— «То такъ, подхватилъ я, все это хорошо и все не худо; но батюшка ты мой, я и своимъ состояніемъ до сего времени былъ доволенъ, достатокъ имѣю хотя небольшой, но живу съ покоемъ и, по милости Господней, не терплю ни въ чемъ недостатка. Жить мнѣ, какъ видите вы сами, есть гдѣ, веселиться есть чѣмъ; стужи и нужды не терплю, ѣсть и пить есть что, голоднымъ никогда не бывалъ. Людей и деревень хотя не много, но тѣмъ меньше заботъ и трудовъ для управленія ими потребныхъ, и тѣмъ болѣе остается мнѣ свободнаго времени, для заниманія себя науками и разными другими упражненіями, которыя меня увеселяютъ и до конхъ я охотникъ. И сія свобода, государь мой, для меня всего дороже. и мнѣ весьма-бы весьма не хотѣлось съ нею разстаться».

— «Все это хорошо, подхватилъ г. Шебашевъ, но повѣрьте, что и тамъ вы много также свободы имѣть будете. Нужно вамъ будетъ сначала нѣсколько потрудиться и привести все нужное въ порядокъ, а тамъ и будете жить какъ вамъ угодно. Князь у насъ такой доброй, такой милостивой, невзыскательной и добродушный человекъ, что я готовъ-бы умереть подъ его командою. Онъ-же васъ уже и теперь любитъ, а вѣрно полюбитъ еще болѣе и вы безсомнѣнно будете имъ довольны; а сверхъ того всегда, когда вамъ будетъ угодно, можете вы призвать и въ домъ свой, такъ близко — «Но помилуй, подхватилъ я, гдѣ это лежитъ сія волость, что я объ ней и о имени ея никогда не слыхивалъ?» — «Въ Коломенскомъ уѣздѣ, отвѣчалъ онъ, на большой дорогѣ изъ Москвы въ Кошпру за 60 верстъ отъ Москвы, и отсюда, какъ думаю, не бо-

гѣе какъ версть 30, а много-много 40 только будетъ. Подумайте-ка батюшка!»

Сіе послѣднее въ самомъ дѣлѣ заставило меня думать и начало уже нѣкоторымъ образомъ склонять къ принятію дѣлаемаго мнѣ предложенія. А какъ сверхъ того именемъ князя сталъ онъ повторять опять прежнее его обѣщаніе опредѣлить меня въ волость Богородицкую, какъ скоро Опухтинъ пойдетъ въ отставку и туда изъ сей волости меня перевезть, то сіе и болѣе уже меня мыслить о томъ и на предложеніе его соглашаться побуждало.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ все выше упомянутое мы съ нимъ одинъ—наединѣ говорили, и домашнія мои ничего еще обо всемъ томъ не вѣдали, то попросивъ извинить меня, что я на нѣсколько минутъ отъ него отлучусь, побѣжалъ я къ нимъ показывать княжеское письмо и рассказывать все слышанное. Сихъ поразила также сія неожиданность чрезвычайно. Онѣ не менѣе моего всему тому удивились, и погрузились въ великое недоумѣніе и разстройку мыслей; однако сіе продолжилось недолго. Сколько ни сердились и ни досадовали онѣ еще до самаго сего времени на князя Гагарина за то, что провозочилъ онъ меня и въ Москву и въ Бобринки попустому, но сіе новое предложеніе его тотчасъ ихъ съ нимъ опять помирило и сдѣлало къ нему благосклоннѣйшими, и я скоро увидѣлъ, что имъ оное было нимало не противно. А какъ скоро пересказалъ я имъ всѣ обстоятельства и выгоды, сопряженныя съ симъ предлагаемымъ мнѣ мѣстомъ, то не долго думая начали онѣ мнѣ говорить, что подумавши о томъ хорошенько, хоть бы и не отторгать отъ себя сего предложенія, или по крайней мѣрѣ согласиться сѣздить съ Шебашевымъ для осмотра волости. «Когда она такъ близко, говорили онѣ, то великаго-ль труда стоять туда сѣздить. По крайней мѣрѣ увидѣлъ бы что за волость и каково мѣсто, и стоитъ-ли того, чтобъ для управленія оною оставить домъ и переселиться на время жить въ оную. Вѣда не велика,

что сѣздить; можно и тогда еще отказаться, когда дѣло окажется несходнымъ и мѣсто не понравится. А теперь право бы, по нашему мнѣнію, отказываться отъ того не надобно.—Поѣзжай-ка, батюшка, и посмотри. Богъ знаетъ, что стронутъ присовокупилъ онѣ къ тому. Самъ ты много разъ говаривалъ, что такихъ случаевъ не надобно упускать, которые сами собою и безъ всякаго исканія и домогательства приходятъ».

Сими послѣдними словами убѣдили онѣ всего болѣе со мнѣніемъ ихъ согласиться. «Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ я самъ въ себѣ, вѣдь я сего самъ не искалъ и не желалъ нимало, а приходитъ оно само собою. Почему знать, можетъ быть все это произошло и происходитъ по дѣйствию благодѣющаго мнѣ Промысла Господня, и есть на то воля моего Господа; и знаю-ли я, что онъ намѣренъ устроить и учинить со мною? Жизнь моя и все относящееся до оной единожды и навсегда препоручена мною его разсмотрѣнію и предане все на его святую волю».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою разсуждая и находя отъ часу болѣе вѣроятія и безсомнѣнности въ томъ, что происходитъ сіе по волѣ Господней и влечетъ меня къ сему дѣлу его великая десница, не сталъ я долго медлить изъявлять и мое согласіе на слова моей жены и ея матери, и совѣтовалъ еще нѣсколько съ ними, и наконецъ рѣшившись слѣдовать сему зову и благословясь вышелъ я опять къ г. Шебашеву, занимавшемуся между тѣмъ разговорами съ обими моими воспитанниками и учениками, и ему сказалъ:

— «Ну! быть такъ, Левъ Петровичъ! соглашаюсь удовлетворить желаніе его сіятельства и ѣхать съ нами для осмотра и описанія сей волости, а тамъ посмотримъ и увидимъ, что будетъ далѣе!» — «Очень хорошо! воскликнулъ обрадованнѣйшійся мой Шебашевъ, поѣдемъ, батюшка! Вы сдѣлаете тѣмъ князю великое удовольствіе». — «Это хорошо, сказалъ я: но дайте мнѣ по крайней мѣрѣ сколько-нибудь времени къ путешествію сему со-

и распорядить все нужное для учень въ домѣ». — «Сколько хотите, князь и сказалъ на сіе Шебапевъ:

«весьма бы не худо, еслибъ вы вѣжливо можно поспѣшили. Князю хотѣлось, чтобъ мы не замедлили въ много сямъ дѣломъ».

Всѣмъ сіе время вышли къ намъ и хозяйки и я, спознакомивъ ихъ однимъ Шебапевымъ и оставающаго угодать его чаемъ и завтракомъ — занимать ихъ разсказами о волостяхъ, побѣждалъ самъ тотъ садъ, для сдѣланія распоряженія, то безъ меня садовника дѣлать, и назначать людей, кому со мной и готовить къ путешествію саму дорожную коляску и приготавливать намъ съ собою брать надлежало. Вспомнившееся прошедшее время и пожаръ, и жена всѣхъ относящихся до сего и записокъ и бумагъ, липаешь мемуарствіи замѣтить именно тотъ памятный день, въ которой сіе случилось, въ которой имѣлъ толь великое на все продолженіе моей жизни; являлось мнѣ, что случилось сіе въ мѣстѣ, и что въ тотъ же день и случилось нарочно случилось приѣхать въ тотъ Матренинъ Васильевичъ моему Ивану Григорьевичу своему, бывшему тогда въ деревнѣ, они наѣзженіе мое не только не имѣли совѣтовали никакъ не въ сего случая и отъ мѣста сего вѣстать; а г. Полонской присоветовалъ къ тому, что онъ слышалъ и волости и довольно знаетъ, что жить за рѣкою Окою не далѣе отъ мѣста верстъ за тридцать, и сказывалъ намъ въ нее и черезъ какія и ѣхать.

Въ образомъ, собравшись на сколку и распрощавшись съ своими, на другой день послѣ того мы Шебапевымъ въ путь свой и отъ насъ и успѣли въ тотъ же еще день утромъ приѣхать въ село Кіасовку, бывшее мѣсто во всей этой волости. Такимъ нѣкоторымъ образомъ уже

и дождалась, пбо отъ помѣщицы сей волости, княгини Бѣлосельской, дано было уже волостнымъ начальникамъ знать, что будутъ присланные отъ князя Гагарина для осмотра и описанія волости и предписано, чтобъ насъ не только до того допустить, но оказывать и возможнѣйшее намъ учтивство и въ томъ вспоможеніе. Почему не успѣли мы, приѣхавъ на господской дворъ, о себѣ сказать, какъ приѣхавъ къ намъ управляющій всею волостью прикащикъ, и, введя насъ въ нижнемъ этажѣ дома въ одну приготовленную для пребыванія нашего небольшую комнату, спрашивалъ, что для насъ угодно и что мы приказать позволимъ. Мы потребовали только, чтобъ лошадей нашихъ снабдили кормомъ, а повара чѣмъ-нибудь для изготовленія намъ ужина, а къ утруму чтобъ приготовилъ онъ намъ для сличенія при описи крестьянъ ревизскія сказки, дабы мы тѣмъ удобнѣе могли означать новорожденныхъ и умершихъ. Все сіе было намъ обѣщано. А между тѣмъ, пользуясь остальнымъ временемъ дня, пошли мы осматривать званія, сады, пруды и прочія части усадьбы для полученія о томъ понятія. Домъ оказался намъ хотя огромнымъ, но во внутренности своей весьма дурно расположеннымъ и, какъ казалось, давно необитаемымъ и почти ничѣмъ немеблированнымъ. Находилось въ немъ небольшое только количество столовъ и стульевъ, а впрочемъ ничего. Сады хотя регулярные и наполненные множествомъ разныхъ плодовыхъ деревьевъ, по запущенные и въ небреженіи находящіеся. Дворовыя службы и прочія зданія на большую часть обветшалы, напротивъ того пруды прекрасные, по увѣренію прикащика, наполненные премножествомъ всякой рыбы. Все сіе замѣчалъ я въ ужѣ, дабы приобщить потомъ къ описанію крестьянъ свои замѣчанія.

Возвратясь въ свою квартиру, препроводилъ я весь вечеръ на спрашиваніе прикащика о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, какъ-то: о числѣ и величинѣ деревень, къ ней принадлежа-

щихъ, о положеніи оныхъ и разстояніи отъ Кіасовки; о всѣхъ угодьяхъ, принадлежащихъ къ волости, о состояніи крестьянъ, о работахъ, производимыхъ оными; о господскомъ хлѣбопашествѣ, о источникахъ доходовъ, о количествѣ оныхъ и о прочихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ, дабы мнѣ обо всемъ томъ получить общее и колико можно полнѣйшее понятіе. Но отвѣтами, на всѣ мои вопросы, господина прикащика былъ я не весьма доволенъ. Мнѣ съ нимъ не только было трудно говорить, по причинѣ частаго его заиканія, но на многіе вопросы не могъ онъ мнѣ дать никакого отвѣта, а на которые и отвѣчалъ, но отвѣты его были очень неполны и несовершенны, а потому и заключалъ я, что правитель онъ былъ весьма-весьма посредственной, и былъ прикащикъ болѣе именемъ нежели дѣломъ. Примѣтя сіе и видя, что онъ во всемъ жалаемомъ удовлетворить меня никакъ былъ не въ состояніи, положилъ и добиваться толку у самихъ крестьянъ при описываніи дворовъ ихъ, что дѣйствительно и сдѣлалъ.

Переночевавши въ своей квартирѣ, съ самаго утра послѣдующаго дня принялись мы съ господиномъ Шебашевымъ за свое дѣло, и переписавъ напередъ все видимое, относящееся до дома и господскаго въ немъ имуществва, также до прочихъ мѣстъ усадьбы и господскихъ пашень и каменныхъ хлѣбовъ, и, взявъ съ собою прикащика, пошли мы по всѣмъ крестьянскимъ дворамъ и пересматривая лично всѣхъ жителей отъ мала до велика, переписывали всѣхъ по именамъ съ означеніемъ ихъ лѣтъ и состоянія каждаго двора. Какъ дѣло сіе было не малое, то потребно было къ тому не мало и времени; а описавши сіе село, поѣхали мы въ другое, называемое Ситнею, и лежащее также на большой дорогѣ и ближе къ Коширѣ; а потомъ объѣздили такимъ же образомъ и нѣкоторыя другія маленькія деревеньки, къ селу Кіасовкѣ принадлежащія. А между тѣмъ какъ мы ихъ объѣзжали, заставлялъ я прикащика показывать себѣ всѣ ихъ лѣсные угодья,

покосы и господскія пашни, и сколько могъ налюбоваться первыми, стол жалостью смотрѣлъ на дурноту тамошнихъ пашенныхъ земель, и нужно было замѣчать въ своей запискѣ.

Отдѣлавши сими образомъ село Кіасовку съ ея деревнями, отправились мы кого-жъ описанія въ другую знаменитую чужими дачами совсѣмъ отъ отдѣленную часть волости, принадлежащую къ прекрасному и большому селу Малину. Тутъ нашли мы также новую церковь и старинныя небольшие менныя, опустѣвшія совсѣмъ и разшіяся палаты, и имѣли также и труда при описи всѣхъ крестьянъ, части волости принадлежащихъ. Являющій оную бурмистръ долженъ также познакомить меня со всѣми мелкими обстоятельствами, до сей волости относящимися.

Осмотрѣвъ, замѣтивъ и описавъ нужно было тутъ, поѣхали мы въ другую и также отъ сей отдѣленную, но принадлежащую часть волости, принадлежащую къ селу Спасскому.

Въ семъ селѣ нашли мы небольшую ревянноту и довольно еще крѣпкую, построенную тутъ для приѣзда внутри весьма дурно расположенную подлѣ его изрядную плодovitую множествомъ плодovitыхъ деревьевъ почти лѣсочкомъ вишень. Къ селу и сего села и принадлежащему большому деревни Володимирскому потребно было также труда много производства котораго замѣтилъ народъ въ сей части былъ какъ-то и во всемъ не таковъ хорошъ, какъ въ селѣ Малинѣ. А сверхъ того, при спрашиваніи, узналъ одно важное обстоятельство, что земли, къ сей части принадлежащія, не совсѣмъ еще бы межованы, но связаны нерѣшительными спорами съ сосѣдственными посторонами дачами; а что всего хуже, то, по сему, и споры сіи были важны и трудны.

Замѣтивъ и записавъ все нужное

свое дѣло съ сою частью, отпра-
вилъ наконецъ, мы въ четвертую послѣд-
нюю не только отдаленнѣйшую, но и
въ часть волости, состоящую изъ
нѣсколькихъ небольшихъ и другъ отъ дру-
гихъ дачами отдѣленныхъ деревень.
Установившись въ главномъ селѣ
экономѣ, приступили мы также
къ селу сперва онаго, а потомъ раз-
решень, къ нему принадлежащихъ.
Сіе доставило намъ трудовъ и хло-
потъ, и мы какъ ни снѣшлись,
занимались силами свои, перемѣ-
рили другъ друга въ писаніи, но прину-
дили прервать въ томъ нѣ-
сколькихъ дней съ ряду, и имѣть не только
труда, но и безпокойства, ибо вездѣ
мы были таскаться по чернымъ из-
намъ танакачь съ глухими мужика-
ми и терпѣли иногда кое въ
недостатокъ и нужду.

Вѣдь бы то ни было, но наконецъ
все мы кончили, и какъ сія послѣд-
няя лежала всѣхъ ближе къ Мо-
ску и отправились мы уже изъ ней
въ сей столичной городъ, и къ
Князю принялъ меня очень ласково
и крайне доволенъ мною послуша-
нныи трудовъ, употребленными къ опи-
санию волости, а особливо всѣми замѣча-
тельными сдѣланными мною въ разсужденіи
Сіе удовольствіе его увеличилъ еще
и Шибашевъ разсказываніемъ
всей моей дѣятельности и о вхо-
дѣ въ подробности, и признавался
мнѣ что онъ одинъ безъ меня не могъ
заключеніемъ того сдѣлать, и многія
не пришла бы ему и на умъ. Не
могу образъ, съ какимъ удовольствіемъ
я все сіе слушалъ. Оно написа-
но у него на лицѣ, и ласки, съ ка-
кимъ благодарилъ онъ меня за то все,
сказали мнѣ ясно, что былъ онъ мною
доволенъ. А все сіе и побудило его
потомъ спросить: «Чтожь, какова вамъ
пала волость и могу ли я надѣять-
ся съ вами короче знакомымъ?» —
«Вся изрядная», сказалъ я. — «О,
такъ, воскликнулъ князь съ удо-
вольствіемъ: такъ дѣло наше почти сдѣ-

лано; пожалуйка руку, и семь ударимъ
по рукамъ въ достовѣрность того, что вы
будете моимъ, а я вашимъ». Чувствительна
мнѣ была такая его поступка. Я бла-
годарилъ за его ко мнѣ благоволеніе и
рекомендовалъ себя въ продолженіе онаго
и его къ себѣ довѣренности и милостей.

Съ сего часа начали мы съ нимъ уже
совокупно помышлять и совѣщаться о
томъ, что намъ предпринимать тогда да-
лѣе, и не нужно ли употребить еще ка-
кихъ предосторожностей прежде оконча-
тельной покупки сей сторгованной уже
совсѣмъ волости. Я, изображая ему все
доброе и худое, замѣченное мною въ во-
лости и ея частяхъ, и показывая ему ма-
ленькой сдѣланной мною вчернѣ антрель-
ной абрисъ положенія всѣхъ селъ и де-
ревень, не преминулъ упомянуть и о со-
мнительствахъ, какія я возмѣлъ о не-
рѣшенныхъ еще спорахъ по землямъ села
Спаскаго, и о могущихъ произойти отъ
того намъ впередъ многихъ хлопотъ и без-
покойствъ. — «Мнѣ очень жалъ, продол-
жалъ я ему говорить, что за неизвѣномъ
симъ землямъ еще плава не можно мнѣ
было получить точнѣйшаго о спорахъ сихъ
понятія; но естлибъ благоудно было ва-
шему сѣятельству самимъ лично побывать
въ сей волости и осмотрѣть оную, что и
для всего прочаго было бы не худо, то
могли бы мы, можетъ быть, и о томъ до-
биться лучшаго толка, нежели какой могли
мнѣ дать тамошніе мужики и глупой ихъ
приващикъ. Вы могли бы пригласить къ
себѣ того самаго землемѣра, которой ме-
жевалъ сію землю, и которой, какъ мнѣ
сказывали, находится тамъ гдѣ-то очень
близко, и онъ вѣрно бы показалъ вашему
сѣятельству самой планъ и основательнѣе
растолковать намъ все дѣло, а межвѣ-
щикъ, сказываютъ, человекъ весьма ум-
ной и знающій». — «Ахъ! мой другъ! под-
хватилъ князь, ты у меня какъ на умѣ
были мнѣ и безъ того хотѣлось волость
сію самому видѣть прежде покупки, а
теперь ты меня еще больше къ тому по-
будилъ. Скажемъ-ка, мой другъ, ии туда
съ тобою вмѣстѣ, даль не велика и тѣ-
не много; а чѣмъ основательнѣе»

сдѣлаемъ, тѣмъ лучше». — «Очень хорошо, сказалъ я: если вашему сіятельству угодно, то я готовъ вѣхать».

«Между тѣмъ однако, подхватилъ князь, покуда я соберусь въ сію поѣздку, то весьма-бы я желалъ, чтобъ вы взяли на себя трудъ вмѣстѣ съ Шебашевымъ перебѣлать всѣ сіи реестры почище, а особливо всѣ сдѣланныя вами замѣчанія, и самой-то вашъ чертежъ положенія деревень сдѣлать для меня явственнѣе и получше». — «Очень хорошо», сказалъ я. — «Но скажите мнѣ, гдѣ же вы пристали?» — «У господина Шебашева», отвѣчалъ я. — «Очень хорошо, такъ это и встаетъ будетъ, вмѣстѣ съ нимъ и потрудитесь. А на лошадахъ на какихъ вы приѣхали?» — «На моихъ собственныхъ», сказалъ я. — «Сихъ вы можете отпустить домой, чѣмъ здѣсь ихъ до того времени кормить покуда мы возвратимся, ибо вы поѣдете со мною въ каретѣ; а когда кончимъ дѣло, тогда бездѣльца для отбѣда вашего наймемъ и ямскихъ». — «Очень хорошо», сказалъ я. И на семь тогда мы съ нимъ и разстались. Онъ не знаю куда-то поѣхалъ со двора, а мы съ г. Шебашевымъ пошли на его квартиру, отпуская домой лошадей, писать въ деревню письма и приниматься потомъ за свое дѣло.

Но, о! далось мнѣ сіе дѣльцо! Оно сопряжено было съ толкненьемъ трудомъ и съ такимъ безпокойствомъ, что я по мнѣ того никакъ забыть не могу. Истинно во всю жизнь мою никогда не терпѣлъ я такого безпокойства, какъ въ то время. Причиною тому было, что Шебашевъ жилъ тогда на Козьмь-болотѣ въ какомъ-то принадлежащемъ родственнику его маленькомъ, низенькомъ и очень тѣсномъ домикѣ, въ которомъ едва самъ онъ могъ съ женою своею помѣщаться, а для меня почти и мѣста не было. Но сіе ничего бы еще не значило: какъ-нибудь, а помѣщался и я; по бѣда ваша была та, что случись тогда равно какъ нарочно самая жаркая и тихая іюньская погода, отъ которой въ маленькомъ и низенькомъ домикѣ его, окруженномъ вокругъ иными высокими зданіями, была такая жара и

духота несносная, что я изобразить того не въ состояніи. Ни съ которой-таки стѣны не завѣвалъ не только въ комнату нашу, но и на весь тѣсной дворникѣ не только вѣтерокъ, но ниже зефиръ самой, и отъ солнца посреди дна дѣлалась оущая пѣкла и такая несносная духота, что мы, принявшись за свою работу, споре принуждены были не только растворить настежь всѣ двери и оконки, но скинуть съ себя все платье и сидѣть въ однихъ рубашкахъ, да и на тѣхъ растягивать вѣроты. Но сего было еще не довольно, а надобно было еще и миллионамъ мухъ жлать и кусать насъ ежеминутно и увеличивать тѣмъ наше безпокойство.

Теперь вообразите сами, каково было намъ, а особливо мнѣ, непривычному къ тому, а пользовавшемуся до того всегда наиспокойнѣйшею и прохладною деревенскою жизнію, сидѣть въ такой несносной духотѣ и трудиться надъ письмомъ, и письмомъ не любопытнымъ, а крайне скучнымъ и тягостнымъ. Переписывать надлежало намъ множество тетрадей и всѣ ихъ свѣрять и повѣрять съ черными нашими реестрами и съ ревизскими сказками. «Боже мой! твердилъ только я: куда дѣваться отъ этой иблы и отъ сей бедныи мухъ проклятыхъ!». Попишусь, попишусь, но вышедъ изъ терпѣнія, выбѣгу на дворъ; но тамъ того еще жарче, а мухъ такая же пропасть, такъ-таки за тобою и гоняются; что ты изволишь! и смѣхъ и горе! Наконецъ, некуда было отъ нихъ дѣваться какъ бѣжать въ конюшню, и тамъ-то находили мы себѣ сколько-нибудь отъ досадныхъ мухъ спасеніе. Тамъ какъ-то ихъ не было, и мы сколько-нибудь чувствовали отраду; но за то навозные ароматы докладывали обонянію нашему очень и очень. Словомъ, куда ни кинь, такъ клинъ, и мы не жили тогда, а прямо мучились и страдали.

Но всего того было еще недостаточно. Смиъ образомъ обезпокоиваемо было наше тѣло; но присовокупитесь къ тому надлежало еще такому-жъ, или еще агѣншему безпокойству душевному. Не успѣлъ я только отпустить домой лошадей

ь, какъ поражаетъ слухъ мой та-
жеобщая молва, разнесшаяся тогда
во всей Москвѣ въ народѣ, кото-
ра всакою душою моею и заста-
вила меня разъ тужить о томъ, что я
своими лошадями своими. Заговорили то-
гда и заговорили все и въявь о
великихъ и великихъ успѣхахъ зло-
дѣя Пугачова; а именно, что онъ со-
своими сподвижниками своимъ не толь-
ко собралъ всѣ послышанные для усмире-
нія военные отряды, но собравъ пре-
двечерю армію изъ бессмысленныхъ
солдатъ къ себѣ приверженцевъ,
лишь грабилъ и разорялъ все, и
ду въшалъ и злодѣйскими казнями
убивалъ всѣхъ дворянъ и господъ,
и, ограбилъ и разорилъ самую
и оттуда прямо будто бы уже
въ Москвѣ, и что самая сія под-
нята была отъ соумышленниковъ съ
мгновенной опасности.

еръ посудите сами, каково было мнѣ
какъ я все сіе вдругъ услышалъ,
такое время, когда мысли о Пуга-
че не выходили у всѣхъ у насъ изъ
головы, и мы все удостовѣрены были,
что подлость и чернь, а особливо
множество и, наши слуги когда не
были, такъ втайнѣ сердцами своими
злодѣю сему преданы, и въ серд-
цахъ своихъ вообще все бунтовали, и
мы были при малѣйшей возгорѣ-
нності испрѣ произвести огонь и поломя.
Вѣдь бывшего незадолго въ Москвѣ
такого мятежа былъ у насъ еще въ
нашей памяти, и мы не только подоб-
но тому-жъ опасались, но ожидали то-
же минутно. Глупость и крайнее без-
доброе нашего подлаго народа была
слишкомъ известна, и какъ при та-
кихъ обстоятельствахъ не могли мы на-
деяться и самихъ нашихъ слугъ никакъ
рассчитывать, а паче всѣхъ ихъ и не безъ
основанія почитали еще первыми и злѣй-
шими нашими врагами, а особливо слы-
шно поступали они въ низовыхъ и
о тогда несчастныхъ мѣстахъ съ
ими господами, и какъ всѣхъ ихъ ли-
шь душили, либо предавали въ руки

и на казнь злодѣю Пугачову, то того
и смотрѣли и ждали, что при самомъ
отдаленнѣйшемъ еще приближеніи его
къ Москвѣ вспыхнетъ въ ней пламя бун-
та и народнаго мятежа. И какъ не сом-
нѣвались, что въ такомъ случаѣ пер-
вое устремленіе черни будетъ на домъ
главнокомандующаго тогда Москвою кня-
зя Волконскаго, сей же домъ нахо-
дился близехонько подлѣ нашей кварти-
ры, и для безопасности вся площадь
предъ нимъ установлена была пушками,—
то не долженствовало-ли все сіе приво-
дить насъ въ неописанный страхъ и
ужасъ, и подавать мнѣ поводъ тужить
о томъ, что я послѣшилъ отсылкою ло-
шадей своихъ въ деревню и остался въ
Москвѣ съ однимъ только, и къ тому-жъ
не слишкомъ надежнымъ человѣкомъ, и
чрезъ то лишилъ себя средства и возмож-
ности при первомъ появленіи начала
мятежа, бросивъ все, ускакать въ де-
ревню. Словомъ, мы все почитали себя
въ такомъ случаѣ погибшими и не знали
что дѣлать и къ какимъ мыслямъ при-
лѣпиться. Я не радъ уже былъ ни во-
лости, ни чему, и нѣсколько разъ твер-
дилъ только, кабы знато было да вѣдомо
сіе, то и не подумалъ бы изъ двора ѣхать.

Въ сихъ неизобразимыхъ трудахъ и
тѣлесныхъ и душевныхъ безпокойствахъ
не знаю истинно, какъ могли мы про-
водить нѣсколько дней съ яду, въ которые
не только трудная, но и наискутнѣйшая
работа продолжалась: ибо письма было
такъ много, что со всѣмъ успѣшеніемъ
своимъ не могли мы янако какъ въ нѣ-
сколько дней все дѣло наше кончить. Но
какъ бы то ни было, но мы наконецъ его
кончили и князю все написанное пред-
ставили, которой былъ тѣмъ крайне до-
воленъ и меня очень за то благодарилъ.
А какъ по счастью и онъ къ тому вре-
мени собрался и готовъ уже былъ со-
всѣмъ къ отъѣзду, то сѣвши съ нимъ въ
карету и полетѣли мы изъ Москвы не-
оглядкою, и я не вспомнилъ самъ себя
отъ радости увидѣвъ себя въ полѣ и
отъ ней удаленнымъ.

Но какъ письмо мое достигло до обы-

кловенныхъ своихъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семь мѣстъ оставаться и въ окончаніе онаго сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочая.

(Декабря 28-го дня 1808 года).

Письмо 172-е.

Любезный пріятель! Какъ я долженъ былъ быть князю проводникомъ и мнѣ хотѣлось показать ему сперва худшія мѣста волости, а тамъ мало по малу довести и до лучшихъ, то и повелъ я его не большою Коширскою, а тою дорогою, по которой возвратились мы съ Шебашинымъ въ Москву, дабы провезть его сперва въ село Покровское съ деревнями, какъ отдаленнѣйшую и ближайшую къ Москвѣ часть волости Кіасовской. И какъ намъ для сего надлежало ѣхать сперва нѣсколько десятковъ верстъ по большой Коломенской дорогѣ, то наѣхавъ верстъ за двадцать отъ Москвы, при брегахъ Москвы-рѣки и на прекрасномъ положеніи мѣста построенной вчернѣ и неотдѣланной еще совсѣмъ преогромной каменной домъ, стоящей въ запустѣннѣи, любопытствовалъ я узнать, какое бы сіе зданіе было и для чего по употребленіи на построение онаго толь многихъ коштовъ и трудовъ, было наконецъ брошено и находилось въ прежалкомъ положеніи? Мнѣ сказали, что мѣсто сіе называется Люберицами, что принадлежитъ казнѣ, что зданіе сіе воздвигнуто по повелѣнію нашихъ монарховъ, восхотѣвшихъ основать себѣ тутъ загородной увеселительной домъ и отдѣлать садъ, которой дѣйствительно тутъ находился; но для неизвѣстныхъ причинъ остался такъ вчернѣ и неотдѣланнымъ, и что уже многіе годы стоитъ въ запустѣннѣи. Я дивился сіе услышавъ и жалѣлъ о употребленныхъ тщетно толь многихъ трудовъ и убытковъ. Но сколь мало зналъ я тогда, что нѣкогда доставится и самому мнѣ трудиться и хлопотать надъ построеніемъ дома несравненно еще величайшаго, но подвергшемуся послѣ таковому-жъ несчастному жребію

По привезеніи князя въ село Покровское и по пересказави ему всего относящагося до сей части волости, прѣхали мы въ село Малино. Сію полюбилось князю уже болѣе. Тутъ встрѣтилъ князя начальникъ сего села съ старшинами, и князь не могъ селу сему довольно налюбоваться. Было оно почти наилучшее и многочислнѣйшее селеніе во всей волости и народъ въ немъ былъ трудолюбивой и занимающійся не только земледѣліемъ, но и самою мелочвою торговлею и разными промыслами, и потому многіе изъ крестьянъ жили въ иррадныхъ домахъ и были довольно достаточны. Все сіе князю полюбилось и было очень пріятно, а особливо примѣченное добродушіе жителей онаго. Всѣ они чрезвычайно радовались, узнавъ что продаются они самой государинѣ и потому принимали будущаго своего главнаго командира съ оказаніемъ возможнѣйшихъ ему учтивствъ и почестей.

Осмотрѣвъ сіе знаменитое село, поѣхали мы въ село Спасское и расположились въ находящемся тамъ поманутомъ деревянномъ домицѣ, для отдохновенія и провозденія однихъ или двухъ сутокъ въ ономъ, ибо тутъ надлежало намъ обстоятельнѣе освѣдомляться о мезевныхъ спорахъ. Князь приказалъ тотчасъ призвать къ себѣ наилучшихъ и старѣйшихъ изъ крестьянъ для разспрашиванія оныхъ, а между тѣмъ, будучи до садовъ превеликимъ охотникомъ, пошелъ тотчасъ со мною въ тамошній садъ. Осматривая оной, удивился и князь великому множеству вишенныхъ деревъ, а того болѣе страшною на нихъ завязи вишень. «О! о! братецъ! сказалъ онъ мнѣ: будетъ тебѣ, мой другъ, что покушать; посмотри-ка, какая бездна завязалась ягодъ! Пришли, братъ, и ко мнѣ тогда нѣсколько ихъ, для испытанія и узнаванія породы ихъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, а самъ себѣ на утѣ: «Это, право, не худо будетъ, люблю и я вишни ѣсть».

Между тѣмъ собрались старѣйшіе и лучшіе люди изъ крестьянъ, и положили скоро предѣлъ удовольствію нашему, рас-

въ у князя всѣ уши своими жало-
на миними обиды и притѣсненія,
и на нѣхъ сосѣдами при межеванъѣ,
и на нѣхъ своими дриганами. Всѣ сіе по-
юводу и князю тотчасъ замѣтитъ,
и прокъ тутъ былъ совсѣмъ отрицной,
и въ Малинѣ, и не только бойкой,
и въ, но, какъ казалось ему, и плу-
тъ. Они рассказали ему столько о
спорахъ и межеванъѣ, и опасно-
какия они отъ того подвержены,
и въ даже задумался и считалъ уже
необходимостью, чтобъ повидаться
съ самимъ межевщикомъ. Мы не
ули тотчасъ разспросить, гдѣ тогда
и ходилъ, и узнавъ что былъ онъ
и, тотчасъ написали письмо и от-
п. г. Шебашева для приглаше-
уговориванія межевщика приѣхать
и въ Кіасовку и привезть съ со-
иные планы, для подробнѣйшаго
иъясненія.

иженія сего отправились мы обрат-
Малино и оттуда проѣхали уже
у Кіасовку. Тутъ расположились
въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ въ
иъ этажѣ дома, гдѣ квартировали
того съ г. Шебашевымъ. И какъ
несомнѣвался уже ни мало, что во-
сія продается, и почтгалъ еѣ по-
не купленною, то пользуясь сво-
иъ временемъ до приѣзда межев-
и, и пошли мы тотчасъ съ нимъ осма-
и все и все, и говорить и совѣ-
и между собою о томъ, гдѣ-бы что
и сдѣлать и какія-бы съ чѣмъ про-
и перемѣти.

и прежде всего принялись за осмо-
самаго дома. и исходили всѣ ко-
и не оставляя ни одного уголка и
и ка безъ осмотра. Князю онъ, не-
и на всю свою огромность, не по-
и, а особливо не нравилось ему
и глупое и дурное расположеніе по-
и какъ въ нижнемъ каменномъ, такъ
и верхнемъ деревянномъ этажѣ, ка-
и ся сколько-нибудь лучшимъ и ве-
и нитъ. Онъ не могъ довольно надѣ-
и старку господину Наумову, от-
и гни Бѣлосельской, которому

и сія волость прежде принадлежала, и село
и сіе было настоящимъ его жилищемъ, какъ
и онъ могъ сгородить такой вздорной и
и глупой для себя домъ, и какъ могъ жить
и располагаться въ ономъ. Пуще всего
и дивились мы тому, что во всемъ верх-
и немъ и лучшемъ этажѣ не было ни од-
и ной печи, а вездѣ усматривали мы одни
и только камни, а печи находились только
и въ нижнихъ комнатахъ.

и Какъ князь предусматривалъ, что сему
и дому нельзя будетъ остаться существую-
и щимъ, и не сомнѣвался, что государынѣ
и угодно будетъ повелѣть воздвигнуть и
и тутъ хотя небольшой, но порядочной домъ,
и то расхаживая по просторному верхнему
и этажу, и любясь довольно изрядными
и видами, простирающимися изъ оконъ на
и пруды, рощи, поля и большую дорогу,
и сказалъ мнѣ: «Хоть сему дому впередъ
и вѣрно не существовать на семь свѣтъ,
и но куда что будетъ, а на первой слу-
и чай хорошо, что и онъ есть. Вотъ здѣсь,
и Андрей Тимоеевичъ, въ этомъ верхнемъ
и этажѣ можете вы расположиться и жить
и въ лѣтнее время, покоевъ довольно, и
и вамъ умѣститься въ немъ можно, каково
и велико ни было-бъ наше семейство». — «Ко-
и нечно! сказалъ я, и простора довольно». —
и «И вамъ тутъ, продолжалъ князь, жить бу-
и деть весело. Видите, какіе прекрасные
и во всѣ стороны виды! а на зиму можете
и вы перемѣщаться въ нижнія комнаты,
и которыхъ хотя не такъ много, но за
и то будутъ онѣ теплѣе. Лѣсовъ много и
и дровъ не занимать стать, топите себѣ
и какъ хотите. И такъ, куда что будетъ,
и и куда построимъ для жительства ва-
и шего особой домикъ, можете вы съ сей
и стороны быть покойнымъ». — «Очень хо-
и рошо!» сказалъ я, и благодарилъ его за
и попеченіе о моемъ спокойствіи.

и Послѣ того осмотрѣвши службы и про-
и чія на дворѣ зданія, находившіяся еще
и въ худшемъ состояніи, пошли мы осма-
и тривать каменную церковь на площади
и предъ домомъ, и между нѣмъ и самимъ се-
и ломъ стоящую. Сію нашли мы въ состоя-
и ннѣ довольно хорошемъ и не требующемъ

никакой поправки, чѣмъ князь былъ и доволенъ.

Оттуда пошли мы въ старинной регулярной садъ подлѣ дома, позади его находившійся, и нашли его въ совершенномъ запущеніи. Онъ подаль намъ, какъ обоимъ любителямъ садовъ, безчисленные поводы къ разговорамъ. И какъ сей случай былъ нанудобѣйшимъ къ изъясненію князю всѣхъ моихъ пріобрѣтенныхъ во время деревенской жизни моей садовыхъ практическихъ знаній и особенной моей къ садамъ охотѣ, то сіе было князю въ особеннѣйшій пріятно, и довело его до того, что онъ мнѣ сказалъ: «О! когда ты, мой другъ, до садовъ такой охотникъ, и такъ много все касающееся до нихъ знаешь, то я съ сей стороны останусь обезпеченнымъ, предавъ всѣ здѣшніе сады въ полное ваше распоряженіе и волю. Дѣлайте съ ними что хотите: поправляйте и располагайте все какъ вамъ заблагоразсудится и пользуйтесь не только сколько хотите плодами, но и самыми плодовитыми деревьями. Я вижу, здѣсь великое множество надѣлано отводковъ, также тѣмъ всякаго рода плодовитыхъ кустарниковъ и деревьевъ; такъ ежели для самихъ васъ въ сады ваши понадобятся какія изъ нихъ, то можете брать сколько хотите отсюда. Пожалуйста, пожалуй берите! Это я вамъ предварительно дозволяю». — «А за то, сказалъ я, поблагодаривъ его и за сіе дозволеніе, доставлю я изъ своихъ садовъ сюда то, чего здѣсь нѣтъ». — «Хорошо, хорошо! сказалъ онъ: итакъ будетъ у насъ и сіе дѣло ладно».

Обоидя садъ, пошли мы осматривать пруды. Сіи князю, какъ охотнику и до нихъ, въ особеннѣйшій полюбились, и какъ донесено ему было, что въ нихъ великое множество всякихъ рыбъ и породъ лучшихъ, а особливо судаковъ и лещей, то удовольствіе князя сдѣлалось еще того больше, и онъ сожалѣлъ что не было невода, и не можно было нигдѣ и достать, для удостовѣренія себя въ томъ самую ловлю. «Но хорошо, сказалъ мнѣ князь, сбрую-то рыболовную всякою да и хорошимъ неводомъ мы позапасемъся;

надобно вѣдь когда-нибудь и намъ воспользоваться здѣшними рыбами. Ви, деревенскіе жители, думалъ, въ посты не ѣдите мяса, а особливо ваши боприни?» — «Точно такъ», отвѣчалъ я. — «Ну, такъ сіе и стати будетъ, и я вамъ съ охотою дозволю ловить для продовольствія вашего здѣсь рыбу, всю ее вы вѣрно не выловите». — «Покорно благодарю, сказалъ я, а всю ее захочу-ли и самъ вылавливать; я вмѣсто того прилагать буду и самъ еще стараніе о размноженіи оной. Я, осматривая въ прежнюю мою здѣсь бытность, позамѣтилъ уже нѣкоторые мѣста, гдѣ бы можно было сдѣлать новыя прекрасныя пруды, и если вашему сіятельству будетъ угодно и вы то позволите, то мы о томъ и постараемся». — «Прекрасно, прекрасно! воскликнулъ князь, а на это мы позволеніе отъ меня скорѣе прочаго получить можете. Я самъ люблю пруды и рыбы: надѣлаемъ прудовъ новыхъ, заведемъ въ нихъ карповъ и будемъ довольствоваться оными».

За симъ пошли мы осматривать скотской дворъ и господскую скотину. Все сіе нашли мы и въ разстройкѣ и въ унужденіи и въ худомъ состояніи. — «Вотъ и сію часть экономіи, сказалъ князь, надобно будетъ намъ поправить, и какъ дворъ скотской построятъ новой, такъ и скотину завезть получше. Коровъ-то доставлю я къ вамъ аглицкихъ и голландскихъ, чтобъ было вамъ можно при приѣздахъ моихъ къ вамъ подчивать меня добрымъ сливочнымъ отъ нихъ масломъ. А между тѣмъ можете вы нынѣшнюю скотину для содержанія себя пользоваться сколько хотите». Я и за сіе отвѣсилъ поклонъ князю.

Тамъ пошли мы на гумно, въ которомъ находилось нѣсколько господскаго хлѣба. Тутъ начался у насъ съ княземъ предварительный разговоръ о земледѣліи и хлѣбопашествѣ. И какъ князю не хотѣлось, чтобъ село сіе было по прежнему на здѣльѣ или на пашнѣ, а намѣренъ онъ былъ и его посадить по примѣру прочихъ на оброчъ, чтобъ и доходъ былъ вѣрнѣе и хлопотъ намъ было меньше, то предуведомивъ

гошь, сказать мнѣ князь: «Но особенъ будетъ намъ здѣсь и хлѣбъ, для содержанія нашего и будущей здѣсь команды, а можетъ введеннаго гошпитала, то подумай Андрей Тимофеевичъ, какъ бы обратиться, чтобъ была здѣсь не только казенная пашня, и какъ распорядить ее такъ, чтобъ не обратиться волости въ дальнѣйшее и могла производима удобностью, и предложите мнѣ еще мнѣніе. Но это не теперь, а и на досугъ». — «Очень хорошо, и это я не премину сдѣлать, благу меня одна новая выдумка гошпитала посмотримъ тогда, не можно будетъ употребить ее въ семь

ь хорошо, мой другъ, отвѣчалъ, теперь пойдемъ походимъ по ней посмотримъ и подумаемъ, гдѣ и современемъ назначить мѣсто, если угодно будетъ государю, здѣсь построить домъ; гдѣ имѣть намъ домъ для житья управителя, гдѣ бы построить гошпиталъ, кумахъ, и здѣсь его завести, и прочее».

«Исполните ваше сіятельство», сказалъ я, съ нимъ всюду и всюду. Мы же съ нимъ болѣе часа, и во многіхъ останавливаясь думали, гадывали и назначали предварительныя мнѣнія, гдѣ чему быть послѣ, всѣми предлагаемыми мною мыслями очень доволенъ и со всѣми согласенъ. Но наконецъ сказалъ: «Все это ладно и все хорошо, но бы и того еще лучше, еслибы отъ быто имѣть аккуратнѣйшій планъ и планъ всему здѣшнему положенію мѣста въ его усадьбѣ, чтобъ на немъ всего того, гдѣ бы быть предполагаемъ, дабы мнѣ было предлагать оной государю». — «О, ваше сіятельство, а за этимъ дѣло не станеть; и нтъ у меня хотя самодѣльной, но кой и достаточной къ тому есть, илюминаціи къ «русской старинѣ» 1872 г.

и на планъ снимать и планы дѣлать мнѣ не учитья стать. Съ этимъ рукоделиемъ я давно уже знакомъ и имѣлъ случаи не одинъ разъ имъ заниматься. Такъ нужно намъ только здѣсь остепениться, такъ дѣло не замедлитса, и ваше сіятельство таковой планъ у себя увидѣтъ изволите.»

Симъ всего болѣе угодилъ я князю. Удовольствіе написано было у него на глазахъ, и онъ не находилъ довольно словъ къ изъявленію онаго, и обращеніе его со мною становилось отъ часу ласковѣе, отъ часу повѣрнѣе и дружжелюбнѣе.

Потомъ дошла у насъ рѣчь до дѣсовъ, и какъ бы намъ ими при будущихъ строеніяхъ воспользоваться и рубить лучше. Я и тутъ доставилъ ему удовольствіе, сказавъ: «Въ этомъ положитесь, ваше сіятельство, уже на меня. Мнѣ случилось также имѣть дѣло и съ дѣсами, и я постараюсь, чтобъ и въ семъ случаѣ волки были сыты, а овцы цѣлы, и чтобы дѣса при всей хотя-бы многочисленной вырубкѣ изъ нихъ деревьевъ, не претерпѣли бы дальнаго вреда, а получили бы еще видъ лучшей».

Въ сихъ занатіяхъ провели мы не только весь остатокъ того дня, но и часть послѣдующаго. Наконецъ привезли къ намъ межевщика, и пошло у насъ другое дѣло. Межевщику случилось быть тогда тутъ славному Вакселю, бывшему впоследствии времени самымъ главнымъ членомъ въ межевой канцеляріи, особѣ умной, бойкой, проникательной, хитрой и дѣла насквозь разумѣющей. Онъ не успѣлъ услышать о приѣздѣ князя и намѣреніи его покупать волость для гошпитала, уважилъ тотчасъ его призывъ и не только приѣхалъ, но привезъ съ собою и всѣ планы спорные, и по онымъ началъ изъяснять все дѣло на хитрѣйшимъ и лукавѣйшимъ образомъ. Князь хотя разумѣлъ отчасти межевныя дѣла, но все существо оныхъ было ему далеко не такъ знакомо, какъ мнѣ; почему я, слушая его изъясненія и увидѣвъ, что производились они не совсѣмъ чи-

стосердечіемъ и боясь, чтобъ онъ князю не накидалъ въ глаза одной пыли и не провелъ его въ глазахъ, виѣшался въ ихъ разговоръ и началъ самому господину Вакселю вставлять такія въ глаза очен и предлагать вопросы за вопросами, что князь удивился даже моему по межескимъ дѣламъ знанію и вникновенію, а господинъ Ваксель, видя что коса наша на камень, тотчасъ заговорилъ другимъ голосомъ.

Любо и пріятно было старику, что я помогъ ему въ семъ случаѣ и для того оставилъ меня одного говорить съ нимъ; а я, вникнувши во все существо споровъ, находилъ что были они дѣйствительно весьма сумнительны и гораздо важнѣе, нежели каковыми хотѣлъ-было намъ изобразить ихъ господинъ Ваксель. Словомъ, я предусматривалъ, что ежели намъ безъ разрѣшенія оныхъ или по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ пунктовъ купить волость, то наведутъ они послѣ самому мнѣ хлопотъ и досадъ безчисленное множество; а усматривая далѣе, что скорѣйшее разрѣшеніе оныхъ зависѣло во многомъ отъ благосклонности и самого землемѣра и судей межескихъ и отъ того, когда-бъ восхотѣли они нѣкоторыя обстоятельства просмотрѣть сквозь пальцы, рѣшился поговорить о томъ съ господиномъ Вакселемъ безъ свидѣтелей, одинъ наединѣ и дружелюбно, и отозвавши на минуту его въ другой покой, не успѣвъ повѣреннымъ образомъ сдѣлать ему о томъ нѣкоторой намекъ, какъ онъ тотчасъ и проникъ мою мысль и мнѣ сказалъ: «Ну, что говорить; всѣ мы люди и люди людьми и не то дѣлаютъ и сдѣлать могутъ». Сихъ словъ съ меня довольно было, и я тотчасъ смекнувъ всѣмъ дѣломъ и возвратясь къ задумавшемуся уже князю, началъ прямо говорить, что намъ безъ окончанія сихъ важныхъ и сумнительныхъ споровъ или по крайней мѣрѣ безъ разрѣшенія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктовъ, купить волости никакъ не можно; а не изволитъ ли его сіятельство поговорить о томъ напередъ съ продавицею и убѣдить ее, чтобъ она посѣдила всевозможныя

окончаніемъ сего дѣла, которое могло-бъ воспріять совсѣмъ другой оборотъ, естли-бъ попроворила она тѣмъ какъ надобно и употребила къ тому все, что употребить можно.

Обрадовался мой князь, сіе отъ меня услышавъ; а какъ то же подтвердилъ и межесчикъ, то догадавшись тотчасъ, въ чему вся сія загадка клонилась, сказалъ мнѣ: «Такъ посѣдшимъ же мы обратно въ Москву и хорошо, что я все это узналъ. Я прямо скажу ея сіятельству, что я прежде волости не куплю, покуда она не изволитъ кончить сего дѣла, и пускай же она хлопочетъ о томъ и дѣлаетъ что хочетъ, а не мы». А сего мнѣ собственно и хотѣлось, и примѣтно было, что и межесчику было то не противно, и что онъ охотнѣе хотѣлъ имѣть дѣло съ книгинею Бѣлосельскою, нежели съ нашимъ княземъ.

Симъ дѣло сіе тогда и кончилось, и мы, погостивъ межесчика отпустили, и князь, поблагодаривъ меня за предостереженіе, началъ тотчасъ помышлять о обратной ѣздѣ въ Москву. Итакъ, походивъ еще кое-куда, осмотрѣвъ и поговоривъ еще кое-о-чемъ, на другой день съ утра сѣвъ въ карету и пустились въ Москву уже прямою коширскою дорогою, и какъ сею не далѣе она отстояла отъ насъ 60-ти верстъ, то и успѣли мы въ тотъ же день и довольно еще рано туда прѣхать.

Теперь подумаете вы можетъ быть, что я возвращался тогда въ сію столицу опять съ такимъ же страхомъ и опасеніемъ, въ какомъ находился при выѣзжаніи изъ оной. Но скажу вамъ тому противное, и что мы возвращались уже въ нее гораздо съ спокойнѣйшимъ духомъ. Причиною тому было, что межесчикъ, прѣхавшій тогда только изъ межеской конторы изъ Серпухова, привезъ къ намъ съ собою новыя и достовѣрныя вѣсти и слухи, изъ которыхъ были одни пріятнѣе и утѣшительнѣе другихъ и успокоивали смущенный духъ нашъ очень много. Первое было то, что получено достовѣрное извѣстіе, что Пугачовъ со всею своею многочисленною арміею или паче своимъ

значительнаго множества ослабленнаго и обремененнаго имъ чернаго глупаго народа, направленіе шествія своего къ Москвѣ для какихъ-то приключеній, и повернувъ вспять, пошелъ къ Саратову, что натурально должно было обезопасить Москву отъ его варварства и злодѣйства, и служило послѣ къ спасенію Россіи отъ неисчисленныхъ бѣдствій и нападеній. Второе того еще пріятнѣйшее и вѣроятнѣе известіе было то, что одному командиру нашей арміи Руминцову удалось за Дунаемъ встрѣтить турецкую армію въ такія обстоятельства, что турки изъ опасенія не погибнуть всѣмъ, принесли тутъ же на мѣстѣ заключить миръ, какой мы хотѣли, и известіемъ симъ проскакалъ курьеромъ известіе чинovníкъ. Сіе известіе совсѣмъ известіе было намъ радостнѣе и пріятнѣе, что какъ только освободилась наша армія и могла возвратиться въ свое отечество, не была бы въ случаѣ нужды вся армія Пугачова со всею его свитою толпою; то начинали мы думать, что зло, производимое имъ, прекратится и всѣмъ злодѣйствамъ не продолжительномъ времени покончатся.

Въ это время занимались мы во всю дорогу и разговорами уже болѣе о семь, но не забывали и своихъ дѣлъ, и думали еще и болѣе поджечь и убѣдять къ тому, чтобы онъ послѣдствовалъ съ княгиней Вѣлосельскою и приступилъ къ ней непутнымъ, чтобы она дѣла сіе скорѣе окончила. Князь и общалъ совѣту моему овать и на другой же день по волю нашему то исполнить.

Для нѣкотораго объясненія послѣдующихъ за симъ происшествій великое вліяніе и на обстоятельныя мои обстоятельство, на мнѣ, остановясь на минуту, развѣ вамъ, кто такова была сія кня-

гиня Вѣлосельская и что побуждало ее продавать сію волость.

Она была дочь помянутаго прежняго Кіасовскаго владѣльца, господина Наумова, и звали ее Анною Фёдоровною. Въ молодости своей выдана она была за князя Вѣлосельскаго, но бракъ сей былъ какъ-то неудаченъ. Покуда живъ былъ ее отецъ, жила еще съ своимъ мужемъ, съ которымъ однако и тогда была она въ несогласіи; а какъ умеръ отецъ, то съ нимъ и разошлась совершенно и оба они жили разо. Мужъ ея находился тогда въ чужихъ краяхъ и въ Вѣнѣ при какой-то должности, а она жила на своей волѣ въ Москвѣ и владѣла всѣмъ великимъ, доставшимся ей послѣ отца имѣніемъ. Какъ была она еще не старуха и ума не совсѣмъ остраго, а нѣсколько простовата, хотя съ другой стороны очень добродушна, то смекнула точасъ въ ней подлипали, восхотѣвшіе слабостями ея и достаткомъ воспользоваться. Были тогда въ Москвѣ три брата Салтыковыхъ: Александръ, Петръ и Борисъ Михайловичи. Старшій изъ нихъ Александръ былъ уже не весьма молодъ, но отменно добраго сердца и хорошаго расположенія ума и во всемъ человѣкъ изящнаго характера. Средній изъ нихъ былъ ни то, ни сѣ. Чтожь касается до меньшаго брата, Бориса, то составлялъ онъ особу бойкую и хитрую и имѣлъ умъ острый и пронырливый. Всѣ они, имѣя у себя еще отца и сестру, были люди не весьма богатые и состояніе имѣли весьма разстроенное. И симъ-то тремъ господамъ Салтыковымъ и сестрѣ ихъ удалось какимъ-то образомъ спознакомиться и сдружиться очень тѣсно съ помянутою княгиней Вѣлосельскою. Они умѣли такъ хорошо прикротиться ко всѣмъ ея слабостямъ и склонностямъ, или просто сказать такъ ее обалахтать, что она вѣрилась имъ какъ наилучшимъ и вѣрнѣйшимъ друзьямъ, и предавалась во всемъ въ ихъ волю, такъ что они изъ нея что хотѣли то и дѣлали. Они не только бывали у ней безъ выѣзду, но формально жили съ нею въ одномъ домѣ и управ-

дали всѣми ея деревнями и достаткомъ по своему произволенію. Носился тогда слухъ, что будто-бы они вѣдали ее въ какую-то особую и имъ только однимъ известную секту, и что по самому тому и взяли ее совершенно подъ свою власть; но какъ мнѣ въ точности сего узнать не случилось, то и не могу ничего сказать о томъ съ достовѣрностію; а то только скажу, что самые сін господа Салтыковы присовѣтовали и преклонили ее, для известныхъ имъ однимъ причинъ, къ продажѣ помянутыхъ ея коломенскихъ деревень, составляющихъ Кіасовскую волость, и что самые они старались втереть ее въ руки князю Гагарину, за наличную и огромную сумму и провозводили съ соглація ея съ нимъ объ ней торговлю.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего повѣствованія, скажу, что какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при всемъ вышеупомянутомъ и орудіемъ, вращающимъ всю сію машину, былъ меньшей, умнѣйшій и расторопнѣйшій изъ братьевъ Салтыковыхъ, а именно Борисъ Михайловичъ, то не успѣлъ князь со мною возвратиться въ Москву, то послалъ тотчасъ пригласить къ себѣ сего господина Салтыкова. Онъ и прилетѣлъ въ тотъ же почти часъ къ намъ, и князь при мнѣ и сталъ ему говорить, что онъ самъ для осмотра продаваемой ими волости ѣздилъ, что онъ всѣмъ доволенъ, а одно только нашелъ дурное, но такое, что его отъ покупки удерживаетъ. «Что такое?» воскликнулъ удивленный сею неожиданностію господинъ Салтыковъ: «помяните, скажите, ваше сіятельство?» — «А, вотъ что, отвѣчалъ князь: споръ межевой по землямъ села Спасскаго, и этотъ споръ непрамѣнно надобно княгинѣ вашей кончить, буде она хочетъ, чтобъ я купилъ у ней ея волость, а безъ того, воля ваша, я никакъ ее не куплю».

Немногія сін слова такъ поразили господина Салтыкова, что онъ почти оцѣпелъ отъ смущенія и съ минутою не могъ выговорить ни единого слова. Наконецъ, собравшись нѣсколько съ духомъ,

сказалъ: — «Умилосердитесь, ваше сіятельство! скажите, какой это тамъ споръ, ни впервые о томъ слышнѣ и я ничего о томъ не знаю, и неужели онъ такой важности, что безъ разрѣшенія его и купить волости нельзя?»

— «Объ этомъ можетъ вамъ лучше меня и обстоятельнѣе рассказать и все объяснить вотъ господинъ Болотовъ, какъ человекъ, дѣла межевыя совершеннѣйшій и назначаемый отъ меня туда управителемъ». И обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Пожалуйте, Андрей Тимофеевичъ, расскажите Борису Михайловичу все, вы лучше это можете, нежели я».

«Очень хорошо», сказалъ я, и хотѣлъ было начинать ему объяснять все дѣло. Но господинъ Салтыковъ, перебивъ мои слова, обращается вдругъ къ князю и говоритъ: — «Богда такъ, ваше сіятельство, то нельзя-ли, чтобъ Андрей Тимофеевичъ пожаловалъ къ намъ. Тамъ бы всѣмъ намъ и самой княгинѣ объяснилъ бы онъ сіе дѣло и обстоятельнѣе все рассказалъ». — «Пожалуй, для меня все равно, сказалъ князь: однако это зависитъ отъ его воли, я его принуждать къ тому не хочу». — «Не пожалуйте-ли, батюшка Андрей Тимофеевичъ, сказалъ тотчасъ Салтыковъ, обратясь ко мнѣ: и княгиня и всѣ мы были бы вамъ за то очень благодарны». — «Ежели его сіятельству, сказалъ я, будетъ сіе угодно, то готовъ и я». — «Пожалуй, пожалуй, подхватилъ князь, а обратясь къ Салтыкову присовокупилъ: только пожалуйста уговорите княгиню, чтобъ она поспѣшила какъ можно сімъ дѣломъ, безъ окончанія котораго мнѣ волость купить никакъ нельзя, а господинъ Болотовъ, можетъ быть, вамъ и наставленіе дать, какимъ образомъ пріняться и чѣмъ къ скорѣйшему концу можно вамъ и привезть это дѣло».

Итакъ, господинъ Салтыковъ, подхвативъ меня въ свою карету и полетѣлъ со мною ко двору княгининову, и какъ ему крайне хотѣлось преклонить меня на свою сторону, то дорогомъ вздумалъ-было онъ пощупать у меня пульсъ и подѣлать, но мнѣ съ тонкими обиняками своими на

полоскахъ. Но я тотчасъ далъ ему почувствовать, что я отнюдь не олухъ и не такой человѣкъ, которой далъ бы себя обольстить чѣмъ-нибудь и согласиться на какія бы то ни было дѣла, несообразныя ни съ честью, ни съ правдою, а что имѣеть онъ дѣло съ честнымъ и ненавидящимъ всякое зло человѣкомъ.

Въ сихъ критическихъ разговорахъ приѣхали мы въ домъ княгининъ. Меня провела онъ напередъ въ тѣ комнаты, въ которыхъ они жили, и гдѣ засталъ я обоевъ прочихъ братьевъ. Тутъ попрося меня на нѣсколько минутъ остаться съ ними, побѣждалъ онъ къ княгинѣ, чтобы предупредить ее и приготовить къ свиданію и разговору со мною; и чрезъ нѣсколько минутъ дѣйствительно возвратившись звалъ меня и братьевъ своихъ въ комнаты княгини, на другомъ краю сего огромнаго дома находящіяся.

Тутъ имѣлъ я случай впервые увидѣть сію княгиню и всѣхъ ея вѣрныхъ друзей, и въ томъ числѣ и самую сестру ихъ, съ нею живущую. Княгиня показала мнѣ весьма еще не старыхъ лѣтъ и крѣпкаго вида. Она приняла меня съ возможнѣйшею ласкою и просила объяснить и рассказать, какой такой проклятой споръ дѣлаетъ помѣшательство во всемъ дѣлѣ? Тутъ приступилъ я тотчасъ къ объясненію всего дѣла и испросивъ себѣ листъ бумаги, чернилъ и перо, тотчасъ сдѣлалъ имъ антрельной абрисъ, изображавшій всѣ дачи села Спасскаго и смежныя съ ними чужія, и означивъ всѣ спорныя мѣста сталъ рассказывать и объяснять имъ все что нужно. Но для всѣхъ ихъ все говоренное мною была сущая тарбарская грамота. Такъ случилось, что всѣ они въ межевыхъ и спорныхъ дѣлахъ были совсѣмъ незнающи, и я удивился, что и самой острецѣ ихъ, Борисѣ Михайловичѣ не зная ни аза въ глаза изъ всего относящагося до межеванья. По усмотрѣнію сего не трудно было мнѣ породить имъ какія хотѣлъ глѣнки и всему дѣлу придать такой видъ, какой мнѣ хотѣлось; и я насаждалъ имъ столь много о важности и опасности се-

го спорнаго дѣла, о множествѣ затрудненій, сопряженныхъ съ разрѣшеніемъ онаго, о необходимой надобности въ стараніи поспѣшить симъ дѣломъ и о употребленіи къ тому всѣхъ возможностей, что они всѣ перетрусилась и пришли отъ того въ неизяснимое смущеніе и недоумѣніе что дѣлать.

Нѣсколько минутъ продолжалось у всѣхъ у насъ потомъ безмолвіе, такъ оглулены они были всѣ мои словами. Наконецъ подали горячее и разные фрукты и варенья, и княгиня съ сестрою ихъ, посадивъ меня подлѣ себя, начала ими подчивать и разговаривать со мною о постороннемъ, а сіе подало господамъ Салтыковымъ удобной случай вытѣти всѣмъ въ другой покой и тамъ совѣщаться о томъ, какъ быть и что имъ дѣлать. Потомъ вызвали они туда-же для совѣта и самую княгиню и оставили меня съ одною сестрою ихъ разговаривать о пустякахъ. Сіе отсутствіе ихъ продолжалось съ добрую четверть часа. Послѣ сего вышедши опять всѣ къ намъ, обратились они всѣ ко мнѣ и сказали:—«Мы думали теперь о томъ, какъ бы по предложенію вашему приступить и произвести желаемое княземъ разрѣшеніе сего проклятаго спорнаго дѣла, но признаемъ откровенно, что всѣмъ вамъ по обменовенности въ такихъ дѣлахъ нейдетъ оно въ голову и мы ни ума ни разума къ тому приложить не можемъ, какъ бы это произвестъ въ дѣйство. А какъ мы видимъ, что вамъ дѣла межевыя въ тонкости извѣстны, то покорнѣйше васъ всѣ просимъ дать намъ по крайней мѣрѣ совѣтъ и наставленіе, какъ бы это сдѣлать, и чѣмъ бы можно было поспѣшествовать сворѣшшему окончанію сего дѣла и нѣтъ ли какихъ-нибудь къ тому удобныхъ способовъ?»

— «Способы конечно есть, сказалъ я въ отвѣтъ кланяющейся мнѣ и просившей о томъ княгинѣ: но не знаю, будутъ ли они угодны вашему сіятельству? Надобно бы вамъ отправить туда какого-нибудь знающаго человѣка, съ полнымъ довѣренностью, и дозвольте сказать, и не

съ пустыми руками. Если хотите скорѣйшаго окончанія сего дѣла, то надобно не пожалѣть нѣсколькихъ убытковъ. Нужны необходимо они для преклоненія къ благосклонности къ вамъ и межевщика, и всѣхъ тѣхъ въ конторѣ межевой, отъ которыхъ зависѣть будетъ скорѣйшее и выгоднѣйшее для васъ окончаніе онаго. И сколько мнѣ кажется, то весьма многое зависѣть пригомъ отъ одинаго хотѣнія и благосклонности людей сихъ, а они всѣ люди!... и захотѣли-бъ только, такъ можно будетъ имъ и безъ нарушенія всей справедливости и законовъ вамъ въ семъ случаѣ помочь; а нужно только ихъ къ тому преклонить и позадобрить».

— «О! за этимъ бы за всѣмъ дѣло не стало! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ. Поѣхалъ бы тотчасъ туда кто-нибудь изъ насъ самихъ; но вотъ бѣда! что никому изъ насъ ни межевщикъ, ни конторскіе незнакомы, никто и понятія не имѣетъ о томъ, какъ бы тамъ всѣмъ нужнымъ попроворить было можно: дѣло сіе совсѣмъ для насъ необыкновенное. Ужъ нельзя ли бы самимъ вамъ, милостивый государь, съ кѣмъ-нибудь изъ насъ туда съѣздить, и ему учинить въ семъ случаѣ ваше пособіе. Вамъ тамъ и люди всѣ, и дѣла всѣ межевыя знакомы... Ахъ! какъ бы вы насъ тѣмъ одолжить изволили!»

Неожиданное сіе предложеніе меня смутно и привело въ нѣкоторое недоумѣніе. Съ одной стороны видя нужду ихъ, по добродушію моему, хотѣлось мнѣ имъ помочь, но съ другой не зналъ, угодно ли то будетъ князю, и опасался я, чтобъ онъ чего не подумалъ, а сверхъ того жалѣлъ я нѣсколько и боковъ своихъ и страшился трудовъ и хлопотъ, съ сею комиссіею сопряженныхъ... Однако, какъ пришло мнѣ въ мысль, что я, пользуясь симъ случаемъ, могу изъ Серпухова и домой хоть на часокъ урваться и повидаваться съ своими родными, то рѣшился я наконецъ къ приступающей ко мнѣ съ поклонами и просьбами о томъ, чтобъ я подумалъ о семъ, княгинѣ, сказать въ от-

вѣтъ:—«что, сударыня! я хотя бы и не отрекся оказать вашему сіятельству сію услугу, и употребить все что въ моихъ силахъ и возможностяхъ состоять будетъ, но не знаю еще, будетъ ли то угодно князю Сергію Васильевичу, и дозволить ли онъ мнѣ сіе?»

— «О! что касается до сего, закричали обрадовавшіеся господа Салтыковы, то мы сей же часъ ѣдемъ всѣ къ нему и готовы просить его до упаду, чтобы онъ вамъ сіе дозволилъ». И дѣйствительно, тотчасъ велѣли подавать карету, и посадивъ меня съ собою, поскакали къ князю. Князь удивился всѣхъ ихъ увидя и не понималъ что-бъ сіе значило, но они скоро вывели его изъ недоумѣнія, рассказавъ, что ихъ къ тому побудило. И какъ они всѣ совокупно и отъ княгини начали его со множествомъ поклоновъ умолять, то князь усмѣхнувшись сказалъ: «Батюшки мои! Это зависѣть совсѣмъ не отъ меня, а единственно отъ воли самого Андрея Тимоѣевича! Если онъ захочетъ принять на себя этотъ трудъ, то я ни мало тому не препятствую, а еще и самъ буду тому радъ, если удастся ему вамъ и княгинѣ услужить и сдѣлать и съ нашей стороны нѣкоторое къ тому пособіе».

Легко можно заключить, что мнѣ не оставалось тогда много дѣлать, какъ на общее желаніе всѣхъ ихъ согласиться. Итакъ, положено было, чтобъ наутріе-же мнѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ въ путь сей отправиться и къ нимъ явиться, съ чѣмъ имъ ихъ тогда и отпустили.

Какъ князю и дѣйствительно не только было все сіе не противно, но по желанію его скорѣе кончить покунку было и самому еще пріятно, что я принялъ на себя сію комиссію, то по отъѣздѣ ихъ изъ явилъ онъ мнѣ и о семъ особенное свое удовольствіе и пожелалъ мнѣ счастливаго успѣха.

Симъ кончилось тогда сіе происшествіе, а выѣстѣ съ тѣмъ кончу и я письмо сіе, превзошедшее уже своимъ предѣломъ, и скажу, что я есмь вашъ и проч.

(Днября 29 дня 1808 года).

[ИЗЪСМО 173-е.

ий пріятель! Приступая тебѣ къ писанію къ моей съ господи-
нскими въ Серпуховъ и въ
которая была для меня доволь-
ствена и противъ чаянія весьма
чужду тѣмъ, что я, распрошав-
шись княземъ, не успѣлъ поутру
еще встать и одѣться, какъ
уже передъ воротами квартиры
, присланная отъ господъ Сал-
тиковъ. Я тотчасъ, собравшись
съ нимъ и поѣхалъ по дорогому
о томъ, кто бы изъ нихъ трехъ
я вѣхалъ со мной. Изъ всѣхъ
привалился мнѣ какъ-то всѣхъ
онъ не только старѣе всѣхъ
тепленѣе, простодушнѣе дру-
гъ чертахъ лица своего имѣлъ
кое, дружелюбное и привле-
кательное желалось мнѣ, чтобъ
а онъ въ сотоварищество мнѣ
идеть.

мое дѣйствительно и совер-
шенно первой встрѣтилъ меня по-
сначала рекомендовать себя въ
шее знакомство и дружбу,
о онъ будетъ имѣть удоволь-
ствіе спутникомъ. Привѣтствіе
въ такимъ простодушнымъ и
честнымъ образомъ, что воспріятое
въ доброе мнѣніе тѣмъ еще бо-
лее. Я соответствовалъ ласкѣ
свѣтлыми моими удоволь-
ствіями нашелъ я его совсѣмъ уже
равнявшимся, то позавтракавъ
завтракъ съ ними, осмысливши
ихъ и повтореніями прежнихъ
словъ, слыши мы съ Александромъ
:айловичемъ въ большую
новую карету, и посадивъ съ
какого-то молодого и чисто
овѣща, о которомъ не могъ я
знать, служитель ли онъ или
слуга, въ путь свой и отправи-
лись въ Москву, господство-
вами совершенное безмол-

віе, и мы, какъ незнающіе еще коротко
другъ друга, посматривали одинъ на дру-
гого и спознакомливались такъ сказать
глазами. Но и сіи тотчасъ свели между
собою нѣкоторой родъ дружбы. Но какъ
скоро выѣхали мы за городъ и наруж-
ные предметы перестали насъ занимать
и развлекать собою наши мысли, какъ
надлежало намъ что-нибудь говорить да-
бы не терпѣть дорожною скуки. Итакъ, и
начали мы поговаривать сперва по обыкно-
венію о пустякахъ: о погодѣ, о дорогѣ и
тому подобномъ, а тамъ мало по малу и о
другихъ интереснѣйшихъ матеріяхъ. Уди-
вительно было притомъ, что какъ онъ мнѣ
съ перваго вида отъибно какъ-то полюб-
вился, такъ равно и онъ ко мнѣ и также
съ самой первой минуты почувствовалъ
въ себѣ нѣчто отъибно его ко мнѣ при-
влекавшее. Симпатія ли, господствующая
между нашими душами, производила сіе
взаимное въ обоихъ насъ дѣйствіе, или
что иное было тому причиною, уже я не
знаю, а только то сдѣлалось послѣ из-
вѣстно, что мы съ первой минуты нашего
знакомства и не говоря почти еще ни од-
ного между собою слова полюбили уже
другъ друга, а что всего страннѣе, то
оба и въ одно время дорогою тогда имѣли
одинакія мысли и одинакія желанія. Онъ
помышлялъ о томъ, какъ бы ему узнать
образъ и расположеніе моихъ мыслей и
состояніе моихъ свойствъ душевныхъ и
тѣлесныхъ, а я думалъ и помышлялъ о
томъ же самомъ въ разсужденіи его и
приписывалъ въ мысляхъ удобную мате-
рію къ началу съ нимъ такого разго-
вора, которой бы могъ служить мнѣ ору-
діемъ къ испытанію и узнанію его силъ
и свойствъ душевныхъ. И какъ по счастью
выѣхали мы тогда на одно возвышеніе,
съ котораго видны были прекрасныя по-
ложенія мѣстъ и представлялись очамъ
преузорочныя зрѣлища, то разсудилъ я
употребить самья ихъ и поводомъ къ
особенному разговору и орудіемъ къ за-
мышляемому испытанію или, простѣе сва-
зать, пощупать у него пульсъ съ сей сто-
роны.

Для самаго сего принявъ на себя удо-

вольственной видъ, началъ я будто самъ съ собою и любясь ими говорить: «Ахъ! какія прекрасныя положенія мѣстъ и какіе разнообразные прелестныя виды представляются глазамъ всюду и всюду. Какія пріятныя зелѣныя, какіе разные колера полей! Какъ прекрасно извивается и блеститъ рѣка сія своими водами, и какъ прекрасно соотвѣтствуетъ всему тому и самая теперь ясность неба и этотъ видъ маленькихъ разсыянныхъ облачковъ». Говоря умышленно все сіе, примѣчалъ я, какое дѣйствіе произведутъ слова сіи въ моемъ спутникѣ и не останется ли и онъ также безчувственнымъ, какъ то бываетъ съ людьми обыкновеннаго разбора. Но какимъ удивленіемъ поразился я, когда увидѣлъ, что и онъ смотрѣлъ на все то съ равнымъ моему удовольствіемъ и тотчасъ послѣ окончанія помянутыхъ словъ мойхъ мнѣ сказалъ: «Что прекрасно, то прекрасно! Но конечно вы, Андрей Тимоѣевичъ, жалуете прекрасныя положенія мѣстъ и хорошіе виды и любите увеселяться красотами природы». — «Есть тотъ грѣхъ, отвѣчалъ я: какъ-то съ молодыхъ еще лѣтъ мойхъ имѣлъ я счастье познакомиться съ природою и узнать драгоценное искусство утѣшаться всѣми ея красотами и изящностями, и съ того времени такъ къ тому привыкъ, что не могу никогда довольно ими навеселиться, и могу сказать, что доставляли и доставляютъ они мнѣ въ жизнь мою безчисленное множество минутъ пріятныхъ».

Немногія сіи слова были сущими искрами, воспламенившими всю внутренность души моего спутника, и положили первое основаніе всему послѣдовавшему потомъ между нами дружеству. Не успѣлъ я ихъ вымолвить, какъ онъ съ нѣкоторымъ родомъ восторга воскликнулъ: «Что это я слышу! и, ахъ! какъ вы меня обрадовали!» — «Чѣмъ такимъ и что такое?» спросилъ я, удивившись. — «А тѣмъ, сказалъ онъ, что я нашелъ въ васъ то, чего желалъ, и чего всего меньше ожидалъ. Будучи и самъ до того и точно такимъ же охотникомъ, никакъ не воображалъ я себѣ, чтобъ могъ найти въ васъ себѣ

подобнаго, и тѣмъ очень-очень доволенъ». — «Признаюсь, отвѣчалъ я ему, обрадовавшись также тому, что и я не менѣе тому радъ, и надѣюсь теперь, что сіе поможетъ намъ проводить время свое въ дорогѣ безъ дальней скуки. Природа поможетъ намъ прогнать ее, станемъ угадывать вездѣ красоты ея, станемъ говорить объ нихъ и утѣшаться совоюдушно ими». — «Конечно, конечно!» воскликнулъ онъ, и дѣйствительно тотчасъ потомъ началъ и онъ изъяснять мнѣ пріятныя чувствованія души его, производимыя видными нами предметами, а я дѣлался отголосками ихъ.

Но не успѣли мы нѣсколькихъ верстъ отѣхать, какъ мало по малу начали входить и въ другіе разговоры, но далеко не пустые, а важныя и пріятныя, относящіяся то до наукъ, то до литературъ, то до физическихъ и нравственныхъ предметовъ, и чрезъ то спознакомившаяся отъ часу больше взаимно, съ нашими знаніями, съ образомъ и расположеніемъ нашихъ мыслей и чувствіями сердца нашихъ. И какое взаимное удовольствіе имѣли мы оба, узнавая и открывая другъ въ другѣ отъ часу болѣе такія же знанія, такія же расположенія мыслей, такія же чувства сердечныя и все прочее! Все сіе было ни мало неожиданно нами и все удивляло и радовало насъ чрезвычайно и изобразить истинно не можно, сколько пріятностей доставляло намъ то во все продолженіе сего недалегаго пута! Мы не преставали говорить ни на одну минуту, и нерѣдко отъ нетерпѣливости сообщать скорѣе свои чувствованія и мысли, перехватывали взаимно другъ у друга слова. И о чемъ, и о чемъ мы тогда не говорили, какихъ разныхъ матерій не начинали между собою, и съ какими прямо душевнымъ удовольствіемъ слушали взаимно всѣ говоренныя слова другъ у друга. Какъ неописанно удивлялись рѣдкому и прямо удивительному согласію во всемъ, и мыслей нашихъ и чувствъ сердечныхъ. Радость и удовольствіе товарища моего изображались ясно въ его глазахъ и во всѣхъ движеніяхъ и чертахъ лица его.

Онъ не могъ довольно надивиться случаемъ или пате судьбѣ, сведшей и спознакомившей насъ совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ и сдружившей насъ другъ съ другомъ въ немногія минуты и произведшей то, что мы взаимно другъ друга искренно полюбили и возмѣли одинъ къ одному неслестное почтеніе и приверженность.

И дѣйствительно, одного сего дня довольно было къ связанію между нами тѣснаго и такого узла дружества, которое въ одинаковомъ состояніи продоллось по самую кончину сего милаго и любезнаго человека. Я и поминѣ не могу вспомнить его, безъ душевнаго прискорбля и сожалѣнія о его одновременной смерти, и безъ чувствованія пріятныхъ ощущеній при напоминаніи о тогдашнихъ времени и о нашемъ съ нимъ дружествѣ. И хотя прошло съ того времени уже множество лѣтъ, но я всякой день и всего чаще вида предъ собой ласковую жестану и особаго устройства чернильницу, изъ которой я во весь послѣдующій мой вѣкъ писалъ и пишу и поминѣ, напоминаю сего друга моего, подарившаго меня ею при одномъ случаѣ, и въ каждой разъ когда ни вспомню, благословляю въ мысляхъ прахъ его и желаю ему ненарушимаго покоя, а ему въ вѣчности блаженства.

Но я удалился уже отъ нити моего повѣствованія и самаго дѣла, и теперь возвращаясь къ оному скажу, что занимаюсь помянутыми любопытными и пріятными разговорами, и не видали мы, какъ вѣдучи на ясныхъ долетѣли мы до Кіасовки, и тутъ только вспомнили, что вѣхали туда за дѣломъ, во о которомъ во всю дорогу не имѣли мы времени и номыслить, а не только чтобъ говорить.

Расположившись въ самыхъ тѣхъ же комнатахъ, гдѣ стоялъ прежде князь, наше первое дѣло было чтобъ отиранить того-жъ момента нарочныхъ людей для узнанія, гдѣ находится межевщикъ и когда-бы намъ можно было съ нимъ видѣться. Довольно посланные могли къ намъ возвратиться, старался товарищъ мой, такъ

какъ хозяинъ, всячески меня угостить. Ыбитка, взятая имъ съ собою, наполнена была съ избыткомъ всякою всячиною. Господа Салтыковы не преминули напичкать ее всѣмъ и всѣмъ нужнымъ къ столу и успокоенію нашему, и отпустивъ съ нами одного изъ поваровъ своихъ, не позабыли даже о самыхъ винахъ, фруктахъ и вареньяхъ, и я удивился увидѣвъ по открытію намъ стола для ужина, установленной его весь и вареными, и жареными и хлѣбными яствами, и ликерами, и винами. — «Умилосердись, Александръ Михайловичъ, сказалъ я: къ чему такое множество, что вижу для угощенія меня? Ей, ей напрасно!» — «Какъ напрасно! воскликнулъ мой спутникъ: ты у меня гость и гость любезной, и неужели намъ здѣсь голодать? Нѣтъ, нѣтъ, дѣло дѣломъ, а себя намъ къ чему-жъ забывать. Мы-таки будемъ себя довольствовать всѣмъ и всѣмъ, у насъ всего много». — «Хорошо, братецъ, сказалъ я: но вино, право, лучше бы побережь до Серпухова, тамъ бы оно намъ сгодилося лучше для угощенія господъ межевскихъ, любящихъ-таки рюмки и бутылки, а я, право, ничего не пью, и для меня это совсѣмъ излишнее». — «О! сказалъ на сіе мой спутникъ, тамъ-таки тамъ, найдемъ и въ Серпуховѣ, что надобно, а здѣсь для чего-таки намъ терпѣть нужду и себя не довольствовать? И когда внии вамъ не угодимъ, такъ по крайней мѣрѣ покушайте прочаго, также вотъ и фруктовъ и вареньевъ». — «О! это другое дѣло, сказалъ я, на это я соглашусь охотно, и я изстари былъ къ сладостямъ охотникъ и превеликой лакомка».

Радъ былъ господинъ Салтыковъ, что я сіе вымолвилъ и проболтался и съ того времени, ну-ка меня всѣмъ и всѣмъ и всякой день до избытка всякими сладостями подчивать. Словомъ, онъ не зналъ, какъ бы меня угостить лучше.

Въ вечеру легши въ одной комнатѣ спать, не преминули мы опять возобновить о нѣкоторыхъ вещахъ разговоры и проговорили почти до полуночи. А по утру не успѣли мы напиться кофею, какъ прислакали наши воспоминанія съ нагѣ-

стіемъ, что межевщикъ дома, и что если мы къ нему въ тотъ день приѣдемъ, то застанемъ его дома и можемъ съ нимъ видѣться и обо всемъ, что надобно, переговорить. Услышавъ сіе, ну-ка мы скорѣе не обѣдать, а застривать, ну собирать крестьянскихъ лошадей и запрягать ихъ, и сѣвши опять всѣ трое въ карету, скакать къ господину Вакселю.

Дорогою помышляю я, какъ бы лучше расположить мнѣ свое дѣло, и зная все существо онаго, чего и чего и какъ требовать отъ землемѣра. Обранжировавъ все въ умѣ своемъ мыслями, всходствіе того и далъ я сотоварищу моему наставленіе, какъ ему поступить съ нимъ. Какъ межевщикъ былъ мнѣ уже знакомъ, по прежней его у насъ бытности, ибо мы успѣли тогда съ нимъ кое-о-чемъ поговорить и гораздо познакомиться, то принялъ онъ меня какъ знакомаго уже себѣ человѣка довольно ласково. А я ни съ другого слова, представляя ему своего спутника, ему сказалъ:—«Вотъ батюшка, Василій Савельевичъ, привезъ я къ вамъ челобитчика. Сему человѣку вѣрнула княгиня Бѣлосельская свое спорное межевое дѣло, и онъ съ стороны ея, а я съ стороны князь Сергія Васильевича Гагарина, приѣхали къ вамъ съ препокорѣннѣею нашею просьбою, о подаваніи намъ въ разсужденіи извѣстнаго вамъ спора руку помощи, и опосѣствованіи съ вашей стороны всѣмъ, чѣмъ вы можете къ скорѣйшему разрѣшенію онаго». Межевщикъ, будучи великой хитрецъ, началъ было подчивать насъ учтивостями, баясами и пустяками, представлять намъ невозможности и великія затрудненія, говорить, что ему ничего при томъ сдѣлать не можно, и хотя-бы онъ хотѣлъ, но не въ силахъ ничего учинить, и такъ далѣе; но я тотчасъ мигнулъ спутнику своему, чтобъ онъ, по условію нашему, вышелъ на минуту вонъ, и оставшись съ межевщикомъ, одинъ наединѣ, не долго думая, сказалъ:—«Что, батюшка, Василій Савельевичъ, много говорить, мнѣ дѣло это знакомо, и я знаю чего вамъ не можно и что можно сдѣлать, если только по-

хотите. А я васъ увѣряю, что не только князя обяжете вы благодарностью, если намъ въ семъ случаѣ поможете, но и съ стороны княгини всѣ ваши одолженія не останутся безъ благодарности существительной, разумѣете?» И схвати его руку пожалъ, а потомъ присовокупилъ: «Пожалуйте, судырь, въ этомъ положитесь уже на меня и будьте увѣрены, что соблюдаемо будетъ притомъ и все, что нужно въ такихъ случаяхъ».

Не успѣлъ я сего вымолвить какъ возвратился мой товарищъ, и тогда начали мы возобновлять наши просьбы, и я именно уже говорить о томъ, что и что ему съ своей стороны сдѣлать, и чѣмъ безъ всякаго нарушенія своей должности намъ пособить можно. И изъяснивъ ему все, чего мы отъ него требуемъ и примѣли, что онъ все еще колебался и задумывался, тотчасъ вышелъ, по условію-жъ нашему, вонъ и оставилъ минуты на двѣ товарища своего наединѣ съ господиномъ Вакселемъ.

Что у нихъ тамъ происходило того уже не знаю, и никогда не любопытствовалъ и узнать, а то только помню, что при обратномъ вшествіи къ нимъ вышелъ я господина Вакселя совсѣмъ инаковымъ, и усматривалъ радость и удовольствіе, написанное на глазахъ его, и онъ тотчасъ началъ уже инымъ голосомъ говорить:—«Какъ же бы намъ быть, сказалъ онъ; хотѣлось бы мнѣ и самому услужить и князю, и княгинѣ, и подумать развѣ какъ-бы лучше поступить».—«Что долго думать, батюшка», подхватилъ я, говоря уже смѣлѣе, видя, что дѣло у нихъ уже было сдѣлано и они перенюхались, — «а сдѣлайте-ка намъ вотъ то-то и то; все это вамъ можно, а невозможнаго не требуемъ ни и сами».—«Ну, судырь, хорошо, и да буди поглаголу вашему, ъбыть такъ, хотѣ ужъ потрудиться, но оказать услугу и сдѣлать все что можно». Мы ему поклонъ, а онъ, повторивъ свое обѣщаніе, ну-ка приказывать скорѣе подавать горячее и все, чѣмъ ему насъ дружески угостить хотѣлось. Но всего того было еще недовольно, а онъ, поступивъ далѣе, совѣтовалъ намъ»

не упуская времени, ѣхать въ контору, и далъ намъ не только наставленіе къ кому и къ кому намъ тамъ по сему дѣлу адресоваться, но и снабдилъ насъ къ нѣкоторымъ нужнѣйшимъ людямъ отъ себя рекомендательными письмами, съ увѣреніемъ ихъ о вѣрной нашей и тѣмъ благодарности, и отпустилъ насъ отъ себя съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Такимъ образомъ, кончивъ одно дѣло съ вождѣннѣйшимъ успѣхомъ и возвратившись въ Кіясовку, не стали мы долго медлить, но переночевавъ только, пустились въ Серпуховъ. Тамъ прискавши себѣ нанять порядочную квартиру, и расположившись на нѣсколько дней пожить, съ наступленіемъ послѣдующаго дня, пустился я по всему городу рыскать и отыскивать всѣхъ людей, съ которыми намъ надлежало имѣть дѣло и къ которымъ отчасти имѣлъ я отъ Вакселя письма. И какъ я имѣлъ въ семъ городѣ изъ межевыхъ многихъ знакомыхъ, и между прочимъ, знали меня отчасти уже и тѣ самые, то не трудно было мнѣ ихъ всѣхъ не только отыскать, но при помощи тѣхъ писемъ переговорить съ ними и полюбовную рѣчь. И какъ извѣстно было мнѣ, что господа сіи любили и погулять, и что покойки, дѣлаемыя имъ, производили великое дѣйствіе, то, по условію съ товарищемъ моимъ, заставлялъ я ихъ къ себѣ на вечеринку, къ которой между тѣмъ спутникъ мой уже и дѣлалъ нужныя приуготовленія.

Какъ просьбы о томъ не было мнѣ нужды два раза повторять, ибо господа сіи были тому и рады, то и слетѣлись они всѣ къ намъ, какъ соколя къ назначенному времени; и какъ намъ было чѣмъ блеснуть, то и задали мы имъ такую покойку, какой они едва ли отъ кого иного получали, и угостили и угостили ихъ такъ, что всѣ они сдѣлались намъ друзьями, и обѣщавъ намъ всѣми совокупными силами помогать и употребить все, что только можно было къ скорѣйшему и такому окончанію нашего дѣла, какого намъ только хотѣлось, и расстались съ нами съ удовольствіемъ совершеннымъ.

Какъ во время сего прованія и между тѣмъ какъ товарищъ мой ихъ поилъ и угаживалъ, не былъ и я безъ дѣла, и не упускалъ удобныхъ случаевъ къ переговорамъ то съ тѣмъ, то съ другимъ, а иногда и со всѣми ими совокупно, и къ преклоненію ихъ къ подаванію руки помощи, и былъ, такъ сказать, главнымъ дѣйствующимъ при томъ лицомъ и всего дѣла производителемъ; то по отшествіи нашихъ гостей товарищъ, видя столь доброе и успѣшное начало, былъ всѣмъ тѣмъ такъ доволенъ, что, обнявши меня, поцѣловалъ и не могъ найти довольно словъ къ возблагодаренію меня за всѣ мои труды, старанія и расторопность, а я не менѣе его былъ радъ, что дѣло наше начинало кленться и мнѣ удалось положить оному столь удачное основаніе и начало.

На другой день, по сдѣланному съ гостями нашими условію, явились мы въ межевую контору. Тутъ не успѣли мы показаться, какъ всѣ секретари и прочіе чиновники, бывшіе у насъ наканунѣ, сбѣжались къ намъ въ одинъ мигъ и здоровались съ нами, какъ уже съ друзьями, принося тысячи благодареній за наше угощеніе. Но для насъ всего пріятнѣе было ихъ извѣщеніе, что они успѣли уже и самихъ господъ судей предварить и предубѣдить въ нашу пользу. Сіе было для насъ неожиданною и крайне пріятною новостью, и мы не успѣли еще изъяснить имъ за то своей благодарности, какъ одинъ изъ нихъ успѣлъ уже о приходѣ нашемъ сказать господамъ присутствующимъ и выбѣжалъ къ намъ съ приглашеніемъ насъ къ нимъ въ судейскую. Естественно, что сіе было для насъ также непротивно, и какъ судьямъ пересказано уже существо нашего дѣла и желанія, и они были уже предварены, что дѣло сіе касается до покупаемой самой государственною властью, и что за неразрѣшеніемъ сихъ споровъ остановилась и покупка оной, то сіе одно въ состояніи уже было побудить ихъ принять насъ очень благосклонно. Они тотчасъ приказали подать намъ стулья, и посадивъ насъ подлѣ себя, начали съ нами разговаривать очень дру-

желюбно; и какъ главнѣйшимъ предметомъ разговоровъ бѣдо наиболѣе наше дѣло, то натурально не сидѣлъ и я молча, но успѣлъ всѣхъ ихъ и скоро довести до того, что они сами предлагали намъ съ своей стороны всякое вспоможеніе и обѣщали къ скорѣйшему разрѣшенію и окончанію сего дѣла употребить все, что имъ только можно, и тутъ же при насъ приказали секретарямъ производить нужнѣе по сему дѣлу справки и писать, что было надобно.

Будучи всѣмъ тѣмъ крайне довольны и по изъявленіи имъ благодарности, вышли въ секретарскую, непреминули мы паки ко всѣмъ нашимъ друзьямъ адресоваться и пригласить ихъ по выходѣ изъ конторы къ себѣ на водку. И какъ они отъ того не отреклись, то спѣшили мы итти обратно на свою квартиру, дабы успѣть къ тому поприготовиться; и какъ вознамѣрились мы при семъ случаѣ ихъ и наѣдормить, то и должнѣе былъ нашъ поваръ, къ скорѣйшему приготвленію обѣда, употребить всѣ свои силы и возможности. И какъ, по счастью, поваръ случился малой проворной, провизіи-жъ было съ нами всякой множество и самой посуды много, а и времени оставалось къ тому еще довольно, то и успѣли мы содрать и приготовить для нихъ порядочной столъ и такой обѣдъ, какого они себѣ и не воображали.

Едва лишь мы все сіе кончили, какъ появились и друзья наши, и вмѣстѣ съ ними и еще нѣкоторые изъ межевыхъ. Тутъ тотчасъ загремѣли у насъ рюмки и подносы и начались уже дружескія трапезы о нашемъ дѣлѣ. Они рассказывали намъ, что они успѣли уже въ оное основательнѣе войти, и что вознамѣрены по оному прозвестъ и чѣмъ воспѣствовать къ скорѣйшему онаго окончанію. Я одобрилъ все то совершенно и весьма доволенъ былъ всѣми ихъ намѣреніями и предпріятіями, а того еще довольнѣе былъ тѣмъ, что они успѣли уже предписать Вакселею, къ скорѣйшему созванію всѣхъ по сему дѣлу постороннихъ повѣренныхъ и къ привужденію ихъ

явиться какъ можно скорѣе въ контору, и чтобъ самъ онъ явился съ ними и привезъ съ собою нужные планы, и что уже отправленъ съ тѣмъ къ нему нарочной и отъ нихъ писаво было приватно, чтобъ онъ и съ своей стороны постарался повѣренныхъ сихъ извѣстными средствами предуготовить къ желаему намъ согласію.

Пріятно было все сіе товарищу моему слышать, у него прыгало отъ радости даже сердце и побуждало его усугубить къ нимъ еще болѣе ласки. И когда начали-было они подниматься итти домой, то приступилъ онъ къ нимъ съ просьбою, нельзя ли имъ насъ одолжить и съ нами, дорожными людьми, вмѣстѣ и чѣмъ Богъ послалъ отобѣдать. Они начали-было отиѣкиваться; но какъ присовокунили къ тому и я свою просьбу, то наконецъ согласились. И тогда вдругъ загремѣли у насъ столы и тарелки, и въ какое-жъ удивленіе они пришли, увидѣвъ вмѣсто оуднаго дорожнаго обѣда столъ, установленной множествомъ всякаго рода прекрасно изготвленнхъ кушаньевъ, а того множайшими рюмками и бутылками съ дорогими винами. И какъ сіи еще болѣе соблазнили ихъ зрѣніе, то съ восторгомъ они восклицали: «Ай, брать! Это уже совсѣмъ не дорожной, а столъ хоть бы куда. Спасибо! право, спасибо!»

Итакъ, ну-ка мы съ ними ѣсть, пить и прохлаждаться; а какъ скоро кончили ѣсть, то удивились они еще болѣе, увидѣвъ вдругъ весь столъ, установленный фруктами, конфетами и вареньями. «Ну, брать, нечего говорить, твердили они только, имѣя уже въ головахъ изрядныя шильки; — задалъ ты намъ ниръ! Да когда это вы успѣли все это приготовить? А явившаяся послѣ кофея превратилась чаша дунша, сдѣлала бесѣду нашей окончаніе и доковала иныхъ такъ, что они не пошли, а побрели уже кое-какъ по домамъ своимъ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ ни велика была всѣхъ ихъ къ намъ пріязнь, и какъ ни усердно всѣ они старались воспѣствовать скорѣйшему окончанію нашего дѣла,

проказалась самая необходимость вооружиться и жить на несколько дней терпеливее и прожить въ Серпуховѣ гораздо болѣе недѣли. Ибо, во-первыхъ, надобно было дать время Вакселю исправить свое дѣло и доставить въ контору повѣршенныхъ, и самому приѣхать съ ними; а во-вторыхъ, востребовалась необходимая надобность къ представленію отъ насъ въ контору одного письменнаго документа, котораго, по несчастію, не было съ нами, а находился онъ въ Москвѣ. И какъ товарищу моему другого не оставалось, такъ отравить за нимъ на почтовыхъ нашего третьяго спутника, котораго готовили они въ свои стряпчье и, по хорошему воспитанію, отъменно любили и уважали, то надобно было дожидаться и обратнаго его возвращенія изъ Москвы.

Оставшая сія была хотя товарищу моему и весьма неприятна, но я нашелъ скоро способъ успокоить его въ разсужденіи сего пункта. «А что, Александръ Михайловичъ, сказалъ я ему, хочу я тебѣ нѣчто предложить?»—«А что такое, братецъ?»—«А вотъ что... жить мы здѣсь становимъ дни три совсѣмъ попустому и дѣлать намъ будетъ нечего. Семь-ка въ сіе время съѣздимъ мы ко мнѣ въ деревню: живу я отсюда не далѣе двадцати пяти верстъ. Ты бы посмотрѣлъ мое житье-бытье, и одолжилъ бы меня тѣмъ очень много, а я бы кстати повидался съ моими домашними и родными». — «Очень хорошо, сказалъ мнѣ мой Александръ Михайловичъ, я готовъ хоть въ сію минуту сдѣлать вамъ сіе удовольствіе, и самъ буду тому радъ, что спознакомлюсь съ вашимъ семействомъ». Итакъ, въ мигъ водворили мы ямскихъ лошадей и сѣвши въ карету, вылетѣвъ, черканыли въ мое любезное Дворяниново.

Но могу изобразить какъ обрадованными всѣ домашнія: мои печальнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ моимъ приѣздомъ къ нимъ, и какъ довольны были тѣмъ, что я привезъ съ собою новаго своего знакомаго и друга. Они замучили меня спросами и распросами обо всемъ и обо всѣхъ, а товарища моего не знали какъ

угостить лучше. Что касается до меня, то мнѣ всего пріятнѣе было то, что гостю моему все у меня полюбилось, и онъ прямо находился въ удовольствіи. И семейство мое ему нравилось, и домикъ мой былъ ему милъ, и сады мои казались хороши, а на усадьбу и красоту мѣстоположенія, видимаго изъ дома моего, не могъ онъ довольно насмотрѣться и налюбоваться всѣми видимыми предметами. Мы не оставили ни одного почти уголка во всѣхъ моихъ садахъ и усадьбѣ, гдѣ бы мы съ нимъ не побывали, и во многихъ мѣстахъ не сидѣли и наипрѣятнѣйшимъ образомъ дружески не разговаривали. Въ особенности же памятенъ мнѣ одинъ весьма важной разговоръ, которой имѣли мы съ нимъ на самой Петровъ день въ моемъ нижнемъ саду, сидячи въ тѣни подъ лозками. Сады сей былъ тогда хотя и далеко не таковъ хорошъ, каковымъ сдѣлалъ я его послѣ и каковъ онъ нынѣ, однако имѣлъ въ себѣ уже много пріятныхъ мѣстъ. Лучшее же и самое прохладнѣйшее изъ нихъ было подъ поманутыми лозками, существующими еще и нынѣ и растущими подъ плотною моею на горной предъ домомъ сажелки. Но тогда лозы сіи были въ наилучшемъ своемъ и молодомъ ростѣ, и между каждою изъ нихъ подѣланы были покойныя дерновыя кресла. И какъ сіе мѣсто дѣйствительно было напрохладнѣйшее и удобнѣйшее для сидѣнія во время жара и тѣмъ пріятнѣйшее, что съ онаго видно было все прекрасное теченіе нашей рѣки Сѣки и всѣ красоты положенія мѣстъ, окружающихъ съ сей стороны мое обиталище, то полюбилось оно ему отъменно.

И тутъ-то, сидячи въ прохладной тѣни, провели мы съ нимъ болѣе двухъ часовъ въ пріятномъ и прямо въ философическомъ разговорѣ о пріятностяхъ и выгодахъ мирной и спокойной деревенской жизни и вообще о счастіи и истинномъ благополучіи человеческомъ. И какъ самое сіе подало мнѣ поводъ упомянуть ему о сочиненной мною о семъ предметѣ книгѣ, то захотѣлось ему непременно ее тогда же видѣть. Онъ просилъ меня не-

казать ему се, и я принужденъ былъ за нею сбѣгать и по принесеніи прочесть ему кое-что изъ оной.

Не могу изобразить, какъ полюбилось ему тогда сіе сочиненіе. — «О, братецъ! сказалъ онъ, это сокровище, а не книга!» И не выпускалъ ее съ того времени почти изъ рукъ, покуда ущипами и урывками не прочелъ ее всю съ начала до конца. Я принужденъ былъ взять ее для него съ собою въ Серпуховъ и онъ столько находилъ въ ней для себя пріятнаго и хорошаго, что не далъ мнѣ покоя, доколѣ не обѣщаль я ему взять ее съ собою въ Москву и дать ему списать всю ее для своего употребленія. А таковой-же участи удостоилась и «Дѣтская моя философія», до которой дошелъ у насъ также разговоръ и которая ему полюбилась столько-жъ; и какъ имѣли они у себя въ Москвѣ цѣлую канцелярію добрыхъ писцовъ, то и дѣйствительно списали они всѣ сіи книги для его въ самое короткое время.

Въ сихъ и другихъ пріятныхъ дружескихъ и непрерывныхъ разговорахъ и занятіяхъ, и не видали мы какъ протекли тогда тѣ двое сутокъ, которые онъ тогда у меня пробылъ. Обращеніемъ моимъ съ нимъ и всѣмъ угощеніемъ былъ онъ такъ доволенъ, что божился мнѣ, что оба сіи дни будутъ ему по смерти памяты. А и для меня былъ гость наипрятнѣйшій въ жизни, и дни сіи такъ пріятны, что я и понинѣ вспоминаю ихъ не инако какъ съ удовольствіемъ душевнымъ. Помянутая-жъ сидѣлка подъ лозками сдѣлалась мнѣ такъ достопамятна, что я всегда, идучи мимо ея, воспоминаю тогдашнія пріятныя минуты, проведенныя на ней съ симъ истиннымъ моимъ другомъ.

Наконецъ надлежало намъ разставаться съ моимъ Дворяниновымъ и для окончанія нашего дѣла ѣхать обратно въ Серпуховъ. Тамъ нашли мы курьера нашего, уже возвратившагося изъ Москвы и привезшаго къ намъ не только надобной документъ, но и множество вновь всякаго рода провизіи. А вскорѣ за симъ при-

ѣхалъ и Ваксель съ повѣренными, но съ сими имѣли всѣ мы множество трудовъ и не прежде уломали и склонили ко всему желаемому нами, какъ чрезъ нѣсколько дней, употребляя къ тому и волчій ротъ и лисій хвостъ, и за всѣмъ тѣмъ принуждены были множайшіе дни прожить, нежели мы думали. Въ которое время между тѣмъ, какъ я хлопоталъ, товарищъ мой занимался наиболѣе чтеніемъ моихъ сочиненій и въ томъ съ удовольствіемъ проводилъ время.

Но какъ бы то ни было, но наконецъ удалось намъ дѣла наше нанудобнѣйшимъ образомъ кончить, и какъ оставалось тогда задать только друзьямъ нашимъ межовымъ на прощанье опять добрую попойку и угостить, кого болѣе слѣдовало, то исполнивъ и сіе, не стали мы долѣе медлить ни минуты, но подхвати кочевыхъ полетѣли обратно въ Москву. И какъ товарищу моему хотѣлось возможнѣйшимъ образомъ поспѣшить, то и ѣхали мы съ такою скоростью, съ какою я отъ роду моего до того и послѣ никогда не ѣзжалъ, и во мнѣ души почти не было отъ страха, чтобъ колеса наши не разлетѣлись въ дребезги. Но, по счастью, карета была крѣпка и мы приѣхали въ Москву благополучно, и провели въ пути менѣе сутокъ.

Симъ окончу я мое письмо, и представивъ прочее будущему, скажу, что я есть вашъ и прочее.

(Декабря 30 дня 1808 года).

Письмо 174-е.

Любезный пріятель! Приѣздъ нашъ и удачное окончаніе нашего сумнительнаго дѣла, обрадовалъ не только книжника, съ господами Салтыковыми, но и самого моего князя: тѣхъ потому, что имъ нетерпѣливо хотѣлось получить съ князя за волюсть денежки, а сего потому, что сіе разрѣшеніе и окончаніе спорнаго межоваго дѣла развязало ему руки и ему можно уже было приступить къ формальной покупке волюсти. Но надобно признаться; что и самому мнѣ было то очель-

очень непротивно и болѣе потому, что удалось мнѣ, по пословицѣ говоря, съ небольшими хлопотами и трудами, загрестъ чужими руками жаръ, и чрезъ то избавить самого себя отъ безчисленныхъ заботъ, хлопотъ, трудовъ и самыхъ неудобствъ, которыя неминуемо наплекло бы на меня сіе спорное дѣло, естли бы мы купили волость безъ разрѣшенія онаго, и мнѣ бы самому уже о томъ хлопотать надлежало, въ которомъ случаѣ, не могли такъ транжирить и столько убытчиться, какъ они, не могъ бы я никакъ его такъ скоро и удачно кончить. А сверхъ того и то мнѣ было пріятно, что мнѣ удалось тѣмъ услужить и княгинѣ и господамъ Салтыковыми, а не менѣе доставить и князю новое удовольствіе.

И подлинно, не успѣла княгиня и друзья ея услышать обо всемъ и отъ спутника моего узнать, что и что я при томъ дѣлалъ и какъ проворилъ и мастерилъ, какъ начали осмѣлять меня тысячами благодареній, и говорить что я обязалъ ихъ тѣмъ чрезвычайно. А и князь не успѣлъ насъ, съ господами Салтыковыми, приѣхавшихъ къ себѣ, увидѣть, какъ ни мало толь скоро окончанія не ожидая, съ примѣтнымъ удовольствіемъ воскликнулъ: «Ба, ба, ба! уже и возвратились, и неужели все кончили?»—«Кончили, отвѣчалъ я, и противъ всякаго чаянія весьма удачно и хорошо». — «Но за то, подхватили господа Салтыковы, обязаны мы великою благодарностью вашему сіятельству за увольненіе Андрея Тимофеевича, безъ него нечего бы намъ дѣлать: все это такъ скоро, удачно и хорошо кончено единственно его стараніемъ, попеченіемъ и расторопностью». Князь улыбнулся отъ удовольствія, и сказалъ мнѣ на сіе: «Такъ его, а не меня вы за то и благодарить должны».

Послѣ сего долженъ я былъ пересказать князю на короткихъ словахъ все и все, что у насъ происходило тамъ, и что и что сдѣлано. Князь только усмѣхался, все сіе слушая, и какъ я все свое повѣствованіе кончилъ, то сказалъ:—«Ну, слава же Богу, то не осталось уже никакого поминательства и намъ, Борисъ Михайло-

вичъ, можно уже будетъ приступать къ совершенію купчей».—«Конечно, можно, отвѣчалъ онъ, и теперь зависить отъ воли вашего сіятельства назначить къ тому день». — «Очень хорошо, сказалъ князь, и чѣмъ откладывать вдаль, такъ неугодно-ли приступать къ тому съ завтрашняго дня, и постараться о принсканіи намъ знающаго человѣка къ написанію купчей, и ко мнѣ, съ написанною вчернѣ, пожаловать». — «Очень хорошо», сказалъ г. Салтыковъ и тотчасъ полетѣлъ въ вотчинную коллегію, для начинанія сего дѣла. Но гдѣ-то принскали къ тому знатока, гдѣ-то написали ее вчернѣ, гдѣ-то сообщила всѣ ее разсматривали, и все что нужно было въ ней прибавляли, гдѣ-то переписывали набѣло... во всемъ томъ провели не менѣе трехъ сутокъ: но наконецъ, 18 числа іюля подписала ее княгиня и по собраніи великаго множества къ тому свидѣтелей, купчая надлежащимъ образомъ была совершена, и осталось только князю и княгинѣ росписаться въ книгѣ. И какъ для сего надсмотрщикъ привезенъ былъ съ книгою въ домъ княгини, то и князь расположился самъ туда-же къ ней приѣхать. Итакъ, взявъ меня съ собою и поѣхали, и оба они въ книгѣ росписались. Купчая по обыкновенію вручена была надсмотрщикомъ княгинѣ, а сія хотѣла-было вручить ее князю, но сей не принявъ просилъ ее, чтобъ она изволила прислать къ нему для пріема и полученія денегъ, и прислала бы ее уже по полученіи денегъ.

Какъ сумма платимая за волость была немаленькая и простиралась до ста двадцати тысячъ рублей, и всю ее надлежало считать, поелику вся она была чистою серебряною монетою; то принуждены мы были съ г. Шебашовымъ употребить весь послѣдующій день на отпусканіе оной изъ кладовой княжеской, гдѣ они у него хранились, а господа Салтыковы, приѣхавшіе для сего сами, на приниманіе оной отъ насъ и считаніе. Наконецъ повезли они ее отъ насъ на 'фурѣ, въ шесть лошадей запряженной, а вслѣдъ за нею поѣхали и мы съ г. Шебашовымъ

къ книгинѣ для полученія купчей, которую она намъ и вручила.

Такимъ образомъ кончили мы съ княгинею Бѣлосельскою наше дѣло и князю оставалось только снабдить меня инструкціею и нѣсколькими ордерами, и отправить въ Кіясовку для вступленія въ мою управительскую должность. Первую препоручилъ князь написать самому мнѣ для себя, и сіе составило для меня щекотливую комиссію. Но какъ бы то ни было, но я ее написалъ и князь ею былъ доволенъ. Ордера же писалъ г. Шебашевъ. Итакъ, оставалось мнѣ только побывать въ рядахъ и искупить по повелѣнію князя нѣкотора нужныя для заведенія въ Кіясовкѣ волостной канцеляріи покупки, и потомъ отправляться. И какъ на иные, равно и на другіе нужные первые расходы въ Кіясовкѣ, доколѣ будутъ вступать волостные доходы, потребны были деньги, то и приказалъ князь Шебашеву отпустить мнѣ нѣкоторую сумму.

Во всемъ томъ неспяніи и приниманіи денегъ и провелъ я весь почти послѣдующій день; но какъ въ городѣ втѣтъ было уже поздно, а дня оставалось еще довольно, то и разсудилъ я употребить сіе оставшее время на удовлетвореніе желанія господъ Салтыковыхъ, которые взяли съ меня клятву, чтобы не увѣзжать изъ Москвы, съ ними не простившись. Итакъ, чтобы отвязаться уже отъ нихъ и наутріе имѣть болѣе свободы, и поѣхалъ я къ нимъ на извозчикѣ.

Вдучи дорогою помышлялъ я и говорилъ самъ себѣ: уже не затѣмъ ли они меня къ себѣ пригласили, чтобы подарить меня чѣмъ-нибудь за мои труды и хлопоты. И какъ я неинако думалъ, что вздумаютъ они навязывать на меня какую-нибудь бездѣлку, то считалъ за послѣднее для себя принять оную и рѣшительное намѣреніе принявъ отказаться отъ того, ежели сіе воспослѣдуетъ.

Въ сихъ помышленіяхъ и пріѣхалъ я въ домъ княгининъ. Я прошелъ прямо въ комнаты господъ Салтыковыхъ, но изъ всѣхъ ихъ нашелъ только Александра Михайловича, другихъ же обонхъ брать-

евъ не было дома. Помянутой другъ мой, ни съ другою слова; подхвата меня повелъ въ комнаты къ книгинѣ. Сіа приняла меня съ отиѣвною уже ласкою и пріятствомъ передъ прежнимъ. Я не зналъ что-бы это значило, но послѣ узналъ, что какъ Александръ Михайловичъ имѣлъ уже время пересказать ей все, что онъ обо мнѣ и объ охотѣ моей къ наукамъ, о моихъ знаніяхъ, о моихъ житейскихъ бытѣхъ и о характерѣ моемъ зналъ; то она, будучи сама до наукъ, а особливо до натуральной исторіи, нѣкоторой охотницею, получила обо мнѣ уже гораздо выгоднѣйшее предъ-прежнимъ мнѣніе и потому, пригласивъ меня, тотчасъ вступила со мною въ пріятные и относящіяся до наукъ разговоры. И какъ естественно и я не имѣлъ причины молчать, то провели мы все время до ужина, безъ котораго она меня отпустить никакъ не хотѣла, со взаимнымъ и особымъ удовольствіемъ. Наконецъ пріѣхали и другіе оба братья, и какъ она никакъ обыкновеніе ужинать очень рано, то тотчасъ и позвали насъ къ столу и книгиня, посадивъ меня подлѣ себя, не зная какъ меня лучше всѣмъ и всѣмъ угождать.

Отужинавъ не сталъ я далѣе ни минути медлить, но раскланявшись и распрощавшись съ нею и господами Салтыковыми, осмысливши меня выѣздить съ собою опять за все и все тысячами благодареній, поскакалъ я обратно на свою квартиру, будучи крайне доволенъ, что о подаркѣ, какъ казалось, не было ни у кого и на умѣ, хотя то мнѣ нѣкоторымъ образомъ и удивительно казалось.

Теперь расскажу вамъ объ однихъ странномъ, рѣдкомъ и весьма достоиматномъ въ жизнь мою происшествіи, случившемся со мною по пріѣздѣ моемъ на квартиру, происшествіи, могущемъ доказать, что были на свѣтѣ люди, чувствовавшіе прямую благодарность и умѣвшіе не только цѣнить и имѣть истинное дружество; но показывать тому рѣдкіе и почти необыкновенныя опыты и доказательства. Было оно слѣдующее:

Какъ тогда начинало уже хотя снѣгъ

ваться, но было еще свѣтло и случился тогда быть наипрекраснѣйшій июльской вечеръ, то по возвращеніи своемъ въ думную свою квартиру, ибо стоялъ я все еще у Шебашова, и нехотя ложиться спать, вздумалъ я вытѣчь за ворота и проходиться нѣсколько по улицѣ, при тогдашнемъ прохладномъ уже воздухѣ. Но не успѣлъ нѣсколькихъ десятковъ сажень отъ воротъ своей квартиры отойти, какъ вдругъ встрѣчается со мною скачущая почти карета, и сидѣвшій въ ней закричалъ кучеру «Стой! стой!»

Я удивился сіе увидѣвъ; но удивленіе мое несказанно еще увеличилось, когда увидѣлъ я въ выходящемъ изъ кареты къ прямо ко мнѣ идущимъ друга моего Александра Михайловича Салтыкова. «Ба! ба! ба! Александръ Михайловичъ! воскликнулъ я: куда это?» — «Бѣ тебѣ, мой милый и любезный другъ, сказалъ онъ; мнѣ хотѣлось еще разъ съ тобою проснуться, и вручить тебѣ вотъ знакъ книжпниной благодарности за всѣ твои труды и старанія, а отъ себя жертву моего къ тебѣ дружба». И въ самое то время, выхвативъ изъ кармановъ одною рукою довольно толстой и запечатанной пакетъ, а другою небольшою свертокъ бумагъ, сей всунулъ мнѣ въ карманъ, а тотъ совалъ мнѣ за пазуху. Поразила я сею неожиданностію и хотя не зналъ, что такое было въ сверткѣ и въ пакетѣ, но заключаю, что находились въ нихъ какіе-нибудь подарки, сталъ упорствовать и, не принимая, говорить: «Помилуй, братецъ! на что это, на что? и стоять ли чего всѣ мои труды и старанія. Я радъ, что удалось мнѣ всѣмъ вамъ услужить, и одно чувствуюмое отъ того удовольствіе служить мнѣ уже довольною наградою. Нѣтъ, нѣтъ, продолжалъ я, отъ часу болѣе противясь, говорить, воля твоя, а я никакъ не приму; и на что книжнѣ для меня убытчиться!» — «Пустое, братецъ! какой это убытокъ! подхватилъ онъ: мы сегодня же все ваше серебро промѣняли на ассигнаціи и получили болѣе трехъ тысячъ барыша, такъ стоять ли чего эти бездѣлки!» Услышавъ сіе и заключаая, что

въ пакетѣ запечатана какая-нибудь вещь, а въ сверткѣ находилось нѣсколько денегъ, сталъ-было я еще болѣе упорствовать и выхвативъ всунутой мнѣ за пазуху пакетъ, опять ему въ руки втирать; но онъ, опять его всунувъ мнѣ за камзолъ, сказалъ: «Воля твоя и какъ ты хочешь, а взять ты это неотмѣнно долженъ; человекъ ты любезной, но не богатой, и тебѣ, моему другу, это сгодится», и поцѣловавъ меня потомъ и сказавъ: «ну, прости мой другъ!» опростельно побѣжалъ въ карету и усѣвшись въ нее по-скакалъ отъ меня прочь, сказавъ только мнѣ уже изъ кареты: «Пожалуй только, мой другъ, поддержи это за собой и не сказывай никому, да и самую княгиню не только не благодари, но не упоминай о томъ ей ни одного слова. Она неотмѣнно того хочетъ».

Изумленіе, въ которое приведенъ я былъ симъ внезапнымъ, страннымъ и особливимъ пропзшествіемъ, было таково, что я его никакъ изобразить не въ состоянн. Я почти оцѣпенѣлъ на нѣскольکو секундъ, и смотря въ слѣдъ исчезнувшей у меня изъ глазъ каретѣ, не зналъ что думать. Но какимъ новымъ изумленіемъ я поразила, когда, любопытствуя узнать, что такое было въ бумажномъ сверткѣ, развернувъ его увидѣлъ, что находилось въ немъ цѣлыхъ триста рублей золотыми имперіалами. «Господи! воскликнулъ я отъ удивленія: какое множество золота, и стоятъ ли того труды мои и [услуга?» Но изумленіе мое еще несказанно увеличилось и было неизобразимо, когда, любопытствуя также узнать, что въ пакетѣ, распечатавъ его увидѣлъ, что вмѣсто мнимои какой вещицы весь онъ наполненъ былъ одними только ассигнаціями: «Ба! ба! ба! воскликнулъ я, и тутъ ажко одиъ деньги!» Но сколь удивленіе мое увеличилось, когда я, пересчитавъ ихъ въ скорости, усмотрѣлъ, что содержали онѣ въ себѣ цѣлую тысячу рублей.

Зрѣлище сіе въ мигъ привело тогда всю кровь мою въ волненіе превельчайшее, а сердце во мнѣ такъ затрепетало,

что хотѣло почти выскочить, и я равно какъ въ нѣ какомъ восторгѣ воскликнулъ: «Господи! что это такое!» и опять замолчалъ, погружаясь въ тысячу мыслей, произведенныхъ во мнѣ сею неожиданностью. Сумма сія была такая, какой я еще никогда не имѣлъ у себя отъ своего рожденія, и нынѣ не составляетъ она никакъ бездѣлки, а по тогдашней дороговизнѣ денегъ была гораздо еще важнѣйшею, и натурально должна была показаться мнѣ чрезвычайною. И какъ вручена она была мнѣ такимъ особливимъ образомъ, и вверта насильно въ руки съ такимъ еще особымъ условіемъ, то сталъ я въ пень, не зная, что думать, и крестился только отъ удивленія неизобразимаго.

Долго и нѣсколько минутъ продолжалось сіе мое изумленіе. Но наконецъ, сообразивъ всѣ обстоятельства предсѣдовавшихъ тому происшествію, и помысливъ о томъ, что я сего не искалъ, не требовалъ и даже не желалъ, почелъ даръ сей не инымъ чѣмъ, какъ даваніемъ Господнимъ и дѣйствіемъ непостижимаго Его и о благѣ моемъ пекущагося Промысла, и принявъ его со вздохомъ сердечной къ нему благодарности, пошелъ обратно въ свою квартиру, будучи весьма доволенъ, что никто происшествію сего не видалъ и что происходило оно почти наединѣ съ моимъ другомъ.

Легко можно заключить, что я не имѣлъ причины сказывать о томъ не только моему хозяину, но даже и своимъ людямъ, ничего того не вѣдавшимъ и не видавшимъ; но легши скоро послѣ того спать, долго я не могъ уснуть отъ толпящихся въ головѣ моей множества разныхъ и пріятныхъ мыслей. Но за то и послѣдовавшій потомъ сонъ былъ столь пріятенъ, что я давно такъ сладко и хорошо не спалъ, какъ въ тогдашнюю ночь. Но подарили-ль они чѣмъ-нибудь товарища моего г. Шебашова, о томъ истинно не знаю и по нынѣ. Спрашивать его о томъ было мнѣ совѣстно и неловко, самъ же онъ не сказывалъ, а замѣтно было только то, что не изъяслялъ онъ ни на княгиню, ни на

г. Салтыковыхъ никакого неудовольствія. Что-жъ касается до подаренной мнѣ суммы, то видно, что подарена была она мнѣ отъ добраго сердца, ибо она обратилась мнѣ впрокъ и послужила первымъ основаніемъ всему тому маленькому капиталцу, которой имѣлъ я въ послѣдующее время и пригодилась мнѣ очень-очень кстатъ.

На другой день проснувшись съ новыми и до того неизвѣстными мнѣ еще пріятными чувствіями, ибо я почиталъ себя тогда уже богатымъ человѣкомъ, пошелъ я къ князю, и принявъ отъ него послѣднія приказанія и раскланявшись съ нимъ, пошелъ прямо въ городъ, и исправивъ всѣ нужныя покупки, нанялъ потомъ подъ коляску свою лошадей и передъ вечеромъ пустился изъ Москвы и поѣхалъ прямою дорогою въ Кіевоу, для немедленнаго вступленія въ новую свою управительскую должность, куда, почевавъ на дорогѣ въ Пахрѣ, на другой день и прѣхалъ.

Случилось сіе 22-го числа мѣсяца Іюля и въ самые ночи полдни. Подъѣзжая въ сему селу, чувствовалъ я въ себѣ нѣкоторыя особливия и не непріятныя ощущанія, и не преминулъ нѣсколько разъ перекреститься при вѣздѣ въ самое село, и чтобъ мысленно не попросить Господа о висносланіи мнѣ, при вступленіи въ новое поприще жизни, святого своего благословенія и преподанія мнѣ во всею руку помощи. Меня тутъ начальники уже нѣкоторымъ образомъ дожидались и тотчасъ сбѣжались ко мнѣ, какъ скоро коляску мою завидѣли. Я расположился на время въ тѣхъ же нижнихъ комнатахъ, гдѣ мы до того времени квартировали, и при вступленіи въ свою должность первымъ дѣломъ моимъ было то, чтобъ приказать наутрѣ собраться всѣмъ крестьянамъ, для выслушанія послушнаго указа, которымъ непреминула насъ, по обыкновенію, снабдить княгиня Бѣлосельская.

Между тѣмъ успѣлъ я въ тотъ же день обходить сады и прочія мѣста усадьбы и распросить у начальниковъ о всѣхъ тогдашнихъ въ волости обстоятельствахъ,

также осмотрѣть гужно и производимую въ тотъ день молотбу хлѣба; а ввечеру занялся я писаніемъ къ князю о арбитріи своемъ въ волость перваго района и нѣкоторыхъ другихъ писемъ.

Какъ въ послѣдующій день всѣ крестьяне изъ села Кіасовки и другихъ принадлежавшихъ къ селу сему ближнихъ деревень были собраны, то вышелъ къ нимъ, прочелъ я имъ послушной указъ и потомъ поздравилъ ихъ съ новою и столь знаменитою помѣщицею. Всѣ они изълагали о томъ свою радость и удовольствіе; а я послѣ того сказалъ имъ, что какъ я по волѣ ея опредѣленъ для управленія ими, то при первомъ случаѣ соизвѣтую имъ: что какъ они теперь уже не владѣльческіе, а собственные крестьяне самой государни и гораздо преимущественнѣе всѣхъ прочихъ казеннаго вѣдомства крестьянъ, то они сіе всегда-бы помнили и не постыдили бы себя никакими дурными поступками, а постарались бы какъ можно, будующимъ своимъ поведеніемъ и мирнымъ и порядочнымъ житіемъ и повиновеніемъ, смить съ себя то гнусное пятно, которымъ замараны они всеобщей объ нихъ молвою. «Повсюду,—продолжалъ я имъ говорить,—носятся объ васъ, друзья мои, весьма скверная и гнусная молва! Говорятъ, будто-бы вы предали уже слышкомъ шалостямъ и воровству и будто бы уже до того дошло, что никто изъ проѣзжихъ не смѣетъ и не отваживается у васъ здѣсь въ селѣ ночевать. Я не знаю, правда-ли то или нѣтъ, но желаю, чтобъ была то неправда. Но на случай, если молва сія не пустая, то совѣтую вамъ, друзья мои, всѣ такіа шалости съ сего времени бросить совершенно и отстать отъ всего дурного, и сказываю вамъ напередъ, что сколько вы найдете во мнѣ очень добраго, честнаго и правду любящаго начальника, столько напротивъ того строгаго наблюдателя добраго порядка, и что я никакъ того терпѣть не буду, и что открывшееся за кѣмъ-нибудь не только важное, но и самоглавнѣйшее воровство не останется никакъ безъ наказанія; но всѣ таковыя

строга, жестоко и примѣрно будутъ наказаны, и было-бы намъ сіе, друзья мои, напередъ вѣдомо».

Пропѣвъ имъ съ самаго начала такую пѣсенку, распустилъ я ихъ, сказавъ, чтобъ они шли теперь съ Богомъ продолжать обыкновенныя свои работы; а буде кому какая нужда есть, то являлись бы ко мнѣ съ оними.

Всѣ они, выслушавъ съ глубочайшимъ молчаніемъ мои слова, поклонились и пошли, а я занялся потомъ кой-какими нужнѣйшими распоряженіями, а паче всего приказаніями имѣвшемуся тутъ въ домѣ столяру, починить скорѣе всѣ поврежденныя въ домѣ мебели, также и въ службахъ и кухнѣ окна и все прочее, что было нужно, подтвердивъ, чтобъ все то къ тому времени успѣло, какъ переѣду я со всѣмъ моимъ семействомъ и людьми жить въ Кіасовку. Потомъ ѣздилъ я осматривать господскіе, въ самое то время производившіеся еще покосы, и сдѣлалъ тамъ распоряженія, какія были нужны.

На другой день послѣ того для самаго того-жъ ѣздилъ я въ село Малино и Спасское, и какъ тамъ по предварительному отъ меня приказанію всѣ крестьяне находились уже въ собраніи, то прочелъ я и тѣмъ послушной указъ, а потомъ и съ ними поговорилъ также полюбовную рѣчь, хотя не такого содержания какъ въ Кіасовкѣ, ибо за жителями сихъ селъ никакихъ такихъ шалостей было не слышно. А только крестьянамъ села Спасскаго, о которыхъ мнѣ сказывали, что они отъменно сварливаго и безпокойнаго характера, посовѣтовалъ также, чтобъ они жили впредь помирнѣе и во всемъ были послушнѣе и лучше. Сіи тотчасъ-было и подлетѣли ко мнѣ съ нѣкоторыми дразгами, но я тотчасъ зажалъ имъ ротъ, сказавъ, что на все это будетъ впредъ довольно времени; что впередъ я не оставляю все изслѣдовать и разобрать и во всемъ оказать имъ справедливость, а теперь ни мнѣ, ни имъ заниматься тѣмъ не дозволяетъ время, а шли бы они всѣ продолжать свои полевныя работы.

Отпуста и сихъ, занялся я съ приѣхавшими въ самое то время въ село Спасское купцами торговать садъ тамошній; и я, походивъ съ ними и осмотрѣвъ плоды и поторговавшись, и продалъ имъ оныя за шестьдесятъ рублей, которые и составили самой первой доходъ по вступленіи моемъ въ управленіе волостью.

Возвратившись оттуда опять въ Кіасовку, не сталъ я долѣ медлить, но по сдѣланіи еще нѣкоторыхъ распоряженій, и давъ прикащику наставленіе, что ему въ отсутствіе мое съ крестьянами дѣлать и какія производить работы, по утру на другой день и пустился въ свое любезное Дворяниново, дабы забраться тамъ всѣмъ нужнымъ и переѣзжать потомъ со всѣми домашними моими, жить въ Кіасовку.

Тамъ нашелъ я всѣхъ моихъ родныхъ въ нетерпѣливомъ и ежедневномъ ожиданіи моего приѣзда, ибо до нихъ дошли уже слухи, что я изъ Москвы въ Кіасовку отправился. Итакъ, встрѣчали онѣ меня уже какъ управителя императрициной волости, и съ изъявленіемъ радости своей поздравляли со вступленіемъ уже въ свою должность. Но сколь увеличилась ихъ радость, когда, отведя ихъ въ особую комнату, по секрету рассказалъ имъ о полученномъ мною и всего меньше ожидаемомъ дарѣ. Онѣ, услышавъ такую неожиданность, поразились также удивленіемъ неизобразимымъ, и согласно со мною не иначе то почиталъ, какъ даяніемъ Божескимъ, не знали какъ возблагодарить Господа за сію ниспосланную намъ милость.

Послѣ сего нисколько уже не медля, принялись мы за сборы и на другой же день закипѣло у насъ въ домѣ. Переѣздъ со всѣмъ домомъ жить въ другое мѣсто не составляетъ бездѣлки, и требовалъ къ тому приготовленій и распоряженій многихъ. Надобно было назначать кого и кого изъ людей обоего пола намъ брать съ собою, опредѣлять что и что изъ мебели и другихъ вещей намъ забирать и везти на новое жилище. Надобно было собирать нужныя, къ перевозкѣ безчи-

сленнаго множества разныхъ мелочей и вещей, повозки и снабжать ихъ лошадьми; надобно было подумать и о томъ что оставлять дома, и сдѣлать распоряженіе, чему и чему безъ насъ производиться, и такъ далѣе. Словомъ, хлопотъ, трудовъ и заботъ было превеликое множество.

Цѣлыя трое сутокъ, и именно 26, 27 и 28 іюля занимались мы непрерывно сими сборами и хлопотами, и насилу-насилу успѣли ихъ кончить. Въ продолженіе сего времени не по одному, а по нѣскольку разъ въ день обѣгалъ я всѣ свои сады и посѣщалъ всѣ любимѣйшія мѣста въ оныхъ. Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ сожалѣніемъ разставался я со всѣми ими, и какъ старался ровно какъ въ послѣдній разъ насмотрѣться на нихъ и налюбоваться всѣми красотою и пріятностями оныхъ. Правда, отъѣзжалъ я хотя и не въ такую даль, чтобъ не могъ ласкаться вскорѣ ихъ опять увидѣть, да и послѣ надѣялся временемъ приѣзжать къ себѣ въ домъ; но что могли значить всѣ такіе временныя и на короткое только время приѣзды? И какаа разница была между ими и всегдашнимъ пребываніемъ и жительствомъ въ деревнѣ, къ тому-жъ, и будущее все ли было извѣстно? Не легко ли могли случиться обстоятельство, которыя до частыхъ отлучекъ бѣ должности и не допускать будутъ.

Такъ думалъ я, и все сіе производило въ душѣ моей нѣкакія особенныя и неизобразимыя чувствованія, и не одинъ, а нѣсколько разъ побуждали меня говорить даже съ ними, какъ бы меня слышавшими и разумѣющими. «Простите, мои милые и любезные друзья! говорилъ я, когда-то велитъ Богъ мнѣ опять здѣсь жить съ вами, и всѣми вашими пріятностями утѣшаться! Удаляюсь отъ васъ въ мѣста чуждыя и принадлежація не мнѣ собственно, какъ вы, вы же останетесь здѣсь какъ сиротами; никто-то васъ посѣщать и такъ любоваться не будетъ, какъ я. Въ отсутствіе мое чего и чего не можетъ произойти съ вами! Никто-то объ васъ такъ печется и такъ васъ

беречь и охранять не станеть, какъ я. Какъ легко можетъ случиться, что няня изъ васъ отъ небреженія совсѣмъ одначють и запусъють!»

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорилъ и распрашивался я со всѣми любивѣйшими и мною обработанными мѣстами, ровно какъ предчувствуя, что сіе вѣкогда дѣйствительно совершится; ибо могъ ли я тогда думать и себѣ воображать, что я отлучался тогда отъ нихъ дѣйствительно не на короткое, а весьма на долгое и даже до 22-хъ лѣтъ продолжавшееся время, въ теченіи которыхъ хотя я и видалъ ихъ временно, но всегда только на самое короткое время; что и причиною было, что многія мѣста и дѣйствительно одначили, запусъти и всѣхъ тогдашнихъ своихъ красотъ лишились.

Съ такими-жъ особенными чувствами разставался и прощался я и съ любезною своею библиотекою и милымъ своимъ кабинетомъ, свидѣтелемъ толь многихъ пріятныхъ минутъ въ немъ проведенныхъ. «Прости, мой другъ! говорилъ я: Богу еще одному извѣстно, буду-ли тамъ, куда, оставая тебя, теперь ѣду, находить столько-жъ душевныхъ удовольствій, сколько находилъ въ тебѣ при помощи сихъ сиротъ, остающихся здѣсь стоять въ пыли, въ глухотѣ, въ темнотѣ и въ пустотѣ самой. Никто-то васъ здѣсь, друзья мои, посѣщать и вами утѣшаться не будетъ». Симъ образомъ говорилъ я, прощался съ остающимися въ большомъ шкалу моемъ книгами, ибо всѣхъ ихъ съ собою забрать никакъ было не можно и неудобно, а я только забиралъ однѣ нужнѣйшія изъ нихъ.

Такимъ же образомъ не преиннулъ я обходить и всѣ прочія мѣста моей усадьбы, и какъ садовникамъ моимъ, такъ и остающемуся домоправителю и приказнику давать наставленіе и приказанія, что имъ безъ меня въ садахъ и другихъ мѣстахъ наблюдать и дѣлать.

Между тѣмъ какъ я симъ и подобнымъ образомъ между иныхъ дѣлъ ходилъ и распрашивался со всѣми мѣстами, занимались обѣ хозяйки мои собраніемъ,

уладиваніемъ всякой домашней рухляди, оставляемой отчасти дома, отчасти забираемой съ собою. Ыхали мы тогда не валежкѣ и не одни только, а брали съ собою не только всѣхъ своихъ дѣтей, но и самыхъ чужихъ, гостившихъ тогда у насъ для компаніи и обученія кой-чему; ибо какъ домъ въ Кіясковѣ былъ такъ просторенъ, что было гдѣ и со всѣми ими помѣститься, то не разсудили мы за благо отпустить ихъ въ роднымъ ихъ, а брали съ собою, дабы не было намъ такъ скучно, а особливо сначала. И какъ ѣхала насъ цѣлая компанія, то нужно было какъ для себя, такъ и для нихъ всѣмъ нужнымъ собраться и запастись. Сверхъ того и самыхъ людей брали мы съ собою не мало, слѣдовательно и объ нихъ и о снабденіи ихъ всѣхъ нужнымъ надобно было подумать и все нужное забрать; а потому и были у хозяекъ моихъ во всѣ сін дни полны руки работы и всѣ помышленія заняты заботами многочисленными.

Наступило наконецъ 29-е число іюля, какъ день назначенный для нашего отъѣзда. Итакъ, по настаніи сего дня, помолясь Богу и распрощавшись со всѣми съѣхавшимися къ намъ для проводовъ ближними сосѣдями, выѣхали мы изъ своего дома и любезнаго своего Дворянинова, нимало не воображая себѣ, что мы разставались съ нимъ и домомъ своимъ на столь долгое время, что сей послѣдній успѣлъ къ тому времени совсѣмъ уже почти развалиться и къ житю сдѣлаться неспособнымъ, въ которое Промыслу и волю Господней угодно было привести насъ опять для жительства по прежнему въ семь нашемъ обиталищѣ.

Не могу никакъ изобразить, съ какими чувствами разставался я тогда съ симъ любезнымъ моимъ жилищемъ, и что и что ощущалъ въ душѣ моей по выѣздѣ изъ онаго. Я нарочно велѣлъ ѣхать далеко можно медленнѣе до тѣхъ поръ, покуда было оно еще видно и не сокрывалось отъ очей моихъ, безпрерывно на него смотрящихъ, и минуты сін были для меня поразительны. Превеликимъ множествомъ мыслей занималась тогда вся душа моя.

и я говорилъ самъ въ себѣ: «Ну, прости селеніе милое и дорогое! Ровно почти двѣнадцать лѣтъ кормило, поило, согрѣвало и всѣмъ нужнымъ снабжало ты меня, и я жилъ въ тебѣ мирно, спокойно, весело и такъ хорошо, что и не помышлялъ никогда съ тобою разстаться и тебя покинуть; но не то случилось, что я предполагалъ и думалъ! Десница Всемогущаго извлекаетъ меня изъ нѣдръ твоихъ и возводитъ на иную стезю и поприще жизни. Отлучаясь отъ тебя, ѣду я начинать новой родъ жизни; лучшее-ли для меня или худшее предстоитъ во дняхъ грядущихъ, о томъ извѣстно одному только Господу! Но его святая воля и буди со мною! Ну, прости, прости», сказалъ я при послѣднемъ возрѣвнн на роши, скрывающіяся уже изъ глазъ моихъ, и велѣлъ уже погонять лошадей и ѣхать скорѣе.

Симъ кончилась первая моя деревенская жизнь по отставкѣ; а какъ и письмо мое уже достигло до своихъ предѣловъ, то окончу я и его сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 31-го дня 1808 года).

Письмо 175-е.

Любезный пріятель! Предъ самымъ вечеромъ было уже то, какъ мы со множествомъ нашихъ повозокъ, составлявшихъ изрядной обозецъ, вѣхали въ село Кіасовку, а потомъ на обширной и просторной дворъ господскаго дома. Спутницы мои, сидѣвшія со мною въ одной каретѣ, крестились, по набожности своей, вѣзжая на дворъ, и увидѣвъ домъ, отъ удивленія воскликнули: «Э! э! э! какая домина, да въ этомъ и Богъ знаетъ сколько людей помѣститъ можно». — «Ну! не такъ-

то слишкомъ радуйтесь, сказалъ я имъ, величнѣй его, а посмотрите напередъ его внутренность, и тогда вѣрно заговорите вы иное; не таковъ-то онъ покоенъ и помѣстителенъ внутри, каковъ великъ и хорошъ кажется снаружи».

Въ сихъ разговорахъ подѣхали мы въ большому крыльцу, посреди дома находившемуся. Оно нашли мы уже все установленное тамошними начальниками и именитыми людьми. Прикащикъ, староста, земской и всѣ, сколько ни было дворовыхъ людей и мастеровыхъ, успѣли уже сбѣжаться, и собравшись встрѣчали насъ съ обыкновенными привѣтствіями и поклонами. Я, поздоровавшись съ ними и спросивъ, все-ли у нихъ здорово и хорошо, повелъ тотчасъ спутницъ своихъ въ верхній этажъ по большой парадной и покойной лѣстницѣ, внутри дома въ просторныхъ сѣняхъ устроенной, и взвѣдъ ихъ на верхъ въ нѣкоторой родъ также просторныхъ и сквозныхъ сѣней, сказалъ: «Ну, теперь ступайте сами куда хотите! направо и налево, осматривайте всѣ комнаты и покои, выбирайте изъ нихъ любя и думайте гдѣ-бы намъ удобнѣе пріютиться, и которыя-бы изъ нихъ назначить для гостинной, столовой, спальни, для дѣвичьей и дѣтской. Намлучшія и множайшія комнаты вотъ здѣсь, въ лѣвой сторонѣ дома». Боярнн мои тотчасъ туда и полетѣли, а я пошелъ въ правую сторону, какъ назначенную уже предварительно для своихъ покоевъ, и для показанія людямъ куда переносить мои вещи.

Не успѣлъ я еще всѣхъ приказаніевъ моихъ кончить, какъ гляжу, идутъ мои спутницы уже ко мнѣ. — «Ну что?» спросилъ я ихъ. — «Что, батюшка! отвѣчали онѣ мнѣ: чуть ли ты не правду сказалъ, что нашъ домъ каковъ ни малъ противъ этого, но едвали не спокойнѣе и не помѣстительнѣе! Возможно-ли? Ходили, ходили и нигдѣ не нашли ни одной порядочной комнаты. Иныя, какъ конурки, слишкомъ уже малы, а другія какъ сараищи, преобширныя, а всѣ низимъ-низехоньки. И что это за расположеніе меж-

ду или? Какой чортъ это ихъ строи́тъ и располага́тъ, и гдѣ у него умъ былъ?» — «Не проги́вайтесь, сказа́лъ я, онѣ строи́тъ не для насъ, а для себя и располага́тъ такъ, какъ ему хотѣлось; итакъ, о томъ говорить нечего. А думайте-ка, гдѣ-бы намъ и какъ расположиться». — «Чего думать? подхватили онѣ: тамъ не нашли ли нѣкакого пріюта, а нѣтъ-ли развѣ въ этомъ краю?» — «А здѣсь и того меньше, сказа́лъ я: тутъ и всего только два поко́йма, изъ которыхъ одинъ назначаю я для лакейской, а другой и крайній для своего кабинета». — «Но не лучше-ли и не покойнѣе-ли будетъ внизу?» спросили онѣ. — «Тамъ и того еще хуже; завтра вы увидите сами, а теперь и ходить туда не зачѣмъ, а думайте и располагайтесь какъ-нибудь уже здѣсь и-утѣшайтесь по крайней мѣрѣ тѣмъ, что намъ не всегда здѣсь жить. Князь обѣщавъ уже мнѣ построить новой и особливой деревянной домъ для жилья управителю и назначилъ къ тому уже и мѣсто. И тотъ уже построимъ мы на свой лады и по своему вкусу, и расположимъ какъ надобно, а до того времени нечего иного дѣлать какъ довольствоваться уже симъ и какъ-нибудь уже въ немъ понѣщаться».

Пересказавъ имъ сіе и показавъ обѣ свои комнаты, повелъ я ихъ обратно, чтобы сообщить имъ цо крайней мѣрѣ свое мнѣніе, и введя въ помянутой средней и просторнѣйшей покой, въ которой выходила снизу парадная лѣстница, сказа́лъ: «Вотъ этотъ саранна долженъ служить намъ и вмѣсто сѣней, и вмѣсто прихожей и вмѣсто залы. И естли случится когда быть у насъ многимъ гостямъ, такъ негдѣ больше обѣдать какъ здѣсь». — «Но умилосердись! подхватили онѣ, какъ это можно?» — «Ковечно можно, отвѣчалъ я, и въ службѣ не безъ нужды, а это, слава Богу! простора довольно, стапови себѣ сколько хочешь столовъ, благо свѣтло и въ обѣ стороны окошки и ихъ множество!» — «Ну, ну, пускай по твоему, сказа́ли онѣ, но что далѣе?» — «А вотъ здѣсь, сказа́лъ я, введя ихъ въ первую и небольшую комнату съ двумя окнами на

дворъ: пусть будетъ наша всегдашняя столовая, комната хоть небольшая, но для столовой уже годится. Семья наша не такъ велика, а хоть бы и случились гости, такъ человѣкъ двѣнадцать или пятнадцать по нуждѣ накормить можно». — «Ну! ну! сказа́ли онѣ далѣе; а на гостиную-то комнату которую-бы ты назначить изволишь?» — «А вотъ эту другую, подлѣ ей». — «Ахъ, батюшки! воскликнули онѣ, да эта и той еще меньше и тѣснѣе; да тутъ человѣкъ и десяти не усадишь». — «Ну, какъ быть! сказа́лъ я, говорится въ пословицѣ, на безлюдья и сидни въ честь, и нужда чего не дѣлаетъ; случится когда быть тѣснѣе и гостей много, такъ милости просимъ въ столовую, тогда служи и она намъ вмѣсто другой гостинной, какъ быть?» — «Ну, ну! подхватили онѣ, а для спальни-то нашей какую комнату изволишь назначить?» — Тутъ сталъ я въ пень, и не зналъ что сказать; за обѣими сими комнатами впереди оставался одинъ, но изъ всѣхъ неуклюжистѣй и самой крайній въ домѣ, предлинной, во всю ширину дома простиравшійся и во всѣ три стороны окошки имѣющей покой, и я не смѣлъ почти ассигновать ее подъ спальню. Но неволя заставила меня уже ее предназначать нашему спальнею. Захотели боярыни мои, сіе услышавъ, и совокупно воскликнули: «Ну, уже спальня! нечего говорить, спальня! самая господская! Ну, какъ это можно тутъ спальня быть?» — «Для чего не быть? сказа́лъ я: вотъ здѣсь поставимъ къ одному концу короватъ, а въ достальномъ мѣстѣ можете вы запросто жить: чево нѣтъ свѣтло! подъ любимъ окошечкомъ себѣ сидите и смотрите вотъ либо на дворъ и на село сюда, либо на ирудъ въ эту сторону, либо сюда въ садъ и въ поля. Пожалуй себѣ помѣщайте здѣсь и кружевницъ своихъ и другихъ рабочихъ, простора довольно». — «Ну что дѣлать, подумавъ-подумавъ сказа́ли онѣ: знать быть по-твоему. А вотъ эти достальныя заднія двѣ комнаты, окошками въ садъ, и сами мы назначали для дѣтской и для дѣвичей; но есть ли по крайней мѣрѣ мѣсто, гдѣ-бы что поло-

жить можно было?» — «О! что касается до этого, такъ кладовыхъ здѣсь множество, найтие можемъ и вверху, въ мѣстѣ краю, и внизу, за этимъ дѣло не станеть».

Расположивъ снѣгъ образомъ, гдѣ чему быть, и велѣли мы тотчасъ разбираться и вносить все, куда что слѣдовало, и провели въ томъ все достальное время того дня. Повара наши между тѣмъ успѣли приготовить намъ дорожной ужинъ, и мы обновили имъ свою столовую.

На другой день съ самаго утра, принялись мы уже порядочно разбираться и все вездѣ устанавливать и какъ надобно, все располагать. Между тѣмъ, какъ хозяйки мои хлопотали о томъ въ своемъ краю, занимался я тѣмъ же нѣ своемъ правомъ краю. Я упомянулъ уже, что тутъ находилось только двѣ нарочито просторныя комнаты. Изъ нихъ крайнюю и угловую ассигновалъ я для собственнаго своего ежедневнаго пребыванія, и подъ однимъ окошечкомъ установилъ я себѣ свой писчій столикъ, подъ другимъ назначилъ быть будущей моею канцелярію, а подъ третьимъ столу учебному для моихъ воспитанниковъ и учениковъ, которыхъ столкнулось тогда цѣлыхъ трое: мой племянникъ Травинъ, да сынъ господина Ладыженскаго, да еще Обариновъ, снѣгъ одной дальней родственницы моей тещи и мальчикъ бѣдной и не весьма еще большой. Всѣмъ снѣгъ назначена комната сія была и спальнею и учебною, а вкупѣ должна была быть и моею библіотекою и аптекою, для помѣщенія которой радъ я былъ, что отыскалъ старинной, небольшой, но довольно просторной шкатучкѣ. Итакъ, всю мою рухлядь мы тутъ и помѣстили, другой же назначили для ежедневнаго пребыванія слугъ и лакеевъ.

Во всѣхъ сихъ разборахъ и приключиваніяхъ провели мы весь тотъ день; однако я успѣлъ въ оной же сводить домашнихъ своихъ и въ тамошній, позади дома находящійся садъ, и показать имъ плоды и поспѣвшія кой-какія уже ягоды, и препоручилъ оныя имъ въ вѣдомство и само-

произвольное употребленіе, во что имъ угодно, а самъ потомъ успѣлъ слетать верхомъ на поля хлѣбныя для осмотра оныхъ. Тамъ повстрѣчалось со мною такое зрѣлище, какого не видывалъ я еще никогда, и которое не только меня удивило, но заставило и думать. На всѣхъ пашняхъ, которыя засѣяны были весной овсомъ, оной весь почти пропагъ или былъ чрезвычайно рѣдокъ, а вмѣсто онаго выросло что-жъ? Одинъ сплошной лѣнь, хотя онъ тутъ вовсе сѣянъ не былъ. Не могу изобразить какъ я тому удивился, и тѣмъ паче, что по всѣмъ изслѣдованіямъ и распросамъ не находилъ тому никакой естественной причины. И какъ выдалъ я снѣгъ образомъ сплошнымъ льномъ порослу не одну ниву, а цѣлое поле, то не зналъ, что мнѣ съ нимъ дѣлать, и пришелъ отъ того въ великое недоумѣніе, и тѣмъ паче, что былъ онъ не только низокъ, но и очень суковатъ, и потому не думалъ я, чтобъ онъ могъ годиться въ дѣло. Но какъ по крайпей мѣрѣ былъ онъ очень сѣмянистъ, то рѣшился наконецъ по созрѣніи оныхъ, согнавъ бабъ, велѣть весь его выдергать руками; что и было сдѣлано, и мы послѣ намолотили изъ него нѣсколько десятковъ четвертей льнянаго сѣмени, самъ же онъ дѣйствительно оказался совсѣмъ неспособнымъ къ употребленію въ дѣло.

Кромѣ сего, удивила меня въ сей день и другая неожиданность. Передъ самымъ то было уже вечеромъ, какъ увидѣлъ я изъ окна въѣхавшаго на дворъ верхомъ челоуѣка и узналъ, что былъ онъ мой изъ деревни. «Ба! ба! ба! воскликнулъ я: зачѣмъ это? и не сдѣлалось-ли тамъ безъ насъ чего? Посылай, посылай его скорѣе». Челоуѣкъ входитъ, но чтожъ? подаетъ мнѣ нарочито толстой пакетъ изъ Экономическаго Общества и сказываетъ, что прислали-де его вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Коширы, и что приващикъ сочтя, что онъ можетъ быть какой-либо важности, и отправилъ его ко мнѣ съ нарочнымъ. «Хорошо, братецъ, сказалъ я, что это не иное что, а то ты меня испужаль-было».

Развернувши его, нашелъ я въ немъ не-

запечатанное и пустое почти со-
общение о размноженіи нуждѣйшихъ
вѣдѣ Россіи, присланное ко мнѣ
отъ Нартова, писанномъ
рукою. Въ ономъ не упоминалъ
ничего о неполученіи отъ меня
слова о посылаемой книжкѣ,
содержавшей только увѣдомленіе, что
я сдѣлалъ новой уставъ и опре-
дѣлъ въпредъ всѣ посылаемыя въ
общество не подписываемы-бы были
исчислителями, а во всякому при-
сланію быть вѣсто имени какой-ни-
будь, а имя было бы въ запеча-
тываніи, дабы Общество могло
принять ихъ, не зная чьи они, и
каждое удостоенное печати
имя, и означивалъ тѣмъ, чтобы
исчисленія свои присылалъ безъ
именъ отъ девицъ.

Вотъ на! прочитавъ сіе восклик-
нулъ: «Вотъ и вышло еще затѣян! До
сихъ поръ писальщиковъ мало и дѣло
ихъ теперь и того будетъ плоше и
хуже, чортъ ли кого заставить на
своемъ хлопотать и трудиться;
хотѣю и хотѣю, такъ пройдетъ
первой покорно благодарствую!
Вотъ-жъ, мнѣ право теперь не до
того, когда мнѣ заниматься такими
дѣлами, а съ вашими ме-
нами. Скажите сіе, свернуть я письмо
ваше къ прежнимъ покориться и
т.д.

Сдѣлали мы разобратъ и все къ
дѣламъ прибавить, начать при-
нять на новомъ мѣстѣ жить, какъ на
этомъ день и пожаловалъ къ намъ
гость, господинъ Жуковъ, одинъ
изъ нашихъ въ сосѣдствѣ тамошнихъ
дѣлъ, пріѣхавшій ко мнѣ себя реко-
мандовать. Я принялъ его съ обыкно-
венною внимательностью и благопріят-
но. А въ послѣдующій за тѣмъ день
я насъ уже и госпожа Остан-
ковна изъ тамошнихъ сосѣдокъ.
Онъ сказалъ я самъ себѣ: ежели
часто будутъ къ намъ жаловать
то намъ и не будетъ здѣсь скуч-
но, здравилъ съ тѣмъ своихъ хо-

зякъ, которымъ было то нисколько не
противно, ибо какъ первой пріѣхавъ
ко мнѣ, такъ сія послѣдняя къ нимъ
для сведенія знакомства.

Впрочемъ, какъ въ самой сей день слу-
чилось 1-е число августа, то мы были въ
первой разѣ въ тамошней церкви и у
обѣдни, и потомъ ходили на воду, гдѣ
имѣли удовольствіе видѣть всѣхъ жите-
лей того села и ближнихъ деревень въ
собраніи и на нихъ посмотрѣть, а себя
показать.

Но сколько день сей пріятно начался,
такъ напротивъ того дурно и непріятно
кончился. Случился въ оной опять дѣлъ
неожиданности и такіа происшествія, ко-
торыя меня заставили думать, и были для
меня крайне непріятны. Первое произ-
шествіе было хотя самое бездѣльное и
ничего почти незначущее, но досадно мнѣ
было потому, что принудило меня уже
такъ рано начинать съ подкомандующи-
ми моими, противъ хотѣнія моего, драть-
ся. Поймали и привели ко мнѣ вора съ
покраденными въ саду яблоками, и не
маленькаго мальчишку, а бородача, и къ
тому-жъ еще десятскаго. Кража была
хотя небольшая и нестоющая дальнаго
уваженія, но какъ при послѣднемъ со-
браніи всѣхъ крестьянъ я торжественно
всѣмъ имъ предвозвѣстилъ, что и само-
малѣйшая кража не останется безъ стро-
гаго наказанія; то для поддержанія сего
слова самая необходимость требовала,
чтобъ сего бездѣльника въ предвари-
тельной страхъ всѣмъ другимъ наказать.
Итакъ, спросилъ я сего друга, былъ-ли
онъ на послѣдней сходкѣ? «Былъ-де». —
«Ну, слышалъ-ли ты, что я говорилъ и
какъ васъ увѣщевалъ, чтобъ вы шалости
и воровствы всѣ кинули?» — «Слышалъ». —
«Ну что-жъ ты, мой другъ! развѣ думаешь,
что я шутилъ съ вами? такъ я тебѣ до-
кажу, что я говорилъ съ вами не шута.
Пожалуй-ка раздѣнься, и мы тебя по-
учимъ, какъ въпредъ приказанія мои ува-
жать и не играть ими». Сказавъ сіе и
простегавъ я его изрядно, и ве-
лѣлъ сказать всѣмъ, что я имъ
то же будетъ, если я

не уймутся. Симъ и дѣйствительно заставилъ я всѣхъ начинать дѣлаться осторожнѣйшими.

Но сіе было еще ничто въ сравненіи съ другою и всѣхъ насъ крайне поразившею неожиданностью. Прискакали ко мнѣ изъ Малина, Спасскаго и Володимеровой безъ души всѣ тамошніе начальники, старосты и бурмистры съ донесеніемъ, что у нихъ тамъ во всемъ краю сдѣлалась превеликая тревога. «Что такое?» испугавшись спросилъ я. — «Не знаемъ, судырь, а была только отъ частныхъ смотрителей строгая повѣстка, чтобъ немедленно отъ каждаго ста душъ наряжали по два человѣка вооруженныхъ, одного пѣшаго, а другого коннаго и немедленно отправляли въ Коломну, а изъ достальныхъ, чтобъ четвертая часть была бы готова отправляться туда, куда спростать».

— «Господи! что это такое! удивляясь и не понимая для чего-бы сіе было, возопилъ я; но не слышали-ль вы, по крайней мѣрѣ на что-бы это было?» — «Богъ знаетъ, судырь, а твердятъ всѣ что-то о Пугачовѣ, а иные мелютъ, будто-бы онъ уже очень близко и идетъ на Коломну». — «Что вы говорите!» возопилъ я, и сердце во мнѣ затрепетало, и я такъ испужался, что долгое время не въ состояніи былъ вымолвить ни одного слова. Наконецъ, собравшись съ духомъ и принявъ видъ неустрашимости, сказалъ: — «Нельзя, братцы, этому стать! Пугачовъ слишкомъ еще далеко и пошелъ не сюда, а въ иную сторону внизъ по Волгѣ, и какъ ему такъ скоро перелетѣть сюда? а это для чего-нибудь другого. Совсѣмъ тѣмъ повелѣніе начальства надобно исполнить. Итакъ, побѣжайте скорѣй, выбирайте и назначайте людей, вооружайте ихъ чѣмъ можно и отправляйте, а и четвертой части велите быть готовой. А не худо, если и всѣ остальные для всякаго случая готовили-бы для себя сухари, чтобъ въ случаѣ нужды было-бы что ѣсть и не терпѣть въ пищѣ недостатка».

Отпустивъ ихъ сталъ я въ пепъ и не

зналъ какъ сказать о семъ моимъ домашнимъ, ибо не сумнѣвался, что сія печальность перепугаетъ и поразитъ ихъ чрезвычайно. Но по счастью имъ кто-то и безъ меня уже сказалъ, и онѣ сами, въ неописанномъ страхѣ и ужасѣ, бѣжали ко мнѣ спрашивать о слышанномъ ими подтвержденіи. Нельзя было никакъ утаить отъ нихъ уже сего. Я хотя и подтвердилъ, что дѣйствительно велѣно сдѣлать нарядъ, но старался ихъ ободрить сколько-нибудь тѣмъ, что нельзя тому никакъ статься, чтобъ Пугачовъ былъ уже такъ близко; къ тому-жъ извѣстно, что противъ его наряженъ и отправляется съ войскомъ славный нашъ генералъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, такъ сей его ужъ вѣрно оставитъ.

Но что я ни говорилъ, ихъ трудно было переувѣрить. Онѣ только и твердили, что чортъ его знаетъ, можетъ быть онъ уже и перелетѣлъ! Долго-ли ему съ своею сволочью итти, и только что охая и вздыхая говорили: «Ахъ, Господи! ну, если онъ сюда придетъ, что съ нами бѣдными будетъ? Погибнемъ и мы всѣ какъ черныя капустыне!.. И насъ всѣхъ онъ также перебьетъ, передушитъ и перевершитъ, какъ низовскихъ дворянъ. Куда намъ дѣваться и гдѣ искать спасенія себѣ отъ такой бѣды и напасти?» — «Пустое, говорилъ я ихъ ободряя, никогда этого быть не можетъ; а хотя-бы и дѣйствительно сталъ приближаться, такъ этотъ вооруженной народъ, которой теперь собирается, утретъ ему носъ, и это очень-очень хорошо, что они вздумали благовременно людей для отпора собрать». — «Охъ, батюшка ты нашъ! перерывая мов слова восклицали онѣ: да можно-ли на эту сволочь положиться, не такіе-же-ли они глупые бородачи, какъ и Пугачовскіе, и не возстанутъ-ли еще сами вмѣстѣ съ ними противу насъ? Ахти! ахти! какая бѣда, и зачѣмъ насъ незелая понесла сюда, дома все-таки было-бы надежнѣе и лучше». — «Да, какъ-бы не такъ, разсмѣявшись противъ хотѣнія сказалъ я; а мнѣ такъ кажется, что здѣсь мы меньшей опасности подвергнемся, нежели дома. Тамъ наши люди

даже бы были нашими злѣдѣями
и злѣдѣйниками — мы сторона дѣла.
Сми нѣтъ еще не нагрубилъ, къ
дѣлѣ и то убѣждать по-
скольку нѣтъ сдѣлались собствен-
но нашими, а не господскими!»

Подобнымъ же образомъ ста-
новился домашнихъ своихъ обод-
ривать, хотя на сердцѣ и у
меня было не лучше и не спокой-
нѣ у нихъ. Тисяча разныхъ мы-
слилось тогда въ умѣ моемъ, и
мнѣ смущала и мучила меня
идея другою, и я не зналъ,
къ какому пригнѣться было
нужно. Была дѣйствительно
нужна была не признаться,
но истинная и великая. «По-
чему думалъ и говорилъ я самъ
о томъ, что и правда, что этотъ
человекъ оловочью уже недалеко
идетъ и до насъ сюда. Не да-
же такая строгость и такой
настойчивый нарядъ. Но, ахъ! что мо-
жетъ эти бородачи? Не такіе-же
они безмысленные, какъ и тѣ
кто-ли на нихъ полагать ка-
кую-нибудь? Нѣтъ у нихъ ни команди-
ровъ, ни никакого порядка,
и нѣтъ ихъ чѣмъ и чѣмъ можно,
и нѣтъ кося, тоноровъ и рога-
того, сказываютъ, есть и пуш-
ки, и все вездѣ проклятой на-
дѣлать могутъ-ли дурачье наше
что говорить, они первые го-
ворятъ, къ кому передаться и про-
сить же насъ обратить оружіе
на насъ. Какъ жаль, что наши вой-
ска еще далеко и не успѣла
идти, а безъ ней что мы
можемъ: передунуть насъ всѣхъ
одною, какъ курь. Ктому-жъ, та-
ко что нѣтъ въ случаѣ нужды и
идеи куда-нибудь для спасенія
своего будетъ, что ты изволишь?
Или сказать, куда теперь иде-
мъ? Не вездѣ-ли опасна
и не весь-ли народъ на
дѣла не вѣдь, какъ-ли

даже своихъ бутуется, и готовъ поднять
на насъ свои руки».

Сми и подобнымъ образомъ помин-
ла я самъ въ себѣ, смущался и безпо-
коился крайне духомъ. Что касается до
моихъ боярынь, то не измѣлилась нѣтъ и
Кіасова, и управительство мое, и все и
все, а онѣ ради-бъ были забыты хотъ-
бы въ трущобу какую, а только спасти
животъ свой. А признаться, что и са-
мому мнѣ приходило иногда на мысль
почти то же, и я не одинъ разъ самъ въ
себѣ мыслить: уже не поискать ли гдѣ-
нибудь въ дѣлѣхъ большихъ глѣсахъ и
не замѣтитъ-ли самаго глухого мѣста,
куда-бы можно было, въ случаѣ крайней
нужды, для спасенія своего сокрыться.

Вотъ до какой крайности перепугала
и смущала насъ сія неожиданность, и то-
гдашнее первое число августа будетъ
намъ навсегда памятно. Не только весь
тогдашній вечеръ провели мы нѣтъ себя,
но и во всю ночь уснуть почти не могли,
а занимались непрерывно мыслями о
предстоящихъ бѣдствіяхъ и напастьхъ; а
едва только настала новая день, какъ
прискакавшіе съ таинными-же извѣстіями
начальники села Покровскаго съ де-
ревнями, вновь увеличили наше смуще-
ніе. А не успѣлъ я сихъ съ надлежшими
приказами отправить, какъ явился уже
и у насъ изъ Коломны солдатъ съ инструк-
ціею и приказаніемъ о нарядѣ также лю-
дей, и колико можно скорѣйшемъ отпра-
вленіи оныхъ въ Коломну.

Сіе возбуждало насъ еще и того бо-
льше и тѣмъ наче, что глухой солдатъ не
могъ намъ ничего точнаго сказать, для
чего бы сіи люди собирались, а подтвер-
дилъ только тѣ же народные слухи о Пу-
гачовѣ, какіе мы уже слышали. Но какъ
по всему видимому дѣло не походило на
шутку, а надобно было снѣшиться, то по-
забывъ все свое смущеніе и гореванье и
оставивъ тѣмъ заниматься своимъ бо-
ярствамъ, снѣшнѣ я скорѣе велѣлъ со-
считать весь народъ для выбора и
какъ такъ-называемыхъ ула-
нѣвъ съ одного сего села съ
честяло мнѣ отправить де-

сать человекѣвъ; а между тѣмъ, покуда они были сгоняемы, призвавъ кузнеца велѣлъ ковать какъ можно скорѣе для нихъ пика, ибо инымъ нечѣмъ было въ скорости вооружать оныхъ.

Итакъ, выборъ и нарядъ сихъ улановъ былъ первымъ почти моимъ важнымъ дѣломъ по вступленіи въ должность, но было оно для меня и наитруднѣйшее. По необходимости моему, еще не зная я какъ и приступить къ оному, и тѣмъ паче, что по собранію всего схода повстрѣчалось со мною въ томъ множество непредвидимыхъ затрудненій. Какъ напряжались и отсылались они не иначе какъ для сраженія и на войну, то натурально никому охотою туда итти не хотѣлось, но всѣ перепирались между собой и всякой старался отклонить отъ себя сію напасть. Вдругъ поднялся превеликой шумъ и преріе между всѣми, и я, для пресѣченія всего того, другого не нашедъ, какъ разверставъ весь народъ на четыре кучи, велѣлъ имъ кидать жеребій. Но какъ и сей былъ для всякаго страшень, то поднялся опять шумъ и крикъ; начали говорить, что есть и безъ киданія жеребья такіе люди, которыхъ-бы въ посылку сію нарядитъ слѣдовало, а именно отбывавшіе отъ прежнихъ рекрутскихъ наборовъ бѣганіемъ, выдергиваніемъ у себя зубъ, подрѣзваніемъ пальцевъ и другими бездѣльничествами; и всѣ кричали, что чѣмъ добрыхъ людей посылать, такъ лучше-бы сихъ къ тому назначить. «Очень хорошо, сказалъ я, такъ подавайте-ка ихъ сюда, на что лучше». Итакъ, всѣ сіи молодцы тотчасъ были отысканы, мнѣ представлены и десять человекѣвъ изъ нихъ мною выбраны и назначены.

Послѣ сего, надлежало говорить и совѣщаться о томъ, какую имъ сдѣлать подмогу и какихъ употребить лошадей? Не мало было и о томъ толковъ и крику, и кончили тѣмъ, что съ общаго всѣхъ согласія опредѣлили дать подмоги каждому пѣшему по одному, а конному по три рубля на недѣлю, а лошадямъ быть-бы ихъ собственнымъ, а дать имъ за каж-

дую по шести рублей, да за сѣдло поштину. Наконецъ сдѣлался вопросъ, гдѣ взять въ скорости на сіе деньги? Но и сей рѣшили мы скоро тѣмъ, что сообразились одного мужика освободить впередъ отъ рекрутства и получить съ него тогда-же за сіе двѣсти рублей.

Не успѣлъ я сего дѣла и довольно удачно кончить, какъ гляжу катить ко мнѣ и тамошній частной смотритель, для мысли уже оныхъ. Чинovníкомъ симъ былъ тогда баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, жившій верстъ за двѣнадцать отъ села нашего. И сей случай познакомилъ насъ съ симъ добрымъ, любезнымъ и честнымъ человекомъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ хорошимъ знакомцомъ и пріятелемъ. Какъ пріѣхалъ онъ къ намъ уже передъ вечеромъ, и онъ насъ, и мы его полюбили, то уняли мы его у себя ужинать, и съ того времени началось у насъ съ нимъ знакомство.

Онъ находился въ такихъ-же смущенныхъ мысляхъ, какъ и мы, и не могъ намъ также ничего обстоятельнаго сказать о причинѣ сей тревоги, а выполнялъ только присланное къ нему строгое повелѣніе изъ города. Но по счастью въ самой тотъ же день ввечеру получили мы извѣстіе, что тревога сія была совсѣмъ пустая и что Пугачова нѣтъ и въ завѣтъ въ такой близости, какъ мы себя воображали. Отъ сего хотя и отлегло сколько-нибудь у насъ на сердцѣ и поуспокоились наши мысли, но какъ извѣстіе сіе было пріватное и не совсѣмъ достоверное, то необходимо надобно было повелѣваемое исполнить. Почему я на другой же день по утру выбранныхъ своихъ улановъ и отправилъ съ прикащикомъ въ Коломну, давъ ему отъ себя письмо къ воеводѣ.

Не могу никакъ и по нынѣ позабыть одного досаднаго происшествія, случившагося при семъ тогда отправленіи. Какъ всѣ сіи выбранные люди, по снаряженіи ихъ всѣмъ нужнымъ, были ко мнѣ для осмотра представлены, то и разсудилъ мнѣ за благо дать имъ отъ себя поощренія и увѣщевать ихъ, чтобъ въ случаѣ, если и дойдетъ дѣло до сраженія, то чтобъ

они кончили чѣмъ они и не постыдѣли-бы себя предъ всѣмъ свѣтомъ трусостью, а дрались-бы хорошенько, и обратясь къ одному изъ нихъ, самому ражму и бойкому изъ всѣхъ ихъ, сказалъ: «Вотъ этакому какъ-бы не драться, одинъ десятерикъ можетъ убратъ». — «Да! сказали они мнѣ на сіе, злодѣйски усмѣхаясь, сказъ-бы я бить свою братью! а развѣ есть, болѣе, такъ готовъ буду десятерикъ посадить на копьѣ сіе». Одѣвнѣвъ я сіе услышавъ, и проглотивъ сію горькую пилюлю, сказавъ только: «Дуракъ! сумнѣ съѣтъ! что ты это мелешь!» самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ каковы защитники и оборонители сіи въ сердцахъ своихъ, и вотъ жди отъ нихъ добраго». Потомъ, сирсѣвъ и записавъ имя его у себя въ списочной книгѣ въпредъ для памяти, ему даже сказалъ: «Хорошо! хороше! братецъ; но ступай-ка, ступай! мзговѣ-быть тебѣ сіе и-неудастся, а тамъ ны-посмотришь». Перетрусился мой мужикъ, сіе услышавъ и увидя, что имя его было записано; но какъ нечего уже было дѣлать и онъ проболтался такъ глупо и невосторожно, то и пошелъ съ прочими, вѣдѣвъ голову. Ему и досталось послѣ того дома за сіе на далю; ибо какъ случилось ему въ чемъ-то прошерститься и надобно было его наказывать, то припомнилъ я ему сіи слова и поутронилъ за нихъ ему наказаніе, да и предъ всѣмъ міромъ былъ онъ всегда за то равно, какъ оглашенный и почитался негоднѣйшимъ человѣкомъ.

Просходило сіе четвертаго числа августа, а седьмого числа того-же мѣсяца, сгдѣдовательно чрезъ три дня, ко всеобщему нашему удовольствію, возвратился изъ Коломны нашъ прикащикъ и успокоилъ омытъ и мысли и сердца наши извѣстѣемъ, что тревога была дѣйствительно пустая, и что всѣ наши уланы распущены уже омытъ по домамъ и жительствуютъ своимъ.

Но могу изобразить, какъ много обрадовалась имъ всѣмъ тому и каковы благодарилъ Бога, что доставило имъ такое счастье. И съ сего времени они

мы за всѣ наши дѣла съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Мое первое попеченіе было о томъ, чтобъ, между другими мелочными дѣлами, поспѣшить мнѣ снять все положеніе усадьбы и всего села сего на планъ, дабы приготовить оной для отправленія къ государнѣ; а потому и принялся я тотчасъ за сію работу и трудился въ томъ неуспѣшно нѣсколько дней сряду. Которое дѣло и удалось мнѣ въ непродолжительномъ времени кончить, и сочинивъ прекрасный планъ, къ князю отправить.

Между тѣмъ имѣли мы удовольствіе видѣть у себя двухъ нашихъ родныхъ старушекъ, приѣзжавшихъ къ намъ для посѣщенія изъ Воскресенскъ. Гости сіи были тѣмъ для насъ пріятнѣйшими, что были онѣ первыя, которыя насъ изъ нашихъ краевъ и родныхъ нашихъ посетили. А въ тотъ же день приѣхалъ ко мнѣ изъ Москвы и опредѣленный для исправленія письменныхъ дѣлъ канцелярствъ, и мы съ нимъ тотчасъ и основали свою канцелярію.

Звали сего человѣка Павломъ Федоровымъ. Былъ онъ не молодымъ уже дѣтъ, и имѣлъ у себя брата у коломнскаго архіерея секретаремъ. И какъ характеръ имѣлъ онъ очень доброй и былъ тихаго, скромнаго и простодушнаго поведенія, то я его скоро полюбилъ и былъ имъ во все время пребыванія моего въ Кіасовкѣ доволенъ; въ писцы же и помощники ему опредѣленъ былъ отъ меня племянникъ прикащикова, малой еще очень молодой и неглупой.

Какъ былъ тогда успенской постъ, то восхотѣлось мнѣ посмотреть въ прудахъ рыбу, для ловленія которой запаслись мы уже и неводкомъ изъ деревни; и какъ обрадовался и удивился я, затачивъ имъ превеликое множество и прекрасныхъ рыбъ. Цѣлое ведро и добрыхъ большихъ лещей мы тогда изъ нихъ взяли и обезпечились съ сей стороны на предбудущее время, ибо оказалось, что пруды могли довольствоваться насъ рыбами своими съ избыткомъ.

Такимъ же образомъ начинали мы до-

пользоваться съ садовъ нощивающими уже яблоками. и множество оныхъ для себя намочилъ и насолил. а нѣсколько изъ лучшихъ породъ не принянулъ я для показа отослать въ Москву при случаѣ и къ князю.

Какъ между сѣмъ, наставало уже время сѣять рожь, то сѣялъ я произведеніемъ и другого весьма важнаго и хлопотливаго дѣла. Я упоминалъ уже прежде, что изобрѣненіе князя было положить и село Біасовку съ деревнями, бывшее до сего на дѣльцѣ или господской нашинѣ, такъ же образомъ на оброкъ, какъ были и прочія сѣли и деревни. а сдѣлать только маленькое казенное хлѣбопашество. И какъ я предложилъ къ тому нововыдуманную систему хлѣбопашества, съ раздѣленіемъ всей наменной земли на семь ровныхъ полей, изъ которыхъ бы одно засѣвалось рожью, два яровыми хлѣбами, три лежалю и отдыхало, а всѣмъ вытравливалось и уваживалось скотомъ, а седьмое распаивалось и засѣвалось озимыми хлѣбами, и князь система сія полюбилась и восхоглась, чтобъ произведена она была въ практикѣ; то нужно мнѣ было подѣлить казенное маленькое хлѣбопашество выбрать и назначить потребныя къ тому 140 десятины и раздѣлить оныя на 7 ровныхъ частей, такъ же образомъ, чтобъ всѣ концами своими пришли къ господской усадьбѣ и могли послѣ отдѣлены быть другъ отъ друга выкопанными рвами; прочая-жъ вся земля роздана была крестьянамъ, и все сіе не такъ скоро и легко можно было сдѣлать, то и занимался я тѣмъ не мало времени и имѣлъ хлопотъ и трудовъ много. Но какъ бы то ни было, но я успѣлъ все сіе благовременно кончить и первое поле, состоящее въ 20-ти десятинахъ и засѣять уже въ надлежащее время рожью. Совсѣмъ тѣмъ все сіе состоялось для меня доброй кусокъ работы.

Но не одно сіе было у меня дѣло, а нужно еще было привести въ лучшее состояніе и весь развалившійся почти скотской дворъ; и какъ для поправленія онаго положили мы съ княземъ употребить скотской дворъ, находившійся въ селѣ Спаса-

скомъ, то для изобрѣненія и описанія онаго нужно мнѣ было съѣздить и туда, а кстатъ разбиралъ я множество между тамошними безпокойными крестьянами дризговъ.

На возвратномъ пути изъ сего сѣмъ, мноюздомъ, заѣзжалъ я къ живущимъ почти на самомъ пути двумъ тамошнимъ коломнскимъ помѣщикамъ: господину Исакову, Семену Ивановичу и господину Игнатъеву, Борису Андреевичу, съ которыми хотѣлось мнѣ, какъ съ сосѣдями, познакомиться, и быть приняты или со всевозможнымъ уваженіемъ и ласкою а къ Успенъеву дню приѣхали къ намъ наши дворяниновскія сосѣдки — Анна Николаевна съ своею матерью въ гости.

Симъ образомъ началъ я входить во все тамошнее хозяйство и управленіе волости, и мало-по-малу обживаться. Сперва, но непривычкѣ управлять толь многими народомъ, было мнѣ нѣсколько дѣло и хлопотливо, но къ чему не можно привыкнуть? а привычка все облегчить можетъ.

Но какъ письмо мое достигло предѣловъ, то окончу я оное и остановясь на семъ мѣстѣ скажу, что я емь вашъ и прочее.

(Генваря 2 дня 1809 года, въ Дворяниновѣ).

Письмо 176-е.

Любезный пріятель! Продолжая исторію жительства моего въ Біасовкѣ, скажу, что Успенъевъ день провели мы въ сообществѣ съ дворяниновскими нашими гостями довольно весело, въ особенности же доставляли намъ великое удовольствіе тамошніе лѣса и рощи, въ которые мы ѣздили послѣ обѣда гулять, и изъ коихъ было множество пріятныхъ мѣстъ и молодыхъ засѣвшихъ очень часто березовыхъ рощицъ. Побудили насъ къ ѣздѣ и прогулкѣ сей наиболѣе грибы, которыхъ, какъ свѣдѣлъ намъ, въ лѣсахъ, а особливо въ щипцахъ было довольно. Мы чѣно нашли ихъ такое

чуждымъ изобретено, какого я нигдѣ и не видалъ! — Но всю жизнь мою не видывалъ: тамъ грибокъ на грибокъ и одинъ другого лучше, здоровье и положение. Словомъ, ихъ тамъ было удивительно много, что легши въ такой рождѣ на землю, можно было, не считаясь съ гнѣста, а доставая только руками, набирать ихъ по дѣлой почти вѣдло. Все сіе необыкновенное множество грибовъ, а притомъ и случившаяся тогда тихая, тихая и пріятная погода доставила всѣмъ намъ, а особенно дѣтямъ, которыхъ было тогда у насъ дѣлая компанія, удовольствіе неописанное и второе ни одно долго помнили и помнимъ даже до сего времени.

Но успѣвъ ми гостей своихъ на утро проводить, какъ новая неожиданность и странность особаго рода и почти смѣшная привела насъ въ превеликое смущеніе и безпокойство духа. Какъ ни безпокойно и ни тѣсно было намъ жить въ верхнемъ этажѣ своего огромнаго дома, но до сего времени обжившись, всѣ жили тамъ довольно спокойно и хорошо. Но въ сѣдъ день завернувшаяся стужа и вѣтряная погода начала насъ безпокоить и заставляла думать, отчего бы во всѣхъ комнатахъ и въ окна и сквозь бумажные обои такъ вездѣ несло, что отдувались даже обои отъ стѣнъ. — Господи! говорилъ я, сему удивляясь, отчего бы это такъ было? Но вообразите себѣ, какъ я удивился, когда, не робовавъ въ одномъ гнѣстѣ отнять обои, увидѣвъ, что весь нашъ верхній деревянной этажъ и всѣ комнаты въ ономъ были совершенно не мшомъ, а срубленны только такъ довольно хорошо и плотно изъ обрушенныхъ бревенъ.

«Ахъ, Боже мой! воскликнулъ я, что это? и какже вѣтру не вѣстят!» и спѣшилъ сообщить о томъ своимъ хозяйникамъ. Они въ страхъ гнѣвъ перетревожились, и яростная строителя твердили только: «Ахъ, какъ же намъ быть, и какъ можно будетъ здѣсь жить, какъ настанетъ осень и камни насъ здѣсь согрѣтъ еще будутъ не въ состояніи, надворья ненастоящны!» — «Ну! чтожъ, сказалъ я, такъ приниматься за нижнія и переходить

туда: какъ быть, хоть такъ и тѣсно будетъ здѣшняго, но что дѣлать, какъ-нибудь принуждено уже будетъ помышлять; но крайней мѣрѣ тамъ вездѣ и во всѣхъ покояхъ есть печи». — «Охъ! сказали онѣ мнѣ на сіе, да какъ это намъ можно будетъ тамъ въ такихъ безпутныхъ и беспорядочныхъ комнатахъ помышлять? Мы сколько разъ ни начинали о томъ думать, но и ума не приложимъ». Потомъ, подумавъ-подумавъ, продолжали: «Но нечего дѣлать, здѣсь не проживешь, стужа и вѣтры выгонятъ насъ скоро и не худо-бы, еслибы вы заблаговременно осмотрѣли тамъ печи и велѣли прочистить трубы и исправить въ нихъ все что нужно». — «Хорошо, сказалъ я, сего же часа пойду туда», и послалъ за печникомъ, которой былъ у насъ свой, изъ тамошнихъ дворовыхъ людей.

Печникъ тотчасъ и явился ко мнѣ, рассказывавшему тамъ по нижнимъ покоямъ и осматривавшему и замѣчающему въ нихъ все, что требовало заблаговременнаго поправленія. — «Другъ мой! сказалъ и его завидѣвъ: какъ бы намъ съ тобою поосмотрѣть хорошенько всѣ здѣсь печи, нѣтъ ли въ нихъ чего худого и нужнаго къ поправленію, да и трубы-то прочистить бы!» — «Какія трубы?» спросилъ онъ. — «Да вѣтъ отъ этихъ печей, сказалъ я: небось галки наносили въ нихъ и Богъ знаетъ сколько сору». Печникъ смотрѣлъ только мнѣ въ глаза, и наконецъ усѣхнувшись, сказалъ: — «Да ихъ, судырь, нѣтъ ни у одной печи». — «Какъ такъ? а это чтожъ?» сказалъ я, указывая ему на трубы вверху печей. — «Да это только ихъ начала, а тамъ всѣ онѣ заглушены и закладены, и печей этихъ топить не можно». — «Что ты это говоришь? воскликнулъ я, поразившись необыкновеннымъ удивленіемъ: неправду ли? да какъ же это, и на чтожъ такое онѣ заглушены? Да нельзя-ли, братъ, какъ-нибудь опять ихъ поправить и сдѣлать, чтобъ топить ихъ можно было?» — «Нельзя, судырь, отвѣчалъ онъ, и никакъ этого нельзя сдѣлать». — «Да почемужъ нельзя?» — «Потому, судырь, что трубы-то вовсе нѣтъ и онѣ всѣ по самымъ потолки

сломаны.—«Господи! воскликнулъ я, удивляясь частъ отъ часу болѣе: да умилосердись, братецъ, скажи-жъ ты мнѣ, почему же и на что же это онѣ сломаны?»

— «А вотъ, судырь, я расскажу вамъ все дѣло... Покуда покойной нашъ бояринъ, Федоръ Васильевичъ, изволилъ здѣсь живать зими, такъ трубы у нихъ и были и онѣ топились, но тогда не было на домѣ еще верхняго деревяннаго жилья; но какъ пересталъ сѣзжать сюда по зимамъ, то вздумалось ему построить на немъ верхнія комнаты деревянныя, и расположить ихъ для своего лѣтнаго койкогда здѣсь пребыванія. А тогда-то сломаны были всѣ эти трубы, и какъ возобновить ихъ было не можно потому, что тамошнимъ верхнимъ комнатамъ изволилъ онѣ сдѣлать совсѣмъ ужъ другое расположеніе, то трубы эти приходились посреди комнатъ, то и приказалъ онѣ ихъ всѣхъ заглушить и совсѣмъ уничтожить».

— «Тю! тю! тю! тю! возопилъ я, сквативъ себя за бороду сіе услышавъ: хороши-же мы!.. Да какъ же это намъ быть-то? и гдѣ-жъ намъ зимовать-то?» — «Ужъ я право того не знаю», отвѣчалъ печникъ и замолчалъ, а я, поразившись неописаннымъ смущеніемъ, не зналъ что и думать. Тысячи разныхъ мыслей полезли мнѣ тогда въ голову, я и не зналъ къ какой изъ нихъ прилѣпиться и спѣшилъ бѣжать вверхъ сообщать хозяйкамъ своимъ эту неприятную новость. «Ахъ, батюшки мои! твердилъ только я, восходя къ нимъ по лѣстницѣ: да какъ же это намъ быть-то? Ахъ, проклятыя, никто-то не промолвилъ намъ о томъ ни однимъ словомъ, а самимъ намъ и не вдогадъ всего этого; теперь вижу я уже и самъ это! Ну, обрадую же я симъ моихъ боярынь».

Для нихъ и подлинно была новость сія вѣрнѣе поразительна. Свачала не хотѣли-было онѣ мнѣ вѣрить. «И что ты! говорили онѣ, возможно ли этому быть». Но какъ я ихъ увѣрилъ и все дѣло поразсказалъ, то, смутившись до чрезвычайности, начали онѣ только охать и горевать и бранить покойника г. Наумова. Я далъ имъ къ тому волю, а самъ со-

граждалъ уже въ мысляхъ планъ, чѣмъ-бы сему злу пособить можно было. И какъ госпожи мои начали потомъ ко мнѣ приступать съ вопросами, какъ же намъ быть, и гдѣ зимовать, то сказалъ я имъ: «Другого не остается, какъ помышлять скорѣе о построеніи себѣ какаго-нибудь другого дома. Еще слава Богу! говорилъ я, что узнали мы сіе теперь, а не поздне. Теперь есть еще къ тому нѣсколько времени, а то бы былъ сущій мартъ намъ». — «Ахъ! подхватили онѣ, когда это будетъ? и теперь уже сентябрь на дворѣ, и когда успѣвать построить хоромы? Нѣтъ ни дѣса и ничего готоваго». — «Ну, какъ быть, поспѣшимъ уже какъ-нибудь», сказалъ я. — «Какъ ни спѣши (возразили онѣ), но въ два мѣсяца и до зимы тебѣ не построятъ никакъ; а до того времени въ этихъ гробахъ мы околѣемъ совсѣмъ: камнями одними не нагрѣешь надворья». — «Ну что-жъ дѣлать (сказалъ я), хоть доведется намъ и потерпѣть нѣсколько стужи и безпокойства, но такъ уже и быть. Станемъ камнями топить побогѣе, дровъ здѣсь не занимать стать!.. много!.. а впрочемъ, я надѣюсь, что авось-либо и успѣю спородить себѣ до зимы убѣжище. По счастью, есть у насъ въ селѣ Спасскомъ хоромцы готовые, такъ передернемъ ихъ сюда и поставимъ. Быть такъ что не велики, но намъ теперь не до прикопей и не до разборовъ, и какимъ-нибудь будемъ ради, только бы нажить себѣ тепло». — «Хорошо (сказали онѣ нѣсколько успокоившись): но какъ-то тебѣ и ихъ успѣвать спородить, и съ печами и со всѣмъ? Время остается очень немногъ; къ тому-жъ, и Богъ еще знаетъ, дозволить ли и князь тебѣ сіе сдѣлать?» — «О! что касается до князя (сказалъ я), то не сомнѣваюсь въ томъ ни мало. Человѣкъ онѣ очень доброй и ему нужно только сказать слова два о томъ, какъ и согласится, и я теперь же пойду писать къ нему о томъ, благо есть въ Москву послышка». — «Хорошо! хорошо! (сказали онѣ), такъ поспѣвай же, дремать нечего».

Я и подлинно въ тотъ же часъ побѣжалъ въ свой кабинетъ, и ну писать къ

князю, сообщать ему нашу неожиданность, говорить о томъ, какъ хорошо оба мы съ нимъ въ разсужденіи печей въ нижнемъ этажѣ обманулись, и потому, изобразивъ все терпимое нами уже и тогда безпокойство и совершенную невозможность зимовать въ тогдашнемъ наемѣ обиталищѣ, просить дозволенія о перевесеніи спасскихъ хоромъ и поставкѣ оныхъ для моего жительствова; и въ тотъ же еще день отправилъ къ нему съ письмомъ своимъ нарочною.

Отправивъ сего посланнаго, сталъ я помнить о томъ, какъ бы съ женою съѣздить на короткое время въ свою деревню. Сосѣдка моя, Анна Николаевна, пріѣзжала къ намъ не столько въ гѣсти, сколько съ жалобами на ослушанія и равныя прoderости ея крестьянъ и съ просьбою, чтобъ я пріѣхавъ пересѣкъ оныхъ. Итакъ, какъ для сей нужды, такъ желая и для своихъ надобностей побывать дома, расположились мы въ послѣдующій день съѣздить съ женою на короткое время въ свое Дворяниново, и взявъ съ собою одну только старшую дочь свою, туда и отправились; и какъ намъ не великой кровью былъ заѣхать къ другу моему г. Половскому, то пересправились мы чрезъ рѣку уже на Жорновскомъ перевозѣ для удобнѣйшаго къ нему заѣзда.

Господинъ Половской былъ намъ чрезвычайно радъ, поздравлялъ меня со вступленіемъ въ должность, и будучи очень доволенъ тѣмъ, что мы къ нему заѣхали, прoderжалъ насъ почти до вечера, такъ что въ деревню свою пріѣхали мы уже ночью.

Но какую разницу нашли мы уже въ своихъ хорамахъ. Хотя не прошло еще два мѣсяца съ того времени какъ мы отлучились, но все уже нахло въ нихъ пустынью, и какъ не было уже въ нихъ столь многихъ людей какъ прежде, то было намъ уже и скучно; а потому и не отрелись мы на утро отъ просьбы друга нашего г-на Ладыженскаго, чтобъ пріѣхать къ нему праздновать вмѣстѣ съ нимъ его праздникъ. Итакъ, весь сей день провели мы въ Семейнѣ вмѣстѣ съ г. Половскимъ,

примолкнувъ къ «русской старинѣ»

г. Шушеринымъ и многими другими, бывшими у него гостями, а въ послѣдующій за симъ день угощали пастъ всѣ наши деревенскіе сосѣди.

Въ сей день, объѣзжавъ по утру всѣ свои сады и снявъ съ нихъ поспѣвшія яблоки, успѣлъ я побывать у Анны Николаевны, разобрать все нужное инаказать виновныхъ, а потомъ объѣдалъ у брата Михайлы Матвѣевича, заходилъ къ меньшому его брату, а тамъ долженъ былъ угощать еще у себя пріѣхавшаго ко мнѣ родственника моего, Ивана Яковлевича Писарева, и всѣмъ тѣмъ, равно какъ и домашними разными распоряженіями занялся такъ, что не имѣлъ ни минуты досужнаго времени.

Переночевавъ другую ночь въ своемъ домѣ, поспѣшалъ я своимъ возвращеніемъ въ Кіясовку; но въ обратной путь поѣхали мы уже иною дорогою и чрезъ Серпуховъ, дабы проѣхать оттуда въ Воскресенки къ дядѣ Ивану Афанасьевичу, куда къ сему времени хотѣла пріѣхать и теща моя съ прочими моими домашними изъ Кіясовки. Въ Серпуховѣ не было уже тогда милой и почтенной нашей старушки, Катерины Богдановны; она преселилась уже къ своимъ предкамъ, по числу пристали мы въ домкѣ уже другой нашей родственницы, г-жи Шелмовой. Марьи Семеновны, расположившейся окончить жизнь свою также въ семъ бывшемъ до того дѣвичьемъ монастырѣ; у которой отобѣдавъ и искупивъ въ городѣ что было надобно, и доѣхали мы въ тотъ же день къ старикамъ роднымъ своимъ въ Воскресенки, гдѣ нашли и прочихъ своихъ домашнихъ, пріѣхавшихъ туда же прямо изъ Кіясовки, и переночевавъ тутъ, возвратились на другой день въ свое мѣсто.

Тамъ нашелъ я посланнаго въ Москву уже возвратившимся и привезшимъ ко мнѣ отъ князя полнымъ дозволеніемъ перевезти и поставить для себя спасскіе хоромы; а писалъ только князь ко мнѣ, чтобъ поставить ихъ на назначенномъ для нихъ новомъ мѣстѣ и подвести подъ нихъ фундаментъ каменной. Не успѣлъ я съ дозволеніе получить, какъ ни мало

не медля и полетѣлъ въ Спасское для измѣренія и святія съ хоромъ тамошнихъ плана. Но сколь малый потребень былъ къ тому трудъ, столь многое напротивъ того требовалось размысленіе о томъ, какъ бы сдѣлать ихъ для житья своего удобнѣйшими; ибо, къ несчастію, былъ онъ не только не великъ, но также наиглупѣйшаго въ свѣтѣ и такого расположенія, что никонимъ образомъ опять въ такомъ же видѣ поставить было не можно. Не было у него ни переднихъ, ни заднихъ сѣней, а весь онъ состоялъ изъ пяти только комнатъ. Одна изъ нихъ и просторнѣйшая изъ всѣхъ была въ срединѣ, и входъ въ нее былъ спереди прямо съ надворья, а другой насупротивъ сзади изъ саду, и была она проходная и составляла и сѣни, и прихожую, и залу, и все и все, а по сторонамъ оной было еще только по двѣ комнаты.

Такое странное и безпокойное расположеніе заставило меня на обратномъ пути во всю дорогу думать и гадать о томъ, какъ бы его устроить лучше. «Господи! (говорилъ я самъ съ собою не однажды): какъ возможно мнѣ въ такомъ маленькомъ домикѣ, въ столь немногихъ покояхъ умѣститься со всѣми моими домашними, а сверхъ того помѣстить еще тутъ же и канцелярію свою?» Но нечего дѣлать, надобно уже было какимъ-нибудь образомъ умудриться и выдумывать какое-нибудь средство.

Долго не входило въ мысли ни одно къ тому способное: я думалъ такъ, думалъ иначе, но все не ладилось, и куда ни кинь, такъ клычъ. Но наконецъ, по долгомъ размысленіи и недоумѣніи, повстрѣчалась со мною одна мысль, которая всѣхъ прочихъ казалась мнѣ лучшею и удобнѣйшею, а именно: чтобъ поставить ихъ такъ, какъ онѣ стояли и всѣ четыре боковыя комнаты оставить, какъ онѣ были, и назначить на одномъ краю одну изъ нихъ для гостиной, а другую для своего кабинета. А на другомъ краю одну для тещи моей съ дѣтьми моими, а другую подлѣ ей для дѣвчичей, среднюю же и просторнѣйшую разгородить и часть изъ ней отдѣлать

себѣ на спальню, другую для маленькой лакейской, а третью для сѣней переднихъ, и чрезъ то лишиться хотя просторной залы, но имѣть за то всѣ нужнѣйшія для житья комнаты, какъ-то: и сѣнцы, и лакейскую, и столовую, и гостинную, и кабинетъ, и спальню, и дѣтскую и дѣвчичью. «Ладно! (воскликнулъ я все сіе въ умѣ обранжировавши); но вотъ бѣда, куда помѣщу я свою волостную канцелярію? Надобно и для ней не только особую, но и довольно просторную комнату, въ которой могли бы помѣститься и печь и мѣсто для большого сундука съ казною и столы для писцовъ моихъ, и гдѣ я возьму такую?» Подумавъ-подумавъ о семъ, другого не находилъ какъ прирубить ее вновь хоть изъ сырого дѣса и примкнуть съ боку къ моему кабинету, такъ чтобъ въ нее былъ входъ изъ оной и составить изъ ней въ заворотъ небольшой флигель; а кстаги, чтобъ пристроить къ ней нособья сѣнцы съ лѣстницею на верхъ и чуланомъ. А какъ съ однимъ такимъ флигелемъ казалось быть хоромамъ моимъ дурно, то пришла мнѣ мысль пристроить такой же другой флигель въ заворотъ и на другомъ краю съ боку подлѣ дѣвчичей, и въ одномъ помѣстить кладовую для поклажи всякой всячины, а между ею и дѣвчичьею помѣстить заднія сѣни съ принадлежностями. «Прекрасно! прекрасно! (воскликнулъ я); и вздумать нельзя сего лучше! Какая нужда, что не будетъ у меня просторнаго зала, а умѣренная только комната для столовой! Мнѣ не бали и не пиры большіе здѣсь строить, проживу какъ-нибудь и съ небольшою столовою».

Снмъ образомъ, расположивъ все еще дорогою въ мысляхъ, возвратился я уже съ спокойнѣйшимъ духомъ; и не успѣлъ войтить въ свой кабинетъ, какъ давай приниматься скорѣй за циркуль, линейку и карандашъ, давай чертить по снятой и записанной мѣрѣ планъ, давай располагать и назначивать все что вздумано, давай показывать его своимъ домашнимъ, и какъ и онѣ его апробовали, то давай чертить набѣло, давай придумывать, какъ поставить сей домъ, какъ расположить

подлѣ его вновь дворъ, и какія пристроить службы и другія нужнѣйшія зданія, ибо потребна была и людская изба, и кухня, и погребъ, и конюшня, и каретной сарай, и баня. И какъ всѣ сіи принадлежности подлежало совсѣмъ вновь строить, ибо лѣсто, назначенное для дома управительскаго, было въ нѣкоторомъ отъ прежняго господскаго дома въ отдаленіи, лежало за прудомъ и совсѣмъ въ пустомъ, порожнемъ, и къ несчастію, весьма еще неровномъ мѣстѣ, и на все то потребно было множество лѣса, то обо всемъ томъ подлежало подумать и погадать.

Но за всѣмъ симъ дѣло у меня не стало, въ одинъ почти мигъ поспѣлъ у меня и тому всему планъ. Послѣ чего, не долго думая, на другой же день, согнавъ народъ, и велѣлъ я расчищать и ровнять все назначенное подъ домъ и подъ дворъ мѣсто, а самъ, приказавъ прискивать каменщиковъ и плотниковъ, полетѣлъ въ тамошнія рощи и лѣса, для прискиванія и назначенія къ рубкѣ потребнаго какъ на сіе, такъ и на построеніе скотскаго двора лѣса.

Тутъ попались мнѣ прежде всего на глаза, находившаяся не далеко отъ селенія и подлѣ самой почти большой дороги, круглая, прекрасная роща, состоящая въ нѣсколькихъ десяткахъ десятицъ и изъ сплошнаго чистаго и ровнаго строельнаго лѣса. «И! сказалъ я се увидѣвъ: да зачѣмъ долго искать, вотъ прекрасная роща: сѣмъ примемся мы за нее и разрубимъ всю разными проселками и аллеями, и вдоль и поперекъ, и вкось, и вкрестъ на крестъ, и чрезъ то выгадаемъ для себя три пользы: в ѳ-то придадимъ прекрасной видъ, и заставимъ всѣхъ проѣзжихъ по большой дорогѣ ею любоваться, и лѣсу съ просѣкъ сихъ получимъ множество и возить его будетъ не далеко». Обрадовался я сей нечаянно повстрѣчавшейся со мною мысли, и не долго думая, пу назначать для вырубанія первую и главнѣйшую среднюю аллею и на утрѣ отправлять людей, для рубленія съ ней лѣса и воженія онаго къ строенію.

Между тѣмъ прискакали мнѣ скоро и

плотниковъ, и я, поговоривъ и условившись съ ними обо всемъ, ни мало не медли и отправилъ ихъ въ Спасское для пережѣтки всѣхъ стѣлъ въ хоромахъ. А потомъ сдѣлалъ я со всей волости нарядъ подводамъ для перевозки оныхъ въ Кіясовку.

Въ сихъ непрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я какъ прошло нѣсколько дней, въ теченіи которыхъ начинали мы съ домашними своими помышлять и о томъ, какъ-бы намъ свестъ знакомство съ ближними и лучшими изъ дворянъ тамошнихъ. Изъ сихъ всѣхъ прочихъ ближе жилъ къ намъ пѣкто господинъ Новиковъ, Борисъ Ивановичъ. О семъ человѣкѣ рассказали мнѣ столько добра, что намъ и захотѣлось уже съ нимъ познакомиться; а какъ былъ онъ человѣкъ достаточной и уже немолодой, и потому не было надежды, чтобъ онъ самъ ко мнѣ приѣхалъ прежде, то рѣшились мы сами напередъ къ нему ѣхать, и выбравъ удобной день къ нему и черкнули. Онъ былъ намъ очень радъ и приѣдомъ нашимъ весьма доволенъ, и какъ былъ онъ человѣкъ хотя простой и не изъ бойкихъ остряковъ и людей хитрыхъ и коварныхъ, но весьма доброй, и онъ намъ, а мы ему полюблились, то не долго было намъ съ нимъ и спознакомиться и сдружиться. А какъ былъ онъ человѣкъ хотя вдовой, но имѣлъ у себя дѣтей и взрослую уже дочь, то сіе было и хозяйкамъ моимъ кстати, ибо онѣ нашли въ ней изрядную себѣ компаніонку. Итакъ, сей домъ былъ первый, съ которымъ мы короче познакомились и котораго пріязнью пользовались во все время пребыванія нашего въ Кіясовѣ.

Между тѣмъ, какъ много ни занятъ былъ я въ сіе время и по должности моей и по строеніямъ, и какъ мало ни оставалось мнѣ свободныхъ часовъ для своихъ прежнихъ и любимыхъ упражненій, однако ущипками и урывками занимался кое-когда и оными. Изъ особенностей-жъ памяти мнѣ, что я въ сіе время всѣхъ гостившихъ у меня дѣтей продолжалъ кой-чему учить; и какъ при сниманіи всей усадьбы на планъ былъ случай познако-

мить ихъ и съ астролябією и научить ею дѣйствовать, то не преминулъ я сего сдѣлать, и скоро дошло до того, что я могъ препоручать имъ и безъ себя уже снимать на планъ мѣста нѣкоторыя. По вечерамъ же, вмѣсто отдохновенія, усаживалъ ихъ всѣхъ за столъ и старался имъ внушать первыя основанія правоученія и вперять въ нѣжныя ихъ мысли важнѣйшія правила сей нужнѣйшей науки.

Кромѣ сего, не преставалъ и самъ я продолжать упражняться въ ботаникѣ. Наука сія мнѣ столь полюбилась, что я и тутъ при всѣхъ своихъ недосугахъ не пропускалъ почти ни одного вновь на глаза мнѣ попадающагося незнакомаго цвѣточка безъ разсмотрѣнія и изслѣдованія. И не рѣдко случалось, что я возвращался изъ ходьбы или ѣзды куда-нибудь, приносилъ съ собой цѣлыя горсти и пуки нарванныхъ травъ съ цвѣтами, листьями и кореньями ихъ, и во всѣхъ такихъ случаяхъ тотчасъ хватался за ботаническія свои книги и, рассматривая всѣ ихъ, старался узнавать ихъ званія и имена, а потомъ по другимъ книгамъ спознакомливаться и съ ихъ врачевными дѣйствіями и силами; и не могу изобразить, сколько удовольствія они мнѣ доставляли собою и сколько улаждали тѣмъ прочіе мои труды и заботы.

Но сего было еще не довольно. Но какъ удалось мнѣ спознакомиться со многими, то нечувствительно возродилась во мнѣ охота и испытывать самымъ дѣломъ, все ли то было справедливо, что упоминалось въ книгахъ о полезныхъ ихъ свойствахъ и врачевныхъ силахъ. Къ такому испытаніямъ подало мнѣ и то великой поводъ, что князь, отпуская меня изъ Москвы, просилъ меня, чтобы купить и взять съ собою маленькую Пекинову аптечку. «Теперь нѣтъ (говорилъ онъ) тамъ еще лекаря, и покуда я прищу и опредѣлю и мы тамъ заведемъ небольшой хотя гошпиталь, то пожалуйста, случающимся больнымъ раздавайте изъ аптечки сей лекарства и помогайте бѣднякамъ, сколько вы то учинить въ состояніи будете». И какъ я ему то съ охотою обѣщалъ, а притомъ

сказалъ нѣсколько словъ и объ охотѣ своей къ ботаникѣ, то сіе побудило его еще болѣе къ тому, и онъ былъ тѣмъ отенъ доволенъ.

Такимъ образомъ, купивъ и привезя съ собою сію, хотя ничего незначащую, аптечку и не преминулъ я при первыхъ сходкахъ всѣмъ крестьянамъ объявить, что у меня есть казенныя лекарства и чтобъ всѣ страждущіе какими-нибудь болѣзнями ко мнѣ являлись, и что я ихъ охотно и безденежно лекарствами, какія есть, снабжать буду. А сіе и не преминуло произвести своего дѣйствія: Больные и дѣйствительно стали ко мнѣ отъ времени до времени приходить и просить отъ болѣзней своихъ лекарствъ. Но какъ въ помянутой аптечкѣ далеко не было столь многихъ лекарствъ, чтобъ ими всѣмъ можно было помогать, то самое сіе и побудило меня воспринимать иногда прибѣжище свое и къ тѣмъ изъ врачевныхъ травъ, съ которыми удалось мнѣ уже познакомиться и заохотило меня не только ихъ собирать, сушить и заготовлять впрокъ, но заготовлять изъ нихъ разные порошки, крошеры и настойки для удобнѣйшаго ихъ употребленія; и поелику къ сему потребна была кое-какая мелкая стеклянная, глиняная и деревянная посуда, то при первой въ Москву посылкѣ и велѣлъ я себѣ закупить множество разной величины стecлянокъ, пузырьковъ, баночекъ, точеныхъ деревянныхъ стамушекъ и прочаго тому подобнаго; и не успѣли ихъ ко мнѣ привезть, какъ и настановилъ я ими въ кабинетѣ у себя цѣлой шкапчикъ, и ну наполнять ихъ, инныя порошками, инныя крошеными кореньями и травами, инныя каплями или настойками, дѣлаемыми изъ травъ разныхъ. И сіе было первымъ основаніемъ моей аптечки домашней. А какъ мнѣ нуженъ былъ человекъ, которой бы мнѣ помогалъ травы сіи собирать и приготавливать по наставленію моему разнымъ лекарствамъ, то и выбралъ я изъ тамошнихъ дворовыхъ людей одного молодого и нѣсколько грамотѣ умѣющаго малаго, и опредѣлилъ его къ сему дѣлу, которой и воспользовался тѣмъ.

что впоследствии времени сдѣлаемъ лекарскимъ ученикомъ, а по подлекаремъ, и ему опредѣлено прядное жалованье.

И нецъ не позабылъ я и о полученіи письма отъ господина Нартова, надлежало ему на оное отвѣтъ, то написавъ въ отвѣтъ письмо, навиль я оное къ нему, увѣдомивъ его и о новомъ мѣстѣ моего пріема и должности, о чемъ онъ ничего не вѣдалъ.

Послѣ сіе уже въ самомъ исходѣ августа, которой день ознаменованъ купѣ и тѣмъ, что мы ввечеру и обрадованы были пріѣздомъ къ побезныхъ нашихъ родныхъ какъ, восхотѣвшихъ насъ посѣтить, скоро узнали о нашемъ преселеніи, хать къ намъ въ новое наше обитаніе.

Мы были имъ очень рады. Онѣ и тогда къ намъ пріѣхали и пробыли у насъ ровно двѣ недѣли, и какъ общество наше увеличилось еще, то все время сіе, несмотря на хлопоты, труды и недосуги, было смѣнно весело. Мы старались угостить у себя колико можно лучше, не пускали ничего, чѣмъ бы могли радовать ихъ у насъ сдѣлать для нихъ удовольствіемъ, а онѣ, по любви своей къ осыпали насъ своими ласками и милостивымъ.

Послѣ пріѣзда племянницъ начался и мѣсяцъ сентябрь, а съ нимъ настало удобное время къ сниманію садахъ достальныхъ плодовъ, и къ предприниманію въ нихъ разныхъ работъ. Итакъ, по снятіи плодовъ и обрѣзкѣ всѣхъ излишнихъ, принялъ за оныя. Ихъ было два: одной, позади палаты и нарочито обильной, но до крайности и такъ запущенной и обезобразившейся, что прежняго регулярства не было почти и при ней. Изъ прежнихъ стриженныхъ липовыхъ деревьевъ, разросшихся до того не было почти прохода. А потому и другое все захлогло и за-

росло всякою дичью и негодью. Самые плодovitыя деревья находились въ пружалкомъ состояніи.

Другой садъ былъ молодой и гораздо сего меньше. Онъ лежалъ въ боку отъ дома и въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи за прудомъ, и власно какъ на полуостровѣ, ибо окруженъ былъ съ трехъ сторонъ водою. Узкой проулочекъ или проходъ, сдѣланной чрезъ него на гумно и на скотской дворъ, раздѣлялъ его собою надвое, и съ обѣихъ сторонъ къ сему проулку примыкали узкія плотины или переходы черезъ прудъ и заливъ, позади его находящіеся. Но и сей садъ немногимъ чѣмъ былъ лучше большого и въ такомъ же запущеніи.

Причиною тому было, что какъ господа давно перестали въ сіе село ѣздить и въ немъ жить, то и не прилагаемо было къ поддержанію его въ порядкѣ ни отъ кого и никакого старанія. Глупому прикащику не было до него никакой нужды; а садовника мы хотя тутъ и нашли, и онъ былъ мужикъ хотя доброй и рачительной, но болѣе огородникъ, нежели садовникъ, и знанія его простирались очень не далеко. И къ тому же, какъ не давали ему никакихъ работниковъ, то одному ему, а притомъ и безъ принужденія, и нечего было... (?).

Итакъ, ходючи нерѣдко по симъ садамъ, давно уже замѣчалъ я въ мысляхъ, что мнѣ съ ними сдѣлать, и чѣмъ и какъ бы ихъ поправить и привести сколько-нибудь въ лучшее состояніе. Почему, какъ скоро сняты были всѣ плоды, то и началъ я намѣреніе свое производить въ дѣйство. Мое первое дѣло было, чтобъ обрубить и окарнать въ большомъ садѣ всѣ липовыя шпалеры такъ, чтобъ остались одни только голые комли или пни ихъ, вышиною аршина въ три отъ земли. Садовникъ мой только ахалъ, сіе увидѣвъ, и почиталъ ихъ совершенно погубленными, но я увѣрилъ его о противномъ и что онъ чрезъ годъ шпалеръ своихъ не узнаетъ и увидитъ ихъ молодыми. Такимъ же образомъ безъ всякаго милосердія поступилъ я и со многими другими де-

ревьями и кустарниками и не только съ дикими, но и съ самыми плодовитыми: и пня вырубать совѣмъ, другія подчищать, у пняхъ вырубать всю негодъ и такъ далѣе. Садовникъ мой только поглядывалъ и производилъ то скрѣпя уже свое сердце.

Поопроставъ симъ образомъ старыя сады отъ всякой негоди, принялся я за основаніе совѣмъ новаго сада и за засаженіе онаго разными плодовитыми и дикими деревьями. Сей назначилъ я совѣмъ на новомъ мѣстѣ, захвативъ подлѣ оной цѣлую десятину полевой земли, за будущимъ новымъ управительскимъ домомъ, и назначивалъ его быть моимъ собственнымъ, то-есть управительскимъ; и между тѣмъ какъ возили изъ рощи дѣсь, а изъ Спасскаго разобраннаго хороми, занимался я тутъ же разбиваніемъ сего новаго сада, которой по тогдашнему господствующему еще вездѣ вкусу расположилъ я регулярнымъ и насадилъ множество шпалеръ, надѣлалъ множество куртинъ и напичкалъ всѣ сн плодовитыми молодыми деревьями и кустарниками. По счастью, нашель я снхъ такое великое изобиліе въ запасѣ, что не только стало ихъ на весь сей новой садъ и на посадку въ обонхъ садахъ прежнихъ, но осталось нѣкоторое количество мнѣ и для себя и отправленія въ мои собственные сады по дозволенію князя. Я велѣлъ ихъ тамъ посадить: яблонки въ моемъ новомъ полевомъ садѣ, а черносливъ или зиновья сливы въ садахъ ближнемъ и верхнемъ, которые прекрасные плоды ведутся у меня и понинѣ, а изъ яблонокъ остались очень-очень непогя, и достопамятнѣйшая изъ нихъ есть такъ-называемая Денисовка. Прочія же на большую часть хотя сначала и припаялись, но потомъ въ отсутствіе мое погбли.

Наконецъ, 5-го сентября основалъ и заложилъ я свое новое обиталище. Мѣсто для хороми назначилъ я на самомъ красивѣйшемъ мѣстѣ, въ небольшомъ разстояніи отъ большой дороги, на самомъ берегу большого и обширнаго пруда, выдавшемся въ прудъ угломъ, на по-

добіе мыса, и поставилъ домъ такъ, чтобъ онъ лицомъ былъ прямо къ большой дорогѣ и окруженъ былъ и спереди и съ праваго бока водою и небольшими подлѣ себя на самомъ берегу двѣтниками. Сн ограждалъ я подлѣ самой воды низенькимъ штакецомъ, и для входа въ него къ хороми назначилъ быть большому каменному крыльцу изъ моей столовой комнаты. И какъ тогда каменщики были еще не отысканы, то заложилъ я домъ для цоспѣшенія на столбахъ и тотчасъ велѣлъ приниматься за работу.

Между сими хлопотами не упустилъ я заниматься и своими любезными гостями; а въ самой день закладки хороми посѣтилъ меня первой изъ тамошнихъ сосѣдей, и впервые еще, измѣнутой господинъ Новиковъ вмѣстѣ съ госпожиной Игнатъевымъ, которыхъ мы также постарались угостить какъ можно лучше. А на другой день послѣ того вздумали племянницы мои съѣздить къ намъ въ Дворянново и повидаться съ тамошними нашими родными, и мы проводили ихъ до села Турова и остались сами въ гостяхъ у жившаго тутъ господина Шушерина, Василья Федоровича. Сей любезной человекъ не задолго до того сдѣдался мнѣ знакомъ, и какъ онъ любилъ искренно насъ, а мы его, то и радъ я былъ, что домъ его случился быть у насъ на самой дорогѣ и на половинѣ пути, и потому служилъ намъ тутъ всегда добрымъ перепутьемъ. Дни чрезъ два послѣ того посѣтилъ и онъ насъ въ Кіасовкѣ, съ женою и обѣими дочерьми своими, а 12-го числа ѣздила жена моя съ старшею изъ племянницъ моихъ въ Коломну, для нѣкоторыхъ покупокъ; а чрезъ три дни послѣ того и разрушилось опять наше пріятное общество, чрезъ отѣздъ племянницъ моихъ обратно въ Кашинъ. Мы проводили ихъ съ чувствительнымъ сожалѣніемъ, и жена моя поѣхала съ нею на короткое время въ Москву, а остался хлопотать съ своими строеніями, лѣсами, садами и мужиками.

Въ снхъ происшествіяхъ протекла чувствительно вся первая половина сен-

тября мѣсяца, а что происходило во второй и дагѣ, о томъ разскажу я вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее снѣмъ кончивъ скажу, что я емь вашъ и проч.

(Генваря 4-го дня 1809 года).

Письмо 177-е.

Любезный пріятель! Едва мы только проводили своихъ племянницъ и съ женою моею отъ себя, какъ и перетревожило насъ уже сдѣлавшееся первое и большое зимье. Зима съ стужами своими показала глаза свои какъ-то въ этотъ годъ слишкомъ уже рано. Первой и довольно жестокой морозъ постигъ насъ еще 9-го августа, а въ половинѣ октября настала уже и совершенная зима. Теперь вообразите же себѣ, сколь мало удобнаго времени имѣлъ я къ совершенію всѣхъ своихъ начатыхъ строеній. Но сказать надобно, что и трудился и заботился я объ нихъ прямо ревностно, а особливо послѣ того какъ пугнуло меня помянутое зимье; ибо какъ по всѣмъ замѣчаніямъ надлежало тогда ровно чрезъ мѣсяць ожидать и настоящей зимы, то усугубилъ я всѣ мои труды, старанія и работы и не отходилъ почти ни пяди отъ сихъ, присутствуя при нихъ отъ утренней зари до вечерней, или разъѣзжая самъ по лѣсамъ для понужденія скорѣйшей вырубки и привоза деревъ. Стукъ отъ пѣсколькихъ десятковъ топоровъ продолжался непрерывно съ утра до вечера и разбудалъ насъ съ восхожденіемъ солнца, но нужда приневодила меня и употреблять всевозможнѣйшую послѣпность.

Помянутое зимье заставило насъ впер-

вые испытать нагрѣвать комнаты наши каминами, но они скоро доказали, что на нихъ дальпей надежды полагать никакъ образомъ было не можно. Производимое ими тепло столь же скоро и уходило, какъ при закрытіи оныхъ набиралось. Сперва обрадовались-было мы, увидѣвъ себя въ теплѣ, но радость наша была весьма кратковременна. Чрезъ немногіе часы комнаты наши дѣлались таковыми-жъ холодными, какъ были прежде и усугубляли только гореванье наше о томъ, какъ намъ будетъ жить тутъ въ самое позднее осеннее время.

Впрочемъ, имѣлъ я около сего времени у себя неожиданнаго, но весьма пріятнаго гостя. Вдругъ является передо мной одинъ молодой и ученый священникъ, пріѣхавшій изъ Коломны для осмотра нѣя упразднившагося у насъ въ селѣ поповскаго мѣста, дабы въ случаѣ, если оно ему полюбится, можно-бъ было ему, по благосклонности къ нему архіерея, занять оно. Онъ пришелъ тогда ко мнѣ на поклонъ, и мы не успѣли съ нимъ пѣсколькихъ минутъ провести въ разговорахъ, какъ и полюбили другъ друга. Нигдѣ знакомство и дружба такъ скоро не возстановляется, какъ между учеными, а особливо если повстрѣчаются взаимно согласныя мысли и чувства. А самое сіе тогда съ нами и случилось. Я нашелъ въ немъ хотя не великаго во всемъ зватока, но по крайней мѣрѣ студированнаго въ семинаріи, и много кой-чего такъ-знающаго, по что всего лучше, отмѣнно любопытнаго молодого человѣка; а и онъ поразился неожиданностію и удивленіемъ, нашедъ во мнѣ человѣка, превосходящаго знаніями всѣхъ ихъ семинарскихъ учителей. Самое сіе и пригнѣло его такъ ко мнѣ, что онъ положилъ за непремѣнное себѣ дѣло, добиваться всѣми образами, чтобъ перевели его въ село наше, а сіе къ обоюдному нашему удовольствію чрезъ короткое время и воспоследовало дѣйствительно; чему я съ моей стороны тѣмъ болѣе былъ радъ, что получилъ въ немъ давно желаемаго и пріятнаго себѣ по ученымъ дѣламъ и ма-

теріямъ собесѣдника, и могу сказать, что онъ доставлялъ мнѣ сотовариществомъ своимъ весьма многія пріятныя минуты. Онъ назывался Никитою Никифоровичемъ, а прозваніемъ Моревъ.

Наконецъ принесли мнѣ и наняли и каменщиковъ, и какъ время оставалось уже мало, а фундаментъ былъ превысокой, то усугубилъ я еще и болѣе ревностное мое за работами смотрѣніе и не отходилъ отъ нихъ почти ни пади, и хлопотъ было у меня полночь ротъ съ ними. Но какъ бы то ни было, но мы съ ними его смастерили, и довольно удачно. Кромѣ сего, занимался я въ сіе время и поправленіемъ нѣкоторыхъ маленькихъ прудовъ, въ деревняхъ находящихся, но болѣе всего привлекали меня къ себѣ лѣса и требовали частаго присутствія въ оныхъ. Надобно было намъ изъ нихъ премногое множество всякаго лѣса какъ на казенное, такъ и на крестьянское строеніе, а не менѣе для запасенія себя дровами, на всю зиму. И всѣ сіи деревья вырубались были не иначе, какъ по моему указыванію и съ наблюденіемъ невозможнѣйшаго порядка. Итакъ, для всего того доводилось мнѣ почти всякой день ѣздить въ роши и лѣса и давать мои наставленія. Всю помянутую рошу разрушили мы аллеями и прошектами на множество частей и косяковъ, и превратя ее тѣмъ въ нѣкоторой родъ звѣринца, придали ей дѣйствительно такой хорошей видъ, чтобъ множествомъ сихъ аллей, представляющихся то и дѣло глазамъ, полюбоваться.

Въ сихъ упражненіяхъ и многочисленныхъ трудахъ и не видалъ я, какъ прошла и вторая половина сентября, и наступилъ октябрь мѣсяць. Первое число онаго, или день Поурова Богородицы, праздновали мы въ Воскресенкахъ у родственника нашего Арцыбышева, которой изъ всѣхъ нашихъ родныхъ жилъ тогда всѣхъ ближе къ намъ, а оттуда проѣхали теща моя съ дочерью г. Ладженскаго на часокъ въ нашу деревню, а я, возвратившись въ Кіясовку, принялъ

ся за расчерчиваніе и дѣланіе предъ нами своимъ домою цвѣтника, дабы къ веснѣ имѣть его для посадки цвѣтовъ уже готовымъ.

Вскорѣ за сими наступило и 7-е число октября, и совершилось мнѣ ровно 36-тъ лѣтъ отъ рожденія. Я отпраздновалъ сей день, по обыкновенію моему, тихомолвою и болѣе духовно, нежели наружно, и занимаясь помянутымъ дѣломъ. Къ именинамъ же моимъ приѣхала къ намъ и тетка Матрена Васильевна на нѣсколько дней погостить, и мы посѣщеніемъ ея были очень довольны. Въ день же именинъ моихъ пригласили мы къ себѣ неваго нашего знакомаго, г. Новикова; но кромѣ его и помянутаго родственника нашего г. Арцыбышева, никого въ сей разъ у насъ не было. А вскорѣ за сими ѣздивъ я еще разъ для нѣкоторыхъ нуждъ и на самое короткое время въ свою деревню, и заѣзжая на дорогѣ къ обонямъ своимъ друзьямъ, г. Шушерину и Лонскому, повидался и съ ними. Оба они невѣдомо какъ довольны были тѣмъ, что я ихъ не забывалъ и не отпускалъ меня безъ того, чтобъ я у нихъ либо отобѣдалъ, либо ночевалъ. По возвращеніи же моемъ назадъ, вскорѣ поѣхала отъ насъ и Матрена Васильевна и увезла съ собою и обѣихъ дочерей своихъ, гостившихъ у насъ во все сіе первое время пребыванія нашего въ Кіясовѣ.

Сими разрушилось тогда наше маленькое общество, и сколько намъ того ни было жаль, но мы нѣкоторымъ образомъ были тѣмъ и довольны; ибо въ самое то время начинала уже почти становиться зима и мы не знали какъ и самихъ себя обогрѣвать, и боялись, чтобъ намъ гостей своихъ не поморозить.

Но доколѣ тянулся октябрь, то все еще мы какъ-нибудь пробивались. Но какъ скоро начался ноябрь и съ нимъ настала и настоящая зима, то началось съ нею вкупѣ и то самое время, которое и нынѣ еще забыть не могу и кое было скучнѣйшее, труднѣйшее и безпокойнѣйшее во всей моей жизни. Работъ было еще великое множество неоконченныхъ.

только-что тогда покрыли, и на-
 чаво отдѣлывать ихъ еще внутри,
 въ яласть въ нихъ печи; а прочія
 на дворѣ требовали еще и мно-
 го работъ. Кромѣ того спѣшили я
 они и разгораживать ими всѣ
 на наземнаго хлѣбопашества. Всѣ
 они требовали почти ежечаснаго
 на себѣ присутствія, а стужа та-
 ковади страшна! а отогрѣваться
 на было почти негдѣ. Домашніе
 наудены были съ утра до вечера
 на кубакъ, и оставя просторнѣй-
 шими, которымъ и самыя каминны
 на помогали, сбиваться всѣ въ
 на маленькія комнаты для удоб-
 на себя обогрѣванія каминнами. Сія
 нажно и безъ умолеу почти у насъ
 набо предъ ними только и можно
 наво-нибудь отогрѣваться. Еже-
 наангали мы въ нихъ множество
 наа березовыхъ дровъ, и нажегши
 нагольваго жару, сколько могло
 наащаться въ оныя, не успѣ-
 наа закрывать и первымъ теплымъ
 наа какой или два попользовать-
 наа стезаа и вылетѣа оной опять
 наа стѣны, и мы пакно растапли-
 наа коминшаты долженствовали.
 наа каа-нибудь уже мы пробавля-
 наа что касается до ночей, то сія
 наа уже всего несноснѣй, а особ-
 наа время сдѣлавшейся уже большою
 наа наступленія зима самой. Мы
 наа ихъ какъ нѣвакихъ медвѣдей
 наа заблаговременно забнуть,
 наа и терпѣть неописанное безпо-

наа вообразите себѣ, каково намъ
 наа намъ, но и всѣмъ верхнимъ.
 наа нами было жить и терпѣть
 наа койейство цѣлой мѣсяца сряду,
 наа послѣднія недѣли въ ноябрѣ
 наа сдѣлались-было намъ уже
 наа несосны и я истинно не знаю,
 наа все сія время прожили и какъ
 наа такихъ душевныхъ трудахъ и
 наа вострахъ провели мы сія время, по
 наа въ намъ милости Господней,
 наа живо и удачно, что не только

никто изъ насъ, но ниже изъ малютокъ
 дѣтей и людей нашихъ не занемогъ и не
 вытерпѣлъ болѣзни.

Наконецъ кое-какъ и насилу-насилу
 кончили мы все строеніе, и домъ мой
 послѣлъ и сдѣлался уже для обитанія
 способнымъ. Теперь не могу никакъ изоб-
 разить вамъ того удовольствія, которое
 чувствовали мы, перебравшись совсѣмъ
 жить въ оной. Сущимъ раемъ казался
 онъ намъ въ сравненіи съ житьемъ на-
 шимъ въ большемъ и огромномъ тамош-
 немъ домѣ: и тепелъ, и хорошъ, и по-
 коенъ онъ намъ казался! Но никто такъ
 не былъ доволенъ, какъ я своимъ кабин-
 томъ. Я снабдилъ его не только частью
 печи, но сверхъ того еще и каминномъ, и
 какъ положеніе его случилось быть въ
 срединѣ между другихъ комнатъ, то
 былъ онъ отменно тепелъ, а не было не-
 достатака и въ свѣтѣ. Два большихъ окна,
 съ прострающимъ видомъ изъ нихъ на
 прудъ и за онымъ на церковь и старой
 домъ, освѣщали оной. Подъ однимъ изъ
 нихъ, въ спокойномъ уголку, ассигновалъ
 я для себя сидѣнье и установилъ свой
 столикъ, подъ другимъ поставилъ боль-
 шой столъ для учениковъ моихъ. Стѣны
 установилъ я книгами и швапами, а кой-
 гдѣ и картиннами, привезенными изъ дома,
 и былъ обиталищемъ своимъ очень дово-
 ленъ и гѣмъ наче, что имѣло оно сооб-
 щеніе и съ гостинною, и съ лакейскою, и
 съ моею канцелярією. А и домашніе мои
 со всѣмъ буторомъ своимъ умѣстились
 такъ хорошо, что всѣ были наконецъ до-
 вольны. По счастью дѣти мои были еще
 малы и для помѣщенія ихъ требовалось
 не много мѣста. Всѣ они помѣстились съ
 своею бабушкою въ одной комнатѣ и
 довольно еще просторно, и одна только
 наша спальня была темновата, но за то
 теплѣе почти всѣхъ комнатъ.

Симъ образомъ, перешедши и распо-
 ложившись въ новомъ и довольно для
 насъ просторномъ и спокойномъ домѣ,
 отдохнули мы отъ претерпѣнныхъ своихъ
 трудовъ и безпокойствъ и повели уже
 порядочную, какъ водится, жизнь; и какъ
 было уже гдѣ порядочно при-

угощать гостей, то начали мы уже помышлять о сведеніи дружбы и знакомства съ множайшими изъ живущихъ въ тамошнихъ окрестностяхъ дворянъ, и за симъ дѣло не стало. Домъ г. Новикова не замедлилъ познакомить насъ и со многими другими. Бывая въ ономъ, имѣли мы случай сѣзжаться съ нѣкоторыми его сосѣдами и друзьями, и какъ г. Новиковъ не оставлялъ всѣмъ объ насъ разсказывать и рекомендовать насъ съ стороны хорошей, то вскорѣ познакомились мы и съ нѣкоторыми другими домами. Изъ сихъ въ особенности сдѣлались намъ дружны домъ господина Кологривова, Николая Ивановича, человѣка милого и любезнаго и столь веселаго характера, что мы всегда въ свиданіи съ нимъ и его женою находили удовольствіе. Другой таковой же домъ былъ господина Бѣляева, Ѳедора Васильевича. Сей былъ человѣкъ хотя небогатой и простенькой, но имѣлъ двухъ взрослыхъ и добраго характера дочерей, полюбившихъ въ особенности наше семейство и нерѣдко гостившихъ у насъ по нѣскольку дней сряду. А особливо сдѣлалась дружна намъ младшая изъ его дочерей по имени Елена, съ которою я понынѣ еще продолжается у семьянинокъ моихъ дружба.

Итакъ, мало-по-малу, при помощи нерѣдкихъ свиданій съ ними, начали мы жить гораздо веселѣе прежняго и весь послѣдующій мѣсяцъ декабрь провели безъ скуки и въ удовольствіи. Весьма много поспѣшествовало къ тому и то, что мы обрадованы и успокоены были въ душахъ нашихъ паянпріятнѣйшимъ для всѣхъ насъ слухомъ, что наконецъ удалось нашимъ войскамъ разбить и разсѣять всю злодѣйскую пугачовскую сволочь и самого его, искавшаго спасенія въ бѣгствѣ, съ вѣрнѣйшими его наперсниками поймать, и что везли уже его окованнаго по рукамъ и по ногамъ въ Москву для сужденія и воспріятія достойной изды за всѣ его варварствы и злодѣянія. Не могу изобразить, какъ обрадовало насъ первое полученное о томъ извѣстіе и какъ мы благодарили Бога за спасеніе всей

Россіи, а въ томъ числѣ и насъ отъ сего изверга. Какъ тяжелой камень свалился тогда съ сердець и плечей нашихъ.

Что касается до меня, то не успѣвъ за зимнимъ временемъ кончиться всѣ мои надворные труды и упражненія и мы нерешли жить въ новой домъ, какъ, не любя быть празднымъ, и началъ я все остающееся отъ дѣлъ по должности моей свободное время посвящать опять наукамъ и литературѣ, и принялся паки за свои книги, перо и кисти. И какъ по счастью время сего оставалось довольно и дѣлъ по должности моей стало становиться часъ отъ часу меньше, то и могъ я къ удовольствію своему употреблять къ тому множество часовъ ежедневно, а особливо въ длинныя зимніе вечера и утры. Въ сіи послѣднія наиболѣе занимался я войсковымъ писаніемъ, а особливо переписываніемъ набѣло первой части моей «Дѣтской философіи», которую, по случаю близости къ Москвѣ и нерѣдкому въ ней быванію, хотѣлось мнѣ постараться какъ-нибудь отдать въ печать. Итакъ, надобно было всю ее вновь пересмотрѣть, кое-что прибавить и переписать въ тетради особы. Во время же дня занимался я иногда самымъ рисованьемъ, а особливо разрисовываніемъ имѣвшихся у меня многихъ разнаго рода эстамповъ. Побуждало меня къ тому наиболѣе то, что восхотѣлось мнѣ угловую свою и очень свѣтлую и веселую гостинную комнату, по обитіи ея обоями, убрать колико можно болѣе картинами и установить оныя по стѣнамъ и простѣнкамъ, узорами. И какъ къ сему потребно было, въ прибавокъ къ имѣвшимся у меня многимъ картинамъ, еще много, то и спѣшилъ я наготовить оныхъ. А какъ по счастью случилось намъ имѣть въ числѣ дворовыхъ тамошнихъ и одного изряднаго столара, то и долженъ былъ онъ мнѣ готовить для всѣхъ ихъ по мѣрѣ рамки, которыя потомъ я раскрашивалъ золотилъ и украшалъ, какъставлялъ меня Богъ на разумъ, и какъ приличіе и сообразіе было съ сдѣланнымъ для расположенія всѣхъ ихъ рисункомъ. А въ томъ должны были помогать мнѣ и

юю моихъ учениковъ и сотоварищевъ, которые вмѣстѣ со мною въ кабинетѣ и жили.

Всасается до вечеровъ, то имѣли это время особенное занятіе. Восемь мнѣ какъ ихъ, такъ и обѣихъ чужаковъ свозачинъ, дочерей тетки Фані Васильевны, приѣхавшихъ къ намъ гостить, спознакомить съ «Дѣтскою философіею» и испытать слышать ее вслухъ, колико можно являть и съ нужными всего растолкованіи, дабы преподать имъ чрезъ то всю всѣхъ нужныхъ вѣщахъ, содержащихся въ сей книгѣ, а особливо о Богѣ и о жизни всей вселенной. Итакъ, усаживъ кругомъ около поставленнаго въ кабинетѣ моего стола, прочитывалъ по примѣру, какъ читають лекціи свои лекціи, въ каждой вечерѣ разговоры, и разговаривая при этомъ о читанныхъ матеріяхъ. Такъ я сего началъ, какъ чтеніе и при сѣбѣ всѣмъ слушающимъ дѣтямъ являлось, что они стали уже съ необходимостью дожидаться вечера, и имъ призыву сами ко мнѣ по назначеннаго онаго собираться.

Возможно заключить, что сіе было вовсе не противно; но удовольствіе бывало еще несравненно больше, если и самому нашему ученому священику Никитѣ, случившемуся быть при семъ чтеніи, такъ пошло; что онъ униженнѣйшимъ образомъ меня просить о дозволеніи идти къ намъ по вечерамъ и ему, являясь слушаніемъ нашего чтенія и обрадовался я такой неслыханной просьбѣ, и съ удовольствіемъ отвѣтилъ: «Пожалуй, пожалуй, отецъ мой, мы будемъ вамъ и очень еще съ вами могу я еще и пространнѣе говорить и разговаривать о всѣхъ матеріяхъ, и для дѣтей будетъ сіе еще тѣмъ лучше. И что-жь? онъ и дѣйствительно этого времени не пропускалъ ни въ вечера и являлся къ намъ еще въ всѣхъ по наступленіи онаго, и являлъ дѣйствительно по поводу

читанныхъ разговоровъ углублялись иногда въ предлинныя и важныя разговоры, которые не только дѣтямъ были полезны, но и самому мнѣ и ему доставляли превеликое удовольствіе. Однимъ словомъ, онъ сдѣлался намъ ежедневнымъ собесѣдникомъ и соучастникомъ въ разговорахъ, и какъ онъ былъ человѣкъ умной и притомъ веселаго характера, то полюбивъ его, были мы сообществомъ его весьма довольны.

Итакъ, были у насъ по вечерамъ дѣйствительно маленькія лекціи, и по важности разговоровъ нашихъ съ отцомъ Никитою можно было назвать ихъ прямо философическими. И какъ случилось, что онъ о физикѣ не имѣлъ почти никакого понятія, то не можно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ онъ разговоры о физическихъ предметахъ слушалъ, и какъ много ихъ хвалилъ и благодарилъ меня за преподаваніе ему о многихъ неизвѣстныхъ ему вѣщахъ столь яснаго и хорошаго понятія. Но сего было еще недостаточно, но онъ, сдѣлавши однажды около сего времени въ Коломну, расслыгъ и тамъ всѣмъ своимъ семинаристамъ, прежнимъ товарищамъ, и расхвалилъ сочиненіе мое такъ, что всѣ и тамоніе усердно захотѣли меня узнать и сочиненіе мое видѣть.

А отъ сего и произошло то слѣдствіе, что какъ и самому мнѣ, не помню уже для чего именно, случилась необходимая надобность съѣздить въ Коломну и побывать у архіерея, то нашелъ я уже и сего обо мнѣ кѣмъ-то весьма съ доброй стороны предвареннымъ, и потому онъ не только принялъ меня съ отиѣною ласкою, но и исполнивъ тотчасъ мою просьбу, унялъ у себя обѣдать и за обѣдомъ не могъ довольно со мною обо всемъ наговориться. Былъ тогда архіереемъ въ Коломнѣ почтенный старичекъ Феодосій, человѣкъ хотя не ученой, но довольно умной и паживой.

Но тѣмъ еще не окончилось, а не успѣвъ я, отобѣдавъ у архіерея, возвратиться въ домъ къ его секретарю, брату моего канцеляриста, я

какъ всѣ наученѣйшіе и лучшіе семинаристскіе студенты, узнавъ какъ-то о моемъ приѣздѣ, тамъ меня уже дожидались и спроворили, что одинъ знакомой имъ куцещъ, дождавшійся меня тутъ также, упросилъ меня съ хозяиномъ приѣхать къ нему посидѣть на вечерокъ. Мнѣ-было сперва и не хотѣлось на то согласиться, ибо я ожидалъ единого только подчиненія, по обычаю купцовъ, напитками, но вышло совсѣмъ другое, а противъ всякаго чаянія, нашелъ я тутъ помянутыхъ наилучшихъ и умнѣйшихъ студентовъ, и какъ хозяинъ былъ самъ охотникъ до книгъ, и любилъ слушать ученые разговоры, то по приватіи и угощеніи меня наилучшимъ образомъ всякими сластями, и завелъ онъ тотчасъ со мной разговоры о дѣлахъ ученыхъ, и какъ пришли къ тому тотчасъ и господа студенты, то и пошла у насъ потѣха. Вмигъ схватились мы говорить о матеріяхъ разныхъ и одна другой важнѣйшихъ; и какъ собесѣдники мои ни старались сначала выказывать мнѣ свои знанія, но скоро дошло до того, что они и всѣ прочіе стали только разиня ротъ и развѣсивъ уши слушать то, что я говорилъ. А я, пользуясь тѣмъ, и имѣлъ тогда случай оказывать имъ въ полной мѣрѣ всѣ мои философическія знанія и тѣмъ не только заставить ихъ себя полюбить, но и вперить въ нихъ наивеличайшее къ себѣ почтеніе. Словомъ, они сочли меня и Богъ знаетъ какимъ ученымъ человѣкомъ и получили обо мнѣ наивыгоднѣйшее мнѣніе.

Цѣлой вечеръ и почти до полуночи провели мы тогда наипріятнѣйшимъ образомъ въ семь собесѣдованій съ ними. Хозяинъ мой до восхищенія былъ тѣмъ доволенъ и не зналъ, какъ меня угостить лучше, а изъ студентовъ никто такъ много меня не полюбилъ, какъ Геронимъ, бывшій потомъ архимандритомъ въ Воскресенскомъ монастырѣ за Москвою, и любившій и почитавшій меня по кончину свою весьма много; но и онъ былъ достоинъ всей моей любви и дружества и самого почтенія. Мы видались съ нимъ не одинъ разъ впоследствии времени, и

я, любуясь еще и понынѣ стихами и привѣтствіями его, написанными имъ въ мою альбомъ или памятникъ друзей, и напомнимая сего умнаго и любезнаго человѣка, благословляю и понынѣ его прахъ и желаю ему ненарушимаго покоя.

Но теперь время мнѣ сказать вамъ что-нибудь и о моей новой должности, и о правленіи порученною мнѣ волостью. Сіе управленіе толь многими селами и деревнями и столь великимъ множествомъ народа было для меня дѣло хотя новое и по необыкновенію сначала очень дико и несовсѣмъ-таки легко, но мало-по-малу стало становиться для меня сноснѣе и не таково тягостно какъ сначала. Нужно только было при началѣ правленія войти въ всѣ подробности дѣлъ волостныхъ и узнать всѣ обстоятельства, относящіяся до сей волости, и учредить и основать во всемъ порядкѣ и сдѣлать всему нужныя распоряженія, какъ потомъ и пошло все равно какъ по лѣсенкѣ и мнѣ дальнаго труда уже не стоило управлять оною. Недоставало мнѣ только хорошаго помощника и исправнаго приказаніевъ моихъ производителя. Приказникъ прежній хотя и отправлялъ по нуждѣ сію должность, но овъ былъ ни то ни се, и по пословицѣ говоря, ни рыба, ни мясо, и я не столько былъ имъ доволенъ, сколько досадовалъ на его за нерасторопность, за лѣнь, глупость и старинныя его привычки. Къ тому же, всегда и говорить мнѣ съ нимъ по его завнанію была комиссія; но какъ перемѣнить было нечѣмъ, то принужденъ былъ я и его вспоможеніемъ и услугами сначала быть довольнымъ; но скоро дошло до того, что сталъ онъ у меня часъ отъ часу болѣе выходить изъ кредита, и я все охотнѣе поручать его родному брату, хотя бородачу, но имѣвшему болѣе ума и провора. Сверхъ того, какъ князь прислалъ ко мнѣ для содержанія при казнѣ караула и для другихъ надобностей и четырехъ человѣкъ отставныхъ и хорошаго поведенія и исправныхъ солдатъ, то при множайшихъ случаяхъ пользовался я ими.

Съ княземъ, командиромъ моихъ, была

всю частая переноска, и какъ я ему в восемь доносилъ, что мною дѣлано и администрируемо, и распоряжаемо было, а ничего важнаго безъ его вѣдома и повелѣнія не предпринималъ, то былъ во всемъ управленіемъ, дѣлами и повелѣніемъ моимъ совершенно доволенъ; но сказать къ тому надобно и то, что я избранъ съ его надобнѣйшимъ и честнѣйшимъ характеромъ, и сіе поведеніе свое расколожилъ на честнѣйшихъ и правнѣйшихъ и не только удаленъ отъ всякаго рода издомства и лавства, но за главное правило себѣ поставилъ наблюдать во всемъ правду и во всякъ разбирательствахъ жалобъ и споровъ крестьянскихъ держаться совершеннѣйшей справедливости и не нарочито никому и ни въ чемъ на свѣтъ, а еще болѣе удалиться отъ дѣланія какою-нибудь кому и самаго бѣйшаго приращенія, не вывратя какого-бъ состоянія въ нихъ былъ.

Все сіе произвело то слѣдствіе, что къ добрымъ людямъ и порядочнымъ крестьянамъ полюбились меня очень скоро и были мною довольны. Что жъ касается до дурныхъ и негодныхъ людей, то натурально имъ былъ я не совсѣмъ по сердцу, но я о нихъ ни мало не заботился. Въ особенности же не былъ я любъ всѣмъ ворамъ и плутамъ, и какъ былъ я на нихъ мною острая коса, то не лежало ихъ во мнѣ сердцѣ, и если причинялъ мнѣ кто бѣды и доставляло многія хлопоты и неприятности, такъ сіи молодцы удалые уже пересказывалъ вамъ, какое приключеніе сдѣлалъ я всѣмъ имъ при самомъ своемъ пригѣздѣ; но сколь сильно обманулся, надѣясь, что такое увѣщаніе на нихъ сколько-нибудь подѣйствуетъ! Они и не подумали о томъ, чтобы себя убѣдить онымъ и неуспѣло нѣсколько надѣлъ пройтить, какъ и принялъ опять за свое прежнее ремесло, и / но прежнему воровать и либо красть по-прежнему другъ у друга, либо попрежнему у nocturnыхъ у нихъ профѣзжихъ вѣдей, а мало-по-малу и пустились во мнѣ тяжкая.

Господи! какъ было мнѣ тогда досадно, когда начали доходить до меня о томъ частые слухи. Будучи отъ природы совсѣмъ не жестокосердымъ, а напротивъ того, такого душевнаго расположенія, что не хотѣлъ бы никого оскорбить и словомъ, а не только дѣломъ, и не находя въ наказаніяхъ никогда ни малѣйшей для себя утѣхи, и видѣвъ тогда сущую необходимость оказывать жестокости и съ ними бездѣльниками для унятія ихъ отъ злодѣйствъ драться, терзаясь я отъ того досадою и неудовольствіемъ. Но нечего было дѣлать. Необходимо надлежало ихъ отъ воровства и всѣхъ шалостей отваживать и унимать, и я скоро увидѣлъ, что добромъ и ласковыми словами и не только увѣщаніями и угрозами, но и самыми легкими наказаніями тутъ ничего не сдѣлаешь, а надобно было неотмѣнно употреблять всѣ роды жестокости, буде хотѣть достигъ тутъ до своей цѣли. Итакъ, сколько я сначала ни философствовалъ и не наказывалъ ихъ, будучи самъ въ спокойномъ духѣ и смѣяясь, но удалцы сіи скоро начали и самого меня такъ раздражать, что я иногда доходилъ до сущихъ глупостей и разсерживался до изступленія. Да и нельзя было иначе, ибо стали случаться такіа проишествія, которыя и каменнаго выводили изъ терпѣнія.

Напримѣръ, однажды привели ко мнѣ двухъ воровъ, воровавшихъ и пойманныхъ вмѣстѣ, но при допросѣ не могъ я никакъ согласить между собой ихъ слова и признанія, но одинъ говорилъ то, а другой другое. Я говорить... я увѣщевать ихъ и такъ, и иначе... я говорить, что неотмѣнно одинъ изъ нихъ лжетъ, а другой говорить правду, и что непременно надобно мнѣ узнать истину. Но не тутъ-то было! Молодцы мои стали въ одномъ, да и только всего. И знать что были удалцы самне, что я болѣе часа обонхъ ихъ попеременно велѣлъ сѣчь, но не могъ никакъ добиться правды. Господи! какъ они меня снѣмъ заипрательствомъ своимъ тогда раздосадовали и издурили. Я выходилъ почти самъ изъ себя и не прежде

какъ уже при третичномъ и жесточайшемъ истязаніи ихъ добился уже толку.

Въ другой разъ увидѣли двухъ чело-
вѣкъ, ворующихъ муку съ мельницы, но
захватили съ мукою только одного, а дру-
гой ускользнулъ, и не можно было за тем-
нотою и признать его. Итакъ, надобно
было узнать, кто бы такой былъ съ нимъ,
и воровалъ вмѣстѣ. И сей бездѣльникъ
вывелъ меня совершенно изъ терпѣ-
нія и раздражилъ до чрезвычайности, ибо
вздумалъ сперва заператься, и несмотря
на трехъ свидѣтелей, поймавшихъ его и
клятвенно утверждавшихъ, что не только
видѣли другого, но хватили его и едва
не ухватили, сталъ въ томъ, что былъ онъ
одинъ и никого съ нимъ не было. Гос-
поди! кавая была тогда на меня досада
и какъ было нестерпимо такое явное за-
пирательство, а особливо когда не помо-
гло ни мало и все сѣченье. Нѣсколько
разъ принимался я сего бездѣльника по-
ротъ, и чѣмъ и чѣмъ я его уже не сѣлъ,
но онъ какъ сталъ въ одномъ, да и толь-
ко всего. Что ты изволиши! Наконецъ, и
когда спина его была уже довка взетро-
шена, насилу-насилу повинился и ска-
залъ на одного изъ тутошнихъ крестьянъ.
Но чтожь? и тутъ вышла неправда. Сы-
скали того мужика, но тотъ всѣми клят-
вами божился, что не знаетъ и не вѣ-
даетъ того и никогда съ нимъ не бывалъ
и не воровалъ. Я такъ и сякъ! Но не
туть-то было! и оба остаются при своихъ
объявленіяхъ и клянутся. Нечего было
дѣлать, принужденъ былъ велѣть поло-
жить и сего и сѣлъ, принуждая при-
знаться; но онъ съ спокойнымъ духомъ
говорилъ, что хотъ до смерти его засѣки,
а признаться ему не въ чемъ. остано-
вился я сіе услышавъ, и по счастію взду-
малъ признать свидѣтелей, ловившихъ
сихъ воровъ и спросить ихъ, не могутъ ли
они мнѣ сказать, походилъ ли сей мужикъ
чѣмъ-нибудь на того, котораго они видѣ-
ли?—«Нѣтъ, судырь, (сказали они едино-
гласно), зотъ совѣмъ на того не похожъ,
тотъ и ростомъ былъ гораздо выше и бо-
рода у него маленькая и не такая большая,
какъ у него».—«Ну вотъ, сукинъ сынъ, ска-

залъ я: не вѣявъ ли ты всклепалъ на сего, ви
за что, ни про что подвелъ подъ побои. Ну
ложись опять, бездѣльникъ».—«Ну чтожь,
судырь! вытерпѣлъ еще добрую настилку и
насилу-насилу съ него смолвилъ и по-
казалъ на другого.—«Давай сюда и того,
закричалъ я; приведи мнѣ и того, но и тотъ
не только всѣми клятвами клялся, что
онъ не знаетъ, не вѣдаетъ, но представ-
лялъ двухъ свидѣтелей, оправдавшихъ
его тѣмъ, что онъ въ самое то время и
часы, въ которые сіе воровство произво-
дилось, былъ съ нимъ, и тамъ ему быть
никоимъ образомъ было не можно. «Ну,
вотъ, сукинъ сынъ, опять солгалъ, ложись
опять и сказывай истину. Говорю тебѣ,
что я не отстану, и какъ ты ни думай, а
добьюсь и узнаю истину». Итакъ, ну-ка
я его опять поротъ, и онъ, вытерпѣвъ
опять добрую передрагу, повинился, что
и сего оклепалъ напрасно, мстя ему за
одну себѣ досаду, и сказалъ на третьяго.
Но чтобъ вы думали? оказалась опять
ложь и неправда и напраслизна суцая. И
легко-ли, цѣлыхъ пять чело-вѣкъ онъ сямъ
образомъ и все напрасно оклеветать ста-
рался.

И какъ претерпѣвъ за каждаго добря
настилки, вывелъ онъ меня совѣмъ уже
изъ терпѣнія, то боясь, чтобъ бездѣль-
ника сего непомятымъ сѣченіемъ не
умертвить, вздумалъ я испытать надъ нимъ
особое средство. Я велѣлъ скрутить ему
руки и ноги, и бросить въ натопленную
жарко баню, накормить его насильно по-
болѣе самою соленою рыбою и приста-
вивъ строгой къ нему караулъ, не велѣлъ
давать ему ни для чего пить и морить
его до тѣхъ поръ жаждомъ, покуда онъ
не скажетъ истины, и сіе только въ со-
стояніи было его провать. Онъ не могъ
никакъ перевести нестерпимой жажды и
объявилъ намъ наконецъ истиннаго вора,
бывшаго съ нимъ въ сотовариществѣ. И
вотъ съ какими удалцами принужденъ я
былъ имѣть дѣло.

Но за то и наказалъ я ихъ особымъ и
примѣрнымъ образомъ, и желая всему
селу показать, какъ наказываются воры,
велѣлъ ихъ, раздѣвъ до нога, вымазать

детемъ и водить съ процессією по улицѣ села, и всѣмъ жителямъ, выйдя изъ избъ для смотрѣнія передъ собою, кричать, чтобъ смотрѣли они какъ вѣшаются воры, и что со всѣми и не поступлено будетъ также, кто не вѣдается хотя въ малѣйшемъ воров-Маленькихъ же ребятишекъ велѣно согнать къ мосту, и въ то время, повелѣть воровъ черезъ оной, вѣстать кричать: «воры! воры!» и въ нихъ грязью, ибо произошло еще осенью, а потомъ, собравъ крестьянъ, торжественно имъ сказать если они отъ воровства, а особливо проезжихъ и ночующихъ въ селѣ утѣся, то вмѣсто тогдашнихъ двухъ дюжихъ ночныхъ караульчиковъ въ селѣ дѣлаю десатерыхъ. А ежели и за все еще воровство будетъ, то сдѣлаю, предъ каждымъ тремя дворами по одному караульчику и не только учу ихъ сами караулами, но и всадятъ сіи караульчики должны будутъ благодарить мнѣ за всѣ пропажи и покражи. Такое примѣрное наказаніе, соединенное съ политической уловкою, не только дѣйствительно на всѣхъ воровъ, но произвело вожделѣннѣйшее дѣло, и мужички мои, увидѣвъ что я не шутишь не намѣренъ и въ состоятъ дѣйствительно все то исполнить, напередъ подумавъ и поговоривъ между собою, чтобы бросить наконецъ воровство и не только самимъ ничего не предпринимать, но смотрѣть строго и за другими и никому не позволять, но вывода все наружу, представившихъ для наказанія. Такимъ образомъ, послѣдній случай произвелъ такое живое впечатлѣніе, что, писанному удовольствію моему, съ этого времени всѣ крестьяне села какъ съ деревнями ровно какъ перестали, и помянутое образцовое наказаніе отходило какъ бабушка и отстрашило отъ всѣхъ прежнихъ шалостей, и о томъ повсюду и въ другихъ селахъ разнеслась молва, то чрезъ короткое послѣ того времени имѣлъ я

удовольствіе слышать, что во всѣхъ селеніяхъ нашихъ, сидѣвшихъ на большой дорогѣ, сдѣлалось такъ смирно и такъ безопасно, что проезжіе могли всѣ повозки свои безъ всякаго караула оставлять на улицахъ, не опасаясь, чтобъ изъ нихъ что-нибудь было украдено, и отзывались тѣмъ очень довольными. Сами хозяева старались уже ихъ въ томъ увѣрять, и дуракамъ самимъ то слобилось.

Симъ образомъ удалось и посчастливилось мнѣ наконецъ истребить все прежнее воровство и прежнія всѣ шалости, и смыть съ кіясовскихъ крестьянъ прежнее гнусное пятно, и вмѣсто прежней дурной славы доставить имъ о себѣ повсюду лучшее мнѣніе. Но сказать надобно, что и стоило мнѣ сіе несказанныхъ трудовъ, хлопотъ и досадъ безчисленныхъ, и что не прежде я достигъ до совершеннаго съ сей стороны спокойствія, какъ въ теченіи дѣла почти годичнаго времени, но за то послѣ и сами они меня полюбили и благодаря меня за то, были мною весьма довольны, и отзываются обо мнѣ и по нынѣ еще съ большою похвалою.

Но я, возвратясь къ нити моего повѣствованія въ окончаніи сего письма, скажу, что въ помянутыхъ разныхъ занятіяхъ и пріятныхъ препровожденіяхъ времени нечувствительно протекъ и послѣдній декабрь мѣсяць сего года, а съ окончаніемъ сего кончу я и письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 5-го дня 1809 года).

1775 годъ.

Письмо 178-е.

Любезный пріятель! Итакъ, вновь наставшій 1775 годъ, началъ я провождать, живучи уже въ Кіясовкѣ, въ новомъ и покойномъ казенномъ домѣ. Все маленькое семейство мое состояло въ сіе время только въ насъ трехъ старшихъ, меня, жены и тещи и троицъ моихъ малолѣтнихъ еще дѣтяхъ, ибо и самой моей старшей дочери шелъ тогда только осьмой, сыну доходилъ только четвертой, а меньшей моей дочери, Настасѣ, пошелъ только другой годъ, и она была еще на рукахъ. Что касается до моего сына, то былъ онъ уже на ногахъ, и будучи милымъ и любезнымъ ребенкомъ, начиналъ доставлять намъ собою уже много утѣхъ. Онъ сошелъ уже съ рукъ женскихъ и къ нему приставленъ былъ дядька, съ которымъ занимался онъ дѣтскими своими играми и упражненіями. Былъ онъ какъ-то и съ-маленьку благонаравенъ и хотя не освобожденъ отъ нѣкоторыхъ свойственныхъ дѣтямъ слабостей, однако далеко не таковъ упрямъ, плаксивъ и рѣзовъ, какъ бывають многія дурныя и избалованныя дѣти. Но мы день отъ дня замѣчали уже въ немъ нѣкоторыя хорошія свойства и склонности и потому, льстясь надеждою, что будетъ изъ него со временемъ человекъ и что онъ составитъ, можетъ быть, утѣшеніе въ нашей старости, любили его и тогда уже всею душою и сердцемъ и не спускали его почти съ рукъ своихъ. Но могу сказать, при всей нашей любви къ нему, однако его не баловали, но отъ самого младенчества старались отбучать его отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ, но не столько строгостью, сколько добромъ и особливими уловками.

Въ примѣръ тому разскажу вамъ объ одномъ смѣшномъ, бывшемъ у насъ съ нимъ происшествіи, и доставившемъ намъ печально наудобнѣйшее средство къ унижанію его отъ упрямства и слезъ, проливаемыхъ иногда, по обыкновенію дѣтей,

попустому. Однажды, какъ теперь помню, случилось мнѣ сидѣть въ моемъ кабинетѣ, и онъ одинъ только былъ со мной. Я, по обыкновенію моему, что-то писалъ, а онъ расхаживалъ у меня по горницѣ. Вдругъ попался ему на глаза астрономической штативъ или ножка, лежащій на верху шкафа съ моею аптечкою. И какъ ему до того не случилось сего подножія видѣть, а былъ онъ уже и съ-маленьку очень любопытенъ, то ни съ другого слова, подбѣжавъ ко мнѣ и указывая на штативъ, спросилъ у меня: «Папинька, а что это такое?» Тутъ приди мнѣ мысль и желаніе надъ нимъ немного пошутить и поиздѣваться, и потому ни съ другого слова, сказалъ я ему: «О, мой другъ! это штука, Это большая штука!» Сильно возбудилъ я еще болѣе въ немъ любопытство. «А чтожь такое это за штука, папинька?» спросилъ меня еще. «А вотъ я тебѣ, мой другъ, покажу, сказалъ я, и снявъ штативъ со шкафа присвокупилъ: эта штука на смерть не любить всѣхъ маленькихъ ребятъ, которые сердются, упрямятся и о пустомъ плачуть, и какъ скоро завидять, такъ вотъ такъ разжавшись (въ самое то время, разжавъ ножки, тотчасъ ихъ опять дружно сплелкнулъ), тотчасъ рабенка и съѣсть и переломаетъ даже и косточки всѣ; а потому берегись и ты, мой другъ, ее! Пропадн она океанная!» Сказавъ сіе, положилъ я штативъ опять на шкафъ. — «Ну, папинька, сказалъ на сіе мой мальчишка, экая она ажно какая! а какъ ее зовуть». — «Астрелябія, мой другъ», (сказалъ я) и сѣлъ опять за свое дѣло, а онъ, поглядѣвъ на нее и пошелъ отъ меня, твердя только «Астрелябія! Астрелябія, экая какая!»

На семъ тогда сіе и осталось, и я усмигнувшись тому и позабылъ сіе происшествіе. Но какъ удивилъ онъ меня чрезъ нѣсколько послѣ того недѣль еще неожиданнымъ ни мало вопросомъ. Случилось намъ однажды куда-то уже весною ѣздить въ каретѣ и имѣть его съ собою. Тутъ, стоячи у дверецъ и смотря въ окна, увидѣлъ онъ лошадиныя кости, случившіяся лежать подлѣ самой почти дороги и при-

мысль меня объ нихъ спросить: лашинька! сказалъ онъ, ужъ не любя ли это всѣхъ поѣла и не рѣ ли это кости?» Тогда хватъ я а бороду и самъ въ себѣ сказавъ: такъ хорошъ», и тотчасъ ему въ ъ сказалъ: «Такъ точно, мой другъ, а, проклятая, это все были упрядурные ребята, всѣхъ-то она ихъ ва плаканье и упрямство, и видишь только косточки остались». — «Экая юклятая!» подхватилъ онъ, и до тѣхъ ть костей глазъ не спускалъ, покуда жно было видѣть. И съ сего времъ такъ сей проклятой астролибинъ, что при всякомъ разѣ, когда слуему заупрямиться или расплакагьно было только упомянуть астрокакъ тотчасъ и переставалъ, и нутка сія обратилась въ великую и много помогла при отлучиваніи ъ всего дурного.

касается до моей дочери, то сія уже тогда грамоты. Бабушка ея ъ уже обучить ее оной, и тогда она учится у меня писать, и была характеромъ своимъ милая и людѣвчочка и ее любили не тольи ми, но и посторонніе.

ъ тогда, кромѣ сихъ нашихъ дѣтей, ть нами много и чужихъ и взросло со всѣми ими не скучно было препроводить тогдашнія святки: къ ке и ѣзжали мы уже кой-куда въ и приѣзжали и къ намъ всѣ тѣ изъ ъ сосѣдей, съ которыми мы успѣли омится. При сихъ выѣздахъ обно: своей оригинальной, разкидной и только-что вновь мною выдуманючникъ, въ каковыхъ послѣ того ъ я во все продолженіе моей жизни нее время, и ѣзжу съ особливимъ ъствиемъ и по нынѣ. Побудила меня выдумѣ охота моя къ чтанію а особенно въ праздное дорожное Будучи охотникомъ и любя ѣздить альникахъ, досадовалъ я только на то, ужа, морозы и вѣтры не позволяли икакъ заниматься чтеніемъ книгъ, уждали быть во время дороги соприложене къ «русской старинѣ» 1872 г.

вершено празднымъ. И какъ однажды миѣ съ одной стороны сія праздность, а съ другой—вѣтръ и стужа очень надоѣла, то сталъ я помышлять нельзя-ли какъ-нибудь угораздиться и придѣлать къ розвальнямъ моимъ небольшую и такую покрышку, которая прикрывала бы собою одну только мою голову, плечи и руки, и защищая ихъ отъ стужи, была бы и свѣтла и могла бы доставлять миѣ возможность заниматься чтеніемъ книги. Не успѣла мысль сія во миѣ произойти, какъ родилось желаніе скорѣе произвести ее и въ дѣйство. Я тотчасъ началъ ее обрабатывать далѣе, и образовавъ въ мысляхъ всю уже форму сего покрывальца, заставилъ тотчасъ столяра ее изъ досокъ, на подобіе иѣкакого сундучка связывать, прорѣзать со всѣхъ трехъ сторонъ довольно просторныя оконечки, вставить въ нихъ на петляхъ рамочки съ стеклами, и всю ее снаружи обить кожею, а внутри сукномъ, и придѣлать ее къ задней половинѣ розвалень, такъ чтобъ вся она на петляхъ могла откидываться назадъ, и чтобъ сѣвши или легши въ сани можно было ею нахлупить голову и спдѣтъ въ ней, какъ въ маленькой свѣтлой горенкѣ. Наконецъ, чтобъ было въ ней совершенно тепло, то велѣлъ я сдѣлать такъ, чтобъ при опусканіи края сей покрышки въ закрой длинной рамы, придѣланной и прикрѣпленной во всю длину саней и покрывающейся сверху также откидною спереди для покрытія погѣ доскою. Все сіе съ самаго начала удалось миѣ сдѣлать такъ хорошо и удачно, что подувозчикъ мой, по отмѣнной своей легкости и спокойствію, миѣ отмѣнно полюбился, и каковъ странецъ и смѣшонъ ни казался инымъ многимъ, но я нимаю того не уважалъ, а смѣялся самъ тому, что они сами не зная чему смѣются, и почитая его наиспокойнѣйшимъ зимнимъ экипажемъ, продолжалъ всегда въ немъ ѣздить.

Не успѣли святки еще пройти, какъ, оставивъ своихъ родныхъ въ Кіясовкѣ, поѣхалъ я самъ на короткое время въ Москву. Это было еще въ первой разѣ,

что поѣхалъ я къ князю своему съ личными донесеніями о состояніи волости и обо всемъ мною въ ней сдѣланномъ. Князь принялъ меня очень ласково и былъ всѣми моими дѣлами и распоряженіями доволенъ, и благодарилъ меня за все мое обо всемъ стараніе. Послѣ чего и пошли у насъ съ нимъ разговоры и разсужденія о томъ, что въ впредь сдѣлать и учредить. Главнѣйшимъ предметомъ оныхъ было построеніе въ Кіасовѣ для больныхъ госпитала, которой ему неотмѣнно учредить тамъ хотѣлось и для котораго старался уже онъ прискать и лекаря. И какъ тогда имѣлъ я для жительства своего готовый домъ и въ старомъ большомъ домѣ не было никакой надобности, то и положено было у насъ предъ наступленіемъ весны весь верхній деревянной этажъ съ него снять и поставивъ на нѣмъ мѣстѣ позадь сада, обратить его въ гошпиталь, отдѣливъ въ немъ особыя комнаты и для житья лекарю, а послѣ того разобрать и весь нижній этажъ каменной и кирпичи изъ него сохранить для будущаго зданія, большого каменнаго дома, которой угодно было императрицѣ приказать построить и которому дѣлался уже и планъ. И какъ князь въ особенности охотникъ былъ до строенія, то просилъ меня тѣмъ, а особливо построеніемъ гошпитала, koliko можно поспѣшить.

Не мало-же говорено было у насъ съ нимъ и о оброкѣ волости и о томъ, какъ бы намъ сдѣлать распоряженіе для полученія всегдашнихъ работниковъ, для исправленія работъ нужнѣйшихъ. Первой угодно было князю, для полученія множайшаго съ сей волости дохода, оставить тотъ же, какой крестьяне плачивали до сего своей помѣщицѣ, а именно по 6-ти рублей съ тягла или мужа съ женою, которой хотя и превосходилъ оброкъ, платимой Богородицкою волостью двумя рублями, но для подмосковныхъ крестьянъ былъ не только спосенъ, но и очень еще умѣренъ. Что касается до работъ, то положено было всю волость раздѣлить на 40 частей или вытей и опредѣлить, чтобъ

съ каждой выти было по одному работнику съ лошадыю, или когда въ лошадахъ не случится надобности, то пѣшему, и которые смѣнялись бы по-недѣлю, а естли чего сими работниками успѣть не можно будетъ сдѣлать, то всѣ прочія работы производить уже наемными людьми или по особымъ нарядамъ, съ опредѣленнымъ платежемъ денегъ.

Сими совѣтами и учрежденіями занимались мы нѣсколько дней сряду и во все почти краткое время тогдашняго моего пребыванія въ столицѣ, и я долженъ былъ приѣзжать къ нему для того каждой день, изъ которыхъ въ множайшіе оставлялъ онъ меня у себя обѣдать, а сіе доставило мнѣ случай (узнать) все его семейство и весь образъ его жизни. У него жива была тогда жена его княгиня, а дѣтей имѣлъ онъ у себя шестеро сыновей: Василья, Сергѣя, Павла, Ивана, Петра и Ѳедора Сергѣевичевъ, и одну дочь, бывшую въ замужствѣ за графомъ Салтыковымъ и уже овдовѣвшею, и оставшеюся послѣ мужа съ двумя дочерями, внучками княжими, небольшими еще дѣвочками. Кромѣ сихъ былъ еще у него внукъ, отъ другой умершей уже дочери, именемъ Степанъ Степановичъ Калычевъ. Но изъ всѣхъ ихъ жили тогда съ нимъ и въ домѣ у него только трое, а именно, средній сынъ — князь Иванъ Сергѣевичъ, меньшой — князь Ѳедоръ и внукъ его г. Калычевъ. Изъ прочихъ же старшій, Василій, будучи въ отставкѣ, жилъ въ своей деревнѣ и приѣзжалъ къ нему только временно. Второй князь, Сергѣй Сергѣевичъ, служилъ при дворѣ камергеромъ, князь Павелъ служилъ въ арміи и былъ уже полковникомъ, а князь Петръ находился въ Англии.

Всѣхъ ихъ, кромѣ послѣдняго, имѣлъ я тогда случай видѣть, по ни съ однимъ изъ нихъ по краткости времени не имѣлъ еще счастья познакомиться сколько-нибудь короче. Всѣ они какъ-то отъ меня дичились или паче, набиты будучи княжескою спѣсью и высокими о себѣ мнѣніемъ, неустойчивали меня не только своими ласками, но даже вхожденіемъ со

въ разговоры, а мнѣ самому, заннися наиболѣе однимъ только дошнимъ старикомъ-княземъ, не бы- времени, ни удобства къ нимъ влаться; къ тому-жъ признаться по ѣ, то видя ихъ такое гордое и можно зъ глупо-надменное обращеніе, и и не имѣлъ охоты къ тому даль- ѣ одной стороны удерживало меня ю не имѣлъ я до нихъ никакого и никакой дальней нужды въ ихъ ѣ благопріятствѣ, а съ другой—на- онимъ по свойствамъ и характе- ихъ недостойнымъ дальнаго ува- и того, чтобъ искать ихъ къ себѣ гл. Старшій изъ нихъ, князь Ва- казался мнѣ совсѣмъ недале- равна и набить даже глупымъ мѣриемъ; къ тому-жъ и видѣлъ я зко однажды. Что-жъ касается до о его сына, князя Сергія, то зкъ всѣхъ ихъ бойчѣе и самая пы- огненная голова, и набить такъ придворною пышностью и спѣсью, зъ нему не было и приступа. Сей гонвалъ меня не только разгово- но почти и своими взорами, хотя поблнѣйшій сынъ у князя и болѣе нкъ уважаемый. Третій, князь Па- служилъ тогда въ какомъ-то полку нникомъ, былъ также бѣглая и бой- нова; но какъ и его случилось мнѣ не болѣе двухъ разъ видѣть, то и ѣлъ я случая промолвить съ нимъ го слова. Четвертой, князь Иванъ, лся мнѣ сколько-нибудь просто- е прочихъ, и сего я хотя всѣхъ чаще , но и съ нимъ имѣлъ мало слу- говорить, хотя и былъ онъ ко мнѣ зко благосклоннѣе прочихъ, чему юю можетъ быть было то, что слу- ютъ въ морской службѣ и былъ нѣ- ю охотникъ до наукъ. Что касает- меньшого сына и внука князова, были хотя также совершенно уже не, но продолжали все еще кой- по манеру и обычаю знатныхъ гос- учиться, или прямѣе сказать, схва- зь однѣ только верхушки изъ наукъ. едъ, и самая старушка— чед по-

казалась мнѣ ни рыбою, ни мясомъ, и на- битю также одною только княжескою спѣсью, простиравшеюся даже до того, что никогда не удостоила меня не только какимъ-нибудь привѣтствіемъ, но ниже однимъ словомъ. Итакъ, сколько я дово- лень былъ благопріятствомъ и всѣмъ обра- щеніемъ старика-князя, столько, напро- тивъ того, не имѣлъ причины быть до- вольнымъ всѣмъ его семействомъ.

Пребываніе мое въ сей разъ въ Москвѣ продлилось не болѣе одной недѣли, и какъ въ теченіе оной не все время свое препровождалъ я у князя, а много его и оставалось, то употребилъ я оное на свиданіе со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ моими родственниками, друзьями и знакомцами, а особливо съ новымъ дру- гомъ своимъ, Александромъ Михай- ловичемъ Салтыковымъ. У него былъ я не одинъ разъ, и всякой разъ, препро- водивъ съ нимъ по нѣскольку часовъ въ дружескихъ и прямо пріятныхъ разгово- рахъ, возвращался отъ него съ удоволь- ствіемъ.

Москва вся занималась въ сіе время однимъ только Пугачовымъ. Сей извергъ былъ уже тогда въ нее привезенъ, содер- жался окованной нацѣпахъ, и вся Москва съѣзжалась тогда смотрѣть сего злодѣя, какъ нѣкоего чудовища, и говорила объ немъ. Надъ нимъ, какъ надъ государ- ственнымъ преступникомъ, производился тогда, по повелѣнію императрицы, фор- мальной и важнѣйшій государственной судъ и всѣ не сумнѣвались, что онъ ка- зненъ будетъ.

Кромѣ сего достопамятно было, что въ самое сіе время производилось въ Москвѣ съ превеликимъ поспѣшеніемъ строеніе, на Пречистенкѣ, временного огромнаго дворца для пребыванія императрицы. Ибо какъ она намѣрена была прибыть въ Мо- скву для торжественнаго мира съ тур- ками, а головинской дворецъ, въ кото- ромъ она до того времени жила, во время чумы сгорѣлъ и ей жить было негдѣ, то и приказала она построить для себя дворецъ на скорую руку. Почему, несмотря на всю службу и зимнее тогдашнее время,

и производилось строение сіе съ великимъ поспѣшеніемъ и тысячи рукъ занимались онымъ днемъ и ночью.

Какъ скоро я всё свои дѣла кончилъ, то нимало не медля, сѣвши поутру въ свою кибитку, поскакалъ я домой; но не успѣлъ поровняться при выѣздѣ изъ Москвы съ послѣднею заставою, какъ увидѣлъ меня стоявшій на ней знакомой офицеръ г. Обуховъ и закричалъ: «Ба! ба! ба! Андрей Тимоѣевичъ, да куда ты ѣдешь?» — «Назадъ, въ свое мѣсто», сказалъ я. — «Да какъ это, братецъ, уѣзжаешь ты отъ такою праздника, къ которому люди пѣшкомъ ходятъ?» — «Отъ какого такого?» (спросилъ я). — «Какъ, развѣ ты не знаешь, что сегодня станутъ казнить Пугачова. и не болѣе какъ часа черезъ два? Остаповись, судырь, это стѣитъ любопытства посмотрѣть». — «Что ты говоришь? (воскликнулъ я); по, эхъ, какая бѣда! Хотѣлось-бы мнѣ и самому это видѣть, но какъ я уже собрался и выѣхалъ, то воротаться опять не хочется». — «Да на что и зачѣмъ воротаться; вотъ я сейчасъ туда ѣду, такъ поѣдемъ вмѣстѣ со мной въ саняхъ моихъ, а кибитка цускай здѣсь у меня на дворѣ постоятъ и тебя дождется». — «Очень хорошо, братецъ» (сказалъ я), и ну скорѣе выѣзжать изъ кибитки, иттить къ нему въ квартиру и на скорую руку опривляться, а черезъ нѣсколько минутъ мы съ нимъ, сѣвши въ сани, и полетѣли дѣйствительно на Болото, какъ мѣсто назначенное для сей казни.

Мы нашли уже всю площадь на Болотѣ и всю дорогу на нее, отъ Каменнаго-Моста, установленную безчисленнымъ множествомъ народа. Я невѣдомо какъ радъ былъ, что случился со мною такой товарищъ, котораго всѣ полицейскіе знали и которому все тамъ коротко было извѣстно. Онъ, подхватя меня, не бѣгалъ, а леталъ со мною, совался всюду и всюду, для прискиванія удобнѣйшаго мѣста для смотрѣнія. И мы искорѣ за сими увидѣли молодца, везомаго на пре-высокой колесницѣ въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя изъ конныхъ войскъ. Сидѣлъ онъ съ кѣмъ-то рядомъ, а про-

тивъ его сидѣлъ попъ. Повозка была устроена какимъ-то особымъ образомъ и совсѣмъ открытая, дабы весь народъ могъ сего злодѣя видѣть. Всѣ смотрѣли на него съ пожирющими глазами, и тихой шопотъ и гулъ оттого раздавался въ народѣ. Но намъ некогда было долго смотрѣть на сіе шествіе, производимое очень медленно, а мы, посмотрѣвъ нѣсколько минутъ, сѣвшили бѣжать къ самому эшафоту, дабы захватить для себя удобнѣйшее мѣсто для смотрѣнія. Весь оной въ нѣкоторомъ и нарочито великомъ отдаленіи окруженъ былъ сомнѣннымъ тѣсно фрунтомъ войскъ, поставленныхъ тутъ съ заряженными ружьями, и внутрь сего обширнаго круга непускаемо было никого изъ подлага народа. Но товарища моего, какъ знакомаго и извѣстнаго человѣка, а при немъ и меня, пропускали безъ задержанія, ктому-жъ мы были и дворяне, а дворянъ и господъ пропускали всѣхъ безъ остановки; и какъ ихъ набралось тутъ превеликое множество, то судя по тому, что Пугачовъ наиболѣе противъ ихъ возставалъ, то и можно было произшествіе и зрѣлище тогдашнее почестъ и назвать истиннымъ торжествомъ дворянъ надъ симъ общимъ ихъ врагомъ и злодѣемъ.

Намъ съ господиномъ Обуховымъ удалось, протѣснившись сквозь толпу господъ, пробраться къ самому эшафоту и стать отъ него не болѣе какъ сажени на три, и съ самой той восточной стороны онаго, гдѣ Пугачовъ долженъ былъ на эшафотѣ стоять для выслушванія читаемаго ему всего сенатскаго приговора и сентенціи. Итакъ, имѣли мы наибыводнѣйшее и самое лучшее мѣсто для смотрѣнія, и покуда его довели, и довольно времени для обозрѣнія эшафота и всего окружающаго оной, довольно еще просторнаго порожняго внутри круга. Эшафотъ воздвигнутъ былъ посреди онаго, четверосторонній, вышиною аршинъ четырехъ и обитой сваружи со всѣхъ сторонъ тесомъ, и съ довольно просторнымъ наверху помостомъ, окруженнымъ балюстрадомъ. Выходъ на него сдѣланъ былъ только

съ одной изъ стороны по лѣстницѣ. Посреди самаго сего помоста воздвигнуть былъ столбъ, съ водѣтымъ на него колесомъ, а на концѣ утвержденныхъ на него желѣзною острою спицею. Вокругъ эшафота сего въ разстояніи сажень на двадцать поставлено было кругомъ и со всѣхъ сторонъ нѣсколько висѣлицъ, не выше также аршинъ четырехъ или еще ниже, съ вислицами на нихъ петлями и представленными лѣсенками. Мы увидѣли подлѣ каждой изъ нихъ приготовленныхъ уже палачей и самыхъ узниковъ, назначенныхъ для казни, держимыхъ тутъ стражани. А такими же образомъ лежали нѣкоторые и другіе изъ ихъ злодѣйскаго общества, скованные, при подножіи самаго эшафота.

Не успѣла колесница подѣхать съ злодѣемъ къ эшафоту, какъ схватили его съ ней и ввели по лѣстницѣ на верхъ онаго, поставили на краю восточнаго его бока, противъ самыхъ насъ. Въ одинъ мигъ наполнился тогда весь помостъ множествомъ палачей, узниковъ и къ нимъ приставовъ, ибо всѣ наилучшіе его наперсники и друзья должныствовали жизнь свою кончить вмѣстѣ съ нимъ на эшафотѣ, почему и приготовлены уже были на всѣхъ углахъ и сторонахъ онаго плахи съ топорами. Подлѣ самаго-жъ Емельки Пугачова явился тотчасъ секретарь, съ сенатскимъ опредѣленіемъ въ рукахъ, а предъ нимъ, внизу и подлѣ самыхъ насъ, на лошади верхомъ, бывшій тогда оберъ-полицеймейстеромъ г. Архаровъ.

Какъ скоро все установилось, то и началось чтеніе сентенціи. Мы стояли подлѣ самаго г. Архарова, и такъ близко, что могли что-то отъ слова до слова слышать. Но насъ занимало не столько слушаніе читаемаго, какъ самое зрѣніе на осужденнаго злодѣя. И какъ громогласное и разстановочное чтеніе продолжилось очень долго, ибо въ опредѣленіи сенатскимъ прописаны были всѣ его и сообщники его злодѣянія, и подведены были всѣ законы, по силѣ которыхъ долженъ онъ былъ преданъ быть казни, то шли мы время насмотрѣться на сего

изверга. Онъ стоялъ въ длинномъ наголовѣмъ овчинномъ тулупѣ, почти въ оульчаніи и самъ виѣ себя, и только что крестился и молился. Виднѣ образъ его показался мнѣ совсѣмъ несоответствующимъ такимъ дѣяніямъ, какія производилъ себѣ извергъ. Онъ походилъ не столько на зѣвробразнаго какого-нибудь лютаго разбойника, какъ на какого-либо маркитантшика или харчевника плюгаваго. Борода небольшая, волосы вклокоченные и весь видъ ничего незначущій и столь мало похожіи на покойнаго императора Петра Третьяго, котораго случалось мнѣ такъ много разъ и такъ близко видать, что я, смотря на него, самъ себѣ нѣсколько разъ въ мысляхъ говорилъ: «Боже мой! до какого ослѣпленія могла дойти наша глупая и легковѣрная чернь, и какъ можно было сквернавца сего почесть Петромъ Третьимъ!» Между тѣмъ, какъ ни пристально мы на него смотрѣли, однако успѣли оглянуться и назадъ на стоящіи вокругъ эшафота висѣлицы. На нихъ увидѣли мы всѣхъ осужденныхъ къ смерти, взведенныхъ на лѣстницы съ надѣтыми на головы ихъ тюрниками и съ возложенными на шею ихъ уже петлями, а палачей, державшихъ ихъ и готовыхъ при первомъ знакѣ столкнуть ихъ съ лѣстницъ. И какъ назначено было имъ въ одну секунду умереть съ своимъ начальникомъ, то по самому тому и не могли мы видѣть самое произведеніе ихъ казни, которую, какъ думаю, и никто не видалъ, ибо всѣхъ глаза устремлены были на эшафотъ и на Пугачова.

Какъ скоро окончили чтеніе, то тотчасъ сдернули съ осужденнаго на смерть злодѣя его тулупъ и все съ него платье, и стали класть на плаху для обрубанія, въ силу сентенціи, напередъ у него рукъ и ногъ, а потомъ и головы. Были многіе въ народѣ, которые думали, что не воспослѣдуетъ-ли милостиваго указа и ему прощенія, и бездѣльники того желали, а всѣ добрые того опасались. Но опасеніе сіе было напрасное: преступленіе его было не такъ мало, чтобъ достоинъ онъ былъ каковаго помилованія: кому-жъ

и императрица не хотѣла сама и мѣшаться въ это дѣло, а передала оное въ полное и самовластное рѣшеніе сената; итакъ, долженъ онъ былъ неотмѣнно получить достойную мзду за всѣ его злодѣйства. Совсѣмъ тѣмъ произошло при казни его нѣчто странное и неожиданное, и вмѣсто того, чтобъ, въ силу сентенціи, напередъ его четвертовать и отрубить ему руки и ноги, палачъ вдругъ отрубилъ ему прежде всего голову, и Богу уже извѣстно, какимъ образомъ это сдѣлалось: ни то палачъ былъ къ тому отъ злодѣевъ подкупленъ, чтобъ онъ не далъ ему долго мучиться, ни то произошло отъ дѣйствительной ошибки и смятенія палача, никогда еще въ жизнь свою смертной казни не производившаго; но какъ бы то ни было, но мы услышали только, что стоявшій тамъ подлѣ самаго его какой-то чиновникъ вдругъ напалача съ сердцемъ закричалъ: «Ахъ, сукинъ сынъ! что ты это сдѣлалъ!» и потомъ: «ну, скорѣе—руки и ноги». Въ самой тотъ моментъ пошла стукотня и на прочихъ плахахъ, и въ мигъ послѣ того очутилась голова г. Пугачова, взоткнутая на желѣзную спицу на верху столба, а отрубленные его члены и кровавой трупъ, лежащій на колесѣ. А въ самую ту-жъ минуту столкнуты были съ лѣстницъ и всѣ висѣльники, такъ что мы, оглянувшись, увидѣли ихъ всѣхъ висящими и лѣстницы отняты прочь. Превеликой гулъ отъ аханья и многого восклицанія раздавался тогда по всему несчетному множеству народа, смотрѣвшаго на сіе рѣдкое и необыкновенное зрѣлище.

Симъ образомъ совершилась сія казнь и кончилось сіе кровавое и странное позорище. Надлежало потомъ всѣ части трупа сего изверга развозить по разнымъ частямъ города и тамъ сжигать ихъ на мѣстахъ назначенныхъ, а потомъ прахъ разсѣвать по воздуху. Но мы сего уже не видали, но какъ народъ началъ тогда тотчасъ расходиться, то пошли и мы отыскивать свои сани и возвратились на нихъ къ заставѣ, гдѣ отобѣдавъ у своего знакомаца и простившись съ нимъ, пус-

тился я въ свой путь въ Кіасовку съ головою, преисполненною мыслями и воображеніями видѣннаго, рѣдкаго и необыкновеннаго у насъ зрѣлища и весьма поразительнаго, и на другой день къ обѣду возвратился къ своимъ домашнимъ.

Сихъ нашелъ я давно уже меня къ себѣ ожидавшихъ и всѣхъ здоровыми и благополучными; но вскорѣ за симъ назначено было и намъ самимъ вытерпѣть передрагу и противъ всякаго чаянія и ожиданія подвергнуться незапному страху и опасенію. Случай сей былъ совсѣмъ особливой и слѣдующаго рода.

По возвращеніи моемъ изъ Москвы я первымъ долгомъ почелъ созвать къ себѣ всѣхъ старостъ и начальниковъ деревенскихъ, и объявить имъ всѣ послѣднія повелѣнія, данныя мнѣ отъ князя, а наглавнѣйше о платежѣ имъ впредь такого же почти оброка, какой платили они до того времени. Всѣ они выслушали слова мои, какъ казалось, довольно съ спокойнымъ духомъ и развѣхались по своимъ мѣстамъ. Но не успѣло нѣсколько дней послѣ того пройти, какъ вдругъ является передъ крыльцомъ моимъ превеликая толпа народа. Удивился я, о семъ услышавъ, и тотчасъ велѣлъ спросить, чтѣ за народъ и за чѣмъ въ такомъ множествѣ? Сказываютъ мнѣ, что Спасскіе-де крестьяне, и хотятъ сами васъ видѣть.—«Хорошо, сказала я, — скажите имъ что я тотчасъ къ нимъ выду», а самъ удивился тому еще больше. Но скоро удивленіе мое превратилось въ превеликое смущеніе и безпокойство духа, когда посланной къ нимъ съ помянутымъ вопрошаніемъ, и весьма мнѣ преданной солдатъ, вмѣсто того, чтобъ итти къ нимъ, остановился и мнѣ сказалъ: «Что-де, судирь, толпа ихъ превеликая и кажется свoločью сущихъ негодяевъ. Что-то все рычатъ и мурчатъ, и предводителемъ у нихъ не староста и не бурмистръ, а какой-то Романъ, которой, какъ говорятъ, нанвелччайшій сутяга и самой сварливѣйшій и негоднѣйшій человекъ во всей волости, и что-то она мнѣ подозрительна, и нѣтъ ли у нихъ какой благи и чего-нибудь

го на умъ». Поразился я смущеннѣе такую неожиданность, и ѿ сказалъ: «Господи! чтобъ такъ было, и что такое они хотятъ?» во мнѣ какъ голубь затрепетало; а, не давая солдату смятенія словѣтъ, ему сказалъ: «Вздоръ, мнѣ кажется... Однако поди ты, да скажи вотъ въ канцеляріи и какъ своимъ, чтобъ они на всякой или готовы». — «Хорошо», сказалъ вышелъ мнѣ сказывать, а я, въ лакейскую, сталъ смотрѣть въ остирающееся надворь, поджидая ошія солдата. И смутился еще видѣвъ въ самомъ дѣлѣ человекъ ста мужиковъ, стоящихъ передъ мѣ моимъ, а предъ ними помяну- умана, расхаживающаго какъ индѣйскаго и хорохорющагося бру онаго. Сіе привело меня самъ смущеніе; однако какъ нечего мнѣ, то дождавшись приближающаго назадъ солдата, вышелъ я во или паче на нѣкоторой родъ ѣ и аршина на два отъ земли нной широкой галерейки, про- вѣся отъ одного флигеля до дру- го, сталъ противъ самаго сдѣлап- іа схода съ ней неширокаго крыль- ца и мужиковъ, чего они хотятъ? ѣ-ста пришли», закричалъ съ гру- предводитель ихъ, а за нимъ за- и вся его сволочь. Таковой грубой нной отвѣтъ смутилъ меня еще днако я имѣлъ еще столько ду- преодолѣлъ закипающее во мнѣ (засмѣявшись имъ, сказалъ: «Это того вижу; но зачѣмъ такимъ?» — «-ста зачѣмъ, закричали они въ ю голосовъ, а Романъ всѣхъ іа грубѣе: велишь-ста ты платять юна по шести рублей съ тягла — ѣтъ такое?» спросилъ я. — «Но итъ-ста ты это взялъ?» — «Какъ съ ишь такъ приказалъ.» — «Да-ста, ле князь! Да для чего другіе вы крестьяне платять меньше, Богородицкой волости платять о четыре рубля съ тягла, а мы что

за грѣшныя, что съ насъ больше?» — «Этого я не знаю, сказать я, а воля на то князя, да и самой государыни». — «Какъ-бы не такъ, завопѣлъ Романъ: — ты-ста дума- ешь, что мы тому и повѣримъ. Госу- дарыня-ста не знаетъ о томъ и не иѣ- даетъ, а это все твои довести, и ты самъ хочешь денежками нашими набить себя карманы». Грубыи и дерзкія сія слова вывели меня тогда изъ терпѣнія. «Ахъ ты, бездѣльникъ! закричалъ я на него: какъ ты смѣешь со мною такъ гово- рить?» — «Мы-ста не бездѣльники», закри- чали они всѣ во множество голосовъ, а Романъ, подскочивъ къ крыльцу, еще болѣе закричалъ: «И чтожъ ты за боя- ринъ, чтобъ не смѣть съ тобою говорить; ну, такъ знай же, что мы твоего приказа не слушаемъ, словамъ твоимъ не вѣримъ, и такого оброча платить не хотимъ и никакъ не станемъ». Кровь во мнѣ воспа- менилась при услышаніи сего; однако я имѣлъ еще столько терпѣнія, что имъ сказалъ: «Что это, что это вы, дурачье, затѣяли, бунтовать что ли вы хотите? за это передерутъ насъ всѣхъ кнутьями! Да для чего малинскіе, кіасовскіе и по- кровскіе ни слова не говорятъ и повинуютъ- ся приказанію княжому?» — «Вольно-ста имъ, закричали они: но мы того не хотимъ!» а Романъ, какъ ершь растаранивъ гла- за и опять подбѣжавъ къ крыльцу и пря- мо мнѣ въ глаза закричалъ: «Ну, не хо- тимъ-ста, не хотимъ; это все твои плу- тни, не слушаемъ!» — «Ахъ ты, сукинъ сынъ!» закричалъ я, не могши уже никакъ утер- пѣть болѣе: «Хочешь-ли, я тебя...» но я не успѣлъ еще сего слова домолвить, какъ онъ вскочилъ на первыя ступеньки крыльца и во все горло завопѣлъ: «Я-ста не сукинъ сынъ, а развѣ ты такой, а се- бя я тебѣ докажу! Бить-ста, што-ли меня хочешь, такъ тебѣ неудастя, я кому еще Богъ поможетъ». Сказавъ сіе, побѣжалъ ко мнѣ вверхъ по ступенькамъ и протя- нулъ уже руку, чтобъ схватить меня за воротъ и тащить съ крыльца.

Признаюсь, что минута сія была для меня весьма критическая и было не натурально, чтобъ не могъ я (не) испужать-

ся. Чтожъ касается до моихъ домашнихъ, сбѣжавшихся между тѣмъ къ окну спальни и смотрѣвшихъ въ оное на все сіе происшествіе, то сіи завопѣли и закричали отъ страха и испуга. Но тутъ гдѣ ни возьмись помянутой усердной ко мнѣ солдаты, нывернувшись изъ-за меня, такъ сего бездѣльника толкнувъ, что онъ полетѣлъ стремглавъ съ крыльца на землю, а въ самую ту минуту подскочили и прочіе стоявшіе уже за мною солдаты, которыхъ я и не видалъ, и отвели меня къ сторонѣ, говоря: «Посторонитесь, судырь», выхватили свои шпажонки, и загородивъ собою весь входъ на крыльцо, къ шумѣвшему народу закричали: «Цыцъ! бездѣльники, не шевелитесь никто съ мѣста, всѣхъ перерубимъ. если кто отважится подойти сюда ближе хоть на пядень; что это, и свое ли вы затѣяли!»

Неожиданное явленіе сіе такъ всѣхъ испугало, что они, всѣ оцѣпенѣвъ, почти въ одинъ мигъ замолчали и никто въ самомъ дѣлѣ не смѣлъ поворониться, а я, ободрившись тѣмъ, къ стоящему внизу приказному брату и другимъ нѣсколькимъ дворовымъ, закричалъ: «Схватите этого бездѣльника и держите крѣпко». Тѣ тотчасъ и бросились на поднимающагося отъ земли и окруживъ его, дѣйствительно схватили такъ, что онъ не могъ и шевельнуться, а я, обратясь къ утихшей и въ безмолвіи стоявшей толпѣ, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ сказалъ: «Ахъ, дурачье, дурачье! что это вы затѣяли, и не съума ли вы сошли, что дали сему бездѣльнику себя соблазнить и возмутить! Какъ можно мнѣ самому отъ себя это взять? Да коротко, естли въ томъ только дѣло, что вы мнѣ не вѣрите, то за чѣмъ дѣло стало! Выберите между собою двухъ или трехъ человекъ, кому вы повѣрите можете, я сейчасъ отправлю ихъ въ Москву къ князю, пускай спросятъ они сами у князя и услышутъ, отъ себя ли я это взялъ, или такъ сама государыня приказала».

— «Хорошо-ста, хорошо! сказали они въ нѣсколько голосовъ: это дѣло, мы-ста тотчасъ выберемъ». — «Всего лучше! под-

хватилъ я: выбирайте-ка, выбирайте, и пускай они и спросятъ о томъ князя, а если хотятъ, такъ именемъ вашихъ и просятъ о убавкѣ оброка и чего имъ хочется».

Вѣтъ они тотчасъ зашумѣли и начали между собою выбирать двухъ депутатовъ, а я, обратясь къ прикащику и солдатамъ, сказалъ: «А вы, между тѣмъ, отведите сего молодца въ земскую избѣ и до тѣхъ поръ покараульте, покуда возвратятся посылаемые въ Москву. Я съ нимъ ничего не сдѣлаю, и не хочу марать и рукъ своихъ». Солдаты мои тотчасъ его подхватили, и чтобъ онъ не кричалъ, закнули ему ротъ платкомъ и повели за ворота, и тамъ, безъ моего приказанія, взяли на его ноги претолстыя колодки.

А я между тѣмъ, поговоривъ уже дружелюбиѣ съ толпою сихъ негодяевъ и приведя ихъ въ разсудокъ, пошелъ писать къ князю репортъ, съ изображеніемъ живѣйшими красками всего сего происшествія, и какъ между тѣмъ выбраны были ими и депутаты, то и отправилъ ихъ съ солдатомъ и съ моимъ репортномъ въ Москву къ моему командиру, а мужикамъ велѣлъ ѣхать домой; что они, не дѣлая болѣе никакого шума, и учинили.

Симъ кончилось тогда сіе происшествіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончу я и сіе мое письмо, сказавъ, что я есмь и прочее.

(Генваря 6-го дня 1809 года).

Примѣчаніе. Рисунокъ этотъ сдѣланъ Вологдымъ карандашомъ и сильнѣю постерся. М. С.

Письмо 179-е.

езный пріятель! Легко можете образить, что описанное въ предъидущемъ письмѣ происшествіе произошло мнѣ и въ домашнихъ моихъ глубокомъ впечатлѣніи. Всѣ мы нѣ ожидали такого явленія, и потому оно для насъ тѣмъ чувствительнѣе, увидѣвъ такой безповойной, начинали даже опасаться, чтобы не произошло тому подобнаго ю-нибудь еще худшаго. Однако, по и Господней, было сіе первымъ и нѣмъ досаднымъ и неприятнымъ произшествіемъ. Благоразумныя пріятеля княземъ и мною, преи всѣ такіе вадоры и возстановили на ненарушимое спокойствіе между нами, а вкупѣ довели ихъ и до вѣдѣнія совершеннаго.

Имѣю тѣмъ не сомнѣваюсь я, что бунтамъ теперь знать, что произошло по вышеописанному дѣлу, и послѣдствіе произвело отправленіе говъ къ князю съ моимъ репор-О семъ коротко скажу, что про-то, чего я ожидалъ и чего ожи-лю можно. Князь, прочитавши ре-и досадовалъ на дерзость мужи-и смѣлся крайнему ихъ перазу-елупости, и сколько ни былъ тихъ-нхъ, но не преминулъ дать на пред-нхъ къ нему депутатовъ прене-окрикъ, и увѣривъ сихъ дураковъ, ровъ наложенъ не иначе какъ съ-ударяни, какъ онъ и дѣйстви-о томъ докладывалъ императрицѣ-члѣтъ имянное на то повелѣніе, ѣ потомъ имъ, что всѣ они за дер-шю и неповиновеніе достойны ве-нго наказанія и заслужили то, всѣхъ ихъ передрасть кнутомъ, или-ней мѣръ, дѣтей всѣхъ бывшихъ-аномъ въ заговоръ отдать въ-въ рекруты; что онъ непремѣнно-гъ, естли впродъ кто-нибудь отва-тому подобное сдѣлать. Но на сей-ъ одинаго человѣколюбія ихъ ми-

дуетъ и наказываетъ единымъ только при-казаніемъ заставить ихъ безъ очереди двѣ недѣли отправлять казенныя рабо-ты. «Что-жъ касается до возмутителя ва-шего, бездѣльника Романа, то,—обратясь къ стоявшему подлѣ его секретарю, ска-залъ: напишите къ управителю ордеръ, и прописавъ все теперь мною говорен-ное, присовокуните, чтобы бездѣльника Романа, въ наказаніе за его дерзповеніе и въ страхъ другимъ, при собраніи всѣхъ старость и вытпыхъ начальниковъ и луч-шихъ въ волости людей, наказалъ плеть-ми вешадно, съ подтвержденіемъ, что естли онъ и за сямъ отважится впродъ предпріять что-либо тому подобное, то безъ всякаго помилованія огданъ будетъ въ городъ для сужденія и учиненія съ нимъ, какъ съ митежникомъ и возмутителемъ, по всей строгости законовъ, и чтобы упра-витель сей мой ордеръ для вѣдома про-челъ всѣмъ волостнымъ пачальникамъ и лучшимъ людямъ».

Секретарь тотчасъ и намахалъ такой ордеръ, какого лучше желать мнѣ было не можно. Князь, пописавъ оной, велѣлъ его при себѣ господамъ депутатамъ, ва-ляющимся у его ногъ, прочесть и потомъ имъ еще въ подтверженіе сказалъ: «Вотъ, слышите, скажите всѣмъ вашимъ товари-щамъ, что я на первой случай васъ ми-лую; а естли вы не перестанете дурить, тогда не просите уже отъ меня никакой милости, и вы тѣмъ доведете, что оброкъ вашъ увеличится еще болѣе, а сверхъ того дураковъ всѣхъ пересѣкутъ за дерзость и ослушаніе. Ну, ступайте-жъ и скажите о томъ всѣмъ и всѣмъ!»

Итакъ, по пословицѣ говоря, не солоно хлѣбавъ и принуждены были господа сіи ѣхать назадъ и обжогшись на молокѣ, съ того времени стали дуть и на воду, ибо сіе такъ на нихъ подѣйствовало, что изъ всѣхъ ихъ и изъ прочихъ крестьянъ не посмѣлъ никто и кувнуть. Что-жъ касает-ся до самого виновника всему алу, без-дѣльника Романа, то при собраніи всѣхъ старость и лучшихъ людей и по прочте-ніи при нихъ ему всего княжова ордера, не преминулъ я велѣть высѣчь его плеть-

ми; однако далеко не такъ много, сколько онъ заслуживалъ, а весьма еще умѣренно, ибо боялся съ такимъ негоднымъ человѣкомъ связываться, а доволень былъ тѣмъ, что его при семъ случаѣ всѣ старосты и лучшіе люди бранили и тазали, говоря, что ему за его дѣла досталось еще мало.

Но сего негодяя не въ состояніи было и все сіе нимало укротить и привести въ разсудокъ. Онъ вытерпѣлъ все сѣченье не произнося не только ни малѣйшаго вопля, но ниже одного слова, и кипѣлъ злобою не столько уже на меня, сколько на самого князя. Почему, будучи тогда отпущенъ жить по прежнему въ свое селеніе, нимало не унялся, но не престававъ явно продолжать свое злословіе, и неудовольствуясь тѣмъ, вздумалъ поступить еще далѣе. И какъ вскорѣ послѣ того времени прибылъ изъ Петербурга въ Москву Дворъ, то услышавъ, что государыня находится въ Москвѣ, затѣялъ-было итти просить самое ее и подать ей на князя и на меня челобитную, наполненную бездѣльническими и явными клеветами. Вотъ каковъ былъ сей прямо негодной человѣкъ!

Но какъ по отпускѣ его въ деревню непремннулъ я всѣмъ лучшимъ и добрымъ людямъ въ тамошнемъ селеніи втайнѣ отъ него накрѣпко подтвердить, чтобъ всѣ они за нимъ и за всѣмъ поведеніемъ его присматривали и тотчасъ бы мнѣ донесли, какъ скоро что-нибудь дурное запримѣтятъ и сдѣлали-бъ сіе для собственной пользы, дабы сей скверной и негодной человѣкъ не могъ самихъ ихъ вовлечь въ какую-либо бѣду и наказаніе; то не успѣлъ онъ помянутое новое злодѣйство замыслить и по неосторожности кому-то проболтаться, какъ тотчасъ мнѣ о томъ и донесено было.

Сіе натурально опять меня встревожило и озаботило очень. Я сожалѣлъ уже о томъ, что наказалъ его мало и не проявлялъ хорошенько, но какъ того возвратитъ было не можно, то велѣлъ только усугубить за нимъ присмотръ; и какъ чрезъ нѣсколько дней мнѣ донесено было, что

онъ, ѣздивши нѣсколько дней сряду къ какому-то знакомому ему дьячку, такому-жъ бездѣльнику, каковъ былъ самъ, для составленія и писанія челобитной, наконецъ дѣйствительно въ Москву, не сказавшись никому, съ сыномъ своимъ уѣхалъ, и сей уже одинъ и безъ него домой возвратился, то за нужное я почелъ предупредить о томъ князя, и тотчасъ отправилъ съ письмомъ своимъ къ нему самого того приверженнаго ко мнѣ и его довольно запримѣтившаго исправнаго и усерднаго солдата, дабы могъ онъ употребленъ быть въ Москвѣ для отысканія онаго. А все сіе и произвело вождѣльняное дѣйствіе. Князь, получивъ о томъ мое уведомленіе, тотчасъ препоручилъ ему всячески сего бездѣльника отыскивать, и какъ скоро гдѣ его запримѣтитъ, тотчасъ бы его при помощи полицейскихъ, которымъ также дано было отъ князя о томъ знать, его схватить и къ нему представить; что все было удачно и исполнено. Солдатъ почти не отходилъ отъ двorca, и не успѣлъ Романъ только показаться, какъ они раба Божія тотчасъ и спелендали и вмѣстѣ съ написанною самою глупѣйшею челобитною, найденною у него за пазухою, представили къ князю. И какъ бумага сія оказалась наполненная ядомъ и явными клеветами на самого князя, то сей другого не нашель, какъ для исторженія такого негодяя изъ среды добрыхъ людей, прислать его ко мнѣ скованнаго по рукамъ и по ногамъ и предписать мнѣ ордеромъ отослать его, какъ мятежника и возмутителя, въ Коломну и именемъ его требовать, чтобъ онъ сосланъ былъ немедленно въ Сибирь на поселеніе безъ всякаго зачета въ рекруты; что мною тотчасъ и учинено было. Итакъ, чрезъ сіе освободились мы отъ сего негодяя, и онъ, просидѣвъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьмѣ, наконецъ и поплылъ жить въ отдаленной край Азіи, а чрезъ то успокоилась и вся волость. Вотъ какое окончаніе получило все сіе досадное дѣло, и я, окончивъ сію неприятную матерію, обращусь теперь къ другимъ предметамъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило

мѣ я все зинее время занисовонии обывковенными литерат: упражненіями и другими дѣла: 1-го генваря имѣлъ удовольствіе ; онять изъ Экономическаго Обпретолстой пакеть съ книгою и пошь отъ г. Нартова. Письмо ышло мнѣ сколько съ одной стоовольствія, столько съ другой—нбо изъ онаго усмотрѣлъ я, что ива была ко мнѣ, при такомъ же ить Нартова. XXIII-я часть «Тручества», но которая, повсему никакити-нибудь образомъ пропа: оной не получалъ. А въ сей разъ ; онъ ко мнѣ уже XXIV-ю часть, юю имѣлъ я удовольствіе видѣть иное первое отдѣленіе сочинео «О хмѣлеводствѣ» и съ выграиницъ по рисунку моему черте: то-жъ касается до письма Нар: о сіе дошло уже ко мнѣ очень ; меньше нежели въ двѣ недѣли: вь быть потому, что Нартовъ по ному уже зналъ объ опредѣленіи Кіасовку, и пакеть сей пересланъ ; мнѣ уже чрезъ князя. Виро: годара меня именовъ Общества очиненіе «О хмѣлеводствѣ», про: родоженіи съ нимъ колико можно ей переписки и о присланин и поихъ сочиненій.

тутое неполученіе XXIII-й части, съ одной стороны подтвердило сть тогдашнихъ почтъ, столько было потому, что я въ оной на: увидѣть всѣ прежнія мои сочи: печатанными. Набралось ихъ цѣ: гире, о участи которыхъ былъ я гонъ, и были они слѣдующія: 1) «О ихъ употребляемыхъ въ дерев: барствахъ»; 2) «О скотскомъ на: » «О моей рабочей телѣжкѣ»; 4) «О ния костера изъ пшеницы». Н ѣ хотѣлось знать, напечатаны-ль или которое осталось не апро: мѣ, то отписавъ къ Нартову ченіи той книги, другого сред: е не находилъ, какъ стараться ъ ее въ Москвѣ купить, и прежде

не имѣлъ покоя, пока мнѣ купить ее не достали, и тогда, къ удовольствію моему, увидѣлъ я, что въ ней дѣйствительно на: ходились всѣ оныя сочиненія мои напе: чатанными и ни одно изъ нихъ не оста: лось безъ одобренія: а сіе побудило меня и впрядь что-нибудь сочинять и посылать къ нимъ свои сочиненія.

Черезъ мѣсяць послѣ того, имѣлъ я удовольствіе получить еще одинъ пакетъ, съ небольшою книжкою сочиненія сенатора нашего, Степана Федоровича Ушакова, при особомъ и весьма ла: ековомъ письмѣ отъ самого его. Въ ономъ, расхваливая всѣ мои сочиненія и изобра: жая, какое удовольствіе онъ въ нихъ на: ходитъ, хвалилъ въ особности сочиненіе мое «О хмѣлеводствѣ» и всѣ мои затѣи съ онымъ, и просилъ о доставленіи къ нему достальныхъ моихъ замѣчаній объ ономъ, естли въ расположенъ я доставить ихъ въ Общество. Но какъ я оныя намѣ: ренъ былъ послать въ Общество, то и снѣшилъ отправленіемъ оныхъ въ Пе: тербургъ, съ новыми всѣми моимъ затѣ: ямъ рисунками, но напечатанія оныхъ принужденъ былъ также дожидаться долго.

Между симъ разнесшійся слухъ о при: ѣздѣ императрицы въ Москву и о буду: щихъ въ приближающуюся масляницу раз: ныхъ увеселеніяхъ и при дворѣ публич: ныхъ маскарадахъ, побуждалъ многихъ ѣхать къ сему времени въ столицу; въ числѣ сихъ находилась и моя жена. Ей, какъ небывавшей никогда въ такихъ пуб: личныхъ собраніяхъ, хотѣлось весьма оныя видѣть, къ тому-жъ имѣла она и нужду быть въ Москвѣ для исполненія нѣкоторыхъ покупокъ. Сверхъ того по: буждало ее много къ тому и то, что всѣ наши тамошнія сосѣдки собиравлись ѣхать туда и ее къ тому-жъ подговаривали; а хотѣли туда-жъ приѣхать и племянницы мои, Травницы, изъ Каминна, то все сіе и побудило меня испросить у князя дозво: ленія приѣхать въ Москву; и какъ мнѣ то было дозволено, то мы, оставя малень: вихъ своихъ дѣтей съ ихъ бабушкою въ Кіасовкѣ, сами въ Москву и отправи: лись.

Тамъ, съѣхавшись и ставъ на одной квартирѣ съ моими племянницами, прожили мы всю масляницу, и всю ее провели отменно пріятно въ непрерывныхъ разъѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими знакомыми и родными. Между тѣмъ не одинъ разъ бывали и въ театрѣ, бывшемъ тогда еще на Знаменкѣ, а наконецъ удалось женѣ моей въ сей разъ быть и въ большомъ придворномъ маскарадѣ, бывшемъ во дворцѣ, и видѣть въ первой еще разъ сего рода увеселеніе. Она ѣздила туда съ моими племянницами и нѣкоторыми другими изъ нашихъ знакомыхъ, но я оставался дома за случившимся въ самой тотъ день небольшимъ богѣзеннымъ припадкомъ.

Впрочемъ, легко можно заключить, что въ сію мою бытность въ Москвѣ, видѣлся я и съ княземъ. Я ѣзжалъ къ нему почти каждой день, и обыкновенно по утрамъ, дабы тѣмъ болѣе имѣть свободнаго времени послѣ полудня. Князь, по обыкновенію своему, принималъ меня всякой разъ съ отменною благопріятностію, и не могъ никогда со мною довольно наговориться. Не успѣлъ онъ меня увидѣть, какъ и началъ шутить и смѣяться претерпѣнной мною отъ мужиковъ передраги, и говорилъ, что вѣрно были мы тѣмъ перепуганы. «Не безъ того-та, сказалъ я: но спасибо, что удалось скоро погасить сію искру мятежа глупыхъ крестьянъ и все опять успокоить». Онъ хвалилъ всѣ мои при семъ случаѣ поступки, а особливо доволенъ былъ, (что) предварилъ я его о злонамѣреніи бездѣльника Романа.

Засишь говорили мы съ нимъ о разныхъ новыхъ распоряженіяхъ въ волости и о заведеніи тамъ хлѣбнаго магазина по примѣру Богородицкаго, а особливо о будущемъ построеніи гошпиталя для больныхъ, которой лежалъ у князя весьма на сердцѣ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что онъ имѣлъ счастье уже не одинъ разъ говорить съ государынею и донести ей о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до волости, и обо всѣхъ сдѣланныхъ имъ въ ней распоряженіяхъ, что государыня на

все то изъявила свое благоволеніе и все одобрила и его благодарила. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что дѣйствительно есть на то ея воля, чтобы и въ Кіясовкѣ построить хотя небольшой, но порядочной домъ; что сама на планѣ моемъ назначила подъ него мѣсто и приказала архитектору сдѣлать, по собственнымъ своимъ мнѣніямъ, къ тому плану, а ему помышлять о приуготовленіи всѣхъ нужныхъ къ тому матеріаловъ; что надобно намъ поснѣшить разламываніемъ стараго дома и въ прибавокъ къ кирпичу сему на весу дѣлать новой, и готовить къ тому кирпичные саран: а весьма бы хотѣлось ему поискать, нѣтъ ли у насъ тамъ способной глины для дѣланія черепицы, дабы можно было намъ и оной наготовить на кровлю всего будущаго зданія. Также поискать, нѣтъ ли гдѣ въ дачахъ волостныхъ бѣлаго камня, ибо и оной, равно какъ и бутовой и годной для жженія извести, надобно будетъ заготовлять, а пуще всего, что нужно мнѣ какъ можно поснѣшить постройкою гошпиталя, и такъ далѣе.

Обо всемъ томъ нѣсколько разъ повторяли мы съ княземъ разговоры, и какъ я ему былъ во всемъ, такъ сказать, правою рукою и помогалъ ему все придумывать и совѣтами своими облегчать всѣ затрудненія; то становился онъ часъ отъ часу мною довольнѣе и ко мнѣ благопріятнѣйшимъ, что натурально и мнѣ было весьма пріятно.

Наконецъ кончилась масляница со всѣми увеселеніями ея и начался великой постъ. Тогда не стали мы долѣе медлить въ Москвѣ, но распрощавшись со всѣми, поѣхали обратно въ Кіясовку. Князь при отпускѣ меня повторилъ еще разъ всѣ свои приказанія и обѣщалъ самъ на весну побывать у меня, и при случаѣ ѣзды своей въ Богородицкѣ ко мнѣ заѣхать.

Въ Кіясовкѣ напали мы всѣхъ своихъ здоровыми, и какъ въ сіе время начинала уже приближаться весна, то тотчасъ по возвращеніи своемъ и началъ я спѣшить пріискриваніемъ и наймомъ плотни-

для снятія съ стараго дома верх-деревянаго этажа и построенія изъ госпиталя; и какъ скоро ихъ пріѣхъ и нанять, какъ приняло за сіе

Итакъ, древнее обиталище г-на Юва, а потомъ и мое собствен-начало разрушаться, и воздвигать-его новое и никогда тамъ ве-де обиталище для лекаря и боль-

И какъ должно было тѣмъ вси-снѣшить и все нужное къ тому говлять и дѣлать ежедневно раз-оспоряженія, то имѣлъ во весь ве-пость доброй кусокъ работы и хло-коловъ ротъ.

Куду тѣмъ, занимаяся по утрамъ и-мъ прежними своими занятіями, свалъ я дѣлать испытанія свои надъ-приготовляемыми мною изъ соб-

и знакомыхъ уже мнѣ травъ ле-мами. Получаемый при томъ успѣхъ-мелъ все мое чаяніе и ожиданіе и-тавовъ, что я самъ не могъ тому-до надивиться. Неуспѣло нѣсколь-

человѣкамъ, которымъ случалось-двать оныя отъ разныхъ болѣзней,-ѣтъ, и они отъ болѣзней своихъ-тъ скорое и удивительное облегче-

мъ въ короткое время разнеслась-но всѣмъ окрестностямъ громкая-и ко мнѣ со всѣхъ сторонъ стали-

цать и бабы, и мужики просить по-отъ разныхъ болѣзней. И съ пре-но охотою удовлетворялъ ихъ прось-

мѣръ силъ, знанія и возможности-и какъ со всѣхъ ихъ не требовано-ни малѣйшей ни за лекарства, ни-

ды, ни за посуду, въ коей они раз-къ, заплата, то сіе еще болѣе весь-вародъ въ окрестностяхъ къ тому-цало. А сіе и имѣло то послѣдствіе,

личество приходящихъ больныхъ-къ дню увеличивалось болѣе-ю дошло до того, что не протекало-

юго дня, въ которой бы не прихо-ли не пріѣзжало ко мнѣ по нѣ-у человекъ съ просьбами и боль-и нерѣдко случалось, что скопля-къ вдругъ человекъ до десяти и-и въ одно время, изъ которыхъ

одни приходили вновь, а нѣмѣ въ другой или въ третій разъ съ повтореніемъ пре-покорнѣйшихъ просьбъ о снабденіи ихъ тѣми же лекарствами, какія они до того уже получали отъ меня, сказывая, что они имъ очень много, а иногда даже уди-вительно помогали.

Теперь разсудите, какимъ пріятнымъ удовольствіемъ наполнилась вся любо-пытная душа моя при слышаніи такихъ извѣщеній о изыщномъ дѣйствіи моихъ лекарствъ, и нерѣдко совѣмъ неожи-данныхъ и вожделннѣйшихъ успѣховъ моихъ опытовъ, и какъ много награжденъ я былъ тѣмъ за немногіе труды тѣ, ко-торые при томъ мною употребляемы были. И не только не почиталъ ихъ ни за что, но иногда истинно даже прыгалъ отъ ра-дости и удовольствія, узнавъ чрезъ сіи опыты о новомъ и неизвѣстномъ мнѣ до того изыщномъ дѣйствіи какой-нибудь тра-вы, или ея сѣмянъ или кореньевъ. И вся-кой разъ спѣшилъ сообщать о томъ своимъ домашнимъ, бравшмъ во всѣхъ такихъ случаяхъ въ удовольствіи моемъ истин-ное соучастіе, и всѣ мы старались все то затверживать въ память, для употреб-ленія того же въ пользу и впредь, когда случатся подобныя тому случаи; а чтобъ пного не позабыть, то сверхъ того спѣ-шилъ я всякой разъ такіе успѣхи и уди-вительныя дѣйствія лекарствъ моихъ за-писывать.

Словомъ, успѣхи мои въ семь пунктѣ были такъ велики, и количество просите-лей умножилось такъ много, что скоро дошло до того, что при повторяемыхъ просьбахъ о снабденіи еще прежними ле-карствами. не въ состояніи я былъ всегда и вспоминать, что именно кому я иногда давалъ, и принужденнымъ уже бывалъ самъ о томъ спрашивать больныхъ. Но поелику не многіе могли мнѣ порядочно о томъ сказывать, то скоро самая необ-ходимость заставила меня вести уже по-рядочной и ежедневной журналъ не толь-ко всѣмъ приходящимъ ко мнѣ больнымъ, съ означеніемъ званія деревень и именъ просителей, но и самыхъ ихъ болѣзней

и лекарствъ, какія кому и когда мною были даваны.

Все сіе не только меня занимало, но и доставляло несмѣтной множество минутъ пріятныхъ въ жизни; а сверхъ того получалъ я отъ того и самъ существенную пользу, ибо спознакомливался чрезъ то съ каждымъ днемъ больше съ врачевными силами многихъ травъ и дѣлался тѣмъ отъ часу способнѣйшимъ помогать моимъ ближнимъ, вполсѣдствіи же времени услужить тѣмъ и всему моему отечеству, чрезъ обнародованіе всѣхъ учиненныхъ мною замѣчаній. А сверхъ того все сіе побуждало меня отъ часу больше спознакомливаться не только съ ботаникою, но и съ самою медицинскою наукою и снабжать себя такими книгами, изъ которыхъ могъ бы я почерпнуть нужныя и полезныя знанія, относящіяся до врачеванія разныхъ болѣзней. Наконецъ, чтобъ заставить васъ судить самимъ о томъ, помогали-ли мои лекарства или нѣтъ, скажу вамъ только то, что число записанныхъ въ помянутомъ журналѣ отпусковъ разнымъ людямъ лекарствъ, простиралось въ теченіе одногодичнаго времени до 2,315 разъ. Сего одного кажется мнѣ уже довольно въ тому, ибо изъ сего легко можете заключить, что естлибъ онѣ никому не помогали, то какая бы нужда была приходиться ко мнѣ толь великому множеству людей отчасти съ новыми, отчасти повторяемыми просьбами. Словомъ, я скоро прослылъ весьма великимъ знаткомъ, хотя самъ, будучи увѣренъ о весьма еще и крайне недостаточномъ своемъ знаніи, душевно тому хохоталъ и смѣялся.

При такихъ ежедневныхъ леченіяхъ большихъ случилась наконецъ надобность испытать мнѣ и надъ самимъ собою дѣйствіе травъ и лекарствъ своихъ. Отъ бездѣльнаго случая нажилъ и самъ я себѣ болѣзнь, и болѣзнь опасную, и случай сей былъ вотъ какой. Я упоминалъ уже вамъ о тогдашнемъ кіясовскомъ ученомъ священникѣ, отцѣ Никитѣ, всегдашнемъ моемъ философическомъ собесѣдникѣ. Сей впрочемъ весьма умной, любивъ и почте-

нія достойной мужъ, при всемъ своемъ разумѣ, не освобожденъ былъ отъ нѣкоторыхъ слабостей, къ коимъ сдѣлалъ онъ съ молодыхъ лѣтъ своихъ привычку. Въ числу сихъ слабостей принадлежало и то, что онъ былъ смертельной охотникъ до боевыхъ гусей, и находилъ невѣдомо какое удовольствіе въ смотрѣніи, какъ сіи дворяныя птицы между собою бьются, щиплются и дерутся. Смѣшная по истинѣ охота, по совѣмъ тѣмъ сводящая весьма многихъ людей съума и съ разума, а особливо изъ жителей города Коломны, гдѣ и онъ сею страшною охотою заразился. Мнѣ не случалось до того никогда видать сего зрѣлища, и какъ онъ мнѣ всѣ уши прожужжалъ описываніемъ сей своей забавы, и нетерпѣливаго ожиданія своего того времени, когда ссорѣ сей гусаки наиболѣе бывають повержены, то восхотѣлось мнѣ изъ единого любопытства сію мнимую и явѣ до небесъ хвалами превозносимую потѣху видѣть. И какъ всѣ страстныя до чего-нибудь охотники обыкновенно великое удовольствіе находятъ въ сообщеніи радостей своихъ и другимъ, то не успѣлъ онъ дожидаться помянутаго времени, какъ подхвата своихъ гусаконъ, принесъ онъ ихъ ко мнѣ на дворъ, и тутъ сравнивъ ихъ предъ канцелярскимъ крыльцомъ, вбѣжалъ ко мнѣ въ кабинетъ, почти въ изступленіи, и мнѣ сказалъ: «Ну, вотъ, Андрей Тимошеевичъ, пожалуйста-ка скорѣе на крыльцо и посмотрите, какъ гусаки-то, друзья мои, дерутся! И что за потѣха! истинно заглядѣться надобно; но пожалуйста поскорѣе!» Мнѣ случилось тогда сидѣть въ тепломъ и спокойномъ своемъ кабинетѣ и что-то писать, и я, услышавъ его столь усиленной зовъ, и выбѣжалъ на крыльцо въ томъ, въ чемъ сидѣлъ, нимало не подумавъ, что одѣтъ былъ очень легко и не взявъ никакой предосторожности. Случившаяся тогда ясная великопостная погода подманула меня тогда: я думалъ, что и на дворѣ такое же отъ солнца тепло, какъ тепло было въ моемъ кабинетѣ, но какъ сильно я въ томъ обманулся! Не успѣлъ я,

тивъ на крыльцо, минуты двѣ по-
и, смотря на самое глупое и нимало
она не увеселительное зрѣлище и
къся моему пону-философу, сбѣг-
между тѣмъ, съ крыльца и въ из-
щія стравливающему отъ часу бо-
резовъ своихъ, какъ продолжав-
и. еще отъ утренняго сильнаго мо-
кума, и случившійся пронзительной
и рѣзкой вѣтръ такъ меня въ моей
и одеждѣ прохватилъ, что я тогда
чувствовалъ въ себѣ необыкновен-
нтя небольшой ознобъ, и задрожавъ
его, хотѣлъ-было бѣжать назадъ;
и въ удержалъ меня еще минуты
и всеусильнѣйшею просьбою удо-
и. еще съ минуту охоту его зрѣ-
и.—Охъ, батюшка, сказалъ я часъ
ищу дрожа болѣе: нечего смотрѣть,
и. но не нахожу и сотою доли та-
удовольствія въ этомъ зрѣлищѣ,
и, и не понимаю, какъ ты имъ такъ
вѣрешься». Сказавъ сіе и постоявъ
и. минуту, побѣжалъ я опретью
въ кабинетъ свой и тамъ насилу-
и обогрѣлся. Тѣмъ тогда забава сія
и. нилась.

и. успѣлъ настать послѣдующій день,
и. вдругъ почувствовалъ я въ груди
и, а особенно въ лѣвомъ боку такую
и. какой никогда еще до того времени
и. чувствовалъ. Сперва-было я ее нимало
и. не считалъ, но какъ она стала часъ отъ
и. увеличиваться и совокупляться съ
и. и самими почти захватыва-
и. духа, то сіе меня уже и смутило
и. и озаботило и устршило, что я бро-
и. въ имѣвшіяся у меня тогда и не-
и. и еще медицинскія книги, а особ-
и. Семіотику, и сталъ по призна-
и. добираться, какая бы то болѣзнь
и. и начиналась. Но какимъ изумле-
и. и страхомъ поразился я, когда по
и. описаннымъ примѣтамъ за бессо-
и. юе почти находилъ, что у меня на-
и. и Плѣрезія, и что болѣзнь сія
и, которую шутить никакъ не можно,
и. о въ случаѣ запущенія можетъ опа-
и. ться самою опасною и лишитъ даже
и. а самой жизни. Боже мой, какъ я

и. трухнулъ и испужался о семъ узнавши!
и. И такъ, не долго думая, давай, давай ско-
и. рѣе искать въ другнхъ книгахъ, чѣмъ ее
и. лечить и чѣмъ себѣ помогать въ такихъ
и. случаяхъ; и какъ находилъ, что надобно
и. спѣшнѣе кинуть скорѣе кровь, и повторять
и. киданіе оной, покуда не будетъ болѣе бѣ-
и. лаго на крови гноя, то сіе еще пуще меня
и. встревожило, ибо крови я не пускавалъ
и. еще отъ роду, да и не кому было пускать.
и. —«Господи! говорилъ я, что-же мнѣ дѣ-
и. лать и чѣмъ помогать? Поищу, не упо-
и. требляются ли какія травы отъ того?»
и. И не успѣлъ найти и то, и обрадуюсь, что
и. всѣ упоминаемыя у меня въ заготовленіи
и. были, какъ ну-ка я ихъ пить, ну-ка ими
и. лечиться, ну-ка скорѣе болѣзнь захва-
и. тывать. Но какъ я тщательно о томъ ни
и. старался, но совсѣмъ тѣмъ нѣсколько
и. дней находился въ превеликой опасности,
и. и насилу-насилу, при помощи Господней,
и. кое-какъ болѣзнь сію поостановилъ, и отъ
и. прилежнаго питья, къ великому обрадо-
и. ванію всѣхъ моихъ домашнихъ, получилъ
и. себѣ облегченіе. Совсѣмъ тѣмъ во всю
и. страстную недѣлю не смѣлъ я никакъ
и. показаться на воздухъ и крайне былъ до-
и. воленъ тѣмъ, что къ самому дню Пасхи
и. мнѣ такъ уже полегчѣло, что я отважился
и. и могъ уже быть у завтрашней и у обѣдни.

и. Снѣтъ окончу я сіе мое письмо, поелику
и. оно достигло до обыкновенныхъ своихъ
и. предѣловъ, и скажу, что я есмь вашъ и
и. прочее *).

(Генваря 7-го дня 1809 года).

Письмо 180-е.

и. Любезный пріятель! Лишь только
и. настала святая недѣля, и я помянутымъ
и. образомъ освободился отъ своей кратко-
и. временной, но опасной болѣзни, какъ сдѣ-
и. лалась у насъ уже половодъ и стала
и. вскрываться весна. Преужасное множе-
и. ство грачей, влетѣвшее изъ мѣстъ даль-
и. нихъ и поселившихся въ обширной и не-
и. подалеку отъ дома моего находившейся

*) Въ подлинникѣ карандашкѣ сдѣлана
и. вѣнзетка: отъ Никита стравливаеъ гусей. М. С.

березовой рошѣ, предвозвѣстила намъ оную. Но гости и пришельцы сіи скоро мнѣ карканьемъ своимъ такъ надѣли, что я имъ и не радъ былъ, и какъ они мнѣ ни днемъ, ни ночью не давали покоя, то велѣлъ-было я ихъ уже и стрѣлять; но скоро увидѣлъ, что всѣ старанія мои о томъ были безуспѣшны, и что теряли мы только и порохъ и дробь попустому, и потому принужденъ былъ перестать и ихъ оставить съ покоемъ и дать волю имъ выводить своихъ дѣтей и носѣчать другъ друга, на деревьяхъ, слетаясь цѣлыми станицами, и власно какъ разговаривая между собою, сидючи вокругъ какого-нибудь гнѣзда на деревьяхъ.

Между тѣмъ производилось у меня начальное деревянное строеніе гошпитала, и съ такимъ успѣхомъ и добрымъ успѣхомъ, что я надѣялся вскорѣ увидѣть его уже и готовымъ. Другіе, напротивъ того, люди трудились надъ разбираниемъ нижняго каменнаго этажа стараго дома и очищаніемъ получаемого изъ него стараго кирпича и накладываніемъ онаго въ стѣны. И какъ онаго при семъ разбираниіи очень много ломалось, то сей случай подать намъ поводъ къ употребленію, для сохраненія въ цѣлости множайшихъ кирпичей, особливаго способа, а именно: продавливали внизу, у самыхъ подошвъ стѣнъ, небольшія и такія только скважины, сквозь которыя можно-бы было просунуть концы бревенъ, на нѣкоторое другъ отъ друга разстояніе, и по изготовленіи оныхъ, всовывали въ нихъ со внутренней стороны концы бревенъ, и подкативъ подъ нихъ чурки, схвативъ многими людьми за другой конецъ каждаго бревна, начинали каждое бревно качать сверху внизъ дружно, отчего вся стѣна вдругъ, наконецъ нашатавшись, упала, и всею своею массою и плоскостью ударившись объ землю, сама собою и безъ дальнаго раздробленія и ломки кирпичей разсыпалась; чрезъ то не только берегалось несравненно болѣе кирпичей въ цѣлости, но и работа производилась скорѣе и съ лучшимъ успѣхомъ. Какъ средство сіе было мнѣ до того совѣтъ,

неизвѣстно, то признаюсь, что не могъ имъ довольно налюбоваться, и всякой разъ съ особливымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на упадающія съ великимъ шумомъ и ударомъ стѣны.

При помощи сего удобнаго средства повалили мы и разобрали въ немногіе дни всѣ стѣны, и все великолѣпное старинной громады исчезло и не осталось и слѣда бывшаго тутъ дома. Но какъ дошло дѣло до разбирания бута и самаго фундамента, то удивился я, вшедъ, что оной вмѣсто заливанія, то обыкновенію, известью, засыпыванъ былъ только простою землею, да и въ самыхъ стѣнахъ не нашли мы ни одной желѣзной связи, а вездѣ только были дубовыя: явное доказательство излишней уже бережливости или наче скупости прежняго строителя.

Какъ кирпича сего для назначаемого впредъ строенія оказалось слишкомъ мало, и надлежало еще нѣсколько сотъ тысячъ прибавить новаго, то для дѣланія онаго присканы и напаты были въ Москвѣ самимъ княземъ уже кирпичники, и я всѣчески спѣшилъ приготовленіемъ для дѣланія оныхъ кирпичныхъ сараевъ, дабы не могло произойти остановки. И сіе доставило мнѣ много трудовъ и хлопотъ. А какъ присканы были и черепичники и ими отыскана удобная къ тому глина, то построили мы и для нихъ особой сарайчикъ, и какъ скоро время удобное къ дѣланію ихъ и кирпичей наступило, то и началась у насъ сія работа, продолжавшаяся во все сіе дѣло.

Между тѣмъ не позабылъ я и садовъ тамошнихъ, и не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я за нихъ и за возможнѣйшее поправленіе ихъ и приведеніе въ лучший порядокъ и состояніе, а вмѣстѣ съ ними потрудился и надъ образованіемъ вновь основаннаго подлѣ управительскаго дома садика. И какъ въ ономъ много еще не было посажено, то имѣлъ и съ нимъ много хлопотъ и трудовъ, а не менѣе и надъ образованіемъ цвѣтниковъ своихъ предъ окнами дома, для усажденія которыхъ зимовыми цвѣта-

недостаткомъ оныхъ тутъ, велѣлъ изъ своей деревни всѣ роды, какихъ тутъ до того не было. Бѣтники удалось мнѣ смастерить по порядочнымъ, и какъ я до цвѣтъ во всю жизнь мою охотникомъ, даже превеликимъ, то и напички множествомъ всякаго рода, и мнѣ съ особливимъ удовольствіемъ занимался.

бы и на собственные свои сады, хотя вскользь, то по исправленію первыхъ вѣшнихъ дѣлъ, урванное короткое время и въ свою и тамъ, что нужно было, распорядился сколько могъ успѣть все нужное.

обращеніи изъ дома принялся я въ казенныя хлѣбопашенныя поля, изъ двухъ полей яровыми хлѣбамъ они не всѣ еще окопаны были, то спѣшилъ я и сіе дѣло кончить заблаговременно помышлять поженіи всякаго рода средствъ, ихъ къ удобренію оныхъ.

у тѣмъ не позабылъ я и о своемъ изираваніи, но съ самаго начала весны отыскивалъ вездѣ, въ садахъ, гѣсахъ, дугахъ и въ самыхъ къ всѣмъ новымъ и мнѣ еще незнаемымъ, и при помощи своей ботаники съ ними познакомивался; а въ томъ съ особливимъ усердіемъ и занимался тѣмъ во все лѣта, то могу сказать, что сей трудъ для меня прямо ботаническимъ я познакомился въ оной почти и въ пашихъ мѣстахъ самородноими врачебными травами. Всѣ тѣ орны мнѣ были уже знакомы, съ начала весны заготовлялъ уже въ множайшемъ количествѣ, дабы должавшемся ежедневномъ разорныхъ и леченіи многихъ людей въ нихъ недостатка.

къ разныхъ занятіяхъ и безпрерывныя упражненія и не видалъ я, роили оба первые весенніе мѣсяца наступилъ пріятнѣйшій май мѣсяцъ сколько мнѣ ни было недосужно, риюженіе къ «русской старинѣ» 1872 г.

по я находилъ время и къ ѣздѣ съ домашними своими къ тамошнимъ сосѣдямъ, изъ коихъ спознакомился и сдружилъ мы еще съ нѣкоторыми хорошими домами, какъ-то: съ помянутымъ барономъ Соловьевымъ, также съ живущимъ неподалеку отъ него господиномъ Волковымъ, Николаемъ Михайловичемъ, молодымъ, умнымъ и въ обращеніи любезнымъ человекомъ, имѣвшимъ также великую охоту до садовъ. Наконецъ, съ живущею въ той же сторонѣ генеральшею, Натальею Александровною Олицевою, дамою почтенною и любезною, которая не только при первомъ свиданіи насъ обласкала, но даже полюбила, и можно сказать, что домъ ея былъ изъ всего тамошняго сосѣдства наилучшимъ и почтенія достойнѣйшимъ, и по всему тому провели мы все время сіе довольно весело.

Между тѣмъ наступало время, въ которое князь обыкновенно всякой годъ ѣзжалъ въ Богородицкую волость. И какъ онъ положилъ неотмѣнно ко мнѣ заѣхать, и это было еще въ первой разѣ, что я долженъ былъ его принимать и у себя угощать, то и дѣлалъ я всѣ нужныя къ тому приуготовленія. И какъ онъ меня о приѣздѣ своемъ съ назначеніемъ дня предувѣдомилъ, то и поскакалъ я въ Малино для принятія его, ибо ѣхалъ онъ не прямо изъ Москвы, а изъ своихъ деревень пробирался прямо на село Покровское и оттуда уже приѣхалъ въ Малино, гдѣ я его и встрѣтилъ, и оттуда препроводилъ его къ себѣ въ Кіясовку и прямо въ евой домъ, ибо видѣ пристать ему было негдѣ. Признаюсь, что какъ было сіе еще въ первой разѣ, то была для меня, а того болѣе для моихъ домашнихъ превеликая коммиссія. Всѣ мы не знали, какъ бы его лучше успокоить и угостить. Съ нимъ была превеликая свита и обозъ, ибо, кромѣ самого его, находился съ нимъ одинъ изъ его сыновей, Осдоръ, и ввукъ Кривичевъ, оба молодые молодые, гордые и пелюдимые, и секретарь. Кромѣ великаго числа людей, находилось еще нѣсколько казаковъ для конвоирования.

Всѣхъ ихъ надобно было умѣстить, всѣхъ успокоить и всѣхъ угостить. Но спасибо, князь былъ такой человѣкъ, которой не былъ слишкомъ приморчивъ и въ такихъ случаяхъ выскателенъ, да и не хотѣлъ, чтобы для него входилъ я въ какія-либо дальнія хлопоты и убытки.

Было уже передъ самымъ вечеромъ, какъ онъ приѣхалъ, но онъ успѣлъ осмотрѣть весь мой домъ и на дворѣ всѣ строенія, и не могъ довольно налюбоваться всѣмъ моимъ расположеніемъ и надивиться, какъ я успѣлъ въ такое короткое время все то и такъ хорошо устроить; и осматривая симъ образомъ, все самъ назначалъ, гдѣ ему самому расположиться, гдѣ его дѣтямъ и секретарю и гдѣ людямъ. Для себя избралъ онъ нашу гостинную, и сказалъ, что для него сей комнаты будетъ довольно-предовольно. Для дѣтей его назначилъ-было я и хотѣлъ очистить свой кабинетъ, но онъ тотчасъ сказалъ: «И, это пустое! они могутъ и съ Шебашовымъ расположиться въ вашей банѣ, такая хорошая, а люди мои съ людьми вашими, а казаки у прикащика».

Кромѣ горячаго, которое тотчасъ по приѣздѣ его было подапо, приготовленъ былъ у насъ уже ужинъ. Тутъ рекомендовалъ я ему своихъ хозяекъ, и онъ обошелся съ ними такъ просто, такъ ласково и такъ благопріятно, что онѣ очарованы были его обращеніемъ съ ними и его душевно полюбили. За ужиномъ посадилъ онъ ихъ подлѣ себя и не только самъ все съ удовольствіемъ ѣлъ, но подчивалъ еще самихъ ихъ кушаньями и всѣмъ прочимъ; словомъ, онъ насъ всѣхъ плѣнилъ милостивымъ и дружескимъ своимъ обращеніемъ.

Наутріе пошли мы съ нимъ все и все осматривать, и я имѣлъ удовольствіе видѣть, что онъ всѣмъ и всѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ. Госпиталь былъ уже почти совсѣмъ готовъ, а тѣ комнаты, которыя назначены были для житья лекаря въ ономъ, были уже совсѣмъ отдѣланы.—«Вотъ это очень хорошо, сказалъ князь, ихъ увидѣвъ: что вы успѣшили.

Я лекаря уже прискалъ и принялъ, и онъ скоро къ вамъ приѣдетъ, и кажется человѣкъ очень доброй и хорошей и вы его полюбите». Потомъ ходилъ мы по садамъ и я ему показывалъ все и все, что я и для чего сдѣлалъ, и онъ одобрилъ все совершенно. Потомъ смотрѣли мы скотской дворъ; тутъ сказалъ онъ, что скоро приведутъ ко мнѣ аглинскихъ и голландскихъ коровъ, и что заведетъ тутъ добрая скотина. Оттуда прошли мы въ кирпичные и черепичные сараи, въ коняхъ работа начала уже производиться, и осматривали оныя. И князь и тутъ изъявилъ мнѣ свое удовольствіе.

Между тѣмъ приготавливаемо было все нужное къ рыбной ловлѣ, въ тамошней большой прудѣ. У меня была уже, по его приказанію, куплена большая лодка и привезена изъ Коширы, а большой неводъ привезъ онъ съ собою изъ своей деревни, на первой случай, и какъ намъ сказали, что все было готово, то и прошли мы въ рощу и велѣли запустить неводъ. Какъ неводъ былъ превезиной и захватилъ большую часть пруда, то притащили къ намъ такое множество рыбы, что я удивился, а старикъ-князь почти прыгалъ отъ удовольствія, и признавался, что ему отъ рощи не случилось еще видать вдругъ такое множество наипрекраснѣйшихъ рыбъ, ибо были по большей части все превеликіе и добрые судаки, большіе зещи и разныя другія добрыя породы. Онъ велѣлъ пакласть ими цѣлой ушатъ, и принесъ съ собою въ хоромы и показывалъ ихъ моимъ хозяйкамъ, сказалъ: «Вотъ, сударины, кушайте на здоровье, а прикажите и для меня приготовить, а превеликой охотникъ ѣсть рыбу».

Симъ и подобнымъ образомъ провели мы съ нимъ весь тотъ день въ непрерывной почти ходьбѣ и въ пріятныхъ разговорахъ. Я не преминулъ послѣ обѣда сводить его на то мѣсто, которое назначалъ я для замышляемаго новаго большого пруда, и какъ князю оно полюбилось, то и просилъ онъ меня зазрудить оной въ то же еще лѣто. Оттуда повелъ я его на пробыня свои нашенныя

и рассказалъ ему весь планъ по-
искоряженія, и онъ любопытенъ
челъ видѣть успѣхъ отъ того, въ
къ онъ не сомнѣвался. Вечеру
ли его дѣти съ мной воспитанни-
чататься на лодкѣ по пруду, и мы,
съ княземъ на просторномъ ка-
къ крыльцѣ, сдѣланномъ изъ хо-
въ мой двѣтникъ, ими любовались.
въ случаѣ не преминулъ меня спро-
сить, какіе это мальчишки живутъ со
И сказалъ ему, что это дѣти нѣко-
родственниковъ и друзей моихъ
гдѣ при мнѣ, чтобъ чему-нибудь
ни научиться, и что я учу ихъ
что самъ знаю. Князю сіе чрез-
ѣ понравилось и онъ расхвалилъ
и сіе.

Въ сего сказалъ онъ мнѣ: «Вижу,
Тимосеевичъ, что вы конечно и
говъ охотники, такой у васъ пре-
дѣлчикъ, и когда это вы ус-
се сіе сдѣлать?» — Есть тотъ
сказалъ я князю: охота пуще не-
«Это очень хорошо, подхватилъ
во есть ли у васъ спаржа?» спро-
съ дагѣ. — Нѣту еще, сказалъ
такъ надобно вамъ и ее у себя
я отъменно ее люблю, да и для
рошо. Не забудьте взять у меня
и на веспу постѣйте. Я бы далъ
юреньевъ, по отъ сѣянъ бываетъ
гда лучше; а если отыщутся у
садки, то и ими васъ снабжу».
въ образомъ провели мы весь тотъ
удовольствіемъ, и онъ былъ мною
у меня, а я имъ доволенъ. А по
слѣдующій день онъ и отправился
я дагѣ въ путь свой на Коширу.
далъ его до села Ситни и на до-
лжалъ ему свою Алексапдровскую,
звную на множество проспектовъ
привелъ его снимъ неожиданнымъ
мъ въ пріятное удивленіе. Я вру-
у тогда и планъ, приготовленной
Я роци и взятой съ собою, и сіе
ю еще его удовольствіе. По приѣз-
въ небольшое село Ситню показалъ
мъ прудъ; поправленной мною и
и тамъ мною было сдѣлано, и

князь разставался благодарилъ меня за
все и все.

Проводивъ князя и возвратясь домой,
чувствовалъ я ровно какъ камень свале-
ной съ плечъ моихъ, и отдохнувъ принялся
опять за свои работы и упражненія. Мое
первое тогда дѣло было, чтобъ поспѣ-
шить окончаніемъ строеніе гошпиталя,
ибо, по словамъ княжпмъ, надлежало уже
скоро приѣхать къ намъ и лекарю. Оной
и дѣйствительно приѣхалъ вскорѣ послѣ
его отъѣзда, и показался мнѣ въ самомъ
дѣлѣ очень добрымъ человѣкомъ. Былъ
онъ человѣкъ еще не старой, однако и
не молодой, а монахъ почти лѣтъ, родомъ
нѣмчинъ, изъ Германіи, и именно изъ
Бикенбурга, чтѣ лежитъ въ ганноверскихъ
областяхъ, и прозывался Бентономъ, на-
ши же русскіе окрестили или прозвали его
Филипомъ Антоновичемъ. Былъ онъ
хотя выѣзжпмъ, но находился уже болѣе
десяти лѣтъ въ Россіи и отправлялъ дѣ-
лпхъ десять лѣтъ въ арбатской аптекѣ
должность провизора или главнаго гезеля,
а потомъ учился врачебному искусству
въ главномъ московскомъ гошпиталѣ, гдѣ
и сдѣланъ уже лекаремъ и потомъ князю,
за отличную свою прилежность и искус-
ство, рекомендованъ и вынущенъ.

Какъ я вообще всѣхъ иностранцевъ
какъ-то люблю и къ нимъ отъменно благо-
склопенъ, то радъ я былъ, что нажилъ
въ немъ себѣ всегдашняго собесѣдника-
нѣмца, съ которымъ могъ я всякой день
говорить на его природномъ и мною лю-
бимомъ языкѣ. И какъ я нашелъ въ немъ
человѣка не только съ хорошими во всемъ
свѣдѣніями и очень знающаго, но съ чес-
ными правилами и характера весьма доб-
раго, то скоро полюбили мы другъ друга,
и въ немногіе дни сцѣпились съ нимъ
самымъ тѣснымъ узломъ дружества, про-
должавшагося даже до его смерти. Весьма
много поспѣшествовало къ тому и то,
что какъ онъ былъ человѣкъ холостой и
одинокой, нѣтъ достатокъ очень малою
или повсе никакого и ничѣмъ тогда не
обзаводился, то пригласили мы его къ
своему столу, и убѣдили прослѣбою, чтобъ
ходить онъ къ намъ всякой день обѣдать

пуживать, увѣривъ его, что намъ не прозойдетъ отъ того ни малѣйшаго отягощенія, а вмѣсто того та выгода и польза, что мы будемъ его всякой день видѣть и пользоваться его собесѣдованіемъ, чему онъ съ своей стороны и радъ былъ, и будучи весьма совѣстнымъ и добрымъ человѣкомъ, и вознаградилъ намъ то примѣрно своею услужливостію.

Такимъ образомъ, къ превеликому удовольствію нашему, нашли мы себѣ, такъ сказать, почти домашнего лекаря, а что всего лучше, знающаго свое ремесло совершенно, весьма къ намъ приверженнаго и услужливаго, чему вскорѣ и имѣлъ онъ случай оказать первые свои весьма удачные опыты. Всѣ мы сдѣлались чрезъ самое короткое время имъ очень довольны, а я всѣхъ больше, и болѣе потому, что во все то время, покуда оканчивали мы строеніе гошпиталя, и сдѣлали его удобнымъ къ приниманію въ него своихъ и постороннихъ больныхъ, въ чемъ много помогалъ и онъ уже съ своей стороны и совѣтами своими и самымъ смотрѣніемъ, то онъ, не имѣя еще многого дѣла, большую часть времени своего проводилъ у меня, и мы съ нимъ вмѣстѣ занимались и ботаникою, и заготовленіемъ травъ, и самымъ приуготовленіемъ лекарствъ изъ оныхъ. И какъ въ семь послѣднемъ пунктѣ былъ опъ несравненно искуснѣе меня, поелику самъ цѣлыхъ десять лѣтъ отправлялъ аптекарскую должность, то и воспользовался я отъ него многими относящимися до фармакопей и самой медицинны знаніями. А особливо радъ я былъ, что онъ научилъ меня дѣлать бумажные картузы и набивать ихъ крошеными сухими травами.

Не успѣлъ я сего искусства узнать, какъ тотчасъ былъ сдѣланъ станокъ и надѣлано множество картузовъ. И какъ я во всѣхъ такихъ любопытныхъ дѣлахъ очень скоръ и нетерпѣливъ, то тотчасъ и пошелъ у меня дальнѣйшія затѣи, и мнѣ вросхотѣлось уже имѣть особой и большой шкафъ, установленной сплошными картузами, съ набитыми въ нихъ разными травами, и съ передней стороны украшен-

ными разрисовкою и крупными надписами; что, къ удовольствію моему, и произвелъ я въ короткое время и смастерилъ у себя такой шкафъ со врачебными травами, какого вѣрно ни у кого иногоне было, которымъ я не могъ довольно налюбоваться; а вскорѣ имѣлъ удовольствіе слышать, что и первые опыты искусства сего нашего лекаря были весьма удачны, и онъ искусствомъ своимъ въ короткое время такъ прославился, что всѣ сосѣди его любили и начали при болѣзняхъ своихъ воспринимать къ нему свое прибѣжище, чѣмъ всѣмъ и я былъ весьма доволенъ.

Между всѣмъ симъ и вскорѣ послѣ отѣзда князя, урвался я опять на часокъ въ свою деревню, но ѣздилъ въ сей разъ уже одинъ и безъ жены, поелику она была въ сіе время опять беременна и въ скоромъ времени ожидала уже и разрѣшенія отъ своего бремени. Въ деревнѣ пробылъ я не болѣе однихъ сутокъ, ибо мнѣ одному было очень скучно, почему и спѣшилъ я скорѣе возвратиться къ своему семейству и къ работамъ.

Изъ сихъ наглавнѣйше озабочивали и занимали меня производимыя при запрудѣ новаго пруда, основаннаго на той же рѣчкѣ, съ полверсты выше села самаго. Какъ грунтъ земли въ томъ мѣстѣ и самая пошва была не весьма надежна, чтобъ вода не ушла у меня низомъ, то по совѣту того-жъ, особенно ко мнѣ приверженнаго солдата, случившагося быть родомъ изъ Сибири, и много кой-чего знающаго, вздумалъ я употребить особое средство къ укрѣпленію плотины. Я велѣлъ вырыть чрезъ всю ширину того лога глубокой ровъ, шириною въ 3 аршина, и вставилъ въ него срубленной плотно вязкакомъ косорубъ, забить опять весь ровъ и съ верхней и нижней стороны крѣпко глиною, и потомъ возвышать оной косорубъ внутри плотины до самаго верха. Плотину же сдѣлалъ толстую съ отлогою внутрь пруда осыпью и совсѣмъ глухую; для стока-же воды всегдашней, и дождевой и половодной, сдѣлалъ въ боку въ матеромъ берегѣ предлинный отводъ или широкой, пло-

ской ватерпасно-горизонтальной ровъ и усталъ и дно и бока его дерномъ, и выѣлъ къ осени удовольствіе видѣть его наполненнымъ водою и сдѣланнымъ весьма длиннымъ и прекраснымъ.

Между тѣмъ нечувствительно кончился май и настала іюнь мѣсяцъ, котораго въ самомъ началѣ, а именно 3-го числа и обрадовавъ я былъ благополучнымъ разрѣшеніемъ жены моей отъ бремени. Всемогущему угодно было одарить меня и въ сей разъ не сыномъ, а еще дочерью, но я столько же ей радъ былъ, какъ и сыну. Мы назвали ее Ольгою и тотчасъ, по обыкновенію, извѣстили о томъ всѣхъ нашихъ родныхъ и пріятелей.

Радостное сіе происшествіе доставило намъ тѣмъ болѣе удовольствія, что не только ваши родные изъ-за Оки-рѣки, но и всѣ тутошніе сосѣди не успѣли узнать о томъ, какъ по любви своей къ намъ и сами-собою начали приѣзжать къ женѣ моей на родины, съ обыкновенными своими поздравленіями. Итакъ, начались у насъ съ вами опять ежедневныя почти свиданія, и пиры и празднества. Но никто насъ въ семь случаевъ такъ не одолжила, какъ помянутая уже прежде мною госпожа генеральша Олицова. Она приѣхала почти первая къ намъ съ поздравленіемъ и удивила насъ своимъ неожиданнымъ приѣздомъ, поелику мы къ ней изъ почтенія никакъ и не послали съ обыкновеннымъ извѣщеніемъ. Причиною тому было то, что она почитала себя мнѣ крайне обязанною за одну услугу, оказанную ей мною при одномъ нужномъ случаѣ; а именно: за нѣсколько до того времени и прежде еще приѣзда нашего лекаря, случилось ей вдругъ и жестоко занемочь, и какъ лекаря нигдѣ и никакого вблизи не находилось, а въ Москву посылать было далеко и не терпѣло время, а слухъ о ботаническомъ моемъ знаніи и успѣшныхъ леченіяхъ повсюду распространился, то она, наслышавшись обо всемъ томъ, велѣла скакать ко мнѣ скорѣй челоуку и умоляла меня Христомъ и Богомъ, чтобъ я къ ней приѣхалъ и посмотрѣлъ, не могу ли я чѣмъ пособить ей.

Для меня было сіе сущею неожиданностью и первымъ еще случаемъ сего рода. Былъ я еще тогда весьма худымъ знатомъ и вспомогателемъ, и потому не зналъ, что дѣлать, и вѣхалъ ли къ ней или отказаться. Но какъ, по счастью, въ письмѣ написанномъ ко мнѣ, по ея приказанію, описана была въ подробности ея болѣзнь, и я, схвативъ свою Семіотикку, могъ по ней скоро добраться и навѣрное почти заключить, какого рода была ея болѣзнь, а потомъ справясь съ другими книгами о томъ, чтѣ и чтѣ въ такихъ случаяхъ помогаетъ, и узнавъ, что нужныя къ тому и травы и коренья у меня въ заготовленіи находились, то изъ единаго челоуколюбія, и наудачу снабдивъ себя всѣмъ къ тому потребнымъ, въ тотъ же часъ, запрегши карету, къ ней и полетѣлъ. Я нашелъ ее лежащею въ постели и стелящую отъ боли въ правомъ боку; и не могу изобразить, какъ много обрадована она была скорымъ моимъ приѣздомъ, и какъ много благодарила меня за то. Но удовольствіе ея сдѣлалось еще несравненно больше, когда, противъ всякаго чаянія, посчастливилось мнѣ кое-какими припарками и декоктами не только облегчить чувствуемую ею почти нестерпимую боль, но въ самое короткое время возстановить до того ея здоровье, что она, сидючи уже въ постели и не чувствуя никакой боли, отпустила меня отъ себя отъѣзжающаго, говоря, что я обязалъ ее тѣмъ нанчувствительнѣйшимъ образомъ. А сіе-то самое и побудило тогда ее прежде всѣхъ къ намъ приѣхать.

Не успѣли всѣ тутошніе наши сосѣди и ближніе наши родные изъ-за рѣки у насъ перебивать, какъ приѣхала накопецъ и тетка Матрена Васильевна, бывшая до того всѣхъ моихъ дѣтей воспріемницею отъ купели; и тогда не стали мы уже долге медить, но окрестили сію дѣвчонку. И какъ прежняго моего кума и друга, г-на Полонскаго, не случилось тогда быть въ деревнѣ, то возымѣли мы приѣзжике къ пріятелю нашему, Василию Федоровичу Шушерину и просили его быть дочери моей отцемъ крестнымъ,

отъ чего онъ, по любви своей и дружбѣ къ намъ, и не отказался. Крестины сіи отправили мы почти запросто, ибо немѣнѣе въ домѣ моемъ просторной и такой компанъ, гдѣ-бы можно было накормить всѣхъ нашихъ тамошнихъ сосѣдей, воспрепятствовало намъ пригласить ихъ всѣхъ къ сему празднеству.

Не успѣло оно кончиться, и всѣ приѣзжавшіе къ намъ, по сему случаю, гости разбѣхаться, какъ обрадовать я былъ опять полученіемъ толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Прислана была отъ онаго въ сей разъ XXV-я часть «Трудовъ» его, но по переименованію у нихъ уставу уже безъ переименованія. Г-нъ Нартовъ, при посылкѣ онаго, не преминулъ опять удостоить меня своимъ и прямо дружескимъ писаніемъ. Въ оному, побуждая меня опять всячески къ частой съ собою перепискѣ, увѣдомлялъ меня, что присланное отъ меня продолженіе сочиненія моего «О хмѣлеводствѣ» отдано, по обыкновенію, въ комитетъ для разсмотрѣнія, а потомъ сообщалъ мнѣ замѣчанія свои о нѣкоторыхъ пьесахъ, находившихся въ сей части; выхвалялъ усердіе г-на Рычкова, за изобрѣтеніе способа употреблять говяжьи и бараньи кожи въ пищу; также иностраннаго изобрѣтателя способа сушенія поваренныхъ травъ, говоря, что пьеса его о томъ принята во всей Европѣ между знатоками съ великою похвалою, и онъ получилъ за нее отъ многихъ государей золотыя медали, хотя въ самомъ дѣлѣ объ сіи выхваляемые имъ выдумки ничего почти не значили, и ничего изъ нихъ впоследствии времени не вышло, и онъ совсѣмъ позабыты. За симъ превозносилъ онъ похвалами г-на пастора Шпраха, приобрѣтшаго себѣ безсмертную похвалу за нововыдуманное имъ особаго рода пчеловодство, сказывая при томъ, что для обученія оному по именному указу отправлены были къ нему отъ Экономическаго Общества два студента, кои совершенно тому научились и къ намъ съ желаемымъ плодомъ возвратятся. Сія выдумка и пьеса о томъ дѣйствительно заслуживала осо-

бое вниманіе; но къ несчастію не произвело и оно никакой пользы, и пчеловодство осталось у насъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ до того было. Да и дѣйствительно вся сія славная выдумка была болѣе любопытна, нежели удобопроизводима. Наконецъ увѣдомлялъ меня, что Общество наше заслужило стараніями своими славу во всемъ ученомъ свѣтѣ, и что употребляетъ оно все, что можетъ къ поспѣшествованію общей пользѣ и что остается только господамъ дворянамъ подражать имъ, и надлежащимъ образомъ соотвѣтствовать и выбирать изъ сообщаемыхъ новыхъ открытій для себя удобное; но, къ крайнему сожалѣнію, видитъ Общество мало къ тому охотниковъ; что присылаютъ къ нимъ очень рѣдкіе опыты, а вѣрныхъ и лучшихъ корреспондентовъ только трое, а именно: я, г-нъ Рычковъ и г-нъ Олешевъ, и что государство у насъ пространное, а знатоковъ и охотниковъ мало; и потому убѣждалъ онъ меня просьбою продолжать мои труды и сочиненія и быть всегда примѣромъ прочимъ, и тѣмъ заключилъ свое писаніе.

Прочитавъ сіе, подумавъ и сказавъ я самъ себѣ: «Ахъ! государи, государи мои, не такъ вы все свое дѣло начали, не такъ расположили, не такъ его производите, и не употребляете сами никакихъ существенныхъ побудительныхъ средствъ къ доставленію вамъ со всѣхъ сторонъ нужныхъ открытій и замѣчаній, и къ поощренію дворянъ уважать ваше Общество и трудиться для пользы отечества! Чтѣ могутъ сдѣлать и произвести ваши раздаваемые и общаваемые медали, когда онѣ, не доставляя никому ни малѣйшей чести и отличія, становятся чрезъ то ничего незначущими. А что всего хуже, когда обо всемъ томъ, и обо всѣхъ вашихъ трудахъ, и стараніяхъ знаетъ только развѣ стотысячная часть изъ обитателей Россіи, а множайшіе объ насъ и обо всемъ и не слышавши, или по крайней мѣрѣ не имѣютъ и понятія малѣйшаго! Не такъ-то бы всему быть надлежало!... и чтѣ могу одянь я произвести, когда и мои

алѣчанія и писанія читають только чень-очень немногіе. Трудиться бы и предъ я хотя-бъ и готовъ былъ, но было и на что и за что, а не совсѣмъ поустому!... Кажется, и до сего трудовъ моихъ и усердія къ пользѣ общественной мнѣ весьма уже довольно, но чтѣ я вѣдь? и получилъ-ли за все то хотя алѣйшую какую награду. Не отъ васъ, а отъ правительства, и не вамъ собственно, а ему бы чрезъ васъ надлежало меня или-нибудь повеселить и поострить чѣмъ-нибудь существеннѣйшимъ, нежели ваши едали, къ продолженію трудовъ моихъ».

Синѣ и подобнымъ сему образомъ пошлѣя, и самъ съ собою говоря, дѣйствительно ощущалъ я въ себѣ очень мало оспрениа къ дальнѣйшимъ подвигамъ о-сему предмету, а особливо напоминая, то множество другихъ существъ негодяевъ не пользу, а сущій вредъ государству производящихъ людей отъ правительства почестями, и всякаго рода другими выданами, ни за что ни про што, награждаются, а подобные мнѣ остаются изъ всякаго призора и въ неуваженіи и совершенномъ.

Итакъ, написавъ къ Нарту короткій отвѣтъ и пославъ въ общество дополнительную часть примѣчаній моихъ «о хмѣнодствѣ» съ прекрасными чертежами, братился я къ прежнимъ своимъ любимѣйшимъ и болѣе меня увеселяющимъ граженіямъ; и какъ въ нихъ, такъ и въ вѣлахъ по должности провелъ нечувствительно и весь июль мѣсяцъ. Нерѣдкія ищанія съ сосѣдями, обращающимися о мною отчасу дружелюбнѣе, разныя домашнія забавы и катаніе въ большой воей лодкѣ по пруду, и стрѣляніе съ ней изъ маленькыхъ пушечекъ, гулянье по ядамъ и рощамъ придавали времени сему много пріятности. Въ особенности-же утѣшала меня въ концѣ сего мѣсяца по вечерамъ особенная забава, а именно: принесли ко мнѣ однажды изъ лѣса нѣсколько гнѣхъ, на подобіе гнидушекъ, свѣтящихся козявокъ, которыя находимы бывають около Иванова-дня въ лѣсахъ на травѣ и на листьяхъ кустовъ разныхъ. Мнѣ не

случалось до того никогда еще видать сихъ нарочито крупныхъ и на мокрицы похожихъ животныхъ, и я, смотря на свѣтящихся ихъ спинки, не могъ довольно палюбоваться, и онѣ мнѣ такъ полюбились, что я тотчасъ затѣялъ произвести сущую увеселительную рѣзвость; а именно: услышавъ, что ихъ въ лѣсу много, отправилъ я въ лѣсъ множество людей и ребятишекъ, и велѣлъ имъ набрать ихъ сколько можно болѣе, и принести къ себѣ живыми. Мнѣ и принесли ихъ цѣлую почти шляпу. Но что-жъ я съ ними сдѣлалъ?... Ну я ими укладывать всѣ стриженныя дернунки, которыми уложены были всѣ фигуры и косицы въ двѣтнике моемъ; и какъ животныя сіи въ сіе время бывають почти недвижимы, а потому и остались они на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полагались, то какое-же преузорочное зрѣлище придалъ я чрезъ то двѣтнику моему! Какъ скоро наставали сумерки, то весь онъ и начиналъ блестять тысячами огней спневатыхъ, свѣтящихся какъ брилліанты, и мы всѣ, выходя на крыльцо или сѣдя подъ окнами, не могли никогда тѣмъ довольно палюбоваться и невѣдомо какъ жажали о томъ, что забава сія продолжалась не долго и немногіе только дни. Ибо натура опять скоро ихъ сіянія сего лишила, и онѣ по прежнему ставовились скаредными и отвратительной видъ имѣющими.

Вотъ какими, и прямо ребяческиими почти игрушками мы, иногда занимаясь, себя забавляли. Но скоро послѣ того иной и важнѣйшій предметъ обратилъ къ себѣ всѣ наши мысли и желанія, и возродилъ (въ) насъ возжеланіе ѣхать со всѣмъ своимъ семействомъ въ Москву. Но чтѣ такое, о семъ узнаете вы не теперь, а въ письмѣ послѣдующей; а теперешнее, какъ достигшее уже до своихъ обмыповенныхъ предѣловъ, а съ нимъ и все сіе 17-е собраніе моихъ писемъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Генваря 8-го дня 1809 года).

Конецъ семнадцатой части.

(Сочинена въ концѣ 1808 и въ началѣ 1809, въ 13-ть дней и переписана въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА, ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XVIII.

(СОЧИНЕНА ВЪ НАЧАЛѢ 1809 ГОДА, ВЪ ДВОРЯНИНОВЪ).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Кіясковѣ, а потомъ первоначальнаго въ Богородицѣ.

Продолженіе 1775 года.

Письмо 181-е.

Любезный пріятель! Несомнѣваясь нимало, что вы любопытны знать, что-бъ такое заставило насъ думать о Москвѣ и о ѣздѣ въ оную, скажу, что побуждалъ насъ къ тому посившійся повсюду слухъ о имѣющемъ быть вскорѣ въ Москвѣ великолѣпномъ торжествѣ о заключеніи съ турками мира. Говорили, что празднество сіе будетъ пышное, и что сдѣланы къ тому великія приуготовленія, и между прочимъ большой и преузорочной фейерверкъ, и что все уже было готово, а дожидались только прибытія изъ арміи фельдмаршала графа Румянцова. Далѣе говорили, что самому сему побѣдителю турокъ учинена будетъ славная встрѣча, и что вѣдетъ онъ въ столицу, по примѣру древнихъ римскихъ полководцевъ, въ триумфѣ, и что построены уже для сего и триумфальныя ворота. Все сіе натурально побуждало всѣхъ, невидавшихъ таковыхъ зрѣлищъ, ѣхать и поспѣшать къ сему времени въ Москву. А какъ къ числу ихъ принадлежали и обѣ мои семьянины, которымъ никогда еще въ жизнь ихъ не случалось видать такихъ пышныхъ празднествъ, а особливо фейерверковъ, и имъ весьма хотѣлось оной видѣть, то просили онѣ меня, чтобъ я свозилъ ихъ на сіе время въ Москву и доставилъ имъ сіе удовольствіе; къ чему я тѣмъ охотнѣе согласился, что мнѣ и самому хотѣлось оржество сіе видѣть.

Итакъ, списавшись съ княземъ и получивъ отъ него дозволеніе, собрались мы на нѣсколько дней и отправились въ Москву, оставивъ маленькихъ дѣтей своихъ однихъ дома. Мы поспѣшали возможнымъ образомъ сею ѣздою, дабы не упустить случая видѣть и самой вѣзды графа Румянцова въ сію столицу, и поспѣли благовременно, и не болѣе какъ за полчаса до его приѣзда.

Подѣзжая къ самой Москвѣ, мы растеряли глаза, смотря на сдѣланныя уже и по обѣ стороны большой дороги, на дозвольное разстояніе другъ отъ друга, воздвигнутыя небольшія пирамиды, украшенныя вверху картинами, изображающими разныя побѣды сего славнаго полководца. Всѣ сіи картины были транспаратны или прозрачныя, дабы, въ случаѣ прибытія его въ ночное время, могли онѣ освѣщены быть огнями. Однако до сего не дошло дѣло, потому что приѣхалъ онъ вскорѣ послѣ полудня. Пирамиды сіи украшали дорогу на нѣсколько верстъ длиною, и по конецъ всѣхъ ихъ, въ послѣднемъ къ Москвѣ селеніи, Котлахъ, при самомъ сѣздѣ подъ гору, построены были небольшія деревянныя, и по обыкновенію, раскрашенныя и росписанныя, триумфальныя ворота.

Какъ сіе мѣсто было наудобнѣйшее для смотрѣнія вѣзды, и подлѣ самыхъ воротъ находился домъ, намъ знакомой, то остановились мы въ оноемъ и ради были, что подоспѣли къ самому тому времени, какъ ему надлежало вѣзжать, и

ля его уже въ каждую минуту до-
ля. Но какъ я удивился, когда, на-
найти тутъ обыкновенные въ
случаяхъ приуготовленія, не усма-
; вовсе никакихъ. Не было тутъ
жъ, стоящихъ въ парадѣ, ни пу-
ля стрѣльбы, ни музыки, ни пѣв-
и чиновниковъ, долженствующихъ
тъ онаго, но ворота стояли уеди-
н не было никого ни въ нихъ, ни
нихъ. «Господи! говорилъ я, что-жъ
въ не успѣли еще притти сюда?»
маніе мое еще увеличилось, когда
закричали, что «ѣдетъ, ѣдетъ Ру-
въ!» и мы, вмѣсто всего триумфаль-
льсда, увидѣли скачущую только
ую карету, и пролетѣвшю мимо
акъ молнія, а что всего страннѣе,
авшею и сквозь самыя триумфаль-
роты, а объѣхавшую оная по пра-
ррону мимо. «Вотъ тебѣ на! вос-
тъ тогда я, поразившись удивле-
Что это такое? Это и первой
но уже комомъ, и зачѣмъ-же мы,
лову, такъ скакали и спѣшили?»...
ро сказали намъ, что императрица
изъ-было велѣтъ встрѣтить его со
подобающими ему почестями; но
къ отклонилъ сіе отъ себя, и про-
сударню, чтобъ не дѣлано было
какой церемоніальной встрѣчи, а
но-бъ было въѣхать запросто и
жному.

дно было намъ невѣдомо какъ, что
зная о семъ, поспѣшили своею
и приѣхали въ Москву слишкомъ
лбо всѣ говорили, что самое тор-
мира воспослѣдуетъ не прежде
резъ нѣсколько еще дней. Но какъ
тъ было нечѣмъ, и мы уже за-
то принуждены были и мы вслѣдъ
ужаицовымъ потащиться изъ го-
ле воображая себѣ нисколько, что въ
в дождадась насъ другая, и не-
но сей чувствительнѣйшая, до-
огорченіе.

располагались-было пристать въ
зъ на Козьмь-болотѣ, въ домѣ
Михайлы Матвѣевича; но какъ
его отданымъ въ наймъ, съ остав-

леніемъ одной только маленькой
для приѣзда хозяевъ, то увидѣвъ, что
намъ всѣмъ тутъ не можно было никакъ
помѣститься, а притомъ узнавъ, что до-
ведется намъ прожить въ Москвѣ го-
раздо болѣе десяти дней; то другого
средства не находили, какъ для лучшаго
простора и свободы пристать гдѣ-нибудь
поближе къ сему мѣсту, нанять квартиру,
которую, къ немалому удовольствію на-
шему, и нашли намъ тутъ-же, и только
чрезъ улицу, и довольно покойную. Былъ
хотя домикъ небольшой и низенькой, окна
ми на улицу, но было въ немъ покойца
четыре, довольно просторныхъ и поря-
дочно прибранныхъ, чѣмъ мы были и
довольны и радовались, что случилось
намъ найти квартиру сію такъ скоро и
такую для себя покойную и недорогую.
Но какъ мало знали мы тогда, сколь
дорого доведется намъ заплатить за постой
въ семъ, какому-то секретарю принадле-
жащемъ домикѣ!

Не успѣли мы въ ономъ расположиться,
какъ на другой же день услышали, что
чрезъ день послѣ того будетъ уже бла-
годарственное о замиреніи молебствіе, и
что императрица въ сей день, переѣхавъ
во дворецъ кремлевской, будетъ со всею
помпою изъ Грановитой палаты шество-
вать во всемъ своемъ императорскомъ
одежаніи и убранствѣ въ соборъ Успен-
ской. Сіе побудило меня, нисколько не медля,
ѣхать въ Кремль для присканія мѣста,
съ котораго бы намъ смотрѣть на сіе
рѣдкое и пышное шествіе. Прискакавъ
на Ивановскую площадь, нашелъ я ее
наполненную множествомъ народа, сбѣ-
жавшимся смотрѣть, какъ станутъ при-
цѣпывать на Ивановской колокольнѣ са-
мой большой, недавно только отлитой и
до нѣсколько тысячъ пудъ вѣсомъ про-
стирающійся колоколъ. Оной стоялъ уже
тогда поднятой на превисокомъ кострѣ,
сгороженномъ изъ нѣсколькихъ тысячъ
крестъ-на-крестъ рядами положенныхъ
бревенъ. И я съ любопытствомъ смотрѣлъ
на сіе никогда еще невиданное зрѣлище.
Помянутыя бревна кладены были сплош-
ными другъ на друга рядами, и всѣ меж-

ду собою связаны и укрѣплены были такъ, что несмотря на превеликую высоту сей стопы или костра, составленной изъ нихъ, не могли они разсыпаться и развалиться. Какимъ образомъ они на блокахъ колоколь съ земли кверху тащили, и сн ряды бревенъ подъ него подкладывали — того я уже не видалъ; пбо сіе дѣлано было до моего приѣзда въ Москву. А я увидѣлъ его уже, при помощи сихъ бревенъ, возвышеннаго на равную пропорцію съ тѣмъ мѣстомъ на нижней колокольнѣ, гдѣ ему висѣть назначено было, и куда онъ уже горизонтально народомъ и вѣртами стащень былъ съ сего костра, и тамъ къ перекладамъ прицѣпленъ и прикрѣпленъ, что все стоило превеликаго труда и многого времени; и мнѣ досадно было, что короткость времени не дозволяла мнѣ дожидаться сего зрѣлища, и видѣть самое производство сего рѣдкаго дѣла, а я увидѣлъ въ послѣдующій день, въ которой назначено было въ первой разъ въ него звонить, его уже привѣшаннымъ. Главное же мое дѣло было нанять для себя и для своихъ домашнихъ мѣсто, для стоянія въ будущее торжество, гдѣ-нибудь на сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ помостахъ; — и какъ мнѣ удалось найти весьма хорошее, подлѣ самой Ивановской колокольни, и насупротивъ Грановитой палаты, то и спѣшилъ я предувѣдомить о томъ своихъ спутницъ.

Итакъ, по наступленіи дня, назначеннаго для богомолія и духовнаго праздника, поѣхали мы раннимъ-ранѣхонько на Ивановскую площадь. Но какъ мы ни спѣшили, но нашли всю ее наполненную уже песмѣтнымъ множествомъ народа. Всѣ улицы въ Кремлѣ установлены были войсками, а подлѣ самой колокольни стояло нѣсколько вѣстовыхъ пушекъ. По всему пространству, отъ Краснаго главнаго крыльца до дверей Успенскаго собора сдѣланы были помосты, огражденные парашетомъ и усланной сукномъ краснымъ, а всѣ стѣны соборовъ и другихъ зданій окружены были, на подобіе амфитеатра, подмостками, одни другихъ возвышеннѣйшими, и всѣ онѣ установле-

ны были безчисленнымъ множествомъ благородныхъ и лучшихъ зрителей; такъ что множество оныхъ, богатство и пестрота одеждъ ихъ представляла въ совокупленіи своемъ разительное и прелестное для глазъ позорище.

Но ничто не могло сравниться съ тѣмъ прекраснымъ зрѣлищемъ, которое представилось намъ при сходженіи императрицы съ Краснаго крыльца внизъ, въ полномъ ея императорскомъ одѣяніи и во всемъ блескѣ и сіяніи ея славы. Весь придворной ея штатъ, въ богатѣйшихъ одѣяніяхъ, послѣдовали за оною, а передъ нею шествовали разные чиновники и кавалергарды въ ихъ пышномъ и великолѣпномъ убранствѣ.

По сошествіи внизъ, тотчасъ подошла она подъ приготовленной богатой багдахинѣ, несомой надъ нею знатными вельможами. Шла она весьма тихимъ шествіемъ въ порфирѣ и большой коронѣ, и глаза всѣхъ и cadaго устремлены были на оную. Въ самое сіе время застонала вся земля отъ звука и звона великаго множества колоколовъ на Ивановской колокольнѣ, и звукъ большого колокола былъ такъ великъ, что казалось, будто тряслась отъ него вся Ивановская башня, и многіе боялись даже, чтобы она не упала. Все сіе, въ совокупленіи своемъ, представляло сцену такой пышности и пріятности, что изобразить ее никакъ не можно, и минуты сн были для всѣхъ насъ прямо восхитительными!

Какъ скоро окончилась божественная литургія, и послѣ ея благодарственной молебень, то при первомъ возмашеніи многолѣтія загремѣла вдругъ стрѣльба изъ пушекъ, и земля застонала отъ оной. Вслѣдъ за симъ загорѣлся и трикратной, бѣглою огонь изъ ружей отъ всего стоявшаго въ парадѣ войска; а зовъ во всѣ многочисленные колокола умножалъ собою еще болѣе стонъ и громъ, отъ того происходящій. Между тѣмъ императрица, вышедъ изъ церкви, такимъ же порядкомъ шествовала обратно въ Грановитую палату, и тамъ принимала потомъ

вления отъ всѣхъ своихъ знатнѣйшюданныхъ.

о все сіе продолжалось, и мы все ѣди стояли на своихъ мѣстахъ, и ждали до того, какъ императрица вышла въ парадной своей каретѣ въ Царскоселенскій дворецъ, а вслѣдъ за ѣздой и тогдашній Наслѣдникъ, и съ молодою своею супругою, Нариссою Алексѣевною, которую намъ еще въ первый разъ случилось видѣть въ семь шестинъ препровожденіи были своими кавалергардами, егерями и другими знатнѣйшими охотниками на лошадяхъ, то и на все это мы довольно насмотрѣлись съ видимымъ налюбованьемъ.

Послѣ взоровъ своихъ зрѣніемъ, а слышавъ слышаннымъ, возвратились мы въ квартиру, и сколько были довольны, столько горевали о томъ, что приготовления для увеселительныхъ игръ не были еще совсѣмъ готовы, и что отъ того надлежало намъ дожидаться еще многіе дни сряду. И какъ бы необходимо, то все сіе время ждали мы на разѣзды для свиданія или въ Москвѣ знакомыми и друзьями, а также на неоднократную ѣзду на конюшню, для смотрѣнія на всѣ дѣла тамъ ко всенародному празднеству приготовления. Вся Москва занята тогда симъ осматриваніемъ, и мы съѣзжались со множествомъ каково либо туда ѣдущихъ, либо назадъ идущихъ оттуда.

Началось къ тому преобширное поле, подлѣ Москвы находящееся, и якую называемое. На небольшомъ отлогомъ возвышеніи, посреди этого поля находящагося, воздвигли превеликой, со множествомъ башенъ, и входовъ и выходовъ павильонъ, и въ семъ помѣстии въ себѣ великое число особъ знаменитѣйшихъ и дворянъ. Въ ономъ назначено было быть собранію всѣхъ лучшихъ сего года зрителей. Сей холмъ окруженъ со всѣхъ сторонъ разными другими холмами и предметами. Съ одной сторо-

ны, въ недалекомъ разстояніи отъ павильона, воздвигнуто было нѣкакое большое, круглое, низенькое зданіе, похожее на нѣкакую обширную замокъ, съ глухими вокругъ стѣнами, и внутри имѣвшую отверстую площадку, окруженную вокругъ съ одной стороны помянутою глухою наружною стѣною; а со внутренней—одними только колоннами, и самою легкою, на подобіе навѣса сверхъ ихъ, кровлею. Все сіе было раскрашено и расписано великолѣпнымъ образомъ; но никто тогда не зналъ, на что бы такое сіе зданіе такого особаго рода назначалось, но послѣ узнали мы, что оно назначено было для обѣденнаго стола, и что вся помянутая, длинная и узкая кругомъ галерея установится столами.

Кромѣ сего, на подобіе крѣпости снаружи росписаннаго круглаго зданія, воздвигнуто было другое, также низенькое, но полуокруглое зданіе, составленное изъ множества прекрасно сдѣланныхъ лавочекъ, наполненныхъ разными купеческими товарами и украшенными также изящнымъ образомъ. Зданіе сіе отдѣлено было отъ лѣваго фаса главнаго павильона небольшою только площадкою, и для выхода къ оному устроено было особое крыльцо. Всѣ не понимали тогда, на что-бы такое и сіе зданіе, съ такимъ множествомъ лавокъ и товаровъ, было устроено, и многіе мечтали уже, что императрица будетъ одарять сими товарами всѣхъ своихъ гостей, или присутствующихъ на семъ торжествѣ дворянъ; и разнесшаяся о томъ въ народѣ молва побуждала и другихъ присутствовать при ономъ, которые сперва и не имѣли къ тому хотѣнія. Но послѣ узнали, что какъ все сіе обширное поле долженствовало аллегорически изображать ту маленькую и ничего незначущую частичку полуострова Крыма, которую приобрѣли мы себѣ чрезъ заключеніе мира, и которая была единственнѣйшимъ плодомъ толь многихъ побѣдъ и пролитой толь многой человѣческой крови; то окружающая сей холмъ съ двухъ прочихъ сторонъ низменная, и надолбами отъ сего холма отдѣленная равнина

должна была представлять часть Азовскаго моря, а холмъ — приобрѣтенную частичку полуострова Крыма, большой павильонъ — городокъ Еникуль, круглое зданіе — крѣпость Керчь, а полукруглое — Таганрогъ, какъ мѣсто, назначаемое для будущей великой торговли. Какъ и самыя товары въ лавкахъ должны были представлять сию торговлю, всходствіе чего и подѣлано было нѣсколько небольшихъ морскихъ судовъ, и разстановлены съ ихъ мачтами и флагами, въ разныхъ мѣстахъ на оной равнинѣ, представляющей море, будто бы плавающими, въ разсужденіи которой не могъ я надивиться, что не пришло никому въ мысль предложить, чтобъ велѣть всю ее вспахать, или съ нея сплать зеленый дернъ, и тѣмъ придать болѣе вида воды и моря, а холмъ оставить бы зеленой.

Далѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ праваго его фаса, воздвигнуть былъ цѣлый рядъ другъ отъ друга отдѣленныхъ зданій совсѣмъ особаго рода. Со стороны отъ большого павильона, представляли они совершенное подобіе большихъ купеческихъ трехмачтовыхъ кораблей, съ ихъ мачтами, вымпелами, флагами, и со всѣмъ такелажемъ; и все сіе устроено было такъ искусно, что зрѣніе легко могло обманываться и почестъ ихъ настоящими, будто подлѣ берега на морѣ стоящими кораблями. Съ задней же стороны были они всѣ отверзтыя, и всею внутренностию своею составляли спокойныя галереи, устроенныя для смотрѣнія изъ нихъ огромнаго фейерверка, устроеннаго и приуговляемаго позади ихъ.

Кромѣ сего, воздвигнуть былъ также въ довольнономъ отдаленіи отъ главнаго павильона, противъ задней его стороны, особаго и нарочно для сего случая построенной театр для увеселенія публики театральнымъ безденежнымъ представденіемъ. Для увеселенія же подлога народа подѣлано было прямо противъ передняго фаса павильона, за помянутою равниною, представляющею море, мно-

жество круглыхъ качелей, открытых театровъ и воздвигнутыхъ шестовъ для лазанія и сниманія съ нихъ разныхъ вещей, назначенныхъ въ награду тѣмъ, кому удастся взлѣзть на оныя. Сдѣланы также были приуготовленія къ тому, чтобъ эквилибристамъ ходить по веревкамъ и утѣшать народъ, и прочія тому подобныя забавы. Всѣ сіи отдаленныя берега должны были означать Барбинскую степь, и разные тамошніе народы.

Наконецъ, вся лежащая отъ города до помянутаго павильона, и болѣе нежели на версту простирившаяся выровненная и выглаженная дорога, украшена была съ одного бока разными иллюминаціонными украшеніями, а съ другой — множествомъ большихъ обрѣзныхъ щитовъ, съ перспективическими изображеніями разныхъ родовъ избушекъ, хижинъ и другихъ деревенскихъ зданій, нарисованныхъ довольно живо и такъ, что издали они казались настоящими зданіями.

Вотъ сколько разныхъ вещей и предметовъ подѣлано было на семь обширномъ полѣ. Всѣ они достойны были зрѣнія; почему и неудивительно, что вся Москва съѣзжалась смотрѣть оныя, и что не было дня, въ которой не было-бы оно усеяно множествомъ каретъ и всякаго народа. Совсѣмъ тѣмъ какъ фейерверкъ былъ еще не готовъ, и надлежало нѣсколько дней до изготовленія его дожидаться, то тещѣ моей не восхотѣлось дожидаться онаго, но она упростила насъ отпустить ее съ излишними лошадьми назадъ въ Кіясовку, къ оставшимъ тамъ нашимъ малюткамъ-дѣтямъ.

Не успѣла она отъѣхать, какъ вскорѣ послѣ ее и случилось съ нами то досадное и непріятное происшествіе, о которомъ упоминалъ я вскользь уже выше сего. Было сіе, какъ теперь помню, на самой Ильинъ-день. Для сего праздника восхотѣлось боярнякамъ нашимъ, по обыкновенной набожности своей, сходить въ ближнюю церковь къ обѣдни. Всѣ мы туда и пошли, оставивъ послѣ себя въ квартирѣ однихъ только бывшихъ съ

намъ женщинъ, приказавъ имъ сидѣть въ комнатахъ; а особливо дѣвѣ жены моей не выходить изъ нашей спальни, изъ которой низенькія окошки простирались на улицу. Не успѣли мы, отслушавъ обѣдню, возвратиться назадъ, и жена моя начать раздѣваться, какъ вознадобился ей для какой-то поклажи умывальной ея ларчикъ. Она велѣла его дѣвкѣ подать, но хватъ—его какъ не бывало! искать его тамъ, искать индѣ, и нигдѣ не находилъ. Стоялъ онъ въ спальнѣ, на поставленномъ въ углу большомъ столѣ, но его не было. «Батюшки мои!» твердила Аннушка наша—куда же онъ дѣлся, стоялъ вотъ тутъ! я недавно на него смотрѣла: и не знаю, не вѣдаю, куда онъ дѣвался.—«Государь мой!» твердили прочія, и всѣ начали его всюду и всюду искать; но его простылъ давно уже и слѣдъ. Словомъ, онъ благополучно былъ у насъ, по небреженію госпожи Аннушки, горничной нашей дѣвушки, украденъ. День случился тогда жаркой, сидѣть ей въ спальнѣ было душно. Она изволила растворить окошечко на улицу, и усѣться сидѣть передъ онымъ, и галиться на народъ, мимо ходящій. Но вдругъ захотѣлось ей вытѣять на дворъ; она прыгъ-таки туда, позабывъ затворить окно, и въ самое сіе кратковременное ея отсутствіе гдѣ ни возмись какой-то бездѣльничъ прохожій; и какъ окошко было не выше аршина отъ земли, то онъ, примѣтивъ, что въ комнатѣ никого не было, и заглянулъ въ нее, и увидѣвъ стоявшій неподалеку отъ окошка на столѣ оной ларчикъ, не долго думая, цапъ его царапъ, и наострилъ съ нимъ зыбки. Къ несчастію нашему, никто сего не видалъ и не примѣтилъ. Самая умница, дѣвушка наша, возвратившаяся въ тотъ же почти часъ, и не подумала поглядѣть, цѣло-ли все въ комнатѣ, и усѣлась опять подъ окошечко, галиться на прохожихъ, и не прежде ларчика встрянулася, какъ велѣли ей подавать его.

Какъ скоро по долговременномъ и тщетномъ исканіи въ дѣйствительной прощажѣ опаго мы удостовѣрились, и по признаніи

дѣвки, что она на нѣсколько минутъ изъ спальни отлучалась, позабывъ закрыть окошко, навѣрное могли заключать, что онъ тяпнуть былъ какимъ-нибудь прохожимъ, то, Господи! какое началось тогда туженье и гореванье объ немъ жены моей; но и было о чемъ тужить и горевать. Ларчикъ самъ по себѣ хотя и ничего не значилъ, но въ немъ, кромѣ обыкновенныхъ сляночекъ и другихъ женскихъ бездѣлушекъ, находились разныя и другія вещицы, несоставляющія бездѣлки. Однихъ кое-какихъ алмазныхъ и бриллиантовыхъ вещей было болѣе нежели на триста рублей, а полагая вмѣстѣ съ прочими, было всего рублей на 500 или болѣе.

Претерпѣніе такого убытка, и притомъ столь внезапное и неожиданное, должно было натурально быть для жены моей очень прискорбно и чувствительно, и она, по женскимъ слабостямъ своимъ, не могла удержаться, чтобы не пролить нѣсколькихъ слезъ о себѣ потерѣ. А признаться, что и самому мнѣ произшествіе сіе было досадно и неприятно. Убытокъ, претерпѣнной нами, былъ хотя и не совсѣмъ разорительной, но довольно еще сносною и тѣмъ паче, что многія вещицы были такія, безъ которыхъ можно было обойтись, однако все было жаль; а пуще всего жалѣлъ я о украденномъ тутъ же перстенькѣ, сдѣланномъ изъ собственныхъ своихъ дворянскихъ каменьевъ, найденныхъ въ кремняхъ, и столь чистыхъ, что походили они на самые бриллианты, и многіе почитали ихъ алмазами, хотя они ничего иного не составляли, какъ проросъ кремневую. И какъ они самою натурою были прекрасно огранены, то и велѣлъ я изъ нихъ сдѣлать перстень, и былъ онъ довольно изрядной.

Потуживъ и погоревавъ о себѣ прощажѣ, хотѣли-было мы объ ней публиковать въ городъ чрезъ полицію; но какъ сказали намъ, что потребно было на необходимія притомъ издержки болѣе пятидесяти рублей деньгами, то, не надѣясь получить отъ того дальней и вѣрной пользы, не разсудили мы уможать тѣмъ только свой

убытокъ, и оставили наживаться нашими вещцами тому, кому восхотѣлось насъ тѣмъ обидѣть.

Вскорѣ засимъ насталъ день, назначенной для Ходынского торжества, и хотя у жены моей и не весьма весело было на сердцѣ, но не отреклась и она со всѣми нами ѣхать для смотрѣнія сего невиданнаго и рѣдкаго праздника. Всѣ лучшіе люди и все находившееся тогда въ Москвѣ дворянство съѣхалось съ самаго утра въ упомянутой большой павильонъ; и какъ надлежало намъ препроводить тамъ весь день и большую часть ночи, то не преминули мы записаться кое-какою провизіею, чтобъ намъ сей день не провести голодными, и постараться поставить карету свою поближе и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы намъ ее отыскать было можно; что намъ и удалось.

По пришествіи въ павильонъ, нашли мы его уже весь наполненнымъ народомъ, и тутъ имѣли мы удовольствіе видѣть всѣхъ знаменитѣйшихъ нашихъ вельможъ, отчасти находившихся уже тутъ, отчасти при насъ прибѣжающихъ, а между тѣмъ до-сыта налюбоваться гвардейскими унтеръ-офицерами, стоявшими при всѣхъ дверяхъ на часахъ. Они въ сей день убранны были отменно хорошо, и сіяли отъ множества серебра, на нихъ находившагося. По всего пріятію были серебряныя ихъ баски или шишаки съ большими страусовыми перьями на головахъ, также перьями, лежащія на нихъ крестъ-на-крестъ; и какъ сверхъ того всѣ они были люди молодые и собою статные, и пригожіе, и выбраны были наилучшіе изъ молодыхъ дворянъ, то и представляли они прекрасное собою зрѣлище.

Наконецъ приѣхала Императрица, и началось тѣмъ самое торжество. Она встрѣчаема была пушечною пальбою и морскою музыкою, поставленною на судахъ, посреди равнины стоявшихъ и оупускающихъ предъ нею свои вымпелы. Трубы и литавры на нихъ тотчасъ загремѣли, и зрѣлище сіе было пріятное. Предъ обширномъ крыльцомъ павильона встрѣтили се всѣ бывшіе тутъ вельможи и чинов-

ники. Она, вошедъ, принимала отъ всѣхъ поздравленія, и прошла тотчасъ въ боковую пространную комнату, куда послѣдовали за нею первѣйшіе вельможи и съ ними и сынъ ея, тогдашній Цесаревичъ. Не видавши его вблизи съ самаго 1762 года, удивился я той ужасной перемены, какую произвело въ немъ тринадцатилѣтнее время.... Но никто не обращалъ на себя такъ многіе взоры, какъ герой сего торжества — графъ Румянцовъ: повсюду слѣдовали за нимъ цѣлымъ табуномъ, и никто не могъ на него довольно насмотрѣться. Находились тутъ же и князь мой, но онъ, между множествомъ знаменитѣйшихъ бояръ и вельможъ, былъ почти со всѣмъ непримѣтенъ.

Черезъ часъ времени послѣ сего пошла Императрица, въ послѣдованіи всѣхъ своихъ придворныхъ и другихъ знаменитѣйшихъ особъ, въ упомянутое круглое зданіе, называемое Керчью, къ обѣденному столу, покрытому болѣе, нежели на 200 кувертовъ, и придворная музыка загремѣла тотчасъ по вшествіи туда оной. И какъ обѣдъ продолжался не мало времени, то воспользовались и мы симъ временемъ, и протѣснившись съвозъ толпу, продрались кое-какъ до своей кареты, и въ ней порядочно себѣ пообедали; а услышавъ, что столъ кончился и Государыня опять возвратилась въ павильонъ, поспѣшили и мы туда же притти. И тогда-то имѣли мы совершенное удовольствіе насмотрѣться, сколько хотѣли, императрицы. Она провела почти все послѣобѣднѣйшее время въ игрании съ нѣсколькими изъ знаменитѣйшихъ вельможъ въ карты, сядучи посрединѣ лѣваго отдѣленія, и временно только взадъ и впередъ прохаживалась. И какъ всѣмъ дозволено было безпрепятственно ходить по всѣмъ комнатамъ павильона, то и окружень былъ столъ ея всегда превеликимъ кругомъ изъ нашей братіи: а въ томъ и состояло наилучшее удовольствіе публики, что она могла безпрепятственно и въ самой близости монархиню свою видѣть. Ибо, впрочемъ въ теченіи дня происходила только скачка и пляска, качанье и другія на-

забавы и увеселенія на степеняхъ вскихъ, но которыми никто изъ днхъ не занимался, а изъ сихъ только гуляли по Тагаирожскому двору и расхаживали по галсдланной передъ лавками, украсъ безчисленнымъ множествомъ дорожныхъ товаровъ. Въ каждой къ сидѣли и сидѣльцы, но продаюму и никакой не производилось, юе и поддерживало многихъ въ мечюй надеждѣ, что товары сіи прини тутъ для одѣленія ими всего ства. Многіе были такъ твердо вѣрніи удостовѣрены, что боясь не то того случая, когда Государыня идетъ и начнетъ ими всѣхъ жалов вошли даже и въ театръ, въ копредъ наступленіемъ вечера на театральныя представленія, но безотлучно на ступеняхъ крыльца шутному гостинному двору, и съ певостію ожидали шествованія туда гряди, у которой того и въ мисею было; и они всѣ принуждены въ стѣдомъ увидѣть наконецъ свою

исается до насъ, то и памъ не удагда быть въ театрѣ тутошнемъ, и на насъ отъ того наиболѣе тихіе между собою переговоры, что сворую руку построенной и коешленней театрѣ, былъ якобы она что боялся всѣ, чтобъ онъ отъ гва народа не завалился. Къ то боялись и тѣспоты самой, а сверхъ къ и Императрица туда не ходила, е было дальнаго привлеченія; а мы ойнѣйшее и пріятнѣйшее для себя ш препроводить все время до наіа вечера въ расхаживаніи съ про) всѣмъ компатамъ и въ созерцаей императрицы.

вездѣ зажигаемые иллюминаціонн, которыхъ было по всѣмъ мѣсокрестностямъ безчисленное мноь разныхъ видахъ и положеніяхъ. вскорѣ засимъ начали дѣлать овлеца къ зажиганію фейерверка,

то я, не упуская времени и прежде еще отшествія Государыни въ корабли, поспѣшилъ туда, чтобы захватить для себя удобное мѣсто для смотрѣнія, и былъ такъ счастливъ, что и нашелъ ваипре-краснѣйшее мѣсто въ одномъ изъ кораблей, стоящихъ въ сторонѣ правой; и могу сказать, что весь фейерверкъ съ нашего корабля былъ несравненно лучше виденъ, нежели изъ самаго средняго, съ котораго смотрѣла сама императрица и въ которой, кромѣ знатнѣйшихъ особъ, никого не пускали, ибо такъ случилось, что вѣтерокъ несъ весь дымъ отъ зажженныхъ щитовъ съ праваго крыла на лѣвой. Слѣдовательно, для насъ всѣ горящія фигуры тотчасъ очищались, а для зрителей съ другихъ кораблей заслонялись дымомъ, и они многого не могли за дымомъ симъ совсѣмъ видѣть.

Совсѣмъ тѣмъ фейерверкъ сей былъ преславной, и не только знаменитъ своею огромностію, но и всѣмъ своимъ расположеніемъ, сдѣланнымъ съ наилучшимъ вкусомъ. Представлено было три огромныхъ щита: одинъ, въ среднѣй, фитильной изъ огней разноцвѣтныхъ; другой изъ селитренныхъ свѣчекъ; а третій прорѣзной, освѣщенной сзади множествомъ вертящихся огненныхъ колесъ, и всѣ, прямо можно сказать, пышные, великолѣпные и зрѣнія весьма достойные. Всѣ они зажжены были не вдругъ, а одинъ послѣ другого, а между тѣмъ представляемы были разныя другія огненные декораціи, составленныя изъ превеликаго множества разнообразно вертящихся огненныхъ колесъ, звѣздъ, солнцевъ, огненныхъ фонтановъ и бураковъ, съ выпускаемыми изъ нихъ швермерами и лусткугелями, рассыпающимися на воздухъ безчисленными брилліантовыми звѣздами. На всѣ сіи декораціи было еще пріятнѣе смотрѣть, нежели на щиты самые: было ихъ такое множество, что мы всѣ глаза свои, смотря на нихъ, растеряли. Для слуха же въ особенности поразительны и увеселительны были, такъ называемые, подземные огни, производящія трескотню превеликую. Но ничто не могло сравниться съ такъ-называетъ

мымъ павлинымъ хвостомъ. Составленъ онъ былъ изъ безчисленнаго множества ракетъ, зажженныхъ и пущенныхъ въ одно время съ двухъ сторонъ, въ противоположномъ другъ другу направленіи, дабы всѣ онѣ представляли собою дѣйствительно пѣкоторое подобіе павлинаго распростертаго ужасной величины хвоста. И можно сказать, что послѣднее сіе зрѣлище было безподобное и такое, на которое безъ пріятнаго восхищенія никому смотрѣть и довольно имъ налюбоваться было не можно. Всѣ сіи ракеты, простиравшіяся числомъ до 700, начинены были горящими звѣздами, и какъ онѣ начали лопаться, то казалось, что воспламенилось тогда все небо и посыпался на насъ цѣлой дождь изъ звѣздъ горящихъ. Словомъ, зрѣлище было прерузорочное, и никакое перо не можетъ описать, и изобразить всю его пышность и великолѣпіе.

Сіе было послѣднее явленіе, и онимъ кончился весь нарочито долго и почти цѣлыхъ два часа продолжавшійся фейерверкъ, а крупѣ и все тогдашнее торжество. Государыня тотчасъ послѣ того отправилась во дворецъ, а вслѣдъ за нею начали и всѣ разѣзжаться, съ которыми и я, насилу отыскавши своихъ боярынь, смотрѣвшихъ фейерверкъ сей изъ павильона, и побоявшихся итти на корабли, въ городъ уже послѣ полуночи возвратился, насмотрѣвшись и наслушавшись всего досыта.

Послѣ сего не стали мы уже долго медлить въ Москвѣ, но повидавшись еще со всѣми нашими родными, друзьями и знакомыми, бывшими тогда въ Москвѣ, а я побывавъ еще разъ у старика своего князя и распрощавшись съ нимъ, поѣхали обратно въ Кіясовку съ головами, наполненными мыслями и воображеніями обо всемъ видѣнномъ и случившемся съ нами, и будучи сколько съ одной стороны довольны тѣмъ, что намъ удалось все по желанію видѣть и всему досыта насмотрѣться, столько-жъ горюя о своей пропажѣ, которую не могли

мы долгое время забыть и которая и понынѣ еще намъ памятна.

Симъ окончу я сіе мое письмо, достигшее уже до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 12 дня 1809 года)

Письмо 182-е.

Любезный пріятель. Такимъ образомъ съѣздили мы въ Москву, погалились, повеселились, и заплативъ за все то довольно дорого, возвратились назадъ въ Кіясовку. Тутъ нашли мы всѣхъ малютокъ своихъ дѣтей и съ ихъ бабушкою въ добромъ здоровьѣ. Сія ничего еще о пропажѣ нашей не вѣдала, и узнавъ, потужила и она о нашемъ убыткѣ; но какъ пособить было нечѣмъ, то погоревавъ о томъ, наконецъ и перестали, и принялись за прежнія свои дѣла и упражненія.

Не успѣлъ я приѣхать, какъ въ тотъ же день обрадованъ былъ полученіемъ опять довольно толстаго пакета изъ Экономическаго Общества. Содержалъ онъ въ себѣ XXVI-ю часть «Трудовъ» Общества и опять безъ переплета, и письмо Нартова, писанное еще 1-го іюля. Въ части сей хотя не было никакого моего сочиненія напечатаннаго, но Нартовъ увѣдомлялъ меня, что сочиненіе мое о хмѣлѣ вѣрно напечатано будетъ. Впрочемъ, благодаривъ меня за присылку оказменѣностей, наваливалъ на меня новой трудъ, а именно, чтобъ наловить бабочекъ разныхъ, и прислать къ нему взоткнутыя на булавахъ, для удовлетворенія его смертельной охоты до натуральной исторіи. Я усмѣхнулся сему новому предложенію, и думалъ и не думалъ желаніе его исполнить, поелику бабочекъ въ нашихъ мѣстахъ никакихъ особыхъ и рѣдкихъ не было, а простыя посылать не стоило трудовъ и убытковъ. Однако я, въ отвѣтъ своему на его письмо, не разсудилъ ему совсѣмъ въ томъ отказать.

По отправленіи сего отвѣта, принялся я за переписываніе набѣло первой части.

«Дѣтской философіи», которое дѣло уже было начато, но еще не окончено, а въ сей разъ побуждало меня къ тому, что въ бытность свою въ Москвѣ я случай спознакомиться съ однимъ молодымъ, живущимъ въ типографіи, по имени Гиппійусомъ. Сей человѣкъ пріятелемъ нашему лекарю, который рекомендовалъ ему меня и прочее, чтобы онъ помогъ мнѣ при желаніи отданиіи въ печать помянутой. Добродушной сей человѣкъ съ извѣстіемъ и принялъ на себя сію дѣлу и просилъ меня, чтобы я только изложилъ къ нему свой манускриптъ, ужъ постарается о томъ, чтобы оной экземпляръ былъ въ типографіи универсальной, при которой былъ онъ опредѣленъ къ какой-то должности. Итакъ, въ скорѣе оную, я къ нему тогда съ сію и отправилъ.

Достаточное время тогдашняго лѣта и осенніе мѣсяцы протекли у насъ непримѣтно и безъ всякихъ важнѣйшихъ происшествій. Мы провели ихъ довольно весело, въ частыхъ свиданіяхъ и разговорахъ съ тутошними нашими сосѣдями, которые всѣ искренно насъ, а мы ихъ любили; почему не приходило почти никому, въ которую мы не имѣли бы съ собою свиданія, либо угаживая себя, либо бывая у нихъ въ гостяхъ. Въ то же время удосужился я съѣздить и въ деревню на нѣсколько дней, и бутылкамъ объѣздить и тамошнихъ жителей и сосѣдей; также взглянулъ на сады свои, начинавшіе уже по малу спротивляться безъ меня; ибо присутствіемъ моимъ не было въ нихъ ни одного новаго присовокупленія, а сады мои едва успѣвали поддерживать сколько-нибудь въ нихъ прежніе обитатели.

Кали мнѣ также нѣсколько разъ и родственникамъ нашимъ въ Воскресенье, и въ одну таковую поѣздку къ намъ, вмѣстѣ съ пріѣхавшею къ намъ Матреною Васильевною, напались и насмѣялись мы довольно, и съвозъ большой и густой Хотунской

лѣсъ. Случилось намъ предпринять ѣзду сію вскорѣ послѣ бывшаго и нарочито продолжительнаго ненастья, отъ котораго въ лѣсу этомъ наполнены были всѣ рытвины и ямы на дорогѣ водою. Ихъ было такое множество, что не могу и помыслить позабыть, какъ опѣ намъ тогда досадны были: такъ изъ одной рытвины и калдобины въ другую, а изъ другой въ третью, той еще величайшую. А нерѣдко въѣзжали мы въ такую, въ которой сажень по десяти, по двадцати должны были ѣхать и плыть почти водою. Всѣ мы прескверныя, кривыя и преглубокія, и мы того и смотрѣли, чтобы не быть намъ на боку, или чтобы чего подъ каретою не испортилось бы. Спутница наша, Матрена Васильевна, крайне была во всѣхъ такихъ случаяхъ боязлива, и не успѣетъ карета пошатнуться на бокъ, какъ поднимала аханье и крикъ; а какъ и самъ я былъ невеликой въ такихъ случаяхъ герой, и такихъ дорогъ терпѣть не могъ, то было у насъ съ нею и крика и смѣха довольно. Обоимъ намъ съ нею хотѣлось лучше итти пѣшкомъ, нежели терпѣть ежеминутно страха, но какъ по несчастію и того учинить было намъ никакъ не можно, по чрезвычайной узкости дороги, и потому, что и по сторонамъ въ лѣсу вездѣ была вода и грязь; то принуждены мы были, сжавши сердце, сидѣть въ каретѣ и отъ горя и досады для смѣха начать считать всѣ сіи калдобины и ямы съ водою. И какъ удивились мы, когда на разстояніи какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, насчитали ихъ малыхъ и большихъ болѣе 400; и каждая изъ нихъ стоила намъ аханья и крика. Вотъ какова случилась намъ тогда съвозъ сей проклятой лѣсъ дорожка.

Въ другой разъ, при случаѣ ѣзды къ другу нашему, г. Шушерину, въ гости, и при возвращеніи отъ него перестращены мы были наибольшаю опасностію, которой подвергся было малютва сынъ мой. Случилось такъ, что въ сей разъ брали мы его съ собою, и какъ ѣхали мы тогда по хорошей дорогѣ очень скоро и онъ, по обыкновенію своему,

стоялъ посреди кареты, прислонившись къ дверцамъ и смотря въ окно, то вдругъ растворись дверцы, и онъ въ тотъ же мигъ полетѣлъ изъ кареты. Мы помертвѣли сіе увидѣвъ; но едва только закричали: «ахъ! ахъ!» какъ по особливому счастью и по благодати Господней къ намъ и къ сему нашему птенцу, успѣлъ еще я ухватить его за руку, поавшемся между каретою и дорогами, и уже вистѣшаго. Не можно изобразить, какъ много были сими случаями перепуганы, а вкупѣ и обрадованы тѣмъ, что намъ удалось еще его спасти отъ неминуемой погибели; ибо бѣднѣжу сего переѣхало бы непременно колесо, и онъ бы пикнулъ бы отъ того. Мы возсылали тогда тысячу благодареній Господу и сдѣлались впредь уже гораздо осторожнѣйшими, и съ того времени полно давать дѣтямъ волю стоять у дверей и облокачиваться на оныя.

Еще памятно мнѣ, что въ теченіе сего лѣта имѣли мы во время созрѣнія вишенъ превеликое удовольствіе при ѣздѣ въ село Спасское. Родилось ихъ въ тамошнемъ саду такое великое множество, какого я никогда еще не видывалъ, и мы, ѣздивши туда всѣ для обирания оныхъ, не могли ими довольно налюбоваться и набрали ихъ тогда множество четвериковъ.

Неменьшее удовольствіе доставили намъ и въ сей годъ грибы, родившіеся въ рощахъ опять въ преудивительномъ множествѣ. И мы нѣсколько разъ ѣзжали со всѣмъ своимъ семействомъ въ тамошніе лѣса и рощи, и возвращались всегда съ богатою добычею.

Впредь наступленіемъ же осени утѣшила насъ такимъ же образомъ и златотысячница. Сей, толико славной въ медицинѣ, но не вездѣ и не всегда родящейся, врачевой травки былъ въ сей годъ превеликой урожай, такъ что мы, ѣздивши сами и также цѣлою компаніею, варвали ее съ цѣлою возъ. Но никто сими такъ доволенъ не былъ, какъ нашъ лекаръ: онъ наварилъ даже изъ ней множество экстракта и запасся имъ на многіе годы, го-

воря, что экстрактъ сей составляетъ сущее сокровище.

Между тѣмъ не упускалъ я ничего, что нужно было къ наблюденію и по моей должности. Я смотрѣлъ за всѣми производившимися разными работами, а не менѣе за новоманернымъ своимъ семипольнымъ хлѣбопашествомъ, и во время уборки ржи выдумалъ двѣ вещицы, достойныя замѣчанія. Первая состояла въ обиваніи привозимыхъ съ поля ржаныхъ сноповъ объ сдѣланныя изъ кольевъ пирамидки, для полученія чрезъ то самыхъ лучшихъ и зрѣлѣйшихъ зеренъ на сѣмяна; а вторая въ изобрѣтеніи особаго рода большихъ граблей, для сгребанія ими на лошади остающихся на полѣ отъ житва обломанныхъ и валяющихся колосьевъ; которая выдумка, по удобности и полезности, казалась мнѣ столь примѣчанія достойною, что я не за излишнее почелъ донести о томъ и нашему Экономическому Обществу, и сочинивъ о семъ пьесу, и приобщивъ граблямъ моимъ рисунокъ, отправилъ оную при письмѣ къ г. Нартову въ Петербургъ.

Впрочемъ не оставлялъ я во всѣ праздные и свободные часы заниматься и литературою, также и ученіемъ молодцовъ у меня жившихъ. Легко можно заключить, что не позабываема была и ботаника, но продолжаемо было по прежнему узнаваніе и собираніе травъ врачевныхъ. Въ сихъ хотя и не имѣлъ уже я такой большой надобности, какъ прежде, ибо по случаю основаннаго и приведеннаго уже въ порядокъ гошпиталя, всѣ больные могли уже адресоваться къ лекарю; однако, несмотря на то, многіе изъ постороннихъ все еще продолжали ко мнѣ приходить съ прошеніемъ простыхъ лекарствъ, то и въ сіе лѣто удалось мнѣ помочь многимъ, и чрезъ то оытностію удостовѣриться въ особенной полезности нѣкоторыхъ травныхъ тинктуръ или настоевъ, равно какъ и смѣси нѣкоторыхъ травъ для декоктовъ и припарокъ, а особливо моего элексира, простуднаго декокта, настойки глазной, паче всего неощѣннаго декокта отъ бо-
лѣзней горла.

Еще памятно мнѣ, что имѣли мы въ себѣ глѣбо превеликую тревогу отъ случившагося въ селѣ нашемъ пожара, обратившаго нѣсколько крестьянскихъ дворовъ въ пепелъ. Сей несчастной случай доставилъ мнѣ новой и довольно знаменитой кусокъ работы. Ибо какъ все сгорѣвшее глѣбо надлежало оставить празднымъ для расположенія будущаго дворцоваго строения, то и надобно было всѣхъ погорѣвшихъ снабжать глѣсомъ и селить ихъ въ другомъ и на новомъ мѣстѣ, и уже порядочнѣе прежняго.

Кромѣ сего имѣлъ я не одинъ, а нѣсколько разъ тревогу отъ пожаровъ, но иного рода, а именно отъ дѣлавшихся въ глѣсахъ тамошнихъ. Не успѣлъ осенью лѣтъ съ деревъ начать обваливаться, какъ и появились сіи, совсѣмъ для меня новыя и до того времени невиданныя зрѣлища. Загорался обвалившійся съ деревъ и лежащій на землѣ сухой листъ; и горѣніе какъ онаго, такъ и всего низкаго кустарника распространялось по всему глѣсу такъ скоро, и огонь усиливался съ такою скоропостижностію, что всякой разъ, какъ прибѣгали ко мнѣ о томъ сказать, принуждены мы бывали бить въ колоколъ въ набатъ и выгонять весь народъ, отъ мала до велика, въ глѣсъ для тушенія онаго. Легко можно заключить, что при всякомъ такомъ случаѣ принужденъ бывалъ и самъ я безъ души скакать въ глѣсъ, и не только принуждать народъ къ погашенію огня, но и придумывать и употреблять всѣ способы къ скорѣйшему потушенію огня, и пресѣченію скорого его по землѣ бѣгства.

Долго я не зналъ и не могъ ни отъ кого добиться, отчего такіа бѣдствія начинались и такъ часто происходили, и чѣмъ бы сіе зло отбратить было можно. И насилу-насилу распровѣдалъ и узналъ, что причиною тому нѣкто иной былъ, какъ ребятшени, пасущіе на прогалинахъ, между глѣсовъ, лошадей и скотину. Бездѣльники сіи не столько для обогрѣванія себя, сколько изъ единой нилости разводили и разжигали большіе огни на вучахъ муравьиныхъ. А оттого

самаго и загорался близлежащій на землѣ листъ, которой и сами они иногда еще для потѣхи зажигали. Не успѣлъ я сего узнать, какъ тотчасъ симъ забавамъ ихъ и конецъ положилъ, и единственно тѣмъ, что собравъ всѣхъ оныхъ, сколько ихъ ни было въ селѣ, велѣлъ всѣхъ, и правыхъ и виноватыхъ, пересѣчь розгами а чрезъ то и унялись наши пожары, которые мнѣ и весьма-было уже наскучили.

Вскорѣ за симъ случилась намъ надобность, и противъ чаянія и желанія нашего, побывать опять на короткое время въ своей деревнѣ. Но ѣзда наша туда была въ сей разъ такова, что мы весьма долго ее помнили, и помнимъ даже и понынѣ. Она имѣла ту особенность, что сопряжена была для насъ со множествомъ бѣдъ и неприятностей; и число ихъ было такъ велико, и послѣдовали онѣ другъ за другомъ такъ скоро, что мы не могли тому довольно надивиться, и только и твердили: «Ахъ, батюшки мои! что это такое? Бѣды по бѣдамъ, да и только всего!» И возможно-ли? Было ихъ всѣхъ, и маленькихъ и большихъ, въ теченіе двухъ сутокъ болѣе сорока, ибо мы съ горя, и удивляясь онымъ, принуждены были ихъ уже считать. Случись же такой негодной выѣздъ!

Но что всего удивительнѣе, то всѣ онѣ были въ нѣкоторомъ отношеніи одинаковы; а именно, что оканчивались безъ дальнаго вреда, такъ что мы, замѣтивъ сіе, заключали то же и о всѣхъ послѣдовавшихъ послѣ и тѣмъ себя утѣшали заблаговременно, и дѣйствительно въ надеждѣ своей не ошибались. Словомъ, путешествіе сіе было такъ достопамятно, что я, возвратясь въ Кіевоку, для смѣха и курьезности описалъ его во всей подробности, и жалю и понынѣ, что пожаръ похитилъ у меня сіе описаніе, почему и могу я теперь рассказать объ ономъ только то, что могу упомянуть; ибо прочіе, по прошествіи многихъ съ того времени лѣтъ, не могу уже никакъ припомнить.

Поводомъ къ путешествію сему была просьба деревенской нашей сосѣдки, Анны Николаевны, молодой вдовы, остав-

шейся послѣ покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Господжѣ сей наскучилось уже сидѣть вдовою, и захотѣлось выйти опять замужъ. Сыскался изъ сосѣдственнаго дворянства выгодной жепшиокъ, восхотѣвшій судьбу свою соединить съ нею; и дѣло у нихъ было тотчасъ между собою слажено, и они спроворили тѣмъ такъ скоро, что мы не прежде о томъ узнали, какъ при-скакала она съ матерью своею къ намъ, умолять насъ Христомъ и Богомъ, не оставить ихъ при семь случай своимъ присутствіемъ и вспоможеніемъ, поелику опѣ никого съ своей стороны, а особливо изъ мужичинъ не имѣють.

Какъ время тогда было уже осеннее а къ тому-жъ въ ненастную и дурную погоду, то и не хотѣлось намъ никакъ въ сіе путешествіе, а особливо на свадьбу, пускаться; и мы отговаривались - было сперва долго отъ того. Но поклоны и неотступныя просьбы убѣдили наконецъ насъ дать слово и на то согласиться.

Итакъ, собравшись и оставивъ матушку-тещу съ дѣтми въ Кіясовеѣ, и поѣхали мы съ женою и большою дочерью тетки Матрены Васильевны, случившеюся тогда у насъ, и ея дѣвучкою въ большой нашей каретѣ домой. И поелику дни тогда начинали уже становиться короткими, а намъ хотѣлось въ тотъ же день поспѣть въ свою деревню, то и поспѣшили мы своимъ выѣздомъ и выѣхали со двора довольно еще рано. Но не успѣли верстѣ трехъ отъѣхать, какъ закричали наши лакеи: «Стой! стой! оборвались ремни подъ каретою, надобно поправить и починить». — «Экая бѣда!» сказали мы, но эта бѣда была еще начальная бѣда. Что дѣлать! принуждены были остановиться и начать думать и гадать, какъ намъ испортившееся поправить. Итакъ, ну мы отыскивать веревку, ну придумывать, какъ лучше подвязать, и такъ далѣе. Но наконецъ, кое-какъ поправили, подвязали и поѣхали.

Но едва только версты двѣ еще отъѣхали, какъ вновь остановка. Закричала уже жена моя: «Стой! стой!» — «Что та-

кое?» спросилъ я. — «Ахъ, батюшки! какую я, враговка, бѣду надъ собою сдѣлала!» — «Что такое?» — «Позабыла взять свои серьги съ собою, а безъ нихъ какъ мнѣ можно ѣхать, надобно неотмѣнно послать за ними». — «Эхъ ты какая! (съ досадою сказала я), какъ это можно позабыть такую надобную вещь! Но нечего дѣлать! такъ и быть. Мамынь, отпрагай скорѣе припряжную, и поѣзжай назадъ». Тотчасъ мы его съ записочкою, написанною карандашемъ, и отправили, а сами расположились до того времени стоять и возвращенія его дожидаться. Стояли-стоили, ажно скука насъ взяла. Гдѣ-то онъ отпрегъ лошадей, гдѣ-то поѣхалъ, гдѣ-то тамъ серьги отыскали, гдѣ-то его съ ними отправили, и гдѣ-то онъ опять и дѣлать пять верстѣ ѣхалъ, а мы все стой да стой. Господи! какая досада! Но какъ бы то ни было, но наконецъ онъ приѣхалъ, серьги привезъ, и мы опять поѣхали.

Но не успѣли еще двухъ верстѣ отъѣхать, какъ новая бѣда! Встретнулись еще одной, уже не помню, какой вещи которую взять съ собою позабыли, и вещи необходимо нужной и такой, безъ которой намъ никакъ пробыть было не можно. Сіе меня уже вздурило, и я осердившись говорилъ: «Господи! да гдѣ-жъ у васъ у всѣхъ былъ умъ и разумъ, что не могли сего вспомнить? неужели опять стоять и посылать?» — «Ну, что дѣлать (отвѣчала жена моя), позабыла, да и только всего. Да такая бѣда, что не приди мнѣ и давеча, какъ послали, этого на память, а только въ сію минуту вспомнила!» — «Да нельзя-ли безъ того обойтись?» — «Никакъ нельзя!» — «Ну, такъ нечего дѣлать, быть опять посылать, и опять стоять и дожидаться!» Итакъ, велѣли опять остановиться, и отпрегши другую лошадь, скакать уже другому лакею, поспѣшивать какъ можно. «Господи! (говорилъ я сидючи, и досадуя), долго-ли этого будетъ. Вотъ ужъ третья остановка, и время уходитъ, не застанемъ и обѣда у Василья Федоровича!» Но подосадовавъ, подосадовавъ, а принужденъ былъ дожидаться человѣка.

Сей проїздилъ еще того долѣе, но наконецъ, слава Богу, приѣхалъ и все нужное привезъ, и мы поѣхали далѣе.

Ѣхали-Ѣхали, и уже начали приближаться къ Турову, гдѣ жилъ г. Шуперинъ, какъ вдругъ, и не дожидая версты за двѣ до него, еще новая остановка, и остановка важная. Заднее колесо у кареты такъ развихлялось, что изъ опасенія, дабы совсѣмъ не разсыпалось, принуждены были опять остановиться. Новое сіе незгодье вздурило меня еще болѣе. «Ахъ, Боже мой! (возопилъ я), что это такое! бѣды по бѣдамъ и опять остановка!... Ну что, ребята, дѣлать и какъ быть?» — «Что, судырь! (отвѣчали они мнѣ), бѣда-то немалая, поглядимъ нельзя-ли какъ-нибудь скрутить и увязать. Еще слава Богу, что своевременно усмотрѣли, а то какъ-бы разсыпалось совсѣмъ, то нечего-бы дѣлать, принуждены-бы были сидѣть на одномъ мѣстѣ». — «Ну, друзья мои! (сказалъ я имъ), посмотрите, подумайте, и поспѣшите, ради Бога, чтобъ намъ какъ-бы-нибудь хоть до Турова дотащиться, а тамъ не найдемъ-ли другого колеса у Василья Федоровича, онъ одолжитъ насъ тѣмъ». — «Да хорошо, судырь, если другое колесо годится и придетъ въ пору; а коли нѣтъ, такъ тутъ-то какъ быть?» — «Ну, это увидимъ (сказалъ я), а скручивайте-ка это скорѣе!» — «Хорошо!» и начали шипшеть. Но гдѣ-то смыкали веревку, гдѣ-то палку, гдѣ-то стягивали и скручивали, прошло опять нѣсколько времени; а между тѣмъ приближалось уже обѣденное время. Но какъ-бы то ни было, по наконецъ кое-какъ скрутили и поѣхали.

Думаемъ, авось-либо какъ-нибудь доѣдемъ; но не тутъ-то было, и едва только сажень сто отъѣхали, какъ колесо наше, выхляясь-вихляясь, вдругъ и совсѣмъ разсыпалось, и всѣ спицы изъ ступицы вывалились, и вся карета на бокъ почти опрокинулась. «Стой! стой! стой!» — завопили и закричали всѣ мы, въ прахъ перепугавшись. По счастью, ось поддерживала нѣсколько карету и не допустила ее упасть на бокъ. Итакъ, ну-ка мы всѣ изъ кареты выходить, ну-ка ахать и горевать,

ну-ка всѣ твердить: «ну, не бѣда-ли истинная? ну что теперь дѣлать?» — «Нечего другого! (сказали люди), какъ искать скорѣе какого-нибудь рочага, и подвязывать вмѣсто колеса; но гдѣ его изволишь взять? видишь поле! Но спасибо случился съ нами топоръ, и недалече въ сторонѣ лѣсокъ. Итакъ, ну-ка мы скорѣе посылать туда, ну-ка рочагъ вырубать и его подъ карету подвязывать. Не малое время и надъ симъ мы провозились, и кое-какъ до села дотащились. Боямся еще, чтобъ г. Шуперина не было гдѣ въ отлучкѣ; но слава Богу, услышали, что онъ дома, и обрадовавшись: «Ну, ступай на дворъ», закричалъ я кучеру.

Но не успѣли мы начать подѣзжать къ крыльцу, какъ усмотрѣли новую потѣху: у дѣвки, сидѣвшей съ нами въ каретѣ, была взята съ собою бутылка съ квасомъ, и она везла ее съ собою, державши на колѣняхъ. Но что-жъ случилось? Въ то время, какъ мы въ торопяхъ изъ кареты дорогою выходили, выскочи какъ-то изъ бутылки пробка, а она, незаткнувши ее, и сѣла опять въ нее, и того и не примѣтила, что квасъ отъ качанья кареты изъ бутылки выплескивался, и на передникѣ ея между колѣнъ натекла ея цѣлая лужа и произвела превеликое мокрое пятно на ономъ и на самой юбкѣ. «Ахъ, батюшки мои! (закричали госпожи, сіе увидѣвъ), что ты, окаянная, это надѣлала, и какъ тебѣ показаться?... Ну что подумаютъ о тебѣ?» Смѣхъ и горе тогда всѣхъ насъ подхватило; но какъ некогда было долго уже о томъ судачить, то говорили мы ей, чтобъ она какъ-нибудь ужъ уходила на заднее крыльцо и хозяйкамъ не показывалась, а самъ я сталъ отыскивать шляпу, ибо Ѣхалъ до того въ бездѣльномъ картузишкѣ для покоя.

Но что-жъ, не бѣда-ли опять! шляпы моей не тутъ-то было! Я спрашивать у людей, тѣ другъ у друга—не знаютъ, что сказать, и вышло наконецъ, что всѣ мы и ее хорошохонько позабыли. «Ахъ, злодѣи, что вы надъ моею головою надѣлали! (закричалъ я), гдѣ у васъ былъ умъ и па-

мать?» но такъ и быть, думаю: это хоть бѣда, но бѣда небольшая, шляпою ссудить меня и Василій Федоровичъ! И какъ между тѣмъ карету подтащили уже предъ крыльцо самое, то турю я госпожъ своихъ выходить изъ оной.

Но надобно-жъ случиться и тутъ еще новой бѣдѣ. Свояченица моя пошла первая изъ дворецъ каретныхъ, и отъ поспѣшности для встрѣчающихъ насъ хозяевъ, зацѣпясь за что-то, и такъ хорошо, что затрещало ажно у ней платье, и разорвала весь подолъ у себя. Господи! какъ сіе опять насъ всѣхъ сконфузило. «Такъ! воскликнулъ я, уже захочотавши: какъ пошло уже на бѣды, такъ бѣды по бѣдамъ!»...

Господинъ Шушеринъ не успѣлъ увидѣть шесть, подвязанной вмѣсто колеса, какъ закричалъ: «Что это? что это, батюшка Андрей Тимошеевичъ?»—«Что, братецъ! (отвѣтствую я), взломалось за версту отсюда; но одно-ли это? Послушай-ка, сколько съ нами бѣдъ случилось; но ради Христа снабди ты насъ другимъ колесомъ съѣздить въ деревню. — «Пожалуй, пожалуйста! подхвати г. Шушеринъ: только бы годилось какое. У меня колесъ много, а между тѣмъ мы и ваше починимъ и исправимъ.»—Очень хорошо, батюшка (сказалъ я); да ссудите меня уже и шляпою вашею: ѣдемъ на свадьбу, и людцы мои изволили совсѣмъ позабыть взять мою съ собою. — «Изволь, изволь, батюшка! у меня есть нова и почти еще не обновленная.»—Ну, ладно же (сказалъ я), и слава Богу, бѣда и сія съ рукъ долой!

Говоря сіе вошли мы въ хоромы, и ну имъ всѣ свои проишествія рассказывать, и вмѣстѣ съ ними имъ дивиться и хохотать. Они были намъ очень рады и старались насъ скорѣе угостить обѣдомъ. И по счастью прѣехали мы къ нимъ довольно еще благовременно. И покуда мы обѣдали, люди его успѣли уже прійскать и колесо точно такое же, каково было наше, и случившееся по оси очень впору. Обрадовались мы сіе услышавъ, и сказали: «Ну, слава Богу, эта бѣда съ плечъ долой, и теперь дождемъ мы до двора

уже благополучно». Но и сей счетъ хорошохонько дѣланъ былъ безъ хозяина, и намъ того и на умъ не приходило, что всѣ претерѣнными нами бѣды и остановки были еще единими предшественниками другимъ и множайшимъ еще бѣдамъ.

Пообѣдавши и покормивъ лошадей, не стали мы уже долѣе у благопріятельствующихъ намъ хозяевъ медлить. Для уже оставалась меньшая половина, а надлежало намъ ѣхать еще болѣе двадцати верстъ, и переправляться чрезъ двѣ рѣки, одну у нихъ подъ селомъ, Лопасну, а другую—большую, Оку, на паромѣ, и поспѣвать неотмѣнно въ тотъ день къ себѣ въ деревню, ибо послѣдующій за тѣмъ назначенъ былъ уже для свадьбы. Итакъ, распрощавшись съ нашими хозяевами, сѣли мы себѣ въ карету и поѣхали.

Но что-жъ? не успѣли мы спуститься къ рѣкѣ подъ гору, какъ глядъ, прежде бывшаго тутъ и довольно спокойнаго моста какъ не бывало, а новой и большой только еще строили, и чрезъ него не только переѣхать было никакъ не можно, но и пѣшкомъ переходить по перекладамъ и по помощеннымъ доскамъ неинако какъ съ крайнею опасностію было можно. Увидѣвъ сіе, стали мы въ пень. «Какъ намъ быть?» спросилъ я у строителей моста. — «Другого не остается, сказали они намъ: какъ переѣзжать рѣку въ бродъ, вонъ тамъ, пониже моста.»—«Да видишь, братецъ (подхватилъ я), какая она широкая, быстрая и большая; конечно она наводнилась отъ бывшаго ненастья, и я ее никогда таковою не видывалъ.»—«Точно такъ! (сказалъ онъ), и дни съ два только, что она такъ разлилась.»—«Да небось, она и глубока теперь?»—«Да, есть тотъ грѣхъ, не мелка, и лошади выше пуза.»—«Ахъ, батюшки мои (воскликнулъ я), да какъ же намъ быть, и какъ ее переѣзжать? вода и въ карету заѣтется!»—Госпожи мои, услышавъ сіе, завопѣли еще больше моего отъ страха и испуга, и говорили, что онѣ ни изъ чего не поѣдутъ. Признаюсь, что и самому мнѣ не то-то что хотѣлось на то отважиться: воды я изъ

тари всегда и самъ боялся; итакъ, стали мы въ пень и не знали какъ быть и что дѣлать. Наконецъ говорю: «Ужь съѣзди ли намъ самимъ какъ-нибудь по перекладамъ и по доскамъ перебраться, карету пустую перевезь?» — «Это-де можно (сказали намъ строители), хоть и нехорошо и нѣсколько опасно. но мы-де ходимъ и переходимъ; но будетъ ли у васъ только смѣлости? А развѣ изволите нѣсколько погодить и дать намъ время положить еще нѣсколько досокъ?» — «Очень хорошо, братцы (сказалъ я); пожалуйста, потрудитесь». — А между тѣмъ велѣлъ въ каретѣ всѣ связки, ларчики и прочее снизу поднять повыше, чтобъ вода не могла подмочить оныя, и какъ скоро сіе сдѣлали, то велѣлъ я благословясь ѣхать. И тогда, смотря на нее, не было въ насъ истинно души: лошади наши чуть не ошмыли, и быстрота воды едва-было не опрокинула всей кареты, и была такъ глубока, что дѣйствительно въ нее нѣсколько зашло, и мы впрахъ бы перестрашались, еслибъ въ ней сидѣли. Но какъ бы то ни было, а ее перевезли.

«Ну, слава Богу! (сказалъ я перекрестясь), одну трудность преодолѣли; теперь вопросъ, какъ намъ переходить?» Госпожи мои, будучи обѣ величайшія трусихи, тряслись отъ страха и боязни, и я какъ ни старался ихъ ободрять, но ничто не помогало; но какъ нечего было дѣлать, а самая необходимость заставляла насъ переходить, то принуждены онѣ были вслѣдъ за мною по доскамъ и перекладамъ на сей опасной подвигъ съ крестами и молитвами пуститься. Но надобно-жъ было и тутъ случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ еще не одной, а двумъ, хотя и не важнымъ. Одинъ изъ людей моихъ, малой молодой, по имени Ефремъ, хотѣлъ подслужиться и поддерживать жену мою, пошедшую со страхомъ и трепетомъ по перекладамъ; но былъ какъ-то такъ неостороженъ, что осклизнулся и чебураха, яко прославился, въ рѣку похъ мость, и чуть-было не стащилъ съ собою и жену мою. Я обмеръ, испужался сіе увидѣвъ, а объ ней и говорить уже не-

чего: она поблѣднѣла, и я дивился, какъ она не упала въ обморокъ. Но надобно-жъ было и сей бѣдѣ кончиться ничѣмъ и безъ дальнихъ слѣдствій: оборвавшемуся и полетѣвшему внизъ слугѣ моему, по особливому счастью, удалось какъ-то, не долетѣвъ еще до воды, ухватиться обѣими руками за одну перекладину и на ней повиснуть, и плотники, бросившись, въ мигъ успѣли, схвата, встатьи его вверхъ и не допустить даже обмочиться.

Нельзя изобразить, какъ мы всѣмъ тѣмъ испуганы и вкупѣ въ тотъ же мигъ и обрадованы были. И мы тогда уже не объ немъ, а о его шляпѣ тужить и горевать начали, которая, свалившись съ него, упала въ воду, и ее понесла она быстротою своею внизъ по рѣкѣ. — «Ахъ! ахъ! закричали всѣ: шляпа! шляпа! унесетъ ее и она потонетъ!» — Однако не дунайте, чтобъ и сія бѣдушка кончилась худымъ; а надобно было на самую ту пору случиться мужику, стоявшему на берегу верхомъ на лошади и собиравшемуся только-что переѣзжать черезъ оную. И сей, не успѣвъ увидѣть плывущую шляпу, какъ приударивъ свою лошадь, пустился вслѣдъ за нею, и успѣлъ ее догнать, схватить, и благополучно съ нею на другой берегъ выѣхать, а между тѣмъ и насъ всѣхъ кое-какъ, хотя со страхомъ и трепетомъ, черезъ рѣку перевели. Итакъ, всѣ сіи бѣды кончились только тѣмъ, что намочила у насъ людская шляпа, и самъ хозяинъ ея перестрашался-было на смерть.

Переправившись симъ образомъ кое-какъ черезъ Лопасну и обрадуясь, что все кончилось хорошо, сѣли мы въ карету и поѣхали далѣе. Но какъ до Оки отъ сего мѣста было еще не близко, то мы прежде до оной доѣхали, какъ уже послѣ наступленіемъ самаго вечера. Тутъ чуть-было опять не стрелась съ нами бѣда, и бѣда всѣхъ прежнихъ больше. Маромишца, на которомъ намъ слѣдовало переѣзжать, случился самой негодной, небольшой, и съ обманчивымъ гладкимъ помостомъ на верку онаго. Самого его насилу-насилу мы докликались, ибо случился онъ быть за рѣкою на противномъ

берегѣ, и къ намъ не прежде его перевели, какъ заставивъ насъ съ цѣлой почти часъ его дожидаться. Но какъ по случаю прибылой тогда въ рѣкѣ многой воды надлежало спускаться каретѣ на него съ нарочито крутого берега, то кучеръ не могъ никакъ удержать оставленныхъ въ ней коренныхъ лошадей, и онѣ чуть-было, чуть не сводокли всей кареты съ помоста паромнаго въ рѣку; и я не знаю уже, какъ успѣлъ онъ повернуть ихъ въ сторону и удержать чрезъ-то и ихъ самихъ, и карету на помостѣ. Мы, стоячи на берегу, въ прахъ и отъ сего перепугались, и благодарили Бога, что избавилъ онъ насъ отъ бѣды, столь явной и великой и опасности очевидной.

Однако переправа сія не обошлась безъ причиненія намъ бѣдъ. Чрезъ рѣку-таки мы благополучно, хотя не безъ страха по случаю бывшаго тогда великаго волненія, переплыли; но какъ стали съ парома съѣзжать на берегъ, то надобно-жъ было оступиться одной лошади, при перераживаніи ихъ по затопленному почти совсѣмъ примостку, и оступившись зашибить такъ погу, что оттого она тотчасъ захромала. «Ахти, батюшки мои, свазалъ я, вотъ опять бѣда, и долго-ли этимъ бѣдамъ продолжаться, и когда онѣ кончатся?»

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, начали уже наступать почти сумерки, почему спѣшили мы продолжать свой путь, тѣмъ болѣе, что ѣхать намъ оставалось все еще болѣе двадцати верстъ. Насъ хотя и озабочивало то, что мы, по всему видимому, на дорогѣ обмеркнемъ, и болѣе отъ того, что для хромающей нашей лошади намъ слишкомъ скоро и ѣхать было никакъ не можно; однако, думая, что дорога намъ всѣмъ знакома и перезнакома, надѣялись добраться до дома благополучно. Однако-жъ и въ этомъ мнѣніи мы хорошо-хотько обманулись. Покуда было еще сколько-нибудь свѣтло, и продолжались сумерки, ѣхали мы все-таки порядочно; но какъ скоро сдѣлалось темно, то и сблизись мы какъ-то съ настоящей дороги, и заѣхали сами не знаемъ куда. Господи! какая

была намъ тогда новая досада, забота и горованье! Ночь случилась самая темная и ничего вдали было не видно, а всѣ только признавались, что ѣдемъ не тамъ, гдѣ надлежало. Что было дѣлать? принуждены были остановиться и разспрашивать людей отыскивать настоящую дорогу. Искали, искали, и насилу-насилу нашли какъ-то оную. Тогда пустились мы по оной съ множайшею уже осторожностію, и доѣхали наконецъ уже безъ дальней остановки до своего Дворянинарва.

Тутъ нашли мы всѣхъ людей уже спящихъ, и хоромы свои запертыми, ибо было уже очень поздно. Итакъ, ну-ка имъ людей отыскивать, ихъ будить, призывать вздувать огонь, отпирать хоромы, и въ нихъ все изъ кареты носить; для обогрѣнія же себя въ лустыхъ и холодныхъ комнатахъ, грѣть скорѣй чай и имъ отогрѣваться, а потомъ помышлять о ужинѣ. О семъ мы дальней заботы не имѣли, ибо какъ при отѣздѣ изъ Кіасовки запаслись мы и жаренымъ мясомъ и добрымъ круглымъ пирогомъ, то и думали, что мы сыты будемъ, а потому и не помышляли о томъ, чтобъ вѣхтъ что-нибудь себѣ скорѣй сварить на скорую руку. Но не смѣхъ-ли истинной! Вѣдь случилась же такъ, что и тутъ надобно было еще маленькой бѣдущечки страгнуса! Мы великъ подавать, но къ намъ не несутъ. «Да что вы тамъ сѣли?» — «Да не найдемъ-де жаренаго», говорятъ они намъ, отыскивая его вездѣ и вездѣ въ темной дѣвичей. — «Да куда же вы его дѣли?» — «Здѣсь-де, на лавкѣ поставили, но его-де и пирога пѣтъ, не знаемъ, не вѣдаемъ, куда дѣлся!» — «Дураки такіе-сякіе! да возьмите свѣчку!» Взяли свѣчку, и тогда нашли пирогъ на полу въ своей салфеткѣ, а жаркого нѣтъ: оное сгнбло и пропало. Но что же съ нимъ случилось! Людцы наши, ходючи взадъ и впередъ, позабыли затворять двери въ сѣни, а тутъ гдѣ ни возьмись дворная собака, вскочила въ дѣвичью, и обнюхавъ жареное, цапъ его царапъ, вытащила на дворъ, и тамъ, вмѣсто насъ, благополучно отправляла надъ нимъ свой ужинъ. «Ахъ дураки, дураки!

ивнули мы, о семъ узнавши, что это дѣлалъ!... Ну, подавайте хоть пи-
жму!» — «Но гляди, анъ и онъ весь
къ и развалился, таки тѣсто тѣ-
Людды наши позабыли о немъ и
нули его изъ-подъ лавочки въ ка-
при переѣздѣ чрезъ Лопасну, а отъ
шейся въ карету воды все блюдо
къ и наполнилось водою, и онъ до-
все мокъ, и размокъ такъ, что
тѣся было не можно. «Ахъ, батюш-
!» воскликнули мы: надобно-жъ было
у случиться! Да гдѣ у васъ, прокля-
былъ умъ и разумъ!...» кричали и
лись мы на своихъ лакеевъ. — «Ну,
мать, виноваты, судырь, намъ и не
шло, что онъ тамъ». — «Ну, что ты
шь теперь дѣлать, (сказалъ я по-
и что намъ ужинать? велѣтъ, развѣ
и сварить яицъ въ сметку, и кашу
ми?» — «Помилуй! закричали мои
цы, когда варить? уже полночь са-
— «Да какъ же намъ быть?» — «Ну,
мъ хотя начинки (сказали онѣ), да
къ корочекъ, не совсѣмъ еще раз-
ихъ». И такъ, ну-ка мы садиться за
и приниматься за свой размошій-
рогъ, и хоть не до сыта, а сколько-
наѣлись, и спѣшили потомъ скс-
пать ложиться. Но и тутъ долго
а намъ служба, случившаяся на ту
и мы насилу-насилу согрѣвшись кое-
уснули.

ь каковъ случился тогда съ нами
къ? Мы, вспоминая претерпѣнныя
въ теченіе его бѣды и напасти, и
къ и горевали. Однако не думайте,
съ онѣ еще кончилисъ. Въ послѣ-
мъ за симъ письмѣ найдете вы
не еще множайшихъ. А тепереш-
звольте мнѣ на семъ мѣстѣ кон-
и сказать вамъ, что я емь вашъ
ал.

«января 13-го дня 1809 года).

СВАДЬБА.

Письмо 183-е.

езный пріятель! Ну, теперь на-
мнѣ вамъ рассказать достальное о

нашей достопамятной ѣздѣ на свадьбу, и
вы готовьтесъ слушать еще многія бѣды
и напасти, но отличныя отъ преслѣдо-
вавшихъ тѣмъ, что всѣ сія имѣли свое
отношеніе не къ намъ, а уже къ прочимъ,
соучастующимъ въ семъ бракосочетаніи,
хотя и мы принуждены были брать въ
томъ нѣкоторое соучастіе.

День къ бракосочетанію сему назна-
ченъ былъ послѣдующій, и хотя случился
онъ въ самой праздникъ Покрова Бого-
родицы, но намъ не до того было, чтобъ
ѣхать поутру къ обѣднѣ, а мы ради были,
что сколько-нибудь обогрѣлись, и засну-
вши такъ поздно, проспали долго, и пре-
доставили одной нашей сосѣдкѣ молиться
за себя и за всѣхъ насъ Богу; а сами,
вставши и напившись досыта чаю, при-
нялись за домашнія коп-какія дѣла, осма-
триванія и распоряженія. Я бросился
опять за любезныя свои сады, обѣгалъ всѣ
оныя, пересмотрѣлъ все, и потазавъ за
многое кое-что своихъ садовниковъ, при-
казывалъ, что имъ въ достальное время
той осени въ нихъ сдѣлать. Между тѣмъ
является къ намъ человекъ отъ нашей со-
сѣдки съ униженнѣйшею просьбою, чтобъ
мы пожаловали къ нимъ кушать, и съ раз-
сказываніемъ намъ, что вчера Анна Ни-
колаевна всѣ глаза, въ ожиданіи на-
шего приѣзда, просмотрѣла, и находилась
въ превеликомъ горѣ, думая, что насъ
что-нибудь задержало и мы вовсе не бу-
демъ, и что самое сіе принудило ее, не
дождавшись насъ, отправить вчера въ
домъ къ жениху и все свое приданое,
по обыкновенію. «Очень хорошо! (сказали
мы) и къ чему бы насъ для сего и дож-
даться, дѣло сіе можно было и безъ насъ
сдѣлать. Скажи, братецъ, что мы будемъ.
По кто еще, кромѣ насъ, будетъ у Анны
Николаевны?» (спросили мы). — «Одной-де
только Катерины Андреевны Пестовой,
изволятъ боярыня дожидаться. Къ ней
третьяго дни посылали, и она изволила
общать приѣхать сегодня къ обѣду». —
«Хорошо это! но изъ мушницъ-то кто?» —
«Никого-де, кромѣ васъ; а не будетъ-ли
развѣ братецъ вашъ, Михайла Матвѣ-
евичъ; но и то Богъ знаетъ, что то

неоченьздоровъ». Сказавъ сіе слуга усмѣхнулся. — «Такъ, братецъ! (сказалъ я самъ, засмѣявшись) болѣзнь конечно пзвѣстная! Небось молодецъ подгуляхомъ! Ему воля тутъ безъ меня бражничать и колобродить!» — «Ну, что говорить (подхватилъ слуга): есть тотъ грѣхъ; да и другой-та братецъ, не лучше его: нѣтъ Божьяго дна, въ которой не былъ бы на веселѣ». — «Что ты говоришь, не вправду ли?» (спросилъ я). — «Ей-ей (сказалъ слуга), уже намъ всѣмъ съ-диву, и ажно жалко, что такой еще молодой человекъ, а вдался въ такую блажь и слабость; съ вругу почти, судырь, спился». — «Ахъ, Боже мой! (вздохнувъ, воскликнулъ я): какъ мнѣ этого жалъ; но, а Марья-то Петровна, что?» — «Эта уже напрямки отказать изволила, говоря, что она неодомаетъ». — «Ахъ, батюшки мои, ужъ не такою-же ли болѣзнию?» — «Да Богъ знаетъ, водятся и за нею такіе-же грѣшки». — «Ну, хороши же всѣ они ребята! (воскликнулъ я), собрались встать одинъ къ другому и масть къ масти. И, да что это они, чудесники, затѣяли! ахъ, шуты, шуты и негодяи! И, что это они безъ меня тутъ чудесають». Покачавъ головою, и внутренно объ нихъ сожалѣя, говорю я наконецъ: — «Ну, поди, братецъ! кланяйся Аннѣ Николаевнѣ и Маринѣ Аванасьевнѣ, и скажи, что мы тотчасъ будемъ». Я и въ самомъ дѣлѣ тотчасъ началъ одѣваться и велѣлъ запрягать карету.

Приѣхавши къ нимъ, нашли мы ихъ въ превеликихъ хлопотахъ и суетахъ. Онѣ встрѣтили насъ съ пренизкими поклонами и благодареніями за то, что мы ихъ одолжили своимъ приѣздомъ; и слышавъ обо всѣхъ случившихся съ нами незгодьяхъ, не находили довольно словъ къ изъявленію своего крайняго обо всемъ томъ сожалѣнія, но мы всему тому уже только смѣялись. Мы нашли у нихъ столъ, уже накрытой, но гостя ихъ еще не бывала. Мы спрашиваемъ объ ней; и онѣ тоже подтвердили, что намъ сказывалъ уже слуга, и говорили, что Катерина Андреевна, по любви своей къ нимъ, дала имъ вѣрное слово приѣхать и съ Марьею

Михайловною, дочерью своею, и по стараться, какъ можно, поспѣть къ обѣду, дабы можно было успѣть одѣть невѣсту благовременно. Далѣе сказывали онѣ намъ, что Марья Михайловна обѣщала привезти съ собою и всѣ свои брилліанты и наилучшее свое платье для убранія невѣсты. «На что-же этого лучше! (воскликнули мы) такъ подождемъ уже!»

Какъ сія госпожа Пестова была во всемъ нашемъ округѣ и околоткѣ дама умная и наипочтеннѣйшая, а и дочь ея дѣвушка свѣтская и разумная, то ради были мы всѣ тому, что онѣ приѣдутъ, и что будетъ кому невѣсту порядочно нарядить, и съ кѣмъ женѣ моей препроводить ее къ вѣнцу; да и тамъ въ домѣ жениховомъ (говорили мы), съ такою умною и почтенною дамою будетъ намъ неостыдно. «Какое-бы тамъ у нихъ ни было сборище (говорили мы), но Катерина Андреевна въ грязь лицомъ насъ вѣрно не кинетъ», почему съ удовольствіемъ и расположились ждать ея прибытія.

Между тѣмъ стали мы обстоятельнѣе спрашивать хозяекъ о томъ, кто и кто будетъ съ жениховой стороны, и какъ удивились, узнавъ, что у нихъ тамъ будетъ превеликое сборище, и что наѣхало къ нимъ изъ Москвы множество родныхъ и знакомыхъ. Ибо надобно знать, что всю свадьбу сію взялась сыграть у себя въ домѣ родная сестра женихова, бодренья бойкая и разумная, бывшая тогда за княземъ Петромъ Ивановичемъ Горчаковымъ, роднымъ братомъ прежняго Котовскаго владѣтеля, ближняго сосѣда и пріятеля моего, князя Павла Ивановича. И какъ они предъ недавнимъ до того временемъ деревню Котово купили себѣ у господина Темешова, то и расположились свадьбу сію сыграть въ помянутой, намъ сосѣдственной и въ виду у насъ находящейся деревнѣ, и въ тутошнемъ старинномъ еще домѣ. И какъ деревня сія была отъ насъ близимъ-близехонько, то были мы тѣмъ и довольны, хотя большая съѣхавшаяся къ нимъ московская родня и наводила намъ собою нѣкоторую заботу.

пѣли мы у сосѣдокъ нашихъ, какъ поглядимъ катить къ нимъ съ обыкновеннымъ утреннимъ визитомъ, въ модной каретѣ, съ ою упряжью и лошадьми, и съ богато одѣтыми. Тутъ впервые видѣли. Былъ онъ г. Басаргинъ, Иковъ Ивановичъ, человѣкъ одой, холостой, и съ виду дозрядной; и мы ознакомились и идовались съ нимъ тотчасъ, и гъ намъ такъ показался, что мы козяйку за ея выборъ, и желали зреннаго сердца всякаго благо- и лучшаго счастья въ своемъ за- б, нежели какое она до того на унимала жениха у себя обѣ- онъ отговорился отъ того обѣ- приѣхать къ своимъ роднымъ; у были и ради. Итакъ, посидѣвъ сколько минутъ, онъ и поѣхалъ взявъ обѣщаніе, что мы въ су- вѣдемъ къ нашей церкви.

двѣши его, стали мы то и дѣло въ на ворота, и смотрѣтъ, не наша Катерина Андреевна. етъ дѣлой часть, а ее не видать ч. «Господи, думаемъ мы, уже како-ли ее что-нибудь? пора-бы уже быть! Милно не такъ да- объ не можно было ей послѣтъ, глго она ни бжала». Поговоривъ потолка, располагаемся опять ю проходить еще полчаса, про- дѣлой уже часть, но ее нѣтъ и . Нетерпѣливость наша увели- съ каждою минутою. Мы посы- е людей за дворъ, на поле и на . отсюда далеко можно видѣтъ . Приказываемъ смотрѣтъ и дать вѣстие, какъ увидать.... но нѣтъ никакого слуха! Сіе начало насъ ючивать и тревожить. «Батюшки римъ мы), ужъ будетъ-ли она?»— быть! (отвѣчаетъ хозяйка). Нель- статься! она вѣдаетъ, что я е съ приданнымъ все мое платье, и одѣться будетъ не во что!»— рошо! воскликнули мы, сіе слы- жимъ поразившись. Но ну, если

она въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ-нибудь да не будетъ, какъ тогда-то быть?» — «Я уже истинно не знаю (сказала хозяйка); но ка- жется не быть ей никакъ не можно. Ежели-бъ что помѣшало, то вѣрно бы при- слала сказать, и прислала хоть бы платье». — «То такъ (отвѣчали мы), это мы уже и сами думаемъ. Боарыня она умная, и не сдѣлаетъ того, чтобъ оставить безъ всякаго извѣстія. Но со всѣмъ тѣмъ, чтожъ за диковинка, что она не ѣдетъ?» — «Ужъ не вздумала-ли она (сказала хо- зяйка), отслушать напередъ обѣдню, вы знаете, что она боярыня богомольная, а сегодня такой большой праздникъ. И это можетъ быть ее и задержало!» — «Ну, это вѣрно такъ (воскликнулъ я), и хоть къ бабушкѣ не ходи, это обѣдня всему ви- новата! Но въ такомъ случаѣ хоть бы право и не до обѣдни! можно-бъ и въ другое время досыта намолиться».

Поговоривъ и погадавъ о семъ, приня- лись мы опять ждать съ неописаннымъ и мучительнымъ нетерпѣніемъ. Истинно про- смотрѣли мы всѣ глаза свои, и каждая ми- нута казалась намъ десятью минутами. И насилу-насилу наконецъ увидѣли мы свою Катерину Андреевну. Но въ ка- комъ же положеніи?... идущею самъ-другъ, съ дочерью своею пѣшкомъ, и несущею ларчикъ свой подъ мышкою. Нельзя изоб- разить, какъ поразились мы симъ зрѣли- щемъ! Мы выбѣжали безъ памяти на крыльцо, и увидѣвъ ее всю замаранную грязью, и отъ усталости едва переводя- щую духъ, ей закричали: «Ахъ, матушка, Катерина Андреевна, что это такое съ вами случилось?» — «Чего, батюшка! (пре- рывая отъ усталости голосъ, сказала она), такая бѣда! изломайся подъ каретою ко- лесо, и такъ хорошо, что ни съ мѣста. И легко-ли, батюшка! версты съ три при- нуждены мы были съ дочерью брести по грязи пѣшкомъ.... Задыхаюсь даже отъ усталости!... Пустите, ради Бога, скорѣе отдохнуть!...»

Остолбенѣли мы, сіе услышавъ, и изъ- являя сожалѣніе свое о томъ, не успѣли ее ввести въ комнаты, какъ она и ры- нулась на короватъ отъ изнеможенія. «Ахъ,

Боже мой (воскликнулъ я, всплеснувъ руками), не сущее-ли несчастіе, и не бѣды-ли по бѣдамъ! Что это такое, и какъ бытъ? Но смущеніе наше всѣхъ вообще еще больше увеличилось, какъ услышали, что брилліанты хотя были принесены съ собою, по платью все, и ихъ, и назначенное для невѣсты, въ каретѣ, а сія осталась еще версты за три, стоящая на мѣстѣ и на чистомъ полѣ! «Батюшки мои! (закричалъ я), людей, людей! Скорѣе пошлите ихъ туда, отыскивайте скорѣе толстой рочагъ и веревки, и подвязавъ, притащите ее какъ-нибудь. А между тѣмъ не пошлите-ли дрожки для привоза дѣвушки и связокъ платья?» — «Хорошо, хорошо, батюшка!» закричали всѣ наши боярыни въ голоса. Итакъ, ну-ка мы скорѣй снаряжать дрожки, и приказывать скакать скорѣе, и посылать людей съ рочагомъ и веревками къ оной; а между тѣмъ звать Катерину Андреевну за столъ. Но сія только и твердила: «нѣтъ силъ, батюшки мои! и дайте отдохнуть. Кушайте себѣ, а я поѣмъ послѣ; мнѣ нѣдѣтъ и па умъ теперь ѣда». Но намъ какъ можно было ее оставить? Принуждены были и мы еще немного погодить, и потомъ наслу-наслу ее уговорили вытти къ столу.

Покуда мы обѣдали и всячески ее угощать старались, привезли къ намъ и ея дѣвушку со всѣмъ платьемъ, а вскорѣ за сѣмъ притащили и карету. Подъ сію велили мы тотчасъ отыскивать вездѣ, и у хозяйки и у меня въ сараяхъ, колеса, и по особливому счастью нашли одно, годившееся точь въ точь по оси, и обрадовались, что сіе горе съ нашихъ плечъ свалилось. Но того и не помышляли, что предстояло намъ новое горе и новая забота, смутившая насъ до крайности. Едва мы отобѣдали, какъ начало уже смеркаться, и намъ необходимо надобно было приниматься за убораніе и одѣваніе невѣсты, и послѣшать тѣмъ возможнымъ образомъ. Но какимъ поразились мы изумленіемъ, какъ вдругъ наша Катерина Андреевна на отрѣзъ намъ сказала, что она никакъ не въ силахъ съ нами ѣхать, и

не поѣдетъ, а чтобы мы ѣхали одни съ невѣстою. Боже мой, какъ перетревожились тѣмъ и невѣста, и мать ея, и жена моя. Всѣ приступили къ ней съ предкорѣйшими просьбами; но она стала въ томъ, чтобы не ѣхать, и ни на какія просьбы не соглашалась. Мы такъ и сляк, мы ее уговаривать, мы упрашивать, но не тутъ-то было, и ничто не помогало. Заупрямилась, да и только всего! Что было дѣлать? Невѣста въ слезы, мать ея кланяется ей почти въ ноги, жена моя говорить, что безъ нея и она не поѣдетъ, а я, съ моей стороны, употребляю все, что только могъ находить къ ея убѣжденію. Долго сіе продолжалось, и наслу-наслу, и по долговременномъ убѣжденію, и всеобщими поклонами уговорили мы ее, и она дала слово.

И тогда ну мы всѣ спѣшить и сами одѣваться, и невѣсту убирать, и карету готовить, и все приготавливать. Тутъ подѣхалъ къ намъ и Михайла Матвѣевичъ, но сему мы были и ради и нѣтъ. У молодца былъ уже лобъ изрядно накаченъ, но какъ не отсылать же было его назадъ, то принуждены мы были брать и его уже съ собою. Между тѣмъ какъ все сіе происходило, наступили не только сумерки, но и ночь совершенная, и къ умноженію досады нашей, по случившейся тогда пасмурной погодѣ, самая темная, ненастная и холодная. Мы еще и въ половину невѣсты не одѣли, какъ глядимъ, скачетъ къ намъ гонецъ изъ церкви съ вопрошаніемъ, скоро-ли мы будемъ, и съ увѣдомленіемъ, что женихъ съ поѣздомъ своимъ давно уже въ церкви, и насъ дожидается. «Тотчасъ, тотчасъ будемъ», говоримъ мы ему въ отвѣтъ, и отправляемъ назадъ, а сами усугубляемъ старанія свои о скорѣйшемъ снаряженіи невѣсты.

Наконецъ, кое-какъ убравшись и снарядившись, поѣхали мы съ невѣстою къ церкви. Тамъ нашли мы весь жениховъ поѣздъ и его самого, иззябнувшихъ отъ стужи и холоднаго вѣтра. Обѣ барышни наши также прискакали вслѣдъ за нами смотрѣть невидальщины свадьбы, и не менѣе ихъ иззябли. Но какъ бы то ни

было, но бракосочетаніе совершилось благополучно, и мы, пообрекомендовавшись, по обыкновенію, отпустили напередъ жениха, а сами на нѣсколько минутъ остались. И что-жъ случилось тогда еще? Путь былъ хотя недалній, но какъ темнота была превеликая, факеловъ же ни съ женихомъ, ни съ нами не случилось, а надобно было переѣзжать еще вершину съ рѣчкою Язовскою почти подъ дворомъ, то и завезли жениха нашего куда-то въ ровъ, и карету его порядочно съ нимъ опрокинули. Бѣднякъ испужался въ прахъ, но по счастью ничѣмъ не зашибся, а выдирался изъ ней, замарался только грязью; и какъ карету не могли скоро опять поднять, то ну-ка онъ молотъ по грязи пѣшкомъ домой, и пробираться скорѣе сквозь садъ, чтобы успѣть до приѣзда нашего переодѣться, и надѣть другіе чулки вмѣсто испачканныхъ совсѣмъ грязью.

Мы всего того не знали и не вѣдали, и услышавъ о томъ на дорогѣ, согрѣшили, и разсѣявшись сказали: «Ну, не однимъ же намъ терпѣть бѣды и напасти. Надобно же и имъ сколько-нибудь имѣть въ томъ соучастіе: мы не грѣшныя, а они не праведны!». Говоря снѣмъ образомъ и удивляясь соединенію толь многихъ бѣдъ, доѣхали мы съ своею невѣстою порядочно и безъ всякаго помѣшательства и остановки до дома женихова.

Оной нашли мы великолѣпно освѣщенной и наполненной множествомъ господъ и госпожъ. Насъ приняли, по обыкновенію, и тотчасъ повели сажать за столъ, убранной пышнымъ образомъ и по-княжески. Меня, какъ отца посаженнаго, посадили, по обыкновенію, подлѣ жениха, а госпожу Пестову подлѣ невѣсты, а подлѣ меня друга и товарища моего, раскиснуваго почти совсѣмъ, Михаила Матвѣевича. Сего молодца сколько дорогою я ни упрашивалъ, чтобы онъ какъ можно меньше говорилъ; но статоешное-ли дѣло, чтобы послушаться; но тутъ-то и валеріиче проявляется. Молодецъ забылъ всѣ мои просьбы и увѣщанія, и занесъ тотчасъ околесную, и ну врать, хохотать, и смѣяться, самъ не зная чему. Я его

ногою толкъ; я еще разъ, но онъ и не помышляетъ переставать. Стыдъ моей головушкѣ, и горе превеликое! Но по счастью особенной случай и происшествіе внезапное и всего меньше всѣми ожидаемое отвратило скоро всѣхъ вниманіе отъ сего чудотворца, и перепугавъ всѣхъ, заставило о немъ думать.

Догадало нашего жениха достать гдѣ-то пушки и установить ихъ для стрѣльбы подъ самыми окнами зала. Мы о томъ вовсе не слыхали и ничего не вѣдали, и потому едва только изъ нихъ при пилѣ здоровья женихова начали стрѣлять, какъ многіе, не знавшіе того, захвали и повскакали отъ испуга. Жена моя, боявшаяся всегда стрѣльбы, была первая изъ оныхъ, а не менѣе испужался и самъ мой братецъ, хотя и служилъ въ артиллеріи офицеромъ. Обстоятельство сіе произвело смѣхъ въ нѣкоторыхъ особахъ; но смѣхъ сей скоро превратился во всеобщее сожалѣніе: ибо не успѣли разъ и пяти выстрѣлить, какъ вдругъ нѣчто подъ окномъ съ превеликимъ гуломъ вспыхнуло и такъ освѣтило всю залу, что всѣ поискакали съ мѣстъ своихъ; и какъ непосредственно за снѣмъ произошелъ превеликой шумъ, кричанье и оханье подъ окнами, то поразилъсь всѣ неописаннымъ изумленіемъ, и многіе закричали: «Что такое? что такое?» и послали спрашивать. И тогда, къ общему всѣхъ прискорбію, узнали мы, что изъ зарижавшихъ пушки неискусныхъ людей, державъ одинъ въ рукахъ мѣшокъ съ пятью фунтами пороха, и былъ такъ неостороженъ, что стоялъ такъ близко и въ такомъ положеніи отъ одной пушки, что сверкнувшая искра отъ пальбы попала ему въ мѣшокъ, и зажгла весь порохъ въ ономъ, и сей бѣдняка сего всего опалилъ и повергъ на землю. Сіе въ прахъ всѣхъ стрѣлковъ перепугало, ибо всѣ думали, что его убило, а отъ сего и произошелъ помянутой крикъ и шумъ.

Нельзя изобразить какъ перетревожилась тѣмъ вся паша компанія, и какос началось у всѣхъ тогда судаченье и сожалѣніе объ артиллеристѣ неискусномъ

Позабыты были всё и церемоніалы. Многие, повскакавъ съ мѣсть своихъ, бросились иные на дворъ и къ пушкамъ, а иные къ окнамъ смотрѣть мимоумерщвленнаго. Но, по счастью, оказался онъ живъ, а только опаленъ какъ чурка, и кровь лилась съ лица и со всей головы его. Ну-ка мы тогда думать и гадать, чѣмъ бѣдняку сему помогать, и, по счастью, вспомнилось мнѣ, что въ такихъ случаяхъ всего пригоднѣе бобовая или гороховая мука. Итакъ, тотчасъ велѣли одной изъ гороха въ жерновахъ намолотъ, и всего его мукою сею усыпать. А сіе и дѣйствительно такъ чудесно помогло, что онъ въ немногіе дни послѣ того, какъ я послѣ узналъ, совершенно отъ ранъ своихъ исцѣлился.

Между тѣмъ легко можно заключить, что случай сей принудилъ тогда перестать стрѣлять изъ пушекъ. И мы насилу-насилу успѣли опять по своимъ мѣстамъ, и начали продолжать обыкновенную свадебную церемонію, а окончивъ столъ, поѣвши сластей и конфетовъ, напившись кофею, и распрощавшись съ новобрачными, отправились въ свою деревню. Но путь до ней каковъ ни былъ коротокъ, и съ какою осторожностію мы ни ѣхали, и тащились почти съ шагу на шагъ, но не могли и тутъ доѣхать по добру по здорову, а надлежало и тутъ еще случиться съ нами бѣдѣ, и бѣдѣ всѣхъ прочихъ чувствительнѣйшей, но за то и самой уже послѣдней. При выѣздѣ изъ Котова надобно намъ было переѣзжать чрезъ высокой и прескверной мостъ, чрезъ устье рѣчки Язовки сдѣланной. Наша карета переѣхала-таки благополучно, но подъ каретою госпожи Пестовой какимъ-то образомъ проступилась въ прорѣху одна лошадь, и ну бится. Она смаяла-было всѣхъ лошадей, и стащила самую карету подъ мостъ, но спасибо кое-какъ сію удержали. Но бѣдная лошадь такъ себя надсадила и измучилась, что на другой день отъ того, къ великому прискорбію г-жи Пестовой, околѣла. Но мы ради были, что не сидѣли сами въ каретахъ, но вышли изъ нихъ не

въѣзжая еще на мостъ, и перешли оной пѣшкомъ, а то и сами мы на смерть перепугались бы.

Симъ кончились всё наши бѣды и напасти, ибо въ день бывшего на утрѣ княжова пира, на которой мы уже всё съ боярышнями нашими ѣздили, не случилось ничего особеннаго, и мы кончили сей свадебной пиръ довольно весело и благополучно, а въ послѣдующій день, повпдавшись съ обоями братьями, и погнавъ ихъ хорошенько за ихъ невоздержанность, и пожалѣвъ искренно о менѣшомъ, найденномъ уже въ великой разстройкѣ здоровья, поѣхали мы въ свой обратной путь; и нашедъ у господина Шурерина колесо свое, за-ново починенное и исправленное, и въ благодарность за то у него переночевавши, благополучно на другой день возвратились въ Кіасовку, и не могли долгое время надвинуться совокупленію толь многихъ несчастныхъ происшествій, случившихся съ нами въ ѣзду сію; и свадьба сія весьма памятна намъ еще и понинѣ.

Дни черезъ два по возвращеніи нашемъ, насталъ и 38-й годъ моей жизни. Я проводилъ оной первой день, по обыкновенію своему, тихомолкомъ, и праздуя оной духовно; а ко дню именинъ моихъ приѣзжали къ намъ и наши молодые съ обыкновеннымъ свадебнымъ визитомъ, и чрезъ то сдѣлали намъ сей день пріятнѣйшимъ, въ которой посѣтили насъ и нѣкоторые изъ сосѣдей тамошнихъ.

Въ достальное время тогдашней осени не произошло у насъ ничего особеннаго и замѣчана достойнаго, кромѣ того, что я занимался отыскиваніемъ во всѣхъ восточныхъ дачахъ бѣлаго, годнаго для тески камня, и принужденъ былъ для сего объѣздить всѣ деревни, и обшарить, такъ сказать, всѣ поля и вершины въ оныхъ; но на всѣ мои старанія и труды несмотря, не могъ никакъ нигдѣ отыскать оныхъ.

Еще памятно мнѣ, что въ сію осень заѣзжали ко мнѣ многіе изъ прежнихъ, и не только изъ знакомыхъ, но и совсѣмъ незнакомыхъ людей, и отчасти для какихъ-нибудь надобностей, а отчасти для

двѣдѣ только мѣся, и я имѣлъ случай познакомиться чрезъ то со многими со-
сѣдѣми мнѣ до того незнакомыми людьми.
Въ особенности же памятно мнѣ, что од-
нажды имѣлъ я удовольствіе при проѣздѣ
чрезъ наше село видѣть монаха прежнихъ
отоварищей въ ученіи, дѣтей генерала
Маслова, съ которыми учился я вмѣстѣ
французскому языку въ Петербургѣ, у
нихъ въ домѣ. Оба они тогда уже такъ
перемѣнились, что и узнать ихъ было не
можно. Я, услышавъ, что они останави-
лись ночевать въ селѣ, нарочно къ нимъ
ходить. Но обращеніе ихъ показалось
мнѣ столь холоднымъ и спѣсивымъ, что
я жалѣлъ о предпріятіи трудѣ, и по-
сидѣвъ немного у нихъ, пошелъ, и пе-
ресталъ объ нихъ и думать.

Далѣе достопамятно, что мы въ сію
осень основали тутъ хлѣбной магазинъ,
по примѣру богородскаго, чрезъ сборъ
съ крестьянъ по небольшому количеству
съ тагла.

Въ мѣсяцъ ноябрѣ, имѣлъ я опять удо-
вольствіе получить изъ Петербурга, отъ
господина Нартова, дружеское и прият-
ное письмо съ приложеніемъ XXVII-й
части Трудовъ Общества. Въ сей части
напечатано было продолженіе сочиненія
моего о хлѣбодствѣ со всѣми прило-
женными къ нему моими рисунками, ко-
торыми я наиболѣе всѣхъ и взбудора-
жилъ, и заставилъ обратить вниманіе свое
къ сей части сельскаго домоводства. И
господинъ Нартовъ увѣдомлялъ меня,
что пьеса сія принята весьма благосклон-
но, и называя меня любезнымъ патри-
отомъ говорилъ: «Не преставайте далѣе
упражняться и сообщать намъ свои по-
хвальные опыты. Они вамъ дѣлаютъ
честь, и славу отечеству нашему». Та-
ковая похвала, признаюсь, была мнѣ не
только не протѣвнана, но щекотала мое че-
столюбіе.

Далѣе замѣчанія достойно, что около
сего времени получили мы первое извѣстіе
о томъ великомъ переворотѣ во всемъ
нашемъ отечествѣ, которой произведенъ
чрезъ реформу всего нашего внутрен-
няго гражданскаго правительствѣ, и из-

данное новое учрежденіе о намѣстниче-
ствахъ и всего прочаго. Эпоха сія была,
по всей справедливости, самая достопа-
мятная во всей новѣйшей исторіи нашего
отечества, и послѣдствіями своими про-
извела во всемъ великія перемѣны. Мы
читали все сіе учрежденіе съ особливымъ
вниманіемъ и готовились заблаговремен-
но уже ко всѣмъ перемѣнамъ, должен-
ствующимъ произтечь отъ сего важнаго
преобразованія.

Вскорѣ за снѣмъ и при наступленіи пер-
выхъ зимнихъ мѣсяцевъ, не столько по-
встревоженъ, сколько удивленъ я былъ
однимъ, всего меньше мною ожидаемымъ
извѣстіемъ. Узналъ я, не помню уже чрезъ
кого и по какому случаю, что богородиц-
кой управитель, извѣстный господинъ
Опухтинъ, уже отставленъ, а на мѣсто
его, обѣщанное княземъ столь свято мнѣ,
опредѣленъ не я, а нѣкакой князь Га-
гаринъ, по имени Иванъ Ивановичъ,
служившій до того ассесоромъ или тогдаш-
нимъ воеводскимъ товарищемъ въ Тулѣ.
Сперва удивило меня сіе извѣстіе, и я
не хотѣлъ-было тому и вѣрять; но какъ
оказалось оно достовѣрнымъ, то, при-
знаюсь, нѣсколько и подосадовалъ на
князя, и самъ себѣ говорю: «Эхъ! стари-
чокъ, не сдержалъ своего честнаго сло-
ва!... не ожидалъ-было я сего отъ тебя».
Но досада моя продолжалась очень не-
долго, но какъ скоро узналъ я, что по-
мянутой князь Гагаринъ былъ ему какой-
то недалній родственникъ, то сказалъ:
«И! рубашка къ тѣлу ближе кафтана! И
можно-ль мнѣ и требовать того, чтобъ я
предпочтенъ былъ его кровному.» Мах-
нулъ рукою и пересталъ о томъ и думать
а болѣе потому, что я, обжившій въ
Кіясовкѣ, былъ и симъ мѣстомъ совер-
шенно доволенъ, и не имѣлъ ни малѣй-
шей причины ни на что жаловаться. Жа-
лованье получалъ я довольное, люди всѣ
сдѣлались знакомы, трудовъ было хотя
сначала довольно, но я успѣлъ уже боль-
шую часть изъ нихъ преодолѣть, сосѣди
меня всѣ полюбили, жить намъ было не
скучно, недостатка мы ни въ чемъ не тер-
пѣли; а что всего лучше, то отъ дома

своего были очень близко, и могли всегда въ оной ѣздить, когда хотѣли, и пребывать тамъ сколько желалось. Итакъ, перепесть я съ довольнымъ хладнокровіемъ сей неожиданной со мною случай, и охотно извинялъ князя въ его поступкѣ; а особливо заключая, что безъ сомнѣнія убѣдили его къ тому какія-нибудь важныя причины; ибо по извѣстной мнѣ добротѣ его сердца, никакъ не ожидалъ я отъ него, чтобъ онъ могъ учинить такое несообразное съ его честнымъ характеромъ дѣло попросту; что послѣ дѣйствительно и оказалось. И вотъ что, какъ я послѣ узналъ, произвело сію перемѣну.

Помянутой князь Гагаринъ, бывшій, какъ выше упомянуто, въ Тулѣ воеводскимъ товарищемъ, былъ человекъ не изъ далекихъ и не такой, которой бы извѣстенъ былъ по огмѣнной честности своего характера, но подверженной обыкновеннымъ слабостямъ человѣческимъ, и между прочимъ зависти и корыстолюбію. Мѣсто опухтинское давно уже кололо ему глаза. И какъ молва повсюду носилась, что онъ весьма много нажился и получилъ въ короткое время нѣсколько чиновъ, то все сіе производило въ немъ нѣкоторую зависть и желаніе увеличить свой достатокъ, несмотря что имѣлъ онъ и безъ того довольно, побуждало его давно вождѣлѣть сего, по мнѣнію его, столь прибыточнаго и выгоднаго мѣста, и домогаться всячески онаго. Но вредить, въ какомъ находился Опухтинъ у старика-князя, полагалъ ему въ томъ непреоборимое препятствіе. Но какъ скоро прежде-упомянутымъ образомъ г-нъ Опухтинъ вздумалъ-было проситься у князя въ отставку, и потомъ упросилъ его дозволить ему остаться еще на нѣсколько времени; то съ одной стороны сіе, а съ другой — обнародованіе манифеста о учрежденіи намѣстничествъ, угрожавшее его неминуемо потеряніемъ своего ассесорскаго мѣста, побудило его искать всѣхъ возможныхъ средствъ къ согнанію Опухтина съ его мѣста, и къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его на

мѣсто онаго въ Богородицкую волость управителемъ.

Итакъ, при помощи одного своего знакомаго изъ тутошнихъ тульскихъ небогатыхъ дворянъ, но сущаго прощелца и не только умнаго, но бойкаго, хитраго, лукаваго и пронырливаго человекъ, которой былъ къ нему какъ-то вхожъ и отмѣнно имъ любимъ, и приступилъ онъ къ употребленію всякихъ происковъ и хитростей, съ одной стороны къ согнанію Опухтина съ мѣста, а съ другой — къ убѣжденію старика-князя къ опредѣленію его въ Богородицкѣ на мѣсто онаго. Обои́мъ имъ былъ какимъ-то образомъ знакомъ и очень друженъ любимѣйшій сынъ старика-князя, извѣстный князь Сергѣй Сергѣевичъ. И какъ имъ извѣстно было, что могъ онъ многое сдѣлать изъ старика, а особливо при вспоможеніи старухи-княгини, его матери, то и пошли они симъ каналомъ, и преклонивъ молодого князя и старушку на свою сторону, приступили тотчасъ во всѣмъ хитростямъ и коварствамъ къ доведенію Опухтина до того, что онъ не дождавшись истеченія испрошеннаго имъ двухлѣтнаго срока, расположился итти въ отставку. Богу одному уже извѣстно, какія и какія употребили они къ тому средства, и чѣмъ какимъ принудили Опухтина почти насильно и противъ хотѣнія проситься въ отставку. Не успѣли они черезъ лазутчиковъ своихъ узнать, что Опухтинъ дѣйствительно намѣреніе сіе принялъ; какъ и бросились въ Москву, и настроили молодого князя и княгиню въ свою пользу, и умѣли симъ дѣломъ такъ хорошо схитрить и спроворить, что въ самой почти тотъ пунктъ времени, какъ получена просьба отъ Опухтина, явился тутъ и молодой князь, и оба они съ матерью насѣли съ такимъ усиліемъ на старика-князя, что сколько онъ сначала ни упорствовалъ и никакъ не хотѣлъ опредѣлить въ Богородицкѣ не коротко ему знакомаго, и всѣхъ желающихъ имъ способностей немнѣваго князя Ивана Ивановича, и сколько онъ ни отговаривался, но какъ говорится въ послови-

дѣ, что ночная кукушка перекукуетъ денюгу, то не могъ и онъ никакъ отвязаться отъ неуступныхъ просьбъ и любимаго сына, и жены своей старушки, и припущенъ былъ противъ хотѣнія своего на ихъ желаніе согласиться и Опухтина уволить, а на его мѣсто опредѣлить князя Гагарина. Но сіе было уже и послѣднее дѣяніе старушки-княгини, ибо она въ тотъ же годъ уже и умерла, и оставила князя доживать свой вѣкъ съ дѣтьми своими.

Итакъ, вотъ какимъ образомъ и почему досталось богородицкое управительское мѣсто князю Ивану Ивановичу. Сей молодецъ, не имѣя ни достоинствъ такихъ, какія имѣлъ Опухтинъ, ни свойствъ его, былъ совсѣмъ не по сему мѣсту, и вмѣсто того, чтобы править волостью на такой же ногѣ, на какой было правленіе господина Опухтина, онъ удержалъ только то изъ его поступокъ, что льстило его корыстолюбію, а въ прочемъ сообщася вмѣстѣ съ помянутымъ прошцеюмъ, другомъ своимъ, и началъ волостью управлять совсѣмъ не на такихъ честныхъ правлахъ, на какихъ управлялъ до того Опухтинъ, и не столько помышлялъ о исправномъ наблюденіи многотрудной по тогдашнимъ обстоятельствамъ своей должности, какъ старался единственно о набиваніи своихъ кармановъ и объ отысканіи къ тому всѣхъ удобовозможныхъ способовъ.

Въ отправленіи сего толь многимъ людямъ свойственнаго и для всѣхъ бездѣльниковъ легкаго, а только однимъ честнымъ людямъ труднаго и мудрепаго ремесла, имѣлъ онъ у себя двухъ помощниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ помянутой его, или паче княгини, жены его, задушевной другъ, господинъ Верещагинъ, по имени Петръ Алексѣевичъ. Сей чудной и можно сказать, по уму, способностямъ и всему характеру своему прямо удивительной молодой человекъ былъ и совѣтникомъ его, и наставникомъ, и помощникомъ, и всѣмъ и всѣмъ. Чтобъ имѣть его всегда при себѣ, и пользоваться его умомъ и всѣмъ проворствомъ, онъ не преминулъ тотчасъ и тѣмъ же каналомъ доставить ему бо-

бриковское управительское мѣсто, съ опредѣленіемъ ему достаточнаго жалованья и содержанія; почему онъ тотчасъ и перевезъ все свое семейство, состоящее въ матери, трехъ сестрахъ и въ братѣ, въ село Бобринки, и занялъ весь тамошній домикъ, стѣсни даже и самого архитектора, а самъ жилъ почти безвыѣздно въ Богородицкѣ у князя въ домѣ, и скоро простака-князя довелъ до того, что онъ во всемъ плясалъ по его дудѣ, и ничего не дѣлалъ и не предпринималъ безъ его совѣта и наставленія.

Другимъ помощникомъ былъ ему во всемъ, а особливо въ выдумываніяхъ всякихъ средствъ къ обогащенію, одинъ изъ тамошнихъ старинныхъ подьячихъ, по имени Иванъ же Ивановичъ, а прозвищемъ Варсобинъ. Сей отправлялъ тогда при немъ секретарскую должность, но не столько былъ свѣдуецъ по дѣламъ и способенъ къ отправленію приказныхъ дѣлъ, сколько хитръ, замысловатъ и искусенъ въ томъ же прекрасномъ ремеслѣ, которое было у всѣхъ ихъ главнымъ предметомъ.

Итакъ, при помощи и въ совокупленіи съ сими двумя помощниками и друзьями, и началъ онъ тотчасъ поворачивать всю волость съ бока на бокъ, сосать изъ ней и медъ и млеко для утучненія своего и безъ того дебелаго тѣла. А таковая перемѣна и неприминула сдѣлаться всѣмъ тамошнимъ крестьянамъ чувствительною, и какъ послѣ я узналъ, дошла какимъ-то образомъ маніемъ до свѣдѣнія и до самого старика-князя.

Всего того я тогда не вѣдалъ, а будучи, какъ упомянуто, своимъ мѣстомъ доволенъ, скоро пересталъ о Богородицкѣ и думать. Почему и не давалъ князю никогда и вида не только какого-нибудь на него неудовольствія, но даже и того, что я о помянутой перемѣнѣ богородицкаго управителя и знаю.

Симъ окончился текущій тогда 1775-й годъ, съ оқончаніемъ котораго окончу я и сіе письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Января 14-го дня 1809 года).

1776-й годъ.

Письмо 184-е.

Любезный пріятель! Приступая теперь къ описанію происшествій, случившихся со мною въ теченіе 1776 года, и также по многимъ отношеніямъ весьма достопамятнаго въ жизни моей періода времени, начну тѣмъ, что и самое начало онаго ознаменовалось особливимъ происшествіемъ, доставившимъ мнѣ совсѣмъ неожиданное и пріятное удовольствіе. Не успѣлъ онъ начаться, какъ получаю я отъ князя, моего командира, претолстой пакетъ съ письмами. Распечатавъ, нахожу въ немъ нѣкоторые къ себѣ ордера, относящіеся до волостныхъ дѣлъ и обстоятельствъ, и копію съ доклада, дѣланнаго княземъ о разныхъ предметахъ государынѣ, и съ своеручными отмітками на всѣ его вопрошенія императрицы. Легко можно заключить, что бумага сія была для меня всѣхъ прочихъ любопытнѣе, и я не успѣлъ ее увидѣть, какъ, не читая ордеровъ, началъ прежде всего читать оную; но какимъ внезапнымъ и пріятнымъ удовольствіемъ поразился я, читая одинъ пунктъ, касающійся собственно до меня. Князь, расхваливъ меня, просилъ у государыни дозволенія о прибавкѣ мнѣ жалованья, сверхъ получаемыхъ мною 400 еще двухъ-сотъ рублей; дабы я по достоинствамъ моимъ получалъ оное наравнѣ съ управителемъ богородицкимъ; а государыня противъ сего пункта написала ему только слѣдующее слово: «Это зависитъ отъ воли вашей».—«Ба! ба! ба! воскликнулъ я, сіе увидѣвъ, и натурально обрадуясь тому чрезвычайно: и не думано было о томъ и не помышляемо! Ай, князь! (продолжалъ я): Ну спасибо! ей-ей, спасибо!... Хотя я и не устоялъ въ своемъ словѣ, но по крайней мѣрѣ позолотилъ мнѣ ту пилюлю, которую молча проглотить я былъ долженъ! Теперь помирилъ ты меня совершенно съ собою! Слава, слава Богу! на что сего лучше? Мѣстомъ своимъ я и безъ того былъ доволенъ, а теперь, по-

лучая такое жалованье, какое получаетъ и богородицкой управитель, и того еще довольнѣе».

Сказавъ сіе, и подхвата докладъ и ордеръ княжой о самой сей прибавкѣ жалованья, побѣжалъ я тогожъ момента къ своимъ хозяйкамъ для сообщенія имъ сей радости. Легко можно заключить, что бумаги сіи, которыя заставилъ я ихъ самихъ читать, произвели и въ нихъ такое же удовольствіе, какъ и во мнѣ. Онѣ крестились только отъ радости, благодаря Бога, и благословляли князя за его ко мнѣ любовь и попеченіе.

Удольствіе мое отъ сего было тѣмъ для меня чувствительнѣе и больше, что я всего меньше отомъ помышлялъ, и нимало о томъ князя не просилъ и того не добивался; а сдѣлалъ онъ сіе самъ собою, и какъ думать надобно совѣстясь, что онъ меня педержаніемъ своего слова нѣкоторымъ образомъ обидѣлъ. Но я тысячу разъ ему сіе прощаю, и былъ симъ поступкомъ его чрезвычайно доволенъ.

Итакъ, сей случай сдѣлался новымъ способомъ и источникомъ къ увеличенію маленькаго моего капиталца, которой и безъ того отъ благоразумной моей бережливости парочито уже поувеличился. Ибо привыкнувъ всегда, по пословицѣ говоря: ножки протягивать по одежкѣ, былъ я весьма удаленъ отъ того, чтобъ по приумножившимся отъ жалованья моимъ доходамъ умножить и свои расходы по примѣру прочихъ, но за полезнѣйшее пожелъ остаться при прежнихъ своихъ умѣренныхъ расходахъ, а всѣ излишки не только сберегать впредь на непредвидимыя нужды, но и умножать оныя сколько было можно правильными и законными средствами. А послѣдую сему правилу не только полученную въ подарокъ себѣ сумму отъ впагини и Салтыкова отнюдь не истратилъ на ненужныя бездѣлки, но за умѣренныя и законныя проценты роздалъ всю вмѣстѣ съ избытками, оставшимися отъ расходовъ, малпнскимъ волостнымъ торгующимъ всякою всячиною мужикамъ, чрезъ что въ протекшіе полтора года пребыванія моего въ Кіасовкѣ

уже знатно и безъ мала вдвое и такъ увеличилась, что я, при обыкновенномъ моемъ при началѣ каждаго года счетѣ, самъ тому удивился и благодарилъ Господа за сіе сниспосланное мнѣ ко мнѣ благословеніе.

Не успѣло послѣ сего нѣсколько дней пройти, и я сколько-нибудь духомъ успокоился, какъ ни думано, ни гадаю получилъ я изъ Москвы опять претолстой накетъ, произведшій во мнѣ повое и такое для меня удовольствіе, которое ничѣмъ было не меньше перваго, хотя дѣло и не составляло такой важности. Присланъ онъ былъ ко мнѣ отъ новаго знающаго моего, господина Гиппиуса, нѣмецъ, и содержалъ въ себѣ экземпляръ вышедшей только изъ печати первой части моей «Дѣтской Философіи». Боже мой! какъ обрадованъ былъ я, увидѣвъ въ первой разъ свое моральное сочиненіе напечатанное! Не могу и понятию забыть, какъ прыгалъ я тогда, какъ маленькой рабеновъ отъ радости, и съ какимъ неописаннымъ удовольствіемъ оное разсматривалъ. При всѣхъ несовершенствахъ и погрѣшностяхъ типографическихъ, съ какими сочиненіе сіе было тогда напечатано, казалось оно мнѣ и Богъ знаетъ какимъ хорошииъ, и я не могъ довольно на него посмотрѣться и имѣ налюбоваться. Всѣ домашніа мои, которымъ я также книгу свою сѣпшилъ показывать, должны были брать въ радости моей соучастіе, хотя имъ и не произвела она такого удовольствія какъ прежній случай.

Господинъ Гиппиусъ увѣдомлялъ меня, что и всѣ прочіе сто экземпляровъ, которые я по условію долженъ былъ получить изъ типографіи за трудъ мой, также готовы, и чтобъ я приѣзжалъ для полученія оныхъ самъ, или присылалъ кого съ надлежащею довѣренностію. А самое сіе и побудило меня поспѣшить въ Москву своимъ отъѣздомъ, куда я и безъ того хотѣлъ на короткое время съѣздить, какъ для принесенія князю моей благодарности, такъ и для отобранія отъ него нѣкоторыхъ повелѣній и

разрѣшеній по дѣламъ, до волости относящимся.

Итакъ, не долго думая, собравшись и полетѣлъ я въ Москву налегкѣ, и оставившись въ домѣ у пріятелиа моего, господина Полонскаго, явился къ князю и изъавилъ ему достожджную мою благодарность. Князю было сіе весьма пріятно, но онъ болѣе еще доволенъ былъ тѣмъ, что не упоминалъ я ни однимъ словомъ о богородицкой переѣмѣ, а показывалъ видъ, будто я совсѣмъ о томъ и не знаю ничего, хотя прошло уже нѣсколько послѣ того мѣсяцевъ; самому же ему натурально не было резону о томъ мнѣ сказывать. А все сіе и произвело то, что сдѣлался онъ ко мнѣ еще благопріятнѣе прежняго, и не могъ со мною о нашихъ волостныхъ дѣлахъ довольно наговориться.

Что касается до друга моего, господина Полонскаго, то я нашелъ его въ неожиданной разстройкѣ и совсѣмъ въ другомъ положеніи. Какимъ-то образомъ поспорился онъ съ своею женою, и они разошлись врознь, и я крайне сожалѣлъ о сей ихъ размолвкѣ, которая къ несчастію продолжалась потомъ на весь ихъ вѣкъ, ибо жена его вскорѣ послѣ того кончила и жизнь свою, и онъ остался дожидать свой вѣкъ вдовцомъ, и совсѣмъ уже не такъ хорошо, какъ жывалъ онъ прежде.

Съ господиномъ Гиппиусомъ не преминулъ я натурально видѣться, и при посредствѣ его имѣлъ удовольствіе получить всѣ свои сто экземпляровъ моей книги, съ которыми тогда не зналъ, что и дѣлать. Но удовольствіе мое увеличилось еще несказанно, когда услышалъ я, что книга моя имѣла счастье полюбиться публикѣ, и что многіе желаютъ продолженія оной, почему и совѣтовалъ онъ мнѣ о приуготовленіи и второй части сей книги, къ чему я, по возвращеніи моемъ изъ Москвы, тотчасъ и приступилъ, и началъ ее переписывать.

Какъ мнѣ въ Москвѣ никакихъ пмыхъ нуждъ не было, то въ сей разъ и недолго въ ней пробылъ, но переговоривши обо

всемъ нужномъ съ княземъ, и поѣхалъ я обратно въ свое мѣсто. А не успѣлъ возвратиться, какъ обрадованы мы были опять приѣздомъ къ намъ нашихъ кашинскихъ родныхъ, которыя прогостили у насъ и въ сей разъ педѣли двѣ, и доставили намъ сообществомъ своимъ много минутъ пріятныхъ.

По отъѣздѣ ихъ все тогдашней зимы достальное время провели мы въ обыкновенныхъ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ довольно весело. Половодъ въ сей годъ случилась подъ день самой Пасхи, и я встревоженъ былъ ею въ самое то время, когда стояли мы у завтрени. Прибѣжали ко мнѣ сказать, что прорывается водою мой новозапруженной прудъ, которымъ я такъ много любовался. Я ахнулъ ажъ сіе услышавъ, и прогнавши отъ самой завтрени туда народъ, поскакалъ и самъ безъ памяти къ нему-жъ; но скоро успокоился, увидѣвъ, что портился водою только конецъ самага водовода или отвода, и опасности дальней никакой не было.

Вскорѣ послѣ того случилась со мною та непріятность, что занемогъ и самъ я лихорадкою, и довольно жестокою; но по счастью продолжалась она недолго. Но при помощи лекаря и окуриванія себя жоржевнымъ ремнемъ, и бородавками съ ногъ лошадиныхъ, благополучно я отъ нея свободился.

Все наступившее потомъ вешнее время провели мы довольно весело. Я занимался отчасти дѣлами по должности, отчасти обыкновенными литературными упражненіями, а отчасти садами и цвѣтниками своими. Первыхъ дѣлъ было уже несравненно меньше противъ прежняго, почему и могъ я употреблять множайшее время для своихъ упражненій, чтд для меня было и пріятнѣе всего. А нельзя сказать, чтобъ и сады тамошніе меня слишкомъ занимали. Не было какъ-то къ тому никакого дальнаго побужденія. Плакъ къ будущему строенію былъ хотя ко мнѣ и прислалъ, и матеріаловъ приготовлено довольно много, но охота къ строенію сему у князя какъ-то охладѣла, и онъ,

заѣзжая ко мнѣ сію весну на самое короткое время и почти мимоѣздомъ, говорилъ со мною о семъ строеніи такимъ тономъ, что я легко могъ усмотрѣть, что откладывалось оно въ дальній ящикъ, чему признаюсь былъ и радъ нѣсколько; ибо безчисленныя, сопряженныя съ нимъ хлопоты меня гораздо устрашали, а потому не находилъ я никакой побудительной причины прилѣпиться слишкомъ и къ тамошнимъ простымъ и ничего вначущимъ садамъ, равно какъ предчувствуя, что трудъ мой въ разсужденіи ихъ будетъ совсѣмъ тщетной.

Князь въ сей разъ былъ у меня одинъ, безъ дѣтей, и пробылъ только одинъ сутки, и осмотрѣвъ все и по обыкновенію своему одобрявъ, поѣхалъ отъ меня въ Богородицкѣ. И достопамятнаго было только во время сего приѣзда то, что при случаѣ ловленія въ прудѣ пошрежнему рыбы, застигла насъ въ роцѣ страшная гроза и проливной дождь, отъ котораго насилу мы успѣли добѣжать до двора, и убраться въ хоромы, а впрочемъ было все хорошо и ладно.

По отъѣздѣ князя восхотѣлось мнѣ, со всѣмъ своимъ семействомъ, сѣзидить въ свою деревню. До того ѣзжали мы обыкновенно на самое короткое время, а въ сей разъ хотѣлось мнѣ пробыть тамъ поболѣе, и нѣсколько дней сряду. Побуждала меня къ тому наиболѣе сады мои; я жалѣлъ объ нихъ, вида ихъ безъ себя часть отъ часу сиротѣющими, и мнѣ хотѣлось сколько-нибудь поддержать огнемъ. Чтобъ мнѣ не такъ было случно, то подговорилъ я съ собою ѣхать туда и моего лекаря, которой и помогъ дѣйствительно мнѣ проводить всѣ дни тогдашняго пребыванія моего въ деревнѣ съ множайшею пріятностію. Въ сей приѣздъ вздумалось мнѣ внизу подъ горою бывшую тутъ небольшую калдобину съ водою разрыть и превратить въ порядочную четырехугольную сажелку, послужившею потомъ первымъ основаніемъ всѣмъ моимъ водянымъ украшеніямъ въ сей подгорной части моего нижняго сада. Самой земляной холмъ, украшающій такъ много весь сей низокъ, съ

воздвигнутымъ на немъ круглымъ палльончикомъ, насыпанъ былъ въ сей са- мой разъ изъ земли, вынимаемой тогда изъ сей маленькой, но послѣ уже гораздо разширенной и въ озеро превращенной сажелки. И мы не одинъ разъ присутствовали съ лекаремъ при сей работѣ: онъ съ своею трубкою, а я съ книгою въ рукахъ, и занимались пріятными разговорами. Ему вся моя усадьба и сады чрезвычайно полюбилися, и онъ не могъ довольно расхвалить оныя.

Все послѣдующее за симъ лѣто провели мы хорошо и съ удовольствіемъ. Въ половинѣ онаго кончился уже и другой годъ пребыванія моего въ Кіасовкѣ, и мы не видали почти какъ протекло сіе время. Жить намъ тутъ такъ было хорошо, что чѣмъ долѣе мы тутъ жили, тѣмъ болѣе находили въ тамошнемъ своемъ пребываніи пріятностей и удовольствій. Весьма много помогала къ тому пріязнь и дружество къ намъ всѣхъ тамошнихъ сосѣдей. Всѣ они сдѣлались намъ власно какъ родные и не было никого изъ нихъ, которой бы не любилъ насъ искренно, и чтобъ которому и мы тѣмъ же не соответствовали; а особливо дѣмъ поманутой госпожи генеральши Олицовой былъ намъ отиѣнно благопріятенъ. Она прищипала насъ и обходилась съ нами какъ бы съ кровными своими родными, и мы были ею очень довольны. Весьма дружны были мы также съ домою Кологривова, Николая Ивановича и его семействомъ; а меньшая дочь господина Бѣлева, по имени Алепа Федоровна, жила почти безвыѣздно у насъ, и сдѣлалась власно какъ принадлежащею къ нашему семейству, такъ полюбили ее всѣ мои домашнія.

Одно только печальное происшествіе, случившееся въ теченіе сего лѣта, насъ нѣсколько огорчило. Лишились мы нашего умнаго и учеваго священника Никиты, помогавшаго мнѣ такъ много проводить время свое съ пріятностію. Возгнала его въ гробъ злая чехотка, нажитая имъ отъ проклятой и пагубной страсти къ вину, къ чему онъ сдѣлалъ еще съ

молоду и живучи въ Коломиѣ привычку, и отъ которой не могъ никакъ отстать и во время пребыванія своего въ Кіасовкѣ. Я сколько ни старался его отъ оной отвратить, но всѣ старанія мои были безуспѣшны, и злая чехотка поразила его и столь сильно и скоропостижно, что не помогали ему никакія лекарства, лекаремъ нашимъ къ тому употребляемыя. А что особливаго замѣчанія было достойно, то бохѣзнь сія пристала отъ него и къ жепѣ его, женщиѣ молодой и весьма доброй и прекрасной. И оба они вдругъ начали какъ воскъ таять, и не можно было безъ жалости смотрѣть на нихъ. Ибо въ одинъ день, и будучи на ногахъ, кончили свою жизнь, такъ что мы ихъ въ одинъ день и въ одной могилѣ похоронили. Оба они были столь любленія достойны, что мы и понынѣ не можемъ вспомнить объ нихъ безъ сожалѣнія.

Впрочемъ, какъ ни занимался я въ теченіе сего лѣта разными до хозяйства относящимися опытами и дѣламъ, и сколько ни дѣятеденъ былъ въ семъ отношеніи, но не оставлялъ никакъ и литературныхъ своихъ и любопытныхъ упражненій; но, по прежнему своему обыкновенію, посвящалъ имъ всѣ свободные часы своего времени, и сколько помнится мнѣ, то въ самое сіе лѣтнее время окончили я перепискою вторую часть своей «Дѣтской философіи», и отправилъ оную въ Москву къ господину Гиппиусу для отданія въ печать. Далѣе трудился я въ описываніи съ природы всѣхъ врачебныхъ травъ, сдѣлавшихся мнѣ до того времени извѣстными. Къ симъ описаніямъ ихъ примѣтъ приобщалъ я и все то, что находилъ въ книгахъ упоминаемаго о врачебныхъ качествахъ каждаго произрастенія, и все то, что самому мнѣ о томъ изъ опытности узнать случилось. И племянникъ тамошняго прикащика, Иванъ Михайловъ, бывшій у меня въ канцеляріи писцомъ, и писавшій довольно хорошо, долженъ былъ переписывать все сочиняемое мною набѣло. И толстая тетрадь, составившаяся изъ сихъ описаній, и понынѣ хранится у меня, какъ нѣкакимъ памят-

никомъ тогдашняго моего упражненія. Кромѣ сего, какъ онъ, такъ и самой мой канцеляристъ трудились надъ переписываніемъ набѣло перевода моего «Китайской Исторіи». А не гуляли у меня и кисти съ красками. Сими успѣлъ я столь много раскрасить разныхъ эстамповъ и картинъ, что въ состояніи былъ убраться ими почти сплошь всю мою гостиную. И какъ всѣ картины установлены были въ узоръ, то всѣ приѣзжающіе къ намъ не могли довольно налюбоваться.

Въ сихъ разнообразныхъ и непрерывныхъ занятіяхъ и не видалъ я какъ протекло все лѣто, и настала осень. Сія повстрѣчала меня удовольствіемъ, произведенномъ во мнѣ полученіемъ опять толстаго пакета изъ Экономическаго Общества при письмѣ отъ Нартова. Сей милой и любезной человѣкъ, любившій меня такъ много заочно, и не зная хотя лично, жаловался что онъ давно не имѣеть обо мнѣ никакого извѣстія, и увѣдомляя меня, что посылаетъ ко мнѣ XXVIII-ю часть «Трудовъ» Общества, въ которой и послѣдняя часть сочиненія моего о хмѣлеводствѣ напечатана, просилъ меня, чтобъ я увѣдомилъ его о себѣ. Сіе я тотчасъ послѣ сего и учинилъ, и отправляя письмо мое, приобщилъ къ оному сочиненіе мое о пересадкѣ деревь.

Вскорѣ послѣ сего востребовала надобность побывать мнѣ въ Москвѣ, какъ для нѣкоторыхъ собственныхъ своихъ нуждъ, такъ и для переговоровъ съ возвратившимся изъ Богородицка княземъ, о дѣлахъ до волости относящихся. Князь приѣзду моему былъ очень радъ, и не успѣлъ меня увидѣть, какъ сказалъ мнѣ, что я приѣхалъ къ нему очень кстати, что наутрѣ отправляется онъ въ ближнюю свою подмосковную деревеньку, и какъ ему давно хотѣлось свозить меня туда, и показать мнѣ свой скотъ, то располагаетъ теперь взять меня туда съ собою, а кстати оттуда свозить и въ Никольское, къ своему князю Сергію Сергѣевичу, и показать мнѣ оное и всѣ тамошнія заведенія. «Очень хорошо! сказалъ я: ежели вашему сіятельству угодно, то я готовъ ѣхать»,

хотя въ самомъ дѣлѣ мнѣ и не весьма хотѣлось въ такую даль и по пустякамъ забиваться. Но какъ отговориться было нечѣмъ, ибо нуждъ никакихъ важныхъ не было, то и припужденъ былъ дать на то свое соглашеніе.

Итакъ, недумано-негадано, я наутрѣ же, по исправленіи своихъ небольшихъ нуждъ, въ путь сей съ княземъ послѣ обѣда и отправился. Былъ я тогда не одинъ съ нимъ, а сотовариществовалъ намъ его внукъ, г. Калычевъ, и одинъ ихъ родственникъ, князь Голицынъ, человѣкъ не старой и довольно изрядной и веселой. Итакъ, ѣхать намъ было не скучно. Какъ при выѣздѣ изъ Москвы надлежало намъ ѣхать чрезъ самое то поле, гдѣ за годъ до того было славное Ходынское торжество, то не могъ я довольно надивиться, не видя на всемъ ономъ ни малѣйшихъ уже знаковъ и самыхъ слѣдовъ бывшихъ тутъ толь многихъ прекрасныхъ зданій, ибо всѣ онѣ были уже сломаны и развезены въ мѣста другія, и поле было чистымъ-чистехонько. «Боже мой! подумалъ я тогда, вотъ такъ-то время погубляетъ и самыя пышныя столицы и города многонародныя! Сколько ихъ изъ бывшихъ и славящихся въ древности погибло такъ, что по примѣру сему и слѣдовъ ихъ нынѣ нѣтъ, и признаковъ, гдѣ они были, даже не видно».

Какъ подмосковная княжая была мѣнѣ двадцати верстъ отъ Москвы, то мы туда скоро и задолго еще до вечера приѣхали. Она была самая маленькая, и состояла изъ одного почти большого и порядочно выстроеннаго скотскаго двора съ овощнымъ огородомъ, и маленькимъ ничего незначащимъ домикомъ для приѣзда. Но князю была она мила и любезна. Онъ обводилъ меня по всѣмъ мѣстамъ, и показывалъ все, а особливо свою прекрасную аглицкую и голанскую рогатую скотину, которою не могъ онъ довольно налюбоваться. Да и было въ самомъ дѣлѣ на что поглядѣть при пригнаніи ихъ съ полевого корма: всѣ мы, сядучи съ княземъ на крыльцѣ, долго ея любовались. Но удо-

віе наше вдругъ прервано было зенною и поразительною неожиданною. Превеликому голанскому бычичи-мшему тутъ же между коровами слылось что-то подурить и понеугочать; и какъ скотнику хотѣлось сколько отъ того поунать, то вдругъ двиншись, онъ ну сего бѣдняка ныни своими рожницами брухать, хватя его рогами подъ задницу, и шваркнулъ. Мы обмерли, испесь, сіе увидя, а особливо услышавъ страшной вошь и стонъ, отъ израго скотника. Всѣ не знали что тогда, и какъ загнать быка сего въ его, ибо всѣ боялись и близко къ не-дойти, и насилу-насилу кое-какъ и его на дворъ, а потомъ и въ его и заперли. И какъ оказалось, что и скотникъ былъ отъ него смер-равенъ и изуродованъ, то все сіе а-князя такъ на быка сего озло-что онъ, несмотря на всю дорожную каковой онъ ему стоилъ, рѣшился, самого его за сіе убить, и неот-того въ тотъ же часъ требовалъ, съдѣлался вопросъ: какъ сіе и сдѣлать и пуститься на сію отвагу? кто не имѣлъ духу къ сему раз-пѣвшему величію и приблизиться. и принуждены были составить для бщій совѣтъ, и всякой предлагать свои мысли. Наконецъ услышавъ, въ прочее время бываетъ сми-и очень ручентъ, а притомъ любить по ѣсть соленой хлѣбъ, опредѣлили, кому-нибудь приманить его съ над-ломтемъ соленого хлѣба къ око-; находящемуся въ его отдѣлѣ, и какъ онъ, разлакомившись хлѣбомъ, зетъ опять къ окошку свою голову; истрѣлать ему въ самой лобъ пзъ (пулею; которую комиссію и взялъ іа самъ княжой внукъ, и дѣло сіе велъ нанудачиѣншимъ образомъ. ѣ образомъ удовольствіе наше пре-но было симъ случаемъ въ огорче-крайнее сожалѣніе о бѣднякѣ скот-которому хотя и старались мы всѣ ; возможнѣйшую помощь, но онъ

изуродованъ былъ такъ много и рана, произведенная рогомъ быка въ самое опасное мѣсто между ногъ, была такая страшная, что не было никакой надежды къ излеченію оной, и бѣднякъ сей дѣйствительно отъ того на другой же день умеръ, о чемъ услышавъ подумалъ я самъ себѣ: «И, хорошо право, что мы небогаты, и что намъ не отъ чего причудничать, и искать утѣхъ себѣ отъ такого дорогого и опасного скота».

Переночевавъ въ семь подмызочкѣ, поѣхали мы поутру далѣе, поспѣвая поспѣвъ обѣдать въ деревню помянутого спутника нашего, князя Голицына, которой наиболѣе затѣмъ съ нами и поѣхалъ, чтобъ зазвать старика-князя къ себѣ на перепутье и угостить его у себя въ домѣ. И какъ намъ, ѣдучи туда по большой воскресенской дорогѣ, надлежало ѣхать мимо самаго сего славнаго монастыря, называемаго ипакъ Новымъ Іерусалимомъ, то имѣлъ я удовольствіе оной видѣть, но, къ крайнему сожалѣнію моему, только мимоѣздомъ и спаружил, ибо князю не разсудилось въ оной заѣзжать и выходить для сего изъ кареты и терять на то время, а имѣ-было очень хотѣлось побывать внутри онаго и взглянуть на всѣ тамошнія достопамятности.

Домикъ племянника его, князя Голицына, былъ также небольшой и деревянной, но угощеніе самое доброе. Всѣ мы, сколько насъ въ свитѣ княжой ни было, были онимъ, а особливо ласкою и благопріятствомъ хозяина очень довольны. Онъ послѣ обѣда проводилъ насъ и до самаго славнаго села Никольскаго, гдѣ князь Сергій Сергѣичъ отца своего уже дождался. Подѣвжая къ опому, и ѣдучи подлѣ большого озера, прилегающаго къ той горѣ, на которой построенъ былъ у молодого князя сего каменной домъ, не могъ я положеніемъ и красотою всѣхъ окружающихъ оное озеро мѣсть довольно палюбоваться. Они въ самомъ дѣлѣ были прекрасны, но каменной домъ княжой былъ только-что построенной, и не сонсѣмъ еще внутри отдѣланной, и потому не составлялъ дальней важности, а

того хуже было поведеніе и обращеніе съ нами самого хозяина. Онъ занимался только разговорами съ отцемъ, а насъ всѣхъ, въ томъ числѣ и меня, не удостоивалъ ни малѣйшаго своего вниманія и ни единымъ почти словомъ, а не только чтобъ какого-либо привѣтствія и ласки. Я не зналъ тогда чему сіе приписывать, и относилъ сіе насчетъ глупой его княжеской снѣсп и высокомѣрія безпредѣльнаго, и потому, презирая его и самъ въ мысляхъ, немного то уважалъ, а доволенъ былъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что старинный князь, примѣтивъ можетъ быть сіе, всачески старался вознаграить то своею къ намъ ласкою и благопріятствомъ, и шуточными съ нами кой-когда разговорами. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я обходилъ всѣ мѣста и окрестности сего новозаводимаго селенія, и по охотѣ своей полюбовался красотами положенія мѣстъ тамошнихъ. И я тѣмъ охотнѣе на сіе согласился, что мнѣ пріятнѣе было разгуливать по мѣстамъ, нимало еще необработаннымъ, одному и въ уединеніи, и заниматься разными мыслями, чѣмъ смотреть на неспособную снѣсь, глупое высокомѣріе и неуваженіе всѣхъ насъ хозяина. И я радъ-радъ былъ, что прогостили мы тутъ недолго, но препроводивъ одни только сутки, опять въ Москву съ старикомъ поѣхали, куда пріѣхавъ и переговоривъ обо всемъ, что было нужно, князь и не сталъ меня держать долѣе, а отпустилъ назадъ въ свое мѣсто.

Симъ образомъ, сломавши непредвидѣнное путешествіе и возвратясь въ Кіасовку, не успѣлъ я дожидаться окончанія жатвы, какъ и приступилъ къ большой и важной работѣ, занявшей меня во всю тогдашнюю осень. Состояла она еще въ сдѣланіи одного большого труда. Прежде сдѣланной мною прудъ князю такъ понравился, что возжелалось ему, чтобъ потрудился я и сдѣлалъ еще одинъ трудъ подлѣ самаго села между помянутымъ новымъ и стариннымъ прудомъ, и расположилъ бы оной такъ, чтобъ по плотинѣ онаго лежала самая большая, чрезъ село идущая, коширская дорога, гдѣ для стока воды

срубилъ бы я порядочной спускъ и сдѣлалъ чрезъ него хорошей мостъ. Мѣсто самое было хотя не совсѣмъ къ тому удобно, но какъ князю отнѣнно того хотѣлось, и онъ охотно соглашался пожертвовать нужною къ произведенію сей работы наймомъ суммою, то, несмотря на всѣ затрудненія, и обѣщавъ я ему употребить къ тому всевозможныя свои старанія. Итакъ, не успѣлъ настать сентябрь мѣсяцъ, какъ и принялся за конку сего пруда и за насыпаніе вынимаемой землею широкой и высокой плотины, и за срубку большого спуска. Рубленіе сего спуска было для меня еще первоученкою, но по счастію тотъ же приверженной ко мнѣ сибирякъ-солдатъ, знающій сіе дѣло, помогалъ мнѣ въ томъ очень много, а не мнѣнѣе какъ и въ распоряженіи работъ при копаниіи самаго пруда.

Итакъ, сию работою занимался я во весь сентябрь и октябрь и первую часть ноября мѣсяца, и было для меня трудовъ и хлопотъ довольно. Между тѣмъ въ октябрь минулъ и 38-й и начался 39-й годъ моей жизни, котораго начало праздновалъ я по прежнему обыкновенію: къ самому же дню моихъ именинъ пріѣхала къ намъ изъ Кашина и старшая изъ племянницъ моихъ, сколько для свиданія съ нами, а того болѣе для взятія отъ меня съ собою своего брата, поелику мальчикъ сей уже столько выросъ, что подлежало помышлять о записаніи его куда-нибудь въ службу; въ чемъ брались вспомоствовать имъ тамошніе ихъ друзья и родственники. Итакъ, чрезъ сей случай лишился я одного изъ своихъ воспитанниковъ и учениковъ, и жалѣлъ что по тупости разума моего племянника не могъ я нивакъ столько ему помочь, сколько-бы мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ продолжали мы жить въ Кіасовкѣ, спокойно, весело, во всякомъ изобиліи и такъ хорошо, что препроводивъ уже тутъ два года и 4 мѣсяца такъ обжились и ко всему привыкли, что не тосковали уже нимало объ отлучкѣ отъ своего дома, и были жребіемъ своимъ такъ довольны, что не желали нивакъ

), а благодарили всегда Бога за еніе намъ столь выгоднаго и хомѣста. Какъ вдругъ посреди заюего помянутыми трудами пораяеня новая и такая неожиданность, о я всею меньше предвидѣлъ и і въ одинъ мигъ все мысли въ моеи, такъ сказать, перебурлила, ихъ отвлекши отъ прудовыхъ рааправила на другой новой и пеино важнѣйшій предметъ.

днѣ изъ послѣднихъ дней мѣсяца і, въ самое время когда находилси рудовой работѣ, и спѣша окаяоную, суетился о размѣриваніи лныхъ саженой для конки работъ, вдругъ предстаетъ предъ меня яной изъ Москвы отъ князя соа: подаетъ мнѣ запечатанной оръ князя. «Объ чемъ бы такомъ? ь я самъ себѣ—и еще съ нароч-

И любознательствуя знать спѣшилъ ъ же мѣстѣ, распечатать, прочесть кагу. Но представьте себѣ, какимъ аяннымъ удивленіемъ долженъ былъ яться, когда въ немногихъ содерся въ ней строкахъ увидѣлъ такую аемость, какой я не воображалъ и въ умѣ, ни въ разумѣ. Князь въ жкъ словахъ писалъ ко мнѣ, что юлучилъ онъ извѣстіе, что богороі управитель умеръ, то онъ опреъ на мѣсто его меня, и чтобы я лся немедленно туда отправляться, вилъ бы все тутюшныя дѣла къ господину Шестакову, которой иень мнѣ преемникомъ, и вскорѣ ъ прибыть имѣеть, а между тѣмъ лъ бы я ему инструкцію съ обстоымъ наставленіемъ, что ему тутъ, и наблюдать, и приѣхавъ бы самъ ну въ Москву для принятія поа.

! ба! ба! — воскликнулъ я все сіе гавши. Господи помилуй!... аяня, і съ нами крестная сила! что это ю дѣлается и творится? думальождалъ-ли сего?» А потомъ, переисъ нѣсколько разъ, позабылъ и прудъ

и все, и побѣжалъ къ себѣ въ домъ сообщать домашнимъ своимъ сію новость.

Во время сего шествія туда чувствовалъ я, что вся кровь во мнѣ волновалась, а въ головѣ толпились тысячу разныхъ мыслей, и перепутывались между собою. Нельзя того сказать, чтобы не обрадовался я сей неожиданной перемѣнѣ: сколько я къ Кіасовкѣ уже ни привыкъ, и какъ мѣсто сіе для меня ни хорошо было, но богородицкое было несравненно выгодиѣе, честиѣе, славиѣе и во всемъ преимущественнѣе здѣшняго. Итакъ, сердце мое обливалось тогда нѣкоторымъ родомъ неизъяснимаго удовольствія, и я нѣсколько разъ повторялъ только: «Ахъ! Боже мой! сколь неисповѣдны судьбы и чудны дѣла твои!... Можно-ль было кому-нибудь изъ смертныхъ думать и ожидать, чтобы жизнь князя Гагарина, добивавшагося съ такимъ усиліемъ богородицкаго управительства, и наконецъ добившагося, могла такъ скоро кончиться, и чтобы мѣсто сіе для меня и столь скоро и такимъ неожиданнымъ образомъ опростаться.—Ахъ (продолжалъ я вздохнувъ и возведя взоръ свой къ небу)—не явное-ли это дѣйствіе святаго твоего Промысла, Великій Боже! и не новой-ли опытъ милости твоей ко мнѣ и попеченія обо мнѣ недостойномъ. Не явное что, какъ твоя десница призвела меня изъ дома, привлекла сюда и влечетъ теперь въ другое, какъ теперь видно, давно уже тобою мнѣ предназначенное мѣсто!... Ахъ! воля твоя и да будетъ святая! а я не знаю только, какъ и чѣмъ возблагодарить мнѣ тебя за сіе, а предавался всегда, предаюсь и теперь во всемъ въ твою волю святую».

Симъ и подобнымъ сему образомъ самъ съ собою говоря, добѣжалъ я до своего дома, и нашедъ обѣихъ хозяекъ своихъ занимающихся своими дѣлами и женскими упражненіями, съ веселымъ и спокойнымъ видомъ имъ сказалъ: «Какъ бы вы думали, сударины, обо мнѣ, и чѣмъ бы вы меня почитали?» Обѣ онѣ удивились такому странному вопросу, и глядѣли мнѣ только въ глаза.—«Нѣтъ, право, скажите мнѣ (продолжалъ я), чѣмъ бы вы меня почи-

тали? вѣдь бесомнѣнно управителемъ Кіясовскимъ!»—«Конечно (сказали онѣ); да чѣмъ же иначе и что за вопросъ?»—«Ну такъ знайте-жъ (подхватилъ я), что вы въ мнѣніи своемъ ошибаетесь, и что моя милость уже не есть управитель Кіясовской». Поразились онѣ сямъ словомъ, и обѣ воскликнули: «Да что-жъ такое?»—«А вотъ что: я управитель, но не Кіясовской, а... какъ бы вы думали... Богородицкой!!!»—«Что ты говоришь! (воскликнули онѣ удивившись); не въ правду ли?»—«Ей-ей! и вотъ читайте сами!»—сказавъ сіе, досталъ я изъ-за пазухи ордеръ, и подалъ имъ обѣимъ.

—Ахъ, Боже мой! воскликнули онѣ прочитавши: можно-ль было сего ожидать? Ну, поздравляемъ же тебя, батюшка!... Ахъ какая неожиданность!... Да какъ же?... (подхватила моя жена), такъ намъ туда и ѣхать, и перебираться со всѣмъ домомъ?—«Конечно (сказалъ я) и что о томъ говорить, дѣло уже сдѣлано, и переѣзжать необходимо и скоро надобно, и вы начинайте уже и собираться.»—Ахъ, батюшки мои! (подхватила жена моя), да какъ это? да когда же это успѣть можно? уже и теперь глухая осень, а того и смотри, что зима, и какъ это въ такую пропастъ можно ѣхать и со всѣмъ еще домомъ?—«Какъ бы то ни было (сказалъ я), и что ты ни говори, а переѣздить того уже не можно. Вотъ мнѣ надобно и въ Москву еще скакать.»—Ахъ, батюшка! (подхватила она) ужъ вельзя-ли тебѣ отказать отъ того? намъ право и здѣсь хорошо. Мы здѣсь уже обзаводились всѣмъ, и привыкли ко всему; на что намъ этого лучше? такъ близко отъ двора; а то поѣзжай въ такую даль, отбивайся отъ всѣхъ своихъ родныхъ, отдаляйся отъ дома. А Богъ знаетъ еще ли то мы тамъ лучшее найдемъ, ни то потеряемъ, право подумайте!—«Помилуй (отвѣчалъ я), какъ это можно!... Это смѣхъ людской будетъ, если станемъ мы отбиваться; къ тому-жъ сама ты знаешь, что мы того не искали и не добивались, а пришло это само собою, и видно воля на то Господня! Словомъ, и говорить о

томъ нечего, а помышлять надобно о сборахъ.»

Однако, что я ни говорилъ, но женѣ моей крайне не хотѣлось разставаться съ Кіясовкою, и чѣмъ болѣе она о томъ помышляла, тѣмъ паче увеличивалось ея нехотѣніе, и скоро дошло ее до того, что она ударилась даже въ слезы. Но я смѣялся только ея малодушію и твердилъ ей, что обѣ отреченіи и помышлять нечего, а чтобъ лучше, не упуская времени, помышляла онѣ обо всемъ нужномъ для предстоящаго намъ переѣзда.

Совсѣмъ тѣмъ и самого меня тогдашнее позднее осеннее время озабочивало немало. Я воображалъ себѣ всѣхъ предстоящихъ намъ трудности къ перевозкѣ всѣхъ завезенныхъ нами изъ двора вещей и дѣлаго почти дома, съ людьми, скотомъ, меблями и прочимъ, и предусматривалъ самъ, что намъ перевозка всего доставитъ множество хлопотъ, заботъ и затрудненій; но мысль о необходимости того подкрѣпляла меня и ободряла много.

Итакъ, не долго думая, приказалъ я канцеляристу своему приготовить все къ предстоящей сдѣлкѣ, а самъ, засѣвши въ свое мѣсто, принялся тотчасъ за сочиненіе инструкціи своему преемнику, и въ немногіе часы настроилъ ему прелеликую, и не сомнѣвался, что она князю будетъ угодна, ибо я не упустилъ ничего изъ вида. Но сколь малаго труда стоило мнѣ написать сію инструкцію, столь много напротивъ того смутился я и не зналъ, что мнѣ предписать ему въ разсужденіе заведеннаго мною тутъ на опытъ новоманернаго семипольнаго хлѣбопашества. Князю неотмѣнно хотѣлось, чтобъ сей опытъ продолжаемъ былъ во всей его формѣ и порядкѣ, но какъ о господинѣ Шестаковѣ, бывшемъ пѣкогда управителемъ въ Вобривкахъ, случилось мнѣ слышать, что онъ человекъ хотя доброй, но сущій ахреанъ, и изъ простаковъ простакъ, и тулица настоящая; а все оное хлѣбопашество въ основаніи своемъ имѣло особую обширную систему, и успѣхъ и польза отъ таковаго хлѣбопашества неинако могла ожидаема быть, какъ отъ

тѣнаго наблюденія учрежденнаго
идея, то полагаю, что все сіе просо-
му не влезаетъ и въ голову, и что
только исполнять того, но и по-
удеть не въ состояніи, что послѣ
алось дѣйствительно такъ, какъ я
; однако, чтобы не упустить и сего
да, то написалъ я относительно п
хлѣбпашества превеликое и наи-
нѣйшее наставленіе, и раствердилъ
все какъ сорокъ Якова, и чтобы
все понятнѣе могло быть, то
илъ все нужное напростѣйшими
ами.

права все сіе и дорожа временемъ,
илъ я въ Москву, и явившись къ
благодарилъ его за оказанную къ
ность. Тутъ услышалъ и узналъ
секретаря нашего такое, чего я
вѣдалъ, и что меня еще болѣе въ
ѣ сердечной и честности характе-
рова удостовѣрило. А именно, что
свора богородицкой управитель
то многіе изъ тамошнихъ дворянъ,
шлись получить его мѣсто, подхвата
илъ, прискакали въ Москву, и бро-
съ просьбами своими къ князю
ю Сергѣевичу, а сей тотчасъ и
илъ-было насѣдать по прежнему
арика-князя, и просить объ опре-
и туда какого-то своего знакома.
арикъ-князь его предупредилъ, и
илъ всѣ сіи новыя каверзы тѣмъ,
илъ скоро получилъ изъ Богоро-
о смерти управителя увѣдомленіе,
въ ту-жъ самую минуту призвалъ
секретаря, и велѣлъ писать помяну-
въ ивъ ордеръ, и въ тотъ же день
прочнымъ солдатомъ ко мнѣ его и
илъ. Итакъ, не успѣлъ князь Сер-
ергѣевичъ, приснакавъ съ прось-
вою, занкнуться, какъ старикъ ему
лъ, что это уже поздно, что я уже
илень, и что ко мнѣ уже и ордеръ
илъ, а потому чтобы онъ и оставилъ
разсужденіе сего пункта съ по-
ю. Итакъ, молодой князь, не солопо
илъ, и принужденъ былъ почти. со
илъ возвратиться.

ловой постоупоу старика-князя за-

ставилъ меня его еще болѣе полюбить и
сдѣлаться къ нему за то еще болѣе
усерднѣйшимъ. Онъ принялъ меня въ сей
разъ отмѣнно милостиво и благопріятно,
опробовалъ совершенно сочиненную мною
Шестакову инструкцію и о землѣ на-
ставленіе, и оставилъ у себя для пере-
писки, подписанія и врученія Шестакову,
когда онъ приѣдетъ. Потомъ, поговоря со
мною обо многомъ, относящимся до Бо-
городицкой волости и такимъ тономъ,
что я могъ заключить, что онъ не со-
всѣмъ доволенъ былъ управленіемъ умер-
шаго управителя, отпустилъ онъ меня,
сказавъ, что онъ на меня надѣется какъ
самъ на себя, и что онъ находящагося
тамъ бобриковскаго управителя, которой
не совсѣмъ ему нравится, и о которомъ
дошли до него нѣкоторые невыгодные
слухи, предастъ совершенно въ мою волю,
и что если я найду за нимъ что-нибудь
нехорошее, такъ бы только отписалъ къ
нему, и тогда онъ его тотчасъ отрѣшить
и его тамъ и не будетъ.

Съ симъ разстался я тогда съ моимъ
любезнымъ старичкомъ-княземъ, и про-
бивъ въ Москвѣ не болѣе однихъ сутокъ,
возвратился въ Кіясонку, гдѣ напелъ мо-
ихъ домашнихъ уже убирающихся и со-
всѣмъ почти готовыхъ къ отъѣзду.

Итакъ, осталось намъ только дожидаться
господина Шестакова для сдачи ему
съ-рукъ на руки волости и всего до ней
принадлежащаго. Но сей ахреанъ не
такъ-то скоро повернулся, какъ мы дума-
ли и ожидали; ибо гдѣ-то его въ деревнѣ
отыскали, гдѣ-то онъ приѣхалъ въ Москву,
гдѣ-то онъ туда отправился, а мы его
жди да подожди и горюй, что время часъ
отъ часу становилось хуже и для ѣзды
неспособнѣе. Цѣлую недѣлю принуждены
мы были его дожидаться, но спасибо
черезъ то имѣли времени и досуга довольно
къ сдѣланію всѣхъ нужныхъ къ переѣзду
своему приуготовленій; а сверхъ того и
распрощаться со всѣми нашими сосѣдами,
которые всѣ не успѣли услышать о на-
шемъ отбытіи, какъ, несмотря на всю
дурноту тогдашняго времени, приѣзжали

къ намъ изъявлять свое объ отбытіи нашемъ сожалѣніе и съ нами распрощаться.

Кромѣ сего, надобно было намъ отъ править и бывшихъ у меня учениковъ къ ихъ родственникамъ, ибо всѣхъ ихъ съ собою въ такую даль забирать было и для насъ отяготительно, да и роднымъ ихъ того не хотѣлось, а вмѣсто того хотѣлось намъ невѣдомо какъ уговорить ѣхать съ собою помянутую дѣвушку, госпожу Бѣляеву. Она, полюбивъ насъ и къ намъ привыкнувъ, весьма охотно и сама того хотѣла; но великой трудъ мы имѣли уговорить и убѣдить старичка-отца ея отпустить ее съ нами, и онъ пеннае къ тому наконецъ согласился, какъ съ условіемъ, чтобъ я подарилъ его бывшую у меня маленькою, обрѣзною, намалеванною на доскѣ стагуйкою, изображающаго мальчика, которую какъ я ни любилъ, но принужденъ былъ уступить ему въ удовольствіе желанія всего моего семейства.

Наконецъ изволилъ прибыть и преемникъ мой, господинъ Шестаковъ, и я нашелъ въ немъ дѣйствительно самаго простака и суцдаго деревенскаго ахреяна. И какая комиссія была мнѣ при сдачѣ ему всей волости: ты говоришь ему то, а онъ мелеть другое; ты ему изясняешь дѣло, а онъ несетъ вздоръ... и горе истинное у меня съ нимъ тогда было! Къ бездѣлицамъ, ничего незначущимъ, привязывается какъ смола, а важнаго и самаго дѣла не хочетъ слушать! что ты съ нимъ изволишь? О томъ, что можно въ часъ кончить, толкую съ нимъ часовъ пять и болѣе. Когда-жъ дошло у насъ дѣло до наставленія моего въ разсужденіи новоманернаго заведенія, тутъ встань бѣда и не ляжь! И тутъ-то прямо доказалъ онъ мнѣ и невѣжество свое, и грубость и ахреянство. Вмѣсто того, чтобъ внимать все ему толкуемое, какъ сорокъ Якова, поднялся у насъ съ нимъ ропотъ и негодованіе, и онъ, пуская всѣ слова моя совершенно мимо ушей, твердилъ только: «Что это такое? да на что это? что за дьявольщина? и какая отъ того польза?» и т. д. Я слушалъ-слушалъ,

да и сталъ, и наконецъ другого не нашелъ, какъ плюнуть, на все ему съ досадою сказать: «Ну, братецъ, какъ хочешь? я свое дѣло сдѣлалъ, и учинилъ славное начало, о которомъ и въ Петербургѣ уже знаютъ; а ты хоть все брось и запусти, я уже за то не отвѣтчикъ; а отвѣчай уже самъ князю какъ тебя Богъ на разумъ наставитъ». И дѣйствительно, бросивъ ему наставленіе, пошелъ прочь отъ него, и самъ себя сказалъ: «Ну, вижу я теперь самъ, какая дьявольская разница имѣтъ дѣло съ разумнымъ человекомъ и съ глупцомъ, а особливо съ невѣждою, набитымъ глупѣйшими о знаніи своимъ мыслями!»

Но какъ бы то ни было, но наконецъ все дѣло свое мы съ нимъ кончили, и намъ осталось только укласть всѣ свои вещи въ повозки, запретъ лошадей, со всѣми распрощаться и ѣхать; и во всемъ этомъ провели мы уже не болѣе сутокъ. И какъ у насъ навожено было множество всякихъ вещей и мелочей изъ дома, то ими, также моею библіотекою, картинками и превеликимъ множествомъ картузовъ, набитыхъ разными лекарственными травами, нагрузили мы множество повозокъ, и употребили подъ нихъ не только всѣхъ тутошнихъ казенныхъ лошадей, но и всѣхъ приведенныхъ изъ деревни для сего своихъ собственныхъ, такъ что составился превеликой обозъ изъ всѣхъ нашихъ экипажей и повозокъ отчасти на колесахъ, отчасти на саняхъ, ибо былъ уже тогда и слѣжокъ маленькой.

Наконецъ насталъ день нашего отъѣзда, случившійся на другой день послѣ Михайлова-дня, то-есть ноабря 9-го дня, и день сей былъ для меня прямо чувствительной. Изъ всѣхъ селъ и деревень собрались въ сему времени всѣ бурмистры, старосты и лучшіе люди. Всѣ они павосили всякой всячины на дорогу, и прощались со мною съ изъявленіемъ искренной ко мнѣ любви и благодарности за хорошее управленіе ими. Всѣ отзывались, что они мною весьма довольны; всѣ желали мнѣ счастливаго пути, и жалѣли, что отъ нихъ отбываю. Но никто съ та-

чувствительнымъ сожалѣнiемъ со не разставался, какъ нашъ лекаръ. Мы, распрощавшись и помолясь Богу, путь свой и отправились. А семъ гуд и письмо мое, превзошедшее уже ювенные предѣлы, сказавъ вамъ, о сестрѣ вашѣ и прочее.

(Февраря, 15-го дня, 1809 года).

БОГОРОДИЦЪ.

Письмо 185-е.

Милый другъ! Пристуная тебѣ къ писанiю достопамятнѣйшаго периода жизни, начну повѣствованiемъ о путешествiи изъ Кiасовки до Родины, и изображенiи чувствованiй моихъ, какія я имѣлъ во время этого, но труднаго и безпокойнаго путешествiя. Какъ время было тогда позднее осеннее, и отъ бывшаго мною до того ненастья и самаго заимать такой скверной, что не можеть было ни на колесахъ, ни на саняхъ ѣхать, то претерпѣли мы много мученья и безпокойствъ. Переѣзжать я не могъ вслѣдъ своимъ домоу и семейству, кромѣ насъ четверыхъ большихъ, тѣ моя, моей тещи, жены и госпожи Ковой, было съ нами четверо нашихъ дѣтей, кои были малъ-мала меньше. Моею нашей дочери Елисаветѣ шелъ тогда девятый годъ, и она была дѣвчонка уже изрядная и утѣшавшая насъ своимъ смѣхомъ, и милымъ и любезнымъ характеромъ своимъ. Мы вначалу же ее грамотѣ обучили, и были понятiемъ и вслѣдствiемъ ея очень довольны. Сину же, какъ второму по ней, шелъ уже тогда пятый годъ, и бабушка его, трудившая надъ обученiемъ и его грамотѣ, уже вначалу же и его оной. Мое же его понятiе и способность съ самаго детства ко всему хорошему существовала къ тому очень много. Моею же дочери, Настасьѣ, до того тогда третiй годъ, и сiя хотя соплатила, но далеко еще не совсѣмъ, а меньшая дочь Ольга была еще на ру-

кахъ, и ей шелъ только второй годъ. Итакъ, всѣ они были еще очень малы, и всѣ требовали за собою особыхъ хожащихъ. Кромѣ сего было съ нами множество людей, старыхъ женщинъ и дѣвокъ. Для помѣщенiя всѣхъ ихъ потребны были повозки, кромѣ тѣхъ, которыя нагружены были нашимъ багажемъ и всякою домашнею сбуею и провизиюю; а потому и было съ нами множество большихъ и малыхъ повозокъ, и ѣхали мы превеликимъ обозомъ. Старшiя госпожи ѣхали въ каретѣ, дѣти съ ихъ мамами и нянями—въ другой, иные же въ коляскахъ, женщины же и дѣвки въ кибиткахъ, и всѣ сiя повозки были на колесахъ. Что касается до меня, то какъ мнѣ не хотѣлось никакъ разстаться съ нововыдуманнымъ моимъ, вскрывающимся, покойнымъ возочкомъ, то, несмотря на всю еще малость снѣга и ежечасное опасенiе, чтобы онъ не сошелъ, рѣшился я на отвагу, ѣхать залегши въ немъ, дабы мнѣ можно было заниматься чтенiемъ книгъ, и не такъ бы скучно было ѣхать. Ѣхали мы тогда черезъ Коширу, Веневъ и оттуда по епифанской дорогѣ, пробираясь прямо на село Бобрини. Все сiе разстоянiе было хотя не очень велико, и не простиралось хотя и до двухъсотъ верстъ, но какъ принуждены мы были не ѣхать, а тащиться съ ноги на ногу, и то в дѣло останавливаться, то я провелъ имъ въ семъ путешествiи болѣе четырехъ дней.

Въ теченiе сего времени, сидячи въ своемъ возкѣ, и тащившись, гдѣ по снѣгу, гдѣ по голой землѣ и грязи, имѣлъ я досугъ заниматься помышленiями о предстоящей переѣздѣ, вмѣстѣ съ мѣстомъ, и всѣхъ моихъ обстоятельствъ, которыя и занимали меня во всю почти дорогу. Я помышлялъ, разсуждалъ и говорилъ то и дѣло самъ съ собою какъ о прежнемъ, такъ и новомъ своемъ мѣстѣ, и обо всемъ, до обихъ ихъ относящемся. То, отъ котораго тогда я удалялся, было мнѣ довольно знакомо, и я былъ имъ по всѣмъ отношенiямъ доволенъ. Во всѣ почти подтредъ года жительства моего въ Кiасовкѣ не имѣлъ я никакого неудоволь-

ствія, жилъ себѣ какъ хотѣлъ, и на совершенной почти свободѣ. Иго обязанности моей было такъ легко, что я онаго почти не чувствовалъ, а особливо въ послѣднее время. Труды и заботы хотя кое-какіе и были, но сносные. И гдѣ же мы безъ нихъ жить и быть можемъ? По крайней мѣрѣ имѣлъ я то удовольствіе, что знатную или паче большую часть своего времени могъ употреблять для себя и для собственныхъ своихъ любимыхъ упражненій. Дѣлъ по должности было такъ мало, и они были такъ легки, что я исправлялъ ихъ почти играючи, а что всего важнѣе, не опасаясь никакого строгаго взысканія. Не было никакихъ у меня завистниковъ и тайныхъ злодѣевъ, искавшихъ моей погибели; никому я мѣстомъ своимъ не кололъ глаза. Жилъ въ мирѣ, тишинѣ и въ такомъ же почти удаленіи отъ шума большого свѣта, какъ и прежде въ своей деревнѣ. Да и отъ сей находился въ такой близости, что могъ всегда когда хотѣлъ въ нее ѣздить и видаться съ своими родными и прежними друзьями своими, а сдѣлался любимъ и уважаемъ и тутошними сосѣдами. Сколько новыхъ друзей и знакомцевъ я тутъ въ короткое время нажилъ! Прибытковъ никакихъ побочныхъ хотя я и не имѣлъ, но они мнѣ были и ненадобны: я былъ и своимъ жалованьемъ и прочимъ содержаніемъ доволенъ. Не терпѣлъ я ни въ чемъ недостатка. Волости, которыя ввѣрены были мнѣ въ управленіе, хотя не многочисленны, но тѣмъ легче было и управленіе ими. Словомъ, все и все было хорошо, и такъ хорошо, что я, вопреки выкувъ ко всему, не желалъ никакъ лучшаго мѣста.

«Напротивъ того то мѣсто, къ которому я приближался, знакомо мнѣ только вскользь (говорилъ я самъ себѣ, продолжая разсуждать), а во всей подробности я его совсѣмъ еще не знаю. Все извѣстное и достовѣрное состоитъ только въ томъ, что волости несравненно многочисленнѣе, и что вмѣсто 3 или 4 тысячъ душъ, буду я управлять многочисленнымъ и тысячь до 20-ти простирающимся

народомъ. Множество огромныхъ селъ и деревень и цѣлой почти городъ находится будетъ въ моемъ повиновеніи. Но, ахъ! за то и трудовъ и заботъ, сопряженныхъ съ управленіемъ столь многочисленнымъ народомъ, несравненно будетъ больше. Здѣсь былъ у меня одинъ только подъячій, и письма было такъ мало, что и тому дѣлать было почти нечего, а тамъ находится цѣлая канцелярія, и письменныхъ дѣлъ, которыя мнѣ по непримычкѣ совсѣмъ еще незнакомы, и конимъ я долженъ буду еще учиться, преведное множество. Кроме того, и одни производимыя тамъ ния многія огромныя строенія наклекутъ мнѣ тысячи хлопотъ, трудовъ и заботъ, которыя мнѣ тѣмъ будутъ тягостнѣе, что я ими никогда еще не занимался; и ко всему тому едва-ли могу пользоваться столько свободнымъ для себя и собственныхъ упражненій своимъ временемъ, сколько находилъ я его въ прежнемъ и мною оставленномъ мѣстѣ. Не буду-ли я тамъ связанъ и по рукамъ и по ногамъ, и не стану-ли жалѣть о потерянной свободѣ? Жалованье получать я буду точно такое-жъ, какое получалъ я прежде, и прибытковъ постороннихъ и побочныхъ и недозволенныхъ, коими такъ многіе льстятся, вѣрно не захочу и тамъ имѣть. Итакъ, доходы будутъ тѣ же, а расходъ можетъ быть надобно будетъ имѣть несравненно больше. Жить я буду почти въ городѣ, на большой проѣзжей дорогѣ, и въ такомъ отдаленіи отъ моего дома, что нельзя мнѣ будетъ получать изъ него попрежнему всякую всячину. Кроме того удаюсь я отъ всѣхъ моихъ родныхъ, друзей и пріятелей прежнихъ, и ѣду, какъ въ гѣсъ, къ людямъ совсѣмъ мнѣ незнакомымъ, съ которыми надобно мнѣ будетъ еще снознакомливаться. И Богу еще извѣстно, найду-ли я тамъ такихъ добрыхъ людей, и такихъ милыхъ и любезныхъ, меня любящихъ сосѣдей, какихъ имѣлъ въ оставленномъ мѣстѣ. Въ деревню свою ѣздить и любезной своей домшка и сады навѣщать уже мнѣ никакъ не можно будетъ такъ часто, какъ до сего времени. Жить я буду уже

40, а верстѣ почти за полтораста него! и какъ легко могу чрезъ собственномъ хозяйствѣ своемъ гѣ великія уиущенія. Итакъ, и со спихъ сторонъ не могу я ни въ особыми и дальними выгодами гѣся. А льститъ меня одно только го мѣсто сіе гораздо знаменитѣе прежняго, и что я въ ономъ буду всѣми уважаемъ и почитаемъ! къ почему знать, не должепъ ли я на мечту сію платить очень дорого, кѣтами можетъ быть не только тѣхъ, но и душевнхъ трудовъ, досадъ, орбіи и неудовольствій! Чѣмъ знаѣе мѣсто, тѣмъ множайшихъ имѣтъ у завистниковъ и тайныхъ, а мобить и самыхъ явнихъ себѣ недоговъ и злодѣевъ, которые всячески (сною подыскиваться, меня всѣмъ и чернятъ, порицать и на меня клеи и всячески о томъ стараться бутюбъ лишить и меня такимъ же мѣ тамошняго мѣста, какъ согнали духтина. Всего сего и подобнаго нѣ върно ожидать, и отъ всего того и осторожностей имѣтъ будетъ па- Итакъ, неизвѣстно еще, найду ли оей пережѣнѣ моего мѣста что-ни- лию потерю».

ь и подобнымъ сему образомъ по- лѣ и говорилъ я самъ съ собою не разъ, ѣдучи въ своемъ возочкѣ, на сіи временемъ приводили всю кою въ смятеніе; но спасибо про- шись онъ всегда не слишкомъ долго, всякой разъ потомъ успокоивалъ, гѣ, ободрялъ и подкрѣплялъ себя мѣнемъ надежды и упованія на мо- зорца и Господа, будучи твердо вѣренъ въ томъ, что по его велѣ- сие сіе творится, и что ведетъ меня вятая его десница; падылся и не ался я въ томъ, что онъ и тамъ не гѣ меня святою своею во всемъ ю и покровительствомъ, а сіе и нвало тотчасъ опять мой духъ, какъ приходилъ онъ въ смущеніе. аковхъ помышленіяхъ и не пре- в на дорогѣ, кромѣ нѣкоторыхъ

безпокойствъ по квартирнамъ и ночлегамъ, никакого помѣшательства и остановки, доѣхали мы наконецъ благополучно до славнаго и именитаго села Бобриковъ, Случилось сіе уже передъ самымъ вечеромъ 13-го полбря и наканунѣ филипповыхъ заговинъ. Какъ ни любилъ я свой возо- чикъ и какъ покойно въ немъ ни ѣхалъ, но подѣзжая къ Бобрикамъ, пересѣлъ я къ барынямъ въ свою большую карету, дабы придать вѣзду своему болѣе важ- ности. Не могу изобразить никакъ тѣхъ чувствованій, какія ощущалъ я въ душѣ моеи при вѣздѣ въ предѣлы волости, и при узрѣніи первыхъ селеній и бобри- ковскаго огромнаго дворца, которой въ теченіе того времени, которое прожилъ я дома и въ Кіасовѣ, уже выстроены былъ вчернѣ почти весь, и я увидѣлъ огромную массу сію уже покрытою, и что достраивались только флигели и службы. Я перекрестился, вѣзжая въ сію волость, и вздохнувъ не одинъ разъ втайнѣ, простирая въ мысляхъ и чувства свои душевно ко Господу.

Какъ всѣ тамошніе о скоромъ приѣздѣ моемъ и о самомъ днѣ прибытія моего были предувѣдомлены, потому что я пи- салъ уже о томъ къ Варсобинну, какъ начальствующей тогда въ Богородицкѣ особѣ, прося его, чтобъ все нужное къ приѣзду моему было приготолено, то и встрѣчены мы были въ Бобрикахъ тамош- нимъ управителемъ, господиномъ Вере- щагинымъ, Петромъ Алексѣевичемъ, и архитекторомъ, господиномъ Ананьи- нымъ. Послѣдній изъ нихъ былъ мнѣ уже отчасти, хотя и вскользь только зна- комъ, а перваго имѣлъ я тогда случай впервые только еще увидѣть, и о кото- ромъ я тогда ничего еще изъ всего упо- минаемаго мною впереди не зналъ, и ха- рактеръ его былъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Онъ принялъ меня со всѣмъ всевозможнымъ учтивствомъ и благопріятствомъ, и какъ въ притворствѣ былъ онъ превелпкой ис- кусникъ, и въ ремеслѣ этомъ сущій ака- демикъ, то и показался онъ мнѣ ангеломъ, а не человекомъ... и умелъ, и свѣдущъ обо всемъ, и ласковъ, и проворенъ, и ду-

ши владобры́йшей: словомъ, такимъ, что очаровалъ меня почти всѣмъ своимъ поведеніемъ, и приобрѣлъ тѣмъ съ самой первой минуты всю мою искреннюю къ себѣ благосклонность. А каковъ былъ самъ, таково-жъ почти или пемпого хуже было и все его семейство. Мать его показалась намъ весьма доброю, умною, обходительною и простосердечною пожилою старушкою; всѣ три сестры также ласковыми, дружелюбными, услужливыми и благопріятными, и старшая изъ нихъ отъменно самою умницею и бойкою особою. Что касается до меньшого ихъ брата, Семена Алексѣевича, то былъ онъ малой еще молодой, тихой, и казался мнѣ гораздо простѣе своего старшаго брата. Напротивъ того, господинъ Аванъиль показался мнѣ хотя умнымъ, но слишкомъ уже чопорнымъ и много о себѣ думавшемъ, однако добрымъ человекомъ.

Для почлега отвели они намъ наилучшіе изъ всѣхъ своихъ покоевъ, и старались не только угостить насъ добрымъ ужинкомъ, но и всячески успокоить не только насъ, но и самыхъ людей нашихъ; такъ что мы всѣмъ приѣмомъ ихъ были совершенно довольны.

Наутрѣ, напившись чаю, пошелъ я съ обоими повыми моими подкомандующими осматривать строенія, въ которыхъ, по позднему уже осеннему времени, никакой работы уже не производилось. Тутъ господинъ архитекторъ старался показать мнѣ все свое знаніе и искусство. Онъ водилъ меня всюду и всюду, и изъяснялъ все какъ должно. Господинъ Верещагинъ же только молчалъ и былъ слушателемъ. Сіе доказало мнѣ уже отчасти, что былъ онъ только на словахъ великой человекъ, а на дѣлахъ не совсемъ таковъ, и что главную роль тутъ игралъ Яковъ Аванъиль, такъ звали помянутаго архитектора. Изъ дворца прошли мы въ церковь, также уже покрытую и совсемъ почти отдѣланную. По осмотрѣніи же оной замель я въ комнаты архитектора, жившаго въ другомъ концѣ дома управительскаго. И дабы показать ему, что и я въ разсужденіи строеній несовсѣмъ не-

знающъ, просилъ его показать мнѣ и внутренности и фасады. Въ мигъ они мнѣ были всѣ представлены не только оригинальные, но и всѣ практическіе, и все желанное мною по онимъ изъясняемо; а по всему тому увидѣлъ я, что архитекторъ сей былъ дѣйствительно ремесло свое совершенно разумѣющей, а притомъ прилежной и рачительной человекъ, чему и былъ я чрезвычайно радъ; ибо тотчасъ могъ предъусмотрѣть, что по строеніямъ не доведетъ онъ меня ни до какихъ дальнихъ хлопотъ, и облегчитъ собою весьма всѣ мои оныя заботы и попеченія.

Поговоривъ и потолковавъ съ нимъ обо всемъ, и распросивъ о числѣ наличныхъ и недостающихъ еще къ строенію матеріаловъ, и о томъ, что нужно къ предварительному о нихъ попеченію, возвратился я въ комнаты, гдѣ мы квартировали; и попросивъ хозяйку, чтобы она покормила насъ поранѣе, дабы успѣли мы благовременно дотащиться до Богородицева, а отобѣдавъ или паче позавтракавъ у нихъ и распрощавшись, отправились мы далѣе къ Богородицѣ. Сей послѣдній переѣздъ былъ хотя не слишкомъ большой, но напруднѣйшій изъ всѣхъ прежнихъ: отчасти по дурнотѣ грязныхъ степныхъ дорогъ, а отчасти и по усталости уже и лошадей нашихъ, и мы не ѣхали, а тащились. Какъ сидѣлъ я и въ сей разъ въ одной каретѣ со своими спутниками, то имѣлъ я удовольствіе видѣть ихъ пріятное удивленіе при проѣздѣ чрезъ большія и порядочно разселенныя деревни Бобринковской волости, сквозь которыя намъ тогда ѣхать случилось, и слышать сужденіе ихъ о семействѣ господина Верещагина. Онѣ были такого-же вѣсти мнѣнія, какъ и я, но большая только сестра его, Марья, показалась мнѣ слишкомъ уже бойкою и хитрою дѣвкою.

При проѣздѣ чрезъ село Ивановское, въ которомъ дни за два до того былъ годовая ихъ праздникъ, наѣхали мы всѣмъ мужиковъ бражничающихъ и сбѣгающихъ къ намъ съ своими глупыми похвательствами и просьбами, чтобы принять отъ нихъ хлѣбъ и соль, подносимой намъ или

но намъ нимало не противно, и я имъ только имъ: «Благодарю, благодарю друзья мои, за вашу ласку и любовь, но все это напрасно; а веселитесь себя и забавляйтесь какъ вамъ угодно». И насилу-насилу отвязались мы отъ нихъ, приступающихъ къ намъ съ гнѣвными просьбами о принятіи ихъ въ и нѣсколькихъ окороковъ ветви съ чѣмъ обыкновенно всегда они ходили на поклоны и пѣвляли свое пѣніе. Наконецъ кое-какъ переѣхали соей переѣздъ, и выѣхавши изъ Баскаго лѣса увидѣли вдаль колокольницкую.

Издали тогда уже самыя почти сучья, какъ мы въѣхали въ Богородицкъ. Въѣздъ въ оной я и не узналъ почти цѣль многія и большія переѣзды, оныя уже въ ономъ съ того времени, какъ я его въ первой разѣ видѣлъ. Мѣстѣ бывшаго тогда пакостнаго голяго двора и лавочекъ увидѣлъ я уже новую площадь, и посреди оной каменную огромную, и вчернѣ уже нѣтъ почти отдѣланную церковь; а по прежнихъ кой-какихъ негодныхъ мѣстѣхъ внутри земляной крѣпости и колокольни, стояли уже высокія нова зданія, составлявшія нѣкоторую часть замка, а позади ихъ, на берегу, немалой величины домъ каменной, дворцомъ называемой. Все это уже послѣ меня построено, и чрезъ нѣе весь Богородицкъ, ровно какъ творился, и вмѣсто прежняго незначущаго села имѣлъ уже видъ новый. Самой управительской домъ увидѣлъ я хотя на томъ же мѣстѣ, но со стороны уже не тотъ, и покрытой уже не лѣсомъ, а тесомъ. Прежній, и тотъ горомъ я ночевалъ, успѣлъ уже сгорѣть на мѣсто его построены были ей новой, и весь оный, на подобіе, съ задней стороны окруженъ былъ камнѣмъ, сараями и службами, покрытой части тростникомъ, отчасти дер-

и въѣздъ на дворъ, при подъѣзжаніи къ оному и покрытому подъѣзду, господина при ложеніи къ «русской старинѣ» 1872 г.

пожи мои въ прахъ закрестились; а и самъ я не преминулъ вознестись мыслями къ небу, и просить Господа о благословеніи при вступленіи нашемъ въ сіе новое для насъ обиталище. Насъ встрѣтили тутъ уже нѣкоторые изъ нашихъ людей присланные отъ меня уже прежде съ нѣкоторыми вещами и обозомъ съ провизіею. Домъ былъ уже натопленъ и приготовленъ совсѣмъ для принятія насъ въ себя; и какъ мы при тогдашней холодной погодѣ нѣсколько поозабли, то вошли мы въ него какъ въ рай, и найдя его просторнымъ, свѣтлымъ и расположеннымъ довольно споконно, не могли имъ довольно налюбоваться. Ибо какъ покойной предмѣстникъ мой имѣлъ превеликое семейство, то и успѣлъ онъ къ бывшему тутъ дому пристроить еще нѣсколько покойцевъ для себя и для помѣщенія дѣтей своихъ. И потому, всему семейству моему не только было гдѣ помѣститься, но было даже и нѣсколько излишнихъ покойцевъ изъ прирубленныхъ вновь и кои остались у насъ даже праздыми, и мы обратили ихъ въ ткацкую и кладовую. Для самого себя нашелъ я въ нихъ въ усторонѣхъ особой кабинетецъ, но какъ-то уже слишкомъ тѣсною и такой, что въ ономъ могъ я помѣстить одинъ только свой столъ для письма и канана; къ тому-жъ не было въ немъ и печи, а одинъ только каминъ. Но за то была предъ нимъ другая, хотя также съ однимъ только окномъ небольшая комнатка, въ которой могъ я помѣстить свою библіотеку и шкафъ съ картузами, также большой столъ для моихъ собственныхъ писцовъ, почему я и сею частію дома былъ совершенно доволенъ.

Мы не успѣли обѣгать и осмотрѣть всѣ комнаты и приказать разбираться, какъ гляжу, является и господинъ Варсоноивъ, пріобрѣтавшій безъ души изъ своего дома. И это было въ первой разѣ, что я его узналъ. Но мы въ сей день съ нимъ немного говорили, а почти только поздоровались.

Но какъ скоро настало послѣдующее за симъ утро, то и стали мало-по-малу

являться ко мнѣ всѣ находившіеся тамъ знаменитѣйшіе люди, и прежде всѣхъ предстали предъ меня всѣ три канцеляриста, какъ главные особы въ тамошней канцеляріи. Первой и главнѣйшей изъ нихъ былъ помянутой господинъ Варсобинъ. Сей былъ правителемъ всей канцеляріи, и у него была вся казна и всѣ доходы и расходы на рукахъ—особа, которую скоро трудно было узнать въ точности. Второй былъ господинъ Щедловъ, по имени Прокофій Егоровичъ, мужикъ высокой и живнѣйшей покровой самого стариннаго подъячаго, но показавшійся мнѣ изъ всѣхъ ихъ и правдоушнѣйшимъ, и болѣе всѣхъ ихъ разумѣющимъ письмо и дѣло. У сего были всѣ письменныя дѣла, а сверхъ того и весь магазинъ на рукахъ. Третій былъ господинъ Ломакинъ, по имени Михаилъ Яковлевичъ, которой показался мнѣ средственнѣмъ человѣкомъ и не изъ далекихъ. У него былъ на рукахъ весь тамошній госпиталь и всѣ разные казенныя матеріалы. Всѣ они принесли ко мнѣ кульки, набитыя всякою всячиною на поклонъ, и я какъ ни отговаривался, но чтобъ ихъ не огорчить, принужденъ былъ принять; и какъ былъ въ числѣ ихъ наполненной рыбою, то сіе по случаю наставшаго тогда Филиппова поста было и кстати.

Не успѣлъ я, поговоривши и ознакомившись съ ними, ихъ отъ себя отпустить, сказавъ, что я не замедлю придти самъ вскорѣ къ нимъ въ канцелярію для осмотра казны и прочаго, какъ является ко мнѣ тамошній архитекторской помощникъ, производившій тутешнія каменные строения подъ смотрѣніемъ главнаго архитектора. Прозывался онъ господинъ Волковъ, и я напелъ его уже весьма отбѣннымъ отъ г. Апаньина, и мужичкомъ простенькимъ, нерасторопнымъ и не слишкомъ во всемъ далекомъ, и походившимъ болѣе на нянюшку, нежели на остряка и провора.

Вскорѣ за симъ прѣѣзжаетъ ко мнѣ также для отданія поклона своего, тамошній волостной лекарь, прозывавшійся господиномъ Рудольфомъ, живнѣй при

большомъ волостномъ госпиталѣ, за версту отъ Богородицка, на мысу между прудовъ или такъ-называемомъ островкѣ построенномъ. Съ симъ иностранцемъ, и довольно рукоесло свое знающимъ человѣкомъ обошелся я, по обыкновенію своему, съ отличною благосклонностію, и онъ показался мнѣ довольно хорошиимъ человѣкомъ, но готовящимся отъ насъ отбыть въ какое-то другое мѣсто, и почти собирающимся уже къ отъѣзду. Я сожалѣлъ, что его теряю, и распросивъ обо всѣхъ обстоятельствахъ тамошняго госпиталя, не сталъ его удерживать, опять скоро отъ меня отходящаго.

Не успѣлъ я сего отъ себя спроводить, какъ являются ко мнѣ наилучшіе изъ тамошнихъ купцовъ, прѣшедшіе также на поклонъ со множествомъ кульковъ, набитыхъ всякою всячиною, или такъ-называемымъ хлѣбомъ и солью; ибо надо знать, что Богородицкъ составлялъ тогда ни село, ни городъ, а нѣкакой междуумокъ между ими. Въ старину былъ онъ городомъ съ деревянною рубленою крѣпостію, и живали въ немъ, по обыкновенію другихъ городовъ, воеводи, имѣвшіе свою городскую канцелярію, а купцы ратушу. Но какъ заведенъ былъ въ волости сей большой казенной конской заводъ, то уничтожено было воеводское городское управленіе и живали тутъ управители при заводѣ съ своими конюхами и конюшенными служителями. Когда-жъ заводъ конской тутъ уничтоженъ, и волость сія исключена изъ дворцовыхъ и переименована въ собственную императрицыну волость, и соединена съ купленною Бобриньскою волостію, то уничтожено и все относящееся до конскаго завода и изъ бывшаго правленія основано уже тогдашнее особое волостное. Купцы же остались жить въ домахъ своихъ попрежнему, имѣли хотя также свою ратушу, но во многомъ завистли отъ управителей тогдашнихъ, какъ первенствующихъ особъ во всемъ тамошнемъ селеніи. А такимъ же образомъ завистли отъ нихъ во многомъ и множество еще живущихъ тутъ конюховъ, и другихъ конюшенныхъ ниж-

чиновниковъ; а по всему тому и или ко мнѣ наилучшіе изъ тамошескихъ еще бѣднаго купечества наъ. Я всѣхъ ихъ непреминулъ облавновозможнѣйшимъ образомъ, и икъ съ ними какъ съ людьми, несоини хотя у меня въ командѣ, но воъ отъ меня зависящими.

Ахукъ снхъ, собравшись, отпрак въ тамошнюю волостную канцелю. И какъ была она недалеко, и чрезъ площадь отъ моего обитаго помеща я туда пѣшкомъ прииди днхъ вѣстовыхъ изъ солпри мнѣ уже находившихся. Канг сіа находилась тогда еще на талъ высокой и красивой башнѣ илильнѣ въ комнатахъ, сдѣланныхъ кривыми воротами, подъ колокольскодящими. Я принужденъ былъгся на нее по превысокой и крутугой лѣстницѣ, и взомедъ нашелъ наполненную множествомъ народа. енная команда, состоящая въ нѣихъ унтеръ-офицерахъ, капралахъ гнахъ въ 20-ти солдатъ, нахотуть въ собраніи, равно какъ и разнаго рода нижніе чиновники юровые, какъ-то: магазейвахтеры, а, шлесарь, кузнецы, служащіе приихъ тамошнихъ лошадахъ конюхаальные служители, живописецъ, щикъ, и наковнецъ прочіе канцелъ служители, состоящіе въ нѣскольаховѣкахъ копистовъ. Оба первые яряста, Варсобины и Щедипредставляли мнѣ ихъ всѣхъ тутъидку, и рассказывая о каждомъ изъ юдробности, а именно: кому изъ юручены и какія должности, и ктокъ приставленъ былъ къ лѣсамъ въ отдаточнымъ землямъ, кто къ аламъ и такъ далѣе.

лѣхъ ихъ, по обыкновенію своему, гствовали благоприятнымъ образомъ, ская ихъ къ своимъ дѣламъ, замѣежду прочимъ, одного молодого иу жалковатаго человѣка въ просагольномъ овчинномъ тулунѣ. И онъ при выходѣ показался мнѣ

какъ-то особливаго примѣчанія достойнымъ, то спросилъ я: «Это что за человекъ?»—«Это-де,—сказалъ мнѣ усмѣхаяся Варсобины: стекольной подмастерье, принятый его сіятельствомъ для вставлванія при строеніяхъ стеколъ, и зовутъ его Вилъгельмсомъ. Удивился я, сіе названіе услышавъ, и спросилъ далѣе: «Да какой онъ, русской, что-ли?»—«Нѣтъ-де, а нѣмецъ.—«Ба! ба! ба! сказалъ я: у васъ и нѣмцы еще здѣсь есть, кликните-ко его ко мнѣ!»—«Александра Давыдовичъ! пожалуйста-ка сюда», закричалъ Варсобины. Онъ тотчасъ въ воротился, и тогда началъ я съ нимъ по-нѣмецки говорить. Бѣднякъ обрадовался невѣдомо какъ, услышавъ, что я говорю его природнымъ языкомъ, и сталъ мнѣ кланяться и себя рекомендовать. Я обрадовался услышавъ, что говорилъ онъ симъ любимымъ мною языкомъ довольно изрядно; но какъ мнѣ некогда было тогда долго съ нимъ раздабарывать, то сказавъ ему, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ на квартиру, отпустилъ его, приласкавъ обыкновеннымъ образомъ, и Александра мой Давыдовичъ полетѣлъ почти безъ памяти отъ радости внизъ по лѣстницѣ.

По выходѣ всѣхъ сталъ я осматривать всю канцелярію и обо всемъ разспрашивать. Она состояла изъ трехъ комнатъ: въ средней и просторнѣйшей стояли столы всѣхъ трехъ повятевъ, и при нихъ всѣ канцелярскіе служители и писцы, конхъ всѣхъ было человекъ почти до десяти. Въ одной изъ побочныхъ и также довольно просторной комнатѣ стояло пѣсколько большихъ сундуковъ, и въ одномъ изъ нихъ хранилась денежная казна, охраняемая стоящимъ часовымъ съ обпакеннымъ тесакомъ; другіе наполнены были письменными дѣлами. Другая побочная и небольшая комната составляла такъ-пазываемую судебскую. По введеніи въ оную меня моиими такъ-сказать секретарями, увидѣлъ я тутъ, къ удивленію моему, порядочной судебской столъ, покрытой краснымъ сукномъ и съ стоящимъ на немъ зеркаломъ и лежащимъ на немъ нѣсколькими книгами. Поразился я

снѣ зрѣлищемъ, и самъ себѣ сказалъ: «Вотъ, судырь! Судьба нидумано-нигадано, доставила и мнѣ случай сидѣть за краснымъ сукномъ и за зеркаломъ!» Но какъ мнѣ всѣ канцелярскіе обряды, хранимы тутъ во всей ихъ старинной формѣ, вовсе были незнакомы, и я не зналъ за что приняться, то представлялъ тогда истинно смѣшную фигуру, но доволенъ былъ господиномъ Щедилковымъ, которой тотчасъ сталъ мнѣ, сѣвшему въ свои кресла, представлять приготовленныя уже ими списки и вѣдомости обо всемъ нужномъ. Но какъ мнѣ за наступившимъ тогда уже обѣденнымъ временемъ некогда было разсматриваніемъ оныхъ заниматься, то спросилъ я только всѣ-ли нужныя бумаги у нихъ заготовлены для представленія мнѣ отъ себя къ князю съ допесеніемъ обо всемъ, что я нашелъ тутъ. — «Всѣ-де почти готовы, сказали мнѣ оба мои секретари, и немного только осталось». — Такъ поспѣшите-же, пожалуйста, къ завтраму докончить, чтобъ я могъ все увидѣть и во все войти и потомъ репортовать къ князю. Сказавъ сіе не сталъ я долѣ медлить, и возвратился къ домашнимъ моимъ, ожидавшимъ меня уже съ накрытымъ столомъ обѣдать.

Снѣ кончу я сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я емъ вашъ и прочее.

(Генваря 18-го дня 1809 года).

ПОСТУПКА СЪ ВЕРЕЩАГИНЫМЪ.

Письмо 186-е.

Любезный пріятель. Отобѣдавши съ моими домашними, употребилъ я все до-стальное время того дня на осматриваніе службъ и прочаго строенія на управительскомъ дворѣ; и нашедъ все пущное, былъ доволенъ тѣмъ, что въ разсужденіи сего не было мнѣ нужды хлопотать. Кромѣ кухни, погребовъ, анбара и людскихъ избъ, находилось еще множество мазанокъ, сараевъ для лошадей и скота. Въ нихъ содержались не только казенныя лошади, содержимыя на казенномъ контѣ для разѣзда управителя, и которыхъ было такъ довольно, что мнѣ не было нужды дер-

жать своихъ собственныхъ, и я оныхъ всѣхъ отправить въ свою деу. Но кромѣ ихъ содержалось еще нѣко-ко казенныхъ жеребцовъ въ пользу ея, для припуска къ кобыламъ также содержанъ былъ въ хлѣву и ликовой казенной быкъ для такого-жъ требленія. Мазаночными сараями дѣлами сими окруженъ былъ со-трехъ заднихъ сторонъ управителя домъ, но все сіе покрыто было шомъ. Одного только недоставало, а ма нужнаго для меня: не было ни малѣйшаго цвѣтничка и садика, и никто изъ моихъ предшественниковъ имѣлъ къ нимъ охоты. Но сіи поля неотмѣнно въ слѣдующую весну вести, и помышлялъ уже о томъ, и назначить подъ нихъ мѣсто, но и удовольствію не находилъ нигдѣ и подлѣ моего дома, чего мнѣ хотъ. Весь онъ расположенъ былъ такъ, нигдѣ не можно было къ нему съ с-приютиться, и потому другого не дилъ, какъ предназначить къ тому уже за мазанками въ концѣ двора цвѣтничокъ хоть маленькой сто-себѣ предъ окнами дома на улицѣ.

По осмотрѣніи всѣхъ сихъ бле-предметовъ, и отложивъ обозрѣвані-чихъ до послѣдующаго дня, приня-за обрашживание своихъ собствен-комнатъ: то-есть маленькаго свое-бинета и комнаты предъ онымъ. онъ обѣ хотя очень тѣсноваты, та-мнѣ не можно было никакъ помѣс-въ нихъ со всею моею рухлядью, не-перемѣнить того было нечѣмъ, то пр-день былъ довольствоваться уже и о-и призвавъ столяра, велѣлъ надѣл-нихъ поболѣе шкапчиковъ и п-гдѣ-бъ мнѣ можно было установит-книги, картузы и другія вещи; а и-бинетцѣ ассигновать себѣ уже мѣс-подъ окошечкомъ, и поставивъ н-шой столикъ, кое-что на немъ уже-писался. Въ проходной же ком-предъ онымъ установилъ я большой-какъ для работъ, требующихъ бдл-простора, такъ и для моихъ писецъ

ювь, если какіе случатся, которыя непреминуль я въ скоромъ времени явится, ибо не любилъ быть безъ
 .
 иду тѣмъ какъ я ранжированіемъ въ моихъ кабинетахъ занимался, и ко мнѣ и господинъ Вилимзонъ, утой нѣмецъ-стекольщикъ, и я, разшились съ нимъ поболѣе, узналъ проче. Всѣ его тамъ почитали полюбилъ и надъ нимъ подсмѣивались; ѣ, какъ любящему всѣхъ иностранцевъ казался онъ болѣе жалкимъ, неспособнѣнща достойнымъ молодымъ людемъ. Былъ онъ хотя не хитрой, озадушной человекъ, однако не нѣ глупой, и нельзя было никакъ въ его дуракомъ, хотя и было въ мнѣн его нѣчто такое, что заставляло иногда надъ нимъ трупить и смѣяться какъ онъ по-нѣмекки говорилъ выно, то для меня всего пріятнѣе что я нашелъ въ немъ человекъ, съ нѣмъ могъ я заниматься разговоромъ, семуъ языкъ. А потомъ узнавъ, что шель на островкѣ въ госпиталѣ и мой нуждѣ и бѣдности, то пзъ единственнолюбилъ велѣлъ ему ходить можно къ себѣ чаще, и снабдилъ вѣ-чѣмъ нужнымъ. Впослѣдствіи же ни я за простоту, добросердечіе, живость и сиротство такъ его полюбилъ, что приобщилъ его почти къ своимъ домашнимъ. Онъ жила безвыходно у насъ, и мы его и кормили, и одѣвали; и бѣднякъ тѣмъ былъ доволенъ, что не зналъ и чѣмъ возблагодарить меня за то. доволенъ былъ тѣмъ, что онъ съ своимъ сыномъ моимъ съютился и залъ его себя полюбилъ; а сіе и при-далъ ту выгоду, что онъ могъ научить его нѣмецкой грамотѣ и отнять почти должность его дядьки. къ того и самимъ намъ доставлялъ своего пріятныхъ минутъ, ибо и мы надъ нимъ иногда шучивали, и не до слезъ почти смѣивались. послѣдующій день съ самага утра по-я опять въ свою канцелярію, для

вступленія уже во всѣ дѣла по должности. Мое первое дѣло было по вѣдомостямъ и приходнымъ и расходнымъ книгамъ числиться и узнать, сколько подлежало быть тогда казенныхъ денегъ въ наличности и потомъ освидѣтельствовать. Но не успѣлъ я сего послѣдняго дѣла начать, какъ подступилъ ко мнѣ г. Варсобиный, какъ хранитель и расходчикъ оныхъ съ донесеніемъ, что онѣ не всѣ, а недостаетъ нѣсколько сотъ оныхъ. Сіе меня поразило: «Да гдѣ-жъ онѣ?» спросилъ я.—Петръ-де Алексѣевичъ Верещагинъ изволилъ забрать ихъ, и вотъ-де его росписки.—«Прекрасно! воскликнулъ я: но мнѣ сіи росписки ненадобны, и я ихъ вмѣсто наличныхъ денегъ не приму, и на себя этого никакъ не возьму. Но какъ же ты ему такъ много давалъ, мой другъ?» спросилъ я.—«Что было дѣлать! отвѣтствовалъ Варсобиный: покойнику князю было такъ угодно!»—«Да самъ-то князь не забралъ-ли также ихъ себѣ, и не долженъ-ли и онъ?» (подхватилъ я).—«Былъ-де тотъ грѣхъ и за нимъ! сказалъ Варсобиный: новѣбывшіе на немъ намъ княгиня доставила уже послѣ его кончины, и онъ намъ не долженъ ни копейкою.»—«Ну, это хорошо! но съ Верещагинимъ-то какъ же намъ быть? Дѣло это не ловко, и онъ потеряетъ свое мѣсто, еслии дойдетъ сіе до князя, а я, воля его, на себя этого не приму.»—«Я-де писалъ къ нему, сказалъ Варсобиный, и еще нарочнаго послалъ, чтобы приѣзжалъ самъ и раздѣливался какъ знаетъ».

—«Хорошо!» сказалъ я, и принялся продолжать далѣе свои дѣла и свидѣтельства, а между тѣмъ неожиданной себѣ недостатокъ денегъ не выходилъ у меня изъ ума. Я не зналъ какъ поступить въ семъ случаѣ съ господиномъ Верещагинимъ. Судьба его зависла тогда совершенно отъ меня, и все его счастье и несчастье въ моихъ рукахъ было. Князь предать его совершенно въ мою волю, и при отпускѣ, какъ выше упомянуто, сказалъ мнѣ, что еслии я что за нимъ дурное узнаю, и мнѣ онъ не надобенъ будетъ, такъ только бы отписалъ, и его не

будеть. Итакъ, стоило-бы тогда только отписать и донести князю о семь забраніи казенныхъ денегъ, такъ и отрѣшенъ бы онъ былъ отъ своего мѣста. Но я не такого былъ свойства, чтобъ похотѣлъ безъ необходимой нужды сдѣлать чело-вѣку зло, ничѣмъ еще меня не оскорбившему. Правда, слухи невыгодныя объ немъ до меня уже отчасти и доходили, и были поводы желать, чтобъ его со мною и не было, но я подумалъ-подумалъ, и вообразивъ себѣ, что тѣмъ лишу я и его и все его большое семейство послѣдняго почти куска хлѣба, ибо были они очень недостаточны, не захотѣлъ никакъ подвергать его сему несчастію, а рѣшился вмѣсто зла оказать ему благодареніе, и какъ-нибудь сіе дѣло уладить инако, и потому съ нетерпѣливостію его пріѣзда дождался.

Онъ и непреминулъ ко мнѣ въ тотъ же день и къ обѣду еще прилетѣть; и какъ Варсоноивъ успѣлъ ему всё мои слова пересказать, то былъ онъ тѣмъ такъ перетревоженъ, что перетрусившись не имѣлъ даже духу начать о томъ и говорить со мною, и уже я самъ, сжалившись надъ нимъ, и отвелъ въ свой кабинетъ, дружескимъ образомъ сталъ ему о томъ говорить и изображать, въ какомъ критическомъ положеніи онъ тогда находился. Не могу изобразить, какъ много растревоженъ онъ былъ тогда моими словами, и съ какимъ умпленіемъ просилъ меня, чтобъ я сдѣлалъ надъ нимъ милость, не погубилъ бы его чрезъ донесеніе о томъ князю. И какъ много обрадовался онъ, когда я ему сказалъ: «Хорошо, батюшка, Петръ Алексѣевичъ. Я хотя въ доказательство моего къ вамъ благо-расположенія и сдѣлаю то, что не донесу о томъ князю, но деньги необходимо надобно вамъ какъ можно скорѣе въ казну внести; и вы постарайтесь какъ можно о томъ, и гдѣ-нибудь ихъ достанете. Вотъ даю вамъ на три дни срока».

Господинъ Верещагинъ былъ тѣмъ крайне доволенъ, и на сказавъ мнѣ тысячу благодареній, поскакалъ тогда же до-бывать денегъ, а я между тѣмъ употре-

билъ все сіе время на обозрѣніе прочихъ мѣстъ, и въ тотъ же день ѣздить осматривать то огромное каменное зданіе, въ которомъ хранился казенной зем-ной и яровой хлѣбъ, собираемой зерною съ крестьянъ ежегодно. Тутъ не могъ я довольно налюбоваться огромностію и хорошимъ расположеніемъ магазина, а того еще большепорядкомъ, наблюдаемомъ при сборѣ и расходѣ хлѣба и рачительнымъ попеченіемъ объ немъ г. Щедилова, у котораго онъ на рукахъ былъ. Но какъ находились многіе авбары, наспланнныя до самаго верха, и перемѣривать его не было возможности, поелику потребно было къ тому не дней, а недѣль нѣсколько, то принужденъ я былъ положиться (на) г. Щедилова, увѣрявшю меня свято, что хлѣбъ весь цѣлъ, и не только въ немъ нѣтъ недостатка, но ежели перемѣрять, то безъ сумнѣнія явится множество и примѣрнаго. И какъ онъ въ томъ ручался всѣмъ своимъ имѣніемъ, то я и былъ тѣмъ доволенъ.

Послѣ того такимъ же образомъ ѣздить я осматривать тамошній волостной госпиталь, построенной, какъ выше упомянуто, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города на прекраснѣйшемъ мѣстѣ. Высокой и узкой мысъ между устьями двухъ огромныхъ вершинъ, на которомъ воздвигнуто было сіе зданіе, окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ водою. Два пруда, посредственной величины, были у него по сторонамъ, а третій—большой, называемой Вязовскимъ, былъ впереди и представлялъ видъ самаго озера. Для содержанія больныхъ особая, превеликая, длинная связь, съ комнатами на краю для аптеки и жительства надзирателей; а впереди находился обширный дворъ, окруженный множествомъ другихъ зданій. Былъ тутъ особой домъ для жительства лекаря, и по обѣимъ сторонамъ два флигеля для жительства лекарскихъ учениковъ и другихъ госпитальныхъ служителей. Другой такой же домикъ находился посреди двора, назначенной для подлекаря, но стоявшій тогда праздно, а по сторонамъ находились прочія зданія, какъ-то: по-

, кухни, бани и сарайки для лошадей и скота. Словомъ тутъ и я все въ порядкѣ и καλύτεшее мнѣ распоряженіе. Совсѣмъ такъ все мнѣ, что госпиталь сей проже въ содержаніи своихъ казѣ болѣе и, нежели пользы, и знаменитъ былъ и дневенъ, нежели самимъ дѣломъ многоникъ больнымъ находилось въ очень мало. Сн боялся и бѣгалъ какъ огня, и охотнѣе хотѣн уи-беть всякаго призора, нежели да-вонитъ себя въ госпиталь и тамъ лечитъ; а всѣ найденные мною боль-ники на большую часть посторонніе, привезенные туда для леченія сосѣд-скими дворянами. Но какъ хотѣлось и содержать такой госпиталь, то и оставилъ я его въ прежнемъ ствованіи и при всемъ заведенномъ мнѣ порядкѣ.

Къ съ задней стороны окруженъ былъ сей госпиталь прекрасною дубовою оудю, и въ концѣ оной находилась икая деревянная церковь, воздвиг-и тутъ для кладбища, то взглянулъ на оную, и тѣмъ паче, что она одна и была, въ которой отправлялась ственная служба; ибо обѣ прежнія ия внутри города были сломаны, а и большая еще недостроена.

отрѣвъ оную, захватъ я и въ бм-тогда тамъ неподалеку отъ оной ран-ю съ заведеннымъ подлѣ ея малень- , плодovitымъ и аглицкимъ саци- . Сн нашелъ я въ худшемъ состояніи, ли въ какомъ я думалъ и ожидать. ирейка была маленькая, ничего не-шая, и совсѣмъ почти пустая. Теп-ь также малозначущая, плодovitой къ того еще меньше вниманія до-юй, а аглицкой болѣе смѣшной, не-дѣстойной уваженія. Всему тому при-ю было то, что оба господа предмѣст-момъ были сами до всего того неохот- , а оставляемо было все относящееся го на волю садовника; а сей и видной е своихъ ростомъ и дородствомъ, не- знаменитой своимъ искусствомъ и орствомъ, а потому и производилось

все тутъ излетка и вос-какъ. И я крайне жалѣлъ, что иѣсто сіе было отъ дома управ-ительскаго слишкомъ удалено, и что не можно было мнѣ никакъ самому такъ часто оное пѣздатъ, какъ бы хотѣлось; ибо какъ разстояніе отъ дома до сего иѣста было болѣе, нежели на версту, то пѣзкомъ туда ходить было слишкомъ да-леко, а на лошади можно-ль было всегда наѣздитъся?

За симъ занялся я осматриваніемъ всѣхъ казенныхъ строеній, производившихся еще тогда въ полномъ развалѣ, но пресе-шихся по случаю позднего осенняго вре-мени. Главной корпусъ или такъ-назы-ваемой дворецъ, воздвигнутой на пре-краснѣйшемъ мѣстѣ, на краю высокаго берега къ пруду, былъ хотя подъ кровлем, но снаружи и внутри еще не обштукату-ренъ, и далеко еще не отдѣланъ. Въ такомъ же состояніи находились и оба огромные съ нагорной стороны его на подобіе зѣмка окружающіе флигели, со множествомъ комнатъ и къ нимъ при-надлежностей. Всѣ они были хотя также покрыты, но внутри и снаружи далеко еще не отдѣланы; и нужно еще было употребленіе многихъ трудовъ и работъ къ доведенію ихъ до совершенства, и обо всемъ томъ надлежало мнѣ имѣть попеченіе, и заниматься тѣмъ въ послѣ-дующее лѣто.

Точно въ такомъ же состояніи пашель я и большую соборную церковь, посреди площади неподалеку отъ дома вновь воз-двигнутую, но во многомъ еще неотдѣ-ланную. Ее надобно было также внутри и снаружи штукатурить, докрывать и ис-правлять многія еще до нея относящіяся работы. Сбоку, подлѣ церкви сей, находил-ся выкопанной, нарочитаго пространства, продолговатой, четверосторонній прудъ, обсаженной кругомъ березками, въ себѣ воды еще пемного (?).

За симъ не преминулъ я также объ-ѣздить и осмотрѣть все селеніе города. Все оное состояло наглавнѣйше въ пре-длинной, старинной и не слишкомъ пря-мой слободѣ, простиравшейся въ длину безъ мала на версту, и составленную изъ

сплошныхъ деревянныхъ домовъ старинныхъ купцовъ, также конюховъ и другихъ разночинцевъ, и не стоила никакого дальнаго уваженія. Большая воронежская дорога, идущая изъ Тулы, проходила сквозь оную. Слобода сія, начавшись почти отъ самаго магазина и отъ бывшей тутъ, такъ-называемой, Стрѣлецкой слободы, простиралась до самаго моста чрезъ рѣчку Вязовку, и за онымъ находилось только нѣсколько казармъ, построенныхъ для жительства солдатъ, въ командѣ моей находившихся; а между ними и госпиталемъ на полѣ, подлѣ большой дороги, находился пустой, такъ-называемой, гостинной дворъ, состоящій въ предлинной связи со множествомъ каменныхъ лавокъ для помѣщенія купцовъ, приѣзжающихъ ежегодно туда на бываемую ярманку въ день казанской Богородицы.

Кромѣ помянутой старинной длинной слободы, была и вся большая и обширная предъ домомъ площадь окружена съ трехъ сторонъ новыми слободами. Одна и знаменитѣйшая изъ всѣхъ была расположена прямо и въ параллель противъ дома, и составленная почти вся изъ порядочно построенныхъ связей и казармъ, назначенныхъ для жительства разнымъ мастеровымъ, и на краю которой находился домъ управительской. Другая находилась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ дома и въ лѣвой отъ него сторонѣ, и состояла изъ порядочныхъ домовъ канцелярскихъ служителей и другихъ разночинцовъ. А третья была по правую сторону, и составленная изъ дворовъ церковнослужителей и нѣсколькихъ солдатскихъ казармъ. Сія была всѣхъ хуже, но занимала собою наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ Богородицкѣ, почему впоследствии времени, по опустошеніи оной пожаромъ, и уничтожена и мѣсто, гдѣ она сидѣла, занято подъ садъ алмасской.

Кромѣ сихъ слободъ, площадь сія была украшена повсюду березовыми, посаженными предъ слободами, широкими аллеями, и чрезъ самое то составляла наилучшее и красивѣйшее мѣсто во всемъ се-

леніи. Находилась еще въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ двора, напротивъ оная, за прудомъ, прямая и длинная, верста на двѣ простиравшаяся, крестьянская слобода, называемая Пушкарскою. Но сія не принадлежала уже къ городу, а была на обширномъ предъ собою выгонѣ, особую церковь во имя Покрова Богородицы.

Что касается до упомянутого теперь пруда, то былъ онъ предъ самымъ домомъ и превелькой, совсѣмъ еще новой и сдѣланной въ то же лѣто моимъ предѣстникомъ. Преогромная и широкая плотина была оплотомъ сему великому и длинному версты на двѣ простирающемуся водоему, и соединяла собою оба берега рѣчки Уперта, на которой сей прудъ былъ запруженъ и снабденъ посреди большимъ рубленнымъ спускомъ.

Въ семь состояло все жили тогдашняго Богородицка; и какъ находилось въ ономъ множество казенныхъ зданій, построенныхъ г. Опухтиннымъ, то стоило все то великихъ суммъ и трудовъ для сего моего предѣстника. Я, осматривая все оное, не могъ довольно всѣмъ расположеніемъ и красотою положенія мѣста налюбоваться; но все почти оное современемъ такъ превратилось, что нынѣ не имѣеть и подобія прежнему своему состоянію.

Не успѣлъ я симъ образомъ сего будущаго моего обиталища разсмотрѣть, и между тѣмъ обоимъ моимъ канцеляристамъ или паче секретарей кой-о-чемъ касающемся до волости разспросить, какъ гляжу скачетъ ко мнѣ и г. Верещагинъ. —«Ну что, братецъ, нашель ли и досталъ ли?» сказалъ я его встрѣчая. —«Что, батюшка (отвѣчалъ онъ): замучился скакавши всюду и всюду, и изъ одного мѣста въ другое, но никакъ не могъ добыть всей суммы». —«А сколько-жъ еще не достаесть?» спросилъ я. —«Да рублей съ двѣсти.» —«Да какъ же быть-то?» (подхватилъ я). —«Я ужъ право не знаю (сказалъ онъ): истинно изъ силъ выбился, но не могъ ни гдѣ въ такой скорости достать; теперь воля ваша и со мною.... Судьба моя въ рукахъ вашихъ, а ежели не помилуете,

дочно, исполняли бы все повелѣваемое, и удерживались бы отъ всего худого. Потомъ, сказавъ имъ, какого мнѣнія должны они быть обо мнѣ, и что я люблю, и чего терпѣть не могу, приступилъ къ своему дѣлу, и при первомъ семъ случаѣ постарался отъменно произвестъ опое такимъ образомъ, что всё остались съ удовольствіемъ и повезли съ собою по деревнямъ весьма выгодное обо мнѣ мнѣіе.

Симъ образомъ, вступивъ въ свою должность, началъ я оную отправлять понежному какъ надлежало. И какъ по случаю наставшей тогда зимы не было никакихъ надворныхъ дѣлъ, то и тутъ оставалось мнѣ множество свободнаго времени для употребленія на себя и на собственныя свои занятія, а потому, не любя быть въ праздности, и приступилъ я опять къ прежнимъ своимъ комматнымъ упражненіямъ, къ читанію книгъ или къ писанію чего-нибудь. Первѣйшимъ моимъ дѣломъ въ семъ отношеніи было то, что я увѣдомилъ чрезъ письмо благодѣтеля своего, господина Нартова, о случившейся со мною перемѣнѣ; и въ особенности былъ доволенъ, что жилъ я тогда на самой почтовой дорогѣ изъ Воронежа въ Тулу, въ Москву и далѣе, и могъ всё письма свои пересылать чрезъ тамошнюю ратушу, имѣвшую въ себѣ нѣкоторой родъ почтовой экспедиціи, а равномерно и самъ получать всё присылаемыя ко мнѣ письма безъ всякаго затрудненія. Сей самый случай побудилъ меня выписать на приближающійся 1777-й годъ не только русскія, но даже самыя нѣмецкія гамбургскія газеты, которыя до того никогда еще не имѣлъ я удовольствіе получать.

По учиненіи сего принялся я за продолженіе сочиненія моей «Дѣтской Философіи». Обстоятельство, что печаталась уже вторая часть сей моей книги, побуждало меня припяться опять за продолженіе труда сего, которой перервался было въ послѣднее время жительства моего въ Кіасовѣ. Итакъ, отыскавъ начатую еще осенью 1774 года седьмую часть сей книги, приступилъ я въ праздное вре-

мя за продолженіе оной и въ немногія недѣли кончилъ.

Между тѣмъ, поспѣли шкафы и полки для установливанія моихъ книгъ и картузозъ съ травами; и я убралъ и установилъ ими свою комнату предъ кабинетомъ моимъ такъ, что всё съ удовольствіемъ на нихъ сматривали. А чтобъ было мнѣ не такъ скучно, то выбралъ изъ тамошнихъ конюховскихъ, въ командѣ моей состоявшихъ, дѣтей двухъ умѣющихъ грамотѣ мальчиковъ, велѣлъ приходить всякой денъ къ себѣ для писанія въ сей, равно какъ домовой моей канцеляріи всякой всячины. И какъ они писали довольно уже хорошо и могли кое-что переписывать, то старался я обучить ихъ лучшему и правильнѣйшему писанію, что современемъ послужило имъ обоемъ въ великую пользу. Въ семъ упражненіи со товариществовали имъ и оба мои домашніе писцы, Василій и Яковъ, которые изъ ребятишекъ успѣли уже около сего времени выростъ большими, и хотя были уже при должностяхъ навременно, а особливо первой изъ нихъ, писавшій отъменно хорошо, должны были также кое-что переписывать.

Кромѣ того, недолго былъ я и безъ учениковъ такихъ же, какіе бывали у меня прежде. Родственникъ нашъ, господинъ Арцыбышевъ, Иванъ Аванасевичъ, убѣдилъ меня взять къ себѣ одного бѣднаго родственника его, Пахомова, и поучить чему-нибудь; я охотно на то согласился, и сего, довольно взрослога мальчика къ себѣ взявъ, дѣйствительно старался понаучить его и письму, и ариметикѣ и прочему, чему могъ, и онъ хотя и не долго у меня жилъ, но воспользовался моими наставленіями и помнить и понынѣ еще мое къ себѣ одолженіе, находясь уже въ службѣ при межеваніи.

Не успѣлъ я нѣсколько въ Богородицѣ обострожитья и осмотрѣться, какъ вдругъ, къ неизъяснимому удовольствію моему, является ко мнѣ другъ и прежній со товарищъ и собесѣдникъ мой кіасовской лекаръ Бептонъ.

— «Ба! ба! ба! увидѣвъ его, закричалъ я:

великаго числа земли себѣ въ наемъ за низкую цѣну, восхотѣлъ и со мною какъ можно скорѣе ознакомиться и произвести то чрезъ Варсобіна, своего друга и знакома. Сей и непреминулъ мнѣ прожужжать всѣ уши расхваливалиемъ доброты характера господина Толбузина, и присовѣтовалъ ему подслужиться заблаговременно мнѣ чрезъ обосланіе меня столикомъ краснаго дерева, сдѣланнымъ его столярами, какъ-бы на новоселье. И какъ мнѣ нельзя было не принять, то самой сей случай и положилъ первой слѣдъ къ нашему съ нимъ знакомству и дружбѣ. Ибо какъ скоро онъ узналъ, что я желалъ бы его видѣть и узнать, то вмгъ ко мнѣ и пріѣхалъ; а съ того времени и началась у насъ съ нимъ дружба и знакомство, продолжающееся и до нынѣ, и я могу сказать, что пріязню сего дома были мы всегда довольны.

Но сей, хотя дальній, сосѣдъ и былъ только одинъ, съ которымъ я въ первые мѣсяцы Богородицкаго моего жительства спознакомился. А какъ скоро за симъ наступилъ и 1777-й годъ, то повѣствованіе о случившемся со мною въ теченіе онаго предоставляю письму послѣдующему, а теперешнее симъ окончу сказавъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 22-го дня 1809 года).

1777-й годъ.

Письмо 187-е.

Любезный пріятель! Приступая къ описанію происшествій, случившихся со мною въ 1777-мъ году, которой былъ почти первымъ пребыванія моего въ Богородицѣ и достопамятенъ для меня и по многимъ другимъ отношеніямъ, и по случившимся со мною въ теченіе онаго особымъ и важнымъ произшествіямъ, начну тѣмъ, что мы начали провождать его хотя благополучно и будучи всѣ здоровы, но не слишкомъ весело, по причинѣ, что мы жили тогда почти въ совершенномъ уединеніи и не было никого изъ ближнихъ сосѣдей, съ которыми могли-бы мы видаться, и потому во всѣ святки было, и

не столько мнѣ, сколько семьянникамъ моимъ довольно скучно. Ибо что касается до меня, то я за непрерывными своими литературными упражненіями не видалъ никогда скуки, къ тому-жъ видался часто съ другомъ моимъ, г. Бентономъ, и провождалъ съ нимъ время съ пріятностію. Напротивъ того, семьянники мои не имѣли никого, съ кѣмъ бы могли онѣ дѣлать свое время. Знакомо имъ было тогда одо только семейство г. Верещагина, но какъ до нихъ было болѣе 20-ти верстъ, то никакъ не можно было имъ видаться съ ними часто; ктому-жъ какъ-то свойствомъ и характеры сестеръ г-на Верещагина были таковы, что наши не могли никакъ съ ними содружиться, и несмотря на всю оказываемую ими наружную ласку, не лежало у моихъ домашнихъ никакъ къ нимъ сердце и онѣ всегда опасались отъ нихъ только пересудовъ и переговоровъ, къ чему тѣ имѣли особливую наклонность, а для нашихъ, любившихъ простое, дружеское и прямодушное обхожденіе, было сіе всего непріятнѣе. Что касается до женъ всѣхъ трехъ канцеляристовъ моихъ, то сіи, будучи настоящими старинными подъяческими женами и самими охрепками, не могли никакъ дѣлать имъ компаніи. Кромѣ сихъ находилось еще тогда въ Богородицѣ два дома господъ Подуниныхъ, но и тѣ ничего не значили. Они принадлежали прежде сего къ конюшенной командѣ, но тогда были люди свободные, и ни то дворяне, ни то одноворцы, и люди очень небогатые. Одинъ изъ нихъ, по имени Аеанасій Ивановичъ, былъ самой ближней къ намъ сосѣдъ, ибо жилъ обо дворъ съ нами и только чрезъ проулокъ, былъ хотя старикъ очень доброй, но простой и почти безъ семейства, а другой его братъ, Иванъ Ивановичъ, жилъ далѣе, но будучи совершенно глухимъ, наводилъ при свиданіяхъ болѣе безпокойства, нежели удовольствія. Итакъ, хотя по приглашеніямъ мы во время святокъ у всѣхъ у нихъ и бывали и былъ по возможности ими угощаемы, а взаимно и ихъ у себя угощали, но не имѣли никакого дальнаго удовольствія.

порадовало, столько перестрадало впрахъ другое, случившееся около сего времени. Однимъ днемъ едва-было не произошелъ пожаръ въ моемъ домѣ и мы чуть-было совсѣмъ не сгорѣли, и никто какъ явное милосердіе Господне насъ спасло отъ того. Какимъ-то образомъ потолокъ и верхнія переклады сдѣланы были слишкомъ близко къ трубѣ, и отъ сей загорись оныя непримѣтно на чердакѣ и разгорись такъ, что пылало уже поломя. По счастью случилось самому мнѣ итти въ то самое время чрезъ переднія сѣни, и ненарочно взглянуть на лѣстницу и всходъ на чердакъ, тутъ бывшій, и увидѣть дымъ и самое пламя, тамъ пылающее. Испужавшись неизреченнымъ образомъ, выскочилъ я опять скорѣе на крыльцо и поднялъ крикъ и вопль, чтобъ скорѣе люди бѣжали и тушили, и вытуривъ ихъ для того же изъ лакейской. По счастью случилось на дворѣ тогда у насъ подлѣ кухни превеликая бочка воды, привезенная только-что гонщикомъ изъ колодезя для кухни, то сбѣжавшіеся люди ею и свѣгомъ и успѣли еще благовременно все горѣвшее погасить и не допустить огню увеличиться и разгорѣться. Но еслибъ какія-нибудь минутъ 10 или 15 позднѣе случилось мнѣ сіе увидѣть, то бы тушить было бы уже очень трудно.

Сей случай, перестрадавшій сколько меня, а того еще болѣе всѣхъ моихъ домашнихъ, заставилъ насъ быть впредь осторожнѣйшими и отъ огня беречься болѣе прежняго; а немало побудилъ насъ къ тому же и дѣйствительной пожаръ, случившійся вскорѣ послѣ сего времени въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ въ слободѣ купеческой. Нечаянное забитіе во всѣ большіе колокола въ набатъ на колокольнѣ возвѣстило намъ сіе бѣдствіе. И какъ было сіе еще въ первой разъ во время моего жительства въ Богородицкѣ, то случай сей, случившійся въ почное время, перестрадалъ и меня, и домашнихъ моихъ до крайности. По счастью произошло сіе ввечеру и въ такое время, когда народъ еще не спалъ и могъ тотчасъ на пожаръ сбѣжаться. А какъ

въ одинъ мигъ прибѣжать и я туда-жъ почти безъ души, и сдѣлавшись поневогѣ расторопнымъ, употребилъ все, что только было можно къ скорѣйшему прерванію онаго, то и не допустили мы сгорѣть болѣе одного дома.

Между тѣмъ, пользуясь удобнымъ и свободнымъ зимнимъ временемъ, переминулъ я въ возокѣ своемъ объѣздить всѣ ближнія и знаменитѣйшія селенія сей волости для полученія объ нихъ на первой случай какого-нибудь понятія. И какъ тогдашнее зимнее время и стужа прелатствовала мнѣ много какъ въ подробномъ осматриваніи оныхъ, такъ и въ сборѣ всѣхъ жителей, то и довольствовался я въ сей разъ единственнымъ только почти воззрѣніемъ на оныя, а потому и успѣлъ въ немногіе дни ихъ почти всѣ объѣздить, а обстоятельное обозрѣніе отложилъ уже до наступленія лѣтняго времени.

Что касается до управления моего волостью, то оно мало-по-малу продолжалось какъ надобно, и показалось мнѣ съ самаго уже начала далеко не таковымъ труднымъ, каковымъ я его себѣ воображалъ. Причиною тому было то, что я нашелъ уже тутъ всѣ распоряженія, какія нужны были къ тому, предѣстникомъ моимъ господиномъ Опухтинымъ единожды навсегда сдѣланныя и свято наблюдаемыя. И какъ всѣ они были такъ хороши, что не требовали никакой перемены и поправленія, то и нужно мнѣ было только узнать и войти въ всѣ оныя, а потомъ наблюдать, чтобъ сохраненіе оныхъ продолжалось по введенной во всемъ формѣ, и притомъ непрерывно и съ такою-жъ во всемъ исправностію; а все сіе и облегчало мнѣ управленіе волостями очень много.

Три только вещи озабочивали меня сначала наиболѣе и обращали на себя мое вниманіе, а именно: во-первыхъ, воровство, бываемое часто не столько по деревнямъ, какъ самомъ нашемъ селеніи. Не успѣлъ я прибѣхать и осмотрѣться, какъ Варсобины прожужжалъ мнѣ всѣ уши, изъясняя негодованіе свое на сіе зло, бываемое въ Богородицкѣ и слобо-

о смиреномъ умѣ чиста. И какъ
лишь вѣдомости о томъ дѣле-
номъ изъ убогихъ вѣдомостей,
періодически ждали въ тобу
да-нибудь быть вѣданы и казнен-
ные бы за то каковы бы. А
но какъ впрочемъ и сего за не-
имени послѣ моего прихода. Тѣ-
о и привели во мнѣ съ удивле-
н у одного изъ вѣданныхъ крест-
в. Я. знаа уже къ неимени-
ного дѣствуетъ употребленіе
нихъ случалъ при самомъ началѣ
и сворое неудачливомъ са-
, восхотѣлъ и въ сего случаѣ е-
точно такъ же, какъ въ Кіевс-
вдого думая, холода разожде-
пелалъ плетни, какъ воится, не
вничью духовнаго его знаія, ка-
вдумалъ-было онъ отдѣляться,
добно звать, что онъ въ нагнѣніи
что никто его не можетъ наказа-
вдался въ сію жалость; а потому
въ случаѣ думать, что я отоню
духовное правленіе, и что онъ
въ всего откуится, и вздумалъ
ючиться. Но самое сіе наиболѣе
разгорячло. «О! воскликнулъ я:
и на духовна свои правленія на-
и, такъ я тебѣ доважу, что я икъ
са, и выпорю тебя, сколько душъ
одно, какъ вора и бездѣльника: а
и проси на меня не только свое
е правленіе, но хотя самого ар-
Онъ меня знаетъ коротко и самъ
всѣбо за то скажетъ. Ложись-ка,
! Съ вашею братьею съ ворами я уже
акъ ладить. Въ Кіевскѣ былъ и
іе воры, но я и тѣхъ тотчасъ отъ
шалостей и воровства отводилъ; а
сказываю, что ты чѣмъ скорѣе
іхъ твоихъ шалостей отвыкнешь,
лучше, и что я на то уже пошелъ,
изъ бездѣльника сдѣлать тебя доб-
человѣкомъ».—И сказавъ сіе, ве-
го солдатамъ хорошенько и по-сол-
приударить; а сіе произвело же-
дѣйствіе, и пономаря моего отъ
гва, какъ бабушка, отходило. Онъ
не упустилъ произвестъ на меня

въ своемъ духовномъ управленіи жару
и гнѣву, но доблю и въ самомъ управленіи
и а тѣмъ-бывъ въ началѣ сего года
конецъ въ то вѣданы архіерей въ по-
дѣлу въ сію вѣданы и въ вѣданы
ихъ дѣлами, а вѣданы же въ Тубѣ
красивомъ въ немъ поуживаніи
вѣданы въ вѣданы, вѣданы же
вѣданы вѣданы, сего а въ въ сего а въ
сего вѣданы сего. Но какъ а тѣмъ же
красивомъ вѣданы вѣданы и въ
красивомъ сего вѣданы, что вѣданы не было
ихъ вѣданы вѣданы вѣданы сего вѣданы
вѣданы вѣданы и вѣданы, а что вѣданы
и сіе единственно для сдѣланія сего
дѣла въ вѣданы, то архіерей вѣданы
вѣданы, и вѣданы рукой, оставилъ же сіе
и имъ съ ними сего вѣданы. А самое
сіе много вѣданы и на пономаря,
кбо онъ вѣданы, что и духовное его прав-
леніе и самъ архіерей ничего ему не по-
могетъ, за благо разудить дѣйствительно
отъ вѣданы шалостей отстать и сдѣлаться
въ самомъ дѣлѣ съ того времени доб-
рымъ человѣкомъ; а моя выгода была та,
что всѣ жители взяли себѣ покой и без-
опасность.

А таковую же строгость и неуусты-
тельное наказаніе за воровство употре-
блялъ я и въ разсужденіи волостныхъ му-
жиковъ, и имѣлъ также отъ того успѣхъ
вождедѣвной. Сіи сколько ни были бла-
гоуравнѣ въ сего отношеніи крестьянъ
кіевскихъ, но такой большой семьѣ,
какова была сія волость, нельзя было
быть безъ многихъ уродовъ, и рѣдка суб-
бота проходила, въ которую бы не былъ
я обремененъ просьбами о произшедшихъ
кой-гдѣ разныхъ пропажахъ и произве-
денныхъ воровствахъ; и изслѣдованія и
разбирательствы снхъ темныхъ дѣлъ и
причиняли мнѣ наиболѣе всего неодно-
кратно великія хлопоты, досады и неопы-
санная иногда затрудненія, недоумѣнія
и нерѣшимости, и нерѣдко принужденъ
я быть употреблять всю свою философію
и напрягать всѣ силы разума своего къ
открытію утаиваемаго зла. Но какъ я за
правило себѣ поставилъ, не оставлять ни
малѣйшаго обличеннаго и открывшагося

воровства безъ жестокаго наказанія, и не столько за самое дѣло, какъ за запирательство и нескорое въ винѣ признаніе, и все сіе сдѣлалось въ волости извѣстнымъ, то сіе и тутъ поуменьшило гораздо все такъ нашему подлому народу свойственное воровство, а чрезъ то и я впоследствии времени имѣлъ отъ того хлопотъ и заботъ меньше.

Во-вторыхъ, при помянутыхъ еженедѣльныхъ разбирательствахъ и сужденіяхъ озабочивали, досаждали и даже крайне обременяли меня жалобы и просьбы о дракахъ и ссорахъ между собою у крестьянъ. Не проходило ни одной субботы, въ которую бы ихъ не было и я не принужденъ бы былъ разбирать сіи дразги, и нерѣдко занимали онѣ меня болѣе нежели какія нибудь важнѣйшія дѣла и по нѣсколькимъ часамъ къ ряду. Нѣсколько времени переносилъ я сіе съ довольнымъ твердодушіемъ, но наконецъ стали онѣ мнѣ прискучивать и побуждать къ изобрѣтенію какого-нибудь средства къ уменьшенію количества сихъ жалобъ. И вотъ что наконецъ я выдумалъ: какъ изъ слѣдствій сихъ дѣлъ оказалось, что происходили сіи драки наиболѣе отъ перебранокъ и оттого, что никто не хотѣлъ переносить никакаго браннаго слова, выговореннаго другимъ, но приступалъ къ отомщенію такими-жъ бранями, а потомъ даже и подниманіемъ руки на своего обидчика, и что отъ равномѣрнаго соотвѣтствія тѣмъ же самымъ и происходили всѣ тѣ ссоры и драки; то для пресѣченія всего того и удобнѣйшаго погашенія наипервѣйшихъ искръ, производящихъ сіи пожары, и обнародовалъ я чрезъ старостъ и бурмистровъ во всей волости, чтобъ впредь во всѣхъ такихъ случаяхъ, кто одинъ другого обидитъ какимъ-либо словомъ или дѣломъ, никто-бы и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ бы самъ собою съ обидчикомъ управляться, и отнюдь бы не соотвѣтствовалъ ему такими же бранными словами, а того паче не давалъ бы отнюдь волю своимъ рукамъ, а тотчасъ бы заявлялъ первымъ, случившимся при томъ быть людямъ, какъ дѣлаемую себя

отъ другого обиду, такъ и свое несоотвѣтствованіе; а потомъ объявлялъ было томъ старостѣ или бурмистру, сказывая, что онъ въ первую потомъ субботу поѣдетъ въ городъ на обидчика своего жаловаться, и чтобъ староста высылалъ неотмѣнно въ городъ и обидчика для отвѣта; а староста, чтобъ неотмѣнно и не упустилъ того дѣлать и подъ оглашенія наказанія никакъ не доводилъ до того, чтобъ принуждено было изъ канцеляріи за отвѣтчикомъ посылать нарочныхъ, и чрезъ-то дѣло бы могло идти въ отволочку. Далѣе велѣлъ я, обнародывая сіе, раствердить всѣмъ крестьянамъ и увѣрить ихъ, что всѣ тѣ, которые приказаніе сіе исполнять, и сами ни словами, ни дѣломъ не отвѣтствуя, все мщеніе за себя предоставятъ мнѣ, отъ меня совершенно будутъ удовлетворены, и всѣ обидившіе ихъ безъ изъятія, и сколько сколько душъ ихъ угодно, будутъ наказаны. Напротивъ того, всѣ тѣ, которые сего узаконенія не исполняютъ, и не утерпѣвъ сами бранными словами или даже волю рукамъ своимъ, будутъ обидчикамъ своимъ отвѣтствовать ударами и побоями, потеряютъ все право на получение желаемого себѣ удовлетворенія, но будутъ паравиѣ съ обидчиками своими за неслышное и неспокойное свое поведеніе наказаны.

По обнародованіи такого новаго и необыкновеннаго устава, и по растверженіи того чрезъ старостъ всѣмъ и каждому, положилъ я за правило и самъ непремѣнно наблюдать оной, и при всякомъ случаѣ, когда доводилось разбирать какую-нибудь словесную ссору или драку, прежде всего спрашивалъ: слышалъ ли онъ помянутое запрещеніе и приказаніе? Если на сіе объявлялъ мнѣ кто, что онъ того не слышалъ, то за сіе отвѣтствовать долженъ былъ староста и терпѣть наказаніе за неисполненіе моего приказа. А какъ скоро кто сказывалъ, что онъ слышалъ, то спрашивалъ я далѣе: исполнилъ ли онъ сіе приказаніе въ точности? И какъ скоро кто объявлялъ или изобличенъ былъ, что онъ, не утерпѣвъ и самъ

и стя свою обиду, либо словами или руками обидчику своему отвѣтствовали, тогда, не разбирая ничего вдалѣ, клалъ я обонкъ, и просителя и отвѣтника, и смотря по великости ссоры или драки, наказывалъ соразмѣрно онимъ безъ всякаго упушенія. Напротивъ того, какъ скоро кто изъ просителей объявлялъ, что онъ все полагѣнное въ точности выполнилъ, и обидчику своему ни словомъ, ни дѣломъ не отвѣтствовалъ, и что ссылается въ томъ на свидѣтелей и на старосту; тогда, похваливъ его за то, безъ дальнихъ околичностей обидчика предавалъ въ совершенную его волю, говоря, чтобъ онъ при мѣ и при присутствіи всѣхъ старостъ и другихъ людей дѣлалъ съ нимъ что хотѣлъ, и бранилъ-ли бы его взапно, или билъ по щекамъ, или таскалъ бы за волосы и за бороду, или на раздѣтаго и положеннаго на полъ, сѣлъ бы самъ ему на голову, и плетью или розгами, сколько душъ его угодно, обидчика бы своего сѣкъ.

Не могу изобразить, какое великое дѣйствіе произвела сія моя политическая выдумка! Оно превзошло даже все собственное мое чаяніе и ожиданіе. Не успѣлъ я нѣсколько разъ исполнить все вышеупомянутое въ самой точности, и молва о томъ разсѣяться по всей волости, какъ при судахъ моихъ и стали появляться такія сцены, которыя иногда извлекали изъ всѣхъ зрителей самыя слезы удовольствія. Ибо какъ скоро всѣ узнали, что всѣ взаимно бранившіеся и дравшіеся неиземлемо будутъ оба наказаны, то у всѣхъ сихъ прошла охота ѣздить съ жалобами на то въ городъ и на дальнее иногда разстояніе. Напротивъ того, другіе дѣйствительно начали выполнять приказъ во всей точности, и ничѣмъ не отвѣтствуя обидчикамъ, заявлять только то другимъ и старостѣ, и сами, равно какъ гордясь тѣмъ, приѣзжали просить, привозя съ собою и отвѣтниковъ: то хотя и случалось то, хотя и рѣдко, что они, получивъ отъ меня во власть свою своихъ обидчиковъ, бивали ихъ иногда по щекамъ, таскали ихъ за волосы и за бороды, или за чувствительное ихъ себѣ оскорб-

леніе, сѣвши на голову имъ, дѣйствительно ихъ сколько хотѣли сѣкали, ибо я тогда уже въ нихъ дѣло не мѣшался, а виноватому говаривалъ, чтобъ онъ не меня, а обиженнаго имъ просилъ о помилованіи, и нѣкоторые, будучи очень раззоблены, прямо и досыта на нихъ обиду свою отомщали: но все сіе случалось очень рѣдко, а по большей части ованчивалось все дѣло тѣмъ, что обидчикъ упалъ предъ обиженнымъ въ землю, и просилъ его объ отпущеніи ему его проступка, и сей, пожуривъ его, къ удовольствію всѣхъ зрителей, обиду свою прощаль, и они при всѣхъ тутъ обнимались, мирились и дѣловались, и каковыя сцены рѣдко иногда всѣхъ до слезъ растрогивали. А какъ всѣ сими образомъ великодушно поступившіе мною и всѣми старостами были похваляемы, а напротивъ того ко всѣмъ мстившимъ оказываемо было нѣкоторое негодованіе: то, къ особливому удовольствію моему и облегченію, большая часть смѣтъ образомъ ссорящихся и перестали ко мѣ приѣзжать съ своими жалобами: ибо виноватые, будучи удостовѣрены въ томъ, что безъ наказанія и посрамленія не останутся, то нехотя терпѣть позора отъ обиженныхъ публично и при всемъ народѣ наказанными, что для нихъ было несравненно чувствительнѣе, не допускали себя до того, но при первомъ объявленіи о томъ старостѣ валилися къ ногамъ обиженныхъ, и просили ихъ еще въ деревнѣ у себя о прощеніи, и при посредствѣ старосты мирились, а потому и не было имъ нужды ѣздить за сими въ городъ, а они охотнѣе на мировой выпоразнивали какую-нибудь склянницу зелена-вина, поподчивавъ имъ вмѣстѣ съ собою и старосту, почему и сія къ такимъ миротвореніямъ имѣла побудительную причину, а для меня было тѣмъ все сіе облегчительнѣе.

Третій, озабочивающій меня около сего времени, предметъ состоялъ въ томъ, что надобно было помышлять о заготовленіи многихъ всякаго рода вещей и матеріаловъ, потребныхъ отчасти къ производству производящихся въ Бобрікахъ

ше во всемъ развалѣ, отчасти въ окончанію приходившихъ въ Богородицкѣ строеній. Многія изъ сихъ должны были въ послѣдующее за симъ лѣто доведены быть до совершеннаго своего окончанія, но къ сему потребно было множество каменныхъ, деревянныхъ и желѣзныхъ матеріаловъ и вещей. Изъ сихъ далеко еще не всѣ были куплены и доставлены на мѣсто а многія надлежало либо при посредствѣ подрядовъ закупать, либо инако приготовить; итакъ, дѣла, хлопотъ и заботъ по сему было превеликое множество. Я долженъ былъ входить во всѣ подробности и разспрашивать у моихъ секретарей, гдѣ, когда, у кого, какъ и что предѣстники мои до сего подряжали и покупали, а у архитекторовъ спрашивать, что именно и сколько чего и къ какому времени потребно; а получивъ отъ нихъ обо всемъ томъ свѣдѣніе, и располагая уже по тому свои мѣры. Варсобинъ тотчасъ неприминулъ мнѣ въ особенности выхвалять Алексинскаго лѣсного подрядчика купца Вахтина, а въ разсужденіе всѣхъ большихъ желѣзныхъ, кузнечныхъ и плесарныхъ подѣлокъ и работъ тульскаго оружейника Василья Антонова, сына Пастухова; и по требованію моему неприминулъ ихъ обоихъ ко мнѣ выписать, чтобъ мнѣ съ ними обо всемъ нужномъ переговорить, и обо всемъ цѣны узнать было можно. Они и неприминули ко мнѣ тотчасъ прискакать. Обоихъ я до того времени еще не зналъ, и первой показался мнѣ купцомъ обыкновеннымъ и болѣе корыстолюбивымъ, нежели богатымъ. При предложеніи ему вѣдомости о томъ, какіе лѣсные матеріалы и сколько ихъ намъ въ будущему лѣту было потребно и при вопросѣ о цѣвахъ, заворотилъ онъ мнѣ всему такіа страшныя цѣны, что я ажъ остолбенѣлъ, и легко заключаю, что у него съ прежними моими предѣстниками было не безъ перенюхиванія между собою и что онъ и обо мнѣ дѣлалъ такіа же заключенія, безъ дальнихъ околичествъ ему сказала: «Слушай-ка, мой другъ! Я не знаю, что и какъ было у васъ съ моими предѣстниками, а ежели

ты хочешь со мною имѣть дѣло, такъ пожалуй пустяки-та иные оставляй, и не позагай ничего на мой собственной счетъ, а будучи увѣреннымъ, что ты неннако какъ рубль за рубль получишь, объяви-ка ты мнѣ безъ торгу и всему цѣны настоящія, чтобъ я могъ съ ними безъ стыда и зазрѣнія совѣсти показаться къ командиру моему князю, а не то такъ я найду и другихъ лѣсныхъ продавцевъ и кроме тебя». Вахтинъ удивился сіе услышавъ, а не менѣе его и господинъ Варсобинъ, которой у предѣстниковъ моихъ былъ обыкновеннымъ во всемъ сводчикомъ. Но оба они, что ни думали, но принуждены были наконецъ открыть мнѣ настоящія и сходныя всему цѣны.

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ господиномъ Пастуховымъ. Вѣсей особѣ нашель я очень умнаго, знающаго и такого человѣка, какого я и не чаялъ найти въ оружейникѣ, и которой по всему обращенію своему заслуживалъ несравненно множайшее уваженіе, нежели Вахтинъ, и былъ такой человѣкъ, съ которымъ можно было имѣть даже самую дружбу и знакомство. Однако и сему единожды и навсегда я прямо сказалъ, что ежели онъ хочетъ имѣть со мною дѣло, и дружбу, и знакомство, то располагалъ бы онъ всѣ свои поступки со мною на самой честной ногѣ и безъ всякихъ коварствъ, хитростей и излишнихъ затѣвъ; что собственно мнѣ самому для себя ничего не надобно, и онъ на мой счетъ не клалъ бы ничего, а объявлялъ бы всему цѣну настоящую и такую, чтобъ онъ оставался безъ наклада, а могъ бы получить и барышъ законной, но не чрезмѣрной, и чрезъ то бы и меня, и себя не привелъ бы князю въ подозрѣніе; на что сей охотно и согласился, увѣривъ меня, что и самъ онъ для князя, знающаго его довольно, ничего непопулярнаго въ счетъ ставить не будетъ; меня же только просилъ, чтобъ я при всѣхъ моихъ въ Тулу приѣздахъ имѣлъ у него въ домѣ непримѣнную квартиру, и увѣрялъ, что онъ постарается ласкою и услугами своими приобрѣсть себѣ мою дружбу и благоволеніе

и быть оной достойнымъ. А самъ я былъ и доволенъ, и могу сказать, что сей человекъ и не показалъ мнѣ себя никогда бездѣльникомъ, и какъ знакомство его было бесполезно, а особливо тѣмъ, что шли мы въ немъ въ Тулѣ всегда доброго и вѣрнаго комиссіонера, исправляющаго по требованіямъ нашимъ всѣ наши нужды.

Какъ по отобраніи всѣхъ посылки тѣмъ нужно мнѣ было какъ для представленія ихъ князю и изъясненія на нихъ отъ него разрѣшенія, такъ и для переговоровъ и о многихъ другихъ до волюсти относящихся обстоятельствахъ, повидаться съ старикомъ-княземъ, то рѣшился я къ нему на короткое время въ Москву съѣздить, гдѣ и собственными свои войскакія нужды надобно было исправить. И для того, сдѣлавъ для привоженія подержанныхъ уже до меня и готовыхъ матеріаловъ потребные съ обихъ волостей наряды, и отправивъ за ними съ капрадами и солдатами въ Алексинъ и въ другія мѣста подводимъ, и пустился я въ сей путь одинъ. И какъ я залъ Пастухову вѣрное слово въ Тулѣ остановиться у него въ домѣ, то къ нему дѣйствительно и вѣхалъ.

Пастуховъ былъ мнѣ чрезвычайно радъ и не зналъ какъ меня угостить лучше. Тутъ я еще болѣе удивился, нашель у него порядочной и довольно хорошо прибранной домики и большую фабрику шлесарную и кузнечную, на которой производились не только мелкія, но и самыя крупныя и тяжелыя работы; а что всего болѣе меня удивило, то нашель я въ немъ прелюбопытнаго на все и съ довольными обо всемъ свѣдѣніями человека, и прелюбопытнаго до разныхъ и дорогихъ птицъ и до сала. Все даже многочисленное семейство его было такое доброе, такое ласковое ко мнѣ, что я воистиннѣ былъ очень доволенъ, и съ удовольствіемъ согласился встать у нихъ въ Тулѣ стоять, и тѣмъ наче, что и пребываніемъ своимъ не могъ я дѣлать ему дальняго угтсненія, ибо самъ онъ жилъ въ

верхнемъ жилѣ, а нижнія комнаты были всегда почти порожнія.

Въ сей-то самѣ пргѣзѣ и шѣлъ я случайно встрѣтисъ съ старичкомъ нашимъ Коломенскимъ архіереемъ Феодосіемъ. Ибо какъ ему въ самое сіе время случилось быть въ Тулѣ, то услышавъ о томъ и спросивъ у Пастухова санки, полегѣлъ я къ нему, желая отдать ему свой поклонъ по старинному знакомству; и тутъ-то происходишь у насъ съ нимъ тотъ разговоръ о кономарѣ, о которомъ упоминалъ я выше, и при которомъ поступкомъ оныхъ своимъ впередъ въ меня къ себѣ еще болѣе почтенія.

Переночевавъ въ Тулѣ и исправивъ всѣ свои дѣла, продолжалъ я свой путь, и заѣхалъ въ другую ночь ночевать въ имбезное свое Дворянново. Это было въ первой еще разѣ, что я по отъѣздѣ моемъ изъ Кіевоки былъ въ своей деревнѣ, и увидѣлъ сколь велика была разница между разстояніями прежними и тогдашнимъ до моего дома. Изъ Кіевоки могъ я поспѣвать къ себѣ въ дождь часовъ въ 5-ть или 6, а для приѣзда изъ Богородицка потребно уже было двое сутокъ.

А поему легко могъ я заключить, что намъ никакъ уже не можно будетъ такъ часто бывать въ своей деревнѣ какъ прежде, что принуждало насъ забирать туда съ собою людей и всякой всячиной колико можно уже болѣе, дабы тамъ можно было жить полнымъ домоу и ни въ чемъ не нуждаться; а въ деревенскомъ домѣ оставить только самыхъ необходимыхѣйшихъ, какъ-то: прикащика, обихихъ садовниковъ и еще бывшихъ тогда стариковъ и старухъ въ домѣ.

Какъ была тогда зима, и хоромы наши занесены были всѣ снѣгомъ и нетопленныя, то переночевавъ кое-какъ въ людской избѣ, гдѣ жилъ тогда и мой прикащикъ, не сталъ я тутъ долѣ медлить, но съ утра пустился далѣе, и препроводивъ двое сутокъ въ дорогѣ, приѣхалъ наконецъ въ Москву.

Симъ окончу я и сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

Генвара 25 дня 1799 г.

ЗНАКОМСТВЫ И ШУТКИ.

Письмо 188-е.

Любезный пріятель! Пребываніе мое въ столицѣ было въ сей разъ очень недолговременно, ибо какъ вся надобность моя наиболѣе состояла въ личномъ свиданіи съ княземъ, и чтобъ мнѣ съ нимъ переговорить кое-о-чемъ относящемся до обѣихъ вѣрренныхъ управленію моему волостей, Бобриковской и Богородицкой; то мы скоро и въ немногіе дни дѣло свое съ нимъ кончили.

По донесеніи ему обо всемъ въ подробности, чтѣ я нашелъ въ волости, наглавнѣйшая моя надобность состояла въ томъ, чтобъ переговорить съ нимъ о предметахъ, относящихся до производимыхъ тамъ строеній. Я привезъ къ нему съ собою списки и вѣдомости о всѣхъ матеріалахъ, потребныхъ еще къ окончанію работъ сихъ, и какъ о имѣющихся въ наличности, такъ и о тѣхъ, кои заготовить еще надобно. При разсмотрѣніи оныхъ и цѣнъ, требуемыхъ за лѣсные и желѣзные матеріалы, удивился князь увидя ихъ гораздо умѣреннѣйшими, особливо противъ тѣхъ, которыя были при умершемъ предмѣстникѣ моемъ, князѣ Гагаринѣ, и догадываясь о истинной тому причинѣ, усмѣхался только князь и изъявлялъ отгѣнное свое удовольствіе о моихъ цѣнахъ и въ ту же минуту апробовалъ оныя. Послѣ того стали мы говорить о плотникахъ и штукатурахъ, кои потребны были также для сей отдѣлки; и какъ оныхъ въ тамошнихъ мѣстахъ нигдѣ отыскать было не можно, то князь, по обыкновенію своему, взялъ на себя пріискать ихъ въ Москвѣ, и заключивъ съ ними контрактъ, прислать ко мнѣ при наступленіи весны, чѣмъ я былъ и доволенъ.

По окончаніи всѣхъ нашихъ переговоровъ, относящихся до строенія, довелъ я съ нимъ рѣчь и о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, относящихся до волостей Изъ всѣхъ ихъ наиважнѣйшій предметъ былъ о множествѣ незаконныхъ выста-

вокъ пли кабаковъ, находящихся въ Богородицкой волости. До сего издревле было во всей волости только три кабака, но предмѣстнику моему, господину Опухтину, разсудилось какъ-то бывшему тогда откупщикомъ купцу дозволить во всѣхъ почти знаменитѣйшихъ селеніяхъ завести, подъ именежъ выставокъ только въ праздничные дни, порядочные и всегдашніе питейные дома или кабаки. Не знаю подлинно, а говорили, будто бы стоило дозволеніе сіе откупщику нѣсколькихъ тысячъ, и что г. Опухтинъ и послѣ всякой годъ получалъ за сію недозволенную ежедневную продажу вина добрую съ откупщика пошлину, преемникъ же его, умершій князь Гагаринъ, еще того множайшую. Въ пеложности сей общей молвы много удостовѣрило меня и то, что г. Варсобинъ, служившій, какъ я выше упоминалъ, при всѣхъ такихъ дѣлахъ главнымъ маклеромъ и орудіемъ, подлиналъ-было и ко мнѣ съ такими-жъ предложеніями, а именно, чтобъ не давать откупщику одному наживать отъ того многія тысячи, а не грѣхъ бы ему было и подѣлаться въ томъ со мною. Но какъ я всего далѣе удаленъ былъ чтобъ давать таковымъ и подобнымъ тому другимъ внушеніямъ въ головѣ своей мѣсто, то слушалъ сіе только усмѣхаясь, и безъ дальнихъ обиняковъ давалъ Варсобину знать, чтобъ отложилъ онъ сіи бинны до другого дня, или яснѣе сказать, пересталъ бы о томъ и думать. Таковыми отвѣтами обыкновенно я всегда молодца сего отбодрявалъ, когда случалось ему подъѣзжать ко мнѣ съ таковыми плутовскими предложеніями; и хотя я зналъ, что сіе было ему не по душѣ и не весьма пріятно, но сего нисколько не уважалъ, а шелъ прямою дорогою и дѣлалъ свое дѣло и то, чего требовала отъ меня и честь, и совѣсть.

Всходствіе чего и въ семъ случаѣ, какъ мнѣ довольно сдѣлалось извѣстно, что неуказные кабаки сіи, коихъ число до двадцати простиралось, обращались въ неизобразимой вредъ волостямъ и что всѣ мужики спивались на нихъ съ круга

одно пропивали до нѣскольکو дѣтъ тысячъ рублей, а сверхъ того си я, чтобъ послѣ отъ кабаковъ в претерпѣть бы самому мнѣ казни и бѣды; то и почелъ я должнѣмъ донести о томъ старику и обстоятельство сіе представивъ гощемъ его видѣ спросить, что вѣтъ онъ съ ними дѣлать.

и удивило таковое донесеніе. Оно на него совсѣмъ неожиданнымъ и сію нѣскольکو минутъ о томъ думая между которыми временемъ я съ пестромъ дожидался его отвѣта. нѣ спросилъ онъ меня: «Жалуютъ на сіе мужики, и не считаютъ ли обѣ отягощеніемъ?» Сей вопросъ в также и меня, какъ мой его, ну тотчасъ сказалъ самую истину: «Вѣтъ отъ нихъ хотя и вѣтъ, да и в можетъ, поелику всякой такой можетъ почестъся для нихъ, по нѣ ихъ къ пьянству, селеніемъ нимъ; но что отъ нихъ сущейной вредъ для нихъ и всей во-происходить, и что многіе не совсѣмъ пропились и разорились, добрыхъ людей сдѣлались него-то была неоспоримая истина. какъ! (сказалъ на сіе князь): но и вѣда, что уничтоженіе кабаковъ ожетъ доставить намъ множество и хлопотъ. Намъ принуждено бу-зводить дѣло и ссору съ присут-стии мѣстами, а мнѣ бы сихъ скуч-разговъ не хотѣлось». — «Да какъ оните приказать?» (спросилъ я.)— «Залъ наконецъ князь: когда они (нажды введены, то такъ уже и Оставьте ихъ съ покоемъ! Къ то-разсмѣявшись продолжалъ онъ, ювъ нашихъ, а особливо такихъ хъ и всѣмъ довольныхъ какъ во-е, трудно воздержатъ отъ пьян-лайдутъ они и вездѣ вино свое лю-а что они пропиваютъ много де-акъ это едва ли не полезнѣе того, и зарываютъ ихъ въ землю, и у въ великое множество пропадаетъ зъ вѣсти». — «Да, это правда (ска-

залъ я: сіе и мнѣ уже нѣскольکو разъ слышать случалось, и недавно сказывали мнѣ, что у одного мужика зарыто было въ землю болѣе 500 рублей; но какъ онъ, не сказавши никому изъ дѣтей о мѣстѣ, гдѣ она зарыта, умеръ, то такъ они и пропали. А о томъ, что у многихъ были они перегражены, доходили уже до меня неоднократно просьбы». И такъ, по-смѣявшись мы тому, на томъ и положили, чтобъ кабаки оставитъ мнѣ попрежнему съ покоемъ, что мнѣ хотя и не весьма было пріятно, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ, что предварилъ князя гѣмъ отъ всякой быть могущей на меня на-прасной клеветы за оны.

Потомъ, вѣдая княжью страсть къ пру-дамъ, и расхваливъ новой большой прудъ, предмѣстникомъ моимъ запруженный, ска-залъ ему шутя: «Вотъ, то-то бы, ваше сіа-тельство, посадить въ него карповъ: ка-кое бы было имъ въ немъ раздолье!... И вотъ бы ваше сіательство изволили выпросить у государыни намъ ихъ со-тенку-другую изъ Ирѣнсенскихъ прудовъ и прислать!» — «А чтожъ! подхватилъ князь: это я и сдѣлаю. Спасибо, что ты мнѣ это напомнилъ! Это право будетъ ладно! и я сей же часъ къ государынѣ поѣду, благо она здѣсь, и думаю, что она мнѣ въ томъ и не откажетъ!»

Князю предложеніе сіе такъ полюби-лось, что онъ дѣйствительно въ тотъ же часъ велѣлъ готовить карету, а себѣ по-давать одѣваться, и спроворилъ снѣмъ дѣломъ такъ хорошо, что какъ я по при-казанію его приѣхалъ къ нему обѣдать, то онъ и встрѣтилъ меня съ радостнымъ поздравленіемъ, что карпы у насъ будутъ, и что государыня изволила приказать от-пустить намъ 200 карповъ, которыхъ онъ я не преминетъ прислать ко мнѣ, какъ скоро ихъ поймаютъ. И можно-ль было думать, чтобъ сіа благовременная шутка произвела впоследствии времени то, что не только вся Тульская, но и многія дру-гія губерніи снабдились сею рыбою въ превеликомъ изобиліи и пошли навѣкъ съ оными, и за то никому иному какъ един-ственно мнѣ обязаны.

Не успѣлъ я съ княземъ обо всемъ пужномъ переговорить и принять съ нимъ въ разсужденіе строенія всѣ пужныя мѣры, какъ послѣняя скорѣй возвратиться въ свое мѣсто, не сталъ я долге въ Москвѣ медлить, но повидавшись кое-съ-кѣмъ изъ знакомыхъ своихъ и друзей, и пустился въ путь обратной.

По приѣздѣ въ Богородицкѣ, нашелъ я тутъ все въ порядкѣ и своихъ всѣхъ здоровымъ. И съ первую потомъ почтою имѣлъ я удовольствіе увидѣть у себя впервые еще отъ роду присланныя ко мнѣ Гамбургскія нѣмецкія газеты, которыми не могъ я довольно налюбоваться, и кои, прочитавъ, для такого-же удовольствія доставилъ и другу своему, г. Бентону, и съ того времени держалъ я ихъ уже ежегодно и сдѣлалъ къ нимъ такую привычку, что продолжаю получать ихъ и понынѣ, и хотя онѣ мнѣ во все сіе время стоили многихъ денегъ, но о томъ нимало я не тужилъ; но удовольствіе, доставляемое ими мнѣ еженедѣльно, вознаграждало съ лихвою сей убытокъ. Одно и то, что я посредствомъ ихъ получалъ еженедѣльно увѣдомленія обо всемъ, что происходило во всемъ свѣтѣ и во всѣхъ земляхъ и государствахъ, и извѣстія о томъ были полныя, а не такія сокращенныя, какія сообщались намъ чрезъ русскія газеты, стоило уже весьма многого, а особливо для такого любопытнаго человѣка, каковъ былъ я.

Вскорѣ за симъ пастушила и масляница, и сію провели мы въ сей годъ довольно-таки весело, ибо такъ случилось, что около самаго сего времени заѣзжала къ намъ съ дѣтьми своими тетка Матрена Васильевна, ѣздившая въ свою Ефремовскую деревню, и прогостила у насъ нѣсколько дней съ ряду. Гостыя сія была у насъ почти первая и наиприятнѣйшая, и мы очень были рады, что жили тогда на дорогѣ и она могла къ намъ всегда заѣзжать, когда ни случалось ей ѣзжать въ помянутую деревню. И сколько разъ случалось намъ ее у себя тутъ угощать и провождать съ нею (время) съ особливимъ удовольствіемъ; но могли ли

мы тогда думать, что судьба нѣкогда литъ ей и навѣкъ въсемъ мѣстѣ оста

Кромѣ сего имѣли мы уже время знакомиться, кромѣ г. Толбузина, другимъ еще, сосѣдственнымъ къ и также довольно знаменитымъ двскимъ домоу господина Кирѣева. чай и поводъ къ тому подалъ поманъ господинъ Толбузинъ. Приѣзжая ко просилъ онъ насъ напубличнѣйшимъ образомъ, чтобъ посѣтили мы когдъ будъ его домишка, и какъ назначилъ къ тому даже и день, то и согласилъ мы ему сіе удовольствіе и сдѣлали какъ ни далѣко было, къ назначенному дню къ нему всѣ и поѣхали. Тутъ вѣтили насъ не только хозяева съ семействомъ, но и поманъ Кирѣевъ, по имени / сандръ Григорьевичъ, бывшій тутъ: всѣмъ своимъ многочисленнымъ семействомъ. Сей, а особливо жена его, умная и свѣтская, оказывали намъ же невозможнѣйшія ласки. И какъ съ ними тутъ провели весь тотъ пбо за отдаленностію необходимо лежало намъ остаться тутъ ночевать и познакомились мы съ обѣими симъ милыми; и какъ всѣ они были добротакіе, съ которыми намъ можно знаться, то успѣли мы даже съ нимъ сдружиться, и охотно дали слово въ слѣдующій день приѣхать къ госп. Кирѣеву вмѣстѣ съ г. Толбузинымъ; дабы, что намъ тѣмъ удобнѣе и было сдѣлать, что намъ на возвратъ своему пути въ Богородицкѣ мнимыхъ его воротъ надлежало ѣхать. сего времени, во все пребываніе на Богородицкѣ, знакомство и дружба обими сими домами продолжалась у непрерывно. Въ господинѣ Толбузинѣ: нашелъ я не только умнаго, степеннаго и ко всему очень любопытнаго человека и весьма добраго хозяина, и съ никогда не скучно было проводить в а и г. Кирѣевъ былъ также оченной, ласковой, умной и добродушной вѣкъ, но имѣлъ тольбо тотъ недостатокъ что былъ слишкомъ дебелъ своимъ тѣ

Кромѣ сихъ двухъ домовъ имѣлъ я еще лучшей угощать у себя еще одного сосѣда, жившаго гораздо ближе всѣхъ ихъ; по сей былъ хотя очень умной человѣкъ, но, по неумѣренной своей привычкѣ къ питью, служилъ мнѣ болѣе въ отягощеніе нежели въ удовольствіе, и я не радъ даже бывалъ, когда случалось ему ко мнѣ приѣзжать, а потому самъ никогда и не бывалъ у него, какъ онъ меня о томъ ни спрашивалъ.

Былъ то г. Шишковъ, Гарасимъ Никитичъ. Но могъ ли я тогда себя вообразить, что впоследствии времени судьба сопряжетъ меня съ симъ домою не только дружествомъ, но и тѣснѣйшими узами!

Итакъ, свиданія съ помянутыми двумя фамиліями и приѣзды ихъ къ намъ начинали дѣлать житье наше въ Богородицкѣ не таково уже скучнымъ, какъ то было сначала. Когда-же никого не было изъ постороннихъ, то помянутой пѣмецъ Вильгельмъсонъ всѣмъ обращеніемъ своимъ доставлялъ намъ невѣдомо сколько удовольствія, и нерѣдко доводилъ насъ до слезъ отъ смѣха. Я упоминалъ уже, что мы по чрезвычайной бѣдности приобрѣли его къ своимъ домашнимъ. И какъ онъ дѣйствительно началъ сына моего учить нѣмецкой азбулкѣ и чтенію, что учить онъ былъ въ состояніи, и былъ человѣкъ хотя очень доброй своимъ характеромъ, но самой простота и по многимъ отношеніямъ иногда очень и смѣшонъ, то нерѣдко подавалъ онъ намъ поводъ къ разнымъ шуткамъ и издѣвкамъ надъ собою, а иногда предпринимали мы дѣлать надъ нимъ и самыя проказы родовъ разныхъ. Какъ, напримѣръ, всклѣпывали на него небыллицы, затѣвали разные исторіи, смѣялись и хохотали надъ нимъ по поводу оныхъ, и такъ далѣе и всѣмъ тѣмъ доводили его иногда и до сердца и до смѣха, и радости и горя. Словомъ, онъ былъ у насъ изряднымъ полушутникомъ, хотя мы всѣ его душевно за безхитростную его простоту любили и всегда сообществомъ его, а особливо безъ постороннихъ людей, были довольны.

Но ничѣмъ онъ насъ такъ не утѣшалъ, какъ чрезвычайною боязнію мертвецовъ. И какъ домъ мой былъ подлѣ самаго бывшаго въ старину тутъ кладбища, и ему отъ насъ послѣ ужина ходить надлежало на свою квартиру всегда ночью, то всегда была ему ходьба эта превеличайшею коммиссіею, а особливо потому, что мы всегда не упускали нагонять на него болѣе страха и боязни разными исторіями о ходящихъ будто мертвецахъ, привидѣніяхъ и страшилницахъ; и не одинъ разъ случилось, что мы со смѣху поминали, видя бѣдняка сего дрожащаго ажъ отъ страха и боязни при слушаніи такихъ вымышленныхъ новѣстей, которымъ онъ, по простотѣ своей, вѣрилъ совершенно.

Но никогда онъ насъ такъ не утѣшилъ, какъ при одной вымышленной и сдѣланной нами надъ нимъ проказы. Какимъ то образомъ узнали мы, что онъ влюбился до сего за одну горничную дѣвушку, предмѣстника моего, князя Гагарина, и былъ влюбленъ въ нее по уши, хотя она имала ему въ томъ не соответствовала. И сего одного довольно уже было ко всегдашнимъ надъ нимъ смѣхамъ и трюнкьямъ. Мы искленили уже отъ себя, что и она будто очень въ него влюблена была, и что тогда по слухамъ, доходящимъ до насъ, умирала почти объ немъ съ тоски и отъ разлуки. Другъ нашъ тому и повѣрилъ, и у него даже уши смѣялись, когда случалось намъ о томъ разговаривать. Но несчастье его хотѣло, чтобъ дѣвушка сія, дѣйствительно будучи уже въ деревнѣ, около сего времени умерла. Воже мой! какое было на него тогда горе, когда узналъ онъ о томъ съ достовѣрностью; ибо сперва долго не захотѣлъ онъ тому вѣрить, и какой опять поводъ былъ намъ надъ нимъ хохотать, притворно объ немъ тужить, и надъ нимъ и горемъ его смѣяться!

Но сего было еще недовольно, а догадало насъ воспользоваться симъ случаемъ далѣе и затѣять, что будто она умершая ходитъ по ночамъ по тѣмъ мѣстамъ въ Богородицкѣ, гдѣ прежде сего она живая хаживала, и что будто ее уже неоднократно

и многіе выдали. Чтобы сдѣлать ему исторію сію вѣроятнѣйшею, то смастерили мы такъ, что услышалъ онъ ее въ первой разъ совѣмъ не отъ насъ, а отъ Варсобина и нѣкоторыхъ другихъ жителей богородицкихъ, и между прочимъ отъ такихъ, которые будто сами ее по ночамъ выдали. Боже мой! какой нагнали они тѣмъ страхъ на легковѣрнаго и простодушнаго простака сего, а особливо всеобщимъ увѣреніемъ, что по всему видному разгуливаетъ она тутъ все изъ любви къ нему и его ищетъ. «Ну, братъ, Александръ Давыдовичъ!» (сказалъ я, услышавъ о томъ при немъ будто впервые, и ничего о томъ не зная и не вѣдая), пропалъ ты теперь! Ну-ка ты ночью съ нею повстрѣчаешься и она за тобою погонится, что тебѣ тогда будетъ дѣлать?»— «Тфу! тфу! тфу! она окаянная! (воскликнулъ онъ), сохрани меня отъ того Боже! Да я, мнѣ кажется, на томъ же мѣстѣ умру отъ того!»— «То-то право хорошо! (подхватилъ я), она тому будетъ и рада, и тотчасъ тебя цапъ-царапъ и утащитъ съ собою!.. Нѣтъ, братъ, не только умирать, но и трусить въ такомъ случаѣ не годится! а мой совѣтъ, направлять тогда лжи и бѣжать отъ нея тогда неоглядкою прочь».— «Да ну-ка она погонится?» (спросилъ онъ, дѣйствительно тому повѣривъ).— «Ну, тогда нечего будетъ иногдѣлать (сказалъ я), какъ креститься, твердить молитву и призывать всѣхъ святыхъ на помощь; а когда то не поможетъ, то схвативъ, что попадетъ, бить тѣмъ, но неиако какъ на отмашъ, а не прямо. Помни это пуще всего, Александръ Давыдовичъ, и знай, что прямо бить мертвецовъ никакъ не годится».— «А я такъ не то думаю! (подхватилъ Варсобинъ), а мой згадъ скорѣй ухватить, обнять, да поцѣловать, вѣдь она того-то конечно и добивается».— «И, что вы, Иванъ Ивановичъ! (воскликнулъ мой Александръ Давыдовичъ). Статочное-ли это дѣло? пропади она, прсклятая! я обомру и увидѣвъ ее окаянную!»

Сими и подобными сему рассказываніями и повтorenіемъ того нѣсколько дней

съ-ряду старались мы предуготовить его къ той комедіи, которую мы сыграть затѣвали. И какъ мы на него уже довольно страхъ нагнали, то и приступили къ тому наконецъ въ одну нѣсколько лунную ночь. И вотъ что мы надъ нимъ сдѣлали. Была у меня намалеванная на обрѣзной доскѣ статуя въ ростъ человѣка вышиною, изображающая горничную дѣвушку, изрядно одѣтую и такую, какія въ домахъ господскихъ бывають. По особливому счастью случилось такъ, что другу нашему никогда еще ее у насъ видѣть не случилось, и онъ объ ней вовсе не зналъ, ибо какъ она употребляема была для сада, то по привезеніи оной изъ Кіасовки и спрятали мы ее до весны въ кладовую, и не прежде о ней вспомнили, какъ при помянутой исторіи о дѣвкѣ. И сею-то самою статуею вздумалось намъ его пострадать, почему для самаго того и выдумали помянутую исторію. И какъ она была такъ велика, что позади ея можно было спрятаться небольшому человѣку, то придѣляли къ ней сзади рукаотки, и велѣли одному изъ своихъ слугъ, небольшого роста, вынести ее на улицу и за нѣсколько десятковъ сажень спрятавшись за уголь, дожидаться какъ пойдетъ отъ насъ нашъ Александръ Давыдовичъ, и тогда бы спрятавшемся за нею, и неся ее предъ собою, идти къ нему на встрѣчу.

Устроивши все сіе, продержали мы его нарочно подолѣе послѣ ужина и почти до самой полуночи, и настраивавъ его всякими разговорами о мертвецахъ и привидѣніяхъ, распрощались съ нимъ и проводили его даже до крыльца, и по выходѣ его изъ сѣней не только затворили оныя, но и заперли засовомъ. Послѣ чего побѣжали мы всѣ въ кабинетъ смотрѣть въ окно, чтѣ будетъ.

Другъ нашъ, ничего о томъ не зная и не вѣдая, шелъ себѣ спокойно. Но не успѣлъ онъ десятковъ двухъ-трехъ сажень отойти отъ дома, какъ и мелькнуло ему вдали нѣчто похожее на человѣка. Сіе вдругъ его остановило и заставило, нагнувшись, посмотреть присталь-

тѣ; но не успѣлъ онъ хорошенько воззрѣться и увидѣть движущуюся статую, и новидному, идущую къ нему на встрѣчу, какъ вдругъ, обернувшись, направилъ ноги назадъ. Сперва бѣжалъ онъ все еще молча, но какъ любопытство побуждало его обернуться и поглядѣть назадъ, то увидѣвъ, что она за нимъ гонится, завопилъ во все горло: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!» бросился безъ памяти уже бѣжать, и криво опять ко мнѣ на дворъ и на крыльцо; но тутъ хватъ за двери,—двери не растворяются. Онъ стучать, онъ кричать, чтобъ скорѣе отперли, никто не слышитъ, а инимой мертвецъ приближается! Господи, какая напади на него тогда безпритворная трусость! «Ахъ, батюшка мой! (кричалъ онъ), что мнѣ дѣлать? Ахти! что дѣлать? Ахти! что дѣлать? Двери заперты и конечно всѣ спать поспались», и не съ другого слова, увидѣвъ дрова, складенныя у рѣшетки полълицею, прибѣжалъ къ ней, и схвативъ одно ногѣно за другимъ, ну швырять ихъ на отмашъ и чрезъ себя въ мнимого мертвеца, а самъ, не смѣя и взглянуть на него, только кричалъ: «ай! ай! ай! ай! ай! ай!»

Мы, смотря на все сіе сокрывшись изъ окна, надрывались, или паче сказать, кисли отъ смѣха. Но тогда уже не было намъ болѣе ночи терпѣть, и мы велѣли ему отворить будто бы прибѣгшими людьми двери, и выбѣжали сами спрашивать, что за шумъ? и что такое?—«Чего, батюшка! (отвѣчалъ онъ задыхаясь отъ страха и вбѣжавши помертвѣлымъ въ сѣни). Проклятая-то дѣйствительно за мною гналась!»—«Да кто такая?»—«Да дѣвка-то княжая!»—«Что ты говоришь? нельзя статься!»—«Ей, ей! хоть теперь умереть, правда! хоть сами посмотрите, небось она тутъ-же, проклятая!» Тогда выбѣжали мы на крыльцо будто бы смотрѣть, но какъ статую давно уже прибрали къ сторонѣ, то стали мы говорить: «Гдѣ-жъ это, гдѣ? мы ничего не видимъ; ну, не почудилось-ли тебѣ Александра Давидовичъ?»—«Какое почудилось! (кричалъ онъ), готовъ умереть въ томъ, что

ее видѣлъ и точно ее, и въ такомъ же платьѣ, какъ она хаживала!»—«И, что ты! что ты! подхватишь я, нельзя этому статься. тебѣ повидилось развѣ такъ?»—«Какое повидится! возразилъ онъ, до самыхъ воротъ за мною добѣжала, окаймная, и чуть-было не схватила. Я всю почти полълицу расшвырялъ, бросая полълицы въ нее, посмотрите хоть сами». Тогда удивившись будто, велѣлъ я смотрѣть еще, не увидятъ-ли чего, а между тѣмъ спрашивалъ его, какъ онъ кидалъ полълицы, не на отмашъ-ли? «Я и самъ уже не помню! сказалъ онъ: и на отмашъ, и черезъ себя, и Богъ знаетъ какъ».—«Ну, братъ, подхватишь я: конечно ты, кидая на отмашъ, попалъ въ нее, и оттого она сгибла и исчезла».—«Чортъ ее знаетъ! Но теперь воля ваша, я одинъ уже никакъ не пойду, а пожалуйста человекѣка два проводить меня».—«Изволь, изволь», сказалъ я, и нарядилъ двухъ людей провожать его.

Симъ кончилась тогда сія комедія, и я не могу изобразить, сколь много мы тогда, да и послѣ сему бѣдняку смѣялись, которой такъ твердо увѣренъ былъ, что онъ видѣлъ дѣйствительно мертвеца, что долгое время давалъ намъ надъ собою трунить и смѣяться, и мы насмѣху-насмѣху могли послѣ увѣрить его, что онъ испугался пустого.

Но что онъ обманулся моею статуею, то и неудивительно. Она намалевана была мною такъ живо, что не только онъ, но и самой нашъ франтъ бобриковской архитекторъ, несмотря на свое искусство и знаніе, хорошоюноко ею обманулся и почелъ за живого человекѣка. Сей случай также подалъ намъ поводъ ко многому хохотанью.

Однажды случилось сему архитектору приѣхать къ намъ въ Богородицкѣ для осматриванія, по должности своей, работъ, тутъ производимыхъ. Я въ самое то время занимался поправленіемъ сей статуи для приданія ей болѣеи живности, и какъ мнѣ сказали, что приѣхалъ архитекторъ и пошелъ на строеніе, то зная, что онъ оттуда ко мнѣ зайдетъ, и взду-

малъ порѣзвшись и сдѣлать ему своею статуею сюрпризъ. И тотчасъ, схвата свою статую, поставилъ ее въ своей угловой гостинной у стола, посреди горницы такъ, чтобъ вошедшему въ залу тотчасъ можно было сквозь двери тамъ увидѣть, и самъ, выславъ на часокъ всѣхъ людей изъ залы и изъ лакейской, притулился въ своемъ кабинетѣ и сталъ смотрѣть, чтѣ будетъ.

Архитекторъ мой, вошедъ въ лакейскую и не нашедъ никого, вошелъ въ залу. Тутъ и кинулась ему тотчасъ въ глаза статуя, стоящая вдали въ гостинной. И какъ онъ ее не иначе счелъ какъ настоящую живую женщину и какую-нибудь гостью, то, по обыкновенному своему франтовству и вѣжливости, ни съ другого слова, размахнувъ шляпою отвѣсилъ ей пренизкой поклонъ. И со смѣху надсѣдался сіе увидѣвъ, но далъ ему волю и смотрѣлъ, что будетъ далѣе. Онъ, не нашедъ никого и въ залѣ, у кого могъ бы спросить обо мнѣ, полетѣлъ прямо въ гостинную спрашивать мнимую боярыню; но не успѣлъ онъ подойти къ дверямъ и увидѣть свою ошибку, какъ будучи тѣмъ пораженъ, вдругъ обернулся и воскликнулъ: «Тфу! какая пропасть! какъ я хорошо обманулся!» Въ самое то время бѣжалъ я уже вслѣдъ за нимъ, и встрѣтилъ его хохотавшемъ. «Что это, братецъ, Яковъ Анапьячъ? говорилъ я: неужели ты не узналъ, что это не живой человекъ, а нарисованной?»—«Что дѣлать, судырь, отвѣчалъ онъ: хоть стыдно, а нельзя не признаться, что былъ такой грѣхъ. Да кто это вамъ намазевалъ такъ живо женщину? Ужъ не сами-ли вы надъ тѣмъ трудились?»—«Точно», отвѣчалъ я, и былъ удивленіемъ его доволенъ.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити повѣствованія моего, скажу, что не успѣло пройти недѣль двухъ послѣ приѣзда моего изъ Москвы, какъ привезли ко мнѣ оттуда и пожалованныхъ отъ государыни карповъ. Князь употребилъ всѣ предосторожности къ тому, чтобъ могли доезжены быть они къ намъ всѣ живыми. Подѣланы были нарочно для того низкія,

плоскія, овальныя особаго рода бочки обшитыя кругомъ войлоками, и напаяты были особые рыбаки для препровожденія ихъ къ намъ въ цѣлости. И какъ ихъ было всѣхъ 200-ти, то писалъ ко мнѣ князь, чтобъ одну сотню посадилъ я, по 50-ти, въ оба небольшие пруды, по обѣимъ сторонамъ гошпитала находящіеся, а другую сотню въ новой большой прудъ предъ дворцомъ. Сіе я и учинилъ въ точности по предписанію, и начавъ сажать ихъ въ гошпитальные пруды, любовался величиною оныхъ, ибо такъ случилось, что бочки trafiлись все съ большими карпами. Но какъ я началъ горевать и досадовать самъ на себя потомъ, что не спросилъ о томъ, во всѣхъ-ли бочкахъ они ровныя, и увидѣвъ, что въ достальныхъ были самыя мелкіе карпы. «Ахъ, какая бѣда! возопилъ я, чѣмъ бы сіихъ посадить въ маленькіе прудки, а большихъ въ большой, а я всѣхъ большихъ туда впрягалъ, а сюда пришлпсь одни только мелкіе». Но самая сія мнимая ошибка и послужила потомъ въ пользу, ибо впоследствии времени увидѣли мы, что отъ мянутой сотни крупныхъ карповъ не было никакого приплода и не родилось ни одного, а отъ мелкихъ, посаженныхъ въ большой прудъ, расплодился ихъ такая тѣма, что не только я со всѣмъ домою своимъ во все время пребыванія моего въ Богородицѣ довольствовался ими, сколько хотѣлъ ежедневно, но мы могли оныхъ болѣе нежели на 2,000 руб. распродать желающимъ заводить у себя оныхъ, а несмотря на то и понынѣ ихъ не только во всѣхъ тамошнихъ прудахъ, но и во всѣхъ рѣкахъ расплодилось и обитаетъ превеликое множество.

При наступленіи потомъ поголовіи имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ по случаю опасности, какии подвержены были всѣ тамошніе пруды отъ прорыванія. На всѣхъ ихъ были хотя подѣланы слухи, и повидимому порядочныя, но въ самомъ дѣлѣ со многими погрѣшностями и недостатками. А какъ на обѣихъ рѣкахъ Упертѣ и Вязовкѣ, вода была гораздо больше, нежели я ожидалъ, то пруды на-

зависли въ великой опасности. и для меня всѣ дни продолжавшейся половоды не только въ сей, но и во всѣ послѣдующіе потомъ годы были весьма безпокойные и такіе, въ которые духъ мой былъ всегда не на своемъ мѣстѣ. и вообще могу сказать, что тутошніе пруды наводили мнѣ всегда много хлопотъ и заботъ. Совсѣмъ тѣмъ я такъ былъ счастливъ, что при всѣхъ опасностяхъ не срывалъ вода ни однажды ни одного изъ всѣхъ оныхъ, но я успѣвалъ подавать имъ благовременно пособіе.

Наступившую непосредственно за сими святуу недѣлю, случившуюся въ сей годъ въ половинѣ апрѣля. провели мы нарочито весело. Это было еще въ первой разъ, что мы проводили оную будучи въ городѣ. И какъ мѣсто сіе было несравненно многолюднѣе всѣхъ прежнихъ. гдѣ мнѣ бывать случалось. и я собою представлялъ начальствующую особу. всѣми почитаемую и всѣми уважаемую. то и льстило все сіе нѣсколько моему самолюбию.

Вскорѣ за симъ съ открывшемся песною начались и всѣ работы по строеніямъ какъ тутъ, такъ и въ Бобривахъ, и множество народа закипѣло во всѣхъ мѣстахъ, какъ при самомъ производствѣ оныхъ, такъ и при привозкѣ и приготовленіи всѣхъ матеріаловъ къ тому потребныхъ. Сіе отвлекло меня отъ всѣхъ моихъ кабинетныхъ занятій и упражненій и принудило меня быть почти всегда на дворѣ и разъѣзжать всюду и всюду, гдѣ только требовалось мое присутствіе. Не одинъ разъ надобность принуждала меня ѣздить въ Бобривы и пробывать иногда тамъ по суткамъ и болѣе. Не одинъ разъ отъѣзжалъ я также для обозрѣнія волостныхъ селъ и деревень, а особливо лѣсныхъ угодьевъ, а при работахъ находился почти безотлучно, и болѣе потому, что тутошній архитектурскій помощникъ не совсѣмъ былъ въ своемъ дѣлѣ исправенъ, а бобривскому не можно было бывать у насъ слишкомъ часто; итакъ, принужденъ я былъ уже самъ во многомъ ему помогать. Но для меня самого работы сіи были совсѣмъ новыя и

до того никогда мною производимыя. Нашло къ намъ множество плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, кирпичниковъ и другихъ мастеровыхъ. Всѣ они занимались въ разныхъ мѣстахъ и разными работами: иные дѣлали въ каменномъ домѣ и во флигеляхъ полы и потолки и прочія деревянные внутри подѣлки: другіе штукатурили церковь и флигели и внутри и снаружи: иные оканчивали недоделанныя еще кое-гдѣ кровли: иные клали еще кирпичныя стѣны, и такъ далѣе. и я едва успѣвалъ вездѣ ихъ посѣщать и вездѣ работы ихъ осматривать и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ.

Кромѣ сего, имѣлъ я немалой кусокъ работы по единой уже своей прихоти. Какъ при домѣ управительскомъ не было нигдѣ ни малѣйшаго садика, а мнѣ, по охотѣ своей къ садамъ, безъ него было крайне скучно, то не успѣла вскрыться весна, какъ принялся я тотчасъ за основаніе и посаженіе себѣ небольшого, однако нарочитаго пространства за дворомъ своимъ, садика. По господствующему тогда еще вездѣ вкусу, сдѣлалъ я и сей регулярнымъ и разбивъ по рисунку, самимъ мною прожектированному, ибо сдѣланной по предложенію моему архитектурскимъ нашимъ помощникомъ ни къ чему не годился, и я принужденъ былъ самъ приняться за циркуль и линейку, а потомъ за веревки, колья и шнуры. и мнѣ удалось основать и тутъ хотя небольшую, но такой садикъ, которой всѣ хвалили и которой доставлялъ мнѣ во все время пребыванія моего въ Богородицкѣ безчисленное множество минутъ и часовъ пріятныхъ и веселыхъ, и для меня былъ всегда утѣшнѣе и веселѣе самого большого сдѣланнаго мною потомъ тамъ сада. Итакъ, между прочими работами, занимался я и симъ садомъ, и какъ въ работникахъ не имѣлъ я недостатка и могъ столько ихъ нарядить, сколько хотѣлъ, то и успѣлъ въ немногіе дни не только засадить его весь, но и все въ немъ привести въ такой порядокъ, что всѣ не могли довольно удивиться, какъ

я успѣлъ въ такое короткое время и такъ многое сдѣлать; но я и трудился надъ нимъ довольно.

Словомъ, вся весна сего года была для меня прямо многодѣльная и хлопотливая, а особливо сначала, когда нужно было всё дѣла и работы основывать и приводить въ порядокъ, и я всему и самъ долженъ былъ еще учиться. Но, по счастью, имѣлъ я во всемъ успѣхъ вождѣлнной и скоро мало-по-малу ко всему привыкъ, а тогда мнѣ и не таково трудно уже было какъ сначала. Сямъ окончу я мое письмо, сказавъ вамъ, что я емъ вашъ и проч.

(Генваря 28-го дня 1809 года).

НЕОЖИДАЕМОСТИ, И ЗАБОТЫ И ХЛОПОТЫ.

Письмо 189-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ всю весну, какъ я вамъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ уже упоминалъ, въ безпрерывныхъ трудахъ и дѣлахъ, относящихся какъ вообще до правленія волостями, такъ въ особенности и до провинциальныхъ тогда разныхъ строеній, былъ я въ мѣсяцъ іюнь перетревоженъ. Увѣдомили меня, что въ предбудущую зиму будетъ открываться такимъ же образомъ и Тульское намѣстничество, какъ въ минувшую зиму открылось Калужское, и что будетъ открывать оное тотъ-же самый намѣстникъ генералъ Кречетниковъ, Михайла Никитичъ. Далѣе увѣдомили меня, что онъ уже пріѣхалъ въ Тулу и отправляется для осмотра всѣхъ городовъ и для изысканія удобнѣйшихъ мѣстъ къ основанію городовъ со всѣмъ новыхъ, и что въ скоромъ времени прібудетъ для того же самаго и къ намъ въ Богородицѣ.

Увѣдомленіе сіе натурально озаботило меня чрезвычайно, ибо я предвидѣлъ, что необходимо надобно мнѣ будетъ сего знаменитаго вельможу у себя принимать и со всею его свитою угощать, почему и непреминулъ сдѣлать всё нужна къ тому приуготовленія. И какъ скоро полу-

чилъ о самомъ днѣ выѣзда его извѣстіе, то приказавъ изготовить доброй обѣдъ и выписавъ къ сему случаю изъ Бобринковъ г. Верещагина и архитектора, отправилъ ихъ для встрѣчи его на границѣ волости, въ первую волостную деревню Крутое, а вслѣдъ за ними выѣхалъ и самъ версты за три, чтобъ его вмѣстѣ съ первѣйшими и лучшими купцами съ подобающею честью встрѣтить.

Не успѣлъ намѣстникъ меня, вышедшаго изъ кареты и стоявшаго съ толпою народа, на дорогѣ усмотрѣть, какъ поровнясь съ нами велѣлъ тотчасъ каретѣ своей остановиться: и какъ подошедъ къ нему по обыкновенномъ пріѣзствіи ему сказалъ, что я имѣю счастье управлять собственной ея императорскаго величества волостью, то принявъ меня очень ласково, былъ такъ ко мнѣ снисходителенъ, что пригласилъ меня съѣсть къ себѣ въ карету. Сей случай былъ первой, которой познакомили меня тогда съ сего знаменитою особою, имѣвшею впоследствии времени со мною дѣла и которую я такъ много былъ доволенъ. Я имѣлъ счастье подлюбитьсѣ ему какъ-то съ самой первой минуты; ибо не успѣлъ онъ при продолженіи пута вступить со мною въ разговоры, какъ уже первыя отвѣтныя ему слова пріобрѣли уже его ко мнѣ благоволеніе. Можетъ быть помогло къ тому много то, что онъ нашелъ во мнѣ знающаго и такого человѣка, которой могъ ему подать основательное понятіе обо всей нашей волости и обо многомъ, а притомъ незастѣнчиваго и неробкаго предъ нимъ характера. Ибо могу сказать, что я никогда не былъ предъ всѣми знатными особами робокъ и трусливъ, а обходился и говорилъ съ ними съ вольнымъ духомъ и сіе пріобрѣтало мнѣ всегда отъ нихъ скорое благоволеніе. Съ сямъ же непринужденіемъ и вольемъ могъ я обходиться, что я не состоялъ еще тогда въ его командѣ и отъ него ни въ чемъ не зависѣлъ. Коротко, мы пріѣхали въ Богородицѣ уже довольно и довольно съ нимъ познакомившись, и онъ въ разговорахъ со мною находилъ столько удо-

ишества, что представлялъ безгранично и со всевозможным во мнѣ возможным вѣжливостію и свѣтскостію.

Я препроводилъ его прямо къ себѣ въ днѣ, и какъ случается тогда самое обидное время, то захватъ оный уже стоилъ днѣ угощенія его крѣпкопаленной. Для угощенія же всей свѣты его поставленъ былъ другой, въ разбитой на плотахъ предъ доухъ монги, большой палаткѣ. Все сіе было мнѣ неожиданно, ему пріятно и тѣмъ болѣе возбуждало его быть во мнѣ свѣтскостію. Я постарался угостить его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ нѣсколькихъ другихъ чиновниковъ, и даже самихъ канцелярскихъ и собственныхъ служителей его koliko можно лучше и такъ, что всѣ угощеніемъ монги крайне были довольны, что и послужило мнѣ нѣмалымъ временемъ въ великую пользу: ибо всѣ бывшіе съ нимъ секретари, губернской земледѣль Рывачевъ и другіе чиновники сдѣлались мнѣ съ того времени знакомы и памятовали всегда сіе мое угощеніе.

Послѣ обѣда пошли мы съ нимъ пѣшкомъ осматривать все положеніе мѣста и всѣ зданія въ нашемъ селеніи, и онъ разспрашивалъ, а я рассказывалъ ему все и все. Нѣсколько часовъ мы съ нимъ проходили, и онъ отзывался мнѣ, что намѣренъ селеніе наше, бывшее въ древности городомъ, возобновить вновь и превратить въ новой городъ, и что въ семь случаевъ едва ли мы не должны будемъ обѣихъ нашихъ крестьянскихъ слободъ, Пушкарской и Стрѣлецкой, лишиться, поелику они превращены будутъ въ мѣщане, и вмѣсто ихъ пріискать себѣ смежныя къ намъ другія казенныя селенія, и чтобъ я заблаговременно старался пріискать къ тому способныя. Послѣ того озабочивался онъ очень тѣмъ, гдѣ бы ему можно было помѣстить будущія судебныя мѣста и спрашивалъ, не могутъ ли посылать къ нимъ каменные и тогда отдѣлываемые флигели большого дома. И какъ я ему сказалъ, что хотя я и не могу въ томъ совершенно удостовѣрить, однако думаю, что немного развѣ останется недоуслан-

вала, а особенно если посылать сколько-нибудь отдаленно оныхъ. «О судыры! сказалъ оны: вы мнѣ превеликое сдѣлаете удовольствіе, ежели постараетесь посылать снѣгъ дѣломъ! Вы бы обѣщали мена съ сей стороны, ибо я надѣюсь, что и князь Сергій Васильевичъ и сама государыня мнѣ въ томъ не откажутъ, чтобъ на время и покуда мы особия зданія построимъ, помѣстить суды въ одномъ изъ сихъ флигелей, ибо мнѣ болѣе одного и не надобно». — «Очень хорошо, ваше превосходительство! отвѣчалъ я: за мною дѣло не станетъ; я употреблю все, что только въ состояніи буду учинить къ удовольствію желанія вашего превосходительства». А сіе и было ему всего пріятнѣе.

По возвращеніи въ мой домъ поднималъ я его лимонадомъ, вареньями и всѣмъ, что только могли мы найти въ домѣ своемъ лучшаго. Тутъ обходился онъ со мною уже гораздо дружеличнѣе и вмѣстѣ со мною посмѣивался приступающему къ нему сосѣду моему, господину Шишкову, которой, пріѣхавъ къ нему съ головою насыпанною бахусовыми продуктами на поклонъ, такъ ему своими разговорами надобно, что онъ просилъ даже меня избавить его какъ-нибудь отъ сего докучливаго и неотвязчиваго человека, и я принужденъ былъ выдумывать уже всякіе способы къ выпровожденію его отъ себя изъ дома; и хотя съ трудомъ, но къ удовольствію намѣстника успѣлъ наконецъ его кое-какъ со двора выпроводить.

Посмѣявшись сему странному явленію и напившись горячаго, не сталъ онъ долѣе медлить, по въ тотъ же день передъ вечеромъ отправился на ночь въ Епифань, осылавъ меня за угощеніе себя благодареніями.

Не успѣли мы сего знаменитаго гостя отъ себя спровадить, какъ долженъ уже я былъ помышлять о другомъ, наводившемъ на меня также немалую заботу. Приближалось 8-е число іюля или то время, въ которое всякой годъ бывала въ Богородицкѣ такъ-названная Казанская я

довольно знаменитая ярмонка. И какъ я составлялъ важную и главную во всемъ нашемъ селеніи тогда особу, то и долженъ былъ принять на себя всѣ хлопоты и труды, съ отводомъ и показываніемъ мѣстъ всѣмъ прибѣжающимъ торгашамъ сопряженныя, и вообще о сохраненіи во время ярмонки сей добраго во всемъ порядкѣ стараніе. Сію ярмонку имѣлъ я тогда случай также въ первой еще разѣ видѣть. Она была довольно многолюдна и вся обширная площадь, находящаяся за рѣчкою Вязовкою, подлѣ нашего каменнаго гостинаго двора, установлена была тысячами телѣгъ и наполнилась многими тысячами съѣхавшагося наканунѣ того дня народа. И какъ каменныхъ нашихъ лавокъ къ помѣщенію всѣхъ нашихъ товаровъ купцовъ было недостаточно, то для помѣщенія и прочихъ назначилъ я мѣста, прорѣзавъ чертами всѣ линіи и переулки, гдѣ и какъ стоять повозкамъ съ товарами, и все расположилъ такъ хорошо, что какъ при помощи находящихся въ командѣ моей солдатъ всѣ прибѣжающіе устанавливаемы были вездѣ порядочно, то по съѣздѣ всѣхъ превратилось все сіе мѣсто равно какъ въ порядочной городѣ, съ улицами вдоль и поперегъ и столь порядочными, что всѣ бывшіе на ярмонкѣ не могли тѣмъ и сохраняемымъ повсюду порядкомъ довольно налюбоваться. Но того еще довольно бы были тѣмъ, что не упустилъ я постараться и о томъ, чтобъ во время ярмонки не было никакого воровства, обыкновенно до того бывавшаго. Для предупрежденія того употребилъ я особую выдумку. Я велѣлъ солдатамъ своимъ какъ можно стараться поймать мнѣ съ чѣмъ-нибудь украденнымъ вора; и какъ мнѣ тотчасъ одного и подтибезили, то я велѣлъ его до пояса раздѣть до нага, и скрутивъ у него руки назадъ вымазать его дегтемъ, и водить вдоль и поперегъ по всей ярмонкѣ процессією и нести передъ нимъ шесть съ привѣшенными на немъ сверху и развѣвающимися покраденными платками и кричать, что «это воръ, и что со всякимъ то будетъ, кто поймается въ воров-

ствѣ». И сія выдумка подѣйствовала такъ много, что всѣхъ отъ воровства какъ бобушка отходила, и никогда ярмонка не была такъ смѣрна и безопасна какъ въ сей годъ, да и послѣ, когда бывали ярмонки, никогда о воровствѣ не слышно было.

Впрочемъ, какъ на ярмонку сію прибѣжало много со всѣхъ сторонъ и дворянъ, и были въ числѣ ихъ и всѣ наши знакомые, то сей случай подалъ мнѣ поводъ къ приглашенію ихъ къ себѣ и къ угощенію ихъ въ день самаго праздника у себя обѣдомъ, а потому и въ сей день было у меня множество народа.

Но едва только все сіе кончилось, и мы послѣ всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ хлопотъ и заботъ начали отдыхать и радоваться, что сіе хлопотливое время миновало, какъ вдругъ, недумано-нежданно, поразился я новою и несравненно всѣхъ прежнихъ величайшею и важнѣйшею заботою и такою неожиданностію, которая встревожила всю внутренность души моей и привела всю кровь въ преужасное волненіе. Въ одно утро, читая принесенныя съ почты московскія газеты, вдругъ нахожу я публикацію отъ межевой канцеляріи: «Поелику-де по просьбѣ нѣкоторыхъ господъ, князей, бояръ и генераловъ, а именно того и того, отправленъ въ Шадской уѣздъ взятой ими на своей коптѣ землемеръ для отмежеванія имъ проданныхъ отъ межевой канцеляріи каждому по 1,500 десятинъ дивопорожной государственной земли, въ таклѣхъ-то и въ такихъ мѣстахъ и урочищахъ, то всѣ бы сосѣдственные жители приготовляли свои крѣпости и были къ межеванью се-му готовы».

Теперь не могу я никакъ изобразить того смущенія, какимъ поразился я, увидѣвъ изъ описанія поманутыхъ урочищъ, которыя всѣ были мнѣ очень коротко знакомы, что продажа произведена симъ господамъ изъ самой той степи, которая лежитъ подлѣ моей шадской деревни и о которой происходилъ у насъ года за три до того тотъ славной споръ, которой описанъ мною въ XVI-й части сей

сторія... «Ба! ба! ба!» воскликнулъ я: «Въ такое? Степь-то эта наша! вотъ эти мнѣ все знакомы! Вотъ упомяну рѣчка Лѣсной-Тамбовъ, рѣчка Волга, наше Ложечное и рѣчка Па- И какими образомъ проданнымъ туземцамъ господамъ князю Го- лу, Кошелеву, Нащокину, Бур- и другимъ тому подобнымъ, кото- только въ смежествѣ и въ бли- тамошнимъ мѣстамъ никакихъ не имѣютъ, но концы и имена у насъ тамошнихъ неизвѣстны? Это чудное, непостижимое и не да- Словомъ, я не вѣрилъ почти гла- своимъ, и читалъ и перечитывалъ статью сію въ объявленіяхъ газетъ. Но чѣмъ болѣе я выискалъ въ су- ихъ продажъ и описанія уро- тамъ болѣе усматривалъ я, что въсь тутъ вѣкая тайна или сокрови- плутни, и скоро принужденъ былъ думать: «Ахъ, Боже мой! я готовъ свою дать на отсѣченіе, что хотя и не упоминается господинъ Паш- ни единымъ словомъ, но все это ни чьи иные, какъ его новые ковы ги, и земли сіи не господами по- ни, а имъ самимъ на ихъ только куплены! Видно, что они ему друзья колы, и восхотѣли ссудиться ему и именами для плутовской покупки шогихъ тысячъ десятинъ земли ка- б-».

ль и догадка сія часть отъ часу въ мнѣ вѣроятнѣйшею и скоро дош- о я не могъ уже въ томъ нимаю вѣрять; но удивленіе мое увеличи- ще больше, когда при дальнѣйшемъ ириваніи и сужденіи о семь дѣлѣ усматривалъ я, что скрывалось и превѣщайшее бездѣльничество и зство, употребленное Пашковымъ въ покупки, и что куплена имъ на утя разныя имена далеко не вся оспоренная степь, но развѣ только часть оной, и узкою только полоскою грающею вокругъ всей оной по янамъ, а прочія три или четыре

части оной, лежація внутри сей описки, остались никому еще непроданными.

Сперва удивился-было я сему обстоя- тельству, но какъ мнѣ межевья дѣла и плутни довольно были извѣстны, то скоро усмотрѣлъ я, что сіе сдѣлано не по- просту, а съ плутовскимъ умысломъ, чтобъ всего онаго внутренностію, простираю- щееся тысячъ до 30-ти и болѣе деся- тинъ, можно было Пашкову овладѣть безъ покупки и безданно-безпошлинно; потому что, какъ тѣ проданныя земли будутъ отводны безсомнѣнно его же вѣренными, и намъ всѣмъ сосѣдствен- нымъ дворянамъ не можно уже будетъ никакъ оныхъ съ наружной стороны оспаривать, поелику сами мы называли тѣ мѣста казенными землями, то при отрѣ- зываніи сихъ проданныхъ земель со вну- тренней стороны отъ степи, придется ему разводитья самому съ собою, слѣдова- тельно объ ней и спору не можно уже быть никакому, и что для самого того и не покупалъ Пашковъ на свое имя ни одной десятины. Словомъ, плутовство пропведено очень хитрое и прямо мо- шенническое.

Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было. И какъ я предусматривалъ, что при семь отмежеваніи проданныхъ земель не толь- ко всѣ наши сосѣди претерпѣтъ могутъ великое зло, но и самъ я претерпѣтъ могу зло въ разсужденіи покупной своей земли въ окрестности Ложечныхъ-буера- ковъ, поелику одна изъ помянутыхъ про- данныхъ земель, а именно на имя гене- раль-поручика Вонна Васильевича На- щокина, именно приурочена отъ рѣчки Караваенки до вершинъ Ложечныхъ- буераковъ. Сіе и самого меня перетре- вожило чрезвычайно и такъ, что я долго не зналъ и долго не могъ самъ съ собою- согласиться, что мнѣ дѣлать, и впалъ оттого въ великое недоумѣніе.

Наконецъ, по долгомъ думаніи и раз- мышленіи другого не нашеть, какъ толь- ко чтобъ въ предупрежденіе, дабы Паш- ковъ не отхватилъ себѣ и всю мнѣ про- данную и мною уже владѣемую землю при Ложечныхъ-буеракахъ, скакать са-

тому скорѣй въ Москву, и подавъ въ межевую канцелярію челобитную, просить, чтобъ велѣно было тому-же землемѣру отмежевать напередъ мнѣ продажную за 12-ть лѣтъ до того землю подлѣ Ложечныхъ-буераковъ, а потомъ межевальбы онъ какъ хотѣлъ прочія.

Обрадовался я, получивъ сію мысль, и считая, что симъ однимъ могу я надѣлать въ производствѣ плутовства его много помѣшательства, рѣшился поспѣшить тѣмъ koliko можно скорѣй; и потому, сообщивъ о своемъ горѣ моимъ домашнимъ, перетрепавшимся тѣмъ еще болѣе моего, просилъ ихъ, чтобъ онѣ собирали меня какъ можно скорѣе всѣмъ нужнымъ къ московской поѣздкѣ, а людямъ своимъ велѣлъ готовить для себя скорѣй повозку, и сдѣлавъ потомъ по волостнымъ дѣламъ всѣ нужныя на время отлучки моей распоряженія и поручивъ водость Варсобіну, не сталъ долѣ медлить, но сѣвши вмѣстѣ съ случившимся быть у меня тогда Пастуховымъ въ карету, и полетѣлъ въ Москву.

Было сіе 22 іюля, и какъ выѣхали мы уже не рано послѣ обѣда, то переночевавши въ Дѣдиловѣ приѣхали мы въ Тулу еще очень рано, гдѣ остановившись у Пастухова и позавтракавъ, пустился я въ дальнѣйшій путь, и поспѣшилъ ѣздой своею такъ, что въ тотъ же день, хотя и поздноенько, приѣхалъ въ свое Дворяниново.

На сіе милое и любезное мнѣ селеніе успѣлъ я въ сей разъ только взглянуть. Обстоятельства не дозволили мнѣ никакъ долго въ немъ медлить, и я намѣренъ былъ съ утра въ послѣдующій же день пуститься въ сей путь далѣе и заѣхать на часокъ къ другу моему г. Полонскому. Но какъ услышалъ, что опъ въ самой тотъ день будетъ у насъ же въ деревнѣ крестить у сосѣдки моей, г-жи Басаргиной, успѣвшей уже родить сына и званшей и меня къ себѣ обѣдать, то радъ я былъ, что избавился чрезъ то отъ заѣзда въ сторону къ господину Полонскому, а могъ, по желанію своему, ви-

дѣться съ нимъ тутъ и обо всемъ нужномъ переговорить.

Г. Полонскій удивился, увидѣвъ меня тутъ противъ всякаго чаянія и ожиданія, и по всегдашней ко мнѣ своей любви не могъ довольно изобразить удовольствія своего о томъ, что я нахожусь уже въ Богородицкѣ. Онъ началъ тотчасъ разспрашивать меня объ всѣхъ и обо всемъ, и не могъ со мною довольно наговориться. Услышавши же о причинѣ моей поѣздки погоревалъ вмѣстѣ со мною о предстоящихъ мнѣ многихъ хлопотахъ, и похваливъ мое предпріятіе, предлагалъ мнѣ свой домъ для стоянія въ Москвѣ, чѣмъ я былъ и доволенъ. И какъ мнѣ мѣшкать тутъ долго было не можно, то отбѣдавъ съ друзьями и знакомцами своими и распрощавшись съ ними, поѣхалъ я въ свой путь и претерпѣлъ хотя на дорогѣ превеликой страхъ отъ налетѣвшей на насъ великой громовой тучи, но въ тотъ же день доѣхалъ до Серпухова, и переночевавъ у Квасникова и препроводивъ еще цѣлой день въ дорогѣ, на третій поутру благополучно въ Москву приѣхалъ и прісталъ на дворѣ господина Полопскаго, на Поварской.

Мое первое дѣло и попеченіе было, чтобъ распроѣхать и узнать обо всѣхъ обстоятельствахъ въ межевой канцеляріи. Сперва горевалъ-было я о томъ, что не бывая такъ давно въ оной не имѣлъ я никого себѣ знакомыхъ. Но какъ нечаяннымъ образомъ узналъ я, что бывшій въ Кіясковѣ моимъ канцеляристомъ Павелъ Ѳедоровъ, не ужившись съ Шестаковымъ и отошедши оттуда, опредѣлился въ межевую и тогда въ оной находился, то обрадуясь тому какъ вѣкакой находкѣ, послалъ я тотчасъ его тамъ отыскивать и звать къ себѣ. Сей по любви своей ко мнѣ не успѣлъ услышать, что я въ Москвѣ, какъ въ тотъ же мигъ, бросивъ все, ко мнѣ и прилетѣлъ. Я свидѣлся съ нимъ какъ-бы съ какимъ роднымъ своимъ, и радъ ему былъ тѣмъ болѣе, что могъ отъ него узнать все нужное. Онъ, услышавъ о причинѣ моего приѣзда, сказалъ, что я нимало не ошиб-

ся въ своей догадкѣ, что всѣ тѣ земли проданы дѣйствительно никому иному, какъ самому Пашкову, на имена только разныя и подложныя; что сдѣлать ему сіе никто иной какъ Князевъ, второй членъ ихъ канцеляріи, и самая та важная и хитрая особа, которая сочиняла и всѣ межевыя узаконенія и инструкціи; что сей Князевъ ворочаетъ тогда всю ихъ канцелярію и дѣлаетъ, что хочетъ. Пашкову сія покупка безъ всякаго сумнѣнія стѣнитъ многихъ тысячъ, ибо онъ со всѣхъ покупателей деретъ безъ милосердія, и они почти столько-жъ платятъ и ему, сколько и въ казну; что продажа землямъ производилась тогда страшна; что продаются онѣ всѣмъ и всѣмъ, у кого-бъ только были любезныя денежки, и онъ едва только успѣваетъ обирать со всѣхъ деньги, и наживается чрезъ то ужаснымъ образомъ. Далѣе сказывалъ онъ мнѣ, что Пашковъ находится еще въ Москвѣ и что не слышно объ его отъѣздѣ; совсѣмъ тѣмъ, что нужно мнѣ неотмѣнно и подать отъ себя въ межевую канцелярію челобитную, а прежде того необходимо надобно бы мнѣ побывать у Князева и переговорить съ нимъ на дому, поелику отъ него все мое дѣло будетъ зависѣть, ибо первой ихъ членъ генералъ Ивашевъ ничего не значитъ. Наконецъ совѣтовалъ онъ мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, а на вечеръ просилъ посѣтить его самого на квартирѣ, гдѣ поговорили бы мы и о томъ, какъ написать лучше челобитную.

Радъ я невѣдомо какъ былъ, что узналъ всѣ сіи обстоятельства, и какъ время тогда приближалось уже къ обѣду, то отпустивъ моего друга опять въ свое мѣсто, сталъ я скорѣе одѣваться, чтобъ посѣтить къ обѣду къ дальнему родственнику нашему, или паче весьма любящему меня почтенному и любезному старику, Леонасію Левонтьевичу Афросимову, котораго домъ случился тогда всѣхъ ближе быть къ моей квартирѣ. Старикъ и жена его были мнѣ чрезвычайно рады. Они не могли довольно изъявить мнѣ удовольствія своего о томъ, что я былъ тогда упра-

вителемъ уже Богородицкой волости; и какъ имъ по смежеству ихъ деревни съ сею волостью было до меня и не безъ нужды, то удвоили они ко мнѣ прежнія свои ласки и благопріятство и просили меня невѣдомо какъ, чтобъ я во время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, а особливо живучи такъ близко отъ нихъ, приѣзжалъ къ нимъ какъ можно чаще, и хотя-бъ всякой день какъ въ свой домъ обѣдать и ужинать. Впрочемъ, подтвердилъ мнѣ и сей старикъ все сказанное мнѣ Ѳедоровымъ и совѣтовалъ мнѣ также повидаться напередъ съ Князевымъ и ему обо всемъ объясниться на словахъ.

Отобѣдавъ у сихъ почтенныхъ и любезныхъ стариковъ, полетѣлъ я въ межевую и имѣлъ тамъ неожиданное удовольствіе найти въ числѣ секретарей одного изъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, а именно господина Селижарова, бывшаго прежде секретаремъ въ серпуховской конторѣ, и съ которымъ я имѣлъ случай тамъ очень коротко познакомиться и нѣсколько разъ его угощать у себя. Сей, увидѣвъ меня, обрадовался какъ бы родному, вспомнилъ все наше прежнее знакомство, и услышавъ о моей нуждѣ жалѣлъ, что дѣло сіе не у него въ повѣсть, но у секретаря Соколова, но съ которымъ взялся онъ меня познакомить; и схватавъ въ тотъ же часъ за руку, повелъ меня въ ту комнату, гдѣ тотъ секретарь находился, и отрекомендовалъ ему меня, какъ лучше требовать не можно. Въ семъ незнакомомъ мнѣ до того секретарѣ нашель я человѣка молодого, но такого, которой съ самаго начала мнѣ, а я ему полюбился. Помогло къ тому весьма много то, что онъ, будучи охотникъ до книгъ и человѣкъ любопытной и услышавъ отъ Селижарова многія обо мнѣ похвалы, а особливо въ разсужденіи моей учености, тотчасъ сталъ обходиться со мною съ отмѣнною ласкою и уваженіемъ; а сіе самое вперило и въ меня къ нему любовь и почтеніе. Онъ не успѣлъ услышать о моей нуждѣ, какъ общалъ съ своей стороны дѣлать мнѣ всякое вспомошествованіе, и чтобъ свободнѣе обо всемъ нуж-

номъ касающемся до сего дѣла перего-
ворить, просилъ меня, чтобъ я утромъ въ
послѣдующій день побывалъ у него на
квартирѣ.

Будучи крайне доволенъ, что дѣло мое
начало такъ хорошо и удачно основыва-
ваться, поѣхалъ я изъ межевой къ ста-
рику моему князю, у котораго я еще не
былъ. Князь и обрадовался меня увидѣвъ,
и удивился моему неожиданному приѣзду,
и подумалъ сначала не сдѣлалось-ли чего
въ волости; но какъ я успѣшилъ ска-
зать, что тамъ все благополучно и всѣ
дѣла идутъ своимъ порядкомъ и какъ
лучше требовать не можно, а потомъ сталъ
просить извиненія въ томъ, что безъ его
дозволенія отлучился и говорилъ, что меня
принудила къ тому нечаянная и крайняя
нестерпящая времени нужда, то онъ не
только охотно меня въ томъ извинилъ,
но услышавъ о моей нуждѣ, похвалилъ
еще, что я къ нему о томъ напередъ не
отписывался и сказалъ, что я могу про-
быть въ Москвѣ столько времени, сколь-
ко требовать будетъ моя нужда, но съ
тѣмъ только условіемъ, присовокупилъ онъ
усмѣхнувшись, чтобъ я за вину мою какъ
можно чаще къ нему приѣзжалъ и помо-
галъ ему проводить въ разговорахъ со
мною время.

Легко можно заключить, что условіе
сіе было мнѣ непротивно, и я съ радо-
стію обѣщалъ ему исполнить его желаніе,
и посидѣвъ у него, успѣлъ въ тотъ же
еще день побывать у знакома моего, г. Фе-
дорова, и посѣтить его на смиренной
квартирѣ онаго.

Итакъ, поутру на другой день, что бы-
ло 27 іюля, благословясь и началъ я пи-
сать начерно челобитную и написавъ,
ходилъ къ секретарю Соколову, жив-
шему по счастью не далеко отъ меня. Сей
принялъ меня очень ласково, и какъ я
увидѣлъ противъ ожданія у него цѣлой
шкафъ, наполненной книгами, то и пошли
у насъ точчасъ разговоры объ нихъ, и сіе
сдружило насъ съ нимъ еще болѣе. Послѣ
того рассказалъ я ему въ подробности
все дѣло, написавъ маленькой абрисъ по-
ложенія всей тамошней степи и упомяну-

тымъ проданнымъ землямъ и урочищамъ,
съ показаніемъ, гдѣ лежить и мнѣ про-
данная земля. Онъ, выслушавъ все и раз-
смотрѣвъ, покачалъ только головою и по-
дивился непомѣрной ачности Пашкова,
говоря: «Не съума ли этотъ человѣкъ
сошелъ! какая бы ему нужда васъ тро-
гать и до вашего Ложечнаго касаться...
Нельзя-ль бы ему было и безъ него обои-
тись!... Чудной по истинѣ человѣкъ!»
Потомъ, разсмотрѣвъ мою черную чело-
битную и одобрилъ, сказалъ, чтобъ я при-
готовилъ ее къ завтраму и повидался бы
напередъ съ Анисимомъ Титочемъ и
сказалъ ему, что онъ скажетъ.

Какъ симъ образомъ дѣло отстрочилось
до утра, то возвратясь отъ секретаря
поѣхалъ я въ ряды для исправленія нѣ-
которыхъ покупокъ. Тамъ нечаянно по-
встрѣчался я съ другомъ моимъ Иваномъ
Яковлевичемъ Сабуровымъ. Сей ничего
еще не зналъ о плутовской покупкѣ Паш-
кова, и услышавъ отъ меня невѣдомо
какъ встревожился, и спрашивалъ у меня
совѣта, что имъ при семъ случаѣ дѣлать?
Но какой совѣтъ могъ я ему подать, не
знавши самъ еще, какой ходъ возымѣетъ
то дѣло. Итакъ, поговоривши и погоре-
вавъ о новой предстоящей всѣмъ намъ
отъ Пашкова напасти, расстались мы
въ сей разъ со взаимнымъ сожалѣніемъ,
что ни ему по его обстоятельствамъ не
можно было никакъ въ свою Калиновку
въ сей годъ ѣхать, и мнѣ также не мож-
но отъ своей должности отлучиться. Рас-
прощавшись съ нимъ, заѣхалъ я въ уни-
верситетъ, гдѣ хотѣлось мнѣ видѣться съ
знакомцемъ моимъ г. Приклонскимъ,
но не заставъ его дома, проѣхалъ опять
къ старику моему князю.

У него просидѣлъ я нѣсколько часовъ
и мы проговорили съ нимъ о наступаю-
щемъ открытіи тульского намѣстничества.
Я рассказывалъ ему все относящееся до
приѣзда къ намъ намѣстника, и о намѣ-
реніи его отнять у насъ изъ Богородицка
Пушкарской и Стрѣлецкой слободы, и о
предлагаемомъ имъ прискиваніи въ за-
мѣнъ ихъ другихъ казенныхъ селеній. И
какъ сіи были у меня уже и присканы

и на примѣтъ не только смежныя съ Богородицкою волостью, но отчасти посреди оной лежачія, то съ сей стороны былъ князь усердіемъ моимъ доволенъ. Когда-жъ дошелъ у насъ разговоръ до флигеля, то сказалъ князь: «Ну что-жъ, ежели усѣдемъ отдѣлать, такъ пускай себѣ съ Богомъ занимаютъ, а только бы не сожгли намъ они его; а въ удовольствіе намѣстника можно нѣсколько и поспѣшить!» Отъ князя заѣхалъ я и къ другому моему старику г. Афросимову, и у него ужиналъ. Сей также не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться.

Наконецъ настало 28 число, въ которой день надлежало мнѣ ѣхать къ Князеву. Я его никогда еще не видывалъ и любопытствъ былъ видѣть, какъ онъ меня приметъ; но признаюсь, что не ожидалъ ничего хорошаго. Но какъ я удивился, когда ходившій докладывать ему обо мнѣ человекъ, выбѣжавъ съ поспѣшностію тотчасъ назадъ, звалъ меня къ нему въ кабинетъ, и не усѣлъ я войти, какъ онъ первымъ словомъ меня встрѣтилъ: «Не тотъ ли я Болотовъ, которой такъ много по экономическимъ своимъ сочиненіямъ сдѣлался извѣстенъ въ Петербургѣ и во всей Россіи?» И лишь только я сказалъ, что это я, какъ бросился меня цѣловать, говоря: «А! батюшка, Андрей Тимофеевичъ, какъ я радъ, что имѣю удовольствіе васъ видѣть,—такъ давно уже я васъ по сочиненіямъ вашимъ знаю и желалъ съ вами познакомиться... пожалуйста, сядьте и поговоримъ съ вами».

Легко можно заключить, что таковой ласковой и неожиданной пріемъ былъ для меня крайне пріятенъ, и я чувствовалъ себя власно какъ на вершокъ больше выросшимъ. Я соответствовалъ ласкѣ его взаимными привѣтствіями и препорученіемъ себя въ его благоволеніе и милость. А онъ только и твердилъ, что такихъ людей какъ я въ Россіи очень мало, и что онъ желалъ бы, чтобъ ихъ было больше, и чтобъ многіе изъ дворянъ нашихъ мнѣ подражали. Послѣ того сказывалъ онъ мнѣ, что онъ всѣ мои сочиненія у себя имѣетъ и читаетъ ихъ съ особливимъ удо-

вольствіемъ, и почитаетъ ихъ наилучшими и основательнѣйшими предъ всѣми. Таковая нелестная похвала меня даже пристыдила, но признаюсь, что была и непротивна. Послѣ чего и начался у насъ съ нимъ тотчасъ разговоръ о книгахъ и о дѣлахъ ученыхъ, и онъ, будучи до нихъ охотникомъ, чѣмъ далѣе со мною говорилъ, тѣмъ множайшее находилъ удовольствіе, такъ что мы чрезъ нѣсколько минутъ такъ съ нимъ познакомились, какъ бы давно уже знакомые люди и добрые пріатели между собою. Наконецъ спросилъ онъ меня, не нужна ли какая оторвала меня отъ моего мѣста и привела къ нимъ въ Москву?—«Конечно нужна! и нужна собственно до васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ», сказалъ я ему кланяясь.—«Какая такая? подхватилъ онъ: скажите ради Бога! я радъ вамъ всячески служить, ежели отъ меня что зависить». Сіе ободрило и порадовало меня очень и того еще болѣе.—«Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ (сказать я): вотъ какое дѣло. За двѣнадцать лѣтъ до сего куплена была у меня изъ межевой канцеляріи государева земля, и какъ она по смежности ко мнѣ мною была завлажена, то заплатилъ за нее и тройную цѣну. Сею землею по силѣ даннаго мнѣ владѣннаго указа я и владѣю. Но нынѣ увидѣлъ я изъ газетъ, что самая та же земля и въ тѣхъ же самыхъ урочищахъ продана другому, совсѣмъ постороннему и съ нею никакого смежества неимѣющему человеку и за одинакую цѣну. И какъ для отмежеванія оной отправленъ уже землемѣръ, и я опасаясь, чтобъ у меня ее не отняли и не отмежевали другому; такъ и прошу васъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, какимъ-нибудь образомъ въ разсужденіи оной меня обезпечить!»

Слова сіи привели его въ изумленіе и онъ, помолчавъ съ минуту, мнѣ сказалъ: «Удивительно мнѣ это, и развѣ какъ-нибудь не выправились и ошиблись; а кому продана она нынѣ?»—«Вонну Васильевичу Нащокину!» сказалъ я, ибо мнѣ не хотѣлось и вида сдѣлать, что я знаю, что земля сія не ему, а Пашкову продана.—«Да, отвѣчалъ онъ на сіе: безсмысли-

но есть тутъ какая-нибудь ошибка. Пожалуйте къ намъ въ канцелярію. Я сейчасъ туда ѣду и велю выправиться, и ежели окажется подлинно такъ, то какъ-нибудь уже вамъ пособимъ». — «Очень хорошо!» сказалъ я, и ему откланялся, но онъ не отпустилъ меня не напоивъ чаемъ и не взявъ обѣщанія приѣзжать къ нему еще нѣсколько разъ, также записавъ у себя на бумагѣ записочку о землѣ моей.

«Слава Богу! и на что сего лучше! думалъ я отъ него выхода и ѣдучи въ межевую: — дѣло мое понемножку клеится и идетъ лучше, нежели я думалъ и ожидалъ». Въ межевую не успѣлъ я показаться, какъ оба секретари, Селижаровъ и Соколовъ, приступили ко мнѣ съ вопрошеніями, былъ ли я у Анисима Титовича, и что онъ сказалъ? И какъ скоро я имъ сказалъ о его приѣмѣ и обо всемъ, какъ оба они мнѣ въ одинъ голосъ сказали: — «Ну, слава Богу, это всего лучше и теперь можемъ мы васъ смѣло поздравить, что дѣло ваше будетъ сдѣлано!» А не успѣли мы рѣчь свою кончить, какъ поглядимъ ѣдетъ и Анисимъ Титовичъ, и какъ ему чрезъ секретарскую въ судейскую проходить надлежало, гдѣ я стоялъ, то онъ и тутъ взглянулъ на меня съ благопріятностію, и по входѣ въ судейскую тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ секретаря и по запискѣ своей приказалъ выправиться. Секретарь мой, выѣхавъ и показывая мнѣ бумажку, сказалъ: «Вотъ уже она!» и тотчасъ велѣлъ повытчикамъ дѣлать отправку. Отправка сія чрезъ нѣсколько минутъ и учинена и секретаремъ Князеву доставлена. А онъ, увидѣвъ справедливость словъ моихъ, и вышелъ тотчасъ самъ въ секретарскую къ намъ, и обратясь ко мнѣ, съ особливою благопріятностію мнѣ сказалъ: «Такъ! вы сказали правду! и мы виноваты и были такъ олошны, что не выправились. Но дѣлу сему пособить можно. Извольте подать челобитную, и мы къ тому же землемѣру пошлемъ указъ, чтобъ онъ напередъ отмежевалъ проданную вамъ землю, а послѣ уже межевалъ про-

ція». — «Очень хорошо! сказалъ я: челобитная о томъ и готова!» и тотчасъ ее вынулъ ему подалъ, а онъ и приказалъ секретарю помѣтнуть и внести ее въ свое время въ докладъ.

Всѣ, увидѣвши такое благопріятное Князева со мною обхожденіе, обратили на меня свои глаза и начали уже меня гораздо болѣе уважать и ко мнѣ изъявлять всякое учтивство. Секретари же Селижарова такъ сіе обрадовало, что онъ приступилъ ко мнѣ съ просьбою, чтобъ я непремѣнно его въ тотъ день посѣтилъ и къ нему приѣхалъ обѣдать. И какъ время до обѣда оставалось еще много, а мнѣ въ межевой дѣлать болѣе было уже нечего, то рассудилъ я сими досугомъ воспользоваться и побывать еще для нѣкоторыхъ нуждъ въ городѣ, гдѣ не думано-негадано дождалось меня новое удовольствіе. Не успѣлъ я войти въ рады, какъ вдругъ встрѣчается со мною старинной мой спослуживецъ и другъ, Матвѣй Васильевичъ Головачевъ, съ которымъ служилъ я не только въ одномъ полку, но и въ одной ротѣ. Оба мы были тогда еще подпоручиками и жили прямо дружески, любя другъ друга искренно, но съ самаго завладѣнія Пруссіею не видались между собою. Не могу изобразить какъ обрадовались мы много, другъ друга увидѣвъ и узнавъ. Я думаю, не болѣе бы обрадовались родные братья или ближніе родственники, не видавшіеся столь многіе годы. И сколько было тогда у насъ дѣлованья и распрашиванія обо всемъ и обо всемъ другъ друга! Словомъ, минуты сіи были для меня неоцѣненны, и мы разстались неинако какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ.

Изъ рядовъ успѣлъ я еще заѣхать въ университетъ, и отыскавъ господина Приклонскаго, съ нимъ видѣться. Сей кашинской мой знакомецъ былъ мнѣ очень радъ и сообщилъ мнѣ пріятное вѣстіе, что племянницы мои госпожи Травинны только что чрезъ Москву проѣхали, ѣдучи ко мнѣ, и съ братомъ своимъ вмѣстѣ въ Богородицѣ, и что онъ за два только дни до того ихъ видѣлъ. «Ахъ,

какъ мнѣ того жаль! сказалъ я: что я о томъ не вѣдалъ, и теперь они меня тамъ не найдутъ! Но что-жъ, примолвилъ я, по крайней мѣрѣ найдутъ они тамъ моихъ хозяекъ, и неужели не дождутся моего возвращенія и приѣзда отсюда?»

Повидавшись съ г. Приклонскимъ, успѣлъ еще я приѣхать благовременно въ межевую. Всѣ готовились тогда къ выходу, и Селижаровъ, подхвативъ меня, и полетѣлъ къ себѣ въ домъ. Жилъ онъ подъ самымъ почти Донскимъ монастыремъ, итакъ, принуждены мы были съ нимъ чрезъ цѣлую половину Москвы ѣхать; но за то и угостилъ онъ меня добрымъ и прямо секретарскимъ жирнымъ обѣдомъ, и я ласкою и пріязнью его былъ очень доволенъ, и мы съ нимъ при семъ случаѣ о многомъ-таки кое-о-чемъ поговорили, а особливо о произшествіяхъ при межевой канцеляріи.

Отъ него разсудилось мнѣ заѣхать въ домъ господина Павлова, нашего давнишняго знакомаго и бывшаго шурина покойнаго дяди моего Матвѣя Петровича, и какъ мы съ симъ домомъ и до того времени продолжали свое знакомство и дружество, то былъ я и въ сей разъ пріемомъ и ласкою сего простодушнаго старика очень доволенъ. Оба они, онъ и жена, благодарили меня невѣдомо какъ, что я ихъ, стариковъ, напомнилъ, и разспрашивали обо всѣхъ моихъ домашнихъ. Вспоминали прежнія времена и частыя наши свиданія, и просили невѣдомо какъ, чтобъ въ случаѣ приѣзда въ Москву вмѣстѣ съ моимъ семействомъ не оставлялъ бы я ихъ своимъ посѣщеніемъ.

Посидѣвъ у нихъ, проѣхалъ я къ старику моему князю. Сей едва завидѣлъ меня, какъ и сталъ спрашивать о успѣхѣ моего дѣла, и услышавъ о томъ, какъ меня принялъ Князевъ, порадовался тому искренно, и также не сомнѣвался о успѣхѣ моего дѣла. И какъ не хотѣлъ онъ отпустить меня отъ себя безъ ужина, то принужденъ я былъ все достальное время сего дня препроводить у него; которое провели мы съ нимъ въ гуляньѣ

по его прекрасному саду и въ разныхъ пріятныхъ съ нимъ разговорахъ. Словомъ, онъ находилъ въ собесѣдованіи со мною отъ-часу болѣе удовольствія и обходился со мною неннако, какъ бы съ какимъ ближнимъ своимъ родственникомъ.

Симъ кончился тогда сей многими удовольствіями для меня преисполненный день, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и письмо сіе, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Генваря 29-го дня 1809 года).

ПОКУПАНІЕ ЗЕМЛИ.

Письмо 190-е.

Любезный пріятель! Имѣя дѣлу своему столь хорошее и все чаяніе и ожиданіе мое превосходящее начало, какъ много ни надѣялся я, что оно скоро и кончится, однако надежда сія меня обманула и я съ досадою и нѣкоторымъ прискорбіемъ души принужденъ былъ видѣть, что теченіе дѣлъ и въ межевой канцеляріи подвержено было такой же медленности, какъ и во всѣхъ прочихъ судебныхъ мѣстахъ, и что мнѣ необходимо надлежало вооружиться терпѣніемъ и ждать того многіе дни сряду, чтѣ въ одинъ день могло бы исполниться и произведено быть въ дѣйство. Причиною тому былъ отчасти введенной издавна и свято наблюдаемой старинной шлендріанъ, по которому производится у насъ всѣ дѣла въ судебныхъ мѣстахъ и канцеляріяхъ, а отчасти стеченіе другихъ случившихся обстоятельствъ. Ибо гдѣ-то надлежало челобитную мою внести съ прочими дѣлами въ докладной реестръ; гдѣ-то воспослѣдовала на нее резолюція; гдѣ-то дѣлали выpravку и писали начерно опредѣленіе; гдѣ-то оное разсматривали; гдѣ-то писали набѣло; гдѣ-то всѣ присутствующіе члены оное подписывали; гдѣ-то писали сообразно съ онымъ указы, и гдѣ-то, наконецъ, оное подписывали, записывали и мнѣ вручали!... Итакъ, на все сіе требовалось время, и время очень многое: ибо много изъ исчисленныхъ пунктовъ и одного мало было однихъ или двое

сутковъ. И какъ въ тому-жъ въ вѣщей досадѣ всѣхъ просителей случились въ сіе время не только субботніе и воскресные, но и самые праздничные дни, въ которые присутствія въ канцеляріи никакого не было, а сверхъ того бывали и отлучки нѣкоторыхъ членовъ, то сіе умножало еще тѣмъ болѣе медленность теченія сего дѣла. А отъ всего того и произошло то, что вмѣсто двухъ или трехъ дней принужденъ я былъ конца сего дѣла дожидаться болѣе десяти дней, и все сіе время мучиться на непомилованную медленность не только досадою, но и сущею тоскою.

И въ самомъ дѣлѣ нельзя изобразить, какъ несносна каждому просителю бываетъ такая медленность, а особливо такімъ, которымъ дорога каждая минута времени и всего нужнѣе поспѣшное производствіе! И какъ неизъяснимо досадны бываютъ всѣ случающіеся въ то время воскресные и другіе праздничные дни, въ которые судьи освобождаются отъ заведенія и въ которые не бываетъ по дѣламъ никакого производства. Необходимость проживать всѣ такіе дни празднично и безъ всякаго дѣла превращаетъ оныя въ дѣльныя недѣли и въ наискучнѣйшее въ свѣтѣ время. И я самъ, при всей благосклонности ко мнѣ секретарей и главнаго дѣлопроизводителя, замучился бы истинно сею медленностію впрахъ, и не знаю какъ бы сіе время перенесъ, если-бъ не находилъ средствъ удобныхъ къ прогонянью своей скуки и досады и такихъ занятій, которыя не давали мнѣ почти чувствовать долготы времени. Ибо, что касается до самаго дѣла, то какъ оно производилось въ канцеляріи обыкновенно только по утрамъ до половины дни, то за правило себѣ поставилъ не пропускать ни одного присутственнаго дня, въ которой бы мнѣ не быть въ канцеляріи, не на часокъ одинъ, по примѣру многихъ, а на все время продолжающагося присутствія. Сіе хотя и стоило мнѣ весьма многого труда, но я уже вооружался терпѣніемъ, вѣдая, что оттого весьма многое зависитъ. Итакъ,

обыкновенно прѣзжалъ я въ канцелярію по утрамъ и до тѣхъ поръ бывалъ, куда оканчивалось присутствіе, и дабы время сіе было мнѣ не такъ скучно, то обыкновенно прискивалъ я тамъ людей, съ кѣмъ-бы я могъ вступать въ разныя обо всемъ разговоры. И какъ мнѣ всегда удавалось и находить людей къ тому способныхъ, и я при всѣхъ такихъ случаяхъ старался изъяслять свои знанія, то обыкновенно приманивало сіе къ слушанію нашихъ разговоровъ и самихъ секретарей и другихъ чиновниковъ. И какъ нерѣдко и сами они въ томъ бирали соучастіе, то самое сіе и ежедневное бываніе и спознакомливало меня съ ними отъ часу болѣе и не только помогало мнѣ безъ скуки проводить время сіе, но и обращало въ существительную мнѣ пользу, какъ то мнѣ не однажды въ жизнь мою испытать случилось.

Но никогда не было мнѣ сіе такъ полезно, какъ при семъ случаѣ. Тутъ чрезъ то самое не только я спознакомился со многими изъ межевыхъ, но и съ самыми посторонними людьми, имѣвшими также какъ я дѣла въ межевой канцеляріи, но простекла случайнымъ образомъ оттого для меня совсѣмъ особая и весьма важная польза. Стучилось такъ, что ни съ кѣмъ я такъ много всякой день не разговаривалъ, какъ съ бывающимъ также тамъ всякой день господиномъ Муромцовымъ, Селиверстомъ Васильевичемъ. Сей пожилой, умной, но особаго характера человекъ былъ превеликой охотникъ говорить; но какъ онъ столь же хорошо говорилъ по-нѣмецки какъ и я, то мы всякой день схватывались съ нимъ и проводили по нѣсколькимъ часамъ въ разговорахъ дружескихъ о матеріяхъ разныхъ, простыхъ, экономическихъ, политическихъ и даже самыхъ ученыхъ, наконецъ натурально и о межевыхъ дѣлахъ. Онъ хлопоталъ также о какой-то землѣ, и будучи принужденъ также дожидаться, досадовалъ по-моему и жаловался на медленность. Итакъ, оба мы дѣлили между собою и горе свое, и скуку и досаду. И какъ сіе всего чаще подавало намъ

поводъ говорить о тогдашнихъ произ-
шествіяхъ по межевой канцеляріи, то слу-
чась однажды, что онъ, жалѣя обо мнѣ,
что я о такомъ маленькомъ клочкѣ и
давно уже купленной земли хлопочу, ди-
вились тому, что я не покупаю себѣ зем-
ли гдѣ-нибудь побольше и не пользуюсь
тогдашними, наудобіѣйшими къ покупанію
случаями. «Никогда, говорилъ онъ,
такого хода на сіе не было какъ теперь,
и всѣ хватаютъ себѣ земельки и рвутъ,
и едва только успѣваютъ отсыпаться де-
нежками. А тебѣ благо такъ друженъ
Алексій Титовичъ, да и сей молодецъ
(указывая на секретаря) къ тебѣ отъи-
вно благосклоненъ, а отъ нихъ двухъ и
зависитъ все дѣло. Нужно бы только имъ
захотѣть, какъ дѣло бы и въ шляпѣ тог-
часъ было! А и ихъ не трудно заставить
того захотѣть: нужно только тому и дру-
тому что-нибудь въ руки, разумѣется по
куску хорошенькому, такъ и полетитъ дѣ-
ло!»—«Что вы говорите!» (воскликнулъ я)
Ей-ей, подхватилъ онъ, подумай-ка бра-
тецъ!»—«Что думать, сказалъ я: я уже дав-
но о семъ думаю, и мнѣ самому очень
бы хотѣлось свунить себѣ земли побольше,
но такая бѣда, что незнаю, гдѣ бы удобнѣе
и способную себѣ отыскать». — «Этакой
ты лавой, братецъ! подхватилъ онъ: какъ
не найти, если постараться; да ко-
ротко, они и сами тебѣ отыщутъ, если
захотятъ, а сверхъ того нельзя-ли тебѣ изъ
той же-таки степи купить, изъ которой они
вадѣляли Пашкова такимъ великимъ ко-
личествомъ. Неужели неосталось ничего
изъ ней за сею покупкою?»—«Какъ не ос-
таться, сказалъ я: осталось, и очень много,
но дѣло смахлевано и смастерено такъ, что
до ней добраться уже не можно. Вся она
загорожена кругомъ тѣми узцами, продан-
ными Пашкову на разные имена полосами
и для того, чтобъ ему всею достальною
можно было воспользоваться даромъ и безъ
покупки». — «Изволь смотришь, сказалъ
онъ: какое плутовство! Неужели она вся
такъ сплошь окружена и загорожена про-
данными землями, что нигдѣ не осталось
никакого маленькаго прогалка и проме-
жутка, а то нужно-бъ имѣть хоть ма-

ленькія воротцы, такъ бы можно было
ими водраться и во все внутреннее про-
странство».

Сіе слово вдругъ и равно какъ молніею
проникло всю мою душу, и произвело въ
ней новую и такую мысль, какой я до
того совсѣмъ не имѣлъ. «Ба! ба! ба! по-
мыслилъ я тогда: что я, вправду, о томъ
не подумаю? Уже нѣтъ ли въ самомъ
дѣлѣ гдѣ-нибудь прогалочки между по-
купными землями?» И тогда вдругъ гдѣ
ни возмись мысль о Ложечномъ и рѣчкѣ
Паникѣ. «Ба! сказала я самъ себѣ: Па-
шочкинская-то дача приурочена отъ рѣчки
Караванки только до Ложечнаго, а не
дальше, а Голицынская началась съ вер-
ховья рѣчки Паники, а Паника отъ Ло-
жечнаго разстояніемъ версты три или еще
болѣе; такъ эготъ промежутокъ можно
почестъ и никому еще не проданнымъ!
такъ вотъ и желаемые ворота». Обрадо-
вавшись невѣдомо какъ сей внезапной
мысли, сообщилъ я ее тотчасъ г. Муром-
цову, а сей, одобривъ ее, и воскликнулъ:
«Ну, вотъ, на что этого лучше, благо такъ
еще къ вашей дачѣ встаетъ и съ нею
промежутокъ сей, какъ говорите, сме-
жень! Мой бы, право, совѣтъ пуститься
хоть на удачу на сей поискъ, да и по-
сиѣшить бы тѣмъ какъ можно, чтобъ не
успѣли они тамъ отмежевать Пашочкину
и захватить сей прогалокъ». — «А что вы
думаете? (сказалъ я), ужъ въ самомъ дѣлѣ
не приступить ли о томъ къ просьбѣ?»—
«Нечего и медлить (отвѣчалъ мнѣ мой
собесѣдникъ): чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше!»
— «Да вотъ бѣда! (сказалъ я), продадутъ
ли мнѣ еще? ибо мнѣ по числу тамош-
нихъ моихъ душъ продано полное коли-
чество». — «Этакой ты! подхватилъ госпо-
динъ Муромцовъ: а развѣ нельзя просить
и купить для перевода туда другихъ и
множайшихъ людей изъ другихъ дере-
вень? И всѣ такъ-то покупаютъ; такъ
нечего долго думать, приступай-ка мой
другъ съ Божіею помощію къ дѣлу; а
хотя-бъ и заупрямились, такъ сотенку
сему молодцу въ руки, да старику-то со-
тенки три-четыре, такъ въ мигъ и ски-
пнуть тысячка десятинъ». — «Я бы и за

полторы не постоятъ, сказалъ я: естли-бъ только пошло дѣло на ладъ. Тысяча десятинъ и не того стоютъ! Я бы и Богъ знаетъ какъ обрадовался».

Въ самое то время какъ мы сіе говорили, и подойди къ намъ, равно какъ нарочно, секретарь Соколовъ, и дружески спросилъ: о чемъ мы разговариваемъ? «Что! сказалъ ему на сіе г. Муромцовъ Андрей Тимошеевичъ все горюетъ о томъ, что у него земли мало!» — «Какъ мало? подхватилъ Соколовъ: да у него есть купленная, которую онъ получить вѣрно». — «Да что это, этой ему и на квасъ мало!» сказалъ г. Муромцовъ. — «Ну, такъ для чего-жъ не покупаетъ онъ у насъ себѣ еще болѣе?» — «Ахъ, батюшка, Иванъ Алексѣевичъ! подхватилъ я: о томъ-то у насъ и слово. Вотъ сдѣлали бы вы мнѣ милость и на вѣкъ одолжили, естли-бъ помогли мнѣ въ томъ». — «Зачѣмъ дѣло стало? сказалъ г. Соколовъ: благо самъ Анисимъ Титовичъ къ вамъ такъ благосклоненъ. Да гдѣ-жъ бы вамъ и сколько купить хотѣлось?» — О томъ-то у насъ, сказалъ я, и разговоръ былъ; нельзя ли, батюшка, мнѣ тутъ же какъ-вибудь прильнуть, гдѣ продана Пашкову на имена разныя? — «Не знаю, подхватилъ секретарь, объ этомъ надобно подумать. Но есть развѣ тутъ за учиненными имъ продажами еще лишняя?» — «Есть, батюшка! и очень еще много, и противъ самыхъ моихъ земель есть кусокъ, никому еще не проданной, и съ меца было бы уже того довольно. — «А сколько бы вамъ хотѣлось?» — Десятинъ хоть бы тысячу. — «Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало? просите; а того бы еще лучше, поговорить бы вамъ о томъ лучше напередъ съ Анисимомъ Титовичемъ, и какъ скоро будетъ на то его воля, то мы въ одинъ мигъ вамъ ее сварганимъ!» — «А я бы, батюшка, былъ обоимъ вамъ благодаренъ за то, сказалъ я потихоньку и пожалъ ему руку». Соколовъ мой тотчасъ догадался, что сіе значитъ, и въ тотъ же мигъ мнѣ сказалъ: «Право, нечего бы и медлить, пожалуйте-ка вы завтра поутру ко мнѣ: такъ бы мы начертали и челобитную о томъ».

Не могу изобразить, какъ обрадовался я, видя отъ секретаря такую къ себѣ благосклонность, и подивившись нечаянности сего случая, натурально не сталъ и дѣйствительно медлить, но въ слѣдующее-жъ утро полетѣлъ къ секретарю; и какъ я ему безъ дальнихъ обиняковъ обѣщалъ навѣрное сотню рублей за вспоможеніе, то въ одинъ мигъ придумано, какъ и расположить все это дѣло, и начернута черная челобитная; а съ нею въ тотъ же часъ полетѣлъ я и къ г. Князеву.

Сей принялъ меня, какъ знакомаго уже чловѣка, съ отминою благопріятностью. Но благосклонность его еще больше увеличилась, когда поднесъ я ему сочиненіе моего книжку «Дѣтскую Философію», о которой мы въ прежнюю бытность мою у него съ нимъ говорили и которую ему очень видѣть желаюсь; почему я тогда-жъ велѣлъ переплетчику одинъ экземпляръ оной переплестъ въ наилучшій переплетъ, и какъ она около сего времени была уже готова, то я, взявъ ее съ собою, при семъ случаѣ его ею и подарилъ, и сей ничего незначущій подарокъ замѣнилъ мнѣ нѣсколько сотъ рублей. Князевъ былъ имъ очень доволенъ и поблагодарилъ меня за него, а потомъ, поговоривъ со мною кой-о-чемъ относящемся до наукъ и литературы, спросилъ наконецъ меня, что дѣлается теперь въ межевой по моему дѣлу. А сіе и подало мнѣ поводъ приступить къ нему съ новою просьбою и сказать:

— Что, батюшка, Анисимъ Титовичъ? дѣло мое по милости вашей идетъ съ успѣхомъ. Но я не смѣю васъ, батюшка, утруждать еще одною просьбою! на вѣкъ бы вы меня одолжили и заставили-бъ не только меня, но и всѣхъ потомковъ моихъ имя ваше благословлять. — «Что такое?» спросилъ меня Князевъ. — Земельки-та сей, отвѣчалъ я, для меня чрезвычайно мало: такое несчастье, что всѣ мои небольшія деревнишки вездѣ малоземельны и оттого бездоходны; итакъ, не можно-ль вамъ сдѣлать милость и продать мнѣ еще земли».

на которую бы я могъ всёхъ лишнихъ людей перевести? — «Для чего не продать? подхватилъ онъ: да гдѣ-жъ бы вамъ хотѣлось?» — «Ежели-бъ милость сдѣлали, такъ тутъ же бы, гдѣ продана господину Нащокину и прочимъ. — Да развѣ есть тамъ еще оставшаяся за продажу?» — спросилъ онъ. — «Есть, и довольно еще много! — «Очень хорошо! а сколько-бъ вамъ хотѣлось?» — «Десятинъ хотъ бы тысячу, ежели-бъ была только ваша милость — «Изволь, судырь! изволь! (сказалъ онъ усмѣхнувшись), съ удовольствіемъ вамъ и это сдѣлаю, а подайте только о томъ челобитную».

Удивился я такому скорому обѣщанію, и поѣхавъ отъ него съ неописаннымъ удовольствіемъ, въ тотъ же день написалъ челобитную и подалъ, прося, чтобъ повелѣно было мнѣ и отмежевать ее тому же самому землебрѣу. А назначилъ я въ просьбѣ моей самый тотъ прогалокъ между верховьями Ложечныхъ-буераковъ и рѣчки Паники. И какъ секретарю сотенку рублей бумажками въ руки всунуль, то полетѣло и сіе мое второе дѣло такъ скоро, что догнало почти первое.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ по поводу сей моей вторичной и новой просьбы надобно было вновь начинать и производить все дѣло по обыкновенному порядку, то необходимость уже заставляла меня вооружиться терпѣніемъ еще на нѣсколько дней, и прожить въ Москвѣ недѣлю-другую лишнюю. Но сіе терпѣніе было для меня уже сноснѣе, ибо было чего уже дожидаться; новое сіе предстоящее приобрѣтеніе было таково, что я самъ себѣ почти не вѣрилъ, и имѣлъ причину почитать то опытомъ особаго божескаго ко мнѣ благодѣянія, и благодарить его за то.

Итакъ, куда дѣло сіе производилось, употреблялъ я все праздное мое время на развѣзды по моимъ друзьямъ, роднымъ и знакомымъ, и не было ни одного дня, въ которой бы я обѣдалъ или ужиналъ дома, а либо у старика своего князя, либо у г. Афросимова, либо у Павлова. Кромѣ сихъ, былъ я нѣсколько разъ и у друга своего г. Салтыкова. Но ни у

кого я такъ часто не бывалъ какъ у своего командира князя, которой всегда бывалъ мнѣ радъ какъ родному и интересовался моимъ дѣломъ такъ, что хотѣлъ знать всякой день, что у насъ дѣлается. Благосклонность его ко мнѣ была такъ велика, что не успѣлъ онъ услышать, что мнѣ обѣщали продать еще 1,000 десятинъ земли, какъ порадовавшись тому, спросилъ меня: не вознадобятся ли мнѣ для сей покупки деньги? и какъ скоро я сказалъ, что конечно вознадобятся, и что я, не зная такого благополучія, ими съ собою не запаса, то сказалъ мнѣ, чтобъ и о томъ не заботился, а бралъ бы у него сколько мнѣ надобно будетъ, а возвратилъ бы ему ихъ при удобномъ случаѣ. Симъ избавилъ онъ меня отъ заботъ по сему предмету, и я дѣйствительно получивъ тогда ихъ, тотчасъ въ казну за землю 1,000 рублей и съ слѣдующими пошлинами и внесъ.

Впрочемъ, озабочивался я очень предстоящимъ скорымъ отъѣздомъ князя въ нашу сторону и боялся, чтобъ меня дѣло сіе не задержало въ Москвѣ. Но къ особливому моему удовольствію и съ сей стороны я скоро былъ успокоенъ. Князю что-то вздумалось ѣзду свою къ намъ въ сіе лѣто отложить, чѣмъ я весьма и доволенъ былъ: ибо чрезъ то избавился я не только отъ многихъ хлопотъ, съ его приѣздомъ и угощеніемъ у насъ сопряженныхъ, но и могъ пробыть въ Москвѣ столько, сколько требовали тогдашнія обстоятельства.

Въ сіе время вздумалось князю свозить меня однажды въ загородной свой домъ на Студенецъ, гдѣ былъ у него прекрасной прудъ. И какъ утѣшался онъ тамъ рыбною ловлею, то имѣлъ я тутъ въ первой и послѣдній разъ въ жизни удовольствіе видѣть пойманнаго неводомъ превеликаго живого осетра, что представляло зрѣлище рѣдкое и удивительное. Съ нами былъ тутъ вмѣстѣ и любимой сынъ княжой, князь Сергѣй Сергѣевичъ, которой и при семъ случаѣ оказывалъ себя такимъ гордецомъ и высокомернымъ человѣкомъ, что я, несмотря на всю ласку стараго

князя, недостоевъ былъ отъ него ни единымъ даже словомъ, а не только какимъ-либо привѣтствіемъ, что приводило меня не только въ удивленіе, но и въ нѣкоторую на него досаду, не многимъ чѣмъ отъ внутренняго презрѣнія отдаленную. Изъ сего загороднаго домика ѣздили мы съ княземъ еще въ садъ князя Хованскаго, гдѣ засмотрѣлся я многимъ-многимъ мною невиданнымъ вещамъ, и научился кой-чему изъ разговоръ съ тамошнимъ искуснымъ садовникомъ.

Кромѣ сего случилось мнѣ въ сіе праздное время побывать и у прежней нашей кѣсовской знакомки, генеральши Натальи Александровны Олицовой, случившейся тогда быть въ Москвѣ. Она обрадовалась мнѣ какъ бы родному, и я пріемомъ и угощеніемъ ея былъ очень доволенъ; но того еще болѣе имѣлъ удовольствія, отыскавъ одного изъ кѣнигсбергскихъ моихъ товарищей и спослуживцевъ, а именно наиблюбимѣйшаго изъ всѣхъ тамошнихъ собесѣдниковъ моихъ господина Олина, Александра Ивановича. Онъ служилъ въ сіе время въ ре-визіонъ-коллегіи, и неописанно обрадовался увидѣвъ меня передъ собою со-всѣмъ неождаемымъ образомъ. И какъ жили мы съ нимъ подлинно какъ друзья, то свиданіе сіе было для обоихъ насъ крайне пріятно. Онъ не могъ довольно возблагодарить меня, что я его отыскалъ въ его присутственномъ мѣстѣ и убѣдилъ просьбою, чтобъ я побывалъ у него и на квартирѣ подлѣ Сухаревой башни въ домѣ купца Пташкина, гдѣ и угостилъ онъ меня прямо дружески, и мы съ нимъ нѣсколько часовъ провели въ разговорѣхъ о томъ, какъ мы живали съ нимъ въ Кѣнигсбергѣ.

Кромѣ сего, пользуясь свободными часами, а особливо въ субботніе, воскресные и праздничные дни, въ которые не было засѣданія, или когда за отсутствіемъ котораго-нибудь изъ присутствующихъ въ межевой мнѣ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ брать свое прибѣжище къ терпѣнью, имѣлъ я нечаянной случай спознакомиться съ однимъ новымъ кни-

гопродавцемъ г. Вейтбрехтомъ, человекомъ молодымъ и такъ меня полюбившимъ, что я вошелъ съ нимъ въ нѣкоторыя связи. И, во-первыхъ, отдалъ ему всѣ излишніе свои экземпляры «Дѣтской Философіи» для продажи въ его лавкѣ; во-вторыхъ, условились мы съ нимъ, чтобъ онъ мнѣ давалъ изъ ланки своей разныя нѣмецкія и французскія книги для прочитыванія съ тѣмъ, чтобъ я, прочитавъ оныя, ему возвращалъ; и какъ я ему обѣщавъ ту выгоду, что молучивъ отъ него оныя безъ переплета, буду ему возвращать ихъ уже переплетенныя въ панку, то былъ онъ тѣмъ такъ доволенъ, что снабжалъ меня книгами своими не только во все время тогдашняго пребыванія моего въ Москвѣ, но отпустилъ со мною множество ихъ и въ Богородицкѣ; а потому и всѣ тѣ часы, которые бывалъ я дома на квартирѣ, не пропадали тщетно, но я занимался въ оныя чтеніемъ сихъ новыхъ и мнѣ еще незнакомыхъ книгъ.

Но сего было еще недовольно, а мы затѣяли-было съ нимъ нѣчто и важнѣйшее. А именно: будучи крайне недоволенъ чрезвычайно медленностію печатанія эконолическихъ моихъ сочиненій въ «Трудахъ Экономическаго Общества», и неспособностію къ пересылкѣ ихъ по почтѣ въ Петербургъ, да и самую невозможностію обременять ихъ многими сочиненіями, а имѣя на примѣтѣ великое множество вещей, о которыхъ мнѣ можно-было писать, уже давно занимался я мыслями о томъ, нельзя-ль бы мнѣ было издавать всѣ мои сочиненія образомъ особаго журнала, такимъ же образомъ, какъ издаются журналы въ земляхъ иностранныхъ. Но не имѣя въ Москвѣ никакого знакомаго человека, способнаго къ тому, чтобы взять на себя попеченіе о печатаніи онаго, принужденъ былъ оставаться до сего при единыхъ мысляхъ и желаніи, относящихся до такого предпріятія. А какъ сей нѣмецъ показался мнѣ къ тому способнымъ, и охотно хотѣлъ вступить и самъ со мною въ сіе дѣло, то по нѣсколькихъ о томъ съ нимъ

переговорахъ и согласились мы съ нимъ обо всемъ нужномъ; и какъ положили приступить къ изданію сему съ наступленія послѣдующаго за симъ 1778-го года, то при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы и оставилъ-было я ему и написанное объявленіе для напечатанія въ газетахъ. Но изъ дѣла сего не вышло ничего. Съ человѣкомъ симъ случилось какое-то несчастье и онъ принужденъ былъ чрезъ нѣсколько времени послѣ отъѣзда моего скрыться, и я имѣлъ досаду не только видѣть предпріятію своему съ самаго начала остановку, но лишиться и всѣхъ давныхъ ему своихъ книгъ для продажи, и за тѣ немногія французскія книги, которыя у меня остались отъ него для читанія присланными, заплатилъ убыткомъ симъ очень дорого.

Наконецъ 11-го августа имѣлъ я удовольствіе видѣть свой владѣнной указъ на 1,000 десятинъ проданной мнѣ земли подписанной, и за отлучкою младшаго члена г. Сулемы самимъ генераломъ Ивашевымъ. Въ семъ случаѣ помогъ мнѣ случайнымъ образомъ сосѣдъ мой Иванъ Ѳомичъ Хрущовъ, случившійся быть тогда въ межевой канцеляріи, и по знакомству своему съ симъ генераломъ убѣдившій его просьбою подписать указъ мой вмѣсто младшаго члена. Но какъ кромѣ сего надлежало указъ сей явить въ вотчинной коллегіи, также выпросить изъ межевой указъ къ тому-же землемѣру для отмежеванія мнѣ и сей проданной земли, то и для сего необходимо надобно мнѣ было прожить въ Москвѣ еще болѣе недѣли.

Напослѣдокъ кончилъ я благополучно и сія всѣ дѣла, и осталось мнѣ только возблагодарить г. Князева за оказанное мнѣ одолженіе. Какъ я не сомнѣвался, что и съ меня возьметъ онъ также, какъ и съ другихъ за проданную мнѣ землю, то завернувъ 300 рублей ассигнаціями въ бумажку, поѣхалъ я къ нему, и при распрощаніи съ нимъ, принося благодаренія мои, подносилъ ему оныя. Но онъ въ разсужденіи меня такъ былъ честенъ, что ни подъ какимъ видомъ

взять не согласился, а говорили, что онъ за особенное удовольствіе считаетъ, что ему случай допустилъ мнѣ услужить, и что онъ очень тому радъ и просить, чтобъ я всегда его помнилъ и почиталъ своимъ другомъ.

Легко можно заключить, что сіе было для меня непротивно. Триста рублей не составили бездѣлки и годились мнѣ на иное. Итакъ, удивившись и обрадовавшись тому, разстался я съ симъ новымъ своимъ благодѣтелемъ въ полномъ удовольствіи, которое было для меня тѣмъ чувствительнѣе, что и оно доставила мнѣ небольшая моя ученость и охота къ наукамъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись потомъ и съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ и со всѣми моими московскими знакомцами и друзьями, въ исходѣ августа поѣхалъ я изъ Москвы, и захавъ на самое короткое время опять въ свое любезное Дворяниново, благополучно возвратился въ Богородицкъ.

Тамъ встрѣтило меня то удовольствіе, что я нашелъ у себя кашинскихъ своихъ родныхъ, приѣхавшихъ безъ меня для свиданія съ нами и съ превеликимъ нетерпѣніемъ меня дождавшихся. Съ ними былъ и жившій прежде того у меня племянникъ мой Александръ Андреевичъ Травинъ, но которой гость чуть-было чуть не лишилъ меня единственнаго моего сына Павла и съ нимъ наивеличайшаго удовольствія въ свѣтѣ. Какъ племянницы мои съ нимъ прожили у меня тогда болѣе трехъ недѣль, и сему молодцу была безъ меня своя воля, то однажды сѣвши на какія-то туртыжныя дрожки, и подхватя малютку моего сына съ собою и безъ человѣка, пустился съ нимъ одинъ въ лѣсъ для катанья или гулянья. Они проѣздили съ нимъ нѣсколько часовъ, и будучи въ такъ-называемомъ Балахонскомъ лѣсу захали гдѣ-то въ такое топкое и вязкое мѣсто, что съ лошадыю и дрожками увязли, и оттого принуждены были съ нимъ сходить и долгое время стоять по колѣна почти въ грязи и въ водѣ, покуда могли

высвободить свою лошадь и дрожки. Но чего, будучи оба малолѣтними, не могли-бы они нивѣкъ сдѣлать, если-бы не помогъ имъ въ этомъ одинъ мужикъ, которому въ самое то время мимо нихъ по дорогѣ проѣзжать случилось; и какъ по несчастію случись тогда ногада холодная и время уже вечернее, то малютка сынъ мой и настрачался и такъ простудился, что слѣбнулъ оттого прѣстожую горлячку, едва-было не лишившую его совсѣмъ жизни и настращавшую всѣхъ моихъ домашнихъ такъ, что они не знали, что съ нимъ и дѣлать. Къ особливому несчастію, племяннику моему, большемуся, чтобъ за то не стали сестры его да и я послѣ бранить, вздумалось тогда все сіе несчастіе съ нимъ утаить, и уговорить къ тому же и сына моего. Посему и не можно было предупредить сему злу какими-нибудь отъ простуды лекарствами, чтд бы мои домашніи и не преминули учинить, естли-бы о томъ тогда же сказано было. И какъ сынъ мой и тогда еще былъ боленъ, какъ я изъ Москвы возвратился, то сіе много уменьшило мое удовольствіе, чувствуемое при свиданіи съ моими родными. А племяннику моему было такъ совѣстно, что онъ съ того времени у меня уже и не бывалъ ни однажды; ибо вскорѣ послѣ того записался онъ въ службу, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, безъ всякаго согласія и противъ желанія всѣхъ своихъ родныхъ, женился на купеческой дочери, которая и отвела его отъ всѣхъ его родныхъ, и такъ что онъ съ тѣхъ поръ даже и до сего времени со мною ни однажды не видался, и сдѣлался по сему отношенію крайне противъ меня неблагодарнымъ. Сынъ же мой хотя тогда и выздоровѣлъ, но остатки болѣзни такъ въ него вѣдрились, что имѣли нѣкоторое влияние на всю его жизнь, и много къ слабому его здоровью споспѣшествовали.

Племянницы мои по возвращеніи моемъ изъ Москвы не долго у насъ уже пробыли, но поведавшись со мною, поѣхали опять въ свое кашинское жилище. А я, оставшись и надевъ всѣ дѣла по волости въ

порядкѣ и текущими какъ надобно, нервнымъ долгомъ для себя почелъ отправить скорѣе полученные указы къ землемѣру съ нарочнымъ въ шадскую свою деревню, приказавъ тотчасъ меня увѣдомить, какъ скоро межевщикъ въ тамошнее мѣсто для отмежеванія прибудеть.

Сіе и воспослѣдовало гораздо скорѣе, нежели я думалъ и ожидалъ; ибо не успѣю еще и двухъ недѣль пройти послѣ моего приѣзда, какъ и прискакали ко мнѣ нарочные оттуда гонцы съ извѣстіемъ, что Пашковъ межевщика привезъ и уже начинаетъ межеваться, и потому просили меня, чтобъ поспѣшилъ и я туда коливо можно скорѣе. Нельзя изобразить, какъ сильно перетревоженъ я былъ симъ извѣстіемъ. Я получилъ его находясь въ гостяхъ у господина Кирѣева на крестинахъ и сидючи за столомъ во время обѣда, и смущеніе мое было такъ велико, что не пошла и ѣда на умъ. Словомъ, обстоятельства были таковы, что я принужденъ былъ бросить и покидать опять все и разставаться вновь съ своими родными и домашними и скакать опять въ свою шадскую деревню.

По счастию истребовалъ я на то предварительно дозволеніе отъ князя моего командира. И такъ, не долго думая и сдѣлавъ на время отсутствія своего всѣ нужныя распоряженія, въ половинѣ сентабря мѣсяца въ сей дальній путь свой и отправился.

Ѣзда моя была благоуспѣшна, и какъ во время оной не случилось со мною никакихъ важныхъ и особливаго замѣчанія достойныхъ происшествій, то, и разскажу объ оной въ короткихъ только словахъ. Ѣхалъ я туда въ сей разъ уже не на Елифанъ, а прямо на Данковъ, а отъ онаго уже на Ранебургъ и такъ далѣе на Козловъ и на Тамбовъ. Въ деревнѣ своей нашелъ я обиталище для себя уже гораздо покойнѣйшее передъ прежнимъ; по приказанію моему куплена была въ предслѣдующіе передъ тѣмъ годы довольно просторная бѣлая свѣтлица съ тремя красными окошками, и поставлена на лутчемъ и красивѣйшемъ мѣстѣ подлѣ

двора моего. И такъ, жить мнѣ было уже гораздо покойнѣе и лучше. Но приѣздъ мой былъ и въ сей разъ совсѣмъ почти по пустому. Пашковъ хотя подлинно привезъ взятаго на свой коштъ землемѣра, и началъ-было дѣйствительно отмежевывать себѣ проданныя ему на имя разнахъ особъ земли, но повстрѣчалось съ нимъ при самомъ началѣ неожиданное и такое препятствіе, что межеванье принуждено было остановиться или паче совсѣмъ прерваться, и чему наиболѣе былъ онъ самъ причиною, а именно.

Будучи нисколько недоволенъ тѣмъ, что можно-бы ему было безспорно и безъ всякаго помѣшательства тысячъ пятнадцать десятинъ изъ сей степи намежевать, въ чемъ не могъ бы ему никто и никакъ воспрепятствовать, естли-бы только пошелъ онъ прямымъ путемъ, или все дѣло сталъ производить законнымъ порядкомъ, а по безпредѣльной алчности и ненастимости своей возжелалъ не только всю тамошнюю обширную и ковыломъ порослую степью овладѣть безданно-безпошлинно, но сверхъ того все проданное ему на разныя имена количество земли, простиравшееся до одиннадцати тысячъ десятинъ, вырѣзать изъ соседственныхъ дачныхъ и распашныхъ земель, слѣдовательно получить себѣ не только земли гораздо множайшее количество, но воспользоваться многими тысячами десятинъ чужими руками распаханной земли, съ крайнимъ вредомъ и невыносимѣйшею обидою соседственнымъ дворянамъ. И дабы сей злодѣйской умыслъ можно-бы было ему удобнѣе произвести въ дѣйство, то отыскалъ и межевщика такого же бездѣльника и прямо на свою руку. Ибо не одинъ честной и сколько-нибудь совѣстной человекъ никакъ не хотѣлъ съ нимъ связываться и войти въ такое мошенническое дѣло; почему назначенной-было къ тому межевщикъ господинъ Нестеровъ прямо отъ того отказался, и онъ принужденъ былъ отыскивать и обѣщаніями большого награжденія соблазнять другого, и къ несчастію нашему ему и удалось найти

таковаго. Былъ онъ нѣкто г. Окороконъ, и прямо запометной и пикѣтъ въ межевой неуважаемой, но на всякое зло способной человекъ. И такъ, приѣхавъ съ нимъ и боясь, чтобъ сосѣди, по примѣру прежнему, не помѣшали имъ плутовать своими спорами, предприіяли они употребить обыкновенную плутовскую уловку, а именно: все межеванье производить почти потаеннымъ и скороносѣйшимъ образомъ, или не давъ никому по обыкновенію напередъ знать, не дождавшись ни отъ кого повѣренныхъ, и не принимая ни отъ кого споровъ межевать не пѣшкомъ, по обычаю ходючи, а скачучи верхами на лошадахъ и отрѣзывая у всѣхъ земли безъ всякаго отвода, а какъ самому ему хотѣлось и самымъ наглымъ и насильственнымъ образомъ.

И какъ къ особливому его несчастію началъ онъ симъ хватскимъ или прямымъ сказать разбойническимъ образомъ отмежевывать проданную ему на имя князя Голицына и рѣчку Паникою приуроченную землю, гдѣ не было уже и клочка дикой ковыльной земли, а вся земля была распашная и принадлежащая разнымъ соседственнымъ къ нашей округи владѣльцамъ, и онъ всю ее началъ отъ нихъ незаконнѣйшимъ образомъ себѣ отхватывать: то сіи, не зная о томъ ничего, и не будучи предувѣдомлены, такъ тѣмъ были перетревожены, что сочтя сіе самымъ разбойническимъ дѣломъ, другого въ скорости ничего не нашли, какъ соотвѣтствовать ему такую же наглостію и буянствомъ, и скопившись въ множествѣ напали на землемѣра и на всю его межевую команду, и ну всѣхъ какъ злодѣевъ бить, и не только всѣхъ ихъ разсѣяли и разогнали, но отбили у нихъ и астролябію и все проче, но многихъ и переранили, а одного изъ бывшихъ при томъ людей убили даже до смерти.

Начальникомъ и предводителемъ такого глупаго, безразсуднаго и безпутнаго дѣла былъ у нихъ нѣкто изъ тамошнихъ зажиточныхъ дворянъ, по фамиліи Хрипуновъ; человекъ очень дерзкой и самой хватъ и буянъ, и нажившій чрезъ то се-

бѣ и превеликія хлопоты, и попавшійся за то подъ судъ, пользы же тѣмъ никакой не произведишь, кромѣ того, что межеваніе въ тогдашнюю осень прервалось и Пашковъ принужденнымъ нашелся помышлять о принятіи уже другихъ и надежнѣйшихъ мѣръ.

Все сіе произошло за нѣсколько дней до моего туда приѣзда. Я, услышавъ о томъ, не могъ глупости господина Хрипунова и товарищей его довольно надивиться, и невѣдомо какъ былъ радъ тому, что межеваніе и буянство сіе происходило въ нѣкоторомъ отъ насъ отдаленіи, и что нашихъ повѣренныхъ, а особливо моего притомъ не было. Сей и поѣхалъ-было тогда на межу, но увидѣвъ разбѣжавшуюся уже всюду и всюду и спасенія себѣ ищущую межевую команду, не разсудилъ ѣхать далѣе, но за-благоразсудилъ возвратиться скорѣй домой, дабы не попасть въ свидѣтели и не сдѣлаться въ такомъ незаконномъ дѣлѣ соучастникомъ, за что я его и похвалилъ. Что касается до тамошнихъ нашихъ соудей, то сіи не могли по неразумію своему довольно изъявить удовольствія своего о томъ, что произошло такое поражение, и отвагу и храбрость господина Хрипунова превозносили до небесъ похвалами. Но я имъ говорилъ, что радоваться имъ не пораженію сему, а тому надлежитъ, что они не имѣли въ томъ никакого соучастія, ибо дѣло сіе возмѣтитъ весьма дурныя послѣдствія, и г. Хрипуновъ подвергнется за сіе великому отвѣту, а пользы отъ того ни ему, ни намъ никакой быть не можетъ, что послѣ и дѣйствительно оказалось.

При такихъ обстоятельствахъ, не имѣя никакой причины долго жить въ своей шадской деревнѣ, а поспѣшавъ возвратиться къ своей должности, не сталъ я долго тамъ медлить, а рѣшился только послать нарочнаго съ письменнымъ отъ меня ему миролюбивымъ предложеніемъ. Я писалъ къ нему: что какъ землю купилъ и онъ и я, и что тому же землемѣру велѣно отмежевать и мнѣ такъ, какъ и ему, то просилъ я его убѣдительно,

чтобъ онъ дозволилъ землемѣру отмежевать прежде мнѣ проданную землю, въ которомъ случаѣ предлагалъ я ему съ своей стороны слѣдующія условія. Первое, что я въ семъ случаѣ не буду уже входить ни въ какіе споры и ни во что, и оставлю его межевать съ покоемъ и какъ онъ самъ похочетъ. Во-вторыхъ, для себя не требую никакихъ изысканій, а чтобъ отмежевано мнѣ было только проданное мнѣ количество земли. Въ-третьихъ, расположеніе самой мнѣ проданной земли и фигуру оной предоставляю собственному его назначенію, изъявляя свою готовность быть всѣмъ довольнымъ, какъ бы проданная мнѣ земля ни была протянута, только-бъ было мнѣ надлежащее количество отмежевано. Наконецъ, въ-четвертыхъ, что не требую я, чтобъ въ дачѣ моей назначено было сколько-нибудь неудобной земли, а какаѣ бы земли ни была мнѣ отмежевана, горы-ли или буераки или иная какаѣ, но я всякъ буду совершенно доволенъ, и что онъ впредь будетъ мною во всемъ совершенно доволенъ.

Вотъ условія, какія предложены были ему въ моемъ письмѣ, а такія же точно предложилъ я въ письмѣ моемъ и къ межевщику; и какъ были они наискондѣйшія и даже въ нѣкоторомъ отношеніи для меня и предосудительныя, то ласкался-было я надеждою, что они что-нибудь пойдѣйствуютъ и преклонятъ г. Пашкова къ миролюбивѣйшимъ мыслямъ. Но не таково былъ сей алчной и ненасытной корыстолюбецъ, и не на такого человѣка я напалъ. Вмѣсто того, чтобъ ему для собственной же своей пользы на предложеніе мое склониться и самому бы еще стараться, чтобъ обезпечить себя отъ меня, какъ отъ противника, могущаго всѣхъ болѣе причинить ему въ бездѣльническихъ замыслахъ его помѣшательство, онъ, получивъ письмо мое, изволилъ только разсмѣяться и съ глупѣйшимъ высокомеріемъ посланному сказалъ, чтобъ онъ убирался скорѣе изъ его села покуда дѣлъ, и чтобъ сказалъ мнѣ сіе вмѣсто всего отвѣта. А межевщикъ сказалъ только: что въ сію

осень межеванія никакого не будетъ, и чтобъ я о томъ теперь не заботился.

По полученіи такого грубаго, или паче глупаго отвѣта, пожагълъ я, что и предпринимать сей опытъ и къ такимъ бездѣльникамъ писалъ и посылалъ нарочнаго, и предвидя уже тогда, что мнѣ добромъ съ ними не раздѣлаться, радъ былъ уже и тому, что въ ту осень никакого межеванія не будетъ; а потому, давъ приказку своему на всякой случай наставленію, не сталъ долѣе тамъ медлить, но въ обратной путь отправился.

Вада моя и въ сей разъ была такъ

благоуспѣшна, что я, не претерпѣвъ въ пути ни малѣйшаго зла и никакихъ помѣшательствъ, благополучно въ Богородицкѣ и въ самой день моего рожденія возвратился. И какъ симъ кончился 39-й годъ моей жизни, то окончу я сего и письмо мое и самую 18-ю часть собранія оныхъ, и остаюсь вапъ и проч.

(Февраля 10 дня 1809 года).

Конецъ осьмойнадесять части.

Окончена перепискою декабря 9-го дня 1810 года.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XIX.

(Сочинена въ ноябрѣ 1809, а переписана ... .. 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1777 годъ.

Письмо 191-е.

Любезный пріятель! Последнее письмо мое къ вамъ, писанное февраля 10-го сего 1809 года, кончилъ я увѣдомленіемъ васъ о возвратномъ моемъ въ 1777 году въ Богородицкѣ приѣздѣ изъ третичной моей и кратковременной поѣздки въ шадскую мою деревню, и что случилось сіе въ самой день рожденія моего за 39 лѣтъ до того времени; а теперь, приступая вновь къ продолженію описанія исторіи моей жизни, начну вамъ рассказывать о томъ, что случилось со мною въ теченіе сороковаго и многими произшествіями достопамятнаго года моей жизни; и скажу вамъ, что достальное время 1777 года препроводилъ я почти безъ выѣзда въ Богородицкѣ, занимаясь непрерывно разными дѣлами, отчасти по должности,

а отчасти и произвольными и своими собственными. Мое первое дѣло было, по возвращеніи моемъ, осмотрѣть все производившіяся въ отсутствіе мое по строеніямъ казенныхъ работъ. И какъ производимы онѣ были подъ надзоромъ рачительнаго архитектора, г. Ананьина, и помощника его Волкова, то не было въ нихъ никакого упущенія и остановки и я нашелъ, что онѣ производились безъ меня съ хорошимъ успѣхомъ и что многое безъ меня было сдѣлано. Соборная церковь была уже вся вчернѣ отдѣлана и покрыта, да и внутри уже оштукатурена, и оставалось помышлять уже о скорѣйшей отдѣлкѣ обонихъ придѣловъ и о снабденіи ихъ иконостасами и образами; а посему къ приѣзду моему присланы и подражены были въ Тулѣ вужные мастеровые. Для писанія-же иконъ присланы были въ Москвѣ и отъ князя жъ : железя

искусной живописецъ Некрасовъ, учившійся въ Академіи Художествъ и писавшій образа отличными и хорошими мастерствомъ и вкусомъ, но къ несчастію зараженный только излишнею склонностію къ пьянству. Онъ пріѣхалъ къ намъ со своими работниками уже по моему возвращенію, и я отвелъ ему для писанія образовъ одну изъ нашихъ солдатскихъ казармъ, и будучи самъ охотникъ до живописи, часто и съ особливимъ удовольствіемъ посѣщалъ его.

Съ таковымъ же успѣхомъ производились работы и въ богородицкомъ домѣ, или такъ тогда называемомъ дворцѣ. Сіи напелъ я тогда въ полномъ еще развалѣ. Ибо какъ намѣстникъ успѣлъ уже снести о пространныхъ флигеляхъ сего дома съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и испросить у него и у самой монархини дозволеніе помѣстить въ нихъ на время всѣхъ судебныхъ мѣстъ будущаго тутъ города, то и предписано мнѣ было отъ князя посѣщать koliko можно отдѣлкою внутренности сихъ флигелей или службъ, дабы они къ началу будущаго 1778 года успѣли къ помѣщенію въ нихъ не только помянутыхъ судебныхъ мѣстъ, но, по множеству находившихся въ нихъ комнатъ, и самихъ будущихъ судей для жительства и квартированія. Всходствіе чего и трудились множество плотниковъ, штукатуровъ, каменщиковъ, столяровъ и печниковъ почти денно и ночно надъ сею отдѣлкою. И я, желая гѣмъ услужить сколько князю, а того больше намѣстнику, просившему меня о томъ особенно, прилагалъ съ своей стороны всевозможнѣйшее о томъ стараніе, и успѣхъ въ работахъ сихъ былъ такъ великъ, что мы успѣли оныя довольно еще благовременно кончить. И какъ вмѣстѣ съ назначаемымъ подъ суды и судей флигелемъ отдѣлана была вся внутренность и другого такого-жъ, назначаемаго для собственнаго нашего употребленія по волости, то и успѣли мы сею-же осенью перевести въ него и нашу волостную канцелярію изъ башни волоколенной, въ которой она до того въ верхнихъ комна-

тахъ на оной бывшихъ надъ воротами помѣщена была. Итакъ, съ сего времени была она уже въ лучшемъ и для всего способнѣйшемъ мѣстѣ.

Г. Кречетниковъ не успѣлъ услышать, что работы наши во флигелѣ для судей и подъ присутственнымъ мѣста назначенномъ приходили къ окончанію, какъ прислалъ къ намъ для осмотра и освидѣтельствованія ихъ любимца своего и тогдашняго фаворита, господина Давыдова, Николая Сергѣевича, самаго того, которой впоследствии времени былъ моимъ командиромъ. Сего человѣка я тогда впервые еще увидѣлъ и съ нимъ по сему случаю предварительно познакомился. Онъ показался мнѣ очень добрымъ, ласковымъ и благопріятнымъ человѣкомъ, каковымъ онъ и дѣйствительно былъ, и я постарался его всячески у себя угостить и гѣмъ пріобрѣсть и тогда уже къ себѣ отъ него благопріятство. Онъ выходилъ со мною всѣ комнаты, и не нашедъ ничего къ поправленію, былъ всѣмъ очень доволенъ и не преминулъ, донося о томъ, выхвалить меня и всѣ старанія мои намѣстнику, что и сему было очень угодно.

Впрочемъ, занимаясь я въ сіи осенніе мѣсяцы и другимъ еще особеннымъ дѣломъ. Потребно было заготовить на предстоящую зиму множество дровъ для топки печей во всѣхъ казенныхъ зданіяхъ. До сего рубливались они въ лѣсахъ безъ всякаго порядка и тамъ, гдѣ погѣфовщикамъ приходило въ мысли; но мнѣ восхотѣлось и въ семъ случаѣ основать и лучшій порядокъ и закупъ произвести вѣчто особенное. Изъ многихъ лѣсовъ, находившихся въ Богородицкой волости, лежали два лѣса на большихъ дорогахъ: одинъ на большой воронежской дорогѣ, идущей изъ Тулы въ Богородицкѣ, а другою на большой же дорогѣ, идущей изъ Богородицка въ Елифанъ и въ Бобрки. Какъ по обѣимъ симъ дорогамъ, а особливо по первой былъ всегда великой проѣздъ, и большая дорога шла версты четыре съвозъ волостной и въ семъ мѣстѣ широко разрубленный лѣсъ, то вздумалось мнѣ украсить сей лѣсъ, во-

верныхъ, обрубленіемъ всѣхъ крайнихъ къ дорогѣ деревь въ одну пропорцію и аршина на четыре отъ земли, и произвестъ чрезъ то равно какъ стриженную и ровную гѣсу опушку, что и придало ему отлѣвную и необыкновенной нигдѣ видѣ. Во-вторыхъ, въ мѣстахъ трехъ посреди дороги прорубить лѣсъ по обѣимъ сторонамъ многими косыми и прямыми длинными просѣками, расположа ихъ такъ, чтобъ онѣ составляли изъ себя звѣзды, и центры всѣхъ оныхъ были бы на самой большой дорогѣ, дабы всѣмъ проѣзжающимъ по оной онѣ выдались бы въ глаза, и чтобъ ихъ съ одного пункта можно было видѣть вдругъ шесть предлинныхъ аллей или просѣковъ. Выдумка сія придала гѣсу моему еще болѣе красы, и всѣ проѣзжающіе, а особливо знатные, имѣющіе вкусъ люди не могли тѣмъ довольно налюбоваться и превозносили дѣло сіе похвалами. А такимъ-же образомъ поступилъ я и съ другимъ и такъ-называемымъ Балахонскимъ лѣсомъ, гдѣ для таковыхъ-же многихъ перекрестныхъ просѣкъ избралъ я одну большую и просторную площадь посреди лѣса, на самой большой дорогѣ находившуюся.

Работу сію производилъ я уже по заморозамъ и въ самую глубокую осень, и какъ надлежало мнѣ все сіе назначать самому, то было мнѣ довольно дѣла и я многіе дни тѣмъ занимался, и всякой день ѣзжалъ въ лѣса, и съ утра до вечера надъ дѣломъ симъ трудился; но за то и получилъ отъ того сугубое удовольствіе: ибо, съ одной стороны, украсилъ и прославилъ тѣмъ свои лѣса, и даже подалъ тѣмъ многимъ поводъ говорить и о самомъ о себѣ и о моихъ затѣяхъ, а съ другой—нечувствительнымъ образомъ и безъ всякаго поврежденія лѣсовъ, снабдилъ себя и всѣ казенныя зданія на весь годъ не только дровами, но съ просѣкъ и множествомъ годнаго къ строенію лѣса.

Впрочемъ достопамятна мнѣ была сія осень тѣмъ, что жена моя разрѣшилась въ оную опять отъ бремени и родила мнѣ еще одну дочь, которую назвали мы Александрю. Итакъ, было у меня тогда уже

пятеро дѣтей: одинъ сынъ и четыре дочери; но сей послѣдней не назначено было Провидѣніемъ играть свою роль въ свѣтѣ: она жила недолго, и была съ самаго младенчества нездорова.

Кромѣ сего, ознаменовался сей годъ однимъ рѣдкимъ и достопамятнымъ происшествіемъ, случившимся въ нашемъ волостномъ гошпиталѣ и всѣхъ насъ удивленіемъ поразившимъ. Еще въ теченіе лѣта сего года, пришла ко мнѣ изъ одной волостной деревни одна молодая баба, съ жалобою на одного въ сосѣдствѣ съ нею въ той-же деревнѣ живущаго мужика, въ томъ, что онъ ее испортилъ и произвелъ въ животѣ ея что-то ползующее и производящее внутри ровно какъ неспособное кусанье. И счель-было сіе сперва сущими пустяками, зная, что нашъ простой народъ при всякихъ случающихся натуральныхъ болѣзняхъ имѣлъ отмѣнную наклонность приписывать все порчѣ и колдовству, и признаюсь, что не хотѣлъ тому вѣрить; но баба говорила, что ежели я тому не вѣрю, то извольте-бы я самъ поддержать руку на одушемся ся животѣ, такъ могу самъ почувствовать упоминаемое ею по оному познанью. И не преминулъ сего изъ любопытства учинить, и дѣйствительно, ощущавъ кусокъ, нѣчто похожее на то почувствовалъ. Однако, нехотя вѣрить, чтобъ то было какое животное, старался ее увѣрить, что это такъ натуральная болѣзнь, говоря притомъ, что не согласится-ли она побить у насъ нѣсколько времени въ гошпиталѣ и дать себя полечить нашему искусному лекарю. «Очень хорошо, батюшка! сказала она: я готова итти въ госпиталь, и мнѣ все равно, тамъ-ли я или дома умру, и гдѣ это лекарю вылечить; и вы что ни говорите, а это не болѣзнь, а порча, и съѣлъ меня этотъ злодѣй мужикъ, поподчивавъ брагою; уже не одна я, батюшка, терплю эту напасть отъ него. У насъ недавно одна баба, точно такъ же какъ я съ раздувшимся животомъ, а впрочемъ такъ же какъ я совсѣмъ истощавшая отъ такого-же ходившаго по животу ку-ска, пошла въ гробъ; а видно и мнѣ

того же не миновать, а жалѣю только объ этомъ грудномъ рабенкѣ, котораго у меня на рукахъ видите». — «Хорошо, хорошо, моя голубка! сказалъ я ей на сіе: за мужикомъ, котораго ты обвиняешь, я пошлю и постараюсь всячески сіе дѣло изслѣдовать, но не уповаю, чтобъ онъ въ томъ признался, естли-бъ и подлинно было это его дѣло; но ты между тѣмъ поди-ка въ госпиталь, а я велю лекарю полечить тебя съ отиѣннымъ стараніемъ». И какъ она съ того не отрекалась, то посплая ее въ госпиталь и отписавъ я къ лекарю дѣйствительно, чтобъ онъ постарался съ отиѣннымъ раченіемъ о узнаніи сей болѣзни и о излеченіи оной; а между тѣмъ послалъ нарочнаго въ ту деревню за обвиняемымъ бабою мужикомъ, котораго ко мнѣ тотчасъ и доставленъ былъ. На сего не успѣлъ я взглянуть, какъ уже по одному мрачному и плутовскому виду и изъ первыхъ его словъ напередъ предузнавалъ, что я всѣми распросами и слѣдствіями своими ничего отъ него не добьюсь, ибо онъ при первомъ вопросѣ уже сказалъ: «Статочное-ли дѣло! Какъ это можно? Вѣдь за это людей живыхъ сожигаютъ!» и началъ потомъ клясться и божиться всѣми клятвами, что онъ не знаетъ и не вѣдаетъ всего того, и что готовъ всѣ истязанія вытерпѣть, а того не дѣлалъ. Да и подлинно, сколько я ни старался и добромъ, и угрозами его уговаривать, и къ добровольному признанію убѣждать, но всѣ мои старанія остались тщетными, и самая даже очныя съ бабою ставки не могли ничего произвестъ. Онъ сталъ въ томъ, что не дѣлалъ и что это на него взводится совершенная напраслина, и раздѣваясь, ложился самъ, говоря, что готовъ терпѣть все, но ничего не знаетъ и не вѣдаетъ. Чтѣ мнѣ было тогда съ нимъ дѣлать? Другого не оставалось, какъ отложить сіе слѣдствіе до другого времени и подождать напередъ, что скажетъ и сдѣлаетъ съ нею лекарь.

Сей и дѣйствительно, по приказанію моему, принялся за нее съ особеннымъ стараніемъ, и хотя по искусству своему употребилъ все возможное, но не произ-

ведши ничего, приѣхалъ нарочно ко мнѣ съ донесеніемъ, что всего его искусства и знанія не достаетъ къ узнанію собственного рода сей болѣзни. Онъ говорилъ, что по всѣмъ наружнымъ признакамъ, почиталъ онъ сперва помянутой ощущаемой кусокъ въ животѣ свернувшимся въ клубъ гнѣздомъ глисть, но какъ всѣ употребляемыя имъ наилучшія глистогонительныя лекарства не произвели ни малѣйшаго дѣйствія и перемѣны, то сталъ онъ почитать кусокъ сей составившимся изъ скопившихся разныхъ нечистотъ и надѣялся разбить его наилучшими разбивательными лекарствами: но какъ и сіи не произвели ни малѣйшаго облегченія и перемѣны, то прямо признавался мнѣ, что не знаетъ, что о семъ дѣлѣ думать и чѣмъ сіе почитать, и другого не находилъ какъ отвѣтиться наконецъ дать ей наудачу рвотное, и не подѣйствуетъ ли оно и спрашивалъ, дозволю ли я ему это сдѣлать. — «Очень хорошо! сказалъ я ему на сіе, дѣлайте, что хотите и что вы заблагоразсудите».

Получивъ отъ меня сіе разрѣшеніе, онъ и дѣйствительно чрезъ нѣсколько дней послѣ того далъ ей сильное изъ ипекакуаннаго корня рвотное, но на смерть самъ испужался, какъ рвотное, погнавъ изъ кишокъ и желудка помянутой кусокъ, онимъ совсѣмъ-было сію бѣдную женщину подавивъ не задушило. Она была уже при самыхъ дверяхъ смерти, но по особливому счастью прошегъ наконецъ сей кусокъ сквозь глотку и упалъ въ образѣ большого круглаго и кроваваго куска въ тазъ, предъ нею поставленный, и она чрезъ то благополучно и отъ смерти и отъ болѣзни своей освободилась. Но какимъ удивленіемъ обрадованной тому лекарь поразился, увидѣвъ, что кусокъ сей въ тазу съ мѣста на мѣсто, какъ нѣчто живое, двигался. Но удивленіе его увеличилось несказанно, когда при началомъ троганіи сего куска палочкою, оный, какъ нѣкакой тончайшій пузырь, треснулъ и обнаружилъ во внутренности своей превеликую живую лягушку, пли паче жабу, сгущен-

вою кровью окруженную. Неожиданное такое и странное явление поразило лекаря, и всѣхъ при немъ бывшихъ, превеликимъ изумленіемъ. Желая осмотрѣть и обмыть ее отъ прильпуншей къ ней густой крови, схватилъ онъ ее бережно своими инструментами и, обмывши, едва сталъ обтирать, какъ увидѣлъ, что верхняя пестрая кожа на ней такъ была нѣжна и слаба, что при малѣйшемъ треніи стиралась; почему, не желая ее повредить, и оставилъ онъ ее такъ, и увидѣвъ, что она тотчасъ издохла, посадилъ для диковинки въ спиртъ и привезъ колѣ для показанія сей диковинки. Мы всѣ также крайне удивились сему необыкновенному происшествію, и я тотчасъ срисовалъ ее съ самой натуры и во всей ея величинѣ и видѣ; при которомъ случаѣ, рассматривая ее прилежнѣе, съ крайнимъ удивленіемъ замѣтили мы нѣкоторыя особенныя и также необыкновенныя странности и обстоятельства, и во-первыхъ то, что она хотя имѣла глаза, но была слѣпая и глаза ея покрыты были пѣдкою непрозрачною отпкою; во-вторыхъ, что на переднихъ ея лапахъ были отнѣнно острые когти, которыми, какъ думать надобно, царапая производила она чувствующую временно сильную боль въ животѣ тою женщиною; въ-третьихъ, что заднія ея ноги, бывающія у всѣхъ лягушекъ обыкновенно длиннѣе переднихъ, поелку онѣ дѣйствіемъ ихъ наиболѣе прыгаютъ, были у ней короткія и приросли почти совсѣмъ къ нижней части живота ея, такъ что ихъ почти отогнуть было не можно; что все доказывало намъ явно, что надобно сей жабу въ животѣ и кишкахъ сей женщины вывести или родиться и вырасть, и что слѣпа была она оттого, что смотрѣть ей было некуда, а заднія ноги потому такъ коротки и приросшими были, что ей распростирать ихъ и по тѣснотѣ кишокъ прыгать было некуда и не можно, а потому же самому и кожа была на ней такъ нѣжна, что при обтираніи стиралась. Но пятое усмотрѣнное нами обстоятельство привело обонхъ насъ съ лекаремъ

въ такое изумленіе, что мы не знали чему оно приписать, а именно: изъ задницы ея торчалъ топкой и верхка въ два дюйма волосъ, подобной волосу челоуическому, и держался внутри оной такъ крѣпко, что не можно было никакъ изъ ней вытащить; а что того удивительнѣе, то на концѣ онаго находился какъ бы руками привязанной маленькой и не болѣе ржаного зерна кусочекъ какой-то особой и твердой матеріи. Сіе было тогда и осталось навсегда для насъ неразрѣшимую загадку, и мы не понимали, какъ зашелъ въ нее сей волосъ съ привязанною на концѣ его штукою.

Но какъ бы ни было, но я, срисовавъ ее во всей точности и сохранивъ рисунокъ сей у себя для памяти, которой и повнѣ у меня цѣлъ, возвратилъ тогда банку съ лягушкою лекарю для храненія въ гошпитальной аптекѣ, и не за излишнее почелъ донести о семъ происшествіи командиру моему, старичку-князю, которой, будучи любопытнымъ человекомъ, восхотѣлъ самъ ее видѣть и приказалъ мнѣ тотчасъ прислать къ нему ее съ нарочнымъ, что я и учинилъ. Но что же воспослѣдовало? Князь, увидѣвъ и подивившись также оной, послалъ тотчасъ за нѣсколькими знакомыми ему докторами и медиками, и показывая имъ ее, спрашивалъ ихъ о томъ, какимъ образомъ, по мнѣнію ихъ, зашла сія жаба въ утробу оной женщины? Но господа сіи, по высокоумію своему и не-хотя ее порядочно рассмотреть, подняли все сіе происшествіе на смѣхъ и старались увѣрить князя, что сему быть не можно, что скрывается тутъ тонкой обманъ, и обманывалъ его либо я, либо лекарь, при рвотѣ женщины подувившій въ тазъ скрытно живую и приготовленную лягушку. И какъ князю было сіе очень прикро, ибо онъ никакъ не ожидалъ отъ насъ такого глупаго, грубаго и никакой пользы прозвестъ немоущаго обмана, а потому и рѣшился онъ тотчасъ ко мнѣ о томъ отписать и сообщить мнѣніе о сей лягушкѣ господѣ медиковъ. Не могу изобразить какъ досадовалъ и хохоталъ я,

узнавъ о семъ глупомъ умничаньѣ сихъ господъ обираловъ, и рѣшился съ первою же почтою въ отвѣтъ князю отписать, что оба мы, честію и всѣмъ, что свято есть, клянемся, что не было тутъ никакого обмана, что лягушка дѣйствительно извержена изъ женщины рвотою и по всему видимому въ ней родилась, выросла и въ выпкахъ ея жила, и чтобъ онъ, для удостовѣренія себя въ невозможности того, соблаговолилъ созвать опять тѣхъ же господъ медиковъ, и заставивъ ихъ лягушку сію прилежише разсмотрѣть, потребовалъ отъ нихъ изъясненія, отчего бы лягушка сія была слѣпа и кожа на ней такъ нѣжна и слаба, а заднія ноги такъ были коротки и прирослыя? И наконецъ спросилъ бы ихъ, можетъ ли простая и не въ утробѣ выросшая, а по словамъ ихъ, подпущенная натуральная лягушка имѣть всѣ сіи свойства? умалчивая уже о помянутомъ волоскѣ, изъ задницы ея висащемъ.

Обрадовался князь, получивъ сіе мое отношеніе, и желая взаимно господъ медиковъ одурачить, тотчасъ опять за ними послалъ; и какъ они съѣхались, то предложилъ онъ имъ мои запросы, и сразилъ ими такъ, что они отъ стыда не знали, что сказать и чѣмъ въ прежнемъ своемъ глупомъ отзывѣ оправдаться, и уже кое-какъ старались прикрыть глупое и легкомысленное свое насъ обоихъ съ лекаремъ обвиненіе, говоря, что такіе случаи кой-когда бывали уже въ свѣтѣ. Тогда князь, поговявъ ихъ всѣхъ за то и взаимно самъ надъ ними посмѣявшись, возвратилъ къ намъ банку съ лягушкою, предписавъ хранить ее въ госпиталѣ для диковники, гдѣ она и понынѣ еще хранится въ цѣлости. Женщина же та вскорѣ послѣ того совершенно выздоровѣла и жила многіе потомъ годы.

Вся сія переписка съ княземъ проходила помянутою осенью по возвращеніи моемъ изъ моего степного путешествія; а вслѣдъ за оною получилъ я отъ князя повелѣніе, чтобы мнѣ прислать гдѣ-нибудь по близости нашихъ волостей

монастырскія, а тогда въ экономическомъ вѣдомствѣ находящіяся деревни, которыя бы съ удобностію можно было соединить съ волостью, взаимѣ предназначаемыхъ къ превращенію двухъ богородицкихъ слободъ, Пушкарской и Стрѣлецкой, въ мѣщане будущаго города Богородицка, и чтобъ по отысканіи таковыхъ и по узнаніи всѣхъ обстоятельствъ до нихъ относящихся, отнесся-бы я къ князю и къ самому будущему Тульскому намѣстнику, господину Кречетникову. Итакъ, предстало мнѣ новое дѣло и новыя хлопоты. Но по счастью, не имѣлъ я въ выполненіи сей возложенной на меня коммисіи слишкомъ дальнаго труда. Такъ случилось, что деревни, къ сему обмѣну очень способныя, тотчасъ были отысканы въ самой близости и даже въ привокзальной къ Богородицкой волости. Итакъ, стоило только узнать о количествѣ ихъ жителей и земли, въ дачахъ ихъ имѣющихся. О семъ и не трудно было получить всѣ нужныя свѣдѣнія. О числѣ душъ узналъ я по ревизскимъ ихъ сказкамъ, а о количествѣ земли изъ межевыхъ плановъ, данныхъ симъ селеніямъ и у нихъ находившихся. Съ сихъ плановъ разсудилось мнѣ скопировать копіи, и соединя ихъ на одинъ планъ, со всѣми нужными объясненіями представить сперва намѣстнику, а потомъ и князю, и дабы не стыдно было мнѣ съ нимъ къ намѣстнику показаться и при первомъ случаѣ не ударить себя лицомъ въ грязь, то постарался я украсить свой планъ многими новыми особыми и затѣйливыми украшеніями; а чтобъ болѣе обонимъ симъ вельможамъ услужить и преподать имъ къ обмѣну сему легчайшій и удобнѣйшій способъ, выкопировалъ на другомъ листѣ, изъ большаго своего волостнаго плана, и обѣ помянутыя наши слободы со всѣми къ нимъ принадлежащими землями. И какъ земель сихъ, въ сравненіи съ монастырскими, было гораздо больше и надлежало изъ нихъ всю лишнюю отрѣзать къ волости, то по извѣстному мнѣ болѣе мѣстоположенію предполагалъ я предварительно уже самъ гдѣ бы я какъ удобнѣе было

сея лишекъ съ выгодною обѣихъ сторонъ отрѣзать.

Нѣсколько дней занимался я надъ сочиненіемъ, раскрашиваніемъ и украшеніемъ обоихъ сихъ плановъ, и трудовъ мнѣ хотя при томъ довольно, но они нѣтъ не столько были отяготительны, сколько, по охотѣ моей къ такимъ дѣламъ, пріятны. Наконецъ, окончивъ все сіе дѣло, расположился я показать ихъ напередъ намѣстнику, приѣхавшему тогда уже въ Тулу и готовящемуся къ открытію Тульскаго намѣстничества, и потому при первой случившейся ѣздѣ въ Тулу ему ихъ и предложилъ. Господинъ Кречетниковъ принялъ меня очень ласково, разлюбовался въ пряхъ красотою плановъ, и будучи и стараніями моими и всѣмъ очень доволенъ, расхвалилъ и благодарилъ меня за труды мои, и потомъ сказалъ, что онъ предоставляетъ сей обѣтъ до наступленія будущаго года, въ началѣ котораго поѣдетъ онъ въ Москву, и тамъ, увидѣвшись съ княземъ, моимъ начальникомъ, и переговоривъ, кончить сіе дѣло. Сей случай познакомилъ меня съ г. Кречетниковымъ еще болѣе, и я благосклонностію его къ себѣ такъ былъ доволенъ, что возвратился въ Богородицкѣ пренсполненъ будучи удовольствіемъ и равно какъ нашею какою-нибудь находку.

Но не успѣлъ я приѣхать, какъ услышалъ нѣчто такое, что привело меня въ великое недоумѣніе, сумнительство и разстройку мыслей. Мнѣ сказывали, что получены отъ дѣдиловскаго городского начальства, которому подсудна была до того вся Богородицкая волость, приказъ, чтобъ съ нашей волости выбрать изъ поселянъ 12 человекъ въ кандидаты для будущаго назначенія нужнаго числа изъ нихъ въ засѣдателя будущей нижней расправы и земскаго суда, и чтобъ мы кандидатовъ сихъ немедленно представили въ Дѣдировъ. Удивился и до крайности поразился я сими неожиданнымъ требованіемъ. Ибо хотя мнѣ извѣстно было, что таковыя кандидаты выбирались тогда изъ всѣхъ одновѣрческихъ, казенныхъ и экономическаго вѣдомства селеній, но я никакъ не думалъ и не ожидалъ, чтобъ и наши волости, бывшія до того на особомъ правѣ и наравнѣ со владѣльческими, почтены были наравнѣ съ казенными. И потому подозрѣвая, не подбирается ли намѣстникъ изподтиха къ нашимъ волостямъ и не хочетъ ли ихъ подвести подъ иго правленія казенною палатою и чрезъ то разрушить нашу прежнюю привилегію, впалъ въ великое недоумѣніе и не зналъ какъ лучше поступить, и что предпріять и учинить въ семъ щекотливомъ случаѣ. Съ одной стороны, вѣдая, что приказаніе сіе учинено съ воли и предписанія намѣстника, заключалъ я, что нельзя было никакъ ослушаться въ семъ случаѣ начальства, а того паче непослушаніемъ своимъ навлечь на себя досаду и неудовольствіе отъ сего знаменитаго тогда вельможи; а съ другой—не смѣлъ самъ собою къ тому приступить, не спросясь князя, какъ собственнаго моего начальника и командира, и не зная, каково ему сіе покажется, согласится ли онъ на сіе и не будетъ ли еще спрашивать о томъ у самой государини, ибо чрезъ то легко могла произойти въ правленіи волостномъ нѣкоторая предъ прежнимъ перемена. Но какъ долго медлить было невозможно, ибо было сіе незадолго предъ открытіемъ самаго намѣстничества, то, подумавъ самъ съ собою и начальниками моей канцеляріи, другого я не нашелъ, какъ донести о томъ своему князю и просить наставленія, что въ семъ случаѣ дѣлать и какъ поступить? Для скорѣйшаго-жъ полученія отъ него отвѣта отправить съ представленіемъ къ нему о томъ нарочнаго курьера, а между тѣмъ, чтобъ не явиться ослушникомъ, велѣтъ изъ волости упомянутыхъ 12 человекъ кандидатовъ изъ лучшихъ людей выбрать, по помедити отсылать ихъ въ Дѣдировъ, для полученія отъ князя повелѣнія.

Положивъ сіе на мѣрѣ и отправилъ я тотчасъ одного изъ канцелярскихъ моихъ служителей въ Москву, съ представленіемъ къ князю, а самъ, выбравъ потомъ оныхъ депутатовъ, велѣлъ имъ быть къ отправ-

Положивъ сіе на мѣрѣ и отправилъ я тотчасъ одного изъ канцелярскихъ моихъ служителей въ Москву, съ представленіемъ къ князю, а самъ, выбравъ потомъ оныхъ депутатовъ, велѣлъ имъ быть къ отправ-

ленію совсѣмъ готовыми, по въ Дѣдизовѣ отправлять ихъ не спѣшили, по подѣ разными предлогами выпиралъ время, не смотря, хотя мы къ скорѣйшему отправленію оныхъ и побуждаемы были.

Между тѣмъ Туза находилась въ сіе время въ великомъ уже движеніи. Все въ ней приготавливаемо было къ торжественному открытію намѣстничества и къ тому важному и на вѣки достопамятному для сего города дню, которой долженствовалъ переимѣнить политическое его состояніе и изъ прежняго провинціального и очень малозначущаго города превратить въ знаменитый губернской, или, какъ тогда называли, «намѣстнической» городъ, и положить всему будущему его благосостоянію первое основаніе. И подлинно, городъ сей, въ сравненіи тогдашняго его состоянія съ нынѣшнимъ, ничего почти не значилъ и въ теченіе претекшихъ съ того времени тридцати лѣтъ онъ такъ много во всемъ преобразился и произошло въ немъ столь много важныхъ переимѣнъ, какъ въ разсужденіи красоты и порядка строенія, такъ и другихъ обстоятельствъ, что естли-бъ можно было воскресить нынѣ кого-нибудь изъ умершихъ въ тогдашнее время, то онъ и не узналъ бы его почти совсѣмъ, а пожелъ бы его какимъ-нибудь другимъ городомъ. Назначенной въ него для главнаго управленія имъ намѣстникъ государевъ, уже за нѣсколько недѣль до того приѣхавъ, расположился квартировать по сю сторону рѣки Упы, въ домѣ господъ Демидовыхъ, толпою славныхъ издревле по сему городу, и по желѣзнымъ заводамъ и по богатству своему. Сей домъ, нынѣ ничего, а особливо по спорѣніи своемъ, незначущій былъ тогда наилучшимъ и просторнѣйшимъ во всей Тулѣ. Расположась въ ономъ, приступилъ онъ тотчасъ къ назначенію мѣстъ, гдѣ быть общему всего дворянства собранію и всѣмъ палатамъ и другимъ присутственнымъ мѣстамъ. Подо-всѣ сіи, на первой случай и до построенія нарочныхъ къ тому зданій, отведены и назначены были наилучшіе купеческіе дома. Что-жъ ка-

сается до перваго, то какъ во всей Тулѣ не отыскалось ни одного таковаго дома, въ которомъ бы находился залъ, могущій помѣстить въ себѣ все многочисленное собраніе дворянъ, то другого не оставалось, какъ отыскать одинъ, средственной величины каменной купеческой домъ, велѣть выломать изъ него всѣ внутреннія стѣны и весь его превратить въ одинъ просторной залъ, въ которомъ бы могло все дворянство умѣститься. Домъ сей находился на большой и главной улицѣ, ведущей съ сей стороны къ крѣпости и неподалеку отъ того мѣста, гдѣ нынѣ гостиный дворъ, или ряды, и назывался «красною палатою». Итакъ, надъ превращеніемъ и отдѣлкою его трудилось уже давно множество разныхъ мастеровыхъ людей, и около сего времени спѣшили отдѣлывать его денно и ночью.

Какъ намѣреніе намѣстника было сдѣлать открытіе сіе сколько можно торжественнѣйшимъ и придать ему наиболѣе блеска и сіянія, то для увеселенія всего дворянства, сзывается въ городъ сей изъ всѣхъ назначенныхъ составлять сіе намѣстничество уѣздовъ, и сѣзжающагося уже со всѣхъ сторонъ со своими семействами, велѣлъ онъ построить деревянной и довольно просторной театральной домъ и постарался снабдить оной труппою актеровъ и нужнымъ для сего гардеробомъ и убранствомъ. Итакъ, множество рабочихъ и мастеровыхъ людей старалось около сего времени отдѣлывать и сіе зданіе, бывшее по ту сторону Упы, на горѣ, на той площадкѣ, гдѣ потомъ находились казенныя конюшни, и успѣли и сіе дѣло къ назначенному времени кончить.

Но сего было еще недостаточно; но какъ надобно было все дворянство угостить баломъ и маскарадомъ, то, по неимѣнію лучшаго, назначенъ былъ къ тому другой домъ гг. Демидовыхъ, стоящій и нынѣ еще на плотинѣ демидовскаго пруда. Къ избранію сего къ сему побудило намѣстника наиболѣе то, что предъ онымъ находилось просторное и пустое мѣсто, на которомъ приготавливаемъ былъ для сего

для ляральной и парочитой величавы фелерверкъ, котормъ, какъ невизданнымъ еще никогда тульскими жителями зрѣлищамъ, ему ихъ и все дворянство увеселить хотѣлось.

Итакъ, вся Тула кипѣла уже тогда народомъ; ибо какъ слухъ о сихъ празднествахъ и торжествахъ и будущихъ увеселеніяхъ разнесся уже повсюду, то со всѣхъ сторонъ, какъ по призыву, такъ и промывально слѣшили ѣхать въ нее всѣ дворянскія фамиліи, и на большую часть со всѣми своимъ семействами, и съ каждымъ днемъ вѣзжало въ нее ихъ такое множество, что, при тогдашнемъ состояніи сего города, скоро стало недостаточенъ кварталъ для помѣщенія оныхъ, и многіе, а особливо поопоздавшіе своимъ гриѣдомъ, принуждены были довольствоваться самыми тѣсными и простѣйшими. Кроме того, наѣхало туда и множество изъ другихъ губерній, а особливо изъ Калужскаго намѣстничества; а сверхъ того немалое число составляли и всѣ будущіе судьи и чиновники, назначенные со стороны казенной для засѣданія въ палатахъ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ какъ въ Тулѣ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ, которые также къ сему времени въ Тулу съѣхались.

А какъ все сіе торжество видѣть и въ увеселеніяхъ будущихъ взять соучастіе хотѣлось натурально и мнѣ со всѣмъ своимъ семействомъ, то готовились и мы туда же ѣхать, и предъ наступленіемъ торжествъ сихъ и самого открытія въ Тулу и отправились.

Но о семъ и обо всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ при семъ открытіи, расскажу я вамъ въ письмѣ будущемъ, а теперешнее, какъ достигшее до своей обыкновенной величины, кончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочая.

(Ноября, 3-го дня, 1809 года. Въ Дворанновѣ).

ОТКРЫТІЕ ТУЛЬСКАГО НАМѢСТНИЧЕСТВА.

Письмо 192-е.

Любезный пріятель! Предпринималъ теперь описывать вамъ торжества, животворившія всю Тулу и всѣ бывшія при томъ происшествія, скажу, что хотя не по долгу, а по собственному произволу отправясь со всѣмъ своимъ семействомъ туда, успѣлъ еще приѣхать благовременно и до начала еще самыхъ первыхъ торжественныхъ дѣній. Была со мною моя жена, также и теща, и какъ хотѣлось видѣть театръ и фелерверкъ самимъ моимъ дѣтямъ, то взяли мы и изъ нихъ большенскихъ съ собою, оставивъ маленькихъ дома, подъ надзоромъ жившей еще у насъ госпожи Бвляевой. Въ разсужденіи прискиванія для себя квартиры не имѣли мы ни малѣйшаго затрудненія. Знакомецъ нашъ, Пастуховъ, давно уже приглашалъ насъ стоять къ себѣ въ домъ, почему мы и расположились въ ономъ, гдѣ хотя и не имѣли довольнаго простора, но ради были тому, что имѣли спокойной и теплой уголокъ, не платили ничего за постой и могли завестись всѣмъ нужнымъ для своего продовольствія.

Мое первое дѣло состояло въ томъ, чтобъ побывать въ домѣ у намѣстника и посмотреть будущихъ судей и начальниковъ, которыхъ всякой день приѣзжало къ нему множество и гдѣ можно было ихъ видѣть. Я къ нему тотчасъ и поѣхалъ; но какъ, по неполученію еще отъ князя отвѣта, кандидаты мои все еще въ Дѣдиловѣ были не представлены, то полагалъ за вѣрное, что о семъ моемъ медлительствѣ намѣстнику донесено, и онъ можетъ быть имѣлъ на меня за сіе нѣкоторое неудовольствіе, и опасался, чтобъ онъ увидѣвъ меня не сталъ мнѣ за то выговаривать, то сіе и побуждало меня не слишкомъ предъ нимъ выказываться и вертѣться у него на глазахъ, а скрываться сколько можно въ толпѣ народной. Но по счастью подоспѣлъ скоро и той

посланной, съ приказаніемъ отъ князя, ни мало ни въ чемъ непротивиться, а дать волю дѣлать что хотятъ и что за-
 благоразсудятъ. Почему съ тѣмъ же по-
 сланнымъ и приказалъ я, ни мало болѣе
 уже не медля, кандидатовъ своихъ въ
 Дѣдилово отправить, и былъ уже спокой-
 нѣе въ духѣ. Однако и безъ того все мое
 опасеніе было напрасно. Намѣстнику
 было ничего недоносимо и онъ о моей
 медленности ни мало и не узналъ. По-
 чему, не успѣлъ меня въ народѣ увидѣть,
 какъ не преминулъ, меня благосклонно
 обласкавши, мнѣ сказать, что я хотя и не
 имѣю долга брать во всемъ съ прочими
 дворянами соучастіе, но по крайней мѣрѣ
 какъ гость могу при всѣхъ будущихъ
 торжественныхъ произшествіяхъ присут-
 ствовать; а буде хочу, могу вмѣстѣ съ
 прочими по праву дворянства брать и
 въ самыхъ выборахъ и балотированіи
 соучастіе. А сіе и ободрило меня уже
 очень, хотя я впрочемъ и нимало не-
 намѣренъ былъ мѣшаться въ ихъ дѣла,
 а хотѣлъ лучше остаться совершеннымъ
 гостемъ и свободнымъ человѣкомъ.

Впрочемъ; и при самомъ семъ первомъ
 къ нему приѣздѣ, имѣлъ я уже случай
 увидѣть и узнать множайшихъ изъ бу-
 дущихъ судей и чиновниковъ, ибо нашелъ
 всю его залу наполненную множествомъ
 народа, и въ томъ числѣ нѣсколькихъ
 мнѣ знакомыхъ людей, съ которыми я
 могъ говорить и у нихъ о прочихъ, мнѣ
 еще незнакомыхъ особахъ разспраши-
 вать. Относительно до сихъ знакомцевъ,
 наиболѣе обрадовалъ меня старинной мой
 еще кіасовской знакомецъ, другъ и со-
 сѣдъ Николай Ивановичъ Кологривовъ,
 случившійся также тогда быть тутъ у
 намѣстника. Сей искренно мною люби-
 мой и меня многолюбящій человѣкъ не
 успѣлъ меня въ толпѣ запримѣтить, какъ
 обрадуясь въ тотъ же мигъ прибѣжалъ
 ко мнѣ, и съ восхищеніемъ обнимая не
 могъ довольно изобразить радости и удо-
 вольствія своего о томъ, что меня видитъ.
 А какъ узналъ, что я въ Тулѣ, также
 какъ и онъ, вахожусь со всѣмъ своимъ
 семействомъ и точно такимъ же гостемъ

и свободнымъ человѣкомъ какъ и онъ,
 то обрадовался еще того больше, и раз-
 спросивъ гдѣ я стою, общалъ въ тотъ
 же день еще къ намъ со своею Мареею
 Сергѣевною и съ дѣтми пріѣхать и
 возобновить нашу прежнюю дружбу и
 знакомство; что онъ и исполнилъ. И какъ
 оба наши семейства были очень между
 собою дружны, то и условились мы при
 всѣхъ будущихъ торжествахъ не отста-
 вать другъ отъ друга, но брать въ онѣхъ
 сообщая съ ними соучастіе, чѣмъ и мои
 семьянины были очень довольны.

Впрочемъ, въ сію первую мою у на-
 мѣстника бытность имѣлъ я случай впер-
 вые тогда увидѣть опредѣленнаго въ
 нашу губернію губернатора, генерала
 Матвѣя Васильевича Муромцова, быв-
 шаго потомъ ко мнѣ весьма благопріят-
 нымъ и коротко знакомымъ. Онъ, по
 взрачному своему и хорошему виду и по
 ласковому со всѣми обхожденію, и тогда
 уже мнѣ полюбился. Также видѣлъ я
 тутъ и совѣтника намѣстническаго прав-
 ленія, г. Хомякова, и адъютанта на-
 мѣстникова, господина Грахольскаго,
 и другихъ многихъ, которые мнѣ по ихъ
 надменнымъ видамъ далеко не столь по-
 любилась какъ губернаторъ, хотя и съ
 симъ я ни мало еще знакомъ не былъ.

Настоящее дѣло, и такъ-называемое
 открытіе намѣстничества, началось въ
 исходѣ декабря и тѣмъ, что все дворян-
 ство въ назначенной день собралось въ
 соборную церковь, и по отслуженіи обѣд-
 ни и молебна, и по учиненіи общей при-
 сяги, всѣ отправились въ поманутую
 красную и для общаго засѣданія назна-
 ченную палату, куда и мы съ г. Кологри-
 вовымъ втѣснились и имѣли, какъ гости,
 наилучшую удобность видѣть всю тор-
 жественность сего перваго и никогда
 еще до того небывалаго всего тульского
 дворянства собранія и засѣданія. И под-
 линно, зрѣлище было сколько съ одной
 (стороны) пышное и великолѣпное, столь-
 ко съ другой—поразительное и пріятное.
 Собраніе было многочисленное; нѣкогда
 еще Тула не видала въ стѣнахъ своихъ
 столь великаго множества и знатнаго, и

средственнаго, и мелкаго дворянства. Вся низинутая и довольно просторная зала исполнена была ими, и всѣ скамьи, которыми она вся сплошь была уставлена, были ими усажены. У самой же передней стѣны сооруженъ былъ императорской тронъ, подъ богатымъ балдахинъ и съ стоящимъ на немъ портретомъ императрицы, во весь ея ростъ напечатаннаго, а на ступеняхъ трона сталъ нарядный и говорилъ всѣмъ краткую приблизительную рѣчь всему собранію. По обѣимъ сторонамъ его стояли на полу всѣ его приближенные, также губернаторъ и прочіе чиновначальники, а вмѣстѣ съ ними и всѣ гости, прибавивъ изъ другихъ губерній, а въ томъ числѣ и мы съ г. Кологривовымъ. Передъ нимъ же прямо сидѣло по уѣздамъ все знаменитѣйшее дворянство, состоящее изъ генераловъ, бригадировъ и другихъ чиновныхъ людей, а за ними и прочіе. Всѣ они, при началѣ рѣчи, говореной намѣстникомъ, въ своихъ мѣстахъ встали и выслушивали оную съ должнымъ благоговѣніемъ, чѣмъ самими и совершилось открытіе тульского намѣстничества. Послѣ сего предложено было намѣстникомъ всему дворянству, чтобъ оно приступило къ общему выбору губернскаго предводителя, посредствомъ баллотирования; и тотчасъ тогда понесли по всѣмъ уѣздамъ на скамьяхъ дворянамъ, опредѣленными къ тому людьми, одними на блюдахъ шары, а другіе, покрашенные зеленымъ сукномъ, баллотировальные ящики, при которомъ случаѣ въ первый еще разъ я оные увидѣлъ и получилъ объ нихъ и о самомъ баллотированіи новыя свѣдѣнія. Сіе первое дѣйствіе продолжалось нарочито долго, ибо надобно было каждому трехъ или четырехъ изъ предложенныхъ намѣстникомъ баллотировать, и для каждаго обносить вновь по всѣмъ шарамъ и ящикамъ, и потомъ вынимать первое изъ нихъ и пересчитывать, для узнаванія, которыми изъ нихъ положено сколько и кому больше всѣхъ. Счисленіе сіе производилъ, при глазахъ самого намѣстника, губернатора и прочихъ, губернскаго прокурора, г. Небольсина, на столѣ

поставленномъ предъ намѣстникомъ. И какъ оказалось, что множайшее число шаровъ положено было знакомцу и собственнику нашему генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, то и хотѣли-было его тѣмъ поздравить; но какъ онъ сталъ просить о увольненіи его отъ сей должности и уступалъ ее находившемуся подъ нимъ по балламъ господину генералу Юшкову, то сей и былъ отъ всего дворянства въ семь достоинствъ поздравленъ, чѣмъ все дѣло въ сей день было и кончено, и всѣ знаменитѣйшіе люди, по приглашенію отъ намѣстника, поѣхали къ нему обѣдать; а мы всѣ, повидавшись и переговоривъ со всѣми своими знакомцами, которыхъ мы тутъ нѣмѣли случай всѣхъ видѣть, разъѣхались также по своимъ квартирамъ, и достальное время дня употребили на разъѣзды другъ къ другу для свиданія.

Въ слѣдующій за симъ день было опять такое же общее всѣхъ дворянъ въ семь домъ собраніе, но уже безъ намѣстника, а при предсѣдательствѣ нововыбраннаго губернскаго предводителя и прокурора. И въ сей день занималось дворянство по уѣздамъ выборами своихъ уѣздныхъ предводителей, чрезъ что каждое уѣздное дворянское сословіе получило своего собственнаго начальника, а чрезъ нихъ предложено было потомъ отъ каждаго своимъ дворянамъ, чтобъ они избирали изъ среды своей по два человѣка въ кандидаты, для избранія двѣнадцати человѣкъ, для опредѣленія въ совѣстной судъ, въ верхній земскій судъ и въ приказъ общественнаго призрѣнія, въ засѣдатели. А изъ сихъ, наконецъ, всѣмъ общимъ собраніемъ выбаллотировали потребное число людей въ помилутыя должности. И сего довольно уже было для упражненія въ сей день, ибо все сіе продолжалось довольно долго. По выборѣ же и назначеніи всѣхъ сихъ судей и начальниковъ, водными оми были въ домъ къ намѣстнику для утвержденія, которой ихъ всѣхъ съ сими временными чинами, утвердя, и поздравилъ, а потомъ всѣхъ ихъ угостилъ у себя обѣдомъ. Мы съ г. Кологривовымъ и въ сей

дешь были также въ красной палатѣ, желая видѣть и сей обрядъ, какъ никогда еще до того невиданный, и я, любопытствуя узнать, кто именно избранъ въ предводители по нашему Богородицкому уѣзду, услышала, что удостоенъ тѣмъ пѣвто г. Сухотинъ, человѣкъ мнѣ еще незнакомой и по достоинствамъ своимъ не весьма знаменитой; достальное же время дня препроводили мы опять во взаимныхъ другъ друга посѣщеніяхъ.

Въ послѣдующій за тѣмъ третій день надлежало всѣмъ дворянамъ избирать также баллотированіемъ въ каждой городъ своихъ уѣздныхъ судей и засѣдателей; но какъ для сего требовалось болѣе простора, нежели сколько было его въ упомянутой красной палатѣ, то назначено было производить сіи выборы въ квартирѣ самого намѣстника, въ разныхъ, отведенныхъ для уѣздовъ, комнатахъ. Сіи они въ сей дешь и занимались, и были поуѣздно угощаемы столомъ. Но мы, какъ гости и нехотящіе брать въ томъ собственнаго соучастія, не разсудили за благо туда-жъ вмѣстѣ съ прочими ѣхать, а сей день употребили на отдохновеніе, а отчасти на сборы ѣхать въ театръ, узнавши, что въ сей вечеръ данъ будетъ первой спектакль. Мы согласились и въ сей дешь ѣхать туда вмѣстѣ съ семействомъ г. Кологривова; и какъ намъ удалось получить для себя и особую ложу, то положили взять съ собою и дѣтей нашихъ, которыхъ, а особливо мнѣ своего малютку-сына хотѣлось познакомиться съ симъ невиданнымъ еще имъ никогда театральнымъ зрѣлищемъ.

По приѣздѣ въ театръ, нашли мы его весь наполненной множествомъ народа и увидѣли тутъ все дворянское лучшее общество, съ ихъ семействами въ одномъ мѣстѣ и въ соединеніи, и зрѣлище сіе было по новости своей поразительное. Играли въ сей дешь известную комедію: «Такъ и должно», и актеры исполнили свое дѣло довольно исправно и удачно. Всѣ они привезены были въ Тулу изъ Калуги, гдѣ такой же театръ былъ сдѣланъ, и гдѣ они изъ разныхъ чиновни-

ковъ и образовались. Все мое семейство, а особливо дѣти, смотрѣли на представленіе съ особымъ удовольствіемъ; но никто имъ такъ много не плѣнился, какъ малютка-сынъ мой, для котораго все видѣнное тогда въ первой еще разъ въ его жизни было прелезкою диковинкою.

Впрочемъ, какъ при семъ случаѣ могли мы видѣть и всѣхъ нашихъ знакомыхъ и чрезъ нихъ извѣститься, кто и именно былъ избранъ въ судьи по Богородицкому уѣзду, то и интересовался я очень видѣть сихъ будущихъ своихъ ближнихъ сосѣдей и сотоварищей, и дѣ которыхъ изъ нихъ, по указанію отъ другихъ, и видѣлъ; но какъ всѣ они были мнѣ совсѣмъ незнакомые люди, то и не могъ я еще съ ними познакомиться, а съ нѣкоторыми только вскользь обрешенодовался. Впрочемъ, какъ удостоилъ въ сей дешь театръ и самъ намѣстникъ своимъ посѣщеніемъ, и вмѣстѣ съ нимъ въ ложѣ сидѣла и тогдашняя фаворитка его, жена упомянутого г. Давыдова, Анна Александровна, то имѣли мы случай и сію пышную горделивицу въ первой разъ тутъ видѣть.

Препроводивъ сей дешь съ удовольствіемъ и услышавъ, что и въ послѣдующій за симъ дешь будетъ опять театральное представленіе, готовились мы и въ оной ѣхать опять въ театръ, и препроводивъ опять весь дешь въ разѣздахъ и въ свиданіяхъ съ своими знакомцами, ввечеру были опять въ театрѣ и съ удовольствіемъ смотрѣли на представляемую въ сей дешь комедію: «Раздумчиваго». Впрочемъ, дешь сей употребленъ былъ на приведеніе всѣхъ выбранныхъ судей къ присягѣ, а намѣстникъ продолжалъ угощать уѣздныхъ дворянъ столами, ибо всѣхъ ихъ въ одинъ дешь угостить было не можно.

Наконецъ, настала дешь для открытія всѣхъ знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ, какъ-то: намѣстническаго правленія, гражданской, уголовной и казенной палаты, верхняго земскаго суда и верхней расправы, также совѣстнаго суда и приказа общественнаго прирѣпія, и

Но за сей страхъ и удовлетворенъ онъ былъ лхвою неописаннымъ для него удовольствіемъ, при смотрѣніи тогдашняго фейерверка. Зрѣлище сіе было для его совѣмъ новое и поразительное, и по счастью удалось ему оное видѣть во всей полнотѣ и безпрепятственно. Ибо какъ мы, для тѣсноты, не разсудили брать его съ собою въ демидовской домъ въ маскарадъ, то и оставили его въ возкѣ съ его бабушкою и другими на балъ не поѣхавшими дѣтьми, поставя возокъ въ такомъ мѣстѣ, чтобъ имъ изъ онаго весь фейерверкъ былъ совершенно виденъ. И какая радость была для его, когда увидѣлъ онъ вздымающіяся вверхъ ракеты, вертающіяся разнообразныя огненные колесы и потому горѣвшій разными огнями небольшою фитильной щитъ. Онъ прыгалъ даже отъ радости и восхищенія! А такое же дѣйствіе производило сіе зрѣлище и въ бывшей съ нами въ маскарадѣ большой нашей дочери. Не съ меньшимъ же удовольствіемъ смотрѣли и сами мы изъ дома на сію рѣдко выдаемую огненную потѣху.

Что касается до самаго бала и маскарада, то оной былъ намъ уже не въ такую диковинку; къ тому-жъ и не было въ немъ никакихъ дальнихъ особенностей. Намѣстникъ присутствовалъ на ономъ недолго, а тотчасъ по сожженіи фейерверка отѣхалъ; да и прочее дворянство веселилось онымъ не слишкомъ долго, и на большую часть скоро разѣхались, а чрезъ то и сдѣлался довольно просторъ. Пользуясь онымъ, старался я всячески отискать опредѣленнаго въ нашъ городъ городничаго, какъ будущаго своего въ правленіи городомъ Богородицкомъ со товарища и такого ближняго сосѣда, съ которымъ надобно мнѣ будетъ имѣть болѣе всѣхъ дѣла. Былъ онъ одинъ изъ замосковскихъ, но небогатыхъ помѣщиковъ, бывшій до того въ морской службѣ и отставленной въ чинѣ капитана втораго ранга, и назывался Антонъ Никитичъ Сухотинъ, и находился также тогда съ женою своею на семъ маскарадѣ. По бѣлому его примѣтному морскому мундиру

не трудно мнѣ было его отискать, и я не преминулъ съ нимъ обречекомендоваться и сколько-нибудь познакомиться; а сіе и было со мною наидостопамятнѣйшее на семъ балѣ происшествіе, на которомъ послѣ сего и мы съ женою не долго пробыли, но поспѣшили возвратиться къ прочимъ роднымъ нашимъ на квартиру.

Какъ симъ фейерверкомъ и маскарадомъ всѣ бывшія тогда въ Тулѣ празднества и увеселенія кончились и болѣе жить въ оной было не для чего, то на другой же день послѣ сего всѣ излишніе начали изъ сего города разѣзжаться. А ихъ примѣру послѣдовали и мы, и собравшись, отправились въ прежнее свое мѣстопробиваніе въ Богородицкѣ, куда на другой день благополучно и возвратились.

Какъ случилось сіе уже въ святки и предъ самымъ наступленіемъ новаго года, а вкупѣ съ нимъ предъ наступленіемъ совѣмъ новаго и достопамятнѣйшаго періода въ моей жизни, весьма отлѣйнаго отъ прежнихъ, то займу я достальное мѣсто въ семъ письмѣ изображеніемъ того состоянія и положенія, въ какомъ я при концѣ сего года находился.

Что касается собственно до меня и всего моего семейства, то я былъ тогда въ наилучшей порѣ моего возраста. Шелъ мнѣ сороковой годъ, а потому хотя и переступилъ уже я за половину обыкновеннаго человѣческаго вѣка, но былъ совершенно еще свѣжъ, мужественъ и бодръ, и по благодати Господней пользовался наисовершеннѣйшимъ здоровьемъ, а вкупѣ благосостояніемъ такимъ, какого не желалъ я лучше. Семейство имѣлъ я уже тогда нарочито многочисленное, и состояло оно изъ тещи, жены и патерыхъ дѣтей, изъ коихъ всѣ были хотя малъ-мала меньше, но доставляли намъ безчисленныя удовольствія и утѣхи. Старшая изъ дочерей моихъ, Елисавета, была уже изрядная дѣвочка, и съ красотою тѣлесною утѣшала насъ вкупѣ и умомъ, а паче всего своимъ добронравіемъ и хорошимъ характеромъ. Всѣ качества и свойства ея были таковы, что приобрѣтала она отъ

всѣхъ выдавшихъ ее любовь и уваженіе. Снитъ мой былъ также уже мальчикъ, вышедшій изъ лѣтъ младенческихъ. Ему нелъ уже седьмой годъ и онъ умѣлъ уже грамотѣ и могъ уже читать и писать изряднеконько; а по понятливости своей учился уже тогда и нѣмецкому языку. Душевные и тѣлесныя способности его во всему открывались часть-отъ-часу больше, и онъ съ каждымъ годомъ подавалъ намъ о себѣ отъ часу лучшую надежду и былъ по всѣмъ отношеніямъ милой, добродравной и любезной рабенокъ. Обѣ слѣдующія за нимъ меньшія его сестры, Настасья и Ольга, возростали уже также мало-по-малу, и первая изъ нихъ умѣла также уже грамотѣ, и обѣ утѣшали насъ своими невинными дѣтскими дѣлншечками и обѣ подавали о себѣ уже намъ добрую надежду. Что касается до самой меньшей и четвертой моей дочери, Александры, то сія была еще на рукахъ младенцемъ и чтой-то не очень здорова, такъ что не было дальней надежды о ея жизни. Теща моя хотя начинала уже старѣться, но была также еще въ совершенныхъ силахъ, хотя и не всегда равно здорова. Кромѣ ее и жены моей, жила тогда еще съ нами помянутая дѣвушка, госпожа Бѣляева, которая всѣмъ поведеніемъ своимъ заставила насъ столько себя любить, что мы ее наравнѣ со своими родными почитали и сотовариществомъ ея были очень довольны.

Относительно до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ и положенія моего, то было оно наивожделннѣйшее. По особенной благодн Господней имѣлъ я счастье пріобрѣсть, живучи и въ семъ мѣстѣ, какъ отъ подкомандующихъ моихъ, такъ и отъ исѣхъ, кто меня только зналъ, всеобщую любовь, почтеніе и уваженіе. А и отъ самого командира моего, князя Гагарина, пріобрѣталъ я часть-отъ-часу болѣе къ себѣ благосклонности и уваженія. Жизнь велъ я кроткую, тихую и умѣренную, и съ небольшимъ достаткомъ своимъ сообразную. Не отставалъ я совершенно отъ людей, но и впередъ ни въ чемъ не выдавался съ излишкомъ.

Всѣ расходы мои были умѣренныя; а чтобъ оныя еще болѣе сократить, то умножилъ я при себѣ людей, и перевези ихъ изъ своей деревни, наналъ тутъ себѣ нѣсколько казенной земли и заставилъ ихъ пахать и засѣвать хлѣбомъ, дабы мнѣ онаго, для содержанія всего дома моего и заведеннаго тутъ же маленькаго скотоводства и птицеводства, безъ привоза изъ деревень моихъ было достаточно и я не имѣлъ бы нужды ничего изъ грубой провизіи для себя покупать. Сверхъ того, какъ квартира была у меня не наемная, дрова непокупныя, въ овсѣ и сѣнѣ для лошадей не было мнѣ никакой надобности, ибо и лошади у меня и продовольствіе ихъ было казенное, то все сіе вмѣстѣ съ довольнымъ жалованьемъ, доходами, получаемыми съ небольшихъ моихъ деревеньшекъ, и процентами, получаемыми съ малаго моего и въ Кіасовкѣ еще основаннаго капиталца, часть-отъ-часу и увеличивало понемногу мой достатокъ и дозволяло мнѣ содержать себя часть-отъ-часу лучше и жизнь свою вести свободнѣе. Къ тому-жъ и не было до сего и дальнихъ поводовъ къ излишнимъ расходамъ: по удаленности Богородица отъ сосѣдственныхъ дворянскихъ домовъ, не могъ я имѣть обширнаго и такого знакомства, которое бы сопряжено было съ частыми и многими выѣздами и взаимными угощеніями къ себѣ пріѣзжающихъ. Все мое тогда знакомство ограничивалось почти только двумя домами, господина Толбузина и г. Киреева, но и тѣ жили въ такой отъ насъ отдаленности, что нельзя было часто переѣзжаться и съ ними. А то же нѣкоторымъ образомъ можно было сказать и о домѣ гг. Верещагиныхъ, живущихъ въ Бобривахъ. Нельзя сказать, чтобъ мы и съ ними видались очень часто, къ чему наиболѣе поводъ подавало то, что характеры сестеръ г. Верещагина, несмотря на все ихъ наружное благопріятство къ намъ, были какъ-то несогласны съ характерами моихъ семейнинокъ, а потому дальней охоты и не было къ нимъ часто ѣздить. Что-жъ касается до внутреннихъ нашихъ

по городу знакомцевъ, то свиданія съ ними и обхожденіе не доставляли намъ ни малѣйшихъ лишнихъ расходовъ. Всѣ они ограничивались только лекаремъ, господами Полуинными и архитектурскимъ помощникомъ Волковымъ, и съ людьми сими можно было по-просту и безъ дальнихъ околичностей обходиться.

Что касается до дѣлъ и упражненій моихъ, то дѣла по волости и по должности моей оказались далеко не столь многочисленны и для меня отяготительны, какъ я воображалъ себѣ сначала. А не успѣлъ я войти въ оныя и основать во всемъ порядокъ, такъ они сдѣлались для меня такъ легки, что я ихъ почти не чувствовалъ, и такъ малочисленны, что большую часть времени своего могъ я употреблять на собственные свои занятія и упражненія, и по всѣмъ симъ отношеніямъ должность моя была самая легкая и тѣмъ для меня пріятнѣйшая, что я могъ, отправляя оную, заниматься и литературнымъ и другими любопытными и пріятными для меня занятіями, почему самому и могъ я ими сколько хотѣлъ заниматься, а сіе и было для меня всего пріятнѣе.

Въ семь положеніи находился я при концѣ сего года, но въ наступающей, по всему видимому, надлежало во всемъ произойти многимъ переменамъ, поелику прежняя моя, почти уединенная жизнь должна была кончиться и я, по случаю будущаго жительства въ семь городѣ многихъ дворянскихъ фамилій, имѣть съ ними частнѣйшее свиданіе и тѣснѣйшее обращеніе, въ ожиданіи чего и кончили мы теченіе сего года.

А вмѣстѣ съ тѣмъ окончу я и сіе письмо, сказавъ вамъ, что я емь вашъ... и прочая.

(Ноября 4-го дня 1809 года).

1778 годъ.

Письмо 193-е.

Любезный пріятель! Ну!... теперь начну я описывать вамъ наидостопамятнѣйшій и веселѣйшій для меня періодъ

моей жизни. Оной начался съ самаго наступленія 1778 года и продолжался многіе годы, и едва не дѣлныхъ 16 или даже 18 лѣтъ сряду. Правда, было сіе время хотя не все для меня хорошо и пріятно, но по временамъ веселая жизнь моя нарушаема была нерѣдко мрачными днями, наполненными многими огорченіями, смущеніями и досадами, но вообще можно назвать весь сей долговременный періодъ моей жизни наилучшимъ, веселѣйшимъ, выгоднѣйшимъ, пріятнѣйшимъ, благополучнѣйшимъ и знаменитѣйшимъ во всей моей жизни. Сдѣлался онъ таковымъ противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, и я, начиная проводить сей годъ, нимало не воображалъ себѣ, чтобъ онъ былъ такъ веселъ и наполненъ толь многими пріятностями, какими мы въ теченіе онаго пользовались, но ожидалъ себѣ ценнаго какъ многихъ хлопотъ, досадъ и огорченій по случаю сожительства и обращенія съ людьми столь многими, мнѣ незнакомыми и характеровъ разныхъ, и не надѣялся нимало, чтобъ можно было мнѣ ужиться со всѣми ими въ мирѣ и согласіи, а думалъ, что неминуемо произойдутъ между нами ссоры и всякія склывки и дразги. Но произошло совсѣмъ тому противное, и благотвительной судьбѣ угодно было свести меня и заставить вмѣстѣ жить съ людьми хотя различныхъ характеровъ, но съ такими, съ которыми могъ я ужиться безъ всякихъ ссоръ и вражды, или съ которыми удалось мнѣ, противъ всякаго ожиданія, сладить и всѣхъ ихъ сдѣлать для себя не только друзьями и пріятелями, но побудить и самихъ жить и между собою въ примѣрномъ, похвальномъ и такомъ согласіи, что всѣмъ тѣмъ мы даже прославились и многіе жнтью нашему даже завидовали и превозносили оное похвалами.

Таковое хорошее и веселое житъе было въ особенности въ первыя 3 или 6 лѣтъ по открытіи намѣстничества и было намъ столь пріятно, что на вѣкъ осталось для насъ незабвенно. И я признаюсь, что и понинѣ не могу сего времени приводить себѣ на память безъ нѣкоего особеннаго

льствія и сладкаго душевнаго ощущенія. Но я заговорился уже слишкомъ въ общественныхъ и мнѣ пора уже унять къ повѣствованію подробнѣйшій о произшествіяхъ, бывшихъ въ тесега первого года.

Успѣлъ начаться сей годъ, какъ и псь у насъ уже нѣкоторыя забавы селенія. И самой первой день она ожиданіи приѣзда выбранныхъ супредѣленнаго городничаго, провели ке весело, потому что были не одни. ть была въ сіе время госпожа Колоова, приѣхавшая къ намъ съ дѣтьми и нарочно изъ Тулы въ гости для ательства своей къ намъ любви и бы. И мы, начавъ вмѣстѣ съ нею одъ, провели сей день очень весело, желаа ея койко можно лучше уго, завели въ сей вечеръ разныя свля и игры и забавы; а въ послѣдуюза сямъ день подѣхали къ намъ Бобрікъ и госпожи Верещагинны, юда прибавилось больше. Сіе подало къ множайшимъ еще святочнымъ леніямъ, и мы провели и сей день, весело, и госпожѣ Кологривовой у насъ такъ пріятно, что она не де какъ уже послѣ ужина и въ ночь ала отъ насъ обратно въ Тулу, а на о ея подѣхалъ къ намъ на третій г. Толбузинъ съ семействомъ. ъ, всѣ сіи первые дни сего года мы непрерывно съ людьми и проонные весело.

конецъ въ сей третій день приѣхалъ въ нашъ городъ и городничій со въ своимъ домомъ и семействомъ и новился на первой случай у Кобля, одного изъ старинныхъ богородицъ, и тогда ничего незначущихъ купъ въ пакостномъ его домишкѣ на гиру. Какъ сіе случилось утромъ, е успѣлъ я о томъ узнать, какъ тотъ, хотя не по долгу, а изъ одной вѣжсти, къ нему поѣхалъ, чтобъ съ нимъ ъ обрекомендоваться и спознакомить ъ всѣмъ его семействомъ. Состояло изъ его жены, Анны Ивановны, ехъ дѣтей, двухъ сыновей и одной

дочери. Сія была дѣвушка уже на возрастѣ, равно какъ и старшій сынъ его, мальчикъ уже изрядной, а другой былъ еще маленькой. Всѣ они показались мнѣ людьми изрядными и такими, съ которыми обходиться было уже можно; почему, обласкавшись съ ними, изъявлялъ я сожалѣніе мое о томъ, что квартира у него такъ дурна и для нихъ безпокойна, и предлагалъ ему, чтобъ онъ поискалъ для себя между купеческими дворами получше, а буде нигдѣ не найдетъ, такъ не покажется-ли ему какой домъ изъ монхъ канцелярскихъ служителей, такъ бы я могъ пособить его пуждѣ и на время ассигновать ему и оной. Предложеніе таковое натурально было ему, а особливо женѣ его, пріятно, и я онымъ его равно какъ озадатчилъ къ себѣ въ дружбу. Послѣ сего возилъ его показывать ему приготовленной подъ присутственныя мѣста флигель дворцовой, и тамъ, выводя въ по всѣмъ комнатамъ, пригласилъ его и со всѣмъ его семействомъ къ себѣ обѣдать; и какъ онъ на то согласился, то за женою и дѣтьми его тотчасъ послалъ я своихъ лошадей и повозку. Она не отреклась также къ намъ приѣхать, и какъ мы старались всячески ихъ угостить, то были они ласкою нашею довольны и съ сего дня началась у насъ съ ними дружба и знакомство. Мы не отпустили ихъ отъ себя во весь сей день; а какъ кстаті подѣхалъ къ намъ передъ вечеромъ и оставшійся у насъ ночевать помянутой г. Толбузинъ съ своимъ семействомъ, то сей случай познакомилъ его и съ нимъ, и мы всѣ вмѣстѣ и сей святочной вечеръ провели безъ скуки и довольно весело.

На другой день послѣ сего, не успѣли мы послѣ обѣда проводить отъ себя г. Толбузина, какъ приѣхалъ къ намъ одинъ уже изъ судей, приѣхавшихъ въ этотъ день въ городъ. Былъ то одинъ изъ богородицкихъ дворянъ, изъ фамиліи Арсеньевыхъ, и назывался Николаемъ Сергѣевичемъ. Сей человекъ былъ до того времени мнѣ хотя совѣмъ незнакомъ, но мы съ первой уже минуты син-

по городу знакомцевъ, то свиданія съ ними и обхожденіе не доставляли намъ ни малѣйшихъ лишннихъ расходовъ. Всѣ они ограничивались только лекаремъ, господами Полуниными и архитекторскимъ помощникомъ Волковымъ, и съ людьми сими можно было по-просту и безъ дальнихъ околичностей обходиться.

Что касается до дѣлъ и упражненій моихъ, то дѣла по волости и по должности моей оказались далеко не столь многочисленны и для меня отяготели, какъ я воображалъ себя свавольно и войти въ обязанности и его во всемъ порядокъ, такъ для меня такъ легка, не чувствовалъ, и что большую часть я употребилъ на нятія и управленія отношеніямъ моего легала и крестовому на тѣхъ дняхъ долженъ былъ и въ губернаторомъ знакомить короче, то и не протолкнулся я нимало, но съ охотою явилъ ему на то свое согласіе.

Весь послѣдующій за симъ день, случившійся въ навечеріи Крещенія, былъ я какой-то такъ нездоровъ, что принужденъ былъ принимать лекарство. Произошло сіе оттого, что я, осматривая всякой день недавно отдѣланныя и тогда только-что высушиваемыя комнаты во флигелѣ зѣмка, или дворца, отъ чада и штукатурнаго испаренія сильно поугорѣлъ. Но болѣзнь сія не имѣла никакихъ дальнихъ послѣдствій и не воспрепятствовала мнѣ принять у себя заходившаго опять ко мнѣ городничаго, занимавшагося въ этотъ день осматриваніемъ всѣхъ квартиръ въ городкѣ нашемъ и назначиваніи оныхъ подъ ожидаемыхъ съ часу на часъ судей изъ ихъ жительствъ и должностующихъ къ приѣзду губернатора съѣзжаться и собраться. Ввечеру же сего дня прислалъ онъ къ намъ жену свою съ

моей жизни. Онъ просьбою, чтобъ и ступленія 17го жать имъ на время въ тѣ годы, въ году изъ канцеляристовъ могъ 18 лѣтъ лову, которой былъ лучшей хотя г прочихъ. Мнѣ хотя и не весьма но г въ обременить симъ сего моего р...го писмоводителя, по желая тѣмъ жить городничему, послалъ тотчасъ и хозяиномъ, и какъ онъ, по убѣжденію моему, на то согласился, и позволялъ я имъ занять подъ себя сію квартиру, гдѣ онъ однако не долго стоялъ; ибо я, желая освободить сего старика отъ сего бремени, велѣлъ для городничаго опростать, очистить и прибрать одну изъ казенныхъ деревянныхъ связей, построенныхъ для житья нашимъ волостнымъ солдатамъ и мастеровымъ людямъ, въ которую онъ носилъ и перѣхалъ и былъ сей квартирою еще довольнѣй прежней.

Наконецъ кончились наши святки и насталъ день Богоявленія Господня, въ которой всѣ мы были въ церкви на островку у обѣдни и потомъ на водѣ. Намъ восхотѣлось въ сей день сдѣлать у себя небольшую пирушку, почему и пригласилъ я всѣхъ къ себѣ обѣдать, отчего они натурально и не отказались. Итакъ, обѣдали у меня въ сей день городничій со всѣмъ своимъ семействомъ, помянутой г. Арсеньевъ и еще одинъ изъ приѣхавшихъ судей, Сергій Ильичъ Шущерипъ. Съ симъ добрымъ и любезнымъ молодымъ человекомъ мы также въ первую минуту нашего знакомства такъ сдружились и такъ другъ друга полюбили, что съ того времени сдѣлались навсегда добрыми и искренними друзьями, и я пріязню и ласкою его самого и всего его семейства былъ очень доволенъ. Кромѣ сихъ, обѣдали у меня въ сей день и нашъ лекарь; итакъ, варода набралось таки довольно, и это былъ первой маленькой пиры, данной мною моимъ будущимъ сотоварищамъ въ жизни.

Едва только окончились наши праздники, какъ въ послѣдующій за симъ день и стала наполняться весь нашъ городъ съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ судьями и опредѣленными въ суды прочими канце-

служителями и чиновниками. Я тогда во всем Богородицком ролю и домъ мой былъ знакомъ всѣмъ судей тотчасъ о моемъ ласковомъ соображеніи на благоклонномъ всѣхъ за первой себѣ долгу ко мнѣ для изъявленія уваженія и рекомендаціи мою благоклонность и признаюсь, что такое отъ всѣхъ не было мнѣ весьма непротивно и натурально побуждало меня соотвѣтствовать имъ взаимно своими ласками и контривизитами. Всѣхъ тѣхъ, которые изъ нихъ были у меня предъ обѣдомъ, не отпускалъ я отъ себя, не угостивъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А какъ къ вечеру собрались они всѣ ко мнѣ, а подѣхалъ къ намъ и двоюродной братъ жены моей, Евграфъ Александровичъ, съ женою, и народа набралось множество, то сіе и подало поводъ къ первой у меня тогда вечеринкѣ. Я старался занять ихъ всѣхъ разными играми, а чтобъ было веселѣе, заставилъ своего Давыдовича бряцать на гусляхъ выученныя имъ отъ меня нѣкоторыя штучки, аккомпанируя ему самъ сколько умѣлъ на своей скрипкѣ. Сямъ возбудилъ я въ дѣтяхъ своихъ и городничаго, бывшихъ также у меня, охоту къ танцованію, и они попрыгали у насъ какъ умѣли, а имъ иногда дѣлали и изъ насъ тѣ, кои были помоложе и повеселѣе, товарищество; и какъ все обращеніе между собою постарался я дѣлать свободнымъ, непринужденнымъ, простымъ, безъ всякихъ чиновъ и церемоніаловъ, а прямо дружескимъ, то сямъ и далъ я почувствовать всю пріятность такого невиннаго дружескаго времяпрепровожденія, и мы съ особымъ удовольствіемъ провели весь вечеръ и сдѣлались уже всѣ добрыми пріятелями, и родственнику моему, г. Каверину, сіе такъ полюбилось, что онъ пробылъ у насъ и весь послѣдующій за сямъ день.

Съ сего дня начали мы со дня на день ожидать приѣзда къ себѣ губернатора, но приѣздъ его какъ-то позамедлился, и

мы цѣлыхъ пять дней его тщетно ожидали. И какъ всѣмъ съѣхавшимся господамъ судьямъ и другимъ чиновникамъ въ сіе время дѣлать еще было нечего, то и провели они оное въ непрерывныхъ другъ друга на квартирахъ своихъ посѣщеніяхъ и угощеніяхъ другъ друга на походную руку; ибо надобно сказать, что они съѣхались тогда всѣ еще налегкѣ, безъ своихъ семействъ, и на первой случай расположились кой-гдѣ по квартирамъ; и какъ никто изъ нихъ не имѣлъ еще порядочной и не обострожилса, то все сіе и побуждало ихъ наиболѣе уклоняться ко мнѣ, и тѣмъ паче, что я и самъ ихъ приглашалъ къ частѣйшему посѣщенію меня отъ скуки. И такъ, не проходило дня, въ которой-бы многіе изъ нихъ у меня не перебували; а по вечерамъ было всѣмъ имъ почти ежедневное общее сборище у меня въ домѣ, и всѣ тутъ, сдѣлавшись другъ съ другомъ знакомѣе, препровождали мы все вечернее время въ смѣхахъ, издѣвкахъ, въ разныхъ простыхъ увеселительныхъ карточныхъ и другихъ играхъ и прямо въ дружескомъ, простомъ и пріятномъ препровожденіи времени. Я переучилъ ихъ играть въ свой любимой реверсисъ и тарокки, а они затѣяли разныя свои игры, и всякой занимался тѣмъ, что кому было угодно; а ни одинъ разъ, завеселившись, не отпускалъ я ихъ всѣхъ отъ себя и безъ ужина; что все еще болѣе всѣхъ ихъ ко мнѣ притягивало.

Но теперь время пересказать мнѣ вамъ, кто таковы всѣ судьи сіи и тогдашніе мои ежедневные гости именно были. Я начну съ нашего предводителя. Сей былъ одинъ изъ зажиточнѣйшихъ богородицкихъ дворянъ изъ фамиліи господъ Сухотинныхъ, человекъ не слишкомъ знаменитый, но доброй, простой и прямо на нашу руку. За нимъ слѣдовалъ уѣздной судья, господинъ Албычевъ, по имени Алексѣй Андреяновичъ, человекъ степенной, почтенной и всѣмъ обращеніемъ своимъ прелюбезной. Засѣдателями и товарищами ему въ уѣздной судъ избраны были: нѣкто господинъ Арсеньевъ, Андрей Сергѣевичъ и помянутой господинъ

данія и знакомства нашего такъ другъ друга полюбили, что сдѣлались друзьями, и котораго ласкою, почтеніемъ и уваженіемъ къ себѣ я во все послѣдующее время отиѣнно былъ доволенъ, и съ которымъ дружба продолжается и понынѣ. Онъ избранъ былъ тогда засѣдателемъ въ нижній земскій судъ и приѣхалъ ко мнѣ, чтобъ со мною обремендоваться и познакомиться, а притомъ съестся и родствомъ, хотя весьма дальнимъ, по которому и называлъ онъ меня всегда своимъ «дядюшкою». Но какъ бы то ни было, но мы постарались и его всячески у себя угостить и ласками своими къ пріязни озадачить.

Между тѣмъ какъ мы съ нимъ въ разныхъ разговорахъ проводили вечеръ, подѣхалъ къ намъ опять и городничій, съ убѣдительною просьбою о томъ, чтобъ я дозволилъ у себя, какъ въ лучшемъ во всемъ селеніи домѣ, квартировать губернатору, которому на тѣхъ дняхъ должно было приѣхать къ намъ для открытія всѣхъ судебныхъ мѣстъ. Для меня сіе было хотя нѣсколько и отяготительно, но какъ сей случай могъ меня съ губернаторомъ познакомить короче, то и не противился я нимало, но съ охотою изъявилъ ему на то свое согласіе.

Весь послѣдующій за симъ день, случившійся въ навечеріи Крещенья, былъ я чтой-то такъ нездоровъ, что принужденъ былъ принимать лекарство. Произошло сіе оттого, что я, осматривая всякой день недавно отдѣланныя и тогда только-что высушиваемыя комнаты во флигелѣ замка, или дворца, отъ чада и штукатурнаго испаренія сильно поугорѣлъ. Но болѣзнь сія не имѣла никакихъ дальнихъ послѣдствій и не воспрепятствовала мнѣ принять у себя заходившаго опять ко мнѣ городничаго, занимавшагося въ этотъ день осматриваніемъ всѣхъ квартиръ въ городѣ нашемъ и назначиваніи оныхъ подъ ожидаемыхъ съ часу на часъ судей изъ ихъ жительствъ и должностующихъ къ пріѣзду губернатора съѣзжаться и собраться. Вечеру же сего дня *прислалъ онъ къ намъ жену свою съ*

препокорнѣйшею просьбою, чтобъ мы дозволили переѣхать имъ на время въ домъ къ одному изъ канцеляристовъ моихъ, Щедигову, которой былъ лучшей изъ всѣхъ прочихъ. Мнѣ хотя и не весьма хотѣлось обременить симъ сего моего лучшаго писмоводителя, но желая тѣмъ услужить городничему, послалъ тотчасъ за хозяиномъ, и какъ онъ, по убѣжденію моему, на то согласился, то и дозволилъ я имъ занять подъ себя сію квартиру, гдѣ онъ однако не долго стоялъ; ибо я, желая освободить сего старика отъ сего бремени, велѣлъ для городничаго опростать, очистить и прибрать одну изъ казенныхъ деревянныхъ связей, построенныхъ для житія нашимъ волостнымъ солдатамъ и мастеровымъ людямъ, въ которую онъ послѣ и переѣхалъ и былъ сею квартирою еще довольнѣй прежней.

Наконецъ кончились наши сватки и насталъ день Богоявленія Господня, въ которой всѣ мы были въ церкви на островку у обѣдни и потомъ на водѣ. Намъ восхотѣлось въ сей день сдѣлать у себя небольшую пирушку, почему и пригласилъ я всѣхъ къ себѣ обѣдать, отчего они натурально и не отказались. Итакъ, обѣдали у меня въ сей день городничій со всѣмъ своимъ семействомъ, помянутой г. Арсеньевъ и еще одинъ изъ пріѣхавшихъ судей, Сергѣй Ильичъ Шущеринъ. Съ симъ добрымъ и любезнымъ молодымъ человѣкомъ мы также въ первую минуту нашего знакомства такъ сдружились и такъ другъ друга полюбили, что съ того времени сдѣлались навсегда добрыми и искренними друзьями, и я пріязнью и ласкою его самого и всего его семейства былъ очень доволенъ. Кромѣ сихъ, обѣдалъ у меня въ сей день и нашъ лекарь; итакъ, народа набралось таки довольно, и это былъ первой маленькой пиры, данной мною моимъ будущимъ сотоварищамъ въ жизни.

Едва только окончились наши праздники, какъ въ послѣдующій за симъ день и сталъ наполняться весь нашъ городъ съѣзжавшимися со всѣхъ сторонъ судьями и опредѣленными въ суды прочими канце-

лярскими служителями и чиновниками. Какъ я игралъ тогда во всемъ Богородицѣ первую ролю и домъ мой былъ знаменитѣйшій, и до всѣхъ судей тотчасъ доходилъ слухъ о моемъ ласковомъ со всѣми обращеніи и благосклонномъ всѣхъ приѣмѣ, то всѣ они за первой себѣ долгъ почитали приѣзжать ко мнѣ для изъясненія ко мнѣ своего уваженія и рекомендаціи себя въ мою благосклонность и дружбу. Признаюсь, что такое отъ всѣхъ уваженіе было мнѣ весьма непротивно и натурально побуждало меня соотвѣтствовать имъ взаимно своими ласками и контривизитами. Всѣхъ тѣхъ, которые изъ нихъ были у меня предъ обѣдомъ, не отпускалъ я отъ себя, не угостивъ ихъ обѣденнымъ столомъ. А какъ къ вечеру собрались они всѣ ко мнѣ, а подѣхалъ къ намъ и двоюродной братъ жены моей, Евграфъ Александровичъ, съ женою, и народа набралось множество, то сіе и подало поводъ къ первой у меня тогда вечеринкѣ. Я старался занять ихъ всѣхъ разными играми, а чтобъ было веселѣе, заставилъ своего Давыдовича брянчать на гусляхъ выученныя имъ отъ меня нѣкоторыя штучки, аккомпанируя ему самъ сколько умѣлъ на своей скрипкѣ. Сямъ возбудилъ я въ дѣтяхъ своихъ и городничача, бывшихъ также у меня, охоту къ танцованію, и они попрыгали у насъ какъ угали, а имъ иногда дѣлали и изъ насъ тѣ, кои были помоложе и повеселѣе, товарищество; и какъ все обращеніе между собою постарался я дѣлать свободнымъ, непринужденнымъ, простымъ, безъ всякихъ чиновъ и церемоніаловъ, а прямо дружескимъ, то сямъ и далъ я почувствовать всю пріятность такого невиннаго дружескаго времяпрепровожденія, и мы съ особымъ удовольствіемъ провели весь вечеръ и сдѣлались уже всѣ добрыми пріятелями, и родственнику моему, г. Каверину, сіе такъ полюбилось, что онъ пробылъ у насъ и весь послѣдующій за сямъ день.

Съ сего дня начали мы со дня на день ожидать приѣзда къ себѣ губернатора; но приѣздъ его какъ-то позамедлился, и

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1872 г.

мы цѣлыхъ пять дней его тщетно ожидали. И какъ всѣмъ съѣхавшимся господамъ судьямъ и другимъ чиновникамъ въ сіе время дѣлать еще было нечего, то и провели они оное въ непрерывныхъ другъ друга на квартирахъ своихъ посѣщеніяхъ и угощеніяхъ другъ друга на походную руку; ибо надобно сказать, что они съѣхались тогда всѣ еще налегкѣ, безъ своихъ семействъ, и на первой случай расположились кой-гдѣ по квартирамъ; и какъ никто изъ нихъ не имѣлъ еще порядочной и не обострожился, то все сіе и побуждало ихъ наибогѣе уклоняться ко мнѣ, и тѣмъ паче, что я и самъ ихъ приглашалъ къ частѣйшему посѣщенію меня отъ скуки. Итакъ, не прошло дня, въ которой-бы многіе изъ нихъ у меня не перебывали; а по вечерамъ было всѣмъ имъ почти ежедневное общее сборище у меня въ домѣ, и всѣ тутъ, сдѣлавшись другъ съ другомъ знакомѣе, препровождали мы все вечернее время въ смѣхахъ, издѣвкахъ, въ разныхъ простыхъ увеселительныхъ карточныхъ и другихъ играхъ и прямо въ дружескомъ, простомъ и пріятномъ препровожденіи времени. Я переучилъ ихъ играть въ свой любимой реверсѣ и тароки, а они затѣвали разныя свои игры, и всякой занимался тѣмъ, что кому было угоднѣе; а ни одинъ разъ, завеселившись, не отпускалъ я ихъ всѣхъ отъ себя и безъ ужина; что все еще болѣе всѣхъ ихъ ко мнѣ пригнѣцало.

Но теперь время пересказать мнѣ вамъ, кто таковы всѣ судьи сіи и тогдашніе мои ежедневные гости именно были. Я начну съ нашего предводителя. Сей былъ одинъ изъ зажиточнѣйшихъ богородицкихъ дворянъ изъ фамиліи господъ Сухотинныхъ, человѣкъ не слишкомъ знаменитый, но доброй, простой и прямо на нашу руку. За нимъ слѣдовалъ уѣздной судья, господинъ Албычевъ, по имени Алексѣй Андреяновичъ, человѣкъ степенной, почтенной и всѣмъ обращеніемъ своимъ прелюбезной. Засѣдателями и со товарищами ему въ уѣздной судѣ избраны были: нѣкто господинъ Арсеньевъ, Андрей Сергѣевичъ и поманутой господникъ

2А

Шушеринъ, Сергій Ильичъ. Въ исправники назначенъ былъ нѣкто господинъ Пушкинъ, Петръ Семеловичъ, а застѣдателями къ нему: меньшей братья уѣзднаго суда застѣдателя, помянутой выше сего, г. Арсеньевъ, Николай Сергѣевичъ, а другой нѣкто господинъ Басовъ, человекъ незначущій и маловажной. Кроме сихъ были отъ короны опредѣленные: помянутой городничій Антонъ Никитичъ Сухотинъ, казначеимъ — нѣкто господинъ Плотниковъ, а стражнимъ — одинъ изъ богородицкихъ сосѣднихъ дворянъ Александръ Андреевичъ Хомяковъ, человекъ молодой и зажиточной, но съ умомъ нѣсколько поразстроеннымъ. Кроме сихъ, былъ тогда еще изъ приѣзжихъ дворянъ майоръ Остановъ.

Вотъ изъ сколь многихъ особъ состояло все тогдашнее наше общество. Всѣ они были характеровъ разныхъ, но кон опишу я вамъ послѣ, когда порядокъ доведетъ меня рассказывать о ихъ семействахъ; а теперь только скажу, что многіе изъ нихъ были люди очень еще не старые и нѣкоторые въ особенности веселаго нрава. Таковыми въ особенности изъ всѣхъ отличался нашъ исправникъ г. Пушкинъ, человекъ еще молодой и въ особенности склонной къ шуткамъ и дружескимъ безобиднымъ издѣвкамъ и труненію надъ другимъ; а сіе и оживляло все наше сообщіе и дѣлало обращеніе наше другъ съ другомъ пріятнѣйшимъ и веселѣйшимъ.

Наконецъ, 12 числа, по тщетномъ пятидневномъ ожиданіи губернатора, перетревожены мы были приѣздомъ къ намъ его канцеляріи съ увѣдомленіемъ, что вслѣдъ за нею скоро хотѣлъ и онъ приѣхать. Всѣ тогда въ одинъ мигъ сбѣжались и съѣхались ко мнѣ, какъ въ квартиру губернаторскую, да и я своимъ домашнимъ велѣлъ поперебраться съ излишнимъ изъ своей гостиной въ боковыя и заднія комнаты и опростать залъ и гостинную для губернатора. И съ сего времени начали мы приѣзда его ожидать ежечасно, будучи всѣ въ совокупленіи. Но прошелъ день и прошелъ весь вечеръ, и губернатора не было и всѣ принуждены были,

поужинавъ у меня, разѣхаться по квартирамъ.

Какъ всѣ не суживались и за вѣрное полагали, что не приѣхавши въ этотъ день непременно прибудетъ онъ въ послѣдующій за нимъ, и по всей вѣроятности ввечеру, то собрались опять ко мнѣ всѣ сіи господа до единаго, и дабы не скучно было проводить время въ мучительномъ ожиданіи, не долго думая, разставили ломберные столы и привалились за прежнія свои веселія игры и дружескія занятія. Начались опять разныя шутки и издѣвки, смѣхи и хохотанья, и гулъ отъ того раздавался по всѣмъ комнатамъ. Посреди самыхъ сихъ дружескихъ забавъ, и какъ теперь помню, въ самое то время, когда мы, играя съ предводителями, городничимъ и Пушкинымъ въ реверсисъ до слезъ почти хохотали надъ ежеминутнымъ забываніемъ нужныхъ въ сей игрѣ предосторожностей нашимъ престоупленнымъ предводителемъ, которому за проступки сіи то и дѣло доводилось ставить беты и платить положенные штрафы, перетревожены мы были впряхъ вбѣжавшимъ къ намъ вѣстовымъ съ увѣдомленіемъ, что губернаторъ ѣдетъ, и въѣзжаетъ уже въ городъ. Боже мой! какая сдѣлалась тогда у насъ всеобщая сумятица и тревога! Городничій, безъ памяти вскочивъ, бросилъ карты и все, побѣжалъ безъ души садиться скорѣе въ стоящія передъ крыльцомъ въ готовности свои сани и поскакалъ для встрѣтенія губернатора. Мы всѣ также повскакали съ своихъ мѣсть, побросали карты и кричали слугамъ, чтобы скорѣе прибрали столы и устанавливали все къ мѣсту и освѣщали залъ и лакейскую и для скорѣйшаго приведенія всего въ порядокъ помогали имъ въ томъ и сами. Другіе бросились отыскивать свои шапки и шляпы, и всѣ вообще стали оправляться и хорориться, готовясь для встрѣчи губернатора, которой всѣмъ намъ былъ еще незнакомъ и натурально, какъ начальникъ губерніи, особеннаго уваженія, а особливо тогда, былъ достоинъ.

Но что-жъ воспослѣдовало? проходить

нѣсколько минутъ—губернатора нашего нѣтъ; проходить еще столько-жь,—о губернаторѣ нѣтъ ни слуху, ни послушанія. Проходить еще съ четверть часа—ни губернаторъ и ни городничій не показываются. «Что за диковника! думаемъ и говоримъ мы между собою: развѣ еще не доѣхалъ или зачѣмъ-нибудь остановился?» Но вдругъ наконецъ зашумѣли вдали сани.—«Губернаторъ! губернаторъ!» закричали мы и бросились всѣ въ лакейскую, чтобы итти въстрѣчать его на большое мое каменное крыльцо. Но едва только хотѣли растворять въ сѣни двери, какъ на встрѣчу къ намъ городничій въ своей шубѣ и шляпѣ, весь съ головы до ногъ занесенный ключьями снѣга и власно какъ напудренной, и очень отъ стужи покраснѣвшій. «Что, братецъ? закричали мы всѣ въ одинъ голосъ: гдѣ губернаторъ?»—«Какой вамъ губернаторъ! смѣючись отвѣчалъ онъ намъ: ежели хотите такъ же одурачиться, какъ я, такъ садитесь въ мои сани и выѣзжайте на улицу». Удивилъ онъ насъ симъ своимъ привѣтствіемъ; а онъ, увидя нетерпѣливость нашу узнать дальнѣйшее, разрѣшилъ сію загадку, говоря намъ, раздвываясь, слѣдующее: «Возможно-ли, что случись теперь со мною! Посмѣйтесь, государи мои, моей глупости. Отъ роду не случилось со мною еще такого случая. Вѣдь дуракъ-то мой вѣстовой всѣхъ насъ обманулъ и по пустому перетревожилъ, а меня только въ прахъ изнобилъ, измочилъ и въ сущіе дураки поставилъ. Покажись этому глупцу и существу фалалею, что ѣдетъ возокъ губернаторской! Но правду сказать, его нѣсколько и извинить можно: въ такую вьюгу и густую мятель, какая теперь на дворѣ, не мудрено хотъ кому ошибиться. На сажень почти ничего впередъ явственно не видно. Я и самъ хорошоопько обманулся. Но стойте! я расскажу вамъ все дѣло по порядку. Подхватя его къ себѣ въ сани, ну я скакать вдоль по слободѣ, и въ помышленіяхъ, какъ мнѣ встрѣтитъ губернатора и что говорить, выѣзжаю совсѣмъ изъ города. Но какъ губернатора не было и въ появѣ, то спрашиваю

я этого фалалея, гдѣ-же губернаторъ?—«Вонъ тамъ, вонъ тамъ впереди, говоритъ онъ мнѣ: я его ѣдущаго въ возкѣ видѣлъ».—Но подлинно-ли ты его видѣлъ? спросилъ я.—«Какъ же, судырь, подлинно; и давеча было свѣтлѣе, и теперь только понесла такая густая мятель».—Но гдѣ-жь онъ, говорю я, остановившись?—«Богъ его знаетъ! развѣ зачѣмъ-нибудь остановился; а видѣть я его подлинно, хотъ издали, а видѣлъ».—Хорошо, братъ; такъ постоямъ-же здѣсь на мѣстѣ и подождемъ. И по выходѣ изъ саней и стали мы устремлять свои взоры съвозъ несомой вѣтромъ прямо намъ въ глаза прегустѣйшей снѣгъ. Но какъ долго стремленія его выдержать никакъ было не можно, то, завернувъ лицо свое отъ снѣга въ шубу, говорю я ему: «Ну, смотри-жь пристальнѣй и не прозѣвай, братъ, и скажи мнѣ, какъ скоро увидишь?» Не успѣлъ я симъ образомъ, заставши лицо свое въ шубу, минути двѣтри простоять, какъ закричалъ мой вѣстовой: «ѣдетъ, ѣдетъ! судырь! и вотъ возокъ его уже почти передъ нами». Я глядѣ, и вижу дѣйствительно вблизи уже нѣчто ѣдущее черное и большое, и обробѣвъ какъ баба, безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія, ровъ съ себя скорѣй шубу, и какъ въ самый тотъ мигъ то черное и большое поровнялось съ нами, то второпяхъ сочти это дѣйствительно возкомъ губернаторскимъ, безъ дальняго отглядыванія и разсматриванія хватъ я съ себя шляпу и отвѣсилъ ему пренизкой поклонъ. Но вообразите себѣ, государи мои, чтд было тогда со мною, какъ вдругъ, приподнявшись и подошедъ ближе, вмѣсто возка и губернатора увидѣлъ передъ собою... чтд-бъ вы думали?... большой возъ сѣна. «Тьфу! какая пропасть!... махнувши обѣими руками, закричалъ захохотавши я, гдѣ былъ у меня умъ и разумъ, и возможно-ли быть такъ слѣпу и такъ глупо обманутся!...»

Не успѣли мы сего услышать, какъ всѣ вдругъ захохотали, и хохотали даже до слезъ сему смѣшному происшествію. Городничій самъ, нимало за то не сердясь, хохоталъ вмѣстѣ съ нами и только-что повторялъ: «что, братцы! былъ истинно

такой грѣхъ со мною, и надобно было на ту бѣду итти такому густому снѣгу, что и не можно было ничего и въ самой близи разсмотрѣть явственно. Но правду сказать, какъ бы не разсмотрѣть, если бы были осторожнѣе и не такъ обоихъ насъ объяла торопливость. Уже мы съ вѣстовымъ хотали, хотали сей общей нашей съ нимъ ошибкѣ».

Насмѣявшись и нахотавшись до смѣху сему смѣшному случаю, сказали мы наконецъ: «Что-жь, братцы, не опять-ли намъ приниматься за прежнее свое дѣло?...»—Чего долго думать! закричали всѣ. Итакъ, давай опять становить столы, отыскивать карты и продолжать прежнія свои игры въ оныя; но не проходило и десяти минутъ, чтобъ не воспоминалось намъ опять помянутое произшествіе и мы опять, засмѣявшись, начинали у городничаго спрашивать: «Какъ-же, братецъ, Антонъ Нивитичъ, ты возу-та сѣна кланялся?»—«Что, братцы! грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! говорилъ онъ: лошадь и о четырехъ ногахъ, и та вспотыкается, а мнѣ, старыку, немудрено было съ заслѣпленными снѣгомъ глазами обмануться. Мнѣ пуще всего жаль своего мундира,— всего его измочилъ...»

Богѣ часа проводили мы еще послѣ сего въ играхъ своихъ, смѣхахъ и хотаньяхъ, но губернатора нашего, котораго велѣніи смотрѣть уже не одному, а тремъ, и смотрѣть прилежнѣе, не было еще и въ поляхъ. Уже настало время ужинать, уже намъ и ѣсть всѣмъ захотѣлось, но его все еще не было. Итакъ, нехотя мучить домашнихъ своихъ, велѣлъ я накрыть столъ и подавать ѣсть, и ну-ка мы скорѣе и безъ дальнихъ чиновъ и кое-какъ ужинать, дабы опростать опять залу. Собрали наконецъ и со стола, и все мое семейство полеглось уже спать, но мы расположились все еще ждать; но какъ и опять прошло нѣсколько часовъ и время перешло уже далеко за полночь, а губернатора все еще не было, то заключая, что конечно онъ и въ этотъ вечеръ къ намъ, и можетъ быть за вьюгою и мятежью, не будетъ, рѣшились всѣ на-

онецъ разѣхаться по домамъ и оставили меня одного дома.

Но что-жь воспослѣдовало? Не успѣлъ я, раздѣвшись излегка, лечь въ кабинетѣ своемъ спать и всѣ поугомониться, какъ прибѣгаетъ безъ души вѣстовой и разбуждаетъ насъ крикомъ, что губернаторъ ѣдетъ, а вслѣдъ за нимъ шумѣла и повозка его дѣйствительно подъ окномъ у меня въ воротахъ. Я радъ тогда былъ, что не совсѣмъ раздѣлся и что не погасили совсѣмъ огня. Итакъ, вмигъ вздернувъ на себя кафтанъ, успѣлъ я еще губернатора встрѣтить въ сѣнахъ и провезъ его въ свою назначенную для него гостинную комнату.

Какъ губернаторъ обошелся со мною совсѣмъ не гордо, а очень ласково и просто, то просилъ я его извинить насъ всѣхъ, что мы его не встрѣтили всѣ по должности, сказывая ему, что мы къ тому были готовы и уже трое сутокъ его съ часу на часъ въ собраніи здѣсь ожидали, и что всѣ господа судьи съ городничимъ и всю сію ночь пробыли здѣсь и за нѣсколько только минутъ отъ меня поѣхали. И какъ онъ охотно ихъ въ томъ извинялъ, а извинялся еще и самъ, что онъ поупоздалъ своимъ выѣздомъ и что его много и мятежъ задержала, то спрашивалъ я его, прикажетъ ли онъ изготовить вечерній столъ?—«Ахъ нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! сказалъ онъ, пожалуй, не беспокойся! Я никогда не ужинаю, а чашку-бы чаю охотно теперь выпилъ».

Сей тотчасъ у меня и послѣлъ, ибо чайникъ съ водою и не сходилъ съ огня; а между тѣмъ, покуда его готовили и подавали и покуда разбуженный также городничій одѣвался, убирался и къ намъ безъ души приѣхалъ, и губернаторъ, стоячи у печки, отогрѣвался, имѣлъ я случай съ полчаса времени одинъ наединѣ съ нимъ бесѣдовать; и эти полчаса не только насъ другъ съ другомъ познакомили, но даже и сдружили такъ, что онъ по смерти свою былъ ко мнѣ не только очень добръ, но и откровенно любилъ меня, а и я его почиталъ и любилъ искренно. Я вѣшалъ въ немъ человека умнаго, ученаго,

свѣдущаго и охотника до наукъ и художествъ, а притомъ весьма любопытнаго, и самого добраго негорделиваго и ласковаго характера; а какъ онъ и во мнѣ, противъ всякаго чаянiя своего, нашель челоуѣка почти такого-жъ и во многихъ вещахъ съ нимъ единообразнаго, то не успѣли мы съ нимъ начать говорить, какъ слово за слово и вошли въ такіе разговоры, что намъ обомъ и перестать почти не хотѣлось, и мы готовы бы были проговорить всю ночь, если-бъ не помѣшалъ намъ прискакавшій безъ души г. городничій, котораго о добромъ характерѣ, равно какъ о добротѣ и прочихъ судей, я уже успѣлъ губернатору съ похвалою рассказать; а потому губернаторъ, будучи уже хорошаго объ нихъ мнѣнiя, не только не взмскивалъ съ него того, что онъ его не встрѣтилъ, но желая лучше съ однимъ со мною еще нѣсколько поговорить, тотчасъ его отъ себя отпустилъ, говоря, чтобъ онъ ѣхалъ съ покоемъ себѣ отдыхать, да и прочихъ никого бы не тревожилъ, а явились бы они къ нему поутру. Итакъ, оставшись со мною опять, и покуда внесли и совсѣмъ приготовили для его кровать, проговорилъ онъ со мною еще съ добрую четверть часа и все о вещахъ учѣнныхъ и любопытныхъ; а наконецъ отпустилъ онъ меня досыпать остальную часть ночи и самъ уединился.

Наутрѣ собрались всѣ наши судьи и чиновники ко мнѣ, прежде нежели онъ всталъ и одѣлся и удивились, что приняты были отъ губернатора не только ласково, но съ отъѣнною благосклонностью, а особливо тѣ, которые были того, по предваренiю моему, достойнѣе прочихъ. Они тотчасъ сіе заприѣтили, и догадываясь, отчего то происходило, невѣдомо какъ меня за то благодарили. Со мною же при всѣхъ обходился онъ не какъ съ подчиненнымъ, а какъ съ давнишнимъ своимъ знакомцемъ и пріятелемъ, просто, дружески и откровенно, а сіе заставило господъ судей еще болѣе меня уважать.

Мы провели все утро съ нимъ въ разныхъ любопытныхъ разговорахъ, и онъ не столько говорилъ съ судьями, какъ со

мною, и я его пріятнѣйшимъ для него образомъ занялъ показыванiемъ ему всего того, что у меня было зрѣнiя и любопытства достойнаго. Когда-же все къ открытію присутственныхъ мѣстъ было приготовлено, то пошли мы съ нимъ открывать оныя по обыкновеннымъ обрядамъ, и день сей былъ для Богородицка прямо торжественной и на вѣкъ достопамятной. Случилось сіе въ 14-й день генваря мѣсяца и производилось дѣйствіе сіе при стеченiи множества народа и всѣхъ лучшихъ жителей сего мѣста.

По окончанiи сего торжественнаго дѣйствiя, губернаторъ, будучи особеннымъ охотникомъ до строенiя, осматривалъ во флигелѣ и всѣ прочiя комнаты; и какъ ихъ, за помѣщенiемъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, оставалось еще очень много излишнихъ, то и дозволилъ онъ ихъ занять судьямъ для своего пребыванiя и жительства, а особливо тѣмъ, которые были семейнистѣ, и распросивъ о семействахъ ихъ, далъ охотно позволеніе имъ для привоза семействъ своихъ, на нѣсколько дней, хотя не всѣмъ вдругъ, отлучиться, и изъявлялъ удовольствіе свое о томъ, что они имѣтъ тутъ будутъ квартиры спокойныя и что жить имъ тутъ будетъ не скучно, а особливо, промовилъ онъ, обратясь ко мнѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ и въ сотовариществѣ съ такимъ любезнымъ челоуѣкомъ, хозяиномъ сего селенiя. Я не преминулъ отвѣсить ему за сей пріятной для меня комплиментъ пренизкой поклонъ, и повелъ его потомъ показывать главной корпусъ дворца, а потомъ въ нашу церковь, гдѣ съ отъѣннымъ удовольствiемъ любовался онъ живописью г. Некрасова и увѣщевалъ его, чтобъ онъ былъ при такихъ дарованiяхъ воздержнѣе отъ его слабости. А изъ церкви пригласилъ я всѣхъ къ себѣ въ приготовленному уже обѣду, которой, натурально, постарался я koliko можно сдѣлать лучшимъ. И губернаторъ нашъ всѣмъ тѣмъ, а особливо простымъ и откровеннымъ моимъ обхожденiемъ, былъ очень доволенъ, и ему угощеніе мое и пребываніе у насъ такъ полюбилось, что

онъ съ особливою охотою на приглашеніе мое согласился остаться у насъ на весь тотъ день и вечеръ, и отъѣздъ свой въ Елифанъ отложить до утра. Итакъ, мы и достальное время сего дня и весь вечеръ провели съ нимъ и съ лучшими изъ господъ судей вмѣстѣ и въ дружескомъ почти обхожденіи пріятно и очень весело. А все сіе спознакомило и сдружило меня съ нимъ еще больше и онъ поѣхалъ отъ насъ уже на другой день очень рано, разблагодаривъ меня вирахъ за мое угощеніе.

Проводивъ сего знаменитаго гостя и скнивъ сію обузу съ рукъ, отдыхали мы весь тотъ день всё по своимъ квартирамъ, ибо надобно признаться, что все вышеупомянутое насъ всёхъ и обезпокоило нѣсколько, и хлопотъ и суеты было при семъ случаѣ довольно, и по словищѣ говоря, полонъ ротъ.

Но успѣли мы дней трехъ нѣсколько отдохнуть и въ сіе время всё излишнее изъ приѣзжихъ господъ поразѣхаться, какъ явился новой случай ко всеобщему торжеству и празднованію. Получено было извѣстіе о рожденіи нынѣ благополучно царствующаго государя императора, а тогда великаго князя Александра Павловича и велѣно было велѣть торжествовать сей день и молебствовать о семъ радостномъ происшествіи. Какъ предписаніе о семъ отъ начальства было уже не мѣтъ, а городничему и относилось сіе уже до существующаго новаго города Богородицка, то надлежало все торжество сіе производить городничему. Онъ сіе и исполнилъ по силѣ своей и возможности, и по окончаніи молебнаго пѣнія пригласилъ всёхъ судей и насъ къ себѣ на обѣдъ, и это было еще въ первой разѣ, что онъ угощалъ насъ всёхъ у себя обѣдннми и вечерннми столомъ и бывшемъ у него вечерникомъ. Городъ же, или наче, все село наше было въ сей вечеръ иллюминировано, и не только велѣтъ въ домахъ и на окнахъ горѣли свѣчи, но и на улицахъ въ безопасныхъ мѣстахъ разставлены и зажжены были снѣжныя бочки. А какъ у меня къ сему времени постѣлъ

вновь мною выдуманной иллюминаціонной ящикъ съ раскрашенными разными колерами слюдами, то для придачіи сему торжеству болѣе блеска велѣтъ я его принести, и зажегши въ немъ свѣчи, поставить предъ квартирою городничаго, и чрезъ-то подаль поводъ ко стеченію всёхъ почти жителей для смотрѣнія сего невиданнаго еще никогда ими зрѣлища. и мы всё провели сей вечеръ также въ разныхъ играхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ.

Пропсходило сіе 18-го генваря, а въ послѣдующій за симъ день ѣздили всё мопъ семьянники къ Верещагннмъ въ Бобрини и тамъ ночевали, а я, по случившимся недосугамъ, съ дѣтьми оставался дома и принужденъ былъ угощать приѣхавшую къ намъ госпожу Абаринову. Арину Васильеву.

По возвращеніи ихъ назадъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ въ Москву и въ сей предпринимаемой путь вмѣстѣ съ женою готовиться. Къ пріятію сему побуждали меня разными причинами. Во-первыхъ, хотѣлось намъ съ женою и для собственныхъ нашихъ надобностей побывать сею зимою въ Москвѣ; а во-вторыхъ, необходимо надобно было повидаться съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и поелку ему въ сіе дѣло не случилось приѣзжать къ намъ въ волость по обыкновенію, то навестъ ему обо всемъ въ теченіе сего года въ ней происходившемъ и обо всемъ томъ, что мною въ нихъ сдѣлано. Сверхъ того необходимо нужно было мнѣ быть тамъ, при сдѣлкѣ его съ наѣстникомъ, въ узасужденіи общна деревнями.

Итакъ, я всё послѣдующіе дни проводилъ въ сборахъ и окончаніи всёхъ пріготовляемыхъ бумагъ для предложе- нія князю. Наиважнѣйшими изъ сихъ были прежде упомянутые планы, относящіеся до предпринимаемаго общна земель и деревнями. Но сего было еще недоставало; но я рѣшилъ, что у князя не было и маленькаго всёхъ нашихъ волостнхъ плана, а были только у насъ большіе межевыя, которые по величинѣ и

огромности своей не имѣли ни малѣйшей удобности къ разсматриванію оныхъ, то желая старнику-князю сдѣлать особенную услугу, взялъ я на себя трудъ поползать многіе дни сразу по всему большому плану Богородицкой волости и составить изъ ней и Бобринской совокупно одну малепькую географическую, или паче, топографическую карту, съ показаніемъ на ней и положенія самыхъ тѣхъ монастырскихъ селъ и деревень, кои присланы и назначены мною для обмѣна. И хотя дѣло сіе сопряжено было со многими трудами и неудобностями, а особливо при бывшихъ предъ симъ недосугахъ и отвлеченій разныхъ, по случаю которыхъ принужденъ я былъ выгадывать уже для себя одни только утренніе часы и заниматься въ оныя симъ дѣломъ, ибо въ прочее время, за разъѣздами и свиданіями съ судьями, и помышлять о томъ было некогда. Однако, при помощи обыкновенной своей дѣятельности успѣлъ я совершить и сіе великое дѣло, и къ отъѣзду своему сію малепькую, но весьма важную и нужную карточку кончить и приготовить, а сверхъ того, сочинить еще особаго рода и прелюбопытную вѣдомость о родившихся и умершихъ въ теченіе минувшаго года въ волостяхъ, которая также стоила мнѣ многихъ трудовъ. Наконецъ, вѣдая давнишнее желаніе князя имѣть и обстоятельное описаніе всѣмъ нашимъ волостямъ, то будучи тогда уже въ состояніи сіе его желаніе выполнить и начавъ оное сочинять уже за нѣсколько до сего времени, старался въ сіи дни и сіе обширное и также мнѣ много трудовъ стоющее описаніе кончить и къ отъѣзду своему переписать набѣло. Словомъ, всѣ дни сіи преисполнены были множествомъ дѣлъ. Однако, несмотря на то, продолжали ми и въ сіи дни свиданія съ тѣми изъ судей нашихъ, которые въ деревни свои еще не отъѣхали, и не одинъ разъ также препровождали вечера вмѣстѣ, при каковыхъ случаяхъ не отпуская я ихъ никогда отъ себя безъ ужина, а иногда приглашалъ ихъ также къ себѣ и обѣдать.

Наконецъ, окончивъ всѣ свои дѣла и собравшись въ путь, поручилъ я правленіе волости безъ себя старшему изъ канцелярскихъ своихъ, Варсобиному, ибо бобринковскаго управителя, господина Верещагина, на сей разъ не случилось на лицо, а онъ находился въ отпуску и былъ въ сіе время въ Петербургѣ, съ сыномъ княжимъ, князь Сергіемъ Сергѣевичемъ, къ которому какъ-то образомъ нашелъ онъ случай подбится въ любовь и довѣренность особую. А учинивъ сіе и оставивъ тещу свою съ дѣтьми въ Богородицѣ, и отпавились ми съ женою въ Москву.

О семъ путешествіи нашемъ и о томъ, что происходило съ нами въ Москвѣ, узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а теперешнее, какъ достигнувшее до своихъ предѣловъ, дозволюте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 6-го дня 1809 года).

ЪЗДА ВЪ МОСКВУ И ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ.

Письмо 194-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, собравшись совсѣмъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца генваря, отпавились ми съ женою въ Москву, съ намѣреніемъ провести тамъ и масленицу. Жену мою наиболѣе побуждало ѣхать туда со мною то, что въ Москвѣ находились въ сіе время племянницы мои, госпожи Травины, и чрезъ письма подзывали насъ туда, чтобъ вмѣстѣ съ ними тамъ недѣли двѣ-три пожить, съ ними совокупно всюду и всюду поѣздить и взять въ московскихъ зимнихъ увеселеніяхъ соучастіе; а какъ и по самой моей должности требовали обстоятельности необходимаго свиданія съ старникомъ-княземъ, моимъ командиромъ, то случилось сіе и кстаті.

О путешествіи своемъ скажу только то, что во время онаго не случилось съ нами ничего особеннаго. Мы заѣзжали на са-

онъ съ особливою охотою на приглашеніе мое согласился остаться у насъ на весь тотъ день и вечеръ, и отъѣздъ свой въ Елифанъ отложить до утра. Итакъ, мы и достальное время сего дня и весь вечеръ провели съ нимъ и съ лучшими изъ господъ судей вмѣстѣ и въ дружескомъ почти обхожденіи пріятно и очень весело. А все сіе спознакомило и сдружило меня съ нимъ еще больше и онъ поѣхалъ отъ насъ уже на другой день очень рано, разблагодаривъ меня впрахъ за мое угощеніе.

Проводивъ сего знаменитаго гостя и сживъ сію обузу съ рукъ, отдыхали мы весь тотъ день всѣ по своимъ квартирамъ, ибо надобно признаться, что все вышеупомянутое насъ всѣхъ и обезпонило нѣсколько, и хлопотъ и суеты было при семъ случаѣ довольно, и по слововицѣ говоря, полонъ ротъ.

Не успѣли мы дней трехъ нѣсколько поотдохнуть и въ сіе время всѣ излишніе изъ пріѣзжихъ господъ поразѣхаться, какъ явился новой случай ко всеобщему торжеству и празднованію. Получено было извѣстіе о рожденіи нынѣ благополучно царствующаго государя императора, а тогда великаго князя Александра Павловича и велѣно было вездѣ торжествовать сей день и молебствовать о семъ радостномъ произшествіи. Какъ предписаніе о семъ отъ начальства было уже не мнѣ, а городничему и относилось сіе уже до существующаго новаго города Богородицка, то надлежало все торжество сіе производить городничему. Онъ сіе и исполнилъ по силѣ своей и возможности, и по окончаніи молебнаго пѣнія пригласилъ всѣхъ судей и насъ къ себѣ на обѣдъ, и это было еще въ первой разъ, что онъ угощалъ насъ всѣхъ у себя обѣденнымъ и вечернимъ столомъ и бывшею у него вечеринкою. Городъ же, или паче, все сего наше было въ сей вечеръ иллюминировано, и не только вездѣ въ домахъ и на окнахъ горѣли свѣчи, но и на улицахъ въ безопасныхъ мѣстахъ разставлены и зажжены были смоляныя бочки. А какъ у меня къ сему времени поспѣлъ

вновь мною выдуманной иллюминаціонной ящикъ съ раскрашенными разными колерами свѣдами, то для придачіи сему торжеству болѣе блеска велѣлъ я его принести, и зажегши въ немъ свѣчи, поставить предъ квартирою городничаго, и чрезъ-то подалъ поводъ ко стеченію всѣхъ почти жителей для смотрѣнія сего невиданнаго еще никогда ими зрѣлища. и мы всѣ провели сей вечеръ также въ разныхъ играхъ и съ особеннымъ удовольствіемъ.

Пронсходило сіе 18-го генваря, а въ послѣдующій за симъ день ѣздили всѣ мои семьяники къ Березатиннымъ въ Бобрини и тамъ ночевали, а я, по случившимся недосугамъ, съ дѣтьми оставался дома и принужденъ былъ угощать пріѣхавшую къ намъ госпожу Абариннову, Арину Васильевну.

По возвращеніи ихъ назадъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ въ Москву и въ сей предприняемой путь вмѣстѣ съ женою готовиться. Къ предпріятію сему побуждали меня разныя причины. Во-первыхъ, хотѣлось намъ съ женою и для собственныхъ нашихъ надобностей побывать сею зимою въ Москвѣ; а во-вторыхъ, необходимо надобно было повидаться съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, и поелику ему въ сіе лѣто не случилось пріѣзжать къ намъ въ волость по обыкновенію, то донести ему обо всемъ въ теченіе сего года въ ней происходившемъ и обо всемъ томъ, что мною въ нихъ сдѣлано. Сверхъ того необходимо нужно было мнѣ быть тамъ, при сдѣлкѣ его съ намѣстникомъ, въ разсужденіи обмѣна деревнями.

Итакъ, я всѣ послѣдующіе дни препроводилъ въ сборахъ и окончаніи всѣхъ пріуготовляемыхъ бумагъ для предложенія князю. Наважнѣйшими изъ сихъ были прежде упомянутыя планы, относящіеся до предприняемаго обмѣна землями и деревнями. Но сего было еще недовольно; но я, вѣдая, что у князя не было и маленькаго вѣтъмъ нашимъ волостямъ плана, а были только у насъ большіе межевые, которые по величинѣ и

огромности своей не имѣли ни малѣйшей удобности къ разсматриванію оныхъ, то желая старику-князю сдѣлать особенную услугу, взялъ я на себя трудъ поползать многіе дни сряду по всему большому плаву Богородицкой волости и составить изъ ней и Бобриковской совокупно одну маленькую географическую, или паче, топографическую карту, съ показаніемъ на ней и положенія самыхъ тѣхъ монастырскихъ сель и деревень, кои присланы и назначены мною для обмѣна. И хотя дѣло сіе сопряжено было со многими трудами и неудобностями, а особливо при бывшихъ предъ симъ недосугахъ и отвлеченій разныхъ, по случаю которыхъ принужденъ я былъ выгадывать уже для себя одни только утренніе часы и заниматься въ оныя симъ дѣломъ, ибо въ прочее время, за разѣздами и свиданіями съ судьями, и помышлять о томъ было некогда. Однако, при помощи обыкновенной своей дѣятельности успѣлъ я совершить и сіе великое дѣло, и къ отъезду своему сію маленькую, но весьма важную и нужную карточку копчить и приготовить, а сверхъ того, сочинить еще особаго рода и прелюбопытную вѣдомость о родившихся и умершихъ въ теченіе минувшаго года въ волостяхъ, которая также стоила мнѣ многихъ трудовъ. Наконецъ, вѣдая давнишнее желаніе князя имѣть и обстоятельное описаніе всѣмъ нашимъ волостямъ, то будучи тогда уже въ состояніи сіе его желаніе выполнить и начавъ оное сочинять уже за нѣскольکو до сего времени, старался въ сіи дни и сіе обширное и также мнѣ много трудовъ стоющее описаніе кончить и къ отъезду своему переписать набѣло. Словомъ, всѣ дни сіи преисполнены были множествомъ дѣлъ. Однако, несмотря на то, продолжали мы и въ сіи дни свиданія съ тѣми изъ судей нашихъ, которые въ деревни свои еще не отѣхали, и не одинъ разъ также препровождали вечера вмѣстѣ, при каковыхъ случаяхъ не отпуская я ихъ никогда отъ себя безъ ужина, а иногда приглашалъ ихъ также къ себѣ и обѣдать.

Наконецъ, окончивъ всѣ свои дѣла и собравшись въ путь, поручилъ я правленіе волости безъ себя старшему изъ канцелярскихъ своихъ, Варсобию, ибо бобриковского управителя, господина Верещагина, на сей разъ не случилось на лицо, а онъ находился въ отпуску и былъ въ сіе время въ Петербургѣ, съ сыномъ княжимъ, князь Сергіемъ Сергѣевичемъ, къ которому какимъ-то образомъ нашелъ онъ случай подбиться въ любовь и довѣренность особую. А учинивъ сіе и оставивъ тещу свою съ дѣтьми въ Богородицкѣ, и отправившись мы съ женою въ Москву.

О семъ путешествіи нашемъ и о томъ, что происходило съ нами въ Москвѣ, узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а теперешнее, какъ достигнувшее до своихъ предѣловъ, дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и прочее.

(Ноября 6-го дня 1809 года).

ЪЗДА ВЪ МОСКВУ И ПРЕБЫВАНІЕ ТАМЪ.

Письмо 194-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, собравшись совсѣмъ въ послѣднихъ числахъ мѣсяца генваря, отправились мы съ женою въ Москву, съ намѣреніемъ провести тамъ и масляницу. Жену мою наиболѣе побуждало ѣхать туда со мною то, что въ Москвѣ находились въ сіе время племянницы мои, госпожи Травины, и чрезъ письма подзывали насъ туда, чтобъ вмѣстѣ съ ними тамъ недѣли двѣ-три пожить, съ ними совокупно всюду и всюду поѣздить и ~~взять~~ въ московскихъ зимнихъ увеселеніяхъ соучастіе; а какъ и по самой Москѣ ~~дальности~~ требовали обстоятельственнаго свиданія съ старикомъ-княземъ, моимъ командиромъ, то ~~слушавъ~~ сіе и встать.

О путешествіи своемъ ~~скажу~~ только то, что во время онаго не случилось съ нами ничего особеннаго. ~~Мы обѣдали на~~

мое короткое время въ свою деревню и только-что переночевали, а въ Серпуховѣ кормили насъ въ сей разъ лошадей и обѣдали въ домѣ знакомаго своего, купца Семена Григорьевича Квасникова. Въ Москву прѣехали поутру и остановились сперва на короткое время у Серпуховскихъ воротъ, гдѣ московскіе воры вытащили у меня изъ возка и украли книгу, Дергамову физико-теологию, которую и помнѣ еще сожалѣю. Потомъ перѣехали и расположились—было стоять на Пятницкой, въ одномъ пріятельскомъ домѣ. Но племянницы мои не успѣли узнать о нашемъ въ Москву прѣздѣ, какъ прѣехали къ намъ, уговорили насъ, чтобъ перѣхать къ нимъ и чтобы жить вмѣстѣ съ ними въ нанятомъ и довольно просторномъ домѣ, на что мы охотно и согласились и въ тотъ же еще вечеръ переехали къ нимъ на Прѣсную, гдѣ сей домъ находился и былъ для всѣхъ насъ довольно помѣстителенъ.

Не успѣли мы разобратъся и сколько-нибудь отъ путевыхъ трудовъ отдохнуть, какъ оставивъ жену свою заниматься своими дѣлами съ родственницами и тогдашними хозяйками нашими и разбѣзжаться, куда имъ было надобно, спѣшилъ самъ по должности своей видѣться съ своимъ командиромъ. Князь былъ прѣзду моему очень радъ, принялъ меня очень мило, ласково и хорошо, и увидѣвъ все мною сдѣланное, былъ всѣми трудами и стараніями моими чрезвычайно доволенъ, а особливо моими планами, рисунками, чертежами и описаніями, и приказавъ мнѣ какъ можно чаще къ себѣ прѣзжать, поручилъ мнѣ отыскать домъ нашего намѣстника и побывать у него съ предложеніемъ о начатіи нашего съ нимъ общаго по деревнямъ дѣла. Сіе я и непреминулъ учинить. Намѣстникъ жилъ тогда въ своемъ домѣ на Остоженкѣ, и я, отыскавъ оной случайнымъ образомъ, пробрался къ нему съ задняго крыльца прямо въ кабинетъ, и будучи принятъ и отъ него очень благосклонно, приступилъ тотчасъ къ переговорамъ съ нимъ о промѣнѣ деревень, и тотчасъ у насъ съ нимъ

и началось сіе важное дѣло, продолжавшееся болѣе трехъ недѣль и кончившееся уже предъ самыми мной изъ Москвы отбѣдами. Нѣсколько разъ принужденъ я былъ перѣзжать то отъ князя къ нему, и говорить съ нимъ и г. Венедѣвымъ, бывшимъ тогда еще секретаремъ у него и всѣми его дѣлами управлявшимъ и со мною при семъ случаѣ въ первой еще разъ вскользь познакомившимся, и отъ намѣстника къ князю съ предложеніями разными; а чрезъ нѣсколько дней, чрезъ посредство мое, имѣли они и личное другъ съ другомъ свиданіе и изустные переговоры. Намѣстникъ, каковъ ни былъ пышетъ и въ тогданнее уже время, однако облегчился и прѣзжалъ для конференціи сей самъ къ старшему моему князю, при которомъ случаѣ имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть обоихъ ихъ, меня другъ другу рекомендующихъ и взаимно превозносящихъ меня похвалами, что все еще болѣе увеличило въ намѣстникѣ доброе обо мнѣ мнѣніе и доставило мнѣ множайшую ко мнѣ благосклонность, которая мнѣ современемъ очень пригодилась встать, какъ о томъ въ свое время упомянется.

Между тѣмъ какъ продолжалось у насъ съ нимъ сіе дѣло, имѣлъ я довольно досужнаго времени къ свиданію и со всѣми моими бывшими тогда въ Москвѣ друзьями, родственниками и знакомцами, и разбѣзжаться къ нимъ когда одинъ, когда съ своею женою. Дома господъ Афросимова, Павлова, Хитрова, госпожи Арсеневой и нѣкоторыхъ другихъ были не одинъ разъ нами посѣщаемы, вездѣ принимали насъ съ удовольствіемъ и угощали всячески. Кромѣ того, при случаѣ быванія у намѣстника спознакомился я вновь со многими нашими тульскими дворянами, какъ-то: съ г. Игнатьевымъ, Соколовымъ, Хомяковымъ и нѣкоторыми другими, и съ нѣкоторыми изъ нихъ основать дружество. Племянницы мои, имѣвшія также многихъ у себя знакомыхъ, познакомили и насъ съ ними, изъ которыхъ въ особенности значителенъ былъ домъ господъ Калмычовыхъ. И какъ у

всѣхъ ихъ бывали мы нерѣдко, а временъ приѣзжали и они къ намъ; изъ публичныхъ же увеселеній, какъ-то театровъ и маскарардовъ, не пропускали мы почти ни одного, а особливо въ продолженіе масляницы, то могу сказать, что находясь почти въ вихрѣ разѣздовъ и посѣщеній, и не видали какъ прошло трехнедѣльное наше въ сей разъ пребываніе въ Москвѣ, и время сіе было для насъ очень весело и пріятно.

Но ни съ кѣмъ свиданій мои не были такъ часты и интересны, какъ съ господами Салтыковыми, жившими тогда съ княгинею своею, Бѣлосельскою, въ большомъ ея и огромномъ каменномъ домѣ. Не одинъ, а много разъ бывалъ я у нихъ и провождалъ по нѣскольکو часовъ времени въ пріятныхъ съ ними разговорахъ, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, въ дружескихъ и ученыхъ собесѣдованіяхъ. Сей человекъ, питая въ сердцѣ своемъ непрерывно и до самой даже равновременной кончины своей величественное и истинное ко мнѣ дружество, подарилъ меня тогда, между прочимъ, для частѣйшаго напоминанія о себѣ, хотя сущею бездѣлкою и особаго устроенія жестяною лаковою чернильницею, но которая такъ мнѣ была мила, что я во всю послѣдующую жизнь мою обмочалъ перо мое въ ней и которая и понынѣ еще, хотя уже изветшавая, но стоитъ передо мною на моемъ пулпетѣ и мнѣ ежедневно сего милаго и любезнаго человека и его ко мнѣ дружбу напоминаетъ, хотя въ тридцатилѣтній періодъ времени и гораздо уже состарѣлась.

Кромѣ сего достопамятно было мнѣ, что при сихъ моихъ съ господами Салтыковыми (свиданіяхъ) вздумалось-было имъ изъ любви своей ко мнѣ предлагать мнѣ о перемѣнѣ своего мѣста и о пріятіи надъ деревнями княгини Бѣлосельской управительской должности съ большимъ жалованьемъ. Но я не далъ имъ о томъ болѣе одного раза и заняться, ибо тогдашнимъ мѣстомъ своимъ и всѣми обстоятельствами своими былъ я такъ доволенъ, что было-бы самою глупостію,

если-бъ восхотѣлъ я о самопроизвольномъ оставленіи онаго и подумать, умалчивая о томъ, что предлагаемое управительство казалось и слишкомъ для меня унижительно и безчестно.

Кромѣ сего, и то въ особливости достопамятно, что я въ бытность мою въ сей разъ въ Москвѣ положилъ почти ненамеченнымъ образомъ первое основаніе тому великому зданію, которое, противъ всякаго чаянія, въ послѣдующіе за сими годы воздвигнулось, сдѣлалось славно и для меня по многимъ отношеніямъ выгодно и полезно. Я говорю о своемъ экономическомъ журналѣ, издаваемомъ послѣ мною подъ именемъ «Экономическаго Магазина». Но тогда не имѣлъ я объ немъ еще и помысленія, а то, что называю я первымъ основаніемъ ему, состояло въ предпріятіи тогда намѣренія издавать первой мой и ничего еще почти незначущій журналъ подъ именемъ «Сельскаго Жителя», подавшій потомъ поводъ къ произшествію на свѣтъ и «Экономическому Магазину». И вотъ что меня къ тому наиболѣе поострило и первой подало поводъ къ отважному приступленію къ сему необыкновенному до того и сумнительному дѣлу.

Побудило меня къ тому наиболѣе неутошимое желаніе, гнѣздящееся давно въ моемъ сердцѣ, къ сообщенію другимъ и всѣмъ моимъ соотечественникамъ всего того, что мнѣ случилось какъ изъ собственной опытности своей, такъ и изъ иностранныхъ экономическихъ книгъ узнать нужнаго, замѣчанія достойнаго и такого, что могло-бы многимъ послужить и обратиться въ пользу. До сего времени сообщалъ я всѣ таковыя вещи Экономическому нашему Обществу, для напечатанія въ «Трудахъ» ихъ, но какъ тѣмъ желаніе мое далеко не могло удовлетворяться, поелику не было никакой удобности, или паче, возможности и способа къ сообщенію имъ всего великаго множества извѣстныхъ мнѣ вещей, ибо не только надобно было ихъ тула посылать по почтѣ и платить за то много денегъ, и потомъ весьма долгое время дожидаться

нанечатанія оныхъ, во всѣхъ ихъ по множеству оныхъ и помѣстить въ «Труды» Общества никакой не было удобности; а сверхъ того, по малому раскупанію сихъ книгъ, не могли свѣдѣнія о томъ доходить до рукъ многихъ, слѣдовательно, въ семь отношеніи и труды бы мои терялись почти по пустому, умалчивая уже о томъ, что за труды и усердіе свое къ Обществу, кромѣ немногихъ, ничего назначившихъ медалей, ничѣмъ существеннымъ награждаемъ не былъ; то будучи всѣмъ тѣмъ весьма недовольнымъ, давно уже помышлялъ я о томъ, нельзя-ли найти иной какой и удобнѣйшей пути къ обнародованію всѣхъ узанныхъ и замѣченныхъ мною вещицъ и къ сдѣланію ихъ всей публикѣ извѣстными. Мысли о семъ имѣлъ я разныя. Сперва думалъ, нельзя-ли, собравъ ихъ вмѣстѣ и составивъ изъ нихъ книгу, издать ихъ подъ своимъ именемъ. Но какъ находился я тогда въ связи съ Экономическимъ Обществомъ, то казалось мнѣ, что сіе будетъ оному очень непріятно и подастъ поводъ къ неудовольствію на меня. А сверхъ того и печатаніе книгъ сопряжено было тогда со многими затрудненіями и неспособностями, какъ то мнѣ изданіе «Дѣтской моей философіи» довольно доказало. И какъ посему сей путь казался мнѣ неудобнымъ, то кружилась давно уже въ головѣ моей мысль, нельзя ли издавать ихъ образомъ бы еженедѣльнаго журнала, расположеннаго точно такимъ образомъ, какимъ располагаются и издаются разные моральные или нравоучительные журналы въ земляхъ чуждыхъ. Но какъ дѣло сіе было бы въ семь случаѣ новое и до того совсѣмъ не только у насъ, но и въ другихъ земляхъ необыкновенное, то-есть, чтобъ изданатъ журналъ экономической, не могущій быть далеко столь любопытнымъ и заманчивымъ, какъ иные журналы, то при мысляхъ о семъ всегда встрѣчался со мною вопросъ: достаточно-ли будетъ моихъ силъ и знаній къ тому, чтобъ сдѣлать его столь заманчивымъ и любопытнымъ, чтобъ могъ опъ понравиться странной нашей и малограмотной еще

публикѣ и пріобрѣсть отъ ней благоволеніе. И какъ я не смѣлъ почти надѣяться въ семь случаѣ самъ на себя, то сіе всегда останавливало меня и подавляло во мнѣ мысль сію. А поелику требовалась къ тому великая отвага, то исчезала и вся къ тому охота.

Но въ сейразъ, принеоднократныхъ свиданіяхъ съ знакомцемъ моимъ Ридигеромъ, сдѣлавшимся уже изъ переплетчиковъ университетскимъ книгопродавцемъ, какимъ-то образомъ дошелъ у насъ съ нимъ однажды разговоръ о семъ предметѣ. Предпримчивой нѣмецъ сей не успѣлъ услышать и узнать расположеніе моихъ о томъ мыслей, какъ ухватился наизарчайшимъ образомъ за меня и не только сталъ одобрять мою затѣю, но и возможнѣйшимъ образомъ меня ободрять и побуждать пуститься на сіе отважное дѣло, и нимало не медля приступить къ произведенію онаго въ дѣйство. А чтобъ удобнѣе меня къ тому преклонить, то предлагалъ мнѣ собственное свое къ тому вспоможеніе и услуги. Онъ брался не только печатать журналъ сей на своемъ иждивеніи и коштѣ, но принять на себя и всѣ хлопоты съ печатаніемъ и издаваніемъ его сопряженныя, а мнѣ предоставлялъ только труды къ сочиненію матеріи потребныя и пересылать къ нему оныя въ надлежащее время; а дабы мнѣ трудиться надъ нимъ не по пустому, а получить и самому отъ изданія сего пользу, то предлагалъ мнѣ за годичной трудъ 200 рублей награды.

Признаюсь, что всѣмъ симъ, а особливо безсомнѣнною надеждою, что дѣло сіе пойдетъ хорошо и журналъ таковой, по полезности своей, публикѣ полюбятся, умѣлъ онъ такъ хорошо меня убавить, что я колебался въ своихъ сумнительствахъ и рѣшился наконецъ приступить къ сему дѣлу. И тогда тотчасъ начались у насъ съ нимъ совѣщанія о томъ, въ какомъ бы видѣ и формѣ оной издавать и когда-бы учинить тому начало. Какъ съ начала текущаго года было уже не можно, ибо начался уже тогда февраль мѣсяцъ, то сперва отлагалъ-было я дѣло сіе до наступше-

нія послѣдующаго 1779 года; но пѣмцу моему хотѣлось неотмѣнно, чтобъ приступить къ тому въ скорѣйшемъ времени и тотчасъ по возвращеніи моемъ въ Богородицкѣ. «Что въ томъ нужды, говоритъ онъ, что начнется издаваніе не съ генваря? Можно ему начаться и съ марта или апрѣля и продолжаться опять до того-жъ мѣсяца. Примѣры таковыя бывали. А чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше». Симъ убѣдиль онъ меня и на сіе его желаніе согласиться, и я истребовалъ себѣ только весь мартъ мѣсяцъ на нужное приготовленіе матеріи на первые листы журнала. Итакъ, положили мы, чтобъ начать издавать его съ наступленіемъ апрѣля мѣсяца. Что касается до образа и формы самого изданія, то согласились и положили мы: 1) чтобъ издавать его въ большую октаву и по одному только листу въ недѣлю; 2) чтобъ издавать его подъ названіемъ «Сельскаго Жителя»; 3) чтобъ наирачительнѣйшимъ образомъ скрывать мое имя, и ему обо мнѣ ни подъ какимъ видомъ, впредь до позволенія моего, не свазывать; ибо мнѣ хотѣлось неотмѣнно, чтобъ никто не зналъ, въ мѣ журналѣ сей будетъ издаваться; 4) чтобъ въ объявленіи объ ономъ пригласить всѣхъ желающихъ о вступленіи со мною въ переписку и чтобъ письма ко мнѣ подписываемы были какъ кому угодно, прямыми ли именами или выдуман-ными и не настоящими, и отдаваемы бы были ему, Ридигеру, а присылаемыя изъ другихъ мѣстъ по почтѣ надписывали просто: «Сельскому Жителю»; наконецъ, 5) чтобъ цѣну положить за все годичное изданіе колико можно умѣреннѣйшую и не болѣе 3 руб. 50 копѣекъ, а съ пересылкою въ другія мѣста, по почтѣ, 4 рубля.

Условившись обо всемъ и ударивъ съ нимъ по рукамъ, приступилъ я тотчасъ къ сочиненію объявленія о семъ будущемъ издаваніи моего «Сельскаго Жителя», и тогда употребивъ къ тому одинъ вечеръ, написалъ ему оное для напечатанія, въ свое время вручилъ. Въ семъ объявленіи, объявивъ публикѣ въ подробности освоенъ намѣреніи, пригласилъ я всѣхъ желающихъ ко вступленію со мною въ дѣй-

ствительную переписку и обѣщать на всѣ ихъ письма и вопрошанія въ журналѣ своемъ отвѣтствовать,—и всѣмъ тѣмъ положили отважному сему дѣлу первое ос-пованіе.

Наконецъ, препроводивъ всю масляни-цу въ безпрерывныхъ разъѣздахъ и очень весело и заговѣвшись, распрощались мы съ племянницами и со всѣми нашими друзьями и знакомцами, и получивъ отъ князя нужныя повелѣнія, отправились мы изъ Москвы уже 20 февраля, и имѣвъ чрезъ Оку-рѣку, по случаю бывшей оттепели, весьма опасную переправу, и за-ѣхавъ опять на часокъ въ свою деревню, проѣхали мы изъ ней въ Каледнику для свиданія съ теткою, и ночевавъ у ней, пустились въ свой путь далѣе, и 24 числа возвратились благополучно въ Богородицкѣ.

Тутъ нашель я уже всѣхъ судей нашихъ, съѣхавшихся со всѣми ихъ семействами и расположившихся уже на настоящихъ квартпрахъ; и какъ сей случай есть нанудобнѣйшій къ подробному пересказанію объ нихъ и о ихъ характерахъ, то и учиню сіе единожды навсегда.

Первую и наглавнѣйшую особу представлялъ собою нашъ городничій. Я упоминалъ уже, что былъ онъ господиномъ Сухотинъ и что звали его Антономъ Никитичемъ. Семейство его состояло изъ жены и трехъ дѣтей, двухъ сыновей и дочери; старшаго сына звали Петромъ, дочь Катериною, а младшаго сына Андреемъ. Самъ г. Сухотинъ былъ человѣкъ доброй, шутливой, неглупой, но до безконечности въ дѣлахъ своихъ аккуратной, или паче, мнительной и медлительной. Характеръ его въ семъ отношеніи былъ даже смѣшонъ и перѣдко заставлялъ насъ дивиться и хохотать. Что касается до жены его, то была она боярыня неглупая, но особаго характера и не безъ недостатковъ. Наглавнѣйшій изъ сихъ состоялъ въ излишнемъ иногда, хотя и сокровенномъ употребленіи вина, отчего перѣдко разлаживала она и съ мужемъ, да и прочимъ было трудненько съ нею всегда ладить. Словомъ, мужъ ея былъ несрав-

ненно добродушнѣе, простѣе, чистосердечнѣе и дружелюбнѣе, нежели она. Особливаго замѣчанія достойно, что была она изъ фамилиі Куселевыхъ, и самая та, которую за многіе годы до того сваталъ за меня сосѣдъ мой, господинъ Ладженской, и которую приѣзжалъ я съ нимъ, будучи въ Москвѣ, смотрѣть въ домъ къ ея больному отцу, и она мнѣ такъ не полюбилась, что я въ тотъ же мигъ отъ сего сватовства отрекся, и узнавъ ее въ Богородицѣ короче, благодарилъ судьбу, что она меня тогда отъ сей невѣсты избавила. Что касается до ихъ дѣтей, то старшія были очень хорошаго характера и воспитаны довольно хорошо, а маленькой и любимѣйшей снѣ былъ еще почти рабенкомъ. Со всѣмъ снѣ семействомъ, каково оно ни было, жили мы во все время хотя не въ самой тѣсной дружбѣ, но въ довольномъ согласіи и никогда не доходило у насъ съ ними до размолвки, но какъ жили, такъ и разстались потомъ добрыми пріятелями.

За симъ, знаменитѣйшимъ, лучшимъ и степеннѣйшимъ можно было почестъ нашего уѣзднаго судью Алексѣя Андреяновича Албычева. Онъ былъ одинъ изъ довольно зажиточныхъ богородицкихъ дворянъ, имѣлъ настояцій свой домъ неподалеку отъ Корникъ и верстъ болѣе 30-ти отъ Богородицка. Былъ онъ хотя вдовъ, но жили при немъ двѣ его родныя сестры, бывшія тогда обѣ еще дѣвушками, изъ которыхъ старшая, Марья, была уже довольно пожилая, а другая, Татьяна, невышедшая еще изъ невѣсты. Кроме ихъ, имѣлъ онъ еще четырехъ сыновей, изъ которыхъ только двое, Александръ и Василій, были уже изрядные мальчики, а Николай и Сергѣй еще небольшіе. Все сіе семейство состояло изъ людей хорсшихъ, кроткихъ, добронравныхъ и любезныхъ характеровъ; съ ними жили мы какъ бы ближніе родные, и мы ласкою ихъ и дружествомъ къ себѣ были чрезвычайно довольны, а особливо я самымъ главнымъ изъ ихъ семейства. Онъ былъ отъменно хорошаго характера и весьма добраго сердца и рас-

положенія. Я любилъ и почиталъ его искренно и пользовался и отъ него взаимною любовію и почтеніемъ къ себѣ. Что касается до сестеръ его, то были онѣ барыни болѣе простодушныя, деревенскія, нежели свѣтскія, и обходились съ нами откровенно и дружески. Словомъ, сей домъ былъ для насъ въ особенности любезнымъ.

За симъ слѣдовалъ сосѣдъ его, живущій съ нимъ въ одной деревнѣ и сотоварищъ въ судѣ, уѣзднаго суда старшій засѣдатель, Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, человекъ совсѣмъ уже отъѣннаго характера отъ господина Албычева, и болѣе лукавой, своенравной и высокомерной, нежели простодушной. Онъ велъ себя уже не такъ просто, былъ съ душкомъ и въ особенности строгъ къ своимъ людямъ, и имѣлъ также не малое семейство. Оно состояло: изъ его жены, Настасьи Ивановны, боярыни полусвѣтской, изряднаго и тихаго характера; падчерицы, Прасковьи Львовны Писаревой, дѣвушка уже взрослой, умной, свѣтской и довольно изрядной; въ двухъ сыновьяхъ, Васильѣ и Александрѣ, мальчикахъ довольно взрослыхъ, дочери, Марьи, которая всѣхъ ихъ была меньше. Семейство сіе каково ни было, но намъ удалось какъ-то подладить и имъ всѣмъ и заставить себя любить и почитать и уважать, почему и они съ нами, хотя не такъ искренно, какъ Албычевы, но обходились дружески и ласково, такъ что у насъ и съ ними не доходило никогда не только до ссоры, но и до размолвки малѣйшей, и мы были обращеніемъ и ихъ съ нами довольны.

Четвертой домъ былъ господина Шуперина, Сергѣя Ильича, бывшаго вторымъ засѣдателемъ уѣзднаго суда. О семъ молодомъ человекѣ я уже имѣлъ случай упоминать прежде, что онъ былъ отъменно доброто, простодушнаго, дружелюбнаго и ласковаго характера. Мы во все время пребыванія моего въ Богородицѣ жили съ нимъ какъ близкіе родственники и истинные друзья между собою. Онъ любилъ и почиталъ меня, а я не менѣе любилъ

и его искренно, и былъ ласкою и дружествомъ его къ себѣ весьма доволенъ. Что касается до семейства его, то было оно всѣхъ прочихъ меньше и состояло только въ его женѣ, Матренѣ Васильевнѣ и маленькой еще дочери, Аннѣ, ибо тогда не имѣлъ онъ еще толь многихъ дѣтей, какъ нынѣ; и какъ жена его была барынька не модная, а простодушная, то и съ нею можно было нашимъ ладить.

Всѣ сіи три послѣднія фамиліи расположились жить во флигелѣ замка и въ самомъ близкомъ другъ отъ друга сосѣдствѣ. Одиѣ стѣны и особыя крыльцы раздѣляли ихъ покои, а кухня у всѣхъ была одна. Словомъ, они жили тутъ, какъ въ разныхъ каютахъ на одномъ кораблѣ, но, несмотря на то, жили между собою въ довольномъ согласіи.

Пятой домъ былъ жившаго тутъ же во флигелѣ казначея Плотникова, имѣвшаго также жену и небольшого сына; но какъ сей не долго у насъ въ Богородицкѣ пробылъ, то объ немъ скажу только то, что и онъ во все время пребыванія своего тутъ жилъ съ нами въ дружбѣ и согласіи и былъ человѣчекъ довольно порядной.

Шестой домъ былъ засѣдателя нижняго земскаго суда, Николая Сергѣевича Арсеньева, того самого, о которомъ я уже упоминалъ прежде, и которой, не знаю, не вѣдаю, почему припелся къ намъ въ родню и называлъ меня всегда «дядюшкою». Семейство его было также небольшое и состояло только въ женѣ и маленькой дочери. Первую звали Екатериною Сергѣевною, а вторую—Варварою. Всѣ сіи и обходились съ нами какъ родныя, и были нами любимы за ихъ къ себѣ ласку и дружество. Самъ онъ былъ человѣкъ тихой, добродушной, добраго и совсѣмъ отмиѣннаго характера отъ его старшаго брата, Андрея Сергѣевича; и какъ жена его была также барыня добрая, ласковая и не изъ самыхъ модныхъ, а болѣе деревенская и къ намъ отмиѣнно приверженная и ласковая, то и съ ними жили мы во всегдашней дружбѣ и согласіи. Снимъ для жительства опросталъ я одну

изъ связей солдатскихъ, стоявшую впускъ на выѣздѣ изъ села нашего, за рѣчкою Язовкою.

Сіи были знаменитѣйшіе дома и всѣ тѣ люди, съ которыми довелось намъ тогда жить въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ и имѣть почти ежедневно обхожденіе; ибо прочіе, какъ-то: нашъ исправникъ Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, и засѣдатель его, Басовъ, также страпчій Хомяковъ, не живали никогда въ городѣ постоянно, а были либо въ непрерывныхъ разъѣздахъ, либо проживали свое время въ деревняхъ своихъ, и потому сіи почти и не принадлежали къ нашему кругу знакомства и обществу, и мы съ ними жили хотя также въ согласіи и пріязни, но видались рѣдко и тогда только, когда случалось имъ приѣзжать въ городъ.

Спознакомивъ васъ со всѣми ими, скажу теперь, что по возвращеніи нашемъ изъ Москвы и мы первымъ почи долгомъ побывать у всѣхъ нашихъ судей и съ семействами ихъ познакомиться и съ ними обласкаться. И тогда тотчасъ начала у насъ связываться со всѣми ими дружба и начались частыя свиданія и посѣщенія другъ друга, при которыхъ случаяхъ достопамятенъ былъ учиненной между всѣми нами предварительной заговоръ. Однажды, какъ случилось имъ всѣмъ быть у меня въ собраніи и я любовался всеобщимъ между всѣми ими, несмотря на всю разность нравовъ и характеровъ, согласіемъ и единодушіемъ, то сказали имъ:—«Какъ бы славно и хорошо было, государи мои, когда бы мы и впредь всегда жили всѣ между собою такъ ладно и согласна, и обходились такъ дружески, чистосердечно и просто, какъ теперь! Какая бы завистная и славная была тогда наша жизнь и какую бы мы чрезъ то честь себѣ сдѣлали!»—«Такъ! такъ! такъ!» воскликнули всѣ.—«И зачѣмъ-же дѣло стало? подхватилъ господинъ Албычевъ: я, съ моей стороны, готовъ и не сомнѣваюсь нимаю и о другихъ въ томъ же». И какъ подтвердили слова его и всѣ, то сказалъ я имъ:—«Когда такъ, государи мои, то семъ сдѣлаемъ между собою общій и фор-

открывшую мнѣ чрезъ оное не только предстоящую мнѣ нѣкоторую опасность, но и все коварное и дурное сердце сего мною одолженнаго подкомандующаго моего, и побудивше чрезъ то быть впредь о семъ человѣкѣ другихъ мыслей и брать отъ него всѣ возможныя предосторожности. Письмо сіе хранится и понынѣ у меня, ибо я не разсудилъ за благо отправить его по надписи въ Бобрини, дабы не узнали родные его или не могли подумать, что оно мною читано и всѣ ихъ интриги и злоумышленія обнаружены и сдѣлялись мнѣ извѣстными.

Признаюсь, что сей случай нарочито порастревожилъ и смутилъ весь мой духъ. Чувствительна мнѣ была крайне неблагодарность сего человѣка и такое возмездіе за всѣ оказываемыя къ нему и ко всему его семейству отъ меня ласки, дружелюбіе и самыя одолженія, и я не могъ надвинуться тому, какъ можетъ человѣкъ быть такъ хитръ и лукавъ, и такъ искусно притворяться и дружескою личною прикрывать злое и коварное свое сердце; ибо надобно сказать, что онъ, по наружному своему обращенію со мною, казался быть сущимъ ангеломъ и приверженнымъ ко мнѣ величественнымъ дружествомъ.

Но какъ бы то ни было, но я сокрылъ сіе открытіе въ глубинѣ моего сердца и не долго далъ ему себя тревожить и смущать. Мысль, что ничего безъ воли и поущенія Божескаго произойти не можетъ, и что, по пословицѣ говоря, ежели «Богъ не выдастъ, такъ свинья не съѣстъ», скоро меня успокоила; къ тому-жъ, и надежда на старика-князя и на его ко мнѣ благорасположеніе меня много подкрѣпляла.

Итакъ, успокоившись мыслями и распорядивъ всѣ нужныя дѣла по должности, не сталъ я ни минуты медлить, но приступилъ къ сочиненію и заготовленію первыхъ листовъ своего будущаго журнала. И какъ дѣло сіе было для меня совсѣмъ новое и, по пословицѣ говоря, первую лѣсенку не иначе можно было какъ зардѣвшись спѣть, то признаюсь, что было яри томъ мнѣ не безъ хлопотъ и не безъ

затрудненія. Я долго не соглашался самъ съ собою, какъ бы мнѣ сдѣлать приступъ лучше, также о чемъ писать прежде и какъ расположить сіе изданіе. И какъ главная его цѣль была побудить читателей къ дѣйствительной со мною перепискѣ, то употребилъ я первой листъ на предварительныя объясненія. Во второмъ же листѣ и послѣдующихъ помѣстилъ я нѣсколько выдуманыхъ и будто-бы полученныхъ мною писемъ, дабы тѣмъ самымъ и побудить прочихъ, и предложилъ разнаго рода образцы писемъ. Сею позволительною уловкою надѣялся я, по примѣру иностранныхъ журналовъ, придать и своему болѣе и живности, и занимательности. Но признаюсь, что мнѣ не столько самое сочиненіе, сколько то было затруднительно, что я принужденъ былъ самъ и сочинять, и набѣло переписывать, и, переписывая, все располагать съ наиточнѣйшимъ измѣреніемъ матеріи такъ, чтобъ она изъ одного листа на другой не переходила, но точно помѣщалась въ листъ и не было бы ни лишка, ни недостатка. Все это составляло для меня великую комиссію. Но какъ бы то ни было, но я, при всѣхъ моихъ по другимъ дѣламъ недосугахъ и при всѣхъ отрывкахъ отъ дѣла, для дѣланія посѣщеній новыхъ нашихъ друзей и угашиванія ихъ у себя, а сверхъ того, несмотря на самыя разѣзды въ разныя деревни по гостямъ, къ прежнимъ своимъ знакомымъ, успѣлъ къ 6-му числу марта пригнать матеріи на цѣлыхъ восемь первыхъ листовъ, и оную помянутаго числа по почтѣ въ Москву къ г. Ридигеру отправить.

Не успѣлъ я сіе бремя свалить съ своихъ плечъ, какъ на другой же день послѣ сего повстрѣчалось со мною другое, которымъ долженъ былъ я также обременить себя, и на долгое время. Является ко мнѣ вдругъ одинъ французъ, отправляющій ремесло учительское и предлагаетъ вопросъ, не дозволю-ли я ему учредить въ нашемъ городѣ пансіонъ для обученія благородныхъ дѣтей французскому и нѣмецкому языкамъ и другимъ нау-

камъ, обучаемымъ въ пансіонахъ, какъ-то: исторіи, географіи, математикѣ и такъ далѣе? Предложеніе сіе неожиданностію своею меня удивило и обрадовало. Мнѣ тотчасъ кинулось въ голову, что сіе было бы не бесполезно не только для дѣтей всѣхъ нашихъ судей, которыхъ было у нихъ довольно, но и для собственного моего сына, приходившаго уже въ такой возрастъ, что ему можно было всѣмъ онимъ наукамъ, а особливо по понятливости его, учиться. — «Уже не самой-ли Промыслъ Господень,—думалъ я самъ въ себѣ,—печется объ немъ, и къ намъ сего толь нужнаго всѣмъ намъ и такого человека прислать, какого бы намъ искомъ-искать и не скоро бы отыскать можно было». Итакъ, я говорю и разговаривать съ господиномъ Дюблєю,—ибо такъ онъ прозывался,—и разсматривать изъ разговоровъ о разныхъ матеріяхъ всѣ его знанія и способности; и чѣмъ болѣе я его познавалъ, тѣмъ болѣе увеличивалось удовольствіе мое, по причинѣ, что находилъ въ немъ всѣ нужныя къ обученію дѣтей способности. Пуще всего нравилось мнѣ то, что онъ не только поманутыми обоними языками говорилъ правильно и очень хорошо, но и нашимъ русскимъ языкомъ говорилъ почти какъ русскою и могъ даже писать на немъ изрядно. Сіе достоинство въ учителѣ почиталъ я наиважнѣйшимъ и вождѣннѣйшимъ, ибо для меня казалось всегда то весьма неудобнымъ, когда учитель не умѣетъ по-русски ни одного слова, и я не понималъ, какъ могутъ такіе господа учить дѣтей иностраннымъ языкамъ правильно, скоро и хорошо, будучи не въ состояніи толковать имъ все нужное на ихъ природномъ языкѣ. Кромѣ того было мнѣ и то приятно, что одаренъ онъ былъ и разными другими свѣдѣніями, былъ человекъ тихаго, веселаго и дружелюбнаго характера, и притомъ еще во всемъ любопытной, и умѣющей даже играть на скрипкѣ; а что всего лучше, былъ человекъ не молодой, а совершенныхъ лѣтъ, и имѣлъ у себя жену, природную датчанку, и хотѣлъ тутъ жить вмѣстѣ съ

нею, слѣдовательно могъ принимать къ себѣ постороннихъ и такихъ учениковъ, которые могли бы у него жить на его содержаніи. Словомъ, всѣ обстоятельства были таковы, какихъ мнѣ желать лучше было не можно, а потому пригнѣвшись къ его предложеніямъ и не сомнѣваясь, что и господамъ судьямъ нашимъ будетъ то угодно, сталъ я съ нимъ говорить, какимъ бы удобнѣйшимъ образомъ учредить намъ сей пансіонъ и какимъ бы быть съ его стороны условіямъ, и о прочемъ, тому подобномъ. И какъ по счастью случилась у меня еще одна деревянная связь, стоящая тогда правдою и столь просторная, что мнѣ съ великою удобностію можно было помѣстить его въ ней и со всѣми его будущими учениками, и спокойная квартира сія могла быть у него не наемная и ничего нестоющая, а объ ней болѣе былъ и вопросъ, то мы сладили съ нимъ во всемъ очень скоро, ибо онъ всѣмъ обѣщаннымъ вспомоществованіемъ моимъ въ его предпринимаемомъ дѣлѣ былъ весьма доволенъ.

Итакъ, отобравъ отъ него все нужное, пригласилъ я тотчасъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ изъ господъ судей, у которыхъ были дѣти и кои давно желали и собирались отдать ихъ куда-нибудь учиться, и предложилъ имъ свои мысли и намѣренія. Всѣ они душою и сердцемъ были на то согласны и были тѣмъ чрезвычайно довольны; а какъ и имъ всѣмъ г. Дюблєю полюбился, то, не долго думая, на другой же день послѣ того и заключили мы съ нимъ порядочной письменной договоръ, условившись съ нимъ о цѣнахъ и о прочемъ, что было нужно, и тотчасъ его отпустили назадъ въ Тулу, для забранія своей жены и имущества и немедленнаго къ намъ переѣзда.

Случилось сіе 8-го числа марта, которой день и сдѣлался достопамятнымъ основаніемъ нашего богородицкаго пансіона, въ которомъ въ послѣдующее время толь многія дѣти учились и которой въ особеннѣйшей степени былъ полезенъ моему сыну и живущему тогда у меня дальнему родственнику тещи моей, г. Сезеневу, маль-

чику отъѣнно понятному и способному къ наукамъ. Я первой отдалъ ихъ обонхъ въ оной и они оба положили въ пансіонѣ семь первое языкамъ и знаніямъ своимъ основаніе. А не успѣлъ онъ изъ нихъ и изъ дѣтей судейскихъ составиться и воспріять свое начало и дѣйствіе, какъ отыскались тотчасъ и посторонніе дворяне, восхотѣвши отдать дѣтей своихъ въ пансіонъ сей для обученія и для самаго жительства въ ономъ. Къ таковымъ принадлежали дѣти г. барона Соловьева, г. Шишкова, г-жи Бакуниной и нѣкоторыхъ другихъ. Словомъ, не успѣло пройти нѣсколько мѣсяцевъ по открытіи его, какъ онъ наполнился учениками и сдѣлался почти славнымъ и довольно хорошимъ. А что всего лучше, то приобрѣли мы въ семь учителей новаго себѣ компаніона и въ пріятной и веселой нашей жизни сотоварища и соучастника.

Но я заговорился уже и позабылъ, что мнѣ время письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Ноября 16-го дня 1809 года).

ПРИЗДЫ КНЯЗЕЙ.

Письмо 195-е.

Любезный пріятель! Едва только прошло нѣсколько дней послѣ основанія нашего пансіона и отданія нашихъ дѣтей для обученія въ оной, какъ и получилъ я уже первое изъ Москвы извѣстіе о напечатанномъ и выданномъ въ свѣтъ объявленіи о будущемъ издаваніи моего еженедѣльника, или «Сельскаго Жителя». Признаюсь, что при первомъ взорѣ на оной и чтаніи онаго было сердце мое не на мѣстѣ и я ощущалъ въ себѣ иѣчто особенное и такое, чего никакъ изобразить не могу. Обстоятельно, что я симъ листочкомъ связался, такъ сказать, со всею нашею публикою и чрезъ оной воспріять на себя бремя, совсѣмъ мнѣ до того неизвѣстное, и о которомъ еще не зналъ, не слишкомъ ли оно будетъ для меня гягостно, заставлявало меня не одну минуту заниматься разными о томъ мы-

приложеше къ «русской старинѣ» 1872 г.

слями, и я не зналъ, радоваться ли мнѣ тому, что исполненію давнишняго моего желанія дѣлалось начало, или жалѣть о томъ, что вошелъ въ сіе дѣло, о которомъ пельзя было еще никакъ предвидѣть, удовольствіе ли оно мнѣ или не-удовольствіе доставить.

Случилось сіе 16-го марта, а чрезъ день послѣ того, съ обыкновенною воскресною почтою и въ самой день именинъ жены моей, когда у меня всѣ наши городскіе друзья и знакомцы, по приглашенію моему, обѣдали, получилъ уже я, противъ всякаго чаянія моего и ожиданія, первыя письма, присланныя ко мнѣ дѣйствительно отъ нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ мнѣ людей, по поводу изданнаго въ свѣтъ объявленія о моемъ журналѣ. Какъ сіи письма вмѣстѣ со всѣми прочими, при издаваніи сего журнала мною получаемыми, у меня при случаѣ бывшаго пожара сгорѣли, то мнѣ очень жаль, что не могу ничего въ точности теперь сказать о содержаніи оныхъ. Многіе годы, протекшіе съ того времени, изгладили изъ памяти моей все содержаніе оныхъ, и я помню только то, что сіи первыя были побудительныя и для меня не неприятны. Они доставлены были, по предписанію, въ книжную лавку къ г. Ридигеру, и отъ него ко мнѣ пересланы, и въ нихъ похваляемо было мое предпріятіе, и я ободряемъ былъ въ моемъ предпринимаемомъ подвигѣ. Объ одномъ только и самомъ первомъ увѣдомлялъ меня Ридигеръ, что было оно отъ знакомаго его и славнаго тогда замосковнаго эконома, Евграфа Васильевича Татищева, и какъ содержаніе его было для меня лестное, то я радовался, что ничего еще не сдѣлавъ, а однимъ предпріятіемъ своимъ приобрѣлъ уже благоволеніе отъ такого ученаго и знаменитаго мужа. Итакъ, 18-е число марта ознаменовалось и сдѣлалось достопамятнымъ для меня началомъ той обширной корреспонденціи, которая была хотя сначала и не весьма радостна и пріятна, но впоследствии времени возстановилась у меня со всѣмъ почти нашимъ отечествомъ, и не только

была совѣтъ особаго рода, но и обратилась и мнѣ и многимъ другимъ въ существенную пользу.

Легко можно заключить, что я писемъ сія получалъ хотя при всѣхъ моихъ гостяхъ, но долженъ былъ отъ всѣхъ отъ нихъ утантъ не только содержаніе оныхъ, но и то, отъ кого они подучены. Обстоятельство, что я не хотѣлъ быть, какъ издатель будущаго журнала, никому извѣстнымъ, къ тому меня приневоливало. Но по счастью, никто узнать о томъ въ особенности и не любопытствовалъ, и мы продолжали свои обыкновенныя при такихъ случаяхъ увеселенія.

Кромѣ сего дня бывали у меня нерѣдко и въ другіе дни таковыя же въ теченіе тогдашняго великаго поста собранія, и мы, несмотря на постъ, проводили время свое весело, но не забывали и о прочіихъ своихъ дѣлахъ. Судья занимался по судамъ своими должностями, а я своими дѣлами, относящимися не столько до правленія волостями, сколько до собственныхъ моихъ литературныхъ и другихъ любопытныхъ упражненій; и какъ за всѣмъ тѣмъ оставалось у меня еще много свободнаго времени, то восхотѣлось мнѣ употребить кой-когда оное на пользу дѣтей моихъ богородицкихъ друзей и пріятелей. Всѣ они, какъ я уже упомянулъ, учились языкамъ въ нашемъ пансіонѣ, ходивши и ѣздивши въ оной ежедневно, ибо былъ онъ отъ насъ съ полверсты разстояніемъ, на краю слободы городской; но какъ въ послѣобѣденное время по середамъ и по субботахъ ученія у нихъ не было, то самое сіе праздное время и хотѣлось мнѣ обратить имъ въ пользу, и употребить на обученіе ихъ тому, чему они въ пансіонѣ не обучались и не могли быть обучаемы, а именно геометріи, физикѣ и правоученію, и тѣмъ и имъ произвести существенную пользу, и отдавъ ихъ, съ своей стороны, оказать дружескую и такую услугу, которую они натурально были бы весьма довольны. Итакъ, переговоривши о томъ съ ними, приглашалъ я всѣхъ учащихся въ пансіонѣ дѣтей въ каждую среду и суб-

боту послѣ обѣда къ себѣ, сначала будто бы въ гости, и угощая ихъ кое-чѣмъ, мало-по-малу сталъ приучать ихъ сперва чертить геометрію, а потомъ, сѣвши кругомъ большого стола, слушать, что я имъ читать и рассказывать стану. Къ такому чтенію избралъ я опять мою «Дѣтскую философію», которой сочинено было уже у меня много частей, и всѣ дѣти чтеніе и дѣлаемая мною всѣмъ толкованія и объясненія такъ полюбили, что они всякой разъ съ превеликою охотою ко мнѣ въ помянутые дни прихаживали и приѣзжали, и все послѣобѣденное время у меня въ слушаніи и въ разговорахъ со мною съ особеннымъ удовольствіемъ проводили; при чемъ достопамятно, что сынъ мой, каковъ ни малъ еще былъ, но дѣлать имъ въ томъ компанію, и къ крайнему моему удивленію и удовольствію, не только все понималъ, что слышалъ, но несравненно съ лучшимъ еще успѣхомъ, нежели другіе, и такъ хорошо, что я не могъ тому довольно нарадоваться. Словомъ, онъ все читаемое и рассказываемое мною слушалъ съ такимъ особымъ вниманіемъ, и въ нѣжной его умъ и память все такъ глубоко впечатлѣвалось, что ему по возрастѣ не было нисколько нужды учиться физикѣ и правоученію, по она ему, такъ сказать, сдѣлалась уже отъ самаго младенчества извѣстною.

Нельзя довольно изобразить, какъ сею моею услугою довольны были всѣ отцы и матери дѣтей сихъ и какою благодарностію за то почитали себя ко мнѣ обязанными. Но мое собственное чувствуемое при томъ удовольствіе дороже для меня было всѣхъ ихъ искреннихъ за то благодареній.

Между сими занятіями и не видали мы какъ прошелъ и весь нашъ великой постъ и настала страшная недѣля. Въ сію, по обыкновенію, мы говѣли, и какъ у насъ въ городѣ не было еще ни одной освященной церкви, то приобщались въ церкви гошпитальной на островку. Завтреню же въ день Пасхи служили уже въ ново-построенной и хотя еще не совсѣмъ отдѣланной большой нашей соборной церкви,

поелику одинъ изъ придѣловъ въ ней былъ совсѣмъ почти готовъ къ освященію, въ которомъ и была у насъ сія служба при стеченіи великаго множества народа.

Наконецъ насталъ апрѣль мѣсяцъ и 7-е число онаго, въ которое по порядку долженствовалъ въ Москвѣ увидѣть свѣтъ первой листокъ моего «Сельскаго Жителя». Дню сему случилось въ сей годъ быть въ самую великую субботу, и г. Ридигеръ такъ усерденъ былъ къ доставленію мнѣ скорѣйшаго удовольствія оной видѣть, что спроворилъ отправленіемъ его ко мнѣ по почтѣ такъ, что я имѣлъ удовольствіе получить и читать его въ понедѣльникъ Святой недѣли. Случилось сіе въ самое то время, когда были у насъ въ домѣ съ образами и въ которой день приглашены были на обѣдъ къ намъ всѣ оставшіеся въ городѣ и не разѣхавшіеся по деревнямъ судьи наши.

Не могу никакъ изобразить того, съ какими чувствіями и удовольствіемъ читалъ я сей первой листъ моего еженедѣльника и какъ много имъ любовался! Хотя и не имѣлъ онъ никакихъ дальнихъ типографическихъ украшеній, но по тогдашнему худому состоянію нашей университетской типографіи напечатанъ былъ просто и самыми простыми литерами, но для меня, какъ сочинителя, казалось все хорошо и все ладно. Но смѣшно было, когда я читалъ его потомъ и вслухъ нѣкоторымъ изъ судей нашихъ, такъ, какъ бы новое и совсѣмъ мнѣ незнакомое сочиненіе, и принужденъ былъ слушать о себѣ самомъ ихъ мнѣнія и сужденія; но, по счастью, были они для меня непредосудительныя, и я радовался духомъ, что листокъ сей имѣлъ счастье имъ понравиться.

Препроводивъ всю святую недѣлю довольно весело, съ начавшеюся около сего времени весною принялся я за разные свойственныя сему годовому времени надворныя работы и упражненія. И какъ кромѣ маленькаго моего садика никакихъ другихъ еще не было, то копался я какъ червь въ ономъ, садилъ и сѣялъ въ немъ

все нужное, а особливо привезенныя изъ Москвы сѣмена разныхъ иностранныхъ травъ, для опыта. Потомъ принялся за лѣсокъ, находившійся у насъ подлѣ магазина и бывший до сего въ крайнемъ небреженіи. Сей, по недостатку садовъ, хотѣлось мнѣ превратить въ увеселительное гульбище, разрубивъ оной въ prospectы и многія прямыя и перекрестныя косыя аллеи, проводя оныя такъ, чтобъ въ концѣ оныхъ открывались вдали какіе-нибудь знаменитые предметы, а особливо дворецъ съ его башнею, также соборная наша церковь. Которой лѣсокъ, будучи наипытательнѣйшимъ образомъ съ сего времени сохраняемъ въ цѣлости, въ немногіе годы и разросся такъ, что сдѣлался прекраснымъ и такимъ гульбищемъ, въ которое стоило возить гостей и профессоровъ, для показу и доставленія имъ удовольствія.

Кромѣ сего, занимался я сію весну дѣланіемъ разныхъ опытовъ глинянымъ мазанкамъ по образцу и манеру иностранныхъ, и сдѣланная мною одна таковая была такъ удачна, что простояла многіе годы безъ дальняго поврежденія и вытерпѣла даже однажды и пожаръ, но не могла отъ него разрушиться, и ее можно было тотчасъ опять исправить. Также дѣлалъ я опыты и мазаночнымъ глинянымъ оградамъ, но сіи были неудачны. А и въ самыхъ комнатахъ, кромѣ обыкновенныхъ моихъ литературныхъ упражненій, нерѣдко занимался я разными рукодѣліями, красками и кое-какимъ пачканьемъ и мараьемъ, а особливо дѣланіемъ фальшивыхъ мраморовъ, которыхъ образчики хранятся у меня и понынѣ.

Въ сихъ многоразличныхъ занятіяхъ, надворныхъ и комнатныхъ, прошелъ нечувствительно весь апрѣль мѣсяцъ, а въ началѣ мая ѣздили мы съ женою за Тулу на свадьбу, Тетва ея, Матрена Васильевна Арцыбышева, выдавала около сего времени старшую свою дочь, Прасковью Андреевну, замужъ за старшаго сына знакомаго моего, генерала Ивана Алистарховича Кислинскаго, и вынѣшняго моего друга, Василья Ивановича. По-

елику мы были ближніе невѣстѣ родные, то необходимо надобно намъ было быть на сей свадьбѣ, и мы не полѣнились приѣхать на оную, несмотря на всю отдаленность. Происходила она въ жилищѣ господина Кислянскаго, въ сельцѣ Федешовѣ, а вѣнчали въ селѣ Архангельскомъ; невѣсту же отпускали изъ дому тетки ея, Крюковой, въ сельцѣ Каменки. Все происходило при томъ хорошо и порядочно и не было ничего такого, чтобъ можно было въ особенности замѣтить, кромѣ того, что невѣста съ женихомъ были кумовья, крестившіе за нѣсколько до того лѣтъ одного рабенка, которое обстоятельство и сдѣлало-было сначала остановку и дѣло дошло до самого архіерея; но какъ отъ онаго дапо дозволеніе, то сей случай и доказалъ, что кумовьямъ жениться всегда можно и что между ими нѣтъ ни малѣйшаго духовнаго родства, что и натурально, ибо при всякихъ крестивнахъ бываетъ только одна дѣйствующая особа, либо кумъ, либо кума, а не оба кумовья.

Вскорѣ по возвращеніи съ сей свадьбы имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя въ домѣ друга и благодѣтеля моего, Ивана Григорьевича Полопскаго, профѣзжавшаго тогда чрезъ сей городъ за чѣмъ-то въ степные предѣлы. О семъ упоминаю я потому, что въ сей разъ было послѣднее его посѣщеніе меня въ домѣ моемъ, ибо съ сего времени до самой кончины его не случилось уже ему быть ни когда у меня въ гостяхъ. Мы провели тогда цѣлыя сутки съ симъ любезнымъ человѣкомъ въ разныхъ дружескихъ разговорахъ, и онъ поѣхалъ отъ меня, будучи угощеніемъ моимъ весьма доволенъ.

Другая достопамятность, случившаяся въ теченіе сего мѣсяца, была та, что у старшаго моего канцеляриста Варсобиана, отправлявшаго секретарскую должность, и по волостямъ весьма важнаго человѣка, умерла жена страннымъ случаемъ. Была она подвержена той слабости, что пивала часто, и какъ наконецъ тѣмъ и мужу и всѣмъ она наскучила, и терпѣла отъ всѣхъ за постыдной порокъ

сея презрѣніе, то догадало ее заставить лечить себя отъ сей мнимой болѣзни какого-то невѣжду-мужика, и сей лечилъ ее такъ неуклюже, что она отъ непомянутой рвоты преселилась въ вѣчность.

Между тѣмъ продолжалось мое дѣло по изданію «Сельскаго Жителя», и я, по поводу онаго, не одинъ, а нѣсколько разъ имѣлъ уже удовольствіе получать отъ корреспондентовъ моихъ письма. Но удовольствіе сіе сопрягалось иногда и съ чувствительною досадою и огорченіемъ, ибо письма сіи не всѣ были равно для меня пріятны и хороши, но отыскались въ странной и удивительной публикѣ нашей и такіе люди, которые восхотѣли давнее мною дозволеніе всѣмъ писать ко мнѣ, что кому угодно, употребить и во зло, и вмѣсто благодарности за мои труды огорчать меня наглупѣйшею своею критикою и самымъ иногда колимъ подниманіемъ всего дѣла предпріятія и сочиненія моего насмѣхъ. Не могу изобразить, какъ сіе было мнѣ сначала чувствительно и досадно, и какъ много уменьшало то удовольствіе, которое чувствовалъ я при полученіи писемъ отъ другихъ, благонамѣренныхъ людей, пренеполненныхъ ко мнѣ учтивостями и похвалами. Словомъ, скоро дошло до того, что я тысячу разъ раскаивался, что вошелъ въ сіе дѣло и тужилъ о давномъ дозволеніи писать къ себѣ всякому, и что каждую почту встрѣчалъ не съ такимъ удовольствіемъ, какъ сначала, а уже со страхомъ и трепетомъ, чтобъ не получить опять отъ кого-нибудь чего-либо колкаго и язвительнаго. А все сіе и побудило меня при сочиненіи послѣдующихъ листовъ брать уже болѣе предосторожности и не все то говорить, что отъ роду помнилъ, а по строжайшему уже разбору и разсмотрѣнію; а наконецъ, при окончаніи первой половины сего журнала, отъ досады наклеить и самимъ симъ острецамъ и суесловамъ доброй пощъ за ихъ глупость и неблагоразуміе, и сказать, что я всѣ такія письма впредь предавать буду презрѣнію и отвѣтствовать на одни

только получаемыя отъ людей благонамѣренныхъ и не обращающихъ дѣла сего въ шутку. Сямъ средствомъ посократилъ я гораздо такую ихъ дерзость и имѣлъ удовольствіе видѣть, что корреспонденція моя часть-отъ-часу дѣлалась лучшею и для меня пріятнѣйшею.

Впрочемъ, достопамятно, что въ теченіе всего мая мѣсяца старались мы съ особымъ прилежаніемъ о скорѣйшей отдѣлкѣ главнаго корпуса во дворцѣ и о сдѣланіи его къ житію способнымъ, въ чемъ и имѣли столь хорошій успѣхъ, что мнѣ можно было уже помѣстить въ немъ приѣзжавшаго къ намъ въ первыхъ числахъ іюня опять губернатора нашего, г. Муромцова. Въ сей разъ приѣзжалъ онъ намъ болѣе для проецированія плана будущему и настоящему уже городу Богородицку, которой предпринимали они составить изъ взятыхъ отъ насъ обѣихъ слободъ и обращенныхъ изъ крестьянъ въ мѣщане, и расположить уже весь оной за прудомъ, противъ самаго дворца, и перевезти туда и все старинное малочисленное и ничего почти незначущее богородицкое купечество, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ все прежнее селеніе опросталось уже для волости и составляло бы впредь уже волостное село, противъ города лежащее.

Губернаторъ, будучи мнѣ уже знакомъ, обошелся опять со мною не какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ добрымъ пріателемъ, и нашедъ все въ судахъ въ наилучшемъ порядкѣ, былъ очень доволенъ. Мы старались опять угостить его всячески. Но обѣденнымъ столомъ трактовалъ его уже не я, а судья вашъ, г. Албычевъ, а у меня онъ со всѣми судьями ужиналъ. Когда же дѣло дошло до проецированія плана городу, то хотя былъ онъ и самъ хорошимъ геометромъ и инженеромъ, но усѣвшись на другой день во дворцѣ за столъ и посадивъ подлѣ себя меня, сказалъ мнѣ: «Семь-ка, братецъ, Андрей Тимоѣевичъ, сообща потрудимся и подумаемъ о томъ, какъ бы намъ получше расположить будущій городъ».—«Очень хорошо», сказалъ я, и сталъ ему преподавать мыс-

ли, какія я давно уже имѣлъ по сему предмету. Мысли сіи показались ему такъ хороши и такъ полюбились, что онъ ни съ другого слова, схвати циркуль и карандашъ и вручая мнѣ, сказалъ: «Возьми-ка, другъ сердечной, и садись-ка на мое мѣстѣ; вижу я, что ты меня искуснѣе и болѣе къ такнмъ дѣламъ имѣешь и способности, и вкуса. Начеркай-ка планъ, какъ тебѣ самому заблагоразсудится». Что мнѣ было тогда дѣлать! Принужденъ я былъ его желаніе исполнить, и въ нѣсколько минутъ дѣйствительно начертилъ самой тотъ планъ, по которому сей городъ впоследствии времени построенъ, ибо проециръ мой не только полюбилися тогда губернатору, но расхвалеи и самимъ намѣстникомъ, а потомъ былъ такъ счастливъ, что удостоился апробованъ и утвержденъ быть и самою императрицею, безъ малѣйшей перемѣны, и она такъ имъ была довольна, что сравнивала его съ сущимъ цвѣтникомъ и повелѣла точно такимъ образомъ городъ расположить и сохранить даже самыя проецированныя мною названія главнѣйшихъ его улицъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ къ дворцу за прудомъ, которой употребилъ я средоточіемъ всему его расположенію; и мысль моя, чтобъ назвать ихъ по именамъ здравствовавшей тогда императорской фамиліи, и чтобъ самую главную улицу назвать Екатерининскою, а прочія Павловскою, Маріинскою, Александровскою и Константиновскою—была ей въ особливости угодна. Итакъ, что Богородицкѣ построенъ и расположенъ такимъ образомъ, каковъ онъ нынѣ, тому случилось быть причиною мнѣ собственно, и я первой подалъ къ тому мысли и планъ сдѣлалъ.

Случилось сіе 13-го іюня, а на другой день ѣздили мы съ губернаторомъ въ Бобринки, а оттуда на Иванъ-озеро, которое мѣсто хотѣлось ему видѣть; и сей случай спознакомилъ и сдружилъ меня съ г. Муромцовымъ еще больше, и онъ разстался со мною какъ съ хорошимъ уже пріателемъ.

Доставшее время сего мѣсяца прове-

дево мною отчасти въ прежнихъ моихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, отчасти въ приготовленіяхъ къ приѣзду къ намъ старика-князя, моего командира, которой хотѣлъ къ намъ въ сіе лѣто и въ первыхъ числахъ іюля приѣхать. Къ намъ приѣзжали около сего времени наши молодые Кислинскіе, вмѣстѣ съ матерью жениховою. Настасьею Гавриловною, и пробили у насъ нѣсколько времени. Панионъ нашъ былъ въ сіе время во всемъ своемъ уже дѣйствиіи, и какъ между прочими хотѣлось отдать въ него сына своего и одной енифачской помѣщицѣ, госпожѣ Бакуниной, то сей случай спознакомилъ и сдружилъ насъ и съ сею почтенною и любезною дамою, которой пріязню и дружествомъ пользовались мы во все послѣдующее потомъ время и которая и понинѣ еще къ намъ благопріятствуетъ.

Впрочемъ, и въ теченіе сего мѣсяца продолжалъ я сочинять листы въ мой «Сельской Житель», и отъ времени до времени пересылать ихъ по почтѣ въ Москву, а взаимно оттуда получать печатные; и по отношенію ихъ достопамятно, что они около сего времени приобрѣли мнѣ въ Москвѣ еще одного добраго и такого корреспондента, которой отъменно мнѣ благопріятствовалъ, меня полюбилъ и даже сдѣлался потомъ моимъ добрымъ знакомцемъ и пріятелемъ. Былъ то нѣкто изъ пожилыхъ людей, называющійся Алексѣемъ Алексѣвичемъ Владыкинымъ и писавшій ко мнѣ сперва подъ именемъ Чистосердцова, а потомъ объявившій мнѣ и настоящее свое и дѣтей своихъ имя. Сей человекъ съ особливою ревностію за меня вступался, и одобряя отъ всей души и сердца все мое предпріятіе, не только сообщалъ мнѣ многія извѣстныя ему и нужныя въ доведствіи вещицы, но и другихъ поощрялъ къ тому же, а особливо обоихъ своихъ сыновей, находившихся при должностяхъ въ отдаленныхъ низовскихъ провинціяхъ и снабжавшихъ меня многими полезными увѣдомленіями. Кромѣ сихъ, получалъ я письма и отъ другихъ живу-

щихъ въ разныхъ и самыхъ отдаленнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ, и имѣлъ удовольствіе видѣть, что число благонамѣренныхъ корреспондентовъ часть-отъ-часу умножалось; и какъ всѣ они писали дѣло, а не бездѣлье и отзывались о дѣлѣ моемъ съ должною похвалою, то одобреніе ихъ въ состояніи было поддерживать меня въ моихъ трудахъ и уменьшать досаду, чувствуемую отъ глупцовъ, мѣшающихъ сему дѣлу своимъ умствованіями.

Наконецъ настала у насъ іюль мѣсяцъ и вмѣстѣ съ нимъ вослѣдовало давно уже ожидаемое прибытіе старика-князя, командира моего, въ волости. Онъ приѣхалъ, но обыкновенію своему, сперва въ Бобрини, куда тотчасъ прискакалъ и я къ нему. Было сіе 3-го числа сего мѣсяца, и князь пробылъ тутъ весь послѣдующій день, употребивъ оной на осмотраваніе всѣхъ работъ, тамъ производимыхъ, и всего прочаго, а 5-го числа приѣхали мы съ нимъ ко мнѣ и въ Богородицкѣ. Тутъ угодилъ ему было расположиться квартировать у меня въ домѣ, нежели во дворцѣ, гдѣ и старался я угостить его какъ можно лучше. Но и у меня не пробылъ онъ болѣе однихъ сутокъ, которыя употребили мы на осмотраваніе всего и всего мною сдѣланнаго и производимаго, и князь былъ всѣми дѣланіями, трудами и стараніями моими совершенно доволенъ. Я выводилъ и обвозялъ его по всѣмъ мѣстамъ, и все, что я ему ни показывалъ, приобрѣтало въ полной мѣрѣ его одобреніе и побуждало его меня за все и за все благодарить и изъявлять мнѣ свое удовольствіе. Съ нимъ былъ въ сей разъ одинъ изъ меньшихъ его сыновей, князь Петръ Сергѣевичъ, бывшій въ Англіи и тамъ учившійся наукамъ. Сей, будучи любопытнымъ и ко всякимъ художествамъ и ремесламъ склоннымъ молодымъ человекомъ, и нашедъ у меня много кой-чего для себя любопытнаго и занимательнаго, меня также полюбилъ и не могъ со мною обо всемъ довольно наговориться. Словомъ, я былъ и въ сей разъ всѣмъ обращеніемъ со мною старика-князя совершенно до-

волею. Но какъ у насъ въ самое сіе время начиналась годовая ярманка и все къ утруму приготовлено было къ освященію одного придѣла въ новой нашей большой соборной церкви, то не хотѣлъ князь присутствіемъ своимъ мѣшать намъ заниматься ярманкою и сѣмъ освященіемъ, но поутру 7-го числа отъ насъ уѣхалъ въ череску свою деревню, село Сергіевское, пригласивъ меня, чтобъ и я приѣхалъ къ нему туда по окончаніи хлопотъ съ ярманкою и съ освященіемъ сопряженныхъ.

Ярманка была у насъ въ сей годъ на прежнемъ мѣстѣ и многолюдная. Было на ней множество и приѣзжихъ изъ господъ окрестъ живущихъ дворянъ, какъ для ней, такъ и для освященія придѣла, которое происходило съ обыкновенными обрядами и производимо было присланнымъ изъ Коломны протопопомъ. И какъ мнѣ подобно было, какъ его, такъ и прочихъ, бывшихъ на сѣмъ освященіи, и своихъ городскихъ и приѣзжихъ угостить обѣденнымъ столомъ, то былъ у меня въ сей день ширъ и превеликое собраніе. Освященіе сіе было еще первое, которое случилось мнѣ производить въ жизни и видѣть, и потому было оно для насъ очень любопытно. Мнѣ удалось при сѣмъ случаѣ познакомиться вновь съ нѣсколькими изъ сосѣдственныхъ дворянъ, и между прочимъ съ господами Марковыми и его дѣтьми.

Окончивъ сіе хлопотливое дѣло,ждавшись совершеннаго окончанія ярманки, которую распоряжалъ уже нашъ городничій, и отправивъ новѣреннаго своего въ шадскую свою деревню, по случаю начинающагося тамъ опять межеванья, при которомъ хотя бы и весьма нужно было быть мнѣ самому, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не можно было никакъ отлучиться, поѣхалъ 12-го числа и я къ князю въ славное его село Сергіевское.

Князь принялъ меня тамъ не такъ, какъ покомандующаго, а какъ гостя, очень ласково и благопріятно: и какъ ему давно хотѣлось показать мнѣ свое Сергіевское и все тамошніе свои сады и другія

заведенія, то не успѣлъ я приѣхать, какъ, вѣдая мою охоту до садовъ, и повелъ онъ меня въ садъ и сталъ показывать все и все. Тутъ нашли мы и любимаго его и всехъ прочихъ пменитѣйшаго сына, князя Сергія Сергѣевича, и сей, гордымъ и высококомѣрнымъ своимъ обращеніемъ со мною, тотчасъ разрушилъ все удовольствіе, чувствуемое мною отъ благопріятнаго пріема отъ старика-князя. Онъ не хотѣлъ со мною промолвить почти ни одного слова, и казался негодующимъ даже на то, для чего и старикъ-отецъ его обходился со мною такъ милостиво, снисходительно и дружельюбно. Таковая отрицательная холодность его ко мнѣ и даже совершенное неуваженіе, и равно какъ презрѣніе меня, сдѣлалось мнѣ тотчасъ примѣтно и побудило тотчасъ заключать, что сему молодому князю кѣмъ-нибудь я оклеветанъ и что ему вѣрно что-нибудь на меня сказано, и я навѣрное полагаю, что бездѣльничество сіе произведено и кѣмъ инымъ, какъ сотоварищемъ моимъ, бобриковскимъ управителемъ, г. Верещагинымъ. Попавшееся мнѣ въ руки письмо его тотчасъ пришло мнѣ на память. Но какъ я ничего такого за собою не вѣдалъ, чѣмъ бы такимъ могъ навлечь на себя хотя малѣйшее неудовольствіе отъ молодого князя, то хотя было мнѣ сіе очень прискорбно, но я принужденъ былъ скрыть всю мою досаду во глубинѣ моего сердца и казаться всего его крайне холоднаго и высококомѣрнаго обращенія со мною непримѣчающимъ. Но смущеніе мое увеличилось еще несравненно больше, какъ услышалъ я отъ секретаря княжова, что отъ государыни молодой князь приданъ отцу своему относительно до правленія водостаями въ помощники и сотоварища, и что сдѣлано сіе якобы въ уваженіе его старости и слабости.

Неожиданность сія и увѣдомленіе обѣй за секретъ и удивило, и смутило меня еще болѣе, и весь духъ и сердце мое поразило равно какъ стрѣлою. Мысль, что и сей горделивецъ будетъ такимъ же моимъ командиромъ, какъ и старикъ-князь, возмущала весь мой духъ, ибо я

но всему видимому не могъ ожидать отъ него никакого себѣ добра и долженъ былъ готовиться только къ невпріятностямъ.

Итакъ, весь тотъ день и весь послѣдующій проводилъ я, несмотря на всѣ ласки старика-князя, въ превеликомъ смущеніи духа, и отъ бродящихъ въ головѣ разныхъ мыслей равно какъ на огнѣ прижился, и весьма радъ былъ, что князь не сталъ меня держать у себя долѣе, но въ слѣдующій затѣмъ день отпустилъ меня обратно въ Богородицкѣ, сказавъ, что онъ вскорѣ вслѣдъ за мною опять къ намъ въ Богородицкѣ и вмѣстѣ съ князь Сергіемъ Сергѣевичемъ придетъ. Сіе меня еще пуще встревожило и смутило. Однако, какъ нечего было дѣлать, то, откланявшись, и пустился я въ обратной путь, и въ тотъ-же день въ Богородицкѣ возвратился.

Приѣздомъ своимъ оба князя и незамѣшались дѣйствительно, и на другой же день приѣхали къ намъ и обозъ ихъ, а сами они заѣхали къ пріятелю молодого князя, г. Стрекалову, гдѣ и ночевали. Я приготовился-было опять принимать у себя въ домѣ и угощать князей по силѣ своей и возможности, но вдругъ отъ пріѣзжихъ съ обозомъ услышалъ, что имъ велѣно стать и расположиться во дворцѣ, и что хотя старику и хотѣлось опять стать у меня въ домѣ, но молодому князю было то негодно и онъ въ томъ воспротивился и велѣлъ расположиться во дворцѣ и столъ людямъ своей готовить. Сіе опять меня какъ обухомъ въ голову ударило, и я тотчасъ самъ въ себѣ подумалъ: «вотъ тебѣ на! и вотъ первая уже валенка въ кузовъ!». Но какъ нечего было дѣлать, то принужденъ былъ замолчать и дать имъ волю дѣлать, что хотять. Но всего прикрѣе и досаднѣе мнѣ было то, что не хотѣли они ничего даже брать изъ дома моего къ столу нужнаго и дѣлали то по особенному приказанію отъ молодого князя. Чудно мнѣ сіе показалось, но я принужденъ былъ и въ семъ случаѣ скрыть свою досаду.

Понутру на другой день приѣхали и князья. Я встрѣтилъ ихъ у крыльца, и

старой князь обошелся со мною по прежнему очень благосклонно, а молодой съ такимъ же опять высокоуміемъ, какъ и въ Сергіевскомъ. Всѣ ваши судьи вмѣстѣ съ городничимъ сдѣлали имъ честь и пришли къ нимъ тотчасъ на поклонъ. Но молодой князь принялъ и обошелся и съ ними такъ сухо и съ такимъ также высокоуміемъ и холодностію, что тѣ тотчасъ сіе примѣтали, и не будучи его подкомандующими, самого его въ сердцахъ своихъ презрѣли и тотчасъ, откланявшись, ушли и оставили сего горделивца съ покоемъ съ другомъ его, г. Стрекаловымъ, пріѣхавшимъ съ ними вмѣстѣ, и коего я тогда въ первой разѣ еще видѣлъ.

Столъ былъ уже приготовленъ, и какъ его накрыли, то хотя и примѣтилъ я, что поставлена была тарелка и на мой счетъ, но желая узнать, пригласятъ ли они меня, нарочно, передъ самымъ тѣмъ временемъ какъ надлежало садиться, уклонился я въ другія комнаты. Молодой князь и въ семъ случаѣ былъ такъ грубъ, что не хотѣлъ обо мнѣ и вспомнить, но спасибо уже старику, тотчасъ примѣтивъ, что меня нѣтъ, сказалъ: «А гдѣ-жъ Андрей Тимоеевичъ? Зовите его сюда!» Итакъ, принужденъ я былъ, противъ хотѣнія даже своего, сѣсть съ ними за столъ и у нихъ обѣдать; но признаться надобно, что мнѣ не шелъ почти ни одинъ кусокъ въ горло, такъ досадно было мнѣ все поведеніе молодого надменнаго князя.

Послѣ обѣда легъ старикъ, по обыкновенію своему, немного отдохнуть, а молодой князь занялся разговорами со Стрекаловымъ, а я, уклонившись отъ нихъ, вступилъ съ меньшимъ его братомъ въ свои ученые и любопытные разговоры, и занялся тѣмъ во все то время, покуда старикъ спалъ; но какъ скоро онъ всталъ, то пошелъ онъ съ молодымъ княземъ и со мною прохаживаться по берегу пруда передъ дворцомъ. И тогда начался у него при мнѣ первой разговоръ, относящійся до волостей, и я удивился, услышавъ, что молодой князь началъ все критиковать и опорочивать и между прочимъ, ~~упомянулъ~~

вать о такихъ вещахъ, о которыхъ бы ему и знать никакъ было не можно, если-бъ ему не было ни отъ кого предварительно о томъ пересказано. Сіе подтвердило догадку мою относительно до Верещагина, и я тотчасъ заключилъ, что говоритъ онъ по его внушеніямъ и клеветамъ. Самое первое, о чемъ онъ старику говорить сталъ, относилось до собираемыхъ съ наемщиковъ поземельныхъ платимыхъ ими денегъ пошлинъ. Во время правленія моимъ предмѣстникомъ, деньгами сими пользовался самъ онъ и дѣлялся можетъ быть съ тогдашнимъ помощникомъ своимъ Верещагинымъ; а сей, заключаю можетъ быть, что и я ими, по примѣру ихъ, пользуюсь, не преминулъ замѣтить о томъ князю. Но спасибо, онъ ужасно въ томъ обманулся, ибо я и не помышлялъ никогда о томъ, чтобы ими пользоваться; и потому не успѣлъ молодой князь меня при старикѣ спросить, какую мы съ земель пошлину и на что собираемъ, и куда сія деньги дѣваемъ; и спросилъ меня такимъ тономъ, какъ бы въ похищеніи ихъ обвиняя, какъ я тотчасъ въ отвѣтъ ему сказалъ, что установилъ это не я, а сдѣлано было то до меня; что сборъ сей почитаю я самъ ненадобнымъ и незаконнымъ; что куда деньги сіи до меня употреблялись—не знаю, а которыя при мнѣ собраны, тѣ всѣ цѣлы, и что я до нихъ не касался и хотѣлъ самъ просить у князя повелѣнія о томъ, куда онъ ихъ дѣть и что съ ними учинить прикажетъ.

Нечего было на сіе сказать молодому князю. Онъ почти устыдился, что напрасно мечталъ худо обо мнѣ, и тотчасъ, прикрывая свой стыдъ, сталъ говорить старику, чтобы сіи пошлинны уничтожить и впредь не собирать, ссылаясь и на мое о томъ согласное съ нимъ мнѣніе, на что старикъ и согласился; итакъ, дѣло сіе кончено.

Послѣ того завелъ онъ рѣчь о выставкахъ и кабакахъ, которыхъ такъ много въ волостяхъ, и о томъ, какъ мужики отъ нихъ въпрохъ пропиваются и разоряются. **Въ тотчасъ** догадался, что конечно

наказано ему и объ нихъ что-нибудь отъ Верещагина, которому извѣстно было, что предмѣстникъ мой за нихъ получалъ отъ откупщика великую прибыль, и что можетъ быть и съ сей стороны оклеветалъ онъ меня князю, думая, что и я также ими пользуюсь; но по счастью, какъ и о семъ я всего меньше помышлялъ, то не трудно было мнѣ и сію клевету и худое о себѣ мнѣніе уничтожить. Я тотчасъ сказалъ ему, что выставки и кабаки сіи введены не мною, а еще господиномъ Опухтиннымъ, что всѣ они волостямъ вредны и мужики отъ нихъ разоряются—это правда, но что я, при самомъ еще вступленіи моемъ въ должность, о томъ и о уничтоженіи оныхъ его сіятельству князю Сергію Васильевичу докладывалъ, но его сіятельству угодно было приказать оставить ихъ по прежнему, а потому они и нынѣ хотя существуютъ, но я ими никакъ не пользуюсь, а желалъ давно и желаю и теперь, чтобы они истреблены были. «Такъ, князь Сергій, такъ! подхватилъ на сіе старой князь: онъ мнѣ давно и не однажды говорилъ, но я не велѣлъ ихъ трогать, и онъ этому нисколько не причиною». Стыдно стало молодому князю, что и въ семъ случаѣ не удалось ему меня предъ отцомъ очернить, и незная, чѣмъ уже прикрыть свой стыдъ, сталъ со мною равно какъ бы совѣтовать о томъ, нельзя-ль бы ихъ теперь истребить и какъ бы это сдѣлать? На сіе сказалъ я ему, что я этого не знаю, а думаю только, что теперь не такъо легко сіе сдѣлать можно, какъ прежде, потому что они сдѣланы уже гласными и извѣстны намѣстнику и вошлм уже въ опись и въ сложность въ казенной палатѣ. Сіе услышавъ, старой князь п равно какъ съ вѣкакою досадою сказалъ: «Пустое, братъ, и это затѣвать, и входить за сіе въ ссору съ намѣстникомъ. Дѣло однажды сдѣлано, такъ тому и быть! Благо мужики не жалуются; итакъ, пускай себѣ ими довольствуются: пить имъ есть на что и денегъ у нихъ много». Нечего было тогда и на сіе сказать молодому князю, и онъ замолчалъ.

Послѣ сего, немного погодя, завелъ онъ рѣчь объ оброчныхъ отдаточныхъ земляхъ и сталъ растверживать, какъ это худо, что онѣ не только всегда по одной непремѣнной и весьма низкой цѣнѣ отдаются, но положено до тѣхъ поръ ни у кого не отнимать, покуда кто самъ не откажется. О семъ не успѣлъ я услышать разговора у него съ отцомъ, какъ тотчасъ заключить, что и тутъ скрывались плутни, клеветы и злыя внушенія Верещагина, которому извѣстно было, что другъ его, а мой предметникъ, получалъ за сіе отъ паемщиковъ великіе прибыли, и что по всему видимому онъ и обо мнѣ тоже заключалъ, хотя я и отъ сего весьма удаленъ былъ, тотчасъ вмѣшался въ ихъ разговоръ и сталъ тоже самъ говорить, что это не то-то, что хорошо, а несравненно было-бъ лучше и прибыльнѣе, если-бъ отдавать ихъ съ публичнаго торгова. Силь не только я и въ семъ отношеніи уничтожилъ худое мнѣніе о себѣ, но нѣсколько и угодилъ молодому князю. Но старикъ не хотѣлъ никакъ приступить къ предлагаемой перемѣнѣ, а на отрѣкъ сказалъ, что это надобно оставить для переды, а теперь пускай остается и сіе на прежнемъ основаніи, и что ему не хочется огорчить паемщиковъ.

Нечего было и въ семъ случаѣ молодому князю дѣлать. Онъ принужденъ былъ замолчать. А такимъ же образомъ и всѣ прочія его замашки и обиняки были вмгъ мною разрушаемы и уничтожаемы, что мнѣ, какъ во всемъ невинному, а правому человѣку и нетрудно было дѣлать. Но все сіе мнѣ нимало не помогло: молодой князь продолжалъ и послѣ сего бытъ ко мнѣ хладнокровнымъ, и, по словицѣ говори, не смога въ рога, вздумалъ уже всѣ мои дѣянія и распоряженія порочить, и говорить, что то нехорошо, другое дурно!.. по симъ онъ даже опорчалъ старика-князя, и до того довель, что онъ ему съ нѣкоторою досадою сказалъ: «Это тебѣ такъ кажется, а мнѣ такъ не такъ, и для меня все это хорошо и все похвально». А сіе и принудило

молодого князя замолчать и только продолжать на меня дуться.

Наконецъ кончилось наше гулянье и сіи важныя, но крайне досадныя для меня разговоры; а ввечеру, по возвращеніи во дворецъ, ничего уже тому подобнаго говорено не было; а старикъ-князь продолжалъ по прежнему обыкновенію со мною о разныхъ предметахъ и съ множайшею еще благосклонностію разговаривать, нежели прежде. А на другой послѣ сего день и поѣхали мы всѣ на одной линейкѣ въ Бобрйки. Тутъ, проѣзжая Балахонской дѣсь, которой мною, какъ прежде упомянуто, былъ особымъ манеромъ на множество просѣвъ и аллея разрушенъ и которой чрезъ то и чрезъ обрубленіе въ немъ крайнихъ деревъ отменно красивъ былъ, спросилъ князь умницу сына своего: - Ну, что, князь Сергій! и это скажешь ты что дурно? Нечего было ему на сіе уже отвѣчать, и онъ принужденъ былъ отду сказать, что это хорошо, что похулить не можно и что я человекъ со вкусомъ. Вотъ одно только выгодное о себѣ слово, которое и отъ него во всю сію его у насъ быстрое услышалъ; но за сіе съ злывою отплатилъ онъ мнѣ, находясь въ Бобрикахъ, чрезъ отменно ласковое и дружелюбное обращеніе съ Верещагинимъ. Тутъ казалось ему все хорошо и все пріятно. И столомъ его, и угощеніемъ, и ласками семенства его былъ онъ доволенъ, и все превозносилъ похвалами, и Верещагинъ передъ нимъ перевертывался сущимъ бѣсомъ. Все сіе принужденъ я былъ видѣть съ крайнею и чувствительною досадою, но при всемъ томъ молчать и притворяться, будто ничего не вижу, и о всѣхъ бездѣльничествахъ Верещагина и злыхъ его на меня ковахъ, какъ бы ничего не зналъ и не вѣдая.

Въ Бобрикахъ молодой князь недолго пробылъ, но въ тотъ же еще день ускорилъ прочь, а старикъ остался почтенать, и препроводивъ весь вечеръ со мною въ благосклонныхъ разговорахъ, поѣхалъ отъ насъ уже въ слѣдующее утро, и я расстался съ нимъ съ истиннымъ сожалѣ-

нѣмъ, равно какъ предвидя, что этотъ разъ былъ первой и послѣдній, что онъ при мнѣ приѣзжалъ въ наши волости, ибо послѣ сего не случилось ему уже ихъ ни однажды видѣть.

Такимъ образомъ проводили мы своихъ князей, и какъ много я къ старику ни былъ приверженъ искренною любовью и почтеніемъ, и какъ сначала приѣзду его ни былъ радъ, но признаюсь, что обратный приѣздъ его къ намъ съ сыномъ былъ для меня уже такъ отягощенъ, что, съ отъѣздомъ его, съ илечъ моихъ какъ превеликая гора свалилась, и я съ удовольствіемъ поскакалъ уже назадъ къ своимъ роднымъ въ Богородицкѣ.

А снѣмъ дозволяете мнѣ и сіе письмо окончивъ, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Ноября, 17-го дня, 1809 года. Въ Дворянщевѣ).

ЪЗДА ВЪ МОСКВУ.

Письмо 196-е.

Любезный пріятель! Освободившись отъ бремени, съ приѣдомъ князей сопряженнаго, и возвратившись въ Богородицкѣ, принялся я за всѣ прежнія свои дѣла и упражненія. Поведеніе молодого князя хотя не выходило у меня долго изъ ума и обезпокоивало мои мысли, но мало-по-малу они опять успокоились. Увѣреніе о благопріятствѣ старика-князя и надежда, что онъ меня не выдастъ, и на его къ себѣ покровительство, подкрѣпляла и ободряла меня очень. Совѣмъ тѣмъ, какъ я былъ долженъ думать и о передѣ, то неизвѣстнымъ считалъ познакомиться короче и буде можно свести дружбу съ помянутымъ другимъ молодого князя, господиномъ Стрекаловымъ, дабы онъ могъ мнѣ впередъ въ случаѣ нужды пригодиться. Сей человѣкъ былъ одинъ изъ богатыхъ крапивенскихъ дворянъ. Находясь въ службѣ, былъ онъ адъютантомъ у графа Шувалова, и томъ путешествовалъ съ его снѣмъ

Европѣ и во Франціи, и наконецъ, будучи въ отставкѣ полковникомъ, жилъ въ своихъ деревняхъ, и показался мнѣ весьма умнымъ, любопытнымъ, степенымъ и добрымъ человекомъ. Въ бытность его съ княземъ въ Богородицкѣ обошелся онъ со мною довольно ласково и дружелюбно, и при отъѣздѣ въ домъ звалъ меня къ себѣ и говорилъ, что для него будетъ очень пріятно, если я къ нему когда приѣду, а сіе наиболѣе меня и побуждало списывать его къ себѣ дружбу и знакомство.

Всходствіе чего, не долго думая, по спустя дни три по возвращеніи моемъ, собравшись и поѣхали мы съ женою къ нему въ его деревню, отстоящую отъ Богородицка верстъ тридцать. Г. Стрекаловъ былъ дѣйствительно мнѣ радъ и старался вмѣстѣ съ женою своею угостить насъ всячески. Звали его Феодромъ Григорьевичемъ, а жену его Натальею Андреевну, которая была также боярыня умная и благопріятная. Они не отсутствовали насъ не только въ тотъ день, но и на другой безъ обѣда. И какъ г. Стрекаловъ нашелъ во мнѣ человека со вкусомъ, съ которымъ могъ онъ говорить обо многомъ и обо всѣхъ почти матеріяхъ, то не только выводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ и заведеніямъ, но не могъ со мною довольно поговориться, и мы разстались съ нимъ какъ хорошіе уже пріятели. А съ сего времени и началось у насъ знакомство съ снѣмъ всегда къ намъ благопріятствующимъ домою, и я дружбою и благоклонностію къ себѣ господина Стрекалова былъ доволенъ, и былъ-бы можетъ быть еще и довольнѣе, еслибы, къ несчастію, не былъ въ домъ его въѣзжъ и г. Верещагинъ съ мытарями своими сестрами и не вредилъ намъ тайными и коварными своими и ему клеветами и наговорами. Онъ сдѣлался господину Стрекалову знакомъ по князю, и какъ онъ имѣлъ даръ ко всякому подольститься и предъ всякимъ принимать на себя видъ друга, то сіе помогло ему вкрасться и къ господину Стрекалову въ любовь и въ

дружбу; однако, сколько мнѣ казалось, то г. Стрекаловъ всегда умѣлъ различать людей съ людьми и истиннымъ достоинствомъ давать преимущество предъ ложными.

Возвратясь отъ господина Стрекалова, между прочими своими разными занятіями упражнялся я около сего времени въ отдѣлкѣ нововыдуманной мною дневной иллюминаціи, которая, а особливо выдуманная и сдѣланная въ перспективическомъ ящикѣ, особливою пріятностію своею утѣшала меня, какъ маленькаго рабенка, чрезвычайно; но и всѣ ею не могли довольно налюбоваться, ибо, при смотрѣніи на оную въ стекло, казалось, что смотришь дѣйствительно на фейерверочную щитъ, горящій и составленной изъ селитряныхъ свѣчекъ. А между тѣмъ и дѣло мое по «Сельскому Жителю» продолжало итти своимъ чередомъ, и я около сего времени получалъ опять нѣсколько писемъ отъ новыхъ и благорасположенныхъ ко мнѣ корреспондентовъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того удивлены и обрадованы мы были неожиданнымъ совѣмъ извѣщеніемъ, что малютка сынъ мой Павелъ записанъ былъ уже въ гвардію и получилъ уже пашпортъ съ чиномъ подпрапорщика. Какъ въ тогдѣшнее время всѣ дѣтей своихъ, и даже въ самыхъ колибеляхъ, имѣли обыкновеніе записывать въ гвардію, и всѣмъ тѣмъ, которые имѣли какой-нибудь случай въ Петербургѣ или знакомство съ управлявшимъ тогда преображенскимъ полкомъ майоромъ, графомъ Ѳеодоромъ Матвѣевичемъ Толстымъ, производить сіе было очень легко, то помышляли и мы давно уже о томъ же въ разсужденіи нашего сына; но какъ у насъ не было никого въ Петербургѣ коротко знакомыхъ, то и сожалѣли о томъ, что не могли того сдѣлать; но въ сіе время, безъ всякой нашей просьбы, старанія и домогательства, помоги намъ до цѣли желанія сего достигнуть тотъ самый г. Верещагинъ, которой втайнѣ мнѣ такъ злодѣйствовалъ. Онъ не успѣлъ о желаніи нашемъ стороною узнать, какъ восхотѣлъ намъ под-

служиться и тѣмъ прикрыть всѣ свои противъ меня злоумышленія; и я истинно и по сіе время не знаю, чрезъ кого и какъ удалось ему спроворить симъ дѣломъ; но какъ бы то ни было, но сынъ мой чрезъ его посредство былъ въ гвардію записанъ подпрапорщикомъ и получилъ помянутой пашпортъ.

Легко можно заключить, что таковая его услуга была намъ непротивна; мы благодарили его за сіе искренно, и могу сказать, что сіе примирило меня съ нимъ и въ сокровенныхъ мысляхъ объ немъ мысляхъ. Но всего страннѣе было то, что въ пашпортѣ семъ увидѣлъ я, что сынъ мой ошибкою вмѣсто Павла названъ Андреемъ, что и доказывало мнѣ, что произведено было сіе опредѣленіе въ службу черезъ переписку и людей постороннихъ. Г. Верещагинъ, приславшій ко мнѣ сей пашпортъ, съ поздравленіемъ, самъ того сначала не усмотрѣлъ, но узнавъ о томъ отъ насъ, ахнулъ, и не долго думая, выпросилъ у насъ сей пашпортъ назадъ, отправилъ его въ Петербургъ и чрезъ нѣсколько недѣль доставилъ намъ другой съ настоящимъ уже его именемъ и съ чиномъ уже капитанармускимъ, и тѣмъ, къ вашему удовольствію нашему, услугу свою еще болѣе усовершенствовалъ. Итакъ, съ сего времени сынъ мой и считался уже въ гвардейской службѣ и въ отпуску изъ оной до совершеннаго возраста и для обученія наукъ.

Но не успѣли мы симъ пріятнымъ для насъ происшествіемъ нѣсколько дней повеселиться, какъ съ наступленіемъ мѣсяца августа полученное изъ шадской моей деревни извѣстіе вдругъ опять весь мой духъ возмутило и повергло меня въ бездну заботъ, досадъ и огорченій. Отправленной туда повѣренной мой увѣдомлялъ меня, что Пашковъ началъ опять, и самымъ бездѣльническимъ и плутовскимъ образомъ, безъ дѣланія повѣстокъ и безъ приниманія ни отъ кого споронъ, межевать, и наибеззаконнѣйшимъ образомъ не только всю степь замежевать за себя, но наглость и алчность

его до того простиралась, что у всѣхъ нашихъ сосѣдей отхватили и отмежевалъ себѣ превеликое множество пашенной земли, засѣянной ихъ хлѣбомъ, и весь оной хлѣбъ себѣ свезъ; а что всего важнѣе, отхватили и отмежевалъ себѣ все то мѣсто, которое и намъ отъ межевой канцеляріи было продано, и что намъ теперь не осталось ни одного клочка изъ всей тамошней обширной степи, и проданныхъ намъ 1,000 десятинъ отмежевать себѣ совсѣмъ негдѣ; и что онъ, повѣренной, узнавъ о семъ межеванѣ, хотя выѣзжалъ на межу и предъявлялъ споръ, но оной никакъ отъ него не приняли, а съ межи его дубьемъ почти согнали.

Вдурился я сіе узнавъ и слышавъ, и не могъ никакъ понять и надивиться тому, какъ можетъ человекъ, изъ непоимѣнной алчности къ корыстолюбію такъ много себя забыть и произвестъ такое наглое и совсѣмъ незаконное дѣло и не сердился, а бѣсплся, и на Пашкова, и на бездѣльника межевщика, и въ неописанной досадѣ не звалъ долгое время, что дѣлать и сообразиться съ мыслями о томъ, что при такихъ обстоятельствахъ предпріять и какія лучше мѣры употребить сего зла къ уничтоженію; а подоспѣвшій на другой день и ѣздившій туда, я къ намъ оттуда заѣхавшій, братъ Гаврила Матвѣевичъ, и рассказавшій въ подробности мнѣ обо всѣхъ бывшихъ тамъ происшествіяхъ, еще пуще меня смутилъ и растрожилъ; словомъ, я пылалъ тогда огнемъ и пламенемъ, и находился въ такой душевной разстройкѣ и состояніи, какого никакъ изобразить не могу.

Нѣсколько дней сряду я безпрестанно принужденъ былъ о семъ думать и размышлять, и наконецъ другого и лучшаго средства не находилъ, какъ скакать скорѣе въ Москву и подать въ межевую канцелярію челобитную съ прописаніемъ всѣхъ его прежнихъ и нынѣшнихъ бездѣльничествъ и плутовства, и жаловаться на землемѣра, прося о учиненіи съ нимъ по законамъ.

Воспріять ~~се~~ ~~нашѣреніе~~ и не долго думая, ~~сѣмъ~~ ~~что~~, и ну махать и

сочинять челобитную; и какъ мнѣ извѣстно было, что межевая канцелярія о тамошней степи и ея положеніи и обо всѣхъ бывшихъ съ нею происшествіяхъ, за непмѣніемъ оной плана, не имѣла никакого понятія, то въ немногіе часы намахалъ превеликую и прямо рѣзкую историческую челобитную, прописавъ въ ней всѣ бывшія издревле и въ послѣдующія времена съ сею степью происшествія; а чтобы лучше можно было мнѣ все положеніе оной и обстоятельности объяснить, то сочинилъ и антрельной маленькой планъ оной и смежными съ нею дачамъ и селеніямъ, и не успѣлъ сего сдѣлать, какъ велѣлъ готовить лошадей и въ дорогу собираться, поелику я не хотѣлъ ни минуты медлить. По счастью, и равно какъ сіе предвидя, попросилъ я у князя дозволеніе объ отлучкѣ отъ волости.

Итакъ, 13-го августа, собравшись и взявъ съ собою все нужное, раннимъ-ранехонько и пустился я въ свой путь, и приѣхалъ въ Дѣдиловъ обѣдать и кормить лошадей. Тутъ, приставъ на всегдашней своей квартирѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія нашелъ въ ней, кого-жъ?... Того славнаго землемѣра Ваксея, съ которымъ я еще при покункѣ Кіясовской волости познакомился и сдружился. Не могу изобразить, какъ обрадовался я сей нечаянной встрѣчѣ съ такимъ человекомъ, которой изъ докъ-докою и величайшимъ знатокомъ по межевымъ дѣламъ почитался и которой послѣ по самому сему былъ даже первымъ членомъ въ межевой канцеляріи. Мнѣ искомъ-бы искать и не найтись такого знающаго человека, съ которымъ бы мнѣ можно было о моемъ дѣлѣ посоветовать, а тутъ сама судьба, и равно какъ нарочно, на тотъ же дворъ его стоять привела и мнѣ нанудобнѣйшій случай доставила съ нимъ о дѣлѣ своемъ поговорить и посоветовать. «Ахъ, батюшка, Василій Савельевичъ! воскликнулъ я, его увидѣвъ и съ нимъ цѣлуясь: какъ радъ я, что васъ здѣсь вижу, и самъ Христосъ тебя сюда принесъ». — «Что такое?» спросилъ меня Ваксель, удивившись. — «Чего, батюшка, мнѣ есть

крайняя и прекрасная нужда поговорить и посоветовать *объ* одномъ межеровомъ дѣлѣ съ знающимъ человекомъ; и съ кѣмъ лучше могу я о томъ поговорить, какъ не съ вами, и отъ васъ попросить дружескаго совѣта?» — «Пожалуй, пожалуй! подхватилъ г. Ваксель, съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ вамъ тѣмъ услужить; расскажите только мнѣ обстоятельнѣе все дѣло. Тогда сѣла мы съ нимъ за столъ и я ну ему рассказывать всю свою исторію, показывать ему свой антрельной планъ, объяснять все дѣло, и наконецъ, сказавъ ему свое намѣреніе, показывать ему свою челобитную.

Г. Ваксель выслушивалъ все говоренное и читаемое мною съ величайшимъ вниманіемъ, и наконецъ мнѣ сказалъ: «Ну, братецъ! дѣлцо, я дѣлцо преважное и почти необыкновенное. Намѣренія вашего нельзя быть лучше: поѣзжайте себѣ съ Богомъ и производите его въ дѣйство. Въ самой челобитной вашей не нахожу я ничего ни убавить, ни прибавить. Она хотя и необыкновенная, но очень хороша. Подавайте ее съ Богомъ. Не принять ее нельзя канцелярн, и посмотрите, какого надѣлаетъ она грома и какія великія произведетъ по себѣ послѣдствія. Помяните тогда мое слово». Силь, и увѣреніемъ, что вѣрно она мнѣ послужитъ въ пользу и въ состояніи будетъ разрушить всѣ злыя ковы, ободрилъ онъ меня чрезвычайно. Итакъ, разставшись съ нимъ, поскакалъ я далѣе и съ спокойнѣйшимъ уже духомъ.

Какъ ѣхалъ я на своихъ лошадяхъ и заѣзжалъ на часокъ въ свою деревню, то не прежде могъ приѣхать въ Москву, какъ 16-го числа передъ вечеромъ. Я тотчасъ и въ тотъ же еще день поѣзжалъ къ старнику-князю, ибо остановился у его секретаря, противъ его дома живущаго. Князь удивился, увидѣвъ меня опять такъ скоро, но услышавъ о причинѣ моего въ Москву приѣзда, далъ мнѣ совершенную волю хлопотать по моему дѣлу; итакъ, я на другой день и черканулъ въ межевую, и тамъ, отыскавъ своихъ знакомцевъ, секретарей Селижарова и Соколова,

рассказываю мнѣ все дѣло. Гдѣ не могутъ довольно надѣлаться въѣтъ прокушества и совѣтуютъ мнѣ поехать на землемѣра челобитную. Я показываю имъ мною сочиненную, а особенно Соколову, у котораго дѣло таинное было въ посылкѣ. Сей проситъ меня послѣ обѣда къ себѣ въ домъ, чтобы поговорить о томъ и посоветовать лучше на престоѣ и наединѣ. Я тому радъ, приѣзжаю къ нему, и онъ, по прежней дружбѣ и ласкѣ своей ко мнѣ, принимаетъ и угощаетъ меня дружески. Потому говорить имъ съ нимъ и совѣтовать о дѣлѣ. Онъ такого же мнѣнія, какъ и г. Ваксель, не находитъ ничего ни прибавить и убавить въ челобитной, кромѣ нѣсколькихъ малостей, но совѣтуетъ мнѣ съѣздить напередъ на домъ къ самому Князеву и съ нимъ объясниться, и показать ему и планъ, и челобитную, и что онъ мнѣ скажетъ, то и дѣлать. И какъ совѣтъ сей былъ благъ и прямо дружеской, то и положилъ я его въ точности исполнить.

Итакъ, на другой же день поутру ранехонько и черканулъ я къ г. Князеву. Анисимъ Титовичъ не успѣлъ отъ докладчика услышать мое имя, какъ велѣлъ тотчасъ звать меня къ себѣ въ кабинетъ, и встрѣтилъ меня самымъ дружескимъ привѣтствіемъ. «Ахъ, Андрей Тимоѣевичъ! все-ли въ добромъ здоровьѣ? Милости прошу садиться! Что къ вамъ пожаловали? Конечно, для какой-нибудь опять нужды?» — Точно такъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ, сказалъ я: и самой необходимой; и неволя заставила меня бросить все и скакать сюда къ вамъ. Помогите, ради Бога! — «Что такое? подхватилъ онъ: пожалуйста скажите, и будьте увѣрены, что все, что только можно и что отъ меня зависитъ, я сдѣлать не отрекусь и съ удовольствіемъ сдѣлаю». Радъ я былъ таковому его общанію, и тотчасъ, не говоря еще о челобитной, началъ ему всю исторію и плутни Пашкова и межевщиковы рассказывать, и для лучшаго объясненія показывать ему свой антрельной планецъ.

Князевъ съ превеликимъ вниманіемъ

слушалъ все мною говоренное и разсматривалъ мой планъ, и какъ казалось съ особеннымъ любопытствомъ и удовольствіемъ. И какъ я все кончилъ, то пожавъ плечами сказалъ:—«Боже мой! что это за люди! и какая ненасытная алчность. Признаюсь вамъ, Андрей Тимоѣевичъ, что это я сдѣлалъ, что всѣ сіи земли на разныя имена проданы Пашкову, и самъ я убѣдилъ его ихъ купить; но теперь вижу, что онъ меня бездѣльническимъ образомъ обманулъ и засвято увѣрилъ, что тутъ всей пустої земли не болѣе тысячъ пятнадцати десятинъ, почему я ее всю ему и продалъ. Но возможно ли, не удовольствуясь и такимъ множествомъ земли, хотѣтъ еще бездѣльно и безъ всякаго права захватить себѣ сверхъ того такую громаду казенной земли?.. Но точно ли ее тутъ такъ много?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! подхватилъ я: могу ли я васъ обманывать, и на что же мнѣ прилгать? Самое разстояніе, и ширина, и длина сей степи вамъ то доказать можетъ. Тутъ покачалъ онъ опять головою и удивляясь сказалъ: «Что это за канальская выдумка и какая непростительная хитрость! Обведи всю степь узкими продажными полосами и звеньями, а всю внутренность хочется поприбрать себѣ даромъ! Нѣтъ, это слишкомъ уже много и нимало не кстати!» Наконецъ спросилъ онъ меня: «Что-жъ думаете и хотите вы теперь сдѣлать?»—Ахъ, батюшка, Анисимъ Титовичъ! объ этомъ-то и приѣхалъ я просить васъ, какъ моего милостивца и благодѣтеля, чтобъ вы меня въ томъ надоумили и по милостивому вашему ко мнѣ благорасположенію наставили и совѣтъ дали.—Другого не остается, сказалъ онъ, какъ подать вамъ въ канцелярію на бездѣльника сего межевника челобитную, и хорошо, когда бы вы въ ней намъ все о сей степи пообъяснили; ибо скажу вамъ, что межевная канцелярія не имѣетъ объ ней никакого еще понятія. Итакъ, напишите-ка, батюшка, я поспѣшите подать къ намъ, а этотъ прекрасный планецъ не оставите ли вы у себя, чтобъ бы я могъ его пока-

зать Ивашеву, нашему первому члену, и съ нимъ о семъ дѣлѣ переговорить». —Очень хорошо; отвѣчалъ я, а что касается до челобитной, то вотъ она у меня вчернѣ написана, но не знаю, годится ли она? и не удостойте ли вы ее своимъ взоромъ?—«Пожалуй, пожалуй!» сказалъ онъ, и тотчасъ началъ ее читать и читая нѣсколько разъ восклицать: «Браво! браво! прекрасно! очень хорошо!» и наконецъ спросилъ онъ, кто мнѣ ее писалъ? И какъ я ему сказалъ, что сочинена она самимъ мною, то онъ подхватилъ:—«Нельзя, нельзя быть лучше; извольте только ее переписать и подавайте съ Богомъ. Не принять отъ васъ ее никакъ намъ нельзя: самой казенной интересъ насъ къ тому обяжетъ. И я скажу, что теперь не помогутъ господину Пашкову и всѣ его тысячи и государство. Самъ онъ такъ напроказилъ и все дѣло такъ испортилъ, что и пособить никакъ не можно; и намъ другого не остается дѣлать, какъ велѣтъ все это межеванье установить, бездѣльника этого землемѣра отдать подъ судъ, а для измѣренія и снятія на планъ всѣхъ сихъ земель отправить изъ канцеляріи нарочнаго и на казенной коштѣ землемѣра, и велѣтъ ему всю сію степь и смежныя съ нею дачи снять аккуратнѣйшимъ образомъ на планъ, и принимать всѣ споры какъ должно; и это мы непремѣнно сдѣлаемъ, и тогда можете вы быть увѣрены, что вы и вамъ проданную землю вѣрно получить можете. Жаль только, что дѣло сіе нѣсколько попротянется. Но за то велимы мы всѣхъ владѣльцевъ, до разсмотрѣнія и рѣшенія сего дѣла, оставить при прежнемъ ихъ владѣніи, чѣмъ, надѣюсь, и вы будете довольны».—Конечно, сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкій поклонъ; а онъ сказалъ: «Такъ поѣжайте-жъ, батюшка, и поспѣшите подачею къ намъ вашей важной бумажки».

Съ симъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, и я тотчасъ бросившись въ межевую и пересказавъ все Соколову, при помощи его и велѣлъ челобитную мою переписывать, чѣмъ и занялись мы въ тотъ и во

весь послѣдующій день; а 21 числа я ее въ канцелярію и подалъ, и по подачѣ приглашенъ былъ въ судейскую, къ самому генералу, для повторенія увѣренія моего, что все писанное мною основано на самой справедливости. Тутъ засталъ я всѣхъ присутствующихъ, съ любопытствомъ разсматривающихъ мой, предъ генераломъ лежащій, рисунокъ, и генераль отозвался ко мнѣ очень милостиво, говоря, что казна обязана мнѣ благодарностію за открытіе такого великаго и значительнаго казенной земли похищенія, и что я могу остаться спокойнымъ и быть увѣреннымъ, что я получу свое удовольствіе. И подлинно, они тотчасъ повернули симъ дѣломъ такъ, что въ тотъ же часъ положена была резолюція, а въ послѣдующій подписано было уже и опредѣленіе о посылкѣ въ Тамбовъ и къ землемѣру указовъ, а чрезъ день и вручены они уже были самому мнѣ для вѣрнѣйшаго и скорѣйшаго доставленія ихъ въ Тамбовъ и къ землемѣру, и въ нихъ прописано точно все то, что мнѣ Князевъ предварительно уже сказывалъ.

Итакъ, все сіе дѣло въ немногіе дни и съ успѣхомъ, превосходящимъ все мое чаяніе и ожиданіе, кончилось, и я, будучи тѣмъ чрезвычайно доволенъ и не имѣя, впрочемъ, въ Москвѣ никакихъ нуждъ, а отблагодаривъ Князена и побывавъ въ рядахъ, искушивъ все нужное и повидавшись еще съ старикомъ-княземъ и съ издателемъ моего «Сельскаго Жителя», господиномъ Ридигеромъ, тотчасъ опять изъ Москвы, и именно 25 числа, въ Богородицкѣ и отправился, пробывъ въ сей разъ только девять дней въ столицѣ.

Поедику на семь обратномъ пути вадобно мнѣ было ѣхать мимо самаго двора нашихъ молодыхъ Кислинскихъ, то не преминулъ я къ нимъ заѣхать, и угощенъ былъ у нихъ обѣдомъ; а въ Дѣдиловѣ, къ удивленію моему, съѣхался не нарочнымъ образомъ опять съ господиномъ Вакседемъ, которой, увидѣвъ меня, съ крайнимъ любопытствомъ хотѣлъ знать что воспослѣдовало, и бралъ въ удовольствіи моемъ живѣйшее соучастіе,

говоря: «Ну, вотъ, не правду ли я сказалъ, что челобитная ваша надѣлаетъ много шума и произведетъ великія послѣдствія! Теперь поспѣшите только скорѣе, батюшка, отправитъ туда сіи указы». Что я и не преминулъ сдѣлать, и на другой же день, по возвращеніи моемъ въ Богородицкѣ, отправилъ туда съ нарочнымъ; и они дѣйствительно все тогдашнее межеравѣ тамъ остановили, и мы опять по прежнему своими распашными землями владѣть начали, и дѣло пошло въ оттяжку.

Домашнихъ своихъ нашелъ я здоровыми. Они никакъ не ожидали столь скоро обратнаго моего приѣзда, и вѣдывая безъ меня къ теткѣ Матренѣ Васильевнѣ, въ ефремовскую ея деревню, въ одну минуту со мною оттуда въ Богородицкѣ возвратились.

Такимъ образомъ, былъ для меня весь августъ мѣсяцъ хлопотливой и я провсѣлъ его весь въ непрерывныхъ суетахъ и безпокойствахъ; но за то послѣдующій затѣмъ сентябрь преполненъ былъ множествомъ удовольствій и мы провели его очень весело. Уже самое и начало его ознаменовалось приѣдомъ къ намъ опять нашего губернатора, и какъ онъ въ сей разъ стоялъ у меня въ домѣ, то по сему случаю и была у меня опять пирушка. Для лучшаго угощенія его у себя, пригласилъ я къ себѣ на обѣдъ всѣхъ нашихъ городскихъ, и удивилъ губернатора своею дневною иллюминаціею, поставленною въ окнѣ моего кабинета, такъ что она ему, сѣвшему за столъ, вдали прямо въ глаза блинула. Неожиданное сіе и приятное зрѣлище его такъ поразило, что онъ, будучи предлюбопытной человѣкъ и охотникъ самъ до всякихъ выдумокъ и затѣвъ, не утерпѣлъ, но вскочилъ изъ-за стола и побѣждалъ разсматривать, какъ и изъ чего она сдѣлана, и расхвалилъ меня върахъ за мою выдумку.

А не успѣли мы его отъ себя проводить, какъ начали между собою почти ежедневно перѣбѣжаться, и собираясь то у того, то у другого, всѣ и со всѣми нашими дѣтьми вмѣстѣ, препровождать ве-

чера въ разныхъ играхъ и дружескихъ забавахъ. Учитель нашъ умножалъ также собою наше общество и увеселялъ нашъ слухъ играніемъ на своей скрипичѣ, а дѣти утѣшали зрѣніе наше своими танцами, въ которыхъ нерѣдко и мы сами брали соучастіе и дѣлали имъ компанію. И такіе сѣзды и дружеское, веселое препровожденіе времени стало становиться намъ отчасу пріятнѣе. Къ сему присовокуплялось и то, что въ теченіе сего мѣсяца много разъ приѣзжали къ намъ и разные гости. Къ намъ приѣзжала тетя, госпожа Арцыбышева, также наши Верещагины, госпожа Бакунина, кіевской мой знакомецъ и пріятель, баронъ Николай Осиповичъ Соловьевъ, госпожа Обаринова, и нѣкоторые другіе. Сверхъ того, ѣздили и сами мы въ Крапивенской уѣздъ, и тамъ по многимъ знакомымъ и дружескимъ домамъ разъѣзжали, и гдѣ обѣдывали, гдѣ ночевали. Были у господина Толбузина, у стариннаго моего друга господина Темешева, въ славномъ его селѣ Пироговѣ. Онъ жилъ тутъ уже съ своею женою, которая доводилась намъ еще нѣсколько сродни, и будучи къ намъ очень привержена и ласкова, старалась угостить насъ и съ мужемъ своимъ наипріятнѣйшимъ образомъ; а потомъ заѣзжали мы въ деревню къ другу моему Сергѣю Ильичу Шушерину и къ г. Кирееву, и вездѣ угощаемы были какъ водится. Наконецъ, 20-го числа ѣздили мы опять на минины въ деревню къ господину Стрекалову и у него обѣдали, ночевали и весь почти послѣдующій день провели съ удовольствіемъ, ибо онъ былъ мнѣ очень радъ, угощалъ меня всячески и обходился со мною дружескимъ образомъ. А по возвращеніи давали у себя опять не одинъ разъ всѣмъ городскимъ нашимъ обѣды; а тѣмъ же взаимно соответствовали намъ и городничій и другіе изъ судей нашихъ. Словомъ, весь сей мѣсяць прошелъ у насъ почти непримѣтно въ сихъ разныхъ другъ друга угощеніяхъ и взаимныхъ свиданіяхъ.

Но какъ ни много занимались мы сими

приложеніемъ

«Житель» 1872 г.

увеселеніями и разъѣздами, однако не упускали и отправленіе дѣлъ по нашимъ должностямъ. Я не упустилъ ничего, а продолжалъ заниматься разными внѣшними работами. Сады, роца, гѣса и пруды преподавали мнѣ множество поводовъ къ разнымъ выдумкамъ и затѣямъ и къ занятіямъ пріятнымъ, при производствѣ ихъ въ дѣйствіе. Между тѣмъ, правленіе волостями текло своимъ чередомъ и приводимо было часъ-отъ-часу въ лучшій порядокъ. А не позабыты были также и дѣти. Не одинъ, а нѣсколько разъ занимался я опять чтаніемъ имъ своей «Дѣтской философіи» и разсказываніемъ имъ многихъ нужныхъ для знанія ихъ вещей, за что всѣ они меня любили и почитали отмѣнно. Малютку же сына моего, вмѣстѣ съ воспитанникомъ моимъ, г. Сезеневымъ, началъ я около сего времени учить порядочно рисованью, и какъ ихъ, такъ и нѣкоторыхъ и другихъ дѣтей заставлялъ по вечерамъ иногда писать у себя. Съ самымъ учителемъ господиномъ Дюблѣе, бывали у насъ неоднократно особенные и любопытные о разныхъ матеріяхъ разговоры, и достопамятно, что около самаго сего времени былъ у насъ съ нимъ первой разговоръ о табакководствѣ, и какъ онъ былъ предприимчивой и затѣливой человекъ, и говорилъ, что ему все оное довольно знакомо, то затѣвали мы съ нимъ завести въ будущій годъ настоящій табачной плантажъ, и онъ испрашивалъ у меня подѣ оной мѣсто, которое охотно я ему и обѣщавъ.

Наконецъ, не позабываемъ былъ и мой «Сельской Житель», и какъ я долженъ былъ пещись, чтобъ въ печатаніи листовъ не послѣдовало никогда остановки и матерія была всегда запасная и готовая, то не упускалъ я всѣ праздныя минуты употреблять и на сочиненіе оной, и отъ времени до времени пересылать ихъ къ Ридигеру по почтѣ. Отъ сего, видѣвшись съ нимъ въ Москвѣ, узнавъ я многія относящіяся до сего изданія, отчасти пріятныя, а отчасти и непріятныя обстоятельства. Къ симъ послѣднимъ принадлежало то, что число получающихъ

26

оной пренумерантовъ было не слишкомъ велико и не простиралось до того времени свыше 80-ти человекъ. Сіе не только его, но и меня весьма обезкураживало; однако, какъ пренумерація все еще мало-по-малу приумножалась, то питались мы все еще надеждою, что авось-либо дѣло наше поправится и пойдетъ лучше.

Наконецъ наступилъ и октябрь мѣсяцъ, и съ 7-мъ числомъ онаго начался 41-й годъ моей жизни; а предъ самыми моими вмянами ожидали мы опять приѣзда къ себѣ губернатора, по причинѣ, что около сего времени полученъ уже апробованной императрицею планъ городу, и надлежало ему приѣхать для разбиванія онаго въ натурѣ. Итакъ, прежній нашъ городъ Богородицкъ съ сего времени уничтожился и превращенъ былъ въ волостное село Богородицкое, хотя по дому и по соборной своей церкви останется оно навсегда наилучшимъ украшеніемъ городу.

Но какъ письмо мое достигло уже до величины ему опредѣленной, то дозволяете мнѣ на семь мѣстѣ остановиться, и предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму будущему, сказать вамъ между тѣмъ, что я есмь вашъ, и прочее и пр.

(Ноября 19-го дня 1809 года. Дворяниново).

ВЕСЕЛОСТЬ ЖИЗНИ.

Письмо 197-е.

Любезный пріятель! День именинъ моихъ въ сей годъ праздновалъ я, по старинному обыкновению, приглашеніемъ къ себѣ на обѣдъ и угощеніемъ у себя всѣхъ своихъ друзей и сосѣдей. И какъ было довольно и однихъ нашихъ городскихъ, то не было надобности созывать постороннихъ, отъ чего поудержался я и потому, что беременная жена моя была уже на сносяхъ и мы съ каждымъ почти днемъ ожидали ея разрѣшенія, которое и воспослѣдовало дѣйствительно чрезъ три дни послѣ сего праздника. Въ сей

разъ даровалъ мнѣ Богъ еще дочь, Екатерину, самую ту, которая одна назначена была Промысломъ Господнимъ утѣшать дни ваши при нынѣшней нашей старости частыми съ нами свиданіями и своею къ намъ ласкою и любовію. Она родилась 21-го числа октября мѣсяца, вечеромъ, какъ только смерклось, вполночь 6-го часа, и мы всѣ обрадованы были ея рожденіемъ не менѣе какъ-бы рожденіемъ и сына, ибо почитая всѣхъ дѣтей дѣтьми одинаково, и не зная, кому назначена будетъ жизнь и кѣмъ изъ нихъ родителямъ веселиться, никогда не былъ я подверженъ той глупости, чтобъ негодовать или роптать на Промыселъ Господень, для чего родятся не сыновья, а дочери. Всѣ наши друзья и сосѣди, какъ городскіе, такъ и деревенскіе, не преминули оказать родильницѣ обыкновенныя учтивости и изъявить принимаемое ими соучастіе въ нашей радости; а 28-го числа и окрестили мы ее, заставивъ сына моего Павла и старшую дочь, Елизавету, быть ея воспріимниками отъ купели, и угостили при семь случаевъ всѣхъ нашихъ городскихъ обѣденнымъ и вечернимъ столомъ и доброю пирушкою.

Весь октябрь мѣсяцъ провели мы въ такихъ же занятіяхъ, какъ и сентябрь. Въ дневное время отправляли свои дѣла, а по вечерамъ съѣзжались вмѣстѣ и занимались разными невинными забавами. Губернаторъ, котораго мы давно уже ждали для назначенія въ натурѣ города, не прежде къ намъ приѣхалъ, какъ 26-го числа, и для одной только проформы; ибо какъ къ разбитію города напелъ онъ и въ городничемъ нашемъ довольно способности, поелику былъ онъ до того землемѣромъ, то и препоручилъ онъ сіе дѣло ему, прося только меня, въ случаѣ какаго недоумѣнія, помогать ему моими совѣтами, что я охотно на себя и принялъ. Что мы съ нимъ въ теченіе сего и послѣдующаго мѣсяца и произвели дѣйствительно.

Впрочемъ, ознаменовался сей мѣсяцъ полученіемъ мною двухъ достопамятныхъ писемъ. Оба они были неожиданы и для

меня важны. Одно отъ новаго моего по-
луначальника, молодого князя Гагари-
на, но о чемъ точно, того по давниш-
нему времени не помню; только то мнѣ
памятно, что было оно о чемъ-то важ-
номъ и принудившемъ меня тотчасъ на
оное отвѣтствовать, и что было оно пер-
вое, полученное мною отъ сего горделивца.
А второе отъ Экономическаго Общества
и несравненно мнѣ пріятнѣйшее, но столь-
же мало мною ожидаемое, какъ и первое.
Писано оно было ко мнѣ какъ къ сочи-
нителю и издателю «Сельскаго Жи-
теля» и по поводу онаго, и случайнымъ
образомъ въ самый день именинъ моихъ,
и было равно какъ имениннымъ подар-
комъ. Какимъ-то образомъ дошло до сего
Общества свѣдѣніе о издаваемомъ въ
Москвѣ моемъ журналѣ, и ему восхотѣ-
лось ободрить и поддержать меня въ
предпріятіи и дѣлѣ моемъ своимъ одоб-
реніемъ. И какъ оно и дѣйствительно
меня много ободрило, то и помѣщу и
оное здѣсь для достопамятности и любо-
пытства. И вотъ что оно ко мнѣ пи-
сало *):

«Подъ высочайшимъ ея император-
скаго величества покровительствомъ
изъ Вольнаго Экономическаго Общества
господину издателю журнала подъ име-
немъ «Сельскаго Жителя».

«Всякія сочиненія, клонящіяся къ поль-
зѣ и просвѣщенію согражданъ своихъ,
достоинны похвалы, уваженія и одобре-
нія. Таковыми почитаетъ все наше Об-
щество благородныя труды, въ изданіи
журнала вашего употребляемые, и вида
въ васъ достойнаго себѣ сотрудника,
съ великимъ удовольствіемъ отдаетъ
вамъ ту истинную похвалу, которую по-
лезныя ваши сочиненія отъ російскихъ
патріотовъ заслуживать должны. Примите
отъ насъ сію, толь достойно
вамъ приносимую почесть, велицефир-
нымъ знакомъ того уваженія, съ кото-
рымъ мы періодическія ваши изданія
пріемлемъ, и будьте увѣрены, что мы
непреминемъ оказать вамъ чувствитель-

*) Въ подлинникѣ письмо это обрамлено красивыми
кавычками. Ред.

ной нашей благодарности, когда вы,
издавая къ чести своей въ свѣтъ сіе
полезное ваше сочиненіе, благоволите
въ Общество наше какъ всѣ до нынѣ
вышедшіе, такъ и впредь выходить
имѣющіе листы вашего журнала безпре-
рывно и безумедленно сообщать».

Письмо сіе подписано было, по обык-
новенію, президентомъ Общества и обоимъ
секретарями онаго, изъ коихъ пер-
вымъ былъ тогда господинъ Крузь. Я,
будучи полученіемъ сего письма чувстви-
тельно обрадованъ, непримннулъ не толь-
ко велѣть Ридигеру, во исполненіе же-
ланія Общества, тотчасъ при написан-
номъ отъ меня благодарительномъ письмѣ
переслать въ оное всѣ до того вышед-
шіе листы моего журнала и впредь по-
сылать, по скорѣ затѣмъ, въ посрамле-
ніе всѣхъ моихъ неблагонамѣренныхъ и
глухими своими письмами меня оскорб-
ляющихъ читателей, помѣстить все вы-
шеупомянутое письмо отъ Общества въ
листви мои и тѣмъ пристыдить сихъ не-
годяевъ, прочихъ поддержать въ ихъ ко
мнѣ благорасположеніи и хорошемъ обо
мнѣ мнѣніи, что и произвело свое вожде-
лѣнное дѣйствіе. Всѣ сіи умницы начали
съ сего времени замолкать и мнѣ до-
садными своими письмами уже менѣе
мѣшать продолжать свое благонамѣрен-
ное дѣло.

Вскорѣ за симъ наступилъ у насъ мѣ-
сяцъ ноябрь и съ нимъ глубокая и скуч-
ная осень, но мы провели ее отменно
весело. У насъ основались около сего вре-
мени толь частыя по вечерамъ собранія
и между собою даже поочереды то у
того, то у другого съѣзды и вечеринки,
что я не помню, когда бы мы еще такъ
весело проводили свое время, какъ тогда.
По окончаніи нашихъ дневныхъ дѣлъ,
едва только наставалъ вечеръ, какъ и
сидѣли всѣ изъ насъ собираться къ
тому на квартиру, у кого въ тотъ ве-
черъ, по условію, сдѣланному наканунѣ
того дня, назначено было быть вечеринкѣ.
Тутъ вмѣстѣ съ нами являлись обильно-
венно и всѣ наши пансіонныя дѣти, и

оба наши музыканта, учитель съ своею скрипкою, а Виліамъ съ своими гуслями, и тотчасъ начиналась потѣха: кто садился играть въ ломберъ, кто въ реверсисъ, кто въ инныя карточные неубыточные, а съ смѣхами и веселыми восклицаніями сопряженныя забавныя игры. Музыка наша принималась между тѣмъ за свои инструменты, а дѣти за свои прыганья и танцы. Когда же то имъ прискучивало, то заводились игры въ фанты, чѣмъ не только они, но и всѣ мы, сотовариществуя имъ, занимались, и громогласныя смѣхи, шутки, издѣвки и дружеское единодушіе и простое обхождение всѣхъ между собою приправляло все сіе отмѣнною пріятностію и чувствами удовольствія истиннаго. Часто собранія сіи бывали такъ многочисленны, что не доставало почти мѣста къ помѣщенію гостей всѣхъ. Происходило сіе оттого, что ко всѣмъ намъ нерѣдко приѣзжали въ городъ собственные каждой фамиліи друзья, родные и пріатели, и иногда у нихъ ночующіе, а иногда по нѣскольку дней гостившіе. И какъ у насъ условлено съ въ обычаи введено было звать на вечеринки къ себѣ всѣхъ и съ ихъ приѣзжими гостями, то сіи и умножали собою наши собранія, и находили въ нихъ для себя столь много пріятнаго и веселаго, что нерѣдко случалось, что иные, приѣхавъ къ кому-нибудь на сутки, проживали въ городѣ у насъ сутки по трое и болѣе, потому что всякой изъ насъ старался убѣждать ихъ просьбами удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, и при убѣжденіи всѣхъ къ тому-жъ не въ состояніи былъ отговариваться, и не одинъ разъ доходило до того, что многимъ отъ насъ даже ѣхать не хотѣлось.

Словомъ, жизнь наша тогда была прямо славная и преисполненная удовольствіями безпрерывными; а что всего было лучше, то никому вечеринки сіи не обращались ни въ дальній убытокъ, ни въ отягощеніе, ибо какъ при всѣхъ сихъ собраніяхъ не было никакого пята и бражничанья, и даже самыхъ ужиновъ, кромѣ такихъ случаевъ, когда кому слу-

чалось праздновать либо день рожденія или именины кого-нибудь изъ своего семейства, или такъ кому самопроизвольно желалось угостить всѣхъ ужиномъ, то и нужно было только освѣщеніе комнаты свѣчами, да угощеніе всѣхъ чашкою чая. Однимъ словомъ, жизнь и согласіе наше было таково, что скоро сдѣлалось оно повсюду славно, и какъ нерѣдко приѣзжали къ намъ либо проездомъ, либо для какихъ нуждъ, либо для свиданія съ своими родными и самые судьи и чиновники изъ губернскаго города, и брали въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе, то сдѣлалась она и въ самой Тулѣ славна и извѣстна и приобрѣла намъ всеобщую похвалу и одобреніе.

Впрочемъ, достопамятенъ былъ мѣсяцъ сей нѣкоторыми особенными для меня происшествіями. Первое было то, что 12-го числа сего мѣсяца происходило у насъ, подъ распоряженіемъ моимъ, освѣщеніе бобриковской церкви, при которомъ случаѣ дѣлалъ у себя пиръ г. Верещагинъ и было съѣхавшихся съ семейству дворянъ довольно собраніе. Во вторыхъ, катерининъ день праздновали мы на именинахъ у новой нашей знакомой, Катерины Артамоновны Бакуниной, въ ея деревнѣ, при которомъ случаѣ видѣлъ я всѣхъ елифанскихъ судей и другихъ многихъ изъ дворянъ тамошнихъ и съ ними познакомился и сдружился. Въ-третьихъ, средней дочери моею, Настасьѣ, случилось въ теченіе сего мѣсяца лежать въ оспѣ. Сіе происшествіе сначала-было насъ перетревожило и перепугало, но какъ оспѣ случилось быть очень хорошей и безопасной, то мы скоро успокоились духомъ. Живущему у насъ воспитаннику нашему, господину Сезеневу, была она такъ удачна, что онъ износилъ ее даже ходючи и занимаясь съ прочими дѣтьми въ танцахъ, ибо было на немъ только нѣсколько осипинъ. Въ-четвертыхъ, достопамятно для меня было то, что я получилъ письма отъ нѣсколькихъ новыхъ и весьма хорошихъ корреспондентовъ, изъ которыхъ иные писали ко мнѣ подъ настоящими своими

именами и чрезъ то подали случай къ начатию съ ними особенной, приватной переписки, а потомъ и къ сведенію съ ними знакомства и дружбы. Къ такимъ принадлежалъ московской корреспонденцѣ, господинъ Вишневскій, и орловской, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, писавшій ко мнѣ сперва подъ псевдонимомъ Уединена. Наконецъ, въ-пятыхъ, занималъ меня много начавшійся въ сіе время рекрутской наборъ, и какъ надобно было выбрать изъ волостныхъ крестьянъ годныхъ въ рекруты нѣскольکو сотъ человѣкъ, то по сему дѣлу имѣлъ я много весьма скучныхъ для меня хлопотъ, трудовъ и работъ.

Какое относительно до увеселеній нашихъ былъ ноябрь, такимъ же точно былъ и весь декабрь мѣсяцъ. Мы зазвѣдлись и завеселились въпрахъ, а особливо въ наставшія въ концѣ сего мѣсяца святки, и удовольствій имѣли множество. Однако были въ теченіе сего мѣсяца происшествія, заставившія меня и обильно думать. Къ числу сихъ принадлежалъ неожиданной мною приѣздъ ко мнѣ моего деревенскаго сосѣда, господина Басаргина, второго мужа жены покойнаго родственника моего, Матвѣя Никитича Болотова. Сей молодецъ прискакалъ-было ко мнѣ для испрошенія выдачи ему и женѣ его оставленнаго покойникомъ и у меня хранящагося векселя, но наскочилъ не такого олуха, которой бы далъ себя обуять его просьбамъ, рассказать и убѣжденіямъ. Я отказалъ ему наотрѣзъ, говоря, чтобъ онъ о томъ никогда бы и не помышлялъ, и что я непременно сохраню сей священнон залогъ по завѣщанію покойника и не предамъ осиротѣвшую дочь его ихъ съ женою произволу и никакъ не допущу до того, чтобъ лишилась она отцовскаго наслѣдства. Итакъ, господинъ сей, по пословицѣ говоря, несолоно хлебавъ отъ меня и поѣхалъ, и поѣхалъ хотя съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, но я, желая исполнить долгъ свой, того нисколько не уважилъ.

Далѣе; дѣла по рекрутскому набору привудили меня съѣздить на короткое

время въ Тулу. Въ сей разъ ѣздила туда и жена моя съ старшею изъ дочерей моихъ, ибо ей хотѣлось оттуда проѣхать въ Калединку къ теткѣ своей, госпожѣ Ардыбышевой, гдѣ и оставила она дочь мою погостить. Я же, между тѣмъ, находясь въ Тулѣ, имѣлъ случай быть у губернатора, которой принялъ меня отменно ласково и старался тѣмъ отплатить мнѣ за всѣ мои многократныя угощенія. Кроме сего случилось мнѣ видѣть и старинную свою знакомку, дочь господина Павлова, Марью Даниловну, бывшую тогда уже замужемъ за однимъ изъ тульскихъ судей, г. Ладыженскимъ. Они завалили меня къ себѣ и угощали меня обѣдомъ, и я благопріятствомъ ихъ былъ очень доволенъ.

По возвращеніи моемъ изъ Тулы, имѣлъ я удовольствіе видѣть и угощать у себя обѣдненнымъ столомъ новаго своего пріятеля, г. Стрекалова, приѣзжавшаго ко мнѣ вмѣстѣ съ Верещагинымъ, которой день былъ вкупу и тѣмъ достопамятенъ, что опредѣленъ былъ къ намъ къ церкви и впервые служилъ новой пошъ Алексѣй, бывшій у насъ потомъ славнымъ протопопомъ, также и тѣмъ, что въ самой сей день возвратилась жена изъ Калединки, и что мы около сего времени получили новаго себѣ сотоварища, стряпчаго Соина, опредѣленнаго на мѣсто бывшаго до того почти полуумнаго Хомякова, доказавшаго разстройку ума своего зарѣзаніемъ жны своей отъ глупой и пустой ревности, и сдѣлавшагося чрезъ то несчастнымъ. Необычайное происшествіе сіе надѣлало тогда очень много грома, и несчастная сія претерпѣла бѣдствіе сіе, какъ говорили, совсемъ невиннымъ образомъ; ибо какъ была она очень недурна собою, а онъ до глупости къ ней ревнивъ, то ничего незначущія ласки къ ней нѣкоторыхъ людей довели его до того, что онъ, легши съ нею спать, вознилъ ножъ въ ея животъ и умертвилъ въ ту же минуту; но за то пострадалъ и самъ поспѣ, будучи сосланъ въ ссылку. У меня осталась

послѣ его памятникомъ фарфоровая чашка, подаренная мнѣ въ день послѣднихъ имяницъ моихъ, напоминающая мнѣ о семъ несчастномъ и меня любившемъ человѣкѣ ежедневно; ибо какъ она мнѣ полюбилась, то я во всю послѣдующую жизнь мою пивалъ изъ ней свой чай, и пью болѣе тридцати лѣтъ изъ ней даже и понинѣ, и чрезъ то очень часто его вспоминаю.

Наконецъ, настало у насъ Рождество Христово и начались святки, усугубившія обыкновенные наши сѣзды, вечеринки и увеселенія. Въ самой праздникъ былъ обѣдъ, балъ и вечеринка у меня и собраніе многочисленное. На другой день угощаль насъ у себя Николай Сергѣевичъ Арсеневъ, на третій господианъ Албычевъ, на четвертой учитель, а послѣ его казначей нашъ Борисъ Дмитриевичъ Плотниковъ, и мы завеселились во всѣ сіи дни впрахъ. Но вдругъ, и въ самое то время, какъ ликовали мы у казначея, пораженъ я былъ полученіемъ къ себѣ пакета, которой въ единъ мигъ разрушилъ всѣ мои радости и удовольствія и повергъ меня въ превеличайшую задумчивость, смущеніе и разстройку мыслей. Содержалъ онъ въ себѣ ордеръ ко мнѣ отъ старика-князя, и ордеръ такой, какого я всего меньше ожидалъ. Мнѣ давалось чрезъ него знать, что императрица угодно было его отъ правленія волостями совершенно уволить и вѣрить оное его сыну, князю Сергію Сергѣевичу, и чтобъ я съ сего времени почиталъ его своимъ командиромъ и обо всемъ уже къ нему относился.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для меня крайне поразительно. Оно взволновало въ одинъ мигъ всю во мнѣ кровь и смутило такъ всѣ мои мысли, что я остолбенѣлъ почти отъ изумленія, но что было и натурально; ибо какъ мнѣ дурной характеръ сего новаго моего начальника былъ довольно уже извѣстенъ, то, судя по холодному и почти презрительному его ко мнѣ въ бытность его у насъ

поведенію, не могъ я отъ него ничего ожидать добраго, а долженъ былъ уже заранѣе готовиться ко всему худому и неприятному; а сіе и смущало и озабочивало меня до безконечности, и мнѣ не оставалось ничего къ ободренію, какъ единой защиты и покровительства моего Бога.

Впрочемъ не понималъ я, какимъ образомъ и по какому поводу и случаю произошла такая, всего меньше ожидаемая перемена, и для меня было сіе тогда существенно загадкою, которая разрѣшилась не прежде, какъ по прошествіи многого послѣ того времени; и вотъ что и какую странную и удивительную исторію узналъ я о поводѣ къ происшествію сему.

О волостяхъ нашихъ хотя и не было никому съ достовѣрностію извѣстно, кому онѣ собственно назначались и на какой конецъ заводились въ нихъ разныя и великаго изживенія стоящія зданія, однако, по всеобщей молвѣ, никто почти не сомнѣвался въ томъ, что онѣ назначались нѣвакому господину Бобринскому, мальчику, воспитанному въ сухонутномъ кадетскомъ корпусѣ и съ отминымъ прележаніемъ обучаемому . . . . .

. . . . .
Поелику мальчикъ сей около сего времени достигалъ уже до такого возраста, что могъ быть вскорѣ уже и женатымъ; то бывшій въ сіе время у насъ въ Россіи первымъ и знаменитѣйшимъ бояриномъ и императрицынымъ любимцемъ, и бывшій потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ. Григорій Александровичъ Потемкинъ, мужъ, дышущій любочестіемъ и любовластіемъ безпредѣльнымъ, и простирающій замыслы и намѣренія свои почти за самыя облака, обратилъ между прочимъ виды свои и на сего знаменитаго юношу. Онъ имѣлъ у себя нѣсколько родныхъ племянницъ, которыя, ежели вѣрить посвященной тогда всеобщей молвѣ, были вкупѣ и его любовницы, всѣхъ ихъ

породаль онъ кой-за-кого и пристроилъ къ мѣстамъ знаменитымъ, и оставалась одна младшая, имъ болѣе прочихъ любимая, да и лучшенькая. Сію-то младшую племянницу свою, госпожу Енгельгартшу, назначалъ онъ въ мысляхъ своихъ за помянутаго знаменитаго юношу и хотѣлъ, женивъ его на ней, сдѣлать богатѣйшею и знаменитѣйшею госпожею въ Россіи, и онъ надѣялся безсомнѣнно убѣдить къ соизволенію на то и самую императрицу.

Теперь надобно знать, что въ самое то время помянутой молодой князь Сергій Сергѣевичъ Гагаринъ служилъ при дворѣ камергеромъ и былъ по сему случаю князю Потемкину не только знакомъ, но находился у него въ особенной любви и милости. И какъ ему, по сему обстоятельству, случалось бывать часто у него и видѣть его племянницу, то, будучи проворнымъ, хитрымъ и любовнымъ дѣламъ преданнымъ молодымъ человѣкомъ, вопсегь онъ какъ-то съ нею въ тайныя связи и былъ взаимно любимъ и ею. И какъ ему помянутой замыслъ князя Потемкина не могъ быть неизвѣстнымъ, какъ отъ самой ей, такъ и потому, что князь ему въ томъ, какъ другу своему, открылся; то, будучи не въ состояніи сему воспрепятствовать, рѣшился онъ не только ему въ томъ всячески вспомоствовать, что ему, какъ находившемуся тогда въ милости у императрицы, и можно было дѣлать, но и для себя выгадать притомъ особливую выгоду; почему и сталъ онъ тотчасъ замышлять и обработывать съ любимцемъ своимъ Верещагинымъ, бывшимъ тогда при немъ въ Петербургѣ и ему во всемъ рабскія прислуживающимся, особой планъ, достойной не уваженія, а истиннаго презрѣнія.

Гнусной планъ сей состоялъ въ слѣдующемъ. Какъ оба они не сомнѣвались, что какъ скоро женится г. Бобринской, такъ отдадутся ему во владѣніе и обѣ наши волости. Объ немъ же они знали, что онъ, будучи еще очень молодъ и въ распутствѣхъ и веселостяхъ!

нимъ, самъ собою управлять ими будетъ не въ состояніи, да они ему въ полное управленіе отъ императрицы тотчасъ и не отдадутся, и что нуженъ будетъ къ нему приставъ и помощникъ; то и полагали они, чтобъ снмъ приставомъ и помощникомъ въ правленіи не иному кому быть, какъ сему молодому князю Гагарину и при немъ Верещагину, и чтобъ обонимъ имъ постараться увезть тогда сего молодого господина съ молодою его женою въ волости, и заведя его во всѣ забавы и увеселенія, самимъ, между тѣмъ, воцариться въ волостяхъ и хозяйствовать въ нихъ по своему произволенію. Словомъ, они замышляли все распорядить такъ, чтобъ тогда младой Бобринской носилъ только на себѣ званіе мужа и господина надъ волостями, а тѣмъ и другимъ быть бы въ самомъ дѣлѣ помянутому князю Гагарину, а при милости его Верещагину, которой, будучи великимъ прощелцомъ, хитрецомъ и картежнымъ игрокомъ, ласкался надеждою найти и для себя тутъ выгодной счетъ и, пообыгравъ сего молодого и богатаго господина, поправить и свое состояніе.

Въ семъ состояло главное существо дальновиднаго ихъ замысла и заговора. Но единое затрудненіе находили они въ томъ, что волости наши не находились еще въ управленіи сего молодого князя и не прежде могли находиться, какъ развѣ по смерти старика, отца его, управляющаго ими, но которая скоро ли или не скоро воспослѣдуетъ, они не знали и знать не могли. И какъ опасались они, чтобъ помянутая женитьба не воспослѣдовала еще при жизни стараго князя, то озабочивались они тѣмъ, и долго не знали, какъ бы пособить себѣ въ семъ случаѣ и какими бы образомъ доставить власть и управленіе волостями скорѣе въ руки молодому князю. Наконецъ, хитрые и острые умы ихъ и развратнаго сердца помогли имъ выдумать и къ тому одво удобное, хотя крайне безсовѣстное и дурное средство. Они распустили слухъ и молву, что старикъ-князь такъ состарѣлся, что выжилъ уже изъ ума и мѣ-

пался въ мысляхъ. И сынъ не устыдился не только подтверждать сію ложную и самимъ имъ выдуманную молву, но старался еще довести стороною слухъ сей до самой императрицы и небывальщину сію объ отцѣ своемъ утвердить собственнымъ увѣреніемъ. Чтѣ оставалось тогда монархичѣ дѣлать? И какъ можно было не повѣрить свидѣтельству сыновню! Однако онъ въ семъ случаѣ не совсѣмъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи, и не все получилъ, чего онъ ожидалъ и надѣялся. Императрица хотя и дѣйствительно намѣрена была сдѣлать его послѣ отца въ правленіи волостями преемникомъ, но по премудрости и добродушію своему не хотѣла вдругъ огорчить и живого еще старика-князя, отца его, и потому на первой случай сдѣлала его только ему въ правленіи сими волостями помощникомъ.

Такимъ образомъ гнусной и коварной умыслъ сей несовсѣмъ удался, и молодой князь симъ не весьма былъ доволенъ; но чрезъ нѣкоторое время послѣ того огорчился онъ и болѣе еще, когда и прочій его обширный и дальновидной замыслъ получилъ страшной толчокъ и какъ прахъ разсѣялся по воздуху вихромъ. Одинъ нечаянный и бездѣльный случай опровергъ вдругъ всѣ его замыслы и затѣи и разрушилъ однимъ разомъ всѣ зданія и замки, воздвигаемые имъ съ г. Верещагинымъ на воздухъ. Излишняя любовная запальчивость и маленькая неосторожность испортила все дѣло. Ему случилось нѣкогда, будучи у князя Потемкина, сидѣть наединѣ съ помянутою тайною любовницею своею, племянницею княжю и будущей невѣстою г. Бобринскаго, въ одномъ покоѣ на софѣ. Въ самое то время и совсѣмъ неожиданно входитъ туда же самъ князь Потемкинъ, любившій также сію молодую красавицу, и усматриваеъ ее въ такомъ положеніи, которое вдругъ открыло ему глаза. Взволновалось вдругъ его сердце и преисполнилось ревностію и досадою. Будучи весьма хитръ и коваренъ, онъ хотя и ничего тогда не сдѣлалъ, а захохотавъ, притворно

сказалъ: «Ну, братъ, князь, хорошо! право, хорошо!» и потомъ, хлопнувъ дверь, ушелъ; но послѣдствія отъ сего нечаяннаго усмотрѣнія были великія и важныя. Князь хотя и скрылъ свою досаду въ глубинѣ своего сердца и наружно не показавъ никакого вида и перемѣны, но въ самомъ дѣлѣ лишился съ сего времени князя Гагарина всей своей искренней любви и милости, и вмѣсто прежняго друга и благодѣтеля сдѣлался ему тайнымъ врагомъ и гонителемъ. Но сего было недостаточно, а послѣдствіемъ отъ сего было и то, что онъ перемѣнилъ вдругъ и оставилъ всѣ мысли свои о женитьбѣ Бобринскаго на сей своей племянницѣ, но паче самъ помогъ послѣ къ тому, что сей молодой человекъ отправленъ былъ съ приставомъ въ чужіе края путешествовать. А чтобъ поудалить отъ племянницы своей и князя Гагарина, то внушилъ императрицѣ самъ желаніе поручить сему князю наши волости въ полное управленіе, отженивъ старика отца его, яко совсѣмъ съ ума уже рехнувагося, отъ всей прежней довѣренности къ нему императрицы и правленія оными.

Симъ образомъ разрушился весь планъ молодого князя Гагарина, и онъ, вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ блаженствъ, не получилъ ничего, кромѣ довѣренности императрицыной относительно до управленія сими волостями. Но за то принужденъ былъ на нѣсколько времени отлучиться отъ двора, и для принятія отъ отца всѣхъ дѣлъ, до сихъ волостей относящихся, приѣхать въ Москву; но что все уже его не весьма веселило, ибо онъ, кромѣ излишнихъ хлопотъ, заботъ и попеченій, не предусматривалъ отъ того никакой себѣ пользы и выгоды. Самое служеніе сіе, по примѣру отца, долженъ былъ онъ отправлять безъ всякой за труды награды и жалованья.

Вотъ какія странныя происходили тогда дѣла и сплетни и по какому случаю отнята была команда отъ старика-князя, невѣдавшаго о томъ ничего и только что сей неожиданной перемѣнѣ удивлявагося. Намъ всѣмъ также всѣмъ при

шествiя сiи были неизвѣстны, и я узналъ ихъ долгое время спустя послѣ того отъ самого Верещагина, которой не посовѣстился и не постыдился самъ мнѣ о томъ при одномъ случаѣ рассказать въ подробности. Но я возвращусь къ продолженiю моей исторiи.

Поманутой ордеръ и первое извѣстiе о сей переимѣнѣ въ моемъ начальствѣ получилъ я при самомъ уже окончанiи 1778 года, и именно 30-го числа декабря мѣсяца. Оно поразительно и несприятно было мнѣ наиболѣе потому, что я имѣлъ уже издавна о новомъ командирѣ своемъ и вообще обо всемъ его характерѣ не весьма выгодное мнѣнiе, и о неблагорасположенiи его ко мнѣ, съ самаго начала опредѣленiя моего въ сiю волость противъ его желанiя, былъ уже свѣдомъ; а послѣднiй его приѣздъ къ намъ подтвердилъ мнѣ то еще больше, такъ что я, не надѣясь отъ него никакого себѣ добра, имѣлъ причину съ самаго того пункта времени опасаться и ожидать отъ него всего дурного, и за вѣрное почти полагалъ, что овъ въ непродолжительномъ времени непременно меня смѣнитъ и опредѣлитъ на мое мѣсто какого-нибудь своего фаворита. Таковая мысль, признаться надобно, начинала меня и гораздо уже смущать и тревожить, и болѣе потому, что я въ Богородицкѣ, въ надеждѣ долговременнаго тутъ пребыванiя, совсѣмъ уже завезся и тутъ такъ обостроился да и привыкъ уже къ сему мѣсту и должности, что мнѣ потерять сiе мѣсто уже и не хотѣлось. Совсѣмъ тѣмъ, какъ я, съ одной стороны, былъ совершенно чистъ и ничего за собою худого не вѣдалъ, и князю гнать меня совсѣмъ было не за что, и развѣ захотѣлъ бы овъ сдѣлать сiе изъ единаго своеправiя; а съ другой стороны не позабывалъ, что мѣста сего я не искалъ и не добивался, а доставлено оно мнѣ дѣйствиельно пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня, которой можетъ меня и отъ всѣхъ несправедливыхъ гоненiй и защитить и всѣ злыя противъ меня ковы разрушить, то мысли о семъ скорѣе сматъ меня и успокоили, и я, воз-

ложка надежду и упованiе на всегдашняго моего покровителя и Бога и представивъ все будущее Его волѣ и распоряженiю, расположился съ спокойнымъ духомъ ожидать, чтѣ будетъ.

Въ семъ расположенiи моего духа и мыслей и кончилъ я сей 1778-й годъ, съ которымъ вмѣстѣ кончу я и письмо мое, сказавъ вамъ, что я емь вашъ и прочее.

(Ноября 21-го дня 1809 года).

1779 годъ.

Письмо 198-е.

Любезный прiятель! Такимъ образомъ, успокоившись духомъ и предавъ все въ произволь Провидѣнiю, началъ я провождать вновь наступившiй 1779-й годъ, и чтобъ не подать никому виду бывшаго смущенiя моего, продолжалъ вмѣстѣ съ прочими вашими судьями чередоваться вечеринками и всѣ достальныя дни пашихъ святокъ провождать по прежнему въ разныхъ вечернихъ увеселенiяхъ и забавахъ; но въ дневныя часы занятъ я былъ множествомъ дѣлъ какъ по правленiю волостному, такъ и по собственнымъ своимъ комнатнымъ упражненiямъ. Такъ случилось, что я, по поводу издаваемаго мною журнала, заваленъ былъ множествомъ писемъ отъ моихъ корреспондентовъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ, спрашивающихъ меня то о томъ, то о другомъ, и требовавшихъ неукоснительно отвѣта. И какъ мнѣ хотѣлось, да и нужно было ихъ всѣхъ удовлетворить, то я, не смотря на тогдашнiе праздники и ежедневное почти угощенiе у себя приѣзжающихъ, тутошнихъ и постороннихъ гостей, принужденъ былъ ловить всѣ праздныя минуты и употреблять ихъ какъ на соотвѣтствованiе помянутымъ письмамъ, такъ и на самое сочиненiе матерiи для журнала и переписыванiе оной. Изъ числа сихъ многихъ корреспондентовъ въ особливости занималъ меня нѣкто, писавшiй ко мнѣ сперва подъ именемъ «не китайца, а русскаго дворянина», но о которомъ я послѣ узналъ, что былъ то нашъ славный богачъ Никита Акинфiевичъ Демидовъ, и

съ которыми я послѣ познакомился и лично, и былъ пріязню его доволенъ.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ прошли нечувствительно и кончились наши прямо веселыя святки. На крещенье получилъ я изъ Москвы съ посланнымъ туда для отвоза казны моимъ капрадомъ цѣлую кипу французскихъ книгъ, присланныхъ ко мнѣ отъ книгопродавца Вейтбрехта, для прочтенія. Съ симъ молодымъ и вновь торговлю иностранными книгами основавшимъ нѣмцемъ имѣлъ я случай въ бытность мою въ Москвѣ познакомиться, и до того сдружился, что онъ, по желанію моему, согласился присылать ко мнѣ разныя французскія книги въ тетрадахъ, для прочтенія, съ тѣмъ съ моей стороны условіемъ, чтобъ мнѣ ему ихъ возвращать въ цѣлости, но уже переплетенныя въ папку; что я охотно и болѣе потому принялъ, что у меня одинъ изъ моихъ слугъ наученъ былъ самимъ мною сему дѣлу, и мнѣ сіе никакого труда не стоило. Но сего было еще недостаточно; но мы съ нимъ затѣяли-было и условились въ сей годъ издавать также особой родъ экономическаго періодическаго сочиненія. Поводъ къ тому подало наиболѣе то обстоятельство, что Ридпгеръ, по малости пренумерантовъ на мой журналъ, не имѣлъ охоты продолжать издаваніе онаго на будущій годъ, и онъ мнѣ предварительно давалъ о томъ знать. Но какъ у меня въ запасѣ находилось множество матеріи, заготовленной вчернѣ, и мнѣ не хотѣлось прервать основанную съ столь хорошимъ успѣхомъ переписку со многими благонамѣренными моими соотечественниками и желалось видѣть сочиненія мои напечатанными; то, по случаю свѣденія съ симъ г. Вейтбрехтомъ знакомства, предложилъ я, не хочетъ ли онъ войти въ сіе дѣло и издавать мои сочиненія; и какъ онъ охотно и съ великою охотою на то согласился, то не только условились мы съ нимъ о семъ новомъ предпріятіи, но мною сочинено и даже напечатано было уже и объявленіе объ ономъ. Но все наше дѣло, по особливому случаю, не состоялось: нѣмчура

сей какимъ-то образомъ вдругъ, либо сдѣлавшись банкротомъ, либо по какимъ-нибудь инымъ причинамъ, изъ Москвы въ теченіе послѣдующаго лѣта исчезъ, и куда дѣвался, никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ, такъ что вмѣстѣ съ его лавкою пропали и всѣ экземпляры моей «Дѣтской философіи», данныя ему мною для продажи, и у меня взамѣнъ того осталось только нѣсколько французскихъ книгъ, бывшихъ у меня въ то время для помянутаго переплетанья и чтанія, которыя и понынѣ у меня цѣлы.

Впрочемъ достопамятно, что на третій день послѣ крещенья потеряли мы бывшую до того домашнюю нашу собесѣдницу и такъ долго гостившую у насъ дѣвцу, госпожу Бѣляеву, и которой сотовариществомъ мы такъ много были довольны. Отецъ ея неотмѣнно хотѣлъ имѣть ее опять при себѣ, и она, привыкнувъ къ намъ, противъ хотѣнія своего принуждена была къ нему отправиться и рассталась съ нами съ великимъ сожалѣніемъ. Она и понынѣ, будучи замужемъ за г. Раковскимъ, еще жива, и живучи съ мужемъ своимъ въ Москвѣ, питаетъ къ намъ свою неличейную дружбу и съ нами временно переписывается.

Около самаго сего времени заѣзжалъ къ намъ и ночевалъ у насъ славной нашей великанъ, генералъ Дмитрій Васильевичъ Арсеневъ, братъ родной тетки, Матрены Васильевны Ардыбышевой, и я съ удовольствіемъ угощалъ сего всѣми уважаемаго генерала; при которомъ случаѣ случилось мнѣ ему читать нѣкоторыя пьесы изъ моего журнала, и онъ ими такъ былъ удивленъ и доволенъ, что не хотѣлъ-было вѣрить, что сочинялъ оныя я, а не иной кто.

Не успѣло нѣсколько дней генваря пройти, какъ новой мой командиръ, вступивъ въ полное и самостоятельное правленіе надъ волостями нашими, и началъ бомбандировать меня своими ордерами и посылать ко мнѣ повелѣніе за повелѣніемъ, и одно строже другого, и писать ко мнѣ совсѣмъ уже отпѣннымъ образомъ, нежели какъ писывалъ мой преж-

ній командиръ, отецъ его. Совѣмъ тѣмъ нельзя было сказать, чтобъ всѣ они были хороши и основательны. По чрезвычайной остротѣ и бѣглости своего ума и духа, и по излишней надѣлательности на совершенное свое всѣхъ вещей знаніе, а при всемъ томъ по сущему невѣжеству во многихъ вещахъ и пунктахъ, дѣлалъ онъ первѣдко великія погрѣшности и приказывалъ исполнять то, чего никоимъ образомъ нельзя было произвестъ въ дѣйство; а самое сіе и приводило меня въ великое смущеніе, хлопоты и безпокойство. Примѣромъ тому можетъ служить одно важное и мнѣ множество хлопотъ и огорченій наведшее дѣло, бывшее у меня съ нимъ по дѣламъ откупнымъ и кабацкимъ.

Я упоминалъ уже прежде, что въ богородицкой волости находилось множество кабаковъ незаконныхъ, внутреннихъ еще г. Опухтинымъ и разбѣянныхъ по всѣмъ деревнямъ, гдѣ они, подъ именемъ выставокъ, производили въ нихъ ежедневную продажу, и что я, вступивъ въ правленіе и донося о томъ князю, хотя и спрашивая у него, что онъ прикажетъ съ ними дѣлать, но какъ онъ, нехотя подъ старость входить въ хлопоты и ссоры съ откупщиками, приказалъ мнѣ ихъ такъ оставить какъ они были, что онъ подтвердилъ и самъ во время пріѣзда своего къ намъ въ волость съ своимъ сыномъ при случаѣ бывшаго о томъ разговора. Итакъ, хотя мнѣ и извѣстенъ былъ неизмѣримый вредъ, причиняемой ими волостямъ, и хотя я самъ усердно желалъ истребить оныя, однако принужденъ былъ, соображаясь съ волею старика-князя, смотрѣть на сіе сквозь пальцы и съ досадою держать, по пословицѣ говоря, корову за рога, между тѣмъ какъ другіе ее доили; а въ семь состояніи и засталъ волости мои новой командиръ. Сей хотя за вѣрное полагалъ, что и я отъ откупщиковъ такимъ же образомъ пользовался, какъ прежніе управители, о чемъ онъ отъ Верещагина довольно слышался, однако въ томъ немилосердо обманывался. У меня того и въ поминеніи никогда не было, а хотя бы и дѣла-

тѣлъ, но по тогдашнимъ обстоятельствамъ не было къ оному и никакой возможности. Съ откупками оного времени произошла великая и та переимѣна, что начали входить въ нихъ и дворяне, и возвысили цѣну онымъ несравненно выше; а дабы имъ въ убыткѣ не остаться, то происками своими въ казенныхъ палатахъ постарались помянутыя вездѣ выставки сдѣлать гласными и почти узаконенными. А къ вящему несчастію богородицкой уѣздъ въ самой тотъ годъ снялъ на откупъ нѣкто господинъ Игнатъевъ, по имени Иванъ Борисяевичъ, человекъ хитрой, лукавой, расторопной и всѣми дѣяніями своими походившій болѣе на сущаго іезуита или жида, нежели на богороднаго російскаго дворянина. Однимъ словомъ, человекъ сей былъ такого разбора, что съ нимъ и напедь ничего раздѣлать было не можно, а того меньше имѣть такія критическія связи. Онъ, алкая корыстолюбіемъ и будучи хитрымъ и коварнѣйшимъ человекомъ, ни о чемъ иномъ не помышлялъ какъ о томъ, какъ бы ему разными происками и хитростями набить потуже свой карманъ, и не заботился нимало ни о стыдѣ, ни совѣсти. А чтобы лучше можно ему было во всѣхъ злыхъ замыслахъ своихъ имѣть успѣхъ, то и въ главные повѣренные къ себѣ отыскалъ одного изъ тульскихъ обаякрутившихся купцовъ, изъ плутовъ плута и самаго доку и архибездѣльника, по прозвищу Деревенскаго; и какъ онъ былъ человекъ прямо по его сердцу, то свора сіи пегодныхъ людей и производила странныя и удивительныя дѣла.

И съ сими-то двумя проходимцами и удалыцами довела судьба имѣть мнѣ дѣло и хлопоты, ибо князь не успѣлъ вступить въ правленіе, какъ и предписалъ мнѣ тотчасъ, чтобъ я истребилъ всѣ въ волостяхъ выставки. Сперва обрадовался-было я самъ тому, и какъ случилось сіе при самомъ окончаніи прежняго откупа, которой имѣлъ одинъ алексинской купецъ, то, исполняя повелѣніе сіе въ точности, и велѣлъ я разломать, сколько могли подѣланныя прежними от-

купищниками для продажи вина избѣпки и лачужки, и думалъ, что все дѣло тѣмъ и кончится; однако скоро увидѣлъ, что я въ мнѣннн своемъ весьма обманулса и что вкравшееся зло сіе не такъ легко и скоро можно было истребить, какъ я, да и самъ князь думалъ, но что дѣло сіе подвержено было великимъ и почти непреодолимымъ затрудненіямъ. Ибо не успѣлъ войти въ откупъ помянутой господинъ Игнатъевъ, какъ воспользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что выставки сіи были уже гласными и казенной палатѣ извѣстными, и при откупѣ съ нихъ полагалась сложность, восхотѣлъ непремѣнно всѣ ихъ возобновить и продажу вина восстановить по прежнему повсемѣстную.

Теперь не могу изобразить, какихъ хитростей, уловокъ и какъ правильныхъ, такъ и неправильныхъ и даже самыхъ бездѣльническихъ средствъ и пособій ни употреблялъ онъ къ достиженію до своего намѣренія, и сколь много трудовъ, хлопотъ, досадъ, заботъ и самыхъ недоумѣній имѣлъ я при возможнѣйшемъ ему противоборствѣ и стараніи разрушить всѣ замы его съ повѣреннымъ его ковы. Величайшимъ затрудненіемъ было для меня то, что онъ имѣлъ на сторонѣ своей казну и вспоможеніе отъ правительства и законовъ, а я могъ только всего подкрѣпленія себѣ ожидать отъ князя, моего командира. Я и возымѣлъ тотчасъ къ нему свое приближеніе и послалъ къ нему представленіе за представленіемъ; но тутъ скоро оказалось, что онъ умѣлъ только выскрывать и приказывать, а подкрѣплять и защищать было не его дѣло, и я долженъ былъ сколько могъ и какъ умѣлъ уже самъ отъ помянутыхъ бездѣльниковъ отгрызаться. И какъ однихъ моихъ силъ къ тому недоставало, то пользовался въ семъ случаѣ удалствомъ, расторопностью и хитростію и самого Верещагина, и употреблялъ его не одинъ разъ по сему дѣлу, а особливо когда нужно было имѣть дѣло съ судомъ земскимъ и въ ономъ хлопотать по слуху проклятымъ кабацкимъ дѣламъ.

Теперь, возвращаясь къ порядку моего

прерваннаго снмъ отступленіемъ повѣствованія, скажу, что къ достопамятностямъ, бывшимъ въ теченіе генваря мѣсяца, кромѣ вышеупомянутой ссоры съ коронными, можно нѣкоторымъ образомъ причислить и то, что я около сего времени въ первой разъ въ жизни моей началъ получать къ себѣ гамбургскія нѣмецкія газеты, выписанныя мною еще въ послѣдніе мѣсяцы минувшаго года, и что 20-е генваря былъ тотъ день, въ которой присланы были ко мнѣ по почтѣ первые нумера оныхъ. Нельзя изобразить, сколь великое имѣлъ я тогда удовольствіе, читая и перерчитывая оныя и съ какою радостію сообщилъ ихъ и другу моему, нашему лекарю, приносявшему мнѣ за то тысячу благодареній; и съ того времени, по самое нынѣшнее, получалъ я оныя уже всегда, и для удовлетворенія любопытства своего не жалѣлъ никогда платять за нихъ многихъ денегъ.

Другая достопамятность была та, что я около сего времени снабдилъ себя первыми частями славной Крюницевой «Экономической Энциклопедіи», и занимался чтаніемъ оной и извлеченіемъ изъ ней всего нужнаго для сообщенія нашимъ соотечественникамъ. Огромная книга сія хотя стоила мнѣ и многихъ денегъ, но за то служила неисчерпаемымъ кладеземъ, изъ котораго почерпалъ я премножество вещей, и она служила мнѣ при экономическихъ моихъ сочиненіяхъ превеликимъ пособіемъ.

Что касается до нашихъ увеселеній, то они отъ времени до времени, несмотря на всѣ мои приказныя хлопоты и ежедневное занятіе себя писаніемъ и сочиненіями, продолжаемы были по прежнему. Въ 20-й же день сего мѣсяца, по случаю именинъ моей тещи, сдѣлалъ я у себя особенной и большой пиръ и угостилъ не только всѣхъ нашихъ городскихъ, но многихъ и приѣзжихъ, удостовившихъ меня въ сей день своимъ посѣщеніемъ, и день сей былъ у насъ большимъ и веселымъ праздникомъ.

Кромѣ сего достопамятно, что я, по всегдашней моей дѣятельности и любо-

пытству, при всѣхъ моихъ недосугахъ, успѣвать еще кой-когда заниматься и самыми бездѣлушками, относящимися къ разнымъ выдумкамъ, а особливо къ рисованью, и какъ теперь помню, выдумалъ около сего времени составлять картинки изъ разныхъ травокъ и листовъ древесныхъ, которая въ послѣдствіи времени довелъ до нарочитаго совершенства.

Кромѣ сего, приди на меня въ теченіе сего мѣсяца опять охота выдумывать и сочинять загадки, и мнѣ удалось и въ сей разъ сочинить нѣсколько ихъ, и довольно замысловатыхъ. По рѣдкости и для незабвенія оныхъ, не за излишнее почелъ я помѣстить и ихъ здѣсь, по примѣру прежнему. Онѣ были слѣдующія:

1.

Недавно я хотя на свѣтѣ существую,
Но силу, честь и власть ужасную имѣю.
Цари, князья, рабы и господа,
И дѣти, старики, и жены, и мужья
И любятъ всѣ, и чтутъ, обходятся со мною,
И всѣ хотятъ, чтобъ къ нимъ добра бы я была.
Но я на ласки ихъ и просьбы, и желанья
Нисколько не смотрю, а ими лишь играю;
Кому хочу -- добра, кому вредна бываю,
И въ свѣтѣ семъ никѣмъ отнюдь не уважаю.
По силѣ я своей нерѣдко дѣла чудны
И странныя творю съ своими и рабами:
Богатыхъ въ единый мигъ въ убогихъ превѣнать,
А сихъ въ единой день въ богатыхъ обратить:
Разумныхъ въ дураки и сущіе глупцы,
Глупцовъ на самой верхъ достоинствъ возвести;
Незванымъ отворить въ чертоги знатныхъ двери,
Негодницамъ затъ верхъ предъ добрыми людьми,
И честь снискать, и умъ, и качества несметны,
И въ люди произвестъ — мое есть дѣло!
Но винить опять одинъ ихъ съ сей я высоты
Въ глубокую бездну бѣдъ низринуть могу,
Довести ихъ до того, чтобъ сталъ иной стонать
И горьки слезы лить по поздно ужъ, о томъ,
Что не былъ онъ умнѣе во дни моей щедроты
И вѣрнѣе слишкомъ мнѣ, забывъ совсѣмъ о

томъ,

Что я есть сумнѣй вздоръ, не знающій его,
И вздоръ, достойнѣйшій презрѣнія отъ всѣхъ.
Что сила, власть моя и умъ
И что зависту и ревности

Которые на свѣтѣ меня произвели
И кои выжить вонъ могли-бъ скоро опять,
Когда-бъ только того всеобще восхотѣли
И сами бы себя мнѣ покорять не стали.

2.

На червя я похожъ, однако не червякъ;
Родился не такимъ, а дѣлаюся такъ.
И образъ, видъ иной имѣю уже нынѣ,
И жить издалека притѣхалъ я сюда.
Всякъ радъ мнѣ и имѣть желаетъ у себя,
И всякой день со мною имѣть дѣло здѣсь;
Но я не очень тѣмъ доволенъ завсегда,
Волѣнь Богъ и вся честь, и слава съ похвалою.
Въ удобность имъ ступай на муку я всегда
И всякъ день умирай съ товарищемъ своимъ,
Что, такъ же какъ и я родившись вдалекѣ,
Не радъ, бѣднякъ, тому, что любить его здѣсь.

3.

Недавно я на свѣтѣ по случаю родился
И жизнь опасную, но славную имѣю.
Имѣя входъ вездѣ, живу въ чертогахъ царскихъ,
Любимъ и милъ вездѣ, пріятель и терпимъ;
Всѣ любить, всѣ друзья всѣ жизнь мою хранишь,
И всѣ за то одно, что я служу имъ всѣмъ.
Но всѣхъ добрѣй ко мнѣ прекрасной женской
поль,
И нѣтъ счастливѣе любовника меня.
Какая-бъ ни была, но нѣтъ изъ нихъ одной,
Которой бы не милъ и не былъ я любезенъ;
Всѣ ищутъ и хотятъ со мною обходиться,
Всѣ рыщутъ непрерывъ за мною завсегда,
И лишь бы только я представился глазамъ,
Какъ взоры нѣжны ихъ ко мнѣ устремлены;
Я при людяхъ имъ милъ, милѣй того тогда,
Какъ намъ наединѣ случается бывать;
Тутъ ближніе друзья мы съ ними ужъ всегда,
Чего не говорить, чего не затѣваемъ,
И можно-ль быть кому счастливѣе меня!
Я сущій чародѣй, ловлю сердца у всѣхъ
И часто довожу до глупости друзей.

4.

Отъ травъ и отъ скота я въ свѣтѣ произошелъ,
И образъ на себѣ изрядной я имѣю;
Но образъ мой ничто, я былъ бы съ ними
презрѣнъ,

Когда-бъ не производилъ еще я одного,
 Чѣмъ людямъ я добра много дѣлаю,
 Но самъ отъ того погибаю совсѣмъ.

5.

Свѣтла я сперва и прозрачна была,
 Потомъ побѣлѣвъ шероховата;
 Откуда сюда прѣѣхала я,
 О томъ не знаю ни я и никто:
 Но скоро опять превращуся я
 Въ мой прежній видъ и поѣду въ путь.

6.

Брюхо не всегда бываетъ у меня,
 А ноги завсегда, коими не хожу;
 Я пользу головой людямъ приношу
 И много имъ на ней я нужнаго ношу.

7.

Хотя и не птица, а пѣть я умѣю,
 И пою, и ворчу хорошо иногда;
 Я рыло имѣю, но мало оно,
 А брюхо большое, безъ ногъ и хвоста;
 Безъ пристава къ себѣ ни къ чему не гожусь,
 А съ нимъ иногда велерѣчивая,
 Запою, заворчу, такъ любо смотрѣть
 Какъ звѣри и птицы взлетаются.

8.

Не змѣй летучій я, рыгающій огнемъ,
 А много похожу на сущаго изверга.
 Ни звѣрь, ни человѣкъ, рылъ сотню и имѣю
 И множество на нихъ ушей и языковъ;
 Не птица и не гадъ, и крыльевъ пара есть,
 И крылья чудныя бываютъ иногда;
 Не рыба я, ни ракъ, а водятся хвосты.
 И перья, и усы есть также у меня.
 Я чудо страшное! Великой чародѣй!
 Волшебное существо, и силу я имѣю;
 Я вмигъ могу весь видъ переимѣнить
 И въ образѣ яномъ представиться глазамъ.
 Я очи ослѣпить, сердца очаровать,
 Съ ума людей свести и духъ ихъ возмутить,
 И власть надъ ними взять — въ единой мигъ
 могу.

Принудить ихъ къ тому, къ чему охоты нѣтъ.
 За женщинами я великій волоките,
 Но вкушъ имъ злодѣй, мучитель и тиранъ.
 Чего не дѣлаю, къ чему не довожу
 Я сей прекрасной полъ, а паче молодыхъ.

Любовью, завистью и ревностью терзаю,
 Покою, сна, ѣды и пищи я лишаю.
 Иная обо мнѣ тоскуетъ ночи, дни,
 Готова сдѣлать все на свѣтѣ для меня,
 И стужу, и морозъ, и все не уважая,
 Бѣжать, скакать туда, гдѣ былъ бы только я;
 Другая дней пятокъ ни пить, ни ѣсть готова.
 А только чтобъ имѣть меня въ своихъ рукахъ;
 Иная ночи три не спать, а караулить,
 Чтобъ часъ хотя одинъ у ней я побывалъ.
 У всѣхъ я умъ вскружилъ, всѣ страстны такъ
 ко мнѣ,

Всѣ жадны, падки такъ, что самъ я иногда
 Не радъ уже тому, что сталъ имъ таковъ милъ:
 Замучили, враги, нѣтъ мочи уже болѣ;
 Въ угодность я имымъ лети издалика,
 Терпи толчки въ бока и ребры всѣ ломай,
 Сгибайся въ три дуги, коверкайся какъ бѣсъ,
 Терпи на свѣтѣ все, чтобъ только ихъ сердца
 Утѣхой, радостью, весельемъ напоить.
 И нужды никакой имъ въ томъ нѣтъ никогда,
 Хотя бы имъ самимъ не даромъ проходило,
 Хотя бы муку, зло терпѣли онѣ сами.
 Съ досады уже я чего не дѣлалъ съ ними,
 И насмѣхъ имъ себя ужъ какъ не превращалъ:
 И малыиъ-то, большимиъ, и легкимиъ, и тяжелымиъ,
 И скареднымиъ, дурнымиъ, и чудовищемъ самымиъ;
 Но было все вотще, ничѣмъ ихъ не уймешь.
 Имъ любо то еще, что я премѣнивъ тако
 Однажды уже что затѣялъ съ ними я:
 Раздулся, растанулъ ужасно себя, такъ
 И думалъ, что я ихъ совсѣмъ ужъ задавлю:
 Однако мнѣ и то ничуть не помогло:
 Хотъ корчились и гнулись подо мной.
 Но все я милъ, хорошъ и милъ имъ завсегда.
 Не знаю, истинно, что дѣлать наконецъ,
 Мнѣ жалки ужъ онѣ, мужья ихъ и родня,
 Мужья ихъ знаютъ все, но нечего имъ дѣлать.
 Не сильны бѣдныя сіе все отвратить;
 Иной, вздыхая лишь о томъ, стонаетъ и кли-
 нетъ,

Другой двинется глупости и только что молчитъ.

9.

Я чудо нѣкое, недавно въ свѣтъ родилось,
 Питаюся огнемъ, дышу я синими чадохъ;
 Мнѣ въ горло иногда нѣрѣдко пальцемъ тычутъ,
 Я волю имъ даю, но только не всегда.
 Когда я голоденъ, пожалуй себѣ торкай,
 А жрать когда начну, то тотчасъ укушу.

10.

На кладязь похожу и есть во мнѣ вода,
 Дурна хотя она и съ грязью пополамъ,
 Не шьетъ хотя никто и въ пищу не варить,
 Не моетъ ничего и ею не бѣлить,
 Но многіе отъ ней и сыты, и довольны,
 И надобна она и на морѣ и сушѣ;
 Безъ ней нельзя самимъ боярамъ и царямъ,
 Становятъ и у нихъ ее на столъ всегда.

Вотъ какія были сіи загадки; значеніе ихъ слѣдующее: 1) карточная игра; 2) чай; 3) зѣркало; 4) свѣча; 5) свѣтъ; 6) столъ; 7) скрипка; 8) чепчикъ головной женскій; 9) трубка курительная; 10) чернильница.

Что касается до мѣсяца февраля, то первыя числа онаго провели мы такимъ же образомъ въ частыхъ между собою свиданіяхъ, а особливо по вечерамъ и въ бывшую около сего времени масляницу. Во всю оную были у насъ непрерывныя почти разъѣзды и всякой день то у того, то у другого вечеринки, на которыхъ, кромѣ обыкновенныхъ невинныхъ увеселеній, завелись у насъ и интересныя карточные игры. Занимался ими наиболѣе нашъ французъ, учитель, мой бобриковской управитель, г. Верещагинъ, и нѣкто изъ жившихъ въ сіе время въ Богородицкѣ для леченія у нашего лекаря приѣзжій, г. Шеншинъ. Всѣ сіи три особы были страшныя къ азартнымъ играмъ охотники и всѣ игроки горячіе такого рода, что имъ, по свойству ихъ, не надлежало-бы никогда и за карты приниматься. Итакъ, всякой разъ, когда ни случалось имъ бывать вмѣстѣ, представляли они собою для всѣхъ насъ сущую комедію и много разъ заставляли насъ и дивиться себѣ, и жалѣть о себѣ, и хотять до слезъ при смотрѣніи на всѣ ихъ обыкновенныя при играхъ сего рода запальчивости и дурачества. Что касается до меня, то вы легко можете заключить, что я никогда не бралъ въ сихъ мотовскихъ играхъ ни малѣйшаго соучастія, а бывалъ только вмѣстѣ съ прочими зрителемъ.

Наступившій 11-го числа сего мѣсяца ве-

ликій постъ прервалъ наконецъ сіи наши съѣзды и забавы, и мы, обратившись къ важнѣйшимъ упражненіямъ, во всю первую недѣлю занимались богомоленіемъ, и при концѣ оной исповѣдывались и приобщались. Но не успѣла сія недѣля пройти, какъ мало-по-малу начались у насъ опять хотя не ежедневныя, но частыя съѣзды и свиданія. Въ праздное же время занимался я по прежнему въ писаніи и въ разныхъ выдумкахъ. Къ числу сихъ принадлежало между прочимъ изобрѣтеніе мое печатать письма золотыми и разноколерными бумажными облатками, которое мнѣ такъ полюбилось, что я, для удобнѣйшаго производства сего дѣла, велѣлъ сдѣлать и вырѣзать себѣ въ Тулѣ особаго рода твердую печать и станокъ для тисненія. Что-жъ касается до писанія, то оное состояло наиболѣе въ сочиненіи послѣднихъ листовъ моего «Сельскаго Жителя» и въ заготовленіи матеріи для другого, вновь затѣваемаго, ибо отъ продолженія сего издатель мой, г. Ридигеръ, совершенно отказался. Итакъ, поспѣшавъ я скорѣе уже прежній свой журналъ, долженствующій съ концомъ марта пресѣчься, кончить, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что 9-го числа марта была вся моя работа по сему журналу кончена.

Наступившіе въ половинѣ марта дни яминныя, сперва нашего уѣзднаго судьи, г. Албычева, а потомъ жены моей, подали намъ поводъ къ сдѣланію у себя въ сіи дни ипрушекъ и къ угощенію всѣхъ своихъ городскихъ сотоварищей, а вкупѣ и многихъ приѣзжихъ, у себя обѣденными столами и вечеринками; и въ оба дни сіи были мы отиѣнно веселы, къ чему относительно до меня вспомоществовалъ много и пронесшійся-было слухъ, что князь, мой новой командиръ, ѣдетъ за-море. Мы было-обрадовались тому очень, но скоро узнали, что слухъ сей былъ со-всѣмъ ложной, и у него не ѣзда за-море была на умѣ, а притѣсненіе чрезъ меня нашего короннаго, г. Игнатѣева, что и подало поводъ ко многимъ для меня новымъ хлопотамъ, досадамъ и заботамъ; и

вотъ что издуналось ему вновь предпріять и затѣять.

Будучи никакъ не въ состояніи всѣ выставки въ волости уничтожить и зная невѣдомо какъ на откупщика. г. Игнатѣева за его къ себѣ непреклонность, восхотѣлось ему его притѣснить нѣмнѣ образомъ и принудить чрезъ то себѣ покориться. А именно: какъ ему извѣстно было, что продажа вина бываетъ наиболѣе по большимъ праздникамъ, а особливо въ теченіе святой недѣли, то за нѣсколько дней до наступленія оной прислалъ онъ ко мнѣ настражающее глумое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, чтобъ мнѣ ни когда какими видами короннымъ не допускать до пролажи вина не только въ прочіе дни, но и въ самые праздники и воскресные дни. Повелѣніе ни съ чѣмъ несообразное и такое, которое въ точности выполнить никакой не было возможности, потому что откупщикъ имѣлъ уже законное право продавать вино по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначены и казенною палатою утверждены были выставки, слѣдовательно, чрезъ недопусканіе до того ополчилъ бы я на себя все правительство, да и самого намѣстника, и принужденъ бы былъ ссориться съ казною; да и всѣмъ тѣмъ не могъ бы ничего успѣть и сдѣлать, а только бы вилелся въ безконечныя хлопоты и одуряявъ себя предъ всѣмъ свѣтомъ, подвергнулся-бы самъ отвѣту и по закону строгому взыскаіію.

Не могу изобразить, какими смущеніемъ поразился я при полученіи такого безразсуднаго, глупаго и ни съ чѣмъ несообразнаго повелѣнія. Прочитавъ его, и смѣлся я, и досадовалъ, и горевалъ о томъ, что чрезъ самое то попался я въ самыя тѣсныя обстоятельства и такое критическое положеніе, которое заставило меня очень много думать и не спать почти нѣсколько ночей сряду. Долгое время не зналъ я, что мнѣ дѣлать и какъ поступить въ приближающуюся тогда святую недѣлю. Съ одной стороны не хотѣлось мнѣ разсориться съ правительствомъ

и навлечь на себя справедливое неудовольствіе пользующаго меня намѣстника и ни за что потерять его къ себѣ приязнь и благоволеніе; а съ другой стороны боялся я и князя, сего всемилостиваго, владѣннаго, вздорнаго, ко мнѣ неблагопріятствующаго и такого командира, отъ котораго я совершенно завистль и которой могъ мнѣ надѣлать множество злыъ и даже въ одинъ мигъ отрѣшить меня отъ должности и мѣста.

При такихъ смутанныхъ обстоятельствахъ трудно было найти среднюю дорогу и требовалось и философическое хладнокровіе, и возможнѣйшее благоразуміе и волишка къ тому, чтобъ сохранить благоволеніе къ себѣ отъ обѣихъ сторонъ и не раздражить ни ту, ни другую. И я признаюсь, что обстоятельствами были столь сумнительны, что не одинъ день и ночь занимался я о томъ мыслить и напрягалъ всѣ силы ума своего къ выдуманію и изобрѣтенію удобнаго къ тому средства, которое, наконецъ, и удалось мнѣ найти.

Чтобъ выполнить сколько можно и безразсудное повелѣніе князя, и укротить его строптивое сердце, а не раздражить и намѣстника и не ополчить на себя все правительство, употребилъ я двѣ политическія стратагеми. Первую ту, что хотя я и допустилъ г. Игнатѣева привезти на святую недѣлю во всѣ селы и деревни съ виномъ бочки, и хотя не дѣлалъ никакого запрещенія продавать оное, да и крестьянамъ никому не запрещалъ вино покупать и пить, чего мнѣ и запретить было не можно, но собравъ къ себѣ всѣхъ бурмистровъ, старостъ и другихъ начальниковъ деревень, сдѣлалъ имъ настражающее приказаніе, чтобъ они, во-первыхъ, не дѣлали хотя приѣзжающимъ съ виномъ цѣловальникамъ ни малѣйшихъ обидъ и оскорбленій, но не отводили бы и не давали имъ отнюдь квартиръ, а чтобъ стояли они съ бочками своими на улицахъ и вино свое какъ бы хотѣли продавали. Во-вторыхъ, чтобъ они отнюдь никому изъ крестьянъ какъ приходило и вино у нихъ покупать и пить не воспре-

шли и приходивших не отгоняли, но третьихъ, сами бы они непремѣнно во все время пребыванія сихъ бочекъ въ ихъ селеніяхъ подлѣ ихъ безотлучно стояли и примѣчали только кто и кто именно изъ крестьянъ будетъ вино покупать и пить, и послѣ о именахъ ихъ донесли мнѣ для единаго любопытства. Сямъ надѣялся я и существо законовъ сохранить и не нарушить, и себя предохранить отъ всякихъ со стороны правительства притязаній, и крестьянъ искуснымъ образомъ поудержать отъ покупки вина и обыкновеннаго пьянства, и чрезъ то достигъ, сколько можно, и до главной цѣли желанія князя, моего командира, что и удалось мнѣ по желанію. Ибо какъ поманутое необыкновенное приказаніе раствержено было всѣмъ старостамъ и начальникамъ неоднократно, то узнавши о томъ, трусливые крестьяне возмечтали себѣ невѣдомо что о послѣдствіяхъ такого приказанія и оною всѣхъ ихъ такъ устрашило, что дѣйствительно ни одинъ почти не ходилъ покупать вина во всю святую недѣлю, такъ что г. Игнатъеву, надѣявшемуся распродать нѣсколько тысячъ ведръ, не удалось во всю недѣлю продать и ста ведръ во всей волости.

Признаться надобно, что хитрость сія вздурила сего корыстолюбца. Онъ зарычалъ огнемъ и пламенемъ и думалъ потрасти горами самими, бросившись въ земской и уѣздной суды съ воплями и жалобами на меня; но того не зналъ и не вѣдалъ, что тутъ приготовленъ былъ для его другой ударъ, всего меньше имъ ожидаемой и его еще больше поразившіи. Я предвидѣлъ все сіе и не преминулъ взять нужныя предосторожности, и самая сія предосторожность составляла мою вторую стратагему и состояла въ слѣдующемъ:

Мнѣ вспомнилось то обстоятельство, что главной его повѣренной и производитель всѣхъ его дѣлъ, Деревенской, былъ собственно банерутъ и находился у кого-то, по обыкновенію, на роспискѣ. А какъ таковыхъ дурныхъ людей не велѣно законами ни до какихъ важныхъ

дѣлъ, подрядовъ и довѣренностей допускать и имъ вѣрить, то дабы вдругъ и печально остановить всѣ его письменныя и плутовскія на меня ябеды и просьбы, прицѣпился я къ сему обстоятельству и предъ самою святою недѣлею подалъ отъ себя въ уѣздной судъ громкую и такую противъ сего, г. Деревенскаго, бумагу, что поразилъ его ею какъ громовымъ ударомъ, и не только принудилъ совершенно замолчать, но и всѣ дѣла г. Игнатъева привелъ въ опасность приттить въ совершенное замѣшательство, ибо я требовалъ исполненія во всей точности закона, и не только не принимать отъ сего презрительнаго человѣка никакихъ объявленій и просьбъ, но и самаго отрѣшенія его, какъ негоднаго человѣка.

Обоими сими, въ одно почти время произведенными и всего меньше ожидаемыми ударами толико сразилъ я господина Игнатъева, что какъ онъ ни прыгалъ и ни ярился и сколько и слышать того не хотѣлъ, чтобъ унижить себя передъ княземъ и просить у него того изъ милости, что надѣялся получить самъ собою и нартомъ, но наконецъ принужденъ былъ спашевать, укротиться и не только сдѣлаться помирнѣе, но подхватя почтовыхъ, скакать въ Москву къ князю, и позабывъ свою гордость и высокоуміе, ему кланяться и просить о помилованіи; а князь сего только и добивался.

Но что собственно у него съ нимъ происходило и на чемъ они разстались, того мнѣ хотя въ точности было и неизвѣстно, но то только знаю, что мнѣ дано было знать, чтобъ я не такъ жестоко и сильно ополчался противъ господина Игнатъева, а довольствовался только недаваніемъ квартиръ его бочкамъ; да и сіе приказано было, такъ сказать, сквозь зубы и такимъ тономъ, что я могъ заключить изъ того, что желаніе князя состояло въ томъ, чтобъ мнѣ по прежнему и въ разсужденіи Игнатъева смотрѣть колико можно сквозь пальцы и не слишкомъ настоять, чтобъ все шло по точности законовъ.

Сіе повелѣніе привезъ ко мнѣ самъ

г. Игнатьевъ. Какъ онъ въ сей разъ былъ смиреннѣе самого агнца и къ самому ко мнѣ очень почтителенъ и снисходителенъ; то и радъ я былъ, что дѣло сіе симъ образомъ кончилось, и я отъ сего негоднаго челоуѣка отвязался; ибо признаться надобно, что хлопоты и дразги, бывшія съ нимъ, мнѣ уже наскучили, и тѣмъ паче, что я собственно самъ при семъ дѣлѣ ничѣмъ не интересовался, почему и нужды мнѣ дальней не было, какъ бы ни происходило оное, и я тѣмъ охотнѣе склонился на униженнѣйшую его просьбу, чтобъ ему съ своей стороны не дѣлать никакого притѣсненія. Но какъ ему хотѣлось-было, чтобъ я ему нѣсколько и помогать, то въ семъ отказалъ я ему напрямки, какъ нимало того незаслуживающему, и не обинуясь сказалъ, что я не намѣренъ никакъ мѣшаться въ сіе дѣло, но какъ до того былъ чистъ и ничѣмъ не замаранъ, такъ и впредь хочу такъ-вымъ же остаться; а довольно съ него, когда я ему ничѣмъ умышленнымъ мѣшать и притѣснять его съ своей стороны не стану.

Всходствіе того и отиѣнилъ я прежде приказаніе и довольствовался только подтвердительнымъ приказаніемъ всѣмъ старостамъ, чтобъ они выставкамъ симъ отнюдь не отводили квартиръ. Но какъ я легко могъ заключать, что сіе всего труднѣе было имъ исполнить и что повѣренныя г. Игнатьева найдутъ средство ихъ задобрить и до того довести, чтобъ они молчали и не видѣли того, естли они у кого изъ крестьянъ, по добровольному согласію, сами собою избы и мѣста для продажи вина нанимать станутъ; то хотя и не имѣлъ я уже причины сему препятствовать, поелику то почло бы съ моеи стороны притѣсненіемъ, однако опасаясь, чтобъ мнѣ не претерпѣть впредь чего-нибудь и за сіе отъ сумасброднаго моего князя, вздумалъ и въ разсужденіи сего пункта употребить для обезопасенія себя одно политическое средство, состоящее въ томъ, чтобъ въ каждую субботу, когда собирались ко мнѣ, по обыкновенію, всѣ старосты, повторять и подтверж-

дать имъ вновь помянутое приказаніе, однако безъ дальняго на то настоянія, а единственно для того, чтобъ въ нужномъ случаѣ можно-бы мнѣ было на сіе сослаться и чѣмъ-нибудь себя оправдать. Послѣдствіе я доказало, что предосторожность таковая была и необходимо надобна, и я очень собою былъ доволенъ, что ее употребилъ, ибо она, какъ послѣ упоминается, послужила мнѣ въ великую пользу и спасла меня отъ великаго бѣдствія, и помогла разрушить злые ковы всѣхъ моихъ недоброхотовъ и безстыднѣйшихъ клеветниковъ и заистинниковъ.

Но я удалился уже отъ нити моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь назадъ къ тому пункту времени, на которомъ я остановился, скажу, что помянутой сумасбродной ордеръ и новыя хлопоты, имъ мнѣ наведенныя, были причиною тому, что я и бывшую въ сей годъ въ началѣ апрѣля святую недѣлю провелъ по причинѣ вышеупомянутыхъ дразговъ не слишкомъ весело; однако мы все-таки не оставляли между дѣлами заниматься бездѣлками, и я не упускалъ, такъ сказать, ни одной минуты, чтобъ ее не употреблять въ какую-нибудь пользу. Съ одной стороны, при всѣхъ моихъ тогдашнихъ хлопотахъ и недосугахъ, продолжалъ я временно учить и наставлялъ всѣхъ дѣтей, приходившихъ ко мнѣ временно гурьбою изъ нашего пансіона; съ другой, занимался ежедневно почти сочиненіемъ разныхъ экономическихъ пьесъ и отвѣтовъ на письма моихъ корреспондентовъ, которыхъ накопилось уже довольно, и они, несмотря на пресѣченіе издаваемого мною «Сельскаго Жителя», продолжали со мною переписываться и подавать мнѣ тѣмъ отчасу новыя поводы къ писанію; а съ третьей, продолжалъ я заниматься разными мелочными своими затѣями и выдумками, къ которымъ относились изобрѣтенія мои составлять прекрасныя гравированныя на стеклѣ, по серебру и золоту картинныя, также опыты мои къ переводу печатныхъ куштовъ на стекло, и нѣкоторыя другія мелочи и любопытныя вещицы. А въ занятіяхъ сихъ, равно какъ

и въ продолжаемыхъ сѣздахъ и свиданіяхъ съ друзьями и провелъ я почти нечувствительно все достальное зимнее время. А съ окончаніемъ онаго дозвольте мнѣ и сіе мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 5-го дня 1809 года).

Письмо 199-е.

Любезный пріятель! Вскрывшаяся вмѣстѣ съ апрѣлемъ весна, иреподавшая мнѣ множество поводовъ къ надворнымъ дѣламъ и упражненіямъ, положила наковецъ предѣлъ большей части моихъ комнатныхъ занятій; ибо какъ я принужденъ быть всякой день быть на дворѣ и распорядить разными работами въ саду и въ другихъ мѣстахъ, а сверхъ того и ѣздить то туда, то сюда, для осмотровъ и другихъ надобностей, то некогда мнѣ было заниматься прежними бездѣлушками. Я урывалъ только всѣ праздныя минуты на соотвѣтствованіе моимъ корреспондентамъ на письма, получаемыя отъ нихъ еженедѣльно, сочиняя и располагая оныя такимъ образомъ, чтобъ могли они напечатаны быть въ затѣваемомъ мною новомъ ежемѣсячномъ экономическомъ журналѣ, которой не выходилъ у меня изъ ума, и мнѣ все хотѣлось его издавать, несмотря на всю малую удачу окончавшагося уже тогда моего «Сельскаго Жителя». Вскрѣстивъ того и продолжалъ я ревностно трудиться надъ заготовленіемъ заблаговременно пьесъ для сего новаго журнала, располагаемаго уже совсѣмъ инымъ и отиѣннымъ отъ прежняго образомъ.

Относительно до надворныхъ работъ памятно мнѣ, что между прочими разными затѣями напади на меня около сего времени охота выдумывать и чертить лабиринты; и какъ мнѣ удалось выдумать очень хорошій, то по нетерпѣливости моей и любопытству, восхотѣлось мнѣ произвести его и въ натурѣ и насадить сплошными лозовыми кольями. Для сего избралъ я довольно просторное мѣсто за рѣкою Вязовкою, на выѣздѣ изъ нашего двора

подлѣ каменнаго нашего гостинаго двора и при большой дорогѣ, и трудился нѣсколько дней до поту лица своего надъ посадкою сего, огромнаго лабиринта, и воображалъ себѣ, что выдетъ изъ того необыкновенная и рѣдкая штука. Но надежда меня обманула. При перемѣнившихся во многомъ обстоятельствахъ, принужденъ я былъ внослѣдствіи времени оставить оной безъ призрѣнія и къ неудовольствію своему видѣть всѣ труды мои, къ тому употребленныя, уничтожившимися и пропавшими тщетно.

Впрочемъ памятно мнѣ, что около сего времени получили мы новую себѣ знакомку и сосѣдку, въ одной немолодыхъ уже лѣтъ вдовѣ, госпожѣ Алабиной, сестрѣ родной господъ Полуниныхъ. Она, имѣя у себя сына и двухъ дочерей, отдала перваго въ нашъ пансіонъ учиться, и по поводу сему расположилась перѣѣхать изъ своей епифанской деревни жить у насъ въ Богородицкѣ, гдѣ имѣла она небольшой домикъ. Звали ее Анною Ивановною, и она сдѣлалась къ намъ такъ приверженною, да и мы, по добротѣ и простотѣ ея характера, такъ ее и всѣхъ дѣтей ея полюбили, что съ самаго сего времени основалась у насъ съ симъ домою тѣсная дружба и знакомство, которое продолжается и понинѣ, хотя она и сынъ ея давно уже находятся въ числѣ мертвыхъ, а остались отъ ней только двѣ дочери, изъ которыхъ одна, старшая, въ дѣвушкахъ, живетъ и понинѣ въ Богородицкѣ, а меньшая, проживавшая въ молодости у насъ и дѣлавшая дочерямъ моимъ компанію, чрезъ посредство наше вышла потомъ замужъ за сына прежняго моего друга и сосѣда, г. Ладыженскаго, владѣющаго нынѣ отцовскимъ имѣніемъ въ Сенинѣ и продолжающаго съ домою нашимъ пріязнь и дружество.

Далѣе памятно мнѣ, что я въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая трудился вмѣстѣ съ городничимъ надъ разбиваніемъ и назначеніемъ улицъ города, чему въ минувшую осень учинили мы лько маленькое начало, и что къ намъ

въ концѣ апрѣля приѣзжалъ опять нашъ губернаторъ, съ которымъ вмѣстѣ ѣздили мы назначать новую большую дорогу чрезъ новоназначаемой и разбиваемой городъ, и что я при семъ случаѣ измучился впрахъ отъ трудовъ, но чрезъ то и приобрѣлъ отъ губернатора еще болѣе къ себѣ любви и уваженія.

Мѣсяцъ май сего года сдѣлался мнѣ памятенъ многими бывшими въ теченіе его особыми происшествіями. При самомъ началѣ его перетревоженъ я былъ увѣдомленіемъ, что прорвался и ушелъ у меня одинъ изъ большихъ богородицкихъ волостныхъ прудовъ, называемой «Щедловскимъ». Прудъ сей былъ старинной, запруженной на той же рѣчкѣ Уперти, которая протекала мимо дворца, и ниже новаго большого пруда дворцоваго. И какъ онъ былъ только мельничной, то хотя и не составлялъ дальней важности, но мнѣ было его очень жаль, и болѣе потому, что въ немъ отъ сбѣжавшей съ большого пруда икры завелось великое множество карпьевъ, о чемъ узнали мы впервые только при семъ случаѣ. Ибо какъ вода изъ него вся сбѣжала, и одинъ берегъ сего пруда былъ уже не нашъ, а городской, то и бросились всѣ новые мѣщане и городскіе жители ловить въ стремѣ оставшуюся рыбу, и я удивился, услышавъ, что они ловятъ и наловили ее себѣ превеликое множество. Но удивленіе мое увеличилось еще больше, когда сказали мнѣ, что вся рыба сія состоитъ въ маленькихъ карпяхъ. Сперва не хотѣлъ было я тому никакъ вѣрить, ибо почиталъ невозможнымъ, чтобъ въ толь немногіе годы могло отъ сотни посаженныхъ въ большой дворцовой прудъ карповъ расплодиться ихъ такое множество не только въ немъ, но и въ семъ нижнемъ прудѣ, въ которой мы никакихъ карповъ и не сажали; но какъ принесли мнѣ ихъ на показъ, то по усикамъ ихъ удостовѣрился я въ томъ совершенно, и тогда, обрадуясь сему, безъ памяти поскакалъ я самъ туда съ разными рыболовными снастями и велѣлъ при себѣ ловить ихъ въ стремѣ. И какое же удо-

вольствіе было мое, когда мнѣ ихъ въ теченіе двухъ сутокъ наловили до 4,000! Отъ радости не зналъ я, куда мнѣ ихъ и дѣвать было. И какъ въ большой прудъ насажено было ихъ уже множество, то достальныхъ разсудилось мнѣ посадить въ находившуюся подлѣ соборной нашей церкви большую копаную регулярную сажелку, или прудокъ нарочитой величины, которая вполнѣдствіи времени доставляла намъ множество удовольствій. Ибо, насадивъ въ нее помянутымъ образомъ множество карповъ, восхотѣлось мнѣ обезпечить ее отъ расхищенія огражденіемъ всей оной порадочною рѣшеткою, область берега ея дерномъ, осадить въ два ряда березками, и поставить чрезъ то пріятное вокругъ ея гульбище, которымъ какъ мы, такъ и всѣ наши городскіе товарищи въ лѣтнее время нерѣдко пользовались и до восторговъ увеселялись разросшимися тутъ очень скоро карпами, при бросаніи въ воду хлѣбныхъ корокъ, и смотрѣніемъ на то, какъ они, какъ поросята, за ними гонялись и ихъ теребили; а сдѣланной прекрасной плотикъ, на которомъ можно было по сему прудку разѣзжаться, придавалъ еще болѣе нашимъ гуляньямъ вокругъ его пріятности.

Едва мы помянутую ловлю карповъ кончили, какъ тотчасъ за симъ получили мы, 5-го числа сего мѣсяца, извѣстіе о рожденіи великаго князя Константина Павловича. Радостное извѣстіе сіе подало поводъ и намъ къ торжественію сего радостнаго происшествія, и городничій нашъ далъ намъ всѣмъ при семъ случаѣ пиръ, сопряженной съ обмѣновенными увеселеніями.

Вскорѣ за симъ востребовала надобность побывать мнѣ въ Бобривахъ. Бывшій у насъ архитекторъ, г. Ананьинъ, за нѣсколько времени до сего отъ насъ отбылъ и опредѣлился въ Нижній-Новгородъ въ городскіе архитекторы. Побудило его къ тому наиболѣе неудачное построеніе имъ одного изъ дворцовыхъ тамошнихъ флигелей и упаденіе всего свода въ ономъ; и какъ строеніе дворца

было далеко еще не окончено, то принужденъ былъ князь принскать на мѣсто его другого архитектора, но сей у насъ уже не жилъ, а наѣзжалъ временно. И какъ въ самое сіе время приѣзжалъ онъ въ Бобринки, для заложения другого дворцоваго флигеля, то по сему случаю и надобно было и мнѣ тамъ быть, и мы съ нимъ дѣло сіе сдѣляли.

Далѣе достопамятно, что въ сію весну и въ самое сіе время предприимчивой учитель нашъ завелъ у себя превеликой плантажъ табачной и насадилъ его превеликое множество, въ надеждѣ получить отъ него себѣ превеликой прибытокъ. Но надежда его обманула. Табакъ родился хотя прекрасной, но онъ не умѣлъ съ нимъ и съ приуготовленіемъ его какъ надобно обойтись, и большую часть его перегноилъ и перепортилъ. Произошло сіе наиболѣе оттого, что онъ слишкомъ на знаніе свое надѣялся, а вышло совсѣмъ тому противное, и опытность доказала, что знаніе имѣлъ онъ о томъ самое поверхностное и весьма еще недостаточное. А какъ и я по примѣру его завелъ у себя маленькой плантажецъ, то самое сіе и побудило меня входить уже самому въ сію часть сельскаго хозяйства и чрезъ разные опыты мало-по-малу добираться до того, какъ съ нимъ обходиться лучше; до чего мнѣ наконецъ, хотя чрезъ многіе труды, и удалось достигнуть, и съ того времени имѣлъ я удовольствіе всякой годъ даже до сего времени видѣть у себя табакъ, растущій и обрабатываемой такъ, что я безъ нужды пробавляюся уже своимъ табакомъ и не имѣлъ нужды покупать оной, а временемъ даже и самъ продавалъ еще оной.

Что касается до общежителства нашего, то прежняя пріятность онаго продолжалась и въ теченіе сего лучшаго и пріятнѣйшаго мѣсяца въ году. Мы продолжали по прежнему сѣзжаться другъ съ другомъ и не упустили почти ни одного дня, когда случалась пріятная вешняя погода, чтобъ не быть вмѣстѣ и не гулять по садамъ, по рощамъ и другимъ мѣстамъ въ окрестности нашего селенія;

а нерѣдко дѣлали намъ въ томъ со товарищество и приѣзжающіе къ намъ гости, въ которыхъ, какъ проѣзжихъ, такъ и нарочно къ кому-нибудь изъ насъ приѣзжающихъ, не было никогда недостатка. А много умножали общество наше и приѣзжающіе къ лекарю нашему лечиться и живавшіе въ Богородицкѣ у насъ по нѣскольку недѣль сряду. Къ числу сихъ въ особенности принадлежала фамилія господина Писемскаго, Ивана Даниловича, съ которымъ при семъ случаѣ свелъ я дружбу и знакомство, продолжавшееся до самаго конца его жизни. Милой и любезной характеръ сего добраго человѣка заставилъ меня полюбить его искренно, и я дружбою и пріязнью его къ себѣ былъ всегда очень доволенъ.

Въ такихъ же точно занятіяхъ и упражненіяхъ протекъ и весь іюнь мѣсяцъ, въ которой не случилось ничего достопамятнаго, кромѣ того, что мы ѣздили кой-куда по гостямъ и я былъ опять въ Бобринкахъ, для осмотра дѣлаемаго тамъ въ большой церкви иконостаса, и продолжалъ мою переписку съ разными своими корреспондентами, а особливо съ господами Владыкинъмъ и Воейковымъ; а относительно до моихъ новыхъ выдумокъ ознаменовался сей мѣсяцъ составленіемъ той картинки изъ бабочекъ, которая существуетъ у меня и понинѣ.

Съ началомъ мѣсяца іюля начали мы приуготовляться опять къ годовой нашей ярманкѣ, которая и въ сіе лѣто была многолюдная и на прежнемъ еще мѣстѣ, ибо новой городъ начиналъ только-что строиться и далеко еще весь не образовался. И какъ на ярманку съѣхалось множество дворянства, то и былъ у меня опять по сему случаю большой пиръ.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я неудовольствіе, чрезъ увѣдомленіе изъ Москвы, узнать, что все затѣваемое мною дѣло, относящееся до издаванія новаго журнала, по стеченію разныхъ обстоятельствъ и происшедшей перемѣнѣ съ университетскою типографіею, рушилось и не возымѣло желаемого успѣха. Я погорчился тогда и подосадовалъ на сію неожиданность, и

тѣмъ паче, что у меня заготовлено было уже множество матеріи и разныхъ пьесъ для онаго, и не только сочинены вчернѣ, но и набѣло переписаны, и мнѣ весьма было неприятно, что столь многіе труды оставались тщетными. Но, ахъ! какъ мало зналъ я тогда, чѣмъ долженствовало воспослѣдовать впредь по сему отношенію! Мнѣ и на умъ тогда не приходило, что произошло сіе по особенному дѣйствию и распоряженію Промысла Господня и для того, что люди бравшіеся помогать мнѣ въ томъ были ненадежны, а назначаемъ и приготавлиемъ былъ къ тому другой и несравненно надежнѣйшій человѣкъ, долженствующій произвести обще со мною то великое дѣло, которое впоследствии времени сдѣлалось толико громко и для обоихъ насъ важно и славно, какъ о томъ упомянется ниже.

А около 21-го числа іюля встревоженъ я былъ увѣдомленіемъ изъ Москвы, что вскорѣ имѣеть прибыть къ намъ въ волости князь, мой новой командиръ. И какъ приѣзда сего неутомоннаго человѣка не можно намъ было ожидать съ такимъ спокойнымъ духомъ, съ какимъ до сего ожидали и встрѣчали мы старика-князя, отца его, то натурально посмутились духомъ мы оба съ г. Верещагинимъ, случившимся тогда быть у меня, и думая, что по примѣру отца приѣдетъ онъ также сперва въ Бобрини, въ тотъ же часъ туда поскакали и къ приѣзду его сдѣлали всѣ нужныя приуготовленія и распоряженія; но все наше ожиданіе его было тщетно. Онъ проѣхалъ изъ Москвы прямо въ любимое свое село Сергіевское, въ Чернскомъ уѣздѣ, и я, узнавъ о томъ на третій уже день, возвратился опять въ Богородицѣ, а господина Верещагина, для точнѣйшаго узнанія о томъ, когда располагался къ намъ быть князь, отправилъ къ пріятелю его, господину Стрекалову, въ деревню.

Сей возвратясь оттуда привезъ ко мнѣ извѣстіе, что князь дѣйствительно уже приѣхалъ въ Сергіевское, а къ намъ не такъ-то скоро, а равнѣ недѣли чрезъ двѣ будетъ, и что г. Стрекаловъ совѣ-

товалъ намъ самимъ туда къ нему съѣздить; что мы тотчасъ и исполнили. Князь принялъ меня нарочито изрядно и далеко не съ такою холодностію, какъ тогда я ожидалъ отъ него. Онъ разспрашивалъ меня обо всемъ до волостей и кабацкихъ дѣлъ относящемся, и казался быть всѣми распоряженіями и поступками моими при семъ критическомъ дѣлѣ довольнымъ; но совсѣмъ тѣмъ не примѣчалъ я въ немъ ни малѣйшаго къ себѣ благопріятства. Все его обращеніе со мною было гордое, пышное, увышенное, надменное и далеко не таково, какимъ пользовался я отъ добродушнаго отца его. Все сіе меня не весьма радовало и было для меня неприятно. Мы нашли у него тутъ пріятеля его, господина Власова, и извѣстнаго всѣмъ бывшаго кратковременнаго счастливица, Александра Семеновича Васильчикова, и имѣли честь вмѣстѣ съ ними у князя въ послѣдующій за тѣмъ день обѣдать; и я заключаая, что князь можетъ быть и для нихъ обходился со мною такъ гордо, желая доказать имъ свою командирскую власть надъ нами, все еще ласкался надеждою, что онъ будетъ впредь ко мнѣ благосклоннѣе, и потому, по добротѣ своего сердца, въ семъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ и извинялъ его въ томъ.

Послѣ обѣда князь не сталъ насъ держать у себя долѣе ни минуты, но сказавъ, чтобъ мы ѣхали въ Богородицѣ и тамъ его къ себѣ дожидались. Итакъ, мы съ господиномъ Верещагинимъ и пустились въ обратной путь; но какъ до Богородицка было далеко, то рѣшились заѣхать къ г. Стрекалову и у него ночевали, и въ Богородицѣ уже на другой день къ вечеру приѣхали.

Вскорѣ послѣ возвращенія нашего приѣхали къ намъ въ Богородицѣ и оба вышеупомянутые знакомцы и друзья княжіе, г. Власовъ и Васильчиковъ; и какъ имъ хотѣлось видѣть дворецъ, то водили я ихъ въ оной, и зазвавъ къ себѣ угощавъ чаемъ и фруктами, и былъ обращеніемъ ихъ со мною доволенъ. Но смотря на г. Васильчикова и говоря съ нимъ

о разныхъ матерiяхъ, не могъ сему экслюзивцу надивиться, какъ могъ онъ такъ много поправиться императрицѣ, ибо не находилъ въ немъ ни малѣйшей красоты ни душевной, ни тѣлесной, и принужденъ былъ самъ въ себѣ подумать и по пословицѣ сказать, что полюбится иногда и сатана лучше яснаго сокола.

Спровадивъ отъ себя сихъ знаменитыхъ гостей, сталъ я дожидаться князя и дѣлать къ приѣзду его всѣ нужныя приуготовленія; и какъ ожидалъ я отъ него не столько добраго, сколько худого и по меньшей мѣрѣ панстрожайшаго во всемъ взисканія, то признаюсь, что духъ мой во всѣ дни, протекшіе до приѣзда его, былъ у меня въ великомъ смущенiи и безпокойствѣ, и я не упускалъ ничего, что только нужно и можно было къ предвидимымъ во всемъ объясненіямъ по дѣламъ до волости относящимся, и ждалъ его къ себѣ какъ медвѣдя.

Прибытіе его воспослѣдовало не прежде какъ 7-го августа, предъ самымъ обѣдомъ, которой приуготовленъ былъ для него во дворцѣ, гдѣ онъ стоялъ расположился. Мы встрѣтили его съ смущеніемъ душевнымъ, которое увеличилось еще неизобразимо отъ гордаго и самаго холоднаго съ нами при первой встрѣчѣ обращенія. Не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ первѣйшее его приказаніе было, чтобъ представлены были къ нему тотчасъ всѣ наши казенныя лошади, употребляемыя мною для ѣзды, на смотръ, и чтобъ послалъ я за всѣми старостами и начальниками деревень. Лошади тотчасъ были и представлены, и онъ успѣлъ ихъ еще до обѣда всѣхъ пересмотрѣть и приказалъ приготовить для себя тройку и запречь въ самыя легкія и маленькія дрожки, которыя, между тѣмъ, какъ онъ обѣдалъ, и были приуготовлены. На сіи сѣвъ и посадивъ меня за собою, поспскалъ онъ тотчасъ послѣ обѣда въ ближнія волостныя большія селы Іевлево и Малевку. Ызда сія была хотя недалекая, но для меня, по претерпѣнному безпокойству, весьма памятна. Какъ дрожки были самыя туртыжныя и мнѣ невольно до-

велось сидѣть какъ позади оныхъ, спиною къ князю, на лакейскомъ мѣстѣ, на которомъ при ѣздѣ вскачь съ великою нуждою могъ я держаться, то, не ѣзжавъ отъ роду въ такомъ положеніи, былъ я тогда какъ на каторгѣ и проклиналъ въ мысляхъ и князя, и сумасбродное его скаканье. Нѣсколько разъ едва-было со-всѣмъ не полетѣлъ я стремглаву съ сихъ проклятыхъ дрожекъ, и насилу могъ удержаться. Но зачѣмъ бы такимъ ѣздили и скакали мы такъ туда безъ ума, безъ памяти? Единственно затѣмъ только, что его сіятельству угодно было взглянуть на наши большія и огромныя селы и посвидѣтельствовать на бывшихъ въ нихъ мельницахъ у мельниковъ мѣрки, которыми брали они съ помолщиковъ муку вмѣсто лопатокъ. Дѣло, по истинѣ, самое важное и достойное предприниманія такихъ трудовъ! Но не думайте, чтобъ дѣлано было сіе безъ намѣренія; сіе состояло ни менѣе, ни болѣе какъ въ томъ, чтобъ найтись что-нибудь, къ чему бы можно было ему придраться и изъявить свое княжеское на меня неудовольствіе. Сіе, къ крайнему моему удивленію и негодованію, замѣтилъ я уже при первыхъ его во время ѣзды нашей, прямо сказать, княжескихъ, или лучше сказать, самыхъ подлыхъ поступокъ и ухватокъ, состоящихъ въ томъ, чтобъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго, несмотря, мужикъ ли бы то былъ или женщина, останавливать, со всякимъ разговаривать, всякому предлагать прямо шиванскіе вопросы, всякаго выводить съума и у всякаго хитрымъ образомъ выпытывать, не знаетъ ли кто чего дурного, относящагося до волостнаго правленія? Но по счастію попадались ему только самопростѣйшіе, глупѣйшіе и такіе люди, отъ которыхъ онъ не могъ ничего добиться. Самыя селы наши нашеть онъ совсѣмъ пустыи, ибо весь народъ былъ тогда въ полѣ по случаю начавшейся уже уборки хлѣбовъ. Итакъ, не пашедъ никого, полетѣлъ онъ на мельницы, содержимыя разными людьми изъ найма и бывшія на оброкѣ. И тутъ-то обратилъ онъ свое княжеское вниманіе на помя-

путыя мѣрки; и какъ показались онѣ ему великоваты, то и употребилъ онъ сей порвой случай къ изъявленію на меня княжескаго своего неудовольствія и неожиданнѣмъ образомъ сталъ изливать на меня свой праведной гнѣвъ, говоря, для чего я за симъ не смотрю, и чтобъ лучше я почаще ѣздилъ и за всѣмъ смотрѣлъ, чѣмъ писалъ стихи и пѣсенки. И удивился, и смутился, и вздурился я, сіе отъ него услышавъ, и дружное смущеніе мое было такъ велико, что я, почти остолбенивъ, не могъ ему съ минуту времени вымолвить въ отвѣтъ ни единого слова. Въ разсужденіи мнимой величины мѣрокъ оправдаться было мнѣ весьма не трудно, ибо онѣ были обыкновенныя и нимаго такъ не велики, какъ онъ себя воображалъ; къ тому-жъ и не было на то ни отъ кого и никогда жалобъ; но несносно было мнѣ то, что онъ упрекалъ меня писаніемъ стиховъ и пѣсенокъ. И какъ я легко могъ заключить, что онъ говорилъ сіе не своимъ языкомъ, а по чьему-нибудь бездѣльническому навѣту, то, собравшись наконецъ съ духомъ, сказалъ я ему, что на величину мѣрокъ не слыхалъ я ни отъ кого изъ крестьянъ жалобъ и неудовольствій, а потому не было и причины входить мнѣ въ сіе дѣло, нестоющее никакого дальняго и уваженія; что-жъ касается до писанія пѣсенокъ и стиховъ, то я отъ роду стихотворцемъ не бывалъ и ихъ не писывалъ, а если что въ праздныя минуты и пишу, такъ не пустое, а такое, что служить къ пользѣ моихъ согражданъ и всему отечеству, и за то не нажилъ еще ни отъ кого пареканія, а извѣстно о томъ всему государству. Симъ заградилъ я ему уста и заставилъ его замолчать, но въ сердцѣ своемъ почувствовалъ я къ нему крайнее съ сего времени негодованіе.

Побывавъ на одной мельницѣ, поскакали мы по горамъ, по доламъ къ другой, находящейся въ селѣ Ломовкѣ. Тамъ опять было такое же свидѣтельствованіе мѣрокъ и подтвержденіе, чтобъ принудить мельниковъ сдѣлать ихъ меньше. «Очень хорошо! сказалъ я усмѣхнувшись:

когда вашему сіятельству это угодно, такъ и будетъ сдѣлано, дѣло сіе не составляетъ важности».

Не успѣли мы, обскакавши версть десятка два, возвратиться въ Богородицкѣ, какъ тотчасъ спросилъ онъ старосту. По счастью, были они уже всѣ предстать предъ него въ готовности. Итакъ, начались тотчасъ спросы и распросы: довольны ли они мною? не дѣлаю ли я кому обидъ и притѣсненій? не имѣютъ ли они какихъ на меня жалобъ? въ которомъ случаѣ говорили бы они нимаго меня не опасаясь. Но какъ всѣмъ имъ и крестьянамъ отъ меня не было ни малѣйшихъ обидъ и притѣсненій, то нечего было имъ сказать, кромѣ того, что они совершенно мною довольны и лучшаго управителя себя не желаютъ. И тогда примѣтно было, что такой отзывъ обо мнѣ былъ его сіятельству не весьма угоденъ. Онъ замолчалъ, отворотился отъ нихъ и ушелъ прочь. Прискорбно мнѣ сіе было, но нечего было дѣлать, и какъ оставалось еще довольно времени, то для занятія его чѣмъ-нибудь предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ приказать половить въ церковной сажелкѣ рыбы и посмотреть наловленныхъ мною карповъ; и какъ онъ отъ того не отрекся, и къ рыбной ловлѣ все было приготовлено, то пошли мы тотчасъ туда.

Другого, находившагося на его мѣстѣ, могъ бы тронуть и одинъ уже видъ сей оправленной, огороженной раскрашеною рѣшеткою и превращенной въ прекрасное гульбище сажелки, но онъ не удостоилъ всѣ мои труды не только вниманія, но почти и самаго воззрѣнія. Но какъ запущеннымъ неводомъ вытащили такое множество карповъ, какого онъ въ жизнь свою не видывалъ, то примѣтно было, что онъ удивился; но по жестокости своего сердца и тутъ не хотѣлъ сказать мнѣ не только ни малѣйшаго спасибо, но ниже изъяснить какого-нибудь удовольствія, такое пріятное зрѣлище увидя, вмѣсто того, что отецъ его вспрыгнулся-бъ отъ радости и удовольствія. Досадно было мнѣ невѣдомо какъ такое его хладнокровіе, но какъ

нечего было дѣлать, то закусивъ себѣ губы пошелъ я вслѣдъ за нимъ, ругая только его въ мысляхъ и раскаяваясь, что хотѣлъ такому негодяю доставить удовольствіе. Пуще всего прикро было мнѣ сіе по причинѣ присутствія при томъ всѣхъ нашихъ судей, собравшихся для сего зрѣлища и такую холодность его ко мнѣ довольно запримѣтившихъ.

Всѣ они изъ учтивости проводили его до дворца, но спасибо, и имъ всѣмъ не оказывалъ онъ никакой дальней ласки, а удостоилъ только тѣхъ изъ нихъ разговоромъ съ собою, которые были такіе же охотники до псовой охоты, каковъ былъ онъ самъ. И съ ними занялся онъ во все достальное время вечера велемудрыми своими по сей части разговорами; однако я самихъ сихъ отпустилъ онъ отъ себя безъ дальняго привѣтствія, а съ видомъ совершеннаго всѣхъ ихъ неуваженія, и чрезъ то подалъ и имъ всѣмъ о себѣ не весьма выгодное мнѣніе.

Путру на другой день не успѣлъ онъ встать и умыться, какъ уже спросилъ, тутъ ли я и готовъ-ль дрожки? и посадивъ меня опять позади себя на муку и каторгу, пустился скакать въ другую сторону волости, сперва въ село Товарково, потомъ въ Кузовку, тамъ въ Малевку, а оттуда въ село Папортки, а изъ сего назадъ въ Богородицкѣ. Разстояніе между сими селами было такъ велико, что мы околесили съ нимъ болѣе 40 верстъ до обѣда, и по всѣмъ мѣстамъ скакали такъ, что у меня трясся даже мозгъ въ головѣ, и я едва могъ отвѣтствовать ему на разные дѣлаемые имъ мнѣ на пути коварные обо всемъ вопросы и разспросы. Единное отдохновеніе имѣлъ я только тогда, когда попадался намъ кто-нибудь изъ волостныхъ мужиковъ на дорогѣ или въ близости оной на поляхъ, изъ которыхъ не пропущалъ онъ ни одного безъ того, чтобъ остановившись и подозвавъ къ себѣ, не спрашивать его кое-о-чемъ и не выводить изъ ума. Все ему хотѣлось найти кого-нибудь, кто-бъ что-нибудь сказалъ ему обо мнѣ и о правленіи моемъ худое. Но и въ сей день

имѣлъ онъ такую же въ томъ неудачу, какъ и наканунѣ, и всѣ отзывались обо мнѣ и о правленіи моемъ съ полною похвалою.

Теперь вообразите себѣ, каково было мнѣ все сіе видѣть и слышать; но я переносилъ все то, скрѣпя сердце, съ равнодушіемъ, и только негодовалъ на него, и на скверной его характеръ досадуя, отвѣтствовалъ на все короткими словами.

Не успѣлъ онъ, возвратясь въ Богородицкѣ, отобѣдать и съ полчаса отъ усталости уснуть и отдохнуть, какъ по приказанію его готовы были уже опять дрожки, и я опять принужденъ былъ съ нимъ ѣхать, сперва на островокъ, для осматриванія находящагося тамъ госпиталя, гдѣ, по похвальному моему обыкновенію, не преминулъ онъ также почти всѣ уголки пересмотрѣть и отыскивать какой-нибудь неисправности. Но какъ и тутъ все было въ надлежащемъ порядкѣ, то не удалось ему и тутъ ничего найти; и какъ нечего ему было дѣлать, то, для скрытія своего неудовольствія, велѣлъ онъ ловить опять рыбу въ прудахъ, подлѣ госпиталя находившихся. Какъ тутъ захвачено было множество и самыхъ большихъ карповъ, то не сказано опять мнѣ ни слова, велѣлъ только нѣсколько изъ нихъ отнестъ къ себѣ на кухню и изготовить къ ужину.

Кончивъ сіе дѣло и осмотрѣвъ и находящійся тамъ небольшой садикъ и маленькую ранжерею, гдѣ онъ также перешарилъ всѣ мышыя норы, поспрашивъ съ нимъ къ нашему хлѣбному магазину, которой не преминулъ онъ также весь перешарить, отыскивая и въ немъ чего-либо неисправнаго; но какъ и тутъ нашелъ все въ порядкѣ, то нахмурился только и радъ былъ, что попались ему тутъ на глаза нѣсколько бобривковскихъ мужиковъ, приѣзжавшихъ для отдачи хлѣба въ магазинъ, съ которыми ему, по его обыкновенію, полюбившую рѣчь поговорить было можно. При семъ случаѣ удивилъ онъ меня вновь своими поступками. Мужикамъ симъ случилось быть таковыми, которые имѣли на управителя своего,

г. Верещагина, нѣкоторыя неудовольствія; и какъ онъ сталъ выводить изъ ума и разспрашивать, не дѣлаю ли я имъ какой обиды и притѣсненія, то они не обинуясь ему сказали: «Что, ваше сіятельство! объ Андреѣ Тимоѣевичѣ намъ грѣхъ сказать что-нибудь худое; а вотъ Петръ Алексѣевичъ...» — «А что такое, — подхватилъ онъ, — Петръ Алексѣевичъ?» — «Отъ него-таки, — сказали они, — терпимъ мы кой-какія обидишки и тягости, и не безъ жалобниковъ-таки на него!...» Услышавъ сіе удивился я и ожидалъ, что онъ воспалится гнѣвомъ, и приструнитъ ихъ, принудитъ все себѣ рассказывать; но, къ удивленію, произошло тому противное. Онъ отворотился отъ нихъ и замолчавъ пошелъ прочь, и слѣшилъ садиться на дрожки. Поразила меня такая неожиданность, доказывающая мнѣ довольно, что ему жалобы не на Верещагина, его любимца и тайнаго прислужника, а на меня были нужны. И сіе такъ меня раздосадовало, что я и не повезъ его уже, какъ-было хотѣлъ, въ магазинной лѣсокъ, разрубленной мною въ аллею и превращенной въ прекрасное гульбище; но предусматривая, что вѣрно не получу я отъ него и за сія труды мои никакого спасибо, совсѣмъ объ ономъ умолчалъ и далъ ему волю ѣхать назадъ во дворецъ, гдѣ приступилъ я къ нему съ требованіями резолюцій по письменнымъ нашимъ канцелярскимъ дѣламъ и загналъ ими его въ такой тушиетъ, что онъ явно оказалъ свое въ томъ совершенное незнаніе, и скрывая свое невѣжество принужденъ былъ уже кое-чѣмъ отдѣлываться и предоставлять наиболѣе все моему собственному благоусмотрѣнію.

Господину Верещагину, котораго нашелъ я тутъ насъ дожидавшагося, не преминулъ я сказать о его мужикахъ бобринскихъ и о томъ, что они князю говорили и посовѣтовать, чтобъ онъ взялъ свои мѣры и употребилъ осторожность. Онъ посмутился отъ того очень, и оба мы за вѣрное ожидали, что князь о томъ что-нибудь говорить будетъ; однако не дождался ни одного слова и онъ казался

совсѣмъ позабывшимъ о сихъ жалобахъ и къ г. Верещагину по прежнему благосклоннымъ, что его и поуспокоило, а меня несказанно удивило.

Полутру въ слѣдующій за симъ день собрался уже онъ отъ насъ ѣхать и мы ради-ради были, что онъ къ тому расположился и провожали его не съ сожалѣніемъ о его скоромъ отъѣздѣ, а съ особеннымъ удовольствіемъ. Но хлопоты и досады мои тѣмъ еще не кончились, но я долженъ былъ проводить его въ Бобринки и тогда вмѣстѣ съ нимъ заѣзжать въ деревню къ глухому Полунину обѣдать и имѣть опять многіе поводы къ неудовольствіямъ и досадамъ. Г. Полунина сей былъ человекъ особеннаго свойства, превеликой прощлецъ, хитрецъ, лукавецъ, льстецъ, наушникъ и преховарливѣйшая особа. Онъ давно былъ знакомъ какъ-то князю и приѣзжалъ тогда нарочно подзывать его къ себѣ въ гости; и какъ жилъ онъ недалеко въ сторонѣ и по дорогѣ въ Бобринки, то князь и согласился къ нему заѣхать, и тутъ-то насмотрѣлся я довольно всякой всячины. Г. Полунина изгибался предъ нимъ ужомъ и жабою, подольщался къ нему всячески, замыгалъ его безъ милосердія, рабоблгоствовалъ предъ нимъ какъ подлець сущій и казался ни мало не примѣчающимъ того, что князь надъ нимъ шутилъ и издѣвался какъ надъ дурачкомъ, а доволенъ былъ тѣмъ, что князю все у него въ домѣ правилось, все было имъ похваляемо и все было пріятно, и за все изъявляемы были благодаренія. И я истинно уже не знаю, отъ чистаго ли сердца онъ все сіе дѣлалъ или умышленно въ пику мнѣ и желая тѣмъ меня огорчить. Но я мысленно плевалъ на все сіе и душевно хохоталъ такимъ глупымъ его ухваткамъ.

Но какъ бы то ни было, но мы, измучившись отъ ходьбы по всѣмъ мышинымъ норкамъ и угламъ, по которымъ водилъ насъ хвастливой хозяинъ, для показыванія всего своего хозяйства, и отобѣдавъ, поѣхали далѣе въ Бобринки; и какъ надобно было проѣзжать намъ нѣкоторыя селы и деревни, сей волости принадле-

жаціи, гдѣ приготовившіеся уже мужики встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью, то не преминулъ князь и тутъ останавливаться и уже для одного вида только спрашивать, довольны ли они управителями. И какъ они, отозвавшись обо мнѣ какъ лучше желать было не можно, начали-было изъявлять неудовольствія свои на г. Верещагина, то при семъ случаѣ явно оказалось уже пристрастіе княжеское: ибо они едва только заненулись о семъ, какъ князь ни съ другого слова и не вникая ничего, велѣлъ кучеру ударить по лошадиамъ и поскакалъ далѣе: а въ другихъ деревьяхъ, чрезъ которыя мы ѣхали и гдѣ его также встрѣчали мужики большими толпами, ровно какъ побоявшиеся, чтобъ не произошло того же, уже и не останавливался, по сказавъ только мужикамъ за ихъ хлѣбъ-соль спасибо, велѣлъ продолжать скакать далѣе, и тѣмъ еще болѣе къ досадѣ моей изъявилъ пристрастное свое къ Верещагину доброхотство.

Въ Бобривахъ встрѣтило его все Верещагина семейство, и какъ ему надлежало по необходимости остановиться въ томъ домѣ, гдѣ они жили, и Верещагинныя сестры были наипроворнѣйшія особы и нѣкоторыя изъ нихъ и недурны собою, и всѣ онѣ, такъ сказать, разстлались передъ княземъ, то вся сцена у насъ тутъ тотчасъ перемѣнилась, и князь, будучи придворнымъ человѣкомъ, а притомъ относительно до женщинъ великимъ пройдохомъ и пролазомъ, въ одинъ мигъ изъ свирѣпаго медвѣдя превратился въ самаго ангела, и вмѣсто того, чтобъ входить въ какія-нибудь дѣла, до волости относящіяся, позабывъ обо всѣхъ, занялся сими дѣвушками и тотчасъ пошелъ у него съ ними смѣхи, издѣвки и хвастанья. Я смотрѣлъ только на сіе улыбался въ духѣ, и не успѣлъ еще отъ удивленія своего по сему поводу свободиться, какъ вдругъ перемѣнилась у насъ опять сцена. Прилетѣлъ къ намъ, какъ на крылахъ вѣтряныхъ, живущій неподалеку отъ Бобривковъ, пріятель его, г. Власовъ, такой же страстной псовой охот-

никъ, каковымъ до безумія былъ и самъ князь. И какъ господину Власову невѣдомо какъ хотѣлось добиться отъ князя дозволенія ѣздить по волостямъ напимъ съ собаками, то, зная характеръ княжонъ и желая къ нему подольститься, прѣхалъ онъ въ охотничьемъ платѣ и съ дѣлнымъ табуномъ гончихъ и борзыхъ собакъ и со множествомъ охотниковъ и лошадей заводныхъ для князя. Князь невѣдомо какъ ему обрадовался и вмгъ тогда начались у нихъ разговоры о собакахъ; и не успѣлъ Власовъ предложить, не угодно ли князю взять въ ближнихъ лѣсахъ въ тотъ же еще день вечернее поле, свазывая, что у него и лошади, и собаки, и все къ тому готово, какъ вмгъ позабыты были княземъ и волосты, и сирены, и все на свѣтѣ, и воспламенилась охота и желаніе въ тотъ же мигъ ѣхать въ поле. И такъ, давай, давай скорѣе лошадей! давай на нихъ садиться и спѣшить воспользоваться достальнымъ, еще довольнымъ до наступленія ночи, временемъ, и вмгъ всѣ они очутились въ полѣ и загремѣлъ въ лѣсахъ лай и вой собакъ, гонящихъ по зайцамъ. Я поѣхалъ-было вслѣдъ за ними на своихъ дрожкахъ, но будучи не охотникомъ, посмотрѣвъ и послушавъ издали вой и лай собакъ, за лучшее рассудилъ предоставить ихъ тамъ гаркать и дурачиться какъ хотятъ, а самому возвратиться назадъ и взять, до того времени какъ они возвратятся, хотя небольшое отъ трудовъ отдохновеніе.

Какъ по особливому счастью поле тогдашнее было для нихъ очень удачно и они затравили нѣсколько зайцевъ, то по возвращеніи ихъ уже въ самыя сумерки увидѣлъ я, что князь мой былъ какъ мѣдннй грошъ веселъ и въ восхищеніи даже отъ удовольствія, и могъ изъ того узнать, что ему ничѣмъ въ свѣтѣ такъ много угодить не можно, какъ его сумасбродною псовой охотою, и страсть его къ ней была такъ велика, что не преставали они говорить о томъ во все продолженіе вечера и самаго вечерняго стола, которыми угощали господа Верещагинны въ комнатахъ своихъ его и насъ всѣхъ съ нимъ

виѣсть. Словомъ, князь мой былъ совсѣмъ не тотъ, каковымъ былъ прежде, и какъ при чувствѣемомъ тогда удовольствіи обходился онъ и со мною гораздо уже передъ прежнимъ сношеніе и лучше, то вздумалось мнѣ симъ случаемъ воспользоваться и испросить у него дозволеніе по отбытіи его отлучиться на нѣсколько дней отъ волостей и съѣздить на короткое время въ свою деревню, на что онъ благосклонно и согласился; а разспросивъ и узнавъ, что я живу неподалеку отъ Серпухова, сказалъ: «Когда такъ домъ вашъ недалеко отъ Москвы, то встаетъ побывайте-ка вы отсюда и у меня въ Москвѣ и пособиите мнѣ прискаты живописца для писанія образовъ въ Богородицкую церковь; да и кромѣ того хотѣлось бы мнѣ съ вами кой-о-чемъ и другомъ поговорить. Для васъ трудъ этотъ не великъ будетъ». — «Очень хорошо! сказалъ я, а мнѣ благо и самому надобно бы для кое какихъ нуждицъ побывать въ Москвѣ». — «Ну, такъ ладно! подхватилъ князь, такъ приезжайте-жъ, а я скоро возвращусь въ Москву и васъ ожидать къ себѣ буду».

Симъ образомъ кончился тогдашній светлвой день съ нѣкоторымъ для меня удовольствіемъ, и я наутріе проводилъ его въ путь уже нѣсколько съ спокойнѣйшимъ духомъ, однако душевно желая, чтобъ впредь хотя бы и никогда не бывала нога его у насъ въ волостяхъ богѣе. Таково-то отяготительно было тогдашнее кратковременное его у насъ пребываніе, и я, возвращаясь въ Богородицкъ, не могъ начудиться довольно необыкновенной человѣка сего дѣятельности и удивиться тому, какъ могъ онъ въ такое короткое время столь великое множество разныхъ дѣлъ надѣлать; и признаться надобно, что онъ съ сей стороны былъ прямо удивительный человѣкъ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ обыкновенныхъ предѣловъ, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ .... и прочее.

(Декабря 7-го дня 1809 года. Дворяниново).

Письмо 200-е.

Любезный пріятель! Сбывъ помянутымъ образомъ неугомоннаго своего гостя съ рукъ и возвратясь къ домашнимъ своимъ въ Богородицкъ, стали мы помышлять о ѣздѣ своей въ Дворяниново и въ сей путь мало-по-малу собираться. Однако за разными препятствіями и за приѣздомъ къ намъ и въ сей мѣсяцъ губернатора, проѣзжающаго часто изъ Тулы чрезъ нашъ городъ въ село свое Балоннево и потому нерѣдко у насъ бывавшаго, не прежде мы могли въ сей путь отправиться, какъ девять дней спустя по отъѣздѣ князя, и уже 22 августа.

Ѣздить я въ сей разъ домой со всѣмъ моимъ семействомъ, ибо хотѣлось намъ всѣмъ побывать въ своей деревнѣ, а мнѣ хотя взглянуть на свои сады и нѣсколько повеселиться ими. Но въ путешествіи и отлучкѣ сей провели мы хотя болѣе двадцати дней, но дома удалось мнѣ пробыть немногіе только дни. Уже и ѣдучи туда потеряли мы нѣсколько дней на заѣзды къ роднымъ своимъ въ Федешовѣ и въ Калединкѣ, куда заѣзжали мы повидаться съ теткою Матреною Васильевною. А приѣхавши домой и нашедъ домъ свой уже нарочито запустѣвшимъ, пробылъ въ ономъ не болѣе четырехъ дней, и употребивъ оныя на осмотрѣніе своихъ садовъ и на сдѣланіе въ нихъ кой-чего немногими людьми, при мнѣ бывшими. Они находились тогда послѣ претерпѣнной жестокой зимы весьма въ жалкомъ положеніи, и я нашелъ множество большихъ яблоней въ нихъ погибшими, а другія погибающими. И какъ сіе меня не радовало, то спѣшилъ я скорѣе убираться въ Москву, куда между прочимъ привлекала меня и та нужда, что мнѣ хотѣлось какъ-нибудь вытеблить экземпляры второй части моей «Дѣтской философіи» изъ университетской типографіи, перешедшей тогда изъ казеннаго вѣдомства, по откупу, въ частныя руки къ господину Новикову. Сверхъ того хотѣлось мнѣ спознакомиться лично и съ нѣкоторыми моими корреспондентами, а особ-

ливо съ господиномъ Владыкинымъ. А вслѣдъ за мною хотѣла прїѣхать туда же и жена моя, для нѣкоторыхъ своихъ нуждъ и покупокъ.

Въ Москву прїѣхалъ я уже въ самомъ исходѣ августа, и мое первое дѣло было явиться у молодого князя, своего командира, жившаго въ нѣмецкой слободѣ въ особомъ своемъ домѣ. Тутъ удивился я его нарочито благосклонному и далеко не такому холодному приему, какого я ожидалъ. Сіе нѣсколько меня порадовало и я тѣмъ охотнѣе приступилъ къ выполнению поручаемыхъ мнѣ отъ него комиссій, относящихся до прїисканія живописца и разныхъ покупокъ для богородицкаго дворца. Отъ него проѣхалъ я въ старика-князю, его отцу, любопытству весьма узнать, подлинно ли онъ помѣшался въ умѣ, какъ объ немъ говорили. Но я обрадовался и удивился, найдя его въ полномъ умѣ и разумѣ и точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ я съ нимъ въ послѣдній разъ разстался. Старикъ чрезвычайно былъ мнѣ радъ и доволенъ тѣмъ, что я къ нему прїѣхалъ, и не могъ со мною довольно наговориться. Я принужденъ былъ просидѣть у него весь вечеръ и рассказывать ему обо всемъ, у насъ въ Богородицкѣ происходившемъ; ибо онъ хотя и не входилъ уже ни въ какія наши дѣла, но хотѣлъ знать обо всемъ, и невѣдомо какъ обрадовался, услышавъ о множествѣ расплодившихся у насъ карповъ, и хвалилъ меня за то, что я насадилъ ихъ въ церковную сажелку, сказывая мнѣ что и князь Сергій его тѣмъ очень доволенъ и отзывался ему обо мнѣ по всѣмъ отношеніямъ съ довольною похвалою. Сіе удивило меня и обрадовало, такъ что я перемѣнилъ нѣсколько мои о молодомъ князѣ мысли и чувства.

На другой день, побывавъ въ рѣдахъ, и кое-что испутивъ, отыскавъ я домъ господина Владыкина, Алексія Алексѣевича, и съ симъ милымъ и любезнымъ старичкомъ и наилучшимъ моимъ корреспондентомъ познакомился лично. Не могу изобразить, какъ онъ былъ моимъ посѣ-

щеніемъ доволенъ и какъ старался изъяснить сколь много онъ меня заочно полюбилъ. Но въ сожалѣнію нашель я его больнымъ и лежащаго отъ драхлости въ постелѣ. Онъ спознакомилъ меня съ своимъ семействомъ, состоящимъ въ двухъ дочеряхъ, и просилъ меня посѣщать его какъ можно чаще, и буде можно, то-бы всякой день; что я ему охотно и обѣщаль, ибо въ обхожденіи съ нимъ и въ разговорахъ обо всемъ находилъ я и для себя великое удовольствіе.

Въ слѣдующій за тѣмъ день, послѣ исправленія разныхъ порученныхъ мнѣ отъ князя комиссій, заѣзжалъ я опять къ сему любезному старику, и поговоривъ съ нимъ много кой-чего о моемъ «Сельскомъ Жителѣ», и о томъ, какъ бы постараться найти какой-нибудь слѣдъ къ возобновенію моего начатаго столь хорошаго и полезнаго, но тогда пресѣкашаго дѣла, проѣхалъ я опять къ старику-князю, и просидѣвъ у него съ удовольствіемъ весь вечеръ, у него даже, по приглашенію его, и ужинавъ, и князь обходился со мною какъ бы съ роднымъ своимъ и былъ мною очень доволенъ.

На утрѣ, какъ въ четвертой день моего пребыванія въ Москвѣ, случившійся во второе число мѣсяца сентября, собрался я наконецъ съѣздить въ университетскую типографію, и день сей сдѣлался наидостопамятнѣйшимъ почти въ моей жизни, чрезъ основаніе въ оной перваго моего знакомства, а потомъ и самой дружбы, съ новымъ содержателемъ типографіи, извѣстнымъ и толико славнымъ у насъ господиномъ Новиковымъ, Николаемъ Ивановичемъ. Важной человекъ сей былъ до сего времени мнѣ совсѣмъ незнакомъ и я объ немъ до того даже и не слыживалъ. Онъ же, напротивъ того, зналъ меня уже очень коротко, по всѣмъ моимъ экономическимъ и даже нравственнымъ сочиненіямъ, и имѣлъ обо мнѣ и о способностяхъ моихъ весьма выгодныя мысли; почему и неудивительно, что какъ скоро я, найдя его живущаго тутъ же въ домѣ, гдѣ находилась типографія, сказалъ ему о себѣ и о желаніи моемъ отъ-

скать и получить экземпляры моей «Дѣтской философіи», онъ принялъ меня съ отиѣвною ласкою и благопріятствомъ и не могъ довольно изъявить своей радости и удовольствія о томъ, что получилъ случай со мною познакомиться. Признаюсь, что таковая неожиданная и благопріятная встрѣча была и самому мнѣ весьма пріятна. Мы вступили съ нимъ тотчасъ въ разные разговоры, и какъ онъ былъ человекъ въ наукахъ и литературѣ не только весьма знающій, но и самъ за нѣсколько гѣтъ до того издавалъ нравственный и сатирической журналъ, подъ именемъ «Живописца», и можно было съ нимъ обо всемъ и обо всемъ говорить, то въ немногія минуты не только познакомились мы съ нимъ, какъ бы вѣкъ жили вмѣстѣ, но слѣпилась между нами и самая дружба, продолжающаяся даже и понынѣ. Но сего было еще недостаточно; но какъ рѣчь у насъ дошла до издаваннаго мною «Сельскаго Жителя», то онъ, изъявляя сожалѣніе свое о томъ, что такое полезное мое дѣло пресѣклось, вдругъ спросилъ меня, не расположусь ли я продолжать оное, въ которомъ случаѣ могъ бы онъ быть моимъ и несравненно лучшимъ комиссіонеромъ и издателемъ, нежели каковъ былъ нѣмчуря Ридигеръ, и что онъ смѣло можетъ меня увѣрить, что чрезъ его дѣло сіе пошло бы несравненно съ лучшимъ успѣхомъ и было бы для меня выгоднѣе.

Симъ неожиданнымъ мнѣ предложеніемъ онъ меня такъ опарашилъ, что я съ минуту времени не въ состоявіи былъ ему ничего отвѣчать; но собравшись потомъ съ мыслями и съ духомъ, сказалъ ему: «Очень хорошо! я отъ того не отрекаюсь, и если онъ приметъ на себя печатаніе и издаваніе журнала, то я на то согласенъ, и тѣмъ охотнѣе, что у меня есть уже и довольно матеріи для него заготовленной». — «О! когда такъ, подхватилъ г. Новиковъ, то зачѣмъ же дѣло стало! и если угодно вамъ, то мы теперь же можемъ приступить ко всемъ условіямъ къ тому потребнымъ и поговорить о томъ, какъ бы намъ расположить дѣло сіе лучше».

И какъ я на то изъявилъ свою готовность и согласіе, то и начали мы о томъ говорить и обо всемъ соглашаться.

Его первое предложеніе было, чтобъ начать издавать журналъ сей съ наступленіемъ будущаго 1780 года; потомъ говорилъ онъ, что ему хотѣлось бы, чтобъ могъ онъ издавать его при каждомъ номерѣ газетъ по одному листу, слѣдовательно, не по одному, а по два листа въ недѣлю, и спрашивалъ меня, надѣюсь ли я на мои силы и могу ли снабжать его столь многою матеріею? И какъ я его увѣрилъ, что въ томъ не сомнѣваюсь и что надѣюсь довольно, что за мною дѣло не станеть, то спросилъ онъ меня, сколько получалъ я отъ Ридигера за мой «Сельской Житель»? и услышавъ, что не болѣе 200 рублей, предложилъ мнѣ двойную за трудъ мой заплату, и на первой случай 400 рублей за годичное изданіе, а впредь, смотря по обстоятельствамъ, можетъ онъ мнѣ и прибавить; а сверхъ того, чтобъ получать мнѣ по 15-ти экземпляровъ. И какъ я сею суммою былъ и доволенъ, то тотчасъ мы съ нимъ въ томъ и ударили по рукамъ, а потомъ стали говорить о томъ, какое бы названіе дать сему новому экономическому журналу и какъ бы оной расположить лучше.

Дѣло и за симъ у насъ не стало и мы въ немногія минуты согласились и въ томъ съ общаго согласія положили, чтобъ назвать оный «Экономическимъ Магазиномъ» и расположить его уже инымъ образомъ противъ «Сельскаго Жителя»; и для удобнѣйшаго съ моею стороны сочиненія, а съ его печатанія и набирания листовъ условились, чтобъ всѣ матеріи писать особыми отдѣльными большими и малыми статьями и придавать каждой изъ нихъ свойственныя имъ и приличныя надписи, и дабы мнѣ ихъ присылать къ нему безъ разбора и предоставить уже ему на волю располагать ихъ и помѣщать въ листы журнальные. И какъ чрезъ то могъ я освободиться отъ скучнаго и всего болѣе мнѣ досаждаващаго при прежнемъ издаваніи уравниванія листовъ, счи-

таніемъ строгъ, и даже самого отяготившаго переписыванія набѣло всей сочиняемой матеріи, ибо г. Новиковъ и отъ того хотѣлъ меня избавить, а требовалъ только, чтобъ писано было неслишкомъ связано и было-бъ только чотко, то и былъ я симъ въ особливости доволенъ и съ охотою на предложеніе его и согласился.

Условившись симъ образомъ обо всемъ, до изданія сего новаго журнала относящемся, коснулся я и до полученія экземпляровъ моей «Дѣтской философіи». «О, что касается до сего, подхватилъ г. Новиковъ, то вы экземпляры ваши скоро получить отъ меня можете. Книга сія хотя еще не поднята, то-есть листы ея не соединены еще по-книжно, но я сегодня же везу ее начать поднимать, и вы послѣ завтра ихъ получить можете. Но кстати, хочется мнѣ съ вами о сей книгѣ поговорить. Мнѣ очень жаль, что она, по прежнему худому содержанію типографіи напечатана такъ дурно и неисправно. Она, по полезности своей, стоила бы лучшаго изданія, и у васъ нѣтъ ли продолженія оной въ готовности; и буде есть, такъ пришлите-ка вы ко мнѣ третью часть оной, такъ я посмотрю, не можно ли будетъ и ее напечатать». — «Очень хорошо, сказалъ я: у меня сочинено ей уже нѣсколько частей, но только не переписаны; но я заставлю переписать и пришлю къ вамъ третью часть оной; а ежели дѣло пойдетъ, такъ можно получить и послѣдующія».

Симъ образомъ, не думавъ, не гадавъ и прямо нечаянно и въ нѣсколько часовъ достигъ я до желаемой давнымъ-давно цѣли, и положилъ первое основаніе изданія моего «Экономическаго Магазина», которой доставилъ мнѣ впоследствии времени столько выгодъ и сдѣлалъ меня на вѣкъ въ отечествѣ моемъ извѣстнымъ и именитѣйшимъ экономическимъ писателемъ. Происшествіе сіе нечаянностію своею только было для меня поразительно, что я, поѣхавши тогда отъ г. Новикова, не могъ самъ тому довольно удивиться и почиталъ то явнымъ

дѣйствіемъ Промысла Господня, приведшаго тогда въ Москву меня равно какъ нарочно для сего только случая. Да и въ самомъ дѣлѣ, если-бъ не вздумалось князю въ Бобрікахъ мнѣ приказать приѣхать въ Москву, то самъ бы я никакъ тогда въ нее изъ деревни не поѣхалъ, ибо нужда моя не такъ была велика чтобъ надобно мнѣ было необходимо въ нее ѣхать.

Какъ я въ сей день званъ былъ обѣдать къ новому другу и знакомцу своему. г. Владыкину, то поскакалъ я прямо къ нему, и удивилъ, и обрадовалъ его увѣдомленіемъ о нечаянномъ основаніи своего новаго изданія. Онъ не могъ довольно изъяснить своего удовольствія о томъ, и не только обѣщавъ продолжать со мною свою переписку, но побуждалъ къ тому же и обоихъ своихъ сыновей и всѣхъ своихъ знакомыхъ. Тутъ будучи, познакомился я съ родственникомъ его, почтеннымъ вельможею Иваномъ Анофріевичемъ Брылкинымъ, которому рекомендовалъ меня г. Владыкинъ, и сей старій мужъ, обласкавъ меня, просилъ чтобъ я приѣхалъ когда-нибудь къ нему расхлебать щи вмѣстѣ.

Въ слѣдующій за симъ день приѣхала ко мнѣ изъ деревни и жена моя, завеза мать свою въ Воскресенки и оставивъ погостить тамъ, до возвращенія нашего. у Ивана Аванасьевича Арцыбышева. Я, оставивъ ее заниматься своими покупками, спѣшилъ самъ къ своему новому командиру, дабы съ нимъ уже и распрощаться, ибо коммиссія его я уже успѣлъ всѣ кончить. Князь обошелся со мною опять нарочито благосклонно и отпустилъ меня отъ себя, давъ разныя и кой-какія по волости приказанія. И такъ, распрощавшись съ нимъ поскакалъ я къ живущему тутъ же въ Нѣмецкой слободѣ славному нашему тогдашнему богачу Никитѣ Акинфиевичу Демидову, брату извѣстнаго и славнаго проказы Проньки Демидова. Побудилъ меня къ сей ѣздѣ наиболѣе г. Владыкинъ, увѣривъ, что сей переписывавшійся со мною человекъ отъ живого желанія имѣлъ меня видѣть и со мною познакомиться лично. Я и поединно

нашелъ въ немъ человѣка, полюбившаго меня уже заочно и не только принявшаго меня весьма благопріятно, но и старающагося и угостить вслѣдствіи. Онъ не отпустилъ меня безъ обѣда и занимался во все утро непрерывными со мною о разныхъ вещахъ разговорами, но отъ которыхъ не чувствовалъ я дальняго удовольствія, поелику при всемъ его огромномъ богатствѣ и знаменитости находилъ въ немъ самаго простака и сущаго богача - ахреяна, въ которомъ и сквозь золото видима была еще вся грубость его подлой природы, изъ которой произошелъ онъ чрезъ богатство въ знать и въ люди. Напротивъ того, чувствовалъ я несравненно болѣе удовольствія при пересматриваніи его драгоценныхъ и прекрасныхъ картинъ и многихъ другихъ рѣдкостей, которыми весь домъ его былъ наполненъ. Я засмотрѣлся на всѣ оныя и имѣлъ случай видѣть тутъ множество такихъ рѣдкихъ вещей, какихъ никогда еще не видывалъ; а за вкуснымъ и ситымъ обѣдомъ постарался онъ увеселить слухъ мой наипрекраснѣйшею своею комнатною музыкою, а послѣ обѣда водилъ онъ меня по своему прекрасному саду и по всѣмъ своимъ богатымъ ранжерямъ, гдѣ я также видѣлъ множество вещей никогда мною до того невиданныхъ и провелъ большую часть сего дня у него съ превеликимъ удовольствіемъ.

На другой день послѣ сего былъ я опять у новаго моего знакома, г. Новикова, и получилъ отъ него всѣ сто экземпляровъ второй части моей «Дѣтской философіи»; а потомъ ѣздилъ вмѣстѣ съ женою опять къ г. Владыкину, и проводивъ у него вечеръ, ужинали, и съ нимъ потомъ распрощались, ибо мы, не имѣя болѣе никакихъ дальнихъ нуждъ, помышляли уже о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы. Г. Владыкинъ, разставаясь со мною, убѣдилъ меня просьбою, чтобъ я не уѣзжалъ изъ Москвы не повидавшись съ г. Брылкинымъ, что я и обѣщала ему отъменно меня полюбившему и милому старичку.

Итакъ, поутру на другой день, съѣздивъ

еще разъ къ старику своему князю и раскланявшись съ нимъ, проѣхалъ къ г. Новикову, и поговорявъ съ нимъ еще кой-о-чемъ, распрощался и съ нимъ, и поѣхалъ отъ него прямо въ домъ къ г. Брылкину. Я нашелъ старика сего въ его кабинетѣ, установленномъ мѣдными на полу деньгами и занимающагося считаніемъ оныхъ. Онъ принялъ меня весьма благопріятно и съ удовольствіемъ занимался со мною о разныхъ хозяйственныхъ вещахъ разговорами и угостилъ обѣдомъ. Однако я не нашелъ въ семъ вельможѣ ничего особливаго и такого, чтобъ меня могло сдѣлать къ нему приверженнымъ или внушить въ меня особенное къ нему почтеніе, почему я не имѣлъ охоты продолжать съ нимъ дальняго знакомства, и былъ у него въ сей разъ въ первой и послѣдній. Возвратясь отъ него, успѣлъ я еще вмѣстѣ съ женою съѣздить и побывать у стариннаго нашего друга и знакома Аванасыя Леонтьевича Афросимова, и препроводилъ весь остатокъ сего дня въ наипріятнѣйшихъ съ симъ любезнымъ старикомъ разговорахъ.

А на утрѣ, сѣвши въ свои повозки и поѣхавъ мы изъ Москвы, проводивъ въ ней въ сей разъ не болѣе одной недѣли. О возвратномъ нашемъ путешествіи не могу ничего сказать, кромѣ того, что мы изъ Серпухова отправили повозку и людей за моею тещею въ Воскресенки, а сами поѣхали прямо въ свое Дворянново, куда мы 7-го числа въ сумерки и возвратились.

Тутъ не пробыли мы въ сей разъ уже болѣе однихъ сутокъ, но и тѣхъ почти не видали. Приѣзжаніе то того, то другого изъ нашихъ тутошнихъ друзей и сосѣдей непрерывно насъ занимало. Со всѣмъ тѣмъ, какъ много я гостями своими ни былъ занятъ, однако, по непрерывному помышленію о новомъ своемъ предпріятіи и по ревностному желанію приступить скорѣе къ дѣлу и началу моего новаго журнала, уделилъ нѣсколько минутъ свободнаго времени для написанія перваго пробнаго листа для моего

«Экономическаго магазина». Итакъ, достопамятно, что онъ первое свое начало воспріялъ въ дворяниновскомъ моемъ домѣ и 8-го числа сентября 1779 года.

Какъ мы поспѣшали возвратиться въ Богородицкѣ къ оставленнымъ тамъ нашимъ дѣтямъ и къ моей должности, а надобно было заѣхать опять въ Калединку, то не стали мы долѣе медлить и отправились въ послѣдующій день въ свой обратной путь. Въ Калединкѣ нашли мы у госпожи Арцыбышевой брата ея, генерала Дмитрія Васильевича Арсеньева, и пробывъ съ нимъ тутъ цѣлыя почти сутки, прѣѣхали на другой день ночевать къ новымъ роднымъ нашимъ, господамъ Кислинскимъ, въ Федешово, а оттуда прѣѣхавъ въ послѣдующій день въ Тулу, и по исправленіи кой-какихъ покупокъ и побывавъ у Петра Петровича Толбузина, 12-го числа благополучно возвратились въ Богородицкѣ и къ удовольствію нашему напли всѣхъ своихъ дѣтей въ добромъ здоровьѣ.

Тутъ не успѣли мы разобратъся и нѣсколько отъ путевыхъ безпокойствъ отдохнуть и со всѣми нашими пріятелями повидаться, какъ проводивъ заѣзжавшаго къ намъ Дмитрія Васильевича Арсеньева, принялся я безъ дальнаго откладыванія за настоящее уже начало своего будущаго экономическаго журнала, и 16-го числа сего мѣсяца сочинилъ объявленіе для обнародованія и припечатанія въ газетахъ объ ономъ, ибо г. Новиковъ просилъ меня, чтобъ тѣмъ не помѣшать, дабы ему успѣть можно было набрать колѣико можно поболѣе на оной пренумерантовъ. И какъ человекъ сей, какъ я послѣ узналъ, былъ какою-то знаменитою и важною особою у масоновъ и имѣлъ обширныя связи и превеликое знакомство, то и имѣлъ въ томъ далеко уже не такой успѣхъ, какъ прежній нѣмчуря Ридигеръ, и сироворилъ дѣломъ такъ хорошо, что число подписавшихся къ получанію моего журнала простиралось уже и при самомъ началѣ до 400 разныхъ особъ, и въ томъ числѣ многіе были князья, бояра, генералы, и архіереи и прочіе вся-

каго званія люди, и вспомоществовало къ тому много весьма то, что цѣна положена была ему очень умѣренная, а особливо для тѣхъ, кои расположились получать оной вмѣстѣ съ газетами. А на другой день послѣ сего выправилъ и кончилъ я и первой листъ сего журнала, начатой въ Дворяниновѣ, и чрезъ нѣсколько дней послѣ того, при случившемся послѣ того отправленіи канцеляриста моего, Щедлаго, въ Москву, отправилъ съ нимъ сіе объявленіе вмѣстѣ съ 3-ею частію моею «Дѣтской философіи» къ г. Новикову, для напечатанія.

Въ достальныя дни сего мѣсяца не произошло у насъ ничего особливаго и мнѣ памятно только то, что мы провели оныя наиболѣе въ разъѣздахъ по гостямъ. Были у Стрекалова, Киреева и Толбузина; угощали у себя заѣзжавшаго опять къ намъ губернатора, и что я около сего времени основалъ и выкопалъ ту маленькую сажелку противъ островка, въ полѣ, въ которой съ того времени и донинѣ содержатся живые карпы для расхода, поелику случился быть тамъ прекрасной родникъ.

Наступившій послѣ сего октябрь мѣсяцъ ознаменовался освященіемъ бобринской церкви, въ которой иконостасъ и все прочее къ сему времени было кончено, и какъ для сего праздника, такъ и торжественнаго церковнаго обряда, ѣздилъ я въ Бобринки и пробылъ тамъ сутокъ двое, и дѣло сіе какъ надлежитъ исправилъ.

Происходило сіе освященіе 5-го октября, а 7-го числа вступилъ я на 42-й годъ моей жизни, котораго начало ознаменовалось тѣмъ, что я, чрезъ напечатанное около сего времени объявленіе о будущемъ изданіи моего журнала, вступилъ въ то знаменитое пошище, которое обрагидло на меня вниманіе всей публики, и я взошелъ равно какъ на пьедесталъ и подвергъ себя сужденію всѣхъ моихъ соотечественниковъ. Признаюсь, что при получении, 13 числа, печатнаго моего объявленія востри сердце отъ неизвѣстнаго

вое предпріятіе мое публикою одобрено и получить ли дѣло мое лучшей успѣхъ, нежели каковъ былъ прежній.

Получивъ сіе объявленіе, поспѣшилъ уже я отправленіемъ въ Москву и матеріалъ для первыхъ листовъ моего будущаго журнала, и какъ онаго у меня довольно уже заготовлено было прежде и стоило мнѣ только привести оной въ порядокъ, то къ случившемуся на другой день послѣ сего отъѣзду нашего архитектора въ Москву и успѣлъ я нарочитую кипку онаго вмѣстѣ съ 4-ю частию моею «Дѣтской философіи» къ г. Новикову отправить.

По учиненіи сего, сталъ я готовиться къ обыкновенному празднованію дня моихъ именинъ, въ которой хотѣлось мнѣ сдѣлать у себя добрую пирушку и угостить у себя всѣхъ своихъ, и городскихъ и уѣздныхъ друзей и знакомцевъ. Итакъ, былъ у меня въ сей день сборной обѣдъ, а ввечеру нѣкоторой родъ и бала, и мытаки поплясали и порѣзвились довольно по своей вѣрѣ, и день сей провели съ удовольствіемъ и весело.

Впрочемъ, вступленіе въ сей новой годъ моею жизни ознаменовалось особеннымъ предпріятіемъ и такимъ дѣломъ, котораго у меня до того никогда на умѣ не было, а именно нечаяннымъ восхотѣніемъ смастерить у себя небольшой домашній театръ, на которомъ бы всѣ наши дѣти могли представлять кой-какія театральныя пьесы. Первой поводъ къ тому подала наивзростѣйшая изъ дѣтей нашихъ, а именно падчерица г. Арсеньева, и сынъ и дочь нашего городничаго. Какъ имъ много разъ случалось видать театры, то, по обыкновенію молодыхъ людей, полюбили они сіи зрѣлища и получили вкусъ въ представленіяхъ, и будучи между собою дружны, при частыхъ между собою свиданіяхъ декламировали нерѣдко другъ предъ другомъ кой-какія затверженныя ими изъ трагедій и другихъ театральныхъ сочиненій монологи и рѣчи, и другъ друга тѣмъ себя утѣшали. Долго о семъ я ничего не зналъ и не вѣдалъ, но какъ наконецъ случилось мнѣ однажды ихъ въ

таковыхъ декламаціяхъ застать и способность и особенную охоту ихъ къ тому увидѣть, то имѣя самъ съ малолѣтства приверженность ко всѣмъ театральнымъ зрѣлищамъ и упражняясь въ молодости самъ въ подобныхъ тому декламаціяхъ, похвалилъ я всѣхъ оныхъ. И тогда вдругъ вздумалось мнѣ имъ предложить, не расположуются ли они выдумать какой-нибудь цѣлой театальной, хотя небольшой пьесы, и не можно ли намъ вдобавокъ къ нимъ набрать еще кое-кого изъ ихъ общества, дабы составила цѣлая труппа и всѣмъ имъ можно-бъ было представить уже цѣлую пьесу. Мысль сія полюбилась всѣмъ имъ чрезвычайно. «Ахъ! какъ бы это было хорошо! воскликнули они всѣ въ одинъ голосъ: а особливо если-бъ вы, батюшка Андрей Тимоѣевичъ, приняли на себя трудъ распорядить симъ дѣломъ и быть нашимъ въ семъ случаѣ руководителемъ и наставникомъ; а что касается до насъ, то мы съ великою охотою къ тому готовы, а не сомнѣваемся, что найдемъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ нашихъ братьевъ къ тому согласныхъ». — Очень хорошо, сказала я имъ на сіе, я не только принимаю съ охотою на себя сіе приятное бремя, но посмотрю, не отрекусь можетъ быть и самъ взять въ томъ соучастіе, и вмѣстѣ съ вами представлять какое-нибудь лицо въ представленіи. — «О, какъ бы это было хорошо! воскликнули они опять, и какъ бы вы насъ тѣмъ одолжили и утѣшили». — Извольте, извольте! И зачѣмъ дѣло стало! Давай теперь же совѣтовать о томъ, какую бы намъ избрать для сего пьесу, и кого и кого изъ дѣтей и пансіонеровъ приобщить къ нашему обществу.

Къ сему мы и дѣйствительно въ самой тотъ же часъ приступили, и какъ у дѣтей нашего городничаго на ту пору случилась и маленькая театральная пьеса, подъ названіемъ «Безбожникъ», то и положили мы на первой случай употребить къ тому ее; и какъ для представленія оной не требовалось и людей многихъ, то тотчасъ и расположили мы, кого именно употребить подъ какія роли. И какъ и ва-

значенныя къ тому дѣти съ охотою на то согласились, то не долго думая и приступилъ я къ сему новому не только для нихъ, но и для самого себя упражненію и такому дѣлу, въ какомъ я самъ никогда еще не упражнялся; но склонность, охота и попытка чему насъ научить не можетъ.

Мое первое дѣло состояло въ росписаніи всѣхъ ролей и въ раздачѣ ихъ всѣмъ назначеннымъ актерамъ для вытверживанія наизусть; и я не успѣлъ сего сдѣлать, какъ чрезъ немногіе дни и имѣлъ удовольствіе услышать, что онѣ у нихъ всѣ были уже и вытвержены, и что естьли мнѣ угодно, то могли-бъ они оказать первой опытъ или сдѣлать маленькую репетицію. «Очень хорошо! обрадуясь сказалъ я, и зачѣмъ же дѣло стало? Пожалуйте, соберитесь ко мнѣ хоть послѣ завтра всѣ, и мы попробуемъ». Всѣ они и не преминули ко мнѣ въ назначенной день собраться, и какъ къ тому времени вытвердилъ и я свою роль, то и пошло у насъ дѣло. Но признаться надобно, что имѣлъ я довольно труда къ настраиванію всѣхъ ихъ къ лучшимъ декламациямъ и представленію, и не одинъ, а нѣсколько разъ принужденъ былъ ихъ для сего собирать и давать имъ свои наставленія.

Между тѣмъ какъ сіе происходило, помыслили и совѣтовали мы между собою о томъ, гдѣ бы намъ пьесу сію представить порядочнымъ образомъ; и какъ ни у кого въ домахъ нашихъ не было удобства и довольно просторной къ тому комнаты, то пришла мнѣ мысль назначить къ тому одну побочную просторную комнату во дворцѣ нашемъ и соорудить въ ней на скорую руку порядочной театрець съ кулисами, занавѣсомъ, скамьями для зрителей и прочими принадлежностями. И какъ у меня въ командѣ были и столяры, и маляры, и всякіе художники, то по обыкновенной моей въ такихъ случаяхъ нетерпѣливости тотчасъ я и приступилъ къ сему дѣлу, и трудился надъ тѣмъ такъ ревностно и съ такою прилежностію, что въ немногіе дни и успѣлъ у насъ маленькой и довольно по-

рядочной театрикъ. При чемъ надобно сказать, что при семъ дѣлѣ весьма много помогаль мнѣ и нашъ французъ учитель, которой, будучи любопытнымъ человѣкомъ и самъ превеликимъ къ такимъ затѣямъ охотникомъ, не только предпріятіе наше одобрилъ, но и самъ бралъ дѣятельное въ трудахъ моихъ соучастіе, и не только охотно принялъ на себя трудъ быть при представленіи нашемъ музыкантомъ, но поступивъ далѣе, вздумалъ изъ самыхъ маленькихъ нашихъ дѣтей составить нѣкоторой родъ балета и научить ихъ оной пропрыгать. А не успѣли мы сего вздумать, какъ и пошло у насъ рѣзанье, и кромсанье, и шитье на всѣхъ ихъ прекраснаго пастушечьяго платья и ученіе ихъ сему особаго рода танцованію; а большіе, между тѣмъ, чрезъ часто повторяемыя репетиціи дѣлались часъ-отъ-часу къ декламациямъ и представленію способнѣйшими.

Надъ всѣмъ симъ всѣ мы съ толикимъ усердіемъ и ревностію трудились, что къ половинѣ ноября успѣлъ у насъ уже совсѣмъ театръ, и 17-го числа могли мы на ономъ сдѣлать уже первую и порядочную репетицію. И какъ она была довольно удачна, то 24-го числа ноября и назначили мы къ формальному пьесы нашей представленію. Итакъ, пригласивъ для зрѣлища сего къ себѣ всѣхъ нашихъ друзей и знакомцевъ, въ городѣ и вблизи онаго живущихъ, и представили мы пьесу свою въ первой разъ и столь хорошо, что пріобрѣла она отъ всѣхъ совершенную похвалу и общее одобреніе. Сіе невѣдомо какъ ободрило и утѣшило всѣхъ нашихъ дѣтей, не только взрослыхъ, но и самыхъ маленькихъ, ибо и балетець, ими представленной, всѣмъ такъ полюбился, что всѣ не могли довольно принести имъ похвалъ. Словомъ, не только всѣмъ имъ, но и всѣмъ друзьямъ и знакомцамъ нашимъ, а особливо отцамъ и матерямъ дѣтей доставили мы тѣмъ превеликое удовольствіе, и всѣми приносимы были мнѣ за то многія благодаренія; я же, въ благодарность за то, угостилъ ихъ всѣхъ у себя большою вечеринкою

и баламъ, и день сей былъ для насъ весьма достопамятнымъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по случаю приѣзжихъ къ намъ нѣсколькихъ гостей, представили мы пьесу сію въ другой, а около половины декабря въ третій разъ, съ равнымъ отъ всѣхъ одобреніемъ; но какъ я легко могъ заключить, что дальнѣйшее представленіе одной и той же пьесы можетъ и дѣтямъ, и зрителямъ прискучить, то стали мы помышлять о прискиваніи еще какой-нибудь и другой театральной пьесы, удобной для представленія нашимъ дѣтямъ. Но какъ найти такую не такъ было легко, какъ сначала казалось, ибо возрастъ дѣтей величайшія предлагалъ въ томъ препону, то прилѣпившись къ сему дѣлу, и желая koliko можно продолжать его далѣе, выдумалъ я, при началѣ декабря, испытать не могу ли я выдумать и сочинить самъ какой-нибудь комедіи, расположенной такимъ образомъ, чтобы всѣ дѣйствующія въ немъ лица дѣйствительно сообразно были и съ самыми лѣтами, возрастомъ и свойствами тѣхъ дѣтей, которыя долженствовали представлять въ ней разныя роли. Предпріятіе по истинѣ отважное и не весьма съ мопи къ тому способностями согласное, ибо я никогда еще въ такихъ сочиненіяхъ не упражнялся. Совсѣмъ тѣмъ, не успѣвъ я приступить къ сему дѣлу, какъ противъ всякаго чаянія полилась матерія изъ пера моего какъ рѣка, и первой опытъ сей противъ самаго ожиданія удался такъ хорошо, что дни черезъ два и поспѣла у меня цѣлая комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, и столь смѣшная, и заключающая въ себѣ столь много моральнаго, сатирическаго и комическаго, что я, какъ сочинитель, былъ ею очень доволенъ и рѣшился, набравъ изъ дѣтей всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, и въ томъ числѣ самого моего малютку сына, и росписавъ всѣ роли, заставить ихъ всѣ оныя вытвердить; къ чему они не только охотно согласились, но съ такимъ рвеніемъ къ тому пристали, что къ началу слѣдующаго года совсѣмъ ее вытвердили. И какъ

главною цѣлію оной было, съ одной стороны, осмѣяніе дуновъ и хвастуновъ, невѣждъ и молодыхъ волокитъ, а съ другой, чтобы представить для образца добродѣтельныхъ и прилежныхъ дѣтей и добродѣтельныхъ дѣяній, то и называлъ-было я ее сперва «Залыгалою», но при перепискѣ набѣло придалъ названіе «Честохвала».

Въ сихъ особенныхъ занятіяхъ, а при томъ при ежедневномъ продолженіи писанія и заготовленія впередъ матеріала для моего «Экономическаго Магазина», равно какъ при частыхъ по прежнему сѣздахъ и свиданіяхъ съ нашими въ тогдашней жизни сотоварищами, протекли нечувствительно всѣ первые зимніе и послѣдніе въ семь году мѣсяцы. Дружба, единодушіе и непрерывное согласіе между всѣми нами продолжало господствовать ненарушимо, и можно сказать, что тогдашняя жизнь наша была не только не скучна, но отменно еще и пріятна, и чѣмъ далѣе продолжали мы симъ образомъ жить, тѣмъ становилась она лучше и пріятнѣе и для всѣхъ насъ утѣшнѣе, и таковою, что мы и понынѣ время сіе вспоминаемъ не инако какъ съ удовольствіемъ особымъ.

Между тѣмъ не упускаемы были мною и дѣла, до волостного правленія относящіяся, съ тою только однако предъ прежнимъ отменною, что я далеко уже не такъ надрывался надъ разными по волости затѣями, какъ дѣлалъ я прежде изъ искренняго усердія и любви къ старику, моему прежнему командиру. Вослѣдовавшая перемѣна и приѣздъ къ намъ молодого князя, и холодное его со мною обращеніе охладило во мнѣ весьма много прежнее рвеніе, и я, видя, что ему всѣ дѣянія и затѣи мои были негодны, получилъ и самъ стремленіе быть похладнокровнѣе и производить только то, чего требовала необходимо моя должность или что именно отъ него мнѣ будетъ приказано, и располагался все остающееся отъ дѣлъ по должности праздное время употреблять лучше собственно для себя, нежели на такія дѣла и труды и предпріятія, за которыя не могъ я ожидать отъ

командира своего ни похвалы, ни благодарности. А нельзя сказать, чтоб онъ при помянутыхъ приѣздахъ пріобрѣлъ поступками своими и отъ другихъ кого-нибудь къ себѣ любовь и почтеніе, но напротивъ того, вся волость и всѣ мои подкомандующіе возмѣли объ немъ съ самаго уже начала не весьма выгодныя мнѣнія, а многіе даже его возненавидѣли, и вмѣсто того, что старика-кнзя почитали своимъ отцомъ и попечителемъ, сего сына его стали какъ нѣкакого дѣснаго медвѣдя бояться.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ меня самой конецъ 1779 года, которой, по случаю святокъ и праздниковъ, провели мы въ сей годъ отмѣнно весело. Не прошло ни одного дня, въ которой не были бы мы вмѣстѣ. И какъ случилось около сего времени много къ намъ пріѣзжихъ издалека, то и они всѣ всюду и всюду съ нами ѣздили и вездѣ вмѣстѣ съ нами пировали и веселились, то сіе придавало еще болѣе нашимъ святкамъ пріятности. Словомъ, все у насъ было такъ хорошо,

такъ весело и такъ пріятно, что заѣзжавшій къ намъ въ сіе время и на третій день праздника обѣдавшій у меня губернаторъ бралъ самъ въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и завидовалъ даже нашей жизни, говоря, что они и въ губернскомъ городѣ такими пріятностями дружеской простой жизни не пользуются, какъ мы, живучи тутъ въ маленькомъ городкѣ.

Окончивъ симъ исторію сего года, окончу я и сіе письмо мое и съ нимъ 19-ю часть описанія моей жизни, а въ послѣдующей за симъ 20-й части пойду далѣе и расскажу вамъ, что происходило въ теченіе 1780 года и другихъ послѣдующихъ за нимъ; а между тѣмъ, пожелаю вамъ всѣхъ благъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Декабря 8-го дня 1809 года).

Конецъ девятнадцатой части.

(Сочинена въ теченіе 34-хъ дней, въ ноябрѣ и декабрѣ 1809 года).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XX.

(Въ Дворянниковѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ.

1780 годъ.

Письмо 201-е.

Любезный пріятель! Пересказавъ вамъ въ послѣднихъ предъ симъ письмахъ все случившееся со мною въ теченіе 1779 года, и приступая теперь къ описанію происшествій послѣдующаго за симъ 1780 года, скажу, что первый день сего, не мевѣ прочихъ достопамятнаго

для меня года, провели мы отмѣнно весело и съ особливимъ для всѣхъ удовольствіемъ. Для сего дня, какъ я уже упоминалъ вамъ, была приготовлена у насъ, для представленія на маленькомъ театрикѣ нашемъ, совсѣмъ новая и нарочитой уже величины и самымъ мною сочиненная комедія, подъ названіемъ «Честохвала», и разохотившіяся дѣти наши успѣли не только всю ея къ сему дню выучить; но рвеніе ихъ было такъ велико,

что они приступили ко мнѣ съ просьбою, чтобъ прискаты имъ еще какую-нибудь маленькую пьесу вдобавокъ къ сей, и брались выучить и ее въ немногіе оставшіеся дни, съ тѣмъ только, чтобъ помѣщены были въ нее и тѣ изъ дѣтей, которыми не достало роль въ помянутой большой комедіи. И какъ я на сіе охотно согласился, то и отыскалъ я изъ имѣющихся у меня многихъ театральныхъ пьесъ одну, подъ названіемъ «Новоприѣзжіе», и тотчасъ имъ, а особливо живущему у меня мальчику, г. Сезеневу, хотѣвшему неотмѣнно быть въ числѣ нашихъ актеровъ, сіе удовольствіе и сдѣлалъ; и они вытвердили ее съ такою скоростью, что я самъ тому удивился, и положилъ заставить ихъ сыграть для всѣхъ насъ и ее послѣ моей большой комедіи.

Итакъ, зазвавъ всѣхъ бывшихъ въ сей день у обѣдни нашихъ друзей къ себѣ, и угостивъ ихъ у себя обѣдомъ, пригласилъ я ихъ, равно какъ и всѣхъ прочихъ, ввечеру въ театръ нашъ, имѣлъ я особенное удовольствіе видѣть въ сей день театральное представленіе собственнаго моего изобрѣтенія и быть самъ въ числѣ зрителей. И какъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находились нѣкоторые и изъ малыхъ дѣтей нашихъ, и между прочимъ включенъ былъ и самой малютка сынъ мой, Павелъ; то хотя и опасался я, что онъ ролю свою играя въ первой еще разъ въ жизни, по молодости своей, не выдержитъ, и либо обрѣветъ, либо спутается, а особливо потому, что роля его была наизнаменитѣйшая почти изъ всѣхъ; къ тому-жъ ему и первому, посаженному посреди театра за столикомъ, и будто рисующему картинку, надлежало начинать говорить и дѣйствовать, и хотя натуральная робость его была такъ велика, что онъ, изготовившись къ тому совсѣмъ, и предъ самымъ уже подниманіемъ завѣса, подозвавъ меня изъ-за кулисъ къ себѣ, сказалъ: «Батюшка! меня дрожь пронимаетъ и трясетъ, какъ лихорадка!» и я, испужавшись того, отчаялся-было хотя совсѣмъ въ хорошемъ успѣхѣ, и уже кое-какъ его ободрять старался, говоря ему,

чтобъ онъ не трусилъ и не робѣлъ, а вообразилъ себѣ, что никого нѣтъ и будто никто его не видитъ. Но, противъ всякаго чаянія и ожиданія произошло совсѣмъ противное, и не успѣли поднять завѣсъ, какъ Павелъ мой началъ такъ отхватывать, что всѣхъ даже удивилъ чрезвычайно своею и неожиданною къ тому способностію, а меня заставилъ утирать слезы, текуція изъ глазъ отъ радости и удовольствія. Словомъ, онъ сыгралъ ролю свою какъ лучше требовать было не можно, а не многимъ чѣмъ уступали и прочіе его сотоварищи. И какъ въ комедіи сей было очень много особеннаго, смѣшного и такого, что въ состояніи было возбудить въ зрителяхъ и любопытство, и смѣхъ и принуждать даже къ самому хохотанію, то смотрѣли всѣ на дѣйствія ихъ съ превеликимъ удовольствіемъ и только кричали «браво! браво!» и то-и-дѣло что били въ ладоши и хвалили дѣтей, чѣмъ натурально и они поддерживаемы и ободряемы были весьма много.

Съ такимъ же хорошимъ успѣхомъ сыграна была дѣтьми и другая новая пьеска, послѣ сей первой, и такое же получила отъ всѣхъ одобреніе. Въ сей знаменитѣйшую ролю игралъ питомецъ мой, г. Сезеневъ, и удивилъ всѣхъ также особенною и всего меньше ожидаемою отъ него способностію своею къ театральнымъ представленіямъ. Какъ онъ былъ нарочятаго возраста и собою толстенекъ, то по недостатку другихъ и способнѣйшихъ, назначили мы ему ролю пожилого человѣка и, всходствіе того, надѣли на него парикъ, придѣлали ему толстое брюхо, вычернили ему брови и выбритую будто бороду, и надѣвши стариковской кафтанъ, преобразили такъ, что его и узнать было не можно. И онъ такъ хорошо сыгралъ свою ролю, что надсадилъ всѣхъ со смѣху и всѣми поступками своими умѣлъ такъ хорошо подражать старику, что всѣ зрители не могли довольно тому надивиться; а многіе, не знавшіе его коротко, не могли вѣрить, что былъ это

рикъ, а четырнадцатилѣтній только мальчикъ. Словомъ, онъ игралъ такъ хорошо, что не постыдился бы себя и на лучшемъ театрѣ; а сіе и побудило насъ при всѣхъ послѣдующихъ играхъ и представленіяхъ давать ему всегда роли старика, и онъ игралъ ихъ славно и всегда съ чрезвычайною похвалою.

Какъ скоро все сіе было представлено и самой балетъ послѣ того конченъ, то зазвалъ всѣхъ насъ на перепутье къ себѣ живущій тутъ же въ замкѣ судья, г. Арсеньевъ, и далъ всѣмъ намъ у себя большую и веселую вечеринку и ужинъ. Тутъ начались у насъ увеселенія другого рода. Вся молодежь наша начала плясать и танцовать, а которые были постарѣе, тѣ усѣлись за столы и начали заниматься картами и разными другими забавными играми, которыя къ сему времени случились быть мною вновь выдуманными, и гулъ только раздавался повсюду отъ смѣховъ, шутокъ и хохотанья. Словомъ, всѣ мы были въ сей вечеръ какъ-то отменно веселы и провели весь сей вечеръ съ удовольствіемъ превеликимъ.

Съ другой стороны сдѣлался для меня день сей достопамятнымъ и тѣмъ, что въ оной, въ Москвѣ, увидѣлъ въ первой разъ свѣтъ мой новой экономической журналъ, или выданъ въ публику первой листъ «Экономическаго Магазина». Господинъ Новиковъ, желая доставить мнѣ скорѣйшее удовольствіе видѣть оной напечатаннымъ, спроворилъ дѣломъ такъ, что я на другой же день послѣ сего, и въ самое то время, когда были мы всѣ мужчины на вечеринкѣ у господина Шушерина, получилъ уже оной отъ него къ себѣ присланной, и имѣлъ неописанное удовольствие увидѣть его напечатанной несравненно въ лучшемъ видѣ, нежели въ какомъ издавался мой «Сельской Житель». Я не могъ на него, какъ на новое произведение свое, довольно насмотрѣться и имъ налюбоваться; но пріятнѣе еще того было для меня увѣдомленіе г. Новикова, что дѣло наше началось и идетъ съ хорошаго успѣхомъ, и что подписалось уже

довольно и что число пренумерантовъ увеличивается отчасу больше.

Препроводивъ и другой день сего года съ удовольствіемъ, въ слѣдующій за тѣмъ поѣхали мы къ г. Стрекалову, и были имъ прямо пріятельски угощаемы; а не успѣли мы на другой день къ ночи возвратиться назадъ, какъ надлежало мнѣ угощать у себя опять затѣжавшаго къ намъ нашего губернатора; а не успѣли мы его съ рукъ своихъ сжить, какъ собравшись, отправились въ дальніе гости, за Ефремовъ, къ тетѣ Матренѣ Васильевнѣ Арцы бышевой, находившейся тогда въ своей степной ефремовской деревнѣ и насъ, при послѣднемъ свиданіи съ нами, невѣдомо какъ просившей посѣтить ее въ семь ея степномъ домѣ. А какъ въ той же сторонѣ жилъ и новой нашъ знакомецъ и пріятель, г. Писемской, и также многократно убѣждалъ насъ просьбою посѣтить и его въ деревнѣ, то рѣшились мы въ сей разъ напередъ заѣхать къ нему, куда въ тотъ же еще день и приѣхали.

Господинъ Писемской невѣдомо какъ обрадованъ былъ нашимъ приѣздомъ, я не зналъ какъ возблагодарить насъ за посѣщеніе и угостить у себя лучше. Случилось сіе въ самой день Богоявленія Господня, и мы, отобѣдавъ у него, ѣздили съ нимъ вмѣстѣ къ знаменитому въ тамошнемъ краю сосѣду его, Стратону Ивановичу Сахарову. И какъ сей желалъ также давно видѣть меня у себя, то и сей не только принялъ меня съ особливимъ благопріятствомъ, но и всѣчески постарался насъ угостить веселою вечеринкою и самымъ ужиномъ. И такъ, провели мы и сей праздникъ весело и съ удовольствіемъ, а переночевавъ опять у г. Писемскаго, пустились на другой день за Ефремовъ, и обрадовали тетку нашу своимъ приѣздомъ. У ней прогостили мы цѣлыхъ 4 сутокъ, въ которыя было намъ также очень нескучно, ибо она старалась также угостить насъ всѣчески; а сверхъ того, въ каждой день приѣзжали къ намъ и разные ея тамошніе сосѣди и увеличивали собою наше

общество, изъ которыхъ въ особенноти замѣчанія достойнъ былъ одинъ ближній ея сосѣдъ, Христофоръ Александровичъ Ушаковъ, человекъ любопытной и хорошаго характера, съ которымъ я при семъ случаѣ впервые еще познакомился.

Въ Богородицкѣ возвратились мы не прежде, какъ къ 12-му числу сего мѣсяца; а не успѣли приѣхать, какъ имѣлъ я опять удовольствіе получить съ почтою прелюбой пакетъ со всѣми обѣщанными мнѣ 15-ю экземплярами 3-го и 4-го нумера моего «Экономическаго Магазина», которые съ того времени и получалъ я уже порядочно всегда, съ каждою еженедѣльною почтою, съ прилагаемыми къ нимъ и всѣми, присылаемыми къ г. Новикову отъ корреспондентовъ моихъ письмами ко мнѣ и которые не только не преставали продолжаться со мною переписку, но число ихъ часть-отъ-часу увеличивалось еще и больше, и многіе изъ нихъ отыскивались даже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ и разныхъ нашихъ губерніяхъ.

Не успѣли мы помянутымъ образомъ проводить наши святки и нѣсколько дней послѣ оныхъ въ непрерывныхъ разбѣздахъ, свиданіяхъ и увеселеніяхъ, какъ принялся я опять за прежнія свои кабинетныя упражненія. Къ нимъ, кромѣ обыкновеннаго писанія и заготовливанія матерій для моего «Экономическаго Магазина», принадлежали опять разныя затѣи. Къ онымъ въ особенноти относилось тогда вдругъ родившееся во мнѣ желаніе соорудить самому для себя электрическую машину. Это было еще въ первой разъ, что я началъ заниматься сею частію физики, и поводъ къ тому подало писаніе о самой сей матеріи въ моей «Дѣтской философій», которую не преставаъ я и около самаго сего времени продолжать. И какъ всѣ знанія мои по сей части были еще очень невелики и понятія весьма ограниченныя, да и электрическія машины случилось мнѣ видѣть только нѣсколько разъ, давно и въ бытность свою еще въ Кѣнигсбергѣ, и захотѣлось мнѣ ее тогда смастерить самому и болѣе по-

тому, что случилось мнѣ нечаянно достать себѣ стеклянной шаръ; то признаюсь, что хотя въ нѣсколько дней и смастерилъ я себѣ оную, но была она весьма еще несовершенна и съ великими еще недостатками. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя изобразить, сколь неизъяснимо велико было мое удовольствіе и радость при усмотрѣніи и извлеченіи первой искры изъ кондуктора, а того паче при полученіи перваго электрическаго удара отъ лейденской банки, или паче привѣшеннаго тогда еще къ кондуктору пузырька съ водою. Но какъ бы то ни было, но я смастерилъ себѣ машину довольно изрядную и такую, которая и тогда могла уже и меня и многихъ другихъ собою удивлять и увеселять, и подала мнѣ впоследствии времени поводъ къ многочисленнымъ и разнымъ по сей части выдумкамъ и затѣямъ, а со временемъ къ самому усовершенствованію машинъ и сдѣланія ихъ полезнѣйшими человѣческому роду и, наконецъ, къ произведенію ими безчисленному множеству людей и всему отечеству моему существенной пользы, какъ о томъ упоминается въ своемъ мѣстѣ.

22-го числа сего мѣсяца имѣлъ я удовольствіе получить опять множество отъ разныхъ особъ писемъ, и между прочимъ изъ самаго Нижняго-Новгорода, отъ бывшаго нашего архитектора г. А. нацѣппа, увѣдомлявшаго меня, что имя мое и тамъ съ хорошей стороны сдѣлалось извѣстно; а то же самое писали ко мнѣ и изъ Москвы, что меня порадовало и ободрало.

Не успѣло нѣсколько дней послѣ сего пройти, какъ вдругъ перетревоженъ я былъ полученнымъ извѣстіемъ изъ шадской моей деревни о несносныхъ почти обидахъ, причиняемыхъ тамошнимъ жителямъ, а въ томъ числѣ и моимъ крестьянамъ, господиномъ Пашковымъ, которой, не уважая предписанія межевой канцеляріи, чтобъ остановить бездѣлныя его межеванья впредъ до разсмотрѣнія сего дѣла межевою канцелярією, и чтобъ всѣ до того времени оставались при прежнихъ своихъ владѣніяхъ, усиліемъ и наглостію своею производилъ

ликія притѣсненія и сущіе грабежи, увоза съ степи пакошенные тамошними жителями ихъ стога съ сѣномъ, и недопускающихъ до того люди его били и прогоняли. И какъ то же учинено имъ и съ моими стогами и съ людьми, и чрезъ таковое насильственное отниманіе и увезеніе сѣна было опасеніе, что намъ свой скотъ кормить будетъ нечѣмъ, то прикащикъ мой, приславъ нарочнаго съ увѣдомленіемъ о томъ, молилъ и просилъ меня Христомъ и Богомъ, чтобъ я приѣхалъ самъ и защитилъ ихъ тамъ отъ такой напасти.

Признаюсь, что извѣстіе сіе при тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ было для меня весьма непріятно, и разсѣявъ всѣ мои пріятныя мысли, какими я около сего времени занимался, смутило и разстроило меня до безконечности. Дѣло сіе по всѣмъ обстоятельствамъ дѣйствительно было таково, что требовало неукоснительнаго моего туда приѣзда. Но самовольная отлучка отъ своей должности, неиспросивъ на то дозволенія отъ моего строгаго и недоброхотнаго ко мнѣ командира, и самая ѣзда въ такую даль наводила на меня превеликое сумнѣніе, а вкушъ производила и крайнее нехотѣніе пускаться въ такую даль при недостовѣрности, въ состояніи ли я буду помочь сему злу своимъ приѣздомъ.

Цѣлыя сутки находился я въ превеликомъ недоумѣніи что дѣлать и въ крайней разстройкѣ мыслей и перѣшности; но какъ, наконецъ, и родные мои и друзья мнѣ съѣздить въ Тамбовъ и тамъ губернатора о томъ попросить совѣтовали, а къ князю моему о томъ отписать, то рѣшился наконецъ я на то отважиться, и отправивъ къ г. Новикову весь заготовленной до того времени для журнала моего матеріалъ, сѣлъ въ свой любезной возочекъ и полетѣлъ въ свой путь совсѣмъ налегкѣ и, препроводивъ четыре дни въ путешествіи, въ Тамбовъ 2-го числа февраля и прибылъ.

Какъ въ семь сдѣлавшемся тогда нами губернскомъ городѣ мнѣ до того

не случилось, то, не имѣя въ немъ никакого знакомства, горевалъ я, подѣзжалъ къ оному, о томъ, что не было у меня въ немъ никого знакомыхъ, съ которыми можно бы было мнѣ посовѣтовать о томъ, какъ бы лучше приступить къ сему дѣлу. Но, какъ говорится въ пословицѣ, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставить», то случилось тогда и со мною нѣчто на то похожее, и я, противъ всякаго чаянія и ожиданія, нашелъ тутъ и друзей, и знакомыхъ, и помощниковъ себѣ. И самое первое обрадовало меня то, что я при самомъ уже въѣздѣ въ городъ узналъ, что другъ и пріятель мой по тамошнимъ деревнямъ и прежній сподвижникъ при бывшемъ тамъ межеваньи, Иванъ Яковлевичъ Сабуровъ, находился и жилъ тогда въ Тамбовѣ, имѣя собственной домъ въ ономъ. «Когда такъ, воскликнулъ я сіе услышавъ, то зачѣмъ намъ искать другой квартиры, а ступайте прямо къ Ивану Яковлевичу, онъ вѣрно будетъ мнѣ радъ и съ удовольствіемъ помѣститъ меня въ какомъ-нибудь уголѣ своего дома». Я и не обманулся въ моемъ ожиданіи. Г. Сабуровъ обрадовался приѣзду моему до безпамятства и принялъ меня какъ родного, и не только старался всячески меня угостить, но услышавъ о причинѣ моего приѣзда и объ обстоятельствахъ моего дѣла, подхватилъ меня въ тотъ же день повезъ съ собою къ нѣкакому г. Зубареву, почитавшимся первѣйшимъ дѣльцомъ и знаткомъ по всѣмъ дѣламъ, для испрошенія у него совѣта, какъ бы лучше и надежнѣе приступить мнѣ къ дѣлу. Сей, будучи знакомымъ г. Сабурову человекомъ, принялъ и его и меня съ возможнѣйшимъ благопріятствомъ, и узнавъ обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, совѣтовалъ мнѣ подать просительное о томъ письмо къ губернатору. «Но не худо бы, присовокупилъ онъ, еслибъ вы повидались и съ губернскимъ прокуроромъ и его къ вспомоствованію вамъ въ семъ дѣлѣ побѣдили вашею просьбою. Не знакомъ ли онъ вамъ?» спросилъ онъ меня наконецъ.— Не только незнакомъ, отвѣчалъ я, но я и не знаю и не слыхалъ, кто

у васъ здѣсь прокуроромъ. — «Дмитрій Фёдоровичъ Хвоцинской, сказалъ онъ, и человекъ очень честной и доброй». — Ба! ба! ба! воскликнулъ я, поразившись новою радостью: Дмитрій Фёдоровичъ человекъ мнѣ очень знакомой, и я могу даже почесть его себѣ хорошимъ пріателемъ! Какое онъ мнѣ и дѣйствительно былъ, ибо это былъ самой тотъ Хвоцинской, съ которымъ я имѣлъ дѣло по Зыбинскому межеванью, и которой бывалъ у самого меня въ домѣ и всегда мнѣ благопріятствовалъ. — «Ну, такъ на что же лучше! сказалъ г. Зубаревъ, повидайтесь съ нимъ завтра; вы найдете его можете въ домѣ присутственныхъ мѣстъ, и онъ вамъ тоже вѣрно скажетъ, и всѣхъ болѣе преклонить можетъ губернатора къ подацію вамъ помощи». Итакъ, по сказанному, какъ по писанному, намахалъ я поутру на другой день вчернѣ убѣдительно просительное къ губернатору письмо и полетѣлъ въ губернское правленіе, гдѣ мнѣ тотчасъ комнату, гдѣ былъ прокуроръ, и показали.

Г. Хвоцинской не успѣлъ меня увидѣть, какъ отъ радости вспрыгнулъ съ своего мѣста, и подбѣжавъ ко мнѣ, ну меня обнимать и, цѣлуя, говоритъ: «Ахъ, батюшка, Андрей Тимоеевичъ! Откуда ты къ намъ взялся? Какіе занесли тебя къ намъ вѣтры? Все-ль ты, мой другъ, находишься въ добромъ здоровьи? Какъ я радъ, что васъ вижу! Садись-ка вотъ здѣсь подлѣ меня, и расскажи мнѣ, мой голубчикъ, по какому случаю и зачѣмъ ты здѣсь находишься и не имѣешь ли до меня какой нужды? Я съ превеликимъ удовольствіемъ готовъ тебѣ во всемъ служить».

Таковая благопріятная и все чаяніе мое превосходящая встрѣча преисполнила духъ мой новою радостію и удовольствіемъ. Я соотвѣтствовалъ г. Хвоцинскому равномерною ласкою, благодарилъ его за незабвеніе и продолженіе дружбы, увѣрялъ и о своихъ всѣхъ дружескихъ къ нему чувствованіяхъ, и сѣвши, разсказалъ по требованію и желанію его все и все, то-есть, гдѣ я съ того времени,

какъ съ нимъ разстался, былъ и жилъ и гдѣ при какой должности находился и тогда. Обо всемъ томъ онъ ничего не вѣдалъ, и услышавъ, что я управителемъ въ собственныхъ императрицыныхъ Богородицкихъ волостяхъ, которыя ему были довольно извѣстны, началъ меня не только поздравлять, но оказывать мнѣ еще и болѣе уваженія. И какъ дѣло, наконецъ, до того дошло, зачѣмъ я въ Тамбовѣ приѣхалъ, то не успѣлъ онъ о томъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ услышать, какъ сталъ совѣтовать самъ то-жъ, чтобъ я подалъ письмо къ губернатору, увѣряя, что оной, какъ онъ надѣется, изъ уваженія ко мнѣ не отречется оказать мнѣ возможнѣйшее вспоможеніе, и тѣмъ паче, что онъ самъ въ этотъ же день съ нимъ предварительно о семъ дѣлѣ переговорить и его о томъ попросить. И какъ я, поблагодаря его за все то, сказалъ, что у меня письмо такое и написано уже вчернѣ, то хотѣлъ онъ его видѣть, и тотчасъ взявъ перо, еще кое-что прибавилъ и потомъ совѣтовалъ мнѣ въ этотъ же день его переписать, а на утрѣ подать губернатору, отъ него-жъ неотмѣнно заѣхать къ нему обѣдать, и сообщить ему то, что онъ скажетъ. «А я, батюшка, Андрей Тимоеевичъ, въ здѣшнемъ мѣстѣ женился, имѣю у себя домъ и, слава Богу, живу хорошоохонько».

Съ симъ отпустилъ онъ меня тогда отъ себя, нехотящаго долѣ мѣшать ему въ дѣлахъ по его должности; но не успѣлъ я выйтти въ другую комнату, какъ встрѣчаюсь еще съ другимъ своимъ знакомымъ и пріателемъ. Былъ то Никита Ивановичъ Каверинъ, сынъ того живущаго въ Каверинѣ чудака-старика, къ которому нѣкогда приѣзжалъ я во время межеванья и которой уморилъ-было меня тогда съ голоду. Сей, увидѣвъ меня, также обрадовался чрезвычайно и столько-жъ, сколько и я, напедъ его тутъ совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. При вопросѣ, какимъ образомъ и по какому случаю я его тутъ вижу, сказалъ онъ мнѣ, что онъ находится тутъ при должности: отправляетъ должность казначейскую, и имѣеть

своей собственной домъ въ Тамбовѣ и живеть въ ономъ; а потомъ, сожальи, что я не у него пристагъ, нанубѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ, чтобъ я неотмѣнно и въ тотъ же самой часъ поѣхалъ съ нимъ къ нему обѣдать, отъ чего я и не отрекся.

Итакъ, въ сей день обѣдалъ я у сего моего пріятеля и по деревнямъ сосѣда, и былъ пріязню, и ласкою, и угощеніемъ всего его семейства очень доволенъ. Онъ жилъ тутъ со всѣмъ своимъ домою и я, разговорившись съ его женою, и удивился и обрадовался узнать, что она была родная сестра того самаго Николая Ивановича Новикова, съ которымъ началъ я по «Экономическому Магази́ну» дѣло. А сіе обстоятельство увеличило еще болѣе наше взаимное дружество и благопріятство; къ тому-жъ была она намъ нѣкоторымъ образомъ и съ родни.

Препроводивъ съ пріятностію у сего велерѣчиваго и говорливаго пріятеля своего большую часть того дня и наслышавшись отъ него всего и всего о тогдашнихъ тамбовскихъ начальникахъ и судьяхъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ въ городѣ, возвратился я ввечеру къ своему любезному хозяину и обрадовалъ его увѣдомленіемъ обо всемъ успѣхѣ моего начинающагося дѣла.

Наутріе, перемажавъ самъ набѣло просительное письмо къ губернатору, поѣхалъ я къ нему. Сей, будучи уже предваренъ обо мнѣ и о моей просьбѣ господномъ Хвоципскимъ, принялъ меня съ отмѣннымъ благопріятствомъ и съ многжайшимъ уваженіемъ, нежели какого я заслуживалъ, и обѣщавъ употребить все возможное ему къ удовлетворенію моего желанія и просьбы, и неукоснительно предписавъ тамошнему исправнику дѣло сіе въ самой скорости изслѣдовать, и увезенное насильно у меня сѣно отъ Пашкова возвратить; каковымъ обѣщаніемъ я былъ и доволенъ, и откланявшись ему, поспазалъ опять въ губернское правленіе къ господину Хвоципскому для благодаренія ему за его вспоможеніе. Онъ

же, услышавъ, что мнѣ сказалъ губернаторъ, тотчасъ приказалъ секретарямъ приступить къ сему дѣлу, и, что слѣдовать будетъ, къ утрему же приготовить, дабы я не могъ задержанъ быть тутъ долго, что они и обѣщали. Послѣ чего вскорѣ и поѣхали мы съ нимъ къ нему обѣдать. Я нашелъ у него прекрасной и великолѣпно почти отдѣланной домъ, что и неудивительно, потому что онъ женатъ былъ на богатой тамошней дворянѣ, и былъ ласкою всего его семейства и угощеніемъ его весьма доволенъ и препроводилъ почти весь остатокъ того дня у него.

Между тѣмъ, сошло отъ губернатора мое письмо и приказаніе учинить допросъ упоминаемымъ въ ономъ моимъ людямъ, прикащику и повѣренному, и предписать потомъ исправнику о принужденіи Пашковымъ отдать мнѣ сѣно. Все сіе въ послѣдующій день было и исполнено и обоимъ моимъ людямъ учинены были допросы; и какъ тѣмъ дѣло все съ моей стороны и кончилось, и мнѣ не зачѣмъ было долѣе жить въ Тамбовѣ, то въ четвертой день послѣ моего приѣзда, распрощавшись съ другомъ моимъ г. Сабуровымъ, и поблагодаривъ его и за угощеніе, и за все про все, 6-го числа февраля въ обратный путь въ Богородицкѣ и отправился.

Обратное путешествіе мое было столько же успѣшно, какъ и первое, и я, возвратившись 9-го числа въ Богородицкѣ, нашелъ и своихъ всѣхъ здоровыми, и дѣла всѣ въ порядкѣ, такъ что кратковременное мое и только десять дней продолжавшее отсутствіе мое было совсѣмъ и непримѣтно, почему и не разсудилъ и писать объ ономъ князю. Что-жъ касается до моихъ семейнинокъ, то онѣ во время отсутствія моего ѣздили къ Прасковѣ Андреевнѣ Кислинской на родины, были потомъ въ Калединкѣ и, наконецъ, въ одинъ день со мною возвратились въ Богородицкѣ, а съ ними вмѣстѣ приѣхалъ ко мнѣ и братъ Михайла Матвѣевича.

Доставные дни февраля мѣсяца провели мы по прежнему въ свиданіяхъ и сѣздахъ съ своими тутошними друзь-

и разъѣздахъ къ отсутственнымъ и живущимъ въ уѣздахъ, какъ въ епифанскихъ окрестностяхъ, такъ и въ сторонѣ къ Крапивнѣ. Въ сихъ разъѣздахъ своихъ провели мы въ особливости начавшюся въ сей годъ съ 23-го числа февраля масленицу, а въ наступившій съ 1-го марта великой постъ осѣлись и, по обыкновенію, во всю первую недѣлю онаго говѣли, исповѣдывались и причащались. Пятница сей недѣли, случившаяся 6-го числа марта, достопамятна была для всей нашей фамиліи тѣмъ, что въ оной день кончилъ свою жизнь двоюродной мой братъ и ближайшій сосѣдъ въ деревнѣ, Гаврила Матвѣевичъ Бологовъ.

Мы, получивъ неожиданное извѣстіе о семъ 8-го числа, потужили и погоревали о семъ молодомъ человѣкѣ. Бѣднякъ сей погубилъ самъ себя безмѣрною своею воздержностію въ питъѣ. Онъ хотя издавна придерживался сей бѣдственной привычки, но во время жительства моего въ деревнѣ, сколько-нибудь опасаясь браня себѣ отъ меня, себя поудерживалъ; но по отлучкѣ моей отъ дома вдался онъ уже слишкомъ въ сію пагубную страсть, которая, соединившись и съ другою, только же бѣдственною для молодыхъ людей страстію, скоро такъ его здоровье разстроила, что онъ сдѣлался наконецъ оттого очень боленъ. Тогда встрѣнувшись онъ, что сдѣлалъ худо и пересталъ-было уже совсѣмъ пить, но сіе было уже поздно. Ударъ апоплексическій поразилъ его и похитилъ изъ числа живущихъ на землѣ.

Ближній мой родственникъ сей, каковъ ни былъ и какъ много ни досаждалъ мнѣ иногда своимъ глупымъ обычаемъ, но мнѣ жалъ было его чрезвычайно. Умеръ онъ холостой и въ самое еще цвѣтущее время своей жизни, и чрезъ рановременную его смерть уничтожилась вся надежда, какую я имѣлъ, что онъ современемъ будетъ мнѣ добрымъ сосѣдомъ и сотоварищемъ въ деревенской жизни; ибо прежде его поведеніе, каково ни было, по все было лучше старшаго его брата и подавало объ немъ лучшую надежду; но Промыслу Господню угодно было совсѣмъ не то

произвестъ. Онъ умеръ, не вкусивъ еще порядочно почти жизни, и мнѣ очень было жалъ, что тогдашняя отлучка и начинающаяся уже половодъ не допустила меня отдать ему и послѣдній долгъ и оросить гробъ его моими искренними слезами.

Такимъ образомъ уменьшилась и другимъ членомъ вся наша небольшая фамилія и перевелся совсѣмъ старинной домъ, въ которомъ только лѣтъ жилъ въ уединеніи и воспитывалъ его покойной дядя мой, а его отецъ, Матвѣй Петровичъ. Онъ былъ у него любимой изъ сыновей, и, ахъ! могъ ли онъ себѣ тогда воображать, что съ симъ его милымъ Гаврюшею воспослѣдуетъ такое зло, и что вмѣстѣ съ нимъ погибнетъ и самое то мѣсто, гдѣ онъ жилъ и не останется изъ всего двора его ни малѣйшаго слѣда. Покойникъ построилъ-было себѣ изрядные хоромцы, но судьба не дала ему пожить въ нихъ и десяти лѣтъ, и какъ все имѣніе его перешло въ руки старшаго его брата и опять соединилось воедино, то нынѣшній потомокъ ихъ рода, и его родной племянникъ, владѣющій симъ имѣніемъ, не только сломавъ его хоромы перевезъ ихъ на свою усадьбу, но уничтожилъ и весь его дворъ; а впоследствии времени промѣнялъ и все мѣсто, гдѣ онъ былъ, мнѣ на епифанскую землю, и Промыслу Господню угодно было надумано-нигадано одарить меня симъ весьма нужнымъ для меня мѣстомъ, засаженнымъ мною потомъ садомъ, доставляющимъ мнѣ и по нынѣ особенную пользу и удовольствіе, и въ кот. ромъ, въ напоминаніе ему, то мѣсто, гдѣ стояли его хоромы, и по нынѣ называется «Гаврилинимъ ре-виромъ».

Впрочемъ, во извѣстіе моимъ потомкамъ, замѣчу каковъ онъ былъ собою. Ростъ имѣлъ онъ нарочито высокой, собою сухоцавъ и тонокъ, волосомъ бѣлокуръ, курносъ и нѣсколько гнусилъ отъ самаго младенчества, и потому не весьма хорошъ собою, да и въ обращеніи съ людьми не очень ловокъ и во многомъ отсталъ отъ людей обыкновенныхъ. Ха-

рактерь его былъ отъ самой природы какъ-то не весьма хорошъ, а дурное, совсѣмъ небрежное воспитаніе, а потомъ и пагубная въ тогдашнее время для молодыхъ людей гвардейская служба повредила его еще больше, почему съ сей стороны и не нахлызъ онъ себѣ отъ постороннихъ добраго имени и похвалы, а по смерти и сожалѣнія.

Впрочемъ, во все теченіе великаго поста не произошло у насъ ничего особеннаго. Мы занимались обыкновенными своими упражненіями и не видали почти, какъ пролетѣло сіе время, и одни только пруды, по случаю открывшейся въ продолженіе онаго половоди, наводили на меня заботу и опасеніе, чтобъ ихъ не прорвало; и могу сказать, что періоды времени сего всегда бывали для меня весьма критическіе и я всякой разъ половодій сихъ какъ нѣкакого страшнаго медвѣдя боялся и съ смущеннымъ духомъ всегда смотрѣлъ на приближеніе покой воды, а не одинъ разъ и грудовъ имѣлъ при томъ превеликое множество.

Наконецъ настала у насъ и Святая недѣля, бывшая въ сей годъ очень поздно и уже 19-го апрѣля; и какъ въ сіе время не имѣли мы уже снѣга и вскрылась уже весна, то провели мы ее нарочито весело, и болѣе потому, что къ обыкновеннымъ нашимъ увеселеніямъ могли мы приобщать и самыя гулянья. Незадолго до наступленія сихъ праздниковъ получили мы себѣ новаго компаніона. Бывшій до того у насъ казначей, г. Плотниковъ, по какому-то случаю отъ насъ отбылъ и на мѣсто его приѣхалъ къ намъ новой, русской нѣмецъ, по имени Ивалъ Христоворвичъ Добрасъ, съ женою своею и дѣтьми. И какъ онъ былъ человѣкъ очень доброй, хорошаго характера и въ обращеніи пріятной и со всѣми нами тотчасъ познакомился и сдружился, то мы сею переменною были весьма довольны и нашли въ немъ для общества нашего несравненно лучшаго сочлена, нежели каковъ былъ прежній, г. Плотниковъ.

Отпраздновавши праздникъ, принялся я, по случаю открывшейся уже тогда со-

вершенной весны, за обыкновенныя свои надворныя упражненія и работы; ибо какое нехотѣніе я въ себѣ ни чувствовалъ къ затѣванію чего-нибудь вновь въ волюсти; но по охотѣ своей къ садамъ и по давнишней привычкѣ заниматься ими, не столько для пользы, сколько для собственного своего удовольствія и увеселенія, не могъ никакъ сидѣть и въ это время непрерывно въ четырехъ стѣнахъ и заниматься своимъ перомъ и книгами. И какъ, по счастью, имѣлъ я подлѣ двора своего собственной свой садикъ, то и употребилъ я въ сію весну наиглавнѣйшее стараніе о распространеніи и украшеніи онаго всякаго рода затѣями и бездѣлушками, и во всѣ вѣшніе дни рылся и копался въ ономъ, какъ крокъ; и сажилъ, сѣялъ и затѣвалъ въ немъ вновь то то, то другое, и дѣлая его отчасу лучшимъ и прекраснѣйшимъ, доставлялъ и себѣ множество минутъ пріятныхъ и другимъ мѣсто для пріятнаго гулянья.

Наконецъ наступилъ у насъ май мѣсяцъ и съ нимъ начала приближаться славная епифанская Никольская ярманка; и какъ намъ давно уже хотѣлось когда-нибудь побывать на оной, то дни за два и поѣхали мы на оную и сперва къ г-жѣ Бакуниной, живущей въ той сторонѣ и неподалеку отъ города. Домъ сей сдѣлался для насъ столь дружественнымъ, что мы всякой разъ съ удовольствіемъ къ сей умной и почтенной госпожѣ ѣзжали, да и она бывала у насъ всегда наипрѣятнѣйшею гостею. Привыквало ее къ намъ наоблаже то, что сынъ ея учился у насъ въ пансіонѣ и я особенно старался о образованіи и наученіи его кой-чему хорошему, какъ мальчишка хорошаго характера и весьма способнаго къ наукамъ.

Итакъ, мы въ деревнѣ у ней въ сей разъ ночевали, а на другой день ѣздили на ярманку въ Епифань, и тамъ гуляли, кое-что покупали и разѣзжали кой-куда по гостямъ, и возвратились опять ночевать къ г-жѣ Бакуниной, а отъ ней ѣздили опять въ городъ и за оной къ Василію Федоровичу Молчанову; итакъ

проводивъ дни три въ сей поѣздѣ, возвратились уже на самой Николинъ день назадъ въ Богородицкѣ.

Едва только мы возвратились, какъ пораженъ я былъ опять неожиданнымъ увѣдомленіемъ изъ шадской моей деревни, сдѣлавшеюся уже тогда тамбовскою или паче кирсановскою, потому что она приписана въ Кирсановской уѣздъ. Писали ко мнѣ, что, несмотря на всѣ запрещенія отъ начальства, Пашковъ продолжаетъ всѣхъ несносно обижать; что въ Тамбовѣ приѣхалъ самъ намѣстникъ, и что всѣ обиженные дворяне собираются просить его о защитѣ отъ сего наглеца и обидчика, и что необходимо надобно и мнѣ поспѣшить приѣхать туда же и попросить намѣстника; къ тому-жъ нуженъ мой приѣздъ и потому, что приѣхалъ уже и казенной землемѣръ для снятія всѣхъ тамошнихъ мѣстъ на планъ. Все сіе опять смутило весь мой духъ и разстроило мысли. Ѣхать опять въ такую даль весьма мнѣ не хотѣлось, а обстоятельства необходимо того требовали. Я долго не звалъ и самъ съ собою не соглашался что дѣлать. Но наконецъ, судя, что не было никакихъ важныхъ по волости дѣлъ, для которыхъ не можно-бы было мнѣ опять на короткое время отъ волости отлучиться, а и отъ князя, моего командира, не можно было мнѣ ожидать за такую отлучку дальнаго гнѣва, поелику онъ въ сіе время находился въ Петербургѣ и, по всему видимому, о волостяхъ всего меньше думалъ и заботился, и мы отъ него очень рѣдко получали письма и приказанія, рѣшился, наконецъ, преодолѣть все свое нехотѣніе и въ путь сей отправился.

Какъ по обстоятельствамъ нужно мнѣ было всячески ѣздомъ своею поспѣшить, дабы не упустить намѣстника и застать его въ Тамбовѣ, то хотѣлъ-было я на другой уже день въ сей путь отправиться; но случившаяся въ этотъ день чрезвычайная стужа меня удержала, и я поѣхалъ уже съ утра 12-го мая, и такъ рано, что въ тотъ же еще день доѣхалъ

до Данкова, а 15-го раннимъ-ранехонько поспѣлъ уже и въ Тамбовъ самой.

Въ сей разъ, для полученія лучшей и множайшей свободы, рѣшился я стать въ наемной квартиркѣ, и мое первое дѣло было повидаться съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ. Сей наставлялъ мнѣ столько о Пашковѣ и о намѣстникѣ, на него крайне ополчившемся и его неволею въ губернской городѣ пританувшемъ и содержащимъ почти подъ карауломъ, что я почиталъ уже его почти погибшимъ. И какъ г. Сабуровъ турилъ меня какъ можно скорѣе къ намѣстнику, ободряя несомнѣнною надеждою, что онъ просьбу мою болѣе всѣхъ уважитъ, то, не долго думая, и полетѣлъ я въ намѣстнической домъ, и нашелъ у него превеликое собраніе чиновниковъ и другихъ людей и, между прочими, и всѣхъ моихъ прежнихъ тутошнихъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ опять и пріятели моего, г. Каверяна. Сей обрадовался опять меня увидѣвъ, звалъ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ къ себѣ и просилъ видѣться съ нимъ какъ можно чаще; а что всего лучше, спознакомилъ меня и съ тѣми землемѣрами, которые въ нашъ край для сниманія всѣхъ мѣстъ на планъ отправлялись и тутъ же тогда у намѣстника быть случились.

Намѣстникомъ былъ тогда тутъ извѣстный у насъ, престарѣлой, знаменитой вельможа графъ Романъ Даріоновичъ Воронцовъ, человекъ особливаго характера и свойствъ, не во всѣхъ отношеніяхъ похвальныхъ. Наболѣе обвиняемъ онъ былъ всѣми за его корыстолюбіе, и многіе утверждали, что о томъ свѣдома была и сама императрица, и съиграла съ нимъ шутку, приславъ однажды къ нему въ подарокъ пустой кошелекъ для полаганія въ него денегъ *), и всѣ тому хохотали и смѣялись. Но какъ бы то ни было, но я за множествомъ народа не могъ никакъ улучшить удоб-

*) Объ этомъ подаркѣ упоминаетъ и князь Щербатовъ въ своемъ сочиненіи „О поврежденіи правозъ въ Россіи“. См. „Русск. Стар.“, 1871 г. т. III, стр. 682.

наго времени и случая предстать къ нему съ своею просьбою, и тѣмъ паче, что не было тогда никого, кто-бъ могъ ему меня представить и къ кому бы я могъ съ тѣмъ адресоваться. Самъ же онъ, хотя меня въ толпѣ народной и видѣлъ, но по цынности и глупой гордости своей не удостоилъ и спросить о томъ, кто я таковъ былъ. Итакъ, поговоривъ съ мезещиками, отъ которыхъ не могъ я еще никакого толка добиться и подождавъ, не побѣдетъ ли туда и прокуроръ Хвощинской, котораго хотѣлось мнѣ попросить, чтобъ онъ меня намѣстнику представилъ, и никакъ его не дождавшись, не могъ я въ сей день ничего сдѣлать, ибо намѣстникъ скоро, отгланявшись всѣмъ, ушелъ въ свои внутреннія комнаты и я принужденъ былъ ѣхать ни съ чѣмъ прочь, и поспѣвать къ моему другу г. Сабурову, взявшему отъ меня обѣщаніе неотмѣнно приѣхать къ нему обѣдать.

Итакъ, отобѣдавъ у Сабурова и погорюя о неудачѣ, ѣздилъ я послѣ обѣда къ г. Каверину, отъ котораго къ огорченію моему узналъ, что едва ли могу я что-нибудь успѣть сдѣлать и въ послѣдующій день, поелику намѣстникъ не будетъ дома, и онъ будетъ пировать у одного изъ тамошнихъ жителей на званомъ обѣдѣ и тамъ препроводитъ весь день. Неприятно мнѣ было такое помѣшательство; но какъ дѣлать было нечего, то вооружился я терпѣніемъ, и положилъ весь сей праздноу день посвятить на свиданія съ моими пріятелями.

Я и дѣйствительно видѣлъ только въ сей день г. намѣстника, проѣзжающаго съ великою помпою мимо квартиры моей въ гости, и всѣхъ жителей безъ памяти старающихся ловить и запирать своихъ кошекъ, дабы онѣ не могли попасться на глаза намѣстнику, о которомъ сказывали мнѣ, что онъ ихъ такъ боялся, что въ состояніи былъ при воззрѣніи на нихъ, упасть въ обморокъ; и потому настроявшимъ образомъ приказано было во всемъ городѣ всѣмъ жителямъ ловить, скрывать и запирать своихъ бѣдныхъ ко-

шекъ, что они и принуждены были дѣлать. Удивился я и посмѣялся внутренно такой нелѣпости и смѣшной боязни.

Вирочемъ былъ и другой предметъ, поразившій въ сей день мое зрѣніе. Ъдучи, по приглашенію, въ сей день обѣдать къ пріятелю моему г. Каверину, повстрѣчался я съ самимъ господиномъ Пашковымъ, ѣдущимъ въ простомъ сюртучкѣ и какъ бы оглашенной по улицѣ, и казавшимся смиренѣе самого агнца; и я удивился, что не было за нимъ даже ни одного и человѣка. «О! о! подумалъ я тогда: поукротили бурку крутыя горки! и, о! когда-бъ тебя, государь, посократили хорошенько». Сего многіе и ожидали дѣйствительно, а особливо по отзывамъ объ немъ намѣстника, рыгающимъ, повидимому, на него огнемъ и пламенемъ. Но пріятель мой господинъ Каверинъ, которому я о сей встрѣчѣ рассказывалъ, былъ совсѣмъ иного мнѣнія и говорилъ, что едва-ли что воспослѣдовать можетъ, и что онъ не сомнѣвается, что Пашковъ не упуститъ зашибить и намѣстника мѣшкомъ своихъ денегъ, и вѣрно сухъ изъ воды вывернется.

Такимъ образомъ, проводивъ съ удовольствіемъ половину того дня у господина Каверина, а другую—у г. Сабурова, неотпустившаго меня отъ себя безъ ужина, собрался я на другой день опять ѣхать къ намѣстнику; но по несчастію и въ сей день не достигъ до своей цѣли. Я нашелъ намѣстника, занимающагося дѣлами въ своемъ кабинетѣ и непринимающаго никого въ сей день у себя, и потому мнѣ тотчасъ отказали и совѣтовали приѣхать наутріе и гораздо поранѣе, буде я имѣю какую до намѣстника нужду.

Что было дѣлать? Сколько я ни огорчился и ни досадовалъ на сіе новое препятствіе, но принужденъ былъ ѣхать прочь, и куда-жъ? къ одному новому знакомцу, господину Осипову, женившемуся на вдовѣ, оставшейся послѣ умершаго дяди жены моей, Александра Григорьевича Каверина, Лукерья Яковлевна, съ которымъ я наканунѣ того

дня спознакомился у господина Каверина въ домѣ, и которой, обласкавъ меня, убѣдительно просилъ, чтобъ я приѣхалъ къ нему въ сей день обѣдать, увѣряя меня, что Лукерья Яковлевна будетъ мнѣ очень рада. Они и подлинно обрадованы были оба моимъ къ себѣ приѣздомъ, и непрерывно другъ предъ другомъ старались угостить меня всячески. Господинъ Осиповъ находился тутъ при мѣстѣ и довольно знаменитой должности, и узнавъ о причинѣ моего приѣзда, совѣтовалъ мнѣ подать и намѣстнику лучше просительное письмо, нежели просить его только словесно.

Проводивъ съ удовольствіемъ у нихъ почти весь тотъ день, поѣхалъ я на вечеръ опять къ г. Каверину, и у него ужиналъ; а возвратясь на квартиру, сѣлъ и намахалъ просительное письмо къ сіятельному господину намѣстнику, съ которымъ въ послѣдующее утро и полетѣлъ я къ оному, и въ сей день былъ уже счастливѣе. Обо мнѣ тотчасъ ему доложили и тотчасъ потомъ меня ввели къ нему въ кабинетъ самой. Онъ принялъ меня хотя такъ, какъ отъ такого пышнаго и горделиваго вельможи ожидать было должно, однако не совсѣмъ безъ всякаго уваженія, узнавъ о томъ кто я, и при какомъ нахожусь мѣстѣ. Я подаю ему свою бумагу, и онъ не успѣлъ узнать о содержаніи оной и услышать мою просьбу, какъ мнѣ сказалъ: «О, другъ мой! я истинно замѣтаю столь многими жалобами и просьбами на сего бездѣльника, что не знаю, что съ нимъ и дѣлать. Однако будьте спокойны! мы непремѣненно учинимъ съ нимъ все, что по закону только можно, и вы можете возвратиться въ свое мѣсто съ полнымъ удостовѣреніемъ, что мною учинено будетъ все, что только къ успокоенію всѣхъ васъ отъ сего обидчика учинить мнѣ будетъ можно».

Съ симъ министріальнымъ обнадеживаніемъ отпустилъ онъ тогда меня, и я хотя и зналъ, сколь мало можно было на такія пышныя обѣщанія господъ вельможъ полагаться, что послѣ и оказалось

дѣйствительно, но какъ тогда нечего было болѣе дѣлать, то откланявшись ему, не разсудилъ долге ни минуты въ Тамбовѣ медлить, но возвратясь на квартиру, и давъ прикацику и повѣренному моему наставленіе, какъ поступать имъ при межеваніи и пообѣдавъ, велѣлъ укладываться; и между тѣмъ, покуда сіе дѣлали и запрягали лошадей, забѣжалъ только проститься съ другомъ моимъ, г. Сабуровымъ, и разстался съ нимъ, по дружбѣ его ко мнѣ, съ намернувшимися на глазахъ слезами, равно какъ бы предчувствуя, что я тогда въ послѣдній разъ видѣлъ и обнималъ сего любезнаго человека; ибо вскорѣ послѣ того услышалъ я, что онъ, занемогши, кончилъ жизнь свою.

Поспѣшеніе мое было столь велико, что я въ тотъ же день успѣлъ еще доѣхать до села Лысыхъ-Горь. И какъ погода случилась тогда наиприятнѣйшая и дорога очень добрая, то перепочевавъ тутъ и продолжая путь свой, на третій послѣ того день, не имѣвъ въ пути никакихъ остановокъ и произшествій, благополучно и еще къ обѣду въ Богородицѣ возвратился, и успѣлъ еще въ тотъ же день побывать у нашего городничаго и свидѣться со всѣми нашими друзьями и собесѣдниками.

Симъ окончу я сіе мое письмо, увеличившееся уже слишкомъ, и пожелавъ вамъ всего добраго, остаюсь вашъ.... и прочая.

(Декабря 10-го дня, 1809 года).

Письмо 202-е.

Любезный пріятель! Препроводивъ опять не больше девяти дней въ помянутой въ послѣднемъ моемъ письмѣ вторичной моей ѣздѣ въ Тамбовѣ, нашелъ я по возвращеніи моемъ все въ надлежащемъ порядкѣ. Домашніе и родные мои были всѣ здоровы, дѣла по волости текли своимъ чередомъ. Издаваніе моего журнала шло своимъ порядкомъ и безостановочно, ибо я старался всегда снабжать господина Новикова столь мною запасною матеріею, что никогда за

нею не могло быть остановки, и ему было бы всегда что печатать. А какъ около сего времени не случилось никакихъ и иныхъ по волости дѣлъ, которыя требовали бы особыхъ по себѣ хлопотъ, заботъ и попеченій, то и оставалось намъ только помышлять о забавахъ и о дѣланіи нашей тогдашней веселой жизни отчасу пріятнѣйшею, и о томъ, какъ бы лучше пользоваться тогдашнимъ вешнимъ и неприятнѣйшимъ въ году временемъ. Мы и непреминули обо всемъ томъ постараться, и у насъ продолжаемы были по прежнему не только частныя другъ съ другомъ свиданія, но начались и самыя гулянья по садамъ и роцамъ, въ которые нерѣдко ѣзжали мы всѣ гурьбою, и гуляя съ особеннымъ удовольствіемъ въ нихъ, составляли нѣкоторой родъ сельскихъ вокзаловъ, привозя съ собою туда и чайныя приборы и всякія съѣстные вещи для подничанья; и между тѣмъ какъ мы занимались пріятными между собою разговорами, дѣти наши, сотовариществуя намъ, утѣшали насъ своими бѣганіями и рѣзвостями. Таковыя гулянья всего чаще бывали у насъ въ Магазинной-рощѣ, а 7-го іюня, по случаю воскреснаго дня, былъ у насъ порядочной вокзалъ и въ аглинскомъ садикѣ на островку, подлѣ гошпитала, гдѣ разбита была у насъ палатка и сдѣлана даже пирושка сама.

Словомъ, всю весну сего года провели мы отиѣнно весело, и она намъ по многимъ отношеніямъ памятна. Что касается до переписки моей съ корреспондентами, то она продолжалась по прежнему и не проходило почти ни одного почтоваго дня, въ которой бы не получалъ я откуда-нибудь писемъ, и письма сія были уже все дѣльными и пріятными. Препрежніе же негодяи, мѣшавшіе дѣлу своимъ бездѣльемъ, всѣ совершенно замокли, что и обращалось къ совершенному моему удовольствію. Впрочемъ, относительно до сей корреспонденціи достопамятно, что около сего времени зачалась переписка и возобновилось самое дружество у меня съ однимъ изъ бѣлевскихъ помѣщиковъ,

такимъ же любопытнымъ и трудолюбивымъ человекомъ, какъ и я, а именно съ извѣстнымъ нашимъ экономическимъ писателемъ и переводчикомъ многихъ книгъ, Васильемъ Алексѣевичемъ Левшинимъ.

Между сими пріятными препровожденіями времени, 10-го числа случилась мнѣ опять небольшая отлучка. Услышали мы, что въ Тулу приѣхалъ путешествовавшій по Россіи римскій императоръ Іосифъ II, и вдругъ воспыало во мнѣ желаніе увидѣть сего славнаго монарха. Итакъ, ну-ка мы скорѣе соберитесь и скакать въ Тулу. Но ѣзда сія предпринимана была по-пустому. Мы застали его уже въ Тулѣ, не видали императора, а побывали только въ Щегловѣ у нашихъ Верещагинныхъ, гдѣ они имѣли тогда настоящій домъ свой.

Не успѣли мы возвратиться въ Богородицкѣ, какъ должно было готовиться опять угощать у себя нашего губернатора, хотѣвшаго къ намъ приѣхать. Сего начальника своего принуждены мы были въ сей разъ ожидать дѣлнхъ три дни съ-ряду, и насилу дождались его къ себѣ 17-го числа іюня; но за то приѣхалъ онъ къ намъ вмѣстѣ съ другимъ еще губернаторомъ, харьковскимъ. Итакъ, угощали мы у себя двухъ губернаторовъ однимъ разомъ, и намъ удалось ихъ такъ угостить, что оба они угощеніемъ нашимъ были довольны. Оба они ѣхали въ сей разъ изъ Тулы, и нашъ пробирался въ свое Валовнево; и какъ онъ намѣренъ былъ тамъ пробить нѣсколько времени и угощать у себя объѣзжающаго тогда всѣ города нашего намѣстника, то подзывалъ онъ невѣдомо какъ и меня къ себѣ къ сему времени и столь усиленно, что я принужденъ былъ дать ему въ томъ обѣщаніе.

Впрочемъ, достопамятно, что самой сей приѣздъ губернатора къ намъ рѣшилъ давнишнее мое недоумѣніе въ разсужденіи нашего театра. Ибо надобно знать, что какъ въ дѣтяхъ нашихъ съ открытіемъ весны возобновилась вновь охота къ театральнымъ представленіямъ, а особливо хотѣлось и старшей моей дочери,

Елисаветѣ, воспріять въ томъ соучастіе, и у нихъ вытвержена была уже совсѣмъ почти маленькая комедія, извѣстная подъ названіемъ «Необитаемаго острова»; по прежній нашъ театрикъ былъ слишкомъ къ тому малъ, да и всѣмъ неспособенъ, то давно мы начали помышлять о томъ, нельзя ли намъ гдѣ-нибудь для театра отыскать лучшее и просторнѣйшее мѣсто и смастерить театръ уже порядочной и съ такими кулисами, какія съ помянутою комедіею были бы сообразнѣе, нежели простыя прежнія; ибо для сей нужды были кулисы, изображающія лѣсъ, скалы и въ отдаленіи море съ судами. И какъ въ одномъ изъ дворцовыхъ флигелей находился большой и просторной каменной сарай, занятой разною поклажею, то давно уже помышлялъ я о употребленіи его на сіе дѣло, но все какъ-то не отваживался и не рѣшался я приступить къ сему превращенію сего сарая въ театръ. Но какъ въ сію бытность губернатора у насъ дошла у насъ рѣчь съ нимъ о бывшемъ у насъ театрѣ, и онъ, зная уже о томъ, хвалилъ насъ за сіе приученіе дѣтей къ театральнымъ представленіямъ, то услышавъ о нашей новой затѣѣ, не только хвалилъ, но почти убѣжденіями своими принудилъ меня приступить къ произведенію сего въ дѣйство.

Итакъ, не успѣлъ онъ отъ насъ уфхать, какъ я, къ великому обрадованію и удовольствію всѣхъ дѣтей, и приступилъ къ сему дѣлу, и тотчасъ велѣлъ помянутой сарай опрастывать, и всѣ находившіяся въ немъ вещи переносить въ другое мѣсто. Самъ же, между тѣмъ, въ тотъ же день началъ сочинять и планъ всему нашему будущему театру со всѣми къ нему принадлежностями. А тѣмъ еще не удовольствуясь, поступилъ еще и далѣе, и желая, чтобъ лѣсными кулисами, которыя вознамѣрился я самъ намалевать, можно-бъ было воспользоваться и не для одного только «Необитаемаго острова», а при представленіи какой-нибудь и другой пьесы, влругъ получилъ мысль и желаніе сочинить еще одну театральную пьесу

такого рода, которая могла бы представляема быть съ теми же кулисами, и въ которой бы дѣйствующія лица также сообразны-бъ были съ возрастомъ нашихъ актеровъ, дабы тѣмъ представленіе могло быть натуральнѣе; а сіе-то самое пожеланіе и произвело на свѣтъ ту драму, которал, будучи впоследствии времени напечатана подъ заглавіемъ «Нечастливыя сироты», сдѣлалась и всей публикѣ извѣстною.

Не успѣлъ я сего затѣять, какъ по обыкновенной моей во всѣхъ такихъ случаяхъ нетерпѣливости, тотчасъ приступилъ и къ произведенію того въ дѣйство и послѣднимъ снмъ дѣломъ такъ, что 19-го числа іюня, началъ писать и сочинять сію драму, 22-го ее уже и кончилъ, и работалъ надъ нею только три дни. И какъ у меня ни въ плотникахъ, ни въ столярахъ, ни въ другихъ художникахъ, а равно и въ матеріалахъ не было недостатка, и сарай былъ къ сему времени очищенъ, то въ помянутое-жъ число велѣлъ я по сдѣланному плану приступить и къ сооруженію нашего новаго театра и досадовалъ, что необходимость заставляла меня опять на нѣсколько дней отлучиться изъ Богородицка и съѣздить, по обѣщанію моему, къ нашему губернатору въ славное его село Балоннево въ гости.

Селеніе сіе находилось неподалеку отъ города Данкова и отстояло отъ насъ не менѣе хотя ста верстъ, но я, отправившись 24-го іюня такъ рано, что приѣхалъ туда еще до наступленія вечера, и такъ рано, что мы успѣли еще съ хозяиномъ всюду и всюду находиться. Матвѣй Васильевичъ былъ мнѣ очень радъ, и зная мое любопытство, заводилъ меня по всѣмъ своимъ садамъ, звѣринцамъ, прудамъ и строеніямъ, до которыхъ былъ онъ почти до безумія охотникъ, и я повсюду находилъ у него множество хорошаго и любопытнаго, зрѣнія достойнаго; а въ томъ же провели мы и весь послѣдующій день, въ которой онъ меня даже измучилъ ходьбою съ нимъ по всѣмъ и даже самымъ отдаленнымъ мѣстамъ, ибо ему хо-

тѣлось мнѣ все и все показать, и во многихъ вещахъ потребовать моего со- вѣта, или по крайней мѣрѣ пожелать моего одобренія. Словомъ, каковымъ охот- никомъ ни былъ я ходить, но тутъ до того усталъ, что принужденъ былъ въ томъ ему безъ чиновъ признаться и по- желать возвращенія въ домъ, гдѣ, при обыкновенномъ угощеніи, началось у насъ другое дѣло, и онъ началъ показывать мнѣ всѣ свои книги съ рисунками и черте- жами и всѣ рѣдкія картины, какія онъ имѣлъ только у себя въ домѣ.

Въ наступившій послѣ того день былъ у него пиръ на весь міръ, и съѣхалось множество гостей. Поводомъ къ тому было то, что онъ въ сей день угощалъ у себя обѣденнымъ столомъ заѣзжавшаго къ нему нашего намѣстника, г. Кречет- никова. Опъ пріѣхалъ къ намъ предъ самымъ обѣдомъ и встрѣченъ былъ съ душевною пальбою и со всею подобаю- щей ему честью, и угощенъ богатымъ обѣдомъ. Намѣстникъ, увидѣвъ меня тутъ же между прочими, удивился и не оста- вилъ удостоить меня благоприятными со мною разговорами; а хозяинъ, пользуясь симъ случаемъ, не преминулъ наказать ему обо мнѣ столь много хорошаго, что мнѣ было даже стыдно, а сіе и подкрѣ- пило еще больше его выгодное обо мнѣ мнѣніе.

Какъ намѣстникъ пробылъ тутъ только нѣсколько часовъ и въ тотъ же еще день отъ насъ передъ вечеромъ уѣхалъ, то проводивъ достаточное время дня опять въ гуляньяхъ и разныхъ деревенскихъ увеселеніяхъ, не сталъ я долѣе медлить, но снѣша возвратиться въ свое мѣсто, на утро же отправился назадъ съ отъѣзжаю- щимъ въ Тулу г. Сокоревымъ, Иваномъ Яковлевичемъ. И какъ сей пріѣзжалъ туда изъ Тулы на почтовыхъ, то уговорилъ онъ меня ѣхать съ нимъ вмѣстѣ въ ко- ляскѣ на почтовыхъ, а каретѣ своей ве- зѣть пріѣхать послѣ. Итакъ, мы, рас- вланившись съ г. Муромцовымъ и по- благодаривъ его за угощеніе, и полегѣли и за-свѣтло доскакали до Богородицка.

Какъ случилось сіе наканунѣ Петрова

дня, то наутрѣ для праздника сего былъ у меня обѣдъ и полное собраніе всѣхъ нашихъ городскихъ друзей и пріа- телей и толпа народа. И день сей, и ве- черъ провели мы отиѣнно весело и во всѣхъ обыкновенныхъ нашихъ забавахъ. И какъ всѣмъ намъ гостямъ о намѣре- нии моемъ соорудить новой театръ было из- вѣстно, то говорено было много и объ томъ, и всѣ усердно желали, чтобъ поспѣшено было симъ дѣломъ такъ, чтобъ могъ онъ поспѣть къ приближающейся тогда на- шей годовой ярманкѣ, и чтобъ можно было намъ во время оной выученную дѣтскими комедію «Необитаемой островъ» на немъ и представить. А сіе общее же- ланіе и побудило меня на другой же день послѣ того наипристальнѣйшимъ обра- зомъ за сіе дѣло приняться, и рвеніе мое было такъ велико, что оной дней въ шесть у меня и поспѣло со всѣми его принадлежностями; но признаться надоб- но, что немногіе сіи дни и стоили мнѣ трудовъ неусыпныхъ и столь многихъ, что самъ послѣ дивился, какъ могъ я въ такое короткое время и столь много дѣлъ надѣлать и наудачнѣйшимъ обра- зомъ привести къ окончанію.

Театръ вышелъ у насъ хотя не очень большой, но во всей формѣ и порядочной. Половину сарая отдѣлил я на сдѣлан- ную съ надлежащимъ возвышеніемъ сце- ну или театръ самой, а другую назна- чилъ для партера и на помосты позади онаго для прочихъ зрителей, о многихъ лавкахъ и ступеняхъ. Что касается до кулисъ, то сдѣлали мы ихъ двойными. Однѣ должны были представлять поря- дочно убранную комнату, а другія густой лѣсъ и каменную съ боку скалу, а въ задней сторонѣ открытое море, съ ка- менными и другъ за другомъ видными мысами острова. Для лучшаго изображе- нія лѣса, а особливо въ перспективиче- скомъ видѣ моря на большомъ заднемъ занавѣсѣ, не пожалѣлъ я собственныхъ своихъ трудовъ, и малевалъ оныя самъ при вспоможеніи бывшаго въ командѣ у меня живописца и дѣтей самыхъ, и употреб- лялъ къ тому все свое искусство и знаніе

И не обинуясь скажу, что удалось мнѣ произвести дѣло сіе очень хорошо и такъ, что вся декорация сія непостыдна была и для лучшаго городского театра. Лѣсъ и море со всѣми мысами и горами острова изображено было такъ хорошо, что обманывало удивительнымъ образомъ зрѣніе, и всѣ не могли тѣмъ довольно налюбоваться. Въ особеннѣйшей же всѣмъ нравилась особенная выдумка моя, относящаяся до корабля, долженствующаго приплыть съ моря къ берегу и выпустить изъ себя матросовъ, кои составляли главную и лучшую роль въ сей комедіи. Чтобъ дать кораблю сему видъ koliko можно натуральнѣйшій, то нарисовалъ я и вырѣзалъ изъ толстой политуры два вида плывущаго на парусахъ корабля, одинъ другого больше; и дабы казались они дѣйствительно вдали по морю плывущими и часъ-отъ-часу подъѣзжающими къ острову ближе, смастерилъ я такъ, что ихъ можно было на шнуркахъ съ мѣста на мѣсто по изображенному на картинѣ морю передвигать, и сперва показать вдали маленькой, и вскорѣ потомъ скрывъ оной, будто бы заплывшій за лѣсъ, выпустить другой, въ увеличенномъ уже видѣ и будто бы ближе уже приплывшій, и давъ и сему пролавировать мимо всей сцены, и скрывъ его опять, будто бы за лѣсъ, выдвинуть уже носъ и бортъ большого корабля съ матросами, сходящими съ него на берегъ. И все это сдѣлано было такъ натурально, что лучше требовать было не можно. Наконецъ не преминули мы придѣлать къ сценѣ и передній, порядочно опускающійся и поднимающійся занавѣсъ, размалеванной также со вкусомъ, разными красками. Словомъ, весь театръ нашъ былъ какъ водится, да и довольно просторенъ, такъ что не только сцена была довольно велика, но и за кулисами было довольно мѣста для актеровъ нашихъ; а не преминули мы также постараться и о довольноомъ освѣщеніи онаго, а снабдить его также и обыкновеннымъ мѣстомъ для суфлера.

Все сіе можетъ всякому доказать, что для произведенія всего того потребно

было множество трудовъ, а особливо въ такое короткое время. Я и дѣйствительно занялся онымъ такъ, что, оставивъ всѣ прочія дѣла, съ утра до вечера трудился надъ онымъ и былъ во всѣ сіи дни какъ чумичка запачканъ всѣми красками, и работалъ до усталости самой. Но какъ бы то ни было, но мы совершили все сіе великое дѣло и театръ нашъ посѣлъ къ ярманкѣ.

Сія была въ сей годъ какъ-то многонароднѣе всѣхъ прежнихъ лѣтъ, и было не только великое стеченіе со всѣхъ сторонъ подлаго народа, но съѣхалось на нее и множество отовсюду дворянскихъ фамилій. Многихъ побудила къ тому и молва, распространившаяся повсюду о приготовляемомъ къ сему времени нашемъ театрѣ. И какъ всѣ знакомые и незнакомые панусердѣйшимъ образомъ хотѣли видѣть нашъ спектакль и удостоить театръ нашъ своимъ посѣщеніемъ, то въ самой день праздника Казанской, ввечеру, и собралось въ театръ нашъ однихъ благородныхъ около 50-ти особъ, а съ прочими зрителями всего человѣкъ болѣе двухсотъ, и весь амфитеатръ нашъ сдѣлался наполненнымъ зрителями, для которыхъ всѣхъ зрѣлище сіе было необыкновенное.

Дабы сдѣлать всѣмъ чувствительнѣйшій сюрпризъ и неожиданнымъ образомъ удивить прекрасною нашею декорациею необитаемаго острова, разсудилъ я заставить актеровъ нашихъ представить сперва первую нашу пьесу «Безбожники», и съ декорациею обыкновенною, представляющею жилую комнату. Всѣ зрители были уже и сею пьесою весьма довольны и смотрѣли на нее съ удовольствіемъ. Но какъ скоро, по окончаніи оной и по опущеніи занавѣса, въ одинъ почти мигъ перемѣнили мы сцену, и выдвинули новую, лѣсную и морскую свою декорацию, то при вторичномъ поднятіи передняго занавѣса всѣ даже заахали, поразившись перемѣнившимся и совсѣмъ неожиданнымъ и неприятнѣйшимъ для глазъ зрѣлищемъ, и ничего не видя, произвели великой громъ бѣненіемъ въ ладо-

ши. Богѣе всего поражалъ и удивлялъ ихъ видъ плывущаго вдали, а потомъ ближе корабля. «Ахъ, батюшки мои! восклицали вслухъ многіе, это истинно настоящій корабль и море, и какже онъ такъ плыветъ!—Ахъ, какъ это хорошо и искусно сдѣлано!» кричали другіе. И всѣ не могли довольно и первымъ симъ зрѣлищемъ налюбоваться; а дабы дать имъ побольше къ тому времени, то не велѣлъ я скоро выходить Констанціи, какъ первой особѣ, долженствующей начинать дѣйствіе. Сію представляла старшая дочь моя, Елисавета; и какъ была она около сего времени нарочитаго уже возраста и лицомъ собою прекрасная, а на театрѣ при множествѣ огней казалась еще, а особливо въ театральномъ одѣяніи, прелестнѣйшею, и ролю свою начала представлять наудачнѣйшимъ образомъ, то зрѣлище сіе поразило всѣхъ зрителей новымъ и пріятнымъ удивленіемъ. Но пріятное удивленіе ихъ еще больше увеличилось, когда въ среднѣй пьесѣ появился носъ и бортъ приплывшаго къ берегу корабля, и соскочили съ него на театрѣ матросы съ ихъ шкипоромъ. Какъ роль сего была напруднѣйшая и знаменитѣйшая во всей пьесѣ, долженствующая производить смѣхъ въ зрителяхъ, то, по особенной способности, назначилъ я къ тому малютку моего сына Павла. И хотя возрастъ его и не соответствовалъ росту матроса, но я надѣялся, что онъ не испортитъ своего дѣла, но придастъ малостию своею сценѣ еще болѣе пріятности, въ чемъ и не обманулся. Будучи одѣтъ въ бѣленькое и прекрасное шкипорское платье, опоясанной алмыи тафтянымъ кушакомъ и въ кругленькой своей матроской шляпкѣ, и выступивъ смѣло на театрѣ, послѣдуемой нѣсколькими другими матросами, обратилъ онъ отъ всѣхъ пріятное вниманіе на себя. А какъ началъ отхватывать свою шуточную ролю, то произвелъ такой во всѣхъ смѣхъ и хохотъ, что многіе даже до слезъ смѣялись, и всѣ не могли довольно налюбоваться и навеселиться его игрою. Словомъ, вся пьеса сія сыграна

была наудачнѣйшимъ образомъ и произвела всѣмъ превеликое удовольствіе и повсюду слышны были похвалы и одобренія. Наконецъ увеселили мы зрителей маленькимъ нашимъ балетомъ, пропрыганнымъ малютками, дѣтьми нашими, и всѣ зрители были до крайности удовольствованы симъ зрѣлищемъ, и расходясь, изъявляли мнѣ тысячу благодареній, и вечеръ сей былъ для меня очень памятенъ.

Проводивъ съ отпѣннымъ удовольствіемъ сей праздникъ, принялись мы паки за обыкновенныя дѣла свои и занятія разныя, и провели въ нихъ всѣ достаточныя дни сего мѣсяца безъ всякихъ почти особенныхъ и таковыхъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть. Въ концѣ только онаго заѣзжалъ къ намъ опять губернаторъ нашъ, и у насъ не только ночевалъ, но и на другой день обѣдалъ.

Какъ о приѣздѣ его мы были предвѣрены и его уже ожидали, то восхотѣлось мнѣ за угощеніе его возблагодарить и собственно своимъ угощеніемъ, и между прочимъ повеселить его и самымъ театромъ нашимъ. Почему и заставилъ я дѣтей до приѣзда еще его сдѣлать репетицію, и къ представленію опять «Необитаемаго острова» и балета сдѣлать всѣ нужныя приуготовленія, и дать всѣмъ нашимъ городскимъ и всѣмъ случившимся на тотъ разъ приѣзжимъ знать, что у насъ въ тотъ вечеръ опять будетъ театръ. И какъ губернаторъ приѣхалъ къ намъ довольно еще рано, то я не преминулъ тотчасъ рѣчь довести до нашего театра и сказать ему, что я по совѣту его успѣлъ уже и смастерить театръ. «Нѣтъ, право! воскликнулъ онъ, удивившись: ахъ, братецъ, такъ покажешь ты мнѣ его!» и схвата шляпу, хотѣлъ-было тотчасъ итти смотреть его. Но я, остановивъ его, сказалъ ему, не угодно ли ему отложить сіе до наступленія вечера и посмотреть на самую игру на ономъ дѣтей нашихъ? «Очень, очень хорошо! воскликнулъ онъ опять, и ты меня, братецъ, тѣмъ много одолжишь».

Итакъ, въ мнѣ разе

Итакъ, въ мнѣ разе

успѣли онѣ заснуть и все въ домѣ успокоиться, какъ вдругъ страшной трескъ, шумъ и громъ перебудилъ насъ всѣхъ и заставилъ повскакать съ своихъ постелей. И какимъ же изумленіемъ поразилась мы, когда, желая узнать, что такое произошло, растворивъ двери въ дѣвичью, увидѣли всю ее наполненною брусьями, толстыми досками, кирпичами и нагустѣйшею пылью, и что все сіе произошло отъ обрушившагося вдругъ въ сей комнату и упавшаго на полъ потолка, и что сдѣлалось сіе отъ развалившейся и упавшей на него трубы печной. «Ахъ, батюшки мои! закричали мы, испугавшись, съ женою: да дѣвки-то наши что?... ужъ не побилъ ли ихъ всѣхъ до смерти? Ахъ, какое несчастіе!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ вбѣжали въ комнату сію и всѣ, также отъ сна повскакавшія дѣвки, и обрадовали насъ чрезвычайно. «Но какъ же это вы спаслись и васъ не перебило?» спросила съ удивленіемъ жена моя ихъ. — «Да мы, сударыня, не спали тутъ, отвѣчали онѣ, а намъ чтой-то восхотѣлось перейти въ эту ночь спать въ дѣтскую, и теперь видимъ, что самъ Богъ восхотѣлъ насъ спасти отъ смерти, которой бы намъ всѣмъ не миновать». Послѣ сего рассказали онѣ намъ и о той дѣвкѣ, которая хотѣла неотмѣнно тутъ остаться и которую онѣ насильно туда же перетаскили. Сіе поразило всѣхъ насъ еще вящимъ изумленіемъ и мы не могли тому довольно надивиться. И сей достопамятнѣйшій случай и удивительное происшествіе намъ и донынѣ еще и поминѣ.

Впрочемъ достопамятно, что я около сего времени и во все теченіе сего мѣсяца, между прочими дѣлами, занимался въ особенности и табакомъ, котораго у меня насажено было и родилось довольно много; и какъ учитель нашъ по неумѣнью съ нимъ обходиться весь свой почти переигралъ и перепортилъ, то хотѣлось мнѣ уже самому приняться пристальнѣе за оной и лично самому добираться опытами до того, какъ его лучше въ вучахъ желтить, потомъ сушить, вязать въ палуши и томить, и имѣлъ по

сему случаю, по пословицѣ говоря, хлопотъ полонъ ротъ.

Симъ дозвольте мнѣ сіе письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 12-го дня 1809 года).

Письмо 203-е.

Любезный пріятель! Между тѣмъ, какъ все, въ концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, происходило, охота у дѣтей нашихъ къ театральнымъ представленіямъ такъ увеличилась, что они ради бы были хотя-бъ всякой день заниматься тѣмъ, если-бъ то только было возможно. Но какъ имъ надобно было помышлять и о своихъ наукахъ въ пансіонѣ, то принужденъ я былъ въ разсужденіи театра накладывать на желанія ихъ уздечку, и умышленно не спѣшить самъ вытверживать свою ролю изъ новосочиненной драмы, дабы ихъ, давно уже всѣ свои роли выучившихъ, позадержать и, несмотря на всѣ ихъ просьбы о скорѣйшемъ оной представленіи, день отъ дня оное отсрочивалъ; но какъ въ случившееся на другой день Успеньева дня воскресенье хотѣлось имъ непременно, чтобы я утѣшилъ ихъ, дозволивъ представить имъ, хотя какую-нибудь изъ прежнихъ и знакомыхъ имъ пьесъ, а желали того и всѣ городскіе друзья и собесѣдники наши; то и представляли они въ сей день въ третій разъ «Необитаемой островъ» и прежнюю комедію «Новопріѣзжіе».

Наконецъ, къ послѣдующему за симъ другому воскресенью поспѣла совсѣмъ къ представленію и новая моя драма «Несчастныя сироты». И какъ около сего времени случилось у насъ въ городѣ много кой-какихъ и приѣзжихъ, то рѣшился я дать опять публичной спектакль и представить въ первой разъ помянутую драму, и играть на театрѣ съ дѣтьми вмѣстѣ и самъ.

Мы употребили къ тому ту же декорацию, какъ при представленіи «Необитаемаго острова»; ибо какъ все дѣйствіе

должно было происходить въ лѣсу, а декорация была лѣсная, то было сіе и к стати, и нужно было позаслонить кое-чѣмъ задній завѣсъ, представляющій море. Начинать дѣйствіе въ пьесѣ сей долженъ былъ самъ я, въ образѣ находившагося подъ гнѣвомъ у господина, откинутого и въ дровосѣки и къ береженію лѣса опредѣленнаго слуги; почему и одѣтъ я былъ въ простое рабское платье, и при поднятїи завѣса находася въ лѣсу, рубилъ топоромъ дрова и складывалъ ихъ въ полѣнцу и потомъ первой говорить началъ. Что касается до злого его господина, то сего представлялъ питомецъ мой, Сезеневъ, и сыгралъ ролю свою такъ хорошо, какъ лучше требовать не можно; а и всѣ прочіе, имѣвшіе въ семъ представленіи участіе, играли прекрасно, а особливо меньшей сынъ господина Албычева, долженствовавшій представлять сироту и притвориться отравленнымъ пирогомъ съ ядовитыми грибами, и что у него оттого животь болѣлъ. Словомъ, все дѣйствіе происходило хорошо, и я, какъ выдумщикъ и сочинитель сей драмы, имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ зрителей крайне дѣйствіемъ симъ растроганныхъ и смотрѣвшихъ на оное съ крайнимъ вниманіемъ и удовольствіемъ. Сими былъ весь нашъ партеръ и помость, составляющій нѣкоторой родъ амфитеатра, наполнены, и всѣ хвалили сію пьесу и благодарили и меня, и дѣтей за доставленное имъ новое удовольствіе; а дѣти, въ усугубленіе онаго, представили имъ еще въ тотъ же день «Подражателя», а потомъ и балетъ. Поелику же многимъ изъ привѣзжихъ хотѣлось видѣть и нашъ «Необитаемой островъ», то не отрезались дѣти, а съ охотою согласились на другой послѣ сего день въ удовольствіе ихъ представить опять «Необитаемой островъ» съ «Новоприѣзжими». Итакъ, у насъ два дни сряду были спектакли.

Послѣ сего взяли мы уже отдохновеніе на нѣсколько дней, которое продолжалось можетъ быть и долго, еслибъ въ началѣ сентября не приѣхалъ къ намъ въ городъ братъ нашей городничихи, Петръ

Ивановичъ Кошелевъ, человекъ хотя молодой, но театральное дѣло несравненно всѣхъ насъ болѣе знающій и могущій молодыхъ нашихъ актеровъ еще болѣе въ нѣкоторыхъ ихъ недостаткахъ исправить. Сей не успѣлъ услышать, что у насъ есть театръ и что на ономъ играютъ его племянникъ и племянница, какъ возжелалъ нанусерднѣйшимъ образомъ нашъ театръ и игру на ономъ дѣтей нашихъ видѣть; почему и принужденъ я былъ въ удовольствіе ему и приѣхавшему съ нимъ родственнику ихъ Петру Петровичу Толбузину, милому и любезному человекъ, заставить дѣтей сыграть комедію «Подражателя», которая у дѣтей уже такъ была затвержена, что имъ не было нужды дѣлать и обыкновенную репетицію. Г-нъ Кошелевъ, увидѣвъ нашъ театръ, удивился, нашедъ его въ неожиданномъ порядкѣ и былъ такъ имъ доволенъ, что усердно захотѣлъ поправить дѣтей въ нѣкоторыхъ замѣченныхъ имъ при представленіи недостаткахъ, и они всѣ ему въ томъ много были обязаны. И какъ ему хотѣлось видѣть и «Необитаемой островъ» и «Новоприѣзжихъ», то, въ удовольствіе его, заставили мы дѣтей и сіи пьесы представить, и г-нъ Кошелевъ такъ къ поправленію театра нашего пригнѣлся, что примѣтивъ, что главной недостатокъ былъ у насъ въ добромъ суфлѣрѣ, котораго должность по нуждѣ заставляли мы до того отправлять старика канцеляриста моего, Щедилова; то для наученія его, какъ дѣло сіе производить лучше, распорядился самъ поддѣзтъ подъ помость нашей сцены и суфлировать дѣтямъ.

Черезъ недѣлю послѣ того явился опять неожиданной случай заняться намъ своимъ театромъ; ибо какъ слухъ и слава распространилась объ немъ повсюду, то побудила она многихъ уѣздныхъ дворянъ изъ нашего знакомства смолвиться и скопомъ и съ заговоромъ къ 10-му числу сентября съѣхаться ко мнѣ въ гости, и просить меня о доставленіи и имъ удовольствія видѣть театральныя наши представленія. Итакъ, неожиданнымъ образомъ получилъ я вдругъ множество къ

себѣ гостей, въ числѣ которыхъ былъ и г. Стрекаловъ со всѣмъ своимъ семействомъ, старинной знакомецъ мой, Алексѣй Ионовичъ Темешовъ съ женою, князь Волконской, и вся семья Верещагиныхъ. И я принужденъ былъ, по неотступной ихъ просьбѣ, согласиться заставить дѣтей представить имъ сперва драму мою «Несчастныя сироты», потомъ «Необитаемой островъ», а наконецъ балетъ. И какъ въ сей разъ случилось у насъ быть и выпрошенной у г-на Сахарова полной музыки, которой до того у насъ не доставало, то театръ нашъ получилъ еще болѣе совершенства, и всѣ мои гости были имъ очень довольны и не могли довольно восхвалять и возблагодарить меня за оной. Впрочемъ, какъ всѣ сіи гости у меня ужинали и на другой день обѣдали и остались почевать, то восхотѣлось мнѣ, воспользуясь музыкою, дать въ сей вечеръ всѣмъ нашимъ городскимъ друзьямъ балъ, и для лучшаго простора въ залѣ дворца нашего, и мы весь вечеръ сей протанцовали и были очень веселы.

Но сей разъ былъ уже и послѣдній въ семь году, въ которой мы театромъ нашимъ занимались; ибо, какъ онъ былъ безъ нечей и холодной, а вскорѣ за симъ стали наступать морозы и стужа, то она и положила предѣлъ всѣмъ нашимъ играмъ и представлѣніямъ и принудила насъ закрыть нашъ театръ до наступленія опять весны и лѣта.

Итакъ, взявъ послѣ сего суетливаго дня опять на нѣсколько дней отдохновеніе и употребивъ оныя на прочія свои дѣла и упражненія, пустились мы потомъ опять сами въ дальніе разъѣзды по гостямъ и всѣ достальныя дни сентября провели въ оныхъ.

Начало октября ознаменовалось бывшимъ у насъ въ селеніи опять пожаромъ, всѣхъ насъ натурально перетращавшимъ. Сгорѣли въ сей разъ бывшіе на торговой площади амбары съ разною поклажею; и какъ я, такъ и городничій, жившій все еще у насъ въ слободѣ, имѣли множество трудовъ при гашеніи оного. И достопа-

мятно, что селеніе наше какъ-то въ особливости подвержено было пожарнымъ бѣдствіямъ. И сей пожаръ со времени бытности моей въ Богородицкѣ былъ уже не то пятый, не то шестой.

Вскорѣ за симъ настало 7-е число октября, въ которое совершилось мнѣ 42 года отъ рожденія и пошелъ 43-й годъ. Я провелъ сей день тихомолкою, ибо не имѣлъ никогда обыкновенія праздновать оной публично, предоставляя впрочемъ все дню именинъ своихъ. Но въ сей годъ и въ самые именины мои, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не было у меня никакого дальнаго торжества и праздника, и мы, напротивъ того, около сего времени ѣздили сами въ дальніе гости, въ Ефремовскіе предѣлы, и были опять у гг. Писемскаго и Сахарова.

Между тѣмъ, дѣло мое по изданію моего «Экономическаго Магазина» текло своимъ чередомъ и съ наиблагодѣннѣйшимъ успѣхомъ. Переписка моя съ корреспондентами продолжалась по прежнему, и я не упустилъ удовлетворять ихъ своими отвѣтами, и всѣ праздные часы и минуты, остающіеся отъ прочихъ дѣлъ, посвящалъ обыкновенно сочиненіямъ по сей части. И какъ имѣлъ я у себя множество иностранныхъ экономическихъ книгъ, изъ которыхъ можно мнѣ было, какъ изъ кладезя, почерпать множество полезныхъ и такихъ матерій, которыя съ удобностію и пользою могли помѣщаться въ мой «Магазинъ», и мнѣ стоило только ихъ съ пѣмедкаго языка по-русски переписывать, и переводъ ихъ былъ для меня легокъ и нимало незатруднительнъ, то я такъ уже къ симъ сочиненіямъ привыкъ и могъ матерію для журнала своего заготовить съ такимъ успѣхомъ, что въ одну недѣлю, пристально поработавъ, могъ заготовить матерію для печатанія недѣль на шесть и болѣе; а самое сіе и помогло къ тому, что г-ну Новикову не было никогда въ матеріи и въ большихъ и малыхъ пьесахъ недостатка, и ему оставалось только дѣлать изъ нихъ выборъ и наполнять ими листы журнала. А какъ и типографія приведена была имъ

предъ прежнимъ несравненно въ лучшее состояніе, то и не было никогда при издаваніи, при каждомъ номерѣ газетъ, по листу моего журнала ни малѣйшей остановки, чѣмъ и г. Новиковъ, и вся публика была весьма довольна.

Впрочемъ, какъ около сего времени матеріи у меня столько заготовлено и переслано было къ Новикову, что оной на все остальное время года могло быть съ излишкомъ достаточно, то, при послѣдней послѣдней, списался я съ г. Новиковымъ о томъ, какъ онъ располагался въ разсужденіи послѣдующаго года, и намѣренъ ли былъ продолжать издаваніе моего журнала и на будущій годъ; и какъ онъ отвѣтствовалъ, что не только желаетъ, но и убѣдительношимъ образомъ просилъ, чтобъ я не останавливалъ съ своей стороны сего полезнаго и съ столь хорошимъ успѣхомъ начатаго и идущаго дѣла, и продолжалъ бы заготовлять по прежнему матерію и для будущаго года, то съ самаго дня моихъ иманій началъ я и сіе предварительное заготовленіе.

Итакъ, сею работою занимался я во всѣ достальные дни октября и въ послѣдующій затѣмъ ноябрь мѣсяцъ, и какъ длинныя осенніе вечера, а паче того утра, въ которыя, по давнишнему обыкновению своему, вставалъ я всегда рано и задолго еще до свѣта и время сіе было нанудобнѣйшее для сочиненій и писанія, то и успѣлъ я въ тогдашніе осенніе и первыя зимніе мѣсяцы заготовить множество листовъ и матеріи для печати, и чрезъ то, будучи съ сей стороны обезпеченъ, могъ тѣмъ удобнѣе удѣлять вечернее время на обыкновенныя наши при сѣздахъ и свиданіяхъ увеселенія.

Сіи продолжались у насъ и въ сію осень по прежнему и хотя не ежедневно, но довольно часто, и мы провели и сей періодъ времени очень весело. Дружба и единодушіе, и простое, открытое, дружеское или паче почти братское обхожденіе между собою господствовало въ обществѣ нашемъ непрерывно и придавало тѣмъ тогдашней нашей жизни еще болѣе пріятности. При всякомъ сѣздѣ и на обще-

новенныхъ, даваемыхъ другъ другу вечеринкахъ наиболѣе мы, старые, занимались разными играми въ карты; но игры сіи были не убыточныя и либо степенныя, какъ, напримѣръ, ломберъ и вистъ, ибо бостона не было еще тогда на свѣтѣ, либо мелочныя, смѣшныя, подающія поводъ ко многому хохотанію и смѣхамъ. Ежели-жъ завертывался когда въ компаніи наши какіе-либо посторонніе или игроки, охотники до азартныхъ игоръ, то мы давали имъ волю состязаться только между собою, или съ нашимъ учителемъ, а сами бывали только зрителями всѣмъ ихъ отватамъ и дурачествамъ, участія же въ томъ ни малѣйшаго не брали. И какъ пробѣжими всякаго рода людьми, равно и приѣзжающими къ кому-нибудь изъ насъ изъ уѣздовъ гостями посѣщаемы мы были часто, то и помянутыя зрѣлища и игры бывали у насъ не рѣдко.

Что касается до возрастающихъ день отъ дня дѣтей нашихъ, то сіи дѣлали намъ компанію только по вечерамъ и въ праздничные дни; въ прочее-жъ время занимались они своими науками въ пансіонѣ. Сей шель своимъ чередомъ и былъ около сего времени нарочито уже великъ. Учителемъ нашимъ были мы и довольны и нѣтъ, и желали, чтобъ онъ меньше прилѣплялся къ нашимъ компаніямъ и былъ воздержнѣе относительно до игръ карточныхъ и менѣе занимался своею табачною фабрикою и затѣями, а болѣе бы старался объ ученіи дѣтей наукамъ. Однако нельзя сказать, чтобъ сіе было имъ совсѣмъ пренебрегаемо, но и оно шло своимъ чередомъ, и всѣ тѣ изъ дѣтей, которые поклоннѣе были прочихъ къ наукамъ, пользовались съ успѣхомъ его ученіемъ. Изъ всѣхъ пхъ отличался болѣе всѣхъ помянутой питомецъ мой Сезеневъ: въ немъ оказалась такая счастливая перепичивость и такая склонность и способность къ наукамъ, что я не могъ тому довольно нарадоваться и навеселиться, и жалалъ даже, чтобы собствен-
ной сивы мой былъ таковымъ-же.

Что касается до сего, то ему шель какъ и двадцатой еще годъ, но въ немъ

также открывались часть-отъ-часу множайшія способности и склонность къ наукамъ, и онъ превосходилъ тѣмъ многихъ и гораздо себя старѣйшихъ. Понятія его были таковы, что я не могъ имъ довольно надивиться, и съ радостію старался помогать съ своей стороны развѣтываться сему прекрасному цвѣтучку, вперяя въ него съ малолѣтства хорошія склонности и впечатлѣвая въ юной умъ его понятія обо всемъ нужнѣйшія и охоту къ литературѣ, и сіе, равно и всегдашнее сотоварищество и собесѣдничество его съ г. Сезеневымъ помогало тому весьма много. Словомъ, обоими ими былъ я очень доволенъ.

Что принадлежить до дочерей моихъ, то старшая изъ нихъ, Елисавета, была около сего времени изрядною дѣвочкою и почти уже полуневѣстою. Весьма доброй ея характеръ и пріятность самаго наружнаго вида и ласковое ся со всѣми обхождение сдѣлало ее общою любимицею у всѣхъ нашихъ сотоварищей. Всѣ ее искренно любили и почитали, а мы всѣхъ больше, и намъ доставляла она собою всегдашнее утѣшеніе. По выучѣ грамотѣ, занималась она наиболѣе уже своими женскими рукодѣліями при матери; однако не оставлялъ и я съ своей стороны обрабатывать молодой умъ ея и вперять въ него обо всемъ, что можно было, нужныя знанія и понятія. Но обучать ее иностраннымъ языкамъ намъ не было способа, ибо въ пансіонѣ одной ей съ мальчиками учиться не годилось, а держать для ея одной у себя какую-нибудь француженку или мадамъ не позволялъ намъ и достатокъ нашъ, да и какъ-то мы къ тому не имѣли и дальней охоты и не располагались, а думали, что довольно, когда бы она хотя и одно русское, да порядочно знала, но была-бы только не испорчена въ своемъ нравѣ и поведеніи. Изъ сестеръ же ея, Настасья была уже также дѣвочка изрядная, а мало-по-малу подрастала за нею и младшая ея сестра, Ольга. Обѣ онѣ учились тогда грамотѣ, и сею обязаны всѣ мои дѣти своей бабушкѣ, а моей тещѣ. Трудъ сей обыкновенно принимала она сама на себя,

и не уважала нисколько обыкновенную скуку, съ тѣмъ сопряженную. Обѣ онѣ были уже такого возраста, что мы могли употреблять ихъ съ прочими при представленіи нашихъ балетовъ на театрѣ. Что касается до самой меньшей моей дочери, Катерины, то сія занималась еще своею кормилицею и носима была еще на рукахъ. Что касается до внѣшнихъ моихъ обстоятельствъ и моего достатка, то какъ мы, несмотря на многое уже знакомство и частое приѣзжаніе къ намъ гостей, жили умѣренно и вели себя, по пословицѣ говоря, «ни шатко, ни валко, ни на сторону», то и оставалось у меня всякой годъ сколько-нибудь отъ обыкновенныхъ моихъ доходовъ, а чрезъ то и маленькой мой капиталецъ увеличивался понемногу со дня на день, и у меня были уже кой-на-комъ въ долгахъ небольшія суммы и денегъ. Напротивъ того, деревнишки мои претерпѣвали много отъ моего отъ нихъ отсутствія. Не имѣя возможности часто отъ своего отлучаться мѣста и должности, не могъ я за ними смотрѣть какъ надлежало и какъ бы могъ живучи въ оныхъ, и потому принужденъ былъ предавать въ нихъ все теченію природы или обыкновенному порядку дѣлъ; а чрезъ то натурально онѣ не только ни въ чемъ не поправлялись, но во многомъ происходили въ нихъ отъ начальниковъ надъ ними самья упущенія. Но болѣе всего озабочивало и безпокоило меня межеванье въ тамбовской моей деревнѣ, о которомъ присылаемыя ко мнѣ отъ времени до времени увѣдомленія никакъ меня не радовали, а только огорчали; ибо писано было ко мнѣ, что всѣ наши ближніе и дальніе сосѣди сошли равно какъ съ ума и при отводахъ своихъ такъ испортили все дѣло и столько надѣлали пакостей, что я не предусматривалъ никакого способа къ поправленію того и къ развязкѣ узловъ ими, по глупости ихъ и къ собственному своему вреду, а къ пользѣ Пашкова, завязанныхъ; и навѣрное полагаютъ, что дѣло наше поидетъ въ даль и долго рѣшено не будетъ, что въ самомъ дѣлѣ по прояскамъ и по

интригамъ Пашкова послѣ и исполнилось.

Что принадлежитъ до дѣлъ по должности моей и до волостей относящихся, то было ихъ въ сіе лѣто очень немного. Я упоминалъ уже выше сего, что грубое и дурное обращеніе со мною моего новаго командира прохладило во мнѣ прежнюю охоту къ разнымъ затѣямъ и выдаваться на выдачку, почему и наблюдать и исполнять я только то, чего требовала отъ меня одна должность. А какъ, по счастью, и командиръ мой, за отлучкою своею въ Петербургъ и долговременное свое тамъ пребываніе, во все теченіе сего года къ намъ не приѣзжалъ, то и были мы съ стороны его нарочито спокойны, и была намъ, такъ сказать, своя воля и мы могли безъ дальнихъ заботъ жить такъ, какъ намъ хотѣлось. Одинъ только рекрутской наборъ, бывшій въ сію осень, причинилъ мнѣ нѣсколько хлопотъ, заботъ и затрудненій.

Въ началѣ декабря обрадованы мы были полученіемъ писемъ съ Низу, отъ дѣда жены моей, Авраама Семеновича, и узнавшемъ, что сей милой и любезной нашъ старичокъ все еще былъ живъ. Онъ увѣдомлялъ насъ о своемъ житьѣ-бытьѣ и о увеличивающейся съ года на годъ его дряхлости, которая простиралась уже до того, что онъ съ трудомъ подписывалъ въ письмѣ свое имя и одними уже почти начальными только литерами.

Шестого числа сего мѣсяца, то-есть на Николинъ день, имѣлъ малютка сынъ мой превеликое для себя удовольствіе оттого, что могъ въ сей день подарить судью нашего и моего друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, своихъ уже трудовъ картинкою и такою, которая стояла уже поставленною быть за стекло. Какъ она была всѣми хвалима, то сіе радовало его невѣдомо какъ и побуждало отъ часу болѣе успѣвать въ семь искусствъ, а я не менѣе былъ доволенъ, видя особенную его къ тому охоту и способность, и съ охотою продолжалъ обрабатывать въ немъ и самую сію склонность.

Наконецъ настала половина сего мѣсяца и съ нею то время, въ которое надлежало быть въ Тулѣ опять общему собранію всего дворянства для перемѣны и общаго выбора судей; ибо первое трехлѣтіе приходило тогда уже къ окончанію. Всѣ наши почти судьи, исключая немногихъ, должны были также къ сему времени туда отправиться. Я самъ располагался-было сначала также туда ѣхать, но какъ дѣло сіе до меня нимало не касалось и случились кое-какіе недосуги, то наконецъ раздумалъ, а предоставилъ однимъ имъ тамъ хлопотать и при бываемыхъ сихъ случаяхъ общихъ увеселеній брать соучастіе.

По отъѣздѣ ихъ опасались мы весьма, чтобъ сей новой выборъ не разстроилъ и не разрушилъ нашего дружескаго и пріятнаго общества, и чтобъ не насовали къ намъ какихъ-нибудь другихъ и намъ незнакомыхъ судей; и какъ мы между собою въ теченіе сихъ первыхъ трехъ лѣтъ такъ уже свмыслили, что были какъ родные, то и жаль намъ было другъ съ другомъ разстаться, и потому съ нетерпѣливостью и почти со страхомъ и трепетомъ ожидали мы перваго увѣдомленія о томъ, кто и кто у насъ новые судьи будутъ. А сіе 19-го числа сего мѣсяца и привезъ къ намъ г. Шуперня, и съ одной стороны опечалилъ насъ, сказавъ, что мы лишились наилучшаго нашего компаніона и друга, Алексѣя Андреяновича Албычева, поелику онъ всѣмъ обществомъ избранъ въ приказъ Общественнаго Призрѣнія, и будетъ жить уже въ Тулѣ; но съ другой—обрадовалъ насъ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ прочіе остались почти все тѣ же, и что мѣсто его заступитъ Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ. И какъ чрезъ сіе все еще не могло разрушиться совсѣмъ прежнее наше пріятное общество, то хотя намъ и чрезвычайно было жаль г. Албычева, котораго мы искренни и любили, и почитали и уважали, но были по крайней мѣрѣ и тѣмъ уже довольны, что не лишились прочихъ.

Вскорѣ за симъ насталъ у насъ праздникъ Рождества Христова и вмѣстѣ съ

нимъ начались и святки. Но она были сначала какъ-то, по случаю помянутой перемѣны, не очень для насъ веселы. Г. Албычевъ, возвратясь изъ Тулы, начиналъ уже собираться къ отбытію отъ насъ со всѣмъ своимъ семействомъ, и въ третій день праздника далъ намъ у себя послѣдній прощальной обѣдъ. А вскорѣ послѣ того и распрощались мы съ симъ любезнымъ человѣкомъ и проводили его почти со слезами; послѣ чего и самъ я 29-го числа сего мѣсяца въ Москву отправился.

Такимъ образомъ прошелъ и кончился и 1780-й годъ, достопамятной въ моей жизни, во-первыхъ, началомъ издаванія моего «Экономическаго Магазина», познакомившаго со мною всю публику и сдѣлавшимъ всѣмъ почти нима мое съ хорошей стороны извѣстнымъ, ибо я хотя оно и не сказывалъ, но множайшіе знали, кто я таковъ. Во-вторыхъ, основаніемъ нашего театра и представленіями на ономъ, а въ-третьихъ, прямо веселою и пріятною жизнью, каковую мы въ сей годъ проводжали. А что происходило въ послѣдующій, о томъ узнаете вы изъ будущихъ писемъ; а сіе дозвольте мнѣ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 13-го дня 1809 года).

1781.

Письмо 204-е.

Любезный пріятель! Въ какомъ положении и обстоятельствахъ засталъ меня 1781-й годъ, то видѣли вы изъ послѣдняго письма; а теперь, начиная рассказывать вамъ о произшествіяхъ въ сей, также многимъ для меня достопамятной годъ, скажу, что я начало онаго проводилъ въ дорогѣ, ѣдучи изъ Богородицка въ Москву, куда, какъ я прежде уже упомянулъ, отправился еще въ концѣ минувшаго года, на пятый день послѣ праздника Рождства Христова.

Поводомъ къ ѣздѣ сей въ нашу древнюю столицу были разныя произшествія и обстоятельства. Во-первыхъ, писалъ къ

мнѣ возвратившійся за нѣсколько времени до того изъ Петербурга въ Москву князь, мой командиръ, чтобъ я приѣхалъ къ нему со всѣми донесеніями о волостныхъ дѣлахъ и привезъ бы съ собою всю собранную въ отсутствіе его денежную казну. Во-вторыхъ, имѣлъ я и самъ множество кое-какихъ нуждъ въ семь городѣ для исправленія; надобно было кое-что искупить, а паче всего купить себѣ новую карету, ибо прежняя совсѣмъ почти уже изъѣздила; а сверхъ того, хотѣлось мнѣ очень повидаться съ г. Новиковымъ и съ нимъ много кое-о-чемъ поговорить, а особливо о томъ, не возьметъ ли онъ напечатать и книгу мою «О благополучіи человѣческомъ» и другія, какія у меня есть сочиненія и переводы. Наконецъ, повидаться и съ племянницами моими, Травинными, находившимися тогда въ Москвѣ. И какъ все сіе было и кстати, по случаю призыва въземъ меня въ Москву, то и расположился я въ оную и не на короткое время, а недѣли или болѣе съѣздить; и потому, отправивъ туда обозъ съ казною, велѣлъ отвезти и фуража для лошадей казенныхъ, со мною отправляющихся, отправился вслѣдъ за нимъ и самъ 29-го декабря, оставивъ все свое семейство и жену дома, которой хотя хотѣлось-было и самой въ Москву для покупокъ кое-какихъ съѣздить, но какъ она была опять беременна и почти на сносяхъ, то принуждена была остаться дома и препоручить уже мнѣ всѣ надобности свои, при помощи племянницъ моихъ, исправить.

Итакъ, отправившись помянутаго числа и въ Тулѣ побывавъ въ послѣдующій за симъ день у губернатора, которой принялъ меня опять какъ своего друга очень хорошо, поспѣлъ ночевать къ родственнику нашему, г. Кислянскому въ Федешево; а поутру, продолжая свой путь, завернулъ, хотя на самое короткое время, въ свое любезное Дворяниново, гдѣ повидавшись съ братомъ Михайломъ Матвѣвичемъ, успѣлъ побывать и у другого своего деревенскаго сосѣда, г. Басаргина. Тутъ, противъ всякаго чаянія и къ

особливому удовольствію моему, нашель друга моего г. Полонскаго, съ новымъ фаворитомъ его, г. Шинкинѣмъ, также и г. Огаркова. Всѣ они обрадовались меня увидѣвъ, а г. Полонской всѣхъ болѣе, и услышавъ, что я їду въ Москву, просилъ меня, чтобъ я присталъ у него въ новомъ его каменномъ домѣ, сказывая, что у него есть въ немъ нижнія небольшія, но очень спокойныя комнаты, гдѣ мнѣ можно было расположиться и жить сколько мнѣ угодно, а велѣлъ бы я ихъ только вытопить, а до того времени присталъ бы гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; а о семъ услышавъ, братъ мой Михайла Матвѣевичъ предлагалъ мнѣ свой московской домъ, чѣмъ я и былъ весьма доволенъ и поѣхалъ уже на готовую квартиру.

Въ Москву приѣхалъ я передъ вечеромъ, уже 2-го генваря, и расположившись на первой случай въ братниномъ домѣ, спѣшилъ скорѣе нанять себѣ для їзды карету, и съ утра 3-го числа и пустился въ ней по всей Москвѣ рыскать. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ молодому моему командиру и поспѣшить сдать ему казну; но, їдучи къ нему мимо того дома, гдѣ жилъ г. Новиковъ, не утерпѣлъ, чтобъ напередъ къ нему не захватить и съ нимъ, по крайней мѣрѣ, поздороваться. Онъ обрадовался крайне меня увидѣвъ, и принялъ наидружественнѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ; а услышавъ, что я въ Москвѣ-таки сколько-нибудь пожить намѣренъ, просилъ меня нанубѣдительнѣйше, чтобъ я съ нимъ почаще, и если-бы можно, то въ каждой бы день видѣлся и всегда, когда не буду гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ обѣдать, приѣзжалъ бы къ нему вмѣстѣ хлебать щи, поелику онъ теперь уже обжился и свой столъ имѣеть. Я и дѣйствительно нашель его живущаго уже въ верхнемъ этажѣ того дома, въ просторнѣйшихъ и порядочно убранныхъ комнатахъ, и былъ, какъ заѣзжій человекъ, такому приглашенію радъ и охотно обѣщалъ приѣзжать къ нему чаще.

Что касается до молодого князя, то

сей принялъ меня хотя нарочито благосклонно, но все съ прежнею своею княжескою глупою свѣсью и неприступностію, и по пословицѣ говоря, ни горячо, ни холодно. И какъ на вопросъ, долго ли я въ Москвѣ пробуду? я сказалъ, что у меня есть кое-какія и свои нуждишки для исправленія, то воскликнулъ онъ: «О! такъ хорошо-жѣ, живите себѣ сколько хотите, и приѣзжай ко мнѣ временно, чтобъ могъ я съ тобою кое-о-чемъ поговорить. Къ тому-жѣ надобно намъ хлопотать опять съ архитекторомъ, также искупить въ Богородицкой дворцѣ всю пужную мебель, чтобъ можно было въ немъ жить. Мнѣ хотѣлось бы у васъ будущую осень побывать и поѣздить съ собаками».—Очень хорошо, сказалъ я на сіе: мы вашему сіятельству будемъ рады, а въ самомъ дѣлѣ не то думалъ и охотнѣе желалъ, чтобъ онъ сего посѣщенія своего насъ избавилъ.—«Много-ли у васъ въ Богородицкѣ зайцевъ?» продолжая, спросилъ онъ меня даѣе.— Не знаю, отвѣчалъ я: я не охотникъ, и не їзжу, а думаю, что довольно.—«Нельзя и не быть! подхватилъ онъ: мнѣ сказывали, что ихъ много; но какъ у васъ въ сосѣдствѣ есть много охотниковъ, такъ не велика ты ихъ допускать въ дачахъ волостныхъ їздить, чтобъ они у меня ихъ не выгнали, а особливо Власова. Этотъ въ состояніи выгнать ихъ до единого».—Очень хорошо! отвѣчалъ я, и негодуя душевно, что сію матерію почелъ онъ наиважнѣйшею, о чемъ со мною говорить, сталъ ему докладывать о привезенной казнѣ. «Хорошо!» сказалъ онъ, и тотчасъ велѣлъ кликнуть своего секретаря и управителя, и по приходѣ ихъ сказалъ мнѣ: «Сдай вотъ ее мнѣ, а тамъ поѣзжай себѣ куда хочешь, да отыщи нашего архитектора и дни черезъ два побывай съ нимъ у меня».—Хорошо, ваме сіятельство! и пошелъ сдавать казну, а сдавъ ее, поѣхалъ отъ него къ старику отцу его.

Сей принялъ меня уже совсѣмъ инако и обрадовался, какъ свидѣвшись съ роднымъ какиимъ и не могъ довольно изъ-

явить своего удовольствія о томъ, что меня видятъ, и обо всемъ со мною по прежнему наговориться; и не отпустилъ меня безъ обѣда, прося также наубѣдительнѣйшимъ образомъ, чтобъ я во все время пребыванія своего въ Москвѣ прѣзжалъ къ нему какъ можно чаще обѣдать и ужинать, и особливо помогалъ бы ему пріятнымъ сотовариществомъ своимъ длинное тогдашнее и для его, въ уединеніи его, очень скучные вечера. И я съ охотою обѣщалъ исполнить сіе желаніе его и прѣзжать къ нему всегда, когда мнѣ дозволить только время. Сего любезнаго и почтеннаго старика нашелъ я гораздо уже предъ прежнимъ въ слабѣйшемъ состояніи, однако все еще онъ былъ бодръ. У него обѣдала въ сей день дочь его, вдова графиня Салтыкова съ обѣими дочерьми своими и одинъ изъ сыновей его, живущій съ ними, князь Иванъ Сергѣевичъ. Первую нашелъ я очень похожею на своего горделивца брата и набитою также княжескою спѣсью и едва удостоившею меня своимъ разговоромъ, а второго гораздо снисходительнѣйшимъ и во многомъ отиѣннаго отъ своихъ братьевъ. Причиною тому было, что онъ служилъ прежде сего въ морской службѣ, бывалъ въ разныхъ иностранныхъ государствахъ и любилъ читать книги, такъ какъ и тогда нашелъ я его читающаго на англійскомъ языкѣ Куковы путешествія. А сіе и подало поводъ намъ съ нимъ познакомиться и кое-о-чемъ до литературы относящемся поговорить между собою, и онъ съ самаго сего дня сдѣлался ко мнѣ благосклоннымъ. Да и старикъ самъ любилъ читать книги и по днямъ большую часть времени занимался, сидячи одинъ въ комнатѣ, чтеніемъ. Но я нашелъ его читающаго французскую извѣстнаго безбожника Гелфеція книгу, но только удивился, но и содрогнулся даже, узнавъ, что и старикъ сей былъ, по примѣру многихъ, зараженъ до глупости полтеранизмомъ, и находясь при дворѣхъ самаго гроба, не преставаъ обожать Волтера, сего Гелфеція и другихъ подобныхъ имъ изверговъ и раз-

вратителей человѣческаго рода. Чувствительно мнѣ сіе было очень, и я искренно сожалѣлъ о его заблужденіи; но радъ съ другой стороны былъ, что узнавъ сіе благовременно и могъ сообразуясь съ тѣмъ, располагать при разговорахъ съ нимъ свои мѣры.

Отъ князя прѣзжалъ я къ своимъ роднымъ и любезнымъ старикамъ Афрексимовичъ. Сіи также мнѣ обрадовались очень, и узнавъ, что я одинъ и можнъ нѣсколько времени въ Москвѣ, приступили также ко мнѣ съ убѣдительною просьбою, чтобъ я видался съ ними почаще и также прѣзжалъ къ нимъ, когда мнѣ дозволить будетъ время, обѣдать, увѣряя, что они мнѣ всегда будутъ рады какъ родному; отъ чего я и не отсекся и тѣмъ паче, что въ обхожденіи съ симъ умнымъ, опытнымъ и шутивымъ въ разговорахъ любезнымъ старикомъ находилъ особую для себя пріятность и никогда мнѣ у нихъ было не скучно.

Посидѣвъ у нихъ и услышавъ, что въ тотъ день будетъ театръ, успѣлъ еще побывать и въ ономъ, и полюбоваться игрою славнаго тогда актера г. Померандова. Представляли въ сей день комедію «Благодѣтельнаго грубіана» и оперу «Несчастіе отъ кареты».

Симъ образомъ успѣлъ я и въ первой уже день побывать въ мѣстахъ многихъ; а въ послѣдующій за симъ все утро употребилъ на исправленіе кое-какихъ покупокъ, дабы ихъ съ возвращающимися подводами сослать въ Богородицкъ было можно. И какъ г. Новиковъ жилъ подле самыхъ рядовъ, то въ сей день обѣдалъ въ первой разъ у него. Я нашелъ у него столъ и вкусной, и изобильной, и довольное за нимъ общество. У него всякой день обѣдало по нѣскольку человѣкъ изъ его знакомыхъ, оказывающихъ ему отиѣнное уваженіе. Сіе меня, какъ незнающаго еще тогда всѣхъ его связей, поудивило нѣсколько; но какъ не до меня было дѣло, то я, продолжая обращаться съ нимъ просто и дружески, имѣлъ при семъ свиданіи случай переговорить съ нимъ кое-
и кое изда-

ваемомъ «Экономическомъ Магази́нѣ». Онъ изъявлялъ мнѣ крайнее свое удовольствіе о моемъ трудолюбіи и о исправномъ присыланіи къ нему нужной матеріи для печати; и какъ онъ отзывался, что журналъ мой принять публикою съ особеннымъ благоволеніемъ, и число пренумерантовъ часъ-отъ-часу умножается, то сіе и подало мнѣ поводъ шуткою сказать, что посему можно бы ему къ условленной суммѣ мнѣ за труды сколько-нибудь и прибавить. «Трудовъ и мнѣ, сказалъ я, право много. Судите сами — я долженъ работать одинъ-одинёхонекъ и писать такое множество». — «Хорошо, подхватилъ онъ, я и не прочь отъ того, и прибавлю вамъ еще на первой случай 50 рублей, а тамъ посмотримъ, какъ пойдеть дѣло наше впредь и буде хорошо, прибавлю вамъ и еще». Сямъ я былъ и доволенъ. Послѣ сего сталъ онъ мнѣ предлагать, не могу ли я удосужиться перевести еще одну періодическую славнаго въ Германіи сочинителя книгу, которую хотѣлось бы ему также издавать образомъ ежемѣсячнаго журнала, и тотчасъ отыскавъ, сталъ показывать мнѣ ее. Была она духовная, нѣмецкая, сочиненія славнаго г. Тидена и содержала въ себѣ вечернія размышленія на каждой день года. Я, поглядѣвъ нѣсколько на нее, сказалъ ему, что хотя бы я можетъ быть и могъ и къ тому найти довольно времени, но однако надобно посмотрѣть довольно ли будетъ къ тому моей способности и въ состояніи-ль я буду сіе сдѣлать. — «Хорошо! подхватилъ онъ, такъ возьмите-жъ ее съ собою, и поразсмотрѣвъ, буде время вамъ дозволить, испытайте хотя нѣсколько пьесъ изъ ней перевести и мнѣ показать; а кстати не возьмете ли вотъ часть готоваго изъ ней перевода, по которой мнѣ не очень нравится». — Хорошо! сказалъ я, и взявъ книгу и переводъ съ собою.

Отъ него проѣхалъ я къ г. Стрекалову, находившемуся тогда въ Москвѣ, къ которому имѣлъ я тѣмъ болѣе привязанности, что онъ, съ одной стороны мнѣ благопріятствовалъ, а съ другой —

былъ другъ моему командиру и мнѣ могъ при случаѣ пригодиться. Онъ былъ очень доволенъ моимъ прѣздомъ, и я, посидѣвъ у него, поѣхалъ на вечеръ къ старику-князю, у котораго въ сей день и ужиналъ. Я нашелъ его въ совершенномъ уединеніи и лежащаго, по обыкновенію своему, на канапѣ, и провелъ весь вечеръ съ нимъ въ разныхъ разговорахъ, и онъ былъ тѣмъ очень доволенъ; а я старался не отбѣгать отъ него, какъ по искренней приверженности своей къ нему, такъ и для того, чтобъ онъ могъ поддержать меня въ случаѣ какого-нибудь гоненія отъ сына своего, молодого князя, о которомъ зналъ я, что онъ уважаетъ отца своего, и льстился надеждою, что онъ его и любовь его ко мнѣ поуважить и не захочетъ сдѣлать отцу своему неудовольствія.

По возвращеніи на квартиру, принялся я тотчасъ разсматривать взятую у Новикова книгу, и нашелъ ее хотя расписнѣйшею, но для перевода по особому слогу своему не совсѣмъ легкою; однако положилъ испытать переводить оную.

Въ послѣдующій день, что было наканунѣ Крещенія, все утро отыскивалъ я нашего архитектора и проговорилъ съ нимъ о нашихъ строеніяхъ по волости. Дѣло касалось наиболѣе до продолжаемаго все еще построенія бобриковскаго дворца и до иконостаса нашей церкви; и какъ сей день былъ постной, то обѣдать поѣхалъ я къ старику Афросимову, а на вечеръ проѣхалъ я къ знакомцу и пріятелю своему, г. Владыкину. Онъ обрадовался очень меня увидѣвъ, и поздравлялъ съ хорошимъ успѣхомъ моего новаго журнала, проговорилъ со мною весь вечеръ о разныхъ матеріяхъ и не отпустилъ безъ ужина. Сему, крайне меня полюбившему, человѣку долженъ я былъ также обѣщать пріѣзжать почаще для навѣщенія его въ его слабости и болѣзни; а по возвращеніи домой, учинилъ первое испытаніе переводить данную мнѣ Новиковымъ книгу, и успѣлъ, хотя не безъ затрудненія, перевести одну пьесу изъ оной.

Въ день Богоявленія Господня ѣздили мы вмѣстѣ съ архитекторомъ къ молодому князю. Не доѣзжая до него, вдругъ и нечаянно повстрѣчался я съ нашимъ французомъ, богородицкимъ учителемъ, случившимся быть тогда въ Москвѣ. Онъ, увидѣвъ и обрадовавшись, просилъ меня Христомъ и Богомъ посѣтить его на его квартирѣ, сказывая, что она очень недалеко отъ князя, въ нѣмецкомъ трактирѣ и, буде можно, то бы въ тотъ же еще день съ нимъ отобдѣть вмѣстѣ; что я ему охотно и общалъ, и побывавъ у князя и обо всемъ, что надобно было, переговоривъ, дѣйствительно къ нему и поѣхалъ. Я нашелъ его живущаго въ маленькихъ, но покойныхъ комнаткахъ, настроенныхъ на дворѣ того трактира нарочито для приѣзжихъ постояльцевъ; и онъ ну-ка меня угощать чаемъ и шоколадомъ, а потомъ звать съ собою въ трактиръ обѣдать. И какъ обѣдало насъ тутъ человекъ съ двадцать, наиболѣе иностранныхъ, то сіе и напаятовало мнѣ наши кѣнигсбергскіе трактиры, въ которыхъ мы иногда обѣдывали и съ удовольствіемъ свое время проводжали. И находя тутъ точно все то же, воображалъ себѣ, что я нахожусь въ Кѣнигсбергѣ, и минуты сіи были для меня пріятны.

Препроводивъ нѣсколько часовъ въ дружеской компаніи съ г. Дюблуге, поѣхалъ я къ старому князю дожидаться до того времени, какъ надобно въ театрѣ ѣхать, въ которомъ и въ сей день быть хотѣлось, ибо признаюсь, что театръ любилъ я во все продолженіе моей жизни и всегда находилъ въ смотрѣніи на сіи зрѣлища отмінное удовольствіе. Князь какъ мнѣ ни радъ былъ, но не успѣлъ услышать, что мнѣ въ театрѣ быть хотѣлось, не сталъ меня нимало удерживать, но просилъ только, чтобъ я и изъ театра къ нему приѣхалъ и у него ужиналъ, что я ему и общалъ. На театрѣ въ сей разъ представляли «Дезертира» и я съ отміннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ сію пьесу.

На утрѣ ѣздилъ я опять въ ряды для закупанія кое-какихъ вещей, и ѣдучи

туда заѣзжалъ опять къ Новикову, а изъ рядовъ проѣхалъ въ петербургскую книжную лавку, гдѣ купилъ Роленеву «Древнюю Исторію» и нѣкоторыя другія книги, а оттуда къ прежнему знакомцу своему, г. Ридигеру, основавшему уже собственную свою и знаменитую книжную лавку на Ильинкѣ. Сей увидѣвъ меня крайне мнѣ обрадовался, поздравлялъ меня съ счастливымъ успѣхомъ новаго журнала и сожалѣлъ, что онъ не такъ былъ счастливъ, какъ г. Новиковъ. Нашедъ у него превеликое множество всякаго рода иностранныхъ книгъ, вновь только полученныхъ, и какъ разсматриваніе и перебраніе оныхъ составляло наипріятнѣйшую для души моей пищу, то препроводилъ у него въ лавкѣ съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ, купилъ у него нѣсколько разныхъ и надобныхъ мнѣ книгъ, и въ числѣ ихъ новенькой и только что вышедшій нѣмецкой романъ, подъ заглавіемъ «Генриета или Гусарское похищеніе», которой мнѣ какъ-то съ перваго взгляда отмінно полюбился по своему особому слогу; а оттуда проѣхалъ на вечеръ къ князю, и препроводивъ съ нимъ оной, у него ужиналъ.

Въ слѣдующій день вставъ, по обыкновенію, до свѣта, находясь все еще на прежней своей квартирѣ въ домѣ моего брата, занялся я разсматриваніемъ всѣхъ новокупленныхъ своихъ книгъ и препроводилъ въ томъ нѣсколько часовъ съ отміннымъ удовольствіемъ; и какъ ободнело, то поѣхалъ опять въ ряды, и искупивъ кое-что, заѣхалъ изъ нихъ къ Новикову обѣдать, и какъ было еще рано, то имѣлъ я время съ нимъ обо многомъ переговорить. И какъ мы съ нимъ гораздо уже познакомились, то и вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня такимъ же образомъ втянуть въ свое сокровенное общество или шайку масоновъ, какъ учинилъ онъ то со многими уже другими, и съ тѣмъ безсомнѣнно намереніемъ, чтобъ чрезъ то, какъ гранметру сей секты, сдѣлать и меня своимъ съ сей стороны подчиненнымъ и приобрести во мнѣ дароваго работника и всѣмъ сво-

имъ хотѣніямъ и повелѣніямъ безотговорочнаго исполнителя. И для того, завѣдя меня въ свой кабинетъ, началъ меня разспрашивать не принадлежу ли я къ какому-нибудь ордену? Поразился я удивленіемъ, сіе услышавъ, и какъ по счастью былъ я о его масонствѣ и гранметрствѣ отъ г. Владыкина и нѣкоторыхъ другихъ извѣщенъ, то тотчасъ проникнулъ все его сокровенное намѣреніе, и отнюдь не желая дать ему возложить на себя узду и бселя, тотчасъ принялъ всѣ нужныя съ сей стороны предосторожности; и потому на вопросъ его тотчасъ ему отвѣтствовалъ, что нѣтъ, и что я никогда не былъ ни масономъ, ни другимъ какимъ сеѣтистомъ. Не успѣлъ онъ сего услышать, какъ и началъ-было подѣзжать ко мнѣ, по пословицѣ говоря, на полозкахъ и убавлять меня обыкновенными баснями и прельщать меня пышными выгодами ихъ братства, дружества, добродѣтелей и всего прочаго, и заговаривать, чтобъ я также вступилъ въ ихъ общество, съ увѣреніемъ, что я по качествамъ, знаніямъ и достоинствамъ своимъ могъ бы скоро получить между ими знаменитое достоинство.

Нѣсколько минутъ далъ я ему волю говорить и разглаговольствовать какъ онъ хотѣлъ, слушая со вниманіемъ все, что онъ ни говорилъ; но наконецъ ему сказалъ: «Нѣтъ, батюшка, Николай Ивановичъ! дружбу и пріязнь имѣть я съ вами готовъ, а что касается до предлагаемаго вами, такъ покорно прошу меня отъ того уволить. Все, что вы ни говорите въ похвалу вашему обществу, мнѣ давнымъ-давно уже извѣстно, и вы не первые, а меня ужъ многіе и многіе старались склонить ко вступленію въ масонской орденъ и въ другія секты и общества; но я далъ съ молодыхъ лѣтъ на себя зарокъ и самъ себя заклялъ, чтобъ отнюдь не вступать ни въ какой тайной орденъ и сокровенное общество!»—«Подля чего-жь?» подхватилъ онъ.—«А для того, что знаю существованіе, чѣмъ и чѣмъ обязуется васъ и одиакъ намъ христіанамъ маю, что нѣтъ же»

занностей довольно, какими онъ насъ къ исполненію обязуется, и что нѣтъ никакой нужды обязывать себя какими-либо другими должностями, а намъ дай Богъ, чтобъ и тѣ только исполнить, которыми обязуется насъ христіанская вѣра!

Нечего было ему на сіе говорить. Онъ ушнулся и замолчалъ, увидя, что во мнѣ наскочила коса его на камень; но собравшись опять съ духомъ, началъ-было опять свои разглаговольствованія и увѣренія, что орденъ ихъ нимало не противенъ христіанской вѣрѣ, и что я найду истинныхъ ему между ими почитателей, и прочее, и прочее; но я, остановивъ его, опять сказалъ: «Знаю, батюшка, и слышалъ много разъ все сіе, но опять повторю, что какъ бы то ни было, но меня покорно прошу отъ того уволить и въ разсужденіи меня никакого счета не дѣлать. Скажу вамъ прямо, что я клятвы своей до сего времени держался и впредь всегда держаться буду, и потому всѣ ваши убѣжденія будутъ относительно до меня тщетны и труды, употребленные къ тому, напрасны; а что касается до моего къ вамъ искреннаго почтенія и дружбы, то я вамъ ее общаю и безъ того, и вы найдете во мнѣ человѣка, которымъ вы съ сей стороны будете довольны, и о томъ перестанемъ говорить». Нечего было ему опять на сіе сказать, и онъ, боясь, чтобъ меня не отогнать совсѣмъ прочь отъ себя и льстясь, можетъ быть, надеждою, что не удастся ли ему впредь какимъ-нибудь образомъ въ сѣти свои запутать, принужденъ былъ сказать: «Ну, такъ и бытъ! Что мнѣ съ вами, такимъ упрямымъ, дѣлать? но по крайней мѣрѣ испрашиваю я отъ васъ продолженія начатаго вашего дружества и любви!»—«О, что касается до этого, воскликнулъ я, то увѣряю васъ въ томъ чистосердечно, что вы будете мною довольны и въ залогъ того вотъ вамъ моя рука!» Сказавъ сіе и схватя его руку, ударилъ я по ней своею, а онъ въ соотвѣтствіе того обнялъ меня и поцѣловался со мною.

Симъ кончилась тогда у насъ сокровенная въ кабинетѣ его сцена, и мы вы-

шли потомъ въ залъ къ собравшимся къ столу и дожидавшимся насъ его подчиненнымъ, и сѣли обѣдать.

Послѣ обѣда, напившись кофею и поговоривъ еще кое-о-чемъ постороннемъ, поѣхалъ я отъ него на квартиру, и вѣдучи, вспоминая все бывшее до обѣда, самъ себѣ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, государь! Не на такого ты глупца и простачка наналъ, которой бы далъ себя ослабить твоими раздабарами и розказнями, и протянулъ бы тебѣ свою шею для возложенія на нее петли и узды, дабы тебѣ послѣ на немъ верхомъ ѣздить и неволею заставляли все дѣлать, что тебѣ угодно. Не бываетъ тому никогда и не раживаться, чтобъ далъ я тебѣ связать себѣ руки и ноги, а ежели хочешь, то изволь быть моимъ простымъ и обыкновеннымъ другомъ и обходиться со мною какъ себѣ съ равнымъ. Отъ этого мы не прочь, да и только всего!»

Симъ образомъ утвердившись въ своемъ намѣреніи, положилъ я имѣть впредь невозможнѣйшую отъ него съ сей стороны осторожность. И какъ въ тотъ день опять обѣщанъ былъ театръ, то, побывавъ дома и давъ лошадямъ отдохнуть, поѣхалъ я въ оной, а оттуда опять къ старику князю своему ужинать, и сдѣлалъ тѣмъ ему опять удовольствіе превеликое.

Потру въ слѣдующій за симъ день, что было уже 9-го генваря, ѣздилъ я опять къ молодому князю, и поговоривъ съ нимъ о нѣкоторыхъ надобностяхъ, проѣхалъ отъ него для исправленія нѣкоторыхъ казенныхъ покупокъ въ ряды и занялся ими такъ, что и обѣдалъ въ Пѣвческой; и какъ подлѣ ихъ имѣлъ и Ридигеръ свою книжную лавку, то побывавъ у него, посмотрѣлъ еще кое-какихъ книгъ, и вѣдучи на квартиру, заѣхалъ я по дорогѣ опять къ Новикову, которой при семъ свиданіи сдѣлалъ мнѣ опять новое и неожиданное предложеніе. «Завожу я, говорилъ онъ мнѣ, въ разныхъ мѣстахъ государства или въ разныхъ городахъ книжную продажу, дабы чрезъ то по возможности поспѣшествовать нашей литературѣ; а какъ вы жи-

вете вблизи Тулы, то не возьмете-ли вы на себя трудъ прискаты кого-нибудь изъ тамошнихъ жителей, кто бы взялъ на себя комиссію продавать тамъ мои книги. Я бы могъ ихъ къ нему пересылать чрезъ васъ, а онъ за труды своя могъ пользоваться отъ сей продажи десятью процентами, а и вы могли бы то же получать, если бы и у васъ въ Богородицѣ стали-бъ находиться охотники къ раскупанію оныхъ».—Очень хорошо! отвѣчалъ я: въ этомъ я готовъ постараться оказать мою услугу, и въ проѣздъ мой чрезъ Тулу поговорю о томъ кое-съ-кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, и увѣдомлю васъ, если дѣло сіе пойдетъ на ладъ. Симъ онъ былъ очень и доволенъ, а и для меня было сіе не противно, и болѣе потому, что я при семъ случаѣ могъ бы пользоваться даромъ прочитываніемъ всѣхъ сихъ книгъ и не имѣлъ бы нужды въ покупаніи оныхъ.

Въ слѣдующій день обрадовался я узнавъ, что наконецъ приѣхала въ Москву и племянница моя, Надежда Андреевна Травина, и что желаетъ со мною видѣться. Но какъ въ самой сей день хотѣлось мнѣ перебраться на другую квартиру, въ домъ г. Полонскаго, потому что прежняя была очень безпокойна и холодна, а сверхъ того хотѣлось повидаться опять съ Новиковымъ; то приказавъ перебраться безъ себя на новую квартиру, поѣхалъ я къ нему, желая поговорить съ нимъ еще о помянутой продажѣ книгъ, также сдѣлать съ нимъ предварительное условіе и о томъ, не разсудится ли ему пзъ собственныхъ моихъ сочиненій и переводовъ впредь что печатать, а притомъ, чтобъ отдѣлаться какимъ-нибудь образомъ и отъ перевода данной имъ мнѣ Тиденовой книги; ибо какъ переводъ оной показался мнѣ слишкомъ затруднителенъ и могущій отнимать отъ меня много времени, то хотѣлось мнѣ отъ него отказаться. Итакъ, повезъ я ему ее назадъ вмѣстѣ съ переведенными на опытъ пьесами, и сказалъ ему, что хотя бы и могъ я ее по пущѣ перевести, но какъ требуется къ тому

много труда и времени, то не уповаю я ииѣть къ тому столько досуга; а сверхъ того, какъ въ ней есть множество стихотвореній, которыя, не будучи никогда стихотворцемъ, не въ состояніи я нахожу себя перевести, то не найдете ли онъ кого-нибудь поспособиѣе къ тому меня и ииѣющаго болѣе празднаго времени и досуга, и не освободитъ ли меня отъ сей коммиссіи. «Очень хорошо! сказалъ онъ, принимая отъ меня, хотя и не весьма охотно, книгу: знать искать мнѣ кого-нибудь иного, когда вамъ не можно». А я, отдавъ ему, сказалъ, что у меня есть нѣчто похожее на то, и почти совсѣмъ готовое и въ томъ же родѣ и вкуса, мною сочиненное, и не угодно ли ему будетъ, чтобы я къ нему ее переслалъ, дабы въ случаѣ, если она ему покажется, могла-бы она напечатана быть особою книжкою? Сіе говорилъ я о сочиненныхъ мною давно нѣсколькихъ утреннихъ и вечернихъ набожныхъ размышленій. «Очень, очень хорошо! подхватилъ онъ: пожалуйста все, что только у васъ есть сочиненное ли вами, или переведенное, ко мнѣ присылайте. Я все готовъ печатать на свой коштъ, что только мнѣ можно будетъ, и въ этомъ случаѣ возлагайте на меня коммиссію и будьте увѣрены, что съ моей стороны найдете вы во мнѣ исправнаго редактора и будете мною довольны». И какъ самъ и я натурально былъ доволенъ, то сіе подало поводъ къ заключенію съ нимъ предварительнаго о всѣхъ, впредь печатаемыхъ моихъ книгахъ договора, и мы положили условіе, чтобы мнѣ получать отъ него каждой по нѣсколько экземпляровъ, а впрочемъ, смотря по величинѣ книги, денежную плату, чѣмъ тогдашнее наше свиданіе къ обоюдному удовольствію и кончилось.

Переговоривъ съ нимъ обо всемъ, поѣхалъ я отыскивать свою Надежду Андреевну. Сія крайне была обрадована меня увидѣвъ, и я провелъ у ней весь почти тотъ день въ непрерывныхъ разговорахъ, и передъ вечеромъ поѣхалъ отъ ней уже прямо на свою новую и тепленькую и покойную квартиру, гдѣ

услышалъ, что безъ меня старой князь прислалъ ко мнѣ нарочнаго звать меня къ себѣ на вечеръ и ужинать, такъ пріятны были ему мои посѣщенія! Итакъ, хотя мнѣ и не весьма въ сей день хотѣлось ѣхать опять со двора, но принужденъ былъ сдѣлать старику сіе удовольствіе и къ нему вечеръ сидѣть и ужинать ѣхать.

Какъ при свиданіи въ сіе утро съ г. Новиковымъ, у насъ съ нимъ условлено было въ послѣдующее утро съ нимъ счестся, посліку я ему долженъ былъ за полученныя отъ него и пересланныя ко мнѣ кое-какія книги, а онъ мнѣ не платилъ еще слѣдующія за «Магазинъ» деньги, то для сего ѣздилъ я къ нему въ слѣдующій день поутру опять, и при семъ свиданіи разоцнсь мы съ нимъ, какъ водою разлились, и онъ мнѣ отсыпался деньгами и не остался мнѣ ни полупшкою должнымъ, чѣмъ я и исправнымъ его платежемъ былъ и доволенъ.

Кончивъ сіе съ нимъ дѣло, поѣхалъ я отъ него обѣдать къ старику Афросимову, и видѣлъ у него родныхъ его молодыхъ, женившихся около самаго сего времени. Былъ то меньшей его сынъ, Павелъ Аеапасьевичъ. Итакъ, я имѣлъ случай видѣть молодую его и отиѣнно бойкую жену. Въ сихъ гостяхъ пробылъ я до самаго вечера, а ужиналъ и вечеръ сидѣлъ опять у старика моего князя.

Въ слѣдующій за симъ день, по сдѣланному условію, проводивъ все утро дома, поѣхалъ я обѣдать къ Надеждѣ Андреевнѣ, а послѣ обѣда ѣздили мы съ нею въ ряды для исправленія всѣхъ порученныхъ мнѣ отъ жены коммиссіи и ихъ женскихъ покупокъ, и оттуда вмѣстѣ съ нею поѣхалъ къ теткѣ, Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, которая, благопріятствуя намъ, всегда была намъ очень рада, и угощала насъ всячески и не отпустила отъ себя безъ ужина.

На другой день послѣ сего обѣдалъ я опять у своей племянницы, а отъ ней возвратясь на квартиру, занялся писаніемъ домой писемъ и отправленіемъ пріѣзжавшихъ ко мнѣ съ сѣномъ и

шее дѣло просить меня о присылкѣ къ нему порошка изъ него нѣсколько, которой я тогда къ нему и послалъ; и какъ онъ его кое-кому давалъ для испытанія отъ каменной болѣзни, то въ сей день, едва меня увидѣлъ, какъ принося мнѣ за него тысячу благодареній, сталъ мнѣ сказывать, что наканунѣ того дня видѣлъ онъ какого-то себѣ знакомаго человека, излечившагося имъ отъ каменной болѣзни, которою страдалъ онъ болѣе 30-ти лѣтъ, и которому всѣ врачи своими лекарствами не могли подать ни малѣйшей помощи, и что многіе и другіе порошкомъ симъ не нахвалются. А все сіе и подало намъ поводъ говорить о семъ особливаго вниманія достойномъ камнѣ и побудило г. Новикова просить меня, не можно ли мнѣ патолочъ и наготовить сего порошку поболѣе, и завертывая по одному приему въ бумажку, прислать къ нему ихъ. «Я испытаю, говорилъ онъ, не удастся ли мнѣ полезную сію вещь ввести и въ продажу самую, чего она по всей справедливости и стѣдитъ». — Хорошо! сказалъ я, и общалъ и сіе желаніе его, которымъ и самъ я интересовался, по возвращеніи моемъ въ Богородицкъ выполнить. Въ сей день обѣдалъ я опять въ Пѣвческой, чтобъ воспользоваться множайшимъ временемъ для покупокъ и оттуда проѣхалъ домой, и опять все достальное время сего дня занимался чтеніемъ.

Наутріе началось у меня опять рысканье по всему городу и ѣзда дальная. Поутру былъ я въ Нѣмецкой слободѣ у молодого князя для нѣкоторыхъ ему донесеній. Отъ него проѣхалъ въ Сушово обѣдать къ племянницѣ своей, Надеждѣ Андреевнѣ, или паче къ хозяину ея, Петру Ѳедоровичу Полибину, у котораго она въ домѣ стояла. Оттуда проѣхалъ на Прѣсню и былъ у госпожи Глѣбовской, сестры госпожи Афросимовой, и будучи сею умною и почтенною дамою угощенъ, заѣзжалъ отъ ней къ старику-визю, но не заставъ его дома, проѣхалъ домой и докончалъ чтеніемъ романъ свой.

Въ послѣдующій день восхотѣлось мнѣ

побывать въ межевой и выправиться о томъ, что происходитъ по нашему межеванью въ Тамбовѣ. Тамъ видѣлся я со всѣми моими прежними знакомцами и узналъ отъ нихъ, что межеванье наше все еще продолжается и что происходить — они не знаютъ, а говорили мнѣ, чтобъ я приѣхалъ къ нимъ наутріе, такъ они, выправшись, мнѣ скажутъ. Итакъ, поговоривъ съ ними, поѣхалъ я опять къ Новикову, съ которымъ хотѣлось мнѣ поговорить о помянутомъ романѣ. Сему не успѣлъ я сказать, что на тѣхъ дняхъ случилось мнѣ у Ридигера купить между прочими книгами одинъ новенькой романъ, которой мнѣ особымъ и заманчивымъ своимъ слогомъ и пріятностію отъявно правится и даже хочется его перевести, но что я не знаю, согласился-ль бы онъ его напечатать; какъ, противъ всякаго чаянія, г. Новиковъ воскликнулъ: «Ахъ, для чего-жъ не напечатать, а особливо если онъ такъ хорошъ, какъ вы говорите. Сего рода сочиненія и книги еще несравненно скорѣе съ рукъ сходятъ, нежели степенныя. Итакъ, съ Богомъ, батюшка, съ Богомъ, переведите его, и чѣмъ болѣе симъ дѣломъ поспѣшите, тѣмъ лучше; но великъ ли онъ?» — Не очень великъ, и состоитъ хотя въ трехъ частяхъ, но части небольшія и перевести его недолго. — «О, пожалуйста, переведите, чѣмъ вы меня одолжите, и какъ скоро первую часть переведете, то и присылайте ко мнѣ скорѣе. Мы тотчасъ и начнемъ ее печатать». — Очень хорошо! сказала я, и былъ такъ симъ разохоченъ, что того-жъ часу поѣхалъ отъ него на квартиру и приступилъ къ началу сего перевода. И переводъ сей по особому слогу каковъ ни былъ затруднителенъ, но я скоро съ нимъ сладилъ, и дѣло мое и пошло съ такимъ успѣхомъ, что и до наступленія вечера, въ которой собирался я ѣхать опять сидѣть и ужинать къ старому князю, успѣлъ перевести нѣсколько страницъ изъ онаго, и достопамятно, что случилось сіе 18-го генваря.

Какъ мнѣ наутріе надлежало побывать опять въ межевой канцеляріи, гдѣ и въ сей

разъ почти ничего не узналъ, то проѣхалъ я опять къ Новикову, чтобъ показать ему и романъ свой и начало перевода, дабы можно было съ нимъ о цѣнѣ за труды условиться. Онъ удивился, увидѣвъ мой переводъ, и воскликнулъ: «Какъ, вы уже и начало перевода сдѣлали? и успѣли уже столько перевести?» и потомъ, прочитавъ со вниманіемъ и удовольствіемъ, сказалъ: «Прекрасно, и нельзя быть лучше, и когда вы такъ скоро и хорошо переводите, то вамъ недолго и весь его перемахать?»—Конечно, сказала я, ежели-бъ только не помѣшали особые недосуги, то думаю, что немногихъ недѣлъ къ тому довольно будетъ. «Очень же хорошо, батюшка! постарайтесь же какъ можно». Послѣ сего въ тотъ же часъ и условились мы съ нимъ и о суммѣ, которую мнѣ за мой трудъ получить. И какъ она была съ величиною книги соразмѣрна, то и былъ я ею доволенъ. Послѣ чего сказалъ мнѣ г. Новиковъ, что онъ наканунѣ того дня видѣлся съ ихъ университетскимъ кураторомъ и начальникомъ, Михайломъ Матвѣвичемъ Херасковымъ, славнымъ нашимъ стихотворцемъ, и что сей узнавъ обо мнѣ, что я въ Москвѣ, чрезвычайно восхотѣлъ меня узнать лично, и желая со мною познакомиться, просилъ его попросить меня, чтобъ я къ нему приѣхалъ. Такое приглашеніе и исканіе моего знакомства отъ такого именитаго человѣка было мнѣ не противно. И какъ г. Новиковъ, пересказавъ мнѣ о томъ, сталъ совѣтывать и даже просить и всячески убѣждать меня знакомства съ такимъ мужемъ не пренебрегать и къ нему, буде бы можно, въ тотъ же еще день передъ вечеромъ съѣздить, то я и не воспротивился тому и обѣщавъ сіе исполнить.

Поелику мнѣ въ этотъ день надобно было опять побывать въ нѣмецкой слободѣ у своего командира, то, переговоривъ съ Новиковымъ, и пустился туда. Но ѣзда моя въ сей разъ въ такую даль была попустому. Я не засталъ князя дома, и подсадовавъ, опять проѣхалъ обѣдать къ другу моему г. Владыкину,

которой и тогда былъ мнѣ очень радъ и пенялъ мнѣ, что я къ нему такъ рѣдко ѣзжу; но я извинился недосугами и многими хлопотами. Отобѣдавши-же у него, пустился къ господину Хераскову.

Сего генерала засталъ я одного, едва проснушагося отъ отдохновенія послѣ обѣда, и онъ принялъ меня не только безъ наималѣйшей гордости и спѣси, но такъ снисходительно, съ такою ласкою и съ такимъ благопріятствомъ, что я даже удивился и былъ тѣмъ очень доволенъ. И какъ по счастью случились мы одни, то посадивъ меня подлѣ себя и началъ со мною паласковѣйшимъ образомъ говорить. Онъ сказывалъ мнѣ, что я ему уже очень давно знакомъ по моимъ сочиненіямъ и что онъ желалъ узнать меня лично и познакомиться, и теперь очень тѣмъ доволенъ. Потомъ хвалилъ всѣ мои сочиненія, такъ что мнѣ было даже стыдно. Предлагалъ мнѣ свое дружество и просилъ даже вступить съ нимъ въ ученую переписку. Словомъ, онъ такъ меня заговорилъ, что я весь вечеръ сей, занимаясь съ нимъ разговорами о разныхъ матеріяхъ, препроводилъ съ отжѣвнымъ удовольствіемъ, и какъ онъ неотжѣвно хотѣлъ, чтобъ я у него и отужиналъ, то нимало и не воспротивился тому.

Симъ образомъ, нидумано-нигадано, снискалъ я новое и лестное для меня знакомство. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ слыхнулось, что принадлежалъ я сей вельможа къ масонскому ордену и по сей части былъ въ связи съ Новиковымъ, то хотя я обѣщавъ по требованію и желанію его продолжать съ нимъ знакомство, но положилъ и въ разсужденіи его принимать возможнѣйшую осторожность и приѣзжать къ нему не слишкомъ часто.

Итакъ, въ слѣдующее за симъ утро надлежало мнѣ опять ѣхать въ Нѣмецкую слободу къ князю. Тутъ, переговоривъ съ нимъ о нашихъ дѣлахъ, получилъ я приказаніе приѣхать къ нему и наутріе. Таковая частая и въ такую даль ѣзда мнѣ уже и повасучила; но какъ дѣлать было нечего, и я долженъ былъ исполнять его повелѣнія, то отобѣдавъ

въ сей день у старика Афросимова и вечеръ препроводивъ дома въ чтеніи и переводѣ, въ слѣдующее утро и поѣхалъ опять къ молодому князю, которой въ сей день наслы-наслу такъ ко мнѣ удобрился, что унялъ меня у себя въ первой еще разъ обѣдать, а потомъ такъ различился, что спросивъ, не хочу-ли я быть въ концертѣ, даваемомъ въ тотъ день славными виртуозами, подарилъ меня билетомъ на оной; почему и былъ я въ сей день въ концертѣ, которымъ хотя и веселился не менѣе прочихъ, но подивился и не звалъ, за что платять ѣздящіе столь многія за него деньги.

Получивъ и о семъ родѣ увеселенія понятіе, посвятилъ я весь послѣдующій день опять на покупку въ нашъ богородицкой дворецъ, на Каменномъ мосту, мебели и на исправленіе протчихъ казенныхъ покупокъ въ городѣ, и занялся ими такъ, что даженъ обѣдалъ въ городѣ, и бѣгая по рядамъ такъ иззябъ, что пустился оттуда прямо домой и не хотѣлъ-было въ тотъ день никуда уже ѣхать; но какъ приближалось уже время моего съ Москвы отъѣзда и я съ часу-на-часъ поджидалъ лошадей, долженствующихъ пріѣхать ко мнѣ изъ Богородицка для своза мебели и покупокъ, то хотѣлось мнѣ побывать въ послѣдній разъ у старика-князя и съ нимъ распрощаться. Итакъ, я къ нему вечеркомъ ѣздилъ, у него ужиналъ и съ нимъ раскланялся.

Совсѣмъ тѣмъ, я такъ въ сей день въ городѣ и рыская по рядамъ назябъ, что чуть-было не занемогъ отъ простуды, и почувствовавъ признаки оной ну-ка себя скорѣй лечить своимъ неоцѣненнымъ простуднымъ, бывшимъ со мною декоктомъ, и все послѣдующее утро провелъ дома, и декоктъ мой такъ мнѣ помогъ, что я могъ и въ сей день побывать у племянницы своей и завернуть на минутку и къ Новикову, которой и уговорилъ меня дать ему слово въ слѣдующій за симъ воскресной день ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ г. Хераскову обѣдать.

Итакъ, наутріе былъ я опять у сего великожи, и будучи по прежнему очень

имъ обласканъ, обѣдалъ у него со множествомъ другихъ особъ обоего пола, а послѣ обѣда, раскланявшись съ ними, поѣхалъ по данному общанію къ моей Надеждѣ Андреевнѣ и съ нею ѣздилъ я опять въ театръ и провелъ сей вечеръ съ удовольствіемъ.

Наконецъ пріѣхали ко мнѣ въ сей вечеръ изъ Богородицка и подводы и лошади, и какъ мнѣ не хотѣлось ихъ держать, то положилъ я весь слѣдующій день употребить на окончаніе всѣхъ моихъ дѣлъ и на послѣдніе разѣзды. Итакъ, пустившись съ самаго утра, поѣхалъ я сперва откланяваться къ князю, своему командиру, отпустившему какъ казалось съ довольною ко мнѣ благосклонностію. Отъ него заѣхалъ къ Новикову, и отобѣдавъ въ послѣдній разъ у него; распрощался и съ нимъ; а отъ него полетѣлъ въ каретной рядъ и купилъ себѣ давно уже присканную и сторгованную карету, и поѣхавъ оттуда къ Надеждѣ Андреевнѣ, распрощался и съ сею милою и любезною своею родственницею, и тѣмъ все мое тогдашнее пребываніе въ Москвѣ кончилъ; ибо въ слѣдующее заснѣмъ 26-е число генваря ранымъ-ранехонько изъ сей столицы въ обратной путь и выѣхалъ.

Вотъ вамъ, любезный пріятель, о тогдашнемъ моемъ двадцатитрехдневномъ въ старушкѣ-Москвѣ жителствѣ дѣлая исторія или паче журналъ, извлеченной изъ тогдашнихъ записокъ. А теперь дозвольте мнѣ письмо сіе симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 16-го дня 1809 года).

Письмо 205-е.

Любезный пріятель! Отправившись помянутымъ образомъ поутру 26-го генваря изъ Москвы, въ Богородицкѣ возвратился я не прежде, какъ уже 29-го числа передъ вечеромъ, и продолжилось путешествіе сіе потому, что я опять заѣзжалъ на часокъ въ свое Дворяниново; а оттуда, сочтя своего приващика, завернулъ на часъ въ Калединку, а въ сей ранехонько полетѣлъ въ Тулу, гдѣ сто-

бѣдавъ у хозяина своего, Пастухова, бѣдиль повидаться съ живущимъ тогда уже въ Тулѣ другомъ моимъ, Алексѣемъ Андреевичемъ Албычевымъ, обрадовавшимся мнѣ какъ родному; а отъ него проѣхалъ и весь вечеръ просидѣлъ у пріятеля моего, тульского архитектора Козьмы Семеновича Сокольниковъ, котораго любопытнаго, искуснаго и ко мнѣ крайне благопріятствующаго человѣка я очень любилъ, и болѣе за тихой его и доброй характеръ, и пользуясь его ко мнѣ дружбою и ласкою, возложилъ на него комиссію прискаты купца для продажи Новиковскихъ книгъ и основанія въ Тулѣ книжной продажи; что онъ съ охотою и взялъ на себя и обѣщаль поговорить о томъ съ знакомымъ себѣ купцомъ Невревымъ, и о томъ меня увѣдомить.

Въ Богородницѣ нашелъ я всѣхъ своихъ родныхъ и домашнихъ здоровыми и обрадовавшихся весьма моему приѣзду; и успѣлъ еще въ тотъ же вечеръ повидаться и угостить у себя приѣзжавшаго къ намъ нашего городничаго съ г. Толбузинымъ, Иваномъ Васильевичемъ, случившимся въ тотъ день въ городѣ, и они замучили меня спросами и разспросами о Москвѣ, и я принужденъ былъ имъ обо всемъ и обо всемъ рассказывать.

А наутрѣ едва успѣлъ я разобраться и заставить толочь свой врачебной камень, какъ прикатилъ ко мнѣ и новой нашъ уѣздной судья Андрей Сергѣевичъ Арсеньевъ, и пошли у насъ съ нимъ поздравленія, съ его стороны съ благополучнымъ возвращеніемъ, а съ моею—съ новымъ его достоинствомъ; а въ то же время возвратилась къ намъ и бывшая около сего времени въ отлучкѣ матушка моя теща, и съ сего времени начались у насъ опять по прежнему сѣзды и вечеринки и на оныхъ разныя игры и забавы.

Сими сколько я ни былъ занятъ и сколько ни отнимали у меня времени приѣзжавшіе къ намъ всякой день разныя гости, но какъ вскорости надлежало мнѣ отправлять въ Москву нарочныхъ, то спѣ-

шилъ я исправленіемъ первыхъ возложенныхъ на меня г. Новиковымъ комиссій, а особливо переводомъ своей «Генріеты». И въ свободныя утренніе уединенныя часы надъ переводомъ сего прекраснаго романа съ такимъ усердіемъ трудился, что ко 2-му числу февраля успѣлъ уже всю первую часть сей книги кончить и ее уже 3-го числа къ г. Новикову для печатанія и отправить. Вмѣстѣ съ нею послалъ я къ нему цѣлую кипу заготовленнаго для журнала нашего матеріала, цѣлой ящичекъ съ порошкомъ моего врачебнаго камня, котораго укладываніе стоило мнѣ многого труда, и я цѣлой день занимался въ отвѣщиваніи пріемовъ, завертываніи каждаго въ особую бумажку и въ связываніи сихъ по десятку вмѣстѣ для удобнѣйшаго продаванія. Но всѣ сіи труды были напрасны. Какіе по сему отношенію ни строилъ я въ мысляхъ прелестныя воздушныя замки, но они разрушились всѣ и исчезли какъ дымъ; ибо господину Новикову какъ-то не удалось достигнуть до желаемаго имъ возстановленія онымъ торговли, и они остались у него безъ доставленія ни ему, ни мнѣ никакой пользы, а развѣ воспользовались ими тѣ только больные, которымъ раздавалъ онъ ихъ даромъ.

Не успѣлъ я сію комиссію свалить съ плечъ своихъ долой и заняться потомъ переводомъ второй части своего романа, какъ вскорѣ за симъ наступило то критическое время, которое называлъ я всегда душевною для себя каторгою, а именно, приближеніе разрѣшенія бремени жены моей. Не могу изобразить, какъ дни, часы и минуты сіи бывали для меня всегда мучительны. Но въ сей разъ были они для меня несравненно тяжелѣе прежнихъ. Родамъ случилось быть труднымъ и жева моя не только мучилась ими долго, но подвержена была и опасности крайней. А къ вѣщему смущенію, мѣшали намъ все приѣзжающіе издалека къ намъ, какъ нарочно, на ту пору гости и были, по пословицѣ говоря, пуще татаръ намъ. Но какъ бы то ни было, но мы, препроводивъ болѣе сутокъ въ несносномъ почти

смущеніи и душевной тревогѣ, обрадованы были наконецъ ввечеру 8-го числа февраля разрѣшеніемъ бремени ея дочерью, которая хотя была у меня тогда уже пятая, но я нимало о томъ, по обыкновенію своему, не горевалъ, но столько-жъ обрадованъ былъ ею какъ бы рожденіемъ и сына. Малютку сію назвали мы Варварою и на четвертой день послѣ того окрестили.

Какъ родитъ жепѣ моей случилось уже въ понедѣльникъ на масляницѣ, то по случаю и родитѣ сихъ и самой масляницы провели мы всю сію недѣлю съ людьми и въ безпрестанныхъ угощеніяхъ приѣзжающихъ къ намъ гостей, а потому въ разлѣздахъ по всему городу для обыкновеннаго прощанья, и время сіе провели весело.

Съ наступленіемъ великаго поста начали мы по обыкновенію говѣть и молиться, а я въ праздные часы продолжать переводить свою книгу, и трудился надъ тѣмъ съ такою прилежностію, что къ 23-му числу сего мѣсяца успѣлъ ее я всю кончить и 25-го числа отправить къ Новикову и послѣднюю уже часть оной; и примѣчанія достойно, что я надъ переводомъ сей книги, несмотря на всю ея величину и на всѣ бывшіе отрывки и помѣшательства, трудился не болѣе 30-ти дней, слѣдовательно меньше мѣсяца.

Впрочемъ, въ теченіе сего великаго поста не произошло у насъ ничего важнаго. Мы провели оной въ мирѣ и тишинѣ и въ продолжаемыхъ кое-когда, а особливо по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ сѣздахъ, свиданіяхъ и другъ друга угощеніяхъ. Въ началѣ только марта повстрѣвожились мы-было тѣмъ, что сынъ мой Павелъ занемогъ, но по счастью болѣзнь его продлилась не долго, и онъ при помощи друга моего, нашего лекаря, скоро отъ ней освободился и обрадовалъ насъ опять своимъ выздоровленіемъ.

Что касается до monkъ, въ теченіе сего времени, литературныхъ упражненій, то оныя состояли на большую часть въ заготовленіи матеріала для моего журнала, котораго до наступленія весны хотѣлось

мнѣ позаготовить koliko можно богѣе, дабы тѣмъ меньше могъ бы я симъ необходимымъ дѣломъ быть связанъ при наступленіи приближающейся весны. Кроме того, трудился я надъ сформированіемъ того моего сочиненія, которое въ слѣдствіи времени напечатано подъ главіемъ «Чувствованія христіанна при началѣ и концѣ каждаго дня въ недѣли», и о коемъ говорилъ я въ бытность мою въ Москвѣ съ г. Новиковымъ. Первые разсужденія, въ ней находящіяся, сочинены были у меня уже давно и еще во время жителства моего въ деревнѣ, а въ сіе время умножилъ я оныя до 14-ти, дабы ихъ стало на всѣ дни въ недѣлѣ, и успѣлъ даже переписать ихъ набѣло. А какъ и за всѣмъ тѣмъ оставалось еще нѣсколько свободнаго времени, то переписавъ одну, еще въ бытность мою въ Кѣнигсбергѣ переведенную нѣмецкую проповѣдь изъ сочиненій славнаго нѣмецкаго проповѣдника Іерузалема, «О безуміи идущихъ противъ Бога и невѣрующихъ его Провидѣнію», отправилъ ее къ г. Новикову для напечатанія, гдѣ онъ помѣститъ ее заблагоразсудитъ; при которомъ случаѣ увѣдомлялъ его, что охотникъ для продажи книгъ его въ Тулѣ прискавалъ, и чтобъ онъ присылалъ ихъ ко мнѣ.

Далѣе памятно мнѣ, что въ Лазареву субботу случилось мнѣ опять и въ третій разъ въ жизни моей видѣть въ самой близи тотъ воздушной огненной метеоръ, которой простой народъ обыкновенно называетъ «огненными змѣями». И другой, будучи бы на моемъ мѣстѣ, былъ имъ чрезвычайно перепуганъ и почелъ бы его невѣдомо чѣмъ; но я, зная, что это ничего не значить, вмѣсто страха зрѣлищемъ симъ весьма любовался, и оно было того и достойно. Перелеталъ изъ одного мѣста въ другое города, только не болѣе какъ сажень на пять отъ земли, большой огненной, красноватой шаръ, на подобіе нѣкакой горящей бомбы, и можно было ясно рассмотреть, что воспалился и сгорали тогда лежащія протяженною полосою по воздуху сгораемыя вещества такъ, какъ сгораетъ воспаленной и на-

сыпанной гдѣ-нибудь полоскою пороха; и какъ скоро всѣ онѣ сгорѣли, такъ и уничтожилось все зрѣлище, которое мы вдали такъ часто видимъ въ образѣ падающихъ звѣздъ.

День Пасхи былъ у насъ въ сей годъ 7-го апрѣля, во время самой большой ростопели и половодья. И какъ всѣ наши судьи на сіи праздничные дни раздѣлялись по своимъ деревнямъ, то и Святая недѣля была для насъ скучновата, и мы принуждены были время свое дѣлить съ однимъ только нашимъ городничимъ. Но что касается до меня, то я и сіе время, занимаясь литературными своими упражненіями, проводилъ безъ дальней скуки. Я привезъ съ собою изъ Москвы множество вновь накупленныхъ книгъ, которыми, вмѣстѣ съ прежними, усталивалъ почти всѣ стѣны комнаты, служавшей преддверіемъ моего кабинета, и было столько много къ читанію, что нужно было только успѣвать читать оныя.

Съ открытіемъ весны начались натурально опять и мои надворныя занятія, и я большую часть времени принужденъ былъ посвящать разнымъ работамъ и дѣламъ въ садахъ и раздѣздахъ кое-куда по волостнымъ надобностямъ, а по возстановившемуся лѣтнему пути, и по отсутственнымъ друзьямъ моимъ. Къ г. Новикову отправилъ я 22-го апрѣля цѣлую кипу своихъ экономическихъ сочиненій, въ томъ числѣ и самыя тѣ чертежи, которые помѣщены въ концѣ 7-й части моего «Экономическаго Магазина». А 2-го мая послалъ къ нему и помянутыя набожныя свои размышленія или чувствованія христіанина для печатанія, которыя ему такъ полюбились, что онъ ихъ тогда же набирать заставилъ.

8-го числа мая ѣздили мы опять въ Елифанъ на ярманку и объѣздили всѣхъ тамошнихъ своихъ знакомцевъ и пріятелей. А въ половинѣ сего мѣсяца огорчены мы были опять болѣзнию, постигнутою моего сына, которая была хотя не тяжкая и не опасная, но продлилась почти до самого конца сего мѣсяца. И около сего времени занимался паки новою за-

тѣею и сочинялъ книгу, содержащую въ себѣ разговоры со многими дѣтми о разныхъ матеріяхъ, и которую называлъ-было я «Сельскою Академіею», по изъ которой ничего не вышло, хотя и написано уже было разговоровъ шесть и нарочито много, и она осталась и понынѣ неоконченною.

Въ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и не видавъ почти я, какъ протекъ весь апрѣль и май мѣсяцъ, въ которые, по возвращеніи судей нашихъ въ городъ къ своимъ должностямъ, хотя по прежнему продолжались у насъ съѣзды и свиданія между собою и жизнь вели мы хотя довольно пріятную, но она какъ-то далеко не такъ весела была, какъ въ первое трехлѣтіе, а особливо въ протекшіи предъ симъ годъ. Впрочемъ, достопамятно, что въ концѣ мая мѣсяца сего года начались издали уже первыя сватовствы за мою старшую дочь; но мы, по молодости ея, никакъ не намѣрены были такъ скоро отдавать ее въ замужство.

Мѣсяцъ іюнь прошелъ также неприятно, и памятенъ мнѣ только тѣмъ, что въ первой день онаго прислалъ ко мнѣ Новиковъ первую партію книгъ, цѣною на 1,000 рублей, для продажи, и я старался сколько могъ услужить ему въ этомъ пунктѣ и оставилъ у себя по нѣскольку экземпляровъ, прочія отправилъ въ Тулу. Но оныхъ хотя и распродано, какъ въ Тулѣ, такъ и мною въ Богородицкѣ, но по недостатку любопытныхъ не было дальняго въ семъ дѣлѣ успѣха, а воспользовались только мы даровымъ читаніемъ всѣхъ оныхъ.

Въ половинѣ сего мѣсяца перетревожены мы были въ одинъ вечеръ случившимся опять у насъ немалымъ пожаромъ, которому причиною были собственно собаки нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева, страстнаго любителя псовой охоты. Люди его варили на квартирѣ въ слободѣ ѣду для оныхъ и какимъ-то образомъ по неосторожности заронили и чрезъ то спалили цѣлую поповскую слободу. ~~Ихъ всѣ на смерть были симъ пожаромъ.~~ ~~дерева~~ ~~же~~ потому,

что оной былъ въ близости и отъ моего дома и отъ дворца самаго. Но по счастію случилось быть тихой погодѣ и мы успѣли не допустить распространиться слишкомъ сему бѣдствію.

Петровъ день праздновали мы въ Бобривахъ на именинахъ у подкомандующаго моего, г. Верещагина, у котораго было въ сіе время превеликое собораніе и мы тамъ болѣе двухъ дней проводили и довольно весело. Но ярманка у насъ въ Богородицѣ была въ сей годъ, по причинѣ случившейся дождливой погоды, очень малолюдна и худа, такъ что она отяготила только насъ съ городничимъ хлопотами, а удовольствія доставила намъ очень мало.

Впрочемъ, достопамятно, что около самаго сего времени возобновилась у насъ опять охота къ театру, отдыхавшему болѣе полугода. Перемѣна судеб и стеченіе разныхъ другихъ обстоятельствъ причиною тому было, что мы во всю весну за него какъ-то не принимались. Но присылка ко мнѣ отъ Новикова помянутыхъ продажныхъ книгъ, между которыми много было и драматическихъ, и найденіе въ числѣ сихъ послѣднихъ нѣсколько маленькихъ и удобныхъ для представленія на театрѣ нашемъ комедій, воспалили вдругъ въ дѣтяхъ нашихъ превеликое желаніе заниматься опять театромъ; и какъ не противно сіе было и мнѣ, и всѣмъ прочимъ нашимъ товарищамъ, то ну-ка мы отбирать всѣ тѣ пьесы, которыя къ представленію болѣе прочихъ были удобны; ну-ка росписывать роли, назначать кому изъ нихъ въ какой дѣйствовать, и раздавать роли для тверженія. И дѣти, привыкнувшіе уже въ прошломъ году къ тому, принялись за сіе съ такимъ рвеніемъ, что къ случившемуся 11-го іюля воскресному дню и поспѣла у насъ одна подъ названіемъ «Отгадъ, не скажу» къ представленію, и они ее намъ въ сей день съ вождѣннымъ успѣхомъ и представили и насъ ею такъ насмѣшили и утѣшили, что уѣздной нашъ судья, въ благодарность за то въ тотъ же вечеръ далъ намъ и дѣтямъ у себя балъ, сопряженной съ

танцами, а 16-го числа представляли они ее для приѣзжавшихъ къ намъ Верещагинныхъ и госпожи Позняковой и въ другой разъ.

Комедія сія не только дѣтей, но и самого меня такъ опять разохотила къ театральнымъ дѣламъ, что между тѣмъ какъ дѣти твердили другую комедію подъ названіемъ «Приданое обманомъ», вздумалъ я испытать сочинить и самъ еще одну, подобную прежней, драму и также сообразную съ возрастомъ дѣтей нашихъ и самою нашею лѣсною декораціею; и трудился надъ тѣмъ съ такимъ усердіемъ, что она у меня къ концу сего мѣсяца и поспѣла и вышла несравненно еще лучше и трогательнѣе, нежели прежняя. Я изобразилъ въ ней въ главномъ лицѣ характеръ наиблагодѣтельнѣйшаго человека, котораго намъ ренъ былъ самъ представлять, и назвалъ-было сперва пьесу сію «Проѣзжимъ», а потомъ, перемѣнивъ, придалъ ей названіе «Награжденная добродѣтель», и которую безъ слезъ, производимыхъ удовольствіемъ, читать было не можно.

Между тѣмъ, какъ я сочиненіемъ симъ занимался, поспѣла у дѣтей и помянутая другая комедія, которая, по нетерпѣливости ихъ, была ими 26-го числа сего мѣсяца вмѣстѣ съ прежнимъ «Подражателемъ» и представлена, хотя тогда и не случилось у насъ никого изъ постороннихъ. И такъ, у насъ вся послѣдняя половина сего мѣсяца была театальною.

Но не однимъ симъ сей періодъ времени былъ достопамятенъ, но и тѣмъ, что 21-го числа былъ у насъ въ городѣ опять губернаторъ, а 28-го числа и самъ намѣстникъ. Сей заѣзжалъ къ намъ мимоѣздомъ, желая посмотрѣть вновь расположенной, строящейся и довольно уже застроенной тогда городъ. Я предлагалъ было ему для квартированія нашъ дворецъ; однако онъ что-то не захотѣлъ у насъ стать, а присталъ въ городѣ въ одномъ купеческомъ домѣ, гдѣ мы его и встрѣтили. Со мною обошелся онъ и при семъ случаѣ благопріятно, и какъ я его зазвалъ хотя на минуту въ нашъ дво-

рець, чтобъ ему удобнѣе можно было видѣть все расположеніе города, то удовольствовалъ онъ мою просьбу, и будучи очень доволенъ моею выдумкою, чтобъ средоточіемъ всѣмъ главнымъ городскимъ улицамъ назначить сіе мѣсто, расхвалилъ меня за оную; а потомъ на минуту заѣзжалъ и ко мнѣ, и выпросилъ еще одну какую-нибудь русскую книгу для чтанія дорогою, каковою я его и снабдилъ, хотя послѣ и сожалѣлъ очень о томъ, поелику она мнѣ и не была уже послѣ возвращена.

Далѣе памятно мнѣ, что около сего же времени имѣлъ я множество трудовъ и хлопотъ съ нашимъ большимъ прудомъ противъ дворца по случаю портившагося его спуска. Надобно было оной поправлять, укрѣплять и прудъ снабжать для вспомошествованія спуску побочнымъ отводомъ, чѣмъ принужденъ я былъ многіе дни заниматься.

Еще достопамятно, что я около сего времени имѣлъ многую переписку по случаю издаванія моего журнала съ однимъ бѣлевскимъ корреспондентомъ, престарѣлымъ княземъ Щербатовымъ, Иваномъ Петровичемъ. Будучи любопытнымъ и затѣйливымъ челоуѣкомъ и опытнымъ экономомъ, полюбилъ онъ меня какъ-то отменно за мои сочиненія и присылалъ ко мнѣ всѣхъ прочихъ болѣе и даже цѣлыя тетради, наполненныя своими записками и примѣчаніями, чѣмъ я былъ съ одной стороны весьма доволенъ, столько съ другой охалъ даже отъ того, что надлежало мнѣ всѣ его писанія переводить съ русскаго на русскій, ибо писаны были они такимъ нескладнымъ слогомъ, что мнѣ стоило болѣе труда ихъ преобразовать, нежели переводить съ какого-нибудь иностраннаго языка.

Къ началу августа поспѣла у дѣтей еще одна маленькая комедія, называемая «Батвинья», которую они вмѣстѣ съ «Подражателемъ» 2-го числа и представляли и болѣе для удовольствія тетки Матрены Васильевны, заѣзжавшей къ намъ около сего времени. Послѣ чего ѣздили мы опять въ крапивинскую сто-

рону и были у Стрекалова и у всѣхъ тамошнихъ нашихъ друзей. А возвратясь оттуда, ѣздилъ я опять подѣ Данковъ въ гости къ нашему губернатору. Будучи у насъ, взялъ онъ съ меня клятву, чтобъ приѣхать къ нему къ 9-му числу августа, въ которой день былъ онъ именинникомъ; и я, не могши отъ того отговориться, принужденъ былъ опять къ нему 7-го числа отправиться, и былъ имъ всячески угощенъ и опять впрахъ ходьбою по садамъ, по мельницамъ и по всѣмъ мѣстамъ замученъ, и не прежде какъ 10-го числа возвратился въ Богородицкъ.

Тутъ нашелъ я полученныя безъ себя изъ Москвы письма съ пріятнымъ для меня увѣдомленіемъ, что книга моя «Чувствованія христіанина» печатается, а проповѣдь уже и напечатана. Сіе побудило меня затѣять-было еще сформировать одну книгу изъ разныхъ писемъ и мелкихъ правоучительныхъ сочиненій. Но едва только началъ сею новою работою заниматься, какъ вдругъ встревоженъ былъ полученнымъ извѣстіемъ, что князь, мой командиръ, приѣхалъ уже въ свое Сергіевское вмѣстѣ съ своею молодою женою, на которой онъ не задолго до того женился.

Сіе побудило меня тотчасъ послать за Верещагинымъ, дабы вмѣстѣ съ нимъ къ князю туда съѣздить, ибо хотя намъ и не было сіе предписано, но мы разсудили за благо оказать ему сію вѣжливость и по долгу своему отпортовать ему о благосостояніи нашихъ волостей.

Мы отправились туда на Фроловъ день, и ѣзда сія сдѣлалась въ особливости достопамятна мнѣ тѣмъ, что князь принялъ меня тамъ опять не только весьма сухо, но и съ несносною спѣсью и неуваженіемъ. Мы нашли тамъ господина Стрекалова и Темешова, вертящагося предъ нимъ какъ бѣса, и дающаго шутить князю надъ собою, какъ надъ дурачкомъ нѣкакимъ, и многихъ другихъ вѣтрогоновъ, льстецовъ и прихлебателей, старающихся подбитыя къ нему въ любовь и милость по таковой же склонности ко псовой охотѣ, какою зараженъ былъ онъ

самъ даже до безумія, и мы нашли тутъ цѣлую толпу оныхъ. Ибо не успѣли они узнать, что сей бояричъ собирался тогда къ намъ въ волости ѣхать тѣшиться совою охотою, какъ со всѣхъ сторонъ и повалили къ нему толпами и слетались какъ комары и мухи. И какъ онъ всѣхъ ихъ ласкалъ и всякой негодяй мнилъ имѣть право, по правиламъ охотничьимъ, обходиться съ нимъ просто, вольно и за панибрата, то и составила изъ того изрядная компанія, занимающаяся съ нимъ въ самое то время, какъ мы вошли, велемудрыми своими о собакахъ разговорами.

Одинъ только я замѣшался тогда между ими не только не охотникъ, но и ненавидящій проклятую страсть сію всею душою и сердцемъ и презирающій оную. Въ разсужденіи князя я хотя и напередъ уже ожидалъ, что приметъ онъ меня при сей многочисленной толпѣ не очень приятно, ибо зналъ его характеръ, что онъ при людяхъ вѣнчалъ и старался всѣмъ оказывать свою власть и могущество, и свое высокоміріе; однако никакъ не ожидалъ того, что воспослѣдовало дѣйствительно. Онъ не только принялъ меня очень холодно и безъ малѣйшаго уваженія и не хотѣлъ даже внимать донесеніямъ моимъ, и вмѣсто всѣхъ распрашиваній о волостяхъ, ни съ другого слова спрашивалъ меня, есть ли зайцы и много ли ихъ? Я удивился таковой встрѣчѣ и толь чудному, вмѣсто дѣла, вопрошанію, и отвѣчалъ ему, что зайцы есть—въ томъ не сомнѣваюсь; а много ли ихъ, о томъ, будучи не охотникомъ, сказать въ точности не могу.—«Да у тебя, сказываютъ, они всѣ вытравлены!» подхватилъ онъ.— Не думаю, сказалъ я, этому быть невозможно. Никто по волостямъ не ѣздилъ и никого не выпускали.—«Да то-то, правда ли это? ты, небось, пишешь все стишки, а того не вѣдаешь, что ѣздятъ. А я именно приказывалъ тебѣ, чтобъ никого не выпускали».—Никто и не ѣздилъ; а по крайней мѣрѣ отъ меня накрѣпко приказано было никого не выпускать.—«То-то, судырь, приказано! Да приказанія ис-

полняются ли? Изволь-ка ѣхать назадъ и разошли унтеръ-офицеровъ, капраковъ и солдатъ по всѣмъ деревнямъ, чтобъ берегли къ приѣзду моему зайцевъ и никому не давали ихъ травить!»—Хорошо! сказалъ я, и закусивъ себѣ губы отъ досады и негодованія на таковой приемъ, пошелъ вонъ, внутренно смѣючися всему происходившему и такому ревностному и премудрому повелѣнію.

Не успѣлъ я вытти въ намѣренія велѣтъ подавать опять лошадей, чтобъ ѣхать куда-нибудь къ мужику ночевать, какъ, видно усовѣстясь, что онъ поступилъ со мною такъ грубо или, можетъ быть, по совѣту господина Стрекалова, выслалъ князь тотчасъ челоуѣка и велѣлъ меня опять позвать къ себѣ. «Да куда же ты? сказалъ онъ мнѣ при входѣ и спсходительнѣе уже противъ прежняго. Неужели теперь хочешь ѣхать? видишь уже вечеръ! Ночуй, судырь, здѣсь и ногости у насъ! Еще успѣешь приказать. Я не прежде къ вамъ буду, какъ развѣ чрезъ мѣсяцъ».—Хорошо! сказалъ я, и остался, и не только тутъ почевалъ, но и весь послѣдующій день по приказанію его пробылъ. И въ сіе время обходился онъ со мною гораздо уже благосклоннѣе, а особливо потому, что господинъ Стрекаловъ меня очень уважалъ и обходился со мною, какъ доброй пріятель; спрашивалъ меня кое-о-чемъ о волостяхъ, рекомендовалъ своей молодой нягнѣ и наконецъ отпустилъ, подтвердивъ опять приказаніе свое о зайцахъ, и сказавъ, чтобъ я опять передъ тѣмъ временемъ, какъ ему къ намъ ѣхать, побывалъ у него.

Будучи съ господиномъ Верещагинымъ назадъ, не могли мы довольно всему происходившему и поступкамъ князя удивиться, и говорили, уже нѣтъ ли отъ кого какихъ на насъ наумокъ и клеветъ? и г. Верещагинъ, будучи въ такихъ случаяхъ прозорливѣе меня, подозрѣвалъ болѣе всѣхъ въ томъ Темешова; но мнѣ не хотѣлось тому никакъ вѣрить, ибо я считалъ сего, издавна мнѣ знакомаго челоуѣка, по его всегдашнему и ласковому

обращенію со мною, хорошимъ себѣ пріятелемъ. Впрочемъ, всего досаднѣе мнѣ было то, что князь опять попрекалъ меня писаніемъ стихковъ. «Что это за стихи ему попались? думалъ я, и не происходитъ ли и сія негѣпница отчего-нибудь намъ неизвѣстнаго?»

Но какъ бы то ни было, но я, возвращаясь въ Богородицкѣ, принужденъ былъ разослать дѣйствительно всѣхъ своихъ солдатъ и капраловъ во всѣ мѣста по деревнямъ съ накруѣчайшимъ подтвержденіемъ о береженіи зайцевъ и невпусканіи никого въ волостныхъ дачахъ ѣздить съ собаками. И всѣ удивлялись и не понимали, почему была такая строгость, ибо всѣмъ извѣстно было, что и безъ того никто дѣйствительно не ѣздитъ, и крестьяне, которымъ давно было приказано, никого не впускали.

Учинивъ сіи распоряженія, радовался я по крайней мѣрѣ, что мы будемъ нѣтъ цѣлой мѣсяцъ еще спокойствіе прежнее, и принялся-было съ спокойнымъ духомъ за прежнія свои упражненія. Но не успѣло трехъ дней пройти, какъ получилъ я отъ побѣжавшаго къ Стрекалову г. Верещагина письмо, повергнувшее меня въ новое изумленіе. Онъ увѣдомлялъ меня, что князю угодно, чтобъ во время будущаго его у насъ пребыванія были бы у насъ наши театральныя представленія, и чтобъ я предварительно сдѣлать къ тому нужныя приуготовленія. Таковое неожиданное совсѣмъ извѣстіе и изумило, и удивило меня. Не понималъ я, по какому случаю вздумалось князю сего отъ меня требовать, и почему онъ узналъ о нашемъ театрѣ, которымъ утѣшать его всего менѣе у меня на умѣ было; ибо послѣднимъ своимъ поступкомъ такъ онъ меня и смутилъ, и огорчилъ, что я помышлялъ уже театръ свой и расковеркать совсѣмъ, дабы князь и не узналъ объ немъ и я не могъ бы и за него нажить отъ него себѣ какихъ попрековъ. И потому долго не соглашался я самъ съ собою въ мысляхъ, исполнить ли сіе княжеское требованіе или дѣло сіе подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ

отклонить отъ себя. Наконецъ, совѣты друзей и знакомцевъ моихъ, утверждающихъ, что князь вѣрно хочетъ симъ позабавить молодую свою жену, и мысли, чтобъ неудовлетвореніемъ его въ семъ случаѣ желанія не навлечъ на себя еще болѣе его гнѣва и неудовольствія, убѣдили меня приступить къ исполненію сего.

Итакъ, созвавъ дѣтей, просить я ихъ, чтобъ протвердили они вновь всѣ наши прежнія пьесы, равно какъ доучивали скорѣе вновь твердимую ими комедію «Рогоносецъ въ воображеніи». А и самъ положилъ прибавить къ театру своему нѣкоторыя новыя украшенія для умноженія разнообразности нашихъ декораций, дабы онѣ монотоніею своею не могли скоро будущимъ гостямъ нашимъ прискучить, а въ каждой бы разъ была въ декорацияхъ какая-нибудь перемѣна. Совсѣмъ тѣмъ, чтобъ самому мнѣ брать въ представленіяхъ соучастіе, о томъ никакъ не хотѣлъ и мыслить.

Впрочемъ, достопамятно, что я въ самой тотъ же день имѣлъ пріятное удовольствіе видѣть прежде упоминаемую мною проповѣдь господина Іерузалема напечатанною. Г. Новиковъ помѣстилъ ее въ издаваемомъ тогда въ Москвѣ ежемѣсячномъ изданіи, и хотя по самому сему случаю я за переводъ свой и не получилъ никакой особенной награды, но доволенъ я былъ и тѣмъ, что она напечатана и что г. Новиковъ прислалъ ко мнѣ ту часть сего журнала.

Вскорѣ за симъ принуждены мы были угощать у себя проѣзжавшую чрезъ нашъ городъ нашу губернаторшу, г-жу Муромцову, которая у насъ ночевала и на другой день у меня обѣдала. А не успѣли мы ее съ рукъ своихъ сжить и наступить сентябрь мѣсяцъ, какъ принялись уже мы пристальнѣе за нашъ театръ и пошли у насъ всѣмъ пьесамъ репетиціи за репетиціями и представленія за представленіями. Сіи послѣднія предпринимали мы, сколько для лучшаго подтвержденія и поправленія нашихъ актеровъ при помощи случившагося у насъ около сего

времени быть опять господина Кошелева, столько и для приѣзжавшихъ къ намъ въ теченіе первой половины сего мѣсяца кое-какихъ гостей.

Итакъ, перваго числа сего мѣсяца представили дѣти комедію «Приданое обманомъ»; второго — «Необитаемой островъ» и «Рогоносца»; въ третій, по случаю приѣзжавшей къ намъ въ гости госпожи Бакунинной, опять «Рогоносца» и «Приданое обманомъ»; въ четвертой для ней же опять «Необитаемой островъ» и «Приданое обманомъ»; въ пятой опять «Рогоносца» и «Отгадай, не скажу»; въ шестой опять «Приданое обманомъ». И мы съ господиномъ Кошелевымъ замучили почти впрахъ дѣтей нашихъ сими частыми и ежедневными представленіями; но за то и выправилъ онъ ихъ такъ, что они всѣ сии пьесы представляли предъ прежнимъ несравненно уже лучше, и мнѣ очень жаль было, что онъ отъ насъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ, и что не могъ быть съ нами во время пребыванія у насъ княжова.

По отъѣздѣ его, далъ я дѣтямъ съ недѣлю времени отдохнуть, а самъ занимался сии дни рисованьемъ; когда же начало приближаться то время, въ которое надлежало мнѣ опять ѣхать къ князю, то заставилъ я дѣтей еще подтвердить и представить на театрѣ нѣкоторые пьесы, а потомъ предъ самымъ моимъ уже отъѣздомъ представили они 17-го числа еще «Необитаемой островъ» и комедію «Отгадай, не скажу», а 18-го числа «Рогоносца въ воображеніи» и «Батвинью», и настроивъ симъ образомъ дѣтей и учинивъ по волости и во дворцѣ всѣ нужныя къ приѣзду князя приуготовленія и получивъ извѣстіе, что онъ изъ Сергіевска уже отправляется, поѣхали мы съ г. Верещагиннымъ сперва къ г. Стрекалову, и узнавъ отъ него, что князь уже изъ Сергіевска выѣхалъ и находился въ тотъ день у Темешова въ гостяхъ, поѣхали уже къ сему, гдѣ нашли князя, угощаемого наработоплѣннѣйшимъ образомъ хозяиномъ. Сей изгнбался предъ нами ужемъ и жабою и не зналъ, какъ его угостить,

и повидимому, невѣдомо какъ кичился тѣмъ, что удостоенъ былъ посѣщеніемъ отъ такого гостя, и что умѣлъ его угощать и подчивать.

Князь принялъ меня нарочито благосклонно; но первое его слово было опять о зайцахъ, въ гоняньи за которыми препроводилъ онъ все сіе время; и какъ наутріе, позавтракавъ, поѣхали они опять со псами своими въ лѣса г. Темешова, то велѣлъ онъ намъ проводить княгиню свою въ село къ г. Стрекалову, куда въ ночи и самъ прѣбыть изволилъ.

Тутъ нашли мы всѣхъ сестеръ Верещагинныхъ, дожидавшихся приѣзда княгинина, дабы успѣть предварительно съ нею обрекомендоваться и подбѣяться къ ней въ милость. Я подивился только ихъ оборотливости, но будучи въ послѣдующій день отпущенъ отъ князя, возвратился въ Богородицкѣ для ожиданія его приѣзда. Они же пустились опять въ рощи и лѣса для истребленія бѣдныхъ зайцевъ.

Симъ окончу я сіе письмо, и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и проч.

(Декабря 17-го дня 1809 года).

Письмо 206-е.

Любезный пріятель! Наконецъ воспослѣдовало столь давно ожидаемое, но нельзя сказать, чтобъ вожделѣнное прібытіе его сіятельства, князя. Было сіе уже 23-го сентября, и мы встрѣчали его не какъ благодѣтеля и любимаго нами начальника, съ спокойнымъ и радостнымъ духомъ, но какъ нѣкакого змѣя, или страшнаго медвѣдя и съ духомъ весьма смущеннымъ и боялись, чтобъ онъ уже при самой встрѣчѣ не опрокинулся на насъ по своему бѣшеному нраву; ибо какъ отъ приѣхавшаго къ намъ прежде всѣхъ брата его, князя Ивана Сергѣевича, а потомъ и княгини, со всею ея свитою, узнали мы, что князь, по безпредѣльной страсти своей къ звѣриной ловлѣ, не восхотѣлъ и сего дня потерять, но расположился отъ Стрекалова проѣхать со псами своими все полями и лѣсами; а особ-

ливо по переѣскамъ, подѣвъ волостного села Іевлева находящимся, то молили и просили мы Бога, чтобы ему подалось тутъ на глаза нѣсколько зайцевъ, дабы онъ тѣмъ сколько-нибудь былъ утѣшенъ, ибо вѣдали, что въ противномъ случаѣ неудачею онъ всего легче могъ взбѣшоновъ быть. И по счастію въ семъ случаѣ желаніе наше и совершилось. Зайцы попались и князь повеселился—таки довольно травлю, а сіе и было причиною, что приѣхавъ онъ нарочито въ веселомъ духѣ.

Онъ расположился со всѣми съ нимъ приѣхавшими гостями и со всею своею свитою во дворцѣ нашемъ и во флигеляхъ, и весь оной наполнился множествомъ народа, а внутренность всего замка премногимъ множествомъ экипажей, повозокъ, лошадей и собакъ борзыхъ и гончихъ, и воздухъ возсталъ отъ дая и воя сихъ небывалыхъ до сего гостей въ Богородицкѣ. Словомъ, съ приѣздомъ его все у насъ оживотворилось и все начало дышать псовою охотою и едиными почти разговорами о лошадяхъ и псахъ смердящихъ. Не могу довольно изобразить, сколь отяготителенъ сдѣлался мнѣ уже съ самой первой минуты сей приѣздъ его и сколь многими трудами, хлопотами и заботами обременилъ онъ и меня, и жену мою, и всѣхъ моихъ подкомандующихъ. Всѣхъ-то надобно было помѣстить, всѣхъ успокоить, всѣхъ снабдить всѣми нужными потребностями, и не только всѣхъ гостей и людей, но и самыхъ лошадей и собакъ его. Я безъ души долженъ былъ туда и сюда бѣгать, раздавать мои приказанія и дѣлать мои распоряженія; а и женѣ моей довольно было трудовъ, заботъ и попеченій о пристройкѣ и о успокоеніи всѣхъ гостей, приѣхавшихъ съ княземъ, которыхъ было—таки довольно; ибо приѣхавъ съ нимъ не только помянутой братъ его, князь Иванъ Сергѣевичъ съ своею женою, но и Стрекаловъ съ своимъ семействомъ, всѣ госпожи Верецагинны. А изъ мужчинъ, нѣкто изъ фаворитовъ княжихъ, г. Ермавъ, человекъ хотя умной, но весьма хитрой, лукавой и угрюмой. Жена моя хотѣла

по приѣздѣ еще княгини явилась къ ней, и хотя принята была ею безъ дальней ласки и съ довольнымъ хладнокровіемъ, что ее не мало удивило и смутило; но, несмотря на то, должна она была, какъ хозяйка, пещись обо всемъ нужномъ для успокоенія ея и всѣхъ гостей ихъ, и за всякою бездѣлицею то и дѣло посылать къ себѣ въ домъ, и то то, то другое приносить приказывать; а сіе всего болѣе ее и отягочало. Съ другой стороны приступали дворецкіе и повара княжѣ съ гордыми и даже повелительными и непомярными требованіями своими, то того, то другого, потребнаго имъ къ столу и на поварню. Ибо, хотя князь для виду и приказалъ все нужное покупать, но можно-ль было все и въ короткое время доставать въ такомъ маленькомъ городишкѣ покупками и обойтись безъ того, чтобы большую часть всѣхъ потребностей не брать отъ насъ. Но мы о томъ уже и не говорили, а досадна была только намъ непомярность ихъ грубыхъ требованій и гордыхъ взысканій, для чего то и другое не скоро имъ доставляется. Словомъ, уже и въ первой вечеръ сей было намъ превеликое множество не только хлопотъ и заботъ, но и досадъ самыхъ. Но я уже переносилъ все то съ терпѣніемъ, а доволенъ былъ, что по приѣздѣ своемъ обошелся князь со мною довольно сносно и благосклонно.

Не успѣли они переночевать, какъ и затѣялъ—было князь уже въ послѣдующее утро назначить свой формальной выѣздъ на охоту; но случившаяся дурная въ сей день погода его осадила и принудила остаться дома. Итакъ, вмѣсто зайцевъ, пошли мы съ нимъ ловить въ прудахъ карповъ и паловинъ ихъ множество. Послѣ того принималъ онъ у себя всѣхъ приходившихъ къ нему на поклонъ кушцовъ городскихъ съ ихъ обыкновенными приносами, а потомъ и всѣхъ судей нашихъ. Онъ принялъ всѣхъ ихъ съ обыкновеннымъ своимъ надменнымъ духомъ и не хотѣлъ никому изъявить ни малѣйшаго уваженія, кромѣ нашего уѣзднаго судьи, г. Арсеньева; но и сему единственно

только потому оказывалъ болѣе своего снисхожденія, что сей былъ такой же страстной охотникъ, какъ и онъ, и что онъ могъ съ нимъ говорить о своихъ зайцахъ и собакахъ. Самое сіе и побудило сего лукавца тотчасъ прильнуть къ нему и подольщаясь къ князю своими работными почти прислужничествами, льстить ему безстыднѣйшимъ почти образомъ, чему мы всѣ только смѣялись.

Вскорѣ за симъ съѣхалось еще нѣсколько человекъ изъ живущихъ въ окрестностяхъ дворянъ, такихъ же цесовыхъ охотниковъ; и князь былъ имъ радъ и угощалъ ихъ какъ бы какихъ именитыхъ людей, хотя нѣмнѣе изъ нихъ совсѣмъ того не стояли и мнѣ были незнакомы. И какъ князю всѣ тамошнія и удобныя къ звѣрной ловлѣ мѣста не были еще коротко извѣстны, то и начались у нихъ тотчасъ о томъ думанья и совѣщанья, куда и куда ѣхать, и съ которыхъ мѣстъ начинать, и какими кончить. Вмигъ нашлись тогда изъ приѣхавшихъ къ нему прихлебателей такіе, которые брались его всюду и всюду водить и ему показывать мѣста лучшія, хотя имъ самимъ были они всего меньше извѣстны. Меня, удивляющагося только всему тому, не только не спрашивали, но и не приказывали ѣхать съ собою. Ибо какъ я спросилъ, прикажетъ-ли онъ мнѣ готовиться ѣхать съ ними, то сказалъ мнѣ князь: «Нечего дѣлать! Ты не охотникъ! а оставайся лучше дома здѣсь съ княгинею!» чему я нѣкоторымъ образомъ и радъ былъ. Ибо какъ, къ несчастію, наилучшія мѣста для звѣрной ловли удалены и лежали верстъ за 20 и за 30, то поутру надлежало бы каждой день съ ними, сломя голову и быстрѣе нежели на почтовыхъ, туда скакать, тамъ во весь день съ ними по полямъ и лѣсамъ таскаться, а по окончаніи дня, и ночью въ темнотѣ опять безъ памяти скакать обратно въ Богородицкѣ. А таковыя безпокойства были бы для меня слишкомъ скучны и отяготительны; почему, хотя мнѣ и хотѣлось быть при князѣ безотлучно, дабы не могло произойти какихъ каверзъ,

но какъ онъ самъ меня отъ ѣзды сей освободилъ, а всякой день приказывалъ оставаться дома, то было мнѣ сіе и не противно.

По окончаніи всѣхъ сихъ премудрыхъ и важныхъ конференцій и совѣтовъ, вспомнилось ему какъ-то и о нашемъ театрѣ, почему подозвавъ меня къ себѣ сказалъ: «Какъ же бы, Андрей Тимоѣевичъ, показать-то бы намъ вашъ театрикъ?»—Что, ваше сіятельство! отвѣчалъ я ему: театр нашъ будто какой правской и стѣить ли того, чтобъ вашему сіятельству его смотрѣть! Онъ ничего не значить. Между тѣмъ, ежели вашему сіятельству угодно, то онъ у меня къ тому времени будетъ готовъ, какъ приказать изволите.—«Сегодня-жъ бы ввечеру! подхватилъ онъ. Книжнѣ моей хочется его въ особливости видѣть, да и мы всѣ посмотримъ».—Очень хорошо! сказалъ я, и пошелъ повѣщать дѣтямъ и прочимъ, чтобъ собирались.

Итакъ, въ этотъ вечеръ и было у насъ первое представленіе, для котораго назначили мы «Необитаемой островъ» и комедію «Приданое обманомъ». И князь, вошедъ въ оной, удивился, увидѣвъ весь театръ наполненной народомъ и услышавъ загремѣвшую при самомъ входѣ его музыку, заигравшую симфонію; ибо, чтобъ придать нашему театру болѣе блеска, то выписали мы сію заблаговременно отъ г. Сахарова.—«Тебя, братецъ, театрикъ какъ водится!» сказалъ князь, ко мнѣ обратившись. Но какъ подняли занавѣсъ и открылась наша прекрасная декорация, то удивился онъ еще больше.—«Браво! браво! воскликнулъ онъ, это хоть бы куда! изряднехонько, право! Смотри, пожалуй, какъ онъ смастерилъ! «А не менѣе поразились сею неожиданностію и прочіе съ нимъ бывшіе и театра нашего еще не видавшіе. Игра дѣтей нашихъ, исправившихъ въ сей вечеръ дѣло свое очень удачно, всѣмъ имъ также полюбилась и всѣ смотрѣли на нее съ примѣтнымъ удовольствіемъ, а особливо князь Иванъ Сергѣевичъ, которой игрою моего малютки сына не могъ налюбоваться довольно, и то и дѣло былъ въ ладоши. Когда же начали

играть комедію и появился на сценѣ нашъ Сезеневъ, то такъ всѣхъ всею игрою своею насмѣшилъ, что всѣ громко и до слезъ почти хохотали, и онъ до того даже ихъ удивилъ, что князь спросилъ меня: «Да гдѣ ты, братецъ, такого удалого старика подѣшилъ? Онъ и на правскомъ бы театрѣ дѣла своего не испортилъ».—А какихъ бы дѣтъ почитали-бы вы его? спросилъ я князя.— «По крайней мѣрѣ дѣтъ сорока или пятидесяти», сказали онъ.—А вмѣсто того, онъ только четырнадцати дѣтъ и одинъ изъ моихъ сродниковъ, живущій при мнѣ и учащійся.—«Нѣтъ, право! воскликнулъ князь, это удивительно и этому никакъ бы я не повѣрилъ. Пожалуй, покажи ты мнѣ его по окончаніи дѣйствія». То-же говорили и желали его видѣть и всѣ прочіе. И я принужденъ былъ ему его представить послѣ, и всѣ не могли довольно восхвалить его за его способность и умѣнье такъ хорошо притворяться и представлять во всей формѣ старика. Словомъ, представленіями нашими всѣ были очень довольны и изъявляли мнѣ свою благодарность, прося, чтобъ и въ послѣдующіе дни доставилъ я имъ такое же удовольствіе.

Сія меня порадовало и такъ ободрило, что я началъ-было ласкаться надеждою, что дѣло пообойдется и у насъ все будетъ хорошо. Но какъ жестоко я въ томъ обманулся и какъ мало могъ предвидѣть тогда, что воспослѣдовать имѣетъ послѣ!

Не успѣлъ послѣдующій день настать, какъ князь съ превелкою гурьбою и отправился на охоту, пригласивъ съ собою и нашего уѣзднаго судью, г. Арсеньева, чему сей до безконечности и радъ былъ. Мы, провожая князя, желали, чтобъ случай ему благопріятствовалъ и чтобъ удалось ему надолго поболѣе зайцевъ. И какъ мы въ томъ почти не сомнѣвались, то и ласкались надеждою, что онъ оттого еще болѣе повеселѣетъ и къ намъ сдѣлается добрѣе. Почему проводивъ его старались всѣ мы о томъ, чтобъ княгиня безъ него быдо не скучно. Всѣ наши городскія госпожи сѣхались дѣлать съ нею время, а я заставилъ въ залѣ играть

музыку и употреблялъ все, что только можно было къ доставленію ей множайшаго удовольствія.

Наконецъ наступилъ вечеръ и съ онимъ возвратился князь съ охоты, и что-то не весьма веселымъ. Любопытствуя узнать и разспрашивая у людей, не произошло ли въ полѣ чего? и удачно-ли было поле? услышалъ я отъ нихъ, что зайцевъ хотя и натравили они нѣсколько, но что князь былъ что-то все не веселъ, всѣхъ бранилъ и ругалъ и все сердился, а за что, того они сами не вѣдаютъ. Сіе привело меня въ изумленіе и заставляло думать. Однако, какъ наступило уже время для театра, то доложилъ я князю, прикажеть-ли онъ?—«Хорошо! отвѣчалъ онъ; но пускай идетъ княгиня, и ты позабавь ее, а я усталъ и возьму отдохновеніе». И такъ, въ сей день ходили въ театръ только княгиня со всѣми гостями своими, а князь остался въ своихъ комнатахъ съ нѣсколькими изъ своихъ прилебателей, и занимался разговорами съ ними о своихъ собакахъ.

Въ сей вечеръ дали мы двѣ комедіи: «Рогоносца по воображенію» и «Отгадай, не скажу». И какъ дѣти и сіи представляли очень удачно, то княгиня и всѣ прочіе, бывшіе съ нею, также и князь Иванъ Сергѣевичъ были тѣмъ очень довольны и при окончаніи просили, чтобъ и въ послѣдующій день я имъ также что-нибудь велѣлъ представить.—«Очень хорошо! сказала я. Если вашему сіятельству только угодно, такъ театръ опять будетъ и дѣти постараются и завтра доставить вамъ удовольствіе».

Какъ у князя за непремѣнное правило положено было ѣздить всякой день въ поле, то отправились они и въ послѣдующій за симъ третій день на охоту, а мы между тѣмъ просили княгиню посѣтить насъ въ нашемъ домѣ; и какъ она оттого не отреклась, то и постарались угостить ее у себя всячески и доставить ей наибольшаго удовольствія, чѣмъ она, будучи очень добраго характера, казалась быть и весьма дово
конецъ,
1 былъ

въ сей день веселѣе; и какъ подѣхали къ нему въ сей вечеръ, съ одной стороны другъ его г. Власовъ, а съ другой—бормоть Темешовъ, то не только не отрекся итти въ театръ, но пошелъ еще охотно, желая равно какъ пощеголать имъ предъ приѣзжими гостями своими.

Въ сей вечеръ дали мы опять двѣ комедіи: «Новопріѣзжіе» и «Три брата совѣстника», и игрою дѣтей пашинъ были опять всѣ очень довольны и не могли довольно приписать похвалъ имъ. Самъ г. Власовъ смотрѣлъ на представленія ихъ съ удовольствіемъ и также не хотѣлъ вѣрить, чтобъ г. Сезеневу нашему было только 14-тъ лѣтъ, а не больше, и я, по просьбѣ князя, принужденъ былъ и ему показывать его въ натурѣ.

Но сей разъ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, былъ уже и послѣдній, что мы театромъ нашимъ веселились. Книгинѣ хотя и хотѣлось—было очень, чтобъ мы представили ей и драму нашу «Несчастныя сироты»; и какъ сію сперва никакъ-было не хотѣлось мнѣ представлять, поелику въ сей пьесѣ надлежало бы мнѣ самому дѣйствовать на театрѣ, но какъ многіе ко мнѣ приступали о томъ съ просьбою, то рѣшился-было на то опуститься. Но, съ одной стороны, отѣздъ любезнаго князя Ивана Сергѣевича, а съ другой—приѣздъ помянутыхъ гостей, Власова и Темешова, все наше дѣло испортили, и переиѣна во всемъ сцену произвелъ то, что вмѣсто того, что все у насъ до сего времени шло хорошо и ладно, пошло у насъ все на опоко и начались такія глупости и вздоры, что намъ было уже не до театровъ, а напротивъ того всѣ мысли наши заниматься стали уже иными помышленіями, а сердца наполняться досадами и неудовольствіями.

Чтобъ объяснить вамъ, отчего произошло сія всего меньше мною ожидаемая переиѣна, надобно мнѣ, прервавъ на часокъ нить моего повѣствованія, возвратиться нѣсколько назадъ и рассказать нѣкоторыя побочности.

Мѣсто мое по всѣмъ выгодамъ, сопряженнымъ съ онымъ, уже давнымъ-

давно прельщало собою многихъ и были люди, которые скрытно въ томъ мнѣ не только завидовали, но и желали въ сердцахъ своихъ меня, буде бы только можно было, съ онаго столкнуть и выгнать меня самимъ водариться, не помышляя и не заботясь о томъ нисколько, имѣютъ ли они довольно всѣхъ нужныхъ къ тому способностей. Въ числѣ сихъ тайныхъ завистливыхъ и моихъ по сему случаю недоброхотовъ были отчасти такіе, которые молодому князю были по разнымъ случаямъ знакомы, а отчасти и совсѣмъ незнакомые до того. И потому первые давнымъ-давно начинали князю наговаривать на меня всякую всячину и выдумывать на меня всякія клеветы и небывицы, и тѣмъ издалека и сокровеннымъ образомъ приводить меня къ нему въ ненависть. Но куда продолжалось правленіе стараго князя, то ничего дальнаго имъ успѣть противъ меня было не можно, а произвели они только то, что и тогда молодой князь сдѣлался ко мнѣ не весьма хорошо расположеннымъ, что и доказалъ онъ въ первой своей приѣздѣ къ намъ съ отцемъ своимъ. Но какъ скоро вступилъ онъ въ правленіе волостями и сдѣлался моимъ командиромъ, то возобновилась ихъ надежда къ сверженію меня изъ моего мѣста. Они возобновили вновь всѣ свои злоухищренія, клеветы и наговоры на меня, и тѣмъ подали поводъ ко всѣмъ тѣмъ непріятнымъ явленіямъ, которыя происходили въ прежней и первой приѣздѣ князя сего къ намъ, какъ уже полнаго нашего командира, и о которыхъ я уже упоминалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ. У князя по симъ наговорамъ и тогда уже на умъ было отрѣшеніе меня отъ сего мѣста, и по самому тому, желая чѣмъ-нибудь ко мнѣ прядратся и старался онъ помянутымъ образомъ, разгнѣвая по волости и встрѣчнаго и поперечнаго шильническимъ образомъ разспрашивать, выводить изъ ума и всячески добиваться, не произойдетъ ли на меня какой ему жалобы. Но какъ онъ всѣми своими ухищреніями не могъ ничего успѣть, и не нашадъ ничего, чѣмъ бы меня обви-

нить было можно, то сколько сіе, а того болѣе извѣстная ему любовь ко мнѣ старика-отца его и удержала его тогда отъ причиненія мнѣ какого-нибудь оскорбленія; а сверхъ того, нашедъ у меня все въ порядкѣ и увидя множество моихъ трудовъ и стараній обо всемъ, да и всѣ способности къ управленію волостями, и совѣстно ему было что-нибудь злое предпріять противъ меня; а сіе и попримирило-было меня съ нимъ нѣсколько и поутоновило и завистниковъ и недоброхотовъ моихъ въ ихъ противъ меня злоухищреніяхъ.

Но какъ скоро слухъ о томъ распространился, что князь къ намъ опять сею осенью и наглавнѣйше за тѣмъ приѣдетъ, чтобъ поѣздить ему по волостямъ съ собаками, то воспламенилось въ нихъ опять желаніе испытать не можно ли имъ, пользуясь симъ случаемъ, какимъ-нибудь образомъ довести князя до того, чтобъ онъ меня отрѣшилъ отъ мѣста и опредѣлилъ на оное кого-нибудь изъ нихъ другого. Но какъ надобны были къ тому какія-нибудь важныя причины и съ моеи стороны вины, заслуживающія такую немилость, а таковыхъ они, къ прискорбію своему, не находили, то злобныя, коварныя и завистливыя ихъ сердца и внушили имъ самыя бездѣльническія и плутскія средства и такія злоухищренныя выдумки и клеветы, которыми надѣялись они достигнуть до желаемого. А именно, они расположились воспользоваться въ семъ случаѣ пылкимъ и вздорнымъ княжымъ правомъ и извѣстными имъ его слабостями и пристрастіями. Они положили въ гнусномъ и мерзкомъ совѣтѣ своемъ привести чѣмъ бы то ни было его на меня въ большую досаду и сердце; и какъ не сомнѣвались они, что онъ въ бѣшенствѣ своемъ непременно оскорбитъ меня обидными словами, то за вѣрное полагали, что я не снесу такихъ оскорбленій и самъ рѣшусь проситься въ отставку, а сіе имъ было только и надобно; ибо не сумнѣвались они, что тогда князь меня въ тотъ же мигъ и оставитъ, поелику вѣдали, что онъ и безъ того уже

по ихъ же собственнымъ наговорамъ и клеветамъ расположенъ былъ ко мнѣ не очень хорошо и самъ собирался меня при первомъ способномъ случаѣ отрѣшить и на мѣсто мое опредѣлить другого.

Предполагая сіе, стали они вымышлять, чѣмъ бы такимъ удобнѣе имъ было произвести коварное намѣреніе свое въ дѣйство, и что-бъ такое найти для разгораченія и взбѣшенія князя. Чтобъ произошло на меня отъ крестьянъ жалобы и просьбы, того не могли они никакъ надѣяться, ибо знали, что всѣ крестьяне безпристрастными, честными и кроткими моимъ правленіемъ были весьма довольны; къ очерненію меня инымъ чѣмъ также они ничего не находили, ибо вѣдали, что я ничѣмъ не былъ замаранъ. Итакъ, другого не нашли, какъ взять прибѣжище къ безпредѣльной княжеской псовой охотѣ и воспользоваться извѣстнымъ его всегда бѣшенствомъ въ такихъ случаяхъ, когда не найдеть онъ зайцевъ; также, буде можно, употребить на вспоможеніе къ тому прежде упомянутое дѣло по винной продажѣ и выставкамъ. И какихъ, и какихъ дьявольскихъ средствъ и выдумокъ они при томъ не придумали и не пригадали, и до какихъ дурачествъ глупыми своими затѣями не довели князя!

Теперь было бы слишкомъ пространно рассказывать въ подробности всѣ многочисленные ихъ шильничества и гнусныя выдумки и уловки, какими, спачала приѣзда княжова еще въ Сергіевское, старались они смутить и раздражить на меня князя; а коротко только скажу, что самой описанной, грубой его меня приемъ былъ по ихъ ко мнѣ милости, и что изъ числа ихъ наиболѣе всѣхъ ухищралъ такой человекъ, котораго я почиталъ себя всегда другомъ и отъ котораго я того всего меньше чаялъ, а именно бормотунъ мой старинной пріятель, Алексѣй Нововичъ Темешовъ. Удивительнѣе всего, что и сему, такъ сказать, гаведу восхотѣлось, столкнувъ меня, быть на моемъ мѣстѣ!

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія ***
между тѣмъ какъ мы ис

зомъ въ первые дни пребыванія у насъ князя занимались театрами и угощеніями и ввязъ разѣзжалъ по ближнимъ къ Богородицкѣ мѣстамъ за охотою, сей негодной человѣкъ ковалъ наизгѣйшіе противъ меня ковы, и устраивалъ самую адскую къ поврежденію меня машину, и нарочно для того не поѣхалъ вмѣстѣ съ княземъ къ намъ, а остался на нѣсколько дней будто бы дома; но вмѣсто того, всѣ сіи дни употребилъ на разнюхиваніе по волости о такихъ мѣстахъ, гдѣ не было или до крайней мѣрѣ не примѣтны были зайцы. И какъ скоро все къ произведенію своего замысла устроилъ, то поманутымъ образомъ и прискакалъ къ намъ въ Богородицкѣ и съ обыкновеннымъ своимъ смѣшнымъ бормотаньемъ убѣдилъ князя ѣхать наутрѣ съ собаками своими въ помянутое мѣсто, увѣряя его, что тамъ найдеть безсомнѣнное множество зайцевъ.

Я, ничего не зная и не вѣдая о всѣхъ вышеупомянутыхъ прозшествіяхъ, о которыхъ узналъ я уже послѣ, и не воображая себѣ нимаго, что надъ главою моею всходила мрачная туча съ страшною бурей и грозой, спокойно проводилъ князя, отѣзжавшаго почти съ свѣтомъ вдругъ на охоту, съ обыкновеннымъ пожеланіемъ, чтобъ ему поле было удачно; а самъ сталъ помышлять о томъ, чѣмъ бы занять въ сей день княгиню, и уговорилъ жену г. Арсеньева пригласить ее къ себѣ, которую она и удостоила своимъ посѣщеніемъ.

Какъ то мѣсто, куда они тогда поѣхали, отстояло отъ Богородицка болѣе, нежели за 20-ть верстъ, то было уже почью какъ они возвратились съ поля и прискакали къ намъ въ темнотѣ, въ Богородицкѣ. И что-жъ воспослѣдовало и какая неожиданная сцена! Князь не успѣлъ войтить въ компаты, какъ и опрокинулся на меня, какъ лютейшій звѣрь и не только заоралъ во все горло, изливая на меня свой княжеской гнѣвъ, но и началъ даже оскорблять такими словами, которыхъ ни съ характеромъ его, ни съ моимъ и ни съ какимъ разумомъ не были сообразны. Я оцѣпенѣлъ даже отъ изу-

мленія, увидѣвъ и услышавъ такую неожиданность, и не зналъ чѣмъ бы такимъ я проступился и чѣмъ заслужилъ отъ сего молодого барыча такой гнѣвъ, какого не можно бы ожидать и отъ самого государя за важное и государственное какое преступленіе! Но удивленіе мое еще несказанно увеличилось, когда услышалъ я тому и причину и узналъ, въ чемъ состояла вся тяжкая вина моя, заслуживающая гнѣвъ толикой. Все дѣло въ томъ только состояло, что онъ ѣздилъ въ сей день несчастливо и его поле было неудачно, и онъ не нѣсколько десятковъ, а только два или три зайца затравилъ, и по несчастію лишился своей любимой собаки, убившейся какъ-то до смерти, что его наиболѣе и взбѣсило

— «Я тебѣ именно и накрѣпко приказывалъ (говорилъ или паче ревелъ онъ), чтобъ разослалъ ты вездѣ солдатъ и велѣлъ накрѣпко беречь зайцевъ и всѣмъ старостамъ накрѣпко подтвердить, чтобъ никого ѣздить не пускали, а ты этого не сдѣлалъ, приказанія моего не исполнилъ! и волость вся выѣзжена и зайцевъ нѣтъ ни одного, всѣ вытравлены! возможно ли!... какъ могъ ты отважиться сего не исполнить!...»

— Все это исполнено! (отвѣчалъ я съ хладнокровіемъ возможнымъ), и я не думаю, чтобъ кто ѣздилъ; а что зайцевъ нѣтъ или мало, за то я ручаться и отвѣтствовать не могу».

— «Ты говоришь: исполнилъ! (заревѣлъ опять князь), а я тебѣ сказываю, что нѣтъ.... нѣтъ.... нѣтъ!... Я разспрашивалъ самъ старосту той деревни, и самъ своими ушами отъ него слышалъ, что вчерась же какіе-то у нихъ охотники ѣздили и всѣ мѣста вытравили, и что къ нимъ ни присылки отъ тебя никакой не было, ни приказанія никакого они не слыхали, слышишь-ли?»

— Чудно для меня это и непостижимо! (сказалъ я, пожавъ плечами), я не знаю, гдѣ вы ѣздили и были; а что солдата тамъ не случилось, это легко стать-ся можетъ; ибо солдатъ у меня не такъ много, чтобъ ихъ во всѣ деревни стало,

и можетъ быть посланной солдатъ былъ въ сіе время въ другой деревнѣ. А чтобъ присылки никуда не было и приказаній не слышали, — это для меня непонятно, потому что я самъ лично, и всѣмъ до единого старостамъ и начальникамъ, и не однажды, а нѣсколько разъ приказывалъ и подтверждалъ накрѣпко.

— «Ты говоришь: приказывалъ! (заревѣлъ еще пуще того князь), а я тебѣ говорю, что нѣтъ!... нѣтъ!... нѣтъ!... и слышишь, самъ староста... староста той самой деревни, мнѣ—мнѣ самому сказывалъ!—Но я уже васъ! я!... я!... я!... научу уже себя знать и исполнять мои повелѣнія!... пошелъ, судырь, съ глазъ моихъ долой!...»

Кровь моя хотя вся, какъ въ котлѣ, въ сію минуту кипѣла, а особливо какъ я увидѣлъ, что всѣ прихлебатели его, отварачиваясь, улыбаются и смѣялись и у всѣхъ радость и удовольствіе на глазахъ была написана, и всѣ, такъ сказать, моему незгодью мысленно и душевно радовались. Но никто меня такъ не удивилъ и досаденъ не былъ, какъ дѣлающей то же самое и помянутой Темешовъ вмѣстѣ съ судьей нашимъ Арсеньевымъ, отъ которыхъ я сего никакъ не ожидалъ. Но совсѣмъ тѣмъ я имѣлъ въ критическія минуты сіи столько терпѣнія и столько философическаго хладнокровія, что, вѣдая изъ опытности, что дальнѣйшими оправданіями подождешь только болѣе пламень гнѣва, а ничего не сдѣлаешь, за лучшее признавалъ обуздать стремительство ума и сердца, и не давъ языку болѣе воли говорить, замолчалъ и пошелъ дѣйствительно вонъ для обстоятельнѣйшаго развѣдыванія обо всемъ происходившемъ на полѣ.

Всѣ ненавистники мои вѣявъ тогда надо мною восторжествовали и ни одинъ изъ нихъ не сомнѣвался, что достигъ до желаемого, что не перенесу я никакъ такого оскорбленія и обиды, и что въ тотъ же еще вечеръ или на другой день подамъ бумагу и буду проситься въ отставку. Каждой изъ нихъ, будучи въ томъ увѣренъ, помышлялъ уже просить-

ся на мое мѣсто; и не успѣлъ я вытти вонъ, какъ всѣ стали перешептываться, смѣяться, поджигать князя еще болѣе и къ нему подольщаться раболѣпнѣйшимъ образомъ, оправдывая его справедливой гнѣвъ и меня обвиняя, ласкаться несомнѣнною надеждою въ полученіи своихъ желаній.

Но, по несчастію ихъ, попали они не на такого человѣка, и въ мнѣніяхъ и заключеніяхъ своихъ обо мнѣ крайне ошиблись. Къ несчастію ихъ, находился я, какъ уже прежде упоминалъ, въ молодости моей нѣсколько лѣтъ въ командѣ еще гораздо вздорнѣйшаго и вспыльчивѣйшаго генерала и такіа пыли не только видалъ, но такъ къ нимъ привыкъ, что не только научился ихъ съ хладнокровіемъ, но и способамъ преодолевать оныя. А сія практика и опытность помогла мнѣ и сей случай съ такимъ терпѣніемъ и хладнокровіемъ перенести, что они, услышавъ, что меня все сіе очень мало трогало и я никакого дальшаго смущенія и безцокойства не изъявлялъ, пожимали только плечами отъ удивленія и изумленія, и не знали что обо мнѣ заключить и какимъ почестъ меня человѣкомъ.

Но я, давъ имъ волю судить обо мнѣ какъ хотять, и смѣючись внутренно глупости и сумасбродству князя, пошелъ съ досадою на такую неожиданность въ канцелярію свою, чтобъ разспросить и распроедвать о томъ подробнѣе отъ ѣздившихъ съ княземъ въ сей день на охоту. И теперь подивитесь Промыслу Господню и тому, какъ оной спасаетъ невинность, ежели ему то угодно, и чему тогдашній мой примѣръ служить наиснѣйшимъ доказательствомъ.

Не успѣлъ я притти въ канцелярію какъ тотчасъ призвавъ къ себѣ ѣздившаго съ княземъ жоака, канрала, сталъ обо всемъ разспрашивать его обстоятельно. Но какъ удивился я, услышавъ его, хотя и подтверждающаго тоже, но съ досадою говорящаго: «вольно имъ ѣздить тамъ, гдѣ зайцевъ никогда не бывало. Я сколько ни отговаривалъ имъ и сколько

ни звалъ въ лучшія мѣста, но меня не послушали; а все господа уговорили его туда ѣхать».

— Да гдѣ-жъ это васъ Богъ носилъ? спросилъ я.

— «Да подлѣ Рогачей самыхъ», сказалъ капраля.

— Да кто-жъ ему тамъ нагородилъ околесную, и что будто никакихъ приказаній не было отъ меня?

— «Богъ его знаетъ! Вѣдь онъ, судырь, не пропуститъ ни одного человѣка, на погѣ-ли, на дорогѣ-ль, и у всякаго выѣдываетъ. Говорятъ, у какого-то мужика онъ спрашивалъ на погѣ, и этотъ мужикъ ему что-то насказалъ».

— Да онъ говоритъ, что будто самъ староста той деревни ему то сказывалъ. Но тому-то я дивлюсь и не понимаю, какъ старостѣ можно сказать ему сіе; не всѣмъ ли я именно самъ приказывалъ?

— «Да какъ, судырь, это можно! (подхватилъ при семъ словъ одинъ изъ кучи мужиковъ, случившихся тогда въ канцеляріи). Господи помилуй! Да о своей ли мы головѣ, чтобы намъ запереться! (и сказавъ сіе, перекрестился). Да и пѣзъ мужиковъ самыхъ, Богъ знаетъ, кому это можно сказать; кажется отъ меня всѣмъ именно было приказано, а развѣ какой сувиный сынъ, бездѣльникъ, и не пѣзъ нашихъ рогачевскихъ, а нашихъ никакъ это нельзя!»

— А что, развѣ ты изъ Рогачей, мужичокъ? (спросилъ я).

— «Да какже, отвѣчалъ онъ, я и староста-то самъ!»

— Какъ! подхватилъ я, ты староста рогачевскій? Но о тебѣ-то князь и говорить, что ты ему сказывалъ, что и повелѣніевъ не было не пускать никого, и что вчера тамъ кто-то ѣздилъ и всѣхъ зайцевъ вытравилъ.

— «Какъ это можно! (удивясь и перекрестясь еще разъ, сказалъ мужикъ). Господи помилуй! Напраслина кака! Да я тамъ, судырь, и не былъ, и вотъ шлюсь на всю канцелярію, что я вотъ уже третій день здѣсь безотлучно въ канцеляріи».

— Что ты говоришь? (подхватилъ я, удивясь и обрадуясь такой неожиданности). Не въ правду ли такъ? и ты тамъ не былъ?

— «Конечно, судырь, не былъ, и вотъ всѣ это скажутъ».

Тогда всѣ канцелярскіе подтвердили мнѣ его показаніе и вмѣстѣ со мною дивились сему произшествію и не понимали, какимъ образомъ очутился тамъ другой староста; и говорили: ужъ не самозванецъ ли какой то былъ и не игрушка ли кѣмъ тутъ сыграна? Я самъ не зналъ, что помыслить и не менѣе всѣхъ дивился сему случаю, и сталъ также подозрѣвать не интрига ли чья скрывается подъ сею исторіею, и не изволилъ ли кто подшутить изъ господъ охотниковъ надо мною?

Потомъ, сказавъ мужичку сему: «Постой же ты, мой другъ, здѣсь на часокъ», побѣжалъ прямо чрезъ дворъ къ князю, и заставъ его, распивающаго чай съ своими друзьями и уже утишившагося и съ веселымъ духомъ и съ шутками объ охотничьихъ своихъ подвигахъ и дѣлахъ разговаривающаго, подступилъ къ нему и сказалъ:

— Дозвольте мнѣ, ваше сіятельство, спросить, подлѣ какой деревни изволили вы ѣздить? и какой староста доносилъ вамъ?

— «Подлѣ Рогачей! (сказалъ князь, и обратясь къ товарищамъ своимъ, спросилъ:) кажется такъ, господа?»

Всѣ въ одинъ голосъ закричали тогда, что точно такъ, что было то подлѣ самыхъ Рогачей, и что сказывалъ то именно рогачевской староста.

— Этому быть нельзя, государи мои! (отвѣчалъ я). Старосты рогачевскаго тамъ не было. Онъ во весь сегодняшний день былъ здѣсь, и уже третій день какъ находится въ канцеляріи для нѣкотораго дѣла.

— «Какъ! (закричалъ князь). Пошли мнѣ его сюда! я хочу его видѣть!»

Тотчасъ за старостою побѣжали и староста предсталъ.

— Нѣтъ, это не онъ! и на того не по-

ходить, (сказалъ князь, и тотчасъ съ суровостію опрокинулся на старосту): Ты староста рогачевскій?

— Я, ваше сіятельство, и уже третій день какъ здѣсь.

— «Да кто же такой это мнѣ тамъ скazyвалъ. Не другой-ли какой вашъ начальникъ? Кто у васъ тамъ еще есть—сотскій или десятникъ?»

— У насъ есть тамъ десятникъ; но и тому нельзя было связывать, и тотъ съ утра сегодня здѣсь былъ.

— «Пошли мнѣ его сюда!»

Тотчасъ побѣжали, смыкали и привели и десятскаго, а вмѣстѣ съ нимъ вошелъ и другой мужикъ,

— Вотъ и десятской! сказалъ староста, указывая на одного изъ нихъ.

— «Нѣтъ, и это не тотъ! сказалъ князь. Тотъ мужикъ высокой, ражій, рыжій, и съ большою бородою. А это что за мужикъ?»

— Нашъ же рогачевскій, сказалъ староста, и теперь только приѣхалъ оттуда.

— «Ну, вотъ кстати! подхватилъ князь. Вотъ онъ намъ все скажетъ. Ну, слушай, мужикъ, скazyвай намъ истину, и какъ передъ Богомъ: было ли вамъ отъ управителя приказаніе, чтобы никого не пускать со псовою охотою?»

— Какъ, сударь, не быть! закричали они во все горло всѣ, и не одинъ разъ; а сверхъ того и капрагъ къ намъ на сихъ дняхъ приѣзжалъ съ тѣмъ же подтвержденіемъ и побѣжалъ отъ насъ въ Валово.

— «Слушай, мужикъ, не лжешь-ли ты, не подучень-ли? Я тебѣ скazyваю, что я тебя на ваторгу пошлю, если ты говоришь неправду!»

— Да дай Богъ мнѣ съ мѣста не сойти, ежели это неправда, скazyвалъ мужикъ.

— «Да для чего-жъ вы не исполнили того, и съ собаками ѣздить пускали?»

— Да когда это, и кого? подхватилъ мужикъ.

— «Да вчера», сказалъ князь.

— И! что вы, ваше сіятельство! у насъ никто вчера не ѣздилъ; да статошное-ли дѣло, чтобы мы кого впустили?

— «Да какъ же, мнѣ вашъ же какой-то

давеча скazyвалъ и назывался еще старостою».

— Не знаю уже того, ваше сіятельство! а старосты нашего дома не было; онъ былъ здѣсь, въ городѣ, и я къ нему приѣхалъ только теперь.

— «Да есть-ли у васъ такой мужикъ, какъ я говорилъ, рыжій, большой?»

— У насъ такого и во всей деревнѣ нѣтъ! сказалъ мужикъ.

— «Какъ же это, братцы? сказалъ князь, обратясь къ гостямъ своимъ, это что-то мудрено и непонятно.»

— Я уже не знаю! подхватилъ я подсе слово, и теперь оставляю о томъ судить уже вашему сіятельству. А что касается до меня, то я иного не заключаю, какъ что скazyвавшему вамъ такую неправду надобно быть какому-нибудь сумну, бездѣльнику, подосланному и наученному отъ такого-жъ какого-нибудь сумина сына и бездѣльника, чтобы только васъ разсердить.

Говоря симъ образомъ отъ досады, я никакъ воображалъ, что говорилъ, не вѣдал, самую истину, и что самой тотъ, который и научалъ въ сей клеветѣ собственнаго своего мужика и велѣлъ назваться старостою, находился тутъ же и стоялъ отъ меня въ нѣсколькихъ шагахъ и слышавъ все сіе, и блѣднѣлъ и мертвѣлъ; а послѣдними моими словами такъ сраженъ былъ, что чуть-было не захлебнулся чаемъ и не уронилъ чашки. Былъ то, какъ я послѣ узналъ, помянутой г. Темешовъ.

Итакъ, вотъ какія бездѣльническія выдумки и средства употребляемы были нами господами къ разгоряченію князя и оклеветанію меня. Но невинность сама собою оправдалась, а вкупѣ посрамила и господъ смѣхъ, злодѣйствовавшихъ мнѣ. Они грызли себѣ и губы и пальцы отъ досады, что не удалось имъ ничего сдѣлать и закусилъ языкъ такъ, что не кушнулъ больше. Но я, по крайней мѣрѣ, восторжествовалъ тогда надъ ними, и былъ въ особенности доволенъ, что неварочное стеченіе обстоятельствъ послужило мнѣ въ явное оправданіе, а вкупѣ

и самому князю урокомъ для переду, чтобъ онъ не всему, возводимому на меня, въриль.

Симъ кончилась тогда сія первая мнѣ и глупая передрыга. Я, выговоривъ помянутыя послѣднія слова, пошелъ домой и оставилъ ихъ, посрамленныхъ, судить о томъ, какъ имъ было угодно.

Но я усталъ уже пересказывая вамъ такой вздоръ и мнѣ пора письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я емъ вашъ и прочее.

(Декабря 19 дня 1809 года).

Письмо 207-е.

Любезный пріятель! Князю какъ ни совѣстно было смотрѣть на меня, толь невинно и несправедливо имъ обиженного, и какъ ни старался онъ проступокъ свой заглядить ласковѣйшимъ со мною обращеніемъ, а особливо ввечеру послѣдующаго дня, когда, ѣздивши въ тѣ мѣста, куда подымалъ его наканунѣ того дня мой капитанъ, возвратился съ поля въ превеликой радости и въ полномъ оттого удовольствіи, что наѣхалъ зайцевъ тьму и затравилъ ихъ болѣе пятидесяти; и какъ ни подтвердилъ ему сей случай, что зайцы отнюдь не были отравлены, но поелику посрамленные злодѣи мои нимаго тѣмъ не унылись, и онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ посягающими на меня, изъ единой зависти и недоброхотства, и не престававшими возмущать духъ его всякой день всякими на меня клеветами и влословіями, то ласковое обращеніе его со мною не долго продлилось. Ибо, какъ между нами не одинъ, а человекъ пять было такихъ, которымъ хотѣлось быть опредѣленными на мое мѣсто, и всѣ они, хотя другъ отъ друга таились, но въ главномъ пунктѣ были одинаковаго расположенія, и всѣ старанія ихъ устремлены были къ одной цѣли, а именно, чтобъ меня лишить моего мѣста, то и старались они, другъ предъ другомъ, непрерывъ всячески и кто какъ лучше зналъ, раздражать князя на меня всякими коварными и злоухищренными внушеніями, то, не

давая ему почти покоя, скоро довела его, наконецъ, до того, что онъ самъ уже желалъ найти что-нибудь похожее на дѣло, за чтобъ можно было ему отрѣшить меня отъ мѣста, а сіе и причиною было, что все вышеупомянутое происшествіе и мнѣ, и всѣмъ мнѣ подкомандующимъ помогло очень мало, и что во всѣ остальные дни, которые онъ тогда у насъ прожилъ, были для насъ весьма непріятны и преисполнены несмѣтнымъ множествомъ досадъ и огорченій. Уже не помогала нимаго и счастливая травля и гоньба зайцевъ; но онъ, будучи напоенъ внушеніями льстецевъ и ежедневно вновь на меня раздражаемъ, возвращался всякой день къ намъ сердитымъ, неприступнымъ и ко всѣмъ къ намъ такимъ суровымъ, какъ бы лютому какому звѣрю быть надобно; а не удовольствуясь тѣмъ, старался еще непрерывно все и все выпискивать и за все сердился и бѣсился, и въ минуты таковыя доходилъ даже до самыхъ глупостей и дерзостей, нимаго ни съ чномъ, ни съ званіемъ его несообразнымъ, какъ напримѣръ:

Однажды, разсердился за самое ничто и ничего незначущую бездѣлку, не только ругалъ всякими непристойными словами, но въ запальчивости задѣлъ даже палкою по головѣ бѣднаго моего старика Щедилова, мужа почтеннаго и степеннаго и перваго ко мнѣ изъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, управлявшаго всѣми волостными письменными дѣлами, и способнаго быть секретаремъ въ наилучшемъ приказѣ, и которая его поступка привела всѣхъ въ превеликое удивленіе и вперила во всѣхъ достойную къ нему командиру ненависть и отвращеніе.

Все сіе и дѣлало намъ каждой день пребыванія его у насъ годомъ, и мы съ такимъ вожделѣніемъ ожидали его отъѣзда, что не чаяли и дождаться.

Наконецъ, начало приближаться сіе время. Лѣса и поля всѣ были обрысканы и зайцы всѣ вытравлены и разогнаны, и князю не оставалось уже много, какъ ѣхать прочь и захватить только за тѣмъ же въ Бобринкѣ. Но какъ во всѣ сія дни

всѣ искатели моего мѣста не могли еще всѣми домогательствами своими произвести относительно до меня ничего важнаго, и, непостижимое для нихъ терпѣніе мое всѣ ихъ злодѣйскіе ковы преодолевало и обращало въ ничто; то, нехотя упустить князя, соединили они всѣ козни свои и предъ отъѣздомъ его приготовили для меня ударъ жесточайшій предъ всѣми прежними и такой, которой едва-было не возмѣлѣ желаннаго имъ дѣйствія, и привелъ самого меня не только въ смущеніе, но и въ положеніе самое критическое, а именно.

Какъ всѣми выдумками и клеветами своими не могли они до того произвести ничего и достигнуть до желаемаго, а съ досадою видѣли всѣ ихъ мною разрушаемыя; то рѣшились они наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему средству и оклеветать меня князю съ стороны, преждеупомянутыхъ мною, откупныхъ дѣлъ и питейныхъ выставокъ. Поводомъ къ тому послужило имъ одно особенное происшествіе. Однажды, во время ѣзды съ собаками, свесло какъ-то фаворита княжова, г. Крымова (которой изъ всѣхъ былъ для меня наипасибѣйшій и о которомъ я даже догадывался, что князь едва-ли не за тѣмъ его съ собою и привезъ, чтобъ опредѣлить его на мое мѣсто), съ тогдашнимъ откупщикомъ, г. Игнатьевымъ, случившимся быть тогда также съ ними на охотѣ. Сперва они другъ надъ другомъ грунѣли, но какъ Игнатьевъ былъ самая шилька и пренегодной человѣкъ, то изъ сихъ издѣвокъ вылилась наконецъ формальная между ими и такая ссора, что они чуть-было не передрались другъ съ другомъ. И какъ Крымовъ почиталъ себя чувствительно отъ Игнатьева обиженнымъ, то, будучи самъ по себѣ не лучше его и самымъ лукавымъ, хитрымъ и злобнымъ человѣкомъ, воспользовался на него непримиримою злобою, и грозя ему за обиду отмстить, проговорился какъ-то при Темешовѣ, что онъ дастъ ему себя, знать, и что скоро полетитъ изъ волости всѣ его выставки, о которыхъ князь до того ни слова не упоминалъ. Темешовъ

шовъ не успѣлъ сего услышать, какъ тотчасъ и прильнулъ къ сему, какъ смола, и сказалъ Крымову: «А что, братъ, хочется тебѣ этого? Ежели хочется, такъ мнѣ поклонъ—и я тотчасъ это смастерю и князя взбударажу. Словомъ, поручи ты это мнѣ, и посмотри, что сдѣлаю!» Крымову, пылающему на Игнатьева злобою, то было и на руку. Итакъ, условились они сообща производить то дѣло, и по учиненному о томъ тайному совѣту, положили всячески увѣрять князя, что я отъ Игнатьева пользуюсь прибытками, и что похлебствую ему, въ противность повелѣнія его даю по деревнямъ, присылаемымъ отъ него выставкамъ квартиры и дозволяю производить въ нихъ ежедневную вездѣ вину продажу. Сямъ думали они опять разлить и взбѣсить на меня князя и побудить опять къ истребленію оныхъ выставокъ. Но какъ надобно было имъ сіе доказать самымъ дѣломъ, то, рискуя съ княземъ по волости, и имѣли они случай и время разспрашивать вездѣ и вездѣ, и вышаривать нѣтъ ли гдѣ во дворахъ потаенной выставки. Но какъ, къ досадѣ ихъ, нигдѣ таковая не отыскивалась, то вздумалъ и рѣшился, наконецъ, Темешовъ употребить безстыднѣйшій обманъ и самое бездѣльничество.

Онъ примѣтилъ въ одномъ селѣ, на большой дорогѣ, пустую избышку, стоящую за нѣсколько сажень отъ дороги, и въ которой жилъ, не задолго до того умершій, богадѣльникъ; и положивъ въ мерзкой душѣ своей употребить ее къ тому орудію, замышленно задержалъ князя такъ долго на охотѣ, чтобъ довелось имъ ѣхать домой уже ночью и въ такой темнотѣ, что ни зги почти было не видно. И какъ онъ зналъ, что ѣхать имъ надобно было чрезъ сіе село и мимо самой сей, на выгонѣ стоящей, лачужки, походившей по наружности очень много на кабакъ, то сѣлъ нарочно съ княземъ на его дрожки, и подѣзжая къ селу сему, нарочно завелъ рѣчь о выставкахъ и о томъ, какъ мужики отъ нихъ пропиваются, говори, что онъ нимало не

ихъ шаговъ и дѣяній и нѣкоторые изъ людей его не выходили почти изъ канцелярии, дабы увидѣть, не стану ли я старость уговаривать и ихъ къ чему-нибудь преклонять; а съ другой—всѣ завистники мои не оставляли во весь сей, критической для меня, день ни на единую минуту князя въ покоѣ, но совокупными силами вливали въ него адъ, огонь и пламя на меня; а чрезъ все то и удалось имъ такъ хорошо настроить князя, что не только они уже за безсомнѣнное дѣло, но и самъ онъ почти за вѣрное полагалъ, что меня въ тотъ день смѣнить и лишить съ безчестіемъ мѣста. Что и дѣйствительно-бъ воспослѣдовало, еслибъ не сама судьба вступила уже въ посредство и произвела то, что всего меньше всѣми было ожидаемо, и не благоволила самое зло обратить мнѣ въ добро, какъ изъ послѣдующаго темеръ окажется.

Какъ старосты всѣ собрались, то наступилъ наконецъ тотъ критической пунктъ времени, въ которой надлежало мнѣ къ нему итти съ донесеніемъ о томъ. Я воздохнулъ и предавъ еще разъ все на произволъ судьбѣ и Промыслу Господню, пошелъ доносить ему о томъ. Онъ давно уже того и съ нетерпѣніемъ дожидался и не одинъ разъ присылалъ уже спрашивать, собрались ли всѣ и готовы-ль? И не успѣлъ о томъ услышать, какъ подхватя трость и ополчившись всею злостію и гнѣвомъ, унизился даже до того, что пошелъ чрезъ дворъ самъ въ канцелярію нашу. И не успѣлъ войти въ сію темную и мрачную комнату, набитую мужиками, ибо старость, бурмистровъ и начальниковъ было человекъ до пятидесяти и болѣе, какъ опрокинулся на нихъ какъ лютой звѣрь съ превеликою яростію и сталъ допрашивать всѣхъ ихъ съ превеликимъ крикомъ и сердцемъ, такъ, какъ бы о какомъ важнѣйшемъ государственномъ преступленіи, угрожалъ ихъ и каторгою, и ссылкой, и отдаченіемъ всѣхъ дѣтей ихъ въ солдаты, буде не скажутъ правды, а именно: не приказано ли отъ меня имъ было давать квартиры виннымъ выставкамъ? Но какъ всѣ старосты еди-

ногласно ему отвѣтствовали, что не только отъ меня никогда такихъ приказаній не было, но имъ то-и-дѣло всѣмъ подтверждено было, чтобъ квартиры не давать, какъ они никогда не даютъ и не давали, то сіе раздражило его еще пуще. Ему возмнилось, что всѣ они мною упрощены, чтобъ несказывать и что это моя интрига, и потому, чтобъ ихъ болѣе утрашить, закипѣвъ злобою, бросился онъ съ превеликою яростію на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ палкою и сталъ дѣйствительно задѣвать ихъ и тузить по головамъ тростію и принуждать равно какъ неволею на меня сказывать.

— «Вы не бойтесь управителя! (кричалъ и вопилъ онъ имъ). Онъ ничего вамъ сдѣлать не можетъ. Я сей же часъ его смѣню! Скажите мнѣ только истину».

— Мы и сказываемъ ее вамъ, ваше сіятельство (отвѣчали они во многіе голоса), и что-жъ намъ сказать, когда чего не бывало; развѣ насильно лгать изволите приказать?

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили и отвѣчали ему всѣ старосты на всѣ его къ нимъ приставанія, продолжавшіяся болѣе четверти часа.

Я стоялъ въ сіе время, какъ вкопанной и не только удивлялся такому надъ мѣру строгому изслѣдованію, но трепеталъ духомъ, боясь, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не струсилъ и отъ боязни дѣйствительно не взвелъ на меня какой-либо небыллицы. Но некущаяся обо мнѣ судьба подкрѣпила всѣхъ ихъ болѣе, нежели всѣ думали и ожидали. Они всѣ, не только всѣхъ его угрозъ и ударовъ палкою не утрашились нисколько, но огорчившись тѣмъ, еще и громче и болѣе то слово твердить стали, что развѣ насильно хочеть онъ ихъ заставить говорить неправду и сказывать то, чего не бывало. А сіе вспламенило его еще болѣе и довело до тако-го безумія, что сталъ имъ угрожать обритіемъ бороды имъ. Симъ послѣднимъ надѣялся онъ, по внушеніямъ и совѣтамъ льстецовъ своихъ, всего болѣе утрашить мужиковъ; но они, услышавъ сіе, только всѣ разсмѣялись и не одинъ, а

многіе изъ нихъ вдругъ ему на то сказали:

— Въ этомъ воля ваша, и не только бороды, но хоть и головы намъ всѣ обрѣйте, а что не было, такъ не было, и сказать намъ нечего!

Взбѣсился и вспрыгался князь, сіе услышавъ. Онъ заревѣлъ на нихъ какъ тигръ и кричалъ, чтобъ скорѣе подавали фельдшера и съ бритвами, и прогнать за нимъ караульнаго капрала палкою, клялся небомъ и землею, что онъ дѣйствительно сіе исполнить.

Въ самое сіе время случилось бѣдняку, старшему моему канцеляристу Варсобиу, отъ крайняго негодованія что-то пробормотать себѣ подъ носъ. И какъ, къ несчастію, стоялъ онъ неподалеку отъ князя и сей, оглянувшись, увидѣлъ его улыбающагося, какъ вдругъ опрокинулся на него какъ лютой звѣрь и завопѣлъ: «А ты что это тутъ бормочишь? Твои бездѣлничества мнѣ всѣ давно уже извѣстны! вонъ отсюда! и прочъ изъ моей команды! Не хочу я тебя болѣе имѣть у себя!» И велѣлъ вытолкать его вонъ.

Въ сію минуту вострепеталъ я духомъ, и сколь твердодушіе мое до сего ни было велико, но тогда поколебалось и оно, и я не утерпѣлъ, чтобъ не прервать своего молчанія, и ему, хотя съ возможнымъ хладнокровіемъ, сказалъ:

— «До сего я молчалъ, и ваше сіятельство изволили сами слышать и видѣть, а что я ихъ не упрашивалъ и не умолялъ, въ томъ ссылаюсь на всѣхъ самихъ ихъ; но теперь принужденнымъ нахожусь сказать, что ежели симъ образомъ изволите насильно ихъ приневоливать сказывать то, чего не бывало, то не диковинка принудить ихъ взвѣсть на меня и самую церковную татьбу, и все, что вамъ будетъ угодно; но не знаю, похвально ли то для васъ будетъ?»

Пилюля сія, какова ни горька была, но онъ въ запальчивости своей проглотилъ ее, не почувствовавъ нимало ея горечи. И какъ въ самой тотъ моментъ вбѣжалъ безъ души и слуга его, брадобрѣй съ бритвою и ножницами въ рукахъ, то ска-

залъ только: «А вотъ посмотримъ, судирь, посмотримъ», и бросился волочъ самъ и сажать на скамейку одного изъ старостъ, заставляя слугу своего стричъ и брить ему бороду. По особливому счастью случилось, что жребій сей пагъ и неслыханному поруганію сему подвергся одинъ изъ разумнѣйшихъ и неустрашимѣйшихъ старостъ: онъ не только не устранился, но шолъ, смѣючись и, садясь на скамью, давалъ самъ бороду свою на обстриженіе и говорилъ только.

— «Воля ваша! не только бороду, но хоть голову извольте брить, намъ спорить въ томъ не можно! а чего не было, такъ не было, и лгать напрасно мы не хотимъ».

Сими словами онъ такъ всѣхъ сотоварищей своихъ подкрѣпилъ, что всѣ единогласно твердили то же, и какое ни началось чекрыженъе и полосованіе бородъ, но—невѣролтное почти дѣло: ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ и косой мины, а всѣ сажались смѣючись и почти съ хохотаньемъ, равно какъ бы ругаясь надъ самимъ княземъ.

Все сіе и сдѣлавшееся во время бритья сего молчаніе, соединенное съ явнымъ негодованіемъ, а паче всего нижеслѣдующія слова, проговоренныя въ толпѣ однимъ старикомъ, такъ что князь ихъ слышалъ: («отецъ нашъ, а вашъ батюшка, князь Сергѣй Васильевичъ этого-бы не сдѣлалъ; онъ насъ любилъ и не сталъ бы такъ позорить; дай Богъ ему здоровье!») такъ князя смутили и поразили, что онъ, каковъ ни золъ былъ, но не выдержалъ зрѣлица сего болѣе десяти минутъ; но увидѣвъ, что и симъ крайнимъ, насильственнымъ средствомъ и самымъ дурачествомъ своимъ не могъ ничего успѣть, пошолъ отъ насъ изъ канцелярїи, не сказавъ ни одного слова, и равно какъ обруганной; и возчувствовавъ всю дурноту содѣяннаго имъ, былъ во весь тотъ вечеръ такъ сердитъ, что не хотѣлъ говорить даже съ своими друзьями и наущниками ни одинаго почти слова, а наутріе, въ самой скорости собравшись, и усакалъ совсѣмъ вонъ изъ Богородица.

Итакъ, самой сей и всего меньше всѣмъ

ихъ шаговъ и дѣяній и нѣкоторые изъ людей его не выходили почти изъ канцелярїи, дабы увидѣть, не стану ли я старость уговаривать и ихъ къ чему-нибудь преклонять; а съ другой—всѣ завистники мои не оставляли во весь сей, критической для меня, день ни на единую минуту князя въ покоѣ, но совокупными силами вливали въ него адъ, огонь и пламя на меня; а чрезъ все то и удалось имъ такъ хорошо настроить князя, что не только они уже за безсомнѣнное дѣло, но и самъ онъ почти за вѣрное полагалъ, что меня въ тотъ день смѣнить и лишить съ безчестіемъ мѣста. Что и дѣйствительно-бъ воспослѣдовало, еслибъ не сама судьба вступила уже въ посредство и произвела то, что всего меньше всѣми было ожидаемо, и не благоволила самое зло обратить мнѣ въ добро, какъ изъ послѣдующаго тецерь окажется.

Какъ старосты всѣ собрались, то наступилъ наконецъ тотъ критической пунктъ времени, въ которой надлежало мнѣ къ нему итти съ доносеніемъ о томъ. Я воздохнулъ и предавъ еще разъ все на произволъ судьбѣ и Промыслу Господню, пошелъ доносить ему о томъ. Онъ давно уже того и съ нетерпѣніемъ дожидался и не одинъ разъ присылалъ уже спрашивать, собрались ли всѣ и готовы-ль? И не успѣлъ о томъ услышать, какъ подхвати трость и ополчившись всею злостію и гнѣвомъ, унизился даже до того, что пошелъ чрезъ дворъ самъ въ канцелярїю нашу. И не успѣлъ войтить въ сію темную и мрачную комнату, набитую мужиками, ибо старость, бурмистровъ и начальниковъ было человекъ до пятидесяти и болѣе, какъ опрокинулся на нихъ какъ лютой звѣрь съ превеликою яростію и сталъ допрашивать всѣхъ ихъ съ превеликимъ крикомъ и сердцемъ, такъ, какъ бы о какомъ важнѣйшемъ государственномъ преступленіи, угрожалъ ихъ и каторгою, и ссылкой, и отданіемъ всѣхъ дѣтей ихъ въ солдаты, буде не скажутъ правды, а именно: не приказано ли отъ меня имъ было давать квартиры виннымъ выставкамъ? Но какъ всѣ старосты еди-

ногласно ему отвѣтствовали, что не только отъ меня никогда такихъ приказаній не было, но имъ то-и-дѣло всѣмъ подтверждено было, чтобъ квартиръ не давать, какъ они никогда не даютъ и не давали, то сіе раздражило его еще пуще. Ему возмнилось, что всѣ они мною упрощены, чтобъ несказывать и что это моя интрига, и потому, чтобъ ихъ болѣе утрашить, закипѣвъ злобою, бросился онъ съ превеликою яростію на нѣкоторыхъ изъ нихъ съ палкою и сталъ дѣйствительно задѣвать ихъ и тузить по головамъ тростью и принуждать равно какъ неволею на меня сказывать.

— «Вы не бойтесь управителя! (кричалъ и вопилъ онъ имъ). Онъ ничего вамъ сдѣлать не можетъ. Я сей же часъ его смѣню! Скажите мнѣ только истину».

— Мы и сказываемъ ее вамъ, ваше сіятельство (отвѣчали они во многіе голоса), и что-жъ намъ сказать, когда чего не бывало; развѣ насильно лгать изволите приказать?

Симъ и подобнымъ сему образомъ говорили и отвѣчали ему всѣ старосты на всѣ его къ нимъ приставанія, продолжавшіяся болѣе четверти часа.

Я стоялъ въ сіе время, какъ вкопанной и не только удивлялся такому надъ мѣру строгому изслѣдованію, но трепеталъ духомъ, боясь, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ не струсилъ и отъ боязни дѣйствительно не взвелъ на меня какой-либо небыллицы. Но некущаяся обо мнѣ судьба подерѣпила всѣхъ ихъ болѣе, нежели всѣ думали и ожидали. Они всѣ, не только всѣхъ его угрозъ и ударовъ палкою не утрашились нисколько, но огорчившись тѣмъ, еще и громче и болѣе то слово твердить стали, что развѣ насильно хочеть онъ ихъ заставить говорить неправду и сказывать то, чего не бывало. А сіе вспламенило его еще болѣе и довело до такого безумія, что сталъ имъ угрожать обритіемъ бороды имъ. Симъ послѣднимъ надѣялся онъ, по внушеніямъ и совѣтамъ льстецовъ своихъ, всего болѣе утрашить мужиковъ; но они, услышавъ сіе, только всѣ разсмѣялись и не одинъ, а

ожидаемой случай спасъ меня тогда отъ всей его лютости и разрушилъ въкупѣ всѣ бездѣльническіе происки и замыслы моихъ завистниковъ и недоброхотовъ. Я остался такъ, какъ былъ. И князь съ того часа сдѣлался тише и ко мнѣ нѣсколько благосклоннѣе, а они остались всѣ какъ ошлепанные, и съ сего часа такъ прижали хвостъ, что ни одинъ изъ нихъ не посмѣлъ уже болѣе и помыслить о томъ, чтобъ проситься на мое мѣсто. Такъ хорошо, можетъ быть одумавшись, князь въ сердцахъ отбрилъ и самихъ ихъ въ тайнѣ и наединѣ за то, что они ввели его въ такую глупость пустыми своими наговариваніями и внушеніями.

Но какъ бы то ни было, но неожиданной переворотъ сей и восторжествованіе надъ всѣми моими врагами было мнѣ крайне приятно; но я восторжествовалъ еще болѣе, когда провожая князя до Бобринь, былъ тамъ свидѣтелемъ другой такой же, но для меня пріятнѣйшей сцены. Тамъ, какъ мною уже упомянуто, былъ управителемъ г. Верещагинъ, потаенной любимецъ и наперникъ княжой, и не только изъ всѣхъ сокровеннѣйшихъ на меня клеветниковъ первѣйшій, но при описанныхъ выше сего въ Богородицкѣхъ происшествіяхъ также на меня посягавшій, и можетъ быть болѣе всѣхъ, при помощи своего и княжова друга г. Стрекалова, моего мѣста добивавшійся. Поелику князь сдѣлалъ такое безобразіе въ Богородицкѣ, то почиталъ за нужное такое же изслѣдованіе о выставкахъ сдѣлать, хотя для единой проформы, и въ Бобринкахъ. И какъ нашелъ онъ тамъ всѣхъ старостъ въ собраніи, то противъ всякаго ожиданія г. Верещагина, рѣшился онъ тотъ же часъ разспрашивать о томъ старостѣ, хотя далеко не съ такою уже строгостію, за пальчивостію и гнѣвомъ, но съ хладнокровіемъ. Но случись же такъ, что старосты, услышавъ о происходившемъ въ Богородицкѣ и убоясь, чтобъ князь и у нихъ не сталъ бородъ брить, ни съ другого слова сказали князю:

— «Что, ваше сіятельство! истинну сказать, въ Богородицкой волости, что не бы-

ло, то не было, намъ всѣмъ это извѣстно, и что говорить! а у насъ....—«Что у васъ?» подхватилъ князь.—«Что, ваше сіятельство, грѣхъ утаить! у насъ бывало это дѣло. Отъ Андрея Тимошеевича мы хотя и не одинъ разъ слышали приказаніе, чтобъ не давать выставкамъ квартиръ и не допускать ихъ до вседневной продажи вина; но эти проклятые цѣловальники покоя намъ не давали, и что говорить, иногда ласкою нашу братью на грѣхъ приводили, а иногда силою почти и наянствомъ своимъ на дворы съ бочками въѣзжали и продавали, и мы хотя не одинъ и много разъ докладывали о томъ вотъ Петру Алексѣевичу, чтобъ намъ не претерпѣть за то чего, но онъ намъ никакого на то отвѣта всякой разъ не давалъ, а говорилъ только, что это пустое и что это не наше, а его дѣло, и чтобъ мы отъ этого ничего не опасались».

Верещагинъ, услышавъ таковой всего меньше имъ ожидаемой на себя извѣтъ, обмеръ и такъ испужался, что не могъ князю ни одного слова въ отвѣтъ сказать, когда онъ, обратясь къ нему, его спросилъ: «Что это, братецъ! слышишь-ли?» и тотчасъ, схватя его за руку, повелъ въ комнаты и, затворившись съ нимъ въ особой, съ добрую четверть часа съ нимъ тамъ наединѣ пробылъ. Что они тамъ говорили, уже никто не узналъ, а только видѣли въ окно, что Верещагинъ становился предъ нимъ на колѣни и умолялъ о милости, а намъ только при выходѣ ихъ оттуда удалось услышать слѣдующія слова: «То-то, Петръ Алексѣевичъ! для другихъ уѣлъ ты копать яму, а теперь и самъ въ нее ввалился!» Но какъ я удивился, когда, вышедъ оттуда, нимаго не сердился, не пошелъ же болѣе и къ мужикамъ на дворъ, а велѣлъ ихъ всѣхъ распустить.—«Вотъ таково-то, сказала я самъ себѣ тогда, добрымъ людямъ лихо и напасть, а бездѣльникамъ вездѣ ничего». И хотя было мнѣ сіе очень чувствительно, но какъ князь со мною обращался уже гораздо лучше противъ прежняго, то сіе и поуспокоило меня нѣсколько, и я, желая сколько-ни-

будь отъ бывшей тревоги отдохнуть, съ удовольствіемъ остался тутъ, проводивъ князя, поѣхавшаго въ тотъ же день тутъ въ лѣса бобриковскіе за охотою.

Но удовольствіе мое еще несказанно увеличилось, когда я случайнымъ образомъ въ сей день отъ конюха своего узналъ въ подробности о помянутомъ послѣднемъ шильничествѣ Темешова, чего я до того времени никакъ не вѣдалъ. «Ахъ, ты, бормотъ, бормотъ!» обрадуясь тому чрезвычайно, говорилъ я самъ себѣ. «Ахъ ты скверной и негодной человѣкъ! Не сатана ли самая научила тебя эдакую пакость сдѣлать и такую тревогу произвестъ? Вотъ для чего ты и сюда не поѣхалъ, какъ ни подзвывалъ тебя князь? Но, молчи-жь, дай мнѣ дожидаться князя съ поля! Быведу же я тебя на чистую воду!»—и сталъ думать какъ бы мнѣ сіе сдѣлать лучше.

По моему счастью, поле въ сей день было для князя отменно счастливо, и онъ возвратился какъ мѣдной грошъ, въ полной радости и удовольствіи. Были съ нимъ въ сей день Власовъ и нѣкто Москотиньевъ, и натравили они множество зайцевъ; и какъ князя ничто въ свѣтѣ такъ обрадовать и увеселить не могло, какъ таковая удача, то былъ онъ весь сей вечеръ веселымъ-веселѣхонѣкъ, что увидѣвъ и разсудилъ я употребить сей случай въ пользу. И между тѣмъ, какъ они въ полномъ удовольствіи упражнялись въ обыкновенныхъ своихъ о псахъ и зайцахъ рыцарскихъ разговорахъ, пригорюнившись нарочно, сѣлъ я въ уголокъ и принялъ на себя видъ печальнаго человѣка и чрезъ то подалъ поводъ замѣтлившему сіе князю подойти ко мнѣ и сказать: «Ну, а ты что такъ не веселъ? Не болѣнъ ли?»

— Нѣтъ, ваше сіятельство! (сказалъ я). Я здоровъ, а у меня изъ головы нейдетъ вчерашній напрасной гнѣвъ вашъ на меня. Дѣло-то обнаруживается, и выходитъ то, чего не только мы, но и вы не воображали себѣ.

— «А что такое?» (подхватилъ князь).

— А то, что Темешовъ не даромъ сю-

да съ вами не поѣхалъ, какъ вы ни изволили его уговаривать, а ускакалъ скорѣе домой. Не нужды его протурили, а боязнь, чтобъ вы о его бездѣльничествѣ не узнали!

— «О какомъ такомъ?»

— Онъ изволил позабавиться надъ вами и пошутить такъ, что врядъ-ли вы ему за то спасибо скажете. Бездѣльникъ небось и теперь смѣется и хохочетъ на вашъ счетъ.

— «Помилуй, скажи, что такое?» (подхватилъ смутившійся князь).

— Какъ бы вы думали? Открылось вотъ что: выставки-то въ Кузовкѣ, гдѣ вы ночью изволили ѣхать, вовсе не было и нѣтъ, и цѣловальника не раживалось. Я нарочно посмалъ узнавать объ ней, и ко мнѣ вотъ недавно приѣхали съ точнымъ донесеніемъ, что избушка та была совсѣмъ пустая и что жилъ въ ней богадѣльникъ, дни за два до того умершій, и стояла тогда совсѣмъ порожняя и пустая.

— «Какъ это можно? Да съ кѣмъ же онъ тогда говорилъ? Я самъ своими ушами слышалъ, какъ онъ говорилъ съ цѣловальникомъ.»

— Совсѣмъ тѣмъ, цѣловальника никакого и въ избушкѣ ни жадной души не было; а онъ изволил самъ съ собою разглагольствовать, и предлагая вопросы перемѣннымъ голосомъ, самъ же и отвѣчалъ себѣ, и тѣмъ-то позабавился надъ вами.

— «Какъ это можно, и не вправду-ли?»

— Дѣйствительно такъ. Извольте хоть сами спросить конюха, которой ѣхалъ позади васъ, на другихъ дрожкахъ, и будучи ближе васъ къ нему, это явственно видѣлъ и слышалъ, и смѣялся еще тому, что онъ такъ проказничаетъ.

— «Но эта проказа-та меня и за жпвое задѣваетъ! Ахъ, бормотъ, бормотъ! охъ проклятой человѣкъ! Ну, развѣдался-бъ я съ нимъ, еслибъ онъ здѣсь теперь былъ! Возможно ли, какихъ пакостей онъ натворилъ и до чего меня тѣмъ довелъ!»

— Да и вмѣсто старосты-то Рогачевскаго чуть-ли не онъ же ли вамъ своего

мужика представлялъ, и что ему вамъ сказывать настропивалъ. Видѣли, что онъ съ какимъ-то мужикомъ долго наединѣ за кустомъ говорилъ.

— «Ну, это статься можетъ, я и самъ уже догадывался, что тутъ его были блохи! да и по всему виду, что это его были довьсти. Ахъ, бездѣльники, бездѣльники!.. а все твое мѣсто ихъ съ ума сводило. Хорошо, братъ, и судья-то вашъ краснорожій, и вотъ, что съ угрямп-то на лицѣ, какъ бишь его?.. Да, Арсеньевъ».

— А что такое? (спросилъ я).

— «Послушалъ бы ты, что онъ мнѣ на тебя наставлялъ, и что о тебѣ говорилъ! И сему-то ослу хотѣлось быть на твоёмъ мѣстѣ! Но увидятъ они его развѣ на томъ свѣтѣ или во свѣ!»

Поразился я, сіе услышавъ, удивленіемъ превеликимъ, и только сказалъ на сіе: «Богъ съ нимъ, когда ему такъ хотѣлось!»

— «Но, какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, помолчать обо всемъ томъ и не разглашать всего этого... пожалуйста! А обо мнѣ, мой другъ, будь увѣренъ, что впередъ меня эти бездѣльники не собьютъ уже съ путя, а я о тебѣ какъ прежде былъ, такъ и впредь останусь хорошаго мнѣнія. Позабудемъ прошедшее! Оно къ твоей же пользѣ послужило и меня въ прежнихъ о тебѣ хорошихъ мысляхъ утвердило».

— Хорошо, ваше сіятельство! помолчать, такъ помолчать!

— «А то вѣдь, пропади они совсѣмъ! всѣ эти негодяи стануть смѣяться и трунить надо мною.»

— То-то и дѣло! (сказалъ я). Это я самъ знаю. Извольте, ваше сіятельство, быть съ сей стороны спокойнымъ!

— «Но будь же и ты, мой другъ, повеселѣ! сказалъ наконецъ, князь, и перестань на меня досадовать! Отъ этихъ негодницъ и самъ Христосъ не отдѣлается, и самого ангела они смутили-бъ. Ахъ, бездѣльники, бездѣльники!»

Сказавъ сіе, пошелъ онъ отъ меня прочь къ своей веселой компаніи и скрылъ такъ хорошо свою досаду, что никто того не примѣтилъ, а и мнѣ не было дальнаго повода разглашать о томъ, а я доволенъ

былъ, что все дѣло мое такою переверотъ и такое хорошее окончаніе получило.

Князь и дѣйствительно съ сего времени сдѣлался ко мнѣ добрѣе и обращаться сталъ со мною совсѣмъ инако, и наконецъ, предъ отъѣздомъ своимъ, такъ удобрился, что спросилъ меня: не имѣю ли я опять какой нужды въ Москвѣ и не надобно ли мнѣ въ ней побывать опять?—«Хотѣлось было, сказала я, будущей зимою съѣздить въ нее съ женою и дѣтьми и пожить сколько-нибудь, чтобъ поучить дочь свою танцовать».—«Ну, такъ съ Богомъ! поѣзжай себѣ, пожалуй, и живи сколько хочешь, мы тебѣ ради будемъ».

Симъ образомъ, ни думано-ни гадаю, помирившись мы съ княземъ, и я, проводя его, съ спокойнѣйшимъ уже духомъ поѣхалъ назадъ въ Богородицѣ и во всю дорогу не могъ довольно нахототаться и надивиться всему происходившему.

Вотъ какимъ образомъ кончилась и сія вторая мнѣ передрага, или прѣмѣ сказать, траги-комедія. Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозволяете мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 21-го дня 1809 года).

Письмо 208-е.

Любезный пріятель! Сіе письмо начну я замѣчаніемъ, что день отъѣзда княжова изъ Бобриковъ, примирившій меня, какъ я упоминалъ, съ симъ вспылчивымъ горделивцемъ, былъ для меня въ особенности достопамятенъ тѣмъ, что случился онъ быть днемъ моего рожденія, ибо происходило сіе 7-го октября, и я тѣмъ равно какъ получилъ имянинной подарокъ и былъ доволенъ, что противъ всякаго чаянія случилось мнѣ сей день провести въ веселомъ духѣ; я чувствовалъ тогда такое удовольствіе, какъ бы послѣ продолжительнаго, скучнаго, холоднаго и мрачнаго ненастья, при проглянувшемъ опять солнцѣ и возвратившемся теплѣ, и потому не съ унылымъ, а радостнымъ духомъ началъ я проживать 44-й годъ теченія моей жизни.

ѣдучи изъ Бобринкѣ въ Богородицѣ, имѣлъ я во время сего путешествія довольно времени и досуга къ обдуманію всѣхъ случившихся въ послѣдніе дни предъ тѣмъ со мною происшествій и къ обзорѣнію оныхъ философическимъ взоромъ. И могу сказать, что чѣмъ болѣе я оныя разсматривалъ, тѣмъ болѣе находилъ я въ нихъ опять явныхъ дѣйствій и очевидныхъ доказательствъ пекущагося о благѣ моемъ Промысла Господня, обратившаго все, приуготовляемое завистниками моими, чрезъ адскія ихъ злоухищренія, мнѣ толь великое и неизбѣжное почти зло на собственныя ихъ главы, съ чувствительнымъ поруганіемъ и посрамленіемъ, мнѣ же, вмѣсто чаемаго ими вреда, въ существительную пользу. Ибо, вмѣсто ожидаемаго ими навѣрное лишенія меня моего мѣста, я чрезъ самой сей случай еще тверже въ ономъ утвердился. И не явно ли оной доказалъ, что если кому что сниспослано и даровано отъ щедроты и благодати самого Господа, такъ никакая смертная тварь безъ святого его поущенія лишитъ его не можетъ, и что онъ умѣетъ уже находить и средства къ недопущенію до того, чтобъ дары его могли кѣмъ быть отняты. При помышленіяхъ таковыхъ, весь духъ мой воспламенялся благоговѣніемъ ко Всемогущему, и я устами и сердцемъ благодарилъ Господа моего за покровительство столь явное и блистательное!

Но при семъ одномъ я не остался, а философствуя далѣе, помышлялъ о томъ, какъ бы мнѣ не одними только словами, а чѣмъ-нибудь существеннѣе возблагодарить за сію оказанную мнѣ милость моего небеснаго Отца, заступника и покровителя; и лучшаго не находилъ, какъ дѣяніемъ, сообразнымъ съ его святою волею и точнѣйшими его повелѣніями, состоящими въ томъ, чтобъ не мститъ мнѣ самому нисколько всѣмъ, извѣстнымъ уже тогда мнѣ недоброхотамъ и завистникамъ за зло и вредъ, ими мнѣ приготавливаемой, а предоставить сіе на святѣйшій прозволъ Господа. И съ своей стороны, не мѣшавъ въ сіе, какъ не въ свое, а Госпо-

ду подлежащее дѣло, во исполненіе точной воли его, всѣхъ ихъ великодушно простить и приписывать все то не ненависти ихъ ко мнѣ и злобѣ, которыхъ имъ ко мнѣ имѣть было не за что, поелнку я съ ними, какъ съ искренними друзьями, обходился и имъ никогда ничего злого не сдѣлалъ, а единственно, сродной челоуѣчеству, ихъ слабости и стремленію къ пріобрѣтенію себѣ кривыми путями пользы, также весьма натуральному,—а всходствіе того, сказавъ только: «э! Богъ съ ними», положилъ нисколько не переимѣнять своего прежняго съ ними дружескаго обращенія, и чрезъ самое то заставить ихъ чувствовать тайное угроженіе собственной ихъ совѣсти. И какъ сіе дѣйствительно и исполнилъ, то впоследствии времени и имѣлъ удовольствіе видѣть всѣхъ ихъ ко мнѣ отиѣнно благопріятствующихъ, и дружескимъ своимъ со мною обращеніемъ равно какъ старающихся загладить свои безсовѣстные противъ меня при помянутыхъ происшествияхъ поступки и злоухищренія.

Съ сими помышленіями возвратился я къ своимъ домашнимъ еще довольно рано. Сіи ожидали меня со страхомъ и трепетомъ и полагали уже почти за вѣрное, что приѣду я къ нимъ не съ радостнымъ извѣстіемъ, но отрѣшеннымъ уже отъ своего мѣста. Но веселой и радостной мой видъ при входѣ оживилъ и ободрилъ ихъ чрезвычайно. У насъ въ самое то время случилось быть въ гостяхъ нашему городничему съ его семействомъ. И сей, не участвовавшій нисколько въ бездѣльническихъ на меня наговорахъ, а любившій меня и домъ нашъ искренно, нарочно для того къ домашнимъ моимъ приѣхалъ, чтобъ навѣститъ ихъ въ огорченіи и, приниманіемъ участія своего во всѣхъ нашихъ неудовольствіяхъ о происходившемъ, разсѣять сколько-нибудь ихъ мысли. А потому, не успѣли они меня увидѣть, какъ всѣ въ разные голоса стали меня спрашивать: «Что, батюшка? Что у васъ тамъ? Не было ли опять чего? и съ чѣмъ разстались вы съ княземъ?»—«Съ тѣмъ—смиѣючись сказалъ я,—что я теперь уже не

управитель Богородицкой, какъ хотѣлось добрымъ людямъ, и къ несчастію еще не одному, а цѣлой полдюжинѣ. И то-то, можетъ быть, и помогло, что никто изъ нихъ на мое мѣсто не поналъ, а я остался тотъ же, да тотъ же, да еще понадежныѣ на этомъ мѣстѣ. Словомъ, всѣ каверзы и дразги, слава Богу, кончились, всѣ бездѣльничества добрыхъ людей открылись и открылись сами собою. Всѣ они одурачили и посрамили только самихъ себя и ввели въ дурачества и князя, а мнѣ тѣмъ ничего не сдѣлали. Князь самъ мнѣ все и все, что было и происходило, рассказалъ; но я смѣялся и смѣюсь только всему! Богъ съ нами! а доволенъ тѣмъ, что съ княземъ разстался я очень хорошо, и у насъ съ нимъ было ни лой, ни масла! онъ не только увѣрилъ меня, что впередъ никакихъ наговоровъ на меня не будетъ слушать, но при отъѣздѣ самъ еще у меня спросилъ, не приѣду ли опять зимою въ Москву, и нѣтъ ли мнѣ какой надобности? И какъ я сказалъ, что мы помышляли-было о томъ, чтобъ побывать въ Москвѣ съ женою и дѣтьми будущей зимою, то онъ съ превеликою охотою не только дозволилъ, но сказалъ, что можемъ мы жить тамъ сколько хотимъ, и что онъ приѣзду моему еще радъ будетъ».

— «Ну, слава, слава Богу! воскликнули всѣ мои домашніе; а то же подтвердили и городничій съ женою, увѣряя, что они очень тому рады, и что искренно сожалѣли обо мнѣ, слышавъ все происшедшее.—«Въ этомъ я не сумнѣваюсь ни мало, сказалъ я, и покорно васъ за сіе благодарю». Но какъ городничиха начала-было изъ любопытства выпытывать отъ меня о именахъ искателей моего мѣста, то я тотчасъ ей на сіе сказалъ: «И, матушка! я уже и позабылъ ихъ... Богъ съ нами! и что о томъ говорить? Дѣло прошлое! И на что упоминать?—А напойте-ка меня (обратясь къ домашнимъ своимъ я связалъ) чаемъ; а тамъ засядемъ-ка, Антовъ Никитичъ, опять за нашъ любезной ломберъ, и проведемъ сей вечеръ по преж-

нему съ удовольствіемъ, благо въ сегодняшній день я за 43 года до сего родился».

Сямъ образомъ, шутя, отклонилъ я отъ себя соотвѣтствованіе на всѣ ея спросы и разспросы, вѣдая, что она услышанное не преминетъ всѣмъ разблаговѣстить, и заведя разговоръ о иной матеріи, и напившись чаю, уѣлся съ ними играть въ карты съ такимъ духомъ, какъ бы ничего со мною не было и не происходило. И мы дѣйствительно провели сей вечеръ отменно весело и я не отпустилъ ихъ отъ себя безъ ужина.

Но коммиссія на меня была итти въ послѣдующій день къ судѣ нашему, г. Арсеньеву, сказывать, что князь не велѣлъ мнѣ дозволять и допускать его ѣздить по волостнымъ дачамъ съ собаками, что мнѣ дѣйствительно князь при отъѣздѣ привазалъ. Для меня, по расположенію духа моего, было это такъ трудно, что я даже не собрался съ духомъ ему сіе въ тотъ день сказывать, а отложилъ то до другого дня. Но какъ необходимо надобно было сіе исполнить, то пошелъ, наконецъ, къ нему и не оказывая ни малѣйшаго вида какого-либо неудовольствія на него, а обращаясь по прежнему съ нимъ дружески, искуснымъ образомъ и съ изъясненіемъ сожалѣнія своего далъ ему знать, что князю не угодно, чтобъ онъ ѣздилъ безъ него въ нашихъ дачахъ съ собаками. Г. Арсеньевъ вспламенился даже весь въ лицѣ сіе услышавъ, однако принужденъ былъ молча проглотить сію пилюлю; а чтобъ онъ не возмечталъ, что сіе произошло отъ меня, то просилъ его, чтобъ онъ не подумалъ, что я къ тому чѣмъ-нибудь поспособствовалъ, клялся ему Христомъ и Богомъ, что у меня и на умѣ и въ мысляхъ того не было; и въ дальнѣйшее утѣшеніе его ему сказалъ, что не одному ему, но и Власову также запрещено и въ нашихъ и въ Бобриковскихъ дачахъ ѣздить. Сіе сколько-нибудь его поутѣшило, и какъ онъ увидѣлъ, что впрочемъ обходился я съ нимъ по прежнему дружески и какъ бы ничего объ немъ и о мытарствѣ его не вѣдалъ, хотя городничиха

наша и успѣла уже ему все слышанное отъ меня пересказать, и онъ о томъ, что князь мнѣ все и все пересказалъ, вѣдагъ; то, соотвѣтствуя пріятельскому моему съ нимъ обращенію, и самъ всячески по прежнему ко мнѣ и болѣе еще ласкался и не зная, какъ изъяснить удовольствія своего о томъ, что я оставленъ опять въ своеѣ мѣстѣ и всѣ бывшія дразги кончились, и все получило такое хорошее окончаніе. А чтобъ отъ себя отвалить, то вздумалъ было ругать и бранить бормота Тешова, говоря, что все это было отъ него; но я, не давъ ему болѣе о томъ говорить, и ему также сказалъ: «Богъ съ нимъ! И что о томъ говорить, дѣло уже прошлое!»

Такимъ же точно образомъ поступилъ я и съ Верещагинымъ и его сестрами, о которыхъ хотя съ достовѣрностію узналъ, что отъ нихъ много всякой всячины насказано и внушено было о женѣ моей княгинѣ, и что дьявольскія злоухищренія ихъ до того простирались, что онѣ не устыдились собственно самими нами намъ о княгинѣ говоренныя слова пересказать ей, какъ бы говоренныя моею женою; но мы все то презрѣли и нимало прежняго нашего дружескаго обращенія не перемѣнили, равно какъ не подали и вида, что намъ дѣла ихъ были извѣстны. Но какъ узнали о томъ совѣтъ не отъ насъ, а стороною, то совѣсть ихъ такъ угрызала, что и сами онѣ съ сего времени были къ намъ гораздо ласковѣе и дружелюбнѣе.

Теперь, возвращаясь къ нити прежняго моего повѣствованія, скажу, что не успѣлъ я сжить съ рукъ свсего князя, и послѣ бывшихъ, столь досадныхъ себѣ, передрягъ опять сколько-нибудь оправиться и собраться съ духомъ,—какъ приступилъ къ прежнимъ своимъ литературнымъ упражненіямъ и употребилъ къ тому все остающееся отъ прочихъ дѣлъ и отъ развѣздовъ по волости время. И какъ оставалось въ Москвѣ уже мало запаснаго для «Магазина» моего матеріала, то спѣшилъ скорѣе заготовить его столько, чтобъ онаго на всѣ достальныя мѣсяцы сего года стало, желая уже ско-

рѣе отъ сего многотруднаго дѣла отвязаться и свалить съ себя сіе тяжкое бремя, ибо надобно знать, что какъ при помпупутыхъ передрягахъ, князь меня то-и-дѣло попрекалъ многимъ моимъ писаніемъ, о которомъ ему, видно, было пересказано, то сіе такъ меня тогда огорчило, что я, при случаѣ писанія въ самое сіе смутное время къ Новикову письма, между прочимъ, съ досады написалъ ему, что я впредь и на будущій годъ журнала своего продолжать не располагаюсь, и чтобъ онъ зналъ о томъ предварительно и объявилъ бы то, какъ зналъ, публикѣ.

Итакъ, въ концѣ сего мѣсяца и отправилъ я къ нему послѣдній матеріалъ для текущаго года, и сваливъ сіе бремя съ плечъ своихъ долой, началъ заниматься переписываніемъ набѣло вновь сочиненной мною драмы «Награжденной добродѣтели».

По окончаніи сего дѣла, принялся я за переводъ Гецевыхъ славныхъ проповѣдей «О началѣ и концѣ міра», и для лучшаго привлеченія читателей придавать имъ видъ не проповѣдей, а разсужденій, въ каковомъ видѣ онѣ послѣ особливою книжкою и напечатаны были.

Къ сему новому труду побудило меня наиболѣе то, что книжка моя, подъ заглавіемъ «Чувствованія христіанина» вышла уже около сего времени изъ печати безъ малѣйшей перемѣны во всѣхъ мѣстахъ, и что г. Новиковъ, при пересылкѣ ко мнѣ выговоренныхъ по условію 15-ти экземпляровъ, писалъ, что принята она московскою публичною чрезвычайно хорошо и съ отмінною похвалою. Что-жъ касается до меня, то я не могъ довольно нарадоваться, увидѣвъ ее въ печати и сю налюбоваться. И поученіе оной доставило мнѣ столько удовольствія, что я уже и однимъ тѣмъ слышкомъ награжденъ былъ за трудъ, къ сочиненію оной употребленной.

Вскорѣ за симъ случилось намъ чрезвычайнымъ образомъ поразиться одною печальностію. Какъ мы давно не видались съ благопріятствующею къ намъ всегда госпожею Бакуниною, то со-

брались мы однажды къ ней около сего времени съѣздить. Поелику жила она отъ насъ верстъ 15 или болѣе, то обыкновенно ѣзжали мы къ ней всегда послѣ обѣда и у ней ночевывали. А такимъ точно образомъ и въ сей разъ, поѣхавъ къ ней послѣ обѣда, приѣхали уже передъ самымъ вечеромъ и удивились, найдя у ней цѣлую толпу гостей и въ таковыхъ нарядахъ какъ бы на какомъ сборномъ праздникѣ. Но удивленіе наше увеличилось еще несказанно, когда хозяйка, изъявляя удовольствіе свое о нашемъ приѣздѣ, сказала намъ, что она въ этотъ день сговорила дочь свою въ замужество. Смутились мы, сіе услышавъ, и стали извиняться передъ нею, что мы никакъ неумышленно, но совсѣмъ того не зная, къ ней приѣхали и, можетъ быть, при такомъ случаѣ совсѣмъ излишніе и имъ помѣшать можемъ. Но она стала клясться и божиться, что она намъ очень рада, что дѣло уже кончено и мы ни малѣйшаго помѣшательства имъ не сдѣлаемъ. Сіе побудило меня спросить ее: «Да умилосердитесь, матушка! Скажите, по крайней мѣрѣ намъ, за кого такого?»

— «Да за подкомандующаго вашего, сказала она: Петра Алексѣевича Верещагина». Сіе поразило насъ до такой степени удивленіемъ, что мы едва собрались съ духомъ ее съ сею радостію поздравить. Ибо надобно сказать, что мы не только о семь сговорѣ, но ниже о сватовствѣ ихъ ничего до того не слыхали и совсѣмъ того не знали, и не могли не только надвинуться, но и постигнуть того, какъ она рѣшилась дочь свою, дѣвушку достойную и предостойную и которая у ней, кромѣ сына, одна только и была, отдавать за такого мотаргу и проплеца, каковъ былъ г. Верещагинъ, и котораго не слишкомъ похвальное поведеніе было всѣмъ и всѣмъ довольно известно.

Но какъ бы то ни было, но мы признаны были и его, появившагося къ намъ изъ другой комнаты, куда-было онъ при приѣздѣ нашемъ уклонился, поздравлять съ его благополучіемъ и брать

въ ихъ радости соучастіе. Совсѣмъ тѣмъ я не утерпѣлъ, чтобы, его отвѣда потомъ къ сторонѣ, ему не сказать: «Помилуй, братецъ! что это за секретничанье и такое сокрываніе отъ насъ твоего сватовства? Неужели ты опасался, что мы разбивать бы стали? Смѣшно бы то истинно было, еслибъ ты сіе и подумалъ, зная, какъ я дружески съ тобою всегда обходился и обхожусь?»

Стыдно тогда молодцу было, а не мѣнѣе и его нареченной тещѣ, и они не знали уже чѣмъ и какъ себя въ томъ извинить. Но какъ намъ сторона было дѣло, то мы охотно и припили ихъ ничтожныя извиненія, и дѣйствительно взяли въ ихъ радости соучастіе, хотя впрочемъ я во весь вечеръ не могъ тому надивиться, какъ умѣлъ сей хитрецъ подбиться къ ней въ любовь и смастерить это дѣло; но послѣ узнали мы, что весьма много помогло къ тому то, что самой невѣстѣ какъ-то оны понравились отъменно и она, будучи уже гораздо посидѣлою дѣвушкой, захотѣла сама за него выйти, а матери ея хотя сначала того и не хотѣлось, но какъ она ее не очень долюбивала, а обожала только своего, учащагося въ нашемъ пенсіонѣ, сына, то она съ досадою, наконецъ, и дала на то свое уже соизволеніе. Но, ахъ! какъ мало она знала тогда, что не сынъ, а самая сія нелюбимая дочь, отдаваемая тогда ни съ чѣмъ и съ приданымъ очень малымъ, будетъ наконецъ всему стяжанію ея послѣдницею и утѣшеніемъ ея старости.

Впрочемъ, самой сей нашъ нечаянный приѣздъ произвелъ то, что нельзя уже было Верещагинимъ, чтобы не пригласить насъ къ себѣ на свадьбу, чрезъ немногіе дни послѣ того быть долженствовавшую. Итакъ, они всѣмъ своимъ семействомъ, не только насъ приглашать, но и убѣдительношимъ образомъ просить стали, чтобы мы ихъ при семь случаѣ не оставили, и намъ хотя и былъ резонъ сіе отъ себя отклонить, что и учинить бы легко могли за всѣ его противъ насъ коварные поступки и интриги, но я и при семь

случаѣ не хотѣлъ имъ тѣмъ нимало мстити, но, презрѣвъ все, безъ дальнаго сопротивленія, а паче всего по убѣжденію его матери, старухи очень доброй и нами любимой, на то согласился.

Итакъ, 11-го ноября, то-есть предъ самыми почти заговинами, мы на сію свадьбу и поѣхали, а 12-го числа молодца сего на госпожѣ Бакуиной женили. И я принужденъ былъ играть при семъ случаѣ ролю посаженнаго отца и имѣть при томъ хлопотъ полноу ротъ; а не меньше досталось на свою часть и женѣ моей. Мы провели у нихъ по сему случаю дни четыре въ Бобрікахъ, а потомъ ѣздили вмѣстѣ съ молодыми на отводной пирѣ къ т-жѣ Бакуиной, и я радъ былъ, что имѣлъ случай и сему человѣку за зло отплатить добромъ: но за то и воспользовался я въ послѣдующее время всегдашнимъ его ко мнѣ и искреннимъ уже дружествомъ.

Въ послѣдующій за симъ Филипповъ постъ не произошло у насъ ничего особеннаго и такого, о чемъ стоило бы упомянуть. Мы провели весь оной по прежнему въ мирѣ и тишинѣ, и хотя далеко не такъ весело, какъ въ прежніе годы, однако безъ скуки. Утренніе часы и все дневное время посвящали мы на обыкновенныя свои дѣла, приватнымъ и по должности, а вечернее наиболѣе на угощенія другъ друга; ибо вечеринки у насъ, хотя гораздо рѣже, но все продолжались по прежнему, и не проходило воскреснаго дня и праздника, въ которой не было бы у кого-нибудь изъ насъ общаго съѣзда и собранія. Сверхъ того, бывали нерѣдко у насъ и проѣзжіе друзья наши и знакомцы, да и сами мы ѣздили къ уѣзднымъ нашимъ знакомымъ, и объѣзжая всѣхъ своихъ друзей, живущихъ въ сторонѣ къ Крапивнѣ, кромѣ только Темешова, съ которымъ не имѣлъ я охоту продолжать свое знакомство и оставилъ его съ покоемъ, хотя онъ, видая кой-гдѣ меня, вертѣлся предо мною, какъ самой бѣсы и всячески ласками своими вину свою загладить старался.

Къ прочимъ и маловажнымъ досто-

памятностямъ сего времени принадлежить, во-первыхъ, то, что я окончилъ свой переводъ Геценовыхъ проповѣдей и отослалъ ихъ къ г. Новикову для напечатанія, буде онъ на то рѣшится. Во-вторыхъ, что мы ненарочнымъ образомъ получили къ себѣ въ городъ хорошаго переплетчика, котораго у насъ до сего времени не доставало. Былъ то одинъ пьянющка, старичокъ-нѣмецъ и знакомой нашему лекарю, по имени Иванъ Андреевичъ Банніеръ. Сему, впрочемъ очень доброму, неглупому и весьма услужливому человѣку случилось въ Москвѣ пьяному какъ-то отзнобить у себя пальцы на ногахъ, и какъ они у него гнили, то приѣхалъ онъ къ лекарю нашему лечиться; а сей не только его вылечилъ, но уговорилъ остаться навсегда у себя жить для компаніи и довольствоваться столомъ его, а между тѣмъ завестись всѣми нужными для переплетанія книгъ инструментами и продолжать отправлять рукомесло свое, на что онъ, будучи крайне трудолюбивымъ человѣкомъ, охотно и согласился. Итакъ, отвели мы ему для житья и работы особыя комнаты въ одномъ флигелѣ, построенномъ на дворѣ гошпитальномъ, и были имъ очень довольны. Онъ переплеталъ не только книги, и весьма хорошо, но будучи затѣйливымъ человѣкомъ, дѣлалъ изъ политуры разныя коробочки, зѣркальцы и прочія тому подобныя вещицы и на продажѣ ихъ получалъ себѣ изрядной доходецъ. Съ моей же стороны я всего болѣе доволенъ былъ тѣмъ, что получилъ въ немъ новаго еще человѣка, съ которымъ могъ я заниматься разговорами на любимомъ моемъ нѣмецкомъ языкѣ и чрезъ то подтверждать оной, и какъ онъ былъ любознѣтливъ и во многихъ вещахъ свѣдущъ и любившій читать газеты и книги человѣкъ, то было мнѣ съ нимъ всегда нескучно.

Въ-третьихъ, случилось нашему городничему какъ-то поразмолвиться съ своею женою, женщиною, употреблявшею иногда втайнѣ излишнюю рюмку вина и при всѣхъ такихъ случаяхъ очень вздорною. И не знаю уже за что-то они такъ од-

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100

THE UNITED STATES OF AMERICA
DEPARTMENT OF JUSTICE
FEDERAL BUREAU OF INVESTIGATION
WASHINGTON, D. C. 20535

MEMORANDUM FOR THE DIRECTOR, FBI
SUBJECT: [Illegible]

[The remainder of the document contains several paragraphs of text that are extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. The text appears to be a formal report or memorandum.]

Обрадуясь сему, велѣлъ я тотчасъ запрягать себѣ карету, чтобъ въ то же утро съѣздить къ Новикову. Но какимъ изумленіемъ я поразился, когда послышанной съ сплѣт приказаніемъ слуга, возвратясь, мнѣ сказалъ, что запрягать карету некому и ѣхать мнѣ не съ кѣмъ. «Да гдѣ же подѣвались и кучеръ, и лакей?» спросилъ я. — «Всѣ, судырь, большы отвѣчалъ онъ: и кучеръ, и фрейторъ, и лакей вдругъ заболѣли и лежкою всѣ лежать, и одинъ только я на ногахъ». — «Ахъ, батюшки мои! воскликнулъ я, и вѣрпо также грудью и кашлемъ?» — «Точно такъ (сказалъ онъ): и всѣ сами дивятся, что такъ дружно ихъ свалило. Да я вотъ и самъ насиду уже брожу». — «Ну, печего-жь дѣлать (сказалъ я), быть сидѣть дома и чѣмъ-нибудь уже заниматься; а ты, между тѣмъ, поди-ка и вели скорѣй наставить на огонь большой чайникъ съ водою, и сваривъ поболѣе моего декокта, переной ихъ всѣхъ хорошенько, да и самъ панейся; да вели только пмѣ взять отдохновеніе и нескоро выходить послѣ того на дворъ, а ввечеру уже еще свари, и на ночь опять чтобъ всѣ они его напились».

Все сіе было и исполнено и декоктъ мой помогъ и всѣмъ имъ такъ хорошо, что они къ послѣдующему дню были всѣ опять уже по прежнему бодры и здоровы, и въ состояніи со мною со двора ѣхать. Итакъ, я, запрягши лошадей, и полетѣлъ къ Новикову, жившему тогда все еще въ прежнемъ мѣстѣ, подлѣ Воскресенскихъ воротъ, въ университетскомъ типографическомъ домѣ.

Сей не успѣлъ меня увидѣть, какъ обрадуясь чрезвычайно, бѣжалъ даже съ осторгомъ меня цѣловать и обнимать, и только что посадилъ меня, какъ и началъ мнѣ говорить: «Ахъ, братецъ, Андрей Тимоеевичъ, что ты надѣлалъ и какихъ чудесъ натворилъ?»

— А что такое? изумясь спросилъ я и привился такой встрѣчѣ.

— «Да на что ты отказался отъ прошенія твоего прекраснаго журнала? А публика тѣмъ крайне недовольна! Ты повѣришь, какъ она его полюбила,

какъ тобою была довольна и какъ о томъ жалѣеть, что ты отказался отъ продолженія онаго».

— Что, братецъ, обстоятельства меня къ тому принудили! сказалъ я и потомъ рассказалъ ему отчасти о сумасбродствахъ князя и о его частыхъ меня попреканіяхъ и произведенной тѣмъ досадѣ.

— «Ахъ, братецъ! сказалъ Новиковъ, сіе услышавъ. Расхаркалъ бы и напевалъ ты на все это, и на самого сего сумасброднаго твоего князя! Полезность самаго дѣла и всеобщее одобреніе публики несравненно того дороже. И ежели это только тому причиною, то плюнь, пожалуйста, на все это и презри, и подумай-ка, пожалуйста, не можно ли намъ возобновить и продолжить далѣе сіе дѣло, взявшее ходъ такой хорошій?»

— Но гдѣ-жь? сказалъ я, и какъ это можно? и когда успѣвать, хотя бы, напримеръ, и согласиться на это? Новой годъ у насъ уже не за горами, и когда успѣвать сочинять и печатать? Къ тому-жь, у меня ничего готоваго къ тому нѣтъ, да и книгъ никакихъ я съ собою не взялъ.

— «Охъ, братецъ! подумай-ка, пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь и не успѣешь ли сперва хоть одинъ листъ на первой случай написать? Намахать тебѣ его недолго, а что касается до меня, то за мною дѣло не станетъ. Мы успѣемъ еще перевернуться къ тому времени. Одинъ листъ печатать недолго. Вмигъ мы его наберемъ и напечатаетъ, а успѣлъ бы только ты намъ его написать; а сверхъ того есть у меня нѣсколько пьесокъ, оставшихся и отъ нынѣшняго года, такъ помѣстимъ и ихъ тутъ же. А книги, какія надобны къ тому, бери себѣ у меня. Всѣ, какія есть у меня, къ твоимъ услугамъ! Пожалуйста, подумай!»

— Богъ знаетъ, батюшка! (сказалъ я, задумавшись), могу-ли я успѣть? Время то уже слишкомъ коротко, и здѣсь до того ли займемъ человѣку, чтобъ заниматься писаніемъ?

— «Но, какъ-нибудь! пожалуйста, братецъ! (повторилъ онъ), а чтобъ труды и

нажды разсорились и она такъ взбѣсилась, что даже ушла отъ своего кроткаго и смирнаго мужа, и я, по просьбѣ его, принужденъ былъ ѣздить по городу ее отыскивать и потомъ мирить ихъ между собою, чт мнѣ наконецъ и удалось.

Между тѣмъ настала у насъ и шла своимъ чередомъ зима, и нечувствительно стали приближаться наши святки и новой годъ. И какъ къ сему времени располагались мы ѣхать въ Москву со всѣмъ уже семействомъ, кромѣ самыхъ маленькихъ дѣтей и пожить въ ней нѣсколько недѣль, то послали предварительно туда человека нанять себѣ квартиру и приискать къ тому гдѣ-нибудь порядочной домикъ, которой и нашли намъ на Покровѣ.

Къ ѣздѣ сей побуждало насъ наиболѣе то, что хотѣлось намъ старшую дочь нашу и сына поучить формально танцеванью; а сверхъ того, какъ первая достигла уже до такого возраста, что вскорѣ могла уже быть и невѣстою, то нужно было позаготовить ей кое-что и для будущаго приданаго, а мнѣ нужно было повидаться и счестся по дѣламъ нашимъ съ г. Новиковымъ.

Итакъ, какъ скоро получилъ мы извѣстіе, что домъ для насъ нанятъ и готовъ, то отправивъ, и съ кормомъ для лошадей и со всѣми другими нужными для московскаго житья потребностями, цѣлой обозъ, влѣдъ за ними и сами отправились, и за нѣсколько дней до наступленія новаго года туда и приѣхали.

Тутъ не успѣли мы обострожитья и въ нанятомъ для насъ, довольно просторномъ и изрядномъ спокойномъ домѣ расположиться, какъ повстрѣчалось со мною одно происшествіе, достойное записано быть для памяти. Случилось такъ, что при самомъ еще первомъ нашемъ выѣздѣ со двора въ гости къ однимъ нашимъ друзьямъ, жившимъ тогда подъ Донскимъ, какъ вдругъ почувствовалъ я въ груди своей такой рѣзь и такой паналъ на меня кашель, какого я никогда еще не чувствовалъ, и которой не только удивлялъ меня своею особенностію, но и приво-

дил ежеминутно почти отъ часу въ прижѣтнѣйшее расслабленіе.

— «Господи! что это такое? говорилъ я: уже не вынѣшняя ли московская болѣзнь, и не она ли уже успѣла заразить меня собою?» Ибо надобно знать, что около самаго сего времени страдала вся Москва повальнымъ и особаго рода кашлемъ, и больныхъ было въ ней многія тысячи и доходило до того, что господа медики не знали чтѣ и дѣлать, и совѣтывали уже всѣмъ дома свои накуривать уксусомъ и брать всѣ нужныя при такихъ повальныхъ болѣзняхъ предосторожности, и не зная еще какая бы такая была сія новая и необыкновенная болѣзнь, сваливающая людей въ сутки съ ногъ долой, называли ее «инфлюенціею» и приписывали ее особливому расположенію воздуха.

Съ превеликимъ трудомъ и насиліемъ для себя препроводилъ я сей день въ гостяхъ помянутыхъ, и какъ надобно было еще въ самой тотъ же вечеръ ѣхать съ ними въ театръ, то, будучи въ ономъ и прозябши, тѣмъ еще болѣе и до того себя разстроилъ, что я наконецъ такъ ослабѣлъ, что съ нуждою доѣхалъ домой и тотчасъ ринулся въ постелю. Тутъ, недолго думая, велѣлъ я скорѣе отыскивать свой собственной простудной декоктъ, которой я, еще будучи въ Кіасовѣ и упражняясь въ ботаникѣ, началъ составлять изъ буквицы, шалфея и ромашки, полагая первой двѣ части, а послѣднихъ по одной, и котораго о чрезвычайной полезности изъ многократной опытности я такъ былъ удостовѣренъ, что никуда вдаль не ѣзжалъ, не бравъ его съ собою. И какъ по сему самому и въ сей разъ позапасся я имъ въ нарочитомъ количествѣ, то не успѣли мнѣ его въ чайничкѣ сварить, какъ ну я его скорѣе, подслащивая медомъ, пить и пить болѣе еще обыкновенной пропорціи, 4-хъ чашекъ. И безцѣнной декоктъ сей помогъ мнѣ и при семъ случаѣ такъ хорошо, что вся болѣзнь моя въ теченіе ночи прошла, и я поутру всталъ опять здоровымъ-здоровехнѣмъ.

Обрадуюсь сему, велѣлъ я тотчасъ запрягать себѣ карету, чтобъ въ то же утро съѣздить къ Новикову. Но какимъ изумленіемъ я поразился, когда посланной съ симъ приказаніемъ слуга, возвратясь, мнѣ сказалъ, что запрягать карету некому и ѣхать мнѣ не съ кѣмъ. «Да гдѣ же подѣвались и кучеръ, и лакей?» спросилъ я. — «Всѣ, судирь, больны отвѣчалъ онъ: и кучеръ, и фореиторъ, и лакей вдругъ заболѣли и лежкою всѣ лежатъ, и одинъ только и на ногахъ». — «Ахъ, батюшки мои! воскликнулъ я, и вѣрно также грудью и кашлемъ?» — «Точно такъ (сказалъ онъ): и всѣ сами дивятся, что такъ дружно ихъ свалило. Да я вотъ и самъ насилу уже брожу». — «Ну, печего-жъ дѣлать (сказалъ я), быть сидѣть дома и чѣмъ-нибудь уже заниматься; а ты, между тѣмъ, поди-ка и вели скорѣй наставить на огонь большой чайникъ съ водою, и сваривъ поболѣе моего декокта, переной ихъ всѣхъ хорошенько, да и самъ нанейся; да вели только мнѣ взять отдохновение и нескоро выходить послѣ того на дворъ, а ввечеру ужъ еще сваря, и на ночь опять чтобъ всѣ они его намялись».

Все сіе было и исполнено и декоктъ мой помогъ и всѣмъ имъ такъ хорошо, что они къ послѣдующему дню были всѣ опять уже по прежнему бодры и здоровы, и въ состояніи со мною со двора ѣхать. Итакъ, я, запрягши лошадей, и полетѣлъ къ Новикову, жпвшему тогда все еще въ прежнемъ мѣстѣ, подлѣ Воскресенскихъ воротъ, въ университетскомъ типографическомъ домѣ.

Сей не успѣлъ меня увидѣть, какъ обрадуюсь чрезвычайно, бѣжалъ даже съ восторгомъ меня цѣловать и обнимать, и только что посадилъ меня, какъ и началъ мнѣ говорить: «Ахъ, братецъ, Андрей Тимоѣевичъ, что ты надѣлалъ и какихъ чудесъ натворилъ?»

— А что такое? изумясь спросилъ я и удивился такой встрѣчѣ.

— «Да на что ты отказался отъ продолженія твоего прекраснаго журнала? Вся публика тѣмъ крайне недовольна! Ты не повѣришь, какъ она его полюбила,

какъ тобою была довольна и какъ о томъ жалѣеть, что ты отказался отъ продолженія онаго».

— Что, братецъ, обстоятельства меня къ тому принудили! сказалъ я и потомъ рассказалъ ему отчасти о сумасбродствахъ князя и о его частыхъ меня попреканіяхъ и произведенной тѣмъ досадѣ.

— «Ахъ, братецъ! сказалъ Новиковъ, сіе слышавъ. Расхаркалъ бы и наплевалъ ты на все это, и на самого сего сумасброднаго твоего князя! Полезность самаго дѣла и всеобщее одобреніе публики несравненно того дороже. И ежели это только тому причиною, то плюнь, пожалуйста, на все это и презри, и подумай-ка, пожалуйста, не можно ли намъ возобновить и продолжить далѣе сіе дѣло, изъяснее ходъ такой хорошій?»

— Но гдѣ-жъ? сказалъ я, и какъ это можно? и когда успѣвать, хотя бы, напримеръ, и согласиться на это? Новой годъ у насъ уже не за горами, и когда успѣвать сочинять и печатать? Къ тому-жъ, у меня ничего готоваго къ тому нѣтъ, да и книгъ никакихъ я съ собою не взялъ.

— «Охъ, братецъ! подумай-ка, пожалуйста, нельзя ли какъ-нибудь и не успѣешь ли сперва хоть одинъ листъ на первой случай написать? Намахать тебѣ его недолго, а что касается до меня, то за мною дѣло не станетъ. Мы успѣемъ еще перевернуться къ тому времени. Одинъ листъ печатать недолго. Вмигъ мы его наберемъ и напечатаемъ, а успѣлъ бы только ты намъ его написать; а сверхъ того есть у меня нѣсколько пьесокъ, оставшихся и отъ нынѣшняго года, такъ помѣстимъ и ихъ тутъ же. А книги, какія надобны къ тому, бери себѣ у меня. Всѣ, какія есть у меня, къ твоимъ услугамъ! Пожалуйста, подумай!»

— Богъ знаетъ, батюшка! (сказалъ я, задумавшись), могу-ли я успѣть? Время то уже слишкомъ коротко, и здѣсь до того ли заѣзжому человѣку, чтобъ заниматься писаніемъ?

— «Но, какъ-нибудь! пожалуйста, братецъ! (повторилъ онъ), а чтобъ труды и

хлопоты твои сколько-нибудь усладить, то вотъ прибавляю вамъ съ моей стороны еще 50 рублей къ цѣнѣ прежней и пусть будетъ уже ровно 500 рублей, которые вы получите».

— Хорошо! (сказалъ я, нѣсколько опять подумавъ), быть такъ! потрудиться, такъ потрудиться!... Но съ публикою какже мы сдѣлаемся. Она уже знаетъ, что я болѣе не хотѣлъ издавать?

— «О, это не ваше, а мое уже дѣло! (подхватилъ Новиковъ). Съ публикою можете вы въ первомъ листѣ оговориться: а чтобы скорѣе о будущемъ продолженіи онаго узнали, такъ мы сегодня же успѣемъ еще напечатать о томъ особое объявленіе и приложить оное къ завтрашнимъ газетамъ, такъ дѣло и будетъ въ шляпѣ; а сверхъ того я иначе о распубликованіи о томъ постараюсь. Это уже мое дѣло, а вы поспѣшите только матерію для первыхъ листовъ сочинить какъ можно скорѣе».

— Хорошо! сказалъ я, и хотѣлъ-было подниматься, чтобы ѣхать, но онъ удержалъ меня на креслахъ, воскликнувъ: «Да постой же, ради Бога! хоть чашку кофея у меня выпей, вотъ тотчасъ подадутъ его! и тотчасъ закричалъ: Малый! кофея скорѣй!»

Между тѣмъ, какъ я, осѣвшисъ, сталъ дожидаться его кофея, сказалъ мнѣ Новиковъ: «А на меня знаешь ли, братецъ, какое горе: пинѣшная московская болѣзнь загуляла и къ намъ въ типографію, и возможно ли: сею ночью цѣлыхъ шестьдесятъ человѣкъ вдругъ занемогло и лежать всѣ повакою; не знаю что и дѣлать и боюсь, чтобы не остановилось все дѣло!»

— О! это бездѣлка!... и ничего не значить (сказалъ я). Всѣхъ ихъ можно въ одинъ мигъ вылечить и хорошо, что вы мнѣ это сказали!

— «Ахъ, помилуй, братецъ, скажи ради Бога, чѣмъ? (подхватилъ г. Новиковъ), ты меня очень одолжишь тѣмъ!»

Тогда рассказалъ я ему то, что случилось и съ самимъ мною, и съ людьми мо-

ими, и какъ я и себя и ихъ вылечилъ своимъ декоктомъ.

Господинъ Новиковъ обрадовался невѣдомо какъ сіе услышавъ, и не успѣлъ начать у меня о сей травяной смѣси и о употребленіи оной разспрашивать, а я ему разсказывать,—какъ въ самую ту минуту растворяются двери и входитъ къ намъ штабъ-лекаръ, за которымъ г. Новиковъ посылалъ по самому сему случаю нарочно.

— «Ахъ, вотъ кстати и Карлъ Ивановичъ! (воскликнулъ Новиковъ, его увидѣвъ). Что, братецъ! у меня вся типографія больна! и человѣкъ шестьдесятъ лѣжкою лежатъ. Сдѣлай милость, посмотри ихъ».

— «Я былъ уже тамъ, и видалъ всѣхъ ихъ. Эта нониншна болѣзнь, но мы не знаемъ што дѣлать. Умъ наша не стала, завтра положили ужъ бить обща собранія всѣхъ медиковъ и консилиумъ о томъ, што лучше дѣлать и чѣмъ лечить».

— Да вотъ, Карла Ивановичъ (сказалъ на сіе Новиковъ): я сейчасъ услышалъ о вѣрномъ лекарствѣ отъ этой болѣзни. Вотъ Андрей Тимоѣевичъ и самъ надъ собою и надъ людьми своими испыталъ, и въ одни сутки вылечилъ всѣхъ ихъ. И нельзя ли, братецъ, прописать вамъ самия сіи травы для типографщиковъ моихъ?»

Штабъ-лекаръ взглянулъ на меня гордо и равно какъ съ пренебреженіемъ и изволилъ улыбнуться; однако изъ уваженія къ г. Новикову сказалъ: «Пожалуй, пожалуй, когда вамъ то надобь... А какъ эта трава називайтъ?» спросилъ онъ меня также съ нѣсколькимъ пренебреженіемъ.

Тогда назвалъ я ихъ такъ, какъ они у нихъ въ аптекахъ по-латыни називаются—herba Betonica, foliis Salviae и flores Chamomilla, то-есть, буквица, шалфей и ромашка.

— «А препорцъ?» спросилъ онъ меня далѣе.

— Первой двѣ, а послѣднихъ по одной горсти, сказалъ я.

— «А употребленіе?» спросилъ онъ.

— Варить въ водѣ и, подсластивъ медомъ, пить горячее поболѣе на ночь.

— «О, это карошь! карошь! сказалъ онъ: травъ добра, можно прибавляйтъ немножко лаврова листь».

— Пожалуй, сказалъ я, это не пошѣшаетъ, но онъ и безъ него хороши. И далъ ему волю писать рецептъ свой, а потомъ, подтвердивъ г. Новикову, чтобъ онъ въ особенности постарался, чтобъ всѣ больные напоены были симъ отваромъ на ночь погорячѣе и побольше, распрощался съ нимъ и поѣхалъ.

Но, куда-жъ? Прежде всего полетѣлъ я въ нѣмецкую книжную лавку къ г. Ридигеру и ну разсматривать у него каталогъ и искать въ немъ и замѣчать экономическія книги, какія мнѣ нужны были для почерпанія изъ нихъ для журнала моего матеріи. И какъ попался мнѣ на глаза Яблоновскаго «Натуральной лексиконъ» и одинъ маленькой и особой трактатецъ о шафѣй, то, купивъ ихъ, поскакалъ домой; и какъ случилось мнѣ ѣхать мимо одного часовщика и я давно нуждался хорошими карманными часами, то вздумалъ заѣхать къ нему и прибавленные мнѣ 50 рублей употребить на покупку оныхъ, и счастье привело меня тогда къ часовщику очень честному, снабдившему меня за 45 рублей такими часами, которыхъ вѣрностію и крѣпостію былъ я послѣ весьма доволенъ.

Возвратясь на квартиру и отобѣдавъ, не поѣхалъ я уже въ тотъ день никуда, какъ меня ни подзывали мои домашнія, а безъ дальнаго отлагательства, выбравъ себѣ тешенькой уголокъ и усѣвшись въ кабинетъ подлѣ печки, ну черкать и сочинять первой листь для продолженія журнала, и поработавъ до поту лица, какъ въ тотъ день и вечеръ, такъ, вставши поранѣе, и въ слѣдующее утро, успѣлъ не только его, но и другой еще листь намахать, и какъ ободняло гораздо, то и повезъ его къ Новикову.

Г. Новиковъ, увидѣвъ меня, внимающаго манускриптъ мой изъ кармана, воскликнулъ даже отъ удивленія: «Какъ! (сказалъ онъ), неужели уже и готовъ?»

— Не только одинъ, отвѣчалъ я, но и цѣлыхъ два, и посмотрите, годятся ли?

— «Прекрасно! прекрасно! сказалъ онъ, прочитавши. Ну, братецъ, только тебѣ и издавать сего рода журналы! Не думалъ я никакъ, чтобъ у тебя такъ скоро поспѣли. Покорно и препокорно благодарю. А я тебѣ чудо расскажу: вѣдь твой декоктъ истинныя чудеса натворилъ; вѣдь типографщики мои всѣ опять здоровымъ-здоровѣхоньки и работаютъ уже опять. А штабъ-лекаръ оцѣпенѣлъ почти отъ удивленія о его превосходномъ дѣйстви, и сію только минуту безъ памяти поскакалъ въ свой общій консліумъ сказывать сіе чудо всему своему медицинскому факультету, и теперь всѣ они безсомнѣнно примутся больныхъ своихъ лечить декоктомъ твоимъ. Но жаль, что нѣмчура сей вѣрно поставитъ то на свой счетъ и расхвастается, что онъ это лекарство выдумалъ».

— Ну, пусть его! сказалъ я, а только бы люди-то вылечивались имъ. Онъ и подлинно произвелъ тогда въ Москвѣ превеликую пользу и не осталось во всей ей, ни въ аптекахъ, ни въ травяномъ ряду ни листочка буквицы, шафѣя и ромашки. Всѣ ихъ до-чиста выкупили и предъ аптеками только и видны были кучи людей, требующихъ травъ сихъ для леченія.

Симъ образомъ успѣли мы съ г. Новиковымъ перевернуться и издаванію журнала моего не сдѣлать перерывки и остановки. И какъ, по счастью, выдача перваго нумера газетъ случилась не въ самой первой день новаго года, то и было еще время первой листь набрать и напечатать, и онъ успѣлъ къ присовокупленію его къ газетамъ.

Но симъ окончу я и все повѣствованіе мое о 1781-мъ годѣ, сказавъ вкратцѣ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 22-го дня 1809 года).

1782 годъ.

Письмо 209-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ 1782-й годъ начали мы препровождать находясь въ Москвѣ, въ которой

никогда еще мы такъ долго не жили, какъ въ сей разъ. Весь тогдашній роже-ственской мясоѣдъ провели мы въ оной и захватили даже и всю почти первую недѣлю великаго поста. Итакъ, пробыли мы въ оной болѣе шести недѣль. Все сіе время провели мы довольно весело по нѣрѣдкимъ разъѣздамъ по всѣмъ нашимъ друзьямъ, знакомымъ и родственникамъ. Частыя свиданія съ бывшими опять въ оной моими племянницами Травиными, приниманіе и угашиваніе у себя и ихъ, и призжающихъ къ намъ другихъ гостей, нѣрѣдкія бванія въ театрѣ—доставляли намъ и удовольствій довольно; однако было множество и хлопотъ и суетъ для всѣхъ насъ. Надлежало отыскивать танцмейстера и нанимать его учить и дочь мою и сына танцованію, которой и ѣздилъ къ намъ почти всякой день и производилъ свое дѣло. Надлежало не одинъ разъ бывать въ рядахъ и покупать разныя покупки, а особливо женѣ моей, старавшейся уже о закупаніи многихъ вещей, нужныхъ для моей дочери. А мнѣ не только заниматься сочиненіемъ матеріи для начатого продолженія моего журнала, но частенько бывать у обоехъ князей Гагариныхъ, и къ молодому ѣздить, какъ къ своему командиру по должности, и трактовать съ нимъ о многихъ дѣлахъ по волости; а къ старому—для навѣщенія его въ скукѣ и прослживанія по прежнему съ нимъ вечеровъ цѣлыхъ. Однако, въ сей разъ я къ нему уже не такъ часто ѣздилъ, какъ въ послѣднюю мою передъ симъ бытность въ Москвѣ. Съ одной стороны и увеличивающаяся уже часъ-отъ-часу его слабость, лишающая его прежней охоты къ говоренью, а принуждающая лежать болѣе уже молча на каванѣ, а меня заставляющая придумывать все, что можно къ занятію его разговорами—дѣлала мнѣ сіи вечера уже скучнѣйшими; а съ другой—и самая отдаленность отъ его дома моей квартиры поудерживала меня отъ частой ѣзды къ нему, хотя онъ и въ сей разъ столько же всегда мнѣ радъ бывалъ, какъ и прежде, и обходился со мною по прежнему очень дружелюбно

и ласково, и всякой разъ не упускалъ, чтобъ не поблагодарить меня за посѣщеніе его въ старости и въ скукѣ.

Что касается до молодого князя, моего огненнаго командира, то сей принималъ меня въ сію мою бытность въ Москвѣ несравненно уже благосклоннѣе и лучше, нежели въ прежнее, а особливо въ первой разъ, какъ я къ нему на новой годъ приѣхалъ для поздравленія его. Онъ, равно какъ стараясь заглядить прежнее свое дурное и оскорбительное для меня поведеніе, не только не могъ со мною довольно наговориться, но унялъ у себя даже обѣдать, а послѣ обѣда, зная мое любопытство, показывалъ мнѣ свои рѣдкія и дорогія книги съ разными эстампами, и доставилъ мнѣ чрезъ разсматриваніе оныхъ превеликое удовольствіе. А въ другой разъ, будучи однимъ изъ директоровъ или старшинъ благороднаго собранія, или какъ тогда называли клуба, такъ ко мнѣ удобрился, что, спросивъ, не хочу ли я побывать у нихъ въ клубѣ, снабдилъ меня визитернымъ билетомъ для впущенія въ оной, и чрезъ то доставилъ мнѣ случай въ первой еще разъ видѣть сей родъ увеселительныхъ публичныхъ собраній. Но мнѣ оное такъ не полюбилось, что было въ ономъ болѣе скучно, нежели весело, ибо безпрестанное только взадъ и впередъ хожденіе и смотрѣніе на множество столовъ съ людьми, занимающимися игрою въ карты, и немѣніе никакого случая заняться разговорами, поелику всѣ были для меня люди незнакомые, весьма скоро сдѣлалось мнѣ не только скучно, но и отяготительно, почему и не пробылъ я въ ономъ болѣе одного часа, а ушелся скорѣе домой заниматься своими книгами и сочиненіями.

Первыхъ накупилъ я себѣ опять множество родовъ разныхъ во всѣхъ бывшихъ тогда весьма немногихъ еще книжныхъ лавкахъ, и какъ разсматриваніе, такъ и чтаніе оныхъ доставляло мнѣ тысячу минутъ пріятныхъ. Но послѣднія обращались иногда отчасти и въ тягость, ибо, какъ необходимо нужно было пещись о томъ, чтобъ набранію и печатанію

листовъ моего «Магазина» не могла за мною произойти остановка, а заготовленной матеріи я никакой съ собою не привезъ, а долженъ былъ все вновь сочинять, и нужныя на то матеріи въ книгахъ прискивать, и всѣмъ тѣмъ невозможнѣйшимъ образомъ спѣшить; то и работа я тогда, такъ сказать, равно какъ изъ-подъ палки, и сіе обращалось мнѣ иногда даже въ тягость, и тѣмъ паче, что за частыми приѣздами къ намъ гостей и за собственными своими по гостямъ разъѣздами не имѣлъ я всегда къ тому довольно досуга и свободнаго времени, а принужденъ былъ заниматься тѣмъ уже въ утренніе часы и вставать для того досрѣба и не по городскому, а гораздо ранѣе. И мое счастье еще было, что я не принужденъ былъ сочиненія мои переписывать набѣло, а отсылалъ ихъ въ типографію такъ, какъ выходили они изъ-подъ пера моего, и что въ типографіи самыя почти ребятишки привыкли такъ къ моей рукѣ, что разбирали все, написанное мною, съ какимъ бы то успѣшеніемъ ни было, хорошо охотно. Но за то долженъ я былъ и пересматривать каждой первой и обыкновенно всегда не весьма еще исправно отпечатанной листъ и, прочитывая его, отправлять корректуру.

Комиссію сію навалилъ на меня г. Новиковъ изъ вѣжливости и учтивства, какъ на сочинителя; но я не радъ былъ сей вѣжливости и охотнѣе хотѣлъ бы быть избавленнымъ отъ оной. Но какъ отговориться оттого было и дурно, и стыдно, то принужденъ былъ заниматься и симъ весьма скучнымъ для меня дѣломъ. Впрочемъ, достопамятно, что какъ мнѣ прежде упомянутой вновь купленной у Ридгера трактатъ о шалфеѣ по важности своей отменно полюбился, то разсудилъ я всю сію небольшую книжку, переведа отъ слова до слова и разбивъ на нѣсколько отдѣленій, помѣстить въ свой «Магазинъ», и она мнѣ много собою въ моемъ дѣлѣ подспорила, поелику мнѣ не столько самое писаніе и переводы, сколько прискиваніе и выборъ матеріи былъ отя-

готителенъ, а тутъ занимался я переводомъ одной уже ей нѣсколько дней сряду.

Кромѣ разныхъ книгъ, удалось мнѣ во время сего пребыванія въ Москвѣ закупить себѣ и множество ландкартъ, также прошептивическихкихъ и другихъ разныхъ родовъ эстамповъ, и не одинъ разъ бывало, что я, забравшись въ домъ къ ниренбергцамъ и итальянцамъ, торгующимъ сими товарами, препровождалъ по нѣсколькучасовъ въ разсматриваніи, отбираниіи и покупаніи себѣ оныхъ; а иногда сами они, ходючи по улицамъ съ своими портфелями, къ намъ оныя занашивали, и чрезъ разсматриваніе своихъ картинъ сколько мнѣ, а того болѣе моему сыну, сдѣлавшемуся до нихъ охотникомъ, превеликое удовольствіе доставляли.

Что касается до собственныхъ моихъ разъѣздовъ, то, кромѣ многократнаго быванія у всѣхъ нашихъ родственниковъ и прежнихъ друзей и пріятелей, бывалъ я всего чаще у г. Новикова по поводу издаваемого мною «Магазина», и онъ обращался со мною отъ часу дружелюбнѣе. Бывая у него, имѣлъ я случай познакомиться со многими учеными людьми и, между прочимъ, съ г. Ключаревымъ, нынѣшнимъ почтдиректоромъ московскимъ; также видѣлъ славнаго въ тогдашнее время стихотворца Кострова, которой удивилъ меня своею дурною и отвратительною фигурою и видомъ; и я чудился натурѣ, что она, обидѣвъ столь жестоко его съ сей стороны, одарила взамѣнъ того великими дарованіями, и даже сожалѣлъ о томъ, что мнѣ случилось узнать его лично, ибо не знаячи, воображалъ я его себѣ несравненно въ лучшемъ видѣ.

Видѣлся я также не одинъ разъ съ старикомъ, г. Владыкинымъ, продолжавшимъ со мною по прежнему свою переписку, благопріятство, и дружество. И однажды, приѣхавъ къ нему съ моею женою и дочерью, удивились мы, нашедъ противъ всякаго ожиданія у него множество гостей, и попали нечаянно на стоворъ одной изъ дочерей его въ замужство.

Видался я не одинъ разъ и съ прежними моими знакомцами, господами Сад-

тыковыми, а особливо съ другомъ моимъ, Александромъ Михайловичемъ, продолжавшимъ ко мнѣ прежнюю свою нелицемѣрную дружбу по самую его кончину, воспослѣдовавшую вскорѣ послѣ сего времени. А тогда возилъ онъ меня однажды къ одному изъ знаменитыхъ своихъ родственниковъ, престарѣлому старику Михайлѣ Михайловичу Салтыкову, желавшему меня узнать лично и весьма обласкавшему, у котораго мы съ нимъ и обѣдали.

Далѣе имѣлъ я случай быть опять у куратора университетскаго, Михаила Васильевича Хераскова. Къ нему возилъ меня г. Новиковъ и доставилъ мнѣ удовольствіе видѣть у него домашней театръ, и на ономъ представленіе въ первой разѣ трагедіи «Идолопоклонники» и оперы «Клоріана». Театрикъ сдѣланъ былъ у него въ залѣ немногимъ чѣмъ больше и лучше нашего перваго богородицкаго, а гораздо хуже послѣдняго. Зрителей было довольно, но были они всѣ ему знакомые люди и въ числѣ ихъ старинной мой знакомецъ графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ. Онъ былъ уже тогда эксфаворитомъ и, какъ говорили, нѣсколько уже съ разстроеннымъ умомъ. И этотъ случай былъ только одинъ, въ которой я сего славнаго человѣка въ знатномъ его достоинствѣ видѣлъ. Будучи любопытенъ, узнаетъ ли онъ меня, бывшаго ему въ Кёнигсбергѣ такъ коротко знакомымъ, становился я не одинъ разъ въ самой близости онаго; но онъ никакъ меня не узналъ, хотя и не одинъ разъ смотрѣлъ на меня. Мнѣ же никакъ не хотѣлось ему о себѣ сказывать и подходить къ нему съ поклонами. Было сіе уже незадолго до его смерти.

Кромѣ сего, былъ я опять въ домѣ у г. Демидова, Никиты Акинѣевича, но безъ него, а по особливому случаю. Разговаривая однажды, будучи у князя, съ любимцемъ его, г. Крымовымъ, узналъ я, что домъ Демидова ему очень знакомъ. И какъ мы разговорились съ нимъ о его натуральномъ кабинетѣ и рѣдкостяхъ, въ ономъ находящихся, то пришла мнѣ

мысль спросить его, не можетъ ли онъ мнѣ доставить удовольствія видѣть и пересмотрѣть на досугѣ все, въ домѣ семъ находящееся и зрѣнія достойное, и показать все то моеи женѣ и дѣтямъ. И какъ онъ съ охотою взялся мнѣ сію услугу оказать и случившееся тогда отсутствіе Демидова отъ дома почиталъ наибудобнѣйшимъ случаемъ, то и возилъ я и жену свою, и сына, и дочь, и племянницъ своихъ въ сей домъ. И какъ намъ все и все въ немъ было показано, то и доставилъ я имъ, а особливо сыну моему неописанное удовольствіе. Онъ не могъ какъ на картины славныхъ мастеровъ, такъ и на множество невиданныхъ имъ еще никогда натуральныхъ рѣдкостей, также китайскому кабинету довольно насмотрѣться и всему досыта удивиться. Въ особенности же любовались всѣ мы маленькими американскими птичками колибри, изъ которыхъ нѣкоторыя не болѣе пчелы были величиною, а при всемъ томъ украшены преузорочными перьями.

Другое, хотя не столь любопытное, а болѣе печальное и поразительное зрѣлище видѣли они при случаѣ погребенія умершаго около самаго сего времени, московскаго начальника, славнаго нашего князя, Василія Михайловича Долгорукова. И какъ они пышной процессіи сего рода никогда не видѣли, то возилъ я ихъ для сего въ домъ къ г. Новикову, съ превеликою охотою давшему намъ въ домѣ своемъ, для смотрѣнія оной, нѣсколько оконъ, и они насмотрѣлись и сего зрѣлища.

Случилось сіе въ самомъ началѣ уже февраля мѣсяца и въ первые дни наставшей тогда масляницы, которую недѣлю провели мы всю въ непрерывныхъ разѣздахъ по гостямъ и очень весело. Мы не пропускали ни одного спектакля изъ бывшихъ по обыкновенію въ сію недѣлю. Были также на горахъ, на коняхъ катанья дѣти мои также не видывали, а наконецъ возилъ я ихъ и въ маскарадъ пятничной, желая чтобъ они и объ ономъ получили повятіе.

Наконецъ, 6-го февраля мы заговѣлись,

и какъ увеселенія всѣ кончились, то съ наступленіемъ великаго поста принялись мы за дѣла, оставшіяся для исправленія. Итакъ, госпожи наши занялись своими покупками и разъѣздами по церквамъ и богомолиями, а я—за обыкновенной своей годовой счетъ и расчетъ съ Новиковымъ, а потомъ, ѣздивши почти всякой день къ князю, своему командиру, занялся переговорами съ нимъ о дѣлахъ, до волости относящихся.

Наиглавнѣйшими предметами сихъ переговоровъ было, во-первыхъ, затѣваемое княземъ дѣланіе въ богородицкомъ дворцѣ изъ дикаго крѣпкаго камня большой парадной лѣстницы, для которой работы отысканы были и мастеровые, и сочиненъ архитекторомъ планъ оной. Вторыхъ, затѣваемая нами продажа изъ богородицкихъ прудовъ маленькихъ варповъ, для завода всѣмъ, кто похочетъ ихъ покупать, и открытіе чрезъ то новаго источника доходовъ. А въ-третьихъ, и важнѣе всего, затѣваемая отдача всѣхъ нашихъ оброчныхъ земель съ публичнаго торга и знаменитое чрезъ то приращеніе доходовъ. И какъ князь о безпристрастїи моемъ въ семъ дѣлѣ былъ увѣренъ, то, говоря со мною о семъ предметѣ, такъ ко мнѣ раздобрылся, что самъ мнѣ предложилъ, чтобъ я взялъ и себѣ въ оброкъ десятинъ съ двѣсти, гдѣ хочу и, не въ примѣръ другимъ, только по рублю за десятину, чѣмъ я очень былъ доволенъ, ибо чрезъ то могъ получать всякой годъ рублей ста два дохода.

Кончили съ молодымъ княземъ свои дѣла, и получивъ отъ него ордера и повелѣнія обо всемъ нужномъ и раскланявшись съ нимъ, поѣхалъ я проститься также и къ старiku, отцу его. И это было уже въ послѣдній разъ, что я видѣлъ сего любезнаго и почтеннаго нашего вельможу. Онъ принялъ меня въ сей разъ отиѣнно ласково и распрощался со мною, какъ бы съ какимъ отъѣзжающимъ родственникомъ, равно какъ предчувствуя, что онъ меня болѣе въ живыхъ своимъ не увидитъ.

Съ племянниками моими

приложени въ сѣтѣ

мы также почти со слезами на глазахъ. Старшая изъ нихъ, Надежда Андреевна, управлявшая всѣмъ ихъ домою, такъ полюбила бышшую съ нами среднюю дочь нашу, Настасью, что упросила насъ, чтобъ мы отпустили ее пожить къ ней въ Кашинъ, на что мы и согласились, но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ, взаменъ того, меньшая ихъ сестра Анна Андреевна, поѣхала съ нами пожить у насъ въ Богородицкѣ. Итакъ, произошла у насъ въ семь случаевъ мѣна, которою съ обѣихъ сторонъ были довольны.

Наконецъ, окончивши всѣ свои дѣла и оставивъ въ Москвѣ довольное-таки количество растрченныхъ на все денегъ, 12-го февраля, передъ вечеромъ, поѣхали мы изъ Москвы, и заѣхавъ на самое короткое время въ свое Дворяниново, увидались съ обоими тутошними нашими сосѣдами. И какъ у брата Михаила Матвѣевича нашли мы старшаго его сына мальчикомъ уже изряднымъ, то, желая дать ему лучшее воспитаніе, уговорили его, чтобъ онъ привезъ его къ намъ и оставилъ пожить у насъ и кое-чему поучиться. Послѣ чего, переночевавъ въ Федешовѣ, приѣхали мы въ слѣдующее утро въ Тулу, гдѣ имѣлъ я удовольствіе получить письмо отъ хозяина нашего, Пастухова, изъ Петербурга, съ увѣдомленіемъ, что онъ, по препорученію моему, въ Петербургѣ отыскалъ стариннаго моего, еще кѣнитсбергскаго друга и товарища, Сергѣя Федоровича Малиновскаго, находившагося уже тогда при генералъ-прокурорѣ князѣ Вяземскомъ, и имѣющаго хорошій чинъ и отправляющаго при немъ какою-то важную должность.

Обрадовался я сему наиболѣе потому, что мнѣ хотѣлось чрезъ переписку возобновить старинное наше съ симъ любезнымъ для меня человекомъ знакомство и дружбу и испытать, не могу ли я чрезъ его явить пашпортъ моего сына въ гвардію, дабы онъ съ того времени могъ считаться въ дѣйствительной службѣ, такъ какъ то дѣлывали тогда всѣ прочіе, у

кого малолѣтныя дѣти записаны были въ гвардію.

Наконецъ, 16-го февраля возвратились мы въ Богородицкѣ, гдѣ мое первое дѣло состояло въ писаніи въ Петербургъ къ помянутому моему старинному другу, а потомъ велѣть повсюду распубликовать, чтобъ сѣѣзжались всѣ, кому надобны наши земли въ наемъ, для паниманія ихъ съ имѣющагося быть всѣмъ имъ публичнаго торга; также, чтобъ прислали, кому надобно покупать у насъ въ будущую весну карповъ, о чемъ послалъ и къ г. Новикову, для напечатанія въ газетахъ объявленія.

Между тѣмъ озабочивались мы очень о своемъ сынѣ, или паче [о] продолженіи его ученія иностраннымъ языкамъ, ибо узнали, что, во время отсутствія нашего и пребыванія въ Москвѣ, съ пансіономъ нашимъ произошла великая перемѣна; что учитель нашъ, г. Дюблюе, взвѣтривъ (sic) и давъ переманить себя какому-то князю Волконскому въ домъ, пансіонъ свой сдалъ другому, старику-французу, по прозвищу, де-Брини, и что сей жилъ уже на его мѣстѣ; но ученики отъ сего множайшіе были отдами поразобраны. Неприятна была намъ такая перемѣна, и болѣе потому, что новой учитель былъ гораздо уже неспособнѣе прежняго, да и учить могъ одному только французскому языку. Совсѣмъ тѣмъ, какъ пособить было нечѣмъ, то принуждены мы были Павла своего отдать, для продолженія наукъ его, и сему учителю, и чего не могъ сей, то старался уже замѣнить я самъ, преподавая сыну своему и товарищу его, г. Сезеневу, все, что мнѣ изъ наукъ было извѣстно, и, по счастью, оба они ничего чрезъ перемѣну сію не потеряли.

Не успѣли мы сего дѣла кончить, какъ и начали уже сѣѣзжаться со всѣхъ сторонъ охотники нанимать у насъ землю. И какъ было сіе еще въ первой разѣ, и дѣло еще необыкновенное, то имѣлъ я по сему случаю множество хлопотъ и суеты. Собралось къ назначенному дню народа превеликое множество, и не только простого, но и самыхъ дворянъ нѣсколько

десятковъ, знакомыхъ мнѣ и незнакомыхъ. Всѣ увивались вокругъ меня и всякой старался, нельзя ли какъ нанять подешевле. Но я предпріялъ наблюдать при сей торговлѣ найсовершеннѣйшее безпристрастіе и никому не передъ кѣмъ не давать ни малѣйшаго преимущества. И какой это былъ заторъ (за торгъ?) и сколько шума и крика!

Торговлю сію произвели мы во дворцѣ и назначили къ тому для дворянъ гостинную комнату, а для прочаго народа залъ. А столъ и аукціониста съ его молоткомъ поставили въ самыхъ дверяхъ, соединяющихъ обѣ сіи комнаты, дабы тѣмъ и другимъ все было видно и слышно. И сколько-жъ было тутъ шума, сколько крика и другъ у друга переторжки. Каждой надрывался и старался всячески получить себѣ землю и многіе выѣзали, такъ сказать, изъ кожи, возвышая частотъ-часу цѣны. Почему и неудивительно, что, вмѣсто прежней полтины за десятину, возвысилась цѣна за десятину рублей до двухъ и болѣе, смотря потому, много ли или мало на какое звѣно было охотниковъ, и что я при одной сей первой переторжкѣ увеличилъ уже доходъ двумя тысячами съ половиною рублей и прямо тѣмъ доказалъ свое безпристрастіе.

Какъ торговля сія продолжалась у насъ дни три сряду, то имѣлъ я случай познакомиться тутъ со многими изъ окрестныхъ дворянъ, которыхъ не преминулъ я приглашать всякой день къ себѣ и угощать ихъ по своей возможности. Знакомые же всѣ и жили у меня во все сіе время и мнѣ достался-таки изрядной толчокъ по сему случаю.

Едва только я сіе время свалилъ съ плечъ долой, какъ взвалилось на меня другое, несравненно еще тягчайшее, скучнѣйшее и досаднѣйшее. Начались у насъ опять дразги, и даже самыя приказныя, ссоры по откупнымъ дѣламъ и винной продажѣ съ преждеупоминаемымъ повѣреннымъ г. Игнатьева, Деревенскимъ, по случаю бездѣльническихъ его ко всему привязокъ и дѣлаемыхъ волостнымъ крестьянамъ крайнихъ обидъ и

притѣсненій. Я принужденъ былъ опять вооружаться противъ бездѣльника сего всѣми своими знаніями и выдумывать всѣ способы къ преоборенію его. И не одинъ разъ доводимъ былъ до величайшей досады. Къ вѣщшему несчастію гидра сія была такого рода, что не успѣешь у ней одну главу отсѣчь, какъ выростала, вмѣсто ей, другая или еще больше, и я принужденъ былъ не только сей и последующій за симъ мѣсяць, но и весь почти сей годъ терпѣть отъ бездѣльника сего досады, хлопоты и неудовольствія всякаго рода.

Между тѣмъ и въ концѣ еще февраля мѣсяца прислалъ ко мнѣ г. Повиковъ еще цѣлую партію своихъ книгъ для продажи, а изъ Петербурга получилъ и опять отъ Пастухова увѣдомленіе, что онъ у Малиновскаго былъ, письмо мое отдалъ, и что онъ очень обрадовался обо мнѣ услышавъ, что меня все еще по прежнему любить и хотѣлъ ко мнѣ писать по почтѣ, — что все и порадовало меня очень.

Мѣсяць мартъ ознаменовался у насъ многими произшествіями, достойными замѣчанія, и наиглавнѣйше тѣмъ, что, по случаю бывшей въ теченіе сего года у насъ ревизіи, которая по порядку была уже четвертая, принуждены мы были сочинять ревизскія сказки и имѣли по сему отношенію хлопотъ полонъ ротъ. Мнѣ надлежало не только пещись о сочиненіи сказокъ сихъ по волостямъ, мною управляемымъ, и занимать ими всѣ руки канцелярскихъ моихъ служителей, но сочинять самому такія же сказки по всѣмъ собственнымъ своимъ деревнишкамъ, разсѣяннымъ всюду и всюду. И отдаленность ихъ и самая ответственность дѣлали мнѣ въ томъ множество хлопотъ и затрудненій.

Во-вторыхъ, заняло меня еще одно собственное дѣльце. Пропадалъ у меня уже нѣсколько лѣтъ одинъ изъ тушинскихъ моихъ мужиковъ. Будучи плотникомъ и ходивши для сей работы по сторонамъ, полюбилось ему въ дальнихъ степяхъ, на Витюкѣ, мѣсто, и онъ у насъ пропасть. Но вначалѣ сего мѣсяца слу-

чайнымъ образомъ узналъ я, гдѣ онъ находится. И какъ надобно было посылать туда человека для отыскванія и пойманія его (мой же повѣренный находился въ отлучкѣ), то принужденъ я былъ вапять въ повѣренные (однако изъ богородицкихъ купцовъ) Спличева, человека умнаго, знающаго приказныя дѣла и проворнаго, и отправить его туда для отыскванія онаго, которой и сироворилъ симъ дѣломъ такъ, что хоть и нескоро, но кончилось оно съ удовольствіемъ для меня. Человекъ сей былъ отысканъ, схваченъ, но какъ ему оттуда домой возвращаться не хотѣлось, то тамошніе упростили меня, чтобъ я имъ его продалъ, на что я и согласился и получилъ за него изрядную сумму денегъ.

Третье число сего мѣсяца достопамятно было тѣмъ, что въ оною вздумалъ и затѣялъ я сдѣлать для новокупленныхъ своихъ часовъ ту прекрасную и росписными стеклами убранную часохранительницу, которая въ рюнахъ своихъ существуетъ у насъ еще и понынѣ, и что въ самой тогъ же день взялъ я къ себѣ одного изъ дѣтей моихъ подкомандующихъ, умненьяго мальчика для обученія его рисованію, и чрезъ самое то подалъ бѣдняку сему случай произойти послѣ въ люди. Звали его Григорьемъ, а по прозвищу Щедилковымъ. И какъ онъ былъ очень понятенъ, то и успѣлъ онъ въ рисованьи, а особливо по стеклу, такъ много, что сдѣлался наконецъ совершеннымъ въ семъ искусствѣ мастеромъ, и могъ дѣлать такія штуки, которыя стояли поднесенными быть самой императрицѣ.

Вскорѣ за симъ перепуганы мы были опять пожаромъ, случившимся отъ двора моего въ самой близости. Былъ онъ хотя ничего незначущій и сгорѣлъ только овинъ у сосѣда моего, но близостію своею настрадалъ насъ, а особливо меньшую дочь мою, Ольгу, чрезвычайно, которая бѣдняжка, видя всеобщія суеты, отъ страха не знала, куда спрятаться. Достопамятно, что пожаръ сей былъ какъ бы предварительный многимъ другимъ и несравненно важнѣйшимъ, бывшимъ въ теченіе сего

года, которой, по сему отношенію и для всего государства нашего, особливаго замѣчанія дѣстны.

Не успѣли мы отъ сего страха оправиться, какъ удивленъ я былъ однимъ полученнымъ отъ князя ордеромъ, которымъ увѣдомляемъ я былъ, что въ команду нашу принять, подъ званіемъ помощника мнѣ, тотъ самой Полунинъ, глухой, которой угощалъ у себя, какъ прежде было упоминаемо, князя, заѣзжавшаго къ нему въ деревню. Меня сіе смутило-было сперва очень, и я не зналъ, что бы сіе значило, и признаться, что имѣть дѣло съ такимъ хитрецомъ, льстецомъ, наушникомъ и негоднымъ человекомъ, не весьма мнѣ было пріятно; но какъ послѣ я узналъ, что сіе сдѣлано было княземъ для одной только проформы и для облагодѣтельствованія его чрезъ доставленіе ему неслишкомъ большаго, опредѣленнаго ему жалованья, то скоро и успокоился опять духомъ.

Вскорѣ за симъ заѣзжалъ опять ко мнѣ и у меня ужиналъ г. Муромцовъ, бывшій у насъ губернаторомъ, но въ сіе время вышедшій уже въ отставку и ѣхавшій въ свое Баловнево—жить на свободѣ и заниматься своими затѣями. Мнѣ очень было жаль сего моего знакома, ибо опредѣленной на мѣсто его г. Заборовской былъ мнѣ совсѣмъ уже незнакомымъ человекомъ.

Между сими произшествіями прошелъ нечувствительно и весь нашъ великій постъ, въ которой всѣ праздные часы, остающіеся отъ дѣлъ, употреблялъ я на сочиненіе матеріала для своего журнала, и какъ писать и сочинять его было мнѣ тутъ уже несравненно удобнѣе, нежели въ Москвѣ, то и успѣлъ наготовить его вдругъ на нѣсколько недѣль впередъ и снабдить имъ г. Новикова надолго.

По наступленіи страстной недѣли, начали мы говѣть, ибо въ первую недѣлю намъ сего сдѣлать не удалось, и по обыкновенію въ четвергъ исповѣдывались и причащались у новаго, къ намъ опредѣленнаго, протопопа Алексѣя, прославившагося у насъ своею врачевностію

и церемоніалами въ церковной службѣ до которыхъ онъ былъ охотникъ и умѣлъ производить это дѣло.

Достопамятно, что наканунѣ сего дня случилось мнѣ видѣть достопримѣчательной сонъ о старикѣ-князѣ моемъ прежнемъ командирѣ и о сотоварицѣ моемъ, г. Верещагинѣ: перваго видѣлъ я весьма помолодѣвшимъ и собирающимся куда-то ѣхать въ дальній путь, пахать землю, а другого—украшеннаго на пальцахъ драгоцѣнными перстнями. Снамъ хотя не велятъ вѣрить и слишкомъ уважать оныя, да и я не весьма къ тому ретивъ, однако, сей сонъ былъ такъ живъ и такъ для меня поразителенъ, что я, проснувшись, долго не могъ его позабыть, и самъ себѣ не одинъ разъ говорилъ: «Ахъ, батюшки мои! ужъ не умеръ ли, или не умретъ ли скоро князь Сергѣй Васильевичъ! сонъ этотъ объ немъ очень дурень».—И чтожъ, подивитесь тому, вѣдь дѣйствительно, около сего времени онъ въ Москвѣ кончилъ свою жизнь и повезенъ въ любимое его село Мишино для погребенія. Я поразился, услышавъ о семъ чрезъ нѣсколько времени послѣ сего; вспомнилъ сей сонъ и не могъ ему довольно надивиться, а о князѣ сердечно пожалѣлъ и пожелалъ ему вѣчнаго блаженства. И хотя я отъ него, кромѣ опредѣленія меня къ сему мѣсту, никакой иной пользы и добра не видалъ; но, имѣя въ немъ у себя такого командира, съ которымъ бы хотѣлось хоть и вѣкъ жить, и будучи о любви его къ себѣ совершенно удостовѣренъ, не могъ долго изъ памяти своей истребить сей утраты и лишенія въ немъ себѣ вѣрнаго защитника и покровителя.

Впрочемъ, при напоминаніи сего сна объ немъ, вспомнилъ я и то, что мнѣ снилось тогда и о Верещагинѣ, и не могъ никакъ догадаться, что-бъ такое перстни, видѣнные на немъ, значили; и такъ сіе и осталось. Но какъ бы вы думали?—Вскорѣ послѣ того узналъ я, что и сей сонъ имѣлъ свое значеніе и также сбылся. Г. Верещагину съ самого того времени повезло счастье и произошла съ

нимъ та перемѣна, о которой упоминается послѣ, въ свое время.

День Пасхи случился у насъ въ сей годъ 27-го марта и во время самой половоды и распутицы, недозволившей никуда вдаль ѣздить, и потому всю Святую недѣлю провели мы въ городѣ и разъѣзжали только по своимъ городскимъ, какъ судьямъ, такъ и по моимъ канцеларистамъ, имѣвшимъ обыкновеніе всегда въ таковыя праздники звать насъ всѣхъ къ себѣ и угощать добрыми обѣдами. Въ праздные же часы занимался я дѣланіемъ своей часохранительницы.

Съ наступленіемъ апрѣля вскрылась у насъ весна, и съ нею начались весеннія работы въ садахъ и въ другихъ мѣстахъ. Снѣгъ начали уже вызывать меня почасту на свѣжій воздухъ и отрывать отъ работъ комнатныхъ. Кромѣ сего, какъ началась у насъ уже и продажа нашимъ каріямъ приѣзжающимъ со всѣхъ сторонъ разнымъ людямъ, то и довлею ихъ надобно было заниматься. Сочиненіе и писаніе ревизскихъ сказокъ и моего «Магазина» продолжалось также. Въ садахъ у себя заводилъ я крапъ и спаржу, которая въ послѣдующее время меня такъ много занимала. А впрочемъ, въ теченіе всего сего мѣсяца не случилось ничего почти особеннаго, кромѣ того, что 11-го числа былъ въ Богородицкѣ въ другой разъ пожаръ, и нарочито великой. Но какъ оной былъ въ новопостроившемся уже городѣ и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи, то симъ были мы не такъ перепуганы, какъ прежнимъ; а въ концѣ сего мѣсяца заѣзжалъ къ намъ опять прежній нашъ губернаторъ, г. Муромцовъ. Но сей разъ былъ уже и послѣдній, что мы угощали у себя сего любезнаго человѣка.

Въ сихъ обстоятельствахъ засталъ насъ наипрекраснѣйшій мѣсяцъ въ году, май, бывшій въ сей годъ для меня многими происшествіями весьма достопамятнымъ. И самое начало онаго ознаменовалось уже тремя особаго рода происшествіями, во-первыхъ, тѣмъ, что приѣхалъ ко мнѣ нарочито изъ Орла для свиданія со мною

личнаго знакомства тамошній дворянинъ, Алексѣй Александровичъ Воейковъ, самой тотъ, которой имѣлъ со мною столь многую переписку подъ именемъ «Уединенна», и былъ однимъ изъ лучшихъ моихъ корреспондентовъ. Оба мы другъ друга заочно весьма любили и обонмъ намъ хотѣлось лично познакомиться. Я нашелъ въ немъ весьма умнаго человѣка, и мы подружился съ нимъ короче и больше. Онъ прогостилъ у меня дни три, и мы не могли съ нимъ довольно поговориться. Во-вторыхъ, достопамятно, что я около самаго сего времени нечаянно открылъ въ горѣ, ниже дворца, тѣ удивительныя и рѣдкіе разноцвѣтные пески, которые впоследствии времени сдѣлались такъ славны. Въ-третьихъ, около самаго сего времени, по случаю приближающейся славной лебедянской ярманки, восхотѣлось мнѣ отправить на оную большую часть бывшихъ у меня Новиковскихъ книгъ для продажи, наклеивъ ими дѣше сундуки, и чрезъ то нечаяннымъ образомъ спасъ ихъ отъ погибели. Наконецъ, 9-го числа сего мѣсяца настала у насъ Николинъ день, которой въ сей годъ праздновали мы дома и въ Енифанѣ не ѣздили. Самое сіе случилось хотя ненарочно, а очень кстати, какъ изъ послѣдующаго усмотрится.

Симъ образомъ продолжали мы свою прежнюю жизнь и довольно веселую и пріятную, какъ вдругъ судьбѣ угодно было неожиданнымъ и наиважнѣйшимъ въ моей жизни происшествіемъ произвести во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ по многимъ отношеніямъ великую перемѣну.

Но о семъ узнаете вы изъ письма послѣдующаго; а сіе дозвольте мнѣ симъ кончить, и сказать, что я есмь вашъ, и прочее.

(Декабря 25-го дня 1809 года).

Письмо 210-е.

Любезный пріятель! При концѣ послѣдняго моего къ вамъ письма, оставилъ я васъ безсомнѣнно въ большомъ любопытствѣ и желаніи узнать какое бы то

было важное происшествіе въ моей жизни, о которомъ я упомянуть вскользь при самомъ заключеніи письма моего. Ахъ, любезный другъ! оно было несчастное! Всемогущему, по неисповѣдимымъ судьбамъ своимъ, угодно было посѣтить насъ страшнымъ и ужаснымъ пожарнымъ бѣдствіемъ, превратившимъ менѣе, нежели въ два часа, въ прахъ и пепелъ цѣлыя двѣ слободы въ Богородицкѣ, и вмѣстѣ съ ними весь тотъ дворъ и домъ, въ которомъ я до того имѣлъ свое жительство, похитившимъ у меня значную часть моего движимаго имущества, а того болѣе разстроившаго весьма много всѣ мои обстоятельства.

Несчастіе сіе случилось поутру, на другой день послѣ праздника Николая Чудотворца, въ которой я, угацивая у себя въ домѣ всѣхъ нашихъ городскихъ, и будучи очень веселъ, нимало не воображалъ себѣ, что пользовался симъ спокойнымъ и просторнымъ домомъ тогда уже въ послѣдній разъ. Происозель оной отъ самой малости и отъ глупой и бездѣльной ссоринки двухъ бабъ между собою, жившихъ вмѣстѣ въ одной нашей казенной казармѣ и принадлежащихъ вашему городничему. Топилась у нихъ печь и надобно было одной изъ нихъ выгребать изъ ней жаръ и для сажанія хлѣбовъ выметать помѣломъ золу. Такъ случилось, что для сего выметанія золы схватила она, изъ поспѣнности, помело не свое, а принадлежащее другой бабѣ, съ нею тутъ же живущей и съ которою у ней не было ладу. Сія не успѣла сего увидѣть, какъ, возопивъ: «ахъ, к...а! на что ты берешь мое помело?» бросилась на нее и, вырвавъ изъ рукъ помело свое, выскочила съ нимъ вонъ изъ избы и бросила сего на избяной поголокъ, нимало не посмотрѣвъ, не видѣлось ли въ него огня. Помелу сему случилось лечь подлѣ самой тростниковой кровли, которою сія связь была покрыта, и случившійся на ту пору сильной вѣтръ раздулъ огонь, видѣвшійся въ помело сіе, а отъ сего и воспыкала въ одинъ мигъ тростниковая кровля.

Мнѣ случилось въ самую сію минуту сидѣть въ своемъ маленькомъ кабинетцѣ и, по обыкновенію своему, заниматься писаніемъ матеріи для моего «Магазина», подъ окошкомъ, изъ котораго видъ простирался въ самую ту сторону, гдѣ находилась сія казарма. За тѣмъ же столикомъ сбоку случилось сидѣть малюткѣ моей, семилѣтней дочери Ольгѣ, учившейся тогда писать и занимающейся симъ дѣломъ. И какъ она въ сей день писала отъменно дурно и меня тѣмъ поразсердила, то тазая и браня ее за то, огорчялъ я ее тѣмъ до того, что у ней капали на бумагу слезы; а какъ сіе меня еще болѣе разсердило, то приподнялся я съ своего мѣста для отнятія у ней бумаги, и въ самую ту минуту увидѣлъ въ окно большой дымъ, отъ помянутаго воспаленія происшедшій.

— Ахъ, батюшки мои! опять пожаръ, и не далеко! закричалъ я и, въ тотъ же мигъ вскочивъ и оставивъ затрепетавшую отъ страха и крайне испужавшуюся и заплакавшую свою дѣвчонку и бросивъ все, побѣжалъ (sic) благимъ матомъ къ пожару, дабы употребить скорѣйшія мѣры и средства къ погашенію онаго. Но, приближавъ туда, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, увидѣвъ, что не только не было ни малѣйшей надежды къ погашенію пламени, но что и самой мой домъ подвергался неизбѣжной опасности. Казарма вся занялась уже огнемъ, и пламя страшное съ густѣйшимъ дымомъ и трескомъ пылало отъ тростниковой или камышевой кровли и, извергая изъ себя милліоны искръ и цѣлыя почти охапки горящаго тростника, разсѣвало ихъ по воздуху. Чрезвычайно сильной вѣтръ или паче самая буря, случившаяся на ту пору, поспѣшествовала сему пожару и несла помянутыя галки или горящую солому прямо въ сторону къ моему дому и на ближнія таковыя же камышемъ и соломою покрытыя зданія. Итакъ,— хотя мѣсто сіе было почти на полверсты отдалено отъ моего дома, но какъ былъ онъ совершенно подъ вѣтромъ, и между нимъ и горящею казармою находился безпрерывной почти рядъ дворовъ и зданій отъ

соломенными кровлями и отдѣляющихся другъ отъ друга небольшими только огородами, а и самой домъ и дворъ мой отдѣлялся отъ послѣдняго превеликаго двора, покрытаго соломою и принадлежащаго одному изъ господъ Полунинскихъ, однимъ только десятисаженнымъ проулкомъ проѣзжимъ, огонь же и искры несло прямою чертою на мой домъ,—то не сомнѣвался я, что въ немногія минуты достигнетъ онъ и до моего жилища.

При таковыхъ бѣдственныхыхъ и опасныхъ обстоятельствахъ, другого не оставалось мнѣ, какъ безъ памяти бѣжать скорѣй опять въ свой домъ и спѣшить изъ него выбираться и успѣвать спасать все, что было можно. Я нашелъ въ немъ всѣхъ уже перетревожившихся по недѣлающихъ еще ничего отъ изумленія, и при первомъ шагѣ въ него, закричалъ всѣмъ: «выбирайтесь, выбирайтесь скорѣе! нѣтъ ни малѣйшей надежды къ спасенію».

Словомъ, симъ вдругъ все, что имѣло только руки и ноги, пришло въ движеніе. Повсюду началось бѣганье, схватываніе и вынашивание всего вовъ, что первое попадалось кому въ руки. Я самъ второпяхъ, не зная за что хватиться, вбѣжавъ въ свой кабинетъ, другого не нашелъ, какъ скорѣе спасать бумаги и книги свои, которыми всѣ стѣны передняго кабинета моего были уставлены. И какъ нанудобнѣйшимъ и скорѣйшимъ средствомъ казалось мнѣ къ тому выбрасываніе ихъ въ окно въ огороженной рѣшеткою двѣтпикъ, въ сторону, ко дворцу нашему. Оконшко же было хотя большое, но съ двойными еще окончинами, то, схватя стоипііе на немъ горшки съ цвѣтами, ну ихъ швырять всею силою въ стекла и дѣлать проломъ для киданія книгъ, которыя сбѣгающійся народъ подбиралъ и изъ двѣтпика таскать далѣе на большую и обширную площадь, между моимъ домомъ и дворцомъ находившуюся. Точно такимъ же образомъ поступали и прочіе мои домашніе и отчасти выкидывали, что было можно въ окна, отчасти вытаскивали и выносили дверьми изъ дома. Я самъ по-

могалъ имъ въ томъ послѣ и не могъ послѣ надвинуться тому, откуда взялась во мнѣ тогда такая сила, что я могъ въ одно мгновеніе ока сорвать съ стѣны большія свои зеркала и прервать всѣ привизи, которыми онѣ къ стѣнѣ прикрѣплены и привязаны были. Но, увы! ко всему такому упражненію и къ спасанію движимыхъ вещей не имѣли мы болѣе 18-ти минутъ времени, ибо въ сіе время стояли уже не только всѣ зданія между моимъ домомъ и помянутою казармою въ огнѣ и пламени, но запылалъ уже и соседственной ко мнѣ Полунинскій дворъ, и осыпалъ весь мой дворъ милліонами искръ. Хоромы мои были покрыты хотя тесомъ, но кровля на нихъ тлѣлась уже отъ жара. Прочія же зданія и службы, окружавшія весь дворъ мой, на подобіе козца, были всѣ покрыты также тростникомъ и занимались тогда уже пламенемъ. Къ вѣдшему несчастію и послѣдняя сторона съ площади сдѣлалась опасною. Загорѣлась уже и вся поповская слобода, оную съ сѣверной стороны окружавшая и примыкающая въ поворотъ къ моему двору.

Все сіе увидѣвъ и боясь, чтобъ самимъ намъ не быть захваченнымъ огнемъ и пламенемъ, рѣшился я предать все достальное въ жертву огню, а помышлять о спасеніи самого себя и семейства своего отъ очевидной опасности. И въ тотъ же мигъ бросился отыскивать тещу, жену и дѣтей своихъ, бѣжавшихъ также во все сіе время безъ ума и памяти и помогавшихъ выносить вбѣжавшему народу всѣ попадающіяся имъ на глаза и въ руки вещи. Съ превеликою нуждою и кое-какъ могъ я отыскать кое-кого изъ нихъ и подхвата ихъ неволею, почти тащилъ уже въ заднія стѣны, ибо въ переднія отъ нестерпимаго зноя не можно было уже показаться. Тутъ выбѣжавъ съ ними на дворъ не зналъ я, куда мнѣ съ ними дѣваться. Въ ворота, бывшія на помянутую площадь, въ сторону къ дворцу бѣжать было уже не можно. Пылающая приворотная изба и пламя, отъ ней стелющееся почти по землѣ, преградили намъ сей

путь къ спасенію. Задній бокъ двора, отдѣляющій оной отъ моего сада, стоялъ уже также весь въ огнѣ и пламени и пресѣкъ намъ путь и въ садъ мой, за нимъ находившійся. «Ахъ, какая бѣда!» закричалъ я, «куда-жъ бы намъ самимъ-то убраться, и чтобъ не захватило и самихъ насъ пламя!» По счастью усмотрѣлъ я небольшой промежутокъ между стросніями лѣваго и незагорѣвагося еще бока двора моего. И какъ другого не оставалось, какъ вести всѣхъ своихъ, кого я могъ найтти и окликать, въ сію прорѣху и обводить ихъ кругомъ и около въ свой садъ.

Приведши туда семьюнновъ моихъ, побѣдѣвшихъ и помертвѣвшихъ отъ ужаса и опомнившись сколько-нибудь, стали мы осматриваться—всѣ ли мы тутъ, и вдругъ, къ неизобразимому смятенію нашему, увидѣли, что не доставало еще средней изъ дочерей моихъ, Ольги, также и меньшей самой съ ея кормилицею, и наконецъ самой племянницы моей, Анны Андреевны Травиной, гостившей тогда у насъ. «Ахъ, батюшки мои!» гдѣ же онѣ?» закричалъ я и прогналъ выбѣжавшихъ вмѣстѣ съ нами людей отыскивать оныхъ, прося ихъ, ради Бога, поспѣшить тѣмъ. И они успокоили меня скоро въ разсужденіи меньшей моей дочери и племянницы. О первой, возвратившись, сказали они мнѣ, что есть выдаки, видѣвшіе кормилицу съ ребенкомъ, идущею по улицѣ на край нашего селенія, и что онѣ находятся въ полѣ и въ безопасности; а о второй увѣрили они меня также, что она находится въ замкѣ дворца нашего, куда видѣли ее кое-съ-чѣмъ ушедшею. «Ну, а Ольга-то гдѣ?» подхватилъ я; но на сіе не могъ мнѣ никто сказать ни одного слова.

— «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, смутившись до чрезвычайности, побѣгите ради самого Бога и поищите ее». И между тѣмъ, какъ они побѣжали, цѣпенѣлъ я отъ страха и боязни, чтобъ дѣвчонка сія у меня не сгорѣла. Мнѣ вспомнилось, какъ она испугалась тогда, какъ увидѣла пожаръ, сидючи подлѣ меня въ кабинетѣ;

какъ заплакавъ и завопѣвъ, побѣжала отъ меня и какъ я, вѣдая довольно, что она всѣхъ дѣтей моихъ была трусливѣе, вспомнилъ, что при всѣхъ прежнихъ пожарахъ имѣла она обыкновеніе куда-нибудь въ трущобу забиваться и прятаться, —то вдругъ поразилось сердце мое такимъ смущеніемъ и страхомъ, что я былъ почти внѣ себя въ нетерпѣливѣйшемъ ожиданіи посланныхъ искать ее. Они и возвратились скоро, но не утѣшили меня, а увеличили еще несказанно опасеніе и сомнительство мое, сказавъ, что нигдѣ ее не нашли; что въ хоромы войтти уже не можно; что спрашивали объ ней у всѣхъ и что никто не видалъ ее нигдѣ. «Ахъ, батюшки мои! возопилъ я, ужъ не спряталась ли она гдѣ въ хоромахъ и не сгорѣла-бъ у меня эта бѣдняжка! Ахти, что дѣлать?» Люди, стараясь утѣшить меня сколько-нибудь, говорили тогда: «Не ушла ли и она также во дворецъ?» Но какъ было сіе еще недостоверно и никто ее бѣжавшею туда не видѣлъ, то сіе не могло меня никакъ успокоить; но любовь къ дѣтямъ и жалѣніе сего милаго и любимаго нами рабѣнка, толико во мнѣ воздѣйствовала, что я, не долго думая, рѣшился самъ бѣжать въ замокъ для узнанія, тамъ ли подлинно она и для удостовѣренія себя въ безопасности оной, и какой опасности не подвергла-было самого меня сія родительская любовь къ дѣтямъ!

Воспріавъ сіе намѣреніе, убѣдилъ я просьбою всѣхъ, бывшихъ со мною, прочихъ родныхъ своихъ побыть тутъ въ саду и не сходить съ того мѣста, какъ безопаснѣйшаго предъ прочими; сталъ я осматриваться и искать удобнаго мѣста къ пробѣжанію сквозь пылающій рядъ строеній на площадь къ замку, и усмотрѣвъ за проулкомъ въ нарочитомъ отдаленіи отъ себя довольно просторной промежутокъ между двумя горящими дворами, отдѣленными другъ отъ друга огородомъ, сажень на 15 шириною, возмечталъ я, что мнѣ тутъ пробѣжать будетъ можно, и не долго думая, пустился туда бѣжать. Но не успѣлъ я къ сему проме-

жутку подбѣжать, какъ невидимой и нестерпимой почти зной, несомой бурей по самой почти землѣ, даль мнѣ скоро почувствовать, что пробѣжать мнѣ тутъ не такъ было легко, какъ я думалъ. Однако, собравшись съ духомъ и прикрывъ сбоку голову свою отъ зноя, отважился я на сей подвигъ; и какъ ни жарко мнѣ было, но я все бѣжалъ-таки кое-какъ, и пробѣжалъ почти все сіе опасное мѣсто. Но тутъ вдругъ очутился предо мною изгорода, составленная изъ кольевъ, или самой пакостной и совсѣмъ неудобной къ прохожденію частоколь, котораго я второнихъ и закрывшись отъ жара сначала и не примѣтилъ. Я оцѣнилъ, оной предъ собою увидѣвъ, и возопилъ: «Ахъ, батюшки мои! что дѣлать и какъ быть?» Назадъ бѣжать не было уже способа отъ умножающагося ежеминутно жара и нестерпимаго зноя, а и перелѣзть ограду сію казалось не было возможности. Въ сей крайности вздумалъ-было я ее коверкать и ломать, но скоро увидѣлъ, что силъ моихъ къ тому далеко было недостаточнo. Отъ сего пришелъ я еще въ вѣщее настроеніе, и видя себя подвергшагося въ очевидную опасность, только твердилъ: «ахъ, батюшки, что дѣлать?» Но какъ времени не можно было терять ни минуты, то другаго не оставалось мнѣ какъ пуститься на отвагу и отвѣдать какъ-нибудь перелѣзть оную. И я истинно уже не знаю, какъ помогъ мнѣ Богъ перелѣзть тогда чрезъ нее, нимало не повреди себѣ на торчащихъ сверху неровныхъ вышиною кольяхъ. Въ другое время ни за какія деньги не отважился бы я сего дѣлать.

Но какъ бы то ни было, но я перелѣзъ ее удачно и обрадовался до безконечности, выбѣжавъ невредимо изъ черты знойной на холодной воздухъ. Нѣсколько разъ перекрестился я тогда, благодаря Бога за вспоможеніе мнѣ прейти сію страшную и опасную преграду и въ радости и не охнулъ уже о томъ, что домъ мой занялся и уже пылалъ въ развалъ огнемъ и пламенемъ, а махнувъ только рукою, пустился бѣжать къ замку, куда привле-

калъ меня предметъ интереснѣйшій. Но, что-жь? прибѣжавъ туда, нашелъ я превеликую кучу стасканнаго и спасеннаго народомъ моего имущества, и подлѣ ей племянницу мою, стоящую на стражѣ для охраненія, чтобъ и послѣднихъ вещей не растаскали. Но Ольги моей не было и тутъ, и никто ее не видалъ и не зналъ, гдѣ она находилась. «Ахъ, Боже мой, возопилъ я съ стѣсненнымъ сердцемъ, ну, истинно, она погибла и сгорѣла! Ахти, ахти! какая бѣда!» Племянница моя вздумала-было, утѣшая меня, говорить: «И, дядюшка! этому быть нельзя. Она уже не маленькая и какъ ей не выбѣжать? Не съ кормилицею ли она на полѣ, вонъ по конецъ этой аллеи? Но я, перервавъ ее слова, сказала: «Ахъ, матушка ты моя! и тамъ, говорятъ, что ей нѣтъ и никто ее не видалъ. А она вѣрно, бѣдняжка, гдѣ-нибудь отъ страха спряталась, задохлась и сгорѣла!»

Совсѣмъ тѣмъ хотѣлось мнѣ самому побывать тамъ, гдѣ кормилица и разспросить ее, не видала ли она ее? Сказавъ сіе и не долго думая, пустился я безъ души и памяти по аллеѣ бѣжать опять къ пожарищу. Прибѣжавъ къ нему, увидѣлъ я дворъ Полунина уже сгорѣвшимъ или паче догорающимъ, а свой весь еще пылающій. И какъ мнѣ надлежало пробѣгать помянутымъ проулкомъ, между обоими сими дворами бывшимъ, то болсъ, чтобъ не подвергнуться опять опасности, остановился я и не зналъ что дѣлать? и пускаться ли въ проулокъ или нѣтъ? Но увидѣвъ въ самое то время двухъ человекъ, бѣгущихъ на встрѣчу ко мнѣ по сему проулку, спросилъ ихъ: «Что, братцы, можно ли пробѣжать тутъ?»—«Охъ, батюшка! сказали они, жарко и очень жарко и знойно! мы насилу пробѣжали».—«О, когда вамъ можно было, подхватилъ я, то для чего-жь бы нельзя и мнѣ». И тотчасъ, ободрять сими словами, отважился и на сей новой подвигъ. Но, ахъ! отвага сія чуть-было чуть не погубила меня совершенно! Отъ роду и во все теченіе моей жизни не былъ я еще въ такой великой опасности какъ въ сей разъ. Бѣжать мнѣ

надлежало симъ зноеть отъ горящихъ по обѣ стороны зданій сажень около тридцати. И я какъ ни напрягалъ всѣ силы свои къ скорѣйшему пробѣжанію сего поприща, но чуть-было чуть не задохся совсѣмъ. Сперва было хотя очень жарко, но все-таки сколько-нибудь сносно, но какъ подбѣгая почти къ самому концу сего опаснаго мѣста, вбѣжалъ я въ самую величайшій, и такой точно зной, какой бываетъ въ истопленной и только что закрытой печи, то духъ мой такъ начало захватывать, что пришлось-было совсѣмъ ложиться на землю и погибать. Но по особливому счастью, изнеможенію и опасности сей подвергся уже при самомъ концѣ сего поприща, и еслибъ одну только сажень надлежало мнѣ еще бѣжать, то неминуемо бы я задохся и погибъ. Вотъ въ какую опасность подвергла-было меня любовь къ дѣтямъ! но благодареніе буди Всемогущему, что онъ и отъ сей опасности спасъ меня въ тогдашнія критическія минуты.

Не могу изобразить той радости, какую почувствовалъ я, выбѣжавъ вонъ изъ знойной полосы на свѣжій и холодный воздухъ. Чувствованіе мое было тогда такое, какъ бы выбѣжалъ я изъ ада въ рай. Нѣсколько разъ перекрестился я опять, благодаря Всевышняго, и нѣсколько минутъ отдыхалъ и собирался съ духомъ. Сердце мое хотѣло даже выскочить отъ скорого бѣга и отъ испуга, поразившаго меня въ опаснѣйшую минуту.

Отдохнувъ, побѣжалъ я опять и достигъ до конца аллеи, за селеніемъ уже находящагося, но и кормилица, которую нашель я тутъ съ меньшою моею дочерью, огорчила меня еще больше, сказавъ, что и она не видала моей Ольги и не знаетъ, гдѣ она и что съ нею сдѣлалось. Сіе такъ меня смутило, что я нимало уже не сомнѣвался въ томъ, что она сгорѣла, и полагая уже то за вѣрное, заботился и помышлялъ уже о томъ, какъ бы мнѣ то сказать и чѣмъ бы удобнѣе утѣшить ея мать и бабу.

Но едва только я возвратился къ нимъ, какъ увидѣлъ идущаго къ намъ нашего

лекаря. «Ахъ, вотъ встаетъ и онъ подошелъ!» сказалъ я, и тотчасъ побѣжавши на встрѣчу, продолжилъ: «Ахъ, другъ мой, Филать Антоновичъ! знаешь ли какая бѣда! Вѣдь у меня Ольга моя пропала и чуть ли не сгорѣла въ домѣ! потуши объ насъ». — «Какъ? воскликнулъ онъ, не давъ мнѣ далѣе говорить, Ольга Андреевна?.. она живымъ-живехонька! и ей ничего не сдѣлалось. Я сію только минуту наполни ея чаемъ и оставилъ ее у себя на островку и поскакалъ сюда».

Никакой ангелъ не обрадовалъ бы насъ всѣхъ столько тогда явленіемъ своимъ, какъ сей другъ нашъ симъ своимъ уведомленіемъ. Отлегло тогда у насъ у всѣхъ на сердцѣ, и мы при всемъ тогдашнемъ огорченіи своемъ, всѣ непрерывъ другъ предъ другомъ твердили только: «Пу, слава, слава Богу, хоть она жива! Но, умиласердись, спрашивали мы у лекаря, какимъ образомъ очутилась она у васъ?» — «Я право не знаю, отвѣчалъ лекарь, кромѣ того, что привезъ ее ко мнѣ маленькой крестьянской мальчишка въ телѣгѣ». И вообразите же себѣ, что начудотворила дѣвчонка сія. Она, какъ мы послѣ узнали, пспужавшись до крайности пожара и увидѣвъ, что всѣ начали хватать все, укладывать во что ни попало и выносить вопъ изъ дома,—ни съ другого слова, подхвативъ маленькой чайной ларчикъ и какую-то занавѣску, и была такова, изъ хоромъ вопъ и прямо черезъ дворъ въ садъ; тамъ увидѣла она одного крестьянскаго мальчишку съ напряженною телѣгою, привозившаго тогда что-то въ садъ, будучи на работѣ, и ни съ другого слова сказала ему: «маленькой мужичокъ! посади меня на телѣгу и отвези на островокъ». А сей тотчасъ и исполнилъ то и туда ее отвезъ, гдѣ она благополучно и попивала у лекаря чаекъ, между тѣмъ какъ мы съ ума объ ней сходили и я два раза подвергалъ жизнь свою, при исканіи ея, опасности.

Теперь, возвращаясь къ порядку повѣствованія моего, скажу, что какъ мы ни обрадовались о найденіи своей дочери, по радость сія была минутная. Бѣдствіе

пожарное скоро повергло у всѣхъ у насъ сердца и души наши въ прискорбіе и огорченіе неизъяснимое. Потеряніе въ одинъ почти мигъ и менѣе нежели въ два часа совсѣмъ неожиданнымъ образомъ всего своего покойнаго дома со всѣми къ нему принадлежностями, и знатной части движимаго своего имущества, а по случаю сгорѣнія всѣхъ нашихъ жизненныхъ и състныхъ припасовъ, дойденіе до того, что намъ тогда и ѣсть было нечего, должноствовало натурально разтревожить всѣ наши мысли и чувствія и ввергнуть насъ въ печаль и горестъ неудобнообразимую. Умалчивая уже о моихъ домашнихъ, конимъ все сіе несравненно было еще чувствительнѣе, и самому мнѣ потребна была при семъ случаѣ вся моя философія для подкрѣпленія себя и приведенія всѣхъ разстроенныхъ мыслей своихъ сколько-нибудь въ порядокъ.

Мнѣ и помогла она дѣйствительно очень много: я не успѣлъ возбудить въ себѣ мысли, что не съ однимъ мною, а со многими милліонами и тысячами подобныхъ мнѣ людей и прежде бывали и впредь происходятъ будутъ такіа же или еще злѣйшія несчастія, и что они переносятъ же ихъ и переносить будутъ,—какъ самъ себѣ сказалъ: «ахъ, для чего-жъ и мнѣ того-жъ не сдѣлать и сіе посѣщеніе Божеское не перенестъ koliko можно съ спокойнѣйшимъ духомъ и безъ роптанія на святой произволъ Промысла Господня? А сіе, также и мысль, что и сіе несчастіе произошло не инако, какъ съ его воли и поупущенія, и онъ знаетъ, для чего сему такъ быть было надобно, и что ему всего легче весь претерпѣнный мною убытокъ и вознаградить, если то ему будетъ угодно, и ободрило и подкрѣпило меня очень много, и я равнодушнѣе уже сталъ утѣшать себя тою мыслию, что хорошо еще, что несчастіе сіе не случилось о глухую полночь, во время сна, а днемъ; и мы самолично не подвержены были еще опасности, да и не все у насъ сгорѣло, а успѣли кое-что и выносить и спасти отъ огня; также и то, что произошло бѣдствіе сіе не отъ меня и не отъ собствен-

ной моей какой-либо оплошности и небреженія, а совсѣмъ отъ посторожней причины и оттого, за что я не подвергался никакому отвѣту.

Но не таково легко было успокоить мысли огорченныхъ до крайности и слабѣйшихъ моихъ семьянинокъ. Я хотя и старался ихъ всячески утѣшать, но слова мои не могли производить дальнаго дѣйствія. Мысли о потеряннн чрезъ сей пожаръ весьма многихъ, надобныхъ намъ вещей; непрерывно возобновляло вновь ихъ крайнее прискорбіе и смущало и разстраивало ихъ мысль, даже до того, что слезы текли изобильно изъ глазъ ихъ и онѣ едва успѣвали утирать оныя.

Какъ скоро все сколько-нибудь прогорѣло, что можно было безъ дальней опасности пройтись по улицѣ къ замку, то побрели мы съ унылыми сердцами къ кучѣ, стасканной изъ спасенныхъ вещей, чтобъ видѣть, по крайней мѣрѣ, чтѣ у насъ еще осталось, и чего мы лишились. Тутъ возобновилось вновь общее у всѣхъ о многихъ вещахъ гореванье. Мы увидѣли, что огонь похитилъ у насъ гораздо болѣе, нежели мы думали, и спасено гораздо меньше, нежели мы мыслили своими ласкались. Множество вещей всякаго рода не только у насъ погорѣло, но, по скверной привычкѣ нашего народа, и растаскано, и раскрадено было сбѣжавшимися со всѣхъ сторонъ вспомогателями, а не тушнльщиками, ибо о тушеніи и мысли имѣть не можно было. О многихъ вещахъ дѣйствительно знали мы, что они были вынесены, но они не являлись, и бездѣльникамъ восхотѣлось ими поживиться, и тѣмъ несчастію нашему поспѣшествовать злодѣяніями своими еще болѣе, и оное безсовѣстѣйшимъ образомъ увеличить. Премногое множество погорѣло у насъ мебели, платья, всякаго рода посуды, экипажей, хлѣба и всякихъ жизненныхъ припасовъ; а у меня множество картинъ, книгъ и бумагъ нужныхъ. Женѣ моей пуце всего жаль было сундуковъ, наполненныхъ платьемъ, бѣльемъ, и всякаго рода иными вещами, заготовленными въ теченіе уже многихъ

лѣтъ для приданаго моеѣ старшей дочери: всѣ они были уже вытасканы изъ кладовой на дворъ и взгромождены на запряженную телѣгу, но сгорѣли посреди почти двора самаго. Произошло сіе оттого, что второпяхъ устанавливали ихъ и взгромощивали на телѣгу кое-какъ, и какъ увязать возъ было нечѣмъ и некогда, то не успѣли лошадь тронуть съ мѣста, какъ верхніе сундуки сдвинулись лошади на хвостъ, и попавъ ей подъ ноги, принудили ее биться. А какъ въ самую ту минуту домъ весь такъ охватывало огнемъ и пламенемъ, что не можно было людямъ долѣе быть при телѣгѣ, то и принуждены они были, спасая собственную жизнь свою, оставить и сундуки, и телѣгу, и упавшую лошадь подъ нею въ жертву огню и пламени; а потому все это тутъ такъ и сгорѣло. А мнѣ пуще всего жаль было своихъ книгъ и бумагъ. Превеликое множество было изъ нихъ раскрадено и растасвано народомъ, и чрезъ то разстроены многія изъ нихъ, потерявшія нѣкоторыя изъ частей своихъ и сдѣлавшися чрезъ то дефектами. Но я радъ былъ уже и тому, что не со всѣми произошло такое бѣдствіе и что не подверглись тому же всѣ чужія Новиковскія книги, которыхъ большая часть случилась тогда быть въ Лебедянской арманкѣ.

Препроводивъ нѣсколько времени въ туженіи и гореваніи о погорянныхъ вещахъ, которыхъ по сдѣланной послѣ примѣрной оцѣнкѣ, потеряли мы тогда болѣе, нежели на двѣ тысячн рублей, стали мы думать, куда намъ съ кучею натасканныхъ вещей дѣваться и куда бы на первой случай уклонить свою голову. На пожарницѣ не осталось изъ всего двора ни малѣйшей хижины и сарайчика. Ближніе дворы и вся Поповская слобода также до-чиста сгорѣли, и буря несла галки даже до самаго нашего хлѣбнаго магазина. Въ службахъ замка не было никакой комнаты порожней и незанятой чѣмъ-нибудь нужнымъ и удобной къ помѣщенію насъ. Итакъ, былъ важной вопросъ, куда намъ пріютиться? Но я, не долго думая, рѣшился велѣть всѣ вещи носить въ са-

мой дворецъ и расположился занять для жительства себѣ весь нижній этажъ онаго; а погреба, подъ онымъ устроенные такъ, что въ нихъ людямъ жить было можно, ассигновалъ для жительства людей моихъ. Для поклажи же прочихъ и крупнѣйшихъ спасенныхъ вещей употребить самой тотъ сарай, гдѣ находилса театръ нашъ, и велѣть его выломать; ибо тогда не о театрѣ уже намъ помышлять надлежало, а о другихъ и важнѣйшихъ надобностяхъ, что и положило предѣлъ всѣмъ нашимъ театральнымъ утѣшеніямъ.

Между тѣмъ, какъ мы о семъ помыслили и дѣлали всѣ нужныя ко всему вышесказанному распоряженія, насталъ уже второй часъ пополудни и обѣденное время. Но какъ не было у насъ ни куска хлѣба и ничего совсѣмъ съѣстного, то пришло-было до того, что намъ либо голодать, или ѣсть одинъ солдатской хлѣбъ, орошаемой нашими слезами, еслибъ увѣздной панъ судья, помянутой г. Арсеневъ, жившій все еще тогда во флигелѣ нашего замка, о благовременномъ изготовленіи у себя для насъ избыткаго обѣда не постарался и не прибѣжалъ насъ дружески звать итти за накрытой и готовой столъ, и не угостилъ насъ въ сей день не только обѣдомъ, но и ужиномъ. Сія услуга его была натурально для насъ тогда и пріятна, и очень кстати, и побудила меня еще тѣмъ болѣе позабыть всѣ его ко мнѣ тайныя оскорбленія и обиды, и продолжать ненарушимо прежнее наше съ нимъ дружество. Говорится въ пословицѣ: «дорога милостыня къ велику дню»; а сіе онъ и оказалъ намъ при семъ случаѣ не только помянутымъ угощеніемъ, но и снабденіемъ насъ всѣми необходимо нужными на первой случай намъ вещами.

Не успѣли мы во дворцѣ помянутымъ образомъ расположиться и сколько-нибудь разобратся и сбострониться, какъ отрепортовалъ я князю обо всемъ происшедшемъ и испрашивалъ отъ него разрѣшенія и повелѣнія, чтобъ мнѣ дозволено было вновь построиться на сгорѣвшемъ мѣстѣ, а до того времени пожить во двор-

цѣ. Отправивъ съ симъ донесеніемъ въ Москву нарочнаго, не сомнѣвался я ни мало, что все то мнѣ какъ не виновнику сего пожара, отъ князя будетъ разрѣшено, дозволено, и на строеніе ассигнована будетъ потребная сумма. Но какой же странной и неожиданной отвѣтъ получили я отъ своего сіятельнаго князя? Построиться вновь и до того времени жить во дворцѣ хотя отъ мнѣ и дозволялъ, но относительно до новаго строенія писалъ ко мнѣ, чтобъ я все оное и самой управительской домъ построилъ изъ березоваго сырого лѣса, приказавъ нарубить онаго потребное число изъ Бобринковскихъ престарѣлыхъ роцей. Боже мой! какъ я вздурился, получивъ такое предписаніе! «Ахъ, князь! возопилъ я съ крайнимъ на сіе негодованіемъ, не съ ума ли ты рехнулся! какъ можно мнѣ жить въ домѣ, построенномъ изъ сырого березоваго лѣса и притомъ еще изъ самаго престарѣлаго и негоднаго? У меня и у солдатъ, жившихъ въ казармѣ, построенной изъ сего лѣса, всѣ волосы даже вылѣзли, и нѣкоторые даже померли отъ болѣзней,

и ты развѣ и меня уморить хочешь? покорно я благодарствую! и что ты ни изволь тамъ умничать, по я и не подумаю. Дѣло нное сгородить изъ него какъ-нибудь людскія избы и прочія службы и принадлежности къ дому, а самому для себя мнѣ домъ изъ него строить было бы смѣшно и глупо!» Итакъ, презрѣвъ сіе глупое и ни съ чѣмъ несообразное повелѣніе, сталъ я помышлять о снабденіи себя, хотя тѣснѣйшимъ передъ прежнимъ, но по крайней мѣрѣ сухимъ и для жительства удобнѣйшимъ домомъ.

Но о семъ, какъ и о томъ, что происходило послѣ, дозвольте мнѣ предоставить повѣствованіе письмамъ будущимъ, а те-перешнее сею эпохою кончить, и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Декабря 27-го дня 1809 года).

Конецъ двадцатой части.

(Сочинена въ 1809-мъ году, въ 18 дней, а переписана въ октябрѣ 1811 года, въ Дворянновѣ).

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ XXI.

(Въ Дворянновѣ сочинена въ декабрѣ 1809, а переписана въ маѣ 1811).

Продолженіе исторіи пребыванія моего въ Богородицкѣ послѣ пожарнаго бѣдствія.

Продолженіе 1782. года.

Письмо 211-е.

Любезный пріятель! Пожаръ, претерпѣнный нами и знаменитой убытокъ, имъ намъ причиненной, хотя и произвелъ во всѣхъ моихъ домашнихъ обстоятельствахъ великую растрату чрезъ поки-

щеніе у меня многихъ нужныхъ вещей, но мы ради были, по крайней мѣрѣ, тому, что огонь не все еще у насъ похитилъ, но много всякой всячины испалено отъ него, а сверхъ того, что, лишившись спокойнаго дома, не принуждены были жить въ черныхъ избахъ или въ какихъ сараяхъ, но имѣли на первой случай во дворцѣ для себя убѣжище и

могли въ немъ для жительства своего расположиться со всѣми людьми нашими. Для сихъ, какъ я уже упомянулъ, ассигновалъ я самыя нижнія погребныя комнаты, которыхъ вмѣстѣ съ кухней и очагомъ, находилось тамъ нѣсколько, и я радъ былъ, что въ нихъ подѣланы были печи и все нужное для житья служителей. Сами же мы заняли для житья своего весь нижній этажъ небольшого дома сего и хотя въ ономъ не такъ много было комнатъ, сколько намъ нужно было, да и связь между ими была неслишкомъ для житья удобна, но мы кое-какъ уже расположились въ оныхъ и были тѣмъ нарочито довольны. Для одного меня недоставало кабинета или особенной комнаты для обыкновенныхъ моихъ упражненій, но и тотъ я себѣ смастерилъ, отгородивъ часть одной просторной и отъ прочихъ отдѣленной комнаты, и былъ тѣмъ по нуждѣ довольнымъ.

Нѣсколько дней сряду занимались мы разбираниемъ всѣхъ своихъ спасенныхъ вещей и укладываніемъ и установленіемъ ихъ, гдѣ какія были приличіе. И тогда только прямо почувствовалъ я сожалѣніе о погибшихъ въ огнѣ и раскраденныхъ многихъ книгъ изъ моей бібліотеки и картинъ и съ эстампами, изъ которыхъ далеко не всѣ могли спасены быть. Недоставало также и многихъ другихъ вещей, для меня очень надобныхъ. Я признаюсь, что самое сіе наполняло первые дни моего тутъ новаго жительства многими неприятеями. Но какъ бы то ни было, но обострожившись и разобравшись, начали мы по прежнему продолжать свою жизнь и не только заниматься своими дѣлами, но и принимать у себя гостей, пріѣзжавшихъ къ намъ со всѣхъ сторонъ для посѣщенія.

Одно только насъ беспокоило то, что изъ нижнихъ погребныхъ покоевъ проходилъ къ намъ сквозъ полъ и самыя своды, которыми они отдѣлены были, сильной и угарной чадъ отъ печей, въ которыхъ челядинцы наши себѣ ѣсть варили, а равно тожь и изъ кухни и приспѣшни. Дѣлалось сіе оттого, что упомянутые ихъ

своды не были еще оштукатурены, что и доказало, что голые они далеко не такъ плотны, чтобъ не могли сквозъ себя ничего пропускать. Но какъ бы то ни было, но самое сіе побудило меня помышлять спорте о построеніи на прежнемъ мѣстѣ какихъ-нибудь избъ для житья людей моихъ. И какъ ни за плотниками, ни за простымъ лѣсомъ не было остановки, то чрезъ недѣлю и началось у меня тамъ строеніе, производимое съ возможнымъ поспѣшеніемъ.

Впрочемъ, не усидѣли мы и двухъ недѣль еще прожить въ семъ новомъ своемъ обиталищѣ, какъ перетревожены мы были опять пожаромъ. «Господи! воскликнулъ я, оной увидѣвъ, долго ли быть у насъ этимъ пожарамъ, и когда они перервутся? Вотъ уже этотъ одиннадцатой пожаръ съ того времени, какъ я пріѣхалъ въ Богородицк!» Но какъ сей пожаръ былъ не у насъ въ слободѣ, а за прудомъ въ Новомъ городѣ, и хотя былъ онъ довольно значителенъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими домами сгорѣла и Покровская церковь, которая одна только еще и была въ городѣ, и собственно для насъ не было ни малѣйшей опасности,—то смотрѣлъ я на оной, происходившій у насъ изъ дома предъ глазами уже съ спокойнѣйшимъ духомъ и предоставилъ о тушеніи оного пещись городничему.

Едва мы только отъ сей тревоги успокоились, какъ чуть-было мы опять и въ новомъ своемъ обиталищѣ не сгорѣли. Сама уже судьба возблагодѣтельница и очевидно спасла насъ отъ бѣдствія и опасности, которой мы, не зная нимаго того, были подвержены. И какъ происшествіе сіе достойно особаго замѣчанія, то и упомяну я объ немъ въ подробности.

Причиною тому была труба, проведенная отъ кухни, подъ домомъ находящейся и въ которой намъ всякой день готовили кушанье. Какъ всѣ трубы отъ нижнихъ печей подѣланы были внутри самыхъ стѣнъ, то проведена была труба и отъ кухни изъ печи такимъ же образомъ сквозъ внутренность стѣнъ, отдѣ-

ляющей залъ отъ побочной и той комнаты, гдѣ прежде находился у насъ театръ, и которая въ сіе время опредѣлена была у насъ на кладовую и загромождена вся разною рухлядью. Какъ комната сія внутри обита была бумажными обоями, то намъ и въ мысль не приходило подумать о томъ, нѣтъ ли отъ трубы сей какой опасности. Но чрезъ что-жъ узнали мы, что опасность сія была и превеликая? Въ одну ночь надобно-жъ было сдѣлаться превеликой бури или паче сильному сквалу и устремиться прямо въ одно окно сей комнаты съ толкою силою, что вихрь не только проломилъ оно, но ворвавшись внутрь комнаты, сорвалъ со стѣны и равно какъ нарочно съ одного только того мѣста, противъ котораго простиралась внутри стѣны кухонная труба, двѣ полосы бумажныхъ обоевъ, кои прибиты были только излегка мелкими обойными гвоздями. Мы ахнули ажъ, вошедъ въ комнату сію поутру и увидѣвъ, что вся стѣна въ семь обнаженномъ мѣстѣ почернѣла и закоптѣлась отъ дыма и жара, проходившаго изъ помянутой трубы сквозь маленькую скважину между известью и кирпичами въ сію комнату. Боже мой! какъ испужался и перетревожился я, сіе увидѣвъ; но изумленіе мое увеличилось еще больше, какъ я, приложивъ руку къ сему мѣсту на стѣнѣ почувствовалъ ею самой жаръ изъ трубы, какъ въ трубку дующій, ибо въ самое то время въ кухнѣ былъ огонь и топили печь самую. Но сего было еще не довольно. Но взглянувъ наоторванные обои, еще пуще испужался, увидѣвъ, что и бумага вся не только сзади закоптѣла, но такъ отъ жара исчѣврѣла, что даже проламывалась, и я истинно уже не знаю, какъ она не загорѣлась, и какъ не произвела пожара, которой всего легче могъ бы воспослѣдовать, ибо подлѣ самаго сего мѣста лежало и стояло множество всякой рухляди, удобной къ загорѣнію. Но не успѣлъ я отъ изумленія моего оправиться, какъ, усмотря въ семь провѣщеванія слѣды явнаго дѣйствія Промисла Господня, восхотѣвшаго насъ, посредствомъ помянутой бури, отъ задниой

дохранить,—изъ глубины сердца моего вздохнуть, благодарить Господа за столь явную его ко мнѣ милость.

Вотъ обстоятельство, доказывающее, съ какою опасностію сопряжены трубы, проводимыя сквозь внутренности стѣнъ, и какъ важенъ совѣтъ нѣкоторыхъ архитекторовъ, чтобъ кирпичи, окружающіе сіи трубы, класть не на извести, а на глинтѣ, и оную всю внутренность трубъ умазывать.

Но какъ бы то ни было, но сей случай такъ меня напугалъ, что я не только вохлѣлъ наплотнѣйшимъ образомъ помянутую скважину замазать, но опасаясь, чтобъ сія проклятая труба не надѣлала еще гдѣ-нибудь бѣдъ, расположился совсѣмъ ее заглушить, а для выхода жара и дыма изъ печи и очага, придѣлать къ сему длинную желѣзную трубу и вывести ее въ окно наружу, и тотчасъ отправилъ для сего въ Тулу нарочнаго, чѣмъ мнѣ тотчасъ и смастерили. А сіе меня съ сей стороны и обезпечило.

Совсѣмъ тѣмъ опасеніе—что и примъ какимъ-нибудь непредвидимымъ случаемъ не сжечъ мнѣ дворца—поудило меня помышлять и о скорѣйшемъ стороженіи и для себя какихъ бы то ни было хоромишекъ, и поспѣшать смъ нужнымъ дѣломъ. И какъ по особливому счастью находилась у насъ въ гошпиталѣ небольшая деревянная свазь, построенная еще господиномъ Опухтинымъ для житія поддѣкаря и стоявшая тогда праздно, потому что поддекаря у насъ не было, — то, не долго думая, рѣшился я ее перенести на свое пожарище. И сгородилъ изъ ней для жительства своего новой домикъ.

Къ сему я тотчасъ и приступилъ, но произвестъ сіе не такъ скоро можно было въ дѣйство, какъ сказать на словахъ. Оказались при томъ многія затрудненія и неудобствы. Наилгавнѣйшая изъ нихъ состояла въ томъ, что свазь сія была не только низка, но и вся очень не велика, и состояла только изъ четырехъ нарочно хотя просторныхъ комнатъ и однихъ сѣней. И какъ столь немного комнатъ, мнѣ со всѣмъ семействомъ своимъ по-

мѣститься никоимъ образомъ не было можно, а иного готоваго зданія никакого не находилось; то по неволѣ припужденъ былъ довольствоваться уже и сею и недостаткомъ комнатъ уже, поднимаясь какъ-нибудь на хитрости.

Сіе хотя и стоило мнѣ многихъ хлопотъ и трудовъ, но по крайней мѣрѣ и удалось съ лучшимъ успѣхомъ, нежели каково сначала ожидать было можно. Подумавъ о томъ хорошенько и самъ съ собою погадавъ, я тотчасъ смастерилъ прожектъ, какъ чему быть, и начертивъ всему планъ, не долго думая, и велѣлъ опиле хоромцы, перемѣтивши, ломать и перевозить на подводахъ, велѣлъ лѣсъ становить на прежнемъ мѣстѣ, подвинувшись только немного впередъ отъ онаго.

Теперь разскажу я, чтѣ и чтѣ я придумалъ, и чѣмъ помогалъ себѣ въ тогдашней своей нуждѣ. Будучи доволенъ, что домикъ сей былъ хотя небольшой, но построенъ изъ сухаго краснаго лѣса, и что помянутыя четыре компаты были нарочито просторны, расположилъ я ихъ перестроивать слѣдующимъ образомъ: первую перегородилъ на двое, изъ одной три она составила: одна — лакейскую или прихожую, а другая — дѣвичью, третью — опредѣлилъ для своего кабинета или для собственнаго моего житія и мѣстопробыванія, назначаемой горницы. И смастерилъ себѣ кабинетъ несравненно просторнѣйшій, спокойнѣйшій, свѣтлѣйшій и теплѣйшій передъ прежнимъ. Положеніе свое получилъ онъ въ углу хоромъ, простирающихся на югъ. И какъ были въ немъ три окна, которыя велѣлъ я столярамъ передѣлать и изъ прежнихъ небольшихъ превратить въ большія и порядочныя, то было въ немъ очень свѣтло. А для тепла снабдилъ я его въ углу печкою съ конуркою для сидѣнія и нагрѣванія спины своей, а подлѣ ея смастерилъ себѣ маленькой каминчикъ и чрезъ все то сдѣлалъ весь его очень уютнымъ, веселымъ и столь спокойнымъ, что впоследствии былъ онимъ несравненно довольнѣе своего прежняго маленькаго и темнаго кабинета. Другую и про-

сторнѣйшую изъ всѣхъ комнату назначилъ я для тройкаго употребленія, а именно: чтобъ она служила намъ совкупно и заломъ, и столовою, и гостинною, и подвергалась всегдашнимъ перемѣнамъ, а именно: въ обыкновенное время снабжала бы столовою и за нею небольшою на углу гостинною комнатою; а когда нужно имѣть просторнѣйшую комнату для большаго стола, то изъ обѣихъ изъ нихъ составлялся бы у насъ въ одинъ мигъ довольно просторной и такой залъ, въ которомъ по нуждѣ человекъ 20—30-ть накормить можно было. Сіе производили мы чрезъ выниманіе подвижной тонкой стѣны или перегородки, которою отдѣлялась наша гостинная отъ столовой, которую велѣлъ я столярамъ сдѣлать досчатую изъ трехъ штукъ, и обить съ обѣихъ сторонъ обоями и смастерить такъ, чтобъ можно было ее въ надобное время и со всѣми створчатыми ея дверьми выносить вонъ и чрезъ то изъ двухъ комнатъ въ одинъ мигъ составлять одну. и потомъ опять, въ одинъ же мигъ составлять двѣ разныхъ компаты. И сіе удалось намъ такъ хорошо и непримѣтно сдѣлать, что ни кому и въ мыслѣ не прихаживало, что стѣна сія была подвижная и выносная; и многіе сей выдумки моей довольно надивиться не могли. Изъ третьей же боковой и также разгороженной компаты смастерилъ я себѣ небольшую спаленку и комнату для дѣтей, и маленькую компатку для житія моей тещи, а четвертая назначена была для дѣвичьей. Но какъ не доставало только заднихъ сѣней и кладовой для всякой поклажи, то сію расположилъ уже я прирубить вновь изъ сырого лѣсу въ заворотъ къ одному концу хоромецъ; а чрезъ все то и получилъ по нуждѣ всѣ надобности.

Какъ все сіе скорѣе можно было выдумать и сказать, нежели нѣ дѣйство произвести, то какъ я строеніемъ сихъ и прочихъ нужнѣйшихъ службъ ни спѣшилъ, но принужденъ мы были употребить на то весь іюнь и іюль и почти и самой августъ мѣсяцъ, и не прежде мѣ-

ли жить въ сей домъ перейти, какъ въ исходѣ уже сего послѣдняго мѣсяца; слѣдовательно, жили во дворцѣ безъ мала четыре мѣсяца.

Въ теченіе всего сего времени не случилось съ нами никакихъ особливыхъ происшествій, о которыхъ стоило бы упомянуть въ подробности. А вообще только скажу, что жить намъ тогда случилось еще въ первый разъ въ каменномъ большомъ и по нынѣшней архитектурѣ построенномъ домѣ, съ большими оконками, дверьми и прочимъ. Но, несмотря на все то, жили мы тутъ гораздо покойнѣе, нежели въ прежнемъ деревянномъ, и причиною тому была наиболѣе непривычка, также и то, что вездѣ несло и дуло, а сверхъ того, на ту пору въ самое сіе лѣто надобно было дѣлать въ дому сѣмъ и парадную въ верхній этажъ лѣстницу изъ дикаго крѣпкаго камня, найденнаго въ нашей волости. И какъ работа сія по отѣнной крѣпости онаго производилась очень медленно отысканными въ Москвѣ особыми мастерами, то и связывала, и безпокоила она насъ чрезвычайно. Наконецъ, мы ее сдѣлали и снабдили дорогами желѣзными перилами, и она стоила намъ многихъ денегъ, но и сіе и было одно только, чтò сдѣлалъ молодой князь во время своего владычества надъ волостью.

Что касается до моихъ упражненій въшнихъ и внутреннихъ, то первая состояли наиболѣе въ смотрѣніи надъ производствомъ работъ при строеніи моего новаго дома и службъ, къ нему принадлежащихъ; во вторыхъ, въ назначеніи новыхъ мѣстъ для постройки домовъ нашимъ церковно-служителямъ. И симъ дозволилъ я уже строиться на прежнемъ мѣстѣ и занимать наилучшее и прекраснѣйшее мѣсто изъ всей тамошней усадьбы по прежнему своими амбарками; но все оное, какъ самое ближнее ко дворцу, оставилъ до времени празднымъ, предназначая уже и тогда оное въ мысляхъ своихъ для дворцоваго впрѣдъ сада, которое впоследствии времени, какъ о томъ упоминается впрѣдъ въ своемъ мѣстѣ, и

дѣйствительно весьма мнѣ пригодилось для произведенія нашего славнаго Богородицкаго сада.

Все сіе, равно какъ и прочія наружныя дѣла по волости какъ много ни отнимали у меня времени, но, по привычкѣ своей къ непрерывной дѣятельности и трудолюбію, находилъ я еще множество его излишняго для своихъ литературныхъ и любопытныхъ занятій и упражненій разнаго рода. Все сіе употреблялъ я на продолженіе сочиненія своего «Экономическаго Магазина», котораго печатаніе и издаваніе шло по прежнему своимъ чередомъ и не имѣло по сему случаю ни малѣйшей остановки у меня. Только, къ крайнему сожалѣнію моему, похитилъ пожаръ присылаемые ко мнѣ экземпляры 9-й части онаго и надѣлалъ тѣмъ мнѣ великую пакость. Но какъ времени и за симъ оставалось у меня еще довольно, то затѣвалъ-было я въ сіе время переводить еще два нѣмецкихъ романа, а именно «Генриетту Риверса и барона Кронштейма», но оба сіи перевода не состоялись, и какъ-то мнѣ не удалось ихъ кончить.

Далѣе памятно мнѣ, что въ самой сей періодъ времени пріѣзжалъ къ намъ братъ мой, Михайла Матвѣевичъ, и привезъ къ намъ старшаго своего сына Василія, для воспитанія и обученія наукамъ, и я получилъ чрезъ то себѣ еще новаго кабинетнаго товарища и не оставлялъ употреблять все, чтò могъ, для обученія сего малютки.

Кромѣ сего, занимался я временно и разными художественными упражненіями, изъ которыхъ въ особенности памятно мнѣ отдѣльваніе стеклянной моей часохранильницы, которой развалины цѣлы у меня еще и нынѣ и служатъ памяникомъ тогдашняго пожара. Прекрасную штучку сію я въ старыхъ хоромахъ только-было началъ украшать росписными стеклами, и какъ она, по счастью, была спасена отъ пожара; то хотѣлось мнѣ ее кончить, и я занимался тѣмъ во время жительства моего во дворцѣ.

Обыкновенная июльская казанская яр-

разъ
преж-
жною
ивалъ
всѣми
юдер-
къ су-
собою
ь, въ
отомъ
лгоро-
лся я
и объ
Веро-
оромъ
и отъ
произ-
удив-
на са-
жнихъ
вшую
реща-
ельни-
и что
ится,
я сему
зласъ
тъ она
и при-
зущее,
у, что
ой че-
ѣ, но
къ сей
даль-
муни-
нникъ
гужив-
имѣв-
пособ-
ю зна-
а Ве-
чтобы
род-
ннику
чрезъ
ины и
болѣе

то, что какъ открылись за этимъ по во-
лости дѣла не совсѣмъ похвальныя, пе-
ремѣнившія у князя прежнія объ немъ
выгодныя мысли, то не могъ онъ при
дальнѣйшемъ продолженіи службы своей
въ семъ мѣстѣ льститься надеждою по-
лучить чины, или инныя какія-либо выго-
ды, ибо чтобы быть нѣкогда на моемъ
мѣстѣ — выложилъ онъ совсѣмъ уже изъ
головы.

Въ семъ намѣреніи выпросилъ онъ у
князя дозволеніе съѣздить съ женою
своею въ Петербургъ для сведенія зна-
комства съ помянутымъ родственникомъ.
И какъ князь въ томъ ему не отказалъ,
то онъ и отправился въ Петербургъ. И,
живучи тамъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду,
по характеру своему отменно способ-
ному ко всякимъ проискамъ, проныр-
ствамъ и притворнымъ ласкательствамъ,
и успѣлъ господина Бакунина такъ
очаровать, что онъ сдѣлался ему и дру-
гомъ и благодѣтелемъ, и охотно взялся
весь свой кредитъ употребить для до-
ставленія ему всѣхъ желаемыхъ имъ
пользъ и выгодъ. Наиглавнѣйшее жела-
ніе г. Верещагина было то, чтобы ему
выдраться изъ тогдашняго его низкаго
чинишка, ибо онъ былъ отставнымъ толь-
ко подпоручникомъ артиллерійскимъ, и по-
лучить какой-нибудь лучшей, дабы, поль-
зуясь тѣмъ, можно было ему, оставивъ
волость, перейти въ иной родъ граж-
данской службы и тамъ искать счастья
своего далѣе. Но какъ въ доставленіи
ему чина оказалось то затрудненіе, что
онъ былъ въ отставкѣ и весь службу
почти приватную, то, по многому дума-
ніи и совѣщаніи, разсудили они употре-
бить къ тому то средство, чтобы князь
нашъ представилъ о награжденіи его чи-
номъ въ сенатъ, а въ сенатѣ брался уже
г. Бакунинъ дѣло сіе сработать. А по-
сему и приступилъ г. Верещагинъ съ
просьбою о томъ къ князю, и сей былъ
такъ безразсуденъ, что, позабывъ совсѣмъ
обо мнѣ, какъ несравненно одобренія и
рекомендаціи его достойнѣйшемъ, и далъ
ему себя убѣдить просьбою учинить по
его желанію. А сей не успѣлъ сего пред-

манка была въ сей годъ многоядная, и уже въ новомъ, построеншемся за прудомъ, городѣ. И какъ происходила она у насъ прямо передъ глазами и стеченіе народа было превеликое, то зрѣлище сіе было для насъ столь пріятное, что мы не могли онымъ довольно налюбоваться. Но увеселеній никакихъ въ сей разъ по поводу ея не было, кромѣ того, что я угощалъ у себя многихъ пріѣзжавшихъ на нее своихъ знакомцевъ.

Наконецъ, насталъ и августъ мѣсяцъ и съ нимъ для меня новыя заботы и хлопоты. Получилъ я извѣстіе, что князь командиръ мой пріѣдетъ опять къ намъ на осень ѣздить по прежнему съ собаками. И мнѣ велѣно было заготовить и для него, и для людей, и лошадей, и псовъ его нужные припасы. Я хотя и не имѣлъ причины опасаться, чтобъ произошли опять какіе-нибудь вздоры, поелику князь расположенъ былъ ко мнѣ уже лучше, — однако все-таки озабочивался снѣмъ его пріѣздомъ, и охотнѣе желалъ бы, чтобъ онъ къ намъ не пріѣзжалъ, и потому будущему пріѣзду его не весьма радовался. Но какъ переимѣнить того былъ я не въ состояніи, то спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, скорѣе отдѣлывать свой новой домъ, дабы успѣть до пріѣзда княжова въ оной перейти и дворецъ опростать ему для жительства. Но онъ, не воображая себѣ, чтобъ я успѣлъ сіе сдѣлать, и не хотя потревожить меня изгнаніемъ изъ дворца, предписалъ мнѣ, чтобы я сказалъ господамъ нашимъ судьямъ, жившихъ до того по прежнему въ дворцовомъ флигелѣ, чтобъ они изволили выбираться вонъ изъ нихъ и отыскивать себѣ, гдѣ хотятъ, другія квартиры въ своемъ городѣ, а комнаты свои во флигелѣ опростали для квартированія самому ему собственно. Съ крайнимъ нехотѣніемъ пошелъ я имъ показывать сей ордеръ и увѣрять ихъ, что произошло сіе совсѣмъ не отъ меня, а отъ одного своенравія князя. Они хотя тому и повѣрили, зная, что мнѣ въ томъ никакой не было надобности, но неинако какъ съ крайнимъ неудовольствіемъ принуждены

были, согласуясь съ повелѣніемъ снѣмъ, прежнія свои спокойныя и хорошія квартиры покидать и перебираться въ городъ, гдѣ наняли они для себя уже кое-гдѣ пакосныя квартиришки. А вмѣстѣ съ ними перебрался на ту сторону и самъ нашъ городничій.

Признаться надобно, что таковое ихъ переселеніе было не только для нихъ, но и для меня весьма непріятно, ибо чрезъ сіе удаленіе ихъ изъ близкаго сосѣдства и разсѣяніе по всему городу разрушились всѣ бывшія у насъ до того частыя свиданія и веселыя сѣзды и вечеринки, ибо къ тому далеко не было уже таковой способности какъ прежде.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, а именно 28-го числа августа, перебрались и мы всѣ изъ дворца въ новопостроенной своей домъ, приведенной къ сему времени уже къ окончанію. Я очень радъ былъ, что успѣлъ его кончить до пріѣзда къ намъ князя, которой, по полученнымъ извѣстіямъ, находился въ сіе время уже въ своемъ Сергіевскомъ, и что могъ очистить для его и дворецъ и флигели.

Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ оставили мы пышныя и высокія каменныя палаты и входили въ свой смиренной деревянной домикъ. Какъ онъ ни тѣсенъ былъ, но мы находили въ немъ довольно уже для себя простора, и онъ намъ казался и веселъ, и хорошъ, и спокоенъ. Въ особенности же я не могъ довольно налюбоваться и навеселиться своимъ свѣтленькимъ кабинетомъ и съ особливимъ удовольствіемъ разстановлялъ въ немъ столы, комоды, книги и все прочее. Къ сему времени поспѣлъ у меня вновь дѣланной и самой тотъ черною кожею сверху оклеенной столъ, на которомъ пишу я и понывѣ, и которой помѣстилъ я тогда подъ лучшимъ ошпокомъ, изъ котораго видъ простирался на городъ и на дворецъ.

Не успѣли мы въ сей домъ перебраться, какъ на другой же день послѣ того и поѣхалъ уже я къ своему князю въ Сергіевское, и проѣздивъ почти всю ночь по степи, сбившись въ темнотѣ съ до-

роги. Князь принялъ меня въ сей разъ несравненно уже лучше, нежели въ прежній прѣздъ свой; разговаривалъ со мною обо всемъ благосклонно, спрашивалъ о волостяхъ, и казалось, что былъ всѣми моими дѣлами доволенъ. Онъ продержалъ меня у себя не болѣе однихъ сутокъ, въ которыхъ возилъ меня съ собою на огромный свой конскій заводъ, въ другой деревнѣ построенной, а потомъ и отпустилъ меня обратно въ Богородицкѣ.

Будучи отъ князя домой, занимался я во всю почти дорогу помышлениями объ одномъ дѣлѣ, относящемся до г. Верещагина, моего товарища, и о которомъ я въ сію бытность мою у князя и отъ самого его услышалъ, и которое произвело во мнѣ не только превеликое удивленіе, но и нѣкоторое негодованіе на самого князя. Было оно слѣдующее:

Я упоминалъ уже вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, что мы въ минувшую осень женили сего господина Верещагина на дочери знакомой и пріятельницы нашей госпожи Бакуниной, и что всѣ не могли тому довольно надивиться, что сія благородная дама дала себя сему хитрецу такъ очаровать, что согласилась отдать за него дочь свою. И какъ она за нею ничего почти не дала, да и приданое было ничего почти незначущее, дивились мы и самому Верещагину, что онъ, будучи и самъ очень небогатымъ человѣкомъ, женился на такой невѣстѣ, но вскорѣ потомъ открылось, что бракъ сей учиненъ былъ съ его стороны по дальновидному расчету. У госпожи Бакуниной былъ очень близкій родственникъ той же фамиліи въ Петербургѣ, служившій при иностранной коллегіи и имѣвшій уже важной чинъ, да и по способностямъ своимъ въ дѣлахъ довольно знаменитой. Итакъ, виды господина Верещагина простирались къ тому, чтобы чрезъ сей бракъ, сдѣлавшись ему роднею, къ сему знаменитому родственнику подбитися въ любовь и милость, и чрезъ его, буде можно, провзойтись въ чины и люди. Къ сему побуждало его наиболѣе

то, что какъ открылись за этимъ по волости дѣла не совсѣмъ похвальныя, перемѣнившія у князя прежнія объ немъ выгодныя мысли, то не могъ онъ при дальнѣйшемъ продолженіи службы своей въ семъ мѣстѣ льститься надеждою получить чины, или инныя какія-либо выгоды, ибо чтобъ быть нѣкогда на моемъ мѣстѣ — выложилъ онъ совсѣмъ уже изъ головы.

Въ семъ намѣреніи выпросилъ онъ у князя дозволеніе съѣздить съ женою своею въ Петербургъ для сведенія знакомства съ помянутымъ родственникомъ. И какъ князь въ томъ ему не отказалъ, то онъ и отправился въ Петербургъ. И, живучи тамъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, по характеру своему отменно способному ко всякимъ пронкамъ, пронырствамъ и притворнымъ ласкательствамъ, и успѣлъ господина Бакунина такъ очаровать, что онъ сдѣлался ему и другомъ и благодѣтелемъ, и охотно взялся весь свой кредитъ употребить для доставленія ему всѣхъ желаемыхъ имъ пользъ и выгодъ. Наиглавнѣйшее желаніе г. Верещагина было то, чтобъ ему выдаться изъ тогдашняго его низкаго чинишка, ибо онъ былъ оставленнымъ только подпоручикомъ артиллерійскимъ, и получить какой-нибудь лучшей, дабы, пользуясь тѣмъ, можно было ему, оставивъ волость, перейти въ иной родъ гражданской службы и тамъ искать счастья своего далѣе. Но какъ въ доставленіи ему чина оказалось то затрудненіе, что онъ былъ въ отставкѣ и несъ службу почти приватную, то, по нѣмаломъ думаніи и совѣщаніи, разсудили они употребить къ тому то средство, чтобъ князь нашъ представилъ о награжденіи его чиномъ въ сенатѣ, а въ сенатѣ брадса уже г. Бакунинъ дѣло сіе сработалъ. А посему и приступилъ г. Верещагинъ съ просьбою о томъ къ князю, и сей былъ такъ безразсуденъ, что, позабывъ совсѣмъ обо мнѣ, какъ несравненно одобренія и рекомендаціи его достойнѣйшемъ, и далъ ему себя убѣдить просьбою учинить по его желанію. А сей не успѣлъ сего пред-

ставленія получить, какъ, при помощи Бакунина и своемъ проницствѣ, и успѣлъ въ сенатѣ сдѣлать то, что сей и наградилъ его почетнымъ уже чиномъ коллежскаго ассессора; слѣдовательно, изъ подпоручиковъ пожаловалъ его прямо въ премьер-маіоры, такъ какъ бы онъ и Богъ знаетъ какую для отечества сдѣлалъ важную услугу.

Признаюсь, что какъ я ни мало сроденъ къ завидованію другимъ людямъ въ счастьи и страсть сія меня никогда не мучивала и не мучить, — но въ сей разъ чувствительно и больно было мнѣ услышать о немъ отъ самого князя, прикрывающаго уже стыдъ свой извиненіемъ себя предо мною, что онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ произвели его въ коллежскіе ассессоры, а не инако думалъ, что дадутъ ему только чинъ титулярнаго совѣтника что онъ и о производствѣ его для того только представилъ, что Верещагинъ далъ ему обѣщаніе выйтти тотчасъ изъ нашей службы и перейти куда-нибудь въ иное мѣсто, чего и самому ему хотѣлось. Но легко можно заключить, что для меня извиненіе таковое не весьма было утѣшительно, и я не могъ, чтобъ на князя, за забитіе меня и предпочтеніе мнѣ сего негодяя, внутренно не подосадовать.

И о семь-то я, конечно, размышлялъ, ѣдучи назадъ въ Богородицкѣ, и смѣлся тому, что сей новонспеченной господинъ маіоръ продолжалъ по прежнему быть у меня, имѣвшаго только капитанской чинъ, подъ командою.

Черезъ недѣлю, по возвращеніи моемъ, пріѣхалъ къ намъ и князь, въ сей разъ уже одинъ и безъ своей княгини, а только съ г. Стрекаловымъ и со свитою, далеко уже не столь многочисленною, какъ прежде; почему и не захотѣлъ стать во дворцѣ, а расположился во флигелѣ, въ самыхъ тѣхъ покойцахъ, гдѣ жилъ до того судья г. Арсеньевъ. И удивился нашедъ домъ мой совсѣмъ уже построеннымъ, равно какъ и нарядное въ домѣ крыльцо уже отдѣланнымъ, чѣмъ онъ былъ такъ доволенъ, что изъявлялъ мнѣ за то отмѣнное свое благоволеніе.

Впрочемъ, какъ при немъ въ сей разъ не было уже столь многихъ прихлебателей, какъ въ прежній разъ, то во все время тогдашняго его пребыванія не произошло у насъ ничего важнаго и замѣчательнаго, а все было у насъ тихо, смиренно, хорошо и ладно. Онъ, по обыкновенію своему, опять-таки всякой день ѣзжалъ на поле, гонялъ и травилъ зайцевъ, возвращался къ намъ уже въ темныя ночи, а я оставался дома и занимался своими дѣлами или угощеніями у себя г. Стрекалова, которой рѣдко ѣзжалъ съ нимъ на поле.

Одно только случилось происшествіе особое, да и то произвело мнѣ не досаду и огорченіе, а особенное удовольствіе и состояло въ слѣдующемъ. Какъ князь, ѣздяши на охоту, ѣхалъ однажды съ поля верхомъ съ товарищами въ одно село отдыхать, то случилось ему наѣхать на одного крестьянскаго мальчишку, ѣхавшаго также съ поля домой въ телѣгѣ. И какъ примѣтилъ онъ, что мальчишка сей никакъ не узналъ, а счелъ его простымъ охотникомъ, то, по скарденной своей прежней привычкѣ, восхотѣлось ему симъ случаемъ воспользоваться, и въ своихъ съ нимъ разговорахъ выпытывать и расспрашивать у него все, что онъ обо мнѣ и о правленіи моемъ знаетъ. Но, по особливому для меня счастью, случилось быть сему мальчишкѣ очень умному, и хотя меня никогда не видавшему, но довольно обо мнѣ и всѣхъ моихъ дѣлахъ съ хорошей стороны отъ стариковъ наслышавшемуся. А потому какъ князь ни старался его выводить изъ ума, но тотъ превозносилъ меня по своему, одними только похвалями, и расхвалилъ ему меня такъ, что князь, по возвращеніи своемъ къ намъ, торжественно при всѣхъ за столомъ мнѣ сказалъ: «Ну, Андрей Тимоѣевичъ, какъ мы севодни наѣхали мальчишку, такъ хотя-бъ и братъ родной тебѣ онъ былъ, такъ бы не наказывалъ мнѣ столько о тебѣ добраго; и ему уже я болѣе всѣхъ повѣрю, потому что онъ ни тебя, ни меня не звалъ, а говорилъ отъ чистаго сердца, и что отъ роду помнить».

Легко можно заключить, что таковое его привѣтствіе было для меня не противно, а самое сіе подало поводъ и къ другому произшествію и къ побужденію меня къ такому дѣлу, къ которому приступилъ я почти нехотя, а именно:

Какъ скоро произшествіе сіе и хорошее расположеніе князя ко мнѣ сдѣлалось всеѣмъ извѣстно, то какъ родные мои, такъ и все мои друзья и пріятели стали мнѣ совѣтывать, чтобъ я воспользовался благопріятнымъ для себя случаемъ и попросилъ князя, чтобъ онъ и обо мнѣ такъ же образомъ въ сенатъ представилъ, какъ о Верещагинѣ. Долго я на сіе никакъ не соглашался, ибо съ одной стороны за правило себѣ издавна поставилъ не добиваться самъ какихъ-нибудь себѣ чиновъ, а съ другой — не хотѣлось мнѣ и князя о семъ, какъ о милости какой, просить. Но наконецъ убѣдили меня къ тому наиболѣе тѣмъ, чтобъ я исполнилъ сіе, хоть стыда ради предъ Верещагинымъ. Итакъ, предъ самымъ уже отъѣздомъ князя и приступилъ къ нему съ сею просьбою. И князь не только мнѣ въ томъ не отказалъ, но, отзываясь, что онъ сіе считаетъ себѣ уже и долгомъ, общалъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Москву, исполнить, что дѣйствительно и учинилъ. Но, спасибо посланное, его обо мнѣ въ сенатъ представленіе осталось безъ малѣйшаго успѣха, и ему въ томъ, и слова не сказавъ, отказали, поелику у меня тамъ не было никакого г. Бакунина ходатаемъ.

Князь пробылъ у насъ въ сей разъ не долго и только до половины сентября мѣсяца, и 15-го числа поѣхалъ отъ насъ въ Бобринь. А на другой день проводилъ я его и оттуда, нимало не воображая себѣ, что сей пріѣздъ его былъ къ намъ въ волость уже послѣдній.

По отъѣздѣ его, всю послѣдующую за сѣмъ осень и первые зимніе мѣсяцы, провели мы по прежнему въ разныхъ своихъ упражненіяхъ. И во все сіе время случилось только то, что вначалѣ октября мѣсяца лишились мы меньшей своей дочери Варвары, бывшей еще на рукахъ у кор-

милицы. Бѣдненькая съ самаго рожденія своего все что-то чахла и была нездорова, а во время пожара ее сильно простудили, и отчего наиболѣе начала она чахнуть, покуда наконецъ родимецъ кончилъ ее кратковременную жизнь и сей рабѣнокъ былъ у меня уже послѣдній.

Вскорѣ послѣ сего произшествія отправились мы въ дальнія гости, въ Крапивенской уѣздъ, къ родственнику нашему Петру Алексѣевичу Кирѣеву. А на возвратномъ пути заѣзжали и къ прочимъ нашимъ крапивенскимъ знакомцамъ, гдѣ, будучи въ домѣ у друга моего г. Шущерина, встрѣтилъ я и свой 45 годъ отъ рожденія. Имянины же свои праздновалъ уже, по обыкновенію, возвратясь въ Богородицкъ, при которомъ случаѣ, для угощенія всеѣхъ своихъ городскихъ знакомыхъ, въ первой разъ столовую и гостинную свою въ новомъ домѣ превращалъ въ залу.

По наступленіи зимы писалъ я опять въ Петербургъ къ старинному своему другу г. Малиновскому, но и въ сей разъ не могъ получить отъ него никакого отвѣта. Почему съ того времени и пересталъ къ нему писать, и тѣмъ паче, что стороною слышалъ, что ему было не до того, чтобъ помнить о своихъ прежнихъ друзьяхъ, а онъ занимался излишнею приверженностью своею къ бакусовымъ продуктамъ. Я искренно пожалѣлъ о семъ человѣкѣ, учившемся такъ хорошо въ Кѣнигсбергѣ и штудировавшемъ вмѣстѣ со мною крузіанскую философію и бывшемъ уже на хорошемъ пути къ почестямъ, но — проклятой порокъ сей погубилъ сего человѣка.

Кромѣ сего, достопамятно, что я въ сіе зимнее время, кромѣ обыкновеннаго сочиненія своего «Экономическаго Магазина», занимался еще переводомъ нѣмецкаго романа подъ заглавіемъ «Герфортъ и Клара», которой мнѣ и слогомъ, и содержаніемъ своимъ полюбился. И трудился надъ нимъ съ толкимъ прилежаніемъ, что, несмотря на всю величину его, весь оной недѣль въ шесть кончилъ переводомъ. Мнѣ хотѣлось и его также

напечатать, но какъ-то не удалось. Господинъ Новиковъ какъ-то долго не собрался за напечатаніе его приняться, и я лишился даже своего и манускрипта.

А симъ и кончился нашъ 1782 годъ, сдѣлавшійся мнѣ пожарнымъ бѣдствіемъ въ особенности достопамятнымъ. И какъ мы, за разстройкою своею, всю зиму въ Москву сколь было располагали, то и остались праздникъ Рождества Христова въ Богородицкѣ. А что воспослѣдовало далѣе, о томъ перескажу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе симъ окончивъ, скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Генваря 18-го дня 1810 года).

1783.

Письмо 212-е.

Любезный пріятель! Начинаю теперь рассказывать вамъ о происшествіяхъ, случившихся со мною въ теченіе 1783 года. Предварительно скажу, что и сей годъ былъ весьма достопамятный для меня происшествіемъ опять во многихъ обстоятельствахъ, относящихся до меня, и всего меньше мною ожидаемую перемену. Она произошла при самомъ почти началѣ сего года. Но мы, ничего еще о томъ не зная, начали проводить оный въ прежнемъ своемъ спокойствіи душевномъ, живучи по прежнему въ мирѣ и тишинѣ. И какъ предъ наступленіемъ еще святокъ, отѣзжавшій отъ насъ на праздникъ въ деревню свою, судья нашъ г. Арсеньевъ, нанубѣдительношнимъ образомъ, просилъ насъ, чтобъ мы его хотя однажды посѣтили въ его деревни и, буде можно, пріѣхали бы къ нему къ новому году, то, желая и сами у него побывать, и поѣхали мы къ нему въ послѣдній день минувшаго года. Но что-жъ случилось-было тамъ съ нами? Обрадовавшійся до крайности пріѣзду нашему, нашъ хозяинъ не зная какъ бы насъ у себя лучше угостить, но со всѣмъ стараніемъ своимъ о томъ, чуть-было чуть не отправилъ насъ на тотъ свѣтъ и не погубилъ совершенно отъ излишняго своего къ намъ усердія. Ибо,

какъ случилась тогда быть очень холодная морозная погода и хоромы его были не очень теплы, а особливо просторный его залъ, въ которомъ назначилъ онъ всѣмъ намъ, мущинамъ, спать (ибо, вмѣстѣ съ нами, ѣздили тогда къ нему и нашъ городничій и нѣкоторые другіе изъ нашихъ богородицкихъ знакомцевъ),—то догадало его, между тѣмъ, покуда мы въ столовой его ужинали, у себя залъ его нагрѣвать нѣсколькими котлами съ раздутыми угольями. Мы, не зная ничего того и отуживавъ себя спокойнымъ образомъ, порадовались еще, когда привелъ онъ насъ въ залъ съ приготовленными для насъ постелями, что нашли въ немъ такое тепло, и легли себя спокойно спать. Но не успѣли заснуть, какъ такъ всѣ переугорѣли, что насъ безъ памяти почти вытащили на дворъ. По особенному счастью, какимъ-то образомъ удалось мнѣ проснуться прежде всѣхъ прочихъ, и какъ я почувствовалъ въ себѣ не только необыкновенную головную боль, во дурноту и тошноту страшную, то, вскочивъ, взбудоражилъ людей и всѣхъ прочихъ, со мною спавшихъ, угорѣвшихъ еще больше моего, и находившихся уже въ крайней опасности. «Батюшки мои, кричалъ я имъ, вставайте, вставайте скорѣе: мы всѣ переугорѣли на смерть и пойдемте скорѣе вонъ!» Но кто ни легъ — не въ состояніи почти были уже стоять на ногахъ: такъ мы всѣ одурѣли, и насъ вывели уже кое-какъ люди вонъ на морозъ; и еслибъ не помогла намъ сдѣлавшаяся рвота, то не знаю уже, чтобъ съ нами воспослѣдовало.

Хозяинъ нашъ невѣдомо какъ совѣстился, что былъ такъ неостороженъ. Но какъ и онъ столько, какъ и мы, угорѣлъ, то мы и не взыскивали уже на немъ того; но превративъ все сіе въ шутку, весь первый день сего года провели у него съ удовольствіемъ, а на другой день обѣдали у сосѣдя его г-жѣ Албычевой, сестры друга моего, Алексѣя Андреяновича, а послѣ заѣхали къ брату его, Николаю Сергѣевичу, и провели у него вечеръ прямо по святочному въ разныя игры и забавахъ.

По возвращеніи своемъ, на третій день, въ Богородицкѣ, нашель я у себя, между прочими полученными письмами, уже и ордеръ отъ князя о произведеніи г. Верещагина. А вскорѣ послѣ сего прискакаль ко мнѣ и самъ сей новоиспеченный г. коллежскій ассессоръ. Я, поздравляя его съ полученіемъ чина, смѣлся ему, говоря, что теперь Богъ знаетъ, кому изъ насъ у кого быть въ командѣ: мнѣ ли у него, или ему у меня. Но какъ ордеромъ предписано было состоять ему отъ меня по прежнему въ командѣ, то онъ принужденъ былъ проглотить сію пилюлю и признался мнѣ, что главное намѣреніе его состояло въ томъ, чтобъ перейти отъ насъ въ гражданскую службу, а свое мѣсто опростать для своего меньшаго брата, Семена, что ему, наконецъ, и удалось.

Итакъ, мы остались съ нимъ по прежнему друзьями, и онъ не огорчился ни мало тѣмъ, что былъ у меня, со всѣмъ своимъ ассессорскимъ чиномъ, подъ командою; но поступилъ еще далѣе и вздумалъ-было сдѣлаться сватомъ и просватывать старшую дочь мою Елизавету въ замужство. Но мы съ вѣжливостью, подъ предлогомъ, что она слишкомъ еще молода, сіе его предложеніе отклонили; къ тому-жъ, и предлагаемый имъ женихъ не былъ для ней хорошею партіею.

Въ день Богоявленія Господня сдѣлали мы у себя маленькой праздничекъ и у насъ обѣдать и весь день съ нами провелъ городничій со своимъ семействомъ и еще кое-кто изъ городскихъ нашихъ знакомыхъ; а чрезъ день, послѣ того, угощаль онъ насъ у себя обѣдомъ. Тѣмъ мы тогдашніе наши святочные съѣзды и увеселенія кончили.

Симъ образомъ продолжали мы жить по прежнему въ мирѣ и тишинѣ и всего меньше помышляли о томъ, чтобъ намъ предстояла тогда новая, и всего меньше ожидаемая, тревога, случившаяся еще въ самое то-жъ 8-е число января, въ которое мы пировали у городничаго, а именно:

Не успѣли мы, возвратясь отъ город-

ничаго, поужинать и лечь спать, какъ въ самую полночь вдругъ разбудили меня, говоря, что прискакаль ко мнѣ какой-то курьеръ съ важнымъ и нужнымъ пакетомъ. «Господи! сказала я, удивившись, и надѣвъ тулупъ, что за диковинка и отъ кого-бъ такъ?» Но удивленіе мое еще увеличилось, когда, вышедъ въ столовую, увидѣлъ подаваемый мнѣ пакетъ, подписанный на мое имя ордеромъ незнакомою рукою и запечатанный незнакомою мнѣ печатью. «Батюшки мои, отъ кого-бъ это таково было?» подумалъ я, и спѣшилъ спрашивать о томъ вручителя. — Отъ Николая Сергѣевича Давыдова, тульской экономіи директора. Сіе меня удивило еще болѣе. «Господи помилуй! сказалъ я самъ себя, да какую власть имѣеть сей человекъ надо мною, что меня ордируетъ?» и разорвавъ обертку пакета, спѣшилъ читать ордеръ. Но вообразите какимъ удивленіемъ и даже изумленіемъ долженъ былъ я поразиться, когда увидѣлъ, что давалось мнѣ знать, что государынѣ угодно было, по причинѣ увольненія князя Гагарина въ чужіе края, препоручить наши волости въ смотрѣніе и дирекцію ему, господину Давыдову, и что онъ, какъ уже дѣйствительный мой командиръ, увѣдомляя меня о томъ, и о скоромъ своемъ къ намъ пріѣздѣ, предписывалъ мнѣ, чтобъ я сдѣлалъ къ пріѣзду его всѣ нужныя приуготовленія и велѣлъ для пребыванія его истопить дворцовый флигель.

Удивленіе, которымъ я, при читаніи сего неожиданнаго извѣстія, поразился было дѣйствительно неудобоизобразимое, и я, сказавъ присланному: «хорошо, мною все будетъ исполнено», и приказавъ его накормить и успокоить, спѣшилъ сообщить сію неожиданность моимъ домашнимъ. Тѣ, также изумились, удивились и смутились, какъ и я, симъ происшествіемъ, и всѣ мы не знали, огорчатся ли намъ или радоваться сей новой и важной переменѣ. Господинъ Давыдовъ былъ всѣмъ намъ уже отчасти знакомъ, поелику за нѣсколько лѣтъ до того, пріѣзжалъ онъ къ намъ для осмотра флигелей, былъ нами

угощаемъ и показался намъ человѣкомъ очень хорошимъ. Но великая разница была въ томъ, чтобъ имѣть его у себя командиромъ, а не приватнымъ гостемъ. Сверхъ того, извѣстно было намъ то, что онъ былъ любимцемъ намѣстниковымъ, поелику съ женою его имѣлъ онъ до того короткую дружбу, по которой причинѣ находился и тогда у него все еще въ отличной милости и уваженіи; потому не извѣстно еще было, какъ онъ, будучи моимъ командиромъ, со мною обходиться будетъ. Что же касается до князя, то мы не знали, тужить ли намъ о томъ, что мы изъ его команды и начальства выбыли, ибо хотя я съ нимъ и только послѣдній годъ и поладилъ, но по пылкому и безпутному его характеру мало добра отъ него ожидать было можно, а напротивъ того, всегда долженъ я былъ отъ него опоягъ какихъ-нибудь вздоровъ опасаться. Итакъ, мы съ сей стороны и не очень о томъ потуживали, что отъ него по-добру, по-здорову отдѣлялись. Впрочемъ, предавались во всемъ Божьему о себѣ Промыслу и возлагали на Него все свое упованіе.

Совсѣмъ тѣмъ я, легши опять спать, не могъ долго заснуть и болѣе часа занимался о сей неожиданной перемѣнѣ помышленіями. Болѣе всего было мнѣ непонятно, какимъ это образомъ сдѣлалось и отчего собственно произошло, ибо до того объ отъѣздѣ князя въ чужіе края, и даже и о намѣреніи его къ тому не было ни малѣйшаго слуха и послушанія, а знали мы только, что въ минувшую осень ѣздилъ онъ по каммергергерской своей должности въ Петербургъ и оттуда ѣздилъ, вмѣстѣ съ государыней, въ новопріобрѣтенныя польскія провинціи, и что онъ находился у государыни въ особенномъ уваженіи. Словомъ, для меня было все сіе неразрѣшимую тогда загадкою и я не прежде обо всемъ узналъ, какъ уже по прошествіи многаго уже, послѣ того, времени, и тотъ же г. Верещагинъ, узнавъ о томъ какимъ-то образомъ, сообщилъ мнѣ о томъ странномъ случаѣ или анекдотѣ, которой къ сей важной съ на-

ми перемѣнѣ подалъ тогда поводъ. Былъ онъ слѣдующій:

Князь, находясь, помянутымъ образомъ, въ свитѣ императрицыной, во время путешествія ея въ Польшѣ, удостоиванъ былъ отъ ней той милости, что игралъ съ нею всегда въ вистъ, вмѣстѣ съ прочими, съ нею тогда бывшими. Какъ при сей игрѣ, какъ извѣстно, употребляются особня марки, то у князя были онѣ золотыя и носимыя всегда при себѣ въ карманѣ сподяго платья. Но какимъ-то образомъ случилось однажды, что онъ отъ поспѣшности, въ тотъ же карманъ, всунулъ стекляночку съ оделюсомъ, и какъ сей случилось быть не очень плотно замкнутой, а подлѣ самой ея и лежали помянутыя золотыя марки, то отъ духа сего нашатырнаго спирта и потусклѣло золото такъ, что марки сдѣлались совсѣмъ оттого запачканными и почти почерпѣвшими. Князь, сѣвши съ императрицею и прочими играть въ карты, и не зная того, не вѣдая, выхватываетъ изъ кармана марки и поражается удивленіемъ, увидѣвъ марки свои въ такомъ гадкомъ видѣ, и тотчасъ начинаетъ ихъ тереть платкомъ своимъ, но какъ острота спирта успѣла въ золото въѣсться очень крѣпко, то никакъ ихъ вытереть и прежній имъ блескъ придать было невозможно. Сіе увеличило не только его удивленіе, не догадывающагося нимало, отчего то произошло, по обратило вниманіе къ себѣ и всѣхъ прочихъ игроковъ и самой даже императрицы и возбудило во всѣхъ любопытство узнать, чѣмъ бы такимъ онъ ихъ замаралъ, и его о томъ спрашивать. Но какъ ему не оставалось другого сказать, что онъ самъ не знаетъ того не вѣдаетъ, то всѣ, посмѣившись только тому, такъ тогда сіе и оставили.

Но какъ бы вы думали? Самая сія ничего незначащая случайность произвела такія послѣдствія, какія и вообразить себѣ никому не можно было. Словомъ, она въ состояніи была лишить князя не только всего благоволенія императрицына, которымъ онъ до того времени пользовался, но и всей ея къ себѣ милости и

привести его ей даже въ омерзѣніе. Произошло то собственно отъ проклятой придворной политики или паче дьявольской зависти тогдашняго императрицына фаворита, бывшаго съ нею и игравшаго также тогда съ ними въ карты. Сей, опасаясь, можетъ быть, чтобъ князь не перехватилъ у него фавора, восхотѣлъ бездѣльнически употребить сей случай къ удаленію его отъ императрицы и употребилъ къ тому самую дьявольскую клевету. Какъ ему коротко былъ извѣстенъ весь характеръ императрицынъ и, между прочимъ, то, что она всего болѣе боялась . . . . . болѣзней и берегла себя отъ нихъ съ наивеличайшимъ стараніемъ, то вздумалось ему всклепать на князя, что онъ зараженъ сею прилипчивою болѣзнію, и что марки его не отъ чего иного потемнѣли, какъ оттого, что онъ дѣлится ртутными лѣкарствами, и произошло то отъ ядовитыхъ испареній изъ его тѣла. Онъ намекнулъ о томъ императрицѣ только шуткою, но сія тотчасъ тому, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, ноября, вдругъ получила отъ князя такое отвращеніе, что съ той же минуты не восхотѣла его болѣе и близко подлѣ себя терпѣть, а не только-что, по прежнему удостоивать его своего стола и играть съ нимъ въ карты; но, и близко его къ себѣ не припуская, подлѣ какимъ-то благовиднымъ предлогомъ, отправила его назадъ въ Петербургъ. И какъ, и по возвращеніи своемъ, не хотѣла она его никакъ терпѣть при дворѣ и о томъ же ему стороною дано было знать, то самое сіе побудило князя проситься объ увольненіи себя въ чужіе края, чему государыня, съ своей стороны, обрадовалась, охотно ему то и дозволила. А дабы волости наши не могли остаться безъ всякаго призора, то и ввѣрила она надзоръ надъ ними не г. Давыдову, а собственно случившемуся тогда въ Петербургѣ нашему тульскому намѣстнику Михайлу Никитичу Бречетникову. Но поелюку должность сія была для него нѣсколько низковата, то и вѣрно было подлѣ его руководствомъ и повелѣніями принять ее въ свое смо-

трѣніе помянутому тульской экономіи директору Давыдову. И такъ, сей былъ у меня не самымъ главнымъ, а, такъ сказать, полукомандиромъ; главнымъ же начальникомъ надо мною сдѣлался самъ нашъ намѣстникъ.

Всего сего тогда еще не вѣдая, удивлялся и тому, какъ могли такіа важныя волости поручены быть такому небольшому, молодому и нимало незнаменитому, а при томъ такому человѣку, о которомъ доходили до насъ стороною слухи, что былъ онъ и не слишкомъ въ житіѣ своемъ воздерженъ, а мотоватъ. Но удивленіе мое скоро уничтожилось чрезъ знаніе чрезъ нѣсколько дней послѣ того, что поручена ему надъ нами неполная власть, а ограниченная, и что самъ онъ долженъ былъ быть подлѣ онекою и надзоромъ намѣстниковымъ.

Но какъ бы то ни было, но перемѣна сія имѣла столь великое вліяніе на всѣ мои обстоятельства, что я могу сказать, что съ самаго сего времени начался новый и самый дѣятельнѣйшій и по многимъ отношеніямъ почти наипріятнѣйшій періодъ моей жизни, какъ то изъ послѣдующаго продолженія моего повѣствованія окажется.

Теперь, возвращаясь къ прерванной нити моего повѣствованія, скажу, что не успѣло настать послѣдующее за ночью утро, какъ, созвавъ всѣхъ моихъ подкомандующихъ, объяснилъ я имъ о сей происшедшей перемѣнѣ и приказалъ приготовить всѣ нужныя для свѣдѣнія моему новому командиру вѣдомости обо всемъ и бумаги; также топить скорѣе комнаты во флигелѣ и дѣлать прочія къ приѣзду его приуготовленія.

Для всѣхъ ихъ было сіе также и поразительно, и удивительно, но они болѣе сей перемѣнѣ радовались, нежели горевали о томъ, что вышли изъ подлѣ команды нашего бѣшенаго князя.

Г. Давыдовъ и незамедлил своимъ къ намъ приѣздомъ. И не успѣло двухъ дней пройти, какъ и прилетѣлъ онъ 11 числа раннимъ-равѣхонько въ сопровожденіи одного только своего секретаря Протопо-

пова и расположился въ приуготовленныхъ для его покоя въ флигелѣ дворцовомъ.

Будучи въ самомъ дѣлѣ и смыслѣ наибродушнѣйшимъ человѣкомъ и характера благороднаго, ласковаго, дружелюбнаго и веселаго, обошелся онъ со мною не такъ, какъ командиръ съ своимъ подчиненнымъ, а какъ стародавнишній уже знакомый и пріятель, и не только безъ малѣйшей надмѣнности и спѣси, но крайне благосклонно и дружелюбно. Симъ озадачилъ онъ меня такъ, что я съ самой первой минуты сдѣлался ему искренно приверженнымъ. А такимъ же благосклоннымъ обхожденіемъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ очаровалъ онъ и всѣхъ моихъ подкомандующихъ, а равно и всѣхъ нашихъ городскихъ судей, явившихся тотчасъ къ нему для изъявленія своего почтенія.

Какъ у меня всѣ нужныя для предвѣрительнаго его свѣдѣнія бумаги были уже приготовлены, то онъ, будучи тѣмъ крайне доволенъ, началъ тотчасъ входить во всѣ наши водостныя дѣла и такимъ образомъ, что и я, съ моей стороны, былъ очень доволенъ и съ радостью готовъ былъ я исполнять не столько повелѣнія его, сколько просьбы о томъ, чтобъ я ему былъ болѣе во всемъ помощникомъ, нежели подкомандующимъ, увѣряя меня, что сіе будетъ весьма пріятно и общему нашему начальнику Михаилу Никитичу Кречетникову, чрезъ что самое и узналъ я, что все, относящееся до волости наиглавнѣйшее, будетъ зависѣть отъ воли нашего намѣстника.

Какъ приѣздъ его воспослѣдовалъ незадолго до обѣда, то къ обѣденному столу пригласилъ я его къ себѣ и постарался угостить его у себя koliko можно лучше. И тутъ обошелся онъ со всѣми домашними моими такъ ласково и хорошо, какъ бы былъ какой-нибудь нашъ родственникъ или давнишній пріятель, чѣмъ привязалъ къ себѣ и всѣхъ родныхъ моихъ. Къ намъ подѣхалъ къ сему времени изъ Бобринъ и новой нашъ г. ассесоръ. И г. Давыдовъ обошелся съ

нимъ очень хорошо, хотя далеко не такъ, какъ со мною: тотчасъ усмотрѣлъ, что сей льстивый и хитрый человѣкъ не такъ былъ простодушенъ и искрененъ, какъ я, во всемъ своемъ поведеніи.

Предъ наступленіемъ уже вечера возвратился онъ на свою квартиру и ужиналъ со мною у себя на квартирѣ, гдѣ также постарался я, чтобъ ни въ чемъ нужномъ не было у него недостатка.

Къ послѣдующему дню собраны были у меня со всѣхъ деревень всѣ начальники и онъ объявлялъ имъ о начальствѣ своемъ и много обо всемъ говорилъ съ ними въ нашей канцеляріи. Я опять угощалъ его у себя обѣденнымъ столомъ, а ужиналъ опять у него, и все у насъ шло ладно и такъ хорошо, что лучшаго желать было и не можно.

На третій день ѣздили мы съ нимъ осматривать гошпиталь и другія мѣста въ селеніи нашемъ. И въ сей день угощалъ у себя всѣхъ насъ городничій нашъ г. Сухотинъ, а въ послѣдующій за тѣмъ день такой же трактантъ задаль намъ исправникъ нашъ г. Арсеньевъ. Ужинали всѣ у меня въ домѣ, при которомъ случаѣ новый мой командиръ, развеселенный, такъ удобрился, что вздумалъ было малютку-племянника моего причислить къ нашей канцеляріи и дать ему чинъ по штатской службѣ.

Въ наступившій за симъ день, который былъ уже 5 пребыванія его у насъ, вздумалъ онъ сдѣлать у себя въ квартирѣ пиръ для всѣхъ нашихъ городскихъ, и мы всѣ обѣдали и ужинали у него въ сей день. Къ сему времени подѣхалъ къ намъ меньшей братъ г. Верещагина, также г. Хомяковъ, Иванъ Васильевичъ, всѣмъ намъ очень знакомой и весьма доброй человѣкъ. Какъ всѣ обходились между собою безъ всякихъ этикетовъ, а на дружеской погѣ, и не все время занимались важными только разговорами, но и разными играми,—то было очень и не скучно намъ всѣмъ.

Въ шестой же день всею гурьбою разѣзжались мы по всему городу, перебивали у всѣхъ нашихъ судей и людей лучшихъ,

а оковчли оной у меня въ домѣ и разлѣхались уже послѣ ужина.

Словомъ, всѣ 7 дней тогдашняго перваго пребыванія его у насъ, были у насъ непрерывные праздники и пиршества, ибо не только я, но и всѣ наши городскіе, вида его ко всѣмъ благопріятство, старались всячески угощать его у себя, чѣмъ и былъ онъ весьма доволенъ.

Наконецъ, кончивши всѣ свои дѣла, 18-го числа поѣхалъ отъ насъ онъ, и я съ нимъ вмѣстѣ, въ Бобрини. Тамъ такой же пиръ задалъ ему у себя г. Верещагинъ, старавшійся возможнѣйшимъ образомъ подлащаться къ нему, въ пользу брата своего, готовящагося быть на его мѣстѣ Бобриковскимъ управителемъ, и потому не только угощалъ его обѣденнымъ столомъ, но, зная, что онъ въ дружеской компаніи любить иногда и погулять, то разгуливали передъ нимъ ирюмки, и стаканы, изъ которыхъ и самъ хозяинъ скорѣе всѣхъ еще такъ нахлюстался, что и никогда еще его такимъ не видалъ. И, какъ говорится въ пословицѣ, что все то, что у трезваго на сердцѣ, то у пьянаго бываетъ на языкѣ, то имѣлъ и тогда случай узнать истинно-душевной характеръ сего коварнаго и хитраго человѣка и ужаснулся даже негодности его. Словомъ, онъ прямо доказалъ тѣмъ мнѣ, что такое онъ былъ и какого разбора человѣкъ, и увеличилъ во мнѣ желаніе, чтобъ онъ выбылъ отъ насъ поскорѣе въ другой родъ служенія. И хотя братъ его былъ ни то, ни сѣ, ни рыба, ни мясо, но я охотнѣе хотѣлъ имѣть его у себя подкомандующимъ, нежели его старшаго брата.

Наконецъ, проводили мы отъ себя своего новаго командира, и я, возвратясь въ Богородицкѣ, началъ тотчасъ помышлять объ ѣздѣ своей въ Москву. Ибо какъ г. Давыдовъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что онъ тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Тулу, отправится въ Москву для смѣны съ княземъ и принятія отъ него и денегъ и всего прочаго, и что и мнѣ необходимо также тамъ при семъ случаѣ быть надобно. То расположились мы

ѣхать туда, вмѣстѣ съ женою и старшими дѣтьми, и болѣе для того, что хотѣлось намъ поучить ихъ еще потанцовать и пожить тамъ для сего нѣсколько времени.

Итакъ, не долго думая, начали мы въ сей путь собираться. И отправивъ тотчасъ нарочнаго въ Москву, для присканія и найма для себя квартиръ, на 5-й день послѣ того и сами изъ Богородицка, со старшею своею дочерью и сыномъ, въ Москву отправились, и пробыли, съ заѣздомъ къ своимъ роднымъ и знакомымъ въ Тулѣ и въ нашемъ Дворяниновѣ, 5 дней въ семъ путешествіи и, наконецъ, 29-го числа января въ Москву и приѣхали.

Тутъ нашли мы квартиру для себя уже нанятую и готовую, и самый обозъ свой съ кормомъ для лошадей и другими припасами. Приѣхавши, въ этотъ разъ случилось намъ стоять въ домѣ г. Рыкачева, на Козьемъ болотѣ, въ приходѣ у Спиридонія. И квартиру имѣли довольно просторную и спокойную, но занятую тогда отчасти еще прежними постояльцами, но которые хотѣли, однако, скоро съѣхать. Паче всего былъ я доволенъ тѣмъ, что имѣлъ особенно для себя два просторныхъ и теплыхъ покоя въ антресоляхъ, гдѣ я могъ со всѣмъ своимъ буторомъ книжнымъ расположиться и заниматься, безъ всякаго помѣшательства отъ другихъ, своими обыкновенными литературными упражненіями.

Какъ приѣхали мы въ Москву еще по утру, то успѣли мы въ сей день не только разобратся и обострожитья, но и свидатся съ приѣзжавшими къ намъ и у насъ ужинавшими нашими камыянскими родными, которые, какъ-будто бы согласившись вмѣстѣ съ нами, около самаго сего времени съ гостившею у нихъ моею дочерью, Настасьею, въ Москву приѣхали. И узнавъ о нашемъ приѣздѣ, тотчасъ къ намъ прискакали и обрадовали насъ до чрезвычайности, ибо мы никакъ того не ожидали и сотовариществу ихъ были такъ рады, что, имѣя у себя квартиру довольно просторную, уговорили ихъ пере-

ѣхать къ намъ стоять и жить вмѣстѣ съ нами, къ чему они охотно и согласились. И какъ скоро прежніе постояльцы съѣхали и намъ всѣ комнаты опростали, то тотчасъ къ намъ переѣхали. И такъ, составила изъ насъ изрядная кучка, и было намъ жить тогда не скучно.

Какъ и въ сей разъ пробыли мы въ Москвѣ дѣлой мѣсяцъ, и все сіе время провели отиѣвно весело и со многими для насъ пріятностями, — то неизлишнимъ почитаю разсказать обо всемъ происходившимъ тогда съ нами нѣсколько подробнѣе. Мое первое дѣло было, чтобъ явиться къ князю, моему прежнему командиру. Я нашолъ его живущаго уже въ домѣ покойнаго отца его. Онъ принялъ меня хотя довольно ласково, но все съ прежнею своею княжескою гордостью и не изъяслялъ дальняго сожалѣнія своего о томъ, что отторгнуть былъ отъ волостей нашихъ, а казалось былъ тѣмъ еще нѣсколько доволенъ, но сердце его, безъ сумлѣнія, не то чувствовало. Совсѣмъ тѣмъ въ разсужденіе меня и не подумалъ хоть бы пожалѣть о томъ, что ему не удалось мнѣ услужить доставленіемъ мнѣ чина. Не успѣлъ я съ нимъ нѣсколько словъ переговорить, какъ и приѣхалъ къ нему мой новой командиръ г. Давыдовъ, для предварительныхъ переговоровъ съ нимъ о сдачѣ волости, и я отправляеть былъ отъ обонхъ ихъ къ секретарю княжескому для приготовленія нѣкоторыхъ бумагъ, нужныхъ къ сдачѣ. А какъ г. Давыдовъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать, то отъ секретаря и проѣхалъ я къ нему, или, лучше, въ домъ старика, отца его, у котораго онъ стоялъ. Тутъ познакомилъ онъ меня со всѣми своими родными и рекомендовалъ имъ меня съ хорошей стороны. А послѣ обѣда полетѣлъ я тотчасъ въ ряды, чтобъ повидаться со стариннымъ знакомцемъ своимъ г. Ридигеромъ и набрать у него всякихъ книгъ для читанія во время пребыванія моего въ Москвѣ, и выбора потомъ изъ нихъ для покупки отъ него тѣхъ, которыя мнѣ полюбятся. И, набравъ у него ихъ цѣлую кипу, заѣхалъ и къ другу

своему г. Новикову. Сего нашего я уже женившимся и живущаго уже въ иномъ мѣстѣ, подлѣ Никольскихъ воротъ, въ особомъ и просторнѣйшемъ домѣ, гдѣ была у него и собственная уже типографія. Онъ удивился и обрадовался, меня увидѣвъ, ибо со всѣмъ не зная о моемъ приѣздѣ, и проспѣлъ, чтобъ опять выдаться съ нимъ, какъ можно чаще, и буде можно мнѣ будетъ, чтобъ въ послѣдующій день приѣхать къ нему обѣдать; что я ему и общалъ. И поговоривъ съ нимъ, проѣхалъ уже домой и тамъ провелъ весь вечеръ въ перебираниіи и разсматриваниіи книгъ, взятыхъ, у Ридигера.

Въ послѣдующій и послѣдній день мѣсяца января, былъ я опять у князя, по за нѣкоторыми остановками, смѣны и въ сей день еще не воспослѣдовало. И такъ, можно мнѣ было оттуда ѣхать обѣдать къ Новикову, къ которому въ сей разъ отвезъ я ему книгу свою «О благополучіи человѣческомъ», и оставилъ у него для разсмотрѣнія, можно ли ее ему напечатать. Онъ угостилъ меня обѣдомъ. И насъ обѣдало у него уже человѣкъ болѣе двадцати, а не по прежнему человѣкъ пять или шесть. И сію перемѣну замѣтилъ я и при всѣхъ послѣдующихъ у него биваніяхъ. Наибольшая часть изъ сихъ людей состояла изъ людей молодыхъ, ничего за столомъ неговорящихъ, и, по всему видимому, принадлежащихъ къ ихъ сектѣ и употребляемыхъ Новиковымъ на дѣла и работы разныя. А ввечеру ужинали мы дома и опять съ приѣзжавшими къ намъ нашими вашинскими родными.

Наконецъ, 1-го числа февраля, смѣнились оба мои командиры, и смѣна сія происходила при мнѣ въ домѣ у князя. Онъ сдалъ намъ всѣ важнѣйшія бумаги и письменныя повелѣнія, получаемыя имъ и покойнымъ отцомъ его отъ императрицы, относящіяся до волостей, также и всѣ оригинальные планы нашихъ строеніямъ. Такимъ же образомъ разошлись мы съ нимъ и въ казенныхъ деньгахъ, но которыхъ, по счастью, не осталось у него ничего почти тогда въ наличности, посліку всю бывшую у него сумму велѣно

было отдать ему въ особое назначенное мѣсто. Но какъ, кромѣ казенныхъ, находилось у [а]кономнаго князя и нѣсколько сотъ мірскихъ мужичьихъ денегъ, пересланныхъ къ нему давно для покупки за нихъ рекрутъ,—то ждалъ я не упоминуть ли объ нихъ самъ князь, ибо я, вѣдая что ихъ въ наличности не было, совѣстился ему о томъ напомнить. Но какъ онъ объ нихъ совсѣмъ умалчивалъ, то, по окончаніи уже всей смѣны, принужденъ былъ я ему напомнить и объ нихъ. Совѣстно и стыдно было тогда чрезвычайно князю. И какъ запретиться въ нихъ было не можно, то просилъ онъ меня, чтобъ я прѣхалъ ему чрезъ день, и что тогда получу и она.

Не успѣли мы дѣло свое кончить, какъ Николай Сергѣевичъ, посадивъ меня съ собою въ карету, повезъ меня къ себѣ обѣдать, гдѣ всѣ поздравляли его съ формальнымъ вступленіемъ въ новую должность. И какъ г. Давыдовъ былъ откровенно честолобивъ, то сіе было ему очень приятно. Итакъ, съ сего дня сдѣлался я уже формальнымъ его подкомандующимъ, и тогда моя первая просьба была къ нему та, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ пожить въ Москвѣ до великаго поста, на что онъ съ превеликимъ удовольствіемъ далъ свое согласіе.

Отъ него проѣхалъ я въ сей день для свиданія къ родственницѣ своей Катеринѣ Петровнѣ Арсеньевой, а потомъ и къ старикамъ, родственникамъ и друзьямъ нашимъ, Офросимовымъ, которые всѣ мнѣ обрадовались и просили также о частѣйшемъ къ нимъ прѣзжаніи. По возвращеніи же на квартиру, нашелъ я уже ее всю опростанную, ибо въ сей день съѣхали отъ насъ прежніе постояльцы, и намъ можно уже было въ послѣдующее утро перетащить къ себѣ и нашихъ кашинскихъ жить вмѣстѣ.

Но какъ письмо мое достигло до своихъ предѣловъ, то дозволяю мнѣ на сей эпохѣ остановиться и, кончивъ оное, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(21-го января 1810 года).

Письмо 213-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ, наживъ себѣ новаго командира и перешедъ изъ прежней совсѣмъ въ другую команду, началъ уже вслѣски прикраиваться къ несовсѣмъ еще извѣстному мнѣ характеру новаго своего начальника и за первой долгъ почелъ на утріе же протурить жену свою съѣздить къ женѣ его на поклонъ, и чтобъ съ нею обрекомендоваться. Госпожа сія не была уже хотя въ то время любимцею нашего намѣстника, поелику онъ имѣлъ уже другую фаворитку, но, почитая себя ему все еще доброю пріятельницею и игравъ во время фавора своего великую роль, не могла и тогда еще отстать отъ прежней своей пышности и совсѣмъ изнѣженнаго и испорченнаго характера,—и потому приняла она жену мою хотя благопріятно, но далеко не съ такою откровенностью и чистосердечіемъ и дружелюбіемъ, съ какимъ обходился мужъ ея со мною и со всѣми моими родными. Совсѣмъ тѣмъ, прѣздомъ жены моей къ ней была она довольна, и пригласила насъ обоихъ, чтобъ мы къ ней наутріе прѣехали обѣдать. Отъ нихъ проѣхали мы къ старикамъ Офросимовымъ обѣдать, а послѣ обѣда отпустилъ я жену свою къ теткѣ, г-жѣ Арсеньевой, а самъ поѣхалъ для свиданія къ другу моему и усердѣйшему изъ всѣхъ моихъ корреспондентовъ, старику Алексѣю Алексѣвичу Владыкину, и обрадовалъ любезнаго старика сего своимъ прѣздомъ до чрезвычайности. И мы проговорили съ нимъ весь вечеръ со взаимнымъ удовольствіемъ.

Какъ въ послѣдующій за симъ день надлежало мнѣ быть у князя за мірскими деньгами, то ѣздивъ, и князь расплатился ими честно. Въ сію у него послѣднюю мою бытность имѣлъ я случай видѣть у него своеручныя и въ шуточномъ тонѣ писанныя письма и записки императрицы къ покойному отцу его, которыя онъ удержалъ у себя для достопамятности. Послѣ чего мы съ нимъ и распро-

не былъ; ибо такъ случилось, что не только всѣ наши прежніе знакомцы и пріатели были тогда въ Москвѣ, но и съ нѣсколькими домами свели мы вновь короткое знакомство. Къ нимъ въ особенности можно причислить домъ г-жи Волинской, Натальи Николаевны. Съ сею почтенною дамою и со всѣми ея родными познакомили насъ наши кашинскіе родные, бывшіе ей коротко знакомыми, а по нимъ сдѣлались и мы знакомы, и такъ ею любимы, что она принимала насъ всегда какъ бы какихъ родныхъ и обходилась съ нами самымъ дружескимъ образомъ, которое дружество продолжается между нами и понинѣ. А особливо свели короткую дружбу обѣ ея дочери съ моею, ибо у нея было множество дѣтей.

Другой домъ, съ которымъ мы также въ сію свою бытность въ Москвѣ свели короткое знакомство, былъ Андрея Петровича Давыдова, роднаго брата тетки моей Катерины Петровны Арсеньевой. Съ симъ наиболѣе потому сдѣлались мы коротко знакомы, что какъ у него были дѣти ровестницы съ моими и учились тогда у танцмейстера танцовать, то мы воспользовались самымъ симъ случаемъ, наняли тогда-жъ танцмейстера продолжать учить танцовать и своихъ дѣтей и потомъ очень часто въ нѣмъ для самаго сего ѣзжали и дѣтей нашихъ заставляли учить вмѣстѣ. И какъ у него были свои музыканты, да и въ домѣ госпожи Волинской были также скрипачи, то и, кромѣ ученія, множество вечеровъ проводили мы въ обоихъ сихъ домахъ въ домашнихъ танцахъ и въ разныхъ играхъ и невнятныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно дѣтямъ дѣлалъ и самъ я сотоварищество и возобновилъ прежнюю свою кѣнигсбергскую охоту къ танцамъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ, въ которыхъ мы всего чаще бывали и множество разъ обѣдывали и ужинавали, были и многіе другіе дома, гдѣ мы нерѣдко бывали, какъ, напримѣръ, кромѣ дома Офросимовой и г-жи Арсеньевой, ѣзжали мы и къ старинной нашей Кіясковской знакомѣ генеральшѣ Блицовой, также къ г-жѣ Ва-

куниной, бывшей тогда въ Москвѣ, къ старику, моему другу и куму Василю Ѳедоровичу Шушерину, къ Хитрову, г-ну Игнатьеву, Семену Ивановичу, къ Коробову, Новикову, къ Владыкину и другимъ нѣкоторымъ. А 16-го числа сдѣлали у себя пирушку и, пригласивъ къ себѣ многихъ изъ своихъ пріателей, угощали ихъ обѣдомъ, баломъ и ужномъ, и были и у насъ также танцы и разныя игры и увеселенія.

Кромѣ сихъ частныхъ сѣздовъ и увеселеній, старался я и себѣ, и роднымъ своимъ, а особливо дѣтямъ, доставлять случаи пользоваться и публичными увеселеніями. И какъ въ сіе время бывали неоднократно и театры, то возилъ я ихъ и на оныя, а особливо для смотрѣнія комическихъ двухъ оперъ «Земира и Азра» и «Розаны и Любита», которыя не только дѣтей моихъ приводили въ восхищеніе, но и мнѣ съ женою доставили превеликое удовольствіе. А на масляной, въ пятницу, отпускалъ и дѣтей своихъ съ племянницею моею и на большой обыкновенной маскарадъ.

Впрочемъ, желая женѣ и дѣтямъ своимъ дать понятіе о богослуженіяхъ иностранныхъ, возилъ я ихъ въ нѣмецкую лютеранскую кирку во время самаго отправления божественной службы, и они имѣли случай видѣть, какъ она отправлялась и насытить слухъ свой пріятнымъ играніемъ на органахъ. А 18-го числа ѣздили мы въ Чудовъ монастырь и имѣли удовольствіе слышать проповѣдь, говоренную самимъ нашимъ славнымъ архіереемъ Платономъ; и я не могъ довольно налюбоваться его краснорѣчіемъ.

При всѣхъ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и самой почти разсѣянной жизни, не оставлялъ, однако, я и своихъ книгъ и пера, и не упускалъ ни одной празднои минуты, а особливо по утрамъ вставалъ задолго до свѣта, чтобъ ихъ посвящать чтенію и писанію. Симъ послѣднимъ занимался я наиболѣе для продолженія сочиненія матеріала для своего «Экономическаго Магазина», котораго изданіе продолжалось и въ сей годъ съ такимъ же

шались съ нарочитымъ съ обвѣхъ сторонъ хладнокровіемъ. Ибо какъ онъ не хотѣлъ хоть бы изъ учтивости пригласить меня у себя отобѣдать и не оказывалъ ко мнѣ никакой особенной ласки, то не имѣлъ и я дальней причины оказывать къ нему излишнихъ уже уваженій и предъ нимъ слишкомъ унижаться. Итакъ, не долго думая, съ нимъ раскланялся и радъ былъ, что развязался съ нимъ по-добру, по-здорову, и съ сего времени я его никогда почти и не видалъ.

По возвращеніи отъ него, поѣхали мы съ женою къ своему новому командиру, и, противъ всякаго чаянія, нашли мы у него превеликое собраніе и сборной пиръ, ибо совсѣмъ того и не знали, что въ сей день спѣсивая боярыня его была имянниницею, по которой причинѣ и съѣхались къ нимъ всѣ его братья и сестры, и родные, и много постороннихъ его пріятелей. Такъ было у него торжество великое. И мы не только тутъ обѣдали, но пробыли до самой полуночи, и намъ было весело, поелику всѣ его родные обходились съ нами очень хорошо. Что же касается до самого хозяина, то онъ, при всей своей ко мнѣ ласкѣ, привелъ меня въ сей день въ нарочитое недоумѣніе однимъ своимъ совсѣмъ неожиданнымъ поступкомъ. Его первое почти слово было спросить у меня, былъ ли я у князя и получилъ ли отъ него мірскія деньги. И какъ я ему сказалъ, что былъ и получилъ, и съ нимъ во всемъ раздѣлялся, то спросилъ онъ меня далѣе, не со мною ли сіи деньги? И какъ случилось неварочнымъ образомъ, что я ихъ не успѣлъ оставить дома и онѣ, состоя въ ассигнаціяхъ, были со мною, то не успѣлъ онъ сего услышать, какъ сказалъ: «хорошо! такъ отдайте-жъ вы ихъ мнѣ, такъ какъ я, отправляясь на сихъ дняхъ назадъ въ Тулу, отвезу ихъ съ собою отдать въ казначейство, гдѣ всѣ наши доходы будутъ храниться». Остолбенѣлъ я, услышавъ сіе, всего менѣе ожидаемое требованіе, ибо въ мигъ представилось мнѣ, что требовалъ онъ ихъ совсѣмъ не для того, чтобъ ихъ туда отвезти, а чтобъ истратить ихъ на собствен-

ныя нужды или, лучше сказать, промотать, поелику былъ онъ въ этомъ отношеніи самымъ невоздержаннымъ и крайне для самаго себя вреднымъ человекомъ. То съ минуто времени не зналъ я, что ему на то сказать, ибо сумма была хотя не весьма велика и состояла только въ 800 руб., но все-таки не составляла бездѣлки, и мнѣ жалъ ихъ было, изъ опасенія, чтобъ она не ухнула и не довелось бы мнѣ послѣ самому ее заллатить. Но подумавъ, что деньги сіи были не казенныя, а мірскія, и не такъ важны, какъ первыя, а къ тому какъ г. Давыдовъ прижѣтилъ, что я нѣсколько упустилъ, — тотчасъ мнѣ сказалъ, что онъ, по приездѣ своемъ въ Тулу, дастъ мнѣ въ полученіи ихъ ордеръ, но чтобъ доставилъ я ему тогда еще 200 руб. такихъ денегъ, дабы было ровно 1000. То по необходимости принужденъ былъ сему обѣщанію повѣрить и, на данное его слово положившись, отдать ему сіи деньги, чѣмъ онъ былъ весьма и доволенъ. И хотя они послѣ дѣйствительно ухнули, но я, по крайней мѣрѣ, обезпечилъ себя отосла-ніемъ къ нему, по возвращеніи своемъ въ Богородицкъ, при рапортѣ еще 200 руб., съ испрошеніемъ о полученіи ихъ къ себѣ ордера, которой онъ и дѣйствительно, сдержавъ свое обѣщаніе, и прислалъ. Итакъ, я не имѣлъ уже причины въ разсужденіи сихъ денегъ имѣть какое-нибудь опасеніе. Совсѣмъ тѣмъ случай сей заставилъ меня впредъ, въ разсужденіи денегъ, употреблять съ нимъ невозможнѣйшую осторожность.

Вскорѣ послѣ сего праздника, онъ и дѣйствительно въ Тулу назадъ отправился, а я, оставшись послѣ его въ Москвѣ, прожилъ въ ней до самаго великаго поста, наставшаго тогда у насъ предъ началомъ мѣсяца марта.

Весь сей періодъ времени, продолжавшійся около мѣсяца, провели мы въ Москвѣ отменно весело и онъ достопамятенъ былъ для насъ многими пріятностями. Не было почти ни одного дня, которой бы мы весь просидѣли дома и никуда не ѣздили, или кто-бъ у насъ самихъ

не былъ; ибо такъ случилось, что не только всѣ наши прежніе знакомцы и пріатели были тогда въ Москвѣ, но и съ нѣсколькими домами свели мы вновь короткое знакомство. Къ симъ въ особенности можно причислить домъ г-жи Волинской, Натальи Николаевны. Съ сею почтенною дамою и со всѣми ея родными познакомили насъ наши кашинскіе родные, бывшіе ей коротко знакомыми, а по нимъ сдѣлались и мы знакомы, и такъ ею любимы, что она принимала насъ всегда какъ бы какихъ родныхъ и обходилась съ нами самымъ дружескимъ образомъ, которое дружество продолжается между нами и понинѣ. А особливо свели короткую дружбу обѣ ея дочери съ моею, ибо у нея было множество дѣтей.

Другой домъ, съ которымъ мы также въ сію свою бытность въ Москвѣ свели короткое знакомство, былъ Андрея Петровича Давыдова, роднаго брата тетки моей Катерины Петровны Арсеньевой. Съ симъ наиболѣе потому сдѣлались мы коротко знакомы, что какъ у него были дѣти ровестники съ моими и учились тогда у танцмейстера танцевать, то мы воспользовались самымъ симъ случаемъ, наняли тогда-жъ танцмейстера продолжать учить танцевать и своихъ дѣтей и потомъ очень часто къ нимъ для самаго сего ѣзжали и дѣтей нашихъ заставляли учить вмѣстѣ. И какъ у него были свои музыканты, да и въ домѣ госпожи Волинской были также скрипачи, то и, кромѣ ученія, множество вечеровъ проводили мы въ обоихъ сихъ домахъ въ домашнихъ танцахъ и въ разныхъ играхъ и невинныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ обыкновенно дѣтямъ дѣлалъ и самъ я сотоварищество и возобновилъ прежнюю свою кѣнигсбергскую охоту къ танцамъ.

Кромѣ сихъ двухъ домовъ, въ которыхъ мы всего чаще бывали и множество разъ обѣдывали и ужинывали, были и многіе другіе дома, гдѣ мы нерѣдко бывали, какъ, напримѣръ, кромѣ дома Офросимовой и г-жи Арсеньевой, ѣзжали мы и къ старинной нашей Кіясовской знакомкѣ генеральшѣ Блицовой, также къ г-жѣ Ба-

кувиной, бывшей тогда въ Москвѣ, къ старику, моему другу и куму Василю Федоровичу Шушерину, къ Хитрову, г-ну Игнатьеву, Семену Ивановичу, къ Коробову, Новикову, къ Владыкину и другимъ нѣкоторымъ. А 16-го числа сдѣлали у себя пирушку и, пригласивъ къ себѣ многихъ изъ своихъ пріателей, угощали ихъ обѣдомъ, баломъ иужиномъ, и были и у насъ также танцы и разныя игры и увеселенія.

Кромѣ сихъ частныхъ сѣздовъ и увеселеній, старался я и себѣ, и роднымъ своимъ, а особливо дѣтямъ, доставлять случаи пользоваться и публичными увеселеніями. И какъ въ сіе время бывали неоднократно и театры, то возилъ я ихъ и на оныя, а особливо для смотрѣнія комическихъ двухъ оперъ «Земира и Азра» и «Розаны и Любита», которыя не только дѣтей моихъ приводили въ восхищеніе, но и мнѣ съ женою доставили превеликое удовольствіе. А на масляной, въ пятницу, отпускалъ и дѣтей своихъ съ племянницею моею и на большой обыкновенной маскарадъ.

Впрочемъ, желая женѣ и дѣтямъ своимъ дать понятіе о богослуженіяхъ иностранныхъ, возилъ я ихъ въ нѣмецкую лютеранскую кирку во время самаго отправления божественной службы, и они имѣли случай видѣть, какъ она отправлялась и насытить слухъ свой пріятнымъ играніемъ на органахъ. А 18-го числа ѣздили мы въ Чудовъ монастырь и имѣли удовольствіе слышать проповѣдь, говоренную самимъ нашимъ славнымъ архіереемъ Платономъ; и я не могъ довольно налюбоваться его краснорѣчіемъ.

При всѣхъ сихъ разнообразныхъ занятіяхъ и самой почти разсѣянной жизни, не оставлялъ, однако, я и своихъ книгъ и пера, и не упускалъ ни одной праздною минуты, а особливо по утрамъ вставалъ задолго до свѣта, чтобъ ихъ посвящать чтенію и писанію. Симъ послѣднимъ занимался я наиболѣе для продолженія сочиненія матеріала для своего «Экономическаго Магазина», котораго изданіе продолжалось и въ сей годъ съ такимъ же

успѣхомъ, какъ и въ прежнемъ. Но какъ въ семь матеріалѣ не было дальняго недостатка, поелику у меня много было еще въ Богородицкѣ онаго заготовлено, то не только занимался писаніемъ, сколько чтеніемъ Ридгеровыхъ книгъ, которыя успѣлъ прочесть я нѣсколько почти десятковъ, а потому и накупилъ у него и у самаго Новикова множество новыхъ, и какія больше полюбилъ, и повезъ съ собою цѣлый лубокъ съ оными.

Съ г-мъ Новиковымъ хотя я и видался, но далеко не такъ часто, какъ при прежнемъ своемъ приѣздѣ, и болѣе за разъездами въ другія мѣста. Однако, мы съ нимъ и въ сей разъ одно новое дѣло предпріяли, а именно относящееся до книги моея «О благополучіи». И какъ я у него объ ней однажды спросилъ, то онъ, расхваливъ еевъпрахъ и, съ охотою желая ее напечатать, просилъ меня, чтобъ потрудился я самъ и съѣздить къ тогдашнему цензору, профессору Барсову, и отдать ее въ цензуру. Мнѣ сперва и не хотѣлось-было сего сдѣлать, поелику мнѣ г. Барсовъ совсѣмъ былъ незнакомъ. Однако, желая его узнать, согласился, наконецъ, съ книгою своею къ нему ѣхать и отыскивать его въ университетѣ. И сей ученой человекъ какъ удивилъ меня не только очень ласковымъ и вѣжливымъ приѣмомъ, но, при предложеніи ему моея книги, сказавъ мнѣ, что ему за мною не остается ничего цензуровать, что сочиненія мои всѣмъ довольно извѣстны, и какъ онъ и мысли не имѣетъ, чтобъ въ сихъ книгахъ было что противное, то въ сію же минуту ихъ одобрилъ. И подлинно: онъ тотчасъ, схватя перо, и написалъ на нихъ свое одобреніе и что они печатаны быть могутъ.

Я очень доволенъ таковымъ и всего меньше мною ожидаемымъ скорымъ одобреніемъ и благодарилъ г. Барсова за оказанную мнѣ такую честь. А не менѣ моего доволенъ былъ и г. Новиковъ, при возвращеніи ему оныхъ, и говоря, что онъ того и ожидалъ, увѣрилъ меня, что онъ тотчасъ и приступитъ къ печатанію такой полезной книги.

Наконецъ, разсчелся я съ нимъ и разстался на прежней дружеской ногѣ. А вскорѣ потомъ распрощались мы и со всѣми нашими московскими друзьями и пріятелями. И исправивъ въ городѣ какія надобны были покупки и распрощавшись съ своими кашинскими родными, сбиравшимися ѣхать также во-своица, въ первой день великаго поста и отправились въ обратной путь въ Богородицкѣ.

Какъ мнѣ для нѣкоторыхъ надобностей надлежало приѣздомъ своимъ поспѣшить въ Тулу, то имѣя особую повозку, по выѣздѣ изъ Москвы, оставилъ я жену тащиться съ дѣтьми и обозомъ, а самъ, нанявъ почтовыхъ лошадей, пустился впередъ и, повидавшись въ Дворяниновѣ съ братомъ Михайломъ Матвѣвичемъ, а въ Федиковѣ—съ г. Кисленскимъ, 1 числа марта и приѣхалъ въ Тулу поутру, гдѣ, приставъ у друга своего г. Албычева, въ тотъ же день былъ у своего командира, который, за разными дѣлами, продержалъ меня въ Тулѣ оба послѣдующіе дни. А какъ между тѣмъ подѣхала и жена съ дѣтьми, то съ нею, побывавъ у него, отправился въ свое мѣсто и въ субботу на первой недѣлѣ возвратились въ Богородицкѣ.

Мое первое дѣло, по возвращеніи своемъ, состояло въ попеченіи о своемъ сынѣ. Сему въ 7-й день сего мѣсяца исполнилось уже 12 лѣтъ. И какъ по отбытіи нашего прежняго учителя г. Дюблуге учился онъ отъ старика Дебрины только по-французски, а мнѣ весьма хотѣлось, чтобы продолжалъ онъ учиться и по-нѣмецки, то вздумалъ я по нуждѣ воспользоваться для сего старикомъ нашимъ переплетчикомъ Иваномъ Андреевичемъ Банниеромъ, живущимъ также въ госпиталѣ, какъ и помянутой французъ и учитель. И съѣздивъ къ обоимъ къ нимъ, договорился и условился съ обоими съ ними, чтобъ сыну моему, учась у Дебрины по-французски, по нѣскольку часовъ въ сутки быть у Банниера, и чтобъ сей не только говорилъ съ нимъ въ сіе время по-нѣмецки, но и, по силѣ возможности своей, помо-

ему и въ прочемъ въ разсужденіи снѣ сего языка.

Успѣлъ я сего дѣла кончить и только принялся — было за продолженіе невія своего «Экономическаго Магазъ», какъ и встревоженъ былъ опять ченнымъ ордеромъ отъ своего командира, въ которомъ, увѣдомляя меня, что коромъ времени имѣеть прибыть въ общій нашъ съ нимъ главной начальни и командиръ, намѣстникъ, — предваля мнѣ, чтобъ я забравъ всё нужно волостнымъ дѣламъ бумагаи, поингъ своимъ прїѣздомъ къ нему, дабы намъ успѣть можно было, дозда намѣстника, изготовить всё бумагаи, пужныя къ поднесенію сего главной начальнику о состояніи волостей: ѣхъ касающихся до нихъ обстоятвъ, что и принудило меня того-жъ заняться сочиненіемъ всѣхъ нужныхъ списковъ, вѣдомостей и другихъ и, препроводивъ въ томъ весь поующій день 9-го числа марта и отитъяся опять въ Тулу, гдѣ и занялся тотчасъ вмѣстѣ съ г. Давыдовымъ и нужными къ прїѣзду намѣстника гами.

Всѣмъ тѣмъ, какъ мы ни ожидали, и ежечасно, намѣстника, но прїѣздъ е прежде воспослѣдовалъ какъ чрезъю ведѣлю послѣ моего прїѣзда и въ половинѣ марта мѣсяца. И я прїѣонъ былъ, въ ожиданіи его, прожить е 7 дней почти безъ всякаго дѣла, все, что нужно было, успѣлъ я днн ва приготовить. Въ сіе время обхоа со мною г. Давыдовъ по прежнему дружелюбно: и не только хотѣлъ а у него всякой день обѣдалъ и иалъ, но возиъ меня съ собою когъ своимъ лучшимъ друзьямъ и прїамъ и чрезъ то доставлялъ мнѣ случай накомиться со всѣми почти тульскиудьями и чиновниками, а съ нѣкоми изъ нихъ основать и самую дружчѣмъ я весьма былъ и доволенъ, и му самому нимаю не скучалъ тогдямъ долговременнымъ въ Тулѣ прїиеніемъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1872 г.

Наконецъ 16-го числа марта прїѣхалъ въ Тулу и столь давно уже ожидаемый намѣстникъ, и мнѣ надлежало къ нему явиться. Я очень любопытенъ былъ видѣть, какъ онъ, сдѣлавшись тогда формальнымъ мнѣ начальникомъ и командиромъ, обойдется со мною и какъ меня прїметъ. Послѣ обѣда было уже, какъ я къ нему прїѣхалъ; у него находились тогда почти всѣ тульскіе главные судьи и начальники. Но онъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ тотчасъ подошелъ ко мнѣ и началъ со мною говорить съ отминою благосклонностью и благоволеніемъ: и чтобъ меня съ самага начала озадачить и сдѣлать къ себѣ приверженнымъ, сверхъ всякаго ожиданія моего, обратися ко всѣмъ тутъ бывшимъ, началъ превозносить меня такими похвалами и говорилъ столь много добраго обо мнѣ, что мнѣ было даже стыдно!

Сіе меня не только обрадовало чрезвычайно и ободрило, но произвело то, что сколько я и до того уже ни любилъ и ни почиталъ сего умнаго человѣка и прямо, можно сказать, всеи похвалы достойнаго вельможу, но съ сей минутой полюбилъ его несравненно больше и сдѣлался къ нему душевно и сердечно приверженнымъ.

Какъ при семъ случаѣ, по причинѣ великаго собранія у него людей, ни о какихъ дѣлахъ говорить ему со мною было не можно, то сказалъ онъ мнѣ, чтобъ наутріе побывалъ я въ намѣстническомъ правленіи и явился бы къ нему тамъ. Сіе я постарался выполнить и, побывавъ поутру у г. Давыдова, прѣхалъ въ намѣстническое правленіе, гдѣ не успѣлъ меня намѣстникъ увидѣть, какъ подо-звалъ къ себѣ, опять со мною кое-о-чемъ и такъ весьма благосклонно поговоривъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ нему на квартиру къ секретарю его г-ну Веницееву и по доставленнымъ къ нему отъ г. Давыдова нашимъ бумагамъ, сдѣлать нѣкоторыя объясненія. Г. Веницеевъ обошелся со мною также довольно вѣжливо и благосклонно и разспрашивалъ меня кое-о-чемъ нужномъ по бумагамъ, до нашей волости относящимся.

Между тѣмъ возвратился на квартиру свою и намѣстникъ. И не успѣлъ приѣхать, какъ прислалъ за обоими нами и, взявъ насъ въ свой кабинетъ, вступилъ уже въ подробныя со мною о волостяхъ и о всѣхъ нашихъ строеніяхъ, доходахъ и прочихъ обстоятельствахъ разговоры. И мы проговорили тутъ съ ними болѣе получаса времени, въ которое разсматривалъ онъ всѣ доставленныя ему чрезъ меня бумаги и былъ ими очень доволенъ. А потомъ разговаривалъ со мною о многомъ, относящемся до существеннаго правленія волости, и прямо давалъ мнѣ знать, что онъ не столько на г. Давыдова, сколько на меня надѣется и во всемъ полагается. А все сіе и доказывало мнѣ ясно, что собственно начальникомъ моимъ былъ онъ, а г. Давыдовъ, значитъ, былъ, такъ сказать, только моимъ полукомандиромъ. Далѣе замѣтилъ и съ его словъ, что онъ за волости наши приняться намѣренъ былъ совсѣмъ уже не такъ, какъ оба прежніе мои командиры, но гораздо основательнѣе, благоразумнѣе и короче, однако такъ, что мнѣ и самому то было не противно: ибо съ умными и основательными людьми дѣло имѣть всегда охотнѣе можно, нежели съ какими-нибудь иными.

Въ сихъ разговорахъ провели мы съ ними все почти время, потомъ съѣхались къ нему главнѣйшіе начальники для обѣда, и тогда, откланявшись, полетѣлъ я обѣдать къ хозяину своему г. Албычеву, бывшему въ сей день пмяннникомъ, и успѣлъ и у него еще попить съ его друзьями и пріятелями.

Какъ въ сей разъ пребываніе намѣстника въ Тулѣ было самое кратковременное и онъ, въ послѣдующій за сямъ день, передъ вечеромъ, собирался опять уже и прочъ ѣхать—то поутру, сегодня, ѣздилъ я опять къ намѣстнику и онъ опять со мною кое-о-чемъ много говорилъ, а потомъ обоимъ намъ съ г. Давыдовымъ далъ обо всемъ свои поветѣнія и наставленія, какъ и куда, и какимъ образомъ доставлять мнѣ съ волостей доходы, что продолжать дѣлать въ разсужденіи нашихъ строеній, и о прочемъ

и прочемъ, и разстался со мною со всѣми милостивыми изъявленіями своего ко мнѣ благоволенія.

И какъ тѣмъ всѣ мои дѣла кончились, то, проводивъ его въ путь, заѣхалъ я къ своему полукомандиру г. Давыдову, и въ тотъ же еще день распрощавшись съ нимъ, въ слѣдующій день, съ утра, пустился одинъ и въ тотъ же еще день къ вечеру въ Богородицкъ и приѣхалъ.

Послѣ сей перетурки все достальное время великаго поста провелъ я уже спокойнѣе. Живучи въ своемъ мѣстѣ и занимаясь болѣе своими литературными и прочими любопытными упражненіями, и во все сіе время не произошло почти ничего достопамятнаго, кромѣ того, что въ концѣ марта, привези къ намъ въ большую церковь иконостасъ и образъ, писанный въ Москвѣ нанятымъ еще княземъ живописцемъ.

Что касается до моихъ занятій, то они состояли болѣе въ продолженіи сочиненія матеріала для моего «Экономическаго Магазина», которымъ старался я, колико можно болѣе, запасть до наступленія весны, и потому посвящалъ сему дѣлу наибольшую часть своего времени и имѣлъ въ томъ успѣхъ, столь великій, что оставалось мнѣ много его и на другіе занятія, и особливо на рисованье, которымъ какъ-то я въ сіе преддверіе весны, занимался въ особливости, и не только зарисовывалъ многіе эстампы, но и нарисовалъ корпусными красками нѣсколько ландшафтовъ собственнаго своего изобрѣтенія, якобы изображающіе половодъ и весну, украшающіе и помнѣ мои стѣны въ гостинной, развѣшанныя въ сей періодъ времени. Также занимался я много сооруженіемъ и раскрашиваніемъ новымъ манеромъ складной кровати, представляющей днемъ видъ шкафа, къ чему тогдашняя тѣснота въ домѣ меня болѣе побудила. Наконецъ, возобновилась во мнѣ охота рисовать сухими красками, къ чему побудилъ меня болѣе купленный въ Москвѣ съ пастельными красками ящичекъ. И я, въ первой еще разъ, нарисовалъ самый тотъ образъ Спасителя,

которой и понынѣ украшаетъ собою передній уголь моего кабинета, и предъ которымъ возсылаю я всякій день мои молитвы ко Всевидящему, и которой нарисовалъ я въ великій четвергъ, въ самой тотъ день, когда мы исповѣдывались и приобщались Святыхъ Тайнъ, что случилось въ 13-й день мѣсяца апрѣля.

Бывшая въ сей годъ, въ началѣ сего мѣсяца, половодъ, хотя, по обыкновенію своему, и озабочивала меня своею величиною, и я не однажды принужденъ былъ объѣзжать и осматривать всѣ пруды наши, однако, несмотря на всю величину свою, прошла, къ удовольствію моему, благополучно.

Наконецъ, настала у насъ Святая недѣля, бывшая въ сей годъ нарочито поздно и начавшаяся съ 16-го апрѣля. И мы провели ее нарочито весело и наиболѣе въ свиданіяхъ съ нашимъ городничимъ и съ овдовѣвшею казначейшею нашею Марьею Юрьевною Петровою, которой, по ея осиротѣлости, дозволилъ командиръ мой жить въ комнатахъ одного дворцоваго флигеля и изъ милости опредѣлилъ ей небольшое жалованье и содержаніе отъ волости, и которая была къ намъ въ особенности привержена дружескими и сдѣлалась особенною пріятельницею моеи тещи, продолжающей любить ее еще и понынѣ.

Впрочемъ, особливаго примѣчанія достойно, что въ самой первой день сей недѣли случилось мнѣ преподать сыну моему и другимъ дѣтямъ первѣйшее понятіе о всей связи закона христіанскаго и положить тѣмъ основаніе тому благочестію и той искренней приверженности къ закону, которою славъ мой и понынѣ, предъ многими сверстниками своими, отличается.

Какъ съ окончаніемъ Святой недѣли началась уже весна и съ нею всѣ вѣтвія или надворныя дѣла, то отвлекли меня отъ моихъ горничныхъ упражненій и заставили всякой день по нѣскольку часовъ препроводить въ ѣздѣ и въ ходьбѣ въ разныя мѣста и въ смотрѣніи за работами и въ распоряженіи оными. При

семъ достопамятно, что воспослѣдовавшая въ началѣ мая переменъ имѣла великое вліяніе и на сіи мои надворныя дѣла и упражненія. Во время правленія волости молодого князя Гагарина они очень-было поуменились и почти всѣмъ заснули. Наиболѣе оттого, что я, не надѣясь отъ князя получить за всѣ мои труды не только благодарности, но и похвалы, лишился охоты надирать себя надъ оными и особливо надъ какими-нибудь новыми затѣями, а охотѣе хотѣлъ всѣ праздные и отъ должностныхъ дѣлъ остающіеся часы посвящать собственнымъ своимъ дѣламъ и упражненіямъ. Но теперь, какъ все переменялось, и я получилъ такихъ командировъ, которые всѣ мои труды могли оцѣнить какъ должно и отдавать имъ надлежащую справедливость,—то проснулась я во мнѣ опять прежняя охота къ разнымъ затѣямъ и множеству такихъ надворныхъ дѣлъ, за которыя могъ я ласкаться надеждою получить похвалу и благодарность. И я по прежнему сталъ ихъ производить, не чувствуя никакого оттого себѣ отягощенія.

Итакъ, по сдѣланіи всего, что нужно было въ садахъ и другихъ мѣстахъ, прилѣпился я мыслями въ особенности къ тому, нарочитаго пространства, лѣсочку, которой находился у насъ подлѣ каменнаго большаго волостнаго хлѣбнаго магазина, самаго того, которой нашолъ я въ первые годы пребыванія моего въ Богородицкѣ въ совершенномъ пренебреженіи. Оной съ нужныхъ сторокъ огородилъ, заказалъ и сберегалъ съ возможнѣйшимъ попеченіемъ. Какъ лѣсъ, содержащій въ себѣ десятитъ до двадцати и болѣе, къ сему времени нарочито уже возросъ, сгустился и составлялъ уже лѣсокъ довольно высокой, лежалъ же въ виду и не очень далеко отъ дворца, на прекраснѣйшемъ и такомъ мѣстѣ, что изъ него видѣнъ былъ и весь нашъ городъ и все наше село со всѣми его знаменнѣйшими зданіями и весь длинной и обширной прудъ, отдѣляющій городъ отъ села нашего, и всю сію рошу кругомъ

обливающимъ,—то, почитаю оной наудобнѣйшимъ къ превращенію въ англійскій паркъ, или къ оставленію изъ него увеселительнаго и такого лѣса, въ которомъ можно было ѣздить для гулянья и сіе съ удовольствіемъ въ ономъ предпринимать, началъ обрабатывать въ мысляхъ, какъ бы сіе наилучше сдѣлать. И снявъ съ него планъ, проектировалъ, какъ и гдѣ ему быть. И не успѣлъ настать май мѣсяцъ и оной одѣться, какъ и принялся за него съ особою прилежностію. Я прорубилъ въ немъ, въ добавокъ прежнимъ, множество новыхъ, прямыхъ и косыхъ, аллей, располагая оныя такъ, чтобъ онѣ всегда открывали въ концѣ своемъ какой-нибудь знаменитой предѣлъ, и въ концѣ одной видѣть бы былъ только одинъ дворецъ, въ другой—одна только мышная наша башня съ колокольней, третьей—наша церковь съ прекраснымъ ея большимъ зеленымъ куполомъ, а вная бы открывала въ концѣ своемъ гору, прудъ или виды въ самую даль. И всѣ сіи аллеи сдѣлалъ такъ широкими и ровными въ нихъ землю такимъ образомъ, чтобъ съ удобностію можно было ѣздить по нимъ въ линейкахъ и даже въ каретахъ самыхъ. А симъ неудовольствуя, прорубилъ и во внутренности густыхъ куреней множество извивающихся и способныхъ для гулянья дорожекъ, выводя всѣ оныя либо на какія-нибудь, посреди лѣса, красивыя площади, либо на сдѣланныя внутри куреней разнообразныя поляны, снабженныя для отдоханія дерновыми сидѣлками и прочими, тому подобными, украшеніями. И во всемъ томъ съ толкимъ усердіемъ и прилежностію трудился, что сей паркъ мой посѣлъ къ Троицынъ дню уже къ гулянью, и я могъ уже всѣхъ нашихъ городскихскихъ пріятелей пригласить въ оной для завиванія вѣнковъ или перваго вешняго гулянья, и не только удивилъ всѣхъ ихъ скорымъ превращеніемъ клочка сего въ прекрасное гульбище, но и доставилъ всѣмъ имъ превеликое удовольствіе.

Но какъ много новое дѣло сіе меня

ни занимало, но я находилъ много времени и для занятія себя рисованіемъ и разными любопытными горничными упражненіями, къ которымъ поощрала меня, наиболѣе, примѣченная въ снѣ моемъ отъѣздъ ко всѣмъ такимъ упражненіямъ склонность и охота. И такъ, не проходило почти дня, въ которой бы у насъ съ нимъ не замараны и не испачканы были руки красками, и въ которой бы не занимались мы съ нимъ какими-нибудь любопытными дѣлами.

Но, кромѣ сего, имѣлъ я, омоло сего времени, особенное горничное дѣло. Какъ намѣстникъ изъяснилъ мнѣ, между прочимъ, желаніе имѣть у себя подручной, но такой планъ всѣмъ нашимъ волостямъ, изъ котораго могъ бы онъ положеніе оныхъ и всѣхъ ея жителей, лѣсовъ, пахатныхъ и сѣнокосныхъ земель видѣть, а мнѣ хотѣлось ему въ томъ услужить,—то и принялся я и за сіе, хотя со многими трудами сопряженное, но весьма нужное дѣло. И употребилъ къ тому многіе дни и часы, остающіеся отъ другихъ дѣлъ праздными. А восхотѣвъ ему еще болѣе услужить, вознамѣрился и со всею нашею усадьбою и всего мѣстоположенія, окружающаго дворецъ, снять точной, специальнѣйшей и аккуратнѣйшей планъ, и болѣе въ томъ мнѣніи, что не вздумается [ли] ему приказать что-нибудь въ мѣстахъ, ему угодныхъ, сдѣлать.

И такъ, всѣми сими дѣлами наводненны были всѣ мои дни въ теченіе весны сего года. Однако не одни оныя меня занимали, но было и еще одно важное и великое дѣло, къ которому долженъ я былъ устремлять также мои мысли и затѣи, но о которомъ предоставляю я упомянуть вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а сіе, какъ достигшее до своихъ предѣловъ, симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Января 23-го дня 1810 года. Дворянинаво).

Письмо 214-е.

Любезный пріятель! Большое и важное дѣло, о которомъ упомянулъ я вамъ вскользь при концѣ моего послѣдняго письма и которымъ я, между прочимъ, въ теченіе весны и первой лѣтней мѣсяцъ сего года занимался, относилось до нашей большой соборной церкви. Какъ она, хотя давно уже строеніемъ была окончена, и какъ снаружи, такъ и внутри оштукатурена, и оба боковые предѣла въ ней были уже освящены, но большая и главная церковь не имѣла еще своего иконостаса, и оной, съ образами только по послѣднему зимнему пути, былъ къ намъ привезенъ, — то главѣйшее желаніе моего новаго командира было, чтобъ и сію среднюю и главную церковь привести къ окончанію и освятить. И поелику самому ему, по пребыванію его въ Тулѣ, заниматься всѣми мелочами, къ тому принадлежащими, было неудобно, то, вѣдая мою къ тому совершенную способность, поручилъ онъ все попеченіе мое о томъ мнѣ, прося, какъ можно всѣми дѣлами, до сего предмета относящимися, поспѣшить, такъ, чтобъ могла она поспѣть къ храмовому празднику и къ ярманкѣ нашей къ освященію, которую комиссію я на себя охотно и принялъ.

Какъ дѣло по сему предмету было еще много, поелику иконостасъ съ образами, написанными въ Москвѣ, къ намъ хотя привезенъ, но былъ только сдѣланъ вчернѣ, а раскрашивать и золотить надлежало его еще тутъ нанятыми художниками, то приступилъ я къ сему еще съ самаго открытія весны. И какъ отъ командира моего передано было въ полный мой произволь — раскрасить и раззолотить его какъ мнѣ заблагоразсудится, то и принужденъ я былъ ежедневно посѣщать мастеровыхъ и надирать за сими работами.

Теперь скажу, что, получивъ такое полномочіе, не хотѣлось мнѣ своей руки испортить, но соответственно сдѣлать мнѣ довѣренное koliko можно лучшимъ образомъ. И потому, не удовольствуясь

приказаніемъ раззолотить его, koliko можно съ лучшимъ вкусомъ, разною позолотою и покрыть всю плоскость илѣтѣю по серебру лазоревымъ лакомъ, — восхотѣлъ я придать ему нѣкакія и другія новыя и совсѣмъ необыкновенныя украшенія собственнаго моего изобрѣтенія и придать ему тѣмъ еще болѣе красоты и великолѣпія. И какихъ-какихъ новыхъ затѣвъ и выдумокъ ни употребилъ я при семъ случаѣ! И усердіе мое было такъ велико, что, за неимѣніемъ у себя живописца и другихъ такихъ мастеровыхъ, которые могли-бъ все то сдѣлать, чтѣ я придумывалъ и хотѣлъ, не жалѣя и собственныхъ своихъ трудовъ, и надъ сдѣланіемъ многихъ вещей трудился самъ своими руками, и съ такимъ при томъ прилежаніемъ, что не зналъ даже усталости, хотя дѣла сихъ было и довольно много. И какъ симъ оставилъ я по себѣ въ сей церкви навсегда памятникъ, то и расскажу объ немъ въ нѣкоторой подробности.

Первѣйшимъ дѣломъ моимъ было то, что мнѣ восхотѣлось царскимъ дверямъ придать болѣе красы чрезъ закрытіе всѣхъ промежутковъ между рѣдкою сквозною позолоченою рѣзбою оныхъ посеребреными наподобіе зеркалъ, стеклами. Надъ симъ трудился я самолично и мнѣ тѣмъ удалось придать имъ несравненно болѣе красы и великолѣпія.

Во-вторыхъ, находя сдѣланную въ иконостасной аркѣ надъ ними звѣзду изъ сіянія очень просту и не по моему вкусу, вздумалось мнѣ ее уничтожить, и вмѣсто ея всю сію большую арку занять образомъ благословляшаго входящихъ въ царскія двери Господа Саваоа, окруженнымъ сіяніемъ, сдѣланнымъ изъ превеликаго множества такихъ же обрѣзанныхъ посеребрѣнныхъ, на подобіе зеркала, стеколъ. Мысль сія мнѣ такъ полюбилась, что, за неимѣніемъ живописца, рѣшился самъ нарисовать сей образъ, koliko можно въ натуральнѣйшемъ видѣ, и мнѣ удалось и сію необыкновенную штуку сдѣлать такъ хорошо, что она отъ всѣхъ приобрѣла похвалу и одобреніе.

Въ-третьихъ, находя въ иконостасѣ въ углахъ на уступахъ его пустоты, вздумалъ я занять оныя обрѣзными фигурными щитами, съ изображенными на нихъ церковными трофеями, какъ-то: сосудами, дискосами, кадилами, евангелиемъ и тому подобнымъ, сдѣлавъ всѣ ихъ золотыми, а грунтъ прикрывъ усыпанною по клею шмельдью. И мнѣ удалось и сія небольшія штучки сдѣлать со вкусомъ и также хорошо.

Въ-четвертыхъ, вмѣсто обыкновенныхъ дивящихся лентъ, на которыхъ прицѣпляютъ предъ мѣстными образами паникадилы, вздумалось мнѣ употребить простые пеньковыя, но вызолоченныя снаружи червоннымъ золотомъ веревки, и придать имъ чрезъ то видъ толстыхъ шнуровъ, свитыхъ изъ золота. И сіе составляло особую и новую выдумку, полюбившуюся многимъ и придавшую много великолѣпія.

Таковую-жъ самую простую, но удачную выдумку употребилъ я, въ-пятыхъ, при украшеніи сѣни въ алтарѣ надъ престоломъ. Сѣнь сія сдѣлана у насъ была на большихъ четырехъ золотыхъ столбахъ и вверху, ниже карниза, украшена тафтными подобранными занавѣсами съ золотомъ бахрамою; но какъ не доставало у насъ большихъ золотыхъ вѣстей, то по скорости вздумалось мнѣ ихъ сдѣлать фальшивыя и смастерить изъ деревянныхъ, округленныхъ и вызолоченныхъ стаканчиковъ, съ привѣскою къ нимъ кругомъ многихъ нитокъ съ наназанными вызолоченными стеклянными пронизками и повѣсить ихъ на такихъ же вызолоченныхъ шнурахъ. И мнѣ удалось сдѣлать ихъ такъ похожими на золотыя, что всѣ ими обманывались, и, узнавъ выдумку, не могли довольно ее расхвалить.

Шестая моя выдумка состояла въ придѣланіи къ сей сѣни спереди двумя ангелами придерживаемаго фигурнаго щита съ крупною надписью, изъ слѣдующихъ словъ состоящую: «Ядый мою плоть и пійи мою кровь во Мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ». Сія выдумка также многимъ отмѣнно нравилась и тѣмъ наче,

что надпись сія по крупности словъ видна была въ арку изъ всей церкви.

Въ-седьмыхъ, помѣстилъ я и сзади иконостаса, надъ царскими дверьми, вмѣсто простаго образа, изображеніе Нерукотвореннаго образа, держащагося летущими (sic) ангелами, нарисованное также самимъ мною.

Въ-осьмыхъ, оба боковые придѣла велѣлъ я отъ большой церкви отгородить стеклянными перегородками, несмотря на всю величину аркъ, и такимъ образомъ раззолотить и покрыть перила и карнизы по серебру лазоревымъ лакомъ, чѣмъ придалъ всей церкви отмѣнное великолѣпіе.

Въ-девятыхъ, велѣлъ придѣлать къ лѣвой стѣнѣ, между церковью и трапезою въ соотвѣтствіе находящагося на правой стѣнѣ иконостаснаго съ образомъ Казанскія Богородицы, по собственному своему рисунку и прекрасно сдѣланную и раззолоченную и росписанную катедру съ baldахиномъ надъ оною, а внутри, на стѣнѣ, изобразилъ во весь ростъ Дмитрія Ростовскаго, такъ какъ-бы сказывающаго проповѣдь. Сіе составляло также особое и почти необыкновенное украшеніе.

Въ-десятыхъ, наконецъ, вздумалось мнѣ особеннымъ и необыкновеннымъ образомъ украсить и внутренность большаго купола постановленіемъ на широкое карнизѣ, противъ каждаго изъ многихъ оконъ, по большой золотой вазѣ. Вазы сія сдѣлалъ я самъ, обрѣзаны изъ толстой политуры со многими прорѣзными насквозь мѣстами, и снаружи, расписавъ и раззолотивъ ихъ по приличію, прикрывъ сзади всѣ прорѣзные мѣста слюдою, покрытою разноцвѣтными лаками, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы прорѣзы сіи могли служить въ некоторымъ родѣмъ дневной и ночной иллюминаціи; ибо какъ церковной карнизъ былъ такъ широкъ, что по оному, позади сихъ вазъ, ходить человѣку было можно, то въ большіе праздники, во время всеобщей, зажигали мы цозади вазъ сихъ свѣчи и

огни и овѣ придавали и днемъ, и ночью отмѣнное всей церкви великолѣпіе.

Вотъ сколь многія и разнообразны затѣи употребилъ я для украшенія внутренности сей церкви. Но какъ все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать было можно, то легко можно заключить, что все сіе и многихъ трудовъ и хлопотъ мнѣ стоило. Но какъ оные улаждаемы были сколько своею удачною, столько и всеобщимъ одобреніемъ, и похвалою, и паче всего чувствуемымъ при отдѣлкѣ каждой штуки собственнымъ превеликимъ удовольствіемъ, то были они мнѣ очень сносны и почти нечувствительны. Однако, я едва-едва могъ успѣть все сіе кончить къ 16-му числу мѣсяца іюля, въ которой день наконецъ она освящена.

Впрочемъ, относительно къ сему періоду времени достопамятно для меня было то, что 29-го мая чуть бы опять не претерпѣлъ я пожарнаго бѣдствія. Какому-то бездѣльнику (не знаю, не вѣдаю, по какому побужденію, а думаю—болѣе побуждаемому желаніемъ накрасть опять какихъ-нибудь вещей) вздумалось было дворъ мой зажечь и всунуть въ одномъ мѣстѣ заднихъ мелкихъ строеній, въ соломенную кровлю головню съ огнемъ. Но какимъ-то случаемъ и безсомнѣнно дѣйствіемъ невидимаго Промысла Господня, пекущагося о сохраненіи меня въ семь разъ отъ бѣдствія, солома отъ головни сей хотя совѣмъ почти истлѣла, но не загорѣлась, и головня потухла. Мы ахнули ажъ, какъ на утрѣ принесли къ намъ сію головню тепловатую и не могли довольно возблагодарить Господа за избавленіе насъ столь очевиднымъ образомъ отъ столь близкой опасности.

Наконецъ, съ наступленіемъ мѣсяца іюля и за недѣлю до освященія церкви, приѣхалъ къ намъ командиръ мой г. Давидовъ и какъ намѣренъ овѣ былъ въ сей разъ пожить у насъ—такъ довольно, то приѣхалъ уже со всею своимъ семействомъ, состоящимъ изъ его жены, ея сестры и своего сына, и привезъ съ собою для сотоварищества и нѣсколькихъ своихъ тульскихъ пріятелей, и расположилъ

ся въ большомъ корпусѣ нашего замка, или во дворцѣ самомъ.

Съ сего времени начались у насъ опять ежедневныя почти праздники и гулянья, а для меня самое хлопотливое время; ибо, съ одной стороны, надобно было спѣшить отдѣлкою многихъ неоконченныхъ вещей въ церкви и дѣлать все нужныя къ освященію оной приготовленія, а съ другой—угощать у себя сихъ новоприѣзжихъ гостей, когда обѣдами, когда ужинами; съ третьей—возить ихъ въ разныя мѣста для гулянья и показывать имъ все мною сдѣланное, а съ четвертой—снабжать квартиру и кухню его всеми нужными потребностями и удовлетворять все непомѣрныя требованія его поваровъ и лакеезъ, что производило намъ и чувствительныя иногда неудовольствія. Но все сіи хлопоты улаждаемы были, по крайней мѣрѣ, благосклонностью и пріятнымъ со мною обращеніемъ моего командира, который все сдѣланное мною въ діку и въ церкви не только одобрялъ, но, превозносилъ похвалами, благодарилъ меня за трудъ мой, а мнѣ болѣе того было ничего и ненадобно.

Во время сихъ нашихъ, въ разныя мѣста, то для ловленія рыбы, то такъ для гулянья, разъѣздовъ, случилось было со мною въ мѣгъ большое несчастіе, происшедшее отъ самой рѣзвости. Однажды ѣздили мы цѣлою компаніею мужчинъ ловить на островахъ нашихъ рыбу, и какъ надлежало намъ въ одномъ мѣстѣ, подлѣ небольшого протока и долины, полчаса почти времени, дожидаться, покуда неводъ заускали и тащили, то пришла охота господамъ тульскимъ вѣтрогонамъ, приѣхавшимъ съ г. Давидовымъ, охота, между прочимъ балагурничать, перепрыгивать чрезъ помянутую лощину и оказывать, другъ передъ другомъ, удалство свое. Сперва я долго только смотрѣлъ на сію ихъ рѣзвость и забаву. Но какъ ни одному изъ нихъ перепрыгнуть сію низкую лощину не удавалось, и они все либо падали, либо спотыкались, то приди и мнѣ охота пошеголять своимъ

удальствомъ и искусствомъ. «И, Господи, сказалъ я, уже этакой бездѣлки не можете вы пересигнуть (перескочить)», и, разбѣжавшись ни-вѣсть, ситъ! самъ черезъ нее. Я и перескочилъ ее довольно хорошо, но ногѣ моей случилось на томъ берегу по-пасть на неровное мѣсто, отчего и вывихнулась она въ самой щиколкѣ. Я въ одинъ мигъ почувствовалъ оттого превеликую боль и не могъ даже и ступить на ногу. Всѣ взгоревались и встужились о томъ и не знали, что дѣлать. Но, по счастью, случилось сіе противъ самаго почти дѣкарскаго домика. Мы тотчасъ велѣли его кликнуть и онъ прибѣжалъ и, тазаю меня за мою шалость, ногу мою опять вправилъ и снабдилъ меня примочкою, чтобъ мнѣ и помогло. Однако, дни съ три, съ четыре принужденъ я былъ оттого прихрамывать.

Наконецъ, наступила и наша арманка, на которую, равно какъ и для освященія церкви, съѣхалось множество дворянства, а простаго народа было превеликое со всѣхъ сторонъ стеченіе. Чтобъ продлить хотя однимъ днемъ сію единосуточную почти арманку, то опредѣлили-было святить церковь на другой день самаго праздника и по окончаніи самой арманки. На сей праздникъ и арманка сдѣлалась достопамятна мнѣ нечаянно для меня и для всѣхъ насъ тревогою, произведенною также какими-то бездѣльниками изъ съѣхавшагося на арманку чорнаго народа. Молодцамъ симъ, какъ думать надобно было, восхотѣлось полакомиться важными карпіями, которыми пренеликимъ множествомъ былъ нашъ большой прудъ наполненъ. Они вздумали подъ прудомъ симъ подхитить и сдѣлать такъ, чтобъ онъ будто бы самъ собою прорвался и вода бы вся изъ него ушла, карпы обнажились бы всѣ въ стремѣнахъ и ловить было можно. Итакъ, во время самой арманки забрались они подъ спускъ и ночнымъ временемъ подрубили внизу одну стѣнку; и какъ оттого два ряда вешняковъ принуждены были вывалиться, то и зорала вода страшнымъ образомъ съ пруда. Мы, ничего того не зная, спали

себѣ спокойно, и ни кому не ума было посмотреть за прудомъ. Но не уснѣло ободнать, какъ, усмотрѣвъ сіе, безъ памяти прибѣжали ко мнѣ съ увѣдомленіемъ, что прудъ большой прорвался. Не могу изобразить, какъ сіе меня тогда перетревожило и испугало. «Господи! вскричалъ я, какимъ бы это образомъ и отчего такая бѣда случилась? Кажется теперь не половодь, да и дождь былъ не великъ; отчего-жъ ему прорваться?» и безъ памяти побѣжалъ на плотину. Тутъ увидѣвъ страшный ревъ стекающей въ пронесенные и плавающие въ бучилѣ вешняки воды, только ахалъ отъ удивленія, не постигая, какъ это могло случиться: подъ водою и непримѣтно было того, чтобъ они подрублены, а сіе усмотрѣли мы уже послѣ. Но какъ ахавъ и туженъ не помогли, а надлежало помыслить о скорѣйшемъ захватываніи воды, то, не долго думая, послалъ я солдатъ и велѣлъ гнать съ арманки всей волости нашей мужиковъ, какихъ они найти только могутъ, и съ лошадьми ихъ и телѣгами, а другихъ послать за лопатками и другими инструментами. А между тѣмъ, тотчасъ и выдумалъ спасительное средство, могущее еще прудъ сей удержать отъ совершеннаго прорыва. Но особливому счастью, случилось мнѣ, тогда за два до сего, для недопущенія съ плотою водою сбѣгать съ пруда карповъ, сдѣлать одну предосторожность, которая, при семъ случаѣ, пригодилась мнѣ очень встати, а именно: я велѣлъ передъ самымъ спускомъ въ прудѣ сдѣлать превеликую въ водѣ насыпь и обвелъ по окружѣ все то мѣсто настоящею почти подводною плотиною; на сей велѣлъ я побить сваи и сдѣлать кругомъ надолбы, установить сплошь подлѣ ихъ стойки фашинами, сдѣланными изъ одного мелкаго лѣса, и все сіе для того, чтобъ вода съвоихъ фашиныхъ могла стекать, а рыбіи бы ни одной не можно было проходить. Итакъ, не долго думая, велѣлъ я съѣхавшемуся народу возить скорѣе солому и, связывая въ пуки, кидать въ прудъ позади фашиныхъ оныхъ и на нее сыпать привозимъ.

мую изъ берега землю, и чрезъ то составлять на скорую руку новыи рядъ плотинъ предъ всѣмъ спускомъ. А симъ средствомъ и удалось мнѣ тогда спасти свой прудъ. Новая скороспѣшная плотина сія поспѣла у меня чрезъ нѣскольکو часовъ, и въ состояніи была удерживать всю воду, но какъ я принужденъ былъ быть при томъ безотходно самъ, и при томъ подъ сильнѣмъ, случившимся тогда, дождемъ, то впрямь—не только измучился, но и измокъ, и сей праздникъ былъ мнѣ долго памятенъ. Но, по крайней мѣрѣ, я доволенъ былъ тѣмъ, что успѣлъ очень удачно сіе дѣло сдѣлать и тѣмъ командиру моему доказать вновь свою расторопность. Что касается до него, то онъ въ сіе время занимался угощеніемъ у себя сѣзжающихъ часъ-отъ-часу болѣе къ себѣ гостей и дѣланіемъ къ большому торжеству всѣхъ нужныхъ приготовленій. А тѣмъ же занимались и мои домашніе.

Въ послѣдующій за симъ день угощали насъ всѣхъ у себя нашъ городничій, а послѣ обѣда ѣздили мы всѣ гурьбою гулять, сперва на островъ, а потомъ въ глѣсъ, новодѣланной царь, и день сей провела весело. И какъ между тѣмъ все поспѣло къ освященію церкви и приѣхали изъ Колокмы для сего протопопъ, то 10-го числа іюля и происходило у насъ торжественное и, прямо можно сказать, пышное освященіе нашей большой церкви. Множество дворянства обоого пола присутствовало при ономъ, а народу было превеликое стеченіе. И какъ нами употреблено было все, что только служило къ сдѣланію сего обряда торжественнѣйшимъ, то и происходило все съ отиѣвнымъ великолѣпіемъ и божественная служба была тѣмъ пріятнѣе, что мы имѣли уже около сего времени стараніемъ новаго моего командира цѣлой хоръ пѣвчихъ, набранной изъ конюховскихъ дѣтей и другихъ канцелярскихъ служителей и обученныхъ уже нѣтъ нанятымъ учителемъ.

Для приданія сему торжеству болѣе блеска, угощали мой командиръ у себя всѣхъ присутствующихъ при освященіи

дворянъ обѣденнымъ столомъ. И былъ у него превеликой пяръ. А поелику доставили мы на сей случай и музыку, то послѣ обѣда былъ и балъ, и танцы. Но и сего было еще недовольно. Но какъ около самаго сего времени приѣзжали къ намъ въ Богородицкѣ нѣмецъ фигляръ, показывающій разныя хитрости, какъ напримеръ, говорящую голову и другія подобныя тому штуки, то восхотѣлъ командиръ мой угостить всѣхъ своихъ гостей и симъ зрѣлищемъ въ приготовленномъ на короткую руку во флигелѣ маленькомъ театрѣ. Словомъ, весь сей день проведенъ былъ очень весело; а въ послѣдующій день былъ балъ, танцы и ужинъ у меня въ домѣ, и разборная моя стѣна должнаствовала опять выходить вонъ для сдѣланія множайшаго простора.

А въ наступившій за симъ день звали моего командира и всѣхъ насъ къ себѣ на обѣдъ одинъ изъ сосѣдственныхъ дворянъ господинъ Марковъ, и мы всѣ гурьбою ѣздили къ нему и были тамъ угощаемы. Причемъ случилось женѣ моей въ-прахъ перестрашаться отъ нечаянной и такой неожиданной пушечной пальбы, производимой во время обѣда, и которой она всегда боялась. Дома же у насъ въ сіе время чуть-было опять не сдѣлался пожаръ, но, по счастью, погашенъ въ самомъ его началѣ. На другой день постѣ сего происходила у моего командира непрерывная почти карточная игра между бывшими въ числѣ гостей игроками, которые всѣ насилу-насилу разѣхались отъ насъ въ слѣдующее за симъ утро. Мы же всѣ пировали въ сей день у судьи нашего г. Арсеньева, а наутрѣ поѣхали въ Бобринки, для такового же пированія у Берендагиныхъ, а оттуда поѣхали къ г. Власову, и у него не только ночевали, но и въ послѣдующій день угощаемы были пышнымъ обѣденнымъ столомъ. И, возвращаясь оттуда, заѣхали еще къ г. Бакунину, и въ Богородицкѣ возвратились не прежде какъ ввечеру уже 16-го числа.

Но симъ все еще тогдашнее хлопотливое для меня время не кончилось. Но

командиру моему вздумалось еще съ женою своею съѣздить въ дальніе гости за Ефремовъ, къ общему нашему знакомцу генералу Дмитрію Васильевичу Арсеньеву, куда взялъ онъ меня съ собою. Итакъ, ѣздили мы съ нимъ и туда. Но тамъ не столько были угощаемы, сколько измучены были въ-прахъ ѣздою и ходьбою по полямъ, въ угодность хозяину, хотѣвшему показать командиру моему всѣ угодья своей тамошней деревни и надѣвшему даже намъ непрерывнымъ почти рассказываніемъ о своихъ мужикахъ, о ихъ семействахъ, пашнѣ, лѣсочкѣ и тому подобнымъ, ни малѣйшаго уваженія и слышанія недостойныхъ, вещахъ. Сію дурную привычку имѣлъ сей, впрочемъ, благоразумной человекъ, которой не могъ я довольно надивиться, и не понималъ, какъ онъ при всемъ своемъ благоразуміи не усматривалъ, что никто сими пустыми его рассказами не интересовался, но паще слушалъ ихъ съ крайнимъ для себя отягощеніемъ. Словомъ, онъ такъ ни насъ отяготилъ, что мы не опомнились почти отъ радости, вырвавшись на другой день, послѣ обѣда, отъ него и не рады были всему его, умѣренному весьма, насъ угощенію.

Въ Богородницѣ возвратились мы не прежде какъ уже 21-го числа къ готовому у меня обѣду. Но и тѣмъ еще не все кончилось. Но мы пировали еще на другой день опять у г. Арсеньева, а наутрѣ опять у городничаго и насилу-насилу сей день былъ уже окончательнымъ всѣмъ нашимъ празднествамъ и пированьямъ, и мы проводили г. Давыдова, поѣхавшаго назадъ въ Тулу и пробывшаго у насъ въ сей разъ три недѣли.

Изъ всего вышесказаннаго можете вы усмотрѣть какую особую склонность имѣлъ мой командиръ къ пиршествамъ и разсѣянной жизни и заключить, что все сіе время было для меня очень хлопотливо и суетливо и что мы рады-рады были, освободившись наконецъ отъ сего яга. Къ вѣдшему умноженію моихъ хлопотъ, долженъ я былъ и въ самое сіе время ушпиками и урывками трудиться надъ моими

планами и чертежами, ибо командиру моему весьма хотѣлось, чтобъ я поспѣшилъ окончаніемъ оныхъ. Но все сіе ничего бы не значило, еслибъ не случилось въ теченіе сего достопамятнаго періода времени одного происшествія, не только меня весьма озаботившаго, но и повергнушаго въ крайнее недоумѣніе, а именно:

Командиръ мой, каковъ ни добродушенъ и ни хорошъ былъ всѣмъ своимъ характеромъ, но имѣлъ тотъ въ себѣ недостатокъ, что былъ очень неводерженъ и мотовать, и отъ самаго того нажилъ на себя превеликіе долги, которые его весьма тяготили. Чтoby избавиться отъ сего яга, то возмечталъ было онъ, при случаѣ полученія въ свою власть нашихъ волостей, ими воспользоваться и содрать со всѣхъ нашихъ мужиковъ хотя легенькую, но для себя полезную кожуруну. Но какъ приступить къ тому безъ согласія и содѣйствія моего никакъ было не можно, то, не отваживаясь самъ сдѣлать мнѣ о томъ предложенія, восхотѣлъ онъ стороною напередъ узнать, какихъ я о томъ буду мыслей, и для того препоручилъ извѣдать сіе одному изъ приѣзжихъ съ нимъ тульскихъ гостей, человекѣ бойкому и ирворному. Сей и подѣхалъ-было ко мнѣ съ своими рассказами и предложеніями, нельзя-ль было помочь Николаю Сергѣевичу въ его темныхъ обстоятельствахъ собраніемъ, хотя по гривеннику съ души, съ нашихъ волостныхъ мужичковъ, говоря, что для нихъ, какъ весьма зажиточныхъ и во всякомъ изобиліи живущихъ крестьянъ, составило бы сіе сущую бездѣлку, а Николаю Сергѣевичу могло-бы то послужить въ великую пользу, и онъ очень будетъ тѣмъ доволенъ и за то благодаренъ. Немногія сія слова, сказанная мнѣ имъ будто бы отъ себя шуточнымъ образомъ, поразили меня такъ, что у меня ажно кожу подрамо при услышаніи оныхъ. Я легко могъ догадаться, что его заставили сіе мнѣ предложить стороною, и сіе привело меня въ такое недоумѣніе, что я съ мнату времени и не зналъ, что ему на сіе и отвѣтствовать. Наконецъ, собравшись съ мыслями, безъ

дальнихъ обвиняковъ и на-прямо ему ска- залъ: «все это такъ, братецъ, все хорошо и было бы, конечно, для Николая Сергѣе- вича не худо, но совсѣмъ тѣмъ я не упо- ваю, чтобъ могло сіе когда-нибудь совер- шиться». — «А почему бы такъ?» подхва- тилъ онъ. — «А вотъ почему, любезный другъ, отвѣчалъ я, сіе могло бы быть толь- ко въ такомъ случаѣ, если-бъ мужички на- ши сами собою сіе задумали и, смолвив- шись между собою, такой денежной сборъ самопроизвольно собрали и торжествен- нымъ образомъ поднесли Николаю Сер- гѣевичу отъ себя въ подарокъ. Но сего- то самаго отъ нихъ никакъ и никогда ожидать не можно. Не таковы наши му- жички щедроподатливы и умны, чтобъ могли они и сами собою догадаться та- кую услугу оказать своему командиру. Вамъ они не таковы и давно извѣстны, какъ мнѣ, а я, зная ихъ изъ собствен- ной оштынности, скажу, что они превели- кіе охотники до свиней и свиней у себя держать, свиней кормить, свиней ѣдятъ и... сами свиньи!» — При семъ словѣ пред- лагатель мой захохоталъ, и я продолжалъ: «Вамъ это смѣшно кажется, но это истин- ная правда, и каковы они тѣмъ харак- теромъ своимъ, можетъ вамъ дозвать собственно примѣръ мой. Меня всѣ они дѣйствительно любятъ; поговорите хоть съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ, всѣ назовутъ вамъ меня своимъ отцемъ и такимъ ко- мандиромъ, какова не желаютъ они луч- ше. Но при всей любви и приверженности своей ко мнѣ, какъ бы вы думали, дале- ко простиралась ихъ тѣмъ и по- датливость ко мнѣ, и не смѣшно ли вамъ покажется, когда скажу, что, будучи управ- ителемъ надъ 20-ю тысячами душами за- житочныхъ мужиковъ, а къ Святой не- дѣлѣ покупаю самыя яицы на чистыя де- нежки, когда свои не случатся. Этому мо- жетъ быть никто не повѣритъ, но это самая истина. Или вотъ скажу вамъ дру- гой и разительнѣйшій примѣръ. Въ прош- ломъ году случилось мнѣ сгорѣть и ли- шиться дома и всего почти въ немъ бы- шаго и потерять имущества болѣе неже- ли на 2,000 рублей. Всѣмъ имъ извѣстна

была тогдашняя моя нужда, и что у ме- ня ни крова, ни съѣстныхъ припасовъ и на семью ни куска хлѣба не осталось; казалось можно-бъ имъ при такомъ бѣд- ственномъ и несчастномъ случаѣ чѣмъ- нибудь услужить своему любимому ко- мандиру. Но они и не подумали о томъ, и одинъ только наибогатѣйшій изъ нихъ и такой, котораго капиталъ тысячь до двадцати простирается, расщедрился и принесъ ко мнѣ, во что же, одинъ только испеченный хлѣбъ». — «Неправду ли!» воскликнулъ мой соблазнитель. — «Ей-ей, от- вѣтилъ я, это всѣмъ извѣстно, и мнѣ какъ ни горько тогда было, но я принужденъ былъ захохотать и душно было, чтобъ при такомъ случаѣ не принять у него того, а охотнѣе хотѣлъ бы я въ него имъ въ лицо швырнуть. Вотъ каковы, судиръ, здѣшніе мужики! и можно ли ожидать чего отъ такихъ окаянцевъ!»

Удивился и задумался, услышавъ сіе, но наконецъ, помолчавъ нѣсколько, ска- залъ: «Все-таки можно было бы къ тому ихъ какъ-нибудь настроить». — «Какъ на- строить, говорите вы, подхватилъ я того момента и захохоталъ. А какимъ бы это образомъ и кто бы взялся это сдѣлать? О подкомандующихъ моихъ могу и васъ увѣрить, что никто изъ всѣхъ ихъ не отважится къ тому приступить, а я всего меньше. Я о такомъ предпріятіи и по- мыслить страшуся, а того меньше, чтобъ насильно наложить на нихъ такой поборъ. Сохрани насъ отъ того Господи! отъ се- го и Богъ знаетъ, чтъ бы произошло! Му- жички здѣшніе, живучи уже столь многіе годы подъ управленіемъ, основанномъ на ногѣ прямо честной и безкорыстной, и непривыкнущіе ни къ мажѣйшимъ ка- кимъ-либо притязаніямъ, сочли-бъ сіе не- вѣдомо чѣмъ и воплямъ своимъ возму- тили-бъ и самое небо и землю. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ мой, я опять повторю, что мужички здѣшніе совсѣмъ не таковы, чтобъ можно было предпріять съ ними что-нибудь тому подобное и каковы ни глуны, но то у нихъ твердо затвержено, что они собственные крестьяне импера- трицы и что никто не посмѣетъ дѣлать

имъ какія-нибудь притязанія. И изволька что-нибудь тому подобное затѣять и предпріять, я увѣряю васъ, что они въ мигъ очутятся съ жалобой, не только у Михаила Никитича, но и въ самомъ даже Петербургѣ; на это они очень умны». — «О! такъ пропади-жъ они, окаленные, скажи мой предлагатель», и, обративъ все въ шутку, замолчалъ.

Симъ образомъ отболталъ я сего молодца и онъ у насъ, нѣсколько похлобавъ, и пошелъ отъ меня пересказывать все то, безъ сомнѣнія, препоручателю своему, и что они говорили, того уже я не знаю, а вѣдаю только то, что, обжогшись въ сей разъ на молокѣ, стали потомъ дуть и на воду, и я уже никогда не слышалъ болѣе такихъ замашекъ. Со всѣмъ тѣмъ случай сей привелъ меня въ превеликое недоумѣніе и принудилъ усугубить всѣ мои съ сей стороны предосторожности.

Симъ окончу я сіе мое письмо и скажу, что я есмь вашъ, и проч.

(Января 25-го дня 1810 года. Дворяниново).

Письмо 215-е.

Любезный пріятель! Проводивъ отъ себя своего командира и сбивъ съ плечъ своихъ сіе тягостное бремя, принялся я за прежнія мои комнатныя упражненія, которыя служили мнѣ вмѣсто отдохновенія, и какъ планы и чертежи мои были еще не отдѣланы, то спѣшилъ я оныя окончить. Нужны они были командиру моему для того, что какъ онъ ожидалъ скорого возвращенія изъ Петербурга нашего главнаго начальника, и намѣренъ былъ къ нему въ Москву ѣхать, то хотѣлось ему отвезти ихъ къ нему съ собою. А мнѣ наводили они тѣмъ болѣе труда, что мнѣ не хотѣлось руки своя испорчать, а украсить ихъ колико можно лучшими картушами, что и удалось мнѣ очень хорошо сдѣлать, и могу сказать, что планы сіи были прекрасные.

Между тѣмъ засѣлъ я опять за сочиненіе матеріала для моего «Экономическаго Магазина», для запасенія г. Нови-

кова на всѣ достальныя мѣсяцы сего года потребнымъ матеріаломъ, и въ короткое время успѣлъ опять наготовить онаго множество. Занимала меня также около сего времени и моя бібліотека. И какъ она частію-отъ-часу увеличивалась какъ чрезъ покупку новыхъ книгъ, такъ и присылкою отъ Новикова для продажи, то восхотѣлось мнѣ всю ее привести въ порядокъ и ранжировать на сдѣланныхъ шкапахъ и полкахъ въ тѣхъ комнатахъ, на нашей башнѣ подъ колокольнею, гдѣ находилась прежде канцелярія наша. И тутъ установилъ я и убралъ ими двѣ комнаты и хаживалъ въ нихъ верѣдько для литеральныхъ прогулокъ и увеселеній.

Впрочемъ, не гуляли у меня и краски, а особливо сухія или настольныя и какъ около сего времени выдумалъ я способъ рисовать ими по вытертой пемзой кожѣ, то нарисовалъ я и симъ мойими многія изъ тѣхъ картинъ, которыя и понымѣ еще украшаютъ мои стѣны и, между прочимъ, еще образъ Спасителя и Богородицы срисовалъ съ мѣстныхъ и предѣльныхъ образовъ, писанныхъ Некрасовымъ.

Въ сіихъ упражненіяхъ препроводилъ я все достальное время іюля и весь успенскій [постъ]. А не успѣли мы разговѣться, какъ и получилъ я повелѣніе отъ г. Давыдова, чтобъ мнѣ приѣхать къ нему въ Тулу и привезти съ собою всѣ планы и бумаги, нужныя къ представленію намѣстнику, съ увѣдомленіемъ, что онъ собирается ѣхать въ Москву. И такъ, принужденъ я былъ ѣхать къ нему, но въ сей разъ пробылъ я въ Тулѣ одни только почти сутки, ибо нужно было отдать только ему планы и прочія бумаги и переговорить съ нимъ кое-о-чемъ относящемся до волостей. Почему, сѣздивъ съ нимъ въ Щеглово и проводивъ его 21-го числа въ Москву, не медлилъ и самъ я въ Тулѣ, но поскакалъ опять въ Богородицкѣ.

Тутъ нашелъ приѣхавшаго къ намъ безъ меня новаго учителя, природою нѣмца, по прозванію г. Эйзенберга, выпущеннаго изъ Москвы чрезъ нашего дѣ-

каря, для возобновленія нашего пансіона, на мѣсто старика Дебриньи. И будучи очень доволенъ, нашедъ въ немъ степеннаго и много-знающаго и очень хорошаго человѣка, договорился тотчасъ съ нимъ о продолженіи ученія моего сына обимъ языкамъ. И дабы былъ въ томъ лучшей успѣхъ, то, отдавъ его даже совсѣмъ жить къ нему, отвелъ для жительства ему средній домъ лѣкарскій въ госпиталѣ, ибо лѣкаръ жилъ тогда во флигелѣ. А какъ къ учителю сему отдалъ и г. Толбузинъ обимъ своихъ сыновей, то и основался у насъ опять небольшой пансіонъ, и сынъ мой отъ учителя сего несравненно больше научился всему, нежели отъ прежняго учителя.

Въ самое то же время получилъ я и отъ г. Новикова письмо съ убѣдительною просьбою, чтобы мнѣ заготовлять матеріалъ для «Экономическаго Магазина», и для будущаго пятаго года его издаванія, поелнку всѣ получающіе оной ни мало имъ не скучали, а всѣ усердно желали дальнѣйшаго продолженія сего общепользнаго изданія. Признаюсь, что увѣдомленіе о семъ и самая сія просьба была для меня непротивна. И какъ, по привычкѣ, не наводило сочиненіе сіе и мнѣ дальняго отягощенія и я за труды мои довольно награжденъ былъ, то и не имѣлъ я причины отъ того отказаться.

Вмѣстѣ съ симъ письмомъ прислалъ онъ ко мнѣ и выговоренные экземпляры, напечатаннаго уже перевода моего «Геценовыхъ разсужденій о началѣ и концѣ міра», и доставилъ мнѣ тѣмъ превеликое удовольствіе, увѣдомляя вкупѣ, что книга моя «О благополучіи», подъ именемъ «Путеводителя къ истинному человѣческому счастью» (которое названіе имъ самимъ сей полезной книгѣ придать разсудилось) уже печатается, что порадовало меня еще того болѣе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, по убѣжденію моихъ домашнихъ, принужденъ я былъ согласиться съѣздить съ ними опять въ дальніе гости, за Ефремовъ, для свиданія съ теткою Матривою Васильевною Арцибисшевою. И такъ, въ

семь путешествій провежи мы всѣ достальныя дни мѣсяца августа. Тетка была намъ очень рада и мы протостили у ней цѣлыя три дня, въ которое время имѣлъ я случай короче познакомиться съ господиномъ Ушаковымъ, Христофоромъ Александровичемъ. А возвращаясь оттуда, заѣзжали къ родственницѣ нашей госпожѣ Елагиной, такъ и къ господину Писемскому, и у сего послѣдняго ночевали, а домой возвратились уже въ послѣдній день сего мѣсяца.

Не успѣли мы приѣхать, какъ вдругъ и въ самой первой день сентября, противъ всякаго моего чаянія и ожиданія, обрадованъ я былъ письмомъ, присланнымъ ко мнѣ изъ Москвы отъ командира моего г. Давидова, которымъ увѣдомлялъ онъ меня, что государынѣ императрицѣ угодно было самочино пожаловать меня въ коллежскіе ассессоры. Господи! какъ удивился и обрадовался я, читая письмо сіе. Я не вспомнилъ почти отъ радости и болѣе потому, что я никакъ сего чина не добивался и никого о томъ не просилъ, а намѣстнику нашему восхотѣлось самому сдѣлать мнѣ сіе благодѣяніе и выпросить сей мнѣ чинъ отъ государыни, что ему и стоило только нѣсколькихъ словъ. И онъ, будучи у императрицы въ Царскомъ Селѣ, только ей о томъ и, какъ безъ сомнѣнія думать надобно, съ похвалою обо мнѣ доложилъ, какъ государыни и слова не сказала, а съ удовольствіемъ на то согласилась, приказала гр. Безбородкѣ сообщить о томъ имянное свое повелѣніе генераль-прокурору, который въ тотъ день, а именно 20-го числа августа, и увѣдомилъ о томъ чрезъ письмо князя Вяземскаго, бывшаго тогда генераломъ-прокуроромъ, управляющимъ всѣмъ сенатомъ. И г. Давидовъ одолжилъ меня тогда и присланіемъ ко мнѣ копій и съ самого достопамятнаго письма сего, которое и нынѣ у меня хранится.

Письмо сіе получилъ я, какъ теперь помню, поутру, находясь въ своемъ кабинетѣ и занимаясь своими литературными упражненіями, которыя, какъ легко можно заключить, выпали у меня въ тотъ

же мигъ изъ рукъ, и я, вскопча, не успѣлъ собраться отъ удивленія съ мыслями (и вздохнувъ, возблагодарилъ сперва Господа за сію сниспосланную Его ко мнѣ особую милость и нѣсколько разъ сказалъ спасибо и благодѣтелю своему г. Пречетникову), какъ, не говоря ни слова, побѣжалъ къ своимъ роднымъ домашнимъ для сообщенія имъ сей радости. И дабы имъ сдѣлать чувствительнѣйше сюрпризъ, то понесъ къ нимъ помянутую копію съ письма графа Безбородки и съ притворнымъ равнодушіемъ сказалъ имъ: «посмотрите-ка какую получилъ я бумажку». Сіи, занимаясь тогда своими женскими рукодѣліями и считая, что бумажка сія ничего дальняго въ себѣ не содержитъ и была въ чемъ-нибудь неприятномъ, то долго и не хотѣли-было у меня брать изъ рукъ и говорили, что имъ читать ее не досужно, а прочелъ бы я имъ самъ. Но какъ я сказалъ, что имъ неотмѣнно самимъ ее прочесть надобно, то взяла наконецъ у меня изъ рукъ матушка теща. И не успѣвъ до половины еще тихомѣлкою прочесть, какъ воскликнула: «И! батюшка, да что это, да какъ это и какимъ это образомъ сотворилось?»—«Вы уже говорите, сказалъ я, и дивитесь тому, а я уже дивился, дивился, да усталъ». Слова сіи возбудили въ женѣ моей и въ дѣтяхъ любопытство, и имъ захотѣлось знать, что это такое, и всѣ стали спрашивать. Тогда теща моя, обратясь къ женѣ моей, сказала: «Чего, сударыня, вѣдь Андрея Тимошеевича государыня сама пожаловала чиномъ и тебѣ полно слѣдыть уже капитаншею, а ты теперь госпожа ассессорша и штабъ-офицерская жена». «Какъ это! какъ неужели вправду», закричала она, а съ нею всѣ въ разные голоса, и ну креститься, благодарить Бога и поздравлять меня съ полученіемъ царской милости. И какъ слухъ о семъ въ нѣсколько минутъ по всему городу разлетѣлся, то не успѣли мы почти очнуться, какъ со всѣхъ сторонъ слетѣлись къ намъ не только всѣ мои канцелярскіе подкомандующіе, но и всѣ наши друзья и пріятель городскіе, и всѣ наперерывъ, другъ предъ другомъ,

начали меня поздравлять и изъявлять искреннее свое о томъ удовольствіе, только твердили: «Ну, слава, слава Богу, ай Михаила Никитичъ! ну, спасибо ему, ей-ей спасибо. Это не по-княжески и ну вотъ и ты у насъ теперь коллежскій ассессоръ, а что всего лучше, ты чинъ этотъ получилъ не по проискамъ какиммъ и не по зауголю, а прямо за свои достоинства, и, что всего дороже, еще лично отъ самой государыни и особымъ именнымъ указомъ. Это славно! и теперь не кичись, пожалуй, предъ тобою г. Верещагинъ и прочіе съ своимъ чиномъ».

Всѣ такіе отзвы, натурально, были мнѣ весьма пріятны, и я не иначе какъ съ удовольствіемъ слушалъ. И какъ сіе было въ утреннее время, то подали тотчасъ завтракъ и съ нимъ вмѣстѣ бутылку шампанскаго. И тутъ начались опять поздравленія безконечныя. Послѣ чего, пригласивъ всѣхъ ихъ къ себѣ наутріе обѣдать и проводивъ отъ себя, побѣжалъ въ церковь и послалъ за попомъ того-жъ часа служить благодарной молебень.

Такимъ образомъ, ни думано-ни гадаю, получилъ я штабъ-офицерскій чинъ, и въ тотъ же еще день началъ подписывать бумаги симъ новымъ званіемъ. И признаюсь, что при первомъ наименованіи себя симъ чиномъ, чувствовалъ я особенное удовольствіе. А что мнѣ всего пріятнѣе было, то всѣ подкомандующіе мои были тому очень рады, да и изъ прочихъ ни одинъ человекъ мнѣ въ томъ не завидовалъ, а все твердили только, что получилъ я сей чинъ по достоинству.

Въ слѣдующій за сямъ день, дѣйствительно всѣмъ нашимъ городскимъ задалъ такой пиръ, какъ въ какой большой праздникъ, и распели и мы не одну бутылку вина. И всѣ отъ сего времени начали мнѣ еще болѣе оказывать уваженія, да и самъ я ровно какъ на вершокъ отъ сего повыросъ больше. Въ самомъ сердцѣ своемъ чувствовалъ наиболѣе живѣйшую благодарность ко Всевышнему и прославлялъ пекущійся о благѣ моемъ Его святой Промыселъ.

Не успѣлъ я отъ сего обрадованія нѣ-

сколько поуспокоиться и дней десять провести опять въ своихъ прежнихъ занятіяхъ, какъ вдругъ прискакалъ ко мнѣ нарочной курьеръ съ повелѣніемъ отъ самаго намѣстника, чтобъ я, для нѣкоторой надобности, какъ можно скорѣе, явился къ нему, захватившему на самое короткое время въ Тулу. Я, обрадовавшись сему случаю, въ тотъ же почти день, схватя лошадей, поскакалъ въ Тулу. Туда приѣхавъ и остановившись у друга моего г. Албычева, успѣлъ еще въ тотъ же день явиться къ намѣстнику. Я нашолъ его стоявшаго тогда въ Путятинскомъ домѣ и окруженнаго большою толпою тульскихъ господъ, и первымъ долгомъ почелъ принести ему за милость его свою благодарность, которую отклонилъ онъ отъ себя, сказавъ при всѣхъ мнѣ, что онъ ничего не сдѣлалъ, какъ оказалъ достойное достойному. Потомъ изъяснилъ мнѣ свое благоволеніе о сочиненныхъ мною планахъ и, поговоривъ со мною о волостяхъ, приказалъ сочинить мнѣ еще нѣкоторыя вѣдомости и, подумавъ о томъ, какимъ образомъ поудобнѣе можно было умножить съ волостей доходъ безъ дальняго отягощенія крестьянъ, со всѣми тѣми бумагами приѣхавъ къ нему въ Калугу, поеліку въ Тулѣ тѣмъ заняться ему нѣтъ времени, ибо онъ спѣшитъ ѣхать въ Калугу.

Онъ, и дѣйствительно, на другой день, съ утра туда и отправился. А какъ и мнѣ въ Тулѣ никакихъ другихъ надобностей не было, то и я въ тотъ же день назадъ въ Богородицкъ поѣхалъ, гдѣ и занялся тотчасъ исполненіемъ повелѣнія своего главнаго начальника.

Цѣлую недѣлю занимался я симъ дѣломъ и не успѣлъ ихъ кончить, какъ и пустился со всѣми бумагами сперва въ Тулу, а потомъ изъ нея и въ Калугу. Какъ въ Тулѣ нужно мнѣ было повидаваться съ г. Давыдовымъ и взять и отъ него нѣкоторыя бумаги и записки, то, явившись къ нему, услышалъ, что присланъ уже изъ сената указъ о пожалованіи меня чиномъ. И въ этотъ день мы съ Николаемъ Сергѣевичемъ обѣдали у тог-

дашняго губернатора г. Заборовскаго, Ивана Александровича, со множествомъ другихъ изъ тульскихъ господъ, которые всѣ также меня поздравляли съ государскою милостію и оказывали мнѣ уже болѣе уваженія, а особливо видя и намѣстниково ко мнѣ особое благоволеніе. Въ послѣдующій день думалъ-было я, что меня въ намѣстническомъ правленіи приведутъ къ присягѣ, но какъ никого изъ присутствующихъ не случилось, то, отложивъ сіе до моего возвращенія изъ Калуги, не сталъ я долѣе медлить и поѣхалъ въ сей намѣстнической городъ, гдѣ имѣлъ тогда намѣстникъ нашъ обыкновенное свое пребываніе. И на другой день, а именно 23-го сентября, туда и приѣхалъ.

Въ семь губернскомъ городѣ хотя и случалось мнѣ до того бывать, но въ сей разъ нашелъ его совсѣмъ уже, по примѣру Тулы, перемѣнившимся, и такъ много, что почти и узнать было его не можно. Премногое множество было уже въ немъ воздвигнуто вновь большихъ зданій и повсюду подѣланы были площади и прямыя улицы, и я всему тому не могъ довольно удивиться.

Я, остановившись на особенной и нанятой для себя квартиркѣ, неподалеку отъ дома намѣстническаго, и на другой день поутру явился къ намѣстнику. Онъ принялъ меня очень благосклонно, и такъ какъ бы какого приѣзжаго въ губернской городъ гостя. Но какъ въ тотъ день случилось ему отлучиться и онъ ѣздилъ въ уѣздъ въ гости къ Толстому, то, сказавъ мнѣ, чтобъ я его обождалъ, примолвилъ: «погостите, судырь, у насъ и поживите въ Калугѣ, а мы постараемся, чтобъ вамъ было не скучно». Таковая его ко мнѣ ласка была мнѣ весьма пріятна, и я всѣ четыре дня, которые пробылъ я въ сей первой мой приѣздъ въ Калугу, провелъ я не только безъ скуки, но со многими удовольствіями. У намѣстника бывалъ я, обыкновенно, по утрамъ, въ которое время разговаривалъ онъ со мною о волостныхъ нашихъ дѣлахъ, и потомъ, обыкновенно, онъ оставлялъ меня у

себя обѣдать, а по вечерамъ, когда бывалъ онъ дома, то долженъ былъ и я быть у него на концертахъ, а ежели ѣзжалъ куда въ гости, то бралъ и меня съ собою. И какъ всегда бывало у него множество тамошнихъ господъ, то сіе и доставило мнѣ случай спознакомиться со многими изъ тамошнихъ чиновниковъ, а особливо приобрѣлъ особенное къ себѣ благопріятство отъ бывшаго тогда тамъ вице-губернатора г. Арсеньева, Михаила Михайловича, у котораго намъ съ намѣстникомъ случилось быть на праздниѣ и вечеринкѣ. Такимъ же образомъ спознакомился я короче и съ обоими намѣстническими секретарями: гг. Венецеевымъ и Михайловымъ, а съ симъ послѣднимъ, по добротѣ его характера и охотѣ къ наукамъ, даже сдружился. Словомъ, я не видалъ какъ прошли сіи четыре дня, хотя, въ теченіе оныхъ, не позабыты были и дѣла, и я не мало занимался и оными и не одинъ часъ принужденъ былъ, вставая до свѣта, по утрамъ заниматься съ бывшимъ со мною канцеляристомъ, или наче секретаремъ моимъ, дѣловымъ письмомъ.

Дѣла сіи относились, во-первыхъ, до переобработки обнхъ нашихъ волостей, для приумноженія съ нихъ доходовъ и сдѣланія въ нихъ новыхъ и лучшихъ распоряженій. Намѣстникъ, какъ я уже упомянулъ, еще въ бытность свою въ Тулѣ, приказывалъ мнѣ сдѣлать тому прожектъ, и самый сей прожектъ привозилъ я тогда въ нему, и онъ апробовалъ его во всемъ пространствѣ и былъ имъ очень доволенъ. Во-вторыхъ,—до переселенія половины изъ присоединенныхъ къ намъ, вмѣсто выбывшихъ въ мѣщанство, монастырскихъ деревень на другія мѣста, по близости Богородица, чѣмъ я также, при разсмотрѣваніи сихъ плановъ, преподалъ мысли, которыя и апробованы были намѣстникомъ. Въ-третьихъ, былъ у насъ съ нимъ разговоръ о садѣ. «Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, разсматривая составленный планъ мой

всей усадьбы, и нельзя ли какъ бы нибудь сдѣлать намъ вотъ тутъ, подлѣ дворца, садикъ? Ты охотникъ до садовъ. итакъ, не можно ли смастерить какой-нибудь англійскій садикъ?» — «Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ я, съ удовольствіемъ готовъ желаніе ваше въ семъ отношеніи выполнить, и сколько моего умѣнья есть употребить все оное къ тому. Но къ сему нужны будутъ рабочіе люди». — «О! что касается до сего, подхватилъ онъ, то берите сколько хотите къ тому нужныхъ людей и подведите изъ крестьянъ по наряду; особенно употребляйте къ тому въ чемъ-нибудь провинившихся; а, сверхъ того, подумайте, нельзя ли намъ изъ какихъ-нибудь обнищавшихъ и одинокихъ крестьянъ набрать десятка два и составить изъ нихъ нѣкоторый родъ дворовыхъ людей, на казенномъ содержаніи, которыхъ бы вамъ можно было употреблять ежедневно на таковыя работы». — «И это очень хорошо, сказалъ я, но нужно бы мнѣ еще имѣть и какого-нибудь садовничика, который бы, по крайней мѣрѣ, производилъ то въ дѣйство, что я назначать буду». — «И симъ, подхватилъ намѣстникъ, постараюсь я васъ снабдить».

На всѣ сіи и другія по волостямъ совѣщанія и разговоры назначено было мнѣ отъ него особое утро, въ которое во все занимались мы съ нимъ оными. Наконецъ, 28-го числа сентября подписалъ онъ всѣ заготовленные къ тому мнѣ ордера и другія бумаги и отпустилъ отъ себя, осыпавъ вновь меня изъявленіями своего ко мнѣ благоволенія.

Возвратившись въ Тулу, приведенъ я, наконецъ, былъ въ послѣдній день сентября на новый сей чинъ въ намѣстническомъ правленіи къ присягѣ, и какъ другихъ надобностей мнѣ тутъ не было, то въ тотъ же день и отправился домой, куда 1-го октября и приѣхалъ.

Тутъ, вмѣсто отдохновенія, надобно мнѣ было тотчасъ опять заниматься хлопотами. Наступило время переобработки всѣхъ

нашихъ изысканныхъ отдаточныхъ земель, и народъ со всѣхъ сторонъ уже къ тому сѣзжался. И какъ сѣзжалось къ сему времени множество и дворянства, то и приступилъ я тотчасъ къ сему хлопотливому дѣлу и занимался имъ и угощеніемъ у себя знакомѣйшихъ изъ дворянъ во всѣ первые дни октября мѣсяца, и мнѣ удалось и въ сей разъ умножить доходъ довольномъ количествомъ.

Не успѣлъ я сихъ хлопотъ кончить, какъ наступилъ день моего рожденія, и мнѣ совершилось 45-тъ лѣтъ отъ рожденія, который, по обыкновенію моему, праздновалъ я духовно. Но въ день именинъ своихъ сдѣлалъ опять у себя для всѣхъ нашихъ городскихъ празднѣй и пиръ, и ми день сей провели очень весело въ разныхъ увеселеніяхъ и самыхъ танцахъ.

Послѣ сего приступилъ я къ помянутымъ переселеніямъ монастырскихъ крестьянъ и занимался тѣмъ во все достальное время тогдашней осени и хлопотъ имѣлъ полонъ ротъ по сему отношенію. Какъ надлежало изъ всѣхъ сихъ деревень переселить для уравнинія здѣсь одну только половину крестьянъ и яному взъ нихъ не хотѣлось оставлять самопроизвольно своего прежняго плаца, то надобно было кидать между ими жеребій, потому выбирать удобныя мѣста для поселенія новыхъ деревень, и всѣ мѣста для нихъ и самыхъ дворовъ и усадебъ мнѣ назначать и размѣрять самолично, и потомъ ихъ переселять и за самымъ ихъ строеніемъ имѣть присмотръ,—то трудъ и заботъ было для меня въ сіе время довольно. Я выбралъ для новыхъ поселеній сихъ два мѣста подлѣ самаго нашего селенія и по рѣчкамъ, на которыхъ онѣ сидѣли: одно назвалъ Вязовкою, а другое—Упертомъ. Для другихъ же двухъ назначилъ мѣста нѣсколько подагѣе и одну, для увѣковѣчиванія своей фамиліи, назвалъ Болотовкою, а другую—Притономъ. Расположеніе же дворовъ сдѣлалъ, по вновь выдуманному порядку, такъ что деревеньки сіи были совсѣмъ отмѣнены отъ прочихъ волостныхъ деревень.

приложеніе къ «русской старинѣ» 1872 г.

Между тѣмъ производилось у насъ и многія другія дѣла, а особливо переправка и дѣланіе вновь нѣсколькихъ небольшихъ прудовъ въ селеніи нашемъ. Мнѣ восхотѣлось воспользоваться нѣкоторыми вершинами, тутъ бывшими, и произвести на нихъ пруды, хотя небольшіе, но удобные для размноженія и содержанія рыбы.

Всѣми сими работами занимался я вплоть до наступленія зимы, которая въ сей годъ стала у насъ около 8-го ноября. При чемъ достопамятно, что я около самаго времени открылъ въ самой близости отъ дворца минеральной источникъ воды, оказавшійся, по дѣланнымъ опытамъ, наполненною множествомъ марціальныхъ или желѣзистыхъ частей. И я, разрывши сей колодезь и обдѣлавъ его, мечталъ, что можетъ отъ сего произойти какое-нибудь важное слѣдствіе. Однако, вполнѣдствіи, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, а особливо,—по нехотѣнію лѣкаря нашего употребить съ лѣченіемъ водою сею надежащихся опытовъ, изъ опасенія, чтобъ не присланы были доктора, могущіе отбить у него хлѣбъ,—остались всѣ труды мои, по сему отношенію, тщетными.

Между тѣмъ не позабылъ никакъ намѣстникъ о садовникѣ, но, доставъ одного гдѣ-то, ко мнѣ доставилъ. Былъ онъ русскій и хотя не слишкомъ знающій, но, по крайней мѣрѣ, былъ я вполнѣдствіи времени очень доволенъ имъ по его особенной расторопности и проворству, съ которымъ производилъ онъ все мною назначаемое.

По наступленіи зимы и по окончаніи всѣхъ надворныхъ работъ, принялся я опять за свои литературныя упражненія, а особливо за сочиненіе матеріала для своего «Экономическаго Магазина» и занимался онымъ во всѣ праздныя минуты ноября и декабря мѣсяца съ толикою прилежностію, что наготовилъ онаго на нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, не оставили мы и прежнихъ своихъ зимнихъ увеселеній, но, по прежнему, продолжали частые свои сѣзды и дѣланіе другъ у друга пріятныхъ дружескихъ вечеринокъ.

Но сія осень была и послѣдняя, въ которую мы наслаждались сими пріятнымъ общежительствомъ, ибо какъ оканчивалось въ сіе время уже второе трехлѣтіе и предстояли новыя выборы судьямъ, то опасались мы, чтобъ не потерять намъ и послѣднихъ своихъ сотоварищей въ сихъ забавахъ, что и воспослѣдовало дѣйствительно.

Впрочемъ, отнималъ у меня въ сію осень много времени и доставлялъ мнѣ много хлопотъ бывшій въ сію зиму рекрутскій наборъ. Я принужденъ былъ опять выбирать и назначать изъ крестьянъ рекрутъ и для меня всегда составляло сіе превеликую комиссію. Ибо какъ я при такихъ случаяхъ всего болѣе удаленъ былъ отъ того, чтобъ при сихъ наборахъ чѣмъ-нибудь отъ крестьянъ интересоваться, то и имѣлъ только при томъ превеликое безпокойство и принужденъ проводить многіе часы сряду въ превеликой духотѣ въ комнатахъ, набитыхъ множествомъ крестьянъ, страдавшихъ душевно съ семействами тѣхъ, коимъ по очереди доставалось итти въ рекруты.

Наконецъ, въ исходѣ декабря, наступило и то время, въ которое назначенъ опять всему дворянству съѣздъ для выбора судей новыхъ, и мы услышали, что приѣхалъ для сего въ Тулу и самъ намѣстникъ. Какъ мнѣ до него была опять надобность и надлежало не только отвезти всѣ собранныя деньги, но отдать и отчетъ во всемъ томъ, что мною исполнено (къ тому-жъ, писалъ во мнѣ и командиръ мой г. Давыдовъ, чтобъ я приѣхалъ въ Тулу), то и отправился я туда къ тому времени, какъ надлежало начаться выборамъ, и расположился въ сей разъ, для лучшей свободы въ своихъ дѣлахъ и упражненіяхъ, квартировать у знакомаго своего Пастухова.

Мое первое дѣло было, по приѣздѣ въ Тулу, явиться у своего командира г. Давыдова и донести ему обо всемъ мною, съ отбытія его отъ насъ, сдѣланномъ, а потомъ явиться и къ самому намѣстнику. Сей принялъ меня по прежнему очень благосклонно и былъ доволенъ всѣмъ, что

мною ни было сдѣлано, и говорилъ мнѣ, чтобъ я пожилъ во все время въ Тулѣ, не только взявъ во всѣхъ будущихъ увеселеніяхъ, но и въ самихъ выборахъ соучастіе, и спросилъ меня, въ которомъ уѣздѣ имѣю я настоящее свое жителство. И узнавши, что въ Алексинскомъ, ибо наше селеніе, по вновь сдѣланному между уѣздами раздѣленію, вошло уже въ предѣлы Алексинскаго уѣзда, сказалъ, чтобы по моему уѣзду я баллотировалъ вмѣстѣ съ прочими. А сіе и принудило меня почти противъ хотѣнія сіе дѣйствительно исполнить.

Выборъ сей производимъ былъ все еще въ прежней красной палатѣ, ибо вновь строящіяся для присутственныхъ мѣстъ огромныя изъ камня корпусы не были еще совсѣмъ готовы; уѣздныя же баллотированія производимы были, для лучшей удобности, въ разныхъ домахъ. Итакъ, и впервые еще тогда имѣлъ соучастіе въ выборахъ, при которыхъ имѣлъ случай ознакомиться не только со всѣми ишими Алексинскими дворянами, но и со многими другими и, между прочимъ, мною узнать и усерднаго своего и давняго корреспондента Василія Алексѣевича Левшина и свести съ нимъ дружбу, которая у насъ съ нимъ и понынѣ еще продолжается.

Что касается до моей квартиры, то она была для меня не только спокойна, но и весела тѣмъ, что какъ хозяинъ мой былъ тогда у оружейниковъ головою, то по вечерамъ бывали у него превеликія сходбища лучшихъ людей изъ оружейниковъ, съ которыми, какъ съ любопытными людьми, не было никогда мнѣ скучно проводить свое время.

Какъ все сіе было уже при самомъ концѣ 1783 года, а письмо мое достигло до своихъ почти предѣловъ, то окончу и я сими сіе мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Генваря 26-го дня 1810 года).

1784 годъ.

Письмо 216-е.

Любезный пріятель! Такимъ образомъ прошедшій годъ кончилъ, а новый 1784 годъ началъ я провождать, находясь въ Тулѣ одинъ, безъ жены и дѣтей, которыхъ оставилъ въ Богородицѣ. Мое первое дѣло было въ первый день сего года, чтобъ ѣхать на поклонъ и поздравленіе съ новымъ годомъ къ намѣстнику, гдѣ наполовъ я страшное множество дворянъ и судей, съѣхавшихся къ нему за тѣмъ же. Потомъ ѣздили мы всѣ въ соборъ къ обѣднѣ, гдѣ божественную службу отправлялъ тогда, пріѣзжавшій къ тому случаю, самъ старичокъ, нашъ воломенскій архіерей Феодосій. Обѣдать же удался я къ другу моему и прежнему хозяину Алексію Андреяновичу Албычеву, обрадовавшемуся тогда, что онъ освободился наконецъ отъ гражданской службы и собравшемуся ѣхать въ свою деревню, для доживанія послѣднихъ дней своихъ въ мирѣ, тишинѣ и покоѣ. Тутъ по всегдашней его ко мнѣ пріязни обѣдъ былъ для меня пріятнѣйшій, нежели въ какихъ вельможескихъ чертогахъ. Тутъ не было никакой принужденности и этикетовъ. Не многіе изъ нашихъ общихъ друзей и знакомцевъ собесѣдовали съ нами, и дружескіе разговоры и шутки улаждали намъ яствы. Послѣ обѣда съѣздилъ я на свою квартиру для небольшого отдохновенія. По наступленіи вечера, поѣхалъ въ маскарадъ, гдѣ наполовъ превеликое множество съѣхавшагося дворянства обою пола; гдѣ находясь, пожалѣлъ я, что не взялъ съ собою также въ Тулу и своей жены и дочери. Для сей послѣдней могъ бы сей случай быть бесполезенъ въ томъ отношеніи, что пришла она уже въ совершенный почти возрастъ и могла быть уже невѣстою. И какъ она была собою очень недурна и разцвѣтала тогда какъ роза, то мнѣ не стыдно-бы было показаться съ нею въ публикѣ. Итакъ, могла-бы она легко, по красотѣ своей, сдѣлаться пріятною и обратить на себя взоры всего

молодаго нашего тульскаго дворянства и подать поводъ къ сватовствамъ. Но съ другой стороны, вѣдавъ характеръ нашего намѣстника и особенную его во всѣмъ красавицамъ приверженность, радъ былъ, что ее тутъ не было, а то легко бы могло что-нибудь подать поводъ къ злословіямъ и послужить ей ко вреду. Но какъ бы то ни было, но я былъ безъ нихъ и одинъ, и какъ въ гѣсу, между множествомъ по большей части мнѣ незнакомаго дворянства, почему, не находя дальнаго въ тѣснотѣ сей удовольствія, я радъ былъ, что маскарадъ продолжался недолго и всѣ стали разѣзжаться рано.

Такимъ же образомъ въ непрерывныхъ разѣздахъ то туда, то сюда, на вечеринкахъ то у намѣстника, то у командира моего г. Давыдова, то у другихъ разныхъ особъ, провелъ я и всѣ послѣдующихъ три остальныхъ дня нашихъ святокъ, которыя, несмотря на непрерывные разѣзды и биванія у многихъ въ гостяхъ, были мнѣ далеко не таково пріятны, какъ бы бывали въ прежніе годы въ Богородицѣ во время дружескаго нашего со всѣми судьями сожительства. Я болѣе отъ ѣзды сей со всегдашней принужденности уставалъ, нежели почувствовалъ удовольствіе, почему, желая отдохнуть, не поѣхалъ даже въ театръ, тогда бывшій.

Наконецъ кончилисъ наши святки и наступило 5-е число января и какъ въ сей день на силу попалъ у досужнаго намѣстника заняться нашими волостными дѣлами и объ нихъ со мною въ кабинетѣ своемъ поговорить, то и провели мы съ нимъ въ томъ болѣе часа времени. И ему доносилъ какъ о всѣхъ распоряженіяхъ мною сдѣланныхъ, такъ и о прочемъ, что исполнено мною, по его приказанію, и онъ совершенно былъ всѣмъ доволенъ и, приказавъ мнѣ еще кое-что вновь, отпустилъ меня отъ себя, очаровавъ меня вновь своимъ ко мнѣ благоволеніемъ. И какъ мнѣ послѣ сего не оставалось ничего болѣе въ Тулѣ дѣлать и я сего только дождался, то, возвратясь отъ него на свою квартиру и пообедавъ, пустился еще въ

тотъ же день въ любезный свой Богородицкѣ.

Я пріѣхалъ туда на Крещеніе еще до свѣта и нашолъ всѣхъ своихъ домашнихъ въ добромъ здравьи и успѣлъ еще съ ними побывать у обѣдни и на водоосвященіи, производимомъ у насъ на прудѣ съ нарочитымъ великолѣпіемъ, и потомъ обѣдать и поиршествовать вмѣстѣ съ ними у нашего городничаго. И какъ тутъ, равно какъ и въ церкви, имѣлъ я случай видѣть всѣхъ нашихъ новыхъ судей, то, не ходя далѣе и замѣчу я здѣсь, кто-и-кто они были въ сей третій числомъ выборъ, и какая перемена произошла оттого въ нашемъ бывшемъ до того пріятномъ Богородицкомъ общежительствѣ.

Мы лишились въ сей разъ своего уѣзднаго судьи г-на Арсеньева, жившаго всѣхъ прочихъ лучше и потому въ общежительствѣ нашемъ занимавшаго первое мѣсто. Уѣзднымъ судьей избранъ былъ бывший до того исправникомъ г. Пушкинъ, Петръ Семеновичъ, человекъ хотя добрый и пріятный въ компаніи, но очень небогатый и не живавшій до того никогда въ городѣ, или когда и живавшій, но одинъ; каковую жизнь продолжалъ онъ, сдѣлавшись и уѣзднымъ судьей. Засѣдателями его остались прежніе: одинъ изъ нихъ былъ г. Карповъ, Иванъ Петровичъ, человекъ небогатый, особеннаго поведенія и непринужденнаго никогда къ нашему обществу, а другой другъ мой, Сергій Ильичъ Шушеринъ. Относительно до сего, какъ всегдашняго нашего собесѣдника и компаніона, мы-было обрадовались, что онъ остался. Но, увидѣвъ послѣ, что и онъ не соотвѣтствовалъ уже нашему желанію, не сталъ болѣе жить въ городѣ съ своею женою, а расположился жить болѣе дома и въ городъ пріѣзжать только для присутствія и жить, по примѣру холостыхъ, уединенно на квартирѣ въ городѣ,—итакъ лишились мы и сего дома. Исправникомъ избранъ былъ г. Дьяковъ, Михаилъ Григорьевичъ, женившійся недавно на младшей сестрѣ г. Албычева, Татьянѣ Андреевнѣ; но сей живалъ еще меньше прежняго въ городѣ, и мы его

почти въ глаза не видали. Въ засѣдатели же къ нему избранъ былъ одинъ, совсѣмъ новый, молодой и недавно также женившійся на знакомой намъ дѣвушкѣ, племянницѣ родной Николая Сергѣевича Арсеньева, и мы рады были, что хотя сей съ молодой своею женою расположился жить у насъ въ городѣ. Другой же былъ нѣкто Ивашкинъ, человекъ бѣдный, негоднаго и такого характера, котораго никогда не удостоивали своего общества. Къ вѣщшему несчастію переменяли у насъ опять казначея и опредѣлили прежняго Писарева, человекъ больше мотоватаго и гуляку, и также холостаго и недѣлашаго намъ всегдашняго компаніи. Что же касается до обоихъ приставовъ, виннаго и солянаго, то были они прежніе, два брата Вякулины, дѣлавшіе намъ, по крайней мѣрѣ, хорошими своими характерами компанію; и какъ одинъ изъ нихъ женился, то мы были и тому рады.

Итакъ, все наше общежительство, потерявъ уже много и при второмъ выборѣ, сдѣлалось при семъ еще того тоньше и состояло уже только изъ моего дома, дома нашего городничаго, дома обоихъ приставовъ, дома г. Чулкова, дома госпожи Алабьевой и старушки Марьи Юрьевны, бывшей казначейши; прочіе же — всѣ были холостые.

Со всѣмъ тѣмъ, всѣ первые дни послѣ Крещенія, когда новые судьи вступали въ должность, а старые собирались въ отъѣздъ, препроводили мы довольно весело и въ ежедневныхъ почти свиданіяхъ и угощеніяхъ. Къ сему мнѣ вспомоществовало и то, что съ одной стороны пріѣзжали ко мнѣ въ сіе время многіе гости, а особливо г. Сахаровъ съ своимъ семействомъ и г. Ушаковъ, Христофоръ Александровичъ, а съ другой стороны то, что жилъ тогда, по близости нашего города, сдѣлавшійся тогдашнимъ виннымъ откупщикомъ, тульскій помѣщикъ Иванъ Васильевичъ Хомяковъ, любезный, добрый и такой человекъ, который любилъ компанію и частыя у себя всѣхъ насъ угощенія, и котораго пріязню мы всегда бывали до-

вольны и всегда, когда ни случалось ему въ тутошней деревнѣ жить, не рѣдко къ намъ ѣзжалъ, и у себя угощали съ удовольствіемъ.

Наконецъ, распрощались мы и проводили отъѣзжающаго отъ насъ со всѣмъ домою своимъ нашего прежняго судью г-на Арсеньева. И не успѣли въ помянутыхъ ежедневныхъ свиданіяхъ препровести недѣли полторы времени, и отъ нихъ еще не отдохнули, какъ 16-го числа, ни-думано ни-гадаю, пріѣхалъ къ намъ опять мой командиръ г. Давыдовъ и пріѣздомъ своимъ подалъ намъ опять поводъ къ маленькимъ нашимъ пиршествамъ, дѣлаемымъ для угощенія его въ домахъ нашихъ.

Въ сей разъ пріѣзжалъ онъ къ намъ на самое короткое время и по директорской своей должности, для открытія въ нашемъ городѣ вновь дозволеннаго трактира, почему и пробылъ у насъ сутокъ двое, въ которые мы съ городничимъ и угощали его у себя попеременно, съ приглашеніемъ къ себѣ и всѣхъ прочихъ судей и всѣхъ его натурально уважающихъ людей. Потому и сіи дни проведенны были довольно весело, а особливо по бывшимъ во время сихъ сѣздовъ играмъ въ карты.

Впрочемъ, какъ и мы около сего времени помышляли о томъ, чтобы намъ опять въ Москву для разныхъ покупокъ и другихъ надобностей сѣздить, и я только что собирался писать по сему моему командиру и просить на то позволенія, — то пріѣздъ его въ сей разъ случился для насъ и очень кстати. И я, при отъѣздѣ его отъ насъ, и получилъ на то его позволеніе, съ тѣмъ, чтобы, ежели хотимъ, то прожить въ Москвѣ хотя и самую масляницу, что намъ было и пріятно.

Итакъ, проводивъ его отъ себя, начали мы повемногу всѣе путешествіе собирать. И дней черезъ пять послѣ того, оставивъ матушку, тещу мою, съ малолѣтними дѣтьми моими дома, а старшихъ обоихъ двухъ взявъ съ собою, 24-го января въ сей путь и отправились.

По пріѣздѣ въ Тулу, не засталъ я

командира моего, съ которымъ надобно мнѣ было видѣться въ городѣ. Принужденъ я былъ жену съ дѣтьми отпустить впередъ въ Федешево, а самому остаться съ своимъ обозомъ въ Тулѣ, чтобы дожидаться онаго. И повидавшись съ нимъ и переговоривъ о чемъ было надобно, поѣхалъ уже на другой день вслѣдъ за ними, и напелъ ихъ, ожидающихъ меня въ Федешевѣ у родныхъ нашихъ Кислинскихъ.

Тутъ застали мы и тетку Матрену Васильевну, гостившую у своей замужней дочери. И какъ сей восхотѣлось, чтобы мы взяли съ собою въ Москву и меньшую ея дочь Александру Андреевну, а у насъ случилось въ повозкѣ порожнее мѣсто, — то и сдѣлали мы ей сіе удовольствіе и взяли сію дѣвушку съ собою, хотѣвшую также видѣть Москву и взять въ тамошнихъ увеселеніяхъ соучастіе.

Отправившись оттуда и пріѣхавши на заводъ, для тогдашнихъ глубокихъ снѣговъ и дурноты пріѣзда, мы въ Дворениново свое не заѣзжали. А выкормивши тамъ на заводѣ лошадей и отправивъ племянника своего къ отцу для свиданія, продолжали свой путь безъ остановки и 29-го числа въ Москву и пріѣхали.

Поелику у насъ не было въ сей разъ приискано и нанято заблаговременно квартиры, то случилось намъ на первый случай пристать въ одномъ отысканномъ въ скорости домѣ, при самомъ въѣздѣ въ Москву, на Серпуховской улицѣ, и вплоть почти подлѣ дома знакома и пріятеля нашего Стратона Ивановича Сахарова. Но какъ квартирою своею были мы не весьма довольны, то употребили весь послѣдующій день на приисканіе лучшей. Но всѣ наши старанія о томъ были тщетны: домовъ хотя много нашли, но всѣ были не по насъ — либо слишкомъ велики, либо слишкомъ холодны и безпокойны. Потому, а болѣе, по убѣжденію сосѣдей своихъ Сахаровыхъ, рѣшились уже остаться на прежней, и были тѣмъ послѣ очень довольны, а особливо потому, что сей случай увеличилъ наше знакомство и дру-

жбу съ домою г. Сахарова, котораго все семейство обходилось съ нами, какъ съ родными: то-и-дѣло насъ угощали то обѣдами, то ужинами, да и прочимъ. Видаюсь съ нами ежедневно, имѣли мы случай со многими прїѣхавшими къ намъ гостями познакомиться и были всегда въ хорошемъ обществѣ.

Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ было не долговременное, ибо какъ прїѣхали мы въ нее уже въ началѣ Пѣстрой недѣли, то и удалось намъ прожить въ ней только двѣ недѣли, которое время провели мы въ непрерывныхъ почти развѣздахъ по гостямъ и отиѣнно весело. Такъ случилось, что мы нашли тутъ опять нашихъ кашинскихъ родныхъ, прїѣхавшихъ также въ Москву незадолго до насъ, для препровожденія въ ней масляницы. И племянница моя Надежда Андреевна не успѣла узнать о нашемъ прїѣздѣ, какъ въ тотъ мигъ и прїлетѣла къ намъ для свиданія съ сестрою своею Любовью Андреевною. И съ того времени мы почти всякой день были съ ними неразлучны.

Мы возобновили тотчасъ по-прежнему свиданія со всѣми нашими прежними друзьями и знакомцами. Но и кромѣ того имѣли отиѣнно частыя свиданія съ князевскими нашими прежними друзьями и знакомцами, случившимися тогда быть въ Москвѣ, а особливо съ г. Кологривовымъ, Николаемъ Ивановичемъ, жившимъ тогда неподалеку отъ насъ, что и подавало намъ случай къ частымъ свиданіямъ и къ прїятному препровожденію съ ними времени. Не позабыть былъ также и домъ г. Давыдова, Андрея Петровича: и хотя имѣлъ свой домъ и недалеко отъ насъ, но не одинъ разъ бывали мы у него и не одинъ вечеръ провели по-прежнему въ танцахъ. Въ сихъ какъ-то случалось намъ отиѣнно часто заниматься, ибо куда ни прїѣзжали по вечерамъ, какъ находили, ровно какъ нарочно для насъ собранія, ужины и танцы, такъ что даже и у самой старушки нашей тетки г-жи Арсеньевой нашли мы, прїѣхавъ къ ней, гремашую

музыку и танцы, по случаю дѣланія ею для прїятелей своихъ вечеринки и ужина. При которомъ случаѣ познакомились мы еще съ домою князя Алексѣя Ивановича Гагарина, отиѣнно меня приглашавшаго, и съ которымъ мы тогда условились ѣхать вмѣстѣ смотрѣть невиданнаго еще до того Московю зрѣлища, а именно — пусканіе воздушнаго шара, которые начали тогда только гремѣть въ свѣтѣ.

Опытъ сей дѣланъ былъ въ Москвѣ еще въ первый разъ какимъ-то французомъ и былъ хотя не совсѣмъ удаченъ, но доставилъ намъ симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ превеликое удовольствіе. Мѣсто избрано было къ тому въ полѣ за Сушовомъ, и стеченіе народа, хотѣвшаго сіе видѣть, было несмѣтное. Одного дворянства съѣхалось нѣсколько сотъ человекъ. Всѣ мы были впущены въ просторный кругъ, обведенный толстымъ канатомъ, а посреди онаго воздвигнута была нѣкотораго рода высокая осьмиугольная башня изъ большихъ рогожныхъ щитовъ, внутри которой наполнили шаръ горячимъ воздухомъ. Нѣсколько сотъ каретъ стояло вокругъ сего большаго круга съ безчисленными множествомъ чорнаго народа, ожидавшаго вмѣстѣ съ ними нѣсколько часовъ появленія изъ башни надувшагося огромнаго шара, который сдѣланъ былъ полосатый изъ тафты двоякаго цвѣта. И прїятно было смотрѣть, какъ онъ сталъ выгнзаться изъ оной и подниматься на воздухъ, но, по несчастію пускальщика и по неосторожности его, какимъ-то образомъ онъ при самомъ уже отрѣзываніи его внизу загорѣлся, почему и вышелъ онъ хотя надменный, но съ исходящимъ изъ него прегустымъ темнымъ дымомъ. И поднявшись сажень на 50 къ верху, повесенъ былъ вѣтромъ въ сторону и упалъ тотчасъ позади каретъ и народа на землю, а чрезъ сіе и не имѣли мы удовольствія видѣть въ самой высотѣ воздуха. Совсѣмъ тѣмъ, зрѣлище сіе было прекрасное и впечатлѣлось въ умъ моему такъ сильно, что могъ я все оное

потомъ и въ точнѣйшемъ видѣ изобразить на картинѣ, которая и понынѣ еще украшаетъ стѣны моей гостиной и служить памятникомъ тогдашняго нашего въ Москвѣ пребыванія.

Пронсходило сіе 9-го числа февраля, случившагося уже тогда въ пятницу тогдашней масляницы. И сей день въ особенности достопамятенъ былъ намъ тѣмъ, что поутру ѣздили мы смотрѣть сіе зрѣлище, а ввечеру въ большой здѣшній маскарадъ. Обѣдали же всѣ у новаго своего знакома г. Титова, Петра Алексѣевича.

Съ симъ домою познакомили насъ Кологривовы—и по особливому поводу. Какъ у жены сего богача, Татьяны Алексѣевны, былъ еще не женатый и очень богатый достаткомъ своимъ братъ, котораго сестрѣ охотно женить хотѣлось, а онъ, не избравъ себѣ невѣсты, пропустилъ наилучшіе годы своей жизни и даже состарился,—то хотѣлось сей госпожѣ, бывшей знакомою Кологривовыхъ и видѣвшей у нихъ мою дочь, испытать, не прельститъ ли она его своею красотою. По которой причинѣ и просила она госпожу Кологривову познакомить ее съ нами короче. А сія, любя насъ и желая дочери всего благополучія въ свѣтѣ и вошла-было въ посредничество при семъ затѣвасомъ сватовствѣ, и дабы дать случай состарѣвшемуся жениху ее видѣть, то для самаго того и званы были мы въ сей день къ г. Титову обѣдать. Я, зная отчасти о семъ ихъ замыслѣ, хотя внутренно тому смѣялся, ибо и въ мысляхъ не имѣлъ жертвовать дочерью своею единому богатству,—однако, по убѣжденіямъ жены и прочихъ родныхъ моихъ, не отрекся отъ сего приглашенія. Но, во счастію, изъ дѣла сего ничего не вышло. Господину жениху показалась моя дочь слишкомъ молода или ваче не богата, поелику онъ, при всемъ своемъ богатствѣ, былъ превеликой скряга и скупецъ, а ей самой казался слишкомъ уже старъ и дуренъ во всѣхъ отношеніяхъ. Итакъ, сіе дѣло и не начало даже клевется. Но не смотря на сіе,

домъ г. Титова остался намъ съ сего времени навсегда знакомымъ и дружнымъ.

Симъ образомъ провели мы всю тогдашнюю масляницу очень весело и ѣздили не только всюду-и-всюду по гостямъ, но были однажды и въ театрѣ и два раза въ маскарадѣ, въ которые ѣздили мы, собравшись цѣлою компанією, и пробывали на нихъ даже за полночь. А въ субботу давалъ сосѣдъ нашъ г. Сахаровъ у себя балъ, и мы весь вечеръ протанцовали и проигривали у него.

Словомъ, ни въ который пріѣздъ мы такъ много не веселились, какъ въ сію нашу въ Москвѣ бытность, и никогда такъ много развѣздами и увеселеніями не занимались, какъ въ сей разъ. Однако же не позабываемы были и прочія наши дѣла и нужды. Жена моя не одно утро провела въ рядахъ для исправленія своихъ женскихъ покупокъ и оставила въ нихъ не одну, а много сотенъ рублей. А я, пользуясь симъ свободнымъ временемъ, ѣзжалъ по своимъ дѣламъ также въ городъ и не одинъ разъ видѣлся съ Ридигеромъ и г. Новиковымъ. У перваго набралъ я опять множество книгъ для пересматриванія, а потомъ и купилъ опять нѣсколько и, между прочими, славныя тогда и дорогія сочиненія г. Гиршфельда «О садахъ»; а второй обрадовалъ меня извѣщеніемъ, что книга моя «О благополучіи» была уже совсѣмъ напечатана и только не подшита, и что онъ вслѣдъ за мною отправитъ всѣ слѣдующіе мнѣ экземпляры оной. Дружба и ласки сего человѣка ко мнѣ продолжались по-прежнему. Но какъ онъ ни старался уговаривать меня, чтобъ я когда-нибудь пріѣхалъ къ нему на вечерокъ, но я, вѣдая, что по вечерамъ бываютъ у него собранія сокровенныя по ихъ сектѣ, и опасаясь, чтобъ не могли они меня какимъ-нибудь образомъ и противъ хотѣнія моего втянуть въ свое общество, всегда извинялся недосугами и за правило себѣ поставилъ ѣздить къ нему всегда по-утрамъ, когда у него ничего не было.

жбу съ домою г. Сахарова, котораго все семейство обходилось съ нами, какъ съ родными: то-и-дѣло насъ угощали то обѣдами, то ужинами, да и прочимъ. Видаюсь съ нами ежедневно, имѣли мы случай со многими пріѣхавшими къ нимъ гостями познакомиться и были всегда въ хорошемъ обществѣ.

Пребываніе наше въ сей разъ въ Москвѣ было не долговременное, ибо какъ пріѣхали мы въ нее уже въ началѣ Пѣстрой педѣли, то и удалось намъ прожить въ ней только двѣ недѣли, которое время провели мы въ непрерывныхъ почти разъѣздахъ по гостямъ и отиѣнно весело. Такъ случилось, что мы нашли тутъ опять нашихъ кашинскихъ родныхъ, пріѣхавшихъ также въ Москву незадолго до насъ, для препровожденія въ ней масляницы. И племянница моя Надежда Андреевна не успѣла узнать о нашемъ пріѣздѣ, какъ въ тотъ мигъ и прілетѣла къ намъ для свиданія съ сестрою своею Любовью Андреевною. И съ того времени мы почти всякой день были съ ними неразлучны.

Мы возобновили тотчасъ по-прежнему свиданія со всѣми нашими прежними друзьями и знакомцами. Но и кромѣ того имѣли отиѣнно частыя свиданія съ кіасовскими нашими прежними друзьями и знакомцами, случившимися тогда быть въ Москвѣ, а особливо съ г. Кологривымъ, Николаемъ Ивановичемъ, жившимъ тогда неподалеку отъ насъ, что и подавало намъ случай къ частымъ свиданіямъ и къ пріятному препровожденію съ ними времени. Не позабыть былъ также и домъ г. Давыдова, Андрея Петровича: и хотя имѣлъ свой домъ и недалеко отъ насъ, но не одинъ разъ бывали мы у него и не одинъ вечеръ провели по-прежнему въ танцахъ. Въ сихъ какъ-то случалось намъ отиѣнно часто заниматься, ибо куда ни пріѣзжали по вечерамъ, какъ находили, ровно какъ нарочно для насъ собранія, ужины и танцы, такъ что даже и у самой старушки нашей тетки г-жи Арсеньевой нашли мы, пріѣхавъ къ ней, гремящую

музыку и танцы, по случаю дѣланія ея для пріятелей своихъ вечеринки и ужина. При которомъ случаѣ познакомились мы еще съ домою князя Алексѣя Ивановича Гагарина, отиѣнно меня приглашавшаго, и съ которымъ мы тогда условились ѣхать вмѣстѣ смотрѣть невиданнаго еще до того Московю зрѣлища, а именно — пусканіе воздушнаго шара, которые начали тогда только гремѣть въ свѣтѣ.

Опытъ сей дѣланъ былъ въ Москвѣ еще въ первый разъ какимъ-то французомъ и былъ хотя не совсѣмъ удаченъ, но доставилъ намъ симъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ превеликое удовольствіе. Мѣсто избрано было къ тому въ полѣ за Сушовомъ, и стеченіе народа, хотѣвшаго сіе видѣть, было несмѣтно. Оного дворянства съѣхалось нѣсколько сотъ человѣкъ. Всѣ мы были впускены въ просторный кругъ, обведенный стѣнкою изъ стѣнканыхъ канатомъ, а посреди онаго двигнута была нѣкотораго рода вышесъ осьмиугольная башня изъ большихъ годныхъ щитовъ, внутри которой вѣшали шаръ горячимъ воздухомъ. Сколько сотъ каретъ стояло вокругъ большаго круга съ безчисленнымъ множествомъ чорнаго народа, досада вѣстѣ съ ними нѣсколько появленія изъ башни надуваемаго ромнаго шара, который сдѣланъ былъ полосатый изъ тафты двойкаго и пріятно было смотрѣть, какъ онъ выѣзжалъ изъ оной и поднималъ воздухъ, но, по несчастію пусканія и по неосторожности его, какъ разомъ онъ при самомъ уже выѣздѣ его внизъ загорѣлся, почешель онъ хотя надменный, и падающимъ изъ него прегустымъ дымомъ. И поднявшись съ земли къверху, понесенъ былъ вѣтромъ и упалъ тотчасъ позади народа на землю, а чрезъ сіе мы удовольствія видѣть въ свѣтѣ воздуха. Совсѣмъ тѣмъ было прекрасное и впечатлѣніе моею такъ сильно, что и

Кромѣ сего, удалось мнѣ побывать и въ межевой канцеляріи, для распровѣдыванія о томъ, въ какомъ положеніи находилось наше межевое дѣло по Шадской деревнѣ? И узналъ, что планы тамъ со всѣхъ мѣстъ сняты и что происходили многіе споры и страшная такая путаница, что землемѣръ Тарховъ былъ не радъ жизни, что принужденъ былъ посылать другого межевщика Сатина, и что сей также, со многими хлопотами дѣло сіе кончилъ и планы представилъ въ межевую канцелярію. Но она еще въ разсматриваніе ихъ не входила и едва ли не отошлетъ въ тамбовскую межевую контору, находившуюся тогда въ городѣ Боздовѣ, и предоставитъ дѣло сіе сужденію оной. Все сіе хотя меня не радовало, но и не печалило, а принуждало вновь вооружиться терпѣніемъ и смотреть, чтѣ будетъ.

Наконецъ, кончилась наша бѣшеная и сумасбродная масляница и наступилъ великій постъ. И тогда не стали мы уже ни минуты долѣ медлить, а исправивъ достальныя покупки и распрощавшись со всѣми нашими друзьями и кашинскими родными, общавшимися къ намъ въ сіе гѣто пріѣхать, простылись съ Москвою во вторникъ на первой недѣлѣ поста, бывшій тогда 13-го февраля.

О семъ обратномъ путешествіи замѣчу я только то, что дорога была очень дурна и отъ множества ухабовъ крайне безпокойна. Въ деревню свою опять мы, для стѣговъ, не заѣзжали, а объѣдали на заводѣ, куда къ намъ выѣзжалъ братъ Михайло Матвеевичъ и везъ съ собою къ намъ опять своего сына. Въ Федешовѣ же у нашихъ родныхъ Кислинскихъ принуждены мы были даже дневать и взять отдохновеніе: такъ растрясла и расколотила насъ дорога! Тутъ, пользуясь сѣмъ досугомъ и желая удовлетворить любопытство козянна, нарисовалъ я впервые ему, сухими красками, изображеніе пусканія въ Москвѣ шара, которая картина цѣла у него и поннѣ еще въ Федешовѣ. А отправившись изъ Федешова и появившись въ Тулѣ съ г. Давыдо-

вымъ, пріѣхали мы благополучно назадъ въ свой Богородицкъ, въ понедѣльникъ второй недѣли, и нашли тутъ всѣхъ своихъ въ добромъ здоровьѣ, а городскихъ нашихъ друзей, обрадовавшихся нашему пріѣзду и тотчасъ насъ посѣтившихъ.

Такимъ образомъ, кончивъ благополучно свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія свои упражненія, а особливо за сочиненіе своего «Магазина», и занимался симъ во все теченіе великаго поста съ такою прилежностію, что успѣлъ опять наготовить матеріала на нѣсколько мѣсяцевъ и тѣмъ себя на всю весну обезпечить. Между тѣмъ не позабыты были также и краски, а особливо сухія: не одну, а нѣсколько картинъ нарисовалъ я ими. На сей разъ и прежде всего — самое то изображеніе спусканія шара, которое и поннѣ еще украшаетъ мои стѣны; также образа Спаса и Богородицы, стоящіе нынѣ въ залѣ.

Кромѣ сего, имѣлъ я неизъяснимое удовольствіе видѣть книгу свою «О благополучіи», наконецъ напечатанную. Г. Новиковъ не преминулъ тотчасъ прислать ко мнѣ выговоренные экземпляры, и я не могъ книгою сею довольно налюбоваться и благодарить Господа, что Онъ удостоилъ, наконецъ, сей мой трудъ быть напечатаннымъ, слѣдовательно быть чрезъ то увѣковѣченнымъ. И достопамятно: что не успѣлъ я оной получить, какъ явился случай въ Коломнѣ, и мнѣ восхотѣлось однимъ экземпляромъ подарить давнишняго своего знакомаца отца Геронима, бывшего тогда уже іеромонахомъ. И подарокъ сей былъ ему крайне полезенъ и книга сія надъ первымъ надъ нимъ оказала свое дѣйствіе и помогла ему себя исправить и преодолѣть страсть, его губившую. Не могу изобразить, съ какимъ удовольствіемъ читалъ я впоследствии времени его о томъ увѣдомленіе и тѣ благодаренія, имъ мнѣ за то приносимыя. Не съ меньшимъ удовольствіемъ читалъ я и то крайне лестное для меня одобреніе моей книги, которое напечатано было въ газетахъ при объявленіи о прода-

жѣ оной; словомъ, для меня эпоха сія была очень достопамятная и важная.

Впрочемъ, занимался я въ сіе время, а особливо предъ наступленіемъ весны, чтеніемъ новокупленныхъ книгъ, а особливо садовыхъ г. Гиршфельда, которыя такъ меня собою очаровали, что я, начавши оныя читать, не выпустилъ ихъ почти изъ рукъ, покуда не прочелъ всѣхъ оныхъ. И особливого замѣчанія достойно, что самыя сіи книги и преобразили совсѣмъ мои виды относительно до садовъ. И какъ до сего времени привержень я былъ къ системѣ Ленотровой и любилъ сады регулярныя, такъ, напротивъ того, въ сіе время ихъ совсѣмъ разлюбилъ и получилъ вкусъ въ садахъ новыхъ, названныхъ садами иррегулярными, натуральными, ибо английскими сады сего рода грѣшно было называть. И г. Гиршфельдъ умѣлъ такъ меня ими прельстить, что я съ того времени дышалъ почти желаніемъ видѣть садъ, по симъ правиламъ расположенный. А какъ желаніе нашего намѣстника, чтобъ завести садикъ подлѣ дворца богородицкаго, было къ тому очень кстати и предлагало мнѣ нанудобнѣйшій къ практикованію себя въ семъ совсѣмъ новомъ искусствѣ случай,—то и рѣшился я садъ сей основать и расположить не иначе, какъ въ семъ новомъ вкусѣ. А потому и сталъ съ превеличайшею уже нетерпѣливостію дожидаться наступленія весны, чтобъ тотчасъ симъ дѣломъ заняться. Но и до того еще времени образовалъ многія части онаго въ своемъ воображеніи и располагалъ въ мысляхъ, гдѣ бы что нанудобнѣе было сдѣлать.

Итакъ, не успѣла весна вскрыться, а мы отпраздновать свою Святую недѣлю, случившуюся въ семъ году въ началѣ апрѣля,—какъ и приступилъ я къ сему важнѣйшему и многодѣльнѣйшему труду во все мое пребываніе въ Богородицкѣ. Мое первое дѣло было объѣхать всѣ обнажившіеся отъ снѣга высокіе и безпорядочнѣйшіе берега и горы, прикосновенные съ нашей стороны къ большому предъ дворцомъ находящемуся пруду. И на всякомъ мѣстѣ останавливался смотрѣть и

сообразаться съ мыслями о томъ, къ чему бы которое мѣсто было способнѣе и гдѣ бы произвестъ мнѣ водяныя, гдѣ лѣсныя, гдѣ луговныя украшенія, гдѣ обдѣлать, сообразно съ новымъ видомъ, бугры и горы, гдѣ произвестъ каменные осыпи, гдѣ проложить широкія, удобныя для ѣзды, и гдѣ узкія, назначаемыя для одного только хода, дороги и дорожки, гдѣ смастерить разныхъ родовъ мосточки, и потомъ гдѣ-бъ со временемъ произвести и разныя садовыя зданія и отдыхалицы, и прочее тому подобное. Все сіе, объѣгая и ходя пѣскольکو дней сразу по всѣмъ симъ неровнымъ мѣстамъ, не только я придумывалъ, но въ мысляхъ своихъ изображалъ ихъ уже въ томъ видѣ, какой должны они получить по отдѣлкѣ и разросшися. И не успѣвала какая отъиная мысль родиться въ моемъ воображеніи, какъ спѣшилъ уже я изображать ее на бумагѣ не планами и не обыкновенными садовыми чертежами, а ландшафтными и тѣми разнообразными садовыми сценами, какія должны были впродъ имѣть и въ самой натурѣ свое существованіе.

Сообразившися симъ образомъ съ мыслями, подѣлавъ въ воображеніи своемъ цѣлыя сотни разныхъ затѣвъ и набравъ всю голову свою множествомъ разнообразныхъ сценъ и будущихъ видовъ,—приступилъ я къ производству ихъ въ самое дѣйствіе. И какъ скоро земля сколько-нибудь обсохла и можно было уже работать, то, учинивъ нарядъ съ волости множества работныхъ людей безъ лошадей и съ лошадьми и назначивъ саженью мѣста, гдѣ чему быть,—велѣлъ я кому сравнивать и раскапывать мѣста, бугры и горы, кому рыть углубленія для водоемовъ, кому обнажать и обрывать горы съ ново-открытыми и прекрасными мраморными песками, кому дѣлать набережныя, кому срывать косогорье и проводить дороги, кому возить деревья изъ лѣсу, кому возить каменя для обдѣлки новыхъ мѣстъ, кому садить и поливать оныя. И между тѣмъ, какъ все сіе и прочее, тому подобное, по указанію и наставленію моему, производимо было садов-

никами и солдатами, служившими приставами надъ работниками,—самъ я наиболѣе занимался важнѣйшими и такими дѣлами, которыя никто, кромѣ меня, не могъ производить въ дѣйство.

Къ симъ относился, во-первыхъ, главнѣйшій нашъ славный водоводъ, который вздумалъ и отважился я сдѣлать, ибо такъ хотѣлось мнѣ неотмѣнно произвести въ саду семь и разныя водяныя украшенія, которыя, какъ извѣстно, наиболѣе ихъ собою украшать могутъ, горы же и бугры, назначаемыя подъ сей садъ, были совсѣмъ сухія и не было ни капли воды,—то другого не оставалось какъ провести воду въ него изъ какого-нибудь другого мѣста, и въ такомъ возвышеніи, чтобы можно было произвести въ немъ не только разнообразныя большіе и маленькіе водоемы, но и водостоки съ шумкомъ, ими производимымъ. И такъ, принужденъ я былъ вездѣ способую къ тому живую и всегда текущую воду отыскивать. Но такъ случилось, что таковую не могъ я нигдѣ вблизи отыскать. А хотя я нашолъ источникъ, вытекающій изъ горы и, по величинѣ своей, довольно къ тому достаточный, но находившійся безъ мала за двѣ версты отъ сада вверхъ по пруду и отдѣленный отъ сада не только буграми и горами, но и двумя превеликими вершинами. Которое обстоятельство дѣлало почти проведеніе сей воды въ садъ совсѣмъ почти невозможнымъ, или, по крайней мѣрѣ, соединенное съ превеликими затрудненіями. Но какъ сего мнѣ непремѣнно захотѣлось, то, подумавъ и погадавъ хорошенько, какъ бы сіе дѣло сдѣлать, не утративъ я никакихъ трудовъ и предвидимыхъ препятствій, а рѣшился на то отважиться, учинить. по крайней мѣрѣ, тѣмъ опытъ.

Но какъ прежде приступленія къ сему отважному и необыкновенному дѣлу надлежало напередъ узнать, довольно ли помянутая найденная вытекающая въ полу-горѣ вода возвышенна, и не слишкомъ ли низко придется въ случаѣ проведенія ея въ него водоводомъ (а сіе не вѣдомо можно было узнать, какъ чрезъ

точнѣйшее проватерпашенье возвышенія того мѣста отъ поверхности пруда и соразмѣрное проватерпашенье и въ саду отъ той же поверхности пруда), — то не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ явилось новое затрудненіе, озаботившее меня до чрезвычайности. Оказалось, что вода хотя и могла войти въ садъ, но далеко не въ такомъ возвышеніи, въ какомъ мнѣ хотѣлось, а гораздо ниже, и въ такомъ положеніи, что не стоило почти предпринимать для приведенія оной изъ такой отдаленности столь многихъ трудовъ, сколько нужно было ихъ употребить при дѣланіи водовода. Сверхъ того, случившаяся въ одномъ мѣстѣ крутизна берега и горы никакъ не была способна къ проведенію чрезъ ее воды. Словомъ, затрудненіе сіе было столь велико, что я едва-было не принужденъ былъ разстаться съ своимъ наилучшимъ изъ всѣхъ замысловъ и прожектвъ, и находился въ превеликомъ о томъ недоумѣніи.

Наконецъ, родилась во мнѣ мысль и желаніе испытать, не возможно ли источникъ сей воды какимъ-нибудь образомъ повысить и поднять такъ, чтобы онъ вытекалъ изъ горы аршина четыре выше прежняго. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ въ тотъ же мигъ поскакалъ туда на дрожкахъ, сталъ новое сіе предпріятіе обдумывать прилежнѣе и вымышлять къ тому нанудобнѣйшія средства. Нѣскольکو часовъ не соглашался я самъ съ собою, послѣку дѣло сіе было совсѣмъ необыкновенное. Наконецъ, остановился при одной мысли и средствѣ, и рѣшился испытать оное. Но первые опыты мои были совсѣмъ неудачны, и неудача сія опять чуть-было меня не остановила. Но наконецъ получилъ внезапно еще новую мысль, положилъ произвести и ее въ дѣйство, и, не взирая на все, сколь много трудовъ и работы къ тому ни требовалось, тотчасъ и приступилъ къ тому. И, къ неописанному удовольствію, достигъ наконецъ до желаемого и открылъ тотъ новый способъ возвышенія ключевой воды чрезъ засыпаніе оной пескомъ, который описать былъ потомъ мною въ моемъ

«Магазинъ», и при помощи котораго дѣйствительно удалось мнѣ поднять помянутую воду болѣе четырехъ аршинъ въ высоту, и произвести искусствомъ водной ключъ, подобный во всемъ натуральному.

Преоборозъ сіе нанважнѣйшее затрудненіе, сталъ я помышлять о сдѣланіи замышляемаго водовода, который хотѣлось мнѣ сдѣлать наипростѣйшимъ и такимъ образомъ, чтобъ онъ казнѣ не стоилъ ни полущки. Но не успѣлъ я его начать и повести воду по ватерпасу маленькимъ и узенькимъ ручейкомъ, проводимымъ въ полу-горѣ по косоугору, какъ повстрѣчалось со мною новое затрудненіе, чуть-было опять не остановившее все дѣло. Оказалась въ косогорахъ сихъ земля столь рыхлая, что вода въ ручейкѣ никакъ не могла держаться, но почти вся тотчасъ уходила въ вѣдры оной, и сдѣлался опять вопросъ, какъ бытъ и чѣмъ пособить сему новому затрудненію. По особливому счастью, была мною около самаго сего времени и въ самой близости отъ сего мѣста открыта особаго рода глина и такая глина, которую можно было чекмарями разбивать въ самыя тонкіе, но при всемъ томъ очень плотныя и къ пропущенію сѣвозъ себя воды никакъ неспособныя пласты, на подобіе листовъ свинцовыхъ. Итакъ, не долго думая, положилъ я плотностію и особливою вязкостію сей глины воспользоваться. И, приказавъ набить изъ ней поболѣе пластовъ, дно и бока моего водоводнаго ручейка «ею» выстлалъ и сплотивши ихъ хорошенько между собою, усыпалъ сверху пескомъ. А сіе и удержало воду и помогло мнѣ водонодъ свой довести до желаемаго совершенства.

Но скоро повстрѣчавшіяся съ нимъ помянутыя двѣ большія и глубокія вершины заставили меня опять думать о томъ, какъ бы мнѣ водоводъ свой перевести чрезъ оныя. Сперва думалъ я учинить то при помощи жолубовъ. Но какъ оказалось мнѣ сіе слишкомъ за-

труднительнымъ, поелнну надлежало дѣлать къ тому многіе жолуба и высокія подѣ нихъ согражденія, то, при размысленіи о семъ предметѣ, родилась во мнѣ опять новая и удачная мысль. А именно: чтобы, не дѣлая сихъ жолубовъ и согражденій, продолжать итти съ ватерпасомъ и вести свой водоводъ вдоль вершинъ вверхъ и продолжать итти по обочинѣ оныхъ до тѣхъ поръ, покуда водоводъ самъ собою перейдетъ чрезъ дно вершины и гдѣ нужно было только перенустить ее чрезъ ровъ однимъ только небольшимъ жолубкомъ, а потомъ, такимъ же образомъ, итти и по другому берегу вершины назадъ и такъ продолжать далѣе. А сіе совсѣмъ новое и необыкновенное средство, къ неопisanному моему удовольствію, и удалось мнѣ совершенно по желанію и помогло мнѣ наконецъ довести воду до самаго dna и въ такомъ возвышеніи въ полугорѣ, что я могъ воспользоваться ею и надѣлать множество въ немъ водныхъ украшеній, а особливо прекрасныхъ водостоконъ. Но признаться надобно, что все сіе стоило многихъ трудовъ и работъ, ибо во многихъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго проведенія моего водовода, принуждены мы были много раскапывать слишкомъ крутыхъ косоугоръ и дѣлать въ полугорѣ широкіе уступы, но которые послѣ послужили мнѣ къ сдѣланію новыхъ для сада сего и отлѣнныхъ украшеній, и спокойныхъ дорогъ для ѣзды и гулянья.

Другое и также весьма важное дѣло, требовавшее, такимъ же образомъ, собственнаго моего распоряженія, относилось до помянутой крутой и высокой горы съ мраморными открытыми песками. Гора сія, или паче крутой, утесистой и высокой берегъ пруда находился въ самой близости дворца, на верху горы столпаго. И не успѣли работные люди обнужить весь твердой песчаной матеріи оной и срыть съ него всю землю и прочую дрань, какъ я ахнулъ даже отъ удивленія, увидѣвъ, что скрывалась тутъ

подъ землею совершенная и такая рѣдкость, какой едва ли гдѣ въ иномъ мѣстѣ на свѣтѣ отыскать было можно. Грунтъ или паче пикъ сей горы, составленный изъ одной огромной штуки, былъ хотя весь чисто песчаный, но песокъ соединенъ былъ натурою такъ плотно и крѣпко, что никакъ не сыпался, а можно было его пилить пилою и рубить топоромъ, наподобіе самаго мягкаго камня. А сверхъ того оказался не вездѣ одинакова цвѣта. Но натура произвела въ семь мѣстѣ съ нимъ суцую игру и испестрила его столь разноцвѣтными и разнообразными жилами, полосками, крапичками и пятнами, что недоставало понятія человѣческаго къ постиженію, какъ все это могло сдѣлаться. Въ однихъ и множайшихъ мѣстахъ были жилочки, какъ кровь, или какъ карминъ, красныя по бѣлому грунту; въ другомъ были онѣ розовыя, индѣ пурпуровыя, индѣ зеленоватыя, въ другихъ мѣстахъ разныхъ желтыхъ и кофейныхъ колеровъ и расположены между собою столь удивительно, что не можно было довольно тѣмъ никогда надивиться и красотою ихъ налюбоваться.

Не успѣлъ я все сіе увидѣть, какъ вспламенилось во мнѣ желаніе произвестъ изъ сей горы новое и необыкновенное также дѣло: и не только пресѣчь во внутрь ея нѣкоторый родъ свѣтлыхъ и просторныхъ, и удобныхъ для ходьбы пещеръ, произведя сіе въ наилучшемъ и прекраснѣйшемъ слѣдѣ оныхъ, но и всю наружность сей горы и ограду обдѣлать такъ, чтобъ она представляла собою нѣкоторый родъ пышной и величественной развалины нѣкакова подземельнаго зданія, со входами въ нее по крыльцамъ, съ ступенями и остатками изломавшихся колоннъ, части карниза и съ нѣсколькими дверьми и окнами. И все сіе произвелъ я почти собственнымъ своимъ трудомъ, или, по крайней мѣрѣ, ежеминутнымъ указаніемъ каменщикамъ, какъ все дѣлать и изъ песку вынимать и вырубать. Словомъ, мнѣ и тутъ удалось произвестъ почти сущее чудо или, по меньшей мѣрѣ, такую рѣдкость, которую внослѣдствіи

времени всѣ бывавшіе въ саду имѣ не могли довольно надивиться и какой ни въ какомъ иномъ саду не находилось. Сами иностранные путешественники признавались, что они нигдѣ подобнаго сему не видывали.

Между тѣмъ какъ все сіе мною произведено было, продолжалась у насъ садка деревъ и обработка прочихъ мѣстъ. И какъ въ обыкновенное для садки весеннее время далеко не успѣли мы всѣхъ нужныхъ лѣсочковъ и деревъ насадить, то, желая скорѣе дать саду моему образованіе и видъ, отважился я на третье и столь же достопамятное предпріятіе, а именно: чтобъ садить деревья, совсѣмъ уже развернувшіяся и одѣвшіяся совершенно своимъ листомъ. И, къ неописанному удовольствію моему, получилъ я въ томъ успѣхъ возжелѣнный и превзошедшій все мое чаяніе и ожиданіе. Всѣ посаженныя симъ образомъ деревья, будучи прилежно поливаемы, не только не засохли, но продолжали себѣ по прежнему рости. Чрезъ то имѣлъ я удовольствіе въ теченіе одной весны видѣть садъ сей въ такомъ уже состояніи и наполненной толь многими рошцами и лѣсочками и украшенной столь многими разныхъ родовъ украшеніями, что и лучшимъ аглицкимъ садовникамъ не можно было никакъ произвестъ все сіе въ столь короткое время, и, что всего лучше, безъ всякаго казнѣ ущерба, или съ издержками, ничего совсѣмъ незначущими.

Но сего довольно будетъ на сей разъ. Письмо сіе достигло уже до своихъ предѣловъ, итакъ, дозвольте мнѣ оное на семь мѣстѣ пресѣчь и, предоставивъ прочее письму будущему, сказать вамъ, что я есмь вашъ, и проч.

(Февраля 1-го дня 1810 г. Дворениннво).

Письмо 217-е.

Любезный пріятель! Въ помянутыхъ садовыхъ работахъ препроводилъ я всю весну и занимался ими съ толикою прилежностію, что во все сіе время ничего почти другаго не дѣлалъ, да и дѣлать

было некогда, ибо какъ при оныхъ работахъ, производимыхъ множествомъ людей, и въ мѣстахъ разныхъ и другъ отъ друга отдаленныхъ, необходимо требовалось ежеминутное почти мое указываніе и распоряженіе, и я принужденъ былъ всюду-и-всюду ѣздить и ходить, а иногда даже для поспѣшенія бѣгать, то и занимали онѣ меня всякой день съ утра до вечера, такъ что, по пословицѣ говоря, одна заря меня выговяла изъ дому, а другая вгоняла, да и въ самомъ дѣлѣ я прихаживалъ или пріѣзжалъ домой только что обѣдать.

Но какъ труды, хлопоты и заботы мои были тогда ни многочисленны, но не могу сказать, чтобъ были онѣ мнѣ отягонительны; причиною тому было то, что я всѣ оныя труды поднималъ не поневолѣ и не по принужденію какому, а самопроизвольно и болѣе для удовольворенія собственно своей охоты и склонности, а потому они не только облегчались, но и услаждались ежечаснымъ удовольствіемъ, чувствуемымъ при отдѣлѣ всякой частички или при выдумываніи чего-нибудь еще новаго, и производства того въ дѣйство.

Итакъ, за сими внѣшними работами, компантными и обыкновенными моими упражненіями заниматься не было мнѣ почти совсѣмъ времени. Совсѣмъ тѣмъ, нельзя сказать, чтобъ и онѣ совсѣмъ были позабыты: во всѣ праздничные и воскресные дни, да я въ самые рабочіе въ тѣ часы, когда работники отдыхали, или въ которые мнѣ сколько-нибудь отъ нихъ отлучиться было можно, то хватался я тотчасъ либо за перо и бумаги, либо за кисти и краски, и что-нибудь, ущипками и урывками, либо писалъ, либо рисовалъ. А сверхъ того было у насъ съ сыномъ въ сіе время и новое совсѣмъ еще упражненіе, а именно: какъ при размываніи и обдѣланіи помянутыхъ песчаныхъ горъ получались многія глыбы, обрѣзки и куски песковъ разноцвѣтныхъ, то затѣяли мы ихъ не бросать, а употребить въ пользу и, ошмивая и обтирая оныя, дѣлать изъ нихъ отчасти цѣльныя, отчасти изъ разныхъ

песковъ составныя штучки и фигурки, какъ-то: пирамидки, пьедесталки, столбики и прочее, и тому подобное; а изъ остальныхъ штукъ и обрѣзковъ—плоскія и тонкія четверугольныя разной величины плиточки или досечки и набирать изъ нихъ цѣлыя коллекціи песковъ разноцвѣтныхъ и укладывать оныя въ нарочно дѣлаемые для того плоскіе ящички, которые впослѣдствіи времени сдѣлались такъ достопамятны, что могли служить украшеніями натуральныхъ кабинетовъ и могли разсылаемы быть въ подарки, и наконецъ, даже до того дошло, что наша академія послала ихъ въ подарокъ въ кунсткамеры въ нѣныя государства, чего они по справедливости и стоили, ибо я со временемъ коллекціи сіи довелъ до такого совершенства, что не стыдно было съ ними нигуда показаться, и нѣкоторые изъ нихъ хранились, и понинѣ у меня служатъ тому доказательствомъ и памятниками.

Въ дѣланіи сихъ коллекцій и помянутыхъ разнаго рода штучекъ, упражнялся не столько я, сколько любопытный сынъ мой. И мнѣ обыкновенно нужно только было учинить начало и дѣло затѣять и выдумать, и тогда его уже дѣло трудиться и отчасти дальнѣйшее и лутчее придумывать. Къ тому былъ онъ въ сіе время уже довольно способнымъ.

Всѣми сими дѣлами и работами наиболѣе я для того поспѣшалъ, что въ сіе гѣто дожидались мы пріѣзда къ намъ самого намѣстника, который въ сіе гѣто вознамѣрился всѣ города Тульской губерніи объѣздить и осмотрѣть. Итакъ, мнѣ хотѣлось сколько-нибудь побогѣе въ саду къ пріѣзду его сдѣлать, и тѣмъ ему доказать, сколь старателенъ я къ выполненію его желаній. И какъ пріѣзда его ожидали мы въ концѣ іюня, то и сей весь мѣсяцъ занимался я тѣми же въ саду работами. И тѣмъ ближе приближалось время его къ намъ пріѣзда, тѣмъ болѣе усугублялъ я свои старанія, и успѣлъ къ сему времени не только помянутой своей водоводъ привести къ окончанію, но смастерить еще и другой изъ

ближней вершинѣ, перехвативъ въ ней воду въ сосѣднемъ небольшомъ источникѣ и довести сію воду почти къ самому дворцу, и въ такомъ возвышеніи, что можно мнѣ было предъ самымъ онымъ и на верху самой сей горы сдѣлать водоемы и украсить ими ближайшія мѣста къ дому. Кромѣ сего, достопамятно, что предъ самымъ почти приѣздомъ намѣстника въ Тулу, получилъ я первую мысль о дѣланіи въ садахъ тѣхъ новаго рода обманныхъ украшеній, которыя вносгдствіе времени сдѣлались столь знаменитыми и привлекли на себя вниманіе и даже пріятное удивленіе многихъ знаменитыхъ особъ, и каковыми, сдѣланными у себя послѣ въ деревнѣ, и помнѣ я еще утѣшаюсь.

Ожидаемый приѣздъ намѣстника въ Тулу и не замедлился. Онъ приѣхалъ туда около половины іюня и тотчасъ меня къ себѣ вытребовалъ. Итакъ, ѣдигъ я къ нему и возилъ нѣкоторые планы и бумаги съ донесеніями по волостнымъ дѣламъ, и онъ опять принялъ меня очень хорошо, и былъ исполненіемъ его приказаніевъ очень доволенъ, а особливо пріятно было ему, что и саду учинено было уже успѣшное начало. Хотя я ему объ немъ и вскользь только связывалъ, а о лучшихъ съ умысла умолчалъ, дабы тѣмъ болѣе его удивить по приѣздѣ. Въ сей разъ онъ продержалъ меня въ Тулѣ не долго, но, переговоривъ обо всемъ со мною и давъ нѣкоторые новыя приказанія, отпустилъ меня, сказавъ, что въ концѣ сего мѣсяца, дней чрезъ десять приѣдетъ онъ и самъ къ намъ, и чтобъ я его къ тому времени къ себѣ дожидался.

Все сіе побудило меня еще и болѣе въ сіе достальное время до его приѣзда потрудиться, и какъ мнѣ въ особенности хотѣлось удивить его своимъ новымъ выдумкою, о которой я ему еще ничего не связывалъ, то тотчасъ, по возвращеніи своемъ въ Богородицкѣ, и принялся я за произведеніе въ дѣйство своей выдумки, которая состояла въ слѣдующемъ:

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ поднималъ я ключъ, и откуда повелъ я своей

главной водоводъ, находились въ высокомъ берегѣ пруда одна крутая и почти въ утесъ осыпь, простиравшаяся въ длину сажень на двадцать. Изъ сей осыпи вадумалось мнѣ сдѣлать особенную штуку и такое обманное украшеніе, какого нигдѣ еще до того дѣлано не было, а именно: мнѣ хотѣлось нарисовать на ней въ перспективическомъ видѣ нѣкоторой родъ развалины или часть стариннаго какого-нибудь монастыря и назади съ башенками и вблизи воротами, и кой-гдѣ въ каменныхъ стѣнахъ окошками. И какъ осыпь сія находилась версты за полторы отъ дворца и была вся очень видна за прудомъ съ большой тульской дороги, то избралъ я для нарцсованія оной одинъ пунктъ на самой сей большой дорогѣ, и изъ онаго и изобразилъ картину сію въ перспективическомъ видѣ и въ такой величинѣ, чтобъ она могла здѣсь всякаго проѣзжающаго большою дорогою и въѣхавшаго на сей пунктъ обманывать, и заставить почитать сіе дѣйствительно стариннымъ какимъ-нибудь разрушающимся зданіемъ. Но какимъ образомъ картину сію въ-за пруда и разстояніемъ сажень на сто или болѣе нарисовать—къ тому потребна была особая выдумка. Однако, я скоро догадался какъ это сдѣлать: я велѣлъ навозить туда бѣлыхъ драницъ и узкаго кровельнаго теса и, уложивъ ими, по примѣру позднему, вмѣсто карандаша всѣ черты, долженствующія означать ворота, стѣну, видимыя за нею верхи зданій и башенки, поѣхалъ самъ за прудъ и, ставъ на избранномъ, на дорогѣ, пунктѣ, смотрѣлъ на изображенный драницами рисунокъ, и гдѣ надобно было ихъ поправить и положить, либо прямѣе, либо косѣе, либо въ которую-нибудь сторону отнестъ оттуда, крича въ сдѣланную на скорости изъ политуры трубу, приказывалъ находящимся тутъ за прудомъ людямъ, какъ надобно исправлять и перекадывать, и уравнивши все по желанію, поѣхалъ опять самъ туда и велѣлъ по сямъ драницамъ землю срывать и оную—гдѣ бѣлыми песками—гдѣ желтыми, гдѣ известью усм-

вать; а назначенныя кровли для означенія, будто они черепичныя, укладывать сплошь кирпичнымъ щелемъ; ворота же и окошки усыпать угольями. Словомъ, я смастерилъ сіе новое дѣло такъ удачно и хорошо, что, окончивши оное и поѣхавъ за прудъ на дорогу на фигуру свою взглянуть, вскричался почти самъ отъ радости и удовольствія, увидѣвъ, что она такъ натурально походила на настоящее зданіе, какъ нельзя было лучше, и обмановала зрѣніе совершеннѣйшимъ образомъ.

На все сіе употреблено было не болѣе трехъ дней работы нѣсколькимъ людямъ, а кошту ни малѣйшаго она ни стоила. Мы не успѣли ее кончить, какъ и получили извѣстіе, что намѣстникъ наутрѣ изъ Тулы отправится. Итакъ, намѣреніе мое было сею нововыдуманною штукою сдѣлать ему первой сюрпризъ и сею его такъ сказать встрѣтитъ, то, желая видѣть, какое она произведетъ дѣйствіе, и выѣхавъ я къ нему за нѣсколько верстъ на встрѣчу.

Намѣстникъ не успѣлъ меня увидѣть, стоящаго въ тѣсу на дорогѣ и его ожидающагося, какъ велѣлъ тотчасъ остановиться каретѣ и, принявъ отъ меня подаваемой репортъ, съ особливою благосклонностію пригласилъ къ себѣ сѣсть въ карету, въ которой, по счастью, случилось одно порожнее мѣсто, ибо онъ ѣхалъ только самъ третей съ губернскимъ землемѣромъ и еще однимъ чиновникомъ. Легко можно заключить, что я съ удовольствіемъ принялъ сіе предложеніе и, вступивъ тотчасъ съ намѣстникомъ въ разговоры, съ крайнею нетерпѣливостію дожидаясь покуда мы подъѣдемъ къ тому пункту, на дорогѣ котораго все мое обманное зданіе въ наилучшемъ своемъ видѣ представлялось зрѣнію, и боялся невѣдомо какъ, чтобъ карета не проскакала мимо и не допустила намѣстника взглянуть на предметъ сей. Но, по счастью, велѣлъ онъ, какъ нарочно, каретѣ тише ѣхать, дабы тѣмъ удобнѣе можно было ему полюбоваться на всѣ окрестности, за прудомъ лежащіяся; но совсѣмъ тѣмъ упустилъ бы онъ мою фигуру изъ примѣчанія, если бы, по особливому счастью, не задумалось

взглянуть на сіе мѣсто бывшему съ нимъ губернскому землемѣру. Сей не успѣлъ фальшивое зданіе мое увидѣть, какъ, въ полной мѣрѣ обманувшись и сочтя его дѣйствительнымъ стариннымъ зданіемъ, перекрестился и воскликнулъ: «какъ же это я сего стариннаго зданія не видалъ, кажется не одинъ разъ и бывалъ въ здѣшнихъ мѣстахъ и все замѣчалъ и описывалъ; а это какъ-то мнѣ на глаза не попалось!» Сіе въ тотъ же моментъ побудило взглянуть на него и намѣстника. Сей также, поразившись неожиданностію сего зрѣлища и хотя его поболѣе разсмотреть, закричалъ, чтобъ карета остановилась, и также сказалъ: «не только, судирь, вы, но и мнѣ не случилось его никогда замѣтить»; и обратясь ко мнѣ, спросилъ: «что это за зданіе, Андрей Тимофеевичъ, и какъ же это мы его не видали». Г-нъ Давыдовъ подтверждалъ тоже и также только дивился. Тогда я, сибѣясь, отвѣчалъ: «вашему превосходительству да и ни какъ не можно было этого и видѣть, потому что это зданіе дни за три до сего совсѣмъ еще не существовало и въ одну почти ночь воздвигнуто какими-то духами для доставленія вашему превосходительству приятной минуты при возвращеніи на оную, при вашемъ сюда прибытіи».—«И, шутя!» воскликнулъ намѣстникъ, сіе услышавъ, итъ, право, Андрей Тимофеевичъ, скажите, что это за зданіе?»—«Признаться надобно, ваше превосходительство, сказалъ я на сіе, что оно обманное и тамъ ни мало не существующее, и стоившее только двухъ дней работы, и сдѣлано только для прибытія вашего».—«Помилуй, воскликнулъ удивившійся еще болѣе намѣстникъ: это что-то мудреное и невѣданное, да какъ это и какимъ это образомъ, и изъ чего ты это сдѣлалъ?»—«Совсѣмъ изъ ничего, ваше превосходительство, сказалъ я: все это зданіе не стоитъ ни полушки, и все состоило только въ томъ, что я велѣлъ на крутомъ этомъ берегу пруда усыпать кое-чѣмъ землю, гдѣ известью, гдѣ пескомъ, гдѣ угольемъ, гдѣ дѣлалъ кирпичнымъ щелемъ».—«Не

въ правду ли», воскликнулъ опять намѣстникъ: «и тамъ подлинно ничего построеннаго нѣтъ!»—«Точно такъ, ваше превосходительство». — «Но какъ это такъ хорошо обманываетъ зрѣніе, и какая прекрасная выдумка! Нарочно пойду туда смотрѣть, какъ это такъ хорошо смастеровано и сдѣлано!»—«О, ваше превосходительство, тамъ не найдете вы ничего зрѣнія достойнаго, а сущій только вздоръ, ни на что не похожій. Въ лучшемъ видѣ оно съ сего мѣста только представляется зрѣнію». — «Ну, Андрей Тимоѣевичъ», сказалъ на сіе намѣстникъ: «этотъ для меня сюрпризъ отъѣнно мнѣ приятенъ, и я васъ очень благодарю за сіе доставленное мнѣ удовольствіе. Эта штука достойна подражанія, и какъ это тебѣ вздумалось?» — «Какъ-нибудь, ваше превосходительство, сказалъ я, и желаніе вамъ угодить было моимъ наставникомъ».

Легко можно заключать, что удовольствіе мое въ тѣ минуты было чрезвычайное. Мы проговорили о семъ во все достальное наше путешествіе, и я долженъ былъ рассказывать намѣстнику, какимъ и какимъ образомъ я сіе дѣлалъ, и всѣ не могли довольно расхвалить сію мою новую выдумку. Но я ласкался надеждою, что удивлю ихъ все еще больше своимъ садомъ и прочими вещами.

Какъ сей прїѣздъ намѣстника къ намъ былъ еще первой, по полученіи волостей нашихъ въ свое начальство, то расположился онъ квартировать въ сей разъ не у знакомыхъ, а уже у насъ въ самомъ дворцѣ, гдѣ все для принятія его было и приготовлено. Тутъ не успѣлъ онъ въ него войти, какъ взглянувъ изъ него на построенный уже совсѣмъ городъ, поразился опять прїятнымъ удивленіемъ, увидѣвъ, что всѣ главныя улицы стекались къ нему, какъ къ средоточію, и принужденъ былъ опять воскликнуть: «ахъ какъ это хорошо вздумано!» И, обратясь опять ко мнѣ, сказалъ: «Мнѣ, судырь, казывается Матвѣй Васильевичъ, что и это была ваша мысль и весь планъ города дѣлавъ вами, и мы васъ за сіе благода-

римъ». На сіе не оставалось мнѣ ничего отвѣтствовать, какъ низкимъ поклономъ.

Отдохнувши нѣсколько минутъ и поговоривъ съ собравшимися къ намъ нашими городскими чиновниками и, напившись горячаго, сказалъ мнѣ: «Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, походить бы намъ съ вами; кажется еще довольно рано и не скоро наступитъ вечеръ, и мы успѣемъ еще кой-гдѣ побывать». — «Очень хорошо, ваше превосходительство», сказалъ я. — «Ну поведите-жъ, меня, судырь, куда прикажете». — «Вамъ не угодно ли въ садъ?» Намѣстникъ улыбнулся при семъ словѣ, думая бесомнѣнно, что въ немъ ничего еще зрѣнія достойнаго нѣтъ, и сказалъ: «Ну, хоть въ садъ, то-есть въ будущій! Но, по крайней мѣрѣ, посмотримъ, какое начинаете вы дѣлать ему расположеніе. Я вижу, судырь, что у васъ, вотъ предъ домомъ, уже поразровнено и сдѣланъ порядочный сходъ и площадка», и сказавъ сіе, взялъ шляпу и трость и пошелъ. Тутъ, сводя его съ большаго деревнаго, придѣланнаго къ дому, крыльцу, повелъ я его не внизъ, а вправо по ребру горы, и нарочно по такимъ мѣстамъ, гдѣ ничего еще почти сдѣлано не было, дабы худшее показать ему напередъ, а лучшее — послѣ. И въ нѣкоторое предвареніе ему сказалъ: «Извините меня, ваше превосходительство, что не успѣлъ я еще сдѣлать. Время было слишкомъ коротко, и много здѣсь было работы на всемъ этомъ мѣстѣ, и (показывая ему весь обширный гѣсъ, вправо отъ дороги находящійся) за годъ до сего занято было кой-какимъ свареднымъ мелкимъ строеніемъ, сидѣла тутъ цѣлая слобода церковная, и какъ она за годъ до сего вся до основанія сторѣла, то не осталось тутъ ни одного деревца и ни одного прутика. Было одно только пожарище и ямы, печные остатки и другія неровности, и всѣ ихъ надобно было разравнивать и зарывать и тѣмъ занимать не мало время».

Между сими словами дошли мы до первыхъ моихъ древесныхъ насажденій на горѣ, по большой подлѣ зданія дорогъ, проложенной между ими и усыпанной

нескомъ. И намѣстникъ не успѣлъ увидѣть сія лѣсочки или древесную часть кулиги, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «Какъ же, судырь, вы говорили, что не осталось на всемъ этомъ мѣстѣ ни одного деревца и кусточка отъ пожара, ну, а это что-жъ за лѣсочки?» — «Конечно не осталось, ваше превосходительство, и не было на всей горѣ этой ни одного крутника, и ни какой воды и ни одного камешка; а все, что ваше превосходительство изволите видѣть, сдѣлано нынѣшнею весною и лѣтомъ». — «Какъ это, оставившись и удивившись, онъ спросилъ; неужели всѣ эти лѣсочки и деревья посажены и такъ хорошо принялись, что я истинно подумалъ, что они давно уже тутъ растутъ?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, сколько могъ уснѣть, то посадилъ я ихъ весною, но какъ время собственно весною садить очень коротко и мѣста были еще не разровнены и не приготовлены, то, желая доставить вашему превосходительству сколько-нибудь болѣе удовольствія, садилъ я ихъ по большей части уже въ самое лѣто и какъ онѣ уже озеленѣли совершенно». — «И благодарю за сіе, сказалъ усмѣхнувшись намѣстникъ, только жаль, что труды сія пропадутъ и они засохнутъ всѣ до единого». — «А я осмѣливаюсь, подхватилъ я, въ противномъ ваше превосходительство увѣрить, и того, чтобы было такъ, я никакъ не ожидаю; небольшой мною сдѣланной опытъ въ прошломъ году доказалъ, что садить ихъ симъ образомъ съ малымъ лѣстомъ можно и что они не только не засыхаютъ, но продолжаютъ по-прежнему расти, а потому и отважился я и всѣ сія произвесты насажденія и они у меня удались по желанію. Извольте сами, ваше превосходительство, видѣть, что ни одно изъ нихъ не засохло, а всѣ подросли какъ были въ лѣсу, хотя уже тому нѣсколько недѣль прошло, какъ они посажены. Сіе еще болѣе его удивило. «Ну, судырь, сказалъ онъ, и это я вижу еще впервые по опыту вашъ достоинъ похвалы и замѣчанія; но, помилуй, неужели и вотъ эти

высокія уже и прекрасныя березовыя рощицы, которыя я тамъ вижу, посажены также недавно?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, въ началѣ сего еще мѣсяца». — «Ну, этому бы я уже никакъ не повѣрилъ. Право, прекрасно! И какое множество успѣли вы уже насадить! какіе прекрасныя лѣсочки, какія рощицы, какіе кусточки и съ какимъ хорошимъ вкусомъ все вы расположили повсюду. Признаюсь, судырь, что, идучи сюда, я никакъ этого не ожидалъ, а думаю найти пустыя только мѣста и дерева, едва развертывающіяся, а, напротивъ, вижу оныя готовыя уже и такими, подъ которыми уже съ удовольствіемъ гулять можно. Это для меня также сюрпризъ, и очень пріятный, и я вамъ весьма благодаренъ за сіе».

Въ самое сіе время подошли мы къ одному ручейку съ сдѣланнымъ чрезъ него прекраснымъ мосточкомъ, а понедалеку отъ него къ одному водостоку, производящему собою пріятный шумочекъ. Сіе вразъ намѣстника остановило и побудило, обратясь къ послѣдовавшимъ за нимъ многимъ, только что прѣбывавшимъ къ намъ чиновникамъ, сказать: «Посмотрите, государи мои, не только цѣлые лѣсочки у него тутъ въ одинъ моментъ выросли, но какіе подѣлалъ вездѣ мосточки, какіе ручейки и шумочки стекающихъ водъ и какіе прудочки, и все это въ такое короткое время». При сихъ словахъ подхватилъ я и ему сказалъ: «Вотъ и вода сама, которой ваше превосходительство изволите видѣть, не было здѣсь ни единой капли». — «Да откуда вы ее взяли?» спросилъ съ поспѣшностью меня наки удивившійся намѣстникъ. — «Откуда, помогая нуждѣ своей, уже привелъ ваше превосходительство, сказалъ я, а мнѣ хотѣлось оживить садъ сими шумочками и поукрасить водами и такъ принужденъ былъ придумывать къ тому способъ». — «Это очень хорошо, сказалъ намѣстникъ, но, помилуй, неужели и этотъ ручей не натуральный, а сдѣланный?» — «Точно такъ, ваше превосходительство, и текущій издалека». — «А откуда же?»

— «Да вотъ изъ самаго того мѣста, гдѣ ваше превосходительство изволили любоваться обманнымъ зданіемъ». — «Неужели впрямду оттуда?» — «Точно такъ, ибо нигдѣ, кромѣ того мѣста, не могъ я отыскать нужный для воды источникъ». — «Но какъ же это вы оттуда ее провели?» — «Маленькимъ ничего не значущимъ и ничего не стоящимъ водоводомъ, и мнѣ, по счастью, удалось его поднять». — «Но чрезъ вершины же какъ вы ее перевели? Я замѣтилъ тутъ двѣ превеликія вершины». — «Перевелъ какъ-нибудь и чрезъ нихъ, ваше превосходительство, и также самымъ простымъ и безубыточнымъ способомъ и мнѣ стало то одной только небольшой выдумки». — «Но всѣ эти выдумки у васъ очень хороши», сказалъ намѣстникъ. — «Нужда чего не дѣлаетъ, ваше превосходительство, но мнѣ не столько сей водоводъ навондлъ затрудненія, какъ самый ключъ, изъ котораго я его повелъ. Случился онъ въ горѣ очень низко, но мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ былъ выше и вода могла бы проведена быть къ сему мѣсту, а не ниже, чтобъ мнѣ можно было воспользоваться для сдѣланія сего въ полугорѣ водоема и сихъ водостоконъ, и такъ, помогая своей нуждѣ, принужденъ я былъ подниматься на хитрости и придумать средство какъ бы его поднять аршина на четыре выше». — «Что-жъ и удалось, вамъ это?» — «Удалось, ваше превосходительство». — «Ну, судырь, любопытенъ бы я былъ видѣть какъ вы сіе сдѣлали, но жаль, что уже позднею мнѣ туда идти, а завтра нарочно туда пойду». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, а между тѣмъ не изволите [ли] сюда внизъ, а потомъ на гору и посмотрѣть достальное чтѣ сдѣлаю». — «Хорошо, хорошо, судырь, сказалъ намѣстникъ, ведите меня куда хотите, съ превеликимъ любопытствомъ хочу все видѣть».

Въ самое сіе время увидѣлъ я, что нѣкоторые изъ господъ тульскихъ, пріѣхавшіе съ намѣстникомъ, между тѣмъ какъ мы съ намѣстникомъ разговаривали, взбѣжали на самый верхъ, нахо-

дящійся недалеко отъ сего мѣста, [на] большую дерновую улитку, и взобравшись на самый верхъ, кричали намѣстнику: «извольте посмотрѣть, ваше превосходительство, какая у него сдѣлана здѣсь прекрасная штука». Сіе побудило намѣстника взглянуть въ сію сторону и спросить у меня: «это что такое?» — «Бездѣлка, сказалъ я, и игрушка самая: некуда мнѣ было дѣвать выкапываемую изъ сего водоема землю, такъ я велѣлъ сыпать ее въ кучу, которую и обдѣлалъ подѣ образъ улитки, какъ изволите видѣть». — «И это хорошо, сказалъ намѣстникъ, и изволь посмотрѣть, у него изъ всего дѣлается дѣло». — «Но это не все, ваше превосходительство, съ улиткой сей можно еще и сюрпризъ сдѣлать. Не угодно ли, ваше превосходительство, посмѣяться? Можно сдѣлать, что она въ одинъ мигъ обольется кругомъ водою и господамъ оттуда чрезъ нее и перейти будетъ невозможно». — «Неужто это можно?» — «Я, пожалуй, покажу». — «Я очень, очень любопытенъ это видѣть».

Тогда мигнулъ я моему садовнику, дождавшемуся о томъ уже моего приказанія, и онъ вдругъ отворилъ маленький шлюзъ, сдѣланный у небольшого въ полугорѣ водоема, и тогда вся вода изъ него бросилась въ оный, съ превеликимъ шумомъ, и обливъ въ одинъ мигъ всю улитку, наполнила сдѣланное нарочно для сего и дерномъ устланное кругомъ улитки, хотя не очень глубокое, но столь широкое углубленіе, что черезъ оное перескочить было не можно. Не могу изобразить, какъ неожиданность сія увеселила намѣстника и перетревожила всѣхъ бывшихъ на улиткѣ. Сіи, увидѣвъ ревущую съ горы воду и притомъ ихъ обливающую кругомъ, возмечтали себѣ невѣдомо чтѣ и ну-ка скорѣе отъ улитки бѣжать, чтобъ успѣть уйтись отъ воды; но какъ ни спѣшили, а вода облегла уже вокругъ и составила широкій водяной ровъ вокругъ оной, то никакъ снѣмъ бѣднякамъ ни перейти было не можно. А намѣстникъ, увидѣвъ то, до слезъ почти смѣлся и кричалъ:

«Ну, ну, господа, пожалуйста сюда къ намъ! и потомъ, обратясь ко мнѣ, ска- залъ: ну, Андрей Тимоѣевичъ, спасибо за выдумку, и это право хорошо. Однако надобно-жъ имъ какъ-нибудь и помочь». — «Это мы тотчасъ и сдѣлаемъ», ска- зала я. Я мигнулъ опять и тотчасъ проявилась широкая доска, переложилъ ее черезъ сію воду, и господа могли всѣ по оной перейти.

Тогда всѣ начали хохотать и, удивляясь сей штуцѣ, превозносили ее и меня по- хвалами за выдумку. А я повелъ потомъ намѣстника внизъ, черезъ разные мосточ- ки, за большой и главный водоемъ, сдѣ- ланный внизу, и по набережной плотины, сдѣланной между имъ и большимъ прудомъ, и усаженной со вкусомъ тѣсоч- комъ, провела его мало-по-малу къ горѣ съ мраморными песками. Во время шествія сего, намѣстникъ на всякомъ почти шагу любовался всѣмъ расположеніемъ сего водоема, сдѣланными на немъ остров- ками и насаженною на одномъ изъ нихъ прекрасною березовою рощицею и на всякомъ почти шагу изъяслялъ вновь свое ко мнѣ благоволеніе. Но какъ скоро провела его сквозь густоту одного пере- тѣска, вывелъ къ горѣ съ мраморными песками, о которой я нарочно ничего еще ему не сказывалъ, то поразился онъ та- кимъ пріятнымъ удивленіемъ, что не могъ даже долго выговорить ни единого слова, и наконецъ воскликнулъ: «Это что-то опять новое и отменно прекрасное! По- милуй, Андрей Тимоѣевичъ, ты надѣлалъ мнѣ столько сюрпризовъ, что я и не знаю, какъ изобразить мнѣ то удовольствіе, которое оттого чувствую. Скажи ты мнѣ, пожалуй, что это за штука?» — «Не что иное, сказалъ я, какъ удивительная игра натуры, которую нечаянно случилось мнѣ открыть въ сей горѣ, и которою восхо- тѣлось мнѣ воспользоваться для достав- ленія вашему превосходительству нѣ- сколько пріятныхъ минутъ, при узрѣніи сей рѣдкости натуральной; но мнѣ жаль, что время было слишкомъ коротко, и что я не успѣлъ здѣсь всего того произвести

въ дѣйство, что у меня затѣяно, а толь- ко почти сію работу начать».

И въ самомъ дѣлѣ, великолѣпная рюина сія была далеко еще тогда неотдѣлана, и я успѣлъ только сдѣлать одинъ про- ходъ въ пещерку и часть сей развалины; но и самая малость отдѣланная въ со- стояніи была удивить всѣхъ и увеселить до безконечности намѣстника. А особли- во, когда я ввелъ его въ самую пещеру, прорубленную въ наилучшемъ слѣбъ сей горы песчаной, онъ разлюбовался въпрахъ и красотѣ песковъ, и удивительнымъ спле- теніемъ разноцвѣтныхъ жмгъ, оную ис- пещрающихъ, и признавался, что онъ впервые еще отъ роду видитъ подобное сему зрѣлище, и не только благодарилъ меня за мои труды, но расхваливалъ въпрахъ и намѣреніе мое, о которомъ раз- сказалъ я ему на короткихъ словахъ.

«Ну, твердилъ только онъ, нечего гово- рить, пословица справедливая, что на охотника бѣжать и звѣрь; такъ-то и здѣсь, и сама натура помогаетъ намъ, судыръ, производить здѣсь дѣла необы- чновенныя и рѣдкія и, можно сказать, что эта штука и теперь уже такова, что на нее засмотрѣться надобно, а ежели вы все такъ отдѣлаете, какъ говорите, то мы можемъ съ вами тѣмъ похвалиться, что у насъ садъ такой, какова нигдѣ и ни у кого нѣтъ, и что есть въ немъ та- кая штука, которая бы вѣрно не обез- образила собою и самый садъ импера- трицы въ ея Царскомъ Селѣ. Итакъ, по- жайте, Андрей Тимоѣевичъ, постарай- тесь отдѣлать ее какъ можно лучше, и не жалѣйте ни трудовъ, и на то кошта самага, ежели бы къ тому какой потре- буется». — «Очень хорошо, ваше превос- ходительство, но кошта никакого даль- нѣйшаго къ тому будетъ не надобно — мы и безъ него, можетъ быть, сдѣлаемъ».

Съ цѣлымъ часъ мы тутъ почти простоя- ли и проговорили. И намѣстникъ только и твердилъ, что садъ мой выходитъ не шуточный, но такой, о которомъ стѣить дѣйствительно подумать и не пожалѣть даже и самыхъ коштовъ для дальнѣй- шихъ его украшеній. И обратясь ко мнѣ,

между прочимъ, сказалъ: «Не худо бы, кажется мнѣ, и украсить его нѣсколькими бесѣдочками и садовыми зданіями. Какъ вы думаете, Андрей Тимоѣевичъ?» — «О, ваше превосходительство, отвѣчать я на сіе,—сіе давно и у меня было на умѣ, но я не смѣлъ, безъ повелѣнія вашего превосходительства, употребить къ тому ни рубля, а хотѣлъ въ томъ доложиться». — «О, пожалуй, пожалуй! Я съ превеликою охотою даю на то мое дозволеніе. Подумайте о томъ, и скажите только, что бы надобно было?» — «У меня и есть уже, сказалъ я, кое-какія о томъ мысли и даже самія начертанія, и если угодно вашему превосходительству, то я и буду имѣть честь и представить оныя на разсмотрѣніе». — «Очень, очень хорошо, судырь, и мы тотчасъ рѣшимъ все дѣло».

Снимъ и кончился тогда въ саду нашъ съ нимъ разговоръ. И какъ между тѣмъ настали уже сумерки, то пошли мы ко дворцу по спокойнымъ всходамъ, изподъ горы къ нему сдѣланнымъ.

Тамъ нашли мы уже приготовленный вечерній столъ. И намѣстникъ, унявъ меня и нѣкоторыхъ, бывшихъ съ нами, у себя ужинать, между тѣмъ, какъ носили кушанье, мнѣ сказалъ: «Что, судырь, вы меня песками своими такъ прельстили, и они кажутся мнѣ такою рѣдкостью, что я вознамѣреваюсь даже послать ихъ на показъ самой государынѣ. Какъ бы, Андрей Тимоѣевичъ, выломать кусокъ изъ наилучшаго слоя и, обдѣлавъ кирпичикомъ, велѣть столару сдѣлать маленькій ящичекъ, въ который бы его уложить можно было поплотнѣе, дабы онъ не могъ растрестись во время отвоза». — «Очень хорошо, ваше превосходительство, все это очень скоро и завтра же послать можетъ. У меня глыбы, къ тому способныя, готовыя есть, а спилить и обдѣлать кирпичикомъ очень малаго труда стѣдить. Песокъ сей какъ повидимому ни твердъ, но обтирается очень хорошо, и мы даже дѣлаемъ изъ него разныя фигурки. Не угодно ли, вашему превосходительству, ихъ видѣть? Я тотчасъ пошлю и вѣдь принести». — «Очень хоро-

шо, судырь, пожалуйста, пошлите». Я тотчасъ послалъ и черезъ нѣсколько минутъ ко мнѣ и принесли нѣсколько пьедесталиковъ и пирамидку, изъ разныхъ песковъ составленную, и намѣстникъ прежде не сѣлъ ужинать, покуда не налюбовался до-сыта ими и не расхвалилъ меня и за сію выдумку.

Наконецъ, приказавъ принести мнѣ къ нему наутріе всѣ мои проекты, отпустилъ онъ меня, повторивъ опять благодареніе мнѣ за все мною сдѣланное, и увѣряя, что я ему въ сей день столько доставилъ удовольствія, сколько онъ давно не имѣлъ и много меньше ожидалъ увидѣть здѣсь то, что онъ видѣлъ.

Снимъ образомъ кончился сей первый день его у насъ пребыванія, и я могу сказать, что и для меня пренеполненъ онъ былъ удовольствіями превеликими. Всеобщее трудамъ и затѣямъ одобреніе и похвалы наградили меня съ избыткомъ за всѣ труды, хлопоты и безпокойства, при дѣланіи сада мною употребленныя. А всего пріятнѣе было мнѣ слышать то, что они, говоря между собою, не одинъ разъ твердили, что садъ мой расположенъ въ самомъ лучшемъ видѣ, что я дѣла сего мастеръ и не только не уступаю ни въ чемъ наилучшимъ великимъ садовникамъ, но успѣлъ въ самое короткое время то сдѣлать, чего бы лучший изъ нихъ произвеста и въ два года не могъ, умалчивая уже о томъ, что, при употребленіи ихъ, стоило-бы все сіе многихъ тысячъ, а у меня не стоило все казнѣ ни копѣйки.

А снимъ дозвольте мнѣ и сіе письмо, какъ достигнувшее до своей величины, кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 3 дня 1810 года).

Письмо 218-е.

Любезный пріятель! Предпринимая теперь описывать вамъ исторію втораго дня пребыванія у насъ намѣстника, прежде всего скажу вамъ, что съ наступленіемъ дня, мое первое стараніе было о

приготовленіи песочнаго кирпичика, для отсылки къ государынѣ на показъ песковъ нашихъ. Я велѣлъ принести къ себѣ изъ бывшихъ въ заготовленіи песчаныхъ глыбъ наилучшую и прекраснѣйшую, испещренную наилучшими розовыми и кровавыми жилками и принялся самъ выпилывать и отбирать изъ нея четверугольный камень, на подобіе параллелоипеда или кирпичика, и въ немногій минуты вончилъ сіе дѣло. И какъ не сомнѣвался я, что намѣстникъ будетъ ею доволенъ, то, пославъ за старшимъ столяромъ, велѣлъ какъ можно скорѣе смастерить, по мѣрѣ сей игрушки, ящичекъ, или, паче, ларчикъ, съ открывающеюся крышкою; а пославъ за нѣмцемъ-переплетчикомъ, велѣлъ ему оный оклентить скорѣе внутри бѣлою, а снаружи наилучшею цвѣтною бумагою. Все сіе произведено было такъ скоро, что успѣло къ самому тому времени, какъ надлежало мнѣ идти къ намѣстнику, который, по счастью, проспалъ въ сіе утро долго, да и не скоро вышелъ къ намъ, а занимался долго съ своимъ секретаремъ, въ кабинетѣ послѣдними дѣлами.

Не успѣлъ онъ къ намъ ко всѣмъ, собравшимся опять къ нему, вытти, какъ, поговоривъ минуты съ три съ нашимъ родственникомъ и судьямъ, обратился тотчасъ ко мнѣ и сказалъ: «какъ бы, судырь, намъ камешекъ - то изъ песку велѣтъ выпилить?» — «Онъ у меня уже готовъ, ваше превосходительство, но не знаю, будетъ ли угоденъ?» и тотчасъ выбѣжалъ въ залъ и, взявъ у держащаго его на дощечкѣ, поднесъ къ нему. «Прекрасный, прекрасный! воскликнулъ намѣстникъ, какъ нельзя быть лучше», и сталъ его со всѣхъ сторонъ разсматривать и, нитъ любясь, говорилъ: «какія это прекрасныя жилки, какое удивительное сплетеніе между ними, сколько разныхъ кодеровъ, перемѣшанныхъ даже съ блестками, истинно заглядѣться надобно, и я не сомнѣваюсь, что государыня съ удовольствіемъ на него посмотритъ!» Потомъ сказалъ онъ мнѣ: «какъ же бы велѣтъ, судырь, сдѣлать по точной мѣрѣ его и ящичекъ?» — «Готовъ

и сей», подхватилъ я, и, вышедши опять въ залъ, принесъ къ нему его. — «Вотъ право хорошо, воскликнулъ онъ опять, да когда же ты успѣлъ все это сдѣлать и поклентить еще его?» — «Сегодняшнимъ утромъ, ваше превосходительство, столяръ есть, такъ долго-ль дѣлать?» — «Ну, спасибо; ей, ей спасибо, что вы такъ поспоровили сямъ дѣломъ». Послѣ чего и уложили мы сей камешекъ прямо въ ларчикъ и, покрывъ плотно бумажною ватой, закрыли и на крючки заперли.

Все сіе продлилось нѣсколько минутъ времени. И не успѣли мы дѣло сіе кончить, какъ онъ опять мнѣ сказалъ: «Вы хотѣли мнѣ, судырь, показать еще ваши проекты и рисунки украшеніямъ садовымъ». — «И они у меня принесены и здѣсь, ваше превосходительство», и тотчасъ вышедши въ залъ и взявъ ихъ отъ слуги, принесъ къ нему. «Пожалуйте-ка, судырь, пожалуйста, покажите». Я тотчасъ и прежде всего развернулъ ему планъ всему мѣстоположенію вокругъ дома, на которомъ все сдѣланное уже обозначено было красками и тушью, а замышляемое впередъ карандашными чертами. И между тѣмъ какъ онъ его разсматривалъ, сталъ ему я показывать опять всѣ тѣ мѣста, которыя онъ уже видѣлъ, и сказывать о прочіихъ, кои еще были не сдѣланы, или замышлялъ я только еще впередъ сдѣлать. Онъ слушалъ всѣ мои слова съ величайшимъ вниманіемъ, и казалось, что было ему все очень угодно. Со всѣмъ тѣмъ, принѣтивъ, что ему все то не такъ было понятно, какъ мнѣ, сказалъ я: «Жаль, что планы сего рода садамъ далеко не такъ могутъ быть для глазъ занимательны и хороши, какъ садовъ регулярныхъ». — «То-то и дѣло, подхватилъ намѣстникъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, всѣ черты прямыя и регулярныя, а тутъ нигдѣ ихъ нѣтъ, да и быть не должно». — «Это правда, ваше превосходительство, да и расположить ихъ по планамъ сего рода совсѣмъ неудобно и почти невозможно: тутъ не доходятъ дѣло ни до шнура, ни до сажени; а опытность доказала мнѣ, что употребить надобно къ

нимъ совсѣмъ иную методу». — «А какую такую?» спросилъ намѣстникъ. — «Тутъ со- вѣтоваться надобно съ самимъ натураль- нымъ положеніемъ мѣста и не то дѣлать, чтд бы хотѣлось, а то, чтд самое мѣсто- положеніе надоумитъ и къ чему удобнѣе и способнѣе быть мѣсту, да и назначать всѣ сцены, сообразуясь не съ планомъ, а съ перспективическими и ландшафтными рисунками, сдѣланными предварительно съ воображеніемъ ихъ въ такомъ видѣ, какой должны они получить по своей отдѣлкѣ и по возрастѣ всѣхъ насажде- ній». — «Какъ это?» спросилъ меня, недо- вольно сіе понимающій, намѣстникъ. «А вотъ, наше превосходительство, не угод- но ли взглянуть на рисунки сего рода». И развернувъ нѣкоторые изъ нихъ, сталъ ему показывать сцены, сдѣланные нѣ- которыми-то сценами. «Вотъ теперь и мнѣ это уже понятно, сказалъ намѣстникъ, да какъ же по сямъ рисункамъ назна- чили вы мѣста?» — «При помощи нѣсколь- кихъ драицъ, соломенныхъ веревокъ, воображенія и перьевъ, обкладывалъ и обводилъ я всѣ тѣ мѣста, которыя должны засажены быть лѣсомъ; а затѣмъ, смотрѣлъ и воображалъ себѣ уже выросши на томъ мѣстѣ лѣсъ, и судилъ — хорошо [ли] будетъ и въ нуждѣ, гдѣ чтд приба- вить или перемѣнить и такъ дагѣ». — «Ну, это совсѣмъ новый родъ искусства, ска- залъ намѣстникъ, и это вамъ, судырь, только можно дѣлать, а садовники учи- нить сего не въ состояніи. Но скажите-жъ мнѣ, гдѣ бы вы думали можно было намъ построить какія-нибудь бесѣдочки и зда- нія?» — «А вотъ, ваше превосходитель- ство, гдѣ-и-гдѣ». И сталъ ему на планѣ показывать мѣста, мною къ тому пред- назначаемыя: вотъ тутъ прилично бы то сдѣлать, а здѣсь то-и-то построить». — «Но какія же намъ сдѣлать? Нѣтъ ли у васъ имъ рисунковъ?» — «Нѣтъ, ва- ше превосходительство, но сіе зависѣтъ будетъ отъ повелѣнія вашего, а есть у меня новенькая, о садахъ сего рода, кни- га, со множествомъ рисунковъ всякаго рода садовыхъ зданій, и не будетъ ли угодно вашему превосходительству изъ

нихъ которыя-нибудь выбрать?» — « Пожа- луйста, мнѣ ихъ покажите». — «Они у ме- ня здѣсь», сказалъ я, и тотчасъ принесъ ихъ изъ зала, всѣ пять частей Гирш- фельдовыхъ книгъ. Намѣстникъ раз- вернулъ ихъ и, увидавъ всѣ астампы, сказалъ: «О, да ихъ тутъ множество и выбирать, въ самомъ дѣлѣ, есть изъ че- го; однако, на сіе надобно время и бо- гѣе досуга. Этимъ займусь я послѣ объ- да; а теперь не походить ли намъ опять, судырь, куда-нибудь? Итакъ, оставьте вы у меня ихъ здѣсь до-ужоткова, а теперь надобно, судырь, походить. Я не былъ еще никогда въ вашей церкви, и мнѣ хотѣлось бы ее видѣть. Прикажете ее отпереть». — «Извольте, ваше превосхо- дительство», сказалъ я, и тотчасъ послалъ сказать о томъ нашему протопопу.

Между тѣмъ, покуда побѣжалъ туда посланный и намѣстнику приготовляли его платье и трость, расхаживалъ онъ по всѣмъ комнатамъ и, осматривая оныя, мнѣ сказалъ: «Домъ хоть небольшой, но прекрасно построенный; но жаль, что обить скучными тапками, просто ничего незначущими, обойцами; надобно бы ихъ прибрать получше сколько-нибудь, и лучше всѣ стѣны и потолки росписать». — «Это зависѣтъ отъ васъ, ваше превос- ходительство, сказалъ я, конечно бы лучше было; но жаль, что у насъ нѣтъ способнаго къ тому художника». — «О, су- дырь, подхватилъ намѣстникъ, что ка- сается до мастера, то я къ вамъ пришлю очень хорошаго. У меня есть въ Калугѣ человекъ, весьма къ тому способный и знающій, и вы, пожалуйста, съ нимъ вдво- емъ постарайтесь о томъ; говорится въ пословицѣ: умъ хорошъ, а два лучше то- го; вы же на все такой искусникъ, такъ я надѣюсь, что будетъ и сіе сдѣлано не худо». На сіе отвѣтствовалъ я ему по- клономъ и сказалъ только, что сколько силъ и званія моего достанетъ, такъ я съ охотою моею и въ томъ отношеніи удобное ему сдѣлать постараюсь.

Въ самое сіе время возвратился мой посланный и сказалъ, что церковь от- перта и готова. «Ну пойдете туда, су-

дирь; сказалъ намѣстникъ, сіе услышавъ, я не сумнѣваюсь, что и тамъ найду для себя какой-нибудь сюрпризъ, я уже кое-что и слышалъ объ ней». — «Извольте, ваше превосходительство», сказалъ я, и пошелъ вслѣдъ за онымъ вмѣстѣ съ прочими.

Церемониально нашъ протопопъ встрѣтилъ его при дверяхъ, и намѣстникъ не успѣлъ въ нее войти и помолиться, какъ обвинувъ всю взоромъ, началъ съ величайшимъ вниманіемъ разсматривать всѣ ея украшенія: необыкновенное украшеніе царскихъ дверей, образъ Господа Саваоиа съ его лучами, катедра и полупрозрачныя вазы, поставленныя противъ оконъ на карнизѣ, поразили собою тотчасъ любопытное его зрѣніе, и долго онъ и съ особливимъ удовольствіемъ всѣ сіи вещи разсматривалъ. И потомъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «теперь вижу, что мнѣ не солгали, а сказывали сущую правду о сихъ необыкновенныхъ, но прекрасныхъ украшеніяхъ; безсомнѣнно и это все ваши выдумки и похвальные затѣи». При сихъ словахъ подхватилъ нашъ городничій: «не только выдуманы, но и работы самими нѣ, ваше превосходительство». — «Не правда!» подхватилъ удивленный намѣстникъ. — «Точно», сказалъ оный. — «Ну, судирь, могу сказать, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ, могу сказать, что и это все дѣлаетъ честь вашему уму и вкусу; все, что ни вижу, такъ хорошо, такъ все кстати, а особенно нравятся мнѣ эти вазы; но скажите, пожалуйста, изъ чего и какъ онѣ сдѣланы?» — «Изъ толстой политуры и снаружи раззолочены и росписаны, а сзади прикрѣплена въ прорѣзахъ ихъ раскрашенная слюда, чтобъ служили они и днемъ, и ночью (когда въ праздники зажигаемъ мы позади ихъ свѣчи) нѣкотораго рода иллюминацію». — «Вижу! вижу! подхватилъ намѣстникъ, и это-то мнѣ всего пріятнѣе; и возможно-ль, — такія хорошія затѣи и при томъ очень малого стоющія. Нечего говорить, вы на все великій искусникъ!»

Послѣ сего повели мы его въ олтарь.

Тутъ поразило зрѣніе его навеликогѣпнѣйшая и со вкусомъ убранная сѣнь. Онъ превоснесъ и ее похвалами. А какъ сказалъ и ему, изъ чего составлены всѣяція большія золотыя кисти, то опять не могъ онъ довольно надивиться и вновь изъявилъ мнѣ свое благоволеніе. Наша церковная утварь, богатые сосуды, крестъ, а особливо евангеліе — заставили его также съ любопытствомъ оныя разсматривать и спросить, что все это стѣило. Но какъ сказалъ ему, что мы того не знаемъ, поелику все это было подаяно отъ людей незнакомыхъ, то удивленіе его увеличилось еще больше.

Симъ образомъ доставили мы ему нашею церковью множество минутъ пріятныхъ. По выходѣ изъ оной, предложилъ я, не угодно-ль ему посмотреть нашихъ карповъ въ ближней сажелѣ, подлѣ церкви находящейся. «Очень хорошо, сказалъ онъ, ведите меня куда хотите». Тутъ приготовлены были уже и люди и заупещъ неводъ. Я не успѣлъ его ввести въ ограду около оной, какъ вслѣдовалъ онъ: «Извольте смотрѣть, у него и тутъ сдѣлано сущее гульбище, и какой прекрасный прудокъ, какой мостикъ, какія дорожки подъ березками!» Но какъ вытѣпчили множество карповъ, то онъ вскричалъ почти отъ удовольствія и признавался, что онъ никогда еще ихъ въ такомъ множествѣ не видывалъ, и тотчасъ приказалъ нѣсколько изъ нихъ отнести на кухню и приготовить къ столу своему. А между тѣмъ, осматривая окрестности около оной и самой церкви, сказалъ: «жаль, что сіе мѣсто очень пусто, надобно тутъ что-нибудь еще построить. Мнѣ, судирь, кажется, что не худо-бы было, если на одномъ концѣ сего прудочка построить нашъ корпусъ для богоугоднаго, а на другомъ — такой же для волостнаго училища; ибо мнѣ хотѣлось бы, чтобъ вы набрали человекъ тридцать крестьянскихъ ребятишекъ и заставили ихъ учиться грамотѣ, а потомъ можно нѣкимъ изъ нихъ быть пѣвчими, а иныхъ можно-бы поучить и музыкѣ». — «Весьма бы недурно это было, сказалъ я, и это зависить отъ вашего по-

вѣгнія. Каменьщики и кирпичники у насъ свои; есть своего и кирпича довольно готоваго, а можно бы и подготвить, сколько надобно». — «Право, судырь, это мы сдѣлаемъ, и обратясь къ бывшему съ нами архитектору г. Сокольникову, сказалъ: «Подумайте-ка, Кузьма Семеновичъ, и сдѣлайте мнѣ прожектъ, въ видѣ небольшихъ каменныхъ корпусовъ, однако такихъ, чтобы они соответствовали сколько-нибудь церкви и не обезобразили собою это мѣсто». — «Очень хорошо», сказалъ г. Сокольниковъ. И потомъ осматривали пристальнѣе назначаемое подъ нихъ намѣстникомъ мѣсто.

Послѣ сего спросилъ меня намѣстникъ: «куда же намъ теперь итти? не покажите ли вы мнѣ и свой садикъ, я слышалъ, что и у васъ есть свой собственный?» — «Если не устали ваше превосходительство, и если угодно, то вотъ онъ здѣсь вблизи». И повелъ его туда. Поведа въ оный, повелъ я его по всѣмъ дорожкамъ и сперва по регулярной его части, а потомъ и по англійской. Шествуя, мигнулъ я садовнику, чтобы въ то время, когда выведу я его на аллею, въ концѣ которой, подлѣ стѣны сарая, сдѣланъ былъ у меня особаго рода прекрасный фонтанчикъ, съ полубесѣдкою передъ нимъ, то пустилъ бы онъ воду. Какъ садикъ мой былъ тѣмъ временемъ прибранъ и, по случаю бывшаго тогда наилучшаго времени въ году, великолепствовалъ онъ множествомъ повсюду разбросанныхъ цвѣтовъ, то гулялъ намѣстникъ по оному съ отиѣннымъ удовольствіемъ и твердилъ только: «хоть маленький, но прекрасный садикъ». А особливо полюбилась ему регулярная его часть, посаженная въ новомъ вкусѣ, со множествомъ подлѣанныхъ въ ней вившихъ дорожекъ, площадокъ и сидѣлокъ. «Вотъ мѣстечко, отиѣнно для меня пріятное, говорилъ онъ, кака пріятная тѣнь, какия у него тутъ дорожки, площадки и сидѣлки! Право, и съ какимъ все расположено вкусомъ, право, хорошо и прекрасно!» Но какой пріятный сюрпризъ былъ для него, когда, но выходя изъ лѣсочка и по вступленіи

на аллею, протѣвъ фонтана, услышалъ онъ вдругъ шумъ и плескъ бьющаго фонтана. «Ба! ба! ба! воскликнулъ онъ, у него еще и фонтанъ есть». — «Нѣтъ ваше превосходительство, сказалъ я, это игрушка, почти дѣтская и ничтожная, которую называли фонтаномъ». — «Какъ это? подхватилъ онъ, это хоть куда, пойдѣмъ-ка, судырь, и посмотримъ его поближе».

Подойдя къ нему и увидѣвъ все вблизи, сказалъ онъ: «хоть онъ маленький и самой простенькій, но прекрасный фонтанчикъ, и кака пріятная выдумка, что вода бьетъ изъ гуся. Онъ такъ походить на натуральный, что легко можно обмануться, и гдѣ это такого вамъ смастерили?» — «Въ Тулѣ, сказалъ я, и онъ только одинъ мнѣ чего-нибудь и стѣить, ваше превосходительство, а все прочее для фонтана не стѣить мнѣ почти ничего, и если онъ заслуживаетъ какого вниманія, такъ только по одному этому и по своей дешевизнѣ».

Между тѣмъ, какъ я сіе говорилъ, намѣстникъ, усмотря тутъ спокойную подлѣ него лавочку, тотчасъ пошелъ на нее садиться, говоря: «Здѣсь, судырь, можно и отдохнуть и въ тѣни прохладиться, а между тѣмъ желалъ я бы знать, откуда вы и какъ провели сюда воду? Надобно ей быть довольно высокою. Фонтанчикъ вашъ бьетъ аршинъ около трехъ вышиною, и какимъ образомъ онъ, какъ говорите, вамъ очень мало стѣить?» — «Конечно такъ, ваше превосходительство, потому что воду я ни откуда не проводилъ, но онъ у меня наливной». — «Какъ наливной? спросилъ удивившійся намѣстникъ, да гдѣ-жъ у васъ вода-то скрыта?» — «Вотъ здѣсь, позади васъ, въ сараѣ, и поставлена тамъ на перекладахъ сороковая бочка съ водою». — «Смотри, пожалуйста! сказалъ намѣстникъ, но какимъ же образомъ провели вы воду изъ ней въ этого гуся?» — «Также бездѣлицею, сказалъ я, — книшкою, спитою изъ кожи и скрытою вотъ здѣсь, въ побочнѣ этой полубесѣдочки». И сказавъ сіе, сталъ отворять маленькія дверцы, съ боку туда придѣланныя. «Я очень любопытенъ

это видѣть, сказалъ вскочившій съ мѣста своего намѣстникъ и, всунувъ голову свою въ отверстіе, сталъ разсматривать, говоря: «это очень куріозно, вотъ и крапчикъ маленькій, которымъ, конечно, вы задираете и отворяете и, протанувъ руку, повернулъ его. «Вотъ и въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ онъ, пустивъ опять остановившуюся воду, и какъ легко и удобно его отворять и закрывать. Но вижу-то какъ же вы сдѣлали?» — «Тамъ, сказалъ я, положенъ подъ землею деревянный, покрытый жолубокъ и въ немъ простирается книжка эта до самой почти этой свинцовой трубки, на которой надѣтъ этотъ гусь и изъ которой бьетъ сія вода; трубка же надѣвается на другую деревянную, утвержденную въ дерево, при концѣ книжки самой». — «Ну, судырь, подхватилъ намѣстникъ, и эта ваша штучка достойна перениманія, и выдумка прекрасная. Теперь вижу и я, что онъ и весь стоитъ очень малого, и это-то всего лучше. Но скажите мнѣ, долго ли можетъ онъ пробить?» — «Часа полтора, ваше превосходительство, сказалъ я, и столько, что имъ довольно можно повеселиться, и нѣсколько разъ пускать въ день, и между тѣмъ ежели хочешь, можно и опять бочку наливать». — «Ну, право, хорошо», сказалъ наконецъ намѣстникъ и, косидѣвъ немного, пошелъ далѣе и вонъ уже изъ сада.

Какъ яттить ему надлежало опять мимо моего крыльца, то, не доходя къ оному, просилъ я его къ себѣ на перепутьи и на водку. «Извольте, судырь, съ превеликимъ удовольствіемъ», сказалъ онъ и вошелъ въ маленькій мой домишко. Тутъ наши мы столы, приготовленные уже съ водками и закусками разными, и всю маленькую мою гостинную, наполненную господами, ибо какъ случилось въ самое сіе время быть у меня моимъ кашинскимъ роднымъ, пріѣхавшимъ къ намъ незадолго до того времени, то они, вмѣстѣ съ моими хозяйкою и дѣтьми, занимали собою большую половину оваго. Намѣстникъ, будучи откровенно вѣжливый человекъ, а особенно

къ дамамъ, раскланявшись съ ними, просилъ ихъ всѣхъ садиться и сѣлъ потомъ самъ въ углу передъ ними. И не успѣвъ выпить подносимую водку, какъ, осматривая тѣсныя мои комнаты, сказалъ: «А, Боже мой! какъ вы живете тѣсно, нигдѣ у себя такое семейство». Ибо онъ счелъ племянниковъ моихъ дѣтьми моими. «Что дѣлать, ваше превосходительство, нужда чего не дѣлаетъ? Вѣдственный пожаръ принудилъ меня къ тому. Потерявъ весь домъ и потерпѣвъ великій убытокъ, радъ я былъ и сей хижины». — «Но, помилуй, сказалъ на сіе намѣстникъ, какъ это князь Сергѣй Васильевичъ не дозволилъ вамъ построить домѣтъ лучше и попросторнѣе этого; поспешилъ, видно, старикъ?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, онъ бы вѣрно этого не сдѣлалъ, но, къ несчастію, пожаръ случился послѣ его кончины, а сынъ его, князь Сергѣй Сергѣевичъ и того было хуже сдѣлалъ, приказалъ-было мнѣ срубить себѣ домъ изъ сырыхъ березъ, въ которомъ и жить бы никакъ было не можно, и я радъ уже былъ, что нашелъ сію небольшую свазь готовую у насъ въ гонималѣ и могъ ее сюда переставить». — «Смѣшно это, сказалъ намѣстникъ, но отъ этого вѣтра лучшаго и ожидать было не можно. Но теперь нельзя ли этому какъ-нибудь пособить и, напримѣръ, койца два-три сюда пристроить?» — «Какъ бы не можно, если бы ваше превосходительство, по милости своей, это приказать изволили». — «Съ превеликимъ удовольствіемъ, подхватилъ намѣстникъ, пристройте, судырь, себѣ сколько вамъ будетъ надобно и не жалѣйте и кошта, хотя бы то и нѣсколькихъ сотъ стоило — какая важность! По трудамъ вашимъ и раченію грѣхъ намъ будетъ, если мы заставимъ васъ долѣе жить въ такой тѣснотѣ и безпокойствѣ».

Легко можно заключить, что дозволеніе сіе было для меня весьма не противно. Я и все мое семейство принесли ему за то благодарности, и мы осыпали его благословеніями при выходѣ отъ насъ изъ дома.

Отъ меня пошелъ онъ прямо во дворецъ и занялся опять съ секретаремъ своими письменными въ кабинетѣ дѣлами. Сіе продлилось до самаго обѣда, и мы послѣ узнали, что онъ въ самое сіе время писалъ донесенія свои къ государынѣ о нашихъ волостяхъ и обо всемъ, имъ тутъ найденномъ. Господинъ Михайловъ, бывший въ сіе время его секретаремъ и со мною еще въ Калугѣ подержившійся, шепнулъ мнѣ о томъ, сказавъ, что въ донесеніяхъ сихъ позабытъ былъ и я, и что говорено и обо мнѣ весьма съ хорошей стороны. А сіе меня не только еще болѣе ободрило, но и увеличило мою приверженность, почтеніе и самую любовь къ намѣстнику.

По выходѣ его въ столу, просилъ сказать онъ мнѣ, чтобъ велѣлъ я приготовить какия-нибудь дрожки или телѣжку, говоря, что ему хочется, послѣ обѣда, съѣздить посмотреть нашъ госпиталь, магазинъ и прочее. Но я доложилъ ему, что не спокойнѣе ли будетъ въ каретѣ, въ которой во всѣ сіи мѣста проѣхать можно. «Очень хорошо, сказалъ онъ, но не худо, еслибъ были при томъ и дрожки».

Какъ все сіе было приготовлено, то послѣ обѣда, сѣли мы съ нимъ и прочими, съ нимъ бывшими, въ карету, а иные на дрожки, и поѣхали сперва на островокъ въ госпиталь. Тамъ, вода его по больницѣ и ввела въ нашу аптеку, не преминулъ я ему показать лягушки, изгнанной изъ волостной женщины и кое-какія другія вещицы, достойныя вниманія. И онъ смотрѣлъ на все съ любопытствомъ, говорилъ съ нашимъ тѣкаремъ по-нѣмецки и хвалилъ его за все раченіе. Изъ госпиталя провелъ я его въ маленькій англійскій садикъ и въ рощу, между госпиталемъ и церковью, на кладбищѣ находящуюся. И какъ были и тутъ кое-какія мои новыя насажденія, то съ удовольствіемъ гулялъ онъ и тутъ, говоря, что вездѣ-и-вездѣ находятъ и примѣчаетъ онъ слѣды моего хорошаго вкуса и раченія.

Посмотрѣвши все на островкѣ, поѣха-

ли мы прямо къ нашему магазину. Огромность сего зданія и наблюдаемый съ хлѣбомъ, въ немъ находящимся, порядокъ, отиѣнно ему понравились. Но осмотрѣвши всего тутъ находившагося, предложилъ я ему, не угодно ли ему будетъ взглянуть и на увеселительный гѣсокъ, подлѣ сего магазина находящійся, и проѣхаться по оному? «Очень хорошо, сказалъ онъ, но какъ же? Развѣ на дрожкахъ...» — «Какъ угодно, можно и въ каретѣ, можно и на дрожкахъ». Однако онъ избралъ сіи послѣднія.

Не успѣли мы въ прекрасный гѣсокъ сей вѣхаться, а я — повести его по главной аллеѣ, пересѣкаемой многими другими поперечными, прямыми и косыми, какъ намѣстникъ мой растералъ почти глаза, любуясь то тѣмъ, то другимъ мѣстомъ. И начались опять отъ него мнѣ похвалы и одобреніе моего вкуса. Съ превеликимъ удовольствіемъ извѣдидъ онъ почти весь сей гѣсокъ, а въ нѣкихъ мѣстахъ даже сходилъ и, гуляя по узенькимъ кривымъ дорожкамъ, присаживался отдыхать на дерновыхъ сидѣлкахъ, которыя были кое-гдѣ подѣланы, и любовался красотою положенія мѣста. Наконецъ, выведя его на отдаленнѣйшій край, предложилъ я, не угодно ли ему взглянуть на мой поднятый ключъ и мой водоводъ, отъ него проведенный? «Ахъ, судырь, сказалъ онъ; у меня только на умѣ было у васъ спросить, не можно ли отсюда къ нему проѣхать?» — «Очень можно, сказалъ я, и онъ очень здѣсь близокъ». — «Такъ повезите-жъ меня туда, я очень любопытенъ его видѣть».

Итакъ, поѣхали мы туда. И я, показывая ему оный, принужденъ былъ ему рассказывать въ подробности, какъ я производилъ сіе дѣло, и въ доказательство, что бьющій изъ него здѣсь ключъ былъ не натуральный, какииъ онъ его сперва почелъ, а поднятый и произведенный искусствомъ, — опускалъ въ него трость; и какъ она вся свободно уходила, то не могъ онъ довольно надивиться и расхваливать меня за мою выдумку, называлъ ее очень полезною. Не менѣе удля-

вилъ его и мой маленькій водоводъ, который ему такъ понравился, что онъ расположился для прогулки иттить вдоль всего его до самаго сада, а особенно желая видѣть, какъ перевелъ я его черезъ здѣсь бывшія вершины.

Тутъ не успѣли мы поравняться противъ фальшиваго моего зданія, поверхъ котораго проведенъ былъ оній, какъ, остановивъ его, сказалъ я ему: «вотъ, ваше превосходительство, и то фальшивое зданіе, которое вы вчера съ той стороны изволили видѣть. Не сушій ли вздоръ составляетъ оно здѣсь?» — «То подлинно, что сушій вздоръ, сказалъ онъ, смотря на сіе сверху и удивляясь, — и повѣрить бы не можно, что вся эта бириберда вдали представляла такой прекрасный видъ. Вотъ, судирь, обратась къ идущему съ нами губернскому землемѣру, онъ продолжалъ: вашъ вчерашній развазившійся монастырь; но признайтесь, что потребно было къ тому особое искусство, чтобъ штуку сію сдѣлать». — «Да, ваше превосходительство, отвѣчалъ землемѣръ, мнѣ не случилось еще нигдѣ видѣть сему подобнаго». — «То-то, судирь, подхватилъ намѣстникъ, не одни вы звѣзды съ небесъ хватаете, а есть и другіе люди, у которыхъ и вы кое-что перенимать должны».

Но сколь ни удивлялся онъ сему, но удивленіе его увеличилось еще болѣе, когда дошли мы до первой вершины, и онъ увидѣлъ, какъ я переводилъ воду чрезъ оную. «Ахъ, Боже мой! воскликнулъ онъ, можно-бъ было воображать сіе! Какое однако простое и ничего не стоящее и прекрасное средство! Ну, Андрей Тимошеевичъ, за эту выдумку стѣить тебѣ сказать особое спасибо; ты ею многихъ на разумъ наставишь. Но, помилуй, взглянувъ опять и на другую сторону за оврагъ, продолжалъ онъ: какъ же это, кажется тамъ водоводъ вашъ со всѣмъ вверхъ и въ гору пошелъ?» — «Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, какъ ему вверхъ иттить, а напротивъ того, я на всякихъ десяти саженахъ дѣлалъ по вершкѣ униженія, дабы вода могла имѣть свое теченіе, а это обманываетъ насъ толь-

ко зрѣніе». — «Удивительно мнѣ это, подхватилъ намѣстникъ, я истинно готовъ бы хотѣть объ закладъ битися, что тамъ вода вверхъ течетъ, а теперь вижу самъ, что этому быть не можно. Ты истинно вездѣ чудеса строишь».

Симъ образомъ идучи, мало-по-малу дошли мы до второй и притомъ ведущей уже къ саду вершины. Но какъ тутъ водоводъ шолъ по раскопанной дорогѣ, усыпанной пескомъ, и имѣлъ видъ натурального ручья, то начались у насъ опять удивленія и толки о томъ, какъ обманываетъ онъ собою зрѣніе и какъ кажется, что онъ вверхъ идетъ. Намѣстникъ то-и-дѣло твердилъ: «истинно, что божесть я готовъ, что ручей сей вверхъ течетъ». Когда дошли мы до сада, то началъ я ему показывать тѣ мѣста, кои почиталъ я наиблагочиннѣйшими для садовыхъ зданій. «Вотъ здѣсь на этомъ бугрѣ, говорилъ я, всего бы приличнѣе построить небольшую прозрачную ротонду на колонахъ; она оживила бы весь садъ и была наилучшимъ ему украшеніемъ. Есть въ давнишней книгѣ и прекрасный рисунокъ оной. А бугоръ этотъ можно бы одѣть камнями и придать ему видъ искусный, какъ каменный. Вотъ тамъ можно сдѣлать вечернюю, а тамъ полуденную сидѣлку, и такъ далѣе».

Намѣстникъ слушалъ все со вниманіемъ, но не говорилъ ни слова. Наконецъ, увидя большую яму, подлѣ поманутаго бугорка находящуюся, спросилъ: «а это что за яма, конечно погребная при бывшемъ тутъ жильѣ?» — «Точно такъ, сказалъ я, тутъ былъ дворъ поповскій и его былъ тутъ погребъ». — «Но его, Андрей Тимошеевичъ, надо бы засыпать». — «А я такъ совсѣмъ противное тому думаю, отвѣчалъ я, а мнѣ не удастся ли тутъ сдѣлать что-дѣло такое, что могло-бъ также быть пріятнымъ сюрпризомъ для вашего превосходительства». — «Ну, судирь, сказалъ мнѣ на сіе намѣстникъ, такъ я не хочу мѣшаться въ ваши замыслы и намѣренія, а дѣлайте что заблагоразсудите, а скажу только, что ежели-бъ что потребовало и небольшихъ ~~денегъ~~ ~~денегъ~~, по-

жалуйте, не отписываясь ко мнѣ, ихъ употребляйте. Я увѣренъ, что вы не потеряете ни полушки попустому и сохраните нужную экономію».—«О, конечно, ваше превосходительство, въ этомъ можете вы на меня, какъ на самихъ себя, положиться, и я вѣрно самъ не подумаю при томъ наживаться, а скорѣе и охотнѣе своего собственнаго лишуся, нежели подумаю о неправдивомъ какомъ приобрѣтеніи».—«Въ этомъ я, судирь, подхватилъ намѣстникъ, не сомнѣваюсь ни мало, и всѣ ваши дѣянія мнѣ то доказываютъ ясно».

Отоседь отъ сего мѣста, пошелъ онъ опять по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходилъ накануне, и вновь всѣмъ-и-всѣмъ любовался. И тогда указалъ я ему еще одно мѣсто на горѣ, удобное для сдѣланія тамъ небольшого павильона, говоря, что и сему также присланъ въ книгѣ у меня рисунокъ, и что хорошо бы, если со временемъ воздвигнуть такой садовый храмикъ. Намѣстникъ и при семъ случаѣ промолчалъ. А пришедъ опять въ мраморнымъ пескамъ, любовался вновь оними и спрашивалъ уже обстоятельнѣе, что-и-что думаю я тутъ еще сдѣлать, и я принужденъ былъ рассказывать ему всѣ мои преднамѣренія, и казалось, что всѣми ими былъ доволенъ.

Отсюда ведя его далѣе по набережной, завелъ я рѣчь о ново-открытомъ мною источникѣ съ минеральною водою и сказалъ ему, что мнѣ недавно случилось найти въ самой близи отъ сихъ мѣстъ колодезь съ водою, которая по всѣмъ примѣтамъ кажется мнѣ быть минеральною и содержащею въ себѣ множество марціальныхъ и селенитныхъ частицъ.

Какъ намѣстникъ былъ во всѣхъ такихъ случаяхъ весьма любопытный человекъ и жадно ловилъ всё, замѣчанія достойное,—то ухватился онъ и за сей предметъ и хотѣлъ источникъ сей видѣть. Итакъ, принужденъ я былъ довести его и до онаго, и показавъ, рассказать ему, почему именно я догадываюсь, что онъ минеральный, и какіе я съ водою сего дѣлалъ опыты. Сіе возбудило еще болѣе

его любопытство, и онъ хотѣлъ ихъ видѣть лично. Почему я тотчасъ и послалъ за кувшиномъ и за порошкомъ, натолченнымъ изъ чернильныхъ орѣшковъ, и приказалъ принести оные прямо во дворецъ (куда мы отъ сего мѣста пошла) и велѣлъ вмѣстѣ принести и сей воды, почерпнутой изъ самаго бьющаго изъ земли ключа.

Какъ по возвращеніи во дворецъ было еще довольно рано, то куда ходили за водою и готовили чай, занялся намѣстникъ разсматриваніемъ моихъ садовыхъ Гиршфельдовыхъ книгъ. И какъ всѣ онѣ наполнены были множествомъ эстамповъ и разныхъ изображеній, то, перебирая ихъ, онъ всѣ листы разсматривалъ съ превеликимъ любопытствомъ и мнѣ сказалъ: «Ну, судирь, гдѣ та ротунда и павильонъ, которые вами тутъ замѣчены?» Я тотчасъ ихъ ему прислалъ, и какъ они ему въ полной мѣрѣ понравились, то, призвавъ архитектора г. Сокольниковъ, ему сказалъ: «Какъ бы, Кузьма Семеновичъ, сихъ зданій сдѣлать поболѣе и такіе планы, по которымъ можно-бы было здѣсь ихъ Андрею Тимофеевичу построить?»—«Очень хорошо, ваше превосходительство, сказалъ г. Сокольниковъ, это уже можно очень скоро сдѣлать, и они въ утру могутъ быть готовы».—«О, такъ возьмите-жь, судирь, эту книгу и потрудитесь; а вы, Андрей Тимофеевичъ, сдѣлали-бы мнѣ превеликое удовольствіе, если-бы пріѣхали ко мнѣ въ мою подмосковную деревню, гдѣ я около 1-го числа августа находиться буду. Я-бы, судирь, вамъ показалъ и садъ, сельское жилище, и мы бы съ вами походили тамъ, и также подумали кое-о-чемъ».—«Съ превеликимъ удовольствіемъ, сказалъ я на сіе, я готовъ исполнить повелѣніе вашего превосходительства».—«Но привезите съ собою, пожалуйста, и всѣ тѣ книги, сказалъ намѣстникъ, мнѣ хочется ихъ на досугъ подолѣе поразсмотрѣть».—«Очень хорошо», сказалъ я. И увидѣвъ, что принесли минеральную воду и порошокъ въ бутылкѣ, продолжалъ: «вотъ и вода; не угодно-ли вашему превосходительству ви-

дѣтъ?» И какъ онъ изъяснилъ свою къ тому охоту, то велѣлъ я подать два стакана, и одинъ изъ нихъ налить простою, а другой—сею водою; и потомъ взялъ порожну изъ чернильныхъ орѣшковъ, всыпалъ его нѣсколько въ стаканъ съ простою водою и сказалъ: «вотъ изволите видѣть, ваше превосходительство: въ простой водѣ не дѣлается оттого никакой перемѣны, а въ сей произойдетъ совсѣмъ не то: и какъ посыпать въ нее, она въ тотъ же мигъ сдѣлается алою». Намѣстника сіе такъ удивило, что онъ смотрѣлъ на сіе съ превеликимъ любопытствомъ и говорилъ, что не оставитъ онъ и о семъ предметѣ подумать и велитъ ее испытать господамъ химикамъ.

Поданный въ сіе время чай и угощеніе онымъ всѣхъ, тамъ бывшихъ, прервало наконецъ нашъ любопытный разговоръ. Послѣ чая пошелъ намѣстникъ ходить опять по всѣмъ комнатамъ и разговаривалъ со мною о томъ, какъ бы ихъ описать лучше. И какъ я замѣтилъ, что ему очень не нравилось тогда расположеніе нинихъ комнатъ и что не было сообщенія изъ нихъ съ заломъ,—то сказалъ я: «это легко можно и сдѣлать: стѣнитъ только проломать вотъ въ этомъ мѣстѣ и сдѣлать дверь, такъ и будетъ сообщеніе всѣхъ комнатъ между собою». — «И въ самомъ дѣлѣ, подхватилъ намѣстникъ, вы меня на разумъ наставили и, пожалуйста, это сдѣлайте».

Симъ и кончился у насъ съ нимъ тогда разговоръ, ибо и достальное время занимался онъ разговорами съ городничимъ. А по-утру, на другой день, отправилъ прямо отъ себя курьера въ Петербургъ, вручилъ ему и ларчикъ съ песчанникомъ, и осыпавъ меня своими благодареніями, въ полномъ удовольствіи поѣхалъ отъ насъ въ Елифанъ и другіе города губерніи нашей.

А симъ дозвольте мнѣ и сіе письмо окончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 5-го дня 1810 года. Дворени-ново).

Письмо 219-е.

Любезный пріятель! Съ коликимъ удовольствіемъ поѣхалъ отъ насъ намѣстникъ, съ толкимъ же, или еще множайшимъ, остался и я, проводивъ отъ себя сего достопочтеннаго и любезнаго вельможу. Все его пріятельское и благосклонное обращеніе со мною въ сей разъ такъ меня очаровало, что я, сдѣлавшись еще приверженнѣйшимъ къ нему, одушевился новою и большею еще охотою къ дальнѣйшему продолженію моихъ садовыхъ работъ. И какъ и до того не чувствовалъ даже усталости при всѣхъ многочисленныхъ трудахъ, мною употребленныхъ, такъ и съ сего времени сдѣлались они мнѣ не только еще сноснѣйшими, но даже еще пріятнѣйшими. И сей случай доказалъ мнѣ, что ни что не могло меня такъ много возбуждать къ трудамъ и дѣятельности, какъ похвала и одобреніе оныхъ.

Какъ намѣстникъ при отъездѣ своемъ оставилъ мнѣ уже сдѣланные господиномъ Сокольниковымъ и имъ апробованные планы ротундъ и павильону, а вскорѣ хотѣлъ прислать ко мнѣ планъ и тѣмъ двумъ каменнымъ корпусамъ, которые подлѣ церкви хотѣлъ онъ построить для богадѣльни и училища, а въ разсужденіи сада даже просилъ меня продолжать далѣе мои труды и работы и относительно до употребленія рабочихъ людей и самыхъ даже денежныхъ коптовъ, развязалъ мнѣ совершенно руки, предоставляя все собственному произволу и благоусмотрѣнію, — то, всходствіе того, не успѣлъ я его отъ себя проводить, какъ и привался я опять и съ вѣщшею еще прилежностію за садовыя работы, и пользуясь продолжающимся тогда напспособнѣйшимъ къ тому времени въ году, употреблялъ почти все свое время на оныя.

Мое первое дѣло относилось тогда до той погребной ямы, о которой загадалъ я намѣстнику загадку и въ разсужденіи которой, по-счастію, и не сталъ онъ тогда

меня о намѣреніи моемъ въ подробности распрощивать, а сказалъ только, что онъ не хочетъ о томъ напередъ и знать, дабы тѣмъ сюрпризъ былъ для него пріятнѣе, а предоставилъ все моему произволу. Намѣреніе же мое состояло въ томъ, чтобы смастерить на семь мѣстъ подземельный порадочный гротъ и расположить и устроить его такъ, чтобы снаружи былъ онъ совсѣмъ непримѣтенъ. А какъ и замышляемую мною давно уже ротунду мнѣ можно было на находящемся подлѣ самой сей ямы бугорѣ, по желанію моему, воздвигнуть,—то я велѣлъ тотчасъ плотникамъ срубить изъ бревенъ довольно просторный четверугольный срубъ, а рабочимъ людямъ, по мѣрѣ сего сруба, ему сію раскапывать еще больше, дабы весь оный срубъ въ нее и такъ глубоко опустить можно было, чтобы осталось еще довольно мѣста для срубленія надъ ней дубоваго осмугольника, на подобіе свода купола, и оный сверху покрыть землею и, устлавъ оную дерномъ, скрыть чрезъ то весь оный подъ землею и дать мѣсту сему скорѣе видѣ только маленькаго холмика, съ поставленіемъ на ономъ на пьедесталѣ мраморной статуи, каковыхъ находилось у насъ довольно купленныхъ еще покойнымъ княземъ Сергѣемъ Васильевичемъ въ Петербургѣ на корабляхъ и въ Богородицѣ еще до пріѣзда моего доставленныхъ (нѣкоторыя изъ нихъ я употребилъ велѣлъ для украшенія сада). Одну-то изъ сихъ замышлялъ я употребить въ сему, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пьедесталъ подъ нею сдѣлать пустой и стеклянный и чтобы онъ служилъ лампадою надъ гротомъ и выпускалъ сквозь себя сверху свѣтъ въ него.

Въ дѣлѣ семъ съ такимъ прилежаніемъ я трудился, что гротъ сей въ теченіе одной недѣли оконченъ уже былъ у меня вчернѣ, и осталось уже помышлять о внутреннемъ украшеніи онаго и о сдѣланіи въ него двухъ входовъ. Изъ сихъ разсудилъ я сдѣлать одинъ со стороны отъ города и отъ находящагося подлѣ самого его меньшаго въ полугорѣ водоема, а другой — съ боку. И дабы лучше

гротъ могъ сдѣлаться непримѣтнымъ, то издумалось мнѣ сдѣлать ихъ, родомъ просто и изъ дикихъ каменьевъ составленныхъ подземельныхъ пещеръ, изъ которыхъ одну въ четыре шага, покороче, а другую подлиннѣе, и придать имъ видъ koliko можно натуральный.

Всходствіе чего прорывъ въ материкъ съ двухъ сторонъ входы, велѣлъ я навозить множество всякаго рода дикихъ и разноцвѣтныхъ разной величины каменьевъ, и укладъ ими бока сихъ входовъ, подѣлалъ надъ ними потолки дубовые, велѣлъ насыпать каменьевъ, и прибралъ сіе снаружи олять все такъ, чтобы дѣрева совсѣмъ было не видно и они казались бы натурою произведенными каменными сводами.

Между тѣмъ какъ все сіе дѣлалъ, употребилъ я выкопанную изъ сей ямы и ровъ землю въ другое дѣло. Я велѣлъ ею возвысить помянутый бугоръ, назначаемый подъ ротунду, и для лучшаго вида весь оный съ трехъ сторонъ обнести многими разной величины дикими каменьями, и смастерить такъ, что будущая ротунда могла бы казаться стоящей на мысѣ крутой каменной горы и чрезъ то имѣть болѣе пышности и великолѣпія.

Не успѣлъ я сего кончить и дать пройти нашей годовой Казапской ярманки, которая въ сей годъ не ознаменовалась ничѣмъ особляемымъ, кромѣ обыкновеннаго стеченія великаго множества простаго народа, и того, что случилось мнѣ при семъ случаѣ впервые узнать и спознакомиться съ Львомъ Савичемъ Брюковымъ, сдѣлавшимся потомъ нашимъ родственникомъ,—какъ принялся я за произведеніе въ дѣйство другой и также достопамятной затѣи.

Я упоминалъ вамъ въ предыдущемъ письмѣ, что, кромѣ большаго и длиннаго моего водовода, удалось найти и еще одну воду въ ближней вершинѣ, и не только ближе, но и столь высокую, что мнѣ можно было провести ее другимъ водоводомъ къ самому почти дворцу, и тутъ, на самой на горѣ, произвести изъ нея нѣсколько водоемовъ. И какъ одно-

му изъ нихъ случилось сдѣланнымъ быть подлѣ самаго того мѣста, гдѣ назначилъ я быть каменной круглой бесѣдкѣ, или навильону, существующему и помнятъ,—то вздумалось мнѣ сдѣлать отъ самаго мѣста по крутизнѣ горы особый родъ каменнаго каскада, который бы оканчивался внизу подлѣ самаго входа въ песчаннаго пещеры, которыя восхотѣлось мнѣ украсить каменными воротами, дабы при выходѣ изъ пещеры въ садъ вдругъ могло поразиться зрѣніе неожиданно симъ каскадомъ, а слухъ — величественнымъ шумомъ, производимымъ стеченіемъ водъ въ одно время со многихъ и съ разныхъ сторонъ высокихъ водосточковъ.

Затѣя сія была особая, и мнѣ удалось произвести ее отлѣнно удачно. Она хотя и стоила мнѣ многихъ трудовъ, поелику надобно было навозить туда преобладающее множество дикихъ каменцевъ и изъ всѣхъ изъ нихъ произвести родъ натуральной каменной горы съ разными ущельями и неровностями, изъ которыхъ могла-бы вдругъ и съ превеликимъ шумомъ стремиться и съ разныхъ сторонъ сбѣгать внизъ спущенная въ шлюзикъ изъ верхняго водоема вода. Но какъ бы то ни было, но выдумка сія удалась и вышла штука, зрѣніа и удивленія достойная и превосходящая даже красотою своею самое мое ожиданіе.

Между тѣмъ какъ мы дѣланіемъ сего большаго каскада занимались, забыты были совсѣмъ кабинетныя мои упражненія. При всѣхъ моихъ недосугахъ и непрерывныхъ надворныхъ занятіяхъ, улучалъ кое-когда цѣлыя часы къ занятію себя и письменными упражненіями, а особливо сочиненіемъ матеріала для моего «Экономическаго Магазина», котораго въ изданіи не хотѣлось мнѣ никакъ сдѣлать наималѣйшей остановки. Итакъ, не одно утро и праздное полуденное время, когда работные люди отдыхали, препроводилъ я въ писаніи. Но, кромѣ того, затѣяно было у меня съ сыномъ еще одно дѣло. Мнѣ не хотѣлось къ намѣстнику, по его приглашенію, пріѣхать въ гости съ пустыми руками. И какъ около самаго

сего времени искусство составлять ландшафтныя картины изъ однихъ травокъ и листиковъ цвѣточныхъ довели мы съ сыномъ до нарочитаго совершенства, то и вздумалось мнѣ (къ тому времени какъ мнѣ ѣхать къ намѣстнику) смастерить съ нимъ нарочитой величины прекрасную травяную мозаическую ландшафтную картину, за хорошимъ стекломъ и за богатыми раззолоченными рамками, и сдѣлать ею намѣстнику сюрпризъ и подарокъ, мнѣ хотя очень мало стбюцій, но ему приятный. Итакъ, оба мы съ сыномъ совокупно симъ трудомъ и занимались и успѣли и сіе дѣльце сдѣлать.

Наконецъ, сталъ приближаться и августъ мѣсяцъ. И какъ первое число онаго назначено было къ тому, чтобъ мнѣ находиться уже въ сіе время у него въ его подмосковной деревнѣ,—то и расположился я отправиться туда нѣсколько поранѣ, за недѣлю до сего срочнаго времени, дабы, пользуясь симъ случаемъ, захватить мнѣ и въ свое Дворянново и пробыть въ ономъ хотя нѣсколько сутокъ. А какъ и сыну моему хотѣлось вмѣстѣ со мною побывать въ нашей деревнѣ и потомъ съѣздить къ отцу своему крѣстному, господину Полонскому, и у него все то время погостить, покуда я проѣзжу къ намѣстнику,—то расположился я и его взять съ собою для соговарившества.

Итакъ, собравшись въ сей путь, поѣхали мы съ нимъ 25-го августа изъ Богородицка. При проѣздѣ, въ Тулѣ подрядили мы съ г. Давыдовымъ тамошнихъ столарей сработать намъ ту прекрасную ротунду, которая такъ много потомъ украсила собою нашъ садъ Богородицкій. И сдѣлавъ мимоѣздомъ и сіе дѣло, пустились далѣе.

Въ деревню свою пріѣхали мы съ нимъ 27-го августа, и такъ рано, что успѣли съ нимъ еще въ тотъ же день обѣгать и обходить всѣ наши сады и всю усадьбу. Всѣ ихъ нашли мы въ жалкомъ и запустѣломъ почти состояніи. Ибо какъ по стеченію обстоятельствъ не удавалось мнѣ во всѣ послѣдніе передъ симъ годы въ

деревнѣ своей въ лѣтнее время побывать, а того меньше проводить въ ней нѣсколь- ко дней, то отсутствіе сіе произвело великія уже во всемъ пережѣны. А особливо — по обстоятельству, что прикащикъ мой былъ самый простой человекъ и не столько питѣлъ попеченіе о домѣ и о прочемъ, сколько о своемъ карманѣ; а старикъ-садовникъ мой, дядя Серѣга, такъ уже одряхлѣлъ, что почти ничего дѣлать былъ не въ состояніи, а младшій его ученикъ Иванъ былъ также не слишкомъ ретивъ и болѣе плутовать, нежели обо всемъ рачителенъ,—то натурально должны были произойти оттого во всемъ великія и для меня крайне неприятыя упущенія. Словомъ: я нашелъ все въ такомъ беспорядкѣ, что не хотѣлось почти ни на что и взглянуть, и если-бъ не утѣшало обоихъ насъ прекрасное положеніе мѣсть, которыми натура одарила нашу усадьбу, то было-бъ намъ очень скучно.

Со всѣмъ тѣмъ, имѣли мы съ сыномъ множество минутъ пріятныхъ. Послѣ- шествовало къ тому много то, что какъ тогда вкусъ мой, относительно до са- довъ, совсѣмъ пережѣнился, и я, раз- любивъ сады старинныя регулярныя, по- любилъ уже иррегулярныя, натуральныя и прекрасныя (а симъ вкусомъ напитался уже и сынъ мой, дѣлающійся уже во всѣхъ моихъ упражненіяхъ и затѣяхъ нарочитымъ уже мнѣ товарищемъ и по- мощникомъ),—то у обоихъ у насъ и прои- зошли тогда первѣйшія мысли о превра- щеніи и нашихъ садовъ, а особливо на- горнаго и нижняго, изъ регулярныхъ въ натуральныя. А посему и пошли у насъ съ нимъ тотчасъ разные замыслы и затѣи о томъ, какъ бы сіе сдѣлать и гдѣ бы что и какъ пережѣнить или что вновь со временемъ сдѣлать.

Желаніе наше къ сему было такъ ве- лико, что мы готовы-бъ были и тогда уже приступить къ сему преобразованію оныхъ, если-бъ не препятствовало къ се- му съ одной стороны сколько краткость времени, столько съ другой и бывшая тогда самая рабочая и такая пора, что нельзя было никого оторвать съ поля

для работъ садовыхъ и прочи- шихъ затѣвъ въ дѣйстви- тельности. Принужденъ я былъ довольство- ваться тѣмъ, что успѣлъ и осмотрѣть всѣ мои дачи и выйдаться съ братомъ Михаиломъ всевечеръ и сдѣлать кое-какія распоряженія въ домѣ. Совсѣмъ тѣмъ минули мы съ сыномъ весну, хотя тѣми темногими людьми съ нами пріѣхали, и бывшими и при помощи ихъ расчистить и нѣ свои течку, и начали кое-что дѣлать, сообразно съ нашими на- тѣями. И можно сказать, что были достопамятною для самихъ эпохою въ будущемъ времени, ромъ начались съ ними работы, относящіяся до ихъ пра- ванія.

Препроводивъ въ снѣхъ свои упражненія въ сей разъ не болѣе или трехъ дней, поѣхали мы наконецъ къ другу моему, госпо- дню Зыбинку. Сего уже совсѣмъ въ иномъ поло- женіи въ какомъ любезный чело- векъ прежде. Онъ былъ уже та- кимъ, ибо жена его, съ которою нѣсколько до того времени поссо- разошолся, умерла. Онъ же, и уединеніи, не только отаготы одряхлѣлъ пріятнымъ образомъ бы еще не составляло дальней- но пережѣнило все положеніе, а болѣе то, что онъ связался тѣс- ною съ однимъ изъ господъ | пыхъ, Александромъ Левонтьемъ ловѣкомъ хотя не глупымъ, и дурнѣйшаго характера, умѣвши- му такъ подольститься, что онъ его на одной бѣдной сосѣдкѣ, ему даже одну изъ деревень съ близости тутъ находящуюся. Но сто благодарности за то, причю- тому, къ чему онъ до того ни и не сроденъ, а именно къ частотѣ или, прямѣе сказать, спилъ его кругу. Словомъ, я ахнулъ ажъ его въ такомъ положеніи, что

и на что уже не походила, уже о томъ, что завезъ съ у своего сына. Но какъ съ о къ намѣстнику взять невозможно, то принужденъ уже въсколькo дней у него по г. Полонскому, повидн-но противно, ибо, по прежней дружбѣ, все еще былъ онъ въ и дружелюбенъ.

Обѣдавъ у него и оставивъ а въ Зыбневѣ, пустился я еще день далѣе. Переноче-уховѣ, пробирался кое-какъ дорогами и пріѣхалъ на-амѣстнику столь рано, что же съ нимъ обходить многія ады.

у намѣстника тутъ прекрас-й домъ, во всемъ почти по-му богородицкому, и рас-ую усадьбу. Онъ жилъ тутъ ой англійскій лордъ, и все ано было тутъ по-боярски. находилса регулярный садъ, мѣ бесѣдокъ и разныхъ до-эдъ домомъ обширное мѣсто ии прудами, а за нимъ уви-хру, протекающую прекра-ю, а за оною и по сторо-ный лѣсъ и рощи. Словомъ: ста было пышное и такое, ко оное, ровно какъ и все то, ано было, хвалить былъ дол-

къ пріѣздомъ моимъ былъ въ, а поднесенною ему кар-го болѣе. Онъ не могъ ею до-юваться и показывалъ всемъ ну, а особливо фаворитѣ гъ Вельяминовой, которая го тогда тутъ же съ своимъ при семь-то случаѣ насмо-льно сей госпожѣ, игравшей ю ролю, и не могъ довольно а мужу, нечувствующему ни оттого стыда, что носилъ званіе мужа, и жертвующе-ою въ угодность сему вель-е столько удивителенъ былъ ише къ «русской старинѣ» 1872 г.

миъ опъ, сколько отецъ сей госпожи. Онъ былъ г. Бувины и служилъ тогда город-ничимъ въ городѣ Бѣлевѣ, гдѣ намѣст-никъ и познакомился съ симъ семей-ствомъ. Говорили, что будто бы и самъ отецъ и мать сей госпожи, бывшей тогда дѣвушкою, поспѣшествовали сами такому знакомству дочери своей съ намѣстни-комъ, и единственно для того, чтобъ поль-зоваться его милостію. И дабы можно было ему ее имѣть всегда у себя въ бли-зости, то и выдана она была за молодого человѣка, изъ фамиліи Вельяминовыхъ, котораго намѣстникъ по самому сему слу-чаю произвелъ въ люди, и который, на-ходясь при немъ въ должности совѣтни-ка правленія, игралъ также тогда важную роль. Но какъ бы то ни было, по для ме-ня, какъ посторонняго человѣка, не было въ томъ никакой нужды, и я доволенъ былъ тѣмъ, что и госпожа сія обходи-лась со мною довольно ласково и совѣтъ не такъ гордо, какъ съ другими.

Для жительства миъ отвѣдена была одна бесѣдка въ саду его, чѣмъ я былъ и доволенъ. Намѣстникъ принялъ меня какъ гостя и тотчасъ повелъ меня показы-вать все имъ сдѣланное въ своей усадь-бѣ. Я хотя и хвалилъ все, но находилъ вездѣ болѣе употребленнаго кошта къ работѣ, нежели вкуса. Но умалчивалъ о томъ, а преподавалъ ему только мысли о разныхъ другихъ вещахъ, которыя, по миѣнію моему, было бы не дурно еще сдѣлать. Всѣми сими, какъ въ тотъ, такъ и въ послѣдующій день такъ я его прель-стилъ, что онъ смѣясь сказалъ миѣ на-коонецъ: «Нѣтъ, вѣтъ, Андрей Тимоее-вичъ, впредь ты ко миѣ, пожалуй, сюда не ѣзди, а то ты меня заведешь въ без-конечныя хлопоты и убытки своими за-малчивными предложеніями».

На другой день съѣхалось къ намѣст-нику множество другихъ гостей и весь оный провели мы весело, и такъ, какъ бываетъ въ Англіи. По-утру собралась мы всѣ пить къ нему чай; совокупно и для завтрака, поставленъ былъ въ залѣ большой круглый столъ; и за нимъ, си-дючи кругомъ, пили мы чай. Потомъ, до

деревнѣ своей въ дѣтнее время побывать, а того меньше проводить въ ней нѣсколь-
ко дней, то отсутствіе сіе произвело ве-
ликія уже во всемъ пережѣны. А особли-
во — по обстоятельству, что прикащикъ
мой былъ самый простой человекъ и не
столько имѣлъ попеченіе о домѣ и о про-
чемъ, сколько о своемъ карманѣ; а ста-
рикъ-садовникъ мой, дядя Серѣга, такъ
уже одряхлѣлъ, что почти ничего дѣлать
былъ не въ состояніи, а младшій его уче-
никъ Иванъ былъ также не слишкомъ
ретивъ и болѣе блутовать, нежели обо
всемъ рачителенъ, — то натурально дол-
женствовало произойти оттого во всемъ
великія и для меня крайне непріятныя
упущенія. Словомъ: я нашелъ все въ та-
комъ безпорядкѣ, что не хотѣлось почти
ни на что и взглянуть, и если-бъ не утѣ-
шало обоихъ насъ прекрасное положеніе
мѣстъ, которыми натура одарила нашу
усадьбу, то было-бъ намъ очень скучно.

Со всѣмъ тѣмъ, имѣли мы съ сыномъ
множество минутъ пріятныхъ. Посѣ-
ществовало къ тому много то, что какъ
тогда вкусъ мой, относительно до са-
довъ, совсѣмъ пережѣнился, и я, раз-
любивъ сады старинныя регулярныя, по-
любилъ уже иррегулярныя, натуральныя
и прекрасныя (а снѣгъ вкусомъ напитал-
ся уже и снѣгъ мой, дѣлающійся уже во
всѣхъ моихъ упражненіяхъ и затѣяхъ
нарочитымъ уже мнѣ товарищемъ и по-
мощникомъ), — то у обоихъ у насъ и прои-
зошли тогда первѣйшія мысли о превра-
щеніи и нашихъ садовъ, а особливо на-
горнаго и нижняго, изъ регулярныхъ въ
натуральныя. А посему и пошли у насъ
съ нимъ тотчасъ разные замыслы и затѣи
о томъ, какъ бы сіе сдѣлать и гдѣ бы
что и какъ пережѣнить или что вновь со
временемъ сдѣлать.

Желаніе наше къ сему было такъ ве-
лико, что мы готовы-бъ были и тогда
уже приступить къ сему преобразованію
оныхъ, если-бъ не препятствовало къ се-
му съ одной стороны сколько краткость
времени, столько съ другой и бывшая
тогда самая рабочая и такая пора, что
нельзя было никого оторвать съ поля

для работъ садовыхъ и производства на-
шихъ затѣевъ въ дѣйство, — и потому
принужденъ я былъ довольствоваться од-
нимъ только тѣмъ, что успѣлъ объѣздить
и осмотрѣть всѣ мои дачи и уголья, по-
видаться съ братомъ Микханломъ Мат-
веевичемъ и сдѣлать кое-какія распо-
ряженія въ домѣ. Совсѣмъ тѣмъ, не пре-
минули мы съ сыномъ воспользоваться
хотя тѣмъ немногими людьми, которые
съ нами пріѣхали, и бывшими въ домѣ,
и при помощи ихъ расчистить въ верши-
нѣ свою течку, и начали кое-что и другое
дѣлать, сообразно съ нашими новыми за-
тѣями. И можно сказать, что дни сіи
были достопамятною для садовъ моихъ
эпохою въ будущемъ времени, въ кото-
ромъ начались съ ними превращенія ра-
боты, относящіяся до ихъ преобразо-
ванія.

Препроводивъ въ снѣгъ замислахъ и
упражненіяхъ въ сей разъ не болѣе двухъ
или трехъ дней, повѣхали мы съ нимъ
наконецъ къ другу моему, господину По-
лонскому, въ его Зыбинку. Сего нашелъ
я уже совсѣмъ въ иномъ положеніи, не-
жели въ какомъ любезный человекъ сей
былъ прежде. Онъ былъ уже тогда вдов-
ецъ, ибо жена его, съ которою онъ, за
нѣсколько до того времени поссорившись,
разошелся, умерла. Онъ же, живучи въ
уединеніи, не только отяготѣлъ, но и
одряхлѣлъ примѣтнымъ образомъ. Но сіе
бы еще не составляло дальней важности,
но пережѣнило все положеніе его, на-
болѣе то, что онъ связался тѣсною дру-
бою съ однимъ изъ господъ Шинжи-
ныхъ, Александромъ Левонтьевичемъ, че-
ловѣкомъ хотя не глупымъ, но самаго
дурнѣйшаго характера, умѣвшимъ къ не-
му такъ подольститься, что онъ, женивъ
его на одной бѣдной сосѣдкѣ, подарилъ
ему даже одну изъ деревень своихъ, въ
близости тутъ находящуюся. Но сей, вмѣ-
сто благодарности за то, пріучилъ его къ
тому, къ чему онъ до того ни мало былъ
не сроденъ, а именно къ частому гулянью
или, прямѣе сказать, спилъ его почти съ
кругу. Словомъ, я ахнулъ ажно, напедъ
его въ такомъ положеніи, что тогдашней

его жизнь ни на что уже не походила, и сожалѣлъ уже о томъ, что завезъ съ собою къ нему своего сына. Но какъ съ собою мнѣ его къ намѣстнику взять никакъ было не можно, то принужденъ уже былъ его на нѣсколько дней у него покинуть, что и г. Полоцкому, повидимому, было не противно, ибо, по прежней своей ко мнѣ дружбѣ, все еще былъ онъ ко мнѣ ласковъ и дружелюбенъ.

Итакъ, отобѣдавъ у него и оставивъ своего Павла въ Зыбннкѣ, пустился я въ тотъ же еще день далѣе. Переночевавъ въ Серпуховѣ, пробирался кое-какъ проселочными дорогами и пріѣхалъ наконецъ къ намѣстнику столь рано, что мы успѣли еще съ нимъ обходить многія мѣста его усадьбы.

Я нашолъ у намѣстника тутъ прекрасный каменный домъ, во всемъ почти подобный нашему богородицкому, и рас-прекраснѣйшую усадьбу. Онъ жилъ тутъ какъ бы какой англійскій лордъ, и все у него прибрано было тутъ по-болярски. Позади дома находилась регулярный садъ, со множествомъ бесѣдокъ и разныхъ домиковъ, а предъ домомъ обширное мѣсто съ нѣсколькими прудами, а за нимъ увидѣлъ рѣку Пахру, протекающую прекрасною излучиною, а за оною и по сторонамъ прекрасный лѣсъ и рощи. Словомъ: положеніе мѣста было пышное и такое, что я не иначе оно, ровно какъ и все то, что имъ сдѣлано было, хвалить былъ долженъ.

Намѣстникъ пріѣздомъ моимъ былъ очень доволенъ, а поднесенною ему картиною еще того болѣе. Онъ не могъ ею довольно налюбоваться и показывалъ всѣмъ ее за диковинку, а особливо фавориткѣ своей, госпожѣ Вельяминовой, которая гостила у него тогда тутъ же съ своимъ мужемъ. И при семъ-то случаѣ рассмотрѣлся я довольно сей госпожѣ, игравшей тогда важную ролю, и не могъ довольно начудиться ея мужу, нечувствующему ни малѣйшаго оттого стыда, что послалъ почти только званіе мужа, и жертвующему женою своею въ угодность сему вельможѣ. Но не столько удивителенъ былъ

мнѣ онъ, сколько отецъ сей госпожи. Онъ былъ г. Бунинъ и служилъ тогда городничимъ въ городѣ Бѣлевѣ, гдѣ намѣстникъ и познакомился съ симъ семействомъ. Говорили, что будто бы и самъ отецъ и мать сей госпожи, бывшей тогда дѣвушкою, посѣществовали сами такому знакомству дочери своей съ намѣстникомъ, и единственно для того, чтобъ пользоваться его милостію. И дабы можно было ему ее имѣть всегда у себя въ близости, то и выдана она была за молодого человѣка, изъ фамиліи Вельяминовыхъ, котораго намѣстникъ по самому сему случаю произвелъ въ люди, и который, находясь при немъ въ должности совѣтника правленія, игралъ также тогда важную роль. Но какъ бы то ни было, по для меня, какъ посторонняго человѣка, не было въ томъ никакой нужды, и я доволенъ былъ тѣмъ, что и госпожа сія обходилась со мною довольно ласково и совѣтъ не такъ гордо, какъ съ другими.

Для жительства мнѣ отвѣдена была одна бесѣдка въ саду его, чѣмъ я былъ и доволенъ. Намѣстникъ принялъ меня какъ гостя и тотчасъ повелъ меня показывать все имъ сдѣланное въ своей усадьбѣ. Я хотя и хвалилъ все, но находилъ вездѣ болѣе употребленнаго кошта къ работѣ, нежели вкуса. Но умалчивалъ о томъ, а преподавалъ ему только мысли о разныхъ другихъ вещахъ, которыя, по мнѣнію моему, было бы не дурно еще сдѣлать. Всѣмъ сими, какъ въ тотъ, такъ и въ послѣдующій день такъ я его прельстилъ, что онъ смѣясь сказалъ мнѣ наконецъ: «Нѣтъ, вѣтъ, Андрей Тимошеевичъ, впредь ты ко мнѣ, пожалуй, сюда не ѣзди, а то ты меня заведешь въ безконечныя хлопоты и убытки своими заманчивыми предложеніями».

На другой день съѣхалось къ намѣстнику множество другихъ гостей и весь онъ провели мы весело, и такъ, какъ бываешь въ Англій. По-утру собрались мы всѣ пить къ нему чай; совокупно и для завтрака, поставленъ былъ въ залѣ большой круглый столъ; и за нимъ, сидячи кругомъ, пили мы чай. Потомъ, до

самаго обѣда, имѣли мы, всѣ бывшіе тогда у него въ гостяхъ, свободу ходить и гулять, гдѣ кто хотѣлъ, и дѣлать, что кому угодно. И какъ черезъ колоколь надо было всѣмъ знать, что обѣденный столъ былъ готовъ, то сѣвши всѣ къ оному и были угощены сытнымъ и пышнымъ обѣдомъ. А послѣ обѣда, все достальное время провели мы въ непрерывныхъ общихъ гуляньяхъ по прудамъ и по рощамъ, переѣзжали черезъ рѣку и тамъ въ поставленномъ шатрѣ пили чай. Потомъ ѣздили съ нимъ на бумажную его фабрику, гуляли по его англійскому, ничего незначущему, саду, и такъ далѣе. Словомъ, весь сей день провели мы въ удовольствіи.

Утро же въ слѣдующій за симъ день занимался на мѣстникъ наиболѣе со мною разговорами о разныхъ матеріяхъ, показывалъ часъ-отъ-часу болѣе своего ко мнѣ благоволенія и не прежде меня отъ себя отпустилъ какъ предъ вечеромъ, всѣмъ его приемомъ и угощеніемъ крайне довольнаго. Но какъ я ип поздно отъ него поѣхалъ, но успѣлъ въ тотъ же еще день доѣхать ночевать въ Лопасну; а наутрѣ захватъ къ г. Полонскому и, взявъ отъ него сына, возвратился къ вечеру въ свое Дворениново.

Путешествіе сіе колико было мнѣ приятно, толико, напротивъ того, сыну моему все сіе время было крайне скучно. Онъ не радъ былъ, что попался тогда къ г. Полонскому, спящему только за своимъ столкомъ и раздѣргивающему шелковые доскутки, или перебирающему по зернушку пшеницу на сѣмена и не занимавшемуся съ нимъ ни какии почти разговоромъ. А сіе натурально и нагоняло сыну моему скуку, и онъ прожилъ сіи дни, равно какъ въ неволѣ, и радъ былъ, что ему удалось сходитъ для прогулки на берегъ рѣки Окп. Которая его прогулка была тѣмъ достопамятна, что онъ нашелъ тамъ въ пескѣ множество раковинъ и улитокъ, и преподала мнѣ мысль велѣть ихъ набрать какъ можно болѣе и употребить ихъ потомъ на украшеніе нашего грота. Впрочемъ, досто-

памятно, что сей разъ былъ уже послѣдній, что я видѣлъ г. Полонскаго, ибо послѣ того до самой его кончины, вослѣдовавшей чрезъ нѣсколько времени послѣ сего свиданія, не удалось мнѣ уже никогда видѣть сего моего друга, котораго любовь ко мнѣ такъ мнѣ памятна, что я и понынѣ выдаю нерѣдко издали то мѣсто, гдѣ почіетъ прахъ его, смотря на оное съ чувствительными движеніями душевными, и всякій разъ желаю ненарушимого косямъ его покоя.

Не успѣли мы возвратиться въ Дворениново, какъ, дорожъ всякою минутою, принялись мы тамъ опять за работу. А именно: намъ вздумалось вершину намъ въ одномъ мѣстѣ перегородить срубомъ и текущую по ней воду такъ возвысить, чтобъ ее можно было провести такимъ же водоводомъ, какъ и въ Богородицкѣ, въ мой нижній нагорный садъ и прозвести въ немъ ею какія-нибудь водяныя украшенія. Итакъ, тотчасъ отысканы были дубовыя пластины и я заставилъ рубить изъ нихъ косорубъ и преградилъ имъ противъ самыхъ хорошихъ вершину и ожидалъ отъ сего не вѣдомо какой пользы. Но впоследствии времени оказалось всѣ сіи труды тщетными. Вода не дала себя никакъ остановить и по желанію возвысить, и я принужденъ былъ предпріятіе сіе оставить до другого времени. Такимъ же образомъ затѣвалъ было я въ сей разъ и на Удеревѣ сдѣлать для себя двѣ сажелки и нарочно для того ходилъ туда и назначивалъ къ тому мѣста. Но и сіе осталось безъ всякаго послѣдствія и успѣха.

Между тѣмъ, видѣлся я и съ другими моими сосѣдями г. Басаргинимъ и его женою и принужденъ былъ имѣть съ ними превеликій крикъ и споръ, по поводу хранимаго у меня ихъ веселя. Они приступили опять ко мнѣ и требовали его выдачи, а я никакъ на то не соглашался и, желая спасти насладіе своей крестницы, не взиралъ на всю ихъ досаду и гнѣвъ, а смѣялся только глупому ихъ требованію и желанію до конца разорить бѣдную сироту сію.

Наконецъ, проводивъ еще одинъ день въ дѣланіи помянутой преграды и уступа и, оставивъ недоделанными, поѣхали мы въ Богородицкѣ. П захватъ въ Федешово и тамъ отобѣдавъ, благополучно 7-го числа августа возвратился къ своимъ домашнимъ въ Богородицкѣ.

Симъ образомъ, окончивъ и сіе свое путешествіе, принялся я опять за всѣ прежнія мои дѣла и упражненія. И посидѣвъ опять за перомъ и наготовивъ на все достаточное время сего года потребное количество матеріала для моего «Экономическаго Магазина», принялся я опять за садъ, а особливо за отдѣлку грота. Сей вздумалось мнѣ убрать совсемъ отмытымъ и такимъ образомъ, какимъ еще никто до того времени не убиралъ гротовъ. Я велѣлъ сперва отгородить досками всѣ его углы во внутренности и дать ему чрезъ то внутри фигуру осьми-угольную и сообразную съ его потолкомъ, срубленнымъ, на подобіе осьми-угольнаго свода. Въ помянутыхъ отгородкахъ велѣлъ подѣлать круглыя углубленія, ниши, въ которыхъ бы сидѣть было можно, а въ сводѣ срубить маленький лантернъ съ четырьмя окончинами и поставить на немъ, какъ на пьедесталѣ, мраморную статую. Въ сей лантернъ входилъ свѣтъ въ мой гротъ. Но какъ сего было не довольно, то получалъ онъ нѣсколько свѣта и въ оба свои входа, которые сдѣланы были въ него съ двухъ сторонъ, какъ я прежде упоминалъ, пещерами. При самомъ входѣ его, подѣлала я порядочныя стеклянныя двери, а соответственно имъ, въ противостоящихъ стѣнахъ, сдѣлалъ двѣ другія, точно такой же величины и формы, фальшивыя двери, и вмѣсто стеколъ вставилъ въ нихъ зеркала, купленныя мною нарочно для сего въ проѣздъ мой въ Тулѣ. Самая сія выдумка и составила наилучшее украшеніе моего, лѣщестью порядочно вымощеннаго, грота, ибо всякій, входящій въ гротъ, обманывался и не иначе думалъ, что съ противоположной стороны есть въ него другой входъ и также идутъ въ него другіе люди, и сей обманъ зрѣнія

былъ столь совершененъ, что многіе, обманувшись и увидѣвъ тамъ людей и сами себя не узнавъ, снимали изъ вѣжливости шляпы и кланялись, и чрезъ то подавали поводъ къ смѣху и хохотанью.

Но сего было далеко еще не довольно. Чтобъ придать гроту моему видъ совершенно каменнаго грота, велѣлъ я всю внутренность его, какъ стѣны, такъ и сводъ, порядочно оштукатурить и штукатуркою сею прикрыть все дерево такъ, чтобъ онаго совсемъ было не примѣтно; а повыше стѣнъ, подъ куполомъ, обвести большимъ карнизомъ; а для приданія еще множайшей красоты, какъ стѣны, такъ и ниши, а въ особенности карнизъ во многихъ мѣстахъ — украсить вставленными въ штукъ многими рядами и узорами большихъ и малыхъ раковинъ и улитокъ. Вставлялись оныя такъ, чтобъ приходились онѣ, гдѣ спинками своими, гдѣ углубленіями своими наружу; а чтобъ придать имъ болѣе красоты и блеска, — то постарались мы ихъ нѣны вызолотить, а нѣны высеребрить, и по серебру раздѣлывать подъ видъ перламутры разными на лакъ красками. Нельзя довольно изобразить — какой прекрасный видъ и какое украшеніе они собою сдѣлали, а особливо въ карнизѣ и въ нишахъ, въ коихъ изображены были изъ нихъ дѣлше фестоны, повѣшенные на шнурахъ, составленныхъ изъ крупныхъ бѣлыхъ, на подобіе бусовъ, пронизокъ. Всѣ же промежутки на стѣнахъ и сводѣ между сими обводками усыпаны были по сырому штукѣ, гдѣ разными дѣтными нашими песками, гдѣ истертою слюдою, а гдѣ мелкимъ бутылочнымъ стекломъ, что все такой придавало блескъ и такую пестроту и расположено было съ такимъ вкусомъ, что гротъ мой составилъ сущю великолѣпною и такою игрушкою, что, вошедъ въ него, засмотрѣться было можно. А чтобъ придать ему еще болѣе куріозности, то сверху, въ лантернѣ, противъ окончинъ, утвердилъ я вкось и въ такомъ положеніи зеркала, что въ нихъ видѣтъ былъ весь нашъ городъ и всѣ положенія мѣстъ, сверху пруда находящіяся. Зеркальныя

же двери, кромѣ вышеупомянутаго обмана, производили и то дѣйствіе, что стоящему посреди грота человѣку казалось, что онъ окруженъ не одними, а вѣсколькими комнатами, также великолѣпно украшенными. Словомъ, весь гротъ сдѣлался чрезъ все сіе такимъ, что не стыдно-бы ввестъ въ него было хотя бы самого Государя.

Конечно, можно всякому заключить, что все сіе скорѣе сказать, нежели сдѣлать можно было. И я, не обинуясь, скажу, что стѣилъ онъ мнѣ хотя небольшихъ коштвъ, но хлопотъ и трудовъ весьма многихъ, и тѣмъ паче, что всѣми внутренними его работами и украшениями не могли заниматься простые работники, а потребны были къ тому искуснѣйшія руки. А потому употреблялъ я къ тому не только моего досузаго садовника, штукатура и малара и нашего переплетчика, но и самъ, вмѣстѣ съ сыномъ моимъ, надъ тѣмъ, особливо надъ раздѣлываніемъ многихъ тысячъ раковинъ и улитокъ, лично трудился. И всѣ мы тѣмъ не только половину августа, но и большую половину сентября мѣсяца занимались и едва-едва его ко 20-му числу сентября окончили. Но сказать надобно мнѣ и то, что всѣ сіи многіе труды мнѣ были не только ни мало не скучны и чувствительны, но весьма еще пріятны, и ежедневно доставляли мнѣ множество минутъ пріятныхъ. Ибо всякая отдѣльная штука или вновь выдуманное и затѣянное украшеніе веселило и радовало меня чрезвычайно, а такое же удовольствіе имѣлъ при томъ и сынъ мой, равно какъ всѣ, въ работѣ участіе имѣвшіе.

Со всѣмъ тѣмъ, все сіе было еще не одно, въ чемъ мы, особливо я, въ самое сіе время упражнялись. Но надобно сказать, что между у тѣмъ какъ мы занимались внутреннимъ украшеніемъ грота, производимы или другими работными людьми и разныя другія въ саду работы: одни изъ нихъ отдѣлывали, по указанію моему, песчаную удивительную пещеру и наружность горы, обдѣлываемую разва-

ливою; другіе—строили каменный павильонъ; иные отдѣлывали самый большой нижній водоемъ, котораго дно, по причинѣ рыхлости земли принуждены мы были устлать и убивать сплошь такими же пластами изъ снѣй глины, о какихъ я упоминалъ прежде и которые одни въ состояніи были удержатъ въ немъ воду; а иные, наконецъ, воздвигали привезенную къ намъ и сдѣланную уже ротунду и раскрашивали оную разными красками. Сверхъ всего того, назначивалъ я и далѣе вверху прочія мѣста въ саду, которыя осенью засаживать гѣсомъ надлежало, и такъ далѣе. Словомъ, все сіе время было для меня преисполнено безчисленными хлопотами и трудами.

Впрочемъ, не успѣлъ и отдѣлать своего грота, какъ случилась мнѣ еще на вѣсколько дней отлучка. Пріятель мой и знакомецъ, г. Сахаровъ, живущій въ Ефремовскомъ уѣздѣ и верстъ за сорокъ отъ насъ, вздумалъ, не помню по какому-то случаю, сдѣлать у себя большой ширь. И такъ, принуждены мы были къ нему ѣздить, и въ отлучкѣ сей провели 22-е, 23-е и 24-е сентября мѣсяца. И какъ у г. Сахарова былъ въ сіе время превеликій съѣздъ и множество знаменитаго дворянства и 23-го числа порядочный балъ, то не только провели мы сіе время у него въ танцахъ и въ гуляньяхъ по его прекрасному саду весьма весело и были угощеніемъ его крайне довольны, но я имѣлъ случай познакомиться со многими знаменитыми и до того мнѣ незнакомыми людьми.

Возвратясь отъ г. Сахарова, послѣдніе дни сентября употребилъ я на назначеніе въ саду лабиринта. Какъ я съ-малолѣтства превеликую охоту имѣлъ къ игрушкамъ сего рода и всѣ дѣланные мною до того опыты были какъ-то неудачны, то восхотѣлось мнѣ употребитъ и въ семъ саду одно пустое мѣсто, чтобъ лабиринтъ и занять его онымъ. Набле-дѣ же побудило меня къ тому то, что около самаго сего времени случилось мнѣ выдумать лабиринтъ отъѣвно замкнутаго рода. И какъ, по нетерпѣливости моей

во всѣхъ такихъ случаяхъ, возгорѣлось во мнѣ желаніе видѣть оной въ самой практикѣ, а мѣсто случилось къ тому удобное, въ работникахъ и матеріалахъ къ тому не было недостатка, — то и принялся я за назначеніе онаго. Намѣреніе мое было произвести всѣ стѣны его изъ насаженнаго сплошь кустарника. И потому не успѣлъ его назначить, какъ и велѣлъ по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ бытъ дорогамъ, прорывать широкія борозды, а изъ земли, вынимаемой изъ нихъ, дѣлать по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бытъ стѣнамъ, ряды, назначаемыя подъ посадку кустарника. Но какъ къ достиженію онаго до совершенства требовалось много времени, то, желая скорѣе онымъ пользоваться, предпріялъ я по всѣмъ стѣнкамъ набить сплошныя и столь частыя кольца, чтобъ сквозь ихъ съ одной дорожки на другую никакъ пролѣзть было не можно, и переилета ихъ сверху, всѣ спилить въ одну препорцію. Въ срединѣ же, какъ въ центрѣ онаго, сдѣлать нарочитой курганъ и на немъ поставить на пѣдесталѣ статую. Черезъ что, черезъ короткое время и привелъ оный до желаемаго совершенства и не одинъ разъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что никто не могъ войти въ него, не ошибаясь множество разъ на распутияхъ. Однако, время и опытность доказали мнѣ, что старинныя садовыя игрушки сего рода всего скорѣе могутъ прискучить, и потому и повеселился я симъ лабиринтомъ не долѣе какъ года два или три, а тамъ его и запустилъ весь въ дѣсочки.

Достопамятно также, что около самого сего времени случилось мнѣ впервые видѣть славныя свои прописочныя картины и щиты, могущія не только при огнѣ, но и въ самыя солнечныя дни составлять непрекраснѣйшую иллюминацію. Поводъ къ изобрѣтенію оныхъ подалъ мнѣ пѣдесталъ, сдѣланный подъ статую, поставленную на верху моего грота, или паче — лавтернъ онаго. И какъ онъ со всѣхъ четырехъ сторонъ имѣлъ отверстія, со вставленными въ нихъ цѣлыми листами стеколь, то, для предохра-

ненія оныхъ отъ разбитія, вздумалъ я придѣлать ко всѣмъ четыремъ отверстиямъ по отворяющемуся на петляхъ желѣзному листу. А чтобъ не отнять чрезъ то совсѣмъ свѣта отъ моего грота, то и велѣлъ я пробить въ оныхъ по рисункамъ множество круглыхъ дыръ и въ оныя вставить разноцвѣтныя провики, чтѣ и послужило ко всему гроту моему украшеніемъ.

Симъ кончился тогда нашъ сентябрь мѣсяць, а мнѣ же почти и мой 46-й годъ жизни. Но что происходило въ октябрѣ и въ послѣдніе мѣсяцы сего года, о томъ перескажу вамъ въ моемъ послѣдующемъ письмѣ, а сіе симъ теперь окончу, сказавъ, что я есмь вашъ, и прочее.

(Февраля 11-го дня 1810 года).

Письмо 220-е.

Любезный пріятель! Мѣсяць октябрь ознаменовался пріѣздомъ къ намъ опять командира моего г. Давыдова. Онъ пріѣхалъ къ намъ въ началѣ сего мѣсяца по поводу наступленія времени по обыкновенной переобработкѣ нашихъ отдаточныхъ въ наемъ излишнихъ земель и пробылъ у насъ цѣлую недѣлю. Все сіе время было для меня опять весьма безпокойное и суетливое, ибо какъ для торговли и найма земли съѣхалось множество дворянства, а сверхъ того и съ г. Давыдовымъ пріѣхало нѣсколько членовъ изъ его знакомыхъ и пріятелей, — то и надобно было всѣхъ ихъ какъ мнѣ у себя, такъ и во дворцѣ, а съ ними и другихъ нашихъ городскихъ угощать. И потому происходили у насъ опять безпрерывныя почти празднества и угощенія, до каковыхъ г. Давыдовъ былъ отменно охотникъ и любилъ весьма какъ у другихъ пошпровать, такъ и у себя угощать и подчивать. Выходствіе чего и были то-и-дѣло обѣды и ужины, то у него во дворцѣ, то у меня, то у городничаго, то у засѣдателя нашего г. Чулькова, то въ сосѣдствѣ, въ деревнѣ у г. Хомякова. А сверхъ того вздѣл-

ная и самая дурная осенняя. И поелнну ночь была самая темная, то въ темнотѣ сей и спиблись мы совсѣмъ съ дороги и заѣхали, сами не знаемъ куда, и ради ради были, что попали нечаянно на знаекомый г. Давыдова домъ Петра Ковоновича Прончищева, у котораго и приуждены были остаться почевать. И въ дальнѣйшій путь не прежде уже поѣхали, какъ 7-го числа по-утру. И какъ надобно было поспѣшить, чтобъ не опоздать,—то, ѣдучи дурною дорогою по горамъ и по лѣсамъ, имѣли мы много труда и безпокойствъ. Однако, накормивъ въ Бобровѣ лошадей, успѣли еще до вечера пріѣхать въ Калугу и остановиться въ общественномъ домѣ для квартированія.

Тамъ наше первое дѣло было переодѣться и спѣшить къ намѣстнику, праздновавшему въ самый сей день навечеріе своихъ именинъ и дававшему у себя всѣмъ городскимъ въ сей вечеръ маскарадъ. Намѣстникъ принялъ насъ, какъ гостей, очень ласково, и былъ пріѣзду нашему доволенъ. Я представилъ ему свою иллюминацію, которую въ тотъ же часъ для испытанія въ комнатахъ его и зажгли. И она имѣла счастье ему такъ полюбитися, что онъ не могъ на нее довольно насмотрѣться. И расхвалилъ сіе повое мое изобрѣтеніе, благодарилъ меня за мое къ нему усердіе и приказалъ тотчасъ отнести ее въ залъ и поставить на хорахъ, дабы всѣ сѣзжающіеся въ самое то время на маскарадъ, могли ею утѣшаться. Итакъ, иллюминація моя подверглась тотчасъ зрѣнію всей публики и пріобрѣла себѣ всеобщую похвалу.

Наутріе, какъ въ самый день намѣстниковыхъ именинъ, собрались мы всѣ вмѣстѣ и со всѣми тамошними городскими чиновниками, по обыкновенному, для поздравленій его со днемъ его именинъ. И собраніе было превеликое. Кромѣ насъ съ г. Давыдовымъ, пріѣхало къ нему дюю нѣскольکو и другихъ нашихъ тульскихъ чиновниковъ, и мы всѣ отличасмы отъ прочихъ какъ пріѣзжіе гости. Что касается до меня, то день и случай сей былъ для меня въ особливо-

сти достопамятенъ тѣмъ, что намѣстнику угодно было предъ всѣмъ многочисленнымъ собраніемъ наименитѣйшихъ изъ своихъ чиновниковъ рекомендовать и осмпать меня толь многими похвалами, что сіе обратило всѣхъ глаза и вниманіе на меня и самого меня даже въ стыдъ вогнало. А сіе и подало поводъ къ тому, что всѣ начали ко мнѣ изъявлять свои ласки и вступать со мною въ пріятные разговоры. А таковое отмѣнное оттого уваженіе наполняло сердце мое нанчувствительнѣйшимъ удовольствіемъ.

Обѣдомъ въ сей день угощаль всѣхъ городскихъ не намѣстникъ у себя, а зять его г. Дурасовъ, мужъ родной сестры намѣстника. Мы всѣ приглашены были также на сей большой пиръ и обѣдали вмѣстѣ съ намѣстникомъ у онаго. А ввечеру былъ балъ и ужинъ у племянника его Ивана Дмитріевича Шепелева, гдѣ также было превеликое собраніе. И какъ мы и къ нему были также приглашены и въ семь пиршествъ имѣли соучастіе, то имѣлъ я тогда случай видѣть все казужское дворянство обоого пола и насмотрѣться танцевъ, а особливо славной тапцовщицѣ княгинѣ Львовой, сдѣлавшейся потомъ очень славною по фавору къ ней покойнаго графа Алексѣя Григорьевича Орлова. Но меня не столько увеселяли танцы, какъ опять многократное со мною разговориваніе намѣстника и опять повторяемая имъ всѣмъ-и-всѣмъ мнѣ похвалы. Чтѣ и причиною было, что день сей препровожденъ былъ мною съ отмѣннымъ удовольствіемъ и былъ почти одинъ изъ пріятнѣйшихъ въ жизни.

Какъ послѣдующій день назначенъ былъ для отдохновенія, то, по дозволенію намѣстника, употребилъ я тотъ день на свиданіе съ пріятелемъ своимъ г. Кошелевымъ, братомъ нашей городничихи, и самымъ тѣмъ, который такъ много помогалъ намъ при театральныхъ нашихъ забавахъ. Сей ласковый и любезный человекъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ, обрадовавшись до безконечности, звалъ меня нанубѣдительнонѣйшимъ образомъ пріѣхать къ нему въ сей день обѣдать.

Итакъ, я обѣдалъ въ сей день у него, гдѣ имѣлъ случай спознакомиться съ любопытнѣйшимъ изъ всѣхъ тамошнихъ саповниковъ г. Карповымъ, Богданомъ Михайловичемъ, бывшимъ тогда тутъ губернскимъ землемѣромъ. Какъ онъ былъ роднымъ братомъ свойственника и пріятеля моего Петра Михайловича Карпова, то обласкался онъ и, сдружившись въ одинъ мигъ со мною, просилъ меня удостоить и его своимъ посѣщеніемъ, что я съ удовольствіемъ исполнилъ, и при любопытныхъ разговорахъ съ нимъ имѣлъ случай слышать одно странное происшествіе, съ нимъ случившееся, а именно:

Какъ былъ онъ человѣкъ очень любопытный и превеликій мастеръ рисовать, то, сидючи мы съ нимъ наединѣ въ его квартирѣ, разговаривали о многихъ и разныхъ, какъ любопытныхъ, такъ и важныхъ матеріяхъ. И тогда какимъ-то образомъ зашла у насъ рѣчь о магін и о томъ, что многіе объ ней толкуютъ. А сіе подало ему поводъ мнѣ сказать: «о, государь мой, что она дѣйствительно на свѣтѣ есть, въ томъ могу я васъ увѣрить собственнымъ своимъ опытомъ или паче примѣромъ, видѣннымъ мною самолично». И какъ я очень любопытенъ былъ о семъ подробнѣе слышать, то продолжалъ онъ мнѣ слѣдующимъ образомъ:

«За нѣсколько лѣтъ до сего случилось мнѣ съ нѣсколькими другими, нашею братьею, ѣздить съ собаками въ отъѣзжее поле. Насъ собралось тогда человѣкъ десятокъ вмѣстѣ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и мы какъ ѣздили, такъ и ночовывали всегда вмѣстѣ. Квартировали мы въ одномъ дворянскомъ большомъ домѣ, принадлежащемъ дворянину, знакомому одному изъ нашихъ товарищей. Какъ самъ хозяинъ въ домѣ тогда не жилъ, а былъ въ отлучкѣ, то занимали мы для ночеванія своего только три комнаты, на одномъ концѣ сего дома находящіяся. Какъ тутъ, по обыкновенію охотниковъ, препровождали мы, пріѣхавши съ поля, длинныя осенніе вечера въ шуткахъ, играхъ, разговорахъ и разныхъ подобныхъ тому упражненіяхъ, то однажды и зашолъ у

насъ также, какъ и теперь, разговоръ о магін, волшебствѣ, показаніи умершихъ и прочемъ, тому подобномъ. И какъ всѣ почти утвердительно стояли въ томъ, что все это враки и что никакихъ волшебствъ на свѣтѣ нѣтъ, то одинъ изъ нашихъ товарищей, человѣкъ не старій и не слишкомъ молодой, но мнѣ до того незнакомый, слушавшій молча все о томъ ихъ разговоръ и разглагольствіе, усмѣхнувшись наконецъ, сказалъ имъ: «пожалуйте, государи мои, не спорьте о томъ, чего вы коротко не знаете, и не опровергайте того, что вамъ неизвѣстно». За сіе вступились тотчасъ изъ компаніи нашей нѣкоторые и начали еще жарче и такъ спорить, что незнакомецъ сей, разгорячившись, сказалъ: «ну, государи мои, ежели вы мнѣ не вѣрите, то хотите ли я вамъ сейчасъ докажу, что вы въ мысляхъ своихъ ошибаетесь и что на свѣтѣ дѣйствительно есть нѣчто тому подобное, о чемъ мы говоримъ? Не угодно ли кому изъ насъ отважиться сѣсть въ самой далекой комнатѣ сего дома, на краю онаго, и посидѣть тамъ нѣсколько минутъ одному, а мы между тѣмъ останемся всѣ здѣсь и я буду читать одну только маленькую бумажку, а между тѣмъ пускай кто-нибудь изъ насъ здѣсь молвить тихоохонько одно какое-нибудь слово, и я ручаюсь въ томъ, что тотъ, кто тамъ будетъ сидѣть, не смотря на всѣ затворенныя двери и дальность мѣста, слово сіе очень явственно услышитъ».

«Сіе предложеніе удивило и смутило насъ всѣхъ. Нѣкоторые изъ насъ охотно хотѣли сіе видѣть, а другіе, а особливо наиболѣе спорившій воскликнулъ: «какъ это можно! не вѣрю я сему и изволь я первый соглашаюсь сѣсть тамъ и сіе испытать собою». — «Хорошо, государь мой, отвѣчай тотъ незнакомецъ, только сказываю вамъ напередъ, что хотя и не сдѣлается вамъ ни какова вреда, но будетъ вамъ тяжело, и вы напередъ это знаете». — «Хорошо, хорошо, закричалъ онъ, я ничего не боюсь и теперь же готовъ туда итти». И тогда повелъ онъ насъ туда и, посадивъ его посреди самой даль-

уже ночью до Лихвина, а въ слѣдующій день поспѣли къ обѣду и въ Тулу, гдѣ я и почевалъ въ домѣ у нашего г-на Давыдова, а наутрѣ, къ вечеру, возвратился къ своимъ въ Богородицкѣ.

Тутъ нашолъ я всѣхъ своихъ родныхъ въ превеликихъ хлопотахъ и суматохѣ, ибо въ отсутствіе мое произошло у нихъ печальное происшествіе: за день до моего пріѣзда скончался жившій у насъ мой племянникъ Василій Михайловичъ, старшій сынъ брата Мхана Матвѣевича. Промыслу Господню не угодно было, чтобъ онъ былъ въ числѣ живущихъ на землѣ и играющихъ разныя роли людей, и смерть похитила его у насъ въ самыхъ еще отроческихъ гѣтахъ. Онъ былъ мальчикъ нарочитаго уже возраста, и мы, по тихому и кроткому его характеру, любили его чистосердечно, и я всячески старался о его воспитаніи и обученіи кои-какимъ наукамъ и льстился надеждою, что изъ него выйдетъ человекъ, ибо онъ былъ довольно понятенъ и перемчивъ. Но какъ съ самого рожденія своего былъ онъ очнь слабого сложенія и нездоровъ, то, худѣя часъ-отъ-часу, ровно какъ отъ чахотки, погасъ наконецъ какъ свѣчка, и мы сердечно объ немъ сожалѣли и пролили на одну каплю слезъ при его погребеніи.

И нашолъ его уже въ церкви. И какъ къ сему времени прискакалъ къ намъ и отецъ его, — то на другой день и предали мы его землѣ и погребли при гошпитальной церкви на островѣ, гдѣ и почіетъ прахъ его и понынѣ, вмѣстѣ съ малюткою моею дочерью Ворварою.

Отправивши сію печальную процессію чуть-было я самъ не занемогъ отъ простуды, но обязанъ былъ много и въ сей разъ своему простудному деохту. Впрочемъ, какъ была у насъ въ сіе время уже глубочайшая осень и всѣ надворныя работы уже кончились, то засѣлъ я опять въ кабинетъ для занятія себя письмомъ и разными другими упражненіями. Изданію моего «Экономическаго Магазина» оканчивался тогда уже пятый годъ и печаталась 2-я часть. И какъ г. Нови-

ковъ не только не отказывался отъ дальнѣйшаго продолженія издаванія онаго, но о томъ меня еще упрашивалъ, то, имѣя и самъ къ тому охоту, наглавнѣйше старался я тогда о запасеніи въ сіе глубокое осеннее и первое зимнее время кой-кого можно болѣе матеріала для издаванія въ предбудущій годъ. И какъ дѣло сіе чѣмъ далѣе продолжалось, тѣмъ по привычѣ становилось мнѣ и легче, то и успѣлъ въ оба послѣдніе мѣсяцы сего года написать такое множество матеріи, что оной могло достаточно быть почти на цѣлыя полгода.

Въ сихъ сочиненіяхъ препроводилъ я все достальное время скучнаго ноябрю и первую половину декабря мѣсяца. Но между тѣмъ не рѣдко занимался и рисованьемъ и разными выдумками, до сего искусства относящимся. Большая часть тѣхъ разныхъ и особыхъ работъ и картинокъ, которыя и понынѣ еще украшаютъ собою мои стѣны, а особливо рисованныя по золоту и серебру, или переведенныя на стекло, были изобрѣтеніями и произведеніями сего времени, и мы оба, съ сыномъ, занимались симъ пріятнымъ упражненіемъ по нѣсколько иногда дней и часовъ сряду. Впрочемъ, сынъ мой продолжалъ по-прежнему учиться у своего учителя съ успѣхомъ. И дабы ему не было нужды ѣздить всякій день два раза домой, то, вмѣстѣ съ господами Толбузинными, и жилъ онъ у учителя на островкѣ и былъ на полномъ пансіонѣ, а къ намъ пріѣзжалъ только по воскресеньямъ и въ другіе праздничные дни.

Между тѣмъ не упустилъ я ничего, что надлежало производить мнѣ по дѣламъ, относящимся до волостнаго правленія. И по желанію намѣстника, объѣздивъ всѣ деревни, набралъ я и мальчиковъ крестьянскихъ для составленія изъ нихъ волостнаго училища. И какъ ко мнѣ присланъ былъ и учитель для обученія ихъ грамотѣ по нововводимой тогда методѣ, — то училище сіе мы положили помѣстити до того времени, пока куда построятся оба новые подлѣ церкви корпуса, въ нижнихъ покояхъ одного

дворцоваго флигеля. При установленіи сего новаго и необыкновеннаго заведенія, собственное намѣреніе нашего намѣстника состояло въ томъ, чтобъ мальчиковъ сихъ, выучивъ грамотъ, обучать потомъ музыкѣ и сдѣлать изъ нихъ людей, годныхъ къ служенію въ разныхъ должностяхъ при волости, а если они впоследствии времени отдадутся г. Бобринскому, то и при немъ въ домѣ. Чтѣ впоследствии времени отчасти и совершилось, и всѣ они, кромѣ очень немногихъ, сдѣлались счастливыми, такъ что иные изъ нихъ имѣютъ нынѣ большіе у себя капиталы, и за все свое счастье обязаны мнѣ и тогдашнему моему ихъ выбору и назначенію, хотя они всѣ, равно какъ отцы ихъ, сначала крайне были тѣмъ недовольны и пролито объ нихъ множество слезъ. Итакъ, занимался я много и симъ дѣломъ и частымъ посѣщеніемъ вновь основаннаго училища, и тѣмъ наче, что присланнымъ для обученія ихъ учителемъ былъ я не весьма доволенъ. Былъ онъ малой еще совсѣмъ молодой, происходившій изъ рода церковниковъ и характера совсѣмъ распутнаго и негоднаго, такъ что надлежало за поведеніемъ его имѣть бдительное око и удерживать его отъ многихъ шалостей, которымъ онъ до того былъ предавъ, что наконецъ не было почти силъ и возможности къ удерживанію его отъ оныхъ.

Впрочемъ, не оставляли мы и осеннихъ своихъ увеселеній. И хотя такихъ домовъ было не много, съ которыми могли-бъ мы чередоваться съѣздами, визитами и вечеринками, однако мы довольствовались и тѣми, которые были, и нерѣдко съѣзжались вмѣстѣ, провождали вечера въ разныхъ играхъ и увеселеніяхъ. Временемъ же, по прежнему обыкновенію, ѣзжали кое-куда по-гостямъ къ пріятелямъ нашимъ, живущимъ въ деревняхъ, и угощали у себя пріѣзжающихъ къ намъ, либо нарочно, либо при проѣздѣ чрезъ Богородицкѣ и заѣжающихъ къ намъ, и иногда дня по два и болѣе у насъ гостившихъ. И такыя заѣзды бывали къ намъ довольно часто. А нерѣдко обще-

ство и бесѣды наши увеличивали и пріѣзжающіе къ лѣкарю нашему со всѣхъ сторонъ лѣчиться, живавшіе иногда цѣлыми фамиліями по нѣскольку времени у насъ въ селѣ или въ городѣ и сводившіе съ нами дружбу и знакомство.

Симъ образомъ провели мы почти не чувствительно всю нашу скучную осень. Началось зимнее время. Около половины же декабря получилъ я отъ командира моего г. Давыдова опять зазывную грамоту о пріѣздѣ къ нему въ Тулу; ибо какъ онъ, по намѣренію своему, собирался тогда отправляться въ Петербургъ, то нужно было ему со мною повидаться и запасть нѣкоторыми по волостнымъ дѣламъ бумагами. Итакъ, я 18-го числа декабря къ нему въ Тулу и поѣхалъ, гдѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованъ былъ опять оказаннымъ мнѣ отъ намѣстника новымъ благодѣаніемъ.

Онъ, находясь въ сіе время въ Петербургѣ, не позабылъ тамъ и обо мнѣ и испросилъ у императрицы нарочитую прибавку къ прежнему моему жалованью и прислалъ о томъ къ намъ свое повелѣніе. Сія бумага, которою повелѣно мнѣ было получать уже вмѣсто прежнихъ 600 по 750 рублей жалованья, получена была на другой день пріѣзда моего въ Тулу, и натурально произвела мнѣ превеликое удовольствіе, ибо, по тогдашнему времени, прибавочные 150 рублей столько были велики, какъ бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ 500 рублей. И я чувствовалъ къ намѣстнику за то великую благодарность. Проводивъ 20-го числа командира моего въ путь, возвратился въ тотъ же день я опять къ своимъ въ Богородицкѣ.

Легко можно заключить, что неожиданнымъ происшествіемъ симъ не мало обрадованы были и всѣ мои домашніе, а сіе и причиною было, что мы какъ праздникъ Рождества Христова, такъ и всѣ послѣдніе дни сего года, а первые нашихъ святыхъ, провели въ ежедневныхъ свиданіяхъ съ нашими городскими друзьями и знакомцами отъменно весело.

Симъ образомъ кончился тогдашній

1784 годъ, сдѣлавшійся мнѣ множествомъ пріятныхъ происшествій довольно достопамятнымъ. Весь онъ, по особенной ко мнѣ благодати Господней, препроводилъ я со всѣмъ моимъ семействомъ благополучно и ничего почти злого не воспослѣдовало. Всемогущая десница Господня защитила насъ отъ всѣхъ несчастій, а напротивъ того осыпала многими милостями и благодѣяніями.

Что касается до состоянія, въ какомъ находилось при концѣ сего года все мое семейство, то замѣчательно, что теща моя, которую продолжалъ я и тогда столько же любить и почитать какъ родную свою мать, была въ обыкновенномъ своемъ слабомъ здоровьи, но которое, какъ казалось, было предъ прежнимъ довольно лучше. Что приписывалъ я употребленію оную драгоценнаго шалфейнаго бальзама, который случилось мнѣ въ теченіе весны сего года изъ цвѣточныхъ распуколокъ сего крайне врачевнаго и полезнаго произрастенія сдѣлать, котораго нарочно для сего еще въ предсѣдовавшій годъ насажено было у меня побольше. И какъ въ сію весну было на немъ превеликое множество цвѣтовъ, то, обрывая неразцвѣтшія еще распуколки цвѣточныя, наставлялъ я ихъ въ простомъ хлѣбномъ винѣ и получилъ чрезъ то тинктуру или настойку, о которой иностранные писатели утверждали, что въ состояніи она даже продлитъ самую жизнь человѣка. Но что, по крайней мѣрѣ, мы тогда запримѣтили, что ежедневное приприманіе сей тинктуры по небольшому количеству въ водѣ, подкрѣпили очень много ея силы и здоровье.

Что касается до меня, то я хотя въ сей годъ и очень много трудился, но не зналъ почти усталости и, благодаря Бога, во все теченіе оного былъ здоровъ. И хотя вѣскольکو разъ и простуживался, но выдѣчивался опять столько же скоро своимъ неотвѣннымъ простуднымъ декоктомъ. Наконецъ, перестала болѣть у меня и моя вывихнутая нога, все до того времени меня беспокоившая. Словомъ,

я во весь сей годъ находился въ вожделѣнномъ здоровьи.

Напротивъ того, жена моя во весь сей годъ подвержена была многимъ, хотя неважнымъ болѣзненнымъ припадкамъ, а особливо простудѣ, которая, похъ исходу года, была ей въ особенности тягостна, такъ что она оттого очень похудѣла. Причиною тому была наиболѣе истерическая болѣзнь, невоздержаніе въ пищахъ (sic) и неосторожность при выѣздахъ, а паче всего — суетливый и заботливый ея нравъ и душевное безпокойство, всегдшнему нипохондрическому ея сложенію ей свойственное. Однако, и она никогда не была больна слеглою болѣзвью.

Что касается до дѣтей моихъ, то большая дочь моя Елизавета достигла уже около сего времени до совершеннаго возраста и разцвѣла какъ роза, въ полномъ своемъ блескѣ и красотѣ. Она была здорова, весела и такъ хороша, что всѣ (и мы, и посторонніе) не могли ею довольно налюбоваться. Какъ время уже было помышлять о ея замужествѣ, но воли Господней еще на то не было, и жениховъ, сообразныхъ съ желаніями нашими, еще не отыскивалось.

Сынъ мой Павелъ часть-отъ-часу росъ и развѣтывался болѣе. Онъ прибавился гораздо уже ростомъ и становился часть-отъ-часу умнѣе. Онъ упражнялся безпрестанно въ наукахъ и въ работахъ разныхъ и началъ уже въ исходѣ сего года помогать мнѣ въ переводахъ для моего «Экономическаго Магазина». Въ рисованіяхъ и въ другихъ любопытныхъ работахъ былъ онъ уже мнѣ добрымъ помощникомъ и мало-по-малу начиналъ уже и самъ выдумывать кое-что. Нравъ и весь характеръ его выливался также наипрекраснѣйшимъ. Словомъ, я имѣлъ тысячу причинъ имъ веселиться и благодарить Бога за сей сниспосланный мнѣ великій даръ, ибо надежда моя объ немъ часть-отъ-часу увеличивалась болѣе.

Вторая дочь моя, Настасья, поднялась также около сего времени на ноги и сдѣлалась уже почти полуневѣстою.

По тихому и прекрасному ея нраву, а также по способности ко всему, была она всѣми нами любима. Въ сей годъ была она нѣсколько больна, но помогли ей слабительныя. И какъ она оправилась, и она у насъ и писала и училась, у меня, а болѣе у брата, съ которымъ была у нея особливая дружба, рисовать. Что-жъ касается до Елизаветы, то сія рисовала уже нарочито хорошо и всякими красками.

Третья дочь моя, Ольга, была еще почти рабѣнкомъ, но не худымъ, подавала также о себѣ хорошую надежду. Она продолжала еще учиться писать и росла очень суха; наконецъ, оказалось, что причиною тому были глисты.

Наконецъ, меньшая моя дочь, Катерина, также росла и была въ сей годъ игрушкой и утѣхою всему нашему дому и всѣмъ пріѣзжающимъ къ намъ, и всѣми была очень любима. Словомъ, была милымъ и любезнымъ рабѣнкомъ, и мы ласкались надеждою, что и она будетъ имѣть хорошія свойства

Что касается до моихъ трудовъ, то объ нихъ упоминалъ я уже выше, теперь только замѣчу, что никогда еще такъ много не трудился и такъ много дѣятельно не былъ, какъ въ теченіе сего года, который вкупѣ достопамятенъ былъ и многими моими выдумками, относящимися какъ до садовъ, такъ и до рисованья. Множество существующихъ еще и понынѣ моихъ картинъ служатъ памятниками сего года.

Симъ и окончу я теперь исторію сего года и, сказавъ, что дальнѣйшее описаніе жизни моей найдете вы въ послѣдующихъ письмахъ, остаюсь вашъ, и прочее.

(Февраля 15-го дня 1810 года).

Конецъ двадцать первой части.

(Начата генваря 17-го, окончена февраля 15-го 1810 года, слѣдовательно сочинена меньше, нежели въ мѣсяцъ).

11

12

•

•

ОГЛАВЛЕНИЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА. ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: XV, XVI, XVII, XVIII, XIX, XX и XXI.

1771 — 1784.

ЧАСТЬ ПЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по оставленіи вообще, а въ особенности о бывшихъ прожестствіяхъ въ несчастное время морового повѣтрія.

1771 — 1773.

СЛІ. Бѣдствіе въ Москвѣ. — Появленіе чумы. — Откуда пришла она къ намъ. — Распространеніе ея въ Москвѣ, вслѣдствіе непріятія предосторожностей заблаговременно. — Первый испугъ отъ чумы у насъ. — Совѣщанія о томъ, какъ помочь городу. — Чувствованія мои и размышленія по поводу сего народнаго бѣдствія. — Тогдашнія понятія наши о чумѣ. — Успокоеніе. — Опять испугъ. — Учрежденіе частныхъ смотрителей. — Предосторожности наши отъ чумы. — Слухи о московскомъ народномъ мятежѣ. — Исторія мятежа. — Причинны его. — Пресвященный Амвросій. — Поступки поповъ. — Корыстолюбіе городскаго плацъ-маіора. — Народное возмущеніе. — Разграбленіе Чудова

стр.

монастыря. — Нападеніе на Донской монастырь. — Мученическая кончина архіепископа Амвросія. — Дальнѣйшіе замыслы черни. — Петръ Дмитр. Еропкинъ. — Мѣры его противъ черни. — Прекращеніе мятежа 5

СЛІІ. Прекращеніе чумы. — Употребленіе колодниковъ для зарыванія тѣлъ, умершихъ чумой. — Награжденіе Еропкина. — Отправленіе графа Орлова въ Москву для употребленія стараній къ прекращенію чумы. — Пожаръ въ Головинскомъ дворцѣ. — Конецъ чумы въ Москвѣ. — Слухи о случаяхъ чумы по сосѣдству. — Аличность попа Ивана. — Молебень о прекращеніи язвы. — Чума въ Злобинѣ и окружающихъ насъ деревняхъ. — Наше смятеніе. — Полученіе серебряной медали отъ Вольно-Экономическаго Общества. — Чувствованія мои. — Заказъ отъ Общества. — Народное суевѣріе. — Мои имянны. — Занятія мои. — Хлопоты съ братомъ Михаиломъ Матвѣвичемъ. — Ызда въ Сенино. — Переполохъ. — Моя богъзна. — Испугъ мой. — Выздоровленіе. —

Празднованіе приходскаго праздни-
ка.—Чертежокъ моего изобрѣтенія.—
Ѣзда въ Алексинъ.—Конецъ 1771 г.
CLIII. 1772 годъ.—Чувствованія
мои по случаю Новаго года.—Мои
упражнения.—Книга «О счастья».—
Отъѣздъ дѣда.—Рожденіе племян-
ницы Александры.—Плоды празднаго
времени.—Раздѣлъ лѣса Удерева.—
Братъ Гаврила Матвѣевичъ.—Раз-
дѣлъ другого лѣса.—Знакомство съ
Темешовымъ и Ворониннымъ.—По-
вѣстка отъ межевщика.—Рисованіе
портрета Петра Великаго.—Изобрѣ-
теніе колокольной водяной игры.—
Неудачное сватовство Темешева.—
Ѣзда въ Чернскую деревню.—Наход-
ка денегъ.—Забогѣваніе удивитель-
ными и ненатуральными болѣзнями.—
Пріѣздъ племянницъ изъ Кашина.—
Разведеніе орѣшника сады.—
Слухи о межеваніи 50

CLIV. Вторичная Ѣзда моя въ Шадскъ.
—Путешествіе мое.—Тулскіе ору-
жейники.—Занятія съ племянникомъ.
—Встрѣча съ Казариновымъ.—Поим-
ка Степана Лахмыта.—Безсовѣстныхъ
требованія квартирной хозяйки.—
Приключеніе на мосту.—Село Богу-
чалокъ.—Деревянные лапти.—Село
Змѣево.—Хороводы.—Попъ села Ни-
кольскаго.—Препровожденіе времени
въ дорогѣ.—Село Лысыя Горы.—
Коптевскій однодворецъ.—Пріѣздъ въ
свою деревню.—Свиданіе съ Рахма-
новымъ.—Рахмановскіе единомыш-
ленники.—Посѣщеніе Соймонова.—
Свиданіе съ степными дворянами.—
Обстоятельства моихъ переговоровъ.
—Возвращеніе въ Дворениново . . . 68

CLV. Межеваніе.—Пріѣздъ межев-
щика Чаплина.—Тревожное состоя-
ніе духа сосѣдей и радость ихъ при
моемъ пріѣздѣ.—Свиданіе съ Чапли-
нымъ.—Болѣзнь тещи.—Слухи о при-
званіи оставшихъ въ военную служ-
бу.—Смущеніе мое.—Размежеваніе
пустошей.—Открытіе плутовства Ли-
кова.—Сочиненіе мое о хмѣлевод-

ствѣ.—Сговоръ Темешева.—Ѣзда въ
Тулу къ лѣкарю.—Мои сочиненія.—
Ѣзда въ Коширу 95

CLVI. 1773 годъ.—Размышленія о
моемъ положеніи.—Новыя ученицы.—
«Кунсткамера душевная».—Знаком-
ство съ Раевскимъ.—Крестины у
Руднева.—Болѣзнь въ домѣ.—Заня-
тія съ дѣтьми.—Загадки моей вы-
думки.—Странное происшествіе съ
водкой.—Переводъ «Китайской исто-
ри».—Преподаваніе телематологии.—
Тогдашніе лѣкаря.—Улучшеніе моего
способа преподаванія 102

CLVII. Переписка съ Нартовымъ.—
Первое письмо отъ него.—Затрудне-
ніе мое.—Отвѣтъ Нартову.—Изобрѣ-
теніе рабочей тележки.—Молебень
о заболѣвшихъ.—Болѣзнь Матвѣя Ни-
китича.—Поѣздка къ межевщику въ
Серпуховъ.—Миротвореніе.—Требо-
ваніе въ Москву.—Смерть Матвѣя
Никитича.—Погребеніе его.—Жизнь
его.—Характеръ.—Завѣщаніе его.—
Споры мои съ его женой.—Благо-
склонность ко мнѣ г. Нартова.—
Предложеніе кн. Гагарина.—Колеба-
ніе мое.—Знакомство съ губернато-
ромъ Щербининнымъ.—Совѣщаніе о
предложеніи кн. Гагарина.—Отвѣтъ
на него.—Дружба съ Щербининнымъ.
—Сравненіе войны вещественной съ
войной духовною.—Упражнения мои. 121

CLVIII. Приглашеніе въ Москву.—
Отвѣтъ г. Нартова.—Призывъ въ
Москву для переговоровъ о предло-
женіи управительской должности.—
Нерѣшеніе мое.—Совѣты друзей.—
Находка лѣкарственныхъ камней.—
Первый опытъ примѣненія ихъ къ
страдающимъ каменною болѣзнию.—
Успѣхъ.—Разнообразная полезность
энкриты.—Ѣзда въ Серпуховъ.—
Благопріятство ко мнѣ межевщика.—
Особливое сновидѣніе.—Письмо отъ
кн. Гагарина.—Поѣздка въ Москву.
—Дѣйствія Промысла Господня.—
Первое свиданіе съ княземъ Гагари-
нымъ.—Посѣщеніе московскихъ зна-

стр.

комыхъ. — Гулянье въ Головинскомъ саду. — Домъ г. Офросимова. — Докторъ Вельяминовъ. — Вторичное свиданіе мое съ княземъ. — Отвѣтъ Нартову. 141

CLIX. *Ѣзда въ Бобрини.* — Возвращеніе изъ Москвы домой. — Чтеніе поэмы «Іосифъ». — Приготовленія къ поѣздѣ въ Бобрини. — Посѣщеніе Щербининныхъ. — Круціанская философія. — Ѣзда въ Бобринковскую волость. — Мѣщанское гульбище въ Тулѣ. — Чувства мои при вѣздѣ въ Бобрини. — Политика моя. — Слухи о назначеніи меня управителемъ. — Мучительное ожиданіе князя. — Упражненія отъ скуки. — Приѣздъ князя. — Закладка дворца. — Управитель Опухтинъ. — Прославленное издревле Иванъ-Озеро. — Обращеніе со мной князя. — Осмотръ Богородицка. — Объясненіе съ княземъ. — Поступокъ г. Опухтина. — Неудача. — Возвратный путь 162

CLX. *Разгадка моей неудачи.* — Приѣздъ въ Дворениново. — Разочарованіе родныхъ. — Болѣзнь дѣтей. — Успѣхъ моей философіи. — Возвращеніе къ прежнимъ занятіямъ. — Моя уловка. — Причины моей неудачи. — Хитрость Опухтина. — Раздѣлъ пустоши. — Окончаніе спора съ волостными. — Смерть Руднева. — Ѣзда въ Котово и Тарусу. — Смерть моего сына Степана. — Болѣзнь дочери Елизаветы. — Извѣстія изъ Шадской деревни 182

ЧАСТЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи моей первой деревенской жизни по отставкѣ вообще, а въ особенности о третичной моей ѣздѣ въ шадскую деревню и о бывшемъ тамъ первомъ межеваньѣ.

1773 — 1774.

CLXI. *Момованье.* — Ѣзда въ шадскую деревню. — Сосѣди. — Пашковы дѣянія. — Оздворецъ Лука-Черной. — Наши совѣщанія. — Тайный совѣтъ

стр.

съ Сабуровымъ. — Изученіе документовъ. — Тревога въ степи. — Опять совѣтъ. — Слухи о Пашковѣ. — Нашъ форпостъ. — Болѣзнь племянника . . . 201

CLXII. *Продолженіе.* — Приѣздъ Пашкова. — Переполохъ между сосѣдями. — Повѣрка о межеваніи. — Шутка съ Курдюкскими помѣщиками. — Обѣдъ у Соймонова. — Приѣздъ курдюкскихъ дворянъ. — Генеральное рандеву на Красномъ Курганѣ. — Рахмановскій прикащикъ. — Ожиданіе межеванья. — Межевщикъ Петровъ. — Первый выѣздъ на межеванье. — Мое первенство при межеваньи. — Раздраженіе мужиковъ. — Миротвореніе. — Начало межеванья. — Писаніе епистоли . . . 221

CLXIII. *Продолженіе.* — Положеніе и обстоятельства спорной степи. — Плутство Пашкова. — Наши замыслы и затрудненія. — Случайная удача. — Дружеское расположеніе ко мнѣ гг. Сабурова и Соймонова. — Вторичный генеральный совѣтъ. — Поступки г. Свитина. — Ужинъ среди поля. — Смѣхи и надѣвки. 236

CLXIV. *Споръ.* — Рекогносцированіе. — Мнимый лазутчикъ. — Странная межевщикова поступка. — Замыслы Пашкова и межевщика. — Наши межевья сказки. — Умиротвореніе межевщика. — Успѣхъ. — Заявленіе спора на межѣ. — Смятеніе межевщика и Рыбина. — Ночь въ полѣ 250

CLXV. *Новое замѣшательство Рыбина.* — Догадки мои о совѣщаніяхъ межевщика съ Рыбинымъ. — Предосторожность. — Подтвержденіе догадки моей. — Результаты размышленій Рыбина. — Моя хитрость. — Обѣдъ въ полѣ. — Комедія съ г. Свитиннымъ. — Осторожность. — Межеванье у рѣчки Паники. — Новая комедія съ Свитиннымъ 263

CLXVI. *Родивонъ Черной.* — Тщетный гнѣвъ Пашкова. — Благодарности мнѣ отъ сосѣдей. — Местъ Пашкова. — Возраженіе мое. — Нечаянное открытіе. — Одурачиваніе Пашковымъ Роди-

вона Чернаго. — Показанія повятыхъ. — Досадное обстоятельство. — Неудача Рыбана. — Проворство вапяхъ. — Продѣлка съ Чернымъ. — Скоропостижный обѣдъ. — Ожиданіе Чернаго. — Рѣшительный приступъ къ Рыбину. — Хитрость. — Сынъ Луки Чернаго. — Мое объявленіе. — Окончаніе спора. — Знакомство съ Мосоловымъ. — Наставленіе Сабурову. — Новости съ межи 279

CLXVII. *Ссора на мѣстѣ.* — Продѣлки Пашкова и его единомышленниковъ съ Сабуровымъ. — Недоумѣніе Сабурова. — Добродушіе его. — Приѣздъ Пашкова. — Ревъ на Сабурова. — Ругательства Пашкова. — Бѣгство съ межи. — Призывъ на межу. — Совѣтъ Сабурову. — Протестъ его. — Результатъ. — Присылка за мной отъ Пашкова. — Отказъ мой. — Вторая присылка 295

CLXVIII. *Омончаніе межеванья и наша побѣда.* — Ёзда къ Пашкову. — Приемъ мнѣ отъ него. — Извиненія передо мной. — Старанія о примиреніи. — Обѣдъ у Пашкова. — Неудача въ примиреніи. — Перерывъ въ межеваньи. — Совѣтъ съ Нестеровымъ. — Новая попытка Пашкова мириться со мной. — Полюбовная рѣчь съ межевщикомъ. — Конецъ межеванью и наше торжествованіе. — Сниманія на планъ усадьбы. — Потѣха съ Свитинымъ. — Благодарственный молебенъ. — Последній генеральный совѣтъ. — Прощаніе съ сосѣдами. 317

CLXIX. *Возвращеніе домой.* — Приѣздъ въ Дворениново. — Радость домашнихнихъ. — Письма отъ Нартова. — Новое предложеніе князя Гагарина. — Разстройка моихъ мыслей. — Обстоятельства предлагаемаго мнѣ мѣста. — Отказъ мой. — Отвѣтъ на письмо г. Нартова. — 36-й годъ моей жизни. — Осеннія упражненія. — Рожденіе дочери Настасьи. — Основаніе книжки: «Чувствованія христіанина при началѣ и концѣ каждаго дня въ

недѣли». — Неожидаемый приѣздъ племянника Неклюдова. 32

CLXX. 1774 годъ. — Праздничныя игры и забавы. — Ёзда въ Кашинъ. — Пребываніе въ Москвѣ. — Свиданіе съ г. Сабуровымъ. — Слухъ о бунтовщикѣ Емельѣ Пугачевѣ. — Приѣздъ къ племянницамъ въ Введенское. — Разѣзды по сосѣдамъ. — Масляничныя пиры и празднества. — Отъѣздъ изъ Введенскаго. — Еще слухи о Пугачевѣ. — Возвращеніе домой. — Письмо отъ г. Нартова. — Порученіе Вольно-Экономическаго Общества. — Неудовольствіе. — Занятія съ учениками. — Экономическія упражненія. — Наступленіе весны. — Заведеніе плодovitаго сада. — Ботанизированіе. — Досада на Вольно-Экономическое Общество. — Последніе дни въ своей деревнѣ 34

ЧАСТЬ СЕМНАДАТАЯ.

Исторія моего пребыванія въ Кіе совѣѣ.

1774 — 1775.

CLXXI. *Неожиданное новое предложеніе князя.* — Присылка ко мнѣ отъ князя секретаря. — Предложеніе управительской должности въ Кіасовской волости. — Волненіе мое. — Уговоранія секретаря Шебашева. — Недоумѣніе домашнихнихъ. — Домашній совѣтъ. — Согласіе мое. — Сборъ въ путь въ Кіасовку. — Приѣздъ въ Кіасовку. — Осмотръ села. — Составленіе описи всѣхъ сель Кіасовской волости. — Приѣздъ въ Москву и свиданіе съ княземъ. — Рѣшеніе о поступленіи моемъ въ должность управителя. — Первый трудъ. — Молва объ успѣхахъ Пугачова. — Настроеніе народа и наши опасенія. 36:

CLXXII. *Дѣла по новой волости.* — Ёзда съ княземъ въ Кіасовку. — Подробный осмотръ волости. — Предположенія объ устройствѣ волости. — Удовольствіе князя. — Новыя вѣсти о Пугачовѣ. — Книжка Блю-

- сельская и ея родственники Салтыковы. — Критическіе разговоры съ Б. М. Салтыковымъ. — Знакомство съ кн. Бѣлосельской. — Неожиданное предложеніе отъ Салтыковыхъ. . . . 379
- CLXXIII. Ъзда моя съ господиноу Салтыковымъ въ Серпуховъ и въ Кіасову. — Выѣздъ изъ Москвы въ село Спаское. — Спознакомленіе мое съ А. М. Салтыковымъ. — Сочувствіе душъ нашихъ. — Приѣздъ въ Кіасову. — Внимательность Салтыковыхъ. — Свиданіе и переговоры съ межевщиномъ Вакселемъ. — Ъзда въ Серпуховъ. — Угощеніе межевыхъ чиновъ. — Сгѣдствіа вечеринки. — Обѣдъ. — Нечаянная поѣздка въ Дворениново и угощеніе у себя г. Салтыкова. . . . 397
- CLXXIV. Окончаніе дѣла о погубѣ волости и перѣздъ въ Кіасову. — Рѣшеніе межеваго спора. — Окончательное приобрущеніе волости. — Прощаніе съ княгиней. — Благодарность княгини. — Приятныя чувствія мои. — Вступленіе въ управительскую должность. — Чтеніе послушнаго указа. — Увѣщаніе крестьянъ. — Возвращеніе въ Дворениново. — Сборы къ перѣзду. — Прощаніе съ домоу и отъѣздъ изъ Дворенинова. — Мысли мои при отъѣздѣ 412
- CLXXV. Исторія моего перваго жительства въ Кіасовѣ. — Приѣздъ на мѣсто моего назначенія. — Встрѣча. — Осмотръ дома. — Странное явленіе. — Новый уставъ Вольно-Экономическаго Общества. — Первый гость. — Первая расправа. — Тревога по случаю слуховъ о Пугачовѣ. — Наши опасенія. — Приказъ о сборѣ «улановъ». — Затрудненіе мое. — Знакомство съ бар. Соловьевымъ. — Отправка улановъ въ Коломну. — Настроеніе народа. — Основаніе канцеляріи. — Нововыдуманная система хлѣбопашества. — Знакомство съ Исаковымъ и Игнатьевымъ 427
- CLXXVI. Снѣгъ и горе. — Препровожденіе Успеньева дна. — Стужа въ домѣ. — Печи безъ трубъ. — Смущеніе и безпокойство духа нашего. — Планы о постройкѣ новыхъ хоромъ. — Донесеніе князю. — Посѣщеніе Дворенинова. — Разрѣшеніе князя о постройкѣ дома. — Приступленіе къ строенію управительскаго дома. — Знакомство съ Н. И. Новиковымъ. — Ознакомленіе дѣтей съ астроліабіей. — Приобрѣтеніе Пекиновой аптеки. — Приѣздъ племянницъ. — Кіасовскіе сады 444
- CLXXVII. Ранняя зима. — Первое зимнѣе. — Согреваніе комнатъ каминами. — Отецъ Никита Моревъ. — Устройство цвѣтника. — Страданія наши отъ холода. — Новое обиталище. — Знакомство и дружба съ сосѣдями. — Занятія наукой и литературой. — Вечернія чтенія. — Архіерей Феодосій. — Собесѣдованіе съ семинаристскими студентами. — Хлопоты по новой должности. — Возня съ ворами. — Истазаніе воровъ и успѣхъ отъ того 461
- CLXXVIII. Поимна и назвѣ Пугачова. — Размышленія по случаю новаго 1775 года. — Возокъ моей выдумки. — Поѣздка въ Москву. — Семейство кн. С. В. Гагарина. — Доставленіе Пугачова въ Москву. — Судъ надъ нимъ. — Строеніе дворца на Пречистенкѣ. — Встрѣча съ г. Обуховымъ. — Казнь Пугачова. — Ошибка палача. — Возвращеніе въ Кіасовку. — Бунтованіе мужиковъ. — Коповодъ ихъ Романъ. — Репортъ мой къ князю 479
- CLXXIX. Послѣдствія крестьянскаго бунта. — Наше безпокойство. — Отправленіе къ князю депутатовъ. — Окрикъ князя. — Наказаніе Романа. — Новыя замыслы его. — Предупрежденіе опасности и ссылка Романа въ Сибирь. — Письма отъ Нартова и Ушакова. — Ъзда въ Москву. — Благопріятство ко мнѣ князя. — Пребываніе въ Москвѣ и возвращеніе въ Кіасовку. — Занятія мои въ деревнѣ. — ~~Лѣт~~

больныхъ.—Бой гусей.—Болѣзнь моя
отъ простуды 497

СЛXXX. Посѣщеніе княземъ Кіасовки.
— Половодъ.—Начальное стрѣненіе
гошпиталя.—Особливый способъ раз-
биранія дома.—Ботанизирование.—
Новыя знакомства.—Пріѣздъ князя
въ Кіасовку.—Удовольствіе его при
видѣ всего мною сдѣланнаго.—Рыб-
ная ловля.—Отѣздъ князя.—Лѣваръ
Бентовъ.—Устройство аптеки.—
Усовершенствованіе пруда.—Рож-
деніе дочери Ольги.—Первый опытъ
лѣченія.—Присылка изъ Вольно-
Экономическаго Общества.—Мысли
по поводу этого Общества.—Свѣта-
щіяся козявки 510

ЧАСТЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Кіасовкѣ, а потомъ пер-
воначальнаго въ Богородицкѣ.

1775 — 1777.

СЛXXXI. Празднованіе заключенія ми-
ра съ турками.—Слухи о приближаю-
щемся торжествѣ.—Триумфальныя
ворота для въѣзда графа Румянца-
Задунайскаго.—Въѣздъ графа въ
Москву.—Поднятіе колокола.—
Шествіе императрицы изъ Гранови-
той палаты въ Успенскій соборъ.—
Приготовленіе къ гулянью на Хо-
дынкѣ.—Покража ларчика.—Горестъ
наша.—Праздникъ на Ходынкѣ.—
Знаменитый фейерверкъ.—Возвра-
щеніе наше въ Кіасовку 527

СЛXXXII. Бѣды и тревоги.—При-
сылка изъ Вольно-Экономическаго
Общества.—Еще порученіе.—Печа-
таніе «Дѣтской философіи».—По-
ѣздка въ Воскресенки.—Непріятно-
сти отъ дурныхъ дорогъ.—Паденіе
сына изъ кареты.—Испугъ нашъ.—
Обираніе вишенъ.—Урожай злато-
тысячницы.—Введеніе семяпольнаго
хлѣбопашества.—Мои лѣкарства.—
Пожары.—Курьезная ѣзда на сватъ-
бу.—Бѣды по бѣдамъ.—Опасная пе-

реправа.—Прибытіе въ Дворени-
ново 544

СЛXXXIII. Свадьба.—Приготовле-
нія къ свадьбѣ.—Непріятныя слухи
о братѣ Михайлѣ Матвѣевичѣ.—
Женихъ.—Ожиданіе Катерины Ан-
дреевны.—Приключеніе съ ней на
дорогѣ.—Одѣваніе невѣсты.—Брако-
сочетаніе.—Приключеніе съ жени-
хомъ.—Новая бѣда.—Сватебная це-
ремонія.—Возвращеніе въ Кіасов-
ку.—Реформа въ управленіи.—Доса-
да.—Кн. Ив. Ив. и Серг. Серг. Га-
гарины.—Верещагинъ и Варсобины
—помощники кн. Ив. Гагарина . . . 561

СЛXXXIV. Последняя мысль моя въ
Кіасовкѣ.—Неожидаемая прибавка
жалованья.—Удовольствіе мое.—
Мой капиталъ.—Отпечатаніе I-й ча-
сти «Дѣтской философіи».—Ѣзда въ
Москву для благодаренія князя.—
Разстройка въ семьѣ Полонскаго.—
Успѣхъ моей книги.—Половодъ.—
Лихорадка.—Посѣщеніе меня кня-
земъ.—Ѣзда въ свою деревню.—
Кончина отца Никиты и его жены.
—Пребываніе у князя въ подмосков-
ной.—Несчастіе отъ быка.—Невни-
маніе ко мнѣ княжова сына.—Устрой-
ство пруда.—Смерть кн. Ивана Га-
гарина.—Назначеніе меня управи-
телемъ въ Богородицкѣ.—Радость
домашнихъ.—Сожалѣніе о Кіасовкѣ.
—Приготовленіе дѣлъ къ сдачѣ.—
Ожиданіе новаго управителя г. Ше-
стакова.—Благопріятство и милость
ко мнѣ старика-князя.—Прощаніе
съ сосѣдами.—Сдача управленія
Шестакову.—Сборы въ путь.—Про-
щаніе съ подчиненными.—Выѣздъ
изъ Кіасовки 579

СЛXXXV. Богородицкѣ.—Путеше-
ствіе наше изъ Кіасовки въ Бого-
родицкѣ.—Моя семья.—Размышленія
о предстоящей пережвѣнѣ.—Прибытіе
въ Бобрики.—Посѣщеніе г. Вереща-
гина.—Осмотръ строеній.—Въѣздъ
въ Богородицкѣ.—Новое жилище.—
Члены богородицкой канцеляріи.—

стр.

стр.

Представленіе мнѣ подчиненныхъ. —
Посѣщеніе волостной канцеляріи . . . 601

CLXXXVI. Поступка съ Верещаги-
ными. — Осмотръ ближнихъ предме-
товъ. — Обращиваніе комнатъ. —
Видимозъ. — Освидѣтельствованіе
кассъ. — Недочеты. — Виноность въ
томъ Верещагина. — Просьбы его ко
мнѣ. — Отстрочка на уплату. —
Осмотръ хлѣбныхъ магазиновъ. —
Волостной гошпиталь. — Обзорѣваніе
волостныхъ строеній. — Слобода Стрѣ-
лецкая и другія. — Сдѣлка съ Верещ-
агинымъ. — Первый сборъ старость.
— Увѣщанія. — Комнатныя упражне-
нія. — Неожиданное прибытіе кіев-
скаго лѣкаря Бентама. — Первое зна-
комство 615

CLXXXVII. 1777 годъ. — Семей-
ство Верещагиныхъ. — Братья Полу-
нинны. — Полученіе большой серебря-
ной медали изъ Вольно-Экономиче-
скаго Общества. — Пожары. — Обѣздъ
знаменитѣйшихъ селеній. — Воров-
ство въ Богородицкѣ. — Поимка и на-
казаніе за воровство пономари. —
Жалоба его архіерею. — Поступка
архіерея. — Драки и ссоры между
крестьянами. — Средство прекращать
мужичьи споры. — Заготовленіе ма-
теріаловъ для будущихъ построекъ.
Лѣсной подрядчикъ Вахтинъ. — Ору-
жейникъ Пастуховъ. — Пресвящен-
ный Феодосій 631

CLXXXVIII. Знакомства и шутки. —
Ѣзда въ Москву къ князю. — Доне-
сенія мои. — Чрезмѣрное количество
кабакоѣвъ въ волости. — Вредъ ихъ
для народа. — Разведеніе карповъ въ
прудахъ. — Первое полученіе «Гам-
бургской газеты». — Масляница. —
Знакомство съ сосѣдними дворяна-
ми. — Потѣхи и забавы съ Вильгельм-
сономъ. — Мертвецъ. — Шутка съ ар-
хитекторомъ. — Доходъ отъ продажи
карповъ. —хлопоты съ прудами и
строеніями. — Основаніе сада . . . 647

CLXXXIX. Неожиданности, заботы
и хлопоты. — Увѣдомленіе объ откры-

тіи Тульскаго намѣстничества. —
Отправленіе Верещагина для встрѣ-
чи намѣстника. — Принятіе у себя
тульскаго намѣстника М. Н. Кречет-
никова. — Благоволеніе его ко мнѣ. —
Осмотръ Богородицка. — Докучли-
вость Шипкова. — Казанская арман-
ка. — Выдумка моя къ предупрежде-
нію воровства. — Новое плутовство
Пашкова. — Досада моя. — Ѣзда въ
Москву. — Свиданіе съ Полонскимъ.
— Справки въ межевой канцеляріи. —
Утвержденіе меня въ догадкахъ мо-
ихъ на счетъ Пашкова. — Г. Кня-
зевъ, членъ межевой канцеляріи. —
хлопоты мои въ канцеляріи. — Со-
чиненіе черновой челобитвой. — Зна-
комство съ А. Т. Князевымъ. — Бла-
гопріятное обхожденіе его со мной.
— Неожиданная встрѣча съ старин-
нымъ спослуживцемъ. — Секретарь
Селижаровъ. 663

SXC. Покупаніе земли. — Шлен-
дринъ въ дѣлахъ. — Хожденіе въ
межевую канцелярію. — Г. Муром-
цовъ. — Разговоры съ нимъ о землѣ.
— Совѣты его. — Переговоры съ
Князевымъ. — Покупка земли. —
Доброта и внимательность князя. —
Повѣдка съ нимъ въ Студенецъ. —
Свиданіе съ старыми знакомыми. —
Знакомство съ книгопродавцемъ Вейт-
брехтомъ. — Неудавшееся предпрі-
ятіе. — Полученіе владѣннаго указа. —
Благодареніе г. Князева. — Возвра-
щеніе въ Богородицкѣ. — Приѣздъ
кашинскихъ родныхъ. — Болѣзнь
сына. — Ѣзда въ Шадскую деревню.
— Плутовское межеванье. — Побіеніе
межевщика. — Миротлюбивое предло-
женіе отъ меня Пашкову. — Глуное
высокомѣріе Пашкова. — Возвраще-
ніе домой. 682

ЧАСТЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Богородицкѣ.

1777 — 1780.

SXCI. Происшествія достопамятнаго

стр.

сорокового года моей жизни. — Отдѣлка соборной церкви. — Работы по постройкѣ дворца. — Осмотръ построекъ г. Давыдовымъ. — Заготовка дровъ для топлива. — Рожденіе дочери Александра. — «Порча» бабы. — Недоумѣніе наше на-счетъ ея болѣзни. — Лагушка, изверженная ею. — Представленіе лагушки на разсмотрѣніе столичныхъ врачей. — Невѣжество дѣварей. — Присоединеніе монастырскихъ деревень для присоединенія къ волости. — Сочиненіе и раскрашиваніе плановъ. — Свиданіе съ г. Кречетниковымъ. — Приказъ о выборѣ кандидатовъ въ засѣдатели земскаго суда. — Нерѣшимость моя и совѣтъ съ княземъ. — Приготовленія къ открытію тульскаго намѣстничества. — Устройство театра. — Съѣздъ въ Тулу окрестныхъ дворянъ 701

СХСІІ. Открытіе Тульскаго намѣстничества. — Ёзда наша въ Тулу. — Отправленіе кандидатовъ въ Дѣдиловъ. — Свиданіе съ Кологривовыми. — Торжественное открытіе намѣстничества. — Первые выборы въ Тулѣ. — Утвержденіе избранныхъ. — Баллотировка уѣздныхъ судей и засѣдателей. — Первый спектакль. — Открытіе знаменитѣйшихъ судебныхъ мѣстъ. — Празднества. — Ёзда на балъ. — Несчастіе съ моимъ сыномъ. — Фейерверкъ. — Богородицкій городничій А. П. Сухотинъ. — Отъѣздъ изъ Тулы. — Состояніе мое и знакомства. — Занятія по волости и домашнія упражненія 718

СХСІІІ. 1778 годъ. — Первые дни новаго года. — Приѣздъ городничаго. — Знакомство съ Н. С. Арсеньевымъ. — Приготовленія къ приѣзду губернатора. — Угарь. — Пирушка. — Съѣздъ судей. — Ожиданіе губернатора. — Предводитель, судьи и другія должностныя лица. — Первая тревога. — Вторая тревога. — Встрѣча губернатора и возъ сына. — Приѣздъ губернатора. — Открытіе присутственныхъ

стр.

мѣстъ въ Богородицѣ. — Осмотръ губернаторомъ строеній. — Благоклонность его ко мнѣ. — Торжество по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. — Придуманый мною иллюминаціонный ящикъ. — Составленіе плановъ и описаній волости. — Сборы въ Москву 73

СХСІV. Ёзда въ Москву и пребываніе тамъ. — Покража Дергамовой физико-теологін. — Приѣздъ въ Москву. — Переговоры съ намѣстникомъ объ обмѣнѣ деревень. — Свиданія съ родственниками и знакомцами. — Предложеніе Салтыковыхъ. — Первое основаніе экономическаго журнала «Сельскій Житель». — Договоръ съ книгопродавцемъ Ридигеромъ. — Возвращеніе въ Богородицѣ. — Характеры судей. — Сосѣди. — Договоръ о дружбѣ и согласіи. — Смерть дочери Александра. — Открытіе кова противъ меня Верещагина. — Заготовленіе первыхъ листовъ предпринимаемаго журнала. — Французъ-учитель Дюбюэ. — Проектъ открытія школы въ Богородицѣ. — Открытіе пансіона 75

СХСV. Приѣзды князей. — Изданіе еженедѣльника. — Вечернія занятія съ дѣтьми. — Появленіе перваго листка «Сельскаго Жителя». — Устройство увеселительнаго гульбища. — Опыты съ глиняными мазанками. — Ёзда въ Тулу на свадьбу. — Посѣщеніе Полонскаго. — Смерть Варсоной. — Трудности издаванія «Сельскаго Жителя». — Губернаторъ Муромцовъ. — Плавъ Богородицка. — Свиданіе съ Кислинскими. — Корреспондентъ мой А. А. Владыкинъ. — Приѣздъ князей. — Кн. Петръ Гагаринъ. — Освященіе соборной церкви. — Кн. Сергій Гагаринъ. — Благопріятство старика-князя и высокоуміе и придирки его сына кн. Сергѣя. — Благоволеніе его къ Верещагину. — Отъѣздъ князей 769

СХСVІ. Ёзда въ Москву. — Господинъ Стрекаловъ. — Знакомство съ

нимъ. — Дневная иллюминація. — Запись сына моего въ гвардію. — Новая продѣлка со мной Пашкова. — Сочиненіе челобитной. — Нечаянная встрѣча съ землемѣромъ Вакселемъ. — Совѣщаніе съ нимъ. — Приѣздъ въ Москву. — Челобитная въ межевую канцелярію на Пашкова. — Свиданіе съ Княземъ. — Благопріятное рѣшеніе моего дѣла. — Пирушка по случаю приѣзда губернатора. — Веселое времяпровожденіе. — Проектъ табачководства. — «Сельской Житель». — Аprobованіе городского плана. . . 789

СХСVII. *Веселость жизни.* — Рожденіе дочери Екатерины. — Крестины. — Разбитіе города на улицы. — Письмо отъ Вольно-Экономическаго Общества по поводу изданія «Сельскаго Жителя». — Очередные вечеринки и съезды. — Игры и забавы. — Освященіе бобринской церкви и пиръ у Верещагина. — Заболѣваніе оспой. — Новые корреспонденты гг. Вишнеvскій и Воейковъ. — Хлопоты по рекрутскому набору. — Требованіе отъ меня векселя покойнаго Матвѣя Никитича. — Опрежденіе новаго пола. — Убіеніе г-жи Хомяковой мужемъ. — Святки и наши унеселенія. — Увольненіе старика-князя отъ правленія волостями и назначеніе на его мѣсто сына кн. Сергѣя. — Изумленіе мое. — Кн. Гр. А. Потемкинъ и Бобринскій. — Замыслы и происки молодого князя Гагарина. — Неудавшаяся интрига. — Новый командиръ . . . 808

СХСVIII. *Хлопоты и огорченія.* — Переписка съ корреспондентами. — Н. А. Демидовъ. — Полученіе французскихъ книгъ. — Мысль объ изданіи втораго «Экономическаго Журнала». — Исчезновеніе Вейтбрехта. — Посѣщеніе г. Арсеньева. — Ордеры и повелѣнія отъ новаго командира. — Отвущикъ Игнатъевъ. — Хлопоты по дѣламъ откупа. — Приобрѣтеніе Кривцовой Экономической Энциклопедіи. — Сочиненіе загадокъ. — Азарт-

стр.

стр.

ные игроки. — Изобрѣтеніе тисненыхъ облакоfъ. — Конецъ изданію «Сельскаго Жителя». — Ложный слухъ. — Новыя заботы и хлопоты по откупу. — Стратagemы противъ откупщика. — Окончаніе откупщичьяго дѣла. — Занятія домашнія 818

СХСIX. *Придири и непріятности отъ князя.* — Заготовленіе матеріаловъ для новаго журнала. — Лавиринты. — Семейство Алабинныхъ. — Разбиваніе и назначеніе улицъ. — Прорываніе прудовъ. — Ловля карповъ. — Извѣстіе о рожденіи великаго князя Константина Павловича. — Поѣздка въ Бобринки. — Табачный плантажъ. — Общежительство наше. — Неудача съ новымъ журналомъ. — Увѣдомленіе о прибытіи къ намъ князя. — Приготовленія къ принятію его. — Приѣздъ князя. — Обѣздъ волостей. — Выпыванія князя на счетъ меня. — Придири его. — Жалоба мужиковъ на Верещагина. — Поведеніе князя. — Г-жи Верещагины. — Князь на псовой охотѣ. — Проводы его въ Москву. . . 837

СС. *Ѣзда въ Москву.* — Поѣздка въ Дворяниново. — Пребываніе въ Москвѣ. — Благосклонный приемъ отъ молодого князя. — Свиданіе съ старикомъ-княземъ. — Знакомство съ г. Владыкинымъ. — Первое знакомство съ Н. И. Новиковымъ. — Неожиданное предложеніе объ изданіи журнала. — Основаніе «Экономическаго Магазина». — Провѣрка Демидовъ. — Домъ богача Демидова. — Прощаніе съ знакомыми и возвращеніе въ Богородицкъ. — Объявленіе о новомъ журналѣ. — Освященіе церкви въ Бобринкахъ. — Отправленіе къ г. Новикову матеріаловъ для нашего журнала. — Первое согражденіе домашняго театра. — Приготовленія къ первому представленію. — Успѣхъ. — Сочиненіе комедіи «Честохвалъ». — Охлажденіе мое къ дѣламъ по волости. — Чувствія волостныхъ къ молодому князю. — Веселыя святки. 856

стр.

ЧАСТЬ ДВАДЦАТАЯ.

Продолженіе исторіи пребыванія
моего въ Богородицѣхъ.

1780 — 1782.

ССІ. Новые хлопоты съ Пашковымъ. — Представленіе «Честохвала». — Спелническіе успѣхи сына моего Павла и ученика Сезенева. — Появленіе перваго номера «Экономическаго Магазина». — Разъѣзды по гостямъ. — Присылка отъ г. Новикова. — Сооруженіе электрической машины. — Наглости Пашкова. — Поѣздка въ Тамбовъ. — Свиданіе съ г. Сабуровымъ. Разговоры съ нимъ о моей бѣдѣ. — Неожидаемая встрѣча съ старыми знакомцами. — Просительное письмо къ губернатору. — Благопріятное рѣшеніе моего дѣла. — Обратное путешествіе. — Свиданія и разъѣзды. — Смерть брата Гаврилы Матвѣевича. — Его жизнь и характеръ. — Новый казначей И. Х. Добрасъ. — Надворныя работы. — Ѣзда на Никольскую ярманку. — Новая обиды отъ Пашкова. — Вторичная Ѣзда въ Тамбовъ. — Гр. Ром. Илар. Воронцовъ. — Встрѣча съ Пашковымъ. — Подача просительнаго письма намѣстнику. — Последнее свиданіе мое съ г. Сабуровымъ. 873

ССІІ. Театральныя представленія. — Сельскіе вокзалы и гулянья. — Переписка съ В. А. Левшинимъ. — Ѣзда въ Тулу для смотрѣнія императора Юсифа II. — Угощеніе двухъ губернаторовъ. — Мысль объ устройствѣ новаго театра. — Ѣзда въ Баловнево. — Угощеніе намѣстника въ Баловневъ. — Новый театръ. — Хлопоты мои. — Первое представленіе «Необитаемаго острова». — Похвалы и одобренія отъ публики. — Пріятіе у себя губернатора. — Увеселеніе его театромъ. — Удовольствіе его. — Дурныя вѣсти изъ Тамбовской деревни. — Чудесное сохраненіе живни дворовыхъ дѣвушекъ. — Разведеніе табаку. 896

ССІІІ. Продолженіе. — Охота дѣтей къ театру. — Представленіе драмы «Несчастныя сироты». — Второй спектакль. — Знакомство съ Кошелевымъ. — Усовершенствованіе нашего театра. — Гости. — Пожары. — Ѣзда въ Ефремовъ. — Заготовленіе матеріала для журнала. — Карточные игры. — Ученикъ мой Сезеневъ. — Наши дѣти. — Состояніе мое. — Дѣла по волости. — Письмо отъ Авраама Семеновича. — Успѣхи моего сына въ рисованіи. — Новые выборы въ Тулѣ и перемена судей. — Конецъ 1780 года. 9

ССІV. 1781 годъ. — Ѣзда въ Москву. — Поводы къ этой ѣздѣ. — Предложеніе квартиръ. — Свиданіе съ Новиковымъ. — Разговоры съ молодымъ княземъ. — Посѣщеніе старика-князя. — Актеръ Померанцевъ. — Дѣла съ Новиковымъ. — Въ гостяхъ у Дюблюе. — Приобрѣтеніе книгъ. — Предложеніе вступить въ масоны. — Отказъ мой. — Новое порученіе отъ г. Новикова. — Литературныя предпріятія. — Исправленіе порученныхъ мнѣ комиссій. — Анекдотъ съ аптекаремъ. — Плутни аптекарей. — Чтеніе «Генриетты». — Покупки. — Лѣкарственный камень. — Разъѣзды. — Начало перевода «Генриетты». — Знакомство съ М. М. Херасковымъ. — Осторожность въ отношеніи Новикова. — Нежданная милость отъ князя. — Покупка мебели для богородицкаго дворца. — Обѣдъ у г. Хераскова. — Выѣздъ изъ Москвы 92

ССV. Домашнія дѣла. — Возвратный путь. — Неудача съ врачевнымъ камнемъ. — Рожденіе дочери Варвары. — Масляница и прощальный день. — Окончаніе перевода «Генриетты» и отсылка его къ Новикову. — Болѣзнь сына. — Литературныя занятія. — Огненной змѣи. — Чтеніе книгъ. — «Сельская Академія». — Неудача въ продажѣ книгъ. — Пожаръ въ слободѣ. — Ѣзда въ Бобринку. — Возобновленіе театральныхъ представленій. — Сочин-

пеніе драмы «Награжденная добродѣтель». — Посѣщеніе намѣстника. — Укрѣвленіе труда. — Кн. И. П. Щербатовъ. — Печатаніе «Чувствованій христіанина». — Ызда къ князю въ Сергіевское. — Окружающіе князя. — Пріемъ отъ него. — Приказаніе о зайцахъ. — Наши подозрѣнія. — Удивительное требованіе отъ князя. — Ожиданіе его прибытія въ Богородицкѣ. — Театральные репетиціи 948

ССVI. Ухищренія и новы противъ меня. — Наши чувствованія при ожиданіи князя. — Пріѣздъ его. — Хлопоты и заботы наши объ угощеніи. — Пріемъ отъ князя всѣмъ представляющимся. — Приготовленія къ псовой охотѣ. — Театры. — Охота. — Мои гайные завистники. — Злоухищренія клеветы и разговоры ихъ на меня. — Поступки Темешова и Арсеньева. — Гнѣвъ князя. — Смиженіе моего духа. — Допросъ мужиковъ. — Оправданіе мое. — Досада моихъ завистниковъ 964

ССVII. Продолженіе моихъ бѣдствій. — Пребываніе князя въ Богородицкѣ. — Тягость его присутствія для насъ. — Поступка съ Щедяловымъ. — Новый ударъ. — Бездѣльность Темешова. — Бѣшенство князя. — Сборъ и допросъ старость. — Критическое положеніе мое. — Странное истязаніе. — Крамсанье бородъ. — Стойкость мужиковъ. — Восторжествованіе мое надъ врагами. — Неожиданное мое открытіе вины Верещагина. — Объясненіе мое съ княземъ. — Примиреніе. — Отѣздъ князя 983

ССVIII. Успокоеніе мое и ѣзда въ Москву. — Радость моя о благополучномъ окончаніи всѣхъ передрагъ. — Философическое обозрѣніе всѣхъ бывшихъ происшествій. — Поступка съ завистниками. — Возвращеніе въ Богородицкѣ и радость домашнихъ при узнаніи о моемъ примиреніи съ княземъ. — Поступка съ Арсеньевымъ и Верещагиннымъ. — Мои лите-

стр.

стр.

ратурныя упражненія. — Чрезвычайная нечаянность. — Сговоръ Верещагина. — Свадьба. — Переплетчикъ Башниеръ. — Миротвореніе у городничаго. — Поѣздка въ Москву. — Повальная болѣзнь «инфлюенція». — Изобрѣтенное мною лѣкарство. — Свиданіе съ Н. И. Новиковымъ. — Продолженіе издаванія «Экономическаго Магазина» 1000

ССIX. Пребываніе въ Москвѣ и потомъ мизнь въ Богородицкѣ. — Обученіе дѣтей танцамъ. — Покупки. — Посѣщеніе князей Гагаринныхъ. — Благоволеніе молодаго князя. — Заготовленіе матеріаловъ для «Магазина». — Чтеніе корректуры. — Стихотворецъ Костровъ. — Разѣзды. — Осмотръ рѣдкостей въ домѣ Демидова. — Погребеніе кн. В. М. Долгорукаго. — Оканчиваніе дѣлъ. — Прискиваніе новыхъ источниковъ доходовъ съ волости. — Разставанья и прощанья. — Извѣстіе о старинномъ товарищѣ. — Переѣзъ въ пансіонѣ. — Отдаваніе земель съ публичныхъ торговъ. — Дразги по откупнымъ дѣламъ и винной продажѣ. — Четвертая ревизія. — Устройство часовыхъ сторожевыхъ вышекъ. — Пожары. — Помощникъ мой Полуиння. — Сонъ въ руку. — Смерть старика-князя. — Святая недѣля. — Продажа карповъ. — Пріѣздъ А. А. Воейкова. — Открытіе разноцвѣтныхъ песковъ 1018

ССX. Пожарное бѣдствіе. — Причины пожара. — Сила пламени. — Спасеніе пожитковъ и себя. — Поискъ дочери Ольги. — Смѣлое предпріятіе. — Великая опасность. — Благодареніе Всевышняго за чудесное спасеніе. — Найденіе дочери. — Прекращеніе пожара. — Узнаваніе расхищеннаго. — Огорченіе домашнихъ. — Стоимость потеряннаго имущества. — Услуга г. Арсеньева. — Донесеніе князю. — Отвѣтъ его 1034

	стр.	стр.
лантерномъ. — Работы въ саду. — Пиръ у Сахарова. — Лавиринтъ за- мысловатаго рода. — Новое изобрѣ- теніе	1178	118
ССХХ. Промшества съ октября по конецъ 1784 года. — Приѣздъ г. Дави- дова. Пиръ. — Самохвальства моего командира. — Пожаръ. — Составленіе плановъ и рисунковъ. — Пронизоч- ная плюминація. Первые рисунки съ натуры. — Поѣздка къ памѣтнику на именинъ. — Приѣздъ въ Калугу. — Преподнесеніе пронизочной плю- минаціи намѣтнику. — Всеобщее одобреніе. — Поздравленіе намѣт- ника. — Публичныя мнѣ отъ него похвалы. — Обѣдъ г. Дурасова. —		119
		120
		121
		122
		123
		124
		125
		126
		127
		128
		129
		130
		131
		132
		133
		134
		135
		136
		137
		138
		139
		140
		141
		142
		143
		144
		145
		146
		147
		148
		149
		150
		151
		152
		153
		154
		155
		156
		157
		158
		159
		160
		161
		162
		163
		164
		165
		166
		167
		168
		169
		170
		171
		172
		173
		174
		175
		176
		177
		178
		179
		180
		181
		182
		183
		184
		185
		186
		187
		188
		189
		190
		191
		192
		193
		194
		195
		196
		197
		198
		199
		200

169
B6
A33
V.3

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
gncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

CM 102
169
RL 65002

Library label form with a header section containing contact information and a main section divided into two columns for handwritten notes and a date due field.